

История Центральной Америки, том 2,
1530-1800. Труды Хьюберта Хоу
Бэнкрофта, том 7

Хьюберт Хоуи Бэнкрофт

THE WORKS

OF

HUBERT HOWE BANCROFT.

VOLUME VII.

HISTORY OF CENTRAL AMERICA.

VOL. II. 1530-1800.

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории Центральной Америки, том 2, 1530-1800

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Центральной Америки, том 2, 1530-1800

Автор: Хьюберт Хоуи Бэнкрофт

Дата выхода: 11 января 2019 [Электронная книга № 58669]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Мелиссой Макдэниел и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ", ТОМ 2, 1530-1800 гг. ***

Примечание переписчика:

Несоответствующие перенос и орфография в оригинальном документе сохранены. Исправлены очевидные типографские ошибки.

Во многих случаях Бэнкрофт использует как "u", так и "v" для написания имени автора. Примеры включают:

- Виллагутьерре и Villagvtierre
- Mondo Nuovo and Mondo Nvovo
- Виллагутьерре и Villagvtierre
- Алуарадо и Альварадо
- Гват. и Гуат.
- Коголлудо и Коголлвдо
- Ветанкурт и Ветанкврт.

Другие архаичные замены букв включают "b" вместо "v" и "i" вместо "u" и наоборот. Они были оставлены в том виде, в каком были напечатаны.

Возможные ошибки принтеров включают:

- Эсквемелин и Эксквемелин используются, возможно, одним и тем же человеком.
- Используются слова "Кастилия" и "Castille", возможно, для обозначения одного и того же места.

- Оба слова Fray Zambano и Zambrano используются, возможно, для одного и того же человека.
- На [странице 16](#) Mama Ocollo, возможно, должно быть Mama Ocllo или Occllo.
- На [странице 237](#): "В 1519 году он приказал совету Индии провести розыгрыш" (дата, возможно, неправильная).
- На [странице 424](#) mines of Chuluteca, возможно, должно быть mines of Choluteca.
- В [сноске I-17](#) "vamrasen en tieren" - возможная ошибка принтера.
- Возможно, в цитате в [сноске I-31](#) отсутствует текст.
- В [сноске X-45](#) Ariat, возможно, должно быть Arias.
- В [сноске X-45](#) Малапальте, возможно, следует называть Малапарте.
- В [сносках XI-11](#) "la Gottierez" - возможная типографская ошибка.
- В [сносках XI-11](#) "ten zy binnen vier dagen" - возможная ошибка принтера.
- Ссылки в [сносках XVII-12](#) и [сносках XVII-20](#) к тому ii. из этой серии, возможно, следует обратиться к Тому i.
- В [сносках XVII-35](#) "вопрос о том, что делать дальше" - возможная ошибка принтера.
- Ссылка на "этот том" в [сносках XVIII-31](#) неоднозначна. Карту Гватемалы можно найти [здесь](#).
- В [сноске XXVI-24](#) "en gaossir", возможно, следует заменить на "engrossir".
- В [сноске XXVII-6](#) слово Castell, возможно, должно быть Castell.
- В [сноске XXVII-15](#) губернатор Мерседо, возможно, должен быть губернатором Меркадо.
- The sentence "no hicesters enterar la suma que el cinsutacto, y cornerico de Lima so oblige a suplir por imaginaria, á lo epetwo del registro que salió de aquella ciudad" in [footnote XXVII-22](#) was corrected to "no hicesteis enterar la suma que el Consulado, y comercio de Lima se oblige a suplir por ynmaxinaria, a lo efectibo del rexistro que salio de aquella ciudad."
- В [сноске XXXVII-46](#) Монинбо, возможно, следует называть Монимбо (Никарагуа).

Наборщик неправильно выделил курсивом цитаты в сносках.

Ударения и другие диакритические знаки используются непоследовательно.

Этот том содержит ссылки на предыдущие шесть томов этого труда. С ними можно ознакомиться по адресу:

- Том 1: <http://www.gutenberg.org/files/41070/41070-h/41070-h.htm>
- Том 2: <http://www.gutenberg.org/files/42808/42808-h/42808-h.htm>
- Том 3: <http://www.gutenberg.org/files/43123/43123-h/43123-h.htm>
- Том 4: <http://www.gutenberg.org/files/44104/44104-h/44104-h.htm>
- Том 5: <http://www.gutenberg.org/files/45268/45268-h/45268-h.htm>
- Том 6: <http://www.gutenberg.org/files/58658/58658-h/58658-h.htm>

РАБОТЫ

OF

ХЬЮБЕРТА ХОУ БЭНКРОФТА.

ТОМ VII.

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.

Том. II. 1530-1800.

САН-ФРАНСИСКО:
ИЗДАТЕЛЬСТВО A. L. BANCROFT & COMPANY.
1883.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1883 году
ХЬЮБЕРТОМ Х. БЭНКРОФТОМ,
в должности библиотекаря Конгресса в Вашингтоне.

Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ ЭТОГО ТОМА.

ГЛАВА I.
ПИСАРРО И ПЕРУ.
1524-1544гг.

Страница.

Происхождение и характер завоевателя—
Триумвиратное партнерство Писарро, брата
Луки и Диего де Альмагро за продолжение
открытия Андагойи—Отъезд—Позиция
Педрариаса—Медленное развитие их
планов—Возвращение и повторная высадка—
Упорство Писарро—Страдания на острове
Галло—Наперекор судьбе—Открытие Тумбеса
и побережья за его пределами—Возвращение
в Панаму—Писарро посещает Испанию—
Новая экспедиция—История аборигенов
Перу—Соперничающие инки—Поселение
испанцев в Сан—Франциско Мигель—
Атауальпа в Кашамальке—Испанцы навещают
Его там—Захват инки—Умиротворение Перу—
Прибытие Альмагро—Смерть отца Луке—
Судебное убийство инки—Королевский
выкуп—Падение перуанской монархии—Споры
и насильственные смерти Альмагроса и
Писарроса

1

ГЛАВА II.
КАСТИЛИЯ-ДЕЛЬ-ОРО.
1527-1537.

Администрация Педро де лос Риоса—Его
сменяет лиценциат Антонио де ла Гама—
Правление Баррионуэво—Провинция в Новой
Андалусии передана Педро де Эредиа—Он
плывет в Картахену—Конфликты с местными
жителями—Обнаружены сокровища—Богиня
дьявола—Процветание Поселения—Алонсо
Эредиа отправлен восстанавливать Сан—
Себастьян—Ему противостоит Хулиан
Гутьеррес—Захват Гутьерреса—Золотой храм
Дабайба снова—Экспедиции в поисках
Сверкающего Призрака Франсиско Сесар и
другие—Аудиенция, учрежденная в Панаме—
Администрация для мужчин—Жалобы
колонистов—Нищета в провинции—Епископы
Кастилия—дель-Оро-Чудотворный образ
Богородицы-Библиографическая **Ошибка!**
Закладка не определена.

44

ГЛАВА III.
ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА КОЛОНИЗАЦИИ ВЕРАГУА.
1535-1536гг.

Герцоги Верагуа—Мария де Толедо претендует
на Территорию для своего сына Луиса
Колона—Фелипе Гутьеррес Назначен
командующим—Высадка на побережье
Верагуа—Болезни и голод—Касик Дуруруа
порабощен—Он обещает раскопать свои
зарытые сокровища—Гонцы отправлены на
поиски —Они возвращаются с пустыми
руками-Но предупреждают последователей
вождя—Он ведет испанцев к Месту—Они
окружены индейцами—Спасение касика—
Каннибализм среди христиан—Страдания
немногих выживших—Колония покинута

63

ГЛАВА IV.
ЧАКЧИКЕЛИ СНОВА ВОССТАЮТ.
1525-1526.

Альварадо отправляется в Гондурас, чтобы
присоединиться к Кортесу—Мятеж среди его
людей—Гонсало де Альварадо назначен вице-
губернатором—Его встреча с Марином и его

74

партией—Второе восстание какчикелей—
Гонсало причина восстания—Резня
испанцев—Альварадо возвращается в
Гватемалу—Он захватывает Пеньоль
Халпатлауа—Он идет маршем на Патианамит—
Его возвращение в Мексику—Его встреча с
Кортесом

ГЛАВА V.

ПОКОРЕНИЕ САКАТЕПЕК И ЗАХВАТ КРЕПОСТИ СИНАКАМА.
1527-1528.

Главный Пуэртокарреро—Восстание в
Сакатепеке—Побег испанского гарнизона—
Место отбито—Казнь первосвященника
Панагуали—Крепость Синакама —Ее осада и
захват—Хорхе де Альварадо Назначен
губернатором—Город Сантьяго Основан в
долине Альмолонга—Процветание нового
поселения

87

ГЛАВА VI.

ВОССТАНИЯ ИНДЕЙЦЕВ И ГРАЖДАНСКИЕ ГРУППИРОВКИ В ГВАТЕМАЛЕ.
1529-1530.

Альварадо возвращается в Испанию—Ему
предъявлено обвинение Советом Индии—Его
оправдание—Его женитьба—Он возвращается
в Мексику—Его суд перед Аудиенцией—
Франсиско де Ордуња прибывает в Сантьяго—
И занимает резиденцию Хорхе де Альварадо—
Восстание Конфедеративных наций—
Экспедиция Хуана Переса Дардона в долину
Хумай—Испанцы атакуют Крепость **Ошибка!**
Закладка не определена. Успантан—Их отпор
и отступление—Место, впоследствии
захваченное Франсиско де Кастьяносом—
Цирк Копана, осажденный Эрнандо де
Чавесом—Доблестное поведение
кавалериста—Возвращение Альварадо в
Сантьяго—Деморализованное состояние
провинции

100

ГЛАВА VII.

ЭКСПЕДИЦИЯ АЛЬВАРАДО В ПЕРУ.
1531-1536.

Кораблестроение в Гватемале-Альварадо
готовит экспедицию на острова пряностей—
Но обращает свое внимание на Перу—

122

Противодействие чиновников казначейства—
Лоцман Фернандес приносит известие о
выкупе Атауальпы—Мощь вооружения
Альварадо—Он приземляется в Пуэрто—
Вьехо—Провал его экспедиции—Его
возвращение в Гватемалу—Местные
восстания во время его отсутствия —
Визитадор Мальдонадо прибывает в
Сантьяго—Он не находит вины в Аделантадо—
Но впоследствии ему приказывают покинуть
остров. Возьмем его резиденцию—Альварадо
в Гондурасе

ГЛАВА VIII.

ДУХОВЕНСТВО ГВАТЕМАЛЫ.

1529-1541.

Франсиско Маррокин прибывает в Сантьяго—
Его назначают епископом—Безбожие
колонистов—Прелат приглашает Лас Касаса
присоединиться к Нему—Освящение
Маррокина в Мексике—Церковь в Сантьяго
возведена в ранг кафедрального собора—
Трудности со сбором церковной десятины—
Орден Мерсед в Гватемале—Чудотворный
образ Богоматери Мерседской—
Библиографический

133

ГЛАВА IX.

ДЕЛА В ГОНДУРАСЕ.

1527-1536.

Диего Мендес де Хиностроса назначен вице-
губернатором—Сальседо возвращается в
Трухильо—Его должность узурпирована Васко
де Эррерой—Смерть Сальседо—Трое
соперничающих претендентов на
губернаторство—Экспедиции в долины Нако и
Хутигальпа—Диего Мендес устраивает заговор
против Эрреры—Убийство Последнего—
Царство террора—Арест и казнь
заговорщика—Прибытие губернатора
Альбитеса в Трухильо—Его смерть—Андрес де
Сереседа во главе управления делами—
Бедствие испанцев—Исход поселенцев из
Трухильо — Они основывают колонию в
провинции Зула—Сереседа обращается за
помощью к Педро де Альварадо—Его грубо
используют его собственные последователи—

144 Ошибка! Закладка не определена.

Альварадо прибывает в Гондурас—Он основывает новые поселения—Его отъезд в Испанию

ГЛАВА X.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ В НИКАРАГУА.

1531-1550гг.

ВЗлодеяние Кастаньеды—Диего Альварес Осорио, Первый епископ Никарагуа—Основан монастырь в Леоне—Прибывает Лас Касас—Бегство Кастаньеды—Прибытие Контрераса—Предполагаемая экспедиция в Эль—Десагуадеро—Противодействие Лас Касаса—Отъезд со всеми доминиканцами—Вулкан Эль—Инфьерно—де—Масая—Фрай Блас считает лаву Расплавленным сокровищем—Его спуск в Пылающую яму—Исследование Десагуадеро—Доктор Роблес пытается захватить новую территорию—Контрерас уезжает в Испанию—Его арест, суд, и возвращение—Его зять тем временем узурпирует правительство—Антонио де Вальдивьесо Назначен епископом—Вражда между духовенством и губернатором—Алонсо Лопес де Серрато занимает резиденцию Контрераса—Миссионерские труды в Никарагуа

166

ГЛАВА XI.

ЭКСПЕДИЦИЯ ДИЕГО ГУТЬЕРРЕСА В КОСТА—РИКУ.

1540-1545.

Диего Гутьеррес назначен губернатором—Дезертирство его солдат—Он отправляется в Никарагуа—Совет Контрераса—Экспедиция отплывает в Рио—Сан—Хуан—Дружественный Прием местными жителями—Его люди дезертируют во второй раз—Пополнение из Никарагуа и Номбре—де—Диос—Историк Бенцони присоединяется к Отряду—Гутьеррес в качестве евангелиста—Он заманивает Камачир и Кокори в свой лагерь—Он требует золота под страхом смерти—Благородное поведение касика Кокори—Испанцы идут вглубь страны—Их страдания от голода—На них нападают и убивают—Бенцони и пятерых других выживших Спасает Алонсо де Пиза

187

ГЛАВА XII.

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АЛЬВАРАДО.
1537-1541гг.

Предприятие Аделантадо по сватовству - Его провал—Поручение Альварадо от короны—Он высаживается в Пуэрто—де—Кабальос—И оттуда направляется в Истапу—Его вооружение—Он отплывает в Мексику—Его поражение при Чистлане—Его Раскаяние, смерть и последняя воля—Характер Завоевателя—Сравнение черт с чертами Кортеса—В то время как выше Писарро Он был намного ниже Сандовала—Его восторг от кровопролития ради него самого-Место упокоения и эпитафия—Потомство Альварадо

ГЛАВА XIII.

ЗАВОЕВАНИЕ ЧЬЯПАСА.
1520-1529.

Происхождение чьяпанеков—Они подчиняются испанцам после мексиканского завоевания—Но бушуют с оружием в руках, когда требуется заплатить дань—Капитан Луис Марин предпринимает завоевание провинции—Его сражения с туземцами—Охваченные паникой артиллеристы-Захват крепости Чьяпас—Чамулань восстают—Их крепость осаждена—Отпор испанцам—Берналь Диас в опасности—Бегство и капитуляция чамулан —Марин возвращается в Эспириту—Санту—Второе восстание чьяпанеков—Их порабощение Диего де Мазариегосом—Третье восстание—Их самоуничтожение-Педро Пуэртокарреро на поле боя—Его поражение—Основание Вилья—Реаль—Хуан Энрикес де Гусман занимает резиденцию Мазариегос—Его мужское управление

ГЛАВА XIV.

УГРОЗА УНИЧТОЖЕНИЯ ИНДИИ.
1526-1543гг.

Сокращение индейского населения на перешейке — И в Гондурасе—Обращение с союзниками Испании в Гватемале—Пытки и резня враждебных туземцев—Террор, вдохновленный Альварадо—Раннее законодательство—Его несоблюдение-Новые

201 Ошибка! Закладка не определена.

213

232

законы—Аудиенция Панамы отменена—
Аудиенция Лос—Рейеса и Лос—Границы
Установлены—Отвращение, вызванное Новым
Кодексом—Первый вице—король Перу
прибывает на перешеек—Он берет на себя
ответственность за сокровища, нажитые
рабским трудом—И освобождает ряд индейцев

ГЛАВА XV.

ПАНАМА И ПЕРУ .

1538-1550гг.

Администрация доктора Роблеса—
Межокеанские коммуникации—Предлагаемое
изменение местоположения Панамы—
Номбре—де—Диос и его торговля—Перешеек,
Торговая магистраль между полушариями—
Васко Нуньес Вела высаживается в Перу—
Гонсало Писарро во главе восстания—Роспуск
Аудиенции Лос—Рейеса и арест вице—
короля—Его освобождение—Его поражение и
смерть при Аньякито—Мечты Гонсало о
завоеваниях—Он отправляет Бачикао в
Панаму—Экспедиция Инохосы— Его
бескровное завоевание провинции—
Вторжение Мельчора Вердуго—Педро де ла
Гаска—Его переговоры с революционерами—
Земли Гаски в Перу—Казнь Гонсало Писарро

ГЛАВА XVI.

ВОССТАНИЕ БРАТЬЕВ КОНТРЕРАС.

1550.

Причина восстания—Приготовления
заговорщиков—Убийство епископа
Вальдивьесо—Повстанцы побеждают жителей
Гранады—Их план действий—Экспедиция
отплывает в Нату—Гаска прибывает на
перешеек с королевскими сокровищами—
Захват Панамы—Ошибки лидеров
повстанцев—Эрнандо де Контрерас
направляется к Капире—За ним следует его
лейтенант Бермехо—Прибытие Гаски в
Номбре—де—Диос—Восстание жителей
Панамы—Атака Бермехо на город—Его отпор—
Его силы Уничтожены—Судьба Эрнандо и его
последователей

ГЛАВА XVII.

ДЕЛА В ГОНДУРАСЕ.

245 Ошибка! Закладка не определена.

274

1537-1549.

Франсиско де Монтехо Назначен губернатором—Восстание касика Лемпиры—Подлая уловка испанцев—Основание новых колоний—Состояние поселений—Добыча полезных ископаемых в Гондурасе—Возвращение Педро де Альварадо—Монтехо отстранен от должности—Алонсо де Мальдонадо, первый президент Аудиенсии Границ—Жестокое обращение с местными жителями—Соперничающие прелаты в Гондурасе—Их споры—Лас Касас представляет Памятник Аудиенсии—Он оскорблен Ойдорес—Его отъезд в Чьяпас—Жадность Мальдонадо—Его место занимает Алонсо Лопес де Серрато—Аудиенция перенесена в Сантьяго-де-Гватемала

ГЛАВА XVIII.

ХОД СОБЫТИЙ В ГВАТЕМАЛЕ.

1541-1550гг.

Траур по Альварадо—Скорбь Доньи Беатрис—Аномальное правительство—Правительница—Красивая, но коварная гора—Ночь ужасов—Смерть Доньи Беатрис—Разрушение Сантьяго—Разрушенный город—Захоронение мертвых—Уныние выживших, страдающих угрызениями совести—Совместные губернаторы—Решено перенести город—Обсуждается новое место—Основан еще один Сантьяго—Мальдонадо назначен губернатором—Действия Аудиенции относительно Энкомьендаса—Споры и взаимные обвинения—Перенос Аудиенции в Сантьяго—Президент Серрато Оскорбляет поселенцев—Его образ действий

ГЛАВА XIX.

ЦЕРКОВНИКИ В ЧЬЯПАСЕ.

1550 год.

Монастырь, основанный орденом Мерсед—Сьюдад—Реаль Назначен кафедральным собором города—Лас Касас епископ—Он пытается обеспечить соблюдение новых законов—Он отказывается от отпущения грехов во время Страстной недели—Его спор с Аудиенсией Границ—Он уезжает в Испанию—

289

311 Ошибка! Закладка не определена.

328

Его спор с Сепульведой—Его Апелляция к совести Филиппа—Аудиенция переведена из Панамы в Гватемалу—Смерть Апостола Индии—Его характер-Доминиканцы в Чьяпасе

ГЛАВА XX.

МАРРОКИН И ЛАС КАСАС В ГВАТЕМАЛЕ И ВЕРА ПАС .
1541-1550гг.

Требуется новый собор—Бедный прелат и неохотные плательщики десятины—Два спорящих епископа—Основаны благотворительные учреждения—Организован Доминиканский монастырь—Прибывают францисканцы—Их труды—Мотолония основывает Кастодию—Споры между францисканцами и доминиканцами—Огненная Земля —Система Лас Касаса—Его первые усилия в Вера Пас—Он отправляется в Испанию—Декреты, полученные Им, и возмущенный Кабильдо—Лас Касас возвращается—Прогресс в Вера Пас—Мирное подчинение и тяжелые подношения—Экспедиция рака во Флориду—Зловещие мнения—Равнодушный Капитан—Доминиканский мученик

341

ГЛАВА XXI.

ГВАТЕМАЛА И ЧЬЯПАС.
1551-1600.

Администрация Кесады—Ойдор Зорита собирает местных жителей в городах—Экспедиция против лакандонов—Ее провал—Ландечо назначил преемника Кесады—Его Резиденция захвачена лицензиатом Бризеньо—Голод, эпидемия и землетрясение в Гватемале—Аудиенция границ перенесена в Панаму—И снова переведена в Гватемалу—Гонсалес назначен президентом—Ему наследовал Вильялобос—Изменения в церковных делах—Смерть епископа Маррокина—Ссоры между доминиканцами и францисканцами—Епископы Вильяльпандо и Кордовы—Разногласия между двумя священнослужителями—Администрация президента Вальверде, Руэда, Санде и Кастилия—Промышленное состояние провинции

358 Ошибка! Закладка не определена.

ГЛАВА XXII.

ДЕЛА В ПАНАМЕ.

1551-1600.

Восстание Симарронов—Педро де Урсуа
направлен против них—Второе восстание—
Байано пойман и отправлен в Испанию—
Правила, касающиеся негров—Коммерческий
упадок—Ограничения на торговлю—
Отечественная промышленность—Промысел
жемчуга—Добыча полезных ископаемых—
Упадок поселений—Предлагаемое изменение
порта въезда—Его перенос из Номбре—де—
Диос в Портобелло—Изменения в резиденции
Аудиенсии—Фирме Огненная Земля,
подчиненная вице-королю Перу—Нерасчеты в
Королевском Казначействе—Подготовка к
обороне от корсаров и иностранных держав

386

ГЛАВА XXIII.

ЭКСПЕДИЦИИ ДРЕЙКА И ОКСЕНХЭМА.

1572-1596.

Атака Дрейка на Номбре—де—Диос —Паника
среди жителей—Запасы сокровищ—
Отступление англичан—Они отплывают в
Картахену, А оттуда в залив Ураба—
Посещение острова Пинос—Корабли
направляются к островам Кабесас—Вторая
экспедиция в Картахену—Марш к перешейку—
Первый взгляд Дрейка на Южное море—
Засада, устроенная возле Крусеса—Колокола
приближающихся поездов с сокровищами —
Добыча, упущенная по глупости пиратов.
пьяный солдат—Захват Крусеса—Тридцать
тонн золота и серебра, захваченных близ
Номбре—де—Диос—Путешествие на плоту—
Экспедиция возвращается в Англию—Набег
Оксенхэма—Кругосветное плавание Дрейка—
Его второе путешествие в Вест—Индию—Его
последняя экспедиция—Его смерть и
захоронение у Портобелло

404

ГЛАВА XXIV.

НИКАРАГУА И КОСТА—РИКА.

1551-1600.

Восстание Хуана Гайтана—Его поражение от
лиценциата Хуана де Кабальона—Экспедиция

424 Ошибка! Закладка не определена.

в Кабальон и Хуан де Эстрада Рабаго в Коста—
Рике—Основаны поселения—Бедствие
испанцев—Хуан Васкес Коронадо приходит им
на помощь—Дальнейшие экспедиции—
Бегство туземцев—Захват крепости Коту—
Администрация Диего де Артьегу Черино-
Францисканцы в Коста-Рике-Мученическая
смерть Хуана Писарро-Духовенство в
Никарагуа-Брат Хуан деТоррес-Состояние
поселений-Медленный рост торговли

ГЛАВА XXV.

НИКАРАГУА И КОСТА-РИКА.

1601-1700.

Леон покинут—Выбрано другое место—
Описание Нового города—Кошунственная
мышь—Торговля Гранады—Флибустьеры в
Никарагуа—Церковные дела—Иезуиты
проникают в провинцию—Их отзывают—
Епархия подчиняется архиепископу Лимы—
Преемственность прелатов—Извержение
Эль—Инфьерно—де—Масайя—Резня
испанцев в Коста—Рике—Экспедиция
Мальдонадо в Таламанку-Миссия Верделете в
Тологальпу - Ее провал-Его дальнейшие
попытки обратить местных жителей в
христианство-Резня солдат и
священнослужителей

439

ГЛАВА XXVI.

ПИРАТЫ И ПИРАТСКИЕ НАБЕГИ.

1518-1664.

Пираты в Санто—Доминго-Тортуга, Штаб—
квартира пиратов, Их Образ жизни—
Флибустьер Франсуа Л'Олоннуа—Его судно
выброшено на берег Кампече—Он сбегает на
Тортугу—И снова появляется в Гондурасском
заливе—Он захватывает Сан—Педро—Он
планирует набег на Гватемалу—Его товарищи
покидают Его—Его судно терпит крушение у
мыса Грасиас—а—Диос—Его экспедиция в
Десагуадеро—И в Коста—Рику-Его изрубают
на куски-Мансвелт захватывает остров Санта-
Катарина-И нападает на Картаго-Санта-
Катарина, отвоеванная испанцами

451

ГЛАВА XXVII.

ПАНАМА, ПОРТОБЕЛЛО И ПИРАТСТВО.

1601-1670гг.

В Панаме снова установилась аудиенция—Ее президенты—Рейд капитана Паркера на Портобелло—Рост Портобелло и упадок Панама—Злонамеренность чиновников—Межокеанские коммуникации—Контрабандная торговля—Церковные дела вПанаме—Споры между епископами и Оидорами—Церковники с дурной репутацией—Разрушительный пожар—Администрация Базана—Его падение и его причина—Ежегодная ярмарка в Панаме

ГЛАВА XXVIII.

НАБЕГИ МОРГАНА На ПЕРЕШЕЕК.

1664-1671гг.

Ранняя карьера Моргана—Он решает атаковать Портобелло—Замок Триана взлетел на воздух—Захват города—Зверства **Ошибка!** **Закладка не определена.** Совершенные пиратами—Президент Панама выступает против них —Он отброшен —Морган отправляет ему образец своего оружия—Выкуп города и возвращение на Ямайку—Пираты готовят другое вооружение и решают Атака Панама—Захват форта Сан—Лоренцо—Марш через перешеек—Морган появляется в виду Панама—Трусость губернатора—Битва с испанцами—Сожжение города—Пытки пленных—Храбрость плененной знатной дамы—Пираты повторно пересекают перешеек-Дележ добычи

ГЛАВА XXIX.

КОРСАРЫ В ЮЖНОМ МОРЕ.

1671-1682.

Новый город Панама—Портобелло разграблен пиратами—Флот пиратов собирается в Бока—дель—Торо—Корсары планируют набег на Панаму—Они захватывают Санта—Марию—И оттуда отплывают на остров Плантейн—Резня их пленников—Отчаянный конфликт в заливе Панама—Часть мародеров возвращается через перешеек—Остальные отправляются на остров Табога—И там захватывают несколько призов—Их просят предъявить свои полномочия—Ответ—Они плывут к побережью

Верагуа—Их отпор при Пуэбло Нуэво—Их операции на побережье Южной Америки— Некоторые из них возвращаются в Англию—Их судят и оправдывают

ГЛАВА XXX.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПИРАТСКИЕ НАБЕГИ.

1681-1687.

Дампир и его товарищи на реке Санта— Мария—Они встречаются с испанскими военными кораблями—Их переход в Северное море—Они натываются на французский корабль—И плывут вокруг мыса Горн в Южное море—Они нападают на Реалехо—Они плывут к острову Ла—Плата—Здесь их подкрепляют — Они направляются к побережью из Южной Америки—Где они получают сведения о флотилии с сокровищами—Пираты плывут к Жемчужным островам—Их поражение в Панамском заливе—Набеги на Леон, Реалехо и Гранаду—Набожность флибустьеров— Дальнейшие операции пиратов

543

ГЛАВА XXXI.

PANAMÁ.

1672-1800.

Шотландская колония—Они предлагают основать поселения в Дариене—Подписки на "Энтерпрайз"—Отправление экспедиции—Ее прибытие в Акла—Болезни и голод среди колонистов—Они **Ошибка! Закладка не определена.** Покидают свое поселение— Отправлена вторая экспедиция—Ее провал— Картахена разграблена каперами—Вспышки среди индейцев—Пожары в Панаме— Промысел жемчуга—Добыча полезных ископаемых—Испанская торговля попадает в руки о британцах—Захват британских судов и жестокое обращение с их экипажами—Уши Дженкинса—Объявление войны—Операции Вернона на Перешейке—Кругосветное путешествие Энсона—Вторая экспедиция Вернона —Ее катастрофический результат

570

ГЛАВА XXXII.

МОСКИТИЯ, НИКАРАГУА И КОСТА-РИКА.

1701-1800.

Самбо Москитии—Их территория—Вождь
москитов коронован —Договоры между
Испанией и Англией—Британцы оккупируют
Москитию—Гальвес захватывает английское
поселение на Черной реке—Вооружение
отправлено с Ямайки в Москитию—
Капитуляция испанцев—Колонистам
приказано покинуть побережье—Губернаторы
Никарагуа—Британцы разбиты при форте
Сан—Карлос—Они захватывают форт Сан—
Хуан—Но вынуждены отступить—Церковные
дела-Миссионерские экспедиции в
Таламанку-Дела в Коста-Рике

ГЛАВА XXXIII .

БЕЛИЗ.

1650-1800гг.

Поселения пиратов на Юкатане—Пираты
занимаются вырубкой леса-Губернатор
Фигероа приказал изгнать их—Набег
лесорубов на бухту Вознесения—Губернатор
отбрасывает их назад-Их поселение в Белизе
разрушено Фигероа—Они возвращаются
более сильными силами—Дальнейшие
экспедиции против них—Лесорубы под
защитой Великобритании—На них нападает
губернатор Ривас—Границы Белиза
Определены Версальским договором-
Положения более позднего договора—
Дальнейшие посягательства англичан

ГЛАВА XXXIV.

ГОНДУРАС.

1550-1800гг.

Пиратские набеги на Трухильо и Пуэрто—де—
Кабальос—Состояние поселений—Церковные
дела—Миссионерская экспедиция в
Тегусигальпу—Мученическая смерть
миссионеров—Труды францисканцев в
Гондурасе—Вмешательство епископа—
Трухильо разрушен голландцами—Возведен
форт Сан—Фернандо—де-Омоа-Его захват
англичанами-И восстановление президентом
Гальвесом Роатана, Несколько раз
оккупированного пиратами-Их окончательное
изгнание

595

623

637 Ошибка! Закладка не определена.

ГЛАВА XXXV.

ГВАТЕМАЛА И ЧЬЯПАС.

1601-1700.

Президент Кастильи—Порт Санто—Томас основал—Фракции—Президент—азартный игрок—Положение колонистов—Жалобы—Покровительство короны, Аудиенсии и Кабильдо—Споры—Защитные меры—Правление президента Кальдаса—Реорганизация Аудиенсии—Президент Барриос и епископ Навас—Политические разногласия—Беспокойный визитадор—Беррописты и Текели—Линия епископов—Богатство Регулярных орденов—Околдованный прелат—The Вифлеемцы—Королевский приказ о приходах—Новый собор и празднества—Преемственность -Прогресс Чьяпаса

649

ГЛАВА XXXVI.

ИЦЫ И ЛАКАНДОНЫ.

1601-1700.

Первые попытки умиротворения—Священники и солдаты принесены в жертву—Резня Миронеса и его партии—Экспедиция Эль Просперо—Безразличие к приказам—Епископ Навас на поле боя—Трехсторонняя кампания, Намеченная—Экспедиция президента Барриоса—Встреча с Мазариегосом—Операции Веласко—Возвращение экспедиций—Дальнейшие экспедиции—Судьба Веласко и его команды—Провал—Предприятие Урсуа—Прогресс Паредеса—Переговоры с Канеком—Оппозиция Собераниса—Урсуа принимает командование—Коварные приманки—Ица завоевана—Петен В гарнизоне—Ревность к Соберанису—Неудовлетворительные операции—Сомнительное владение

672

ГЛАВА XXXVII.

ГВАТЕМАЛА И ЧЬЯПАС.

1701-1800гг.

Восстание Цендаля—Новое чудо—Зверства—Новая иерархия—Цендалы отбиты—Операции Сеговии—Президент Косио принимает

696

командование—Падение Канкука—
Распространение восстания—Его
подавление—Упадок Чьяпаса—
Землетрясения—Беспорядки—Продажность
духовенства—Учреждение архиепископства—
Ересь—Границы провинций—Отмена
Коррехимиентос—Еще одно великое
землетрясение—Ссоры из—за смещения—
Изгнание иезуитов

Ошибка! Закладка не определена.

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.

ГЛАВА I.

ПИСАРРО И ПЕРУ.

1524-1544гг.

Происхождение и характер Завоевателя—Триумвиратное партнерство Писарро, брата Луке и Диего де Альмагро за продолжение открытия Андагойи—Отъезд—Позиция Педрариаса—Медленное развитие их планов—Возвращение и повторная высадка—Упорство Писарро—Страдания на острове Галло—Наперекор судьбе—Открытие Тумбеса и побережья за его пределами—Возвращение в Панаму—Писарро посещает Испанию—Новая экспедиция—История аборигенов Перу—Соперничающие инки—Утверждение испанцев в Сан—Мигеле—Атауальпа в Кашамальке—Испанцы навещают его там—Захват инки—Умиротворение Перу—Прибытие Альмагро—Смерть отца Луке—Судебное убийство инки—Королевский выкуп—Падение перуанской монархии—Споры и насильственная смерть Альмагрос и Писаррос.

В обществе, подобном Панамскому, где политика была такой несправедливой, а мораль такой дьявольской, мы не могли ожидать ничего иного, кроме того, что самые худшие люди окажутся самыми успешными. Среди тех, кто рано пришел в Дариен и кого мы часто встречали в войнах с туземцами, был тот, кто теперь выходит на арену как завоеватель Перу. Он был самого низкого происхождения. Рожденный незаконнорожденным, он был положен своей матерью на ступеньки церкви, откуда он **Ошибка! Закладка не определена.** был взят стадом свиней для вскармливания свиноматкой. Спасаясь от этого хозяина, он бежал в Севилью и жил неизвестно как, пока не сел на корабль в Санто-Доминго, никто не знает когда. С тех пор и до дня его убийства его безжалостная храбрость нашла себе достойное применение; ни его невежество, ни его звериные инстинкты, ни его печально известные жестокость и предательство не стояли на пути к славе и богатству.

Сейчас ему было недалеко от пятидесяти трех, он родился в Трухильо, в Эстремадуре, около 1471 года. После того, как оба стали знаменитыми, между Писарро и Эрнаном Кортесом прослеживалось отдаленное родство. Разработка во всех отношениях соответствовала происхождению и окружающей среде. Кроме Педрариаса, во всей Индии не было человека более отвратительного. От природы он был самым грубым из всех завоевателей. Я не видел, чтобы он выразил хоть одно благородное чувство или зафиксировал хоть один благородный поступок. Христианство, которое он, как испанец, был вынужден исповедовать, не имело в себе

ни малейшего налета благочестия или жалости, а цивилизация, в условиях которой вырос его гений, развила в нем только дику хитрость, которую он впоследствии проявлял, преследуя человеческую добычу. Под тем же влиянием Кортес и другие капитаны щедрой, благородной натуры могли пробираться сквозь ужасы к определенной цели, в то время как ужасающие трагедии и пахнущие кровью предательства были не тем, что радовало их души. Но воплощением вульгарности был Франсиско Писарро и всепожирающее море беззакония, рядом с которым звери были небесными существами; ибо, когда человек опускается до самого низа, мы должны войти в область отвратительной фантазии, чтобы найти его прототип.

До этого времени Писарро мало проявлял тех выдающихся способностей, той изумительной решимости и находчивости, которые привели к осуществлению одного из самых замечательных начинаний любой эпохи. Солдат удачи и мелкий фермер были единственными отличиями, которыми он мог похвастаться. Никаких талантов более высокого порядка, чем те, что были продемонстрированы другими капитанами в Дариене, у него не было **Ошибка! Закладка не определена.** пока не проявилось, за исключением, возможно, более холодной жестокости в его обращении с туземцами и более эгоистичной бессердечности в его общении со своими товарищами. Он был сделан из замечательного материала для палача, храброго, послушного, безжалостного; и поскольку он не проявлял достаточного честолюбия, чтобы возбудить зависть даже Педрариаса, он был полезным инструментом губернатора. Великие дела не всегда проистекают из величия души. Возможно, просто из-за упадка физических сил с возрастом разум Писарро был направлен на серьезные размышления о том, что в разное время он слышал о регионе к югу от Перешейка, о том, что сказал Панчьяко, о жителях Жемчужных островов и Тумако, и, наконец, о том, что Андагоя сообщил о Биру. Было известно, что Кортес совершил на севере; разве не мог тот же подвиг быть совершен и на юге?

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕДИЦИИ.

Откуда бы ни исходила эта цель, по возвращении Андагойи из Биру, потерпев неудачу, Писарро решил, если возможно, предпринять экспедицию в этом направлении. Несмотря на долгую карьеру успешного грабителя, ему почти нечем было рисковать, кроме этой никчемной вещи - его жизни. Требовались два условия: деньги и согласие губернатора, оба из которых можно было получить через Фернандо де Луке, исполняющего обязанности викария Панамы и бывшего школьного наставника кафедрального собора Дариена. Отец Луке, или Чокнутый, как его позже прозвали за это безумие, имел влияние на Педрариаса, и доходы от его благочестия к настоящему времени составили двадцать тысяч кастельяно. Он присоединился к своему товарищу Диего де Альмагро и, убедив священника и губернатора пообещать каждому по четвертой части, собрал команду в полном составе. Альмагро был на несколько лет старше Писарро и, возможно, столь же низкого происхождения, поскольку тоже был подкидышем. Обделенный от природы потерей глаза, он только усилил зловещее выражение, которое с младенчества играло на его чертах. Будет лишь слабой похвалой сказать о нем, что его **Ошибка! Закладка не определена.** побуждения были благороднее, чем у Писарро. Несмотря на вспыльчивость, он был откровенен и питал отвращение к предательству; ему было не легче терпеть обиду, чем его коллеге. Писарро должен был командовать экспедицией; Альмагро взять на себя управление кораблями; викарий, помимо своих денег, должен был жертвовать свои молитвы, в то время как губернатор должен был следить за собой.

На небольшой каравелле примерно с сотней человек и четырьмя лошадьми, [1-1] Писарро отплыл из Панама 14 ноября 1524 года, оставив Альмагро следовать за ним, как только он сможет снарядить другое судно. После захода в Тобогу и на Жемчужные острова Писарро направился на юг мимо Пуэрто-де-Пиньяс, где прекратил плавание Васко Нуньеса и Андагойи, и вошел в реку Биру в поисках провизии, но не обнаружил ничего выходящего в море, и после десятидневного шторма снова высадился на берег, и снова не смог раздобыть провизию. Земля была мягкой, и фуражиры сильно пострадали. В местечке, впоследствии названном Эль-Пуэрто-дель-Хамбре, он ждал шесть недель с частью людей, все они были на грани голодной смерти, в то время как корабль под командованием Гила де Монтенегро вернулся на Жемчужные острова за припасами. Когда его силы снова объединились, он вышел в море и, высаживаясь в различных пунктах, обнаружил изобилие продовольствия и золота. Вскоре судно потребовало ремонта, и, опасаясь, что в случае его возвращения экспедиция будет сорвана, Писарро приказал высадить себя и всех своих последователей, за исключением тех, кто был нужен для управления кораблем, на берег, в то время как казначей Николас де Рибера отправился с судном и собранным золотом в Панаму.

Через три месяца после отъезда Писарро из Панама Альмагро последовал за ним с семьюдесятью людьми, и **Ошибка! Залкада не определена.** после некоторых поисков и потери глаза в бою с дикарями он нашел своего коллегу, оставил с ним лишних людей и вернулся на своем судне на помощь Рибере. К этому времени Педрариас, хотя и ничего не вложил, был недоволен результатом. По его словам, корабли требовались для Никарагуа, и половина людей, участвовавших в этом безумном южном предприятии, были мертвы. Альмагро наконец-то был рад избавиться от него, заплатив ему тысячу песо. Писарро был вынужден вернуться, и трое товарищей связали себя клятвой, скрепленной причастием, что все доходы и вознаграждение от экспедиции будут разделены поровну; отец Луке разделил облатку на три части и каждый съел по одной.

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

Так прошло почти два года, когда два капитана, ставшие равными по новому контракту и командовавшие каждый кораблем, во второй раз поднялись на борт с Бартоломе Руисом в качестве лоцмана и ста шестьюдесятью матросами и, держась подальше друг от друга, направились прямо к Рио-Сан-Хуану, самой дальней точке, когда-либо обнаруженной. Добившись здесь изрядного успеха, Альмагро был отправлен в Панаму с добычей; Писарро с большей частью людей остался на берегу; в то время как Руис с другим судном продолжил исследования за экватором и, вернувшись, сообщил о более богатом народе с более высокой культурой, чем любой другой, найденный до сих пор в Индии. Среди других замечательных предметов, которые он видел, был большой торговый плот *избальзы*, или плот, сделанный путем соединения лианами пористых бревен, которые были покрыты тростниковым дном и управлялись латинскими хлопчатобумажными парусами. Люди на плоту выставляли напоказ прядельную и необработанную шерсть и весы для взвешивания золота, в то время как те, кто был на берегу, бегали взад и вперед, подпрыгивая и крича бездомным странникам, волосатым изгнанникам, детям морской пены, потомкам солнца, как они называли сверкающих змей, которым так скоро предстояло отравить их землю.

Вскоре после этого появился Альмагро. У него тоже была **Ошибка! Закладка не определена.** прошла успешно. Педрариас был смещен; и вместе с Педро де лос Риосом, новым губернатором, пришли новые искатели приключений и могилы, восемьдесят из которых вскоре были отправлены с благословения отца Луке в перуанскую экспедицию.

За время отсутствия судов смерть унесла четырнадцать человек Писарро, а остальные теперь громко требовали, чтобы их перевезли в Панаму. Но об этом не стоило и думать. Освеженный запасами Альмагро и ободренный рассказом Руиса, ожила надежда, призрак отчаяния улетел, и радостное ожидание наполнило трепетом сердца тех, кто так недавно мечтал о смерти.

Как счастлив был Писарро, когда он отправился доказывать блестящий отчет доброго Руиса! Шторм, который загнал его с подветренной стороны острова Галло и вынудил сделать ремонт в бухте Сан-Матео, только сделал еще красивее густонаселенные города и возделанные поля кукурузы и какао. А драгоценные камни и металлы, которые блеснули повсюду, как они будоражили черную кровь пирата! Но мало что можно было сделать с такой силой, как у него, против десяти тысяч воинов, которые противостояли его высадке; ибо с увеличением богатства и интеллекта увеличивалась сила для защиты владений. Солдатам не понравилось, что корабли вернулись в Панаму без них, и лидеры чуть не подрались из-за ссоры; но в конце концов было решено, что Писарро останется с людьми на острове Галло, в то время как Альмагро с одним из кораблей должен искать более сильные силы. Некоторые присылали письма с осуждением командиров и просьбой сообщить губернатору о плачевном состоянии солдат; эти письма, конечно, не были доставлены, ни одно, кроме одного, которое Хуан де Сарабия вложил в комок ваты, который должен был быть подарен жене губернатора как образец местной промышленности. [1-2] **Ошибка! Закладка не определена.**

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ.

Опасаясь, что солдаты могут захватить оставшийся корабль, Писарро отправил и его в Панаму за рекрутами, оставив себе всего восемьдесят пять человек. Но снаряд, пущенный стихотворцем, попал точно в цель. Губернатор был возмущен тем, что беспринципные лидеры продолжают подвергать жизни подданных короля опасности, приказал прекратить экспедицию и послал лицензиата Тафура с двумя кораблями доставить странников домой. Отец Луке, однако, написал Писарро, чтобы тот не отказывался от предприятия. Прибытие Тафура на остров ставит Писарро в крайне затруднительное положение. И мы можем почти забыть об отвратительности натуры этого человека, которая по мере продвижения приобретает еще более мрачные черты, когда он поднимается под влиянием своей энергии наперекор судьбе. Сама наглость его упрямства вызывает наше восхищение. Какова ситуация? Здесь стоит один испанец. Вон там - организованные армии Перу с их десятками тысяч бойцов. Разрыв между правящими силами, предшествующий еще более страшным потрясениям, еще не произошел. По-человечески Писарро считал бессмысленной глупостью мечтать о захвате этого могущественного государства или любой его части со своей горсткой бродяг, как будто это была бы его попытка выпить океан досуха или прикарманить Парнас. И все же, что мы скажем в свете результата? И я уверен, что ему помогает не праведное божество.

Когда Тафур приземлился и велел людям подниматься на борт кораблей, Писарро крикнул: "Стойте!" Нарисовав свою **Ошибка! Закладка не определена.** мечом, он провел линию с запада на восток. Затем, указывая на юг, он сказал: "Соотечественники и товарищи! Там подстерегают голод, лишения и смерть; но для тех, кто победит, - несказанная слава и

богатство. Этот путь - Панама, с легкостью, бедностью и позором. Пусть каждый выбирает сам. Что касается меня, то я скорее повешу свое тело на какой-нибудь залитой солнцем скале на съедение стервятникам, чем повернусь спиной к славе, которую Бог ниспослал мне здесь!" Сказав это, он пересек линию и приказал желающим следовать за ним. Первым был пилот Руис, затем Педро де Кандиа и, наконец, еще одиннадцать человек. Все остальные вернулись с Тафуром в Панаму. Руису было приказано сопровождать его и оказывать помощь товарищам. Затем Писарро переправил свою армию из двенадцати человек на плоту на маленький остров Горгона, расположенный на более безопасном расстоянии от главного берега, и там поджидал Альмагро. Одни, бросив якорь в затянутом облаками море, недалеко от пугающе заволаживающего берега, они ждали пять месяцев.

Этот опрометчивый поступок теперь уже полностью вдохновленного Писарро был по-разному оценен разными людьми в Панаме. Губернатор был разгневан тем, что он считал самоубийственным упрямством. Отец Луке был полон энтузиазма, а Альмагро не бездействовал. Общее мнение сводилось к тому, что в любом случае этих испанцев, столь рыцарственных на службе своему королю, не следует бросать на верную гибель. Разрешить это было бы позором со стороны губернатора и позором для каждого мужчины в Панаме. Вынужденный таким образом, Педро де лос Риос разрешил Луке и Альмагро направить судно им на помощь, но оговорил, что, если оно не вернется в течение шести месяцев, они будут подвергнуты суровому наказанию.

Перу.

НАПРАВЛЯЮСЬ ПОБЕРЕЖЬЕМ На ЮГ.

Мы вполне можем себе представить, что Писарро был рад видеть верного Руиса, хотя его силы от этого не сильно увеличились. И теперь он пойдет вперед; с десяти тысячной армией или в одиночку он сравнивает свою судьбу с судьбой Перу. Переходящая **Ошибка! Закладка не определена.** Галло, Такамес и Кабо-Пасадо, границы бывших открытий, через двадцать дней после выхода из Горгоны бросили якорь у острова, священного для жертвоприношений, напротив города Тумбес. Более блестящей, чем их самые смелые надежды, оказалась окружающая их сцена. К морю простирались сверкающие воды Гуаякиля, в то время как от великих кордильер Анд Чимборасо и Котопакси поднимали свой огненный фронт в области замерзшей белизны. Однако для этих душ шафранового оттенка достаточно скромными были новая земля и новое небо, без свидетельств богатства, которые здесь встречались их жадным взорам, богатства, слабо охраняемого некрещеными. Вдоль всего берега, мимо которого они плыли, тянулись зеленые поля и многолюдные деревни, а на лицах и среди утвари жителей, которые можно было увидеть главным образом на торговых базах, курсировавших по этим странным водам, в изобилии были изумруды, золото и серебро.

ПРИБЫТИЕ В ТУМБЕС.

Двое туземцев, захваченных в первом плавании и с которыми по понятным причинам обращались по-доброму, были высажены на берег, чтобы проложить путь, и вскоре жители Тумбеса подарили незнакомцам кукурузу, бананы, бананы, какао-орехи, ананасы, а также рыбу, дичь и лам. Вскоре после этого перуанский дворянин, или *орехон*, как называли его испанцы из-за больших золотых подвесок, украшавших его уши, посетил корабль со свитой слуг. Писарро подарил ему топорик и какие-то безделушки и пригласил отобедать. На следующий день Алонсо де Молина и негра отправили на берег к касику с подарком в виде двух свиней и немного домашней птицы. На берегу их окружила толпа пораженных зрителей. Сначала женщины были застенчивы, но вскоре не смогли в достаточной мере восхититься светлым цветом лица и развевающейся бородой европейца и хрустящими волосами темнокожего африканца, чей смех заставлял их танцевать от восторга. Никогда еще свиньи не были так пристально разглядываемы; и когда запел петух, они спросили, что он говорит. Молине была обещана красивая невеста, если он останется, и он был наполовину склонен **Ошибка! Закладка не определена.** принять предложение. Касик Тумбеса был в равной степени доволен и удивлен. Он жил в каком-то государстве, у его дверей были вассалы, а среди утвари - золото и серебро. Среди построек Тумбеса выделялся храм, построенный из необработанного камня. Там была крепость, окруженная тройным рядом стен. В долине за городом находился дворец, принадлежавший Уайна Капаку, правящему инке, рядом с которым находился храм со священными девами, сверкающими украшениями и прекрасными садами, посвященными солнцу.

Прежде чем покинуть это место, необходимо найти побольше свидетелей подобных фактов. Поэтому на следующий день Педро де Кандиа было разрешено сойти на берег вооруженным до зубов. Кандиа был греческим всадником необычайного роста и силы; и когда он появился в сверкающей кольчуге, со своим бряцающим стальным оружием и аркебузой, изрыгающей огонь и дым, неудивительно, что эти простые люди приняли его за одного из своих детей солнца. Вернувшись на корабль, Кандиа подтвердила правдивость всего, что сказал Молина, и даже больше. Его приняли как небесного гостя и провели по храму, который, по его утверждению, был выложен золотыми пластинами; по словам древнего хрониста, испанцы были вне себя от восторга. Писарро благодарил Бога за то, что ему было позволено совершить это

великое открытие, и проклинал злосчастную судьбу, которая помешала ему высадиться на берег и немедленно вступить во владение. Но Бог сделал для Писарро лучше, чем Писарро мог сделать для себя. Если бы пятьсот, которых он тогда так желал, были пятью тысячами, скорее всего, все было бы потеряно, как только он рискнул.

Продвигаясь на юг на некоторое расстояние за пределы Трухильо, города, впоследствии основанного им, свидетельства богатства и интеллекта тем временем уменьшались, а сообщения об имперском городе, где проживал правитель всего этого региона, становились все слабее, Писарро вернулся в Панаму, взяв с собой двух местных юношей, один из которых, по имени Фелипильо, приобрел печальную известность во время завоевания. **Ошибка!**

Закладка не определена. Мужчин было приказано относиться к золоту безразлично, чтобы будущий урожай был больше. [I-3]

Пиратский рай был найден; оставалось войти в него. Писарро прибыл в Панаму в конце 1527 года, и город мгновенно охватило дикое возбуждение. Отец Луке плакал от радости. Но хотя Педро де лос Риос забыл о своих угрозах наказания, он не благосклонно отнесся к другой экспедиции, которая привела бы к опустошению его собственного правительства и созданию конкурирующей колонии. Эта эгоистичная политика губернатора ускорила провал его собственных целей. Не имея возможности добиться большего в Панаме, в начале 1528 года Писарро отправился в Испанию. С помощью отца Луке было собрано полторы тысячи дукатов, чтобы покрыть его расходы. Аламагро не без дурных предчувствий провожал его взглядом, и сам священнослужитель не был лишен подозрений, что из этого может получиться нечестная игра. "Дай Бог, сыновья мои, - сказал он на прощание, - чтобы вы не злоупотребляли его благословением". Педро де Кандиа сопровождал Писарро, и они взяли с собой образцы туземцев, лам, ткани, золотую и серебряную утварь Перу.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ В ИСПАНИИ.

Сразу по прибытии в Испанию Писарро столкнулся с двумя примечательными персонажами. Одним из них был Эрнан Кортес, упивающийся славой свергнутой северной империи, как Писарро собирался упиваться свержением южной. Кортес рассказал Писарро, как он завоевал Мексику, и дал ему много ценных советов по захвату империи. [I-4] Другой был не менее **Ошибка! Закладка не определена.** персонажем, чем Бачильер Энсисо, который, все еще лелея месть, схватил ныне знаменитого первооткрывателя Перу и заключил его в тюрьму по старому обвинению в нанесении телесных повреждений на Антигуа. Освобожденный королевским приказом, Писарро предстал перед императором в Толедо со всей дерзостью, свойственной неграмотному человеку, и получил назначение губернатором, генерал-капитаном и альгвасиль-мэром всех земель, которые он открыл или мог открыть на расстоянии двухсот лиг к югу от Сантьяго. Его правительство должно было быть независимым от правительства Панамы, с правом возводить крепости, содержать войска, предоставлять энкомьенды и пользоваться правами и прерогативами абсолютной власти. Его жалованье должно было составлять 725 000 мараведи, которые должны были поступать из ресурсов его собственного правительства без каких-либо затрат для короны. В обмен на эти привилегии он должен был завербовать и снарядить для перуанской экспедиции двести пятьдесят человек, сто из которых он мог набрать в колониях. Для своих соратников он был удовлетворен гораздо меньшим; хотя было оговорено, что для Альмагро следует попросить должность аделантадо, разделив таким образом почести. Как бы то ни было, он добился для Альмагро только должности капитана крепости Тумбес с

доходом в 300 000 мараведи, а для отца Луке - епископства Тумбес с жалованьем в тысячу кастильяно. Бартоломе Руису предстояло стать великим лоцманом Южных морей; Педро де Кандиа, командующий артиллерией, и тринадцать храбрецов, которые так доблестно стояли рядом со своим капитаном на острове Горгона, были возведены в ранг рыцарей и кавалеров.

Поручение Писарро было подписано в Толедо 26 июля 1528 года. Оттуда он отправился в Трухильо, на свою родину, где к нему присоединились четыре брата, Фернандо, Хуан и Гонсало Писарро, и Франсиско Мартин де Алькантара, все, кроме первого, как и он сам, незаконнорожденные, **Ошибка! Закладка не определена.** все бедные, невежественные, и жадные. Фернандо, однако, обладал некоторым превосходством и сыграл заметную роль в завоевании. Он был человеком прекрасной формы, отталкивающих черт лица и печально известного характера. Настолько высокомерный, ревнивый и мстительный, насколько был способен, он вскоре приобрел безграничное влияние на своего брата и стал бичом экспедиции.

Какими бы малыми ни были силы, необходимые для его капитуляции перед короной, Писарро не смог их собрать. С помощью Кортеса ему удалось подготовить к выходу в море три небольших судна, на одно из которых он, ускользнув от властей, сел и ждал своих братьев на Канарских островах. Благодаря щедрому подкупу и торжественному заверению Фернандо в том, что все требования короля были выполнены, и что указанное количество людей находилось с его братом, который ушел раньше, двум другим кораблям было разрешено отплыть, и три судна прибыли в Номбре-де-Диос в январе 1530 года. Там Писарро встретили Альмагро и падре Луке, которые, узнав, как распределялись королевские почести, и увидев дерзкое поведение вульгарных братьев, упрекнули его в вероломстве; и новые обещания с трудом удержали Альмагро от выхода из товарищества и участия в завоеваниях за свой счет.

Переправившись в Панаму, была организована экспедиция из ста восьмидесяти человек, тридцати лошадей и трех кораблей, хотя все это было добыто с немалыми трудностями. В день святого Иоанна Богослова в соборе были проведены внушительные церемонии; королевское знамя и штандарт экспедиции были развернуты и освящены; была прочитана проповедь, и каждому из пиратов было совершено святое причастие, что придало этой мародерской экспедиции колорит религиозного крестового похода. "Писаррос" отплыл в начале января 1531 года, оставив Альмагро, как и в первый раз, следовать за ним с подкреплениями. Их целью был Тумбес; но из-за неблагоприятных ветров их цель была отклонена от **Ошибка! Закладка не определена.** из-за неблагоприятных ветров и стремления испытать свою сталь испанцы высадились в бухте, которую они называли Сан-Матео, захватили врасплох деревню в провинции Коаке и захватили, помимо провизии, золота, серебра и изумрудов на сумму в двадцать тысяч песо, что позволило им немедленно отправить корабли обратно: один в Никарагуа, а другой в другие страны. остальное - в Панаму, за подкреплением.

Затем испанцы продолжили свой путь к Тумбесу по суше; и хотя они были обременены оружием и доспехами, маршируя по раскаленным пескам под экваториальным солнцем, путешествие вскоре стало крайне болезненным. В довершение к их мучениям среди них вспыхнула язвенная эпидемия, от которой многие умерли, проклиная своего командира. Но однажды их сердца обрадовались приближению корабля из Панамы с королевскими офицерами, назначенными сопровождать экспедицию, которых Писарро в спешке оставил в Испании, и вскоре к ним присоединились тридцать человек под командованием капитана Беналькаса. Не встретив сопротивления со стороны туземцев, Писарро продолжил свой поход, пока не прибыл в

Гуаякильский залив, напротив острова Пума. Овладение этим островом было признано желательным в ходе подготовки к нападению на Тумбес. Размышляя о наилучшем способе захвата острова, Писарро был рад визиту местного касика, который пригласил испанцев поселиться у него. По-видимому, между народом пума и народом материка существовала наследственная вражда; и хотя могущественные инки принудили островитян к покорности, они никогда не переставали наносить городу Тумбес те повреждения, которые были в их власти. Дружба незнакомцев дала бы им большие преимущества; отсюда и приглашение. Писарро с радостью принял предложенное гостеприимство и, прибыв на остров со своей армией, дождался прибытия подкреплений, прежде чем атаковать Тумбес.

Из-за своего высокомерия и очевидной близости с жителями Тумбеса вскоре стали невыносимыми для островитян, которые, уличенные в заговоре, подверглись нападению гостей и были загнаны в укрытия. Тем не менее, если бы не своевременное прибытие Фернандо де Сото с сотней человек и несколькими лошадьми, испанцам пришлось бы туго. Теперь Писарро решил немедленно перебраться на материк и пустить мяч в ход.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПЕРУ.

Не последним среди предположений, волновавших сердце испанского командующего, был слух, который время от времени доходил до его ушей о разногласиях между соперничающими кандидатами на трон недавно скончавшегося монарха. Гражданская война на данном этапе действительно была бы провидением, не менее милостивым, чем то, которое отдало трон Монтесумы Кортесу.

Традиция относит аборигенов Перу к тем временам, когда вся земля была разделена на мелкие вожества, состоящие из диких людей, которые, подобно диким зверям, бродили по первобытным лесам. По прошествии веков, время не предвещало никаких улучшений, и вот однажды на берегу озера Титикака появились два персонажа, мужчина и женщина, Манко Капак и МамаОколло, величественного вида и одетые в сверкающую белизну. Они объявили себя детьми солнца, посланными родителем света для просвещения человеческой расы. От озера Титикака они продвинулись на несколько лиг к северу и основали город Куско, где собрались вожди со всего региона и признали верховную власть небесных пришельцев. Под руководством Манко Капака мужчины стали искусными в сельском хозяйстве; мама Околло обучила женщин домашнему хозяйству, и таким образом мигрирующие кланы западного склона кордильер сплотились под благодетельным правлением небесных учителей. Первоначально владения Манко Капака простирались не более чем на восемь лиг от Куско, но в течение двенадцати последующих царствований, которые составляли эпоху, предшествовавшую приходу испанцев, империя **Ошибка! Закладка не определена.** инков, или правителей Перу, была значительно расширена.

ИСТОРИЯ АБОРИГЕНОВ.

Из их небесного происхождения и высочайшего интеллекта естественным образом следовало, что инкам поклонялись как божествам, а также повиновались как суверенам. Не только их личность, но и все, к чему они прикасались, было священным. Их кровь никогда не была осквернена примесью смертных, а их одежда была незаконной для любого человека. Империя при Уайне Капаке, двенадцатом монархе со дня основания династии, охватывала более пятисот лиг западного морского побережья и простиралась до вершин Анд. Этот политический и

воинственный принц умер примерно в начале 1526 года. Его отец, Тупак Инка Юпанки, во время правления которого имперские владения были расширены за счет присоединения Кито, с одной стороны, и Чили - с другой, проявил военные и административные таланты высокого порядка. Это обширное наследство, вместе с мудростью и добродетелями отца, перешло к сыну. Помимо жены, которая также была его сестрой, у Уайны Капака было много наложниц. Законного наследника престола, сына своей сестры-жены, звали Уаскар, рядом с которым в качестве законного наследника стоял Манко Капак, сын другой жены, приходившийся ему двоюродным братом. Но его любимым сыном был Атауальпа, мать которого была прекрасной дочерью последнего правящего монарха Кито и наложницей Уайны Капака. С детства Атауальпа был постоянным спутником своего отца, который на смертном одре, вопреки обычаю, разделил королевство или, скорее, приказал, чтобы Кито, древнее королевство его побежденных предков, было отдано Атауальпе, в то время как все остальное должно принадлежать Уаскару. Прошло четыре года спокойствия, и бестактная мера Уайны Капака, предложенная честно, оказалась успешной. Уаскар был удовлетворен, и его брат казался довольным. Но теперь в Атауальпе проявился воинственный дух. Постепенно подтягивая под свои знамена цветков **Ошибка! Закладка не определена.** Перуанскую армию, он выступил против Уаскара, сверг его у подножия Чимборасо и, снова продвигаясь вперед, разбил перуанцев у Куско, взял в плен его брата и овладел имперским городом инков.

Именно в разгар этой борьбы испанцы собрались перед Тумбесом, намереваясь пограбить. Теперь мы ясно видим, что если бы они попытались вторгнуться до начала войны между братьями-соперниками, их усилия были бы тем, чем они казались, - химеричными и абсурдными. Но за эти несколько быстрых лет эта земля созрела для адских целей, и демоны уже стучались в дверь. Переправившись на материк, не без некоторого сопротивления, Писарро обнаружил, что Тумбес опустел. Исчезло золото храма и богатые украшения веселых жен. "И это ваш хваленый Тумбес?" - воскликнули разочарованные кавалеры. "Елисейские поля Никарагуа далеки и богаче; лучше бы я остался дома, чем тащиться так далеко ради столь бесплодных завоеваний". После недолгих поисков касик был найден. Он возложил ответственность за разрушение города на островитян Пума. Поскольку он заявил о готовности подчиниться испанцам и поскольку Писарро считал разумным мирно удерживать Тумбес, он предоставил касику свободу. Это было в мае 1532 года. Внимательно следя за своими недовольными солдатами, Писарро приступил к основанию колонии. Он выбрал для своих операций долину Тангарала, примерно в тридцати лигах к югу от Тумбеса, недалеко от моря, и там, ремонтируя, со своими людьми возвел крепость, церковь и другие здания, разделил прилегающие земли, распределил репарtimento, организовал муниципалитет и назвал это место Сан-Мигель. Опустошительная работа была проведена островитянами с одной стороны и солдатами Атауальпы с другой настолько тщательно, что испанцы не встретили особого сопротивления.

Но это были не те люди, которые тратили время на установление дружбы на опустошенном побережье, когда **Ошибка! Закладка не определена.** где-то поблизости был богатый мир. Однако Писарро беспокоила одна вещь. Благодаря позднему прибытию ему сообщили, что Альмагро все еще всерьез подумывает о создании собственной колонии. Писарро нуждался в помощи Альмагро, и он не хотел иметь там соперника. Поэтому, сжав когти, он написал Альмагро, умоляя его из любви к Богу и королю, если таковы были его планы, изменить их и прийти к нему на помощь. Это письмо с собранным к настоящему времени золотом он отправил кораблем в Панаму.

ФАТАЛЬНЫЕ СБОИ.

Тем временем слухи о битве между соперничающими принцами становятся все более определенными. Известно, что, когда испанцы высадились в Сан-Матео, война была в самом разгаре. В то время как Писарро шел на юг, к Тумбесу, со ста восьмьюдесятью людьми, Атауальпа также шел на юг, к Куско, со 140 000 человек, чтобы встретить Уаскара с силами в 130 000 человек. А Атауальпа победитель сейчас покоится в долине Кашамалка, за кордильерами, но не более чем в двенадцати днях пути отсюда. Писарро решает навестить его; возможно, там он бросит жребий, который определит многие судьбы. **[1-5] Ошибка! Закладка не определена.**

24 сентября Писарро выступает из Сан-Мигеля со ста десятью пехотинцами, шестьюдесятью семью всадниками и двумя переводчиками-индейцами. Атауальпа хорошо осведомлен о присутствии испанцев, об их работах на территории Перу и об их подходе. И ему любопытно посмотреть на них. Бояться нечего, если только они действительно не боги, вэтом случае противостоять им было бы бесполезно. По пути местные жители с радостью выполняют все требования вежливых незнакомцев.

Прибыв на западную базу кордильер на шестой день, мы получаем разрешение всем, кто может решить отказаться от опасного предприятия за ее пределами. Девять человек, четыре пеших и пять всадников, пользуются этой возможностью и возвращаются в Сан-Мигель. На следующий день похода Писарро сообщают, что генерал, командующий войсками Атауальпы, расположенными гарнизоном в Каксасе, деревне, лежащей непосредственно на пути в Каксамалку, готов подвергнуть сомнению его продвижение, если он попытается пройти этим путем. Эрнандо де Сото с небольшим отрядом отправляется вперед, в то время как основная часть маленькой армии ожидает результатов в Заране. С удивлением проезжая по великой верхней дороге, или дамбе инков, которая тянется вдоль суровых Анд по всей длине империи от Кито до Куско и настолько широка, что по ней могут проехать шесть всадников в ряд, **Ошибка! Закладка не определена.** Сото находит перуанского генерала, который рассказывает устаревшую историю о величайшем монархе мира, который посылает своему хозяину информацию о создателе вселенной и спасителе этой земли, и просит разрешения от имени испанского капитана приступить к выполнению своего божественного и мирного поручения. В этот момент прибывает гонец с приглашением от инки к испанцам посетить его. По дороге главы соответствующих держав обмениваются подарками, и, когда испанцы приближаются к перуанскому лагерю, другой посланец от инки желает знать, в какой день чужеземцы войдут в Кашамалку, чтобы можно было подготовить подходящий прием.

ПРИБЫТИЕ В КАШАМАЛКУ.

Наконец с террасных высот над Кашамалкой сквозь просветы в листве видны белые палатки перуанского воинства, протянувшиеся на многие мили вдоль плодородной долины. Это зрелище, при виде которого сердце самого отважного кавалера могло бы уныло забиться, и это без предубеждения. Но эти отважные испанцы останавливаются только для того, чтобы облачиться в свои самые яркие доспехи, и, развернув свое знамя, маршируют вниз с горы. На следующий день, 15 ноября, Писарро делит свое войско на три роты и входит в город примерно в час вечерни. Около двух тысяч домов окружают треугольную площадь необычайных размеров, окруженную крепкой каменной стеной и низкими глинобитными бараками, в которые можно попасть с улицы через ворота. Из большой каменной крепости широкие ступени спускаются к площади с одной стороны, а с другой - потайная лестница ведет на улицу. За пределами ныне

опустевшего города стоит храм солнца, а на возвышенности неподалеку - другая, более грозная крепость из тесаного камня. Спиральная стена, которая трижды окружает цитадель, делает это место неприступным для местных солдат, в то время как подъем с равнины осуществляется по винтовой лестнице. Между деревней и перуанским лагерем, на расстоянии лиги друг от друга, проходит дамба, образующая прекрасную дорогу по мягким плодородным землям.

Когда испанцы тяжелой поступью маршируют по **Ошибка! Закладка не определена.** по безмолвным улицам, на которых не видно ни одного живого существа, за исключением нескольких групп древних, похожих на ведьм старух, которые с тихими скорбными сожалениями предсказывают гибель незнакомцев, приключение в этот момент приобретает призрачные очертания, как запутанные маневры во сне, а Кашамалка - город-призрак. Разместив свои войска на площади, Писарро посылает Эрнандо де Сото с пятнадцатью всадниками, [1-6] и переводчика Фелипильо спросить инку о времени и месте предстоящей встречи; и чтобы с посольством не случилось несчастного случая, Эрнандо Писарро приказано следовать за ним и помогать, если потребуется. По дамбе к имперскому лагерю мчится сначала одна кавалькада, а затем другая, мимо мужественных мужчин и скромных женщин, которые в немом изумлении смотрят, как призраки появляются из мрачных сумерек, проносятся мимо и исчезают среди топота копыт и лязга оружия, никогда прежде не слышанного в этой части земли. Вскоре мы встречаем армию инков, составленную из отдельных батальонов лучников, пращников, дубинщиков и копейщиков, стоящих в ожидании. [1-7] Королевский павильон занимает открытое пространство недалеко от центра лагеря. Недалеко от отеля находятся бани и деревенское жилище с оштукатуренными стенами, окрашенными в различные тона и окруженными коридорами. С одной стороны находится каменный фонтан и резервуар, в который поступает вода, как горячая, так и холодная, из речушек и источников по акведукам, пересекающим долину во всех направлениях. С другой стороны находятся королевские сады и площадки для увеселений.

ВСТРЕЧА С АТАУАЛЬПОЙ.

Когда всадники подъезжают к королевским покоям **Ошибка! Закладка не определена.** инку обнаруживают сидящим на оттоманке перед своим шатром в окружении групп придворных, в то время как прекрасные девушки в блестящих нарядах порхают по территории. Элегантность, дисциплина и глубокое почтение знати к своему вождю бросаются в глаза с первого взгляда. Инка, хотя и одет менее ярко, чем его приближенные, легко отличить по знаменитому императорскому головному убору, или борла, который перуанские монархи носят вместо короны, состоящему из темно-красной шерстяной бахромы, которую Овьедо описывает как кисточку шириной в ладонь и длиной около одной пяди, собранную на макушке в виде плоской кисти, бахрома спускается со лба к глазам и частично прикрывает их, так что носящий ее едва может что-либо разглядеть, не приподняв ее нижнюю часть рукой. Христиане, слышавшие много рассказов о его коварстве и свирепости, тщетно ищут следы необычайной страсти или хитрости. Борла, по словам Джереса, отбрасывает тень меланхолии на черты Атауальпы; однако в остальном его лицо серьезно, бесстрастно и холодно. С двумя всадниками по бокам Эрнандо де Сото выезжает на несколько шагов вперед и, не спешиваясь, почтительно обращается к инке через переводчика Фелипильо. "Я прибыл, могущественнейший принц, от предводителя христиан, который благодаря вашей любезности сейчас находится в Кашамальке, страстно желая поцеловать вашу королевскую руку и передать вам послание от своего могущественного повелителя, короля Испании". Неподвижный, безмолвный, с опущенными глазами, сидит инка,

как будто прислушиваясь к тому, чего он не слышит, как будто не подозревая о каком-то экстраординарном происшествии. После неловкой паузы дворянин, стоящий ближе всех к августейшему монарху, отвечает: "Это хорошо".

В этот момент подъезжает Эрнандо Писарро и присоединяется к переговорам. Когда ему сообщают, что прибыл брат испанского капитана, Атауальпа поднимает глаза и говорит: "Скажи своему командиру, что сегодня я постлюсь, но завтра я навещу его в Кашамальке". **Ошибка! Закладка не определена.** После этого послы поворачиваются, чтобы уйти; но инка, не спешащий говорить, еще медленнее замолкает, и испанцам делают знак остановиться. "Мой касик Майзабилика сообщил мне, - продолжает Атауальпа, - что христиане трусы, а не непобедимы, как они пытаются заставить нас поверить; ибо на берегах Турикары он сам убил трех испанцев и лошадь в отместку за бесчинства, нанесенные его народу". Сдерживая свой нарастающий гнев мыслью о ставке, на которую он играл, Эрнандо Писарро объясняет: "Ваш вождь говорит вам неправду, когда говорит, что христиане не осмеливаются сражаться или даже что их можно победить. Десяти всадников достаточно, чтобы обратить в бегство десять тысяч жителей Майзабилики. Мой брат приезжает, чтобы предложить условия дружбы. Если у вас есть враги, которых нужно покорить, направьте нас к ним, и мы докажем истинность того, что я говорю". С недоверчивой улыбкой Атауальпа меняет тему и предлагает своим посетителям прохладительные напитки. Но в этот момент всеобщее внимание приковано к другой сцене.

Эрнандо де Сото - опытный наездник на великолепном коне. Он отмечает недоверчивую улыбку, с которой перуанцы восприняли хвастовство его товарища, и, чтобы внушить более здоровый ужас, он вонзает железную палу в бока своего нетерпеливого скакуна и, помчавшись во весь опор, описывает грациозные изгибы, гарцуя, прыгая, убегая; затем, отъехав на небольшое расстояние, разворачивает машину и мчится прямо к королевскому павильону. Дворяне вскидывают руки, чтобы защитить священную особу инки; мгновение спустя они в ужасе разбегаются. Но когда лошадь делает еще один рывок, чтобы оказаться рядом с монархом, всадник останавливает животное. В чертах лица инки не дрогнул ни один мускул, хотя, как нам сообщают, на следующий день знатные люди были убиты за свою трусость в присутствии незнакомцев. Кавалеры отказываются от еды, говоря, что они тоже соблюдают пост; но *чича*, или майсовое вино, предлагается **Ошибка! Закладка не определена.** им в золотых кубках темноглазыми красавицами, и Атауальпа не терпит отказа, испанцы, не спешиваясь, выпивают его, а затем медленно едут обратно в Кашамалку.

ПРЕДНАМЕРЕННОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

На исходе ночи, пока Атауальпа лежит и видит сны о сумеречном явлении, Франсиско Писарро вынашивает свои планы. Как бы мало ни было в кратком обзоре лагеря инков такого, что вселило бы уверенность в том, что здесь стоит попробовать трюк с захватом, испанцы, тем не менее, решают рискнуть. Детали предполагаемого вероломства и бойни продуманы с непревзойденной дерзостью и выполнены с холодным безразличием к правам человека и человеческим страданиям, что сделало бы честь вождю анакондас. Раздавая своим офицерам инструкции на день, которые сводятся ни много ни мало к захвату инки и убийству его приближенных, Писарро говорит: "Этот проект более осуществим, чем можно себе представить на первый взгляд. Чтобы совершить с нами обряд гостеприимства, индейцы не придут во враждебном настроении. На площадь нельзя допускать никого, кого можно легко победить; и поскольку инка, которому его солдаты поклоняются как богу, в пределах нашей досягаемости,

мы можем диктовать условия империи. Дальше, чем это, наше дело безнадежно. Атауальпа позволил нашим незначительным силам, которые он мог бы сокрушить при желании, продвинуться даже к границе своего священного присутствия; он едва ли позволил бы нам уйти с миром, если бы мы этого захотели. Из ваших сердец сделайте крепость, ибо, хотя нас и мало, Бог никогда не оставит тех, кто сражается в его битвах".

Месса, сопровождаемая благочестивыми песнопениями, следует за ранним звонком 16 ноября, и действие, рассеивающее страх, вскоре очищает атмосферу от всех мрачных предчувствий. Оружие и доспехи приведены в порядок и начищены до блеска; лошади украшены колокольчиками и звенящей сбруей, чтобы придать им устрашающий вид. В одном из залов, выходящих на площадь, где должен быть принят инка, накрыт роскошный ужин. Кавалерия разделена на три эскадрона **Ошибка! Закладка не определена.** под командованием Эрнандо де Сото, Эрнандо Писарро и Себастьяна де Беналькаса и размещена в залах с трех сторон площади. Пехотинцы, за исключением двадцати человек, выделенных Писарро в качестве его телохранителей, занимают комнаты, примыкающие ко двору, но их мало кто видит. Напротив аллеи, по которой приближаются перуанцы, высажены два небольших участка. Рядом с артиллеристами дислоцируются арбалетчики, а в башне крепости размещено несколько мушкетеров. Таким образом, испанцы ждут свою жертву до позднего вечера, когда с башни они видят то, что вызывает трепет не меньший, чем охлаждающая мужество задержка. Триста воинов в ярких мундирах расчищают путь палками, камнями или другими препятствиями для королевской процессии, которую возглавляет Атауальпа, восседающий на золотом троне, в паланкине с перьями, украшенном драгоценными камнями, который несут на плечах его вассалы. По обе стороны и позади королевских носилок шагают советники королевства, а за ними следует батальон за батальоном войск инков, пока тридцать тысяч солдат в боевом порядке не займут дамбу, ведущую из перуанского лагеря на полпути к Кашамальке. Несомненно, предполагаемый захват посреди такого воинства был безумием, и без чуда казалось бы, что христиане должны отказаться от своей благочестивой цели. Однако чуда не требуется. Непосредственно перед входом в город Атауальпа разбивает свои палатки с намерением провести там ночь и войти в Кашамалку на следующее утро. Этот смертельный удар по великим надеждам современности Писарро решает по возможности предотвратить. Отправив гонца к инке, он умоляет его изменить свое намерение и поужинать с ним в тот же вечер. Инка соглашается, говоря, что ввиду позднего часа он приведет с собой только нескольких невооруженных слуг. Обращаясь к своим подданным, он замечает: "Оружие не нужно в наших отношениях с теми, кто выполняет столь святую миссию". Отсюда и чудо.

ВИЗИТ АТАУАЛЬПЫ.

Хотя приближенных Атауальпы было немного по сравнению со всей его армией, их насчитывалось несколько тысяч, и незадолго до захода солнца они медленно и размеренной поступью маршировали по главному проспекту к площади, шагая в такт звучной музыке певцов и танцоров, которые неторопливо двигались перед королевскими носилками. Ближе всего к особе монарха находятся *орехоны*, как испанцы называли перуанских дворян, богато одетые в доспехи и короны из золота и серебра, одни пешие, другие в носилках, в соответствии с их рангами. На шее поверх жилета без рукавов инка носит кольцо с крупными изумрудами; под волшебной борлой тусклый, холодный, безразличный вид предыдущего вечера уступил место выражению воодушевленного величия. При въезде на площадь королевская процессия расходится вправо и влево, Атауальпа и его вельможи занимают свое место в центре, а

перуанские солдаты заполняют оставшееся пространство. Глубокая тишина наполняет место, и несколько появляющихся испанцев настолько скрыты за фигурами его собственных смуглых воинов, что Атауальпа, не сходя с носилок, бросает вокруг себя вопросительный взгляд и спрашивает слугу: "Чужаки бежали?" [I-8] В этот момент из одного из залов выходит священник Висенте де Вальверде в сопровождении переводчика. В одной руке он держит Библию, а в другой - распятие. [I-9] Приближаясь к королевским носилкам, священнослужитель обращается к инке с речью, начиная с доктрин троицы, творения, искупления, **Ошибка! Закладка не определена.** и делегирования полномочий, [I-10] и заканчивая верой, надеждой и милосердием, проявленными в личности пирата Писарро.

Презрительная улыбка, появившаяся на лице инки в начале обращения, сменяется выражением мрачного негодования, когда ему говорят отречься от своей веры и признать суверенитет короля Испании. "Ваш повелитель может быть велик, - восклицает он, и в его глазах вспыхивает огонь, - но нет никого более великого, чем инка. Я не буду данником никому. [I-11] Что касается вашей веры, вы говорите, что ваш бог был убит людьми, которых он создал. Мой жив, - он гордо указал на заходящее солнце, - всемогущий на небесах. [I-12] Ваш папа, должно быть, дурак, если говорит о раздаче чужого имущества". [I-13] Затем, после минутной паузы, он спрашивает: "По какому праву ты так говоришь со мной?" Священник вкладывает ему в руку Библию. "В этом, - говорит он, - дано все, что необходимо знать человеку". Инка берет книгу и переворачивает страницы. "Это мне ни о чем не говорит", - восклицает он. Затем, выведенный из себя тем, что он считает намеренным оскорблением, он бросает книгу на землю, [I-14] говоря: "Ты дорого заплатишь за это унижение и за все обиды, которые ты причинил в моих владениях". Этого вполне достаточно. **Ошибка! Закладка не определена.** Бог и царь отвергнуты, а святые евангелисты попраны ногами. [I-15] "Почему ты медлишь?" - кричит разъяренный монах Писарро, поднимая священный том. "Во имя Бога, на них! Убейте нечестивых собак!" [I-16]

ЗАХВАТ ИНКИ.

Ревностный командир не нуждается во втором увещании. Развернув белое знамя, сигнал к штурму, он бросается из своего укрытия; часовой на башне разряжает свой мушкет и громко издает боевой клич Сантьяго! как и каждый испанец, бросающийся в атаку. К их звериному инстинкту добавилось духовное опьянение, которое вывело их из категории мужчин и сделало их людьми-извергами. Мы удивляемся, как люди могли так верить; но еще больше мы удивляемся, как люди, столь верующие, могли так себя вести. Орудия наполняют помещение раскатистым шумом и дымом; с пронзительным звуком труб и звоном колокольчиков всадники скачут на охваченную паникой толпу; с лязгом оружия появляется пехота, и все быстро объединяются, вонзая свои острые мечи в незащищенные тела туземцев. Сначала они обращаются в бегство, но на каждом шагу их встречает кровожадный враг. Те, кто ближе всего к воротам, убегают, но вскоре проходы завалены горами мертвых тел. Бойня ужасна. И над всем шумом резни слышен пронзительный голос человека Божьего, взывающего к солдатам: "Бей! бей! наносите удары остриями своих мечей, чтобы при ударе вы не сломали свое оружие". [I-17] **Ошибка! Закладка не определена.** Когда предпринята первая яростная атака, Писарро, который с двадцатью отборными людьми взял на себя задачу поимки инки, бросается к королевским носилкам, но, какими бы быстрыми ни были их движения, преданные последователи Атауальпы оказываются перед ним и, столпившись вокруг своего находящегося в опасности государя, изо всех сил пытаются защитить его. Когда один падает замертво, другой спешит занять его место. Каждый из гвардейцев Писарро борется за честь пленения; но на

какое-то время им мешают наплывы толпы, которая таскает монарха туда-сюда, и отчаянная защита, предпринятая перуанцами.

НА БАНКЕТЕ.

Опасаясь, как бы в наступающей темноте жертвы не сбежали, один из испанцев наносит удар мечом по инке. Отражая удар, Писарро получает легкую рану в руку; затем, угрожая смертью любому, кто попытается применить насилие к Атауальпе, он прорубает себе путь через крепость верных сердец, охраняющих королевскую особу, и, вонзив свой меч в несущих носилки, низвергает монарха, которого подхватывает на руки. Борла срывают со лба Атауальпы, и его уводят в крепость, где на него надевают наручники и помещают под сильную охрану. [I-18] Тем временем бойня продолжается на площади и за ее пределами. И в резне около пяти тысяч человек, которая заняла не более получаса, говорят, что не было пролито ни капли испанской крови, кроме той, что была пролита от руки Писарро одним из его собственных людей. [I-19] Следуя **Ошибка! Закладка не определена.** воплощение своих инстинктов, эти изверги проводят ночь в беспорядках и пьянстве. [I-20] Таким образом, во время быстрого наступления тропических сумерек завоевание Перу завершено; солнце инков заходит ярко, кровавого цвета; верные своему обязательству, Писарро и Атауальпа ужинают вместе той ночью! [I-21]

Мы видели, как была основана богатая империя Перу; как ее могущественный вождь был вероломно взят в плен шайкой испанских захватчиков; теперь взгляните на мгновение, как был заключен мир послами Принца Мира.

Удар был нанесен так внезапно, что Атауальпа не успел осознать своего положения. Это была всего лишь часовая схватка; мысль о своем порабощении еще даже не приходила ему в голову. На банкете он похвалил мастерство, с которым была проделана кровавая работа, и, обращаясь к своим скорбящим последователям, сказал: "Таковы превратности войны - побеждать и быть побежденным". Писарро и его товарищи обращались с августейшим узником как с блюдом, достойным богов. Его женщинам и знати было разрешено прислуживать ему, а за свою жизнь или длительное заключение ему велели не опасаться. **Ошибка! Закладка не определена.** Тем временем испанцев призывали к бдительности; им напомнили, что они всего лишь горстка людей, окруженных миллионами врагов. "Наш успех, - сказал Писарро, - был чудесным, за что следует искренне восхвалять Бога, даровавшего его нам". Перуанцы не предприняли никаких усилий, чтобы спасти своего вождя; и пока священная особа их инки была пленницей, они были бессильны и бесцельны. Тридцати всадников было достаточно, чтобы рассеять имперскую армию и обстрелять лагерь. И пока Писарро проповедовал [I-22] христианство своему закованному в цепи пленнику, его солдаты собирали золото, оскверняя перуанские храмы, убивая мужчин и насилая женщин. [I-23] Быстро выяснилось, что богатство страны намного превзошло самые смелые мечты завоевателей, и вскоре на площади были свалены в кучу золотые и серебряные украшения и утварь стоимостью в сто тысяч кастельяно. [I-24]

КОРОЛЕВСКИЙ ВЫКУП.

Атауальпа не замедлил понять, что не верность и не их хваленое благочестие были главной страстью его похитителей, а любовь к золоту. И в этом был луч надежды, ибо с течением дней мрачное подозрение об их вероломстве и злых намерениях в отношении него заполнило его разум. Подозвав к себе Писарро, он сказал: "Дела моего королевства требуют моего внимания.

Мой брат Уаскар, узнав о моем несчастье, уже планирует свой побег. Если золото удовлетворит тебя, я устелю этот пол сосудами из чистого золота, а ты только даруй мне свободу". Писарро ничего не ответил. Присутствующие испанцы окинули квартиру недоверчивым взглядом. Комната **Ошибка! Заложка не определена.** имела двадцать два фута в длину и шестнадцать в ширину. Сделав вывод из их молчания, что выкуп слишком мал, и удрученный перспективой долгого заточения, он воскликнул: "Нет, я наполню комнату золотом так высоко, как вы сможете дотянуться, если вы позволите мне уйти". И, чтобы сделать предложение еще более заманчивым, он подошел к стене и, встав на цыпочки, вытянув руку, сделал отметку в девяти футах от пола. Его мучители по-прежнему молчали. Наконец он взволнованно воскликнул: "А если этого недостаточно", - указывая на соседнюю комнату поменьше, - "я наполню эту комнату серебром вдвое больше". [I-25] Предложение было принято. Это было достаточно безопасно, хотя печально известный Писарро ни на минуту не предполагал, что его царственный пленник уйдет из его рук живым; ибо таким образом можно было быстрее всего завладеть богатствами империи, и в случае успеха можно было легко найти предлог для нарушения обещания освобождения. Пленнику отводилось два месяца на то, чтобы собрать это огромное сокровище. Полые сосуды и вся утварь должны были быть предоставлены в готовом виде, а не переплавленными. Ценные драгоценности должны были обогатить коллекцию, а дружба инки должна была увенчать выдающийся выкуп.

Сразу же после того, как нотариус зафиксировал это условие, Атауальпа разослал во все стороны гонцов с инструкциями собрать и доставить в Кашамалку с наименьшей возможной задержкой предметы, необходимые для выкупа. Сокровища инков в основном хранились в королевских дворцах Куско и Кито и в храмах солнца по всей империи. Всем губернаторам и младшим офицерам было настоятельно рекомендовано проявить максимальную оперативность при выполнении этого приказа. Тем временем пираты были хозяевами положения. Каждый из них был лордом, которому прислуживали слуги мужского и женского пола. Они пили из золотых сосудов и подковывали своих лошадей серебром. Их командиром был царь царей; один король был его пленником, другой - пленником его пленника. Один из хронистов утверждает, что вскоре после своего пленения Атауальпа получил сведения о важном сражении, выигранном его армией в день его падения. "Таковы тайны судьбы, - воскликнул несчастный монарх, - в одно и то же время побежденный и завоеватель". Уаскар, который в это время находился в заключении в Андамарке, недалеко от Кашамалки, услышав о поимке Атауальпы и об огромном выкупе, предложенном за его освобождение, послал Писарро, предлагая гораздо большую сумму за свое собственное освобождение. Писарро сразу увидел преимущество, которое можно было извлечь, выступая в роли арбитра между этими соперничающими претендентами на трон, и, следовательно, попытки Уаскара одобрить это предложение были одобрены. Но Атауальпа, хотя и находился в тесном заключении, был полностью информирован о событиях, происходящих по всей империи, и его слово все еще было законом. Однажды Писарро неосторожно заметил ему: "Я с нетерпением жду прибытия твоего брата, чтобы рассудить вас и восстановить справедливость там, где это уместно". [I-26] Вскоре после этого Уаскар был тайно казнен; и Писарро испытал унижение, обнаружив, что закованный в кандалы варвар перехитрил его.

Ожидая сбора золота, Эрнандо Писарро с двадцатью всадниками совершил набег на страну с богатыми результатами. Говорят, что три солдата были отправлены Писарро под защитой инки в Куско, откуда после осквернения храмов и надругательства над священными девами

они вернулись в Кашамалку с двумястами *грузами* золота и двадцатью пятью серебряными, для перевозки которых требовалось не менее девятисот индейцев.

СОБИРАЮ ЗОЛОТО.

Время с заключенным монархом тянулось утомительно. Приток золота, поначалу быстрый, вскоре прекратился, и, к сожалению, **Ошибка! Закладка не определена.** для Атауальпы большая часть золота была в плоских пластинах, что увеличивало объем, но медленно. Тем не менее, по ходу дела Писарро считал оправданным продлить заключенному срок. В феврале 1533 года Альмагро прибыл в Кашамалку с двумя сотнями человек, пятьдесят из которых были верховыми, и потребовал для себя и компании равного участия в добыче, согласно договору. Писарро отказался от этого, но согласился разделить то, что должно быть взято впоследствии. Спор был окончательно урегулирован, когда Альмагро выделили на его расходы сто тысяч песо, а его людям - двадцать тысяч.

Золото поступало еще медленнее; теперь люди прятали его; испанцы желали смерти Атауальпы, чтобы получить свободу опустошать и мародерствовать по-старому. Они решили, что инка должен умереть; [I-27] но сначала они переплавят и поделят золото; они решили убить инку, но сначала он должен предстать перед справедливым судом. Составить обвинительный акт было несложно. Смерть Уаскара, мнимые мятежи, задержка с выкупом, отказ принять крещение - этих обвинений или любого из них было вполне достаточно. Тогда Фелипильо возжелал одну из жен Атауальпы и сделал все, что мог, чтобы ускорить его смерть. [I-28]

Местные ремесленники, которым была поручена эта работа, более месяца были заняты тем, что разливали в слитки огромную массу собранного золота и серебра. Его стоимость составляла 1 326 539 кастелланосов, [I-29] равная при покупке **Ошибка! Закладка не определена.** на сегодняшний день более двадцати миллионов долларов. "Это самая серьезная ответственность в моей жизни, - воскликнул Писарро, усаживаясь в золотое кресло инки, - выступать в качестве судьи при разделении, - и да поможет мне Бог поступать справедливо с каждым человеком"; после этой молитвы за действиями пирата вполне можно было наблюдать. И сначала он подарил себе золотой стул, в котором сидел, стоимостью в 20 000 кастелланосов, золотые слитки, 57 222 кастелланоса и 2350 марок серебра. Следующим его брат Эрнандо получил 31 080 золотых кастелланосов и 2350 марок серебра, что почти вдвое больше, чем было получено Эрнандо де Сото, равному ему по рангу и таланту. Всадники получили 8 880 кастелланосов золотом и 362 марки серебром. Некоторые пехотинцы получили половину этой суммы, другие - меньше. Церкви Сан-Франциско было подарено 2220 золотых кастелланосов. [I-30] Отец Луке умер незадолго до отъезда Альмагро из Панама; ни он, ни его законный представитель Гаспар де Эспиноса не упоминаются в рассылке.

Эрнандо Писарро и Эрнандо де Сото оба были против суровых мер по отношению к инкам, с презрением, которого они заслуживали, относясь к усиливающимся слухам о восстании. Но Писарро и Альмагро, которым не терпелось осуществить свои амбициозные планы, уже давно определили судьбу Атауальпы. Обвинения **Ошибка! Закладка не определена.** и судебный процесс были бы смехотворны, не будь они такими дьявольскими. Писарро и Альмагро выступили в качестве судей. Среди обвинений были попытка восстания, узурпация власти и казнь законного монарха, идолопоклонство, ведение несправедливой войны, прелюбодеяние, многоженство и хищение государственных доходов с тех пор, как испанцы захватили власть в стране! Какую еще резкую иронию могли бы выразить слова о христианской и цивилизованной

идее человечности и правах человека того времени, чем перечень преступлений, за которые этот варвар должен был несправедливо умереть, каждое из которых сами испанцы совершили в десятикратном размере с тех пор, как вторглись в эти владения. Мнение солдат было учтено. [I-31] Нет необходимости говорить, что заключенный был признан виновным. Он был приговорен к сожжению заживо на площади.

СМЕРТЬ АТАУАЛЬПЫ.

В назначенный час царственного пленника, закованного в тяжелые цепи, вывели наружу. Наступила ночь, и свет факелов бросал мрачный отблеск на происходящее. Рядом с инкой шел печально известный отец Висенте, который не переставал изливать в невольное ухо своей жертвы свои ненавистные утешения. У погребального костра Атауальпе сообщили, что, если он примет крещение, его могут любезно задушить, а не сжечь. "Дешевое избавление от многих страданий", - подумал монарх и позволил это сделать. Ему было дано имя Хуан де Атауальпа. Затем железный ошейник гарроты был затянут, христиане прочитали над новообращенным свои кредо, **Ошибка! Закладка не определена.** и дух инки улетел к солнцу. Таким образом, к короне бессмертия отца Висенте де Вальверде добавилась еще одна драгоценность! [I-32]

Со смертью Атауальпы империя инков распалась на куски, и испанцы не замедлили захватить обезумевшую страну. Говорят, что золото и серебро, добытые завоевателями в Куско, равнялись тому, что было добыто инками. Официальные заявления указывают на сумму в 580 200 золотых кастелланосов и 215 000 марок серебра. [I-33] После того, как испанцы организовали другое распределительное правительство с Манко Капаком, коронованным инкой Перу в качестве фигуры-главы, за спиной которой и во имя которой мрачные завоеватели могли без зазрения совести продолжать свою разрушительную работу. Себастьян Бенадькасар овладел Кито, где вскоре после этого ему противостоял Педро де Альварадо, один из завоевателей Мексики и губернатор Гватемалы.

АЛЬВАРАДО В ПЕРУ.

Похоже, что Альварадо, снарядивший флот из двенадцати кораблей для путешествия к островам Пряностей, был отклонен от своей цели, как будет рассказано ниже, сообщениями о чудесных успехах перуанских приключений. Веря или делая вид, что верит, что провинция Кито находится вне юрисдикции Писарро, он решил завоевать эту страну для себя. Его армия при высадке представляла собой самый сильный фронт в Перу, но марш через заснеженную сьерру был одним из самых катастрофических в истории испанских колоний. [I-34] Хотя расстояние было небольшим, вся **Ошибка! Закладка не определена.** дорога была усеяна мертвецами; погибло более сотни испанцев и двух тысяч индейцев. Однако уцелело достаточно, чтобы позволить Альварадо заключить справедливые соглашения с Альмагро и Бенадькасаром. Часть судов и все силы Альварадо были переданы ассоциированным компаниям за сто тысяч кастельяно. Затем Альварадо посетил Писарро в Пачакамаке, где последний ожидал развития событий в Кито; после чего Альварадо отбыл. Бенадькасар остался в Кито и в конце концов стал губернатором этой провинции.

После этого в истории Перу начинается вражда между союзниками-завоевателями; ибо здесь, как и везде, как только дикари убиты, их разрушители вступают в драку между собой. Альмагро и Писарро - старики, старые друзья, партнеры; и все же вместо того, чтобы разделить свое огромное приобретение и посвятить краткий остаток своих дней мирным занятиям, их

ненависть становится настолько смертельной, что каждый, кажется, не может успокоиться, пока жив другой. Эрнандо Писарро сообщает о ходе событий в Испании, и Альмагро назначается командующим Куско, в то время как Писарро основывает свою столицу в Лиме. Король подтверждает Писарро в его завоевании и делает его маркизом де лос Атавильос и предоставляет Альмагро двести лиг вдоль морского берега, начинающегося от южной границы территории Писарро. Эрнандо Писарро занимает место Альмагро в "Куско". Пока Беналькасар находится в Кито, Альмагро в Чили, а силы Писарро разделены между Куско и Лимой, инка Манко Капак восстает. С двумястами тысячами человек он одновременно осаждает Куско, Лиму и Сан-Мигель и истребляет поселенцев на плантациях. Испанцы доведены до крайности. Куско превращен в пепел, и Писарро, неспособный сотрудничать со своим братом Эрнандо, отправляет корабли в Панаму и Никарагуа за помощью.

Главным предметом спора между ассоциированными компаниями **Ошибка! Закладка не определена.** является разделительная линия, разделяющая их соответствующие правительства. Каждый утверждает, что древняя столица Куско находится на его территории. Альмагро, вернувшись из провальной экспедиции в Чили, пытается заручиться дружбой Манко Капака; потерпев неудачу в этом, он побеждает инку в жестоком сражении, овладевает Куско, берет Эрнандо Писарро в плен и захватывает его армию. Вместо того чтобы отрубить себе голову, как настаивал Оргоньес, и немедленно двинуться маршем на Лиму, Альмагро колеблется и тем самым падает.

Тем временем Эрнан Кортес посылает своему находящемуся в опасности брату-завоевателю судно, груженное провизией; королевский подарок. Гаспар де Эспиноса, преемник отца Луки, появляется примерно в это же время в Перу, и Писарро отправляет его к Альмагро, чтобы уладить их трудности, но последний остается непреклонным, и внезапная смерть Эспиносы кладет конец нынешним попыткам. Наконец, многими торжественно данными обещаниями, которые немедленно нарушаются, его точка зрения достигнута, Франсиско Писарро добивается освобождения своего брата; затем с семьями людьми на равнине перед Куско он вступает в бой и наносит поражение отряду Альмагро в пятьсот человек под командованием Оргоньеса, захватывает Альмагро, которого заковывает в цепи, и после инсценировки судебного процесса казнит его. Эрнандо Писарро впоследствии арестован в Испании за убийство Альмагро, двадцать лет содержался в заключении, освобожден и умирает в возрасте ста лет.

КРОВАВОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ.

И теперь на сцене появляется наследник вражды, незаконнорожденный сын Альмагро Диего, который отныне живет только для того, чтобы отомстить за смерть своего отца. Есть те, кто не желает служить убийце своего господина, "люди Чили", как их называют, и поэтому они видят бедствие и ходят с исхудалыми лицами и в изодранной одежде по улицам Куско. Все эти двадцать человек во главе с Хуаном де Радой встречаются в доме молодого Альмагро и дают себе клятву убить Франсиско Писарро в следующее воскресенье, 26 июня 1541 года. Дом Альмагро примыкает к церкви, **Ошибка! Закладка не определена.** в то время как дом Писарро находится на другой стороне площади. Они убьют его, когда он выйдет из церкви после мессы. Но губернатор в этот день не посещает церковь; поэтому они пересекают площадь и входят через открытые ворота во внутренний двор, откуда лестница ведет в верхнюю комнату, где Писарро ужинает с несколькими друзьями. Внезапно обедающие слышат крик снизу: "Да здравствует король! Смерть тиранам!"

Привыкший к опасности Писарро действует мгновенно, приказывает своему старшему офицеру Франсиско де Чавесу запереть дверь и вместе со своим сводным братом Мартинесом де Алькантарой выходит в соседнюю комнату, чтобы вооружиться. Чавес бросается вперед и закрывает дверь, но вместо того, чтобы запереть ее, он вступает в переговоры с нападавшими, которые сейчас находятся наверху лестницы. Вонзенный в грудь офицера меч прерывает совещание, и тело сбрасывают вниз. Увидев кровь, большинство гостей разбегаются, карабкаясь по коридору и падая на землю; двое или трое, вышедших вперед с Чавесом, быстро расправляются с заговорщиками. Хотя его доспехи плохо подогнаны, Писарро бросается вперед с мечом в руке. "Ну что, негодяи! вы хотите убить меня?" - кричит этот ветеран сотен боев. Затем обратился к Алькантаре: "Давайте храбро противостоять этим предателям, ибо, клянусь Богом, нас двоих достаточно, чтобы убить их всех". Чилийцы отступают перед ним, но лишь на мгновение; снова толпящиеся вперед один за другим заговорщики оказываются распростертыми на земле. Однако победа слишком неравна, чтобы продолжать; и все же после того, как Алькантара, два пажа губернатора и все присутствующие, кроме вождя, лежат мертвыми на полу, Писарро все еще сражается. Наконец Рада, придя в ярость, хватает одного из своих товарищей по имени Нарваес и бросает его на меч Писарро. Это смерть для Нарваэса, но это победа для Альмагро; ибо в то время, как меч Писарро вонзается в тело незадачливого заговорщика, оружие другого вонзается ему в горло и повергает его на пол. - Убей его! убейте его!" - кричат **Ошибка! Закладка не определена.** нападавшие смыкаются вокруг упавшего вождя, вонзая в его тело свои мечи. [I-35] Верный своим религиозным инстинктам, умирающий герой приподнимается на локте, обводит собственной кровью на полу священный символ своей веры, вздыхая: "Иисус Христос!" затем, когда он склоняет голову, чтобы поцеловать сделанный им крест, удар, более подлый, чем все остальные, обрывает его богатую событиями жизнь. Так погибли в кровавой схватке, каждый от руки другого, эти прославленные вожди, чья непоколебимая целеустремленность и мужественность в трудных ситуациях могли сравниться только с их алчностью, предательством и позорной жестокостью.

Кровавая работа завершена, заговорщики бросаются вперед и кричат: "Да здравствует король! Тиран мертв! Да здравствует наш законный губернатор Альмагро!" Альмагроисты остаются у власти до конца 1542 года, когда их уничтожает Вака де Кастро, посланный короной в качестве комиссара для успокоения страны. Альмагро казнен, и это имя исчезает. Хуан Писарро убит индейцами при захвате крепости Куско, а после поражения Васко Нуньеса Велы при Аньякито был отомщен казнью Гонсало Писарро при Ксакихагуане, дела Перу переходят в руки вице-королей. [I-36] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА II. CASTILLA DEL ORO. 1527-1537.

Правление Педро де лос Риоса—Его сменяет лицензиат Антонио де ла Гама—Правление Баррионуэво—Провинция в Новой Андалусии передана Педро де Эредиа—Он плывет в Картахену—Конфликты с местными жителями—Обнаружены сокровища—Богиня дьявола—Процветание Поселения—Алонсо Эредиа отправлен восстанавливать Сан—Себастьян—Ему противостоит Хулиан Гутьеррес—Захват Гутьерреса—Золотой храм Дабайба снова—Экспедиции в поисках Сверкающего Призрака Франсиско Сесар и другие—Аудиенция, учрежденная в Панаме—Администрация для мужчин—Жалобы колонистов—Нищета в

провинции—Епископы Кастилия—дель-Оро-Чудотворный образ Богородицы-Библиографический список.

PEDRO DE LOS RIOS.

Уже упоминалось о назначении Педро де лос Риоса губернатором Кастилия-дель-Оро вместо Педрариаса Давилы, о прибытии его флота в Номбре-де-Диос в 1526 году и о смерти Педрариаса в Леоне в 1530 году. Новому губернатору было дано указание, что его главной целью должно быть обращение туземцев, а не их завоевание; с ними действительно следовало обращаться как с вассалами короны, но не как с рабами; и его Величество император Карл V. был рад объявить, что при основании новых колоний он меньше заботился о собственном возвышении, чем о распространении святой католической веры. Педро де лос Риос был человеком, неспособным управлять сообществом диких и буйных искателей приключений на незнакомой и наполовину заселенной территории. Вместо того чтобы следовать правильным курсом в нужный момент, он, казалось, изо всех сил старался совершать грубые ошибки. Как это произошло **Ошибка! Закладка не определена.** на его встрече с Сальседо в Никарагуа, когда простая угроза штрафа заставила его поспешно ретироваться в Панаму, в час суда его часто обнаруживали без сознания. Отсутствие у него амбиций и неизменного уважения к собственной непринужденности и безопасности привели к тому, что его администрация оказалась пресной и без происшествий.

The *Священное имя* было пороком, настолько распространенным среди правителей Кастилия-дель-Оро, что снова упоминать о нем - всего лишь утомительное повторение; но жажда богатства Риоса намного превзошла жадность всех его предшественников. Его алчность превосходила только алчность его жены, которая, как рассказывает нам Овьедо, держала его под полным контролем и управляла провинцией через губернатора. Он присваивал все, что попадалось ему под руку, будь то государственная или частная собственность, и его злодеяния на посту президента вскоре стали настолько печально известны, что привлекли внимание императора. Ему запретили пересекать границы своей провинции, приказали передать королевскому казначею Жемчужные острова, доходы с которых, как следует помнить, были переданы короной под его контроль, и оказывать всю необходимую помощь Франсиско Писарро и Диего де Альмагро в проведении их исследовательских экспедиций.

Но в политику Риоса не входило застраивать другие территории за счет своей собственной, и его пренебрежение этими инструкциями в сочетании со пагубным влиянием хитрого Педрариаса, которого тонкоумный Риос не переставал преследовать, вскоре привело к его падению. [II-1] Таковы, наконец, были жалобы, поданные в совет Индии, на то, что за некоторое время до истечения трехлетнего срока его полномочий лицензиат Антонио де ла Гама был отправлен занять свою резиденцию, а губернатор, недовольный результатом, отправился в Испанию и потребовал справедливости. Его дело рассматривалось в совете Индии, Овьедо выступал в качестве прокурора города Панама, а Педро **Ошибка! Закладка не определена.** де лос Риос был оштрафован, лишен должности, отправлен домой и ему было запрещено когда-либо возвращаться в Индию. [II-2] Его жена, которую он оставил дома, отказалась отправиться в Испанию без сопровождения своего мужа, и поскольку он отказался вернуться за ней, она оставалась в Панаме до дня своей смерти.

После осуждения Риоса в 1529 году лицензиат отказался сдать свой служебный знак, сохранив за собой пост губернатора около пяти лет. Несмотря на некоторые жалобы на его упрощенный

метод решения судебных вопросов, некоторые даже заходили так далеко, что говорили, что если Риос решит вернуться, он может сделать это безнаказанно, общий вердикт колонистов был в его пользу, и за время его правления было сделано много общественных улучшений. Непомерная жажда богатства, как обычно, стала причиной его смещения, [II-3] и весной 1534 года его сменил капитан Франсиско де Баррионуэво, солдат, отличившийся при Картахене. Баррионуэво получил свое назначение почти два года назад и отплыл из Испании под командованием отряда в двести человек, укомплектованного за счет короны. Ему было приказано высадиться в Эспаньоле, где губернатору было поручено доставить все необходимые припасы; и экспедиция прибыла в Номбре-де-Диос с рядами, несколько поредевшими из-за болезней и потерь, понесенных при оказании помощи в подавлении восстания индейцев в Санто-Доминго.

NUEVA ANDALUCÍA.

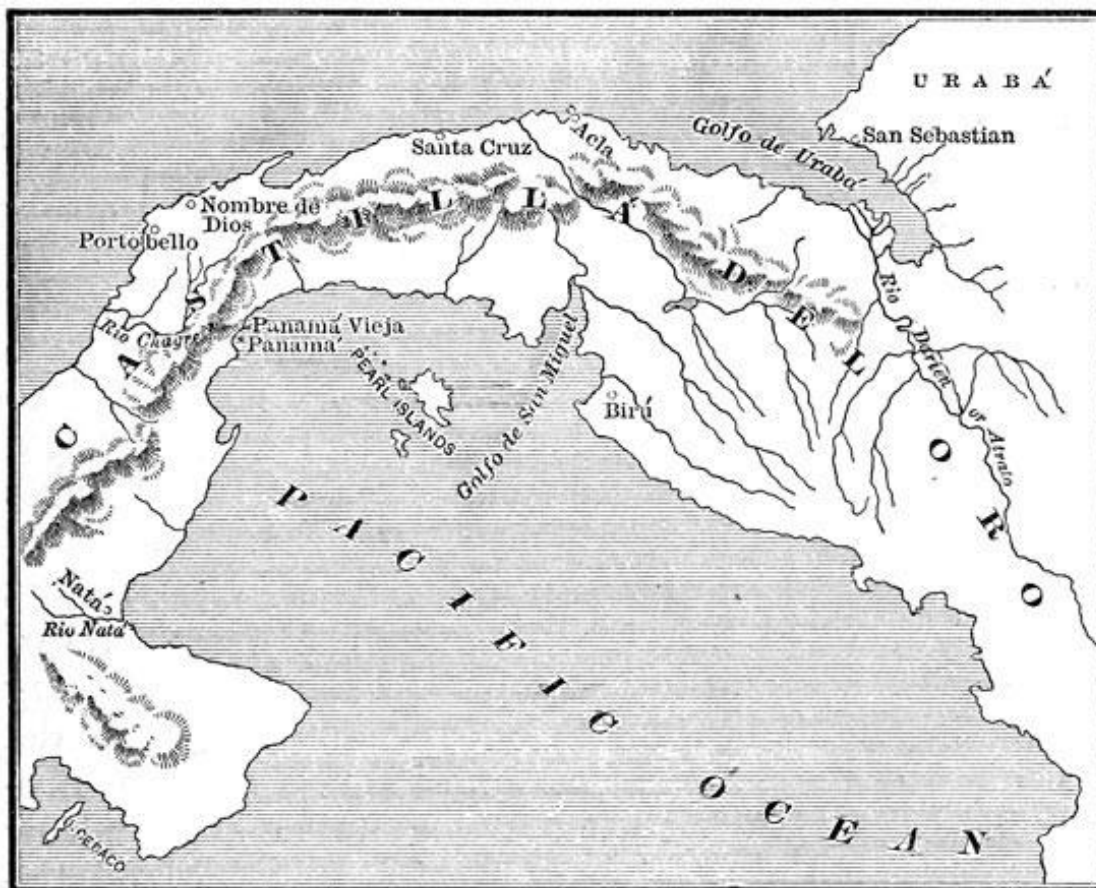
Среди толпы искателей приключений, которые, ослепленные чудесными рассказами о богатстве инков и легендарных сокровищах Дабайбы, обратились к императору с просьбой предоставить территорию к югу от Кастилия-дель-Оро, был Педро де Эредиа, который уже сослужил хорошую службу в поселении Санта-Марта и в других местах Индии. За ним была закреплена провинция в Новой Андалусии, границы которой простирались от реки Аtrato до Магдалены и от Северного моря до экватора. Отплыв из Испании в 1532 году с тремя судами и примерно сотней человек, он высадился в порту, который тогда назывался Каламари, но которому он дал название Картахена. [II-4] Именно здесь командование Охеды было уничтожено в 1509 году, и именно здесь Никуэса отомстил за поражение своего покойного соперника, предав мечу народ.

После короткого отдыха испанцы двинулись вглубь страны и вскоре подошли к городу, где встретили упорное сопротивление. Туземцы хорошо пользовались своими отравленными стрелами и дубинками из твердого дерева, мужчины, матроны и служанки сражались бок о бок, и хотя все были без одежды или каких-либо защитных доспехов, они, не дрогнув, противостояли огнестрельному оружию и мечам европейцев. Во время перестрелки было захвачено несколько пленных, один из которых по возвращении отряда в Картахену вызвался выступить в качестве проводника в некоторые из крупнейших городов в окрестностях, полагая, что его похитители наверняка должны быть там побеждены и истреблены. По дороге они подверглись нападению большого отряда туземцев, которые после ожесточенного боя были загнаны в соседнюю крепость, окруженную несколькими густо посаженными рядами деревьев. По горячим следам испанцы последовали за ними и ворвались в ограду бок о бок с беглецами. Вскоре прибыли свежие отряды индейцев и, переломив ход событий, вытеснили захватчиков, а на равнине за ними, где было место для применения артиллерии и кавалерии, даже здесь оказали на них такое сильное давление, что они с трудом удерживали свои позиции. Во время боя Эредиа, отделившись от своих людей, был окружен и наверняка был бы убит, если бы один из его солдат не пробился сквозь ряды противника и, вонзив свой меч в тело одного и перерезав тетиву лука другого, не сдерживал врага, пока не смогли подойти другие. **Ошибка! Закладка не определена.** ему на помощь. В конце концов дикари были отброшены назад, оставив свой город в руках захватчиков, которые нашли там провизию и немного золота.

Возвращаясь в Картахену, Эредиа столкнулся с недавно прибывшим из Испании судном с войсками на борту, которые увеличили его численность до ста пеших и стольких же конных.

Получив новые силы, он проник в провинцию до города Чену, расположенного в долине реки, которая до сих пор носит это название. Здесь в двух ящиках или сундуках было найдено золота на сумму 20 000 песо, а в месте, известном как "Эль-бохио дель диавло", [II-5] в яме с тремя отделениями, каждое длиной около двухсот пятидесяти футов, находился гамак, поддерживаемый четырьмя человеческими фигурами и содержащий золота на сумму 15 000 песо, в котором, согласно индийской традиции, имел обыкновение отдыхать его черное величество. В гробнице неподалеку был обнаружен золотой песок на сумму 10 000 песо.

Вполне удовлетворенный результатами своей экспедиции, Эредиа вернулся в штаб, и вскоре к нему присоединилось свежее подкрепление в триста человек. Весть о его успехе вскоре привлекла множество недовольных колонистов из Кастилия-дель-Оро, и к концу шестнадцатого века Картахена стала заметным местом, [II-6] флот, снабжавший Новый Свет испанскими товарами, заходил туда по пути в Портобелло. Последнее было всего лишь маленькой деревушкой, населенной в основном неграми и обладавшей, после Номбре-де-Диоса, самым суровым климатом из всех поселений на Огненной земле. Настолько смертоносными были испарения от его вонючей и дымящейся почвы, что небольшой гарнизон, содержащийся там для охраны флота, менялся четыре раза в год. Несмотря на нездоровую атмосферу **Ошибка!** **Закладка не определена.** здесь проводилась ежегодная ярмарка продолжительностью сорок дней, в течение которых улицы были переполнены торговцами со всех концов Индии. Вскоре после этого перуанский пастух, взбираясь по склону горы в поисках своей заблудившейся ламы, обнаружил серебряные рудники Потоси, [II-7] и это место на несколько недель в году превратилось в самый переполненный торговый центр в мире. Флот, нагруженный всем необходимым для удовлетворения реальных и искусственных потребностей богатого сообщества, заходил туда раз в год, и как только он появлялся в поле зрения, сокровища рудников и жемчужных промыслов доставлялись по суше из Панамы в Крусес, а оттуда вниз по Рио-Чагре в Портобелло.

Castilla del Oro.

САН-СЕБАСТЬЯН.

Когда завоевание и исследование его территории было частично завершено, Педро де Эредиа отправил своего брата Алонсо в залив Ураба **Ошибка! Закладка не определена.** отстроить там город Сан-Себастьян. [II-8] Выбранное место находилось в нескольких лигах к югу от руин поселения, которое основал Охеда, и где его лейтенант Франсиско Писарро и его банда страдали от голода и мора, прежде чем Васко Нуньес повел их к Южному морю. В месте, удаленном примерно на пол-лиги от восточного берега залива, среди нескольких холмов, рядом с которыми росли рощи высоких кокосовых пальм, [II-9] поселение было основано вопреки воле Хулиана Гутьерреса, который, женившись на сестре касика Ураба, сколотил состояние, выменивая на золото дешевые безделушки, которые больше всего любили местные жители. [II-10] Подстрекая туземцев преследовать отряд Эредиа при каждой возможности, Гутьеррес приступил к строительству форта на берегу Рио-Кайман, недалеко от Сан-Себастьяна. В этом предприятии к нему присоединились несколько мужчин из Кастилья-дель-Оро, которые собирались отправиться в Перу, но были уговорены поступить на службу к Гутьерресу. Главным среди них был некто Франсиско Сезар, который вскоре после этого занял видное место в истории Картахены.

Эредиа немедленно выступил со всеми своими войсками против Гутьерреса и приказал ему удалиться из пределов своей провинции. Последний ответил, что действовал по указанию губернатора Кастильи-дель-Оро и не мог пренебречь его приказами. Эредиа притворился, что

удовлетворен этим ответом, и отвел свои войска, но, вернувшись с наступлением темноты, взял штурмом вражеский лагерь и предал мечу большую часть гарнизона. Гутьерреса и его жену-индианку перевезли **Ошибка! Закладка не определена.** пленниками в Картагену. Сезар с несколькими выжившими сбежал в лес, а затем поступил на службу к Эредиа. Вест о катастрофе вскоре достигла Панамы, после чего Баррионуэво немедленно переправился в Номбре-де-Диос, сел на корабль до Картагены, добился освобождения своего лейтенанта и заключил соглашение с Педро де Эредиа, по которому Аtrato стал южной границей Кастильи-дель-Оро.

ЗОЛОТОЙ ХРАМ ДАБАЙБЫ.

В окрестностях храма в долине реки Чену колонисты Сан-Себастьяна обнаружили многочисленные гробницы, некоторые из которых были настолько древними, что их содержимое свидетельствовало о прошедших веках. Здесь местные жители хоронили своих касиков в сидячей позе, бок о бок с их любимыми женами, самыми доверенными слугами и самыми дорогими друзьями; а в склепы, где хранились останки, было помещено все их золото, драгоценные камни и доспехи. Возможно, это и был золотой храм Дабайба, поиски которого уже стоили жизни стольким испанцам и еще должны были стоять жизней сотням других, когда они преследовали этот сверкающий призрак далеко на юге, на границе провинции. К юго-востоку от залива Ураба лежала территория касика Дабайба, чье имя до сих пор носит сьерра, которая окаймляет берег Аtrato, образуя западный отрог кордильер. Между заливом и городом касике тянулся лес десяти-двенадцати лиг в длину, густо заросший пальмами и густым тропическим подлеском, по которому текли к морю горные ручьи, местами запруженные упавшими деревьями и покрывавшие окрестности обширными участками лагун и болот. Через этот район туземцы на своих легких переносных каноэ пробирались без особых трудностей, но для испанца с его тяжелыми доспехами и громоздким снаряжением лес был почти непроходим. За ним лежала пересеченная местность, в которой дороги были неизвестны и где **Ошибка! Закладка не определена.** извилистое русло горного потока на короткое время в засушливый сезон оставалось единственным средством доступа во владения индейского вождя. Сьерра Дабайба на протяжении многих лет препятствовала прогрессу испанских исследований и завоеваний, но там, если верить сообщениям, были спрятаны запасы золота, которые затмевали даже богатства Атауальпы или Монтесумы. Действительно, должно быть тщательно охраняемо сокровище, которое могло ускользнуть от острого нюха испанца, и велики препятствия, которые могли встать на его пути в поисках столь любимого богатства.

Первым, кто попытался завоевать эту территорию, был Франсиско Сезар, ныне капитан пехоты, человек, чье мастерство и доблесть снискали ему доверие его людей. Отправившись из Сан-Себастьяна в 1536 году, командуя восьмьюдесятью пешими и двадцатью всадниками, он двинулся на юг по непроходимой дикой местности. Отряд находился в пути десять месяцев и, достигнув, наконец, долины Гуака [II-11], был внезапно атакован двадцатитысячной армией туземцев. Когда они были таким образом окружены и отрезаны от всякой надежды на отступление, над ними в небесах появился образ святого покровителя Испании. Через три часа после этого враг был разбит, и испанцы сразу же отправились на поиски золота. После долгих утомительных поисков была обнаружена полуразрушенная гробница, в которой были спрятаны сокровища стоимостью в тридцать тысяч кастельяно. Затем остатки группы Сезара вернулись в Сан-Себастьян, совершив обратный путь за семнадцать дней.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЭРЕДИА.

Менее удачливым оказался Педро де Эредиа, который в том же году организовал экспедицию с целью вторгнуться во владения касика Дабайба и завладеть его сокровищами. Во главе двухсот десяти человек в кольчугах Эредиа выступил из Сан-Себастьяна и направился вдоль берегов Аtrato. **Ошибка! Закладка не определена.** Вскоре он добрался до опушки леса, через который он должен был срезать путь, насколько это было возможно, с частыми и досадными задержками из-за вырубки деревьев и строительства плотов, чтобы перебросить мост через болотистую местность, непроходимую ни для человека, ни для зверя. Дождь лил потоками; ядовитые змеи, стаи ос и комаров населяли мрачные пустынные места. Костры нельзя было разжечь, и голод и мор вскоре стали привычными гостями в испанском лагере. Некоторых туземцев, служивших проводниками, обвинили в том, что они намеренно сбили их с пути истинного. Они ответили: "Мы доберемся от реки до гор за три дня, в то время как вам и вашим лошадям потребуется столько же месяцев".

Когда буря утихла, отряд испанцев был заранее отправлен на разведку, остальные остались в лагере ждать их доклада. После нескольких дней перехода они прибыли к месту, где дым от тлеющих углей и шкуры животных указывали на недавнее стояние дикарей. После тщательных поисков были обнаружены хижины, построенные среди ветвей лесных деревьев, где туземцы таким образом обезопасили себя от ядовитых рептилий. После небольшого сопротивления двое туземцев были схвачены, и, по их сведениям, отряд сообщил их товарищам, что они двигались не в том направлении. Эредиа и его люди, слишком подавленные, чтобы предпринимать какие-либо дальнейшие усилия, повернули домой и прибыли в Сан-Себастьян с пустыми руками и в плачевном состоянии, обратный путь занял сорок дней, а вся экспедиция - около трех месяцев.

ЭКСПЕДИЦИЯ ФРАНСИСКО СЕЗАРА.

Оставшиеся в живых члены двух испанских рот вскоре стали требовать новых приключений, и в 1538 году Франсиско Сезар, с разрешения Эредиа, снарядил силы, примерно равные по численности своему первому отряду, решив на этот раз проникнуть во что бы то ни стало в твердыни таинственной сьерры. Покинув Сан-Себастьян, Сезар двинулся вдоль побережья в направлении Рио-Верде, оттуда повернул на восток, к **Ошибка! Закладка не определена.** кордильеры. Отряд сильно пострадал, и по прибытии в долину Гуака собрал всего шестьдесят три человека, способных носить оружие. Тем не менее Сезар смело двинулся на первый город, который попался ему на пути после восхождения на сьерру. Жители, заверенные переводчиками в том, что у захватчиков не было враждебных намерений, привезли обильный запас корней, кукурузы, фруктов и других припасов, какие у них были. С лошадьми обращались с особой заботой, и им оказывали почтение как высшим существам.

Пока испанцы наслаждались здесь несколькими днями отдыха, начальник округа по имени Нутибара спокойно собрал армию из двух тысяч человек, думая сокрушить этот самонадеянный маленький отряд, поскольку до него еще не доходили вести об ужасающей доблести чужеземцев. Последовал упорный конфликт, завершившийся только смертью Кинунчу, брата Нутибары, который пал от руки Сезара. Сантьяго на своем белом коне снова появился от имени своих последователей, и ему была приписана слава последовавшей резни. Завоеватели вскоре убедились, что страна на многие лиги вокруг восстает против них с оружием в руках, и, добыв сокровища стоимостью в сорок тысяч дукатов, форсированным маршем вернулись в Сан-Себастьян. [II-12]

Известие об экспедиции Сезара вскоре дошло до Картахены, откуда в декабре 1537 года лицензиат Хуан де Бадильо отправился дальше исследовать регион к югу от залива Ураба. Было собрано войско в триста пятьдесят человек, с пятьюстами двенадцатью лошадьми, большим количеством индейцев и негров и обильными запасами провизии и военного снаряжения. Франсиско Сезар был вторым по старшинству, а казначей Сааведра - одним из капитанов. Отправившись из порта Санта-Мария недалеко от устья Аtrato, они прибыли без приключений, достойных **Ошибка! Закладка не определена.** примечание, в долину Лос-Питос [II-13], где находился форт, защищаемый большими силами местных жителей. Сааведра, возглавивший атаку на эту крепость во главе шестидесяти человек, был отброшен, и Сезар, придя ему на помощь с наступлением темноты, расставил своих людей в готовности возобновить штурм на рассвете. Защитники, поняв их замысел, решили опередить их и напали на испанцев врасплох, но после нескольких ожесточенных боев были отброшены.

Затем Бадильо продолжил свой марш через долину Гуака, прибыв во владения вождя Куиначи. Именно здесь Сезар во время своей первой экспедиции откопал сокровища стоимостью в тридцать тысяч кастельяно, что стало одной из причин выбора этого маршрута. В июне экспедиция прибыла в долину Нори, [II-14] с рядами, несколько поредевшими от голода и непрерывных столкновений с туземцами. Встретившись с дружественным касиком, они расспросили его о местонахождении великого сокровища Дабайбы. Он ответил: "Сокровищ нет, потому что они ни в чем не нуждаются; но когда им нужно золото, чтобы купить еду или выкупить пленника, они собирают его в сухую погоду из-под камней в руслах рек". Исследовательские группы были разосланы во всех направлениях, но без особого успеха. Они не могли взобраться на крутую вершину сьерра или пересечь коварные болота, и их постоянно преследовали банды индейцев. Акоста рассказывает, что один отряд, посланный в горы в западном направлении, прошел под деревней, построенной среди нависающих ветвей лесных деревьев, откуда туземцы забросали их стрелами, камнями, горячей водой и зажженным хворостом.

Касик из Нори, стремившийся избавиться от испанцев, подарил Бадильо золота на сумму в две тысячи песо и предложил проводить его в золотоносный регион, известный тогда как Буритика **Ошибка! Закладка не определена.** Долина. После шестидневного перехода они подошли к крепости туземцев, которая была захвачена после ожесточенной борьбы, вождь и его молодая жена были взяты в плен. Последняя была освобождена после уплаты крупного выкупа в сопровождении обещания ее мужа выступить в качестве проводника к месту, где, как было известно, существовали богатые рудники. С тяжелым железным ошейником на шее, закрепленным цепями между четырьмя рослыми солдатами, касик шел впереди, пока не подошел к краю пропасти, откуда бросился сломя голову, увлекая за собой своих охранников. К несчастью, падение оказалось не смертельным, и испанцы, хотя и были тяжело ранены, все же имели достаточно сил, чтобы оттащить свою избитую жертву к Бадильо, который немедленно приказал своим рабам сжечь его заживо.

Нужда, болезни и непрекращающаяся враждебность туземцев теперь сеяли хаос в рядах испанцев. Многие из тех, кто пришел сюда в поисках богатства, нашли могилу; а оставшиеся в живых, измученные лишениями и испытывающие отвращение к жалким результатам своего многолетнего труда, пригрозили отказаться от экспедиции и вернуться домой. Недовольство значительно усилилось из-за смерти Франсиско Сезара, очень любимого и пользующегося доверием офицера, который, если бы удача бросила его на более широкую и благородную

сферу деятельности, мог бы стать одним из выдающихся капитанов своего времени. Тем не менее поход был продолжен, и в канун Рождества, после путешествия, длившегося один год и три дня, экспедиция прибыла в провинцию Кали, расположенную в долине реки Каука. Здесь солдаты чуть было не подняли открытый мятеж. Бадильо выступил против них с обнаженным мечом, воскликнув: "Пусть возвращается тот, кто хочет; я пойду вперед один, пока мне не улыбнется удача". Тем не менее люди столпились вокруг него, все еще требуя, чтобы их отвели обратно в Урабу, после чего он приказал разделить добычу, надеясь таким образом приободрить их. В довершение его замешательства обнаружилось, что сундук с сокровищами исчез. Это последнее было **Ошибка! Закладка не определена.** тяжелый удар, поскольку достойный лицензиат, конечно же, подозревался в краже. Одиноким, с разбитым сердцем, он улизнул в Попаян, примерно в двадцати лигах к югу, в той же долине. Оттуда он направился в Панаму, был там арестован и после того, как его отправили заключенным в Картахену, город, из которого он уехал в погоне за славой и богатством, закончил свои дни в Севилье, еще до завершения суда, одиноким и нищим.

Обвинение Бадильо в хищении средств оказалось необоснованным, поскольку впоследствии был обнаружен сундук с двумя тысячами шестьюстами кастельяно.

Было установлено, что на долю каждого пехотинца приходилось по пять кастельяно, из чего следует, что испанцы потеряли около половины своего числа до прибытия в Кали. Остальная часть отряда последовала по течению реки Каука на север до индийской провинции Умбра, где большинство из них поступило на службу под командованием некоего Хорхе Робледо, который провел дальнейшие исследования на правом берегу Кауки в горном районе, который сейчас носит название Антьокия.

ПАНАМСКАЯ АУДИЕНЦИЯ.

В 1533 году [II-15] была учреждена аудиенция реальной канцелярии города Панама, в состав которой входили президент, четыре оидора, фискал, релятор, два секретаря, а для местного самоуправления - два алькальда и три министра юстиции. Территория, находящаяся под юрисдикцией аудиенсии, первоначально включала Перу, за исключением порта Буэнавентура, но впоследствии была ограничена Коста-Рикой, Картахеной и двумя океанами и была разделена на три провинции Кастилия-дель-Оро, Дариен и Верагуа, все из которых были включены под одним названием Огненная земля. Во время правления Педрариаса, как мы видели, был принят запрет, запрещающий адвокатам и магистратам проживать в Кастилия-дель-Оро, **Ошибка! Закладка не определена.** и приспешники губернатора всегда решали гражданские дела в пользу стороны, заплатившей самую крупную взятку. Апелляция подавалась только к самому губернатору, за исключением тех случаев, когда сумма превышала пятьсот песо. Стенограмма судебного разбирательства в таких случаях может быть направлена в прокуратуру Испании, которая в то время обладала юрисдикцией над судами низшей инстанции Кастильи-дель-Оро. Спустя несколько лет после кончины Педрариаса запрет был снят, когда на обреченную землю обрушилась лавина юристов. "Магистрат, - пишет Овьедо императору, - хуже чумы, потому что, если последняя унесла вашу жизнь, она, по крайней мере, оставила ваше имущество нетронутым". После учреждения аудиенции Панама были внесены определенные изменения, но они принесли мало пользы сообществу, поскольку в 1537 году мы находим алькальда мэра, занимавшего тройную должность председательствующего судьи и

адвоката как истца, так и ответчика, "вынося приговор", как говорит Овьедо, "тому, к кому он меньше всего благоволил". [II-16] Управление тремя провинциями на самом деле было не чем иным, как узаконенным деспотизмом. Иногда подавались жалобы императору, но колонисты вскоре обнаружили, что жалобщик только еще больше пострадал из-за своей самонадеянности. "Только что океан лежал между Чарльзом и его угнетенного субъекта", - восклицает Васкес, "девятнадцать из двадцати бросил бы себе под ноги, чтобы помолиться за справедливость".

Коррупция распространилась и на муниципальных чиновников, и провинции стремительно обнищали. Что еще хуже, толпы бродяг, отбросов испанского населения, в течение многих лет наводняли поселения Нового Света. Когда-то больниц и церквей Панамы было недостаточно, чтобы приютить орды нищих и бездомных бродяг, которые наводняли город. Поскольку они не хотели работать, многие были близки к голодной смерти.

Чарльз мало что знал обо всем этом, если вообще интересовался. **Ошибка! Закладка не определена.** В качестве примера его невежества относительно истинного положения дел на Огненной Земле, можно упомянуть, что при назначении брата Висенте де Перазы вторым епископом Кастилия-дель-Оро монарх приказал ему оказать помощь верующему Педрариасу Давиле в обеспечении обращения и надлежащего обращения с местными жителями. Вероятно, добрый епископ слишком добросовестно трудился на благо дикарей, чтобы удовлетворить вкус Педрариаса, ибо, как уже говорилось, он умер от яда, который, предположительно, был введен этим достойным правителем.

ЛОЖА ЕПИСКОПА БЕРЛАНГИ.

О браве Томасе де Берланга, который занял епископскую кафедру через несколько лет после кончины Перасы, [II-17] утверждается, что во время своего обратного путешествия в Испанию в 1537 году, будучи застигнут сильным штормом, он облачился в свои папские одежды и, преклонив колени, вместе с остальной компанией пропел литанию Пресвятой Деве. В ответ на волнах появилось то, что сначала показалось маленькой лодкой, но оказалось коробкой, в которой, как и предполагалось, находились товары. Шторм утих, и капитан с готовностью согласился с предложением епископа о том, что если в шкатулке находится изображение святого или другая священная вещь, то она должна стать собственностью прелата, но если в ней находится что-либо, имеющее денежную ценность, то на это должен претендовать первый. Вскоре море успокоилось; шкатулка была открыта, и там, несомненно, находилось изображение Богоматери Непорочного Зачатия. По прибытии в Испанию Берланга поместил изображение в монастыре Медина-де-Риосеко, где впоследствии основал аналогичное учреждение, **Ошибка! Закладка не определена.** отслужил там свою первую мессу 19 января 1543 года. [II-18]

CASTELLANOS, SIMON, PIEDRAHITA.

К троице путешественников и наблюдателей, Бенцони, Акосте и Теве, можно отнести Хуана де Кастельяноса, чьи *Элегии о Варонах илюстрах Индии* повествуют не только о славе военных, духовных и гражданских завоевателей, которые фигурировали в ранних летописях региона, простирающегося на Антильские острова, Перешеек и северную часть Южной Америки, но и рассказывают особую историю провинций Новая Гранада. Сам принадлежа к орде, пришедшей из Испании за славой и добычей, он в качестве солдата-кавалериста принимал активное

участие в ряде так наглядно описанных экспедиций. С приобретением состояния пришло осознание несправедливости, допущенной при его накоплении, и угрызения совести, возможно, из-за жестокого обращения с индейцами, смешанные в значительной степени с недовольством плохим признанием его заслуг, побудили его присоединиться к церкви. Он получил назначение *канонико тесореро* в Картахену, но подал в отставку после непродолжительного пребывания на посту викария Тунхи, ошибочно принятого некоторыми авторами за место его рождения. Здесь у него было достаточно времени, чтобы найти утешение, открыв врата природного красноречия и пустив в ход воспоминания о славных деяниях и событиях. Мантия забыта, и старый солдат снова облачается в причудливые ржавые доспехи, хотя он скромно, слишком скромно воздерживается от навязывания себя. Впервые он рассказывает свою историю в прозе, но, обнаружив, что это слишком тихо для его темы героев и битв, он переносит все это в стихи, над которыми работал десять лет.

Это не искусственная утонченность эпического писателя, форме которого он следует из любви к ритму, а просто стихотворное повествование с в целом честной приверженностью факту, хотя форма и размер страдают:

Iré con pasos algo presurosos,
Sin orla de poéticos cabellos
Que hacen versos dulces, sonoros
A los ejercitados en leerlos;
Pues como canto casos dolorosos,
Cuales los padecieron muchos dellos,
Parecióme decir la verdad pura
Sin usar de ficción ni compostura.

Однако легкость и разнообразие строк указывают на прирожденного поэта, и даже когда форма уходит, предложения сохраняют определенную элегантность. Первая часть была опубликована как *Primera Parte de las Elegías* др., Мадрид, 1589, 4^{часть}, использована Де Бри в его восьмой части, посвященной Америке, и приведена в четвертом томе *Библиотеки авторов Испании*, 1850. Вторая и третья части, снабженные картами и планами и посвященные, как и первая, королю Филиппу, оставались в рукописи в библиотеке маркиза дель Карпио—*Пинело*, *Эпитама*, ii. 590—до издания Ariban вместе с первой частью в 1857 году в качестве специального тома вышеупомянутой *библиотеки*. Четвертая часть, возможно, лучшая и наиболее важная, поскольку в ней, должно быть, были зафиксированы самые последние воспоминания Кастельяноса, использовалась епископом Пьедрахитой для его истории и с тех пор исчезла. Он нашел оригинал у Консехеро Прадо и ссылается на "las otras tres partes impresas". *История. Конк. Гранада*, предисловие. **Ошибка! Закладка не определена.**

Три опубликованные части разделены на элегии, панегирики и истории в соответствии с темой, хотя Кастельянос явно преувеличивает, выделяя так много сюжетов под первым заголовком, вписывая их, как правило, "на смерть" какого-нибудь известного капитана. Подразделение образует октавные строфы итальянской формы, недекасложный тройной такт, в женской рифме,

из тройных чередующихся строк, с завершающим двустишием. Ближе к концу используется непрерывный и в основном пустой стих. Легкость стихосложения в испанском вряд ли можно найти лучшую иллюстрацию, чем эти устойчивые тройные рифмы, которые отражают немалую заслугу Каstellланоса в терпении и силе выражения. Конечно, можно найти обычные недостатки писателей его времени: недоверчивость, педантичность и противоречивость, главным образом из-за готовности, с которой он принимал заявления хроникеров и участников описываемых событий. Его собственные версии, несмотря на оскорбления Муньоса, можно рассматривать как достоверные пересказы, по крайней мере, насколько позволяют память и воинский пыл, в то время как повсюду можно найти четкие, яркие описания сражений, сцен и людей.

Монахи и миссионеры, помогавшие развивать завоевание, стремились стать летописцами общей истории, экспедиций или провинций, и, поскольку "братья капюшона" были в изобилии, повествований было достаточно, чтобы составить наиболее точное описание событий, какое только можно было пожелать; но прискорбным фактом остается то, что так мало сохранилось в печатном виде или рукописи. Новая Гранада, включающая в себя южную часть перешейка, долгое время не имела публичной хроники. Завоеватель Кесада подготовил его, а Медрано оставил "только начатую историю", которую Агуадо завершила в двух томах, но ни один из них не увидел света, и поэтические записи Каstellьяноса были опубликованы лишь частично. Однако они существовали в рукописи, и, руководствуясь ими, Педро Симон был вдохновлен взяться за эту задачу заново. Родившийся в Ла Парилье в 1574 году, он рано вступил в орден францисканцев и приехал в Новую Гранаду 30 лет спустя в качестве учителя и миссионера, поднявшись в 1623 году до должности провинциала. В том же году он начал заниматься историей, для которой в течение нескольких лет собирал материал и опыт. Были быстро завершены три толстых фолианта, каждый из которых был разделен на семь исторических томов; но из них была опубликована только *Примерная часть исторических заметок о конкистадорах огненной земли*, Куэнка, 1627 год, касающаяся Венесуэлы; два других, о Санта-Марте и о регионе, прилегающем к Дариену, остались в рукописи в Боготе, откуда Муньос получил копию для Мадридской академии. Публикуемый том открывается диссертацией о географических знаниях древних и о происхождении индейцев, а далее рассказывается об открытии Америки и ее названии. Сначала значительное внимание уделяется перешейку, как одному из самых ранних исследованных участков, но вскоре повествование сосредотачивается на завоевании и заселении Венесуэлы, значительное место уделяется обычаям и положению местных жителей, но очень мало затрагивается религиозных вопросов. Этот труд, несомненно, является самой важной историей провинции за шестнадцатый век, и мы весьма сожалеем о том, что не удалось опубликовать историю других провинций. Простой, многословный стиль характерен для монастырских летописцев того периода, и единственный серьезный недостаток заключается в придании слишком большого правдоподобия заявлениям.

Неудача Саймона с принтером дала звание ведущего историка провинции епископу Лукасу Фернандесу Пьедрахите, который написал 50 лет спустя. Креол из Боготы по происхождению, вся его карьера священника и прелата связана с родной страной. Еще будучи студентом, он проявил литературный вкус, написав комедии, от которых, однако, не осталось и следа. Его способности обеспечили быстрое продвижение в церкви. Будучи губернатором архиепископии до 1661 года, он навлек на себя враждебность визитадора и был вынужден явиться в Испанию для суда, но выдержал испытание и получил в качестве компенсации епископство Санта-Марта. Именно в ожидании медленного хода судебного процесса он нашел время написать

"Генеральную историю конкисты дель Нево Рейно де Гранада", 1688 год. В 1676 году он был возведен в сан епископа Панама, где и умер в 1688 году в возрасте более 70 лет, почитаемый за свою чрезвычайную доброжелательность и святость. В предисловии к книге, только что вышедшей из печати, Пьедрахита признает, что это всего лишь воспроизведение *Сборника Кесады* и четвертой части *Элегий Кастелланоса*, которые к настоящему времени утрачены, и текст действительно мало отражает исследования, спекуляции и разнообразие, проявленные Саймоном, которого он, однако, превосходит красотой и ясностью стиля. Он больше ограничивается специальной историей Новой Гранады, чем Саймон, и вместо заученных диссертаций об Америке в целом посвящает первые две из 12 книг описанию местных обычаев и древней истории. Затем он переходит к завоеванию и заселению рассматриваемых провинций и переносит историю в 1563 год. Первое название окаймлено вырезками из индийских батальных сцен и портретами семи ведущих королей икасиков, в то время как у первого libro 12 младших вождей в медальонах. На титульном листе третьего libro, с которого начинается завоевание, снова изображены 12 испанских капитанов. По окончании работы было обещано продолжение, но этого так и не появилось.

Современной публикацией, охватывающей ту же область и период, что и предыдущая, является *"Сборник исторических данных и колонизации Новой Гранады и тайных деяний"* Хоакина Акосты. Париж, 1843. Ему не хватает критики, тем не менее, он восполняет недостаток популярного хронологического обзора и демонстрирует значительный труд. Акоста был инженерным офицером колумбийской службы, который принимал активное участие в научных исследованиях и написал несколько археологических очерков. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА III.

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА КОЛОНИЗАЦИИ ВЕРАГУА.

1535-1536гг.

Герцоги Верагуа—Мария де Толедо претендует на Территорию для своего сына Луиса Колона—Фелипе Гутьеррес Назначен командующим—Высадка на побережье Верагуа—Болезни и голод—Касик Дуруруа поработен—Он обещает раскопать свои зарытые сокровища—Гонцы отправлены на поиски—Они возвращаются с пустыми руками—Но предупреждают последователей вождя—Он ведет испанцев к Месту—Они окружены индейцами—Спасение касика—Каннибализм среди христиан—Страдания немногих выживших—Смерть вождя Покинутая колония.

До сих пор в Северной Америке мы следили за испанцами в их умиротворении и заселении Кастильи-дель-Оро, Никарагуа и Гондураса. Между этими территориями расположена провинция Верагуа, впоследствии получившая название Нуэва-Картаго. Несмотря на богатство металлов и близость к Дариену, неукротимая свирепость местных жителей, а также суровость и стерильность местности были настолько велики, что это место на Твердой Земле, где была предпринята первая попытка заселения, стало последней провинцией Центральной Америки, попавшей под европейское господство. В 1514 году совет Индии сообщил "Новому миру", что корона разрешила Бартоломе Колону основать поселение на побережье Верагуа, если он того пожелает. Но это признание выдающихся заслуг аделантадо в этом квартале пришло слишком поздно, поскольку тогда он был повержен болезнью, от которой так и не оправился.

В 1526 году адмирал Диего Колон умер в Испании, **Ошибка! Залкадка не определена.** и ему наследовал его сын Луис в тех наследственных правах, которые были предоставлены Фердинандом и Изабеллой первому адмиралу. В 1538 году, когда Луису Колону было тогда восемнадцать лет, он подал иск в трибунал Индии, чтобы подтвердить свое право на титулы и достоинства своего отца, несправедливо лишенные императором. Утомленный бесконечной тяжбой, полученной в наследство от своего отца и деда, Луис в 1540 году отказался от всех претензий на вице-королевство Индии, получив, таким образом, титул герцога Верагуа и маркиза Ямайки. [III-1] Вскоре после этого дон Луис умер, оставив двух дочерей и внебрачного сына. С этого времени прямые потомки великого адмирала стали именоваться герцогами Верагуа, и, пройдя несколько генеалогических этапов, почести и вознаграждения Колумба перешли к португальскому дому Браганса, ветвь которого была основана в Испании. Наследники этого дома носят титулы Де Португалло, Колона, герцога де Верагуа, маркиза де ла Ямайка и альмиранте де лас Индиас.

Мария де Толедо, вице-королева Индии и мать молодого адмирала Луиса Колона, после смерти своего мужа Диего Колона потребовала от королевской аудиенции Испании лицензии на колонизацию провинции Верагуа. [III-2] Аудиенция направила заявление императору, который распорядился отложить рассмотрение дела до окончания арбитражного разбирательства по иску Луиса, который тогда находился на рассмотрении короны. Но пылкая вице-королева не потерпела бы отсрочки. Право ее сына управлять этой землей не подлежало сомнению; она принадлежала ему по наследству от деда и была подтверждена королевским указом его отцу. **Ошибка! Залкадка не определена.**

FELIPE GUTIERREZ.

Но у леди Марии не хватало средств для этого предприятия, а набрать людей и снарядить армаду без королевской санкции и без денег было невозможно. Мать, однако, была готова к чрезвычайной ситуации. Среди священнослужителей Санто-Доминго, которые, по их признанию, во славу Божию и ради распространения истинной веры покинули монастыри Испании и отправились с миссией в Новый Свет, был некто Хуан де Соса. "Я знал его, - говорит Овьедо, - несколько лет назад, когда он был бедняком на Огненной земле". Но, будучи более заботливым о золоте, чем о душах, он отправился в Перу и после службы под началом Писарро принял участие в распределении золота в Кашамальке, получив в качестве своей доли огромную по тем временам сумму в десять тысяч кастельяно. Оттуда достойный священник вернулся в Испанию и поселился в Севилье, где решил провести остаток своей жизни в покое и роскоши. Но, увы, постоянство цели у кавалье или клерриго, когда женщины и алчность объединяются, чтобы подорвать его решимость! Вице-королева вскоре завоевала симпатию богатого священнослужителя, а за свое предприятие - его деньги и содействие. Он выделил необходимые средства, и, хотя характер его призвания не позволил ему взять на себя руководство экспедицией, он отплыл с флотом, которым командовал богатый и благородный молодой человек по имени Фелипе Гутьеррес, [III-3] сын казначея Алонсо Гутьерреса. Главным капитаном экспедиции под командованием Гутьерреса был некто Педро де Энсиносола, который прожил на Огненной земле около двух лет. "И которого, - говорит Овьедо, - я тоже знал, потому что он разбогател, держа трактир на полпути между Номбре-де-Диос и Панамой". С прекрасной эскадрой [III-4], укомплектованной **Ошибка! Залкадка не определена.** четыреста хорошо вооруженных людей, Гутьеррес отплыл из Санто-Доминго в сентябре 1535 года. [III-5] Лоцман, которого звали Лианьо, держал курс на юг, а при приближении к Огненной земле

повернул на запад и прошел мимо Верагуа, не узнав берега. Продолжая поиски в Гондурасе, суда обогнули мыс Грасиас-а-Диос и направились на запад до Пунта-де-Кашинас.

Наконец лоцман понял, что сбился с курса. Корабли развернулись, но вскоре попали в сильный шторм, во время которого их разделило. Флот, вновь объединившийся у острова Эскудо, бросил якорь недалеко от того места, где Диего де Никуэса потерпел кораблекрушение. Гутьеррес отправил команду лодки на разведку. Они вернулись через восемь дней, привезя гамаки, глиняные горшки и другую утварь. Исследовательская группа подтвердила, что, по их мнению, это земля Верагуа, но пилот Леньо настаивал на том, что они еще не достигли этой провинции. Другая группа отправилась на лодках к островам Церебаро, где, встретив индейца, знаками спросили направление на Верагуа. Он указал на запад, показывая таким образом, что они снова проплыли мимо злополучного побережья. Лоцман отнесся к утверждению индейца с презрением. На хорошем кастильском он поклялся, что дикарь - лжец, и настоял на продолжении курса на восток. Прибыв из Номбре-де-Диос, он признал свою ошибку и признал, что они оставили Верагуа далеко позади. Снова повернув на запад, они, наконец, обнаружили большую реку, которую одни называли Белен; другие утверждали, что это ручей к западу от Белена. [III-6] В устье этой реки был небольшой остров, где Гутьеррес высадил своих людей, построил несколько хижин и **Ошибка! Закладка не определена.** выгрузил большую часть груза. На соседнем материке было выбрано благоприятное место для строительства города, и мужчин послали расчищать густой лес и строить дома. Для губернатора была возведена большая и удобная бревенчатая хижина, а вскоре за ней последовали склады и жилища для мужчин.

За этой третьей попыткой основать поселение на побережье Верагуа последовала серия катастроф, подобных тем, которые постигли Колумба и Никуэсу. Имущество колонистов пострадало от сильных штормов; внезапный разлив рек унес их дома, утонув в них нескольких человек; а возделыванию почвы препятствовали частые наводнения. Их запасы провизии с каждым днем сокращались; люди, непривычные к местному климату, болели и умирали, и вскоре их число сократилось до двухсот восьмидесяти. В довершение своих бед испанцы обильно напились из ядовитого источника, прежде чем осознали смертоносную природу его вод; в результате чего их губы распухли, десны заболели, и во многих случаях эффект оказался фатальным.

ОСНОВАН КОНСЕПСЬОН.

Колонисты остро нуждались в переводчике, и "клерико Хуан де Соса" на одном из судов добрался до Номбре-де-Диос в поисках переводчика, но вернулся безуспешно. Фелипе Гутьеррес назвал город, который он построил, Консепсьон, "но из-за страданий людей, - говорит Овьедо, - лучше было бы назвать его Афлисьон". [III-7] Вскоре стало очевидно, что оставаться в этой местности равносильно смерти для всех заинтересованных сторон, и Гутьеррес решил перебраться в какое-нибудь более благоприятное место, подальше от болотистых низин побережья. Экспедиции за фуражом были разосланы в нескольких направлениях с двойной целью - добыть продовольствие и осмотреть страну. **Ошибка! Закладка не определена.**

ВЕЧЕРИНКА В ПИЗЕ.

Во время одной из таких экскурсий испанцы встретили касика по имени Дуруруа, который учтиво принял их и, в своей грубой манере, проявил щедрое гостеприимство. Но последователи Фелипе Гутьерреса не стали исключением из правил в своем обращении с туземцами. Язычникам было доступно одно из двух зол: либо подчиниться и терпеть несправедливость и грабеж, либо сопротивляться и быть убитыми или поработанными. Дуруруа предоставил в распоряжение испанцев все свое богатство, но даже этого было недостаточно, чтобы удовлетворить их алчность. После того, как его ресурсы были исчерпаны, их требования не прекратились, но, усугубляя меру своего беззакония, они вторглись в дома туземцев, вынудили их искать золото и, позорно подожгв их кукурузные поля, вернулись в поселение. Разразившись открытыми военными действиями, губернатор послал против Дуруруа отряд в сто пятьдесят человек под командованием Алонсо де Пизы, [III-8] который захватил вождя вместе со многими его сторонниками. Испанцы потребовали золота. Дуруруа ответил, что, если они дадут ему свободу, он принесет им четыре корзины с золотом, в каждой из которых по 2000 песо. Однако касика держали в плену, в то время как под его руководством был послан индеец, чтобы доставить сокровище. По истечении четырех дней гонец вернулся с пустыми руками. Другие были отправлены с тем же поручением, но все вернулись безуспешными. Коварный Дуруруа изобразил сильное негодование против своих последователей. Он назвал их предателями и попросил, чтобы ему разрешили отправиться на миссию самому, связанному и сопровождаемому, когда он не только сдержит свое слово относительно золота, но и обеспечит испанцам дружбу и службу всего своего народа.

В цепях и под охраной банды из тридцати человек **Ошибка! Закладка не определена.** Дуруруа отправился на поиски тайника с сокровищами и после пятидневного марша прибыл в заброшенную деревню, где приказал испанцам копать в определенном месте. Указания вождя были выполнены, но было найдено только около половины унции золота. Энцинасола, который отвечал за это дело, затем ударил касика по лицу, назвав его собакой, самозванцем и другими мерзкими эпитетами. Дуруруа торжественно подтвердил, что он оставил там большой склад и что его люди, должно быть, забрали его при своем отъезде из деревни. Он умолял о еще одном испытании, и Энцинасола, ослепленный алчностью, дал свое согласие.

Все это время проницательный касик не бездействовал. Каждый гонец был отправлен с поручением в определенную часть его владений, чтобы собрать силы для его спасения, и нападение, которое было запланировано на ту самую ночь, когда должна была быть предпринята последняя попытка найти золото, было приведено в исполнение. Испанцы были окружены отрядом из шестисот враждебных индейцев, их лагерь сожжен, восемь человек из их числа убиты, и в последовавшей неразберихе вождь был спасен. Затем туземцы исчезли из окрестностей, забрав всю провизию и оставив после себя опустошенную страну.

По пути домой многие из выживших умерли от голода. Некоторые упали на обочине и были брошены умирать; другие, несмотря на ужас, с которым это деяние было воспринято их соотечественниками, питались телами индейцев. Некто Диего Лопес Давалос в приступе ярости выхватил меч и убил слугу-туземца. Двое испанцев, следовавших на некотором расстоянии позади, подойдя к телу, отрезали несколько кусков, которые они приготовили себе на ужин; их товарищи также отведали этого отвратительного угощения. На следующий день еще один местный житель был убит ради еды, и это **Ошибка! Закладка не определена.** сообщает, что даже один из их соотечественников был зарезан и съеден. [III-9]

Когда оставшиеся в живых прибыли в Консепсьон и предстали перед губернатором, можно было насчитать только девять истощенных и изможденных несчастных, и их всегда следует считать позорными из-за того, что они таким образом сохранили свои жизни. Губернатор, узнав об их поведении, посадил каждого из них, кроме доносчика, под арест, судил и осудил их всех. Двое, которые считались наиболее виновными, были сожжены. Остальным нанесли клеймо раскаленным железом на лице буквой С, которая была инициалом имени его императорского величества и знаком, используемым для клеймения преступников, обреченных на вечное рабство на его службе.

Таким образом, мы видим в каждой попытке, предпринятой испанцами на побережье Верагуа, лишь череду ужасов, каждое новое испытание оказывается более пагубным, если это возможно, чем предыдущее. Отряд Фелипе Гутьерреса все больше уменьшался. В конце концов, сорок человек, подавленных голодом, подняли восстание и отправились в Номбре-де-Диос, большая часть из них погибла по дороге. Губернатор, сочтя необходимым дать работу тем, кто остался, или же покинуть поселение, отправил Педро де Энсинолу с несколькими людьми на восток в поисках пропитания. К счастью, они нашли несколько полей кукурузы, которые еще не были уничтожены, и, услышав о большом количестве золота в тех краях, отправились на его поиски. Как только их голод был утолен, они послали гонца уведомить губернатора о предполагаемой экскурсии. Поскольку жизнь во время грабежей туземцев была более сносной, губернатор и остальные мужчины также отправились в поисках приключений. Они прошли через несколько деревень, но жители разбежались при их приближении. Следуя за индийским проводником, они прибыли на четвертый день к некоему высокому холму **Ошибка! Закладка не определена.** где, как им сказали, находились рудники несметного богатства. Добравшись до места, они были проинформированы, что, копая в определенном месте, можно собрать много золота. Испанцы сделали, как было приказано, но нашли всего несколько самородков и, яростно набросившись на проводника, обвинили его в легкомыслии или в предательстве. Бедный дикарь, совершенно растерявшийся, куда обратиться за помощью, в конце концов вскочил на скалу, нависавшую над обрывом, бросился вниз головой в пропасть и так закончил свое жалкое существование.

РАННИЕ СТРАДАНИЯ ПОВТОРИЛИСЬ.

Тем временем умирающие от голода солдаты под командованием Энсинолы, отчаявшись выжить, если они дольше останутся в этой стране, сломали свои ряды, и многие из них отступили в Номбре-де-Диос. Губернатор решил предпринять еще одну попытку освободить свой народ. Соответственно, он отправил отца Хуана де Соса и алькальда Санабрию с шестью солдатами, четырьмя неграми и двумя туземцами в Номбре-де-Диос за рекрутами и припасами. За три дня этот отряд достиг реки Белен, а затем, не имея возможности переправиться, последовал по ее течению на юг, срезая путь через заросли и продираясь через болота, пока через одиннадцать дней им не удалось достичь противоположного берега. Продолжая свое путешествие, они встретили на своем пути мертвые тела своих бывших товарищей, погибших при попытке добраться до Номбре-де-Диоса. Немного несвежей пищи, выброшенной на берег с какого-нибудь затонувшего корабля, спасло их от голодной смерти. Наконец они наткнулись на остатки тех, кто дезертировал из Консепсьона, которых теперь насчитывалось двадцать пять человек, и эти были измождены и наги, как туземцы. Их продвижение было преграждено враждебными отрядами, и они сами были доведены до последней крайности. Не имея

возможности продвигаться дальше, они, как могли, защитились от нападений туземцев и стали ждать развития событий.

Тем временем страдания испанцев в Верагуа, если это было возможно, увеличивались. "Я был проинформирован по **Ошибка! Закладка не определена.** Маркос де Санабрия, один из выживших, - говорит Овьедо, - что смертность в Верагуа одно время была настолько велика, что мертвые тела лежали непогребенными внутри и вокруг хижин, и что зловоние, возникающее в результате разложения, было невыносимым". Он рассказывает о некоем Диего де Кампо, уроженце Толедо, который, охваченный болезнью, был убежден, что смерть близка и что вскоре его собственный труп добавится к тем, что лежат перед ним, разлагаясь на солнце, и он решил, если возможно, избежать этого ужаса. Завернувшись в плащ, он направился к месту, где была приготовлена могила для другого из тех, кому предстояло умереть, и, растянувшись в ней, вскоре испустил свой последний вздох. Вскоре после этого владелец могилы, вынужденный сам искать место своего последнего упокоения, нашел там другое; но, оставив обитателя нетронутым, он распорядился, чтобы его собственное тело было помещено в ту же могилу, и таким образом они оба обрели захоронение.

СОСА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПЕРУ.

Не дождавшись помощи ни с какой стороны и не получив никаких известий от отца де Соса и его спутников, Гутьеррес был, наконец, вынужден покинуть побережье Верагуа. Это из всех других действий казалось самым трудным для испанца тех дней; он мог умереть с меньшим сожалением, чем отказаться от любимого предприятия. Сев на корабль, направлявшийся в Номбре-де-Диос, он получил там некоторое представление о местонахождении и состоянии отца де Сосы и оставшихся колонистов Верагуа. На помощь им было немедленно отправлено судно с запасом продовольствия и других предметов первой необходимости, которые предоставили жители Номбре-де-Диоса. Таким образом, выжившие, числом двадцать семь человек, были спасены, и правлению Фелипе Гутьерреса в провинции Верагуа пришел конец. [III-10] Он переправился в Панаму и **Ошибка! Закладка не определена.** вскоре после этого отправился в Перу, где Гонсало Писарро назначил его губернатором, но впоследствии, поссорившись с этим свирепым авантюристом, он был обезглавлен. Достойный отец Хуан де Соса с глубоким отвращением также повернулся лицом к Перу, поклявшись, что если когда-нибудь он снова станет наследником добычи инков, его богатство не должно быть растрчено на амбициозные планы колонизации.

ГЛАВА IV.

ЧАКЧИКЕЛИ СНОВА ВОССТАЮТ.

1525-1526.

Альварадо отправляется в Гондурас, чтобы присоединиться к Кортесу—Мятеж среди его людей—Гонсало де Альварадо назначен вице-губернатором—Его встреча с Марином и его партией—Второе восстание какчикелей—Гонсало причина восстания—Резня испанцев—Альварадо возвращается в Гватемалу—Он захватывает Пеньоль Халпатлауа—Он идет на Патианамит—Его возвращение в Мексику—Его Встреча с Кортесом.

ДЕЛА В ГВАТЕМАЛЕ.

Следует помнить, что из всех коренных племен Гватемалы какчикели оказали самое стойкое сопротивление войскам Педро де Альварадо. Когда испанцы овладели Патианамитом, они предпочли покинуть свою столицу, чем подчиниться господству завоевателя. [IV-1] Синакам, их вождь, все еще был невредим, укрывшись в горных твердынях Комалапы, и можно с уверенностью заключить, что он никогда не прекращал своих попыток преследовать испанцев. О неурегулированном положении дел в этот период можно сделать вывод из того факта, что нет записей ни о каком заседании кабильдо с 6 мая 1525 года по 4 октября того же года. [IV-2] Численность колонистов, однако, постоянно увеличивалась. Беспорядки, произошедшие в Мексике во время отсутствия Кортеса, заставили многих поселенцев в Анахуаке повернуться лицом к **Ошибка! Залкада не определена**. Гватемала, в то время как те, кто недавно прибыл из Испании или Вест-Индии, также присоединились к последователям Альварадо, который теперь, считая, что его власть в стране надежна, сообщил муниципалитету Сантьяго, что намерен немедленно отправиться в Мексику.

До Гватемалы дошли слухи о смерти Кортеса в Гондурасе, и если это правда, то он потерял могущественного покровителя и друга и должен поспешить обратно, чтобы защитить свои собственные интересы. Его целью было отправиться в Испанию и доложить о своих заслугах своему государю, от которого он надеялся получить признание и награду. [IV-3]

Более того, его брат Хорхе и многие другие испанцы из партии Кортеса тайно сообщили ему об узурпации губернаторства Мексики фактором Салазаром, убеждая его больше не отлучаться и обещая назначить его губернатором вместо прежнего, пока не будет получена положительная информация о том, жив Кортес или мертв. Вероятность того, что мантия его великого учителя, возможно, упадет на его собственные плечи, побудила его не упустить эту возможность, и он, не теряя времени, отправился в путь. Но в Мексике уже сообщили, что он прибывает туда в ближайшее время, и он проехал совсем небольшое расстояние, когда получил указание от фактора, что ему лучше больше не приближаться. Если, однако, он предпочтет вновь посетить столицу, Салазар сообщил ему, что с радостью встретит его по дороге и будет иметь удовольствие предать его смерти. Вскоре после этого он узнал, что это была не пустая угроза, поскольку против него уже были направлены силы в пятьдесят всадников и семьдесят пеших, и он ни на минуту не мог ожидать, что небольшой отряд солдат, который колонисты смогли выделить ему в качестве эскорта, сможет соперничать с этими войсками. Рискованный **Ошибка! Залкада не определена**. каким бы он ни был, Альварадо не был тем, кто столкнулся с почти неминуемой смертью, и, хотя он был сильно подавлен, он был вынужден вернуться по своим следам.

Примерно в конце 1525 года он был проинформирован о безопасности Кортеса и получил от него депеши с инструкциями присоединиться к нему в Гондурасе со всеми имеющимися в его распоряжении силами. Следует помнить, что в то время последний предполагал вернуться в Мексику через Гватемалу, но затем решил совершить путешествие морем, высадившись в Вера-Крус в мае 1526 года. [IV-4] Альварадо сразу же приготовился подчиниться его приказам, но колонисты решительно воспротивились его намерению. Муниципальные и военные чиновники, горожане и простые солдаты - все в равной степени возражали против его участия в кампании, которая лишила бы провинцию большинства ее защитников. Даже его собственные братья пытались отговорить его. Но увещевания были бесполезны. К алькальдам и регидорам он обращался несдержанно и оскорбительно, [IV-5] в то время как к своим братьям он горячо воскликнул: "Не давайте мне советов; все, чем я владею, было дано мне Эрнаном Кортесом, и с

ним я умру". [IV-6] Однако недовольство было широко распространено, и личная безопасность Альварадо, по-видимому, оказалась под угрозой, поскольку кабильдо попросил его нанять телохранителя для его собственной защиты, поскольку стабильность колоний была бы поставлена под угрозу, если бы ему причинили какой-либо вред. [IV-7]

С большим трудом аделантадо набрал войска для своей экспедиции. Его люди были недовольны и испытывали крайнее отвращение к участию в предприятии, которое **Ошибка! Закладка не определена.** не сулило никакой выгоды, но, несомненно, было сопряжено с трудностями и риском для жизни. Когда он собирался выступить, пятьдесят или шестьдесят из них взбунтовались и, подожгв город ночью, [IV-8] спаслись бегством, в то время как остальные солдаты были заняты предотвращением распространения пожара. Это была безбожная и разбойничья банда, вышедшая из Патинамита под покровом ночи и окутанная дымом горящего города. Перед своим отъездом они сняли с часовни все украшения и безделушки и силой заставили священника сопровождать их. По дороге в Соконуско они разграбили деревни, лежавшие на их пути, а по прибытии в эту провинцию, считая себя в безопасности от преследования, продемонстрировали свою ненависть к Альварадо, устроив инсценированный суд и повесив чучело своего командира и тех, кто остался ему верен. Затем они направились в Мексику, грабя и разрушая по пути.

АЛЬВАРАДО В ГОНДУРАСЕ.

Несмотря на это дезертирство, аделантадо вскоре после этого отправился на соединение с Кортесом, [IV-9] оставив своего брата Гонсало командовать на время его отсутствия. О его путешествии, которое, вероятно, было небогатым событиями, рассказывается немного. Он проехал через провинции Кускатлан и Чапарристик и прибыл в Чолутеку в Гондурасе, где в местечке под названием Чолутека Малалака, как рассказал Берналь Диас, [IV-10] он **Ошибка! Закладка не определена.** впервые услышал о возвращении Кортеса в Мексику.

Уже упоминалось, что в 1525 году поселение Нативидад-де-Нуэстра-Сеньора было заброшено из-за нездоровости его местности и отказа местных жителей поставлять провизию, и что Кортес разрешил испанцам переселиться в Нако. [IV-11] Капитан Луис Марин, оставленный во главе последней колонии, после некоторого сомнения относительно судьбы своего командира, отправил оттуда небольшой отряд всадников в Трухильо, чтобы выяснить, выжил ли он, и, если это так, собрать информацию о его предполагаемых передвижениях. [IV-12] Берналь Диас, который был одним из членов отряда, рассказывает, что, достигнув долины Оланчо, они узнали, что Кортес уже отплыл из Трухильо, оставив Сааведру командовать. Краткое пребывание Марина в Гондурасе уже вызвало у него нетерпение вернуться в Мексику, [IV-13] и он сразу же решил вернуться в эту провинцию через Гватемалу. Так случилось, что в Чолутека-Малалаке его отряд встретился с Альварадо, который выразил безграничную радость, услышав о безопасности своего старого товарища по оружию, и испытал большое внутреннее удовлетворение от того, что теперь его начальник не может помешать его собственным планам завоевания и расширения.

Затем генерал-лейтенант отправился домой в сопровождении Марина и примерно восьмидесяти колонистов Нако. Возвращаясь через территорию, в настоящее время известную как провинция Сан-Мигель, они прибыли в Рио-Лемпа в такое время года, когда течение было настолько сильно увеличено из-за**Ошибка! Закладка не определена.** дождей, что перейти его вброд было невозможно. В этой чрезвычайной ситуации они срубили огромное дерево сейба,

из которого с бесконечным трудом соорудили огромное каноэ, [iv-14] и после пятидневного труда, промокнувшие под дождем и измученные голодом, таким образом благополучно переправились. Теперь они вошли в провинцию Кускатлан, [IV-15] где Альварадо обнаружил, что за время его задержки в Чолутеке вся страна подняла восстание. Было проведено несколько сражений, все из которых завершились в пользу испанцев, и 6 августа 1526 года, после последнего и отчаянного конфликта, индейцы были разгромлены ужасной резней и вскоре после этого покорились. [IV-16] Затем испанцы продолжили свой путь форсированным маршем и достигли Гватемалы без дальнейших приключений. Когда они приблизились к Джалпатагуа [IV-17], их встретили неприятные вести о восстании какчикелей и других коренных народов. [IV-18]

ЗЛОЕ ПРАВЛЕНИЕ ГОНСАЛО ДЕ АЛЬВАРАДО.

Во время отсутствия Педро де Альварадо в Гондурасе его брат Гонсало, оставленный у руля в качестве его заместителя, хорошо использовал возможность обогатиться, взимая чрезмерную дань и учитывая **Ошибка! Закладка не определена.** ни возраст, ни состояние не повлияли на его чрезмерную тягу к богатству. Ему следует приписать великое и всеобщее восстание туземцев, произошедшее в это время. [IV-19] Его кульминационным актом угнетения было заставить большое количество индийских мальчиков работать на определенных промывках золота близ Патамита, [IV-20] требуя от них ежедневно добывать определенное количество драгоценного металла. [IV-21] В течение нескольких недель сумма поступала своевременно, но из-за нежного возраста детей, которым было всего от девяти до двенадцати лет, эта мера оказалась недостаточной, после чего Гонсало настоял на том, чтобы восполнить недостаток за счет жертвований, и пригрозил туземцам смертью, восклицая с сердитой жестокостью: "Не думайте, что я прибыл на это побережье жить среди своры гонимых с какой-либо иной целью, кроме как собрать золото, чтобы увезти его со мной в Испанию". Это возмутительное требование также было выполнено, но жгучая ненависть к их угнетателям, которая долгое время тлела в сердцах туземцев, теперь была готова вспыхнуть ярким пламенем.

ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ.

У народов Центральной Америки имя высшего существа обозначалось словом, означающим "обманщик", или на языке какчикель "демон". [iv-22] Во время нужды или опасности этот персонаж являлся им, как хотели заставить нас поверить Овьедо и Васкес, и до тех пор, пока испанец-христианин не утвердился на земле, с ним советовались и ему повиновались во всем **Ошибка! Закладка не определена.** важные вопросы. "Зачем вам ждать?" - воскликнул он, призывая своих сторонников снова сражаться за свободу. "Тонатиу отправился в Кастилию, а чужеземцев мало. Чего вы боитесь? Я - молния и обращаю их в прах. И их, и вас я уничтожу, если вы окажетесь трусами. Не живите как рабы и не отказывайтесь от законов ваших предков; соберите нацию и прекратите свои беды". Призыв не был напрасным. От Чапарристика до Олинтепека, на расстоянии ста тридцати девяти лиг, индейцы подняли восстание. [IV-23] Армия из тридцати тысяч воинов была быстро и тайно собрана, и испанцы, теперь рассеянные по разным поселениям, были застигнуты врасплох. Объединенные племена разделили свои силы на две дивизии, одна из которых заняла горные перевалы близ Петапы с целью сдерживания банды Альварадо, в то время как другая напала на ничего не подозревающих колонистов,

наконец, было решено прибытием дружественного касика Кажуалана, который, хотя часть его племени отказалась от своей верности, [IV-27] обрушился на своих соотечественников с такими силами, какие смог собрать, и вызвал их свержение.

Теперь Альварадо быстро продвигался к Патинамиту. Пробиваясь сквозь многочисленные отряды врага, которые пытались воспрепятствовать его проходу, он через несколько дней прибыл на равнину перед городом. Здесь объединенные силы королей и вождей конфедерации, насчитывающие в общей сложности около тридцати тысяч воинов, были выстроены, чтобы дать ему бой и нанести еще один удар в защиту своей родной земли. Их усилия были тщетны. Эти испанские ветераны были непобедимы, и индейские войска были почти уничтожены на виду у их столицы. [IV-28] Испанцы, развивая свою победу, сразу же проложили себе путь по узкой дамбе, которая была единственным способом подступа к Патинамиту, и, предав мечам немногих оставшихся защитников, расположились там на ночь. [IV-29]

АЛЬВАРАДО ОТПРАВЛЯЕТСЯ В МЕКСИКУ.

Однако на следующее утро они покинули город и заняли позицию на равнине, где, построив для себя несколько хижин, [IV-30] они оставались **Ошибка! Закладка не определена.** в течение нескольких дней, в течение которых Альварадо тщетно пытался склонить взбунтовавшихся касиков вернуться к своей верности. [IV-31] Дважды он посылал предложения о мире; но, не получив ответа, он поспешил дальше в Олинтепек, куда прибыл в конце августа 1526 года. Теперь он был свободен вернуться в Мексику. Хотя ему не удалось ни убить, ни захватить Синакама и Секечула, он считал, что недавние ужасные наказания обеспечили безопасность.

Официальное дело было незамедлительно отправлено. Были избраны новые алькальды и регидорес, двое из первых, по имени Эрнан Каррильо и Педро Пуэртокарреро, были назначены лейтенантами Альварадо на время его отсутствия. Прокурор, некто Диего Бесерра, был назначен кабильдо представлять интересы города в Мексике; и, завершив приготовления, он отправился в путь в сопровождении Марина, своего брата Гонсало, [IV-32] и более восьмидесяти солдат. Он прошел через Соконуско и Теуантепек, двигаясь с такой бешеной скоростью, что двое из его людей, ослабевших от тягот недавней кампании, умерли на марше. Когда он приближался к столице, его встретил Кортес, от дружбы с которым вскоре пришлось отказаться, **Ошибка! Закладка не определена.** и чью непомерную гордость вскоре пришлось смирить тому самому человеку, которого этот великий завоеватель теперь принимал с распростертыми объятиями и королевским гостеприимством в своем дворце в Мексике. [IV-33]

И здесь мы должны на время оставить его рассказывать о своих великих достижениях; играть в азартные игры со старыми товарищами, обманывать их и лгать им, как он делал три года назад. Затем он навсегда распрощается с Кортесом, как это будет доказано, и отправится в свое путешествие в Испанию, где мы услышим о том, что он пожинает плоды почестей и отличий. Мы услышим также о том, как он, сознавая свою подорванную веру и бесчестное поведение, уклонялся от встречи со своим старым товарищем и был рад избежать ее, которому он был обязан всем, чем обладал на земле. [IV-34] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА V.

ПОКОРЕНИЕ САКАТЕПЕКА И ЗАХВАТ КРЕПОСТИ СИНАКАМА. 1527-1528гг.

Главный Пуэртокарреро—Восстание в Сакатепеке—Побег испанского гарнизона—Место отбито—Казнь первосвященника Панагуали—Крепость Синакама —Ее осада и захват—Хорхе де Альварадо Назначен губернатором—Город Сантьяго Основан в долине Альмолонга—Процветание Нового поселения.

Из двух вице-губернаторов, назначенных Альварадо после его отъезда из Олинтепека, Пуэртокарреро был тем, на кого он больше всего полагался. Способности, которые он проявил как солдат и магистрат, полностью оправдали это доверие. Близкий родственник Альварадо, он уступал только этому великому капитану в доблести и военном мастерстве; и самые важные посты на поле боя обычно поручались ему, в то время как тот факт, что он был избран регидором первого кабильдо и занимал этот пост путем повторного назначения до своего повышения в звании алькальда и вице-губернатора, свидетельствует о его способности управлять страной. По характеру он был в одном отношении слишком похож на своего командира, будучи суровым и безжалостным в обращении с туземцами. [V-1] Его высокое происхождение проявлялось в прекрасных манерах и вежливом облике, в то время как в качестве компаньона он мог быть либо самым очаровательным, либо чрезмерно **Ошибка! Закладка не определена.** неприятным; его вспышками остроумия и юмора наслаждались в той же степени, в какой боялись его сарказма.

С помощью своего коллеги Эрнана Каррильо он энергично принялся наводить порядок по всей провинции. Его первой заботой было выполнить инструкции Альварадо относительно подавления восстания в городе Сакатепок, известия о котором поступили до отъезда капитан-генерала. Хотя часть уроженцев провинции Сакатепок присоединилась к всеобщему восстанию, гарнизону, расквартированному в самом городе, до сих пор удавалось внушать жителям благоговейный страх; но к концу августа 1526 года, подстрекаемые своим верховным священником по имени Панагуали, человеком, вдохновленным руководящим гением нации, они внезапно восстали против испанцев. Угрозы немилости их бога Каманелона перевешивали для них даже страх перед их завоевателями; и верховный жрец, воспользовавшись сильным землетрясением, которое произошло незадолго до этого, настолько усилил страх своих соотечественников, что убедил их предпринять попытку истребления чужеземцев. Гарнизон едва избежал всеобщей резни, будучи вынужден бежать из города, прорубив себе путь сквозь плотную толпу нападавших, которые напали на них однажды вечером на закате. В ходе борьбы один из них вместе с тремя тлашкальтеками были схвачены и принесены в жертву. На следующий день к беглецам присоединилась сотня дружественных сакатепеков, и 31 августа они быстрым маршем достигли Олинтепека. [V-2]

ПЕРЕД КРЕПОСТЬЮ.

На рассвете следующего утра Пуэртокарреро выступил маршем против повстанцев. Его отряд состоял из шестидесяти всадников, восьмидесяти аркебузирова, пятисот пятидесяти тлашкальтеков и мексиканцев и ста сакатепеков. У него также было два артиллерийских орудия. **Ошибка! Закладка не определена.** По прибытии в пределах видимости города армия расположилась лагерем в небольшой долине в двух лигах от деревни Учубил, [V-3] для отдыха и разведки. Эрнандо де Чавес, посланный вперед с кавалерией, захватил в плен двух туземцев,

которые сообщили, что Укубил был мирно свергнут и что в Сакатепеке часть жителей перешла на сторону испанцев и, спасшись бегством, рассеялась по соседним кукурузным полям. Пуэртокарреро теперь перебрался в Укубиль и оттуда послал ободряющие послания дружественным местным жителям, восемьсот человек из которых вскоре присоединились к нему. Испанская армия насчитывала теперь полторы тысячи девяносто человек, и с этими силами командующий был вполне готов встретить восемь тысяч противников. Поэтому он двинулся к городу и, когда находился примерно в полулиге от него, послал гонцов предложить мир на условии капитуляции. Их встретили с презрением, и когда других отправили с аналогичным поручением, они были на грани того, чтобы быть схваченными и принесенными в жертву, и им удалось спастись, только положившись на быстроту своих лошадей.

Теперь испанцы заняли позицию на возвышенности в четверти лиги от Сакатепека. Там они почти сразу же подверглись нападению отряда из двух тысяч туземцев, которые, выйдя из соседнего леса, яростно атаковали их, но после непродолжительной борьбы были вынуждены отступить. Рано утром следующего дня три тысячи воинов, продвигавшихся со стороны города, обрушились на них, хорошо целясь отравленными стрелами, в то время как огонь аркебузирова на некоторое время был почти обезврежен сильным бризом, который гнал дым им в глаза. Позже их оружие было использовано с большим эффектом, и индейцы начали отступать с потерями, после чего испанцы неосторожно продвинулись вперед, тем самым потерпев поражение; ибо, когда испанские войска**Ошибка! Закладка не определена.** были в центре равнины, отряд из города, внезапно развернувшись, атаковал их спереди, в то время как те, кто оставался под прикрытием леса, атаковали их с тыла. Пуэртокарреро был вынужден отступить с поля боя со всей возможной поспешностью; но это можно было сделать, только пройдя большую часть равнины, и это сопровождалось большими потерями, так как войска в самый жаркий момент сражения запутались в тростниках и лианах. Наконец отступающая армия достигла безопасной позиции между двумя сходящимися холмами, и здесь сражение прекратилось на ночь.

На следующий день испанский командующий, выстроив свою пехоту полым квадратом с артиллерией впереди и кавалерией на флангах, дал противнику бой на равнине. Его порядки были слишком сильны, чтобы их могли прорвать воины Сакатепека, которые плотной массой бросились в атаку, но были отброшены назад хорошо направленным огнем артиллерии и стрелкового оружия. Построившись вдве колонны, они атаковали оба фланга одновременно, но без особого успеха. Снова собравшись в единую фалангу, они предприняли яростную атаку справа от испанской армии. Борьба была долгой, но не вызвала сомнений. Залп за залпом косили их ряды спереди, в то время как всадники неоднократно атаковали с обоих флангов. В конце концов они обратились в бегство, и их преследовали до самых ворот города, где Панагуали, два других священника и восемь главных касиков были взяты в плен.

Когда подавление восстания Сакатепеков было завершено, лейтенант Альварадо [V-5] затем обратил свое внимание на крепость Синакам. Эта крепость, построенная из камня и извести, располагалась в почти неприступном месте в горах Комалапа. [V-6] В твердых этого хребта, изрезанных мрачными каньонами, укрылось множество какчикелей. Далеко внизу в сьерре есть обрывистый овраг, через который протекает Рио-Нимайя. [V-7] Ручей, когда он достигает долины внизу, имеет большую глубину, изобилует рыбой и местами окаймлен прекрасными полянами и участками плодородной земли, к которым можно подойти только трудными и опасными тропами. [V-8] Здесь последователи Синакама сажали и собирали кукурузу в безопасности, в то время как река и лес снабжали их дополнительной пищей. Нельзя было выбрать лучшего места для крепости, чем то, куда вождь какчикелей отвел остатки своего некогда могущественного народа. [V-9]

ОСАДА КРЕПОСТИ.

Во главе многочисленной и хорошо оснащенной **Ошибка! Закладка не определена.** силы [V-10] Пуэртокарреро заняли подходящую позицию перед ним, [V-11] и в течение двух месяцев безуспешно вели осаду. В течение этого времени он часто делал попытки заключить мир, на которые отвечал только презрением, [V-12] в то время как его люди, страдая от насмешек врага, который чувствовал себя в безопасности на своем посту и не боялся голода, получали отпор при каждой атаке, камни и стволы деревьев сбрасывались на них с нависающих высот. Тем временем их беспокоили неоднократные вылазки туземцев, которые, как только замечали недостаток бдительности в лагере испанцев, с непостижимой быстротой спускались с гор, нападали на самое слабое место в их рядах и так же быстро возвращались под прикрытие своей крепости. [V-13]

Но неудача только подтолкнула испанцев к более решительным действиям. Среди них было много тех, кто принимал участие в штурме Мексики и сражался под командованием Альварадо при Патиамите. Храбрость ветеранов "аделантадо" была испытана на многих сомнительных поприщах, и теперь они собирались предоставить новые доказательства своей доблести. Возможно, предатель открыл осаждающим какой-то тайный путь, [V-14] или даже служил проводником; но штурм крепости **Ошибка! Закладка не определена.** был, тем не менее, отчаянным предприятием. Однако его судьба была предрешена. Пуэртокарреро разделил свои силы на четыре отряда и разместил их в наиболее благоприятных точках; но прежде чем отдать приказ о штурме, отправил свой последний призыв сдаваться. Гонцы, доставившие письмо Синакаму, чудом избежали смерти. Получив его, вождь разорвал бумагу в клочья и, бросив обрывки на землю, со многими выражениями презрения приказал предать посланников смерти. Однако в этот момент была предпринята атака. Пуэртокарреро, наблюдавший за всем происходящим, внезапно выдвинул своих людей вперед. Валы были взяты, и плацдарм был завоеван внутри укреплений. Теперь у гарнизона не было надежды; последовавшая за этим схватка была жестокой, но непродолжительной. Вскоре обесцвеченная земля была завалена мертвецами и умирающими, чьи распростертые тела торжествующие испанцы топтали, преследуя охваченных паникой туземцев. Синакам и Секечул вместе с большим числом их последователей были схвачены, и лишь немногим из тех, кто пережил резню, удалось скрыться в горах. [V-15] **Ошибка! Закладка не определена.**

Штурм крепости Какчикель произошел в день Святой Цецилии, 22 ноября 1526 года, и долгое время спустя это событие ежегодно отмечалось внушительной процессией. В годовщину

святого и накануне знаменосец поднял королевские знамена в присутствии президента, королевской аудиенции, муниципалитета и знати, в то время как мексиканцы и тлашкальтеки, внесшие немалый вклад в победу, присоединились к процессии, разодетые в яркие цвета и вооруженные оружием своих предков.

JORGE DE ALVARADO.

В марте 1527 года в Гватемалу прибыл новый губернатор в лице Хорхе де Альварадо, [V-16] брата великого завоевателя и человека, одаренного необычными способностями. Он уже завоевал известность во время завоевания Мексики и принимал видное участие в политических распрях, которые происходили в столице во время отсутствия Кортеса в Гондурасе. Во время военных действий в Гватемале, особенно в первой кампании в Сальвадоре, он доказал, что обладает настоящими солдатскими качествами. Эта должность была дарована ему губернатором Мексики, и то, что ему разрешили занять пост Пуэртокарреро, вероятно, было связано с благосклонностью его брата и дружбой Кортеса. Тем не менее, он был человеком, в высшей степени пригодным для правления. Кабильдо сразу признал его назначение, и ему было предложено немедленно принести присягу при вступлении в должность. **Ошибка! Закладка не определена.**

ОСНОВАН САНТЬЯГО.

Вскоре после своего прибытия кабильдо встретился, чтобы обсудить вопрос, представляющий общий интерес, который давно привлекал внимание колонистов. Это был выбор постоянного места для их доселе нестабильного города. Выбор лежал между долинами Альмолонга и Тиангуэсильо, [V-17] и после долгого и многословного обсуждения вопрос был решен в пользу первого населенного пункта. Было выбрано место, которое обладало преимуществами прохладного и здорового климата, обильного запаса дров, воды и пастбищ, а также где уклон местности позволял очищать улицы от периодических дождей. Затем губернатор представил муниципалитету документ, подписанный его собственной рукой, в котором содержались его инструкции относительно планировки будущего города. Улицы должны были пересекаться под прямым углом, их направление соответствовало сторонам света; место должно было быть отведено под площадь; а территория, прилегающая к общественной площади, была отведена для возведения церкви, посвященной Сантьяго, который был избран святым покровителем города, который отныне должен был носить его имя, и сердце которого должно было радоваться в последующие годы, когда день его годовщины повторится, религиозными церемониями и празднествами, танцами и боями быков всякий раз, когда удавалось раздобыть быков. [V-18] Места были **Ошибка! Закладка не определена.** должны были быть отведены под больницу, часовню и святилище, [V-19] и крепость; прилегающие к площади участки должны были быть выделены под муниципальные и гражданские здания и под тюрьму; а затем остальная часть участка должна была быть разделена между нынешними или будущими гражданами в соответствии с обычаями, преобладающими в Новой Испании.

После того, как этот документ был публично зачитан и внесен нотариусом в книги кабильдо, все формальности были завершены, за исключением вступления во владение будущим городом, как если бы он уже существовал. Согласно обычной формальности, был воздвигнут столб, и губернатор, возложив на него руку, торжественно провозгласил: "Я принимаю владение, во имя его Величества, город и провинцию, а также всю другую прилегающую территорию". [V-20]

Через четыре дня после завершения этой церемонии двадцать четыре человека зарегистрировались в качестве граждан; и поначалу дела в новом поселении шли так успешно, что в течение шести месяцев к общине присоединились еще сто пятьдесят домовладельцев. [V-21] В течение оставшейся части 1527 года и в течение многих месяцев после этого испанцы были заняты муниципальными делами или возводили **Ошибка! Закладка не определена.** жилищ, а также разделяли и обрабатывали богатые земли прилегающей долины.

В марте 1528 года Хорхе де Альварадо в силу полномочий, предоставленных ему губернатором Мексики, заявил о праве назначать новых членов муниципалитета. Поскольку кабильдо не смог выдвинуть никаких обоснованных возражений, кандидатуры были выдвинуты немедленно, и восемь регидоров были избраны вместо четырех. Наиболее важной мерой, принятой новой корпорацией в течение года, был передел земель и урегулирование вопросов, которые обязательно возникли бы в результате такого изменения. Субсидии были распределены настолько несправедливо, что, в то время как многие граждане получали гораздо больше своей доли, у других вообще ничего не было. Недовольство последних требовало от муниципалитета принятия мер. 18 апреля все предыдущие постановления были отменены, а все земельные участки разделены. Затем был издан приказ о переделе долины на кабальериас и пеониас, [V-22] и назначен комитет для перераспределения грантов.

ДОЛИНА АЛЬМОЛОНГА.

Мера такого рода не могла не встретить большого сопротивления, и, как будет видно позже, раздел земель и система репартиментиос вызвали много разногласий среди колонистов; однако в данном случае кабильдо действовали со всей возможной осмотрительностью и справедливостью в этом вопросе. Те наделы земли, которые были менее плодородными, были большей площади, чем более бесплодные участки; люди, отличившиеся своими заслугами, получали большие доли, соответствующие степени их заслуг; выращивание сельскохозяйственных культур было собственностью тех, кто владел ими на момент перераспределения; и если какой-либо житель внес **Ошибка! Закладка не определена.** и был переведен на другой надел, его преемник должен был внести другие улучшения равной ценности на выделенной ему новой земле. Кабильдо от имени его Величества пообещал предоставить полные документы о праве собственности; [V-23] гражданам было приказано огородить и поддерживать в хорошем состоянии часть улицы, соответствующую их наделам; непомерные сборы ремесленников были отрегулированы; и бережливость жителей была такова, что немногим более чем через год после своего основания город был окружен кукурузными полями и фруктовыми садами, и долина Альмолонга вскоре стала одной из самых цветущих колоний на просторах Центральной Америки. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА VI.

ВОССТАНИЯ ИНДЕЙЦЕВ И ГРАЖДАНСКИЕ ГРУППИРОВКИ В ГВАТЕМАЛЕ. 1529-1530.

Альварадо возвращается в Испанию—Ему предъявлено обвинение Советом Индии—Его оправдание—Его женитьба—Он возвращается в Мексику—Его суд перед Аудиенцией—Франсиско де Ордуња прибывает в Сантьяго—И занимает резиденцию Хорхе де Альварадо—Конфедерация Восстающих наций—Экспедиция Хуана Переса Дардона в долину Хумай—

Испанцы атакуют крепость Успантан—Их отпор и отступление—Место, впоследствии захваченное Франсиско де Кастильяносом—Цирк Копана Осажден Эрнандо де Чавесом — Доблестное поведение кавалериста—Возвращение Альварадо в Сантьяго—Деморализованное состояние провинции.

АЛЬВАРАДО В ИСПАНИИ.

Вскоре после встречи с Кортесом в Мексике Педро де Альварадо вернулся в Испанию. Прибыв в начале 1527 года, он вскоре узнал, как мы легко можем себе представить, что против него выдвигаются обвинения серьезного характера. Гонсало Мехиа, колониальный прокурор, обвинил его перед Советом Индии в получении богатства путем растраты королевских взносов и несправедливого присвоения военных трофеев. Полученная таким образом сумма оценивалась в сто тысяч песо. В его вину также были предъявлены многие акты несправедливости, все из которых, по словам Мехии, могли быть подтверждены документами, которые он представил совету. Результатом было то, что был издан приказ, предписывающий провести официальное расследование как в Мадриде, так и в Новой Испании, и предписывающий конфисковать его золото на сумму пятнадцать тысяч дукатов в качестве обеспечения любого штрафа, который ему могут выплатить. Кроме того, от него требовалось незамедлительно явиться в суд лично. **Ошибка! Закладка не определена.**

Теперь перед Альварадо стояла нелегкая задача, но многое говорило в его пользу. Его великая известность, приятная внешность [VI-1] и замечательные разговорные способности завоевали ему множество друзей, среди прочих секретаря короля Франсиско де лос Кобоса, который лично заинтересовался его защитой, и с таким успехом, что завоеватель Гватемалы был оправдан, его золото возвращено, и вскоре у него появилась возможность отстаивать свое дело перед императором.

Оказавшись в королевском присутствии, кавалерист без колебаний сообщает его величеству о своих многочисленных доблестных подвигах во время завоевания Мексики и упоминает, что покорение Гватемалы было достигнуто за его собственный счет. [VI-2] Король слушает с подчеркнутым вниманием, особенно когда он выдвигает планы строительства кораблей на южном берегу Гватемалы для открытия вожаемых островов пряностей и для развития торговли Южными морями. [VI-3] Королевская милость завоевана, за ней следуют почести и назначения. Ему вручают крест Сантьяго, и он назначается комендантом. [VI-4] Он также назначен губернатором и генерал-капитаном, как сообщает нам Аревало, Гватемалы, Чьяпаса, Чинакантана, Текепампо, Омата, Акалана и всех других прилегающих территорий **Ошибка! Закладка не определена.** и принадлежащих этой провинции. Взамен он заключает соглашение со своим царственным повелителем о отправке экспедиций для открытий и тщательного исследования вод Южного моря. [VI-5]

Благосклонность, которую он таким образом получил от императора, отчасти объяснялась его браком с подопечной секретаря Кобоса. Это правда, что он уже был помолвлен с Сесилией Васкес, двоюродной сестрой Кортеса, но нельзя было допустить, чтобы простая клятва встала между ним и высокопоставленными родственниками. Кортес был настоящим другом; но теперь Альварадо мог заручиться более сильной поддержкой, чем когда-либо мог оказать ему завоеватель Мексики, а какое значение имела дружба, когда в помощи [VI-6] больше не было необходимости? Через несколько месяцев после своего прибытия в Испанию он предложил себя в качестве претендента на руку образованной доньи Франциски де ла Куэва, дочери конде

де Бедмара и племянницы герцога Альбукерке. Секретарь Кобос принял его предложение одобрительно, устроил свадьбу и на церемонии выдал невесту замуж. [VI-7]

Теперь Альварадо был готов вернуться в западный мир, и 26 мая 1528 года [VI-8] согласно форме записал свои встречи и депеши в Индийском доме в Севилье. Пока он там ждал посадки, Кортес прибыл в Палос. Но новый аделантадо уже не так стремился встретиться со своим бывшим командиром, каким он был, когда шел к нему на помощь через дебри Гондураса. Он знал, как глубоко ранил его гордость в двух самых чувствительных местах, и с чувством облегчения воспринял известие о том, что Кортес отправился напрямик в Мадрид.

В октябре 1528 года губернатор Гватемалы в сопровождении ряда знатных джентльменов, друзей и родственников снова прибыл в Вера-Крус и поспешил в Мексику, надеясь вскоре добраться до столицы своей собственной провинции. Но служащие королевского казначейства сообщили ему, что ему не нужно спешить с отъездом, поскольку теперь к расследованию нельзя относиться легкомысленно. Это был серьезный вопрос, вопрос о счетах, очень серьезный вопрос о том, скольким он был обязан его Величеству. И совсем рядом были эти безупречные люди, oidores из первой аудиенции Мексики, которые ревновали к правам короля и еще больше ревновали к тому, чтобы любым другим подданным было позволено превзойти их. Следуя по пятам за Альварадо, они въехали в Мексику, имея при себе документ, в котором был пункт следующего содержания: "Вы также должны сами узнать, правда ли, что, когда Педро де Альварадо был в Гватемале, при сборе пятых не было проявлено должной осторожности и что он не явился к казначею с относящейся к ним частью". [VI-9] Губернатору Гватемалы сразу же сообщили, что он может ответить по предъявленным ему обвинениям.

СУД НАД АЛЬВАРАДО.

Последовавший за этим знаменитый судебный процесс затянулся настолько, насколько это было возможно из-за партийных разногласий, зависти и личной вражды. Более важными обвинениями были три - хищение королевских пятых и солдатской добычи, жестокость и незаконная война; но любой поступок из предыдущей жизни Альварадо, который мог быть использован против него, был уместен. Общее число выдвинутых обвинений составило тридцать четыре, и со стороны обвинения было представлено десять свидетелей. 6 апреля 1529 года начался допрос; 4 июня Альварадо представил свой ответ; а 10-го началась **Ошибка!**

Закладка не определена. допрос его свидетелей, которых было тридцать два, одним из которых был капеллан Хуан Диас. Было задано восемьдесят четыре вопроса, и в дополнение к устным доказательствам защите было представлено двенадцать документов. [VI-10] 5 июля защита закрыла заседание и дело было передано на рассмотрение, но все попытки добиться скорейшего решения оказались безрезультатными. Ойдорес хотели бы, чтобы губернатор Гватемалы еще немного почувствовал их власть.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОВИНЦИИ.

Вскоре после прибытия Альварадо в Мексику его брат Хорхе, которого оставили во главе провинции Гватемала, получил от него копию заявления о назначении Альварадо губернатором и генерал-капитаном. [VI-11] В то же время аделантадо, получив такие полномочия, **Ошибка!** **Закладка не определена.** назначил Хорхе своим лейтенантом. Документы, зачитанные перед кабильдо, были должным образом признаны этим органом; после чего Хорхе заявил, что он прекратил осуществлять полномочия, которыми до сих пор обладал от губернатора Мексики,

[VI-12] принес присягу обычным образом и приступил к обязанностям, возложенным на него его новым назначением.

Аудиенция Мексики была быстро уведомлена об этом разбирательстве, и в июле 1529 года в Сантьяго стало известно, что судья и генерал-капитан были назначены занять резиденцию вице-губернатора. Была предпринята смелая, хотя и безуспешная попытка избежать угрожавшего расследования. Хорхе вынудил прокурора, синдика и нотариуса составить официальное представление, настаивая от имени кабильдо, чтобы Педро де Альварадо и никто другой не подчинялся в качестве генерал-капитана и губернатора. Однако это действие не помогло предотвратить его быстрое отстранение от власти. 14 августа Франсиско де Ордуња, должностное лицо, назначенное ордерцами, прибыл в Сантьяго и, предъявив свои верительные грамоты, в тот же день принес обычную присягу. [VI-13]

Аудиенция не могла бы выбрать человека, более неподходящего для этой важной должности или менее способного продвигать интересы колонии. Он пришел в то время, когда больше всего требовались благоразумие и бесстрастные действия. Перераспределение земель и присвоение энкомьенд, несмотря на все усилия добиться обратного, вызвало недовольство; завоеватели ревниво относились к новоприбывшим, а поселенцы уже разделились на фракции.

Согласование **Ошибка! Закладка не определена.** различий не было целью Ордуњи. Его политика заключалась в том, чтобы руководствоваться личными интересами и враждовать с Альварадо и его партией. Человек грубой натуры, вспыльчивый и беспринципный, он часто был виновен в грубой непристойности в речи и неприличном личном насилии; после актов грубой несправедливости он оскорблял всех, кто требовал возмещения ущерба.

Одной из его первых мер было поставить под сомнение законность правления Хорхе. Алькальд Гонсало Довалье, креатура Ордуњи, подал иск в кабильдо, утверждая, что все назначенные им репартименто и все иски, которые он решил с того момента, как получил от своего брата назначение вице-губернатором, были аннулированы. Вопрос был деликатным, поскольку кабильдо признали власть Хорхе, и их собственные полномочия и права, таким образом, оказались под угрозой. Тем не менее, они не осмелились выступить против юрисдикции аудиенсии, и в течение трех месяцев после прибытия Ордуњи он оказался под контролем аюнтамьенто.

ВОЙНА В СЮМЭЕ.

Местные жители не замедлили воспользоваться разногласиями между испанцами, и во второй половине 1529 года возникла необходимость посылать многочисленные экспедиции для подавления восстания или отражения вторжений. [VI-14] Несколько конфедеративных наций **Ошибка! Закладка не определена.** которые потерпели поражение от рук Альварадо по возвращении из Гондураса [VI-15] начали вторгаться в те части провинции, которые до сих пор всегда находились в подчинении. Долина и город Шумай были главным очагом восстания, и против этого пункта были направлены силы в восемьдесят пеших, тридцать конных и тысяча туземных вспомогательных войск под командованием Хуана Переса Дардона. [VI-16]

Марш войск не прерывался до тех пор, пока они не достигли реки Коаксиникилапан. [VI-17] Здесь они обнаружили, что их переходу препятствуют большие силы, размещенные на противоположном берегу. Не считая благоразумным пытаться переправиться на глазах у врага, Дардон отвел свои войска и, совершив быстрый обход под прикрытием гряды холмов,

незамеченным прибыл к месту выше по течению. С помощью деревянного моста, который он поспешно перекинул через нее, он переправил свою армию и двинулся маршем в долину Сюмай. Здесь он столкнулся с сильным отрядом противника, который после энергичного сопротивления внезапно отступил на крутую возвышенность, [VI-18] горячо преследуемый испанцами. Последние не раз терпели неудачу в своих попытках удержать эту позицию, но туземцы, испытывавшие недостаток в провизии и ослабевшие от голода, были в конце концов вытеснены с большой резней.

Город Сюмай теперь находился во власти испанцев; и вождь объединившихся племен, [VI-19] обнаружив, что не в состоянии справиться с врагом, решился на хитрость; но его проницательность не могла предложить ничего лучшего, как часто испытанную уловку с предательскими попытками заключить мир. Дардона нельзя было обмануть такой банальной уловкой, и он сообщил ему, что полностью осведомлен о его замысле, после чего касик сбросил маску и, решив предпринять последнее усилие, атаковал испанцев всеми силами, которые смог собрать, но был разбит с большими потерями. Войдя в город, Дардон обнаружил, что город заброшен, и тщетно посылал нескольких своих пленников с обещаниями помилования их соотечественникам при условии их возвращения. Они доверяли слову испанского командира еще меньше, чем он сам выказывал в добросовестности своего вождя. Поэтому было приказано сжечь это место, и были отправлены отряды для отслеживания разбежавшихся беглецов, многие из которых были схвачены, и среди них несколько касиков. Все они были без разбора заклеены как рабы, и поэтому деревня, впоследствии построенная недалеко от этого места, а также Рио-Коаксиникилапан получили название Лос-Эсклавос. [VI-20]

ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО Перед УСПАНТАНОМ.

В то время как объединенные племена, таким образом, снова были приведены в подчинение, экспедиция, направленная против крепости Успантан [VI-21] потерпела неудачу с сигналом. Вскоре после прибытия Ордуњи кабильдо приняли решение о сокращении **Ошибка! Закладка не определена.**; и для этой цели был отправлен отряд из шестидесяти пеших и трехсот опытных индейских вспомогательных войск [VI-22] под командованием алькальда Гаспара Ариаса. [VI-23] Горный район, в котором располагалась эта крепость, лежал на границах нынешних департаментов Вера-Пас и Тотоникапан и был населен свирепыми кочующими племенами, которые постоянно призывали покоренных киче к восстанию. Окруженный глубокими ущельями и занимающий одну из тех естественно укрепленных позиций, которые когда-либо выбирались местными жителями в качестве убежища от испанцев, Успантан считался почти таким же неприступным, как Патиамит и горная цитадель Синакам. Как только Ариас занял свою позицию перед этой крепостью, захватив несколько городов, лежавших на пути его похода, он получил известие, что Ордунья сместил его с должности и назначил на его место другого алькальда. [VI-24] Возмущенный таким поведением, он решил немедленно вернуться в Сантьяго, [VI-25] передав командование Педро де Ольмосу, человеку, которому он доверял, но который, как выяснилось в результате, не подходил для этой должности. Не прислушиваясь ни к оставленным ему инструкциям, ни к советам своих сослуживцев, он решил взять это место штурмом, надеясь **Ошибка! Закладка не определена.** таким образом завоевать себе репутацию. Результат был самым катастрофическим. Пока штурм производился в единственной точке, где можно было осуществить прорыв, его тыл атаковали две тысячи вражеских солдат,

устроивших засаду в ожидании атаки. Неожданность была полной. В последовавшем коротком конфликте большая часть испанцев была ранена, в том числе и сам Ольмос, в то время как бойня вспомогательных войск была ужасающей. Чтобы довершить их замешательство, несколько пленных, захваченных врагом, были немедленно принесены в жертву на алтаре. [VI-26] Затем союзники бежали и вернулись в Сантьяго.

Теперь не оставалось ничего, кроме отступления; и угрюмо небольшие остатки отряда Олмоса, плохо обеспеченные продовольствием и перегруженные багажом, повернулись спиной к крепости Успантан, чтобы с боем пробиваться домой. День за днем они продвигались вперед, постоянно подвергаясь нападениям со стороны противника, устроившего засаду вдоль маршрута. Последнее сражение произошло на подходе к району Чичикастенанго. Здесь собралось три тысячи вражеских солдат, чтобы отвоевать у них горный перевал, через который лежал их единственный путь к отступлению. Теперь у испанцев не было никакой надежды, если только они не смогут пробиться сквозь эту плотную толпу воинов. Провизия и багаж были отброшены в сторону, и каждый солдат, схватив свое оружие, приготовился к сражению, которое должно было определить его судьбу. Битва была упорной и кровопролитной, но мечи и аркебузы, как обычно, одержали верх над грубым оружием туземцев, и, наконец, испанцы, не встретив сопротивления, остановились на противоположной стороне хребта, а оставшиеся в живых, изможденные голодом, добрались наконец до Утатлана.

ВОЙНА В ЧИЧИКАСТЕНАНГО.

Ордунья, осознав, что его неосмотрительность стала причиной этой катастрофы, поспешил исправить свою ошибку. **Ошибка! Закладка не определена.** Ему было очень трудно собрать достаточные силы, поскольку он уже стал непопулярен среди большинства колонистов, но в начале декабря он покинул город в сопровождении сорока пехотинцев, тридцати двух всадников и четырехсот мексиканских и тлашкальтекских союзников, [VI-27] последними командовали испанские офицеры. Поскольку Ордунья мало верил в свои способности лидера, а его солдаты таковыми не обладали, командование этими силами было поручено казначею Франсиско де Кастельяносу, человеку решительному и способному. По прибытии в Чичикастенанго Ордунья отправил послов в Успантан с требованием сдаться. [VI-28] Ответ носил практический характер: эмиссары были немедленно преданы смерти.

Теперь необходимо было подчинить туземцев силой оружия, и Ордунья послал вперед Кастельяноса с большей частью войск для ведения боевых действий, в то время как сам он оставался в безопасном месте в Чичикастенанго. [VI-29] Последний сначала направил свой поход против важной крепости Небах. Добравшись до реки Сакапулас, он на некоторое время столкнулся с непреодолимым препятствием из-за крутизны оврага, по которому она протекала. Двигаясь вверх по течению, он, наконец, обнаружил **Ошибка! Закладка не определена.** место, где он мог спуститься, и, перекинув мост через реку, благополучно переправился. Поднявшись по противоположному склону, он встретил на вершине отряд из пяти тысяч воинов, собравшихся там из Небаха и соседних городов. При его приближении они отступили и заняли позицию на узком горном перевале, откуда были выбиты только после ожесточенной и затяжной борьбы.

Затем Кастельянос без дальнейшего сопротивления продвинулся к Небаху, который, как и многие другие индийские города, он считал естественной цитаделью. Туземцы так полагались на защиту окружающих его обрывов, что не сочли нужным выставлять часовых и все собрались для

защиты его единственного входа. Эта чрезмерная самоуверенность привела к их гибели. Пока шел штурм, нескольким тлашкальтекам и мексиканцам удалось, цепляясь за ветки и лианы, взобраться на высоту в задней части города. Затем, приблизившись незамеченными, они подожгли несколько домов. Пожар распространился; оборона вскоре была оставлена; и испанцы, ворвавшиеся через узкий вход, вскоре стали хозяевами города. На следующий день все жители были заклеимены; и падение этой крепости произвело такой эффект, что соседние деревни, а также большой город Чахул сдались без сопротивления.

КЛЕЙМЕНИЕ ПАТРИОТОВ.

Затем испанцы двинулись маршем на Успантан, где десять тысяч воинов, принадлежавших к этому району, при поддержке равного числа союзников пренебрегли подчинением. Это место также было практически неприступным, и опять же, если бы не избыток уверенности, гарнизон мог бы оставаться в безопасности. Но когда они увидели маленькую армию под командованием Кастелланоса, нагло расположившуюся перед их дверью, жители Успантана решили выступить вперед и стереть их с лица земли. Испанцы заняли свою позицию, пехота была разделена на два равных отряда и расположилась на флангах, в то время как всадники заняли центр несколько впереди. **Ошибка! Закладка не определена.** Как только началось наступление и нападавшие вступили в бой с кавалерией, пехота, быстро разворачиваясь вправо и влево, одновременно обрушилась на фланги противника и опрокинула их с большой резней. Было захвачено так много высокопоставленных пленников, что покорность Успантана и союзных городов была обеспечена, и Кастельянос, заклеив и обратив в рабство большое количество своих пленников, вернулся в Сантьяго примерно в начале 1530 года.

В том же году неразбериха, вызванная мужским правлением Ордуни, дала упрямым кускатеканцам надежду хотя бы на то, что они вернут себе независимость, и они снова подняли восстание. Диего де Рохас был послан генерал-капитаном с небольшим отрядом, чтобы помочь испанским поселенцам в этой части провинции в подавлении восстания. Его усилия увенчались успехом; но когда он собирался принять капитуляцию крепости, лежавшей за рекой Лемпа, он услышал неприятную весть о том, что с юга приближается отряд испанцев. Рохас решил лично провести разведку, и вскоре его любопытство было удовлетворено, так как при этом он вместе с несколькими своими последователями попал в плен. Вторгшиеся оказались отрядом из двухсот человек, отправленным Педрариасом Давилой под командованием Мартина Эстете с целью завладеть Сальвадором и превратить эту провинцию в придаток Никарагуа. Если бы этой экспедицией руководил способный человек, нет ничего невероятного в том, что ее цель могла бы быть достигнута; но Эстете, хотя и назывался солдатом, не обладал ни храбростью, ни военным искусством. В час испытания он бросил своих людей; и уже говорилось, что около половины его отряда присоединилось к колонистам Гватемалы.

У подножия обрывистого горного хребта недалеко от Грасиас-а-Диос находится цирк Копан, где находятся руины древнего города, которые до сих пор являются объектом **Ошибка! Закладка не определена.** интереса путешественников. Фуэнтес, писавший о конце семнадцатого века, описывает его как пространство, окруженное каменными пирамидами высотой восемнадцать футов, у основания которых были изваяны фигуры, одетые в кастильские костюмы. Это место было окружено тридцатитысячным гарнизоном, хорошо снабженным провизией, и охранялось в единственном месте, где был возможен подход, глубоким рвом и земляной баррикадой, прорезанной петлями. Эрнандо де Чавес, которому было приказано подавить восстание в

соседней провинции Чикимула, теперь решил взять эту крепость в осаду. Выстроив свои силы перед ним, он приблизился к городу на расстояние выстрела из лука во главе небольшого конного отряда и потребовал его сдачи. Ему ответили полетами стрел, направленных так метко, что он был рад спастись бегством.

На следующее утро была предпринята атака на укрепление, но безуспешно; и хотя атака возобновлялась снова и снова в течение дня, а аркебузы и арбалеты испанцев сеяли опустошение среди защитников, с наступлением ночи это не произвело никакого впечатления, и Чавес был вынужден отвести свои войска, сильно потрепанные. Он превысил свои приказы и действовал под свою личную ответственность, пытаясь подчинить Копан. Он был вынужден признать свою опрометчивость, но теперь вопрос заключался в том, каким путем ему следует поступить в сложившейся дилемме? Захватить крепость его незначительными силами было почти невозможно, в то время как неудача и отступление навлекли бы позор на испанское оружие и на него самого. Размышляя о трудностях своего положения, он получил радостную весть о том, что было обнаружено место, где глубина и ширина рва были сравнительно небольшими, и на следующий день он снова повел своих людей в атаку. Борьба была долгой и сомнительной. Испанцы упрямо отказывались отступать, хотя раз за разом, когда они пытались **Ошибка! Закладка не определена.** взобраться на вал, они были отброшены ударами копий или раздавлены падающими камнями.

УМЕНЬШЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА КОПАНА.

Исход дня, наконец, решило отчаянное мужество солдата кавалерии, некоего Хуана Васкеса де Осуны, который, взбешенный отпором своих товарищей, вонзил шпоры в своего коня и направил его прямо в ров. Конь преодолел ров, ударившись о баррикаду своей колючей грудью. Укрепления не выдержали удара: частоколы и земля рухнули; испуганный конь, подгоняемый своим стремительным всадником, продрался сквозь обломки и ворвался в толпу воинов, разбрасывая их во все стороны. На помощь Осуне пришли другие всадники. За ними последовали все испанские силы, ворвавшиеся в брешь и выстроившиеся в линию внутри укреплений. Последовавшее за этим сражение не стало исключением из обычных событий испанских войн в Америке. Всадники сеяли ужас и смерть в рядах туземцев, в то время как пехотинцы продолжали кровавую бойню. Касик объединил свои разрозненные войска против сильного отряда резервистов, размещенного на выгодной позиции, и попытался восстановить положение, но сопротивление было недолгим; вскоре их ряды были сломлены, и Копан оказался в руках победителей. Однако даже сейчас вождь не терял надежды. Оставив свою столицу врагу, он отступил в Ситалу, на границу своих владений. Здесь он собрал всех людей, каких только мог собрать, и вскоре во главе грозной армии предпринял отчаянную попытку отвоевать Копан. Дважды он с отчаянной храбростью атаковал испанцев и дважды был отброшен назад, а его лучшие воины остались мертвыми на поле боя. Наконец, убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, он выразил покорность и из своего горного убежища послал данникам золото и оперение. Его капитуляция была милостиво принята Чавесом, который принял его со снисходительностью и вежливостью, подобающими победителю. [VI-30] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГРАЖДАНСКИЕ ГРУППИРОВКИ В ГВАТЕМАЛЕ

Примерно в середине 1530 года Педро де Альварадо вернулся в Гватемалу, наконец выпутавшись из сетей, расставленных его противниками. Жалобы на то, что аудиенция неверно

истолковывала инструкции короля, оставались без внимания; заявления о том, что его несправедливо лишили возможности продолжать новые завоевания и извлекать какую-то выгоду из понесенных им огромных расходов, приносили его врагам тайное удовлетворение. Но позже политический аспект дела сложился в его пользу. Аудиенция и сильная партия их сторонников были враждебны Кортесу и не жалели усилий, чтобы помешать его возвращению в Мексику.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЬВАРАДО.

Ни один из врагов не был так активен, как королевский агент Гонсало де Салазар, который схватил и заключил в тюрьму ряд лидеров противоположной фракции, и среди них братьев Альварадо. Возмущенный этим поступком, последний вызвал Салазара на смертный бой, [VI-31] и повстанческие движения в городе вызвали тревогу у ойдоров и их сторонников. В этот момент была получена информация о том, что Кортес уже находится на пути в Мексику. Был достигнут компромисс, и Альварадо **Ошибка! Закладка не определена.** наконец-то разрешили продолжить его долгое путешествие в Сантьяго. [VI-32]

Такова версия, приведенная Ремесалом о побеге Альварадо от следствия, но вполне вероятно, что он был вынужден расстаться со значительной частью своих доходов, полученных нечестным путем, делая так называемые подарки оидорам и влиятельным лицам, и что он в гневе отряхнул пыль со своих ног, когда покинул Мексику, лишенный своего богатства. Увы, Тонатиух! Он действительно был сильно пострадавшим разбойником с большой дороги, попавшим в руки воров. [VI-33]

11 апреля 1530 года аделантадо прибыл в столицу и был сердечно встречен, ибо его отсутствию приписывали все зло, причиненное Ордунией. В тот же день он представил кабильдо свое первоначальное назначение за королевской подписью. Документ был принят с подобающей серьезностью. Его передавали по кругу, целовали и всячески чествовали, и, наконец, водрузили по очереди на голову каждого члена церкви, все обещали повиноваться ему как королевскому приказу. Затем, положив правую руку на крест ордена, пожалованный ему императором, Альварадо произнес обычную клятву и занял свое место президента кабильдо.

Теперь правление Ордунии подходило к концу, и по его возвращении в Сантьяго не было потеряно времени на возбуждение против него уголовного дела. Ему было приказано внести залог в размере тридцати тысяч песо де оро, и с тех пор его имя больше не появляется в хрониках **Ошибка! Закладка не определена.** его возраста. Но мы можем заключить, что тот, кто проявил такую враждебность к партии Альварадо и был так успешен в завоевании ненависти общества, не вышел бы невредимым из огня, который он сам вокруг себя разжег. Либо это, либо он делал то, что больше всего нравилось власти имущим, и в этом случае его наказание вряд ли может быть суровым.

Добиться возмещения ущерба от Ордунии было, однако, проще, чем исправить беспорядок, который он произвел. Колонисты разделились на многочисленные группировки, питавшие ожесточенную вражду друг к другу. Неправедливое распределение репартименто привело к междоусобицам, которые в любой момент грозили кровопролитием; и те, кто принимал участие в завоевании страны, с гневом смотрели на новичков, которых предпочли им при избрании на государственные должности.

Независимый дух ремесленника и оперативника ставил их в прямое противоречие с более аристократическими орденами, которые ненавидели их за вымогательства, которые они практиковали, и за неуважительное безразличие, которое они проявляли. Многие механики, приобретая репартименты и богатство, брали плату, какую им заблагорассудится, вопреки закону, и работали только тогда, когда чувствовали к этому склонность. [VI-34] Но даже этот класс был разделен сам против себя, и год за годом религиозные процессии сопровождались позорными беспорядками, вызванными тем, что таким образом собирались вместе те, кто занимался конкурирующими профессиями. Общине даже угрожал роспуск. Многие с отвращением покинули провинцию, чтобы поселиться в Мексике или Никарагуа или заняться добычей полезных ископаемых, а другие готовились уехать. Участки, отведенные под жилые дома, были незаняты их владельцами; улицы были почти непроходимы, а лошади **Ошибка! Закладка не определена.** и свиньи бродили на свободе, уничтожая посевы, в то время как ищеек выпустили на волю, и им разрешили отслеживать несчастных туземцев почти в пределах видимости Сантьяго.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Таково было положение дел, когда Альварадо вернулся, и нет никаких сомнений в том, что его своевременное прибытие спасло колонию от разрушения. [VI-35] Он сразу понял, что ситуация требует быстрых и энергичных действий, и ударил в корень зла, запретив под страхом смерти и конфискации все серьезные ссоры, будь то устные или письменные. Вскоре последовали другие меры по исправлению злоупотреблений и реорганизации дел провинции. Было издано распоряжение о новом распределении репартиментов и регламентированы условия военной службы. Тот, к кому были приставлены две тысячи индейцев, всегда должен быть обеспечен двойным комплектом оружия и двумя лошадьми и быть готовым выступить в бой в любой момент. Тот, у кого была тысяча человек, должен был обладать одним комплектом оружия и одним конем. Рекомендеро из пятисот туземцев должен быть снабжен арбалетом или аркебузой, мечом и кинжалом и, по возможности, должен предоставить лошадь.

Действующие в Гватемале законы о приобретении, владении и передаче земли при надлежащем управлении и на территории, богатой природными ресурсами, какой была эта провинция, обеспечили бы процветание всем, кроме небрежных и расточительных. Добыча золота приносила неплохую прибыль, и, несмотря на опустошительные действия диких зверей, животноводство и сельское хозяйство успешно развивались. [VI-36] **Ошибка! Закладка не определена.**

Хотя поселенцев было немного, [VI-37] их было достаточно, когда они действовали согласованно, чтобы держать туземцев в подчинении. От граждан по большей части требовалось выполнять солдатский долг в случае необходимости. Никто, кроме граждан, не мог получить право собственности на землю; и это право не подтверждалось до истечения длительного срока службы; и никто не мог приобрести, даже путем покупки, больше, чем причитающаяся ему доля общественного достояния. [VI-38] Но вред, причиненный мужским управлением Ордуни, был таков, что большинство испанцев оказались на грани нищеты.

25 сентября 1529 года мы узнаем, что выплата долгов была приостановлена на четыре месяца по приказу кабиљдо на том основании, что в противном случае лошади и оружие колонистов были бы проданы другим лицам, а услуги их владельцев были бы потеряны для провинции. Более того, высокие цены на все импортируемые товары в значительной степени усугубляли положение

наиболее обедневших поселенцев. Дюжина подков продавалась за пятнадцать песо, обычное седло - за пятьдесят, а суконную куртку нельзя было купить меньше чем за семьдесят песо. Расстояние от границ Гватемалы до Мексики, откуда были получены все эти предметы, составляло двести семьдесят лиг. Два участка дороги, один длиной в сорок пять, а другой - в шестьдесят лиг, вели через дикую местность **Ошибка! Закладка не определена.** непроходимый в сезон дождей, за исключением индейцев, из-за разлившихся рек и болот.

В течение оставшейся части 1530 года в провинции произошло несколько заслуживающих внимания инцидентов. Туземцы часто поднимали восстания, но описывать каждое мелкое восстание было бы лишь утомительным повторением. Некто Луис Москосо был отправлен со ста двадцатью людьми в район за Лемпой и после усмирения туземцев основал там поселение, которое, по словам Хуарроса, было городом Сан-Мигель. [VI-39] Диего де Альварадо во главе ста семидесяти человек совершил экспедицию в Гондурас и основал в северной части этой территории город Сан-Хорхе-де-Оланчо, [VI-40] но из-за голода и несчастий в апреле следующего года он был вынужден вернуться с разбитыми остатками своего отряда в таком плачевном состоянии, что был вынужден просить кабилидо принять их и обеспечить. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА VII. ЭКСПЕДИЦИЯ АЛЬВАРАДО В ПЕРУ. 1531-1536гг.

Судостроение в Гватемале-Альварадо готовит экспедицию на острова пряностей—Но обращает свое внимание на Перу—Противодействие чиновников Казначейства—Лоцман Фернандес приносит известие о выкупе Атауальпы—Мощь вооружения Альварадо—Он приземляется в Пуэрто—Въехо—Провал его экспедиции—Его возвращение в Гватемалу—Местные восстания во время его отсутствия —Визитадор Мальдонадо прибывает в Сантьяго—Он не находит вины в Аделантадо—Но впоследствии получает приказ покинуть свою резиденцию—Альварадо в Гондурасе.

Одним из первых вопросов, привлечших внимание Альварадо по возвращении в Сантьяго, было открытие участка, приспособленного для строительства кораблей, поскольку теперь он был полон решимости совершить свое намеченное путешествие в поисках островов Пряностей. В соответствии с инструкциями императора, он отправил группы для исследования морского побережья с этой целью. На расстоянии пятнадцати лиг от города, недалеко от современного порта Истапа, было найдено подходящее место, в окрестностях которого имелись обильные запасы превосходной древесины, и работа была немедленно начата.

ВООРУЖЕНИЕ.

Согласно условиям его поручения от короны, его открытия и завоевания ограничивались островами и материком той части южного моря, которая граничит с Новой Испанией, а оттуда - в западном направлении, и ему было запрещено создавать какие-либо поселения на территории, уже закрепленной за другими. [VII-1] Он **Ошибка! Закладка не определена.** был назначен губернатором и мэром альгуасила пожизненно, и до получения иного распоряжения ему была доверена полная гражданская, военная и судебная власть над всеми новыми землями, которые он мог найти. Во время королевского увеселения он также должен был получать

двенадцатую часть всей прибыли, которая могла бы в будущем стать результатом его исследований. Нелегко определить, должна была ли экспедиция быть снаряжена полностью или только частично за счет аделантадо; [VII-2] но в письме Карлу V., отправленном в 1532 году, в котором он заявляет о своем намерении построить и оснастить флот из двенадцати судов и набрать силы в четыреста человек, он заявляет, что стоимость его вооружения превысит сорок тысяч кастельяно, и что эти расходы исчерпают его личные средства. Он, конечно, утверждает, что таким образом расходует все свои ресурсы исключительно из своего обычного желания послужить императору, и утверждает, что у него есть информация о богатых островах у побережья, из открытия которых его величество должен извлечь большую выгоду.

ЛЕСТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Пока строительство его флота еще продолжалось, слухи о завоевании Писарро и о баснословных богатствах, выпавших на его долю, распространились по всей провинции. Как мы хорошо знаем, Альварадо не был чрезмерно щепетилен в выборе путей и средств. Он уже доказал свою неправоту по отношению к тому, благодаря чьей дружбе и благосклонности он возвысился до своего высокого положения; разве он не мог теперь пополнить свой истощенный кошелек, а также снискать славу в стране инков? Не было ли это **Ошибка! Залкадка не определена.** не лучше ли таким образом использовать свое вооружение, чем пускаться в погоню за дикими гусями за островами, которых никто еще не видел? И, конечно, с несколькими кораблями перуанского золота, на сбор которого ему не потребовалось бы много времени, он мог бы служить своему государю так же хорошо, как если бы в его казне не было ни грамма мараведи. К счастью, это было поистине провидением, что теперь, когда флот был почти готов, а люди экипированы и готовы к посадке, эта великая добыча должна была начаться к югу от него.

По возвращении судна, отправленного за припасами в Панаму, сообщения об огромных сокровищах, обнаруженных в Перу, подтвердились, и энтузиазму не было предела. "Идемте, - сказал Альварадо колонистам, - идемте со мной, и я сделаю вас такими богатыми, что вы сможете ходить по золотым слиткам".

Среди многочисленных врагов Альварадо самыми могущественными и активными были чиновники казначейства Гватемалы, которые, хотя и часто расходились во мнениях между собой, постоянно выступали против губернатора. Они уже донесли на него правительству метрополии, обвинив в пренебрежении служебным долгом, взимании принудительных взносов и неподчинении королевским указам. Теперь они направили письмо императору, информируя его о замыслах Альварадо, представляя пагубные последствия, которые должны последовать за вторжением на территорию Писарро, опасность вывода из Гватемалы столь крупных сил испанцев и прося направить в провинцию какого-нибудь заслуживающего доверия человека, наделенного властью предотвратить отъезд всех, кто удерживал репартиментос, и исполнять обязанности губернатора во время отсутствия аделантадо. Они также проинформировали аудиенцию Мексики о его намерениях и силе его вооружения. Хотя Альварадо был полностью осведомлен об этих действиях, он не обратил на них внимания. Он спокойно продолжил свои приготовления, проинформировав королевских чиновников о том, что Гватемала была слишком ограниченной территорией для его амбиций, и что **Ошибка! Залкадка не определена.** теперь он должен искать более широкое поле деятельности в другом месте. Тем временем он

обеспечит безопасность провинции, посадив на борт своего флота всех главных касиков, которых он уже нанял для этой цели.

На этом этапе возник мандат, которым даже Альварадо не посмел пренебречь. Это был приказ мексиканской аудиенции, запрещавший ему выходить в море до тех пор, пока он не получит последних указаний от императора. [VII-3] Хотя он был крайне раздосадован этим вмешательством, которое он приписывал махинациям Кортеса, он, тем не менее, должен был смириться с дальнейшей отсрочкой. Он снова направил письмо Карлу, прося разрешения отправиться на помощь Писарро, заверяя его, что из того, что он узнал о трудностях, с которыми столкнулся этот завоеватель, он убедился в его неспособности завершить завоевание Перу без посторонней помощи. В предыдущем послании, в котором он просил дать ему последние инструкции, он молился, чтобы они были даны как можно скорее. "Ибо, - говорит он, - исчерпав свои личные средства, я влез в большие долги, чтобы избавить ваше величество от всех расходов". Флот, сообщает он ему, хорошо обеспечен припасами и провизией, численность людей почти полная, и, чтобы лучше обеспечить успех экспедиции, он заявляет, что лично примет командование им, оставив в провинции достаточное количество испанцев для защиты от любого возможного восстания местных жителей. Однако он считает, что опасность вспышки невелика, "поскольку, - замечает он с освежающей уверенностью, - я всегда выполнял приказы вашего величества относительно доброго обращения с индейцами". [VII-4]

Тем временем Альварадо счел необходимым отвести свой флот в поисках убежища в залив Фонсека, откуда он отправил Гарсиа Ольгина с двумя кораблями в Перу с целью выяснения фактического **Ошибка! Закладка не определена.** ГИПЕРССЫЛКА \l "X69b147a498ca3d1aebb6cd4b5ad0fcfa1f9935a" \h [VII-5] Вскоре аделантадо на собственном опыте убедился, что залив Фонсека не является безопасным убежищем, и, потеряв там два своих судна во время сильного шторма, отплыл с остальными в Пуэрто-де-ла-Посесьон в Никарагуа, современный Реалехо. [VII-6] Ожидая здесь возвращения Ольгина, он познакомился с лоцманом Хуаном Фернандесом, который долгое время занимался оснащением судов для торговли между Никарагуа и Кастилия-дель-Оро. Ведя дела в Панаме, Фернандес слушал удивительные истории о завоеваниях Писарро, а по пути оттуда в Перу беседовал с людьми, которые присутствовали при поимке и выкупе Атауальпы. Неудивительно, что новости, которые лоцман привез из страны инков, воспламенили воображение этих любящих золото искателей приключений. Более 1 300 000 кастельяно! Даже сокровища Монтесумы не приносили такого урожая. Если Писарро со своими ничтожными силами добыл такую добычу, то на что теперь мог надеяться Альварадо со своим мощным флотом и опытной армией?

Теперь ни король, ни аудиенция не должны препятствовать его намерениям; тем не менее у него должен быть наготове какой-нибудь предлог для проникновения на территорию Писарро, если он действительно не сможет получить разрешения. Вскоре Фернандес сообщил ему, что провинция Кито, которая считается главным хранилищем сокровищ инков, еще никогда не посещалась испанцами. Альварадо было нетрудно убедить себя, что этот регион лежит за пределами владений, предоставленных Писарро, и личные интересы Фернандеса, теперь назначенного лоцманом экспедиции, побудили его поощрять такое заблуждение. **Ошибка! Закладка не определена.**

Вскоре после прибытия флота в Никарагуа Ольгин вернулся на "аделантадо" в Пуэрто-де-ла-Посесьон и подтвердил показания пилота. Прошел почти год с тех пор, как Альварадо отправил

императору письмо с просьбой отдать последние распоряжения, но ответа по-прежнему не поступало, и его терпение было почти на исходе. Он уже давно был вынужден заложить свое частное поместье, чтобы покрыть расходы на содержание своих больших сил, и стоимость его вооружения была значительно увеличена за все эти томительные месяцы ожидания, и общие расходы достигли суммы в 130 000 песо де оро. [VII-7] Провизии становилось все меньше; судам с "тередо" угрожало уничтожение; а его последователи, начавшие терять веру в это предприятие, были на грани дезертирства. Наконец прибыл гонец с долгожданными депешами. Инструкции не внесли никаких изменений в первоначальную капитуляцию, за исключением маршрута. Теперь ему было разрешено исследовать землю, лежащую к югу от территории Писарро, между тринадцатым и двадцатым градусами широты. [VII-8]

УЧАСТНИКИ.

Флот теперь насчитывал двенадцать парусных судов, восемь из которых были водоизмещением в сто тонн и более. [VII-9] Три были построены на берегу Гватемалы; несколько были приобретены в поместье Педрариас Давила; а остальные были приобретены у колонистов **Ошибка! Закладка не определена.** Никарагуа. [VII-10] Его войска состояли в основном из хорошо испытанных солдат. Многие из них, уставшие от бездеятельной жизни или от ставших теперь ручными и непринужденных войн в завоеванных провинциях, были полны энтузиазма при мысли о возобновлении своих завоевательных деяний на новой земле обетованной.

Среди многих выдающихся людей, принимавших участие в экспедиции, были Гомес и Диего де Альварадо, братья с "аделантадо", и капитан Гарсиласо де ла Вега, отец будущего историка Перу. Общая численность была немногим меньше трех тысяч. Из них двести семьдесят были пехотинцами и двести тридцать кавалеристами, все хорошо экипированные. На кораблях находилось сто сорок матросов, а на борту флота находилось двести негров-рабов, [VII-11] и две тысячи туземцев, мужчин и женщин. Были наняты опытные лоцманы, заручились услугами инструктора, и к экспедиции было добавлено несколько монахов, "для того, - говорит Альварадо, - чтобы под влиянием этих святых людей наша совесть очистилась от чувства вины". Затем были сделаны последние приготовления к отъезду.

Во время отсутствия Альварадо его брат Хорхе был снова назначен главой провинции **Ошибка! Закладка не определена.** Гватемала, а кабиљдо Сантьяго было предписано сохранять гармонию и оказывать должное уважение и повиновение вице-губернатору. В последнем письме императору аделантадо, повторяя свои заверения в преданности короне, подробно останавливается на огромных расходах на экспедицию; но заверяет его Величество, что они были добровольно понесены ввиду огромной важности предприятия, успех которого, как он обещает, затмит все предыдущие достижения. "С Божьей помощью, - пишет он, - я отправляюсь в плавание сегодня же, и мой курс будет соответствовать пожеланиям вашего Величества".

ПОСАДКА.

23 января 1534 года самое большое и мощное вооружение, которое до сих пор находилось на берегах Южного моря, отплыло из Пуэрто-де-ла-Посесьон, а в следующем месяце вошло в залив Каракес, пройдя оттуда на десять лиг дальше на юг, в Пуэрто-Вьехо. Впоследствии аделантадо извинился перед императором за такое вторжение на территорию Писарро, заявив, что встречные ветры и течения помешали ему плыть дальше на юг, что безопасность его флота была под угрозой, что его запасы воды почти иссякли и что девяносто его лошадей погибли в

море. [VII-12] Его поход через сьерру, во время которого он потерял большую часть своих людей, передача части своих кораблей и всего своего войска Альмагро и Беналькасару, сподвижникам Писарро, уже упоминались на этих страницах. [VII-13] Он хвастался, что проведет свою армию через провинцию Перу и прогонит Писарро из города Куско. [VII-14] Теперь он был рад вернуться в Гватемалу после того, как избавился от своего вооружения за сумму, которая едва покрывала расходы на флот. В довершение своего унижения по прибытии в Сантьяго он обнаружил, что в начале **Ошибка! Закладка не определена.** от марта 1535 года серебряные слитки, выданные ему в уплату, составляли половину меди.

Не успел Альварадо отплыть в Перу, как туземцы во многих частях провинции снова подняли восстание. Банды какчикелей, жаждавших крови своих угнетателей, бродили по центральной сьерре; в округах Сакапулас и Успантан были убиты семь испанцев и множество их рабов и прислуги; индейцы на южном побережье Гватемалы и Сальвадора подняли открытое восстание; и война и порожденные войной беспорядки снова воцарились по всей стране. Борьба была короткой, но отчаянной. Какими бы раздавленными они ни были, ужасные страдания этих несчастных людей доводили их до безумия, и они сражались с угрюмым безразличием к жизни, но с обычным результатом. В январе 1535 года Гонсало Ронкильо был отправлен с достаточными силами для подавления восстания в Сальвадоре; в Гватемале повстанцы в районе за районом снова были вынуждены вкушать горечь безнадежного рабства; и ко времени возвращения аделантадо сопротивление было почти прекращено.

Несмотря на позорный провал своей экспедиции в Перу, аделантадо сразу же начал подготовку к дальнейшим планам завоеваний и открытий. В депеше Совету Индии, датированной ноябрем 1535 г., [VII-15] он заявляет, что у него есть три корабля, готовых к выходу в море, и еще четыре на стапелях, и что у него достаточно людей как для его кораблей, так и для сухопутной службы. "Так много испанцев, - говорит он, - вернулись из Перу в стесненных обстоятельствах, что, если бы экспедиция предназначалась только для того, чтобы обеспечить их работой, она оказала бы услугу его Величеству".

Между тем представления, сделанные императору чиновниками казначейства, не остались без эффекта. 20 февраля 1534 года была издана королевская седула, приказывающая немедленно направить в Гватемалу визитадора для изучения состояния королевской казны и дел правительства и церкви, а также для рассмотрения жалоб и их исправления, когда это необходимо. Его авторитет не соответствовал авторитету судьи по месту жительства. Он не мог вмешиваться в обычную юрисдикцию губернатора или его заместителя, и даже мексиканской аудиенции не разрешалось принимать решения по более важным вопросам, но он должен был обратиться за инструкциями в Совет по Индии.

МАЛЬДОНАДО В САНТЬЯГО.

Таким образом, примерно в середине 1535 года ойдор Алонсо де Мальдонадо прибыл в Сантьяго и, публично объявив по всей форме цель своего визита, назначил пятьдесят дней в качестве срока расследования. Однако никаких жалоб гражданского или уголовного характера против аделантадо предъявлено не было; и визитадор, доложив об этом королевскому совету, вернулся в Мексику, причем первый заметил с большим внутренним удовлетворением, не лишенным некоторой язвительности, что своим визитом ойдор ничего не добился. [VII-16] Но министры императора не были удовлетворены тем, что справедливость восторжествовала; и Мальдонадо, получив приказ в следующей **Ошибка! Закладка не определена.** в октябре

принять резиденцию Альварадо в строгой форме, вернулся в Сантьяго, а 10 мая 1536 года вручил свои верительные грамоты кабильдо и возглавил правительство.

На момент прибытия "ойдора" аделантадо отсутствовал в экспедиции в Гондурас. Положение дел в этой провинции стало настолько тяжелым, что, как будет рассказано далее, поселенцы были вынуждены обратиться к нему за помощью. И это обращение не было оставлено без внимания. В течение некоторого времени он вел переписку по поводу обмена территорией с Франсиско де Монтехо, который, хотя и был уже назначен губернатором Гондураса, все еще проживал в Мексике. Если бы он только смог закрепиться там, его планы по трансконтинентальной торговле с островами Пряностей еще могли бы быть реализованы. Ничего определенного еще не было решено; но теперь, когда у него появилась возможность оказать услугу, которая дала бы ему почти полное право рассчитывать на согласие короля на такое соглашение, он без колебаний отправился на помощь охваченной тревогой провинции. Там мы снова услышим о нем, основавшем новые поселения и вливавшем свежую жизнь в общину, которая была на грани распада. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА VIII. ЦЕРКОВНИКИ В ГВАТЕМАЛЕ. 1529-1541.

Франсиско Маррокин прибывает в Сантьяго—Его назначают епископом—Безбожие колонистов—Прелат приглашает Лас Касаса присоединиться к Нему—Освящение Маррокина в Мексике—Церковь в Сантьяго возведена в ранг кафедрального собора—Трудности со сбором церковной десятины—Орден Мерсед в Гватемале—Чудотворный образ Богоматери Мерседской—Библиографический список.

Когда Педро де Альварадо в первые годы завоевания огнем и мечом опустошал прекрасную провинцию Гватемала, он мало обращал внимания на присутствие священнического ордена. Один из монахов, по имени Понтаз, о котором упоминалось ранее, поселился в Кесальтенанго и жил там в безопасности, вселяя веру и надежду в сердца местных жителей, [VIII-1] в то время как другой, Хуан де Торрес, по крайней мере некоторое время, трудился на винограднике в менее тяжелых условиях в Патианамите. Духовные нужды самих испанцев удовлетворялись армейскими капелланами и приходским священником. Но штат священнослужителей был недостаточно велик, чтобы заботиться о религиозном благополучии даже колонистов. 5 ноября 1529 года кабильдо Гватемалы сообщил королевским офицерам, что половина колонистов, обычно занятых войной, нуждалась в услугах духовенства во время своих кампаний, в то время как население города в то время было таково, что там должны были проживать по меньшей мере два монаха. Поэтому они просили, **Ошибка! Закладка не определена.** назначить соответствующее количество священнослужителей и ризничего с фиксированным жалованьем, а также предоставить необходимую церковную мебель и украшения. Это требование было выдвинуто с некоторой настойчивостью, и казначею и аудитору дали понять, что, если оно не будет выполнено, десятина будет сохранена и направлена на эту цель; после чего офицеры его Величества заявили, что они готовы предоставить десятину на текущий год, но что будущие потребности должны быть обеспечены в соответствии с приказами короля.

МАРРОКЕН.

Духовные потребности общины были частично удовлетворены прибытием в 1530 году лиценциата Франсиско Маррокина, который сопровождал Альварадо по возвращении в Гватемалу в том же году. Несколько месяцев спустя он был назначен в благотворительный фонд Сантьяго, и после того, как он принес обычные присяги, кабильдо назначил ему годовое жалованье в размере ста пятидесяти песо де оро в год.

Патрицианский по происхождению и обладавший незаурядными талантами, лиценциат в юности обещал сделать полезную и почетную карьеру, и только после того, как он долгое время прожил среди сообществ, где жажда власти и жадность к богатству пронизывали все классы общества, проявилась темная сторона его характера. Получив образование, соответствующее его званию и способностям, он получил степень профессора богословия в университете Осмы и был рукоположен в сан священника. Встретившись с Альварадо при испанском дворе, он был настолько впечатлен его пылкими описаниями чудес Нового Света, что попросил разрешения сопровождать его по возвращении в Гватемалу. Прибыв в Сантьяго, он сразу же усердно занялся изучением местных языков и вскоре особенно хорошо овладел языком киче. [VIII-2] Назначение Маррокина было подтверждено **Ошибка! Закладка не определена.** епископом Мексики, которым он также был назначен провизором и генеральным викарием провинции, и усердие и способности, с которыми он заботился о духовных и материальных потребностях своей паствы, были таковы, что в 1533 году император назначил его на престол Гватемалы. В декабре следующего года его назначение было подтверждено его святейшеством Павлом III. [VIII-3]

Главной заботой новоназначенного прелата было обеспечить достаточное количество священнослужителей для удовлетворения потребностей его обширной епархии. Светские священники, проживавшие в Гватемале в тот период, как мы видели, были неадекватны великой работе по обращению, которую он задумал, и он чувствовал необходимость помощи со стороны представителей установленных орденов. Помимо тех, кто приехал первым, несколько монахов действительно посетили провинцию, но не нашли там постоянного места жительства. [VIII-4] В 1529 году или, возможно, ранее, доминиканским монахом Доминго де Бетансосом был основан монастырь недалеко от Сантьяго [VIII-5] который путешествовал пешком из Мексики **Ошибка! Закладка не определена.** с одним спутником. Однако в начале следующего года его отозвали, и поскольку никто из членов его ордена не соответствовал рангу, способному занять его место, он запер здание и, доверив ключи падре Хуану Годинесу, вернулся по своим следам.

Таким образом, Маррокену пришлось практически в одиночку бороться с идолопоклонством местных жителей и безбожием колонистов. Работа была сложной, и продвигалась медленно. Поселенцы были слишком поглощены другими делами - строительством домов, азартными играми и выпивкой, чтобы уделять много внимания религии. Церковь находилась без присмотра, церковные сборы не оплачивались, и пренебрежение стало настолько повсеместным, что в конце концов были приняты законы, обеспечивающие надлежащее соблюдение религиозных обрядов. В мае 1530 года на улицах Сантьяго публично объявили, что по приказу губернатора и кабильдо все ремесленники города должны в день Тела Христова пройти процессией перед святым причастием, как это было принято в Испании. Штраф за несоблюдение был установлен в размере тридцати песо, половина суммы предназначалась церкви, а остальная - городу. В феврале 1533 года был принят закон, делающий посещение

богослужения обязательным, каждый гражданин обязан посещать мессу по воскресеньям под страхом трехдневного тюремного заключения или выплаты трех песо де оро. Эта мера, конечно, лишь усилила разрыв между епископом и его паствой, и в июне того же года мы узнаем, что регидор Антонио де Салазар заявил кабиљдо, что у Маррокена нет средств выплатить выделенную ему стипендию. Однако, несмотря на все разочарования, он решил, что поселенцы не должны испытывать недостатка в духовном руководстве.

LAS CASAS.

В начале 1536 года Бартоломе де Лас Касас проживал в Леоне, где вступил в полемику с Родриго де Контрерасом, губернатором Никарагуа, история которого будет рассказана ниже. В 1531 году он проезжал через Сантьяго по пути к Южному морю, и тогда у Маррокена появилась **Ошибка! Закладка не определена.** возможность познакомиться с великим апостолом Индии. Как и более просвещенные колонисты, он был бы рад, если бы поселился среди них. Но Лас Касас был связан одной из своих многочисленных миссий милосердия, хотя его усилиям было суждено оказаться тщетными. Он направлялся в Перу, вооруженный королевской седулой, запрещающей завоевателям этой страны и всем их последователям лишать туземцев свободы под любым предлогом. Никакие уговоры не могли заставить его отказаться от своего предприятия, и, сев на корабль в Реалехо, он достиг места назначения в конце года. Там, что человек мог сделать, он сделал; но политические беспорядки, царившие тогда, были таковы, что его усилия пропали даром. По настоянию членов своего собственного ордена он неохотно покинул поле боя и вернулся в Никарагуа.

Теперь прелат обратился к нему за помощью, представляя острую нужду большего числа духовных лиц и умоляя его приехать в Сантьяго и вновь открыть заброшенный монастырь. Приглашение было принято, и Лас Касас со своими товарищами-доминиканцами основал свой орден на постоянной основе в Гватемале.

Но Маррокен еще не был удовлетворен. В этот ранний период своей карьеры он был энтузиастом миссионерского дела, и теперь он решил отправиться в Испанию и просить помощи у императора. Но сначала он должен был приступить к посвящению, и 12 января 1537 года он отправился в Мексику, где примерно два месяца спустя церемония, первая в своем роде, произошедшая в Индии, была проведена с должной торжественностью и великолепием.

[VIII-6]

ОРГАНИЗАЦИЯ ЕПАРХИИ.

Теперь труды епископа были направлены на возведение приходской церкви Сантьяго в ранг кафедрального собора. Поэтому он приступил к разработке конституции и завершению создания своей епархии **Ошибка! Закладка не определена.** в соответствии с поручением, данным ему Павлом III. Он предписал, чтобы среди высокопоставленных лиц церкви были декан, архидьякон, регент, канцлер и казначей. Он учредил десять каноников и шесть пребендариюв. Он определил доходы церкви; постановил, что предпочтение незначительным пособиям должно быть предоставлено лицам, родившимся в стране, будь то испанцы или коренной расы, и что назначения на них должны осуществляться епископом. Богослужения должны были совершаться в порядке, соблюдаемом в Севильском кафедральном соборе. Пребендарии должны были иметь право голоса в капитулах, и они должны были проводиться по

вторникам и пятницам. По вторникам должны были обсуждаться общецерковные вопросы, а по пятницам - внутренняя дисциплина. [VIII-7]

Когда епископ собирался отправиться в Испанию, его друзья сообщили ему, что путешествие будет сопряжено с большим риском, поскольку Северное море уже кишело пиратами, и большое количество испанских судов было захвачено французскими корсарами. Более того, расходы, которые он понес в Мексике, сильно ударили по его скудному кошельку, и он не хотел возвращаться в свою родную страну совершенно без средств. Решив поэтому отказаться от своего путешествия, он направил свою доверенность Хуану Гальварро, прокуратору Сантьяго при испанском дворе, поручив ему отправить в Гватемалу несколько священнослужителей и оплатить их проезд и снаряжение. Он также направил письмо императору, [VIII-8] информируя его о большой нужде в миссионерах и заявляя, что он просил помощи как у Мексики и Санто-Доминго, но не получил ее, хотя она была обещана.

В начале года Карл уже назначил пребендариев собора. Маррокен замечает, что его Величество было несколько поспешен в этом вопросе и недостаточно внимателен к тем, кто так долго разделял с ним труд по поддержке церкви в Сантьяго. Он заявляет, что с его стороны было бы неразумно отвергать их, хотя он затрудняется предположить, откуда могли бы быть получены средства для поддержки его епархии. Он хорошо знал порочный нрав колонистов и их враждебное отношение к делу церкви. Тем не менее, он переслал кабильдо распоряжение, переданное ему вице-королем Мендосой, предписывающее, чтобы церковная десятина, которая обычно выплачивалась натурой, доставлялась местными жителями непосредственно епископу в места, где их ценность была бы реальной и доступной. [VIII-9] Его разум был полон сомнений относительно того, как это постановление будет воспринято encomenderos. Тон его письма указывает на дурные предчувствия в сочетании с редким духом самоотрицания, и он предстает скорее как проситель, чем как претендент на свои права. [VIII-10] "Вы заплатите, - говорит он, - то, что причитается, надлежащим образом; если нет, я приказываю, чтобы по этому поводу не было поднято никакого скандала".

И его опасения не были беспочвенными. Поселенцы в Гватемале были упрямыми людьми. Они не ходили в церковь и не предполагали, что доставка десятины будет им чего-то стоить, если они смогут избежать этого. Они не могли выделить своих индейцев для перевозки десятины на расстояние многих лиг в назначенные места. Епископ должен был послать за ними. Они, а не церковники завоевали провинцию, и они не видели, что ни Бог, ни **Ошибка! Закладка не определена.** император имел на нее какие-либо права. Кабильдо немедленно обратились к вице-королю и, не встретив сочувствия в этой части, обратились непосредственно к императору. [VIII-11] Своими заявлениями они добились для себя некоторых уступок, после чего они еще больше настаивали на этом вопросе и протестовали против уплаты десятины вообще. Хотя епископ теперь не знал, куда обратиться, чтобы получить средства для осуществления своих различных планов, он, тем не менее, трудился с неослабевающим упорством, [VIII-12] и по возвращении в Гватемалу в конце 1537 года привез с собой двух монахов ордена Мерсед, Хуана Самбрано и Маркоса Переса Дардона. [VIII-13]

МОНАХИ ЛА МЕРСЕД.

После завоевания Мексики некоторые члены этого ордена получили королевское разрешение отправиться во вновь открытые страны с определенными благотворительными целями. Когда порабощение было завершено, многие из них поселились в городах, построенных испанцами,

но в очень ранние времена в Новой Испании не существовало ни одного монастыря их ордена. Епископу Маррокину они обязаны основанием своего первого монастыря в Северной Америке. Он был основан в 1537 году [VIII-14] в Сьюдад-Реале в штате Чьяпас, а в следующем году фрейлес Самбрано и Дардон организовали аналогичное заведение в Сантьяго.

Когда, как будет рассказано ниже, город Сантьяго был почти разрушен наводнением в 1541 году, монахи Ла Мерсед, которых тогда было шестеро, были **Ошибка! Закладка не определена.** вынуждены некоторое время оставаться среди руин опустевшего города, поскольку безразличие поселенцев было таким, что им не выделили землю на выбранном впоследствии месте. Наконец, усилиями епископа был выделен земельный участок, и в возведении их нового монастыря им оказали большую помощь доминиканцы, которые впоследствии передали им несколько индейских городов, находящихся в их ведении. С этого времени их число увеличилось, они постепенно расширили сферу своей деятельности в Гватемале, и, поскольку епископ выделил им округа, спустя годы они получили возможность основывать монастыри в различных частях страны. [VIII-15]

В церкви их ордена в Сантьяго находился образ Богоматери Мерседской, о чудодейственных свойствах которого заявляли. История, изложенная в документах, хранящихся в архивах монастыря, такова: когда судно, направлявшееся на запад, собиралось отплыть из порта Санта-Мария в Испании, человек, одетый в одежду путешественника, подошел к капитану и, вложив ему в руки закрытую коробку, потребовал доставить ее нераспечатанной настоятелю монастыря в Гватемале. Вид и осанка этого человека произвели впечатление на моряка, и он добросовестно выполнил поручение. Получив шкатулку, настоятель отнес ее в церковь в сопровождении монахов и, открыв ее в их присутствии, увидел священное изображение. Велика была их радость по поводу этого неожиданного дарования; но их счастье было полным, когда они заметили божественную безмятежность лика и заметили, что от святого образа исходит изысканное благоухание. Вскоре один из них заметил, что из раны в правом боку сочится странная жидкость. Божественное проявление было признано, и многие из страждущих были излечены от своих болезней применением ихора. [VIII-16] **Ошибка! Закладка не определена.**

Доминго Хуарроса можно считать ведущим гватемальским историком современности. Он родился в старом городе Гватемалы в 1752 году и умер в 1820 году. Он очень подробно описал порабощение его страны завоевателями. Хотя его работа называется "История города Гватемала", на самом деле в ней дается история всей Центральной Америки и приводятся списки всех видных должностных лиц, гражданских и церковных, а также биографические сведения о выдающихся людях, будь то солдаты, священники или правители. Первый том посвящен географии, поселениям, церковным вопросам и истории Гватемалы. Второй посвящен древним записям острове, ее завоеванию и заселению. Автор был светским пресвитером и синодальным экзаменатором, весьма способным и интеллигентным человеком. Его связи с духовенством и его сан давали ему доступ как к церковным документам, так и к правительственным архивам. Его работа полна и ясна и содержит значительные исследования, но, к сожалению, он слишком внимательно следует за Фуэнтесом, а пристрастие этого последнего автора к завоевателям делает его слишком предвзятым, чтобы быть верным историком. И все же Хуаррос часто проявляет сострадание к индейцам, всегда готов опровергнуть ошибку, когда обнаруживает, что сам ее совершает, и всегда остерегается догматических утверждений. Он в основном опирается на Ремесаля и Васкеса и цитирует

несколько других более ранних источников; но, как ни странно, упоминая рукописи Гонсало де Альварадо и Берналя Диаса, а также авторов, говорящих на языках киче, какчикель и пипиль, он не ссылается на письма Альварадо Кортесу. Это упущение и его многочисленные прямые несогласия с собственными заявлениями Альварадо приводят к выводу, что ни Хуаррос, ни Фуэнтес не ознакомились с этими депешами. Работа Хуарроса удивительно свободна от церковных предубеждений. Несмотря на то, что он священник, он осуждает чрезмерное рвение или небрежность со стороны монахов. Однако чудеса привлекают внимание, как и истории о великанах и других чудесах. Его расположение в отношении порядка событий плохое, а отсутствие логической последовательности придает произведению видимость незавершенности. Первое издание было опубликовано в Гватемале доном Игнасио Бетелой, а два тома вышли соответственно в 1808 и 1818 годах. Более поздний выпуск был опубликован в том же городе в 1857 г. Дж. Бейли перевел первую публикацию на английский язык в слегка сокращенном виде, которая была выпущена в Лондоне Джоном Хирном в 1823 году. В этом издании могут быть замечены упущения и неточности.

ФРАНСИСКО ВАСКЕС.

Франсиско Васкес, автор *"Хроники провинции Сантиссимо Норбре де Хесус де Гватемала"*, был монахом францисканского ордена, преподавателем на пенсии, официальным калифорнийцем Санто и синодальным инспектором Гватемальской епархии. Его работа была опубликована в городе Гватемала в 1714 году, и, судя по титульному листу и предисловию, существовал или должен был существовать второй том, состоящий из двух книг, а существующая содержит три. Эта редкая работа, хотя в основном посвящена описанию мелких деталей подвигов малоизвестных монахов, проливает много света на раннюю историю Гватемалы во время завоевания и впоследствии вплоть до конца шестнадцатого века. Автор, имевший доступ к городским архивам на момент написания статьи, смог воспользоваться документами, которые с тех пор исчезли. К счастью, он часто цитирует такие свидетельства, что позволяет историку устанавливать исторические факты, которые в противном случае, перед лицом противоречивых утверждений хронистов, не подкрепленных доказательствами, он был бы неспособен сделать. Васкес, несомненно, позаимствовал много материала у Ремесала, практически не отдавая ему должное, в то время как он безжалостно разоблачает его реальные или предполагаемые ошибки. Ревность, существовавшая между францисканским и доминиканским орденами, была причиной этой несправедливости. В своем вступительном слове автор протестует против того, что, когда он восхваляет кого-либо, кто фигурирует в его истории, он всего лишь дает общую оценку. Вряд ли это применимо к его преклонению перед Альварадо и другими завоевателями и к его страстной защите их действий. Нелегко найти в старых хронистах, духовных или светских, бескомпромиссного защитника своего поведения перед лицом надежных и разнообразных свидетельств совершаемых ими жестокостей. В защиту завоевателей он утверждает, что пороки и жестокость немногих приписывались всем; и, не проявляя ни малейшего сочувствия к туземцам, утверждает, что их отказ принять веру был причиной непрекращающейся войны. По этому поводу он пишет: "Мне причиняет много боли, отвращения и огорчения чтение некоторых книг, которые с искусственным благочестием пытаются убедить нас, что индейцы были невинными и безобидными ягнятами, а христиане - жестокими фуриями, поскольку несомненно, что эти расы, находясь в состоянии язычества, были большими палачами, чем кровожадные волки, более жестокими, чем ламии, гарпии и адские фурии, и, если бы не подчинение и страх, они не стали бы христианами и не остаются ими сейчас". 29-32. Материал, содержащийся в его работе, плохо структурирован; предложения

растянуты до озадачивающей длины - недостаток, который, в дополнение к отсутствию надлежащей пунктуации, часто приводит к путанице в изложении фактов. Из этого тома в меньшей степени можно получить информацию о соседних провинциях.

ГЛАВА IX. ДЕЛА В ГОНДУРАСЕ. 1527-1536гг.

Диего Мендес де Иностроса Назначен вице-губернатором—Сальседо возвращается в Трухильо—Его должность узурпирована Васко де Эррерой—Смерть Сальседо—Трое соперничающих претендентов на губернаторство—Экспедиции в долины Нако и Хутигальпа—Диего Мендес замышляет заговор против Эрреры—Убийство последнего—Царство террора—Арест и казнь заговорщика—Прибытие губернатора Альбитеса в Трухильо—Его смерть—Андрес де Сереседа во главе управления делами—Бедствие испанцев—Исход Поселенцы из Трухильо—Они основывают колонию в провинции Зула—Сереседа обращается за помощью к Педро де Альварадо—Его грубо используют его собственные последователи—Альварадо прибывает в Гондурас—Он основывает новые поселения—Его отъезд в Испанию.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ЗАЯВИТЕЛИ.

Когда Сальседо отправился к Пресноводному морю, надеясь завладеть провинцией Никарагуа — экспедиция, которая, как следует помнить, привела лишь к его унижению и тюремному заключению [IX-1]— его лейтенант Франсиско де Сиснерос, оставленный во главе правительства с силами, совершенно недостаточными для поддержания его власти, был побежден своими врагами, и на какое-то время во всем Гондурасе воцарилась анархия. Капитану Диего Мендесу де Иностросе, отправленному Сальседо из Леона для подавления восстания, удалось восстановить порядок, но лишь на время. Не прошло и нескольких месяцев, как Диего Мендес был помещен под арест, а на его место назначен регидор Васко де Эррера. Новый правитель, о котором рассказывают, что, будучи виновным в подстрекательстве к мятежу, он бежал из Испании, чтобы избежать наказания, вскоре дал поселенцам повод раскаться в **Ошибка! Закладка не определена.** их выборе. Его первым начинанием было организовать рейд в долину Оланчо, где он без всякой причины развязал войну с касиками, похитил и заклеил их подданных и вернулся с тремя кораблями рабов.

В феврале 1529 года Сальседо вернулся в Трухильо. Перед своим отъездом из Никарагуа он отправил своего племянника в Испанию, чтобы оправдать перед императором свое поведение в споре с Педриарасом, но получил в ответ лишь строгий выговор за жестокое обращение с туземцами. [IX-2] Подорванный здоровьем и сломленный духом, он не рискнул сместить узурпатора с поста и удовлетворился простым приказом освободить Диего Мендеса, который сразу же подал уголовное дело против Эрреры и его сообщников. Сальседо, стремясь угодить обеим сторонам, объявил арест первого незаконным, но не наказал виновных. После этого Эррера обратился к судье Панамы, и Диего Мендес дождался возможности отомстить, заявив тем временем, что испытывает огромное отвращение к малодушию губернатора.

Чтобы успокоить народное недовольство, губернатор пообещал провести поселенцев в долину Нако, где, как считалось, находились богатые золотые прииски. Экспедицию откладывали как можно дольше, поскольку он ничего не выигрывал от такого предприятия; но в конце концов,

тронутый возмущением колонистов и предупреждением своих шпионов, которые сообщили ему, что народ снова созрел для восстания, он приказал начать приготовления. Сто двадцать пеших и шестьдесят конных с количеством туземцев, достаточным для работы на рудниках, вскоре были готовы к погрузке, получив инструкции отплыть в Пуэрто-де-Кабальос, а оттуда проследовать вглубь острова на расстояние двадцати лиг до места назначения. Путешествие должно было быть совершено как можно дальше по морю, чтобы туземцы могли быть **Ошибка! Закладка не определена.** избавлены от усталости от долгого сухопутного перехода, и, чтобы создать впечатление, что с ними больше не будут жестоко обращаться, был отдан приказ уничтожить клейма. Но прежде чем Сальседо успел привести дальнейшие доказательства своих гуманных намерений, его смерть наступила в Трухильо 3 января 1530 г. [IX-3], и предполагаемая экспедиция была отложена.

Теперь на пост губернатора претендовали трое соперников — казначей Андрес де Сереседа, который за несколько месяцев до кончины губернатора был назначен его преемником, а также опекуном его малолетнего сына; Эррера, который, хотя и не имел законных претензий на этот пост, [IX-4] пользовался поддержкой регидорес; и, наконец, Диего Мендес, который настаивал на том, что полномочия, предоставленные ему Сальседо в Леоне, еще никогда не были юридически аннулированы. Сереседа, зная, что у него есть добрые пожелания всех миролюбиво настроенных колонистов, потребовал его признания от кабильдо, но Эррера и его фракция решительно воспротивились этому. После долгих споров было, наконец, решено передать дело в арбитраж; и было решено, что эти двое будут править совместно, с условием, что у последнего будут ключи от королевской сокровищницы. Были также приняты меры к разделу имущества покойного губернатора, и каждый связал себя клятвой не доводить свое дело до сведения властей Испании. Тем временем Диего Мендеса заставили замолчать угрозами смертной казни и конфискации имущества. [IX-5]

Таким образом, на некоторое время между соперничающими группировками было объявлено перемирие; но у Сереседы не хватило ни твердости, ни способности противостоять своему коллеге, и вскоре **Ошибка! Закладка не определена.** подчинился во всем его воле. Даже при распределении рабов, которые по праву принадлежали сыну Сальседо, [IX-6] Эррера потребовал для себя львиную долю и заставил опекуна ребенка не только согласиться, но и дать клятву, что он не сообщит об этом императору. [IX-7] Однако каждый из них опасался, что другой может тайно отправлять письма в Испанию. Затем случилось так, что в Трухильо стоял готовый к выходу в море корабль, и Сереседа, подозревая, что его соперник пришлет депеши, приказал убрать все парусины. Однако его более проницательный коллега перехитрил его, поскольку каравелла, прибывшая в порт той же ночью, была захвачена неизвестными лицами, и ее паруса были переданы другому судну, которое немедленно отправилось в Испанию. Сереседа открыто обвинил в этом трюке Эрреру, который, конечно же, с негодованием отрицал это. Это событие доказало, что на корабле находились письма от кабильдо, recommending назначить Эрреру единоличным правителем, а также послание от самого Эрреры, в котором он утверждал, что оказал хорошую услугу короне и впустил коллегу только для того, чтобы предотвратить раздор и беспорядки. Более того, он представил дела провинции в самом благоприятном свете, заявив, что рудники чрезвычайно богаты, и попросил предоставить корабли и припасы, с помощью которых можно завершить разведку территории и более полно освоить ее ресурсы.

ОСНОВАН ЭНКАРНАСЬОН.

Предполагаемая экспедиция тем временем была отправлена в долину Нако и основала там поселение под названием Нуэстра-Сеньора-де-ла-Энкарнасьон. Отряд из шестидесяти человек под командованием капитана **Ошибка! Закладка не определена**. Алонсо Ортис также захватил долину Хутигальпа, примерно в двенадцати лигах от Трухильо, регион, губернатор которого отмечает в своем письме, что "нет реки или ущелья, где не было бы изобилия золота". [IX-8] Уроженцы последнего района собрали свой урожай и, забрав всю свою провизию, бежали в горы, чтобы там переждать последствия голода для испанцев. Ортис, однако, отправил гонцов, заверив их, что он пришел не воевать, а мирно поселиться среди них, и добрым обращением убедил их вернуться в свои жилища, предоставив, таким образом, один из тех редких случаев, когда командующий военной экспедицией воздерживался от порабощения или грабежа туземцев, попавших в его власть.

Honduras.

КРОВАВЫЕ ГРУППИРОВКИ.

Хотя Эррера и его сторонники теперь почти безраздельно контролировали Трухильо, они были далеки от удовлетворения сложившейся ситуацией. Они хорошо знали, что их старый враг Диего Мендес ждет мести, в то время как Сереседа, хотя и спокойно наблюдал за ходом событий, был готов к действию, когда наступит подходящий момент. Их жадность к богатству и жажда власти принесли им дурную славу **Ошибка! Закладка не определена**. среди всех колонистов, за исключением представителей их собственной фракции, и даже некоторые члены кабилдо числились среди их врагов. Опасаясь, что поселенцы поднимут открытое восстание, Эррера предложил покинуть Трухильо и основать в другом месте провинции новую независимую колонию. Сереседа, зная, что такая мера была бы фатальной для процветания поселения, стремился предотвратить это, поощряя смешанные браки между семьями соперничающих кланов и разделяя между ними часть рабов, которые достались ему на долю при разделе имущества Сальседо. [IX-9]

Восстание, произошедшее примерно год спустя среди племени касика Пейзакура, дало Эррере возможность осуществить свое намерение. Индейцы этого района были заняты на разработке некоторых рудников недалеко от Трухильо и долгое время безропотно переносили свое рабство, но строгость их надсмотрщиков, которые, "встав одной ногой в стремя", как сообщает нам Овьедо, "готовые покинуть провинцию", заботились только о том, чтобы как можно быстрее обогатиться, в конце концов подтолкнула их к восстанию. Несколько испанцев были убиты, и поскольку восстание вскоре распространилось по прилегающей территории, возникла необходимость направить сильные вооруженные силы для восстановления порядка. Была подготовлена экспедиция, руководство которой Эррера настоял взять на себя, пригласив своих соратников и всех других, кто был склонен присоединиться к нему, записаться под его командование. Чувство недовольства и беспорядков охватило общину, и многие ведущие колонисты, собирая свое имущество, связали свою судьбу с губернатором. Но вместо того, чтобы выступить против враждебных туземцев, он повел своих последователей на территорию дружественного вождя, **Ошибка! Залкада не определена.** и там в течение нескольких месяцев они впустую тратили свое время и средства на разгул и показную демонстрацию, оставляя Трухильо без защиты, а повстанцев безнаказанными.

Тем временем Диего Мендес не сидел сложа руки. Вскоре после отъезда Эрреры случилось так, что Сереседа был отозван из Трухильо, и, воспользовавшись отсутствием обоих губернаторов, он предстал перед кабиьдо и потребовал, чтобы были изобретены какие-нибудь средства для защиты провинции от пагубного влияния их разделенной власти. Оба правителя были уведомлены об этой мере по возвращении в поселение. Сереседа не придавал этому значения, зная, что это не должно касаться его самого, но Эррера сразу же обвинил своего старого противника в заговоре против него и убедил кабиьдо запретить ему под страхом смерти подавать повторную апелляцию. Но Диего Мендес уже привлек на свою сторону многих самых влиятельных сторонников своего противника и решился на еще более решительные действия. Получив обратно удостоверение вице-губернатора, выданное ему Сальседо и отобранное у него при аресте в Трухильо, [\[IX-10\]](#) он смело предстал во второй раз перед кабиьдо и потребовал признания своей должности. Теперь Эррера добился вынесения смертного приговора своему сопернику, который после этого укрылся в церкви. После нескольких попыток переговоров, которые закончились лишь взаимными оскорблениями, губернатор пригрозил пренебречь правом на убежище и изгнать его силой.

СМЕРТЬ ЭРРЕРЫ.

Но правление Васко де Эрреры подходило к концу. Пообещав награду тем, кто присоединится к его делу, Диего Мендес заручился поддержкой по меньшей мере сорока граждан Трухильо, в то время как первый мог собрать всего двадцать или тридцать человек, большинство его сторонников были заняты подавлением **Ошибка! Залкада не определена.** восстания индейцев в долине Оланчо. Никто не чувствовал себя в безопасности, пока был жив губернатор, и они решили убить его. В стенах церкви заговорщики встретились ночью, чтобы обсудить свои планы, и в воскресенье вечером, 8 октября 1531 года, примерно через два часа после захода солнца, выбежали на городскую площадь и начали кричать "Да здравствует бог". Сереседа, который пока ничего не знал о заговоре, находился в своем собственном доме, консультируясь с некоторыми монахами относительно наилучших средств восстановления гармонии в провинции и воссоединения нескольких фракций. Услышав шум, они схватились за оружие и поспешили на площадь, где были встречены криками: "Да здравствуют король и его верховный

судья, которые идут сюда". Протиснувшись сквозь толпу, они увидели Эрреру, лежащего раненым от удара кинжалом в бок, в то время как вокруг его шеи чернь обвязала веревку, чтобы волочить его по улицам. Губернатор и его спутники отнесли его в безопасное место; но человеческая помощь была ему недоступна, и через несколько часов он испустил дух в стенах святилища, из которого угрожал вытащить своего соперника на казнь. Затем толпе было приказано разойтись, но она отказалась повиноваться, выкрикивая "Да здравствуют король и община".

Обнаружив, что он не в состоянии справиться с бунтовщиками, которые теперь начали проявлять признаки враждебности по отношению к нему, Сереседа сбежал, хотя и с большим трудом, и попытался вернуться в свой дом; но был перехвачен Диего Мендесом, который, вооруженный копьем и кинжалом, потребовал признания его самого вице-губернатором. Он отказался слушать его, после чего последний, который был верхом на лошади, преградил ему путь и настойчиво объяснял, что он устроил заговор не против своего законного правителя, а против тирана, который узурпировал его должность и бросил вызов закону. Поскольку он по-прежнему отказывался дать какой-либо удовлетворительный ответ, Мендес, будучи окружен толпой бунтовщиков, начал принимать угрожающий вид. Теперь, впервые за время, пока его администрация, Цереседа проявил немного твердости и по-прежнему отказывался предоставить убийце должность, на которую он претендовал под угрозой кинжала. Многие из присутствующих тогда настаивали на том, чтобы Цереседа был немедленно предан смерти, чтобы избежать любой будущей опасности. Видя, что его жизнь в опасности, он ответил Диего Мендесу: "О чем я прошу вас, сэр, и прошу как об одолжении, так это отложить рассмотрение этого вопроса до завтра, чтобы можно было решить, что лучше всего сделать в интересах его Величества". Затем ему разрешили удалиться в свое жилище.

Лидер восстания истолковал этот неопределенный ответ как полную уступку своей власти и, облачившись в одежду человека, чей труп еще не остыл в церкви Трухильо, прошелся по улицам во главе своей банды головорезов, а на следующий день над могилой своей убитой жертвы бросил вызов губернатору, приказав ему уволить членов кабиљдо и назначить на их место надежных людей. Опасаясь спровоцировать нападение, собрав вокруг себя вооруженные силы, Сереседа вернулся в свой дом в сопровождении единственного друга. Ночью он отправил письмо Диего Диасу, брату Васко де Эрреры, в то время участвовавшему в подавлении восстания в долине Оланчо, в котором сообщил ему о случившемся, но в таких тщательно продуманных выражениях, что, если бы его письмо было перехвачено его врагами, они не нашли бы ничего, на чем можно было бы выдвинуть против него обвинение. Узурпатор тем временем пригрозил повесить всех, кто откажется ему повиноваться, и, призвав к себе касиков племен, поработанных Эррерой, потребовал от них подчинения.

На следующий день Сереседа приказал кабиљдо тайно собраться в его собственной резиденции, чтобы разработать, если возможно, какие-то средства преодоления нынешнего кризиса. Никто не смог предложить ничего практически осуществимого; но один из регидоров заметил, что, поскольку Диего Мендес отказался подчиняться губернатору, было бы желательно, чтобы Сереседа принял должность вице-губернатора. [IX-11] Еще во время заседания главарь заговорщиков, информированный своими шпионами о созыве кабиљдо, явился во главе вооруженной банды и потребовал впустить его. У губернатора не хватило смелости отказаться, и вскоре после этого собрание разошлось, так ничего и не добившись.

ПЛЕНЕНИЕ ЦЕРЕСЕДЫ.

Теперь Диего Мендес развернул королевский штандарт на площади и заставил народ присягнуть ему как своему законному правителю. Он объявил все указы, изданные Эррерой и Сереседой после смерти Сальседо, незаконными и запретил последнему осуществлять власть. Он распустил кабильдо, назначил новых членов из рядов своих собственных сторонников, завладел всеми книгами и бумагами, принадлежащими муниципалитету, и принес служебную присягу. Затем он изъясл реестр, в котором было зарегистрировано назначение Сальседо и назначение его преемника, заключил королевского нотариуса в тюрьму и под угрозой пыток приказал ему объявить последнее назначение недействительным; но к чести этого чиновника, записано, что он упорно отказывался подчиниться. В конце концов он приказал арестовать губернатора, но благодаря вмешательству друзей позволил ему оставаться пленником в его собственном доме, где, освобожденный от кандалов, был заключен и нотариус. Страх и встревоженность Сереседы были таковы, что во время его плена, длившегося тридцать семь дней, рассказывают, что его волосы и борода из глянцевого-черных превратились в серебристо-белые.

Перед прибытием гонца Сереседы эмиссар, отправленный Диего Мендесом, прибыл в **Ошибка! Закладка не определена.** В долину Оланчо и без особого труда убедил последователей Диего Диаса, которые уже были недовольны своим командиром, присоединиться к знамени узурпатора. Обнаружив, что его люди покинули его, последний немедленно вернулся в Трухильо, намереваясь потребовать права на убежище; но был арестован, когда спешил к дверям церкви, шестью вооруженными людьми, размещенными там специально для этой цели.

Наконец Сереседа и его чиновники, обнаружив, что их малодушие навлекло на них всеобщую немилость, решили нанести решающий удар по их общему врагу. Их сторонники были тайно собраны, и среди них нашлись восемнадцать верных и решительных граждан, которые поклялись арестовать самозванца или умереть при попытке. Было решено предпринять усилия немедленно, прежде чем об этом узнают представители противоположной фракции, и в ту же ночь, после острой схватки, в которой половина людей губернатора была ранена [IX-12] и один из их противников убит, Диего Мендес был схвачен, а на следующий день приговорен к обезглавливанию и четвертованию. Затем предложение помилования побудило большинство заговорщиков вернуться к своей верности, но, хотя их жизни были спасены, они были наказаны потерей должности, тюремным заключением или конфискацией имущества. Двое из главных сообщников, присутствовавших при убийстве Эрреры, [IX-13] бежали из города и с помощью нескольких местных жителей добрались до небольшого острова недалеко от побережья; но, вернувшись в Трухильо примерно два месяца спустя, услышав о помиловании Сереседы, укрылись в церкви, откуда их выволокли на казнь по приказу губернатора.

БЕДСТВИЕ В ТРУХИЛЬО.

Получив известие о мятежных беспорядках, которые так долго досаждали поселенцам Гондураса, император назначил правителем провинции капитана Диего де Альбитеса, офицера-ветерана, сослужившего хорошую службу во многих ожесточенных битвах с индейцами. Новый губернатор прибыл от побережья на двух судах 29 октября 1532 года, но его корабли были выброшены на берег штормом в шести лигах от порта, и тридцать из находившихся на борту утонули. Альбитес спасся вплавь, но с потерей всех своих вещей. Вскоре из Трухильо прибыла помощь, и на следующий день он был принят и должным образом признан властями при

ликовании граждан, которые теперь надеялись, что спокойствие будет восстановлено. Но провинции все же было суждено пережить период беспорядков; через девять дней после своего прибытия новый губернатор, преклонный в годах, скончался в Трухильо, оставив Сереседу по-прежнему во главе дел.

Чувство неудовлетворенности, которое долгое время преобладало, усилилось из-за этой новой катастрофы. Преувеличенные слухи об огромных богатствах соседних провинций распространились за границей, и многие колонисты теперь угрожали покинуть территорию, надеясь улучшить свое положение в другом месте. В течение нескольких лет они жили в крайне стесненных условиях, часто граничащих с нищетой. У них не было ни муки, ни масла, ни вина, ни каких-либо других товаров, обычно импортируемых из Испании. В течение трех лет ни одно испанское судно не заходило в Трухильо. Люди были почти без одежды, а лошади - без подков. У многих поселенцев не было ни рубашек, ни кроватей; и так велика была нехватка всех предметов, необходимых для повседневных нужд, что лист бумаги продавался за песо, а иглолка стоила столько же. [IX-14] В довершение бедственного положения испанцев среди индейцев вспыхнули эпидемические заболевания, распространявшиеся от дома к дому и от города к городу, и **Ошибка! Закладка не определена.** унесла жизни по меньшей мере половины коренного населения. [IX-15] Там не было ни врача, ни медикаментов; и хотя поселенцы избежали посещения, их потери в рабах были так велики, что многие были вынуждены оставить свои обычные занятия.

Чтобы отвлечь внимание колонистов от их жалкого положения, Сереседа приступил к основанию поселения по дороге в Никарагуа с целью открытия сообщения между двумя морями. Он отправил в глубь страны роту из шестидесяти человек с приказом остановиться в определенном месте, пока к нему не присоединятся дополнительные силы. Однако его отъезд был отложен прибытием двух гонцов от Алонсо де Авилы, [IX-16] контадора с Юкатана, который направлялся в Трухильо, поскольку был вынужден бежать с остатками своего отряда из поселения, которое он основал в глубине этой провинции. По прибытии группы в Трухильо Сереседа оказал им всю возможную помощь. Затем он отправился присоединиться к экспедиции, ожидавшей его на пути в Никарагуа. Пройдя совсем небольшое расстояние, он был настигнут гонцом, принесшим известие о прибытии двух судов с Кубы и о намерении Диего Диаса де Эрреры воспользоваться этой возможностью и бежать вместе с другими в Трухильо. [IX-17]

СУХОПУТНЫЙ МАРШРУТ.

Сереседа вернулся вовремя, чтобы предотвратить сокращение численности населения города, но общее недовольство было таково, что вопрос о переселении обсуждался повсеместно, и губернатор в конце концов был вынужден отказаться от своего поселения. После долгих размышлений было решено отойти в долину Нако, оставив в Трухильо гарнизон из пятидесяти человек. Остальные граждане, **Ошибка! Закладка не определена.** всего собралось около ста тридцати человек, [IX-18] оставив при себе хороший запас лошадей и живого скота, отправились в поход по дикой местности. Добравшись до места, где река протекает по узкому ущелью, они обнаружили, что их путь преграждает баррикада, возведенная касиком Джизимбой, который думал таким образом предотвратить вторжение на свою территорию. Туземцы были разбиты при первом же натиске, а те, кто был взят в плен, получили увечья: им

отрубили руки и подвесили на веревках к шеям. Затем испанцы двинулись вперед, терпя множество лишений, хотя их всегда поддерживала надежда найти обильные запасы провизии по прибытии к месту назначения. Но в этом они были обречены на разочарование. Прибыв в Нако, измученные дорогой и голодные, они обнаружили, что место покинуто всеми, за исключением нескольких немощных туземцев, неспособных сбежать из-за болезни. Затем Сереседа надел маску и, изменив свою политику по отношению к туземцам, которые по всей этой стране разбегались при его приближении, он попытался вернуть их добротой, и в конце концов ему удалось вернуть количество людей, достаточное для заселения значительного участка земли. [IX-19] Однако урожай был собран неудачно, и, доведенные до последней крайности, испанцы были вынуждены отойти к подножию гор, где они надеялись раздобыть пищу у туземцев, бежавших туда в поисках убежища. Поэтому, покинув Нако, они направились в провинцию Зула, где основали поселение, которое называли Буэна Эсперанса. [IX-20]

Таково было положение дел, когда в 1535 году Хорхе де Альварадо послал Кристобаля де ла Куэву найти маршрут к северному побережью, с помощью которого можно было бы открыть сообщение между провинцией Гватемала и Испанией. В то время как проходя через провинцию Зула, люди Куэвы были замечены группой местных жителей, которые сообщили Сереседой о присутствии испанцев в этих окрестностях. Вслед за этим последний отправил Хуана Руано с небольшим отрядом спросить у незваных гостей, откуда они пришли и по какому праву вторглись на его территорию. Первым гонца встретил передовой отряд из двадцати человек под командованием Хуана де Аревало, который сообщил ему, что его командир с основными силами отстает всего на две лиги и что их целью является поиск наилучшего маршрута для правительственной дороги из Гватемалы в Пуэрто-де-Кабальос.

Когда Куэве сообщили о положении колонистов в Буэна-Эсперанса, он попросил о встрече с Сереседой и предложил жителям Гондураса сотрудничать с ним в его исследованиях, пообещав взамен помочь им в их горнодобывающих предприятиях и защитить их от туземцев. Губернатор с радостью принял это предложение и принял командование войском, состоящим из части войск Куэвы, а также всех его собственных свободных людей. [IX-21] Сначала было предложено выступить против могущественного касика, который в течение десяти лет держал в плену испанку, [IX-22] и, подчинив его себе и разрушив его частокол, исследовать местность в окрестностях Гольфо-Дульче и исследовать гавани Сан-Хиль-де-Буэнависта и Пуэрто-де-Кабальос в соответствии с его инструкциями.

Но еще не пришло время, когда в Гондурасе должна была воцариться гармония. Войны с дикарями и раздоры между собой были уделом поселенцев на этой территории с самого начала; и сварливые последователи Цереседы были мало расположены объединять усилия в мирном общении с членами **Ошибка! Залкадка не определена.** конкурирующей колонии. Куэва не удовлетворился поселением ни в Буэна-Эсперанса, ни на Гольфо-Дульсе, ни в Пуэрто-де-Кабальос; но он хотел основать колонию во внутренних районах Гондураса, на полпути между двумя океанами. На это предложение Цереседа, конечно, выдвинул возражения. Другой упорствовал и, будучи сильнее, вышел из союза и двинулся вглубь страны. После этого Сереседа подал жалобу в Совет Индии и потребовал ареста и казни Куэвы за незаконное проникновение на территорию и нарушение контракта. Он также обратился к императору с прошением о выделении людей, оружия, кораблей, муки и вина для священных целей. Он подтвердил, что некоторые из его людей не пробовали соли в течение трех месяцев и вследствие этого заболели. Он потребовал, чтобы королевская пятая часть продукции рудников

была сокращена до одной десятой. Он также попросил установить границу между Гватемалой и Гондурасом и открыть дорогу между двумя морями от Пуэрто-де-Кабальос до залива Фонсека, заявив, что это также послужит торговле Сан-Сальвадора и Никарагуа, поскольку расстояние составляет всего пятьдесят лиг, а местность благоприятна, требуется только, чтобы деревья были срублены, а земля местами выровнена. К этому ходатайству Сереседы император и его совет отнеслись благосклонно и удовлетворили большую часть его просьб.

ТРЕБУЕТСЯ ГУБЕРНАТОР.

Тем временем остатки гондурасских колонистов, оставшиеся в Трухильо, также требовали увеличения численности населения и назначения губернатора. Они утверждали, что город обладал хорошей гаванью и сухим и благоприятным климатом; что в его окрестностях находились неосвоенные богатые рудники, а почва была плодородной и хорошо орошалась. [IX-23] **Ошибка! Закладка не определена.** Они приписали свои прошлые неудачи плохому правительству и обвинили Цереседу в том, что она покинула поселение без достаточных на то оснований. Теперь их было так мало, что они сократились до тридцати человек, способных носить оружие, что они постоянно опасались нападения со стороны туземцев. Их запас оружия состоял всего из двадцати мечей и пятнадцати копий, причем губернатор забрал с собой все арбалеты и аркебузы. Поскольку они не поддерживали связь с Мексикой, они обратились с просьбой передать их под юрисдикцию аудиенции Испании. Кроме того, они попросили две бригадины для торговли с Островами, а также сотню негров для работы на их рудниках, за все это они обещали щедро платить. Они пообещали, что, если к ним пришлют способного губернатора во главе двухсот человек, они основывают поселение близ Десагуадеро и откроют богатые золотые прииски, которые находятся в этих окрестностях. Наконец, муниципальный совет заявил, что, если его не сменят в течение года, он дезорганизует правительство и предоставит людям свободу передвигаться, куда они пожелают.

Если колонисты Гондураса едва могли прокормить себя, когда были объединены и жили в Трухильо, то не следовало ожидать, что их положение улучшится, когда они будут разделены и рассеяны по всей стране. Один хороший человек, который мог бы обуздать дух беззакония и управлять мятежным населением решительной рукой; человек с принципами и темпераментом даже Педрариаса, принес бы Гондурасу мир и процветание; но внутренние раздоры и, наконец, открытые беспорядки принесли бедствие всем заинтересованным сторонам и поставили людей, как Трухильо, так и Буэна Эсперанса, на грань разорения и голода.

ОБРАЩАЮСЬ К АЛЬВАРАДО.

Каким бы унижительным это ни было, Андрес де Сереседа в конце концов был вынужден обратиться за помощью к Педро де Альварадо. В петиции, которую он составил, он просил защиты от местных жителей, но, не получив ее, он **Ошибка! Закладка не определена.** опасался депопуляции всей провинции. Нужды людей были поистине ужасны, [IX-24] и к аделантадо обратились с просьбой "из любви к Богу и их Величествам" прийти им на помощь. [IX-25] Королевский казначей Диего Гарсия де Селис был отправлен в сопровождении Хуана Руано [IX-26] в Сантьяго, где тогда проживал Альварадо, и, представив ему плачевное положение народа Гондураса, получил заверения в помощи. При первой возможности были собраны вооруженные силы, состоявшие из испанцев и дружественных индейцев, и во главе с аделантадо выступили на помощь Сереседе. [IX-27]

Во время задержки, которая произошла перед прибытием Альварадо в Гондурас, поселенцы, оставшиеся в Буэна-Эсперанса, будучи не в состоянии или не желая больше выносить свои страдания, были готовы покинуть колонию, и 5 мая 1536 г. **Ошибка! Закладка не определена.** была проведена официальная встреча с нотариусом Бернардино де Кабренасом, [IX-28], чтобы принять решение вопрос находится на рассмотрении. Сереседа, обращаясь к алькальду и регидорам, заявил, что они осведомлены о состоянии дел в провинции и о невозможности удерживать ее дольше из-за малочисленности испанских колонистов и нехватки припасов. Поэтому, по его словам, он отправил Диего Гарсию де Селиса, королевского казначея, просить помощи у губернатора Гватемалы, а также попросил помощи у императора и аудиенции Мексики. С момента отъезда Селиса прошло семь месяцев, а о нем ничего не было слышно. Поэтому он потребовал от имени короны высказать их мнение относительно того, что следует предпринять. Все присутствующие рекомендовали оставить страну, а испанцам разрешить губернатором отправляться куда им заблагорассудится. Сереседа согласился, и были отданы соответствующие распоряжения; алькальд и регидорес ратифицировали и подтвердили акты губернатора и свои собственные в присутствии нотариуса. [IX-29]

ЖАЛОБЫ ЦЕРЕСЕДЫ.

Решение было немедленно приведено в исполнение; но через четыре дня после отъезда из Буэна-Эсперанса колонисты были встречены Селисом с письмом от Альварадо, обещавшим скорую помощь. Если бы посланник вернулся всего на один день позже, не исключено, что Сереседа **Ошибка! Закладка не определена.** расстался бы с жизнью, поскольку стал крайне непопулярен среди мужчин Гондураса. Они действительно зашли так далеко, что выгнали его из дома, хотя из-за страха перед последствиями впоследствии отозвали его.

Его ответ на депешу аделантадо показывает, с каким отвращением к нему относились те, чьим долгом было повиноваться ему. "Они выгнали меня, - говорит он, - из моего дома и из поселения, хотя я был не в состоянии подняться с постели, к которой я был прикован в течение нескольких дней из-за нарыва, который мешал мне сидеть, за исключением стула, изготовленного специально для моего использования, да и то лишь на короткое время. Несмотря на все это, они с величайшим хладнокровием выставили меня из моего жилища, приказав мне идти без присмотра в направлении побережья, где они предоставят мне сопровождение до Трухильо. Однако это был лишь предлог для того, чтобы избавиться от меня, поскольку их целью было угнать в рабство всех индейцев, служивших в округе, что они и пытались сделать, прежде чем изгнать меня из деревни. Опасаясь, что они могут убить меня, я превратил необходимость в добродетель и, отказавшись от тех немногих вещей, которые у меня были, отправился в Нако. Оттуда меня вскоре отозвали, и я вернулся верхом, но с большим трудом, так сильно страдая от вынужденной езды верхом, что, боюсь, пройдет по меньшей мере три месяца, прежде чем мое здоровье восстановится".

Сереседа и Селис были далеко не в хороших отношениях. Первый заподозрил казначея в желании сместить его, и, возможно, не без оснований, поскольку он был назначен императором и был следующим по рангу после губернатора. В своем письме Альварадо Сереседа пользуется случаем, чтобы выплеснуть свою злобу на казначея. Он обвиняет его в попытках создать впечатление, что он, и только он, мог добиться для аделантадо губернаторства Гондураса, и в присвоении себе звания единственного, кто **Ошибка! Закладка не определена.** заботится о благополучии страны и является верным слугой его Величества. "Но, - продолжает он, - чтобы вы

могли видеть, что есть и другие, желающие благополучия провинции, я отказываюсь в вашу пользу от должности губернатора, которая мне была доверена, полагая, что, поступая таким образом, я оказываю услугу его Величеству".

ALVARADO'S RESIDENCIA.

Альварадо по прибытии был хорошо принят поселенцами, которые были рады поверить, что их ждут лучшие дни. Проницательный Сереседа, видя себя практически лишенным власти, снова настоял на том, чтобы он принял пост губернатора, чтобы провинция не пришла в упадок. Этой уловкой он надеялся не только избежать наказания, но и укрепить в сознании аделантадо впечатление, что именно ему, а не Селису он обязан за это предложение. Альварадо принял отставку губернатора и взял бразды правления в свои руки, к великой радости колонистов. Он сразу же приступил к умиротворению страны, отправив сильные войска, разместив охрану на рудниках и приведя провинцию в состояние безопасности и процветания. От имени короны он принял титул генерал-капитана и верховного судьи и, не теряя времени, приступил к основанию новых колоний.

Он построил в Пуэрто-де-Кабальос город Сан-Хуан, а на месте деревни Таломы, в семи лигах от этого поселения, основал город Сан-Педро-дель-Пуэрто-де-Кабальос. Он определил границы своей юрисдикции и распределил среди испанцев туземцев и туземные деревни в его окрестностях. [IX-30] Капитану Хуану де Чавесу было приказано исследовать провинцию на юге и западе и выбрать благоприятное место на предполагаемой линии сообщения между Гондурасом и Гватемалой. После **Ошибка! Залка не определена.** ГИПЕРССЫЛКА \l "Xcf87e45a9f1673185a4cdcd281ea19cd6a763b4". [IX-31]

Но в то время, как аделантадо снискивал новые лавры и приобретал новых приверженцев в Гондурасе, ему сообщили, что его резиденция была захвачена ойдором Мальдонадо, и вскоре после этого он получил приказ от вице-короля, предписывающий ему отправиться в Испанию и предстать перед троном, поскольку таким образом будут соблюдены интересы его величества. Этого никто не ожидал. Он уже обратился к королю с прошением о разрешении вернуться с целью организации крупномасштабной экспедиции для исследования Южных морей; [IX-32] вызов ко двору, в то время как его резиденция должна была быть занята на время его отсутствия, усложнил дело. Однако альтернативы не было, кроме как подчиниться; и Альварадо снова отправился в Испанию, сначала адресовав кабильдо Сантьяго письмо, в котором он излагает причины своего отъезда и отмечает, что, хотя он не возвращается на родину богатым золотом, потратив все, что он заработал за свою карьеру в Мексике и Гватемале, он не сомневается, что его заслуги снискают ему расположение двора. **Ошибка! Залка не определена.**

ГЛАВА X.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ В НИКАРАГУА.

1531-1550гг.

Злодеяние Кастанеды—Диего Альварес Осорио, первый епископ Никарагуа—Основан монастырь в Леоне—Прибытие Лас Касаса—Бегство Кастанеды—Прибытие Контрераса—Предполагаемая экспедиция в Эль—Десагуадеро—Противодействие Лас Касаса—Отъезд со всеми доминиканцами—Вулкан Эль—Инфьерно—де—Масая—Фрей Блас считает лаву Расплавленным сокровищем—Его спуск в Пылающую яму—Исследование Десагуадеро—Доктор

Роблес пытается захватить новую территорию-Контрерас уезжает в Испанию—Его арест, Суд и возвращение — Его зять тем временем узурпирует власть—Антонио де Вальдивьесо Назначен епископом—Вражда между духовенством и губернатором-Алонсо Лопес де Серрато занимает резиденцию Контрераса-Миссионерские труды в Никарагуа.

CASTAÑEDA GOVERNOR.

Чувство облегчения, которое испытали все колонисты Никарагуа, когда смерть наконец положила конец правлению Педрариаса Давилы, длилось недолго. Вскоре новый надсмотрщик держал их в рабстве, почти таком же тяжком, как у великого деспота, который теперь покоился в церковных склепах Леона. Франсиско де Кастанеда, который тогда занимал пост контадора, а несколькими месяцами ранее был алькальдом-мэром, [X-1] утверждал, что по закону имеет право на вакантное губернаторское кресло. [X-2] Кабильдо не знал ни о каких обоснованных возражениях, и после обещания Кастанеды править умеренно **Ошибка! Залладка не определена.** и справедливости он был назначен и должным образом признан. [X-3]

Не прошло и месяца, как колонисты обнаружили, что по-прежнему обречены на угнетение и плохое управление. Не считаясь с правами поселенцев и с бесстыдством, сравнимым разве что с бесстыдством его предшественника, новый тиран отказывался созывать кабильдо, за исключением длительных перерывов, да и то только для обсуждения вопросов, соответствующих его собственным желаниям. Решением ожидающих рассмотрения судебных исков пренебрегли; требовали займов, а тех, кто отказывался вносить взносы, преследовали так немилосердно, что они бросили свое имущество и бежали из страны, оставив свои энкомьенды на конфискацию. [X-4] Охота на рабов с сопутствующими ей ужасами была обычным явлением по всей провинции. Никому не запрещалось похищать людей, и не было никаких ограничений на их поимку; единственным ограничением было то, что губернатор должен был получать долю. Королевская десятина была обманным путем арендована. [X-5] Кастанеду даже подозревали в том, что он делал мошеннические записи в книгах казначея Тобильи, который недавно умер; он даже не дал себе труда провести инвентаризацию содержимого сундука с сокровищами.

Наконец некоторые из регидоров собрались на тайный совет и обратились к королю с просьбой прислать им местного судью, заявив, что, если не будет оказана помощь, провинция вскоре обезлюдела бы. Вскоре Кастанеде сообщили о грозящей ему опасности, но он не обратил внимания на это предупреждение. У него была только одна цель в жизни, **Ошибка! Залладка не определена.** добывать богатство любыми средствами, [X-6] и к этой цели он стремился с непоколебимой целеустремленностью. Туземцы не относились к испанцам с большим страхом, чем испанцы к своему главному судье. Многие из них отправились во вновь завоеванные регионы Перу, и даже монахи, столкнувшиеся с тяготами дикой природы и опасностью пыток и смерти от рук дикарей, были вынуждены оставить свои труды. [X-7]

До 1531 года викарии Панамской церкви обладали церковной юрисдикцией над провинцией Никарагуа. [X-8] В том же году Диего Альварес Осорио, регент кафедрального собора Панамы, носивший титул Защитника индейцев, был назначен первым епископом Никарагуа. Его возвышение было связано с его выдающимися заслугами в церкви, а также, вероятно, с тем фактом, что он был, как замечает Ремезаль, "благородным кавалером из дома Асторга, образованным, добродетельным и благоразумным, с большим опытом принятия полезных правительственных мер". [X-9] Прелату было приказано основать доминиканский монастырь в Леоне, а казначею было приказано выделить необходимые средства. Королевская десятина,

которая ранее присваивалась епархией Панамы, теперь должна быть увеличена, [X-10]

Ошибка! Закладка не определена. и направлена на поддержку церквей и больниц Никарагуа.

RODRIGO DE CONTRERAS.

При правлении Кастанеды действительно было трудно собирать десятину, большая часть которой была украдена его чиновниками. Но настоящий друг человечества и религии сейчас был на пути в провинцию. Бартоломе де лас Касас, [X-11] после своих серьезных, хотя и безрезультатных трудов в Мексике, вернулся в Никарагуа в 1532 году и был принят с распростертыми объятиями Осорио, который пригласил его остаться и помочь ему в основании доминиканского монастыря, а также в его трудах на благо местных жителей; но прежде всего использовать свой авторитет для прекращения злодеяний Кастанеды. Лас Касас с радостью согласился. Был основан женский монастырь; для монахов были построены резиденции; велась подготовка к возведению собора, и тысячи новообращенных были собраны в лоно церкви. Но ни угрозы, ни убеждения не оказали ни малейшего влияния на Кастанеду, который прошел обучение в школе Педрариаса и теперь честно старался улучшить свои знания. Наконец пришло облегчение. До Леона дошла весть, что Родриго де Контрерас назначен губернатором Никарагуа и сейчас находится на пути в провинцию. После этого Кастанеда собрал награбленное и бежал в Перу; оттуда перебрался в Испанию; был там арестован и отправлен в Испанию; но смерть положила конец его карьере прежде, чем какой-либо земной суд присудил ему наказание за его беззаконие.

Контрерас был благородным кавалером Сеговии и зятем Педрариаса, чья дочь Мария де Пеньялоса, ранее помолвленная с Васко Нуньесом де Бальбоа, теперь сопровождала его в провинцию вместе со своими малолетними детьми Эрнандо и Педро. Его администрация встречает искреннее одобрение **Ошибка! Закладка не определена.** Овьедо; освежающее обстоятельство, поскольку это первый случай, когда этот историк хвалит губернатора испанской провинции. [X-12] Его поведение, по крайней мере, сильно отличается от поведения двух его предшественников, и, помимо определенных обвинений, выдвинутых против него церковниками, с которыми он всегда был не в ладах, летописи его времени изображают его справедливым и гуманным правителем. Он сразу же приступил к установлению закона и порядка на своей территории, завоевав таким образом доверие поселенцев, и все следы зла, причиненного беглецом Кастанедой, были быстро стерты.

МЕЖОКЕАНСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ.

Проект открытия сообщения с Северным морем через Эль-Десагуадеро, как тогда называли Рио-Сан-Хуан, и овладения туземными городами на его берегах уже давно обсуждался колонистами. Новый губернатор, хотя и испытывал отвращение к такому предприятию, стремился сохранить добрую волю народа и отправил ко двору Испании Хуана де Переа, чтобы получить согласие императора. [X-13]

Но за порабощением туземцев слишком часто следовало их порабощение, и Лас Касас все еще находился в провинции [X-14], занимаясь своим любимым делом. С кафедры, в исповедальне и в общественных местах падре осуждал эту экспедицию. Он даже пригрозил отказать в отпущении грехов векино и солдатам, если они осмелятся принять в этом участие. [X-15]

Ошибка! Закладка не определена. Колонисты были крайне озадачены. Лас Касас, несомненно, получил прямые инструкции от императора, которые оправдывали его

вмешательство, в то время как губернатор еще не получил санкции короны. На чью сторону им следует встать? С одной стороны, была перспектива наживы, с другой - угроза запрета церкви.

Контрерас решил, что вмешательство священника не должно помешать осуществлению этого проекта; но, отправившись в путь во главе отряда из пятидесяти человек, он обнаружил, что его собственные офицеры не подчиняются ему, поскольку им было запрещено грабить или жестоко обращаться с туземцами. Поэтому он был вынужден вернуться в Леон и признать себя побежденным. Теперь Лас Касасиспользовал весь вес своего влияния, чтобы подорвать авторитет губернатора, [X-16] в то время как Контрерас добился дачи показаний перед епископом Осорио относительно поведения падре. На этом этапе смерть прелата решила проблему. Потеряв его поддержку, Лас Касас обнаружил, что не в состоянии в одиночку противостоять власти губернатора, который все еще пользовался молчаливой симпатией большинства колонистов. Поэтому он решил оставить поле деятельности, где его усилия были бесполезны, и, приняв приглашение, которое, как уже говорилось, было передано ему Франсиско де Маррокемом, епископом Гватемалы, возглавить монастырь Сантьяго, отбыл из Леона, взяв с собой всех доминиканцев. [X-17] **Ошибка! Закладка не определена.**

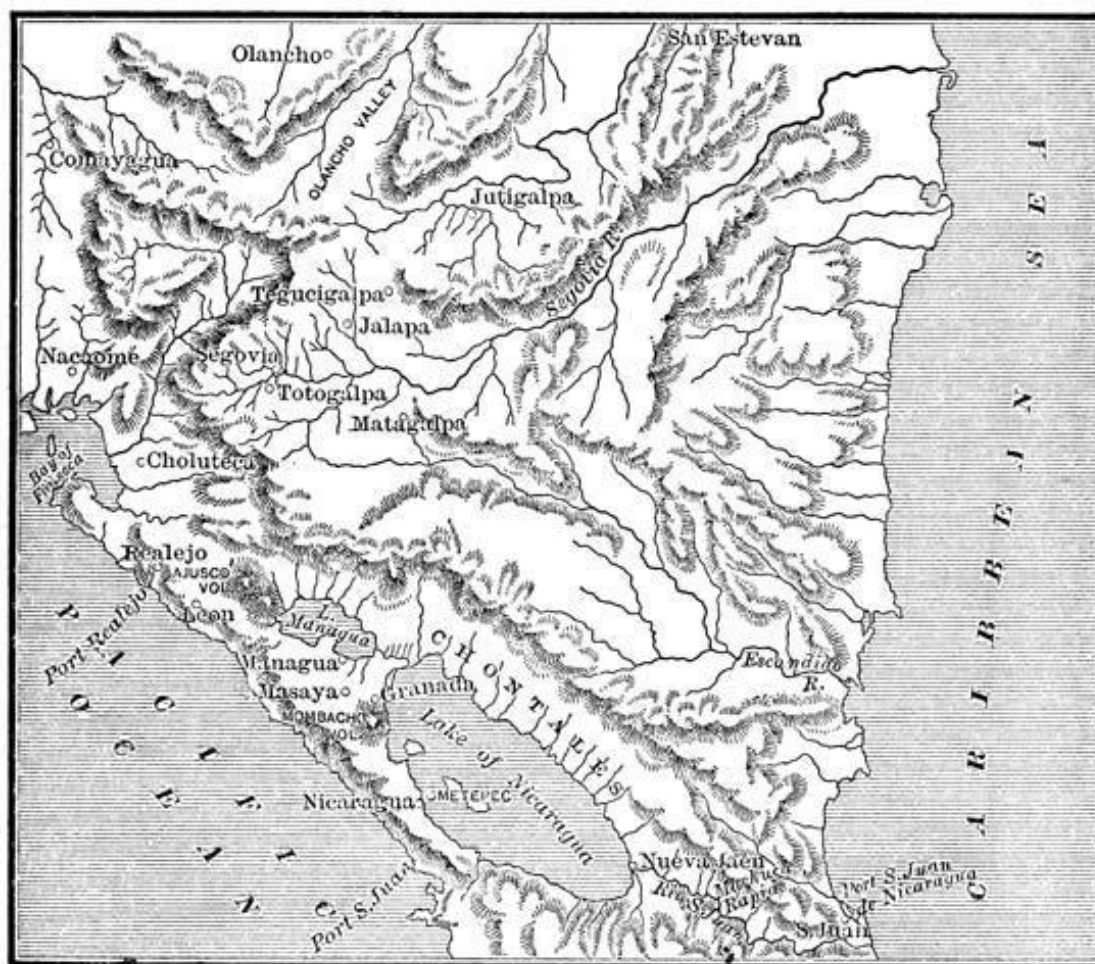
EL INFIERNO DE MASAYA.

В 1537 году некоторые священнослужители снова были связаны с историей провинции, но таким образом, который не совсем соответствовал достоинству их профессии. Путешествуя по Никарагуа тремя годами ранее, Фрей Блас дель Кастильо услышал странные слухи о вулкане, расположенном недалеко от озера Никарагуа и известном как Эль-Инфьерно-де-Масайя. В кратере на глубине ста морских саженей находилось расплавленное озеро, покрытое коркой пепла, из которого иногда высоко над поверхностью поднимались огненные фонтаны, [X-18] освещающая Южное море ночью и ясно видимое морякам в двадцати лигах от берега. Об этом месте Овьедо во время его пребывания в провинции рассказал легенду престарелый касик Лендери, который несколько раз посещал это место в компании других вождей своего племени. Из глубин кратера вышла, чтобы пообщаться с ними на тайном совете, ведьма, [X-19] обнаженная, морщинистая и отвратительная, с длинными острыми зубами и глубоко запавшими глазами цвета пламени. С ней советовались по всем важным вопросам, она решала вопрос о войне или мире и предсказывала успех или провал каждого предприятия. До и после этих консультаций в кратер были сброшены человеческие жертвы, которые безропотно покорились своей участи. [X-20] Когда **Ошибка! Закладка не определена.** появились христиане, гений пылающей ямы осудил незваных гостей, пригрозив не показываться снова, пока они не будут изгнаны с земли, а поскольку местные жители были недостаточно сильны, чтобы изгнать их, она вскоре оставила своих приверженцев.

Достойный монах пришел к выводу, что расплавленная масса в глубинах кратера должна быть золотом или, по крайней мере, серебром в состоянии плавления. В то время он направлялся в Перу по приказу своего начальства, но держал это в секрете до тех пор, пока два года спустя мы не услышали о его пешем путешествии из Мексики, преодолев расстояние более четырехсот лиг, с намерением исследовать таинственный кратер. Теперь он посвятил в свои тайны монаха-францисканца Хуана де Гандабо, и они договорились поделиться великой тайной с несколькими более богатыми испанскими поселенцами, чтобы получить средства для осуществления своего проекта. Слух вскоре распространился по всей провинции. В Гранаде и Леоне мужчины собрались на улицах и площадях, чтобы обсудить этот вопрос. Некоторые

признавали, что фрей Блас, вероятно, был прав. Другие, доверчиво пожимая плечами, утверждали, что расплавленная масса состояла из железа или серы, причем последняя теория была наиболее убедительной из-за того факта, что образцы самородной серы были распространены поблизости. Но, излагая в королевствах Атауальпа и Монтесума доктрины того, кто послал своих учеников без кошелька или суммы, священнослужитель никогда не мог выбросить из головы убеждение, что провидение приберегло это сокровище для него и его товарищей по труду, [X-21] и теперь, после его долгого и трудного путешествия, его нельзя было отвлечь от его цели. Необходимые инструменты были тайно подготовлены. Цепи, блоки, железные котлы и другие приспособления были приготовлены в туземной деревне, расположенной в четырех лигах от вулкана. Огромная вышка и клетка были изготовлены собственными руками монаха на безопасном расстоянии от испанских поселений, [X-22] и затащены местными жителями к жерлу вулкана. Были наняты проводники, и было решено, что сначала в яму спустится сам Фрей Блас, чтобы избежать любых споров о праве на открытие. Если он благополучно вернется на поверхность, его товарищи должны были последовать за ним. Были оговорены условия раздела сокровищ, при этом монах требовал для себя наибольшую долю, хотя и не вносил никакого вклада в расходы.

13 апреля 1538 года [X-23] священнослужитель и его товарищи встают рано и, исповедавшись в своих грехах, посетив мессу и плотно позавтракав, взбираются по крутому склону горы и останавливаются на краю кратера. Схватив в левую руку флягу с вином, в правую - распятие и подобрав полы своей священнической рясы, прикрыв голову железной бочкой, отважный монах садится в клетку, подвешивается в воздухе и медленно опускается в пылающую яму. Присутствующие туземцы в ужасе разбегаются, не веря в его утверждение, что злой гений огненного озера исчезнет при виде креста. Когда он приземляется на дно кратера, осколок падающего камня ударяет его по шлему, заставляя его упасть на колени и дрожащими пальцами воткнуть свой крест в землю с привидениями. Подняв глаза вверх, после долгих блужданий ощупью и спотыканий среди каменных выступов, он видит, что клетка, в которой он спускался, раскачивается высоко над головой. Тем не менее, его сердце не останавливается. Ухватившись за веревку, он подтягивает свою дородную персону к месту, откуда может подать условленный сигнал, и, наконец, невредимым поднимается на поверхность. **Ошибка! Закладка не определена.**

Никарагуа.

Через несколько дней предпринимается еще одна попытка, и после больших трудностей небольшое количество расплавленного сокровища извлекается на поверхность в железной ступке. Слухи о великом открытии распространились по соседним поселениям. Вокруг кратера собираются сотни нетерпеливых зрителей, но искатели приключений придерживаются своего мнения. Они формально вступают во владение землей, передвигают свои машины так, чтобы никто не мог разделить воображаемый приз, и на какое-то время воображают, что обладают богатством, которое не может перевезти тысяча кораблей.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕСАГУАДЕРО.

Вскоре после ухода доминиканцев Контрерас решил провести разведку Десагуадеро. Капитан Диего Мачука, [X-24] ветеран **Ошибка! Закладка не определена.** офицер, чей гуманный нрав гарантировал, что жители родных городов не подвергнутся жестокому обращению, был назначен ответственным за экспедицию. На озере Никарагуа были снаряжены два корабля, и отряд в двести человек последовал по суше. Опасности, с которыми они столкнулись [X-25] во время путешествия, не описаны летописцами того времени; но мы узнаем, что суда благополучно спустились вниз по течению, оттуда вышли в Северное море и отплыли в Номбре-де-Диос.

Известие об их прибытии вскоре было доведено до доктора Роблеса, тогдашнего губернатора Огненной Земли, и со своей обычной политикой этот алчный правитель попытался извлечь для себя все выгоды от этого предприятия. Мужчины Никарагуа были брошены в тюрьму, и отправлена экспедиция под командованием Франсиско Гонсалеса де Бадахоса, чтобы завладеть территорией на берегах Десагуадеро. Пробыв в провинции шесть месяцев, за это время был построен форт и добыты сокровища стоимостью 200 000 кастельянос, захватчики были изгнаны Контрерасом, а их лидер отправил пленного обратно в Панаму. [X-26] Вторая экспедиция, отправленная доктором Роблесом под командованием Андреса Гаравито, также не увенчалась успехом. [X-27]

Сейчас в истории Никарагуа наступает краткий период сравнительного затишья, и впервые жители хотя бы одной провинции удовлетворены **Ошибка! Закладка не определена.** своим правителем. Тем не менее, среди клики мятежных авантюристов существует скрытое течение неприязни, подогреваемое духовенством, которое вскоре снова начинает вмешиваться в дела поселений. После принятия в 1542 году нового кодекса законов, о котором упоминается в другом месте, Никарагуа переходит под юрисдикцию аудиенции Границ, и всем, кто занимает должности при короне, приказано сдать свои энкомьенды. После этого губернатор передает своих рабов жене и детям и, прежде чем кодекс вступит в силу, отправляется в Испанию, чтобы предотвратить, по возможности, катастрофические последствия для своих интересов; ибо, как и у большинства его коллег-правителей, его богатство состоит в основном из человеческого имущества. Прибыв на перешеек, он обнаруживает, что в Панаму были отправлены секретные рекомендации от Педро де Мендавиа, декана Леона, с рекомендацией его ареста, и он вынужден продолжить свое путешествие в качестве заключенного. Выдвинутые против него обвинения не могут носить серьезного характера; поскольку, хотя его старый противник Лас Касас все еще находится в Испании, готовый свидетельствовать против него, мы узнаем, что вскоре его освобождают, и, сохранив должность и имущество, он возвращается в компанию с Васко Нуньесом Велой, высаживаясь на Огненной земле в январе 1544 года.

PEDRO DE LOS RIOS.

Тем временем Педро де лос Риос, королевский казначей, [X-28] и зять Контрераса, узурпировал бразды правления и начал преследовать всех, кто, как ему известно, враждебен его собственной партии. Мендавиа, зная, что он, возможно, больше всех пострадает от рук Риоса, решает предвосхитить его меры и отправляется в Гранаду, где он получает **Ошибка! Закладка не определена.** заручившись поддержкой кабильдо, заключает Риоса в монастырь. [X-29] Но на следующее утро кабильдо, запуганные угрозами Доньи Марии, жены губернатора, раскаиваются в своем поведении и вынуждены издать указ, призывающий всех поселенцев под страхом смертной казни и конфискации взяться за оружие и потребовать освобождения Риоса или, в случае отказа, снести монастырь. Военственный декан не готов к такой внезапной перемене, но, тем не менее, решает сопротивляться, заверяя своих приверженцев, что все, кто может понести смерть за это самое христианское дело, обязательно будут допущены на небеса. Люди толпятся в монастыре, и вскоре монахи вступают в смертельную схватку, в ходе которой двое из них вместе с четырьмя мирянами получают смертельные ранения. Не выдержав нападения, Мендавиа, наконец, смягчается и просит мира. Достигается компромисс, в результате которого Риос обязуется не причинять вреда декану или кому-либо из его окружения ни тогда, ни в будущем, после чего казначей освобождается. Однако, как только он оказывается за стенами монастыря, он забывает о своем обещании и без разбора арестовывает, вешает,

четвертует и отправляет в ссылку. Самого декана заковывают в кандалы и отправляют в Испанию, где в течение нескольких лет его держат в заключении без суда. [X-30]

Когда весть об этих разбирательствах достигла аудитории Панамы, Диего де Пинеда был направлен в Никарагуа в качестве члена комиссии, и он с таким тактом урегулировал споры между двумя партиями, что порядок был быстро восстановлен, а ссора между Риосом и Мендавией вскоре была забыта. Несколько месяцев спустя Контрерас прибыл в провинцию, [X-31] но его тайные враги все еще действовали, **Ошибка! Закладка не определена.** и одним из первых действий недавно созданной *audiencia de los Congrines* было приказать ойдору Эррере занять его резиденцию, а также резиденцию казначея Риоса. Хотя лицензиат всегда был непримиримым врагом губернатора и стойким сторонником клерикальной фракции, он, похоже, не обнаружил ничего, на чем можно было бы основать какие-либо серьезные обвинения против любого из этих чиновников, и вскоре прекратил свое расследование. [X-32]

ЦЕРКОВНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВРАЖДА.

Теперь между мирянами и церковными властями возникла вражда более ожесточенная, чем та, которая была прекращена смертью епископа Осорио и отъездом Лас Касаса. В 1544 году отец Антонио де Вальдивьесо был назначен на вакантный престол Никарагуа. [X-33] Его назначение было должным образом подтверждено папской буллой, и в ноябре следующего года он был хиротонисан в Грасиас-а-Диос епископами Лас Касасом **Ошибка! Закладка не определена.** из Чьяпаса, Маррокина из Гватемалы и Педразы из Гондураса. Прелат, который называл себя восторженным почитателем великого апостола Индии, настаивал на введении в действие нового кодекса и не жалел усилий для спасения туземцев из рабства, навлекая своей политикой на себя такое решительное противодействие со стороны губернатора и его чиновников, что счел за лучшее для своей личной безопасности поселиться в Гранаде, а не в Леоне.

Со дня прибытия Вальдивьесо и до свержения губернатора примерно три года спустя история провинции представляет собой не что иное, как череду взаимных обвинений и интриг. Колонисты, за редким исключением, поддерживали дело губернатора, заявив, что "им не нужен никакой прелат, кроме как служить мессе и проповедовать по своему вкусу"; и когда епископ пригрозил учредить инквизицию в Никарагуа, ему пригрозили убийством. [X-34]

КОНТРЕРАС ВЫРУГАЛСЯ.

Жалобы на Контрераса, по-видимому, были вызваны главным образом ревностью и корыстными мотивами церковной фракции. Его поведение было предметом пристального внимания инквизиции и аудиенции. Несмотря на положения нового кодекса, ему было разрешено сохранить свои энкомьенды. Даже его враги не могли обвинить его в жестоком обращении со своими рабами. Нельзя было ожидать, что он передаст епископу власть и имущество, которые высшая власть разрешила ему сохранить; и все же это, по-видимому, было его главной причиной обиды. Хотя Вальдивьесо и доминиканские монахи громко обличали тех, кто держал туземцев в рабстве, сами они ни в коем случае не **Ошибка! Закладка не определена.** означает отвращение к удержанию собственности у рабов. Они были владельцами по крайней мере одной индейской деревни в Никарагуа, и когда местная администрация отняла у них право собственности, они пригрозили покинуть провинцию и не прекращали своих протестов до тех пор, пока им не вернули их собственность. [X-35] Даже члены *audiencia*, чьей особой обязанностью было следить за соблюдением этих новых законов, добились восстановления

касика Атитлана и других лиц, которые оказывали помощь испанцам в их экспедициях против Лакандона и Тузулутлана в правах encomenderos, нарушив тем самым сам дух кодекса. Президент и ойдорес даже зашли так далеко, что выразили свое мнение о том, что передача индейцев под контроль священников, доверенных короне, была самой нежелательной мерой. Рабы составляли основной источник богатства во всей провинции, и без рабского труда колонисты вскоре превратились бы в нищих. Даже сейчас они терпели крайние лишения, а иногда им угрожал настоящий голод. Собранный с туземцев дань, которая по праву принадлежала губернатору и его чиновникам, распределялась между обездоленными поселенцами, но была признана совершенно недостаточной для их содержания.

Самое серьезное обвинение, выдвинутое против Контрераса, но не основанное на достаточных доказательствах, заключается в том, что он присвоил поместья умерших рекомандерос, оставив их жен и детей без средств к существованию. Утверждалось, что он и его семья владели более чем третью частью провинции и что рабы и территория всего округа Никоя, которые ранее были разделены между одиннадцатью разными лицами, перешли в руки его жены. Впоследствии ему даже было предъявлено обвинение в том, что он вынудил поселенцев принять участие в предприятиях, к санкционированию которых его самого фактически побудили только требования колонистов или срочность события, как это было при исследовании Десагуадеро и экспедициях против войск доктора Роблеса. [X-36]

Тем временем ойдор Эррера не жалел сил, чтобы обеспечить падение губернатора, и с этой целью отправлял частные отчеты императору и совету Индии. В одном из них [X-37] он рекомендовал не допускать к управлению никого, кто владеет индейцами, ни от своего имени, ни от имени своей жены, детей или слуг, и передать управление в руки человека, обязанностью которого должно быть частое посещение каждого поселения в провинции. Он также рекомендовал, чтобы дети касиков были размещены в монастырях для обучения христианской вере, а взрослые индейцы оставались в своих городах с той же целью. [X-38] Короче говоря, его целью, как и целью Вальдивьесо, чье дело он никогда не переставал отстаивать, было поставить все коренное население под абсолютный контроль духовенства.

В начале 1547 года епископ переехал в Леон, и как только он это сделал, кабиљдо доложил императору "о больших трудностях, с которыми они столкнулись при защите королевской юрисдикции из-за противодействия епископа, который оскорблял и жестоко обращался со служителями правосудия и презирал законы". [X-39] Было даже сочтено необходимым отправить в Испанию некоего Антонио Сарате для защиты их **Ошибка! Залкада не определена.** причины, после чего Вальдивьесо примерно три недели спустя отправил в совет Индии сообщение, в котором обвинил его в том, что он скрывающийся преступник, чтобы подорвать его влияние при дворе. Он также посылал тайные советы епископу Панамы Торресу, информируя его о намерениях Сарате и рекомендуя его арестовать. Эмиссар был предупрежден об опасности, и ему удалось благополучно скрыться, но нет записей о том, что он успешно выполнил цель своей миссии.

РЕЗИДЕНЦИЯ ГУБЕРНАТОРА.

Борьба, которую Контрерас так долго вел против происков своих врагов, теперь подходила к концу. В начале 1548 года в Грасиас-а-Диос прибыл лицензиат Алонсо Лопес де Серрато,

бывший президент аудиенции в Испании, а ныне назначенный на этот пост. Одним из его первых действий было занять резиденцию губернатора, после чего, обнаружив, что передача его энкомьенд была произведена после принятия нового кодекса, хотя и до его опубликования в провинции, [X-40] он объявил их конфискованными. Контрерас немедленно отправился в Испанию, чтобы добиться возмещения ущерба, и в течение некоторого времени после его отъезда его враги пребывали в постоянном страхе, что он восстановит свою власть и вернется, чтобы отомстить своим обвинителям. Алькальды и регидоры Леона, теперь заключившие мир с епископом, приказали своему секретарю подготовить список обвинений против ушедшего в отставку губернатора, [X-41] но только у одного из них хватило смелости подписать его, каждый чиновник опасался, что его подпись впоследствии может стоить ему жизни. Было даже предложено отозвать всю семью павшего правителя в Испанию, поскольку было заявлено, что его сыновья Эрнандо и Педро совершили много бесчинств, а его зять, Ариас Гонсало, мэр альгуасиля, содержал публичный игорный дом. Наконец, решение по **Ошибка! Закладка не определена.** oidor было подтверждено советом Индии, и Родриго де Контрерас больше не возвращался в Никарагуа. [X-42] Его дети, однако, все еще оставались в провинции, вскоре став лидерами восстания, которое на какое-то время поставило под угрозу само существование испанского владычества в западном мире.

Хотя большинство испанцев не пользовались большим уважением к священнослужителям, есть достаточно свидетельств того, что они добросовестно служили своему призванию. Когда в 1528 году брат Торибио де Мотолиния приехал из Гватемалы, чтобы присоединиться к некоторым фламандским монахам, проживавшим в то время в Никарагуа, он основал в Гранаде монастырь Консепсьон, [X-43] и, зная родной язык, преуспел в своих усилиях, уделяя особое внимание крещению и обращению детей. Его пребывание было недолгим, но другие энергично продолжали работу по обращению туземцев в христианство. Говорят, что Гил Гонсалес крестил тридцать две тысячи человек. [X-44] Эрнандес и Сальседо также крестили большое количество людей. Педрариас, поскольку эта великая работа была выполнена без его вмешательства, изобразил презрение к таким упрощенным методам обращения и приказал провести расследование Франсиско де Бобадилья, провинциальному монаху ордена Милосердия, и государственному нотариусу Бартоломе Пересу. Эти официальные лица провели тщательный поиск, но было обнаружено, что варвары либо забыли, либо никогда не понимали истин христианства, и Бобадилья был вынужден выполнить эту священную **Ошибка! Закладка не определена.** работу заново. Этот монах крестил двадцать девять тысяч шестьдесят три человека в провинции Никарагуа в течение девяти дней, [X-45] а позже, между 1 сентября 1538 года и 5 марта 1539 года, были крещены пятьдесят две тысячи пятьсот пятьдесят восемь человек, хотя, как говорит Овьедо, "их ни в коем случае нельзя было назвать обращенными".

29 августа 1540 года Эрнандо де Альварадо и брат Хуан де Падилья отправились из Гранады к Южному морю через Койбу, [X-46] и везде были хорошо приняты. Когда устанавливали кресты, туземцы украшали их розами и приносили в жертву все, что они ценили больше всего. Несколько лет спустя брат Лоренцо де Бьенвенида и тридцать других покинули Юкатан и отправились в провинцию Коста-Рика [X-47], чтобы продолжить работу по обращению в тех краях, и многие, возможно, стали жертвами их благочестивого рвения. Я могу упомянуть о печальной судьбе мученика Фрая Хуана Писарро. Работая в одном из самых отдаленных районов Никарагуа, он был схвачен пьяными дикарями во время празднования одного из своих праздников, протаснен по скалам, избит почти до полусмерти, а затем повешен; его убийцы завершили свою работу, спалив церковь, которую он возвел за свой счет.

ПРОБЛЕМЫ НА ГРАНИЦЕ С ИНДИЕЙ.

Во время внутренних раздоров, о которых только что говорилось, банды враждебных индейцев, пользуясь случаем, постоянно совершали разбои на границах, грабя и убивая **Ошибка!**

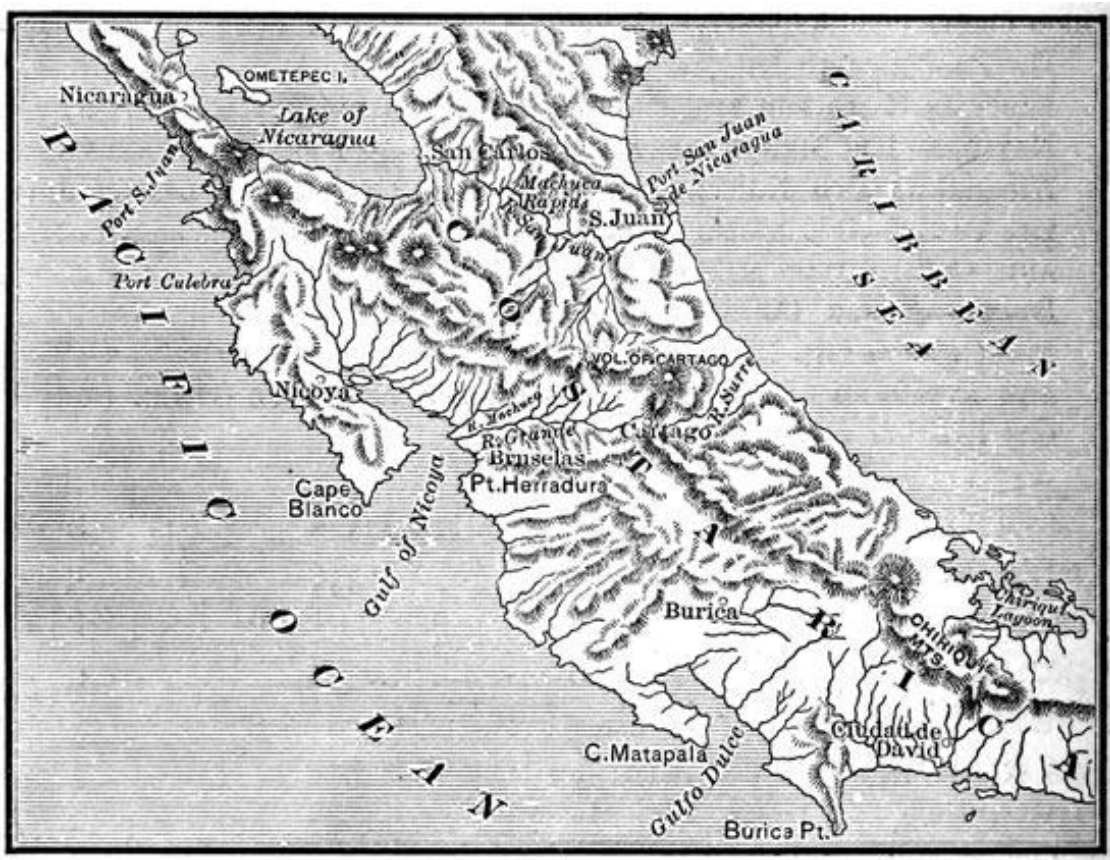
Закладка не определена. тех туземцев, которые были в мире с испанцами, особенно беспокойным был касик Лакандон, который отвергал все попытки к миру. Не удалось добиться никакого прогресса в создании новых поселений или улучшении состояния уже существующих. После исследований, проведенных капитаном Мачукой, мы не читали ни о каком важном предприятии до года отъезда губернатора. В 1548 году контадор Диего де Кастанеда организовал экспедицию для завоевания района Тегусигальпа. [X-48] Из-за предательства проводников его люди были уведены в болотистую и труднопроходимую местность, где вскоре они оказались в окружении орд дикарей. С большим трудом отбив их атаки, они добрались до Десагуадеро и, пройдя по этому каналу на баржах, высадились на берегах Коста-Рики, где основали поселение Нуэва-Хаэн. [X-49] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XI.

ЭКСПЕДИЦИЯ ДИЕГО ГУТЬЕРРЕСА В КОСТА-РИКУ. 1540-1545.

Диего Гутьеррес назначен губернатором—Дезертирство его солдат—Он направляется в Никарагуа—Совет Контрераса—Экспедиция направляется в Рио—Сан—Хуан—Дружественный прием местными жителями—Его люди дезертируют во второй раз—Подкрепления из Никарагуа и Номбре—де—Диос—Историк Бенцони присоединяется к Отряду—Гутьеррес как Евангелист—Он Заманивает Камачир и Кокори в свой лагерь—Он требует золота под страхом смерти—Благородное поведение касика Кокори-Испанцы вторгаются вглубь страны-Их Страдания от голода - На них нападают и убивают -Бенцони и пятерых других выживших Спасает Алонсо де Пиза.

Между Рио-Сан-Хуаном и провинцией Верагуа лежала территория, неровная и густо поросшая лесом поверхность которой до сих пор служила препятствием для испанских завоеваний и колонизации. Коста-Рика, или Нуэва-Картаго, под обоими этими названиями был известен этот регион, [XI-1], но все же оставалась почти терра инкогнита для европейцев. Во время своего последнего путешествия, в 1502 году, Колумб коснулся нескольких точек его северного берега. В Гольфо-Дульче, на его южном побережье, помнят, как Гил Гонсалес и его группа были рады укрыться на деревьях от шторма и наводнения. [XI-2] Смутные сообщения о поселении **Ошибка! Закладка не определена.** под названием Картаго, основанном в начале шестнадцатого века какой-то бандой бродячих авантюристов, упоминаются у нескольких ранних хронистов; но когда и кем оно было основано, это вопрос [XI-3], по которому нет убедительных доказательств.

Коста-Рика, 1545 год.

ТРУДНОСТИ ГУТЬЕРРЕСА.

Исследование Рио-Сан-Хуан, открывшее проход из Северного моря в самое сердце Никарагуа, пробудило более страстное желание овладеть этим неизвестным регионом; и к гордости за завоевания и открытия добавилась всепроникающая страсть испанцев, поскольку считалось, что армии великого Монтесумы вторглись на территорию с расстояния более шестисот лиг, **Ошибка! Закладка не определена.** и привез оттуда много богатых образцов золота. В 1540 году Диего Гутьеррес, гражданин Мадрида и брат Фелипе Гутьерреса, который пятью годами ранее руководил злополучной экспедицией в Верагуа, был назначен губернатором этой провинции и вскоре после этого предпринял предприятие, которому суждено было оказаться еще более пагубным, чем то, которое предпринял его родственник.

МЯТЕЖ И ДЕЗЕРТИРСТВО.

Сначала Гутьеррес отправился в Эспаньолу, где собрал отряд численностью около двухсот человек и отплыл оттуда на Ямайку, базу снабжения колоний Огненной земли. Здесь среди его людей вспыхнул мятеж, приведший к потере всех его военных припасов. Прибыв в Номбре-де-Диос, он заболел, и, пока лежал при смерти, его люди дезертировали и, переправившись в Панаму, сели на корабль, отплывающий в Перу. Оправившись от своей болезни, он обнаружил, что остался всего с пятью мужчинами и почти без средств. Однако он набрался храбрости и, снарядив небольшую баржу, отплыл в Рио-Сан-Хуан и таким образом добрался до Гранады. Познакомившись с неким Базной, успешным **Ошибка! Закладка не определена.**, ему удалось занять у него три тысячи кастельяно, с помощью которых он надеялся вернуть свое состояние.

Теперь Гутьеррес пытался завербовать людей в Никарагуа, но разногласия между ним и Родриго де Контрерасом, губернатором этой провинции, привели к дальнейшей задержке на два года. Контрерас заявил, что его провинция простирается до границы с Верагуа и что у Гутьерреса нет промежуточной территории для колонизации. Гутьеррес, с другой стороны, подтвердил, что границы Верагуа и Кастилия-дель-Оро были расположены далеко к югу от первоначально установленных, и что, как следствие, существовали обширные владения, губернатором которых он был назначен хартией, выданной ему короной. Хотя границы [XI-4] Коста-Рики, изложенные в этом документе, были несколько неопределенными, Контрерас в конце концов признал, что его оппонент был должным образом уполномочен вступить во владение вновь созданной провинцией. Затем он попытался отговорить его от его намерения, представляя страну суровой, а свой план - безрассудным и опасным. "Но если вы будете упорствовать в оккупации этой территории, последуйте моему совету, - сказал он, - и держите сотню хорошо вооруженных людей на берегу моря, всегда готовых отправиться за фуражом, иногда в одном направлении, иногда в другом, потому что люди **Ошибка! Закладка не определена.** богаты золотом, и только так вы сможете добыть пищу". [XI-5]

Совет Контрераса был жестоким, несправедливым и противоречил закону, но только он мог привести к успеху, и событие доказало, что он был разумным и политичным. В высоком тоне, который плохо вязался с его будущим поведением, Гутьеррес ответил: "Управление этой провинцией было возложено на меня императором, чтобы я мог населять ее, а не грабить; и если удача была неблагоприятна другим, я уповаю на Бога, что ко мне она может быть более благосклонной". [XI-6] Это была прекрасная доктрина, но доктрина, которая здесь не победит. Собрал отряд из шестидесяти человек, он вскоре отплыл на двух судах к устью Рио-Сюрре. [XI-7]

Пройдя вверх по реке около трех лиг, отряд наткнулся на несколько заброшенных хижин, и там, разбив лагерь, их посетили несколько касиков, которые принесли золота стоимостью в семьсот дукатов и получили взамен несколько четок из бисера, несколько колокольчиков и безделушек, а также искреннее увещевание присоединиться к истинной вере. Местные вожди были очень довольны их визитом и, вернувшись в свои дома, прислали подарки в виде фруктов, рыбы и сушеного мяса диких кабанов. Таким образом, поначалу усилия Гутьерреса по колонизации сопровождались проблеском успеха, но ему не суждено было избежать бедствий, которые казались почти неотделимыми от попыток испанцев основать поселения в Новом Свете. Он был человеком с большим упорством в достижении цели, но вспыльчивым и на редкость неумелым в самоконтроле. На Ямайке его солдаты взбунтовались; в Номбре-де-Диосе они дезертировали; в Коста-Рике, страдая от голода и лишений жизни первопроходцев, они бросили предприятие и угнали на берег моря, где они сели на два судна из Номбре-де-Диоса и таким образом вернулись в Никарагуа.

Оставшись всего с шестью последователями, [XI-8] своим племянником Алонсо де Пизой, одним матросом и четырьмя слугами, у Гутьерреса не было иного выбора, кроме как последовать за своей группой отступников. Выкопав в земле яму, он закопал там несколько кувшинов с солью, медом и другими припасами, которые не понадобились ему в путешествии, и, сев в небольшую речную лодку, спустился к морю. Вскоре он заметил приближающуюся к устью реки бригантину, которой командовал некто капитан БарIENTO, с людьми, оружием, боеприпасами и провизией из Никарагуа. После этого он повернул назад, довел судно до своего поселения и, вручив своему племяннику все собранное золото на сумму в восемьсот

кастельяно, велел ему вернуться с кораблем в Номбре-де-Диос и там закупить оружие и набрать рекрутов. Джироломо Бенцони, итальянский летописец Нового Света, находился в Номбре-де-Диос, когда капитан Пиза прибыл туда в начале 1545 года, и, будучи, по его словам, молодым и сильным, преисполненным высоких устремлений и желанием обогатиться, он решил вернуться на судне в Нуэва-Картаго. [XI-9] Другие искатели приключений, привлеченные обещанием богатства, решили присоединиться к экспедиции, и вскоре двадцать семь человек были отправлены в новую колонию.

На обратном пути бригантина попала в шторм у входа в реку и была отброшена к островам Зоробаро, расположенным недалеко от побережья. Там они оставались семьдесят два дня, **Ошибка! Закладка не определена.** подвергаясь непрекращающимся дождям, трое из них были убиты молнией. Гроза была такой непроглядной, что за все это время они не видели четырех часов солнечного света. Капитан судна сошел на берег на материке за провизией, но после восьмидневных поисков в лесах, болотах и горах, в течение которых он питался улитками и ягодами, вернулся с пустыми руками. Наконец мужчины добрались до лагеря Гутьерреса, который, решив во что бы то ни стало заселить свою территорию, немедленно отправил корабль обратно в Номбре-де-Диос за новыми рекрутами, предоставив средства в размере полутора тысяч кастельяно. Таким образом, число колонистов увеличилось до восьмидесяти человек. Укрепившись таким образом, он начал исследование своей провинции. На четырех каноэ он поднялся по Рио-Сюрре и, преодолев расстояние около десяти лиг, высадился в индейской деревне, которой дал название Сан-Франциско в честь святого, в день рождения которого было достигнуто это место. Здесь отряд был встречен несколькими касиками, которые принесли в подарок фрукты, но не золото. Губернатор принял их любезно, сообщив им через переводчика, что незнакомцы владеют секретом величайшей ценности; что они проделали большой путь, и некоторые из них только для того, чтобы раскрыть его. В обмен на это христиане должны получить золото.

ГУТЬЕРРЕС ПРОПОВЕДУЕТ ХРИСТА.

Затем вождей пригласили на пир, угощение состояло из домашней птицы и соленой свинины; но они не испытывали особого вкуса к такой пище и, едва попробовав ее, отдали своим слугам на съедение собакам. После трапезы последовало наставление, в котором, как рассказывает Бенцони, Гутьеррес обратился к своим гостям с такой речью: "Мои очень дорогие друзья и братья, я пришел сюда, чтобы освободить вас от цепей идолопоклонства, которыми вы до сих пор были связаны под влиянием ваших злых духов. Я пришел научить вас пути на небеса, откуда Иисус Христос, сын Божий, сошел на **Ошибка! Закладка не определена.** спасти вас. Я привел со мной святых людей, чтобы они научили вас этой вере, принять которую и беспрекословно повиноваться нашему суверену императору Карлу V. Король Испании и монарх всего мира, а также нам, его представителям, составляет весь ваш долг ". При этих словах вожди склонили головы, но ничего не ответили, не соглашаясь и не отвергая щедрое и бескорыстное предложение христиан, которые за немного желтого земного металла отдавали взамен невыразимые радости небес.

ГУТЬЕРРЕС ГРАБИТ И МУЧАЕТ.

Тем не менее дикари не спешили привозить свое золото, и губернатор, забыв о возвышенных чувствах, которыми он потчевал Контрераса перед его отъездом из Никарагуа, стал искать какие-нибудь средства, с помощью которых можно было бы привести в исполнение свои

предписания. Узнав, что два касика по имени Камачире и Кокори, [XI-10] которые ранее подарили ему сокровища стоимостью в семьсот дукатов, теперь расположились лагерем на противоположном берегу реки, он призвал их к себе, одновременно пообещав свое слово обеспечить их безопасность. Вожди неохотно пришли, и как только они оказались во власти испанцев, Гутьеррес приказал надеть им на шеи прочные железные ошейники и, приковав их цепями к балке в своем жилище, обвинил их в краже зарытых кувшинов с солью и медом и потребовал возмещения ущерба или, в качестве эквивалента, большого количества золота. Они ответили, что ничего не знают об этом деле и им нет необходимости красть предметы, которыми они располагают в изобилии. Камачир раздобыл золота на сумму в две тысячи дукатов, которое было с жадностью присвоено губернатором, но лишь разожгло его аппетит. Вместо благодарности, крещения и возвращения на свободу касика подтащили к горящему костру; рядом с ним поставили большую корзину и сказали, что **Ошибка! Закладка не определена.** если в течение четырех дней он не соберет золота, достаточного для того, чтобы наполнить ее шесть раз, он должен быть сожжен заживо. [XI-11] Дрожащий туземец пообещал подчиниться и послал своих рабов собрать сокровище. Видя, что индеец сговорчив, и веря, что он стремится добросовестно выполнить это требование, Гутьеррес разрешил каждый день водить его к ручью купаться, что было его повседневной привычкой. Однажды, возвращаясь из бани, солдат, на попечении которого был пленник, забыл должным образом обезопасить его, и на следующую ночь он совершил побег.

Кокори, который все еще оставался пленником, теперь должен был испытать на себе всю тяжесть гнева губернатора. После того как его часто донимали просьбами о золоте, которое он всегда заявлял, что не может достать, его ежедневно водили к месту, где были привязаны ищейки; просили хорошенько рассмотреть их огромные зубы и сверкающие глаза; и угрожали, что, если золото не будет получено в ближайшее время, он будет растерзан и съеден этими свирепыми животными. Наконец негодование вождя пересилило его страх. "Вы лжете, плохие христиане, - воскликнул он, - ибо часто повторяете одну и ту же угрозу, и все же я жив; к тому же я скорее умру, чем буду жить в рабстве у таких гадюк, которых я очень удивляюсь, как земля может выносить". Благородный туземец был затем зарезервирован для использования в качестве вьючного животного. Так Диего Гутьеррес выполнил свое обещание населить провинцию, а не грабить ее.

Вскоре за границей разнесся слух, что чужеземцев, принесших на берега Коста-Рики благую весть Евангелия, следует опасаться больше, чем злых духов, которых они пришли изгнать; и соседние касики, опасаясь нападения испанцев, опустошили свои собственные земли, уничтожили их **Ошибка! Закладка не определена.** посевы, сожгли свои жилища и удалились в горы, пока голод должен вынудить незваных гостей покинуть территорию. Губернатор вскоре оказался в тяжелом положении; более того, он обладал темпераментом, необычайно приспособленным для того, чтобы внушать недоверие, недовольство и меланхолию своим последователям. Они снова пригрозили бросить его и вернуться в Номбре-де-Диос или Никарагуа, оставив его в единоличном владении бескрайними лесами, единоличным правителем голых и враждебных туземцев. У него была только одна альтернатива — смело продвигаться в сердце провинции в надежде найти золото или хотя бы запас провизии. После некоторых уговоров мужчины согласились сопровождать его. Больных и нетрудоспособных отправили обратно на берег моря, где Алонсо де Пиза был размещен с двадцатью четырьмя солдатами, получив приказ идти через лес по тропе, обозначенной расставленными вдоль маршрута крестами. Разделив скудный запас зерна между своими солдатами, которых теперь

насчитывалось всего сорок человек, способных носить оружие, Гутьеррес вслепую бросился в пустыню.

УЖАСНЫЕ СТРАДАНИЯ.

Отправляясь в этот опасный рейд, Бенцони, который утверждает, что он полностью осознавал ситуацию, заметил своему товарищу: "Мы идем вразнос". На что другой, человек более сангвинического темперамента, ответил: "Ты один из тех, кто, как мы предполагаем, получит княжество вопреки твоему желанию". [XI-12] В течение шести дней не было видно ни одного человеческого жилья. Они путешествовали по густым лесам, взбираясь на склоны гор, цепляясь за корни деревьев, и спускаясь, скользя по их крутым склонам. Листья были их основной пищей, а несколько наполовину обглоданных костей, брошенных дикими зверями, служили им богатым угощением.

Настроение губернатора было не более счастливым **Ошибка! Закладка не определена.**, чем его ситуация. Прибыв на место, где тропа разделялась, Гутьеррес спросил у индейца, находившегося в поезде, каким маршрутом следовать, чтобы добраться до нескольких местных деревень, которые они искали. Он ответил, что не знает; после чего губернатор, сочтя само собой разумеющимся, что ответ был ложным, приказал негру-рабу отрубить ему голову. Затем тот же вопрос был задан Кокори, который теперь служил испанцам вьючным животным; [XI-13] и был дан тот же ответ. Жестокий правитель снова отдал приказ убивать. Когда палач приблизился к нему, храбрый касик мгновенно сложил свою ношу, склонил голову и спокойно ожидал ожидаемого удара. Пораженный благородной осанкой касика и его собственным позорным поведением, Гутьеррес отменил приказ, и жизнь вождя была спасена от дальнейших страданий. На месте, где произошли эти инциденты, трое солдат были вынуждены от изнеможения отдохнуть, пока рота продвигалась вперед. Вскоре после этого они были убиты индейцами. Теперь собак убили, а их туши разделили между мужчинами, поскольку губернатор отказался поделиться с ними более полезными яствами, которые он приберег для собственного употребления. [XI-14]

Но карьера Диего Гутьерреса была близка к завершению **Ошибка! Закладка не определена.** закрыта. Отряд находился теперь на южном склоне кордильер, на берегу большого ручья, впадающего в Южное море [XI-15], и время было июль 1545 года. Небольшая группа недовольных людей, бедно одетых и лишенных пищи, таким образом, забрела далеко в глубь дикой местности. Куда они направлялись и что за безумная надежда толкала их вперед? Гутьеррес, которого дважды бросали его солдаты, теперь был полон решимости, чтобы эти люди, которых он с таким трудом и затратами привез из Никарагуа и Номбре-де-Диоса, не ускользнули от него. Встревоженный их громким ропотом в местечке под названием Сан-Франциско, он поспешно уехал, лишив, как это делали до него многие другие испанские лидеры, всякой надежды когда-либо вернуться, кроме как преуспевающим человеком. Если бы он мог воровать у туземцев и таким образом добывать еду и золото, сохраняя таким образом мужество своих людей до прибытия Алонсо де Пизы, все было бы хорошо. Но до тех пор, пока они не достигли южного склона гор, местность повсюду была пустынной. Таким неровным был их путь и таким трудным был их переход, что теперь они были измотаны, и туземцы, которых раньше они так страстно желали встретить и сделать своей добычей, теперь собирались, чтобы напасть на них.

День или два спустя испанцы приближались к опушке леса. Было замечено, как индеец, спрятавшийся за деревьями, чтобы наблюдать за их передвижениями, со всех ног помчался поднимать тревогу. На следующее утро, на рассвете, на них напала орда туземцев, которые "двинулись вперед", как рассказывает Бенцони, "с ужасным воем, визгом и шумом, держа в руках букцину - раковины и барабаны — все выкрашенные в красный и черный цвета, украшенные перьями и золотыми побрякушками на шеях". "За какие-то полчаса, - продолжает хронист, - в течение которых мы убили и ранили великое множество индейцев, мы заставили их повернуться". [XI-16] Однако вскоре они вернулись, и **Ошибка! Закладка не определена.** возобновила конфликт. Испанцы, измученные тяжелым трудом и постом, были быстро побеждены, и все, кроме шестерых, были убиты. Гутьеррес пал [XI-17], смертельно раненный, и впоследствии его голова, руки и ноги были отделены от тела и пронесены в качестве трофеев по региону, который он намеревался подчинить.

ДЖИРОЛАМО БЕНЦОНИ.

Бенцони наткнулся на шлем погибшего товарища, без которого он никогда бы не написал историю Нового Света. "Ибо, - говорит он, - камни дикарей обрушивались на него с такой силой, что казалось, будто по нему ударил кузнец". После нескольких отчаянных побегов, о которых историк с любовью вспоминает, он был спасен вместе со своими пятью товарищами своевременным прибытием отряда Алонсо де Пизы, и, маршируя день и ночь, выжившие вернулись в Рио-Сан-Хуан, а оттуда отправились в Номбре-де-Диос. [XI-18] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XII.

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АЛЬВАРАДО. 1537-1541гг.

Сватовство Аделантадо - Его провал—Поручение Альварадо от короны—Он высаживается в Пуэрто—де—Кабальос—И оттуда направляется в Истапу—Его вооружение—Он отплывает в Мексику—Его поражение при Чистлане—Его Раскаяние, смерть и последняя воля—Характер Завоевателя—Сравнение черт с чертами Кортеса —В то время как выше Писарро Он был намного ниже Сандовала—Его восторг от кровопролития ради него самого-Место упокоения и эпитафия—Потомство Альварадо .

О событиях в Гватемале в течение трех лет, последовавших за прибытием Мальдонадо, хронисты несколько умалчивают. В письме императору, датированном 10 декабря 1537 года, вице-король Мендоса заявляет, что он получил от оидора отчет, в котором провинция представлена как мирная и процветающая, и что до него дошли другие отчеты, свидетельствующие о том, что страна хорошо управляется. Если бы это было так, характер Мальдонадо вскоре изменился к худшему, ибо позже мы найдем в нем многое, что его дискредитирует.

ОНИ НЕ ПОЖЕНЯТСЯ.

В начале 1538 года в городе Сантьяго был получен королевский указ, предписывающий всем владельцам энкомьенд вступать в брак в течение трех лет с даты их уведомления или отказываться от своих индейцев в пользу женатых лиц. [XII-1] Этот приказ был встречен общим неодобрением, **Ошибка! Закладка не определена.** и кабиљдо обратился к королю с просьбой

пересмотреть этот вопрос. Подходящих женщин, по их словам, можно было найти только в городе Мехико, настолько удаленном от провинции Гватемала, что расходы на путешествие были не по средствам большинству колонистов. Многие отказывались вступать в брак, потому что они не хотели связывать себя с людьми, стоящими ниже их в социальном отношении, [XII-2] в то время как небольшое количество индейцев, закрепленных за некоторыми, помешало бы им содержать семью.

По возвращении из Испании в следующем году Альварадо сообщает кабильдо, что в сопровождении его жены прибыли двадцать девушек, хорошо воспитанных, дочерей джентльменов хорошего происхождения, и он выражает уверенность, что ни один из этих товаров не останется у него на руках. Но это предприятие не увенчалось тем успехом, на который рассчитывал аделантадо. На одном из приемов, данных в честь его прибытия, на котором, как рассказывает Вега, [XII-3] присутствовали многие конкистадоры, эти девицы, которые, спрятавшись за ширмой в соседней квартире, были свидетелями праздника, прокомментировали появление своих будущих мужей в самых пренебрежительных выражениях. "Они говорят, - заметила одна из своих спутниц, - что они будут нашими мужьями". "Что? выйти замуж за этих стариков?" был ответ. "Пусть те женятся на тех, кто выбирает; я не буду; дьявол их заberi! По тому, как они изрезаны, можно было бы подумать, что они только что сбежали из адских краев; ибо некоторые хромые, у некоторых только одна рука, другие без ушей, у третьих только один глаз, у третьих нет половины лица, а у лучших из них один или два пореза поперек лба". "Мы должны жениться на них не из-за их привлекательной внешности, - сказал третий, - а с целью унаследовать их индейцев; ибо они настолько стары и изношены, что скоро умрут, и тогда мы сможем выбрать вместо этих стариков молодых людей по нашему вкусу", **Ошибка! Залкада не определена.** таким же образом, как старый сломанный чайник обменивают на новый и исправный".

Случилось так, что один из "старичков" подслушал, о чем шла речь, и рассказал своим товарищам. "Женись на них во что бы то ни стало", - таков был его совет, а потом он пошел и взял к себе дочь касика.

Во время своего пребывания в Испании Альварадо получил в соответствии с поручением короны от 17 апреля 1538 года двадцать пятую часть всех островов и земель, которые он мог открыть, с титулом графа, сеньорией и юрисдикцией над ними; он был назначен пожизненным губернатором и генерал-капитаном всех таких территорий и получил право возвести на них три форта; более того, он был бессрочно назначен мэром альгуасилия и освобожден от всякого вмешательства судей или других должностных лиц во все, что касается оснащения его флотов. Экспедиция должна была быть предпринята за его собственный счет, и он должен был взять курс на запад, к Китаю и островам Пряностей. [XII-4] Из письма вице-короля Мексики мы также узнаем, что ему было разрешено расширить свои исследования на север, [XII-5] и что император приказал всем высшим должностным лицам Нового Света помочь в аресте и наказании любого из подчиненных Альварадо, которые после совершения открытий взбунтуются, не выполнят порученные им миссии или не подчинятся ему под любым предлогом. Корона не могла проявить милосердия к таким преступникам. Эти привилегии были предоставлены в знак признания его заслуг в завоеваниях Мексики и Гватемалы. [XII-6]

В начале 1539 года аделантадо отплыл из Испании в сопровождении своей жены Доньи Беатрис де ла Куэва, [XII-7] **Ошибка! Залкада не определена.** и 4 апреля высадился в штате Пуэрто-де-

Кабальос с тремя большими судами, хорошо нагруженными провизией, военными припасами и всем необходимым для оснащения второго флота на берегах Южного моря. Его сопровождала большая свита кавалеров. В его войске было триста аркебузирова, все хорошо вооруженных и амуницированных. [XII-8]

ОБШИРНЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ.

Собрав большое количество туземцев, он сразу же приступил к перевозке своего тяжеловесного груза к побережью Гватемалы. Якоря, каждый весом в триста-четыре фунта, артиллерия и боеприпасы, железо, тросы-цепи, тяжелые корабельные снасти и ящики с товарами, которые индейцы тащили впряженными друг в друга, как тягловые животные, или несли на голых плечах, чтобы перенести на расстояние в сто тридцать лиг по гористой и труднопроходимой местности. Сорок три дня ушло на то, чтобы добраться до Грасиас-а-Диос. [XII-9] Многие несчастные пали без чувств, только для того, чтобы получить проклятия командира, когда он приказал взвалить их ношу на спины других, которые постоянно прибывали свежими ретрансляторами **Ошибка! Залка не определена.** из Гватемалы. Таким образом, он направился к порту Истапа, где уже были построены каркасы нескольких кораблей. [XII-10] По прибытии Альварадо не жалел средств на завершение своего вооружения, не только используя все имеющиеся у него средства, но и в значительной степени занимая и приобретая суда в кредит. [XII-11]

Примерно в августе 1539 года монах Маркос де Низа, который в течение некоторого времени путешествовал по неизведанным регионам далеко на севере Мексики, вернулся с удивительной историей о семи городах Сиболы и их чудесных богатствах. [XII-12] Новость распространилась, и волнение стало велико. Полдюжины соперников претендовали на исключительное право на разведку этой страны, и среди них Альварадо, [XII-13] который соответственно ускорил подготовку к своему предприятию.

До середины 1540 года его командование было усилено многочисленными новобранцами, и флот по меньшей мере из двенадцати [XII-14] судов был построен и оснащен **Ошибка! Залка не определена.** всем, что могло предложить предвидение. Оставив дону Франсиско де ла Куэва своим вице-губернатором, "аделантадо" отплыл из Истапы, [XII-15] и, высадившись в Навидаде в Халиско, направился в Мексику, где он заключил соглашения с Мендосой относительно экспедиции и их личных интересов в ней. [XII-16] Соглашение не было заключено без значительных споров относительно условий, и Альварадо, вероятно, считал, что вице-король несколько перегнул палку.

СМЕРТЬ АЛЬВАРАДО.

Пробыв пять или шесть месяцев в Мексике, он теперь был готов отправиться в свою экспедицию, [XII-17] когда в Халиско вспыхнуло восстание, исполняющий обязанности губернатора Оньяте попросил его о помощи в его подавлении. Вопреки совету, он вошел в восставшую провинцию со своими войсками, не дожидаясь, пока к нему присоединятся другие силы, и атаковал пеньоль **Ошибка! Залка не определена.** в Ночистлане потерпел поражение, которое уже было описано. [XII-18] Прикрывая отступление во главе арьергарда, его секретарь Монтойя в паническом бегстве так погнался своего измученного скакуна вверх по крутому склону, что животное потеряло опору и, перевернувшись, ударило об Альварадо, который с трудом поднимался пешком, ведя за собой лошадь, и раздавило ему грудь. Его

последователи, поспешившие к нему на помощь, нашли его без сознания и, как только он несколько пришел в себя, отнесли на носилках в Гвадалахару. Он сильно страдал, но его главной заботой было найти священника, к которому он мог бы обратиться за облегчением своей измученной души. Когда он отправлялся в это свое последнее путешествие, его грехи давили на него еще тяжелее, чем телесные пытки, и он с облегчением встретил прибытие монаха, которого вызвали из соседнего города. Ему под соснами на обочине дороги завоеватель Гватемалы исповедался и, задержавшись еще на несколько дней, получил такое утешение, какое только могли дать религиозные обряды. [XII-19] 4 июля 1541 года он испустил дух, составив завещание, в котором назначил Хуана де Альварадо из города Мехико и епископа Сантьяго Маррокина своими душеприказчиками. Его усталость не позволяла вдаваться в подробности, но он дал указания, чтобы завещание было отправлено прелату, с которым он общался относительно выполнения определенных дел во благо его души. Он приказал поместить свое тело в Гвадалахарскую церковь, оттуда перевезти в монастырь в Тирипитио и, наконец, похоронить в монастыре Санто-Доминго в Мехико. [XII-20] Чтобы покрыть расходы на его похороны, достаточно было его имущества в Гвадалахаре **Ошибка! Закладка не определена.** или Мексика должны были быть проданы с аукциона; и он оставил строгие предписания о том, что все его долги должны быть выплачены по усмотрению епископа Маррокина. [XII-21] Все его оставшееся имущество было завещано его жене, и, вызвав к себе капитанов и офицеров своих судов, он приказал им вернуться в Гватемалу и передать их в ее распоряжение; но это предписание так и не было выполнено. После смерти аделантадо его люди разбрелись в разные стороны, некоторые остались в Мексике, другие вернулись в Гватемалу или направились в Перу, в то время как флот, который был построен с такими большими затратами и ценой сотен жизней, был присвоен Мендосой. Его имущество было настолько обременено, что вице-король не предполагал, что кто-либо примет в дар наследство с его обязательствами, [XII-22] и в другом письме заявил, что никто не хотел этого делать. [XII-23]

Должным образом уполномоченный Хуаном де Альварадо, его соисполнителем, урегулировать вопрос с имуществом Альварадо, епископ Маррокин составил завещание, датированное 30 июня 1542 года, в соответствии с тем, что, как он представляет, было пожеланиями Альварадо. Он довольно объемный и, за исключением преамбулы, приведен Ремесалом полностью. Многие сделано для упокоения души Альварадо, и **Ошибка! Закладка не определена.** мы признаем, что это было необходимо и ожидаемо при данных обстоятельствах. Далее документ в основном касается освобождения индийских рабов, основания капелланств и алтарей, выплаты его многочисленных долгов и завещания незначительных сумм его незаконнорожденным сыновьям. [XII-24]

ХАРАКТЕР АЛЬВАРАДО.

В склепе под главным алтарем кафедрального собора Гватемалы были наконец преданы земле останки Педро де Альварадо. По сравнению с другими завоевателями своего времени он уступал как полководец только Кортесу, хотя по характеру и системе действий был его противоположностью. Кортес обладал определенным величием и благородством души: Альварадо был лживым, вероломным и бесчестным; за его откровенным поведением скрывался обман, а оказанные ему милости были вознаграждены **Ошибка! Закладка не определена.** неблагодарностью. В груди Кортеса билось любящее сердце, каким бы суровым оно ни было, и ему редко удавалось завоевать истинное уважение своих последователей. Завоеватель Гватемалы был лишен привязанности даже к женщинам, и его выбор жены или любовницы был

продиктован честолюбием или похотью. Править с помощью страха было его наслаждением. Кортес был осторожен и дальновиден; Альварадо порывист, никогда не предвидевший ничего, кроме благоприятных результатов. По разносторонности, а также по умственным и моральным качествам Кортес намного превосходил аделантадо — например, во время мятежа в Патианамите. Кортес пресек бы это, если бы подобное когда-либо произошло под его командованием. Карьера Альварадо вряд ли позволяет справедливо оценить его качества как командира, поскольку он никогда не встречался со своими соотечественниками на поле боя. Тем не менее, хотя его победы были в основном обусловлены превосходством в вооружении и дисциплине, он несколько раз демонстрировал подлинное военное мастерство, а его проникательность, хладнокровие и присутствие духа, которых не нарушала никакая крайняя опасность, всегда позволяли ему действовать быстро и правильно на самых критических позициях. То, что он ни разу не отступал с оружием в руках с того момента, как покинул Мексику в 1523 году, и до катастрофы, ставшей причиной его смерти, свидетельствует о недюжинном полководческом мастерстве. Как губернатор он был тираном, [XII-25] и его способность управлять уступала его способностям на поле боя. [XII-26]

Если судить даже по меркам его эпохи, о нем следует сказать, что, хотя он всегда провозглашал бескорыстие и верность короне, [XII-27] никто из его современников не был вдохновлен более неугомонными амбициями, и лишь немногие руководствовались более глубоко эгоистичными мотивами. Успех, по-видимому, сделал его черствым к любому чувству стыда, и в последнем усилии своей жизни он был движим мальчишеским эгоизмом и глупой гордыней, будучи **Ошибка! Закладка не определена.** подстегнутый ревнивым неприятием человека, благодаря которому он возвысился до своего высокого положения. [XII-28] Прочтение депеш, написанных в последние годы его жизни, без каких-либо других доказательств привело бы к выводу, что он стал жертвой общей атаки, направленной против него его соотечественниками, которые отрицали его заслуги перед императором, искажали его мотивы и порицали его поведение. Но его более ранние письма, адресованные Кортесу в дни их дружбы, более точно раскрывают истинный характер этого человека. Там мы видим изображение его дерзости, присутствия духа в опасности, его способностей лидера, его дьявольского восторга от кровопролития, смешанного с суеверием, странным образом распространенным тогда среди его соотечественников, что, таким образом, полностью служа дьяволу, он прославлял Бога и завоевывал для себя небесные милости. [XII-29]

ПОТОМСТВО АДЕЛАНТАДО.

Альварадо не оставил законного потомства, поскольку, хотя у него **Ошибка! Закладка не определена.** было двое детей от его второй жены, они оба умерли в раннем детстве. [XII-30] Однако его пережили многочисленные незаконнорожденные дети, среди которых можно упомянуть донью Леонор, Педро и Диего де Альварадо, его отпрысков от дочери Ксикотенкатля, правителя Тласкалы. [XII-31] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XIII.

ЗАВОЕВАНИЕ ЧЬЯПАСА.

1520-1529.

Происхождение чьяпанеков—Они подчиняются испанцам после завоевания Мексики—Но бушуют с оружием в руках, когда требуется заплатить дань—Капитан Луис Марин предпринимает завоевание провинции—Его сражения с туземцами—Охваченный паникой артиллерист-Захват крепости Чьяпас—Чамулань восстают—Их крепость осаждена—Отпор испанцам—Берналь Диас в опасности—Бегство и капитуляция чамулан—Марин возвращается в Эспириту—Санто—Второе восстание Чьяпанеки — Их порабощение Диего де Мазариегосом—Третье восстание—Их самоуничтожение-Педро Пуэртокарреро на поле боя—Его поражение—Основание Виллы Реаль—Хуан Энрикес де Гусман занимает резиденцию Мазариегоса —Его плохое управление.

На протяжении многих веков до начала христианской эры и, вероятно, на двести или триста лет позже место, где сейчас находятся руины Паленке в Чьяпасе [\[XIII-1\]](#) было центром одной из самых могущественных монархий западного мира, великой империи майя Чейнес. Вотану, культурному герою, который, согласно традиции майя, утверждая, что он происходит от Чана, змея, первым привнес цивилизацию в Америку, а после его исчезновения ему поклонялись как богу, приписывается основание этой древней династии около трех тысяч лет назад. [\[XIII-2\]](#)

Ошибка! Закладка не определена.

В старейших записях, полученных из архивов истории Мексики, говорится, что цендалы, племя, обитавшее в окрестностях Паленке, делило с зоками северную часть Чьяпаса, в то время как южная и центральная части были заняты зотзилами и квеленами, а также чьяпанеками, которые, хотя поначалу и ограничивались узкой полосой территории, в конце концов захватили весь регион. [\[XIII-3\]](#) Пришли ли чьяпанеки изначально из Никарагуа, или были отделением от великого племени тольтеков, которое устремилось на юг, в Гватемалу, или произошли от мифического племени чань, - это вопрос, который до сих пор окутан некоторой тайной. Однако мы знаем, что после своего прибытия они построили крепость, которая оказалась неприступной до прихода испанцев с их превосходящими навыками и оружием, и что здесь на протяжении веков до завоевания они сохраняли свою независимость и расширяли свои владения. [\[XIII-4\]](#)

Вполне вероятно, что еще в 1520 году испанцы проникли в этот регион под покровительством Монтесумы, в то время как между этим монархом и Кортесом все еще поддерживались дружеские отношения. После падения мексиканской столицы смятение достижениями великого завоевателя было настолько широко распространено, что многие независимые племена присягнули ему на верность, и среди них чьяпанеки. [\[XIII-5\]](#) Эти разные территории вскоре были разделены в репартимьентос, и Чьяпас вместе с другими районами был передан испанским поселенцам в Эспириту-Санто. Однако как только была предпринята попытка сделать эти репартименто прибыльными путем взимания дани, туземцы взялись за оружие. Многие поселенцы были убиты, некоторые принесены в жертву, и все усилия колонистов по усмирению восставших районов оказались тщетными. [\[XIII-6\]](#) **Ошибка! Закладка не определена.**

ЭКСПЕДИЦИЯ МАРИН.

В 1523 году поселением в Эспириту-Санто командовал капитан Луис Марин, офицер, сражавшийся под командованием Кортеса, которого Берналь Диас описывает как мужчину около тридцати лет, кривоногого, но крепкого и хорошего роста, с рыжевато-рыжей бородой и чертами лица, изъеденного оспой, превосходного в верховой езде и разговорчивости, с мягким нравом и без следа дурного характера. Сочтя неблагоприятным выступить против чьяпанеков с небольшим отрядом, находившимся под его командованием, Марин отправился в Мексику просить помощи у Кортеса, и ему сразу же выделили вспомогательный отряд из тридцати человек и приказали проследовать в Чьяпас со всеми войсками, которые он мог собрать, и основать там испанский город.

Вернувшись в Эспириту-Санту, Марин, не теряя времени, выполнил его приказ. После некоторой задержки, вызванной открытием дороги через окружающие их леса и болота, он прибыл на берег реки Мазапан [XIII-7] и медленно двинулся вверх по течению к крепости чьяпанеков, известной тогда испанцам под названием Чьяпас. Прежде чем приблизиться к этой крепости, командующий провел сбор своих сил. По словам Берналя Диаса, сопровождавшего экспедицию, они состояли из 15 арбалетчиков, 8 аркебузирова, 60 пехотинцев, вооруженных мечами и щитами, 27 всадников, около 80 мексиканцев, а также касиков и других главных людей Качулы со своими последователями. У Марина также было полевое орудие под командованием человека, которого он считал компетентным артиллеристом. [XIII-8] **Ошибка! Закладка не определена.** Эскрибано Диего де Годой был его заместителем.

НАПАДЕНИЕ.

Теперь испанцы продолжали свой марш с большой осторожностью. Когда они приблизились к населенному району, четверо солдат, одним из которых был Берналь Диас, были отправлены на разведку примерно на пол-лиги впереди основных сил, но вскоре были обнаружены местными охотниками, которые немедленно подняли тревогу по дымовым сигналам. Вскоре после этого армия достигла возделанных земель с широкими и хорошо проложенными дорогами. Находясь в четырех лигах от Чьяпаса, они вошли в город Истапа, откуда бежали местные жители, оставив обильный запас провизии. Во время отдыха здесь видеты сообщили о приближении большого отряда воинов, [XIII-9] но захватчики, будучи настороже, заняли позиции до того, как подошел враг. Последовавшая битва была нерешительной. Чьяпанеки, развернувшись с большим мастерством, почти окружили небольшой испанский отряд и при первом же броске убили двух солдат и четырех лошадей, а также ранили Луиса Марина и шестнадцать других испанцев, не считая многих союзников. Сражение продолжалось с большой яростью до наступления ночи, когда туземцы отступили, оставив на поле боя множество своих людей с такими тяжелыми ранениями, что они не могли последовать за своими товарищами. [XIII-10] Двое из пленников, которые, по-видимому, были вождями, сообщили, что конфедеративная **Ошибка! Закладка не определена.** банды всех окрестных районов были готовы возобновить атаку на следующий день.

Всю ночь неслась неусыпная вахта. Солдаты спали под ружьями, а лошади, оседланные и взнузданные, были привязаны в пределах досягаемости их всадников. Не было ни одного испанца, который не ожидал бы ночной атаки и не страшился бы ее. Многие из них были тяжело ранены; их предводитель терял сознание от потери крови; и непоколебимая стойкость чьяпанеков притупила их уверенность в себе; но никакой призыв к оружию не пробудил их от

беспокойного сна, и на рассвете они устало застегнули доспехи и приготовились возобновить бой.

Во время вчерашнего сражения всадники, пренебрегая инструкциями Марина и советами его ветеранов, серьезно пострадали от того, что слишком рано пустили в ход свои копья, оружие было вырвано у них из рук и обращено против них самих. Теперь им был отдан приказ атаковать отрядами по пять человек, держать свои копья наготове вне пределов досягаемости и не использовать их до тех пор, пока враг не будет полностью повержен и их строй не будет сломлен. Боевое орудие было заряжено, и, завершив приготовления, испанцы двинулись к Чьяпасу. [XIII-11]

Задолго до того, как захватчики появились в поле зрения крепости, появился враг, выстроившийся в плотном порядке и идущий в атаку с оглушительными боевыми криками. Они были вооружены дротиками, которые метали из приспособлений, изготовленных специально для этой цели; луками со стрелами и оружием, похожим на зубчатые мечи; также пращами и пиками длиннее, чем у испанцев; и носили в качестве защиты фартуки из крученого хлопка, доходящие с головы до ног, которые при отступлении они могли свернуть и нести под мышкой. [XIII-12] Марин быстро построил своих людей, **Ошибка! Закладка не определена.** и приказал артиллеристу открыть огонь. Но артиллерист, который во время долгого марша развлекал своих товарищей рассказами о своих храбрых подвигах в Италии, побледнел перед предстоящим натиском. Его ноги дрожали, и, схватившись за ружье, чтобы не упасть, он не мог ни тренироваться, ни стрелять из него. Наконец громкие проклятия и гневные крики его товарищей, перекрывавшие шум противника, вывели его из состояния беспомощности, и дрожащей рукой он разрядил пушку. Но его неуклюжая работа была хуже, чем бездействие, поскольку единственным результатом стало ранение троих его товарищей. [XIII-13]

После этого несчастного случая Мартин немедленно приказал своей кавалерии атаковать, в то время как пехота быстро построилась в колонну. После долгого и упорного сражения чьяпанеки были наконец разбиты, но из-за особенностей местности преследование было невозможно. Продвигаясь к городу, испанцы неожиданно обнаружили, поднявшись на несколько холмов на своем марше, ожидающее их еще большее войско противника. Индейцы запаслись длинными веревками и сетями для ловли оленей, чтобы заманить в ловушку лошадей. В последовавшем сражении захватчики понесли необычные потери. Несколько всадников потеряли свои копья; пять лошадей и два всадника были убиты; и столь непрерывными и хорошо направленными были обстрелы дротиками, стрелами и камнями, что вскоре почти все из команды Марина были ранены. В этот момент в центре рядов чьяпанеков появился отвратительный предмет. Индианка, обнаженная, морщинистая и тучная, ее тело было сплошь разрисовано жуткими узорами, которые были еще эффектнее благодаря пучкам хлопка, прибыла на поле битвы. Никакая Эмпуза не могла бы быть более страшной. Это существо — так гласила **Ошибка! Закладка не определена.** отчет — считалось чьяпанеками своим божеством, и она предсказала, что ее присутствие обеспечит им победу. [XIII-14] Но туземные вспомогательные силы осознали важность ее прибытия и, собранные своими лидерами в компактную группу, бесстрашно ринулись к ней, "и разрубили на куски проклятую богиню", как утверждает Берналь Диас.

ПОРАЖЕНИЕ ЛУКАВОГО.

Хотя туземцы и сбиты с толку, они не сдаются, полагаясь на свою численность и свое мужество; и потесненные испанцы, поддерживаемые молитвами и благословением своего священника,

[XIII-15] сражаются с новой силой. Кавалерия снова и снова проносится сквозь врагов, сокрушая их и топча ногами, пока их ряды не будут сломлены и рассеяны. В конце концов чьяпанеки ищут спасения, одни на соседних скалах, другие вплавь по глубокому и быстрому Мазапану.

Искренне возблагодарив Бога за победу и пропев "salve regina", испанцы продвигаются к маленькой деревушке недалеко от самого города и разбивают свой лагерь на ночь, принимая большие меры предосторожности, чтобы предотвратить неожиданность. Теперь помощь приходит с неожиданной стороны. Около полуночи десять индейцев переправляются через реку на каноэ и позволяют спокойно захватить себя в плен. Представ перед Марином, они заявляют, что являются уроженцами Ксалтепека и были завоеваны и порабощены чьяпанеками двенадцать лет назад. Они предлагают помощь испанцам, снабдив их каноэ для переправы через реку и указав брод, и, более того, сообщают Марину, что многие силы чьяпанеков, оказавшиеся теснимыми в строю, стремятся сбросить ярмо и что в следующем сражении они перейдут на его сторону.

Марин сразу же принимает предложение, и договорились, что двадцать каноэ будут доставлены рано утром. Остаток ночи проходит без **Ошибка! Закладка не определена.** дальнейших перерывов, хотя слышно, как враг собирается на другом берегу реки с грохотом барабанов и раковин. На рассвете прибывают каноэ, и армия направляется к броду. Переправа осуществляется с большим трудом, вода доходит до груди, а течение быстрое. Когда они приближаются к противоположному берегу, враг обрушивает на них такой град снарядов, что опять же вряд ли кто-нибудь уйдет невредимым. [XIII-16] В течение некоторого времени они не могут осуществить высадку, и положение Марин становится критическим, когда, к счастью, их новые союзники совершают отвлекающий маневр, атакуя на чьяпанеков с тыла. Таким образом, кавалерия может закрепиться на берегу, и вскоре за ней следует пехота; туземцы обращены в бегство во всех направлениях. Это их последняя битва. Требование сдаться немедленно исполняется, и испанцы входят в город без дальнейшего сопротивления. [XIII-17]

Теперь всем соседним городам было приказано присягнуть на верность, и подчинение доселе непобедимых чьяпанеков оказало такое воздействие на различные племена, что о сопротивлении даже не думали: Чинакантилан, Гопанаустла, Пинула, Уэуэйзтлан, [XIII-18] Чамула и другие города заявили о своей покорности. Завоевание страны теперь считалось завершенным, и Марин уже распределил определенные репартименты, когда гармония была нарушена поведением одного из солдат.

Находясь в Чинакантилане, куда двинулась армия, Франсиско де Медина без разрешения покинул лагерь и, взяв с собой восемь мексиканцев, отправился в **Ошибка! Закладка не определена.** Чамула, где он потребовал у местных золото от имени Марин. Ему дали несколько безделушек, но, не удовлетворившись ими, он схватил касика в надежде вымогать выкуп. Чамула, однако, выросли до мужчины, и Медина был рад вернуться в Чинакантилан, где его арестовали. [XIII-19]

Никакие попытки или объяснения со стороны Марин не помогли успокоить возмущенных жителей Чамулы, которые, более того, побудили жителей Уэуэйзтлана присоединиться к ним в восстании. Его мирные послания были встречены с вызовом. 29 марта Годой был отправлен в район недовольных с небольшим отрядом, но обнаружил, что отношение местных жителей настолько угрожающее, что счел за лучшее избежать боевых действий и вернулся с докладом.

Марин в это время стоял лагерем в красивой долине, окруженной сосновыми рощами, недалеко от Чинакантлана. [XIII-20] Теперь он счел необходимым подчинить Чамулу силой оружия и потребовал от чьяпанеков контингент из двухсот воинов, который был немедленно предоставлен. Были также отправлены сообщения дружественному касику Чинакантлана [XIII-21] с просьбой предоставить такое же количество.

КРЕПОСТЬ ЧАМУЛАН.

30 марта, около десяти часов по **Ошибка! Закладка не определена.** утром войска прибыли к подножию возвышенности, на которой располагалась Чамула [XIII-22]. Подъем в единственной точке, где была возможна атака, был невыполним для всадников. Поэтому Марин приказал кавалерии занять позицию на ровной местности внизу и защищать свой тыл во время штурма. [XIII-23] Затем пехота и союзники взобрались на высоту и вскоре оказались перед укреплениями, которые, как они обнаружили, имели грозный характер. Частокол из прочных поперечных бревен, глубоко врытых в землю и крепко связанных вместе, был первым препятствием для их входа, а за ним находился бастион из камня и глины высотой почти двенадцать футов и толщиной четыре фута, в который были вставлены прочные балки. Это снова было перекрыто по всей длине стеной из тяжелых досок высотой в шесть футов, с обеих сторон поддерживаемых прочными перекладинами, прочно соединенными вместе, в то время как через определенные промежутки времени были установлены башенки с петлевыми отверстиями, контролирующими подход. В самой прочной части этого бастиона находился единственный вход, к которому вел узкий лестничный пролет, ведущий наверх.

ТЯЖЕЛЫЙ БОЙ.

Хотя испанцы и были поражены мощью этих валов, они без колебаний атаковали их; но в течение всего дня все, чего они смогли добиться, - это разрушения внешнего частокола. Предпринимались неоднократные попытки взобраться по ступеням, но при каждой попытке нападавшие были отброшены назад длинными тяжелыми копьями защитников. Против них были направлены непрерывные залпы ракет; их ряды серьезно пострадали; и вскоре стало очевидно, что необходимо принять какой-то другой план атаки. [XIII-24] В **Ошибка! Закладка не определена.** единственным практически осуществимым решением, которое напрашивалось само собой, было взломать стену кирками и засовами под прикрытием деревянных навесов. Поэтому туземцев отправили за снаряжением в долину, куда был отправлен обоз и раненые под охраной десяти кавалеристов; и теперь осаждающие построили несколько прочных укреплений, каждое из которых могло вместить двадцать человек. [XIII-25] Они были отеснены к стене, и под их прикрытием испанцы начали прорываться сквозь нее. Индейцы вылили на них горящую смолу, кипящую воду, головни и горячие угли, [XIII-26] и, наконец, раздавили их тяжелыми камнями, из-за чего их пришлось изъять для ремонта. Затем в насмешку и презрение они бросили золотые украшения [XIII-27] в отступающих испанцев и язвительными словами высмеяли их. "Вам нужно золото? У нас его в избытке; почему бы вам не войти и не взять его?"

Но их успех был недолгим. Вскоре сараи укрепили, и снова кирка и засов были приставлены к стене, теперь уже почти пробитой. Примерно в час вечерни [XIII-28] были проделаны две бреши, и нападавшие, ворвавшись внутрь, вступили в рукопашную схватку с чамулянами, которые вели себя с такой непреклонной твердостью, что арбалетчики приставили свое оружие вплотную к груди врага и разрядили его, не целясь. Поединок был прерван яростным штормом из-за дождя, и небо стало таким мрачным, что сражающиеся едва могли различать друг друга. Марин

отвел своих людей в укрытие и, когда через час буря утихла, снова двинулся на крепость. Когда они приближались к баррикаде, на них не было нацелено ни одного снаряда, но им противостояла сомкнутая линия копий, и не было отдано приказа штурмовать позицию. Наконец Берналь Диас с единственным товарищем подкрались к одному из отверстий и, заглянув внутрь, обнаружили, что это место незащищено. Затем, поднявшись на крепостной вал, он увидел, что индейцы полностью отступили по крутой тропе, ведущей в долину вниз. Чамуланы бежали, но не все. Вскоре двое испанцев были атакованы отрядом из двухсот воинов, все еще остававшихся в ограде, и, если бы не своевременное прибытие союзников из Чинаконтана, Берналь Диас так и не дождался до написания "Подлинной истории завоевания Мексики". [XIII-29] Отступающее войско было немедленно преследуемо, и было взято в плен несколько человек, в основном женщины и дети. На долю испанцев не выпало ни золота, ни других ценностей, но они нашли в городе то, что принесло им больше пользы, — склад провизии, поскольку, как рассказывает Годой, мужчины не пробовали пищи в течение двух дней. [XIII-30]

На следующий день, 1 апреля, Марин вернулся в свой лагерь, откуда отправил шестерых своих пленников к чамуланам, призывая их к верности, приказывая им вернуться в свою крепость и обещая, что все пленники будут освобождены, если они подчинятся. Эти уговоры возымели свое действие, и вскоре опустевший город снова был заселен. [XIII-31] **Ошибка! Закладка не определена.**

Испанцы двинулись теперь на Уэуэйзтлан, жители которого, обескураженные падением Чамулы, оказали лишь слабое сопротивление, а затем обратились в бегство. Затем несколькими городам в сьерре было предложено сдаться, но ответа не последовало, и Марин, не решившись выступить против них со своим небольшим отрядом, вернулся в свой лагерь близ Чинаконтлана. Здесь состоялась теплая дискуссия о выполнении инструкций Кортеса по основанию города. Мнения разделились, но окончательное решение, поддержанное Марином, заключалось в том, что делать это было бы опасно из-за малочисленности войск и отсутствия предметов первой необходимости. [XIII-32]

Теперь Марин повернулся лицом к дому. Двигаясь вдоль берега Мазапана, он прошел через ряд городов, во всех из которых встретил дружеский прием и был встречен предложениями подчиниться. Пересекая часть Табаско, он столкнулся с бандами непокорных туземцев, но в начале апреля 1524 года благополучно добрался до Эспириту-Санто.

ВОССТАНИЕ ЧЬЯПАНЕКОВ.

Между этой датой и концом 1526 года мало что известно о событиях, произошедших в Чьяпасе, и в заявлениях ведущих хронистов существует большая путаница. В промежутке времени мало **Ошибка! Закладка не определена.** есть основания сомневаться в том, что местные жители снова подняли восстание, но у нас нет никаких подробностей относительно этой вспышки, за исключением того, что Диего де Мазариегос был послан против них из Мексики с хорошо укомплектованными войсками и быстро привел их к покорности. [XIII-33]

РЫЦАРСКОЕ САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ.

На какое-то время чьяпанеки покорились своей судьбе, но взыскания и жестокость Хуана Энрикеса де Гусмана, которого Маркос де Агилар назначил капитаном провинции, [XIII-34] довели их до отчаяния, и во второй половине 1526 года они снова подняли восстание. И снова

Мазариегос выступил против них из Мексики во главе мощного корпуса, [XIII-35] снабженного пятью артиллерийскими орудиями. Отступив в крепость Чьяпас, индейцы несколько дней хорошо оборонялись; но наконец испанцы разрушили их укрепления и перешли к штурму. И все же чьяпанеки не дрогнули и сражались до тех пор, пока больше не смогли владеть своим оружием. [XIII-36] Затем последовала трагедия, столь же странная и ужасающая, как **Ошибка! Залкада не определена**. любая из зафиксированных на странице истории. Самоуничтожение таочи действительно было сродни этому; но этот поступок чиапанеков заставил побледнеть щеки даже этих испанцев, чьим занятием была резня и чьи притязания были чем-то более рыцарским, чем укладывалось в представления любого другого народа; здесь было совершено нечто такое, что с точки зрения рыцарства, высокого самопожертвования, решительного избавления от унижения имеет мало параллелей. И что самое важное в этом, если бы они знали все, это было лучшее, что они могли бы сделать для себя, сбежать из христианского рабства любой ценой. Вот что они сделали:

Презрев возможность сдаться в рабство, все население города бросилось к краю утеса, нависавшего над Мазапаном, и оттуда мужья и жены, родители и дети, тесно обнявшись, тысячами бросались очертя голову на камни внизу или в быстротекущую реку. Испанцы попытались вмешаться, но из всего множества удалось спасти только две тысячи человек. [XIII-37] Они были перенесены на равнину в лиге вниз по реке, и из этого поселения возник город Чьяпас-де-лос-Индиос, который со временем стал густонаселенным городом. [XIII-38]

Пока Мазариегос был таким образом занят в крепости чьяпанеков, он узнал, что на поле появился соперник. Педро Пуэртокарреро вторгся в провинцию с гватемальской границы, [XIII-39] **Ошибка! Залкада не определена**. и Мазариегос, считая его нарушителем, теперь выступили против него. Он обнаружил незваного гостя в Комитлане, и его похотие на ягнат последователи, вероятно, для разнообразия ввязались бы в конфликт со своими соотечественниками, если бы Пуэртокарреро были достаточно сильны, чтобы противостоять им. Но его сил было слишком мало, чтобы надеяться на то, что все закончится для него приятно. Кроме того, Мазариегос был гуманным и предусмотрительным. Он разговаривал с незванными гостями мягко и в христианском духе, объяснил им, как он был бы рад принять их как братьев, и щедро предложил им репартименто в Чьяпасе. Таким образом, кровь не пролилась. Но многие люди Пуэртокарреро покинули его, и он вернулся по своим следам в гневном настроении, предприняв экспедицию, которая была хуже, чем бесполезная.

АДМИНИСТРАЦИЯ МАЗАРИЕГОСА.

Вопрос о контроле над провинцией неоднократно становился предметом споров. То, что он был включен в состав губернаторства Гватемалы, очевидно из положения, распространенного королем на Альварадо в 1527 году, но тот факт, что он не принимал участия в его завоевании, по-видимому, лишает силы его притязания. То, что, тем не менее, он приобрел определенный контроль, явствует из седулы, изданной 14 апреля 1531 года и процитированной Ремесалом, в которой он разрешает поселенцам обращаться с беглыми рабами так, как если бы они были заклеямены. И снова в 1532 году мы узнаем, что кабильдо снабдил его двумя пушками для экспедиции в Южные моря, хотя участники признались, что сделали это только из страха, что он доставит им новые неприятности. [XIII-40] Страна, теперь поработенная и свободная от вмешательства извне, была готова к разделу завоевателям в репартиментосе. Этот процесс занял некоторое время, и остаток года прошел в реорганизации провинции и организации ее

колонизации. Было целесообразно основать испанское поселение, и 1 марта 1528 года Мазариегос с помощью индейцев построил несколько хижин на расстоянии примерно лиги к востоку от обезлюдившегося города Чьяпас. Затем было проведено совещание, на котором вице-губернатор объяснил, что выбранное им место не обязательно должно быть постоянным, и что, если будет найдено более выгодное место, колонию следует перенести туда. Тем временем от имени его Величества он назначил муниципальных чиновников, и через несколько дней после этого состоялся набор граждан, было записано более пятидесяти имен. Город был назван Вилья-Реал в честь родного города Мазариегоса, Сьюдад-Реалья в Ламанче. Затем вновь назначенный кабильдо приступил к заседанию, и назначения Луиса де Луны генеральным визитадором и Херонимо де Карсереса эскрибано были признаны и приняты. [XIII-41]

Но вскоре выяснилось, что местность неблагоприятная. Было жарко, нездорово из-за соседних болот и кишело комарами и летучими мышами. Поэтому это место было перенесено на равнину Хьюи Сакатлан, [XIII-42] в двенадцати лигах от города. Здесь были богатые пахотные земли и пастбища, а извилистая река и многочисленные ручьи обеспечивали обильный запас воды. Город был официально заложен, участки были распределены между жителями, начато строительство, предоставлен репартиментос, а территория разделена на кабальерии и пеонии. Впоследствии на заседании кабильдо, состоявшемся 17 августа 1528 года, было постановлено, что все, кто желает получить землю у туземцев, должны делать это путем покупки. Защита была также распространена на них в соответствии с правилами, разработанными для предотвращения присвоения их продукции или ее уничтожения **Ошибка! Закладка не определена.** животными. Любой испанец, пославший своего слугу собрать кукурузу со своих полей, должен был лишиться десяти песо де оро за первое нарушение, а за второе - потерять своего слугу, который подлежал публичной порке. Правила, принятые в начале следующего года, требовали, чтобы все рекомандеро собирали сыновей касиков в своих резиденциях для ознакомления с доктринами церкви. Обращенные в христианство местные жители должны были быть похоронены по-христиански, а остальные должны были быть достойно похоронены за пределами города.

ПРАВЛЕНИЕ ГУСМАНА.

Администрация Мазариегоса, по-видимому, основывалась на гуманных принципах и заботилась о благополучии поселенцев. Но такое положение дел длилось недолго. В 1529 году аудиенция Мексики приказала Хуану Энрикесу де Гусману занять его резиденцию и назначила генерал-капитаном и алькальдом-мэром Чьяпаса. Его расследование проводилось в духе мстительности, что можно объяснить только тем фактом, что последнее ранее было его новой резиденцией. Он лишил его и его друзей их репартименто и раздал их своим приспешникам; он присвоил себе его жилище и городские наделы, а когда человек, которого он таким образом ограбил, вскоре после этого отправился в Мексику, еще раз доказал свою враждебность, изменив название города на Вилья Викиоза. Королевским указом от 7 июля 1536 года его название было снова изменено на Сьюдад-Реаль. [XIII-43]

Теперь Гусман пользовался своей властью без ограничений и заложил основу для постоянного зла. Все официальные должности были заполнены его собственными фаворитами, за исключением тех, кто имел на них право; энкомьенды **Ошибка! Закладка не определена.** были отобраны у тех, кому они были назначены, и распределены между недостойными последователями; и через несколько месяцев вся колония была охвачена раздорами. Позже

все должности, за исключением двух алькальдов, синдического прокурора и городского мажордома, стали доступны для продажи. [XIII-44] Провинция была разделена на многочисленные репарtimento, и в каждом главном городе был назначен помощник алькальда-мэра. "Не для отправления правосудия, - говорит Мазариегос, - а скорее для того, чтобы руководить своими крупными и скандальными репарtimento и собирать дань". Эта система правления энкомендерос была деспотичной и изнуряющей для страны, и именно ей следует приписать разорение городов Чьяпаса. Провинция подчинялась генерал-капитану и аудиенции Мексики; но их контроль осуществлялся без особого внимания к совершенствованию системы. Такое положение дел сохранялось до 1544 года, когда была учреждена аудиенция Границ, и Чьяпас был включен в ее юрисдикцию. [XIII-45] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XIV.

УГРОЗА УНИЧТОЖЕНИЯ ИНДИИ.

1526-1543гг.

Сокращение индейского населения на перешейке — И в Гондурасе — Обращение с союзниками Испании в Гватемале — Пытки и резня враждебных туземцев — Террор, вдохновленный Альварадо — Раннее законодательство — Его несоблюдение — Новые законы — Аудиенция Панамы отменена — Аудиенции Лос-Рейеса и Лос-Границы Установлены — Отвращение, вызванное Новым Кодексом — Первый вице-король Перу прибывает на Перешеек - Он берет на себя ответственность за сокровища, нажитые рабским трудом - И освобождает несколько индейцев.

ОСТРЫЙ ИНДИЙСКИЙ ВОПРОС.

Старый миланский хронист Джироламо Бенцони упоминает, что во время путешествия из Аклы [XIV-1] в Номбре-де-Диос примерно в 1541 году его отряд зашел в несколько индейских хижин, чтобы запастись провизией. Заключение, думая, что их собираются обратить в рабство, яростно нападали на них руками и зубами, рвали на них одежду, плевали им в лица, издавали жалобные крики и выкрикивали гуаччи! гуаччи! которое Бенцони переводит как "название четвероногого, которое рыщет **Ошибка! Закладка не определена.** ночью в поисках добычи". [XIV-2] Наконец, успокоенные знаками, они принесли еду, и один из них, согласившийся выступить в роли проводника, сообщил путешественникам, что на их пути нет других индейских поселений, поскольку испанцы либо убили, либо обратили в рабство все население.

РАБСТВО И СМЕРТЬ.

В Гондурасе рабов по-прежнему похищали и продавали **Ошибка! Закладка не определена.** грузом на корабли между островами или в Никарагуа, так что в окрестностях Трухильо, где раньше были туземные города с шестьюстами-тремя тысячами домов, в 1547 году оставалось не более ста восьмидесяти индейцев, остальные бежали в горы, чтобы избежать поимки. В Нако, население которого за несколько лет до этого составляло десять тысяч душ, в 1536 году оставалось всего сорок пять. В прибрежном городке под названием Ла-Хага, расположенном в девяти лье от Трухильо и насчитывавшем девятьсот домов, остался только один житель, все они были проданы в рабство, за исключением юной дочери касика, которой удалось ускользнуть от охотников за рабами. [XIV-3]

Каким бы жестоким ни было обращение с туземцами во всех испанских провинциях, нигде угнетение не доходило до такой крайности, как в Гватемале. Здесь не делалось особого различия между союзниками и покоренными расами; даже верные тлашкальтеки, которые после завоевания поселились у мексиканских и чолультекских вспомогательных войск в Альмолонге, были порабощены, перегружены работой и подвергались иным жестоким обращениям, пока в 1547 году в живых не осталось едва ли сотни человек. [XIV-4] С уроженцами Аттитлана, которые никогда не изменяли своей верности испанцам, обращались не менее сурово. Разделив тяготы своих военных кампаний, они были вынуждены ежегодно поставлять четыреста или пятьсот рабов мужского и женского пола и каждые пятнадцать дней некоторое количество рабочих-данников, **Ошибка! Закладка не определена.** многие из которых погибли от непосильного труда и лишений. Кроме того, от них требовалось поставлять большое количество ткани, какао, [XIV-5] меда и домашней птицы; и бремя, возложенное на них, было настолько тяжелым, что даже касики обнищали, а их жены были вынуждены работать вьючными животными и возделывать землю.

Если таково было обращение, которому подверглись самые верные союзники испанцев, то каких чудовищных жестокостей мы не можем ожидать от тех, кто, не смущаясь поражением, снова и снова восставал против своих угнетателей? Никакие слова не могут описать страдания этих несчастных рас. Массовая резня, повешение и сожжение, пытки, калечение и клеймение последовали за подавлением восстания. Голод, истощение, побои, обмороки под невыносимым бременем, стоны отчаяния и безвременная смерть были их уделом в мирное время. Во времена Альварадо растрата жизни была бессмысленной и самой отвратительной. В полевых условиях умирающие от голода вспомогательные силы питались человеческим мясом, пленных разделявали для еды; детей убивали и жарили; более того, даже там, где не было недостатка в провизии, людей убивали только ради ног и кистей, которые считались деликатесом у антропофаговых рас. Брачные отношения туземцев также не принимались во внимание, как если бы они по натуре были такими же скот, какими испанцы сделали их на практике. Семьи пришли в запустение, жен разлучили с мужьями, дочерей - с родителями, чтобы распределить между солдатами и моряками, в то время как детей отправили работать на промывку золота, и там они гибли тысячами. Таким образом, работа по депопуляции продвигалась, и Лас Касас утверждает, что в течение первых пятнадцати или шестнадцати лет завоевания уничтожение Индейцев в одной только Гватемале составило четыре или пять миллионов душ. [XIV-6]

Ни один из завоевателей Нового Света, даже Педрариас Давила, не внушал такого страха, как Педро де Альварадо. Когда весть о его высадке в Пуэрто-де-Кабальос разнеслась по всему миру, туземцы бросили свои жилища и бежали в леса. За несколько дней города, деревни и фермы опустели, и казалось, что вся провинция Гватемала обезлюдела по волшебству. [XIV-7] Плантации были уничтожены скотом; скот был растерзан дикими зверями; а овцы и ягнята служили пищей для ищеек, которые были натренированы рассматривать индейцев как свою естественную добычу, но теперь не нашли никого, кого можно было бы съесть.

ЗАКОНЫ, ОТ КОТОРЫХ МАЛО ТОЛКУ.

Уже в 1525 году сведения об ужасающей быстроте, с которой прогрессировала депопуляция, достигли императора, и 17 ноября он издал указ о защите быстро сокращающихся рас. [XIV-8] В 1519 году он приказал совету Индии разработать правила управления провинциями, и этот

орган издал указ об обращении с туземцами, в котором, хотя защита интересов трона может быть несколько важным соображением, проявляется сочувствие и предписывается умеренность по отношению к угнетенным расам. [XIV-9] Другие *cédulas* выпускались с небольшими интервалами, [XIV-10] но все они были неработоспособны **Ошибка! Закладка не определена.** видно из многих инцидентов, о которых уже рассказывалось.

Дистанционное законодательство не принесло никакой пользы. Железное клеймо все еще обжигало плоть пленника, сосновый факел все еще прикладывали к ногам богатой жертвы, а плеть все еще опускалась на непокрытую спину труженика. Энкомандерос, стремившиеся только к накоплению богатства, обрабатывали своих индейцев до тех пор, пока те не оказывались на грани смерти, а затем изгоняли их из домов или оставляли там, где они падали замертво на улицах, на корм бродячим собакам и птицам-падальщикам, пока запах разложения не распространялся по поселениям. [XIV-11] Также не избежали разрушения дома живых или насильственного захвата их имущества. Их жилища были снесены, чтобы снабдить их строительными материалами, а продукты и изделия, которые они каждый день приносили для обмена на своем рынке в Сантьяго, отбирались у них испанскими слугами или солдатами, которые платили им только ударами. [XIV-12] **Ошибка! Закладка не определена.**

Таким образом, несмотря на постановления, принятые императором для защиты туземцев, и перед лицом папской буллы, изданной в 1531 году его святейшеством Павлом III., [XIV-13] восстанавливающей индейцам их свободу во всех провинциях, их численность быстро сокращалась, а положение выживших ухудшалось по мере прибытия в Новый Свет новых надсмотрщиков. Мало кто даже из самых бедных и никто из более состоятельных испанцев не ожидал найти там пристанище. Самые смелые и безрассудные испанцы покинули ее берега и отправились на запад с безмятежным удовлетворением головорезов, вышедших из-под контроля закона и теперь, свободные от контроля эффективной исполнительной власти, считали себя хозяевами положения.

BARTOLOMÉ DE LAS CASAS.

В 1542 году Бартоломе де Лас Касас передал в руки императора рукопись своего хорошо известного труда "Разрушение Индии", и, главным образом, благодаря усилиям этого неутомимого миссионера, в течение предыдущего года в Вальядолиде была созвана королевская хунта, состоящая из духовных лиц и юристов, с целью разработки правил для улучшения управления провинциями. Великий апостол Индии отстаивал свое любимое дело со всем пылом своего красноречия, настаивая на том, что уроженцы Нового Света по закону природы свободны, и высказывая теперь уже несколько банальную сентенцию "Бог не допускает зла, чтобы могло прийти добро".

По меньшей мере странно слышать подобную доктрину из уст доминиканца, [XIV-14] в то время как **Ошибка! Закладка не определена.** однако темная надвигающаяся туча инквизиции отбрасывает, как крылья падшего ангела, тусклый призрак своего огромного затмения поперек полушарий.

НОВЫЕ ЗАКОНЫ.

Постановления, составленные хунтой, получили одобрение императора и после некоторого расширения были опубликованы в Мадриде в 1543 году и с тех пор известны как Новые законы. [XIV-15] Кодекс содержит большое количество статей, многие из которых касаются почти исключительно порабощения туземцев и обращения с ними. Было предусмотрено, что все индийские рабы должны быть освобождены, если только их владельцы не смогут предъявить законный титул на свое владение. [XIV-16] Отныне никто не должен был быть обращен в рабство ни под каким предлогом.

Владельцы, которым репартиментос передали чрезмерное их количество, должны передать часть из них короне. После смерти энкомандероса [XIV-17] рабы должны были вернуться к короне. Все священнослужители и религиозные общества, а также все должностные лица короны должны выдать своих рабов или невольниц, им не разрешается удерживать их, даже если они покидают свой пост. Инспекторы были назначены для наблюдения за интересами туземцев, и им платили из штрафов, налагаемых на нарушителей. Рабы не должны были использоваться на ловле жемчуга против их воли под страхом смертной казни для стороны, нанимающей их таким образом, а при использовании в качестве вьючных животных на их спины нельзя было взваливать такой груз, который мог бы угрожать их жизни. Наконец, они должны были быть обращены в католическую веру, и было приказано, чтобы два священника сопровождали все исследовательские группы, чтобы проинструктировать американцев, что **Ошибка! Закладка не определена.** его Величество император считает их своими свободными подданными, и что его святейшество папа желает познакомить их с истинным знанием о нем, распространение доктрин которого менее чем за полвека сопровождалось сокращением населения самых прекрасных частей света. новый мир.

Среди положений нового кодекса были и другие, почти столь же неприятные для многих испанцев, как и те, которые касались предоставления гражданских прав туземцам. Аудиенсия Панамы была упразднена, и предстояло учредить два новых трибунала: один в Лос-Рейесе, который теперь впервые стал носить название Лима и с тех пор был метрополией южноамериканского континента; другой назывался аудиенсия-де-лос-Границы в Комаягуа, с юрисдикцией над Чьяпасом, Юкатаном, Гватемалой, Гондурасом, Никарагуа и провинцией Огненная Земля, известной как Кастилия-дель-Оро. Исходя из решений этих трибуналов, а также судебных инстанций Мексики и Санто-Доминго, уголовные дела не подлежали обжалованию. В гражданских исках проигравшая сторона может потребовать повторного судебного разбирательства, польза от которого не очевидна, поскольку не было допущено никаких новых доказательств, и дело вели судьи, которые вынесли первое решение. Если сумма превышала десять тысяч песо де оро, оставалось право на апелляцию в совет Индии. Более того, ойдоры [XIV-18] были уполномочены навести справки об администрации губернатора и других гражданских чиновников и отстранить их от должности, а их отчет был направлен в совет Индии для принятия окончательного решения.

Таковы были основные черты нового кодекса, который стремился сбросить оковы с нации, которая быстро исчезала из человеческой семьи. Весть об этом замечательном законодательном акте вскоре распространилась по всему Новому Свету, и от Мексики до Лос-Рейеса все население находилось в состоянии брожения, граничащего с революцией. Лишить поселенцев их рабов означало довести их до нищенства. Рабы составляли главный источник богатства во всех провинциях. Без них нельзя было бы разрабатывать шахты, строить города, возделывать земли. Солдат настаивал на своем праве завоевания, и многие

покрытые шрамами ветераны, измученные тяжелым трудом и лишениями, угрожали защитить мечом, который помог отвоевать империю для его государя, владения, которым теперь угрожали эти досадные правила.

VASCO NUÑEZ VELA.

Вскоре колонистам предстояло узнать, что новые законы не должны были остаться мертвой буквой, как это было в случае с королевскими указами. В январе 1544 года Васко Нуньес Вела, первый вице-король Перу, прибыл в Номбре-де-Диос и, обнаружив там нескольких испанцев, возвращавшихся на родину с запасами богатства, приобретенного за счет продажи их перуанских рабов, приказал им сдать свои сокровища, [XIV-19] и, если бы не некоторые сомнения в законности такого судебного разбирательства, несомненно, конфисковал бы их.

После пересечения перешейка вице-король освободил и отправил обратно из Панамы за счет их владельцев несколько сотен индейцев, которые были привезены из Перу или несправедливо содержались в рабстве. Горькими были протесты против этих своевольных мер, но Вела просто ответил: "Я пришел не для того, чтобы обсуждать законы, а для того, чтобы исполнять их". Однако положение туземцев не улучшилось после их освобождения, поскольку мы узнаем, что многие умерли на борту корабля от голода и жестокого обращения, в то время как другие, выброшенные на берег безоружными на пустынном побережье, стали добычей диких зверей или иным образом погибли жалкой смертью.

Комитет, состоящий из самых знатных и влиятельных испанцев, ждал от нового вице-короля, чтобы добиться от него, по возможности, некоторых уступок. Они настаивали на том, что, поскольку индейцы были обращены в христианство, предоставление им избирательных прав было бы большой потерей для церкви, и что в случае их предоставления им всегда будет грозить опасность погибнуть от голода. Они не осмеливались вернуться к своим племенам, потому что касики приговаривали к смертной казни всех, кто становился христианами. Эти доводы лишь вызвали гнев вице-короля, который распустил депутацию, сказав: "Если бы вы находились под моей юрисдикцией, я бы повесил вас всех до единого". С тех пор никто не осмеливался больше возражать ему. Даже оидоры недавно созданной аудиенции Лос-Рейеса, которые сопровождали его из Испании, не протестовали и после его отъезда в Перу некоторое время оставались в Панаме, прежде чем набрались смелости последовать за ним.

На Огненной земле и островах Испанской Вест-Индии новым законам частично подчинились, хотя по-прежнему часто поступали жалобы на жестокое обращение с туземцами, на то, что их наказывали побоями, если они осмеливались жаловаться, и на прибытие в Панаму партий рабов из Никарагуа. Священники были серьезны в своих протестах, и их отчеты императору изобиловали возвышенными выражениями заботы о деле Христа и человечества. Церковные и светские интересы постоянно расходились. Если алькальды принимали какое-либо решение, угрожавшее нанести ущерб авторитету церкви, они подвергались отлучению от церкви и, таким образом, оказывались неспособными в глазах народа выполнять свои служебные функции. Губернатор и епископ постоянно враждовали, последний прикрывался своим мнимым рвением к обращению индейцев, а первый — подпредлогом поддержания достоинства короны, настоящей **Ошибка! Закладка не определена.** целью, к которой каждый слишком часто стремился, - пополнением своей казны золотом вассалов его Величества. [XIV-20] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XV. ПАНАМА И ПЕРУ. 1538-1550.

Администрация доктора Роблеса—Межокеанские связи—Предлагаемое изменение местоположения Панама—Номбре—де—Диос и его торговля—Перешеек, Торговая магистраль между Полушариями—Земли Васко Нуньеса Велы в Перу—Гонсало Писарро во главе восстания—Роспуск Аудиенции Лос—Рейеса и арест вице—короля—Его освобождение—Его поражение и смерть при Анакито—Мечты Гонсало о завоеваниях—Он отправляет Бачикао в Панаму—Планы Инохосы Экспедиция — Его бескровное завоевание провинции—Вторжение Мельчора Вердуго-Педро де ла Гаска- Его переговоры с революционерами-Земли Гаски в Перу-Казнь Гонсало Писарро.

О Педро Васкесе, сменившем Баррионуэво на посту губернатора Кастилии дель Оро, известно мало; но о докторе Роблесе, преемнике Васкеса, под руководством которого правительство просуществовало до 1546 года, утверждается, и, вероятно, справедливо, что он за год причинил своим ближним больше вреда, чем злобный гений Педрариаса мог бы причинить даже за десятилетие. В своей жадности к богатству с ним соперничал только всеохватывающий Педро де Лос Риос, а в изощренной хитрости, с помощью которой он прикрывал свои злодеяния, ему не было равных даже в обществе, где господствующий кодекс морали не учил ни страху Божьему, ни уважению к человеку. Назначенный ойдором аудиенции Панама в 1538 году, он занимал этот пост в течение нескольких лет, и упразднение этого трибунала, вероятно, было в какой-то мере вызвано его преступными действиями. Нет четких подробностей относительно точных обвинений, которые были выдвинуты против Роблеса, но мы узнаем, что **Ошибка!**

Закладка не определена. в каждом случае ему удавалось сбить с толку пристальное внимание своих судей. Сначала лиценциату Вака де Кастро было приказано привлечь преступника к ответственности, но он тщетно призывал своих коллег-оидоров из аудиенции Панама помочь ему в этом. Когда была назначена судебная аудиенция, судебный процесс был еще не завершен, и поскольку потерпевшие стороны все еще требовали довести его до конца, Рамиресу, одному из оидорес и первому алькальду-мэру Панама, было приказано покинуть свою резиденцию. Роблес, похоже, избежал наказания, поскольку вскоре после этого он стал старшим ойдором аудиенции Лимы. Вскоре он вернулся в Панаму, и мы узнаем, что при взятии этого города в 1550 году Эрнандо и Педро де Контрерасами часть сокровищ Гаски была захвачена в доме Роблесов, который с тех пор исчезает со страниц истории. [\[XV-1\]](#)

ШОССЕ НА ПЕРЕШЕЙКЕ.

Когда Педро де лос Риос отправился в Никарагуа, он отдал приказ капитану Эрнандо де ла Серне и лоцману Корзо произвести обследование Рио-де-лос-Лагартос, ныне известной как река Чагре, с целью облегчения сообщения между двумя морями. Им было также поручено исследовать реку Панама, текущую в противоположном направлении, и исследовать местность между самыми высокими судоходными точками на двух реках. Это было сделано с целью найти наилучший маршрут для большой магистрали через перешеек, по которому мог бы течь поток торговли между Испанией и островами пряностей; и хотя эта цель так и не была реализована, открытие, сократившее наземные перевозки до девяти лиг, оказалось наиболее полезным в последующих сношениях Испании и Перу.

Проект межокеанского сообщения через Панамский перешеек впервые обсуждался более трехсот пятидесяти лет назад, и Карлу V. **Ошибка! Закладка не определена.**, вероятно, принадлежит заслуга его предложения. Первоначально предложенный план состоял в том, чтобы соединить Рио-Гранде с Чагре, который, за исключением сезонов засухи, был судоходен для судов с небольшой осадкой до нынешнего города Крусес, и таким образом установить соединение на Тихоокеанской стороне недалеко от современного города Панама. Андагойе, который уже упоминался как тот, кто в 1522 году руководил экспедицией в Биру, было поручено провести разведку и представить смету вероятных затрат. Его отчет был неблагоприятным, поскольку в депеше, адресованной императору около 1534 года, он выражает свое убеждение, что во всей Европе нет монарха, достаточно богатого, чтобы предоставить средства для осуществления такого предприятия. [\[XV-2\]](#)

В том же сообщении Андагойе также негативно отзывается о вопросе, который обсуждался в течение нескольких лет, — о переселении населения Панама в другое место. В письме, адресованном Франсиско Писарро в 1531 году, Антонио де ла Гама заявляет о своем намерении внести такие изменения; с тех пор как Педрариас основал город, поступали жалобы на его нездоровый климат. [\[XV-3\]](#) Впоследствии был издан королевский указ, предписывающий гражданам встретиться и обсудить этот вопрос, и Андагойе заявляет, что решение по этому вопросу было отрицательным; поскольку, по его словам, "Во всем Южном море нет другого порта, где суда могли бы бросать якорь вдоль улиц". Более того, он утверждает, что "сам Бог выбрал это место".

Хронист Бенцони, путешествовавший по Дариену между 1541 и 1556 годами, упоминает, что дорога от Panamá [\[XV-4\]](#) до Номбре-де-Диос имела протяженность около пятидесяти миль, и что в течение первого дня пути она была относительно ровной, но оставшаяся часть маршрута пролегла по пересеченной местности, через леса и иногда через ручьи почти непроходимый во время сезона дождей. [\[XV-5\]](#) Торговцы, ведущие дела в Номбре-де-Диос, обычно проживали в Панаме. Во время визита Бенцони в бывший город, примерно в 1541 году, в нем проживало всего пятнадцать или двадцать оптовых торговцев, остальное население составляли в основном мелкие торговцы, трактирщики и моряки.

Торговля Номбре-де-Диос была крайне неустойчивой. Четырнадцать или пятнадцать испанских судов различных размеров, самое большое из которых водоизмещением около трехсот шестидесяти тонн, прибывали туда ежегодно с разными грузами, но в основном с вином, мукой, бисквитами, маслом, тканями, шелком и домашними товарами. Полученные цены на товары полностью зависели от предложения. Когда рынок был переполнен, цены часто оказывались ниже первоначальной стоимости в Испании, и грузополучатель иногда конфисковывал грузы как не стоящие фрахта. С другой стороны, когда товар был дефицитным, за него можно было получить огромную цену, иногда на вес золота.

Когда корабль прибывал в Номбре-де-Диос, груз перегружали в плоскодонные лодки и перевозили через Чагре до Крусеса, примерно в шести лигах от Южного моря. Здесь товар **Ошибка! Закладка не определена.** был доставлен погонщикам мулов, которые доставили его в Панаму, откуда он был отправлен в различных направлениях, хотя большая часть торговли шла с Перу. [\[XV-6\]](#)

ВАЖНОСТЬ ПАНАМЫ.

Примерно в середине шестнадцатого века Дарьенский перешеек стал воротами между двумя морями, а Панама - самым важным городом Америки. Расположенный на мировой магистрали и в самом центре испанских колониальных владений, он должен был пропускать сокровища Перу с юга, продукты Мексики, Никарагуа и Гватемалы - с севера, а трансокеанские перевозки с островов Пряностей - с запада. Таким образом, Панама стала не только столицей двух Америк, но и перевалочным пунктом на полпути между Западной Европой и восточной Азией. Там необузданный авантюрист, который на заре своей карьеры с нетерпением устремлялся вперед, в темное неопределенное будущее, встречал вернувшегося искателя удачи, окрыленного успехом или сломленного неудачей. В недра этого великого центрального города стекались несметные богатства. Его торговцы были принцами; его военные склады были заполнены богатыми товарами всех видов и со всех уголков земного шара. Здесь можно было увидеть груды желтых и белых слитков с рудников Перу, кошениль и красильную древесину Мексики, лучшие вина Испании и Португалии, шелка, бархат и кружева Франции и Италии.

Основание этой торговой столицы на берегах южного моря стало средством завоевания Испанией многих из тех провинций, богатства которых были таким образом обменены на предметы роскоши Старого Света. Без Панамы Франсиско Писарро никогда не смог бы завоевать Перу, [XV-7] и после его завоевания это **Ошибка! Закладка не определена.** более чем вероятно, что, если бы не оперативная помощь Панамы, храбрый Манко Капак преуспел бы в истреблении испанцев на своей территории. В то время как центральное положение и господство над обоими океанами придавали городу богатство и значимость, те же причины нередко подвергали его социальным и политическим потрясениям и нападениям со стороны иностранных держав. Восстание в Гватемале, мятеж в Перу, система ограничений на азиатскую торговлю немедленно ощутились в Панаме, и на этот город обрушились тяжелейшие удары, направленные англичанами, французами или голландцами против испанских владений в Новом Свете. Между 1545 и 1671 годами, когда позже был сожжен старый город Панама, он подвергался разграблению и частичному разрушению не менее четырех раз. В других главах я сведу воедино те факты, которые мне удалось найти, касающиеся жизни и судьбы испанцев Дариена и Центральной Америки в течение трех столетий, прошедших между завоеванием этой страны испанцами и их отказом от верности родительской власти. Эта эпоха началась и закончилась попыткой революции. Первая была тщетной, последняя успешной. Первую попытку предприняли храбрые, сильные и отважные люди, но Испания и Карл были сильнее. Последнее пытались сделать слабые, дегенеративные испанцы, но Испания и Фернандо были слабее.

После смерти Франсиско Писарро фракция альмагристов сохранила господство в Перу, [XV-8] пока Вака де Кастро не рассеял ее на равнинах Чупаса. Затем молодой Альмагро бежал в Куско, где был арестован и обезглавлен как предатель. [XV-9] Vaca de **Ошибка! Закладка не определена.** Кастро только что прибыл в Перу. Он привез с собой комиссию от короны для арбитража и урегулирования разногласий между соперничающими фракциями; а в случае кончины Франсиско Писарро ему было поручено взять на себя управление страной. Гонсало Писарро, который был назначен губернатором Кито, в момент убийства своего брата отсутствовал в исследовательской экспедиции к реке Амазонка. По возвращении, узнав о трагической судьбе Франсиско, он предложил свои услуги Вака де Кастро, но этот чиновник отклонил их, опасаясь, как бы беспокойный и властный нрав последнего из Писарро не помешал ему управлять правительством. Гонсало, разгневанный отказом, удалился в Ла-Плату и занялся разработкой богатых серебряных рудников в этой местности.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ ИМПЕРАТОРА.

До этого времени Карл, занятый делами своей огромной империи дома, уделял мало внимания благосостоянию колоний. В общих чертах испанское правительство установило пределы жестокости и угнетению туземцев со стороны завоевателей. Намерения монархов и их советов с самого начала были гуманными и достойными похвалы, как я часто наблюдал. Но поскольку в этих новых условиях постоянно возникали новые проблемы, и поскольку очень многие королевские указы, касающиеся дел Индии, были невыполнимы и, следовательно, не действовали, завоевателям было предоставлено устанавливать свои собственные правила поведения в соответствии с их непосредственными потребностями; или, скорее, действовать независимо от каких-либо правил, руководствуясь диктатом своего суждения или интереса. Если эти незаконные усилия увенчались успехом, злодеяния этих авантюристов были сведены на нет их золотом. В случае неудачи они обычно становились жертвами своей жестокости или алчности, и их кости оставляли гнить в пустыне; так что в ранней истории испанских колоний лишь в редкие промежутки времени и в отягчающих случаях обращалось какое-либо внимание на неподчинение законам. **Ошибка! Закладка не определена.** Однако к одному преступлению — нелояльности - испанские монархи никогда не были бесчувственными. Пока прерогативы короны строго соблюдались, на эксцессы не обращали внимания. Следующим по тяжести преступлением были гражданские беспорядки. Коренные американцы, раса, находящаяся на полпути между кастильцами и дикарями, могли быть убиты тысячами по незначительной причине; [XV-10] но жизни испанских мародеров были слишком ценны, чтобы отдавать их на междоусобицу.

Однако в Перу все было по-другому. Страсти населения были возбуждены противоборствующими группировками, и вольность, до сих пор предоставлявшаяся завоевателям, делала их еще более нетерпимыми к ограничениям. Хотя люди были хуже подготовлены к жестким мерам, чем более организованные колонисты Мексики, человеку, на которого было возложено исполнение отвратительных законов, не хватало мудрой и политической разборчивости, которая руководила действиями Сандовала и Мендосы.

VASCO NUÑEZ VELA.

4 марта 1544 года Васко Нуньес Вела высадился в Тумбесе на перуанском побережье, и, поскольку слава о его своевольных действиях в Панаме не опередила его, ему был оказан лояльный прием. Его популярность была недолгой, поскольку вице-король немедленно освободил несколько рабов и по пути в Лос-Рейес даже не разрешал индейцам нести свой багаж, а если его заставляли это делать, щедро платил им. Такое поведение вызвало огромное отвращение по всей провинции, но Нуньес был глух ко всем протестам и даже добился ареста некоторых недовольных мужчин.

Многие, теперь бросавшие вызов наместнику, взялись за оружие и убеждали Гонсало Писарро, единственного оставшегося в живых брата завоевателя, встать во главе их. Не испытывая отвращения, Гонсало сразу же отправился в Куско, **Ошибка! Закладка не определена.** и, имея хороший запас богатств, накопленных за счет добычи полезных ископаемых и грабежей, вскоре собрал многочисленный отряд. [XV-11] Королевское знамя Кастилии было водружено перед его покоями, и он громко подтвердил, что является истинным и законным подданным короля, что вице-король превысил свои инструкции и что он лишь стремился сдерживать свои незаконные намерения до тех пор, пока не будет выяснена воля императора. В конце концов Васко Нуньес

навлек на себя негодование своих собственных сторонников, которые по наущению бачиллера Сепеды, члена *audiencia*, взбунтовались и решили посадить вице-короля на судно для отправки обратно в Испанию.

Тем временем колонисты стекались под знамена Гонсало со всех сторон, пока вскоре он не оказался во главе тысячи двухсот храбрых и дисциплинированных солдат. 28 октября 1544 года, под одобрительные возгласы населения, он вступил в Лиму [\[XV-12\]](#) во главе своей армии, и королевская аудиенция была распущена. Едва корабль, который должен был доставить Васко Нуньеса в Панаму, отплыл из Лимы, как Альварес, ответственный чиновник, не осмеливаясь появиться в Испании с вице-королем в качестве пленника, бросился к его ногам, попросил прощения и передал корабль и всех, кто был на борту, под его командование. Получив таким образом неожиданное освобождение, он высадился в Тумбесе, собрал небольшой отряд и, двинувшись на север до Кито, призвал всех верноподданных сплотиться для защиты королевской власти. Затем он двинулся во главе примерно пятисот человек к Сан-Мигелю. [\[XV-13\]](#)

Гонсало Писарро, который внимательно следил за передвижениями вице-короля, теперь решил **Ошибка! Закладка не определена.** довести дело до конца. 4 марта 1545 года он покинул Лиму и выступил в поход против своего противника. Васко Нуньес, опасаясь результата, покинул город и бежал в Аньякито, куда за ним последовали революционеры, и 18 января 1536 года произошла ожесточенная битва, приведшая к поражению и смерти вице-короля. [\[XV-14\]](#)

Еще до этого события Гонсало Писарро принял диктатуру Перу и решил стать хозяином Панамы, его мечты о завоеваниях простирались даже на провинции к северу от Огненной Земли. [\[XV-15\]](#) Наняв к себе на службу некоего Эрнандо Бачикао, [\[XV-16\]](#) он поставил его под командование шестисот человек и флота из двадцати семи кораблей. [\[XV-17\]](#) Прибыв в Тумбес, Бачикао высадил сотню солдат, после чего Васко Нуньес, хотя и командовал двумя сотнями хорошо обученных ветеранов, бежал в Аньякито, часть его войск дезертировала от него и присоединилась к знамени революционеров. Отправившись оттуда в Пуэрто-Вьехо и другие места, он захватил несколько судов и завербовал сто пятьдесят рекрутов. Зайдя на Жемчужные острова, он был встречен двумя гонцами из Панамы, посланными просить его воздержаться от высадки вооруженных сил на Огненной земле. **Ошибка! Закладка не определена.** Бачикао ответил, что намеревался лишь высадить своих пассажиров и восстановить свой флот.

РАЗРУШЕНИЕ И СМЕРТЬ.

Вака де Кастро и другие неоднократно предупреждали жителей Панамы о том, что их городу грозит опасность попасть в руки Гонсало Писарро, и они собрали силы численностью в семьсот человек, хотя и плохо экипированных, без опыта и дисциплины. Однако, сбитые с толку ответом Бачикао, они позволили ему войти в гавань без сопротивления. Он высадил часть своих войск и почти без сопротивления захватил все оружие и боеприпасы в арсенале и предал город разграблению. Капитанам кораблей в порту было приказано присоединиться к его флоту, а тех, кто отказывался, вешали на рее. Капитан по имени Педро Гальего также был казнен за неповиновение его приказу убрать паруса и крикнуть "Да здравствует Писарро!" [\[XV-18\]](#)

На это время всем законам и порядку пришел конец. Людей казнили без формального суда, и даже говорят, что Бачикао обезглавил нескольких своих офицеров по малейшему подозрению в их недовольстве или даже ради развлечения. [\[XV-19\]](#)

Получив известие о проступке своего лейтенанта, сопровождаемое письмами с протестами от граждан Панамы, Гонсало немедленно отстранил его от командования. [XV-20] Он , однако, был полон решимости установить контроль над Перешейком и отправил с этой целью Педро де Инохоса во главе двухсот пятидесяти человек с инструкциями захватить и удерживать Панаму и Номбре-де-Диос. Инохоса, у которого была **Ошибка! Залка не определена.** впервые высадился в Перу в 1534 году и сослужил хорошую службу при Франсиско и Эрнандо Писарро, был человеком недюжинных способностей. Наделенный от природы ясным умом, честной целеустремленностью и верностью своему долгу, с суждениями, отточенными долгим общением с волнующими сценами Нового Света, он был в высшей степени пригоден для командования и в немалой степени пользовался доверием своих солдат.

Экспедиция направилась на север до Пуэрто-Вьехо, откуда было отправлено судно под командованием Родриго де Карбахалья с письмами от Гонсало к основным жителям Панамы с просьбой об их благосклонности и сотрудничестве, отрицая всякую связь с бесчинствами Бачикао и заявляя, что Инохоса сейчас находится в пути со средствами, достаточными для возмещения убытков всем, кто понес убытки. Если силы, которыми его сопровождали, показались им несколько большими для этой цели, следует помнить, что враги Гонсало были начеку и что было бы небезопасно плавать по океану с меньшим флотом.

В сопровождении пятнадцати человек Карбахаль высадился в Анконе, небольшой бухте в двух лигах от Панамы. Там несколько плантаторов, проживающих поблизости, сообщили ему, что два капитана вице-короля, Хуан де Гусман и Хуан де Ильянес, находятся в городе, набирая войска по поручению своего начальника, который ожидает их прибытия в Кито. К настоящему времени им удалось собрать роту из ста человек и значительное количество оружия, включая шесть единиц полевой артиллерии. "Но, - продолжали его информаторы, - хотя они были готовы к отплытию в течение многих дней, они, похоже, не спешат уходить, и теперь считается, что они намерены остаться и защищать город от повстанцев". В сложившихся обстоятельствах Карбахаль не счел благоразумным высаживаться на берег. Поэтому ночью он тайно отправил эmissара с письмами от Писарро.

Однако граждан, которым они были адресованы, не следовало обманывать, и они сразу разместили их перед **Ошибка! Залка не определена.** власти. Гонец был арестован и вынужден рассказать все, что ему было известно об Инохосе и его визите. Городская стража была усилена, и две хорошо вооруженные бригадины были отправлены для захвата судна, находившегося тогда в Анконе. Но Карбахаль был слишком быстр для них; заподозрив по задержке своего гонца истинное положение дел, он ускользнул и, спрятав свое судно среди Жемчужных островов, ожидал там подхода своего командира. [XV-21]

ДОСТИЖЕНИЯ ИНОХОСЫ.

Тем временем Инохоса, продолжая свой курс на север, причалил к Буэнавентуре. Там он узнал, что Васко Нуньес Вела в то время с помощью Беналькасара набирал свою армию в этом районе. Высадив отряд солдат, он захватил в плен восемь или десять жителей, которые сообщили, что вице-король находится в Попаяне и что из-за задержки его капитанов Хуана де Ильянеса и Хуана де Гусмана он решил послать своего брата, капитана Велу Нуньеса, в сопровождении умелых офицеров, ускорить прибытие войск из Панамы. Более того, он выяснил, что вице-король строит бригадину, теперь почти законченную, на борт которой он намеревался поместить своего брата, ответственного за все свои сокровища, [XV-22] и отправить в Панаму, в

надежде получить крупный выкуп от некоторых сторонников Инохосы, незаконнорожденного сына Гонсало Писарро, находившегося в то время в его руках в плену. Вела Нуньес вместе со своими офицерами и отрядом людей, командовавших молодым Писарро, затем разными маршрутами направлялся к побережью, чтобы подняться на борт судна. Хитроумным стратегическим ходом Инохоса захватил обе стороны, завладел сокровищами и поместил Велу Нуньеса и его команду в качестве пленников на борт **Ошибка! Закладка не определена.** флота. Затем, взяв с собой молодого Писарро, которого он освободил и к которому относился с особым вниманием, он отплыл в Панаму и, после того как к нему присоединился Карбахаль, бросил якорь в бухте с одиннадцатью кораблями [XV-23] и двумястами пятьюдесятью уже упомянутыми людьми. Это было в октябре 1545 года.

В городе разошлись во мнениях относительно политики приема повстанцев. Купцы и все, кто получал прибыль от перуанской торговли, видели, что прибытие большого и богато нагруженного флота только выиграет. Кроме того, многие из них владели собственностью в Перу и вели бизнес через своих агентов, к которым Гонсало Писарро не преминул бы применить дисциплинарное взыскание, если бы услышал о противодействии в Панаме. С другой стороны, доктор Роблес, губернатор, со своими политическими сторонниками и всеми, кто занимал высокое положение и получал прибыль от короны, громко выступил против мятежников и призвал народ помочь ему в защите города под страхом королевского недовольства. [XV-24] В конце концов партия губернатора одержала верх, противоположная фракция уступила, по крайней мере, внешне, и коррехидор Педро де Касаос, получивший назначение генерал-капитана [XV-25] выступил против высадки в Инохосе. Все силы роялистской партии теперь насчитывали, за исключением нескольких небольших подкреплений из Номбре-де-Диос, почти восемьсот человек, только девяносто из которых были дисциплинированными солдатами, остальные представляли собой плохо вооруженную команду гражданских солдат. Армия была хорошо снабжена полевой артиллерией. [XV-26]

Спустившись со своим флотом к бухте Анкон, Инохоса высадил двести человек под прикрытием своих пушек, высадив их на скалистом выступе берега, недоступном для кавалерии противника. Затем он начал свой поход на Панаму, приказав флоту составить ему компанию на небольшом расстоянии от берега с готовыми к бою орудиями. [XV-27]

В этот момент духовенство города вышло всем скопом с заунывными песнопениями и печальными лицами, их одежды были покрыты крестами и знаками траура, и они начали упрекать обе армии. "Неужели необходимо, - кричали они, - чтобы христиане обагрят свои руки кровью друг друга?" Наконец было достигнуто перемирие сроком на один день. Обе стороны получили заложников, и усилия священников по достижению соглашения между сторонами были удвоены.

Инохоса заявил, что не понимает, почему ему отказали во въезде в город. [XV-28] Он пришел не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы возместить ущерб. Гонсало Писарро не вынашивал злых намерений; но он был хозяином Перу и намеревался стать хозяином единственной дороги в Перу — той, что пересекала континент от Номбре-де-Диос до Панамы. Если бы жители Перешейки подчинились влиянию Писарро, пока он обладает верховной властью в Перу, или пока все не уладит корона, все было бы хорошо; в противном случае неизбежно последовала бы война.

КАСАОС ТЕРЯЕТ ПОЗИЦИИ.

Педро де Касаос и люди из Панамы не были удовлетворены. [XV-29] Они только что испытали предвкушение того, что их могло ожидать, если бы другой из капитанов Гонсало овладел городом, но их единственная **Ошибка! Залка не определена.** альтернативой был компромисс или третейское разбирательство мечом. В конце концов было решено, что верные колонисты, прибывшие из Номбре-де-Диос для оказания помощи, должны вернуться и что Инохосе следует разрешить войти в город с охраной из тридцати человек и оставаться там в течение сорока пяти дней. [XV-30] Его корабли тем временем должны были отойти в Табогу или на Жемчужные острова для переоборудования и ремонта. Статьи соглашения были составлены нотариусом и подписаны соответствующими сторонами, которые поклялись неукоснительно соблюдать оговоренные условия.

Хотя Инохоса был, таким образом, ограничен условиями своего договора и в данный момент не мог нанести никакого удара для завоевания Панамы, он ни в коем случае не бездействовал в течение этого промежутка. Строго следя за тем, чтобы не застать врасплох и не совершить покушение, [XV-31] он поселился в удобном, хорошо обставленном доме, устлав свой стол отборными яствами и, распахнув двери, с расточительным гостеприимством принимал всех желающих. Его апартаменты вскоре стали пристанищем солдат и авантюристов всех мастей. Гонсало Писарро и дела Перу обсуждались за наполненными до краев кубками. Блестящие истории об открытии рудников сказочного богатства [XV-32] разжигали алчность слушателей, в то время как всем предлагался бесплатный проезд и обещалось щедрое жалованье с первого дня призыва.

УСПЕХ ИНОХОСЫ.

Благодаря этим хитроумным мерам Инохоса с удовлетворением наблюдал, как его силы с каждым днем увеличиваются, в то время как силы Педро де Касаоса пропорционально уменьшаются. Солдаты Хуана де Ильянеса и Хуана де Гусмана сделали **Ошибка! Залка не определена.** не оказались нечувствительными к хитрости и радушному гостеприимству Инохосы, и эти капитаны, видя, что большая часть их новобранцев покинула их, тайно выкрались из города и, захватив судно, попытались бежать в Перу. Однако они были схвачены одним из бдительных капитанов, стоявших в гавани, и вскоре после этого добровольно присоединились к Инохосе и стали его верными приверженцами. Влияние, которое приобрел Инохоса своей небрежной и, по-видимому, непреднамеренной демонстрацией богатства и своим умением подбрасывать заманчивые приманки людям, которые никогда не отступали перед опасностью, когда видели перспективу наживы, было таково, что через несколько недель в результате тихой и бескровной революции он стал хозяином города. По истечении сорока пяти дней он захватил батареи и официально вступил в Панаму во главе всего своего войска под одобрительные возгласы большей части жителей.

Инохоса не воспользовался своей легко одержанной победой. Он стремился поддерживать строжайшую дисциплину среди своих последователей, относился к гражданам с предельной либеральностью и приказывал солдатам уважать их права и никоим образом не вмешиваться в их дела. [XV-33] Затем он отправил своего зятя Эрнандо Мехиа де Гусмана вместе с Педро де Кабрерой завладеть Номбре-де-Диос и защищать интересы Гонсало Писарро в этом квартале.

MELCHOR VERDUGO.

В то время как провинция Панама таким образом незаметно перешла в руки Инохосы, сторонники вице-короля не бездействовали. Мельчор Вердуго, [\[XV-34\]](#) которому как одному из завоевателей Перу была передана провинция Кашамалка, предложил свои услуги Васко Нуньесу Веле во время его первой высадки в Перу. Став **Ошибка! Закладка не определена.** впоследствии замешанный в заговоре, разработанном роялистской партией с целью овладения Лимой, он был арестован в этом городе по приказу Гонсало Писарро. Сбежав оттуда, он направился в Трухильо, где ему посчастливилось захватить одно из судов Бачикао, груженное добычей из Панамы. На доходы от этого захвата и на средства, вырученные из его собственного имущества, он нанял роту на службу вице-королю. Затем он отплыл в Никарагуа и запросил у губернатора, как у верного слуги короля, людей и средства для оказания ему помощи в подавлении восстания на Перешейке. Не получив от него сердечного ответа, он подал заявление в суд присяжных. С магистрами этого трибунала он добился большего успеха. Лиценциат Рамирес де Аларкон, один из членов организации, принимал активное участие в вербовке людей и сборе оружия и лошадей.

Тем временем весть о действиях Вердуго в Перу и Никарагуа и о его предполагаемой экспедиции к северному побережью Дариена достигла Панамы. Инохоса, опасаясь, что Вердуго может собрать силы, достаточные для того, чтобы причинить ему неприятности, послал в погоню Хуана Алонсо Паломино с двумя судами и ста двадцатью аркебузирами. Прибыв в Никарагуа, Паломино без труда захватил судно Вердуго, но при попытке высадиться на берег столкнулся со всеми имеющимися в провинции людьми, выстроенными под знаменем роялистов под командованием Вердуго и лиценциата. Побродив несколько дней по побережью, тщетно ожидая возможности высадиться, он захватил все корабли на побережье и, сожгв те, которые были непригодны к эксплуатации, вернулся с остальными в Панаму, не зная, что его замысел был заподозрен. Вердуго подготовил на озере Никарагуа три или четыре фрегата и с двумя сотнями отборных и хорошо вооруженных солдат [\[XV-35\]](#) отплыл через реку Сан-Хуан в Северное море и, крадучись вдоль побережья, надеялся застать повстанцев врасплох до того, как о его присутствии в этом районе станет известно. В Рио-Чагре он захватил судно, укомплектованное неграми, от которых получил ценную информацию о состоянии дел в Номбре-де-Диос, количестве расквартированных там людей, именах их командиров и подробном описании здания, в котором были расквартированы офицеры.

Инохоса был начеку, но не так, как его капитаны. Хотя их предупредили о приближении отряда лояльных, они были застигнуты врасплох. Приземлившись в полночь, Вердуго тихо прокрался к дому, где мирно спали Эрнандо Мехия, Педро Кабрера и другие офицеры, окружил помещение и поджег жилище. Медлительные капитаны, взбешенные тем, что оказались в ловушке в своих собственных постелях, вскочили и, схватив оружие, выбежали из пылающего здания и, прорубив себе путь сквозь ряды врага, скрылись в лесу и, наконец, в Панаме. [\[XV-36\]](#)

Если бы Вердуго с тех пор вел свои дела со знанием дела и осмотрительностью, которые были характерны для действий Инохосы в Панаме, он доставил бы этому командиру немало хлопот, но у него не было такта или полководческого мастерства офицера Гонсало. Он заключил в тюрьму алькальдов, произвольно обложил торговцев налогами, потребовал большой выкуп за своих пленников и вскоре стал настолько противен людям, что они единодушно обратились к доктору Рибере, мэру, с просьбой о защите от Инохосы. Призыв был не напрасен. Рибера сразу же вступил в переговоры с Инохосой, [\[XV-37\]](#) и было решено, что, пока первый собирает войска в Номбре-де-**Ошибка! Закладка не определена.** Диос, последний должен немедленно

выступить из Панамы с крупными силами. Вердуго привлек к себе на службу всех имевшихся в наличии людей и, отступив из города, занял позицию на берегу, где он был до некоторой степени прикрыт орудиями своих кораблей. Там он ждал Инохосу, который с небольшим, но отборным отрядом ветеранов [XV-38] сейчас пересекал перешеек, чтобы вступить в бой с войсками роялистов.

Как только войска повстанцев вышли из лесов, окружающих Номбре-де-Диос, Рибера сделал вылазку из города и открыл ожесточенный огонь по войскам Вердуго, горожане испугались первого шума драки и бросились на ближайший холм. Бригада Инохосы тем временем продвигалась ровным размеренным шагом обученных солдат, после чего мужчины Никарагуа во главе с Вердуго также обратились в бегство, оставив на поле боя лишь одного раненого из своего числа, [XV-39] и вернулись на свои корабли, откуда по городу была открыта оживленная канонада, но без видимого результата, если не считать потери боеприпасов. Затем капитан-роялист отплыл в Картахену, чтобы там дожидаться более благоприятной возможности послужить своему королю. Инохосу строго отчитал Мехию и других беглых офицеров и, оставив их в Номбре-де-Диос во главе более сильного гарнизона, вернулся с Риберой в Панаму.

Как я уже упоминал, ничто не могло привлечь внимания испанского двора к делам Нового Света более эффективно, чем восстание. Открытие и завоевание Америки не может быть классифицировано как достижение нации. Это была великолепная случайность в напряженное правление Фердинанда, Изабеллы и Карла. Те государи, всасываясь в войны и участвовать в амбициозных интригах дома, с огромного континента тяги на **Ошибка! Закладка не определена.** Их Генуэзского мореплавателя, едва мог найти время, чтобы сделать больше, чем разрешений для авантюристов, чтобы подчинить себе, за свой счет, новые территории в западном мире, и получить тогда, когда переводимые им королевскую пятую часть прибыли. Но мятеж, какого бы масштаба или формы он ни был, всегда неприятен суверену. Поэтому, когда до Испании дошла весть о жестоком обращении с представителем императора в Перу и о том, что этой провинцией завладела мощная группа повстанцев, монарх и его министры всполошились. Какое-то время они внимательно рассматривали дела Перу. Последовали длительные дебаты и закрытые советы. Поначалу советники короля в своих обсуждениях руководствовались только честью нации и решительно выступали за отправку вооруженных сил против Писарро; но восстание дома и восстание в Перу - это две совершенно разные вещи. Испанскому правительству было бы легче развязать войну против ста тысяч человек в Испании или Германии, чем против одной тысячи в дебрях этой отдаленной провинции. [XV-40]

PEDRO DE LA GASCA.

Педро де ла Гаска, [XV-41] советник инквизиции, но человек, не занимающий государственных должностей, был выбран в качестве подходящего инструмента для этого случая. В нем сочетался мягкий и вкрадчивый нрав с замечательной твердостью и упорством, а холодная и вкрадчивая внешность - с силой и проницательностью, о которых большинство его соотечественников и не подозревало. Никто лучше не знал, как сочетать утонченное смирение и смелую осторожность с непритязательными манерами и приятным обращением, и нельзя было найти человека, более подходящего для выполнения этой задачи. Он с неохотой подчинился вызову суда, но, однажды взявшись за дело, всей душой был поглощен его исполнением. Перед отъездом он отказался от предложенного епископства; он не принял бы ни

жалованья, ни какого-либо титула, кроме должности президента королевской аудиенции Лимы. [XV-42] Он был наделен полномочиями суверена, ему разрешалось набирать войска, объявлять войну, назначать и смещать офицеров по своему желанию, проводить репарtimento, приговаривать к смертной казни, оправдывать преступления, объявлять амнистию и при необходимости мог отправить обратно в Испанию даже самого вице-короля. [XV-43]

УМНЫЙ СВЯЩЕННИК.

26 мая 1546 года Гаска отплыл из Сан-Лукара с небольшой свитой, состоящей из двух ойдоров и среди других кавалеров марискаля Алонсо де Альварадо и аделантадо Паскуаля де Андагоя. Появись эмиссары Карла на перешейке в воинственном обличье, капитаны Гонсало Писарро противостояли бы им до последнего, но чего им было бояться скромного священника, у которого было всего два десятка слуг? Тем не менее Эрнандо Мехия не был лишен подозрений в отношении Альварадо. [XV-44] Совсем недавно он совершил одну грубую ошибку, позволив Мельчору Вердуго перехитрить себя; но после некоторого колебания он решил, что, если священник явился с таким поручением от короля, как утверждал Альварадо, лучше относиться к нему с уважением, подобающим королевскому посланнику. 17-го **Ошибка! Закладка не определена.**, и Мехия оказал ему лояльный прием. Собрав своих людей на берегу, он отправился к судну президента с охраной из двадцати аркебузирров, доставил его на берег и под грохот пушек и мушкетной пальбы проводил в его собственные апартаменты в черте города.

Мехия недолго пробыл в обществе неприятельного священнослужителя, прежде чем убедился, что под его спокойным поведением скрывается сила, которая вскоре даст о себе знать в стране. Гаска объяснил цель своего поручения и сферу своих полномочий. Его целью был мир, и его поручение, датированное битвой при Аньякито и смертью вице-короля, уполномочивало его даровать прощение за все преступления, какими бы ужасными они ни были. [XV-45] Таким образом, теперь всем верноподданным надлежало больше не выступать против посланца императора. Мехия колебался. В душе он был лоялен, хотя вместе с другими поддерживал дело рыцарских завоевателей в противовес суровому и непопулярному правлению Вака де Кастро и Васко Нуньеса Велы. Даже Гонсало Писарро, не говоря уже о его подчиненных, не признавали себя мятежниками. Гаска не настаивал на этом. Вскоре он полностью прочел "честного солдата" и узнал в нем человека. Его политика заключалась скорее в том, чтобы оказывать на тех, над кем он желал добиться господства, тонкое влияние, которое человек с его острой проницательностью, облаченный в одежды авторитета и сведущий во всех хитрых уловках и казуистике своего ордена, хорошо знал, как использовать, чем в том, чтобы принудить к нежелательному согласию на меры, которые были неприятны и от которых впоследствии можно было легко отказаться. **Ошибка! Закладка не определена.**

Предоставив Мехии делать свои собственные выводы и действовать самостоятельно, он, наконец, так объявил о своем решении Гаске: "Я верноподданный императора. Если Гонсало Писарро таков, он не может подвергаться сомнению мой курс; если нет, я предпочитаю не следовать судьбам предателей ". Затем он предоставил себя и своих людей в распоряжение священника, дал ему точную информацию о военной и военно-морской мощи под командованием Инохосы и даже предложил выступить в поход на Панаму и захватить флот. [XV-46] Посланник поздравил его с принятым решением и заверил, что король вознаградит его за верность, но отказался от какой-либо услуги с его стороны, за исключением сохранения его решения в секрете.

Получив известие о приземлении президента и о его вежливом приеме, Инохоса был крайне недоволен. Его лейтенант был назначен командовать в Номбре-де-Диос специально для охраны северного побережья от подхода любой экспедиции, враждебной интересам Гонсало Писарро; и теперь, после того как его застал врасплох отряд людей из Никарагуа и вынудил бежать в Панаму, он с королевскими почестями приветствовал, даже не посоветовавшись со своим командиром, человека, которому было поручено взять на себя управление всеми делами Перу. Гаска проницательно предположил, что Мехия, снимая с себя обвинение в предательстве, будет отстаивать интересы короля более эффективно, чем это мог бы сделать он сам. Поэтому он приказал ему сопровождать Альварадо в Панаму и изложить все дело Инохосе. Последнего удалось умиротворить без особого труда. Ему было указано, что, если разрешить посланнику приземлиться было правильной политикой, от этого выиграли бы все; тогда как, если была допущена ошибка **Ошибка! Закладка не определена.** было простым делом приказать священнику и его товарищам подняться на борт их судов. Успокоенный таким образом, он разрешил своему офицеру вернуться и сопроводить президента через перешеек.

Тем временем Мельчор Вердуго, устав от бесславного отдыха в Картахене, высадился в Номбре-де-Диос и там сложил свой смиренный долг к ногам посланника его Величества. Гаска сообщил ему, что лучшая услуга, которую он может оказать своему суверену, - это вернуться в Никарагуа и там распустить свои войска. Назойливый капитан яростно протестовал, но он был не из того металла, с помощью которого священник предлагал подавить восстание. Банда наглых, туповатых авантюристов, доведенных до ярости превосходством в полководческом мастерстве и солдатских качествах Инохосы и его ветеранов, ничем не могла ему помочь. Убедившись, наконец, что президент полон решимости игнорировать его, Вердуго отозвал свои войска и вскоре после этого вернулся в Испанию, чтобы изложить свои претензии императору.

ГАСКА И ПОВСТАНЦЫ.

13 августа 1546 года Гаска въезжает в Панаму и с большой церемонией принимается главнокомандующим, губернатором и магистратами города. Инохоса со всем его острым проницательным здравым смыслом, практическим опытом и доскональным знанием мира является не большим доказательством против кажущейся искренности и мягкого обаятельного поведения непритязательного священника, чем Мехия. Откровенный враг - его радость. Он сравнится своим остроумием или умением в военных или политических делах с любым человеком в Индии. Но когда суверенная власть Испании предстает в одеяниях священного смирения и с мягким акцентом излагает доктрины, достойные князя мира, мудрость солдата оказывается под угрозой. Враг превратился в призрак, могущественный, нет, непобедимый, но неосязаемый. Противодействие тонкому влиянию священника подобно конфликту с силами воздуха.

Наконец Инохоса обращается к президенту и умоляет **Ошибка! Закладка не определена.** его уточнить характер полномочий, которыми он наделен. Гаска отвечает, что он принес радостную весть испанским поселенцам, поскольку его Величеству было угодно отменить наиболее возмутительные меры, содержащиеся в новых законах, и уполномочить его даровать полное прощение за все, что произошло в Перу. Затем Инохоса спрашивает, подпадает ли Гонсало Писарро под эту амнистию и будет ли он утвержден в должности губернатора. Гаска уклоняется от ответа; после чего, поскольку у командира возникли подозрения, он немедленно приказывает приготовить корабль и отправляет Гонсало депешу, в которой сообщает о

прибытии священника, о приеме его Мехией в Номбре-де-Диос и о характере миссии посланника; заверяя своего бывшего вождя, что он может положиться на него в точном выполнении любых инструкций.

На том же судне Гаска отправляет доминиканского монаха Франсиско де Сан Мигеля объявить по всему Перу о прибытии королевского комиссара и его обещании простить преступления всех, кто вернется к своей верности. Он также адресует письма многим влиятельным людям, которым он доверял. Наконец, он направляет Гонсало депешу от императора, сопровождаемую посланием от него самого, совершенным шедевром дипломатии, в котором он лишь слегка касается свержения вице-короля, признает, что если он не будет лоялен, то не останется ни одной души, которой он мог бы рискнуть довериться, и умоляет его как христианина и истинного испанца больше не упорствовать в восстании. Тем временем хитрый посланник отправляет гонца к вице-королю Новой Испании, убеждая его не допускать отправки оружия или лошадей в Перу и держать свой флот в готовности к войне. [XV-47]

Поступление этих неприятных новостей из Панама вызвало немалое раздражение. Был созван совет должностных лиц; на него были приглашены основные жители Лимы; письма были зачитаны публично;**Ошибка! Закладка не определена.** и всем было предложено высказать свое мнение. Сообщение Гаски вызвало много веселья [XV-48] и много угроз, но они не знали, с кем им пришлось иметь дело. Одни выступали за то, чтобы сразу убить его, другие - за то, чтобы отправить обратно в Испанию; и только кое-где раздавались голоса в пользу того, чтобы допустить его в Перу. После долгих обсуждений было, наконец, решено отправить посольство в Испанию и представить этот вопрос императору, а также направить посланнику резолюцию, подписанную семьюдесятью ведущими кавалерами города, в которой говорилось, что гражданские раздоры теперь прекращены, нация наслаждается благословениями мира под властью Гонсало Писарро, и что присутствие представителя его Величества не только приведет к смятению провинции, но и может стоить ему жизни.

Альдана, один из помощников Гонсало, хотя и был тайным предателем революционного дела, был отправлен с этим посланием в Панаму. Прибыв в этот город 13 ноября, он направился в дом Инохосы, прежде чем нанести визит президенту. Получив там разрешение ознакомиться с личными депешами губернатора, он бросил их в огонь. Отправившись оттуда в апартаменты президента, он предложил ему свои услуги, и было решено, что Инохосе следует открыто предложить вступить в партию роялистов. Фернандо Мехиа также применил свою силу убеждения, утверждая, что, поскольку воля императора была обнародована, их долг - повиноваться президенту, не дожидаясь результата обращения к трону, что теперь дело можно урегулировать справедливым образом, и что, если эта возможность останется без внимания, они могут долго ждать другого шанса избежать последствий своей измены. Инохоса не желал соглашаться с таким взглядом на дело. Он считал, что действия революционной партии до сих пор были оправданными. Поэтому он ответил, что уже проинформировал **Ошибка! Закладка не определена.** посланника о своих намерениях, что, если его Величеству не будет угодно удовлетворить прошение Гонсало Писарро, он немедленно подчинится короне. Но Инохоса в конце концов запутался в сетях коварного священника и вместе со своим лейтенантом явился в дом президента, смиренно поклялся в верности его делу, предоставил в его распоряжение свой флот и водрузил королевское знамя Испании на грот-мачте своего флагманского корабля.

УСПЕХ ГАСКИ.

Теперь Гаска ответил на резолюцию, подписанную семьюдесятью кавалерами, написав свое письмо Гонсало и выразив свое удивление, что такому ничтожному клерриго, как он, отказано во въезде в Перу. Он умолял их избавиться от всяких опасений относительно каких-либо враждебных намерений с его стороны. Затем, обязав своих офицеров присягой [XV-49] не раскрывать своих намерений, он привлек к себе на службу каждого доступного человека на перешейке, получил денежные ссуды, написал губернаторам всех испанских провинций письма о помощи, отправил мощные эскадры для охраны порта Лима и захвата судов Гонсало на побережье Перу, а 13 июня 1547 года высадился в Тумбесе под командованием более чем тысячи солдат. [XV-50]

"Несомненно, дьявол должен быть среди них!" - воскликнул старый Карбахаль, [XV-51] когда Вальдивия, получив этот комплимент своему полководческому мастерству, выстроил свою армию в боевом порядке у Ксакишагуаны, а Гаска отошел в тыл со своей свитой священнослужителей. Разгром повстанческих сил вряд ли мог быть более полным, если бы его сатанинское величество присутствовал лично, и почти в пределах видимости столицы инков последний из **Ошибка! Закладка не определена.** Писаррос был передан палачу, до последнего вздоха упрекая тех, кто, разбогатев на щедротах его брата и его собственных, перешел на сторону его врагов и теперь собрались вокруг его тела. эшафот, [XV-52] в то время как сам он остался без средств на покупку мессы во благо своей покинутой души. [XV-53] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XVI. ВОССТАНИЕ БРАТЬЕВ КОНТРЕРАС. 1550 ГОД.

Причина восстания—Приготовления заговорщиков—Убийство епископа Вальдивьесо—Повстанцы побеждают жителей Гранады—Их план действий—Экспедиция отплывает в Нату—Гаска прибывает на перешеек с королевскими сокровищами—Захват Панамы—Ошибки лидеров повстанцев—Эрнандо де Контрерас направляется к Капире—За ним следует его лейтенант Бермехо—Прибытие Гаски в Номбре—де—Диос—Восстание жителей Панамы—Атака Бермехо на город—Его отпор-Его Силы уничтожены -Судьба Эрнандо и его последователей.

ВОССТАНИЕ В НИКАРАГУА.

После падения Родриго де Контрераса его сыновья, Эрнандо и Педро, бывшие лиценциатами и пользовавшиеся большим уважением среди колонистов Никарагуа, решили силой оружия вернуть себе богатство и положение, которых они считали себя несправедливо лишенными. Благородного происхождения и воспитанные в роскоши, они в раннем зрелом возрасте оказались в сравнительной бедности, а их древнее имя было запятнано позором их родителя. Они хорошо знали, что пользуются симпатией большей части поселенцев, и в провинции было много изгнанников из Перу, ветеранов, которые сражались под командованием Карбахалья и Гонсало Писарро и всегда были готовы к новым начинаниям, какими бы опасными или предательскими они ни были, при условии только, что впереди их ждет богатство. Главными среди них были Хуан Бермехо и Родриго Сальгера, которых Гаска изгнал за попытку поднять восстание после казни Гонсало. Бермехо был старым другом семьи Контрерас, будучи уроженцем из того же города в Испании, и именно по его наущению два брата, которые сначала стремились только к восстановлению прав и собственности своего отца в Никарагуа,

теперь решили совершить подвиг, дерзость которого не имеет аналогов в истории испанской колонизации. Это было не что иное, как завоевание Твердой Земли и Перу. В случае успеха Эрнандо должен был быть провозглашен монархом последней провинции, которая, как считалось, содержала больше богатств, чем весь остальной мир. В Гранаде были сделаны приготовления; люди были тайно завербованы; было закуплено оружие и боеприпасы; и когда пришло известие, что приговор свергнутому губернатору был утвержден советом Индии, заговорщики перебрались в Леон, младший брат остался в резиденции своей матери в Гранаде, чтобы создать впечатление, что они отбыли с каким-то мирным поручением.

Эрнандо со своими спутниками снял дом в Леоне, и оттуда были отправлены гонцы, приглашавшие тех, кого считали наиболее вероятными присоединиться к ним на притворное веселье. Когда все были в сборе, юный бунтарь указал на то, насколько тяжелы их нынешние жизненные условия и насколько безнадежны их шансы улучшить их. Он осудил поведение аудиенции, по постановлениям которой те, кто завоевал и заселил провинцию, теперь были практически доведены до нищеты. Он объяснил им, что имеет право на правительство Перу, провинция которого, как он утверждал, принадлежала его семье по определенным правам, унаследованным от его деда Педрариаса Давилы; [XVI-1] и в заключение он пригласил их присоединиться к нему в экспедиции, в результате которой на их долю могло бы выпасть огромное богатство, если бы у них хватило смелости ухватиться за него. Дальнейших уговоров не требовалось, и все сразу же дали свое согласие, избрав Эрнандо своим капитаном. **Ошибка! Закладка не определена.**

Епископ Вальдивьесо был единственным человеком, который мог оказать серьезное сопротивление; и в качестве меры благоразумия, а также для того, чтобы отомстить за позор Родриго де Контрераса, было решено предать его смерти. Заговорщики всем скопом направились к епископской резиденции. Некоторые из тех, кто испытывал религиозные угрызения совести, пытались оправдаться под предлогом того, что у них не было оружия, но их лидер вынудил их сопровождать остальных. [XVI-2] Эрнандо в компании монаха-отступника по имени Кастанеда вошел в дом, в то время как один из них стоял на страже у двери, а остальные члены банды окружили здание. Спутник епископа, отец Алонсо, заметивший их приближение, немедленно уведомил прелата, но его судьба была решена. Он попытался скрыться, подозревая о намерениях злоумышленников, но был обнаружен и мгновенно зарезан в присутствии своей престарелой матери, кончик кинжала Эрнандо отломился в груди жертвы. [XVI-3] Затем жилище было разграблено; было украдено несколько ящиков с золотом и драгоценностями, и группа направилась к площади, где Эрнандо был провозглашен "генерал-капитаном свободы". К Педро де Контрерасу был отправлен гонец, чтобы сообщить ему об успехе его брата, а мятежники направились к зданию казначейства в Леоне и, взломав королевский сундук, разделили между собой его содержимое.

Лидеры восстания разделили свои силы на три роты; и было решено, что Сальгеро следует отправить с небольшим отрядом в Никою, чтобы захватить корабли и завербовать там всех людей, которых он сможет найти, в то время как Эрнандо с основными силами двинулся в Реалехо с аналогичной целью, а Бермехо примерно с тридцатью людьми вернулся в Гранаду, чтобы собрать рекрутов и уничтожить все суда на берегу. Озеро Никарагуа, таким образом предотвращая попадание любых известий о восстании на Огненную землю через Номбре-де-Диос.

ГРАНАДА ВЗЯТА.

Как только в Гранаде стало известно о заговоре, был срочно организован корпус из ста двадцати человек под командованием капитана Луиса Каррильо, и когда Бермехо приблизился к городу, он обнаружил, что ему противостоят значительно превосходящие силы; но молодой Педро так умело привлек большинство поселенцев на сторону своего брата, что многие из лояльной партии покинули свои ряды и присоединились к революционерам. После короткого сражения, в ходе которого Каррильо и несколько его людей были убиты, а другие ранены, Бермехо овладел городом. Все суда на озере были уничтожены, и повстанцы двинулись в Реалехо в сопровождении Педро, который, несмотря на мольбы своей матери, решил присоединиться к экспедиции. Эрнандо, тем временем, захватил там два судна, груженных товарами для Перу, и привлек их экипажи к себе на службу. Сальгеро не менее повезло и в Никойе: он вошел в город без сопротивления и завербовал около шестидесяти новобранцев. Силы революционеров насчитывали теперь более трехсот человек.

Зная, что успех зависит от оперативности действий, лидеры повстанцев решили немедленно отправиться на Огненную землю и сразу же разработали план своих операций. От некоторых изгнанников, недавно прибывших из Перу, было установлено, что лицензиат Гаска в то время направлялся в Испанию с большим количеством сокровищ. Их первой попыткой должен был стать захват этого сокровища. Если бы это увенчалось успехом, Гаска и губернатор Панама были бы преданы смерти. **Ошибка! Закладка не определена.** армия численностью не менее шестисот человек должна была быть собрана на Перешейке. Следовало снарядить корабли и отправить эскадру крейсировать у берегов Никарагуа и Гватемалы и уничтожать все суда, которые они смогут захватить. У поселенцев, непригодных к военной службе, должны были отобрать их имущество и отправить вместе со всеми женщинами и детьми в Картахену. Затем Панама, Номбре-де-Диос и Ната должны были быть сожжены дотла. Скот должен был быть убит, а урожай уничтожен, так что, если бы против них была послана армия из Испании, не нашлось бы ни средств к существованию, ни кораблей для транспортировки. Затем экспедиция должна была отправиться в Перу, где Эрнандо должен был быть провозглашен королем; и Испания, таким образом, должна была потерять богатейшую часть своих владений в Новом Свете. [XVI-4]

Вскоре после того, как заговорщики покинули Гранаду, алькальды приказали построить барку с намерением отправить известие об угрозе вторжения в Номбре-де-Диос; но встревоженные угрозами доньи Марии, которая заявила, что ее сыновья получили информацию об их намерениях и даже сейчас возвращаются, чтобы разрушить город, они попросили ее заверить их, что никакие вести о восстании не будут отправлены в Кастилия-дель-Оро. Тем временем революционеры, завершив свои приготовления, отплыли из Никой в Пунта-де-Игера, в районе Ната.

ВЪЕЗД В ПАНАМУ.

12 марта 1550 года Гаска прибыл в Панаму и сразу же приступил к выгрузке королевских сокровищ, которые оценивались в одиннадцать миллионов кастельяно. Ему было предложено использовать все силы экспедиции для доставки его в Испанию, поскольку, как он узнал из своих депеш, оно было крайне необходимо для покрытия расходов императора на европейские войны. Его инструкции заключались в том, что он сам **Ошибка! Закладка не определена.** должен оставаться на Перешейке в ожидании прибытия недавно назначенного вице-короля Мендосы. Хотя ему было несколько не по себе из-за своей ответственности, поскольку до него

уже доходили смутные слухи о предстоящем набеге, он не очень боялся подвергнуться нападению, поскольку с ним был отряд из ста пятидесяти ветеранов, а моряков на борту кораблей насчитывалось около четырехсот пятидесяти человек. Ни один флот из Испании еще не прибыл в Номбре-де-Диос, но девятнадцать торговых судов, стоявших на якоре недалеко от города, были захвачены, снабжены провизией и вооружены артиллерией, привезенной из Перу. [XVI-5] Тысяча двести мулов, нагруженных золотом и серебром, вскоре были доставлены в город Крусес на реке Чагре, где их под руководством Гаски погрузили на баржи для транспортировки в Северное море, и все еще большое количество сокровищ ожидало средств транспортировки в Панаме.

Экспедиция повстанцев к этому времени прибыла в Пунта-де-Игера, где была захвачена каравелла, груженная зерном — желанный приз, поскольку революционеры уже испытывали нехватку провизии. Продолжая свое плавание в сторону Панамы, они захватили другое судно, возвращавшееся оттуда в Никарагуа, и были проинформированы его командой о прибытии лиценциата и численности его войск. Теперь было решено напасть на город глубокой ночью, застать гарнизон врасплох, казнить губернатора и таким образом посеять панику среди поселенцев. Что касается Гаски, "они поклялись, - говорит Вега, - сделать из него порошок, в котором они очень нуждались".

Через несколько часов после наступления темноты 20 апреля 1550 года Эрнандо де Контрерас и Бермехо с основным отрядом революционеров высадились в небольшом **Ошибка! Закладка не определена.** примерно в одной лиге от города и под покровом темноты вошли в него без сопротивления, крича "Смерть предателю!" и "Да здравствует принц Контрерас, генерал-капитан свободы". Дом губернатора был окружен, но когда он отбыл в Номбре-де-Диос, повстанцы ограничились разграблением его резиденции. Теперь отряду было приказано схватить казначея Амайю и захватить королевскую казну, [XVI-6] в то время как остальные, рассеявшись по улицам, захватили все оружие и боеприпасы, которые смогли обнаружить, получив от Бермехо указание сказать людям, что они пришли не грабить город, а захватить королевские сокровища и установить царство свободы. Некоторые из них, тем не менее, взламывали лавки и дома и угощались тем, чего больше всего желали. Среди других товаров был обнаружен большой запас богатой одежды, и теперь многие из банды "беззаконников", впервые с тех пор, как они прибыли из Испании, облачились в новую одежду. [XVI-7]

На площади перед собором, где укрылся епископ, были размещены силы. Поскольку он отказался показываться на глаза, опасаясь покушения, Бермехо вошел в святилище и вытащил его на площадь. Тем временем Руис де Марчена, помощник казначея, был арестован и угрозами и жестоким обращением вынужден выдать дополнительные сокровища на сумму в четыреста пятьдесят тысяч песо.

Бермехо настаивал на казни епископа, казначея, регидорес и других главных должностных лиц; но Эрнандо, не желая без необходимости проливать кровь, принял их обещание под присягой присоединиться к делу революционеров, после чего первый заметил лидеру повстанцев: "Если вы поддерживаете своих врагов и выступаете против себя, вы найдете что те же самые люди, чьи жизни вы сейчас сохраняете, при первой же возможности развернутся и повесят вас и всех ваших последователей ". Едва эти слова были произнесены, как Марчена, пренебрегши своей клятвой, отправил гонцов сообщить Гаске о вторжении.

ЗАХВАТ СУДОВ.

В то время как город, таким образом, попал в руки заговорщиков, Педро де Контрерас с пятьюдесятью людьми захватил все корабли в гавани Панама, а Сальгера с двадцатью конными аркебузирами был отправлен в Крусес с приказом убить лиценциата и губернатора и вернуть все сокровища, которые они смогут добыть. Последний прибыл слишком поздно, чтобы осуществить свое намерение; но в деревне было найдено пятьсот слитков серебра, и люди Сальгуэро оставались там до полудня следующего дня, развлекаясь грабежом таможни и веселясь за полными до краев кубками отборного вина, расплачиваясь с торговцами за их товары из украденных сокровищ.

До сих пор все шло хорошо; и если бы у повстанцев был умелый лидер, они могли бы достичь своей цели почти так же успешно, как это сделал Инохоса, когда благодаря своей превосходной стратегии несколько лет назад завоевал провинцию без единой потери жизни. Но успех сделал их чересчур самоуверенными. Они уже пробудили недоброжелательность людей, разграбив их имущество, и теперь они собирались совершить серьезную ошибку, разделив свои силы на небольшие отряды, тем самым подвергнув себя нападению и разгрому по частям. Эрнандо всего с сорока людьми выступил из Панама в Номбре-де-Диос, считая, что этого небольшого отряда достаточно, чтобы справиться с командованием Гаски. [XVI-8] Прибыв в место под названием Ла-Вента-де-**Ошибка! Закладка не определена.** С огорчением он захватил некоего Гомеса де Тапия, у которого в распоряжении было письмо, информирующее лиценциата о случившемся. Он сразу же приказал повесить его, прикрепив к его ногам бумагу, на которой было написано: "Этот человек был повешен за то, что нес советы в Гаску". Однако по счастливой случайности он был спасен. Мальчик-мулат, который, когда его спросили, где прячется его хозяин, указал своим похитителям место, где они нашли только его меч, был казнен таким же образом по приказу капитана по имени Ланда.

В Капире, на расстоянии трех с половиной лиг от города, людям было приказано разбить лагерь до тех пор, пока Гаска с королевскими сокровищами не прибудет в Номбре-де-Диос. Бермехо тем временем решил оставить Панаму без охраны и выступил на поддержку Эрнандо, надеясь сокрушить противника в одной стычке и таким образом положить конец всякому сопротивлению. Полагая, что небольшого отряда Педро более чем достаточно, чтобы предотвратить любое восстание в городе, он даже отозвал часть людей и, заручившись поддержкой нескольких добровольцев из числа горожан, начал свое путешествие через Перешеек.

ГАСКА С ОРУЖИЕМ В РУКАХ.

На следующий день после отъезда Бермехо Гаска и губернатор прибыли в устье реки Чагре, и здесь их встретил отряд вооруженных людей из Номбре-де-Диос с известием, что Панама находится во владении орды негодяев, хотя кто они и откуда пришли, никто пока не мог определить. Таким образом, подавив восстание в Перу и доставив эти огромные богатства в целости и сохранности на берег Северного моря, лиценциат в последний момент оказался в опасности потерять не только королевские сокровища, но и свою собственную репутацию способного и надежного слуги императора. Он решил **Ошибка! Закладка не определена.** немедленно отправиться в Номбре-де-Диос и, разместив свое золото и серебро вне досягаемости захватчиков, собрать всех людей, которых он сможет собрать, и выступить на спасение столицы. Выйдя в море, он столкнулся с сильным штормом и был вынужден высадиться в небольшой бухте, расположенной в нескольких лигах от города, и оттуда отправил

одного из своих офицеров сообщить поселенцам о его приближении и побудить их приготовиться к обороне. Два дня спустя он прибыл лично и был принят с распростертыми объятиями охваченными ужасом гражданами, большинство из которых закрыли свои магазины и жилища и погрузили свои пожитки на борт кораблей в готовности к бегству. Теперь было установлено, что Эрнандо де Контрерас командовал повстанцами и что их намерением было провозгласить его королем Перу. Гаска приказал привести свой флот с сокровищами с соседнего острова, где он был оставлен на якоре, и, показав таким образом, что он не боится захватчиков, вскоре восстановил доверие. Многие жители бежали в горы, но теперь вернулись, а другие вынесли на берег свои ценности с судов, заявив, что, если лицензиат рискнет хранить королевские сокровища в Номбре-де-Диос, им не нужно опасаться за свою собственность. Обнаружив, что город не подвергся нападению, Гаска предположил, что Эрнандо вернулся в Панаму, и, собрав свои силы, насчитывающие в общей сложности пятьсот шестьдесят человек, приготовился снова пересечь перешеек; но когда они были уже на исходе, из столицы пришло известие, что восстание уже подавлено.

После того, как Бермехо эвакуировал город, некоторые жители, зная, что Гаска командует мощными силами и, вероятно, одолеет захватчиков, решили взяться за оружие и попытаться преградить им путь к отступлению. Был отправлен гонец, чтобы сообщить лицензиату об их цели. Зазвонили церковные колокола, призывая граждан к оружию, и **Ошибка! Закладка не определена.** королевский штандарт был поднят под крики "Да здравствует король!" и "Смерть тиранам!" Педро де Контрерас, который все еще оставался с флотом, вслед за этим послал лодку на берег, чтобы выяснить причину переполоха. Команда была немедленно взята в плен, и люди Панамы теперь решили попытаться захватить суда и таким образом отрезать повстанцам все шансы на побег. Одного из пленных моряков поместили в лодку, надежно связанную, а затем на веслах отправили обратно к флоту, за которым последовали три других, набитых вооруженными людьми, причем моряку было приказано под страхом смерти ответить на вызов повстанцев словами "Эрнандо де Контрерас, принц свободы". После ожесточенной борьбы нападавшие были отброшены, шестеро из них были убиты и несколько ранены. Во время конфликта заключенному удалось сбросить с себя оковы, и, нырнув в море, он спасся, поплыв обратно на свой корабль. Теперь велись приготовления к обороне города; были возведены укрепления; главная улица была забаррикадирована; а женщины и дети укрылись в соборе, где в случае поражения должна была состояться последняя битва.

ПОРАЖЕНИЕ БЕРМЕХО.

Услышав об этом происшествии в городе, Бермехо, который к этому времени прибыл в деревню Крусес, немедленно решил вернуться по своим следам, поклявшись, что повесит и четвертует каждого из тех, кто нарушил свое обещание не поднимать против него оружия. Эрнандо и Сальгери были отправлены послания, в которых они сообщали о случившемся и призывали их немедленно возвращаться; но, не дожидаясь его помощи, лидер повстанцев сразу же двинулся на Панаму, преодолев четырнадцать лиг за один день. Он снова совершил непростительную ошибку, которая вскоре привела к уничтожению его войск. В своей глупой спешке присоединиться к Эрнандо он оставил самый сильный город на Перешейке без гарнизона, и теперь, когда его люди были измотаны форсированным маршем, он решил атаковать этой же ночью. **Ошибка! Закладка не определена.** Если бы он только дождался прибытия подкреплений или хотя бы дал своим солдатам время на отдых, все могло бы быть хорошо; но гнев взял верх над рассудительностью, и в своей жажде мести он и слышать не хотел об

отсрочке. Выйдя на главную улицу, он обнаружил, что люди полностью готовы к обороне, и, подойдя к баррикаде, с крыш домов посыпались камни, в то время как лучники и аркебузиры открыли резкий огонь, заставив его отступить и разработать другие планы операции.

После консультаций со своими офицерами было решено поджечь город в нескольких местах в течение следующей ночи и напасть на жителей, пока они будут заняты тушением пламени. Пощады не должно было быть, и был отдан приказ, чтобы каждый житель старше двенадцати лет был убит независимо от пола или состояния здоровья. Пока мятежники совещались, один из пленников, подслушав их разговор, тайно послал своего слугу-негра сообщить об их замысле. Несмотря на совет епископа, который счел за лучшее дожидаться прибытия Гаски из Номбре-де-Диос, жители Панамы решили атаковать врага до того, как у них будет время осуществить свои планы. Всего их силы насчитывали 550 человек, из которых 100 были ветеранами, сражавшимися в Перу, 200 - новобранцами, а остальные - неграми, вооруженными пиками или арбалетами, под командованием испанских офицеров. Около полудня они совершили вылазку, чтобы встретиться с врагом. Все знали, что им предстоит сомнительная и отчаянная борьба, но самый отъявленный трус среди них чувствовал, что лучше рискнуть своей жизнью, чем быть покорно убитым мятежниками; а поскольку битва должна была вестись при свете дня, никто не мог уклониться от исполнения долга.

Бермехо был сильно поражен дерзостью горожан, но неудача предыдущей ночи сделала его немного осторожнее, и он отвел свои силы на соседний холм, где к нему присоединился Отряд Сальгуэро, [XVI-9] который в этот момент прибыл из Крусеса, и он ожидал нападения. После отчаянной борьбы повстанцы были разбиты. Девяносто из них были распростерты замертво на поле боя, [XVI-10] среди них Бермехо и Сальгуэро, последний получил удар копьем от казначея Амайи, которому во время боя удалось сбежать от своей охраны. Остальные были схвачены до одного человека и в кандалах доставлены в тюрьму, где мэр альгюасиля Родриго де Вильяльба приказал нанести им всем удары ножом в сердце, вонзив во многих свой собственный кинжал и даже не позволив им воспользоваться религиозными утешениями.

В тот самый день, когда командование Бермехо потерпело поражение, Эрнандо, получив известие о предполагаемой попытке вернуть Панаму, отправил сообщение, одобряющее его намерение, и с целью посеять панику в городе приказал ему распространить сообщение о том, что Номбре-де-Диос взят, а Гаска и губернатор убиты. Оставив двадцать пять человек под командованием Ланды охранять перевалы в Капире, он отправился с остальными на поддержку своего лейтенанта. Прибыв в первую ночь в Вента-де-Шагре, он обнаружил, что некто Лозано, поселенец в этом районе, отправился предупредить горожан о своем приближении и приказал уничтожить все его имущество. На следующий день ему сообщили о катастрофическом результате битвы под Панамой, и он немедленно распустил своих людей, приказав им направляться к побережью, где их, возможно, спасет флот его брата, а сам с тремя товарищами направился в направлении Наты. Тем временем люди, оставшиеся в Капире, опасаясь нападения войск Гаски, покинули свой пост и перешли перешеек. При приближении к Панаме они были атакованы большим отрядом, но ночью им удалось спастись бегством, а также направиться к морскому берегу.

ПОВСТАНЦЫ УНИЧТОЖЕНЫ.

Когда Педро де Контрерас услышал о поражении при Бермехо, он немедленно вышел в море со своими двумя лучшими кораблями и, бросив остальные, отплыл в Нату, но как только стало

известно о его отъезде, четыре судна пустились в погоню; и Гаска, прибывший из Панамы день или два спустя, отправил по суше сильный отряд, чтобы помешать погрузке выживших. В Пунта-де-Игера корабли повстанцев были настигнуты и захвачены, большая часть их экипажей спаслась на лодках, часть из них была захвачена позже, а остальные умерли, как предполагалось, от голода или были убиты туземцами. Впоследствии об их судьбе ничего не было слышно. Люди Ланды были убиты или взяты в плен, а сам он был повешен и четвертован на том же дереве, к которому подвесил мальчика-мулата. Человека, пытавшегося задушить Тапиа, постигла та же участь, и тела этих двух повстанцев были разложены по частям вдоль дороги между Капирой и Вента-де-Шагре. Только двенадцать из всех пленников были пощажены, и они были отправлены в Испанию, чтобы закончить свои дни на галерах. Эрнандо и его товарищи достигли побережья и, будучи преследуемыми по горячим следам, вышли в море на каноэ, надеясь поравняться с кораблями Педро, но были отброшены назад из-за плохой погоды. После двухдневного блуждания по берегу вождь повстанцев, теперь ослабевший от голода и переохлаждения, утонул при попытке перейти реку вброд и таким образом, вероятно, избежал палача. **Ошибка! Закладка не определена.** Когда впоследствии было обнаружено его тело, его можно было узнать только по одежде и золотому украшению, свисавшему с шеи. Голова, которой так скоро предстояло надеть корону, была отделена от тела и помещена в железную клетку на площади в Панаме. Так закончилось восстание, которое при более умелом руководстве могло бы подорвать империю Испании в западном мире за несколько столетий до истечения срока ее владычества. [XVI-11] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XVII. ДЕЛА В ГОНДУРАСЕ. 1537-1549.

Франсиско де Монтехо Назначен губернатором—Восстание касика Лемпиры—Подлая уловка испанцев—Основание новых колоний—Состояние поселений—Добыча полезных ископаемых в Гондурасе—Возвращение Педро де Альварадо—Монтехо отстранен от должности—Алонсо де Мальдонадо, первый президент Аудиенсии Границ—Жестокое обращение с местными жителями—Соперничающие прелаты в Гондурасе—Их споры—Лас Касас представляет Памятник Аудиенсии—Он оскорблен ойдорами—Его отъезд в Чьяпас — Из—за жадности Мальдонадо — Его место занял Алонсо Лопес де Серрато - Аудиенция переместилась в Сантьяго-де-Гватемала.

В ответ на петицию поселенцев в Трухильо император назначил правителем Гондураса Игераса Франсиско де Монтехо, губернатора Юкатана. Не записано, что он привез с собой подкрепления или припасы в помощь быстро разлагающейся колонии. По прибытии он обнаружил небольшую группу умирающих от голода людей, лишенных всех ресурсов. Испанцы, которым удалось выбраться из провинции, уже уехали. Даже Хуан де Чавес, назначенный Альварадо своим преемником, не найдя в Гондурасе никакого прибыльного поля для своего предприятия, покинул территорию и вернулся в Гватемалу. [XVII-1] Губернатор сначала отправился в Сан-Педро-дель-Пуэрто-де-Кабальос, где он сразу же аннулировал репартименты, предоставленные Альварадо, передав **Ошибка! Закладка не определена.** их своим друзьям или присвоив их для собственного использования, [XVII-2] и отправил экспедицию в соседнюю сьерру с целью умиротворения индейцев. Поскольку не было предпринято никаких попыток поработить их или жестоко обращаться с ними, многие добровольно вернулись в поселение.

Затем Монтехо посетил Грасиас-а-Диос, где выяснил, что несколько испанцев, направлявшихся из Комаягуа в Гватемалу, были убиты местными жителями в провинции Черкин. Он отправился на место и, арестовав зачинщиков, наказал их в присутствии их касиков, которые затем были отпущены по домам, заявив, что удовлетворены заслуженным наказанием.

ЛЕМПИРА И ЕГО КРЕПОСТЬ.

Но их удовлетворение было лишь притворным, и колонисты, которые теперь вообразили, что установили дружеские отношения с индейцами, быстро развеялись. Самым воинственным и непримиримым из их врагов был вождь Лемпира, имя, означающее Повелитель Гор. Он долгое время наводил ужас на поселенцев и был выдающимся воином среди своих соотечественников. Считалось, что он собственноручно убил в одном столкновении с враждебным племенем сто двадцать своих врагов. Таков был ужас, который внушало его присутствие, что его враги бежали перед ним, как от человека, несущего в себе заколдованную жизнь, ибо во всех бесчисленных битвах, в которых он участвовал, он ни разу не получил раны. Заняв крепость, известную как скала Черкин, в непосредственной близости от Грасиас-а-Диос, [XVII-3] он бросил вызов Альварадо, когда направлялся на помощь к Сереседе во главе сильного отряда испанцев и двух тысяч дружественных туземцев. Хуан де Чавес перед своим возвращением в Гватемалу атаковал крепость Лемпира всеми силами, которые только мог собрать, но его попытка была сорвана, и теперь местные жители считали свою позицию неприступной.

Охваченный честолюбивым желанием освободить свою страну, касик собрал соседних вождей — их последователи насчитывали в общей сложности около тридцати тысяч воинов - и пригласил их присоединиться к нему в попытке уничтожить захватчиков. Он указывал на позор позволять держать себя в подчинении горстке чужеземцев, призывал их взяться за оружие против испанцев и, предлагая встать во главе них, обещал привести их к победе или отдать свою жизнь за эту попытку. Было решено немедленно начать военные действия, и несколько поселенцев были убиты до того, как какие-либо известия о восстании достигли Грасиас-а-Диос. Капитан Касерес с хорошо оснащенными войсками был отправлен Монтехо для подавления восстания, после чего Лемпира удалился в свою крепость и казнил гонцов, посланных требовать его капитуляции, заявив, что он не признает никакого господина и не подчиняется никаким законам, кроме законов своего собственного народа.

Затем Касерес осадил это место, но, хотя помощь была вызвана из Комаягуа и Сан-Педро-дель-Пуэрто-де-Кабальос, индейцы хорошо оборонялись. В течение шести месяцев испанцы осаждали крепость, их число быстро уменьшалось из-за нужды, незащищенности и непрерывных столкновений с туземцами. Последние были настолько утомлены в своих усилиях, что у осаждающих, разделенных на восемь отрядов, было мало времени для отдыха, поскольку их день и ночь беспокоили вылазки гарнизона. В конце концов Касерес, не видя никакой перспективы взять крепость, решил низменной стратегией добиться успеха, которого ему не удалось добиться силой оружия. Всаднику было приказано приблизиться на расстояние выстрела из аркебузы к скале и вызвать Лемпиру на беседу. **Ошибка! Закладка не определена.** под предлогом начала переговоров о мире, в то время как сопровождавшему его пехотинцу, скрытому от глаз всадника, было приказано тщательно прицелиться в касика и выстрелить в него, когда он будет уверен в своей цели. Уловка удалась слишком хорошо. Ничего не

подозревающий вождь вышел навстречу гонцу и во время переговоров был повержен на землю выстрелом аркебузира. Его безжизненное тело покатилося по скале, и его сторонники, охваченные паникой, больше не оказывали сопротивления, большинство из них обратилось в бегство, а остальные сдались испанцам. [XVII-4] Остается лишь добавить, что с пленными обращались хорошо и что губернатор, который, по-видимому, не был ответственен за это безобразие, своей гуманной политикой сумел умиротворить многих беглецов и побудить их вернуться в свои жилища и возделывать землю.

Во время правления Монтехо поселенцы Гондураса снова наслаждались перерывом в отдыхе, [XVII-5] хотя его поведение было неприятно многим колонистам, которые все еще с сожалением вспоминали время, когда охота на рабов была разрешена на всей территории. Прибытие в Грасиас-а-Диос в 1538 году лиценциата Кристобаля де Педразы, носившего титул защитника индейцев, оказало существенную услугу губернатору в разрешении многих трудностей, возникших с энкомендерос. Его радушно встретили и оказали всяческую помощь в исполнении им своих обязанностей.

МЕЖОКЕАНСКОЕ ШОССЕ.

Теперь Монтехо обратил свое внимание на строительство дорог и развитие ресурсов **Ошибка! Закладка не определена.** своей провинции, которая уже обещала процветающее будущее. Пшеница была успешно выращена, и перспективы значительного увеличения производства были обнадеживающими, в то время как такие же благоприятные результаты были достигнуты при посадке виноградной лозы. В 1539 году губернатор направил императору письмо, в котором настаивал на целесообразности строительства дороги для вьючных животных между заливом Фонсека и Пуэрто-де-Кабальос через Комаягуа. Все расстояние составляло всего пятьдесят две лиги, и было указано, что впоследствии дорогу можно было бы улучшить, чтобы она была доступна для колесных транспортных средств. Утверждалось, что это окажется более выгодным маршрутом для перевозки товаров между Испанией и Перу, чем через Номбре-де-Диос и Панаму, поскольку гавани по обе стороны безопасны и легкодоступны. Кроме того, страна, через которую ему предстояло пройти, обладала прекрасным климатом, богатыми рудниками, плодородной почвой, хорошими пастбищами и множеством прекрасных ручьев с водой. Его Величество попросили предоставить негров для выполнения работ, поскольку на туземцев нельзя было полагаться в такой работе. Вскоре после этого нескольких колонистов убедили основать поселение недалеко от места, покинутого Хил Гонсалесом Давилой и отрядом Сандовала. [XVII-6] Этому месту было дано название Сан-Хуан-дель-Пуэрто-де-Кабальос. Это место было во многих отношениях благоприятным для торгового центра, но его суровый климат был уже слишком хорошо известен испанцам.

Вскоре после восстания индейцев, которое закончилось смертью Лемпиры, губернатор решил основать поселение в округе Комаягуа и с этой целью отправил Касереса подыскать подходящее место на полпути между двумя океанами. Место было выбрано в центре плодородной долины, удаленной примерно на двадцать шесть лиг от обоих морей и соединенной хорошей дорогой с индейской деревней, откуда судоходная река текла на север к **Ошибка! Закладка не определена.** Пуэрто-де-Кабальос. Здесь в 1539 году был основан город Комаягуа, [XVII-7] и дела новой колонии шли настолько успешно, что несколько лет спустя [XVII-8] она была возведена в ранг города.

Поселения, основанные первыми колонистами Гондураса, росли медленно. В письме, адресованном Педразой местной администрации, датированном 1 мая 1547 года, он утверждает, что семь испанских городов, которые тогда входили в провинцию, [XVII-9] "постоянно увеличивались, как и деревни"; и все же мы обнаруживаем, что в Трухильо, который тогда стал самым крупным из них, проживало всего пятьдесят поселенцев, в то время как ни в одном из других не было больше тридцати. Отсутствие сообщения с Южным морем и удаленность от торговых путей между Испанией и Новым светом, без сомнения, сильно замедлили рост населения, поскольку сельскохозяйственные и минеральные ресурсы территории не уступали ресурсам других провинций, в которых проживало более чем в десять раз больше жителей. Отсутствие хороших дорог и удобств для путешествий также было серьезным недостатком; и вполне вероятно, что поездка по различным поселениям Гондураса, расположенным в радиусе менее сорока лиг, занимала в середине шестнадцатого века почти столько же времени, сколько сейчас потребовалось бы для совершения кругосветного путешествия. [XVII-10] **Ошибка! Закладка не определена.**

ДОБЫЧА ЗОЛОТА.

Рудники Гондураса уже начали приносить умеренное количество сокровищ, и, если бы не массовое истребление туземцев и нехватка негритянской рабочей силы, можно было бы добиться гораздо большей отдачи. Еще во времена Педрариаса Давилы было известно, что жители долины Оланчо были чрезвычайно богаты, но из-за отсутствия необходимых инструментов их нельзя было обрабатывать. Имея только свои стремена, испанцы за два месяца наскребли золота на сумму шестнадцать тысяч песо де оро, а "при надлежащем оборудовании, - утверждает Эррера, - они могли бы выручить двести тысяч песо". Раннее процветание Грасиас-а-Диос было связано с открытием богатых рудников в его окрестностях, и вскоре он стал одним из самых процветающих поселений в провинции. Самым богатым был город Сан-Андрес-де-Нуэва Сарагоса, расположенный в горах к западу от города и к востоку от долины Копан. Золото здесь можно было выковыривать из земли палкой. В другой шахте, принадлежащей некоему Бартоломе Мартину де Санабриа, им самим и одним рабом ежедневно добывалось более фунта золота. Позже урожайность стала настолько большой, что алькальды-майоры были назначены собирать королевскую пятую часть, имея право принуждать одну четвертую часть индейцев в радиусе двенадцати миль работать на них. "Недалеко от Комаягуа, - говорит Овьедо, - они добыли и выплавили руду, которая дала шестьдесят тысяч песо де оро, и предполагалось, что еще сорок тысяч были украдены". [XVII-11] **Ошибка! Закладка не определена.**

В то время как Монтехо был занят различными проектами по содействию благосостоянию провинции, Педро де Альварадо прибыл в Пуэрто-де-Кабальос во главе своих мощных и хорошо укомплектованных войск, [XVII-12] и, отправившись оттуда в Сан-Педро-дель-Пуэрто-де-Кабальос, вскоре после этого отправил гонца в Грасиас-а-Диос, чтобы уведомить губернатора о своем прибытии. Монтехо был в растерянности, как вести себя при таком изменившемся положении дел. В качестве правителя Юкатана его карьера не увенчалась успехом, и в Гондурасе он оказался непопулярен. Со своими немногочисленными и разрозненными последователями, плохо накормленными, плохо одетыми и вынужденными вести постоянную борьбу с туземцами, он был не в состоянии справиться с могущественным соперником. Хотя он обладал властью по назначению короны, он не знал о том, в какой степени визит Альварадо в Испанию повлиял на его правительство. Он не знал, какие представления были сделаны императору его соперником, и имел все основания опасаться, что его поведение было

подстроено самым худшим образом. Он действительно никогда не чувствовал себя в полной безопасности в своем положении. Более года назад корона намеревалась в ответ на петицию, отправленную из Трухильо, передать Гондурас под юрисдикцию аудиенции Испании. От этой меры отказались только из-за большого расстояния и нечастости связи; и теперь, после некоторых предыдущих переговоров об обмене территорией, [XVII-13] Альварадо высадился лично, чтобы потребовать присоединения своей провинции к Гватемале. Он задолго до этого выразил свое мнение, что **Ошибка! Закладка не определена.** Гондурас не может существовать в одиночку, но в случае присоединения к соседней провинции он будет ежегодно вносить в казну императора сто тысяч кастелланьо, тогда как в то время он почти ничего не приносил. [XVII-14] Монтехо, с другой стороны, высмеял взгляды другого. "В час испытаний, - сказал он, - когда вся страна была наводнена враждебно настроенными туземцами, он отправил множество срочных просьб в Гватемалу о помощи, но ему было отказано в помощи, хотя он просил только о помощи двухсот дружественных индейцев, и ему приходилось сражаться изо всех сил". Он заявил о своем убеждении, что если Гондурас будет присоединен к Гватемале, то через несколько месяцев в провинции не будет найдено ни одного индейца и что менее чем через два года территория придет в упадок.

АЛЬВАРАДО И МОНТЕХО.

По прошествии более месяца с момента отправки его послания без получения какого-либо ответа Альварадо решил выступить в сторону Грасиас-а-Диос; и, собрав свои силы, двинулся в направлении столицы. Монтехо тем временем чувствовал себя не в своей тарелке. Он хорошо знал, что любая попытка запугивания приведет лишь к его собственному уничтожению, и все же не желал полагаться на великодушие своего соперника. Однако, следуя совету своих друзей, он решил принять его вежливо и, приблизившись к поселению, вышел ему навстречу. В месте, удаленном примерно на пятнадцать лиг от города, соперничающие губернаторы встретились, и Монтехо обнаружил, что его худшие опасения более чем оправдались. "Его Величество был проинформирован, - сказал завоеватель Гватемалы, - о том, каким образом он вошел в Гондурас" **Ошибка! Закладка не определена.** и о его последующей карьере, а также ему сообщили, что Альварадо ценой больших усилий спас провинцию от разрушения. Поэтому было приказано, чтобы Монтехо немедленно вернул все имущество, которое он отнял у жителей провинции, и все доходы, полученные им с момента вступления в должность".

Среди священнослужителей, проживавших в то время в Гондурасе, был уже упомянутый человек, которого Монтехо называет "падре Кристобаль де Педраза, защитник индейцев и называющий себя епископом". Свое официальное назначение на кафедру Гондураса Альварадо привез с собой по возвращении из Испании. Когда Педраза впервые прибыл в провинцию, губернатор радушно принял его, предоставив в его распоряжение собственную резиденцию и большое количество рабов. Теперь он обратился к нему за помощью в этом своем тяжелом положении, и благодаря заступничеству прелата [XVII-15] с доньей Беатрис дело было улажено без дальнейших споров. Доходы, полученные от земель и рудников в течение срока полномочий губернатора, оценивались в двадцать восемь тысяч дукатов, [XVII-16] и "из этой суммы, - говорит Эррера, - Альварадо без каких-либо просьб немедленно перевел часть, а два месяца спустя его легко убедили простить вторую половину". Было решено, что Монтехо должен уступить ему все права на **Ошибка! Закладка не определена.** правительству Гондураса и Игераса, и что Альварадо должен уступить взамен Сьюдад-Реаль-де-Чьяпас и город

Сучимилько в Мексике, также выплатив денежную компенсацию в размере двух тысяч кастильяно.

ALONSO DE CÁCERES.

В депеше императору, написанной вскоре после этого, бывший губернатор горько жалуется на обиды, которые он претерпел из-за происков своих врагов; но, как он сам замечает в своем письме, "небольшая милость при дворе приносит больше пользы, чем самая верная служба". Соглашение было ратифицировано короной, и примерно в конце 1539 года Монтехо покинул провинцию после короткой и несколько бесславной карьеры, примерно в то же время Альварадо вернулся в Гватемалу, оставив Алонсо де Касереса своим представителем в Гондурасе, а Педраса год или два спустя сел на корабль в Испанию, где после некоторой задержки получил папскую буллу о конфирмации и был должным образом посвящен, тем временем занимаясь заключением контрактов на негритянских рабов от имени короны с целью использования их труда при разработке рудников. [XVII-17]

По возвращении в провинцию в 1545 году епископ [XVII-18] совершил пастырское путешествие по провинции, длившееся восемнадцать месяцев. Он горько жалуется на трудности, которые ему пришлось пережить, и на деморализованное и нищенское положение колонистов. "Местные жители, - говорит он, - почти все бежали в горы, находясь в страхе перед испанцами, которые продолжали **Ошибка! Залкада не определена. ГИПЕРССЫЛКА \l "X3d155299ab3a131845309dbd86ef00c3c7a5af3".** Многие португальцы, итальянцы и другие иностранцы распространили среди себя болезни и порок, так что даже индийские девушки нежного возраста развращены до печальной степени, в то время как двоеженство и полигамия являются частым явлением ". Вальдивьесо, который в то время проживал в Грасиас-а-Диос, ожидая хиротонии в качестве епископа Никарагуа, также рассказывает, что к церкви относились с презрением, что испанцы, как правило, были крайне небрежны в соблюдении всех религиозных обязанностей и что они вели более порочный образ жизни, чем когда-либо было известно христианам.

Хотя Педраса привез с собой из Испании несколько монахов, они, по-видимому, не очень усердствовали в работе по исправлению поселенцев или обращению туземцев. Иногда проходило много дней, в течение которых не проводилось богослужение, и кабиьдо объясняли это упущение пренебрежением епископа, "который, - говорили они, - был слишком занят своими мирскими делами, чтобы должным образом выполнять свои обязанности". Однако церковники, по-видимому, были очень успешны в продаже папских булл в индийских деревнях, и эта практика продолжалась до 1547 года, когда королевский седула положил конец этой позорной торговле. Их плата за служение мессы или за похоронные услуги была непомерной. Исповедь человека, проживающего на расстоянии одной лиги, стоила тридцати кастильяно, а дежурство в течение одной ночи у постели умершего касика - ста тридцати кикипилли какао. Желая хоть как-то продемонстрировать миссионерское рвение, прелат рекомендовал воздвигнуть кафедральный собор и открыть школы во всех индейских городах, находившихся по соседству с испанскими поселениями. Первая рекомендация была принята, и, несмотря на протесты местной аудитории, выбранным местом был Трухильо, [XVII-19] оклад епископа **Ошибка! Залкада не определена.** был установлен в размере пятисот тысяч мараведи, хотя вскоре после этого он подал прошение об увеличении его стипендии до двух тысяч дукатов.

AUDIENCIA DE LOS CONFINES.

Когда новый свод законов отменил аудиенцию Панамы и назначил аудиенцию Границ, [XVII-20] Алонсо де Мальдонадо был избран ее первым президентом [XVII-21] по рекомендации Лас Касаса, а оставшимися кандидатами были лиценциаты Диего де Эррера, о которых упоминалось в связи с провинцией Никарагуа, Педро Рамирес де Киньонес и Хуан Рогель. Мальдонадо было поручено основать резиденцию правительства в Комаягуа, которая отныне должна была называться Нуэва-Вилья-де-Вальядолид, но, сочтя это место неподходящим, он выбрал в качестве более благоприятного места Грасиас-а-Диос, где в 1545 году состоялось первое заседание трибунала. [XVII-22] Прибытие Мальдонадо было отмечено большим ликованием среди поселенцев; но их радость была недолгой, поскольку одной из первых мер audiencia была публикация нового кодекса законов, который, как они заявили, должен был строго и немедленно исполняться в той мере, в какой это касалось освобождения индейцев.

В Гондурасе к новому кодексу относились с не меньшей неприязнью, чем в других провинциях, и, вероятно, только из-за малочисленности населения этой территории мы не читали о таких вспышках среди колонистов, как у Гонсало Писарро в Перу или у братьев Контрерас в Никарагуа. Поселенцам пришлось довольствоваться безрезультатными протестами и посылкой прокуроров для защиты **Ошибка! Закладка не определена.** их дела в суде Испании. Не похоже, чтобы туземцы получили какую-либо пользу от правил, принятых в их пользу; ибо год или два спустя, по прибытии в Грасиас-а-Диос Лас-Касаса и Вальдивьесо, первый заявляет, что, несмотря на все королевские указы об обратном, с индейцами, находящимися под защитой короны, обращались настолько жестоко, что они предпочли вернуться на службу к своим бывшим хозяевам, а не наслаждаться своей новой и сомнительной свободой.

Первого июня 1549 года был издан королевский указ, предписывающий не использовать туземцев в качестве носильщиков вьюков, за исключением случаев крайней необходимости, и что все нанятые в любом качестве должны получать плату за свои услуги. Однако эти правила, по-видимому, сделали их участь еще более тяжелой, поскольку испанцы, больше не владея ими как человеческим имуществом и не заботясь об их жизни, обращались с ними еще более сурово, чем раньше. В Gracias á Dios мы узнаем, что они были предложены в аренду на публичных торгах, а после продажи тому, кто больше заплатит, были отправлены на рудники или на морской берег в сорока милях отсюда. Лас Касас рассказывает нам, что их согнали вместе на расстояние десяти или пятнадцати лиг и, приставив к ним охрану, заключили в загон, как крупный рогатый скот. Затем они делились альгуасилем между поселенцами и после усердной работы в течение месяца получали два реала, иногда от них требовалось отслужить целый год за одно песо. Когда их использовали в качестве вьючных животных, они были вынуждены нести груз в семьдесят пять или сто фунтов через местность, изобилующую болотами и лесами. Их пища состояла из нескольких черствых кукурузных лепешек, а ночью у них отбирали одеяла, чтобы они не убежали, и их часто оставляли спать под открытым небом почти голыми и без укрытия.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

В дополнение к Лас Касасу и Вальдивьесо, последний из которых находился в столице в ожидании хиротонии **Ошибка! Закладка не определена.** в качестве епископа Никарагуа, в Грасиас-а-Диос теперь присутствовали прелаты Гватемалы Маррокин и Гондураса Педраса. [XVII-23] Конечно, нельзя было ожидать, что все эти высокопоставленные лица церкви будут работать в гармонии друг с другом, а тем более с членами аудитории. В то время как Лас Касас и

Вальдивьесо стремились добиться безоговорочного освобождения всех индейцев, Маррокин и Педраса, которые сами владели несколькими энкомьендами, крайне не хотели с ними расставаться; и когда Лас Касас пригрозил отлучением от церкви всем, кто откажется выдать своих рабов, Маррокин заверил поселенцев, что он быстро дарует им отпущение грехов. Затем смещения последнего потребовали его противники, которые написали императору письмо, осуждающее его как "человека, не заслуживающего королевской милости, сколотившего свое состояние за счет своей чести и чести народа, в нарушение закона и приказов императора". Педраза, с другой стороны, обсуждая вопрос о создании школ в местных деревнях, восклицает: "Молю Бога, чтобы усилия Лас Касаса были направлены именно на эту цель, а не на всеобщую гибель провинции, его рассуждения были подобны рассуждениям человека, обезумевшего от ярости, сам слепо алчный и честолюбивый до осквернения чести. Тридцать лет он боролся за епископство, пока, наконец, не получил его силой ста тысяч лжи".

Колонисты, конечно, не испытывали сочувствия к Лас Касасу, оставляя его без внимания жалобы, а иногда и почти голодную смерть. Те, кто тайно были его друзьями, из-за страха подвергнуться преследованиям, не желали удовлетворять его потребности. **Ошибка! Закладка не определена.** Оидоры отказались выслушать его или предоставить ему компенсацию, и однажды, когда некий колонист пригрозил убить прелата, ему позволили остаться безнаказанным. [XVII-24] В письме императору Мальдонадо заявляет, что "Лас Касас стал таким гордым после своего возвращения из Испании, что с ним невозможно иметь дело, и лучшим местом для него было бы в каком-нибудь монастыре в Кастилии". Маррокин предложил урегулировать давно назревавший индейский вопрос, передав дело в комиссию, состоящую из вице-короля Мексики, аудиенций, епископов и других компетентных лиц, как мирян, так и священнослужителей, или в комитет, который будет выбран ими самими, и чтобы их решение было представлено короне на утверждение; но Лас Касас не допускал такого компромисса и настаивал на немедленном введении в действие новых законов. В конце концов было решено, что епископы должны представить аудитории мемориал, отражающий их жалобы, требующий возмещения ущерба и недвусмысленно заявляющий о своих требованиях в отношении обращения с местными жителями. Вскоре после этого Лас Касас зачитал этот документ перед оидорами, которые, поскольку теперь он пользовался поддержкой всех своих коллег-епископов, не осмелились отказать ему в аудиенции. К ним была обращена просьба оказать содействие церковным властям в осуществлении их юрисдикции и помочь им в наказании всех, кто согрешил против Бога и церкви, совершив святотатство или проявив неуважение к епископскому достоинству. Требовалось, чтобы туземцев не принуждали платить чрезмерную дань, не использовали в качестве вьючных животных или не требовали от них оказания какой-либо иной службы, кроме добровольной, и чтобы все незаконно поработанные были освобождены и переданы под защиту епископов; утверждалось, что Лас Касас и его коллеги были их защитниками и обладали правом вынесения судебного решения во всех случаях предполагаемого жестокого обращения. Было настоятельно рекомендовано строго привлекать должностных лиц, ответственных за индийские деревни, **Ошибка! Закладка не определена.** нести ответственность за оказанное им доверие и наказывать в случае неправомерных действий, как предписано новыми законами. [XVII-25] Меморандум завершился угрозой президенту, оидоресу и другим должностным лицам отлучения от церкви, если они не выполнят эти приказы в течение трех месяцев.

НЕПРИЯЗНЬ К ЛАС КАСАСУ.

Велико было негодование членов аудиенции по отношению к прелату, который таким образом осмелился поставить себя выше высшего суда страны. Они привыкли рассматривать священнослужителей как людей, присутствие которых действительно следует терпеть ради внешнего вида, но в чьи обязанности входит только проведение религиозных служб, в которых жены и дети колонистов, возможно, пожелают принять участие, и добиваться по мере сил прогресса в обращении туземцев. Нельзя было мириться с тем, что они осмеливаются вмешиваться в их собственные схемы самовозвеличивания. Мальдонадо и ойдорес дали волю своему гневу в таких оскорбительных выражениях, что три дня спустя Лас Касас и Вальдивьесо направили императору письмо, в котором говорилось, что ни во времена Альварадо или Нуньо де Гусмана, ни во время правления кого-либо из бывших тиранов служители церкви не подвергались таким оскорблениям и притеснениям, и никогда не совершались такие чудовищные преступления, как при нынешней аудиенции в Пределах Штата. Епископы, более того, выразили свое убеждение, "что дьявол наполнил ойдоров честолюбием и алчностью, когда они пришли в страну", и заявили, что, если исполнение новых законов не будет передано в их собственные руки, провинция обречена на разорение. [XVII-26] Тем временем Маррокин, который в тайне был непримиримым врагом Лас Касаса, также отправил депешу испанскому двору, в которой он говорит о нем как о человеке, преисполненном гордости, **Ошибка!** **Закладка не определена.** зависть и лицемерие, и осуждает его предположение о том, что он осмелился представить столь оскорбительный памятник публике. [XVII-27]

Лас Касас напрасно ждал ответа на свои требования. Не обескураженный, однако, намеренным бездействием ойдоров, он настаивал на своих требованиях с неутомимым рвением, выводя их из себя своим упорством и часто подвергая себя грубым оскорблениям. Однажды, когда он входил в зал аудиенции, его встретили криками: "Вышвырните этого сумасшедшего!" В другой раз он подвергся грубому оскорблению со стороны самого президента; [XVII-28] и когда, несмотря на все отпоры, он обратился с последней апелляцией, требуя соблюдения новых законов и сделав Мальдонадо публичный выговор, последний ответил: "Вы негодяй, плохой человек, плохой священник, плохой епископ, потерявший всякий стыд и достойный наказания!" Хотя на мгновение прелат был ошеломлен таким ответом человека, чье назначение произошло по его собственной рекомендации, он смиренно склонил голову и со словами: "Я вполне заслуживаю всего, что говорит ваша милость, сеньор лиценциадо Алонсо Мальдонадо", - тихо удалился.

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ.

Теперь все ожидали, что президент будет отлучен от церкви. Поскольку освящение Вальдивьесо должно было состояться двумя днями позже и на нем не мог присутствовать никто из тех, кто находился под запретом церкви, Мальдонадо решил приложить некоторые усилия для примирения. Отправиться в дом епископа и там найти **Ошибка! Закладка не определена.** извинения были унижением, которого его гордость не потерпела бы, в то время как нельзя было ожидать, что Лас Касас, после всех перенесенных им унижений, согласится посетить резиденцию другого человека. Благодаря вмешательству друзей было наконец решено, что эти двое должны встретиться, как бы случайно, в доме президента. Сняв шляпу и заговорив уважительным тоном, Мальдонадо начал выражать свое сожаление по поводу случившегося, но прелат тут же взорвался: "Отсюда! Прочь! Вы отлучены от церкви!" - и удалился, не произнеся больше ни слова.

Все еще продолжая полемику с аудиенсией, Лас Касас получил известие из Сьюдад-Реаля о том, что в его собственной епархии царят беспорядки, и, желая как можно скорее вернуться в Чьяпас, еще раз призвал оидоров вынести решение. Чтобы избавиться от его непрекращающейся назойливости, они в конце концов пошли на компромисс, уступив часть его требований, но отказались признать его или его коллег защитниками индейцев. Поскольку это был главный пункт его меморандума, и без этой уступки новые законы не действовали бы или, по крайней мере, были бы трудны в исполнении, прелат обнаружил, что, подобно другим преждевременным реформаторам, он мало чего добился и значительно усилил свою непопулярность. [XVII-29]

Ближе к концу 1545 года епископы разъехались по своим провинциям. Из ойдорес Рогель сопровождал Лас Касаса в Сьюдад-Реаль; [XVII-30] Киньонес вскоре после этого был занят набором войск в помощь экспедиции Гаски в Перу; и **Ошибка! Закладка не определена.** президент, который вместе с Эррерой все еще оставался в Грасиас-а-Диос, занялся накоплением богатства, опасаясь, что этот день недалек, когда от него потребуют отчета. Он не встретил особого сопротивления, поскольку увещевания кабильдо были совершенно проигнорированы, а епископ Педраза был человеком, слишком близким себе по сердцу, чтобы чинить какие-либо серьезные препятствия на своем пути. Мальдонадо со своими друзьями и родственниками уже владел примерно третью всех энкомьенд в провинции и получал, кроме того, свою долю дани, взимаемой ойдорами с индейских деревень, владение которыми для вида было оформлено на имя определенных алькальдов и альгуасилей. Последние получали треть валового дохода, и те, кто был нанят для сбора дани, также получали часть, и им разрешалось выжимать все, что они могли, из своих несчастных жертв, за которыми они охотились, как ищейки, днем и ночью, обращая в рабство всех, кто не мог внести свою долю.

ALONSO LOPEZ DE CERRATO.

Положение дел в провинции Гондурас вскоре стало известно совету Индии, и по рекомендации Лас Касаса лицензиат Алонсо Лопес де Серрато был назначен судьей резиденции и президентом аудиенции Границ. В течение нескольких лет он возглавлял аудиенсию Санто-Доминго и там познакомился с епископом, который хорошо знал его ценность и то рвение, с которым он трудился на благо индейцев. Одним из его принципов было всегда считать, что они правы, пока не будет доказано обратное, и его мало заботило хорошее или плохое мнение об испанцах. Ни угрозы, ни обещания, ни мольбы не могли отвлечь его от исполнения своей цели. Будучи сам священником, он, конечно, был хорошим другом духовенства и помогал им в их усилиях облегчить страдания местных жителей; так что поселенцы воскликнули после того, как он пробыл недолго **Ошибка! Закладка не определена.** времени в провинции: "Наш день прошел, и день монахов начался". [XVII-31]

В 1548 году лицензиат прибыл в Грасиас-а-Диос и сразу же приступил к занятию резиденций президента и ойдорес Рогель и Эррера. Завершив свое расследование, он докладывает императору, что с момента создания аудиенции ни один королевский указ или какой-либо из новых законов не был приведен в исполнение. Напротив, президент и ойдорес были первыми, кто пренебрег ими, чтобы снискать расположение поселенцев; они никогда не думали об освобождении каких-либо рабов или об отмене использования туземцев в качестве вьючных животных. [XVII-32]

Серрато, несомненно, ожидал найти дела в лучшем состоянии, поскольку не привел с собой никого, кто мог бы заменить ойдоров, которые могли быть смещены. Мальдонадо, однако, похоже, избежал всякого наказания, кроме потери должности. [XVII-33] Эррера, хотя Лас Касас и Вальдивьесо ранее заявляли, что он один среди оидорес достоин своей должности, был единственным, кто был оштрафован, и, за исключением президента, единственным, кто не был восстановлен в должности. [XVII-34]

Хотя поселенцы обвинили Серрато в **Ошибка! Закладка не определена.** пристрастности при отправлении правосудия, он пользовался полным доверием императора, [XVII-35] который отдал приказ передавать на его решение все вопросы серьезной важности, относящиеся к правительствам Гондураса, Никарагуа и Гватемалы. Более того, епископы Никарагуа, Гватемалы и Чьяпаса продемонстрировали свою признательность за его заслуги, умоляя его посетить их епархии и помочь им в их трудах на благо местных жителей, поскольку оидоры, отправленные в эти провинции, не смогли обеспечить соблюдение новых законов. За короткий срок пребывания Серрато в Гондурасе не произошло ничего заслуживающего внимания, за исключением восстания негров-рабов в Сан-Педро-дель-Пуэрто-де-Кабальос, которое было быстро подавлено силами, направленными против них аудиенцией.

В 1549 году резиденция аудиенции Границ была перенесена из Грасиас-а-Диос в Сантьяго-де-Гватемала. Бывший город, в котором сейчас проживало всего восемнадцать поселенцев, был расположен в районе, где трудно было добыть пищу для людей и животных, и находился далеко от более важных колоний. В других населенных пунктах положение дел было немногим более благополучным. В Гондурасе, как и везде в западных владениях Испании, апатия испанского монарха и беспорядки, вызванные непрекращающейся борьбой за богатство или стремлением к незначительной власти, в значительной степени усугубили страдания и лишения, о которых редко умалчивает ранняя история колонизации по всему миру. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XVIII.

ХОД СОБЫТИЙ В ГВАТЕМАЛЕ.

1541-1550гг.

Траур по Альварадо—Скорбь Доньи Беатрис—Аномальное правительство—Правительница—Красивая, но коварная гора—Ночь ужасов—Смерть Доньи Беатрис—Разрушение Сантьяго—Разрушенный город—Захоронение мертвых—Уныние выживших, страдающих угрызениями совести-Совместные губернаторы—Решено перенести город—Обсуждается новое место—Основан еще один Сантьяго—Мальдонадо назначен губернатором—Действия Аудиенции относительно Энкомьендаса—Споры и взаимные обвинения—Перевод Аудиенции в Сантьяго—Президент Серрато Оскорбляет Поселенцев — Его Образ действий.

Когда в последние дни августа 1541 года в Сантьяго пришло известие о смерти Альварадо [XVIII-1], со всех сторон были демонстрации скорби; собор был задрапирован в черное [XVIII-2] и город облачился в одежды скорби; каким бы плохим ни был человек, мало найдется тех, кто не получает удовольствия от обычного траура.

Но воздействие этого известия на жену аделантадо, донью Беатрис, было настолько сильным, что, по-видимому, повлияло на ее рассудок. Она била себя по лицу и рвала на себе волосы,

рыдая, крича и стеля в сильнейшем экстазе горя. Несколько дней она не ела и не спала, **Ошибка! Залладка не определена.** отказываясь от любых утешений. Она выкрасила свой дом в черный цвет, как внутри, так и снаружи, и одела его в глубочайший траур. Все попытки успокоить ее наталкивались на вспышки страсти, выраженные в выражениях, которые считались нечестивыми, [XVIII-3] и она отвергала как призывы друзей, так и религиозное утешение, предлагаемое священниками, — все это было довольно жалко со стороны скорбящей женщины. Тем временем епископ Маррокен со всей возможной торжественностью отслужил погребальные обряды, каждый день возносились молитвы за упокой души покойного завоевателя.

Но в то время как должным образом соблюдался траур по поводу потери, которую колонисты понесли в результате смерти Альварадо, необходимо было принять решение по важному вопросу о правительстве провинции. Франсиско де ла Куэва был оставлен вице-губернатором, но, хотя это назначение было одобрено вице-королем [XVIII-4] и кабильдо было приказано им признавать Куэву до тех пор, пока не станет известно желание его Величества, члены совета взяли дело в свои руки и избрали донью Беатрис губернатором. Эта аномальная процедура обсуждалась на специальном заседании, и причины, по которым был предпринят такой шаг, заключались в том, что это было сочтено необходимым для мира, безопасности и интересов страны. Как только решение было принято, кабильдо всем скопом отправился в дом доньи Беатрис и предложил ей встречу. Ее сильное горе из-за потери своего господина не помешало ей принять правление в соответствии с желанием властей. Поблагодарив муниципалитет за оказанную честь, **Ошибка! Залладка не определена.** она приняла должность и пообещала усердно служить его Величеству и посвятить себя благосостоянию провинции в установленной форме слов. Немедленно последовала церемония вступления в должность в присутствии епископа и Франсиско де ла Куэва, после чего вдова Альварадо принесла присягу по надлежащей форме и вслед за этим назначила своего брата, Франсиско де ла Куэва, [XVIII-5] вице-губернатором, предоставив ему все полномочия действовать от ее имени во всех вопросах, относящихся к правительству, за исключением распоряжения репартиментиос индейцев, которые могли стать вакантными; эту прерогативу она оставила за собой. Назначение ее брата было признано кабильдо на следующий день, в субботу 10 сентября. [XVIII-6]

РАЗРУШЕНИЕ САНТЬЯГО.

Но не суждено было этой несчастной даме долго наслаждаться своим высоким положением. Ее судьба с **Ошибка! Залладка не определена.** была предрешена для многих других. Дожди в этом году были обильными, и с четверга, 8 сентября, до полудня следующего воскресенья шли непрерывно, при этом дул необычайно сильный ветер. [XVIII-7] Читатель знает, что город Сантьяго располагался на склоне высокого вулкана Агуа. [XVIII-8] Эта гора представляет собой красивый симметричный конус, возвышающийся почти на пятнадцать тысяч футов над уровнем моря, и в ее огромном кратере было небольшое озеро, которое из-за сильных дождей поднялось до вершины окружающих склонов. 10 сентября, [XVIII-9] примерно через два часа после наступления темноты, в результате извержения вулкана был выброшен огромный объем воды, или заключенное в тюрьму озеро прорвало свой барьер. Как бы то ни было, в этот страшный момент стремительный поток обрушился на обреченный город, находившийся в десяти тысячах футов ниже и не более чем в лиге от вершины, принося огромные деревья и каменные глыбы [XVIII-10] и швыряя их на жителей. Ветер, дождь и темнота сделали катастрофу

еще более **Ошибка! Закладка не определена.** ужасающей. Многие были убиты, не зная, что с ними произошло. Выбора жертв не было; испанский колонист и слуга-индеец были повержены, игрок в кости и верующий, преклонивший колени перед святилищем. В ту ужасную ночь каждый, в одиночку вырываясь из бурлящего потока, мог вообразить себя единственным выжившим. Погибло множество людей, и многие были выброшены из его объятий на твердую землю с искалеченными конечностями и раздавленными телами. [XVIII-11]

СМЕРТЬ ДОНЬИ БЕАТРИС.

Донья Беатрис — на самом деле Ла Син Вентура, несчастная, как она подписала себя накануне, — при первой тревоге, собрав вокруг себя служанок, поспешила в молельню. Но что толку было в молитве? Вода обрушилась на них, и при втором порыве волны обрушилась на часовню и похоронила под ее руинами леди-губернаторшу и ее служанок. [XVIII-12] Перед тем, как обрушиться на дом Альварадо, наводнение смыло два других дома вместе с их обитателями. В доме были и другие домочадцы, и среди них Донья Леонор, старшая внебрачная дочь Альварадо. Донья Беатрис послала за ними, но большинство из них было унесено потоком, хотя донье Леонор и некоторым другим удалось спастись. Большое количество индейцев обоего пола, принадлежавших к семье, также были утоплены. Двух капелланов, находившихся в доме, выбросило через окно и **Ошибка! Закладка не определена.** отнесло на некоторое расстояние к площади, где они были спасены. Ночью было предпринято несколько попыток проникнуть в дом Альварадо, но только одному человеку, Франсиско Каве, это удалось. Квартира доньи Беатрис, которую она покинула, была единственной уцелевшей частью здания. Если бы она осталась там, вместо того чтобы бросаться в церковь, она и те, кто с ней, были бы спасены. Сообщалось, что ночью произошло много сверхъестественных ужасов, подробности которых приводит Берналь Диас.

В то время как этот удар обрушивался на дом Альварадо, его родственник Франсиско де ла Куэва находился в крайней опасности. При первом реве низвергающегося потока, слышном сквозь бушующую бурю, он вообразил, что в городе произошло какое-то сильное волнение, и выбежал с копьем в руке, но был отброшен назад лавиной воды. Удалившись с испанцами из своего дома в кабинет, он избежал опасности, хотя эта квартира была единственной уцелевшей частью здания. [XVIII-13]

Когда рассвело, картина запустения была душераздирающей. Вода сошла, и со всех сторон были видны руины города. Большинство домов были разрушены или снесены, а те немногие, что остались, были настолько залиты грязью, что в них невозможно было жить. Погибли целые семьи. [XVIII-14] Улицы были завалены скопившимся мусором, стволами изуродованных деревьев и огромными камнями. Среди всего этого крушения были разбросаны обезображенные трупы и туши утонувшего скота. [XVIII-15] **Ошибка! Закладка не определена.**

СОБИРАЮ МЕРТВЫХ.

И вот начались печальные, безрадостные поиски погибших, за которыми последовали скорбные похороны. Многие из пропавших так и не были найдены. Тела доньи Беатрис и тех, кто погиб вместе с ней, были найдены за одним исключением. Ее останки были с должной торжественностью преданы земле возле главного алтаря собора, [XVIII-16] а останки ее товарищей по смерти были благоговейно положены бок о бок в одной общей могиле. [XVIII-17] В

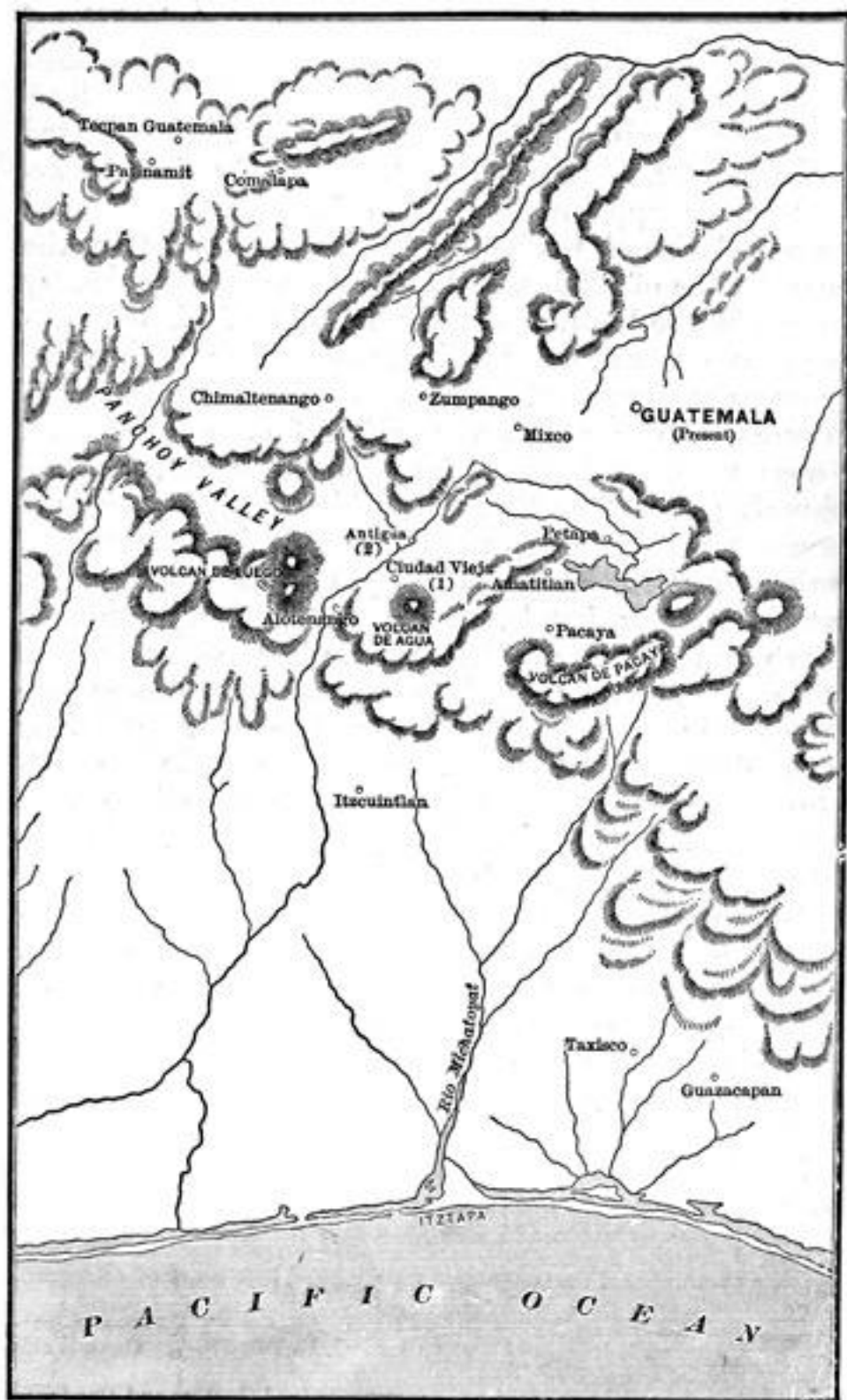
то время как последние церковные обряды были должным образом совершены в память об этой несчастной женщине, пораженная община расценила постигшую их катастрофу как проявление божественного гнева; и хотя большинство выживших смотрели на это как на заслуженное наказание за свои собственные грехи, не было недостатка в тех, кто приписывал причину Божьего гнева невозддержанному языку, использованному доньей Беатрис в ее неистовой горе. [XVIII-18] Столько безумной глупости может быть обернуто в слова мудрости! Епископ пытался ободрить свою паству, несмотря на столь глубокое уныние. **Ошибка! Закладка не определена.** была проведена покаянная процессия и пропета ектения перед главным алтарем. Более того, Он повелел им поститься и молиться по средам, пятницам и субботам. Кроме того, чтобы подбодрить их, он рекомендовал отложить весь траур.

Тем не менее уныние, павшее на общину, не скоро рассеялось, и при каждом угрожающем изменении погоды охваченные паникой поселенцы искали спасения на холмах. Преобладало единодушное желание покинуть это место; многие жители покинули его и переехали жить на свои фермы, [XVIII-19] в то время как те, кто остался [XVIII-20] выразили свою решимость уехать в другое место. Чтобы пресечь полную заброшенность и рассеяние, кабиьдо 22 октября издал указ, запрещающий любому гражданину покидать город под страхом штрафа в размере ста песо де оро. [XVIII-21] И долгое время после того, как столица была перенесена в другое место, покаянная процессия, в которой участвовали гражданские и церковные чины, покидала новый город на рассвете в каждую годовщину и посещала бывшую столицу в скорбном ознаменовании этого бедствия. С крестами в руках, распевая литанию и молясь о безопасности своего города, люди со всем смирением направились к бывшему собору. [XVIII-22] Там была отслужена месса и украшены могилы умерших, после чего процессия разошлась. [XVIII-23]

КУЭВА И МАРРОКЕН.

Смерть доньи Беатрис оставила провинцию без правителя. Положение Куэвы во главе правительства больше не признавалось, и в условиях кризиса **Ошибка! Закладка не определена.** по делам кабиьдо встретились 16 и 17 сентября и после некоторого обсуждения временно избрали Куэву и епископа Маррокина совместными губернаторами. [XVIII-24]

Епископ в письме на имя короля, датированном 20 февраля 1542 года, информирует его Величество, что, принимая назначение, он руководствовался не желанием богатства, почестей или власти, а фактическим положением дел, и в то же время срочно доводит до его сведения необходимость назначения губернатора с большим влиянием и способностями. Ранее он предлагал определенных лиц, [XVIII-25] которых он считал полностью способными и достойными занять этот пост. Эти рекомендации он сейчас повторяет, считая себя ответственным, если королю будет угодно действовать в соответствии с его взглядами. Епископ, более того, намекает, что муниципальное управление попало в недостойные руки из-за отставки или смерти достопочтенных регидоров, которые были членами предыдущих кабиьдо. Указывается на необходимость отбора людей здравомыслящих и ревностных на королевской службе, и избрание таких людей имеет такое жизненно важное значение для благосостояния провинции, что Маррокен умоляет его Величество приказать, чтобы те, кто ушел в отставку, вернулись к своим обязанностям. [XVIII-26]

Древняя и современная Гватемала.

Описывая страну как спокойную, он изображает колонию почти в состоянии распада. Недавнее бедствие привело поселенцев к крайней бедности, [XVIII-27] и контраст между их нынешним состоянием и состоянием процветания, к которому они пришли при правлении Альварадо,

побудил их задуматься **Ошибка! Закладка не определена.** вообще покинуть провинцию. Чтобы предотвратить это зло, Маррокен распределил часть индейцев, принадлежавших аделантадо, среди нескольких наиболее достойных, которых таким образом убедили остаться. [XVIII-28]

НОВЫЙ ГОРОД САНТЬЯГО.

После выборов совместных губернаторов важный вопрос об отстранении от должности обсуждался властями и гражданами. То, что интересы страны требовали такого шага, было почти единодушным мнением, [XVIII-29] и выбор нового места сразу же привлек всеобщее внимание. По этому вопросу мнения были более разнообразными, и было предложено несколько населенных пунктов. Аргумент в пользу долины Тиангуэс на равнинах Чимальтенанго был вновь возрожден и нашел сторонников, в то время как другие отдавали предпочтение долине Петапа или долине Мишко. Были, однако, возражения против удаления города на сколько-нибудь значительное расстояние от его существующего места. Принималось во внимание, что долина Альмолонга уже была возделана и что в ее окрестностях находились животноводческие фермы, которые из-за преобладающей бедности и потребностей жителей не следует бросать; [XVIII-30] и после тщательного изучения преимуществ, предлагаемых различными населенными пунктами, [XVIII-31] преимущества долины Панчой были признаны **Ошибка! Закладка не определена.** настолько превосходящими, что в кабильдо, состоявшемся 22 октября, было приказано возвести там будущий город. [XVIII-32]

Таким образом, не более чем в половине лиги от развалин Сантьяго, на месте, занимаемом нынешней Антигуа-Гватемалой, испанцы снова заложили город. Было произведено обычное распределение участков, городские общины разделены, и туземцев снова заставили трудиться на возведении зданий для своих угнетателей. [XVIII-33] Тем не менее, работа продвигалась не с той скоростью, на которую, по-видимому, поначалу рассчитывали власти, [XVIII-34] и хотя в течение 1542 года был достигнут некоторый прогресс, даже дом кабильдо не был завершен в апреле 1543 года. Точная дата официального переноса муниципалитета в новый город неизвестна, [XVIII-35] но 10 марта 1543 года там состоялась сессия. [XVIII-36] 12 июня после того, как воинство было перенесено из церкви разрушенного города в торжественной процессии, в которой приняли участие **Ошибка! Закладка не определена.** гражданскими властями и всеми присутствующими в городе людьми.

На заседании, состоявшемся 21 мая 1543 года, кабильдо принял указ о том, что город должен сохранить название разрушенного, [XVIII-37] и нотариусам было приказано использовать во всех документах заголовки Ciudad de Santiago и никакой другой под страхом штрафа в размере десяти песо де оро. Этот указ был публично провозглашен 13 июня следующего года. [XVIII-38]

ALONSO DE MALDONADO.

Тем временем в правительстве произошла еще одна перемена. 2 марта 1542 года вице-король Новой Испании назначил ойдора Алонсо де Мальдонадо временным правителем Гватемалы в ожидании инструкций от короны, а 17 мая следующего года новый губернатор представил кабильдо свои полномочия и в тот же день был назначен на должность. [XVIII-39]

В течение следующего года в Гватемале царило оживление в связи с полученной в октябре информацией о новом своде законов и создании Пограничной службы. Сразу же было решено обратиться с апелляцией к трону, и 12 числа того же месяца кабильдо собрался, чтобы

назначить прокураторов в Испанию. Мнение жителей было учтено, [XVIII-40] был назначен комитет, наделенный полномочиями избирать представителей, [XVIII-41] но он не смог прийти к согласию, и 29 февраля 1544 года Эрнан Мендес представил кабильдо петицию с предложением провести массовое собрание в главной церкви, чтобы общее голосование **Ошибка! Закладка не определена.** людей могло быть одобрено. занято. [XVIII-42] Тем не менее произошла значительная задержка, и решение о назначениях было принято только в августе следующего года, когда анализ голосов показал, что Эрнан Мендес и Хуан де Чавес были избраны. Последний, однако, отказался принять приглашение, и еще большая задержка была вызвана тем, что Мендес настаивал на том, чтобы отправиться в Испанию через Веракрус, а не через Пуэрто-де-Кабальос. Наконец, 16 марта 1545 года Мендес получил свои бумаги и инструкции и отбыл в Испанию. [XVIII-43]

ИНДИЙСКАЯ ПОЛИТИКА.

Ожесточенные споры, имевшие место во время заседаний аудиенции в 1545 году, были описаны в предыдущей главе, но остается добавить, что Мальдонадо и ойдорес, хотя и заявляли о своем намерении обеспечить соблюдение новых законов, практически не придавали значения их исполнению в той мере, в какой они касались репартиментов. В письме на имя короля от 30 декабря 1545 года они заявляют, что если бы были освобождены все индейцы, владельцы которых не имели законного титула, ни один из них не был бы **Ошибка! Закладка не определена.** остался бы служить, и многие испанцы оказались бы в нищете. Тот же результат произошел бы с теми, кто был женат и имел семьи, если бы освободившиеся энкомьенды были переданы короне. [XVIII-44]

В 1545 году новые законы были отменены, и несколько позже колонистам Гватемалы была предоставлена концессия на бессрочный репартиментос. [XVIII-45]

Тем временем полемика, связанная с обращением с индейцами, бурно разгоралась. Дань, которая была наложена на них Маррокенем и Мальдонадо, послужила основанием для жалобы на этих чиновников, [XVIII-46] и я нахожу, что Маррокен счел себя обязанным объяснить, что она взималась без достаточного знания фактов и что необходимы некоторые изменения. [XVIII-47]

Среди других предложений, внесенных Маррокенем для улучшения положения местных жителей, было то, что власть епископа над ними должна включать право применять телесные наказания и **Ошибка! Закладка не определена.** разрешать их трудности. Более того, он настоятельно рекомендовал, чтобы в целях улучшения обучения и управления индийские города были консолидированы и подчинены системе полиции. [XVIII-48]

Тем временем Алонсо Лопес Серрато был назначен президентом местной аудиенции. Уже было признано, что Грасиас-а-Диос не является подходящим местом для размещения этого органа, и как Серрато, так и епископ Маррокин подали королю представления с рекомендацией о его смещении. [XVIII-49] Соответственно, его Величество королевской седулой разрешил президенту и ойдорес переехать в город Сантьяго, [XVIII-50] куда они прибыли в 1549 году, и, по словам Ремезала, принял предложение епископа Маррокина предоставить в их пользование его дворец. [XVIII-51]

ОТНОШЕНИЕ ПОСЕЛЕНЦЕВ.

Администрация Серрато в качестве президента аудиенсии нанесла тяжкое оскорбление поселенцам Гватемалы, и в представлении королю они обвиняют его в том, что он был неблагодарным, недостойным, не проявлял рвения к чести Бога и был недобросовестным. [XVIII-52] Основания для их возражений против него, естественно, проистекали из его действий по защите индейцев, и они горько жалуются на его кумовство при выделении энкомьенд родственникам различного уровня. Правосудия в его руках они добиться не смогли; следовательно, многие из лучших колонистов покинули провинцию, а другие **Ошибка!** **Закладка не определена.** готовились это сделать. Замечания епископа Маррокена в адрес Серрато только возбудили в последнем враждебные чувства, которые публично проявлялись в его длительном отсутствии на церковных службах, [XVIII-53] проводимых прелатом.

Но поселенцы в Гватемале были упрямы против любых мер, которые противоречили их собственным взглядам, и, следовательно, представляли ситуацию с их собственной точки зрения. При первой аудиенции местных жителей, разделенных как бы между собой, они в значительной степени сохранили свое прежнее положение по отношению к местным жителям; [XVIII-54] но в Серрато они увидели того, кто признал в них безжалостных надсмотрщиков, [XVIII-55] и обладал как решимостью остановить существующую разрушительную систему, так и смелостью наказать их за любое грубое нарушение закона. [XVIII-56] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XIX.

ЦЕРКОВНИКИ В ЧЬЯПАСЕ.

1550 год.

Монастырь, основанный орденом Мерсед—Сьюдад—Реаль Назначен кафедральным городом—Лас Касас епископ—Он пытается обеспечить соблюдение Новых законов—Он отказывается от отпущения грехов во время Страстной недели—Его спор с Аудиенсией Границ—Он уезжает в Испанию—Его спор с Сепульведой—Его Апелляция к совести Филиппа—Аудиенция переведена из Панамы в Гватемалу—Смерть Апостола Индии—Его Персонаж-Доминиканцы в Чьяпасе.

CIUDAD REAL.

Провинция Чьяпас сначала была включена в состав епархии Тласкала и платила десятину этому епископству, пока в 1536 году оно не было передано епархии Гватемалы. Когда был заложен Сьюдад-Реаль, под руководством Мазариегоса был выделен участок под здание церкви, и его возведение началось почти сразу. [XIX-1] Первым приходским священником Сьюдад-Реаля был Педро Гонсалес, который был назначен кабильдо в 1528 году с окладом в триста песо де оро. После его смерти Педро Кастельянос унаследовал бенефицию в 1532 году. [XIX-2] В 1537 году, благодаря усилиям епископа Маррокина, фрейлесом Педро де Баррьентосом и Педро Бенитесом де Луго был основан монастырь ордена **Ошибка! Закладка не определена.** 18 мая эти монахи обратились к кабильдо с прошением о выделении земли для основания монастыря, но, хотя их просьба была удовлетворена, они пробыли там совсем недолго. [XIX-3] В 1539 году отец Маркос Перес Дардон, как настоятель, вместе с отцом Хуаном Замбано завладел заброшенным зданием. Обнаружив, что он расположен слишком далеко от поселения, первый подал прошение о выделении нового места, а также о пожертвованиях и помощи в возведении нового монастыря. Его просьба встретила щедрый отклик, и монахи, прибывшие в последующие годы, были хорошо обеспечены средствами к существованию. [XIX-4]

Папской буллой, изданной 19 марта 1538 года, [XIX-5] Сьюдад-Реаль был назначен кафедральным городом, епархия подчинялась архиепископству Севильи, а папа оставлял за собой право назначения первого прелата. Жалованье епископа было установлено в размере двухсот дукатов в год, выплачиваемых из доходов провинции, в то время как привилегии и доходы епископства должны были основываться на системе, сложившейся в Испании. Покровительство церкви и выбор сановников были переданы короне Испании. Границы престола также были оставлены на усмотрение императора. [XIX-6] **Ошибка! Закладка не определена.**

14 апреля 1538 года Хуан де Артеага-и-Авенданьо, монах ордена Сантьяго, был назначен управляющим новосозданным епископством, но только почти три года спустя он был рукоположен в Севилье, где издал документ, определяющий структуру его епархии. [XIX-7] Прелату не хотелось вступать во владение, поскольку по прибытии в Вера-Крус в 1541 году на него напала сильная лихорадка, и хотя ему удалось добраться до Пуэбла-де-лос-Ангелес, вскоре после этого он умер там, [XIX-8] его епархия оставалась во главе епископа Гватемалы до прибытия в 1545 году Бартоломе де лас Касаса.

Герб города Чьяпас.

Чьяпас.

ПРИБЫТИЕ ДОМИНИКАНЦЕВ.

Между территорией, находящейся под юрисдикцией audiencias Новой Испании, и Границами страны находились провинции Чьяпас, Соконуско, Юкатан и Тезулутлан, настолько удаленные даже от последнего двора, что требовалась сильная рука для обеспечения соблюдения там новых законов. В 1543 году апостол Индии, отказавшись от епископства Куско, чтобы не подвергать сомнению его откровенную бескорыстность, принял прелатство этой обширной епархии, [XIX-9] одну четвертую десятины своего епископства и дополнительную сумму в 500 000 мараведи, выплачиваемую короной, назначенную ему в качестве жалованья. Он был посвящен в Севилье в страстное воскресенье 1544 года и, добившись королевским указом освобождения всех индийских рабов, привезенных в Испанию из Нового Света, 11 июля сел на корабль в Сан-Лукаре. [XIX-10] Его сопровождали его постоянный спутник, отец Родриго де

Ладрада, и сорок пять монахов-доминиканцев, включая отца Томаса Касильяса, их викария, и его преемника в епископство Чьяпас. После прибытия в Санто-Доминго, где его продержали более трех месяцев в ожидании судна, он отплыл в Кампече, куда прибыл 6 января 1545 года. Лас Касас вскоре вызвал сопротивление колонистов, настаивая на введении в действие новых законов, что настолько разозлило их, что они отказались признать его своим епископом на том основании, что его документы были неисправны. Действительно, они не могли помешать ему вступить во владение епископством, но они могли и удержали десятину, тем самым вынудив его послать в Сьюдад-Реаль за деньгами, чтобы покрыть свои расходы. Его посланец прибыл в Сьюдад-Реаль в начале февраля, и ответ кабиљдо датирован 12-м числом того же месяца. Они послали ему несколько сотен песо, которые были предоставлены государственными администраторами под залог одного из граждан. [XIX-11]

Из Кампече Лас Касас отправил морем в Табаско десять монахов, но судно, застигнутое бурей, затонуло у острова Терминос, и девять священнослужителей вместе с двадцатью тремя испанцами утонули. Лас Касас и остальные доминиканцы вскоре после этого отбыли в Сьюдад-Реаль, где его приняли сердечно и с энтузиазмом. Его сопровождали в город под паллиумом; для его приема был приготовлен дом, и туда стекались представители всех сословий, чтобы выразить ему почтение. [XIX-12]

По прибытии Лас Касаса кафедральный капитул состоял из декана Хиля Кинтаны и каноника Хуана де Перера, помимо этих высокопоставленных лиц, в епархии было три священника. Доминиканцы, которые также были любезно приняты, сообщив о своем прибытии в провинцию Новой Испании, основали временный монастырь и приступили к своим трудам.

ПРОИЗВОЛЬНЫЕ МЕРЫ.

При порабощении местных жителей поселенцы **Ошибка! Закладка не определена.** Чьяпас, если верить Лас Касасу, совершил много эксцессов, [XIX-13] и есть множество свидетельств того, что в последующем обращении с ними было много суровости. [XIX-14] Индейцы ежедневно обращались к нему с просьбами о защите, но он хорошо знал тщетность любых увещаний поселенцев, когда дело касалось туземцев, и поэтому решился на энергичные меры, твердо веря, что аудиенция поддержит его усилия по обеспечению соблюдения новых законов. Лас Касас, однако, неверно оценил характер ойдоров, как мы увидим ниже.

С приближением страстной недели он предпринял смелый, но неразумный шаг, отказав в отпущении грехов всем, кто не должен немедленно освобождать своих рабов, [XIX-15] и сделал это главным из определенных грехов, за которые он оставил за собой право даровать отпущение грехов. Публикация этой меры вызвала большое волнение среди поселенцев, которое еще больше усилилось из-за его отказа пойти на какой-либо компромисс. В своем отчаянии они обратились к настоятелю, который, не сумев повлиять на епископа, взял на себя ответственность за дарование отпущения грехов в определенных случаях. Лас Касас послал за деканом, намереваясь арестовать его, но последний, подозревая его замысел, отказался подчиниться; после чего первый, решив, что ему не позволят помешать этому, послал своего судебного пристава и нескольких сопровождающих с приказом **Ошибка! Закладка не определена.** привести непокорного сановника, если необходимо, силой. Декан оказал сопротивление и с этим предметом выхватил шпагу, которой ранил себя в руку, а судебного пристава в ногу. [XIX-16]

В этот момент алькальд, который среди прочих был привлечен беспорядками, усилил волнение, громко крикнув: "Помогите именем короля!" Вслед за этим горожане поспешно собрались со всех сторон с оружием в руках и предотвратили арест декана. Лас Касас был вне себя от ярости, и поселенцы были в равной степени раздражены. То, что на протяжении всей страстной недели их лишали причастий только по той причине, что они были рабами, было беспрецедентной мерой в Новом Свете, и их возмущение усилилось из-за многочисленных писем с сочувствием и соболезнованиями, полученных со всех концов Новой Испании. Декан тем временем сбежал в Гватемалу, где епископ Маррокин отпустил ему грехи и разрешил отслужить мессу. Лас Касас предъявил ему требование, но оно было проигнорировано, [XIX-17] и он был вынужден довольствоваться объявлением его преданным анафеме и отлученным от церкви. [XIX-18]

Лас Касас был сбит с толку, но не побежден. Он получил приглашение помочь в хиротонии епископа Вальдивьесо в Грасиас-а-Диос, который, как мы помним, был тогда резиденцией местной аудиенции, и направился туда. Новости о событиях в Сьюдад-Реале, однако, опередили его, и, за исключением Эрреры, все оидоре были настроены против него предвзято. [XIX-19]

Лас Касас, как уже было показано, не испытывал особого сочувствия к своему брату-прелату, епископу Маррокину, питавшему к нему острую неприязнь. Действительно, **Ошибка! Закладка не определена.** апостол Индии был в некоторых отношениях неподходящим для благородной работы, которой он посвятил свою жизнь, его стремительный бесстрашный характер и горячее рвение ослепляли его рассудительность и делали его нетерпеливым к противодействию и невнимательным к правам других. Таким образом, он наживал врагов там, где интересы его дела требовали друзей и активных сторонников. Мало кто из выдающихся священнослужителей Нового Света, если вообще кто-либо из них, рассматривал вопрос рабства так, как он, и они возмущались его безоговорочным осуждением этого как отражением их учености и благочестия.

При таких обстоятельствах нет ничего странного в том, что, как указывалось ранее, его обращения к аудиенции были проигнорированы и что, встретив лишь отпор, он удалился с отвращением к своей епархии. Тем временем поселенцы Сьюдад-Реаля своими настойчивостями изгнали генерального викария Лас-Касаса из города. Епископ, однако, не был расположен возобновлять борьбу. Его вера в действенность новых законов подверглась серьезному потрясению, поскольку к этому времени он услышал о решительном сопротивлении им во всех провинциях. Он ожидал, что они окажут сопротивление, но не до такой степени, и теперь нельзя было ошибиться во враждебном отношении поселенцев.

У него не было больше желания править мятежными жителями Сьюдад-Реаля, и он уже в третий раз просил императора разрешить перевести его в Вера-Пас и назначить епископов для провинций Соконуско, Чьяпас и Юкатан. [XIX-20] Похоже, что больше никаких неприятностей между епископом и колонистами не возникло. [XIX-21]

ОТМЕНА НОВЫХ ЗАКОНОВ.

В 1547 году Лас Касас отплыл в Испанию. Отмена новых законов, о которых он, должно быть, слышал **Ошибка! Закладка не определена.** перед его отъездом нанесла смертельный удар по его надеждам в новом мире. В течение первых двух лет после своего прибытия его усилия в интересах туземцев, по-видимому, привели не более чем к нескольким указам, сравнительно

неважным. Позже он сложил с себя епископство и удалился в колледж Сан-Грегорио-де-Вальядолид, все еще продолжая, однако, проявлять активный интерес к делам индейцев, хотя ему уже перевалило за семьдесят пятый год. Из этого уединения он вскоре выступил в защиту принципов, поддержание которых составляло труд его жизни на протяжении всей жизни.

Завоеватели нашли защитника в лице доктора Хуана Гинеса Сепульведы, который утверждал, что вести войну с туземцами и порабощать их законно, чтобы способствовать их обращению в христианство и предотвратить человеческие жертвоприношения. Лас Касас представил тридцать утверждений в опровержение этой точки зрения, в которых он утверждал, что над нацией, единственным грехом которой было идолопоклонство, никакая власть не могла быть справедливо осуществлена, кроме как путем мирного обращения. Хотя это было явное осуждение политики Испании в Новом Свете, искренность Лас Касаса и справедливость его дела не позволили королю обидеться на его смелость и побудили его разрешить неограниченную публикацию его работ, в то время как работы его оппонента были запрещены к печати. С тех пор с ним продолжали консультироваться по всем важным вопросам, касающимся индейцев, и он посвящал свое время главным образом написанию своей истории.

В 1555 году Филипп, недавно взошедший на трон и находившийся тогда в Англии, предложил продать право короны за возврат энкомьенд. Лас Касас, всегда бывший начеку, понял, что это означает вечное рабство, и решил приложить все свои силы, чтобы предотвратить эту меру. Через королевского духовника, который написал ему по этому поводу, [\[XIX-22\]](#) он сделал смелое и серьезное обращение к королевской **Ошибка! Закладка не определена.** совести. Призыв не был напрасным, и таким образом он проложил путь к окончательному освобождению туземцев.

СМЕРТЬ ЛАС КАСАСА.

Его последней услугой Новому Свету было представление совету Индии информации о больших неудобствах и предубеждении, причиненных поселенцам и коренным жителям Гватемалы переселением в Панаму местной аудитории. В 1569 году, отчасти благодаря его влиянию, аудиенция была восстановлена в Гватемале. Однако он не дожил до достижения этого, заболев в Мадриде, и умер в июле 1566 года, на девяносто втором году жизни. Он был похоронен с подобающими почестями в монастырской часовне Богоматери Аточи.

Судя по его работам, Лас Касас был величайшим филантропом своего времени. Как и ко всем энергичным реформаторам, большинство его современников относились к нему как к провидцу, и этот вывод они сочли обоснованным благодаря непоколебимому мужеству и упорству, с которыми он отстаивал свои взгляды. Его сострадание к туземцам и его отвращение к их угнетателям возрастали из года в год из-за его неспособности облегчить их страдания, пока это не превратилось во всепоглощающую идею, которая окрашивала каждое его действие и слово. В достижении этой цели никакие препятствия не могли запугать его. Принять решение означало действовать. Он не колебался в отстаивании своего дела, чтобы не вызвать гнев императора или возбужденного населения, и ради этого терпел преследования, оскорбления, потерю друзей, вражду соотечественников. Следует признать, что он был обижен и даже ожесточен по отношению к своим оппонентам, и к этой причине также можно отнести его частое преувеличение, искажение фактов, поспешность, с которой его суждения были предвзятыми, его непригодность практически подходить к положению дел, существовавшему тогда в Новом Свете. Современники обвиняли его в резкости, высокомерии, безжалостности,

но не следует забывать, что это, вероятно, было связано с нетерпимым религиозным и схоластическим духом его времени. Чистота **Ошибка! Закладка не определена.** в его мотивах никто не может сомневаться, и хотя никакая защита не может оправдать имя его противников от обвинений в несправедливости и жестокости, ошибки Бартоломе де Лас Касаса забыты, а его дух благородства, преданность и благородная филантропия сделают его известным всем потомкам как одного из величайших благотворителей своей расы.

Учреждение Пограничной администрации и попытка обеспечить соблюдение новых законов вызвали в Чьяпасе такой же ажиотаж, как и на других территориях, но передача этой провинции под юрисдикцию новой администрации не вызвала изменений в местном управлении. Алькальд-мэр, однако, по-прежнему оставаясь главной властью, правил с большей строгостью и, назначив заместителей во всех родных городах, значительно увеличил бремя, лежащее на их жителях. [\[XIX-23\]](#)

По просьбе Лас Касаса Диего Рамирес, о котором упоминалось в связи с историей Мексики, [\[XIX-24\]](#) был направлен для расследования предполагаемого притеснения местных жителей и их противодействия своим доминиканским учителям. Он, по-видимому, был справедливым судьей и благосклонен к индейцам, но даже его усилия, подкрепленные различными указами в их пользу, не достигли желаемой цели. [\[XIX-25\]](#)

После ухода Рамиреса ситуация вернулась в прежнее состояние. Однако менее чем через год Серрато, взявший на себя руководство аудиенсией, решил исправить эти злоупотребления, заявив, что туземцев продолжают уничтожать без жалости, а предыдущие официальные визиты ничего не дали. [\[XIX-26\]](#) **Ошибка! Закладка не определена.**

ANTONIO DE REMESAL.

До прихода доминиканцев, по-видимому, мало что делалось для улучшения религиозного и социального положения местных жителей, за исключением крещения тех, с кем священнослужители сталкивались в главных городах или во время своих путешествий из пункта в пункт. Действительно, если мы должны верить Ремесалу, а в данном случае мы, безусловно, можем так поступить, индейцы были морально и религиозно более деградированы при христианском господстве, чем при языческом. Открыто практиковалось идолопоклонство, и к их прежним порокам добавились пороки испанцев, с которыми их вожди, теперь лишенные значительной части своей власти, были бессильны совладать. Энкомендеро мало заботились о душах или телах индейцев, если требуемая дань была своевременно выплачена. Труды доминиканцев, конечно, были прерваны преследованиями, которым они подверглись из-за их смелой поддержки Лас Касаса. В подаении им было отказано, и вскоре их запасы истощились, они покинули свой временный монастырь и отправились в родной город Чьяпас, откуда, выбрав этот пункт в качестве своей базы операций, постепенно распространили свою деятельность на всю провинцию. Поселенцы воздвигали на своем пути все препятствия, какие только могли придумать своекорыстие и изобретательность, но энергия и преданность монахов преодолели любое сопротивление, и когда в 1549 году Серрато пришел им на помощь, они уже основали несколько монастырей, в том числе в Сьюдад-Реале, посетили и донесли свое учение до самых отдаленных уголков провинции. [\[XIX-27\]](#) **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XX.

МАРРОКИН И ЛАС КАСАС В ГВАТЕМАЛЕ И ВЕРА ПАС. 1541-1550.

Требуется новый собор—Бедный прелат и неохотные плательщики десятины—Два спорящих епископа—Основаны благотворительные учреждения—Организован Доминиканский монастырь—Прибывают францисканцы—Их труды—Мотилиния основывает Кастодию—Споры между францисканцами и доминиканцами—Огненная Земля —Система Лас Касаса—Его первые усилия в Вера Пас—Он отправляется в Испанию—Декреты, полученные им, и возмущенный Кабиљдо—Лас Касас возвращается—Прогресс в Вера Пас—Мирное подчинение и тяжелые подношения—Экспедиция рака во Флориду—Зловещие мнения — Равнодушный капитан — Доминиканский Мученик.

После разрушения Сантьяго и переноса города на новое место потребовалось возведение еще одного собора и епископальной резиденции. [XX-1] Однако средства для строительства этих сооружений не могли быть получены немедленно. Поэтому епископ распорядился построить скит под названием Санта-Лусия, который временно служил приходской церковью в новом городе. [XX-2] Лишение епископской кафедры было, более того, вопросом, который не зависел ни от решения кабиљдо, ни от прелата, и по столь важному вопросу необходимо было консультироваться как с его Величеством, так и с папой римским. Епископ Кабиљдо указал на необходимость получения разрешения на внесение такого изменения по **Ошибка! Закладка не определена.**, который во время визита в Акахутлу был проинформирован этим органом о том, что крыша старой церкви была снесена. [XX-3] Что касается строительства нового собора, известно мало подробностей, за исключением того, что епископ был вынужден в течение ряда лет обращаться к королю за помощью в его завершении. [XX-4]

Епископство Маррокена, действительно, не было богатым. В 1542 году он представляет королю возражение поселенцев платить десятину, которое они расценили как неслыханное требование, и умоляет его Величество добиться выплаты церкви одной десятой части всех податей. [XX-5] Он, более того, уверяет его, что его зарплаты в пятьсот тысяч мараведи было недостаточно для удовлетворения требований гостеприимства и благотворительности, и просит предоставить ему часть доходов Гондураса и Соконуско. [XX-6]

Но колонистов нелегко было заставить платить десятину какао, [XX-7] кукурузы и перьев, и в 1545 году епископ снова довел этот вопрос до сведения престола, заявив, что частота споров **Ошибка! Закладка не определена.** между духовенством и колонистами по этому поводу была крайне пагубной. Он сослался на бедность своей церкви и свою собственную задолженность и попросил выплатить ему некоторую компенсацию за его услуги и расходы, которые он понес во время своих визитов в Гондурас и Чьяпас. Тем не менее колонисты продолжали упорное сопротивление, и в 1548 году положение настолько мало улучшилось, что Маррокен снова обратился за помощью к короне. [XX-8]

ССОРЫ ЕПИСКОПОВ.

Попытка Маррокена получить Соконуско в качестве округа своей епархии расширила разрыв между ним и Лас Касасом, подробности которого уже были приведены, и стала одной из причин

оскорблений, которыми эти прелаты осыпали друг друга. Принц-регент издал указ о присвоении Соконуско статуса епископа Чьяпаса на основании его близости к этой провинции. Об этом решении Лас Касас сообщил Маррокину в 1545 году, и отсюда возникла взаимная брань, обвинения в захвате территории и искажении фактов, если не лживости, с обеих сторон. Епископ Гватемалы пишет жителям Соконуско, призывая их подать апелляцию против королевской седулы, и в письме королю от 4 июня 1545 года описывает епархию Лас Касаса как простирающуюся от моря до моря и достаточно широкую, чтобы содержать полдюжины епископств, в то время как Лас Касас сообщает, что епископ Гватемалы присвоил районы, простирающиеся почти до Никарагуа, и заявляет, что его кафедра является убежищем бродячих священнослужителей. [XX-9]

ВНОВЬ ПРИБЫВШИЕ.

Но хотя Маррокен, таким образом, был вовлечен в трудности со своей паствой и споры со своим братом-епископом, он усердно трудился на благо первой, основывая различные благотворительные учреждения. Под **Ошибка! Закладка не определена.** под его покровительством был основан между 1546 и 1548 годами [XX-10] монастырь Ла Консепсьон, первой настоятельницей которого была донья Беатрис де Сильва, монахиня доминиканского монастыря Мадре-де-Диос в Толедо. [XX-11] Этому учреждению щедро помогала корона. [XX-12]

Примерно в то же время доминиканцами была основана больница Сан-Алехо, [XX-13] а в 1849 году епископ Маррокин основал больницу Сантьяго. Это последнее учреждение было предназначено для испанских и местных пациентов обоего пола. Это было просторное здание с четырьмя палатами, так что расы и полы могли быть разделены. Маррокен, сохранив за собой должность администратора, передал покровительство этому учреждению короне; поэтому оно было известно как королевский госпиталь Сантьяго. [XX-14] В то время как епископ таким образом заботился о мирском благополучии своей паствы, ее духовное благо всегда было на виду, по крайней мере, его трепетная забота, и я нахожу его просьбы о большем количестве священнослужителей почти такими же частыми, как его прошения о большем количестве денег. Как от францисканцев, так и от доминиканцев он получал большую помощь. Этот последний названный орден вместе с остальными поселенцами был переселен в новый город, [XX-15] получив **Ошибка! Закладка не определена.** от муниципалитета выделение четырех участков земли для восстановления их монастыря. [XX-16] В 1547 году провинциальное отделение ордена в Мексике признало гватемальский монастырь регулярно организованным и назначило монаха Томаса Касильяса настоятелем. На тот момент в общине было тринадцать членов, помимо настоятеля. В 1550 году Касильяса сменил брат Томас де ла Торре, к тому времени их число увеличилось всего до пятнадцати. [XX-17]

ФРАНЦИСКАНЦЫ.

Тем временем на поле труда появился конкурирующий орден францисканцев. Когда прибыли первые члены, определить невозможно. Согласно Торквемаде, брат Торибио Мотолиния был отправлен в 1533 году попечительством ордена в Мексике основать монастыри в Гватемале, [XX-18] но первое постоянное учреждение францисканцев в Сантьяго произошло благодаря усилиям Маррокина. По просьбе этого прелата шесть монахов были отправлены из Испании в 1539 году, [XX-19] и прибыли в Мексику в 1540 году, причем он оплатил их расходы. [XX-20] Пробыв шесть месяцев в этом городе, они отправились по суше в Гватемалу, но в Тепеаке, в

шести лигах от Пуэблы, их прелат Касасека заболел и умер. [XX-21] Остальные продолжили свой путь и были встречены в Сантьяго со всеми проявлениями радушия. На частные пожертвования и при содействии епископа им удалось построить скромное жилище, [XX-22] в котором они исполняли обязанности своего призвания с такой пунктуальностью и строгостью, как если бы это был монастырь высшего порядка. После разрушения Сантьяго им была выделена соответствующая земля для возведения их монастыря, церкви и других зданий, [XX-23] и к июню 1542 года был построен неприхотливый монастырь. Когда францисканцы приобрели некоторые знания родных языков, они занялись миссионерской деятельностью по всей стране. [XX-24]

Однако потребность в большем количестве монахов была острой, и вскоре отец Вальдерас с одобрения епископа отправился в Испанию, чтобы набрать больше членов своего ордена. Вскоре он выполнил свою миссию и вернулся с двенадцатью братьями в Мексику. К несчастью, в спешке приступить к своим обязанностям большинство из них сломались во время долгого и трудного путешествия в Сантьяго и умерли. [XX-25] Однако позже нужда была несколько устранена прибытием Мотолинии со значительным количеством своих заказов. [XX-26]

Орден францисканцев теперь прочно утвердился **Ошибка! Закладка не определена.** в Гватемале. Мотолиния превратил монастыри, которые были основаны [XX-27], в кустодии, отправил монахов на Юкатан, [XX-28] и посетил разные части страны. Затем он вернулся в Мексику, и его сменил на посту хранителя брат Гонсало де Мендес. [XX-29]

Зависть, существовавшая между доминиканцами и францисканцами, проявлялась в Гватемале так же сильно, как и везде, а происходившие там стычки и противодействие, оказываемое ранее установленным порядком вновь прибывшим, были настолько обескураживающими, что многие францисканцы покинули провинцию. [XX-30] Если бы не усилия епископа Марроквина, они бы покинули поле боя. [XX-31]

В 1547 году генеральный комиссариат заявляет, что в Гватемале всего двенадцать францисканцев, и просит выслать молодых членов ордена, способных овладеть родным языком. [XX-32] Он также убеждает императора в необходимости выделения двум орденам отдельных сфер деятельности, и следует отметить, что францисканцы враждебно относились к **Ошибка! Закладка не определена.** Mercenarios, которые описываются как наносящие скорее вред, чем полезные для дела церкви. [XX-33]

МЕРЫ В ОТНОШЕНИИ ТУЗЕМЦЕВ.

Разногласия между двумя высшими орденами не были полностью основаны на борьбе за превосходство. У каждого из них были свои особые взгляды на метод насаждения христианства в Америке. Доминиканцы, возглавляемые своим непреклонным вождем Лас Касасом, не признавали массового крещения, практикуемого францисканцами, и они не признавали, что интересы завоевателей были совместимы с благосостоянием покоренных рас. Францисканцы во главе с Мотолинией воображали, что можно было бы принять систему церковной и гражданской политики, которая отвечала бы интересам как господствующей, так и покоренной рас. Этот орден не возражал против применения меча; доминиканцы отрицали его как средство распространения Евангелия. Доминиканцы были бескомпромиссными противниками рабства; конкурирующий орден - нет, и я склонен думать, что францисканцы искренне верили, что под давлением encomenderos и невозможности быстрого освобождения туземцам можно принести

больше пользы от терпимой системы рабства, контролируемой религиозными орденами, чем от внезапных перемен. Нет необходимости перечислять горькие обвинения, которые каждый лидер высказывал в адрес другого. Хотя следует сожалеть, что Мотолиния в своей яростной атаке на Лас Касаса, по-видимому, руководствовался духом, не совсем свободным от ревности, [XX-34] нельзя оспаривать, что нескромное рвение Лас Касаса вызывало недовольство выдающихся людей даже в его собственном ордене. [XX-35]

Именно благодаря усилиям Бартоломе де Лас Касаса было достигнуто умиротворение Вера-Паса без помощи вооруженных сил. Местным названием этой территории было Тузулутлан. Испанцы после своего вступления в Гватемалу предприняли несколько безуспешных попыток подчинить ее, и по этой причине, а также из-за свирепого характера местных жителей они называли ее Огненной землей. [XX-36] Его размеры в то время, когда доминиканцы вошли в него, почти соответствовали его нынешним границам. В 1574 году монахи монастыря в Кобане сообщили, что Вера-Пас, уже ограниченная королевским указом, простиралась на шестьдесят лиг с востока на запад, от реки Нито [XX-37] до реки Сакапулас, и на пятьдесят лиг с юга на север, начиная с северного склона Канала и гор Рабиналь. [XX-38] Поверхность была неровной и гористой; дороги были почти неизвестны, а жители активны и воинственны. [XX-39] Тем не менее Лас Касас предложил проникнуть в него, несмотря на опасность, незащищенность и лишения.

МИРНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ.

До 1536 года он опубликовал трактат [XX-40], в котором он осуждал завоевание силой оружия и призывал к тому, чтобы цивилизовать и обратить индейцев в свою веру - вот истинная система порабощения. Эти заповеди он непрестанно отстаивал в Сантьяго как с кафедры, так и в беседах, и его учение лишь навлекло на него всеобщие насмешки и вражду, и в конце концов жители Сантьяго подтолкнули его применить свои принципы на практике **Ошибка! Залладка не определена.** совершив завоевание Тузулутлана. Неустрашимый падре принял вызов и вместе с братом Родриго де Ладрадой и братом Педро де Ангуло согласился предпринять это опасное предприятие при условии, что туземцев никогда не будут распределять на энкомьенды и что в течение пяти лет, начиная с момента прихода монахов в провинцию, ни одному испанцу не должен быть разрешен въезд в страну. [XX-41]

Лас Касас немедленно приступил к осуществлению своих замыслов и, наняв обращенных индейцев и установив пограничные посты, установил дружеские отношения с до сих пор привилегированными жителями Вера-Паса, [XX-42] и заложил основу для будущего признания суверенитета Испании. [XX-43]

Тем не менее работа по обращению не могла быть выполнена сразу. Хотя Лас Касас был убежден в осуществимости своего плана, небольшое количество монахов в стране делало невозможным его немедленное осуществление. Более того, его широким и бескомпромиссным взглядам было оказано большое сопротивление, и, хотя работа была начата при наилучших условиях, что касается действий местных вождей, он почувствовал себя вынужденным приостановить операции до личной беседы с императором. [XX-44] Соответственно, он покинул Гватемалу и направился через Мексику в Испанию. [XX-45] **Ошибка! Залладка не определена.**

По прибытии ко двору он с присущей ему энергией отстаивал свою систему мирных завоеваний, но его действия нанесли большое оскорбление кабильдо Гватемалы. Императору были

адресованы два возмущенных письма, в которых ему приписывались существующие смуты. [XX-46] Непосредственной причиной этих отправок было получение двух указов, полученных представительствами Лас Касаса, первый из которых был адресован епископу и губернатору Гватемалы и предназначался для устранения преобладающего пренебрежения к религиозному обучению индейцев и негров. Он постановил, что каждый день в определенное время все те, кто еще не был проинструктирован, должны проходить обучение своим религиозным обязанностям. [XX-47] Второй гарантировал Лас Касасу и его товарищам в их трудах в Тузулутлане свободу от вмешательства со стороны испанцев. [XX-48] В то же время он получил другие документы, разрешающие ему или его спутникам перевозить в обращенные регионы таких испанцев, которых они сами могли бы выбрать. Также были разосланы благодарственные письма тем касикам, которые помогли в начатой работе, и, наконец, в качестве меры предосторожности против вмешательства Альварадо, доминиканцам была предоставлена помощь некоторых касиков, а аделантадо и его лейтенанту было приказано не мешать им. [XX-49] **Ошибка! Закладка не определена.**

Но Лас Касас понимал, что обнародование и исполнение указа в западном мире - это два разных вопроса. Он по опыту знал, что к уловкам обычно прибегают для того, чтобы предотвратить приведение в исполнение решения суда или отложить его действие до тех пор, пока в нем больше не отпадет необходимость, и это без предъявления обвинения в нелояльности. Церемония целования королевского ордена и возложения его на голову была должным образом и смиренно выполнена, но если можно было утверждать, что его Величество был дезинформирован, немедленно создавались основания для апелляции, и ее исполнение откладывалось до тех пор, пока правдивое изложение вопроса не могло быть представлено королю. Это задерживало принятие окончательного решения до тех пор, пока оно не утратило силу, и уклонение от королевских приказов в то время серьезно ощущалось церковниками. Впоследствии Лас Касас представил эти злоупотребления совету и добился окончательного судебного решения, которое возложило исполнение предыдущих на аудиенцию Мексики, уполномочив этот суд наказывать за неповиновение предыдущим указам.

УСПЕХ МОНАХОВ.

В 1541 году Фрай Луис Рак вернулся в Гватемалу и продолжил в Вера-Пас дело обращения, начатое Лас Касасом. С этого времени можно считать, что началось собственно умиротворение. [XX-50]

Усилия Лас Касаса за время его пребывания в Испании были, как читателю уже известно, в основном направлены на обнародование нового свода законов. В 1545 году он снова прибыл в Новую Испанию, чтобы возглавить свою епархию, о чем будет рассказано ниже, а в июле, стремясь стать свидетелем прогресса, достигнутого в Вера-Пасе, он посетил эту **Ошибка! Закладка не определена.** провинция. Он счел положение дел настолько удовлетворительным, что приказал снять показания с шести испанцев, чтобы доложить императору об истинном характере завоевания этого некогда воинственного региона. Из заявлений этих свидетелей явствует, что до прихода доминиканцев жители этих округов противодействовали всем попыткам подчинить их, [XX-51] но благодаря бесконечному труду и заботе монахи преодолели их свирепость и раздражение. Путешествуя по стране, епископ повсюду встречал радушный прием. В сопровождении дона Хуана, сына сеньора Кобана, и многих своих подданных он переходил из города в город, [XX-52] получая подношения и подарки в каждом месте. В Кобане

он с удовлетворением обнаружил, что была возведена солидная деревянная церковь и что каждый день многие туземцы охотно получали религиозные наставления. Направляясь оттуда в город Тузулутлан, он встретил там епископа Марроквина, который совершал аналогичный визит [XX-53] и я полагаю, что два прелата не питали друг к другу таких дружеских чувств, какие проявляли к ним обоим местные жители. **Ошибка! Закладка не определена.**

Но Лас Касасу еще предстояло узнать, что, какими бы успешными ни были его собственные усилия, он не смог предотвратить притеснения своих соотечественников. Испанцы теперь начали вторгаться в регион, налагать дань и по своему обыкновению обращать в рабство, и в октябре после боя Луис Рак написал ему — прелат в то время находился в Грасиас—а-Диос - заявив, что только из города Тузулутлан было вывезено более семисот рабов обоого пола и что дань, которую должны были платить уроженцы Вера-Паса, была невыносимой. [XX-54] Более того, вскоре он, к своему большому огорчению, обнаружил, что его мирная система обращения не обязательно сопровождалась кровопролитием, как показала несколькими годами позже мученическая смерть Луиса Рака и двух братьев доминиканского ордена.

ДАЛЬНЕЙШИЕ УСИЛИЯ.

В 1547 году Фрай Рак и Лас Касас вернулись в Испанию и своими заявлениями убедили императора согласиться на экспедицию во Флориду, которая должна была быть проведена первым по системе, с помощью которой было достигнуто умиротворение Вера-Паса. Его Величество оказывал монаху все возможные услуги, снабжая его средствами и издав приказ, который позволил бы ему получить всяческое поощрение и помощь от властей Мексики. [XX-55] Монах сделал свою **Ошибка! Закладка не определена.** приготовления велись с большим энтузиазмом; однако он столкнулся со значительной задержкой, вызванной неблагоприятным освещением, в котором его опасное предприятие рассматривалось в Испании. Ему было очень трудно найти пилота, и действительно, хотя он надеялся заручиться помощью четырех или шести коллег, только двое были готовы рискнуть своей жизнью ради этого дела. "Вся Севилья, - писал он, - удивлена этим предприятием; те, кто больше всего боится Бога, одобряют его; другие думают, что мы идем на бойню". [XX-56]

МУЧЕНИЧЕСТВО.

Написав эти пророческие и зловещие слова в самый день своего отъезда, брат Луис отправился в свое последнее плавание из Испании. Известно мало подробностей о его экспедиции, за исключением обстоятельств его смерти. По прибытии в Мексику он заручился помощью, которую король приказал оказать ему, и примерно в середине 1549 года отплыл из Вера-Крус в сопровождении фрейлей Грегорио де Бетета, Хуана Гарсии, Диего де Толосы и брата-мирянина по имени Фуэнтес. Вопреки его прямому желанию, капитан судна высадил его в той части побережья Флориды, где испанцы ранее совершали грабежи и тем самым приводили в ярость местных жителей. Не подозревая об этом акте беспечности, [XX-57] Брат Фрей Рак в сопровождении Толосы и брата-мирянина продолжил свою миссию, но не успели злополучные священнослужители отойти далеко от берега, как на них напали индейцы и немедленно забили до смерти дубинками. [XX-58] **Ошибка! Закладка не определена.**

Это катастрофическое завершение предприятия, от которого Лас Касас и его сторонники так многого ожидали, оказалось горькой чашей, которую не преминули преподнести ему его противники. И все же этот стойкий борец за систему бескровного умиротворения ни на йоту не

отступил от своих принципов и умело защищался от Сепульведы, утверждая, что причиной трагедии во Флориде было предыдущее жестокое поведение испанцев на побережье. [XX-59] Карьера Лас Касаса в Чьяпасе и назначение Серрато губернатором Гватемалы уже упоминались. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXI. ГВАТЕМАЛА И ЧЬЯПАС. 1551-1600гг.

Администрация Кесады—Ойдор Зорита собирает местных жителей в городах—Экспедиция против лакандонов—Ее провал—Ландечо назначил преемника Кесады—Его Резиденция захвачена лиценциатом Бризеньо—Голод, эпидемия и землетрясение в Гватемале—Аудиенция границ перенесена в Панаму—И снова переведена в Гватемалу—Гонсалес назначен президентом—Ему наследовал Вильялобос—Изменения в церковных делах—Смерть епископа Маррокина—Ссоры между доминиканцами и францисканцами—Епископы Вильяльпандо и Кордова —Разногласия между двумя духовенствами—Администрация президентов Вальверде, Руэды, Санде и Кастильи —Промышленное состояние провинции.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДИЙСКИХ ГОРОДОВ.

Преемником Серрато стал доктор Антонио Родригес де Кесада, представитель мексиканской аудиенции, человек образованный и способный. Хотя он был назначен 17 ноября 1553 года, он вступил в должность только в начале 1555 года. [XXI-1] Вскоре было начато строительство резиденции бывшего президента и оидорес, которое было завершено где-то в мае. [XXI-2] Кесада принимал активное участие в проведении реформ, и именно на индийский вопрос были направлены его основные усилия. Президент решил завершить организацию индейских городов, надеясь таким образом вынудить туземцев принять цивилизованный образ жизни и установить в них муниципальное управление, аналогичное управлению испанскими поселениями, **Ошибка! Закладка не определена.** должности передаются их наследственным вождям в соответствии с рангом. [XXI-3]

По просьбе епископа и доминиканского провинциала аудиенция приказала Ойдору Зорите созвать собрание монахов; и хотя у нас нет прямой информации относительно его цели, мы можем заключить, что это имело отношение к политике президента, поскольку она была осуждена поселенцами, [XXI-4] и, как мы увидим ниже, осуществление планов Кесады было во многом благодаря усилиям Зориты, которому для этого было поручено.

Работа по организации местных городов была начата в Никарагуа еще в феврале 1555 года лиценциатом Каваллоном, назначенным аудиенсией алькальдом-мэром этой провинции. [XXI-5]

В начале марта Зорита отправился в свое официальное турне по провинции. Из писем доминиканцев мы узнаем, что в течение шести месяцев он пешком посещал самые суровые районы провинции, уменьшал дань и исправлял злоупотребления. Собирая туземцев в городах, он столкнулся с большими трудностями, поскольку в некоторых случаях для их высылки требовалась сила. Это, однако, было не единственным встреченным противодействием, поскольку, как и следовало ожидать, он навлек на себя ожесточенную враждебность поселенцев. Сочтя его неподкупным, они, как обычно, прибегли к ложным сообщениям.

Свидетелей для любой цели можно было купить дешево; и поскольку он не сдавался, испанцы решили изгнать его из провинции. [XXI-6] Нет никаких свидетельств относительно результатов этой враждебности, и у нас нет никаких дополнительных записей о событиях, произошедших во время правления Кесады, за исключением **Ошибка! Залкада не определена.** упоминания о страшной эпидемии, охватившей страну в 1558 году, [XXI-7] и захвата и разграбления Пуэрто-де-Кабальос четырьмя французскими кораблями в том же году. [XXI-8]

В уже цитировавшихся письмах доминиканцев Кесада особо не упоминается, но в феврале 1558 года кабильдо в депеше королю настаивают на назначении губернатором какого-нибудь человека, который должен быть джентльменом по происхождению и единолично управлять делами. [XXI-9] Это, по-видимому, указывает на то, что, какой бы ни была последующая политика президента, она не устраивала ни духовенство, ни поселенцев.

Кесада умер в ноябре 1558 года, и оидор и лицензиат Педро Рамирес де Киньонес временно возглавил президентство. Правление Рамиреса было кратким, и единственным событиемважности, о котором у нас есть какие-либо записи, была экспедиция 1559 года против враждебных провинций Лакандон и Акала. Об обширной непокоренной территории, лежащей за пределами Вера-Паса, в то время ничего определенного не было известно, кроме как из отчетов о походе Кортеса в Гондурас, и никаких попыток ее завоевания не предпринималось.

Еще в 1550 году доминиканцы Вера-Паса предприняли попытки умиротворения соседней провинции Акала. Какое-то время их усилия были успешными, но в конце концов, подстрекаемые их соседями и союзниками, большинство местных жителей отказались принять монахов, и в 1555 году объединенные племена уничтожили единственную на данный момент созданную миссию и убили отца Вико, инициатора покушения, вместе с его спутником отцом Лопесом и несколькими обращенными индейцами из Вера-Пас. Нет никаких свидетельств того, что их снова пытались умиротворить.**Ошибка! Залкада не определена.**

ЛАКАНДОНЫ.

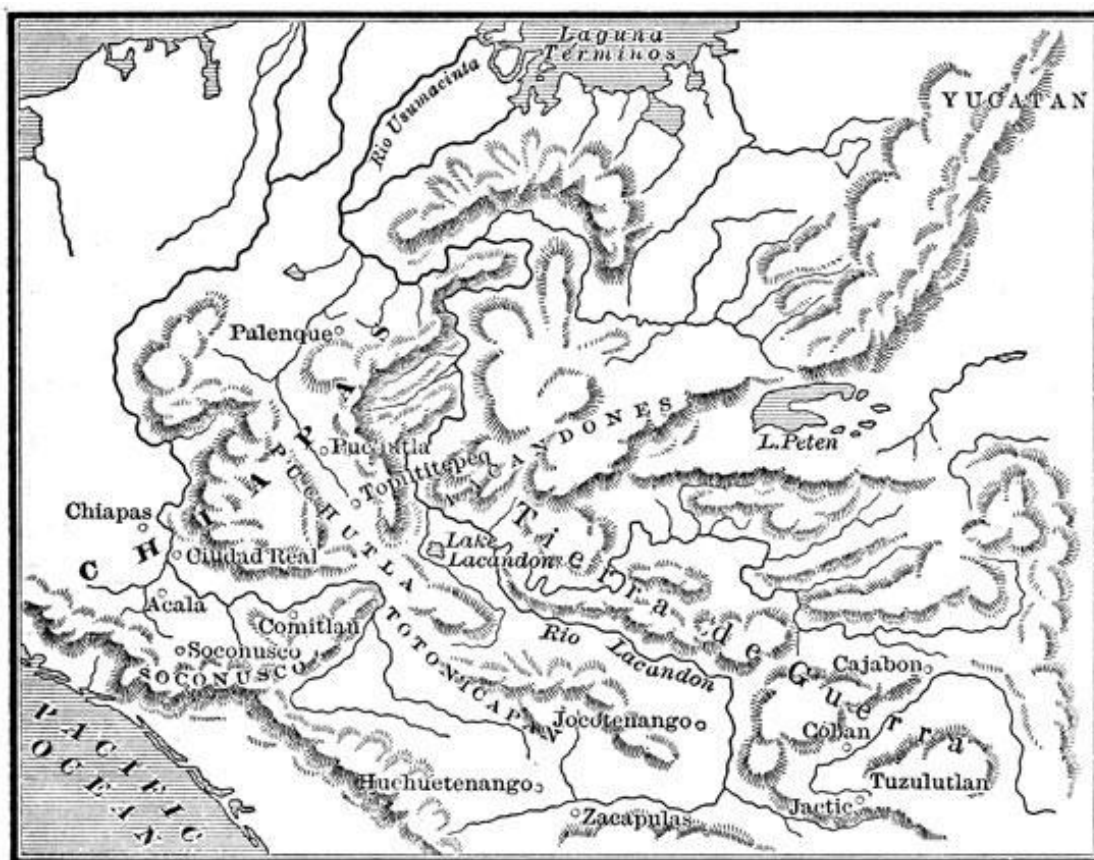
Главными среди диких племен этого региона были лакандоны, которые, хотя и были немногочисленны, были храбры, выносливы, отважны и непримиримы в своей ненависти к белой расе. Их территория простиралась от северной границы Вера-Паса вдоль восточной границы штата Чьяпас до провинции Табаско. Их главный город и оплот находился на скалистом острове в озере Лакандон, в нескольких днях пути от провинций Чьяпас и Вера-Пас. С этого момента они выступили организованными группами и, пронесшись вдоль границы этих двух провинций, внезапно обрушились на беззащитные поселения, оставляя за собой следы опустошения и крови. Эти грабежи продолжались много лет, и нет никаких записей ни об одном случае преследования или наказания до 1559 года. Ободренные постоянными успехами, они расширили свои вторжения во внутренние районы страны. В 1552 году они разрушили два города в штате Чьяпас, один из них находился в пятнадцати лигах от Сьюдад-Реаля. Нападение было совершено ночью, и лишь немногим из перепуганных жителей удалось спастись. Принося в жертву своих пленников, туземцы насмешливо кричали: "Христиане, взывайте к своему Богу, чтобы он защитил вас!"

Епископ Чьяпаса попытался заключить мир с лакандонами, но к ним отнеслись с презрением, а его посланников убили. Затем он обратился к аудиенции; но ойдоры, предвидя в этих бедствиях провал столь хваленой мирной политики, которая в какой-то мере исключила гражданскую

власть из территории, переданной доминиканцам, холодно ответили, что корона строго запретила развязывать войну в этой провинции. Соответственно, сообщения о критическом состоянии дел были представлены короне как епископом, так и монахами. В результате седула от 22 января 1556 года предписала судебной власти штата расследовать это дело, наказать лакандонов, насколько это практически возможно, и доложить о результатах короне. Инструкции, однако, остались без внимания, поскольку аудитория хорошо знала, что ничего, кроме вооруженных сил, будет недостаточно, и в этом указе не было **Ошибка! Закладка не определена.**, прямо разрешающей игнорирование существующего запрета.

Тем временем грабежи лакандонов продолжались безудержно и грозили привести к оставлению Веры Пас. Пробудившись, наконец, к полному осознанию грозящей им опасности, доминиканцы были вынуждены признать, что сотрудничество с мечом было необходимо для водружения креста, и настолько далеко отошли от принципов, изложенных Лас Касасом, что заявили на провинциальном капитуле, состоявшемся в Кобане в 1558 году, что из-за совершенных ими святотатств и убийств королю было не только законно вести войну с лакандонами, но, если потребуется, чтобы защитить своих подданных, истребить их. [XXI-10]

Во исполнение этой декларации они написали королю и предложили в качестве единственного эффективного средства переселить враждебных туземцев в некоторые незаселенные районы за пределами Сьюдад-Реаля, поместив таким образом этот город между ними и поселениями Чьяпас и Вера-Пас. Чтобы сократить расходы на их высылку, было также предложено санкционировать экспедицию и побудить испанцев присоединиться к ней за свой счет под обещание, что лакандоны будут предоставлены им в репаримьенто. В соответствии с этими предложениями королевским указом от 16 марта 1558 года было предписано местной администрации принять меры для немедленного изгнания индейцев. Если это было практически осуществимо, это должно было быть сделано мирным путем, но если была необходима сила, то следовало избегать всякой жестокости, хотя взятые в плен должны были стать законными рабами своих похитителей.

Лакандонская война.

СОБИРАНИЕ СИЛ.

Этот указ был опубликован в Сантьяго в начале 1559 года; и привлеченные открывшейся таким образом перспективой наживы, а также очарованием приключений и таинственности, которые придает вторжение в неизвестную и враждебную провинцию, большое количество поселенцев **Ошибка! Закладка не определена.** в Гватемале и Чьяпасе предложили сопровождать экспедицию. Президент Рамирес был назначен главнокомандующим, поскольку у него уже была определенная военная слава, не совсем заслуженная. В начале того же года соответствующие силы прибыли в Комитлан, назначенное место встречи. Общая численность испанских вооруженных сил не указывается, но, как говорят, в их состав входило много выдающихся людей. Войсками из Чьяпаса командовал Гонсало Довалле, и, помимо колонистов, в их состав входил местный контингент из восьмисот воинов. Говорят, что тысяча индейцев сопровождала испанцев из Гватемалы. Были собраны всевозможные припасы, и были построены две бригадины по частям, каждое судно было способно вместить сто человек. Для перевозки багажа и обслуживания испанцев потребовалась небольшая армия носильщиков и обслуживающего персонала, и приготовления велись в масштабах, более подходящих для конфликта с европейцами, чем с американцами. В Комитлане был проведен смотр, который, по словам Ремезала, представлял собой одно из самых блестящих зрелищ, когда-либо виденных в этих краях, поскольку испанцы не жалели средств на свою одежду, снаряжение и вооружение. Наконец, когда флаги были освящены и отслужена месса, армия выступила в путь.

Пятнадцатидневный изнурительный марш, в течение которого приходилось прорубать путь сквозь густую растительность, привел их к берегам озера Лакандон. При их приближении туземцы отступили на остров, поймав и принеся в жертву мальчика-негра, который отправился за кукурузой, росшей в садах на берегу озера.

Из своего убежища лакандонцы внимательно следили за передвижениями испанцев, которые, в свою очередь, жадно осматривали высокую голую скалу с ее белыми домами и сумрачными обитателями, чтобы от них не ускользнули какие-либо признаки подготовки к войне.

В то время как шла работа по сборке одной из бригадин, несколько туземцев приблизились к берегу на каноэ и спросили испанцев, зачем они вторглись таким образом в их страну. Вернувшись, они предложили мир, но поскольку они отрицали, что у них было более одиннадцати каноэ, испанцы заподозрили их замысел. Считалось, что они хотели побудить испанцев сопровождать их на остров по несколько человек за раз, где их можно было бы легко отправить. Вскоре после этого бригадину спустили на воду, и когда лакандоны увидели, что она надвигается на них, они обратились в бегство. [XXI-11] Многие были схвачены, включая главного вождя и первосвященника. Дома и другие оборонительные сооружения острова были разрушены, и затем были отправлены войска для преследования дикарей и взятия крепости Пучутлас, которая также была островной крепостью, хотя ее точное местоположение сейчас установить невозможно. [XXI-12] **Ошибка! Закладка не определена.**

ОПРОМЕТЧИВЫЕ УСИЛИЯ.

Недалеко от города Топильтитепек этот отряд попал в засаду, и несколько испанцев были ранены, но в конце концов дикари были обращены в бегство, и в опустевшем городе был найден большой запас провизии. Прибыв в Пучутлу, они застали туземцев в готовности к обороне. Немедленно были сделаны приготовления к атаке, и был построен плот, поскольку вторая бригантина была брошена в лесу, а та, что использовалась против лакандонов, затонула в озере. Не успели испанцы отплыть от берега, как индейцы двинулись им навстречу на своих каноэ, и на полпути между островом и берегом произошла острая стычка, в результате которой пучутлас потерпели поражение и обратились в бегство. Крепость была обнаружена покинутой, поскольку дикари приняли меры предосторожности и перевезли свои семьи и имущество в безопасное место. [XXI-13] Не было предпринято никаких попыток наказать туземцев или оккупировать какую-либо часть их территории, и экспедиция вернулась в Гватемалу около Рождества, приведя с собой сто пятьдесят пленных.

Совместно с испанцами большие силы обращенных в христианство индейцев под командованием местного губернатора Вера Пас вторглись в провинцию Акала, подвергнув суровому наказанию, захватив множество пленных и повесив главных соучастников убийства отцов Вико и Лопеса.

Так закончилась экспедиция, которая обошлась короне почти в четыре тысячи песо де оро де минас, но, по-видимому, не имела какого-либо определенного плана и не принесла никаких практических результатов, кроме того, что на какое-то время сдержала дикарей. [XXI-14] Его провал **Ошибка! Закладка не определена.** оказался самым катастрофическим для колонистов; ибо, хотя некоторые, как говорят, получили вознаграждение за свои услуги, большинство безнадежно погрязло в долгах за стоимость своего снаряжения, и несколько жалких рабов были единственной добычей, полученной в обмен на понесенные расходы, лишения и опасности.

Однако прошло совсем немного времени, прежде чем все рабы, включая их вождя, совершили побег и вернулись в свою страну. Вновь заняв свою крепость, они вскоре возобновили свои грабежи и, как мы увидим, успешно сопротивлялись всем последующим попыткам подчинить их.

В 1564 году пучутласы были вынуждены, благодаря усилиям доминиканца отца Лауренсио, подчиниться монахам и поселились в Вера-Пас. Этот успех принес отцу Лауренсио титул апостола Пучутлы. [XXI-15]

В августе 1559 года лицензиат Хуан Мартинес де Ландечо, преемник Кесады, прибыл в Гватемалу, [XXI-16] и вступил в должность в начале сентября, Рамирес был назначен главой аудиенции Лимы и после проверки его резиденции отправился в порт Акахутла, куда его сопровождали основные власти и граждане, которые таким образом продемонстрировали свое признание его ценности.

Петиция кабиљдо Сантьяго о том, что для управления ими должен быть направлен джентльмен по происхождению и образованию, наконец была удовлетворена, и члены церкви рассыпались в благодарностях короне **Ошибка! Закладка не определена.** за эту услугу. Однако опыт научил, что для защиты и продвижения интересов колонистов они должны контролировать большинство оидоре, и поскольку это было чрезвычайно сложно, они решили приложить усилия к тому, чтобы политическое управление индейцами и их распределение были возложены исключительно на президента. Как мы видели, короне уже было подано прошение о внесении этого изменения, и ожидалось, что новый президент получит дополнительный титул губернатора.

Это прошение было повторено во второй половине 1560 года и увенчалось успехом; ибо в мае следующего года мы обнаруживаем, что кабиљдо приписывают растущее процветание страны удовлетворению их просьбы. [XXI-17]

МЕХИЯ И ДОМИНИКАНЦЫ.

Колонисты ликовали по поводу того, что гуманные меры Серрато и Зориты, которые до сих пор не удавались их постоянным усилиям, теперь были обречены на провал. Доктору Мехиа, одному из оидорес, было приказано совершить официальную поездку по провинциям, поскольку Зорита находилась при прежней администрации. Его меры сводили на нет плоды трудов Зориты. Регулирование подати было возложено на encomenderos и касиков, и поскольку эти последние часто были всего лишь креатурами первых, результат можно легко вывести. [XXI-18]

Доминиканцы были объектом особой неприязни Мехии, и он подвергал их такому раздражению и преследованиям, что они были готовы покинуть провинцию Гватемала. Алькальды и другие офицеры вмешивались в их контроль над индейцами, тайно обвиняя их в узурпации королевской власти и получении денег от местных жителей, и, хотя аудиенция в ответ на жалобы монахов пообещала защитить их, похоже, сделано было мало. Даже кабиљдо стремился создать видимость для короны, что религиозные деятели пользовались произвольной и предвзятой властью в муниципальном совете и на выборах, проводимых индейцами. Плачевное положение местных жителей и преследование монахов стали предметом многочисленных писем Лас Касасу, который в ярких красках представил короне эти злоупотребления, призывая к смещению Мехии и принятию мер по оказанию помощи местным жителям. [XXI-19]

Некоторое облегчение было предоставлено королевским указом, который объявлял, что местные жители больше не подчиняются испанским алькальдам, и который, согласно Ремесалу, [XXI-20] был издан около 1563 года по ходатайству монахов.

Ландечо представлен надменным, капризным, приверженным собственному мнению и беспринципным в денежных вопросах. [XXI-21] Несомненно то, что, хотя он и отдавал предпочтение интересам колонистов, он не пренебрегал своими собственными, и вскоре они обнаружили, что он не был ни податливым, ни тактичным. Они не переставали превозносить его такт и бдительность и объявили его пригодным для управления Перу; однако в течение года после этого заявления, заверяя короля, что у них нет причин менять свое мнение, они заметили, что короне было бы неплохо поручить президенту-губернатору проявлять особую заботу о благополучии народа. [XXI-22]

Продолжающиеся жалобы на Ландечо, наконец, побудили корону принять решение о его отстранении, и **Ошибка! Закладка не определена.** Лиценциату Франсиско Бризеньо, [XXI-23] ойдору аудиенции Санта-Фе, [XXI-24] было поручено занять его резиденцию. Он прибыл в Сантьяго 2 августа 1564 года. [XXI-25] Действие резиденции президента было прекращено в декабре того же года, что привело к отстранению от должности президента и ойдора Лоаиса. [XXI-26]

ГОЛОД И ЭПИДЕМИИ.

Во время правления Ландечо за засухой, произошедшей в 1563 году, последовал такой большой дефицит кукурузы, что вызвал большие страдания среди местных жителей, [XXI-27] а в начале 1565 года страну посетили эпидемия мора и землетрясение. Эпидемия, по-видимому, распространилась только на индийский город Чинакантлан в штате Чьяпас, население которого практически обезлюдело, но последствия землетрясения были более масштабными. В Сантьяго и прилегающей стране это было разрушительно как для жизни, так и для имущества. [XXI-28] Чтобы смягчить **Ошибка! Закладка не определена.** охваченные ужасом жители города выбрали святого мученика Стефана своим защитником и воздвигли в его честь скит, к которому была организована ежегодная процессия. [XXI-29]

Вопрос более важный, чем смена губернаторов, теперь занимал внимание колонистов Гватемалы. Решение о передаче аудиенции де лос Границес Панама было принято короной, но по какой причине, хронисты не зафиксировали. [XXI-30] Указ на этот счет был издан в начале 1563 года и подтвержден вторым указом, датированным 8 сентября того же года, в котором была определена его юрисдикция. [XXI-31]

Линия, протянувшаяся от залива Фонсека до устья реки Улуа, образовывала северную границу территории, подчиненной новой провинции Панама. Однако сюда не входили города Грасиас-а-Диос и Сан-Хиль-де-Буэнависта с их округами, которые вместе с провинциями Гватемала, Чьяпас, Соконуско и Вера-Пас были переданы в подчинение аудиенции Новой Испании. [XXI-32]

УПРАВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ.

Корона поручила доктору Барросу де Сан-Миллану, ойдору аудиенсии Панама, удалить **Ошибка! Закладка не определена.** аудиенсия де лос-Границес, и до конца декабря 1564 года он был на пути в Панаму с печатью, причем визитадор Бризеньо привез приказ и опубликовал его вскоре после своего прибытия. [XXI-33]

Этому изменению, серьезно затронувшему интересы Гватемалы, ее жители решительно воспротивились. Хотя в начале 1564 года, как мы видели, кабиљдо сообщили, что эта мера была принята, он воздерживался от решительных действий до прибытия Бризеньо, когда публикация его приказов, возможно, раскрыла бы ее происхождение. В этом, однако, они были разочарованы, поскольку в своем письме от 20 декабря 1564 года они пишут: "Ваше величество, по определенным причинам, которые вас взволновали, изволили распорядиться перенести аудиенсию в город Панама".

Превращение аудиенсии Новой Испании в апелляционный суд Гватемалы и других провинций, находившихся под бывшей юрисдикцией аудиенсии Границ, привело к большим неудобствам и несправедливости из-за удаленности. Эти факты подробно освещались в петициях к короне и были дополнены сообщениями доминиканцев, которые описывали жестокое обращение, которому подверглись бы местные жители без сдерживающего присутствия аудиенсии. Лас Касас, как мы видели, также использовал свой голос и влияние при дворе, чтобы добиться его восстановления, и результатом стало то, что указом 1568 года корона распорядилась о его восстановлении в Сантьяго, доктор Антонио Гонсалес, президент аудиенсии Гранады, был назначен президентом и прибыл в Сантьяго вместе с оидорами в начале 1570 года. [XXI-34] **Ошибка! Закладка не определена.**

Во время отсутствия аудиенции страной управлял визитадор Бризеньо, чье управление, по-видимому, было справедливым и, за исключением церковных дел, без происшествий. Нет никаких доказательств того, что Гонсалес был наделен чрезвычайными полномочиями, предоставленными Ландечо, возможно, потому, что эксперимент не оказался удовлетворительным, но, по словам Пелаеса, сотрудникам *audiencia* за время его отсутствия был добавлен фискал. [XXI-35] Резиденция Бризеньо была захвачена где-то в марте, и единственное обвинение, выдвинутое против него, заключалось в предоставлении определенных репартименто по предложению кабиљдо Сантьяго. Выводы по делу были переданы короне, и кабиљдо немедленно написал письмо в защиту необходимой меры и с просьбой о его оправдании. [XXI-36]

Гонсалес правил до февраля 1572 года, когда его сменил доктор Педро де Вильялобос, который стал президентом и губернатором. У нас нет записей о каком-либо важном событии во время правления Гонсалеса; но то, что оно было справедливым, доказывается его почетным оправданием в резиденции, которую занял его преемник.

Примерно в середине шестнадцатого века дела церкви претерпели несколько важных изменений. Соконуско, который, как мы видели, был приписан к епископству Чьяпас, впоследствии был включен в состав епархии епископа Маррокина, хотя в 1596 году снова был присоединен к епископству Чьяпас. Вскоре после их прибытия доминиканцы послали в Соконуско миссию из нескольких монахов; но, не выдержав **Ошибка! Закладка не определена.** чрезмерная жара, большинство из них заболели, а смерть одного из них настолько удручила остальных, что они покинули провинцию.

Кафедра Чьяпаса оставалась вакантной до 1550 года, когда на ее место был назначен отец Томас Касильяс, без сомнения, по предложению Лас Касаса. Он посетил большую часть своей епархии, включая Табаско; построил епископский дворец и присутствовал на провинциальных советах в Мексике в 1555 и 1565 годах. После его кончины в 1567 году престол снова оставался вакантным до 1574 года, когда его преемником был назначен Фрей Доминго де Лара. Известие о оказанной чести странным образом подействовало на получателя; он молился, чтобы ему удалось умереть до того, как она была подтверждена; и, что довольно любопытно, до того, как папская булла попала в руки, и в разгар приготовлений к хиротонии, он скончался. [XXI-37]

ЧЕСТНЫЙ ЕПИСКОП.

Следующий настоятель престола, Педро де Ферия, был призван из монастыря Саламанки и в начале февраля 1575 года активно участвовал в епархиальной работе. По его приглашению францисканцы послали в провинцию несколько монахов, и вскоре были возведены монастырь и церковь. Чьяпасу выпала редкая удача иметь в Ферии епископа, который был честным человеком, не жадным до золота или власти. Обнаружив, что он слишком слаб для этой работы, он попросил короля назначить другого. В соответствии с приказом короля о том, что светские священники не должны быть смещены доминиканцами или другими лицами, получившими временное разрешение от папы римского, Ферия назначил светских священников на несколько вакантных должностей, к немалому огорчению некоторых монахов. В 1592 году [XXI-38] Дон Фрай Андрес де Убилья был назначен преемником Ферия и оставался на этом посту до 1601 года, когда он был назначен епископом Мичоакана.

На провинциальном собрании доминиканцев, состоявшемся в 1576 году, по адресу **Ошибка! Закладка не определена.** В Сюдад-Реале монастырь Санто-Доминго-де-Чьяпас был признан монастырем провинции, а Педро де Баррьентос избран первым викарием. На собраниях, проводимых в Чьяпасе и Гватемале до 1600 года, монахам было запрещено подписывать свою фамилию; писать президенту *audiencia* или *oidores*, не показывая письма сначала начальству, и, таким образом, в отношении письма в Испанию под страхом наказания в виде пятнадцатидневного тюремного заключения. Никакие деньги не должны были отправляться в Испанию через руки религиозных деятелей.

В Сюдад-Реале, где заседал последний провинциальный капитул, в 1580 году насчитывалось двести испанских векино. В провинции насчитывалось около девяноста индейских городов в радиусе шестидесяти лиг, в которых протекало около двадцати шести тысяч притоков. В самом крупном из них, Чьяпас-де-лос-Индиос, проживало тысяча двести индейских векино.

В 1559 году под влиянием Лас Касаса было учреждено епископство Вера-Пас, и отец Ангуло назначил его первым епископом. Он принял это поручение и отправился на свою кафедру год или два спустя, но рано умер в 1562 году, прежде чем приступить к хиротонии.

[XXI-39] Учреждение этого престола было в высшей степени неразумным и должно быть приписано исключительно представлениям Лас Касаса. Как уже было показано, страна была едва способна прокормить своих жителей, и в 1564 году кабиљдо заявил короне, что было бы неплохо упразднить епископство, поскольку оно не могло содержать прелата; мнение, подтвержденное последующим опытом. [XXI-40]

Ангуло сменил отец Томас де Карденас, **Ошибка! Закладка не определена.** доминиканец. Датой его назначения, согласно Гонсалесу Давиле, было 1 апреля 1565 года, и, согласно Ремесалу, он оставался во владении до своей смерти в 1580 году. [XXI-41]

СМЕРТЬ МАРРОКЕНА.

В 1555 году епископ Маррокин, ныне пожилой и утомленный более чем двадцатипятилетним постоянным служением в качестве священника и епископа, попытался уйти в отставку, но, хотя президент Кесада рекомендовал короне удовлетворить его прошение, оно было отклонено, и он умер в Сантьяго в страстную пятницу 1563 года, [XXI-42] и был похоронен с высочайшими почестями в кафедральном соборе Сантьяго. [XXI-43] Его преемником был Бернардино де Вильяльпандо, епископ Кубы, прибывший в Сантьяго в 1564 году. [XXI-44]

Францисканцы и доминиканцы тем временем добились лишь незначительного прогресса из-за мелкого соперничества и разногласий между ними, а также вмешательства светского духовенства. Хотя доминиканцы всегда были главными исповедниками и проповедниками в Сантьяго, они были менее популярны, чем францисканцы, которым также благоволил епископ Марроквин. Уже в 1550 году между двумя орденами возникло сильное соперничество за право владения участками под церкви и монастыри. Поскольку это было затем определено простым актом захвата, многие города и районы были захвачены **Ошибка! Закладка не определена.** церковниками, о которых они не могли позаботиться сами и не позволили бы контролировать их соперникам. Последовали разногласия и взаимные обиды, которые прелаты соответствующих орденов были бессильны подавить в своих подчиненных.

Этот скандальный пример привел к отчуждению как гражданских властей, так и горожан, и Маррокен, обнаружив, что его попытки уладить эти ссоры бесплодны, начал назначать людей в пустующие и заброшенные города, в некоторых случаях лишая духовенство тех, кто был в их ведении. Власти должным образом сообщили об этом положении дел, и в результате религиозные деятели получили порицание, а выбор мест для женских монастырей и назначение духовенства подлежали одобрению аудиенции, и епископу было поручено уважать привилегии монахов и относиться к ним с должным вниманием. [XXI-45]

В 1551 году доминиканцы Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Чьяпаса были организованы в независимую провинцию с названием Сан-Висенте-де-Чьяпас. Отец Томас де ла Торре был назначен провинциалом, и в январе в Сантьяго состоялось первое провинциальное собрание. [XXI-46] Было основано несколько женских монастырей, в основном в Гватемале, построены церкви среди племен зоки и квеленес, а с прибытием время от времени дополнительных монахов началась организация новых районов. В Чьяпасе доминиканцы, занятые своим трудом, продолжали время от времени подвергаться приставаниям со стороны колонистов. Были посещены провинции Сан-Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика, в городе Сан-Сальвадор был основан женский монастырь, и были предприняты две попытки установить орден в Никарагуа. [XXI-47]

В 1559 году из францисканцев была сформирована кастодия **Ошибка! Закладка не определена.** в Гватемале и Юкатане, провинциями которых поочередно выбирался викарий. Это продолжалось до 1565 года, когда религиозным организациям Гватемалы было разрешено создать отдельную провинцию с титулом Святого Имени Иисуса. Их первым провинциалом был

отец Гонсало Мендес, и первое провинциальное отделение было открыто в Сантьяго 12 октября 1566 года. [XXI-48]

Из-за разногласий с доминиканцами и между собой многие монахи покинули провинцию, так что в 1566 году здесь насчитывалось всего тридцать духовных лиц и семь монастырей. В 1574 году аудиенция издала указ, разрешающий францисканцам основывать монастыри в провинциях Изалькос, Кускатлан и Гондурас. Примерно в то же время на виллах Сан-Сальвадора и Сан-Мигеля были основаны монастыри. [XXI-49]

ВИЛЬЯЛЬПАНДО И КОРДОВА.

Одним из первых деяний епископа Вильяльпандо было опубликование постановлений последнего Тридентского собора. Среди других мер, эти ограничивали привилегии нищенствующих монахов, и, веря или делая вид, что верит, что это распространяется на полное лишение их права совершать таинства, прелат начал секуляризировать города, находящиеся в их ведении. Напрасными были протесты францисканских и доминиканских провинциалов и аудиенции, а также заявления всех о том, что светские священники, не знающие индийских языков, независимо от своих интересов и во многих случаях пользующиеся дурной репутацией, не годятся на смену обычным орденам в управлении многочисленным народом, большинство из которых были еще новичками в вере. Епископ категорически настаивал на послушании. В результате пришлось обратиться к короне, но тем временем прелат настойчиво осуществлял свои меры, несмотря на противодействие монахов, колонистов и местных жителей, поскольку религиозные организации не позволяли **Ошибка! Закладка не определена.** покинуть провинцию только по мольбам колонистов, а индейцы в некоторых случаях отказывались принимать их в своих городах.

По просьбе короля папа восстановил привилегии монахов, крайние меры епископа были осуждены, и архиепископ Новой Испании приказал прислать визитатора для расследования некоторых серьезных обвинений, выдвинутых против Вильяльпандо. [XXI-50] Говорят, что, когда Вильяльпандо был уведомлен об этих указах, он ответил: "Я получил свою церковь не от короля, а от Бога, перед которым я готов отчитаться". По словам Хуарроса, вскоре после этого он покинул Сантьяго и скоропостижно скончался в Чальчуапе, в четырех днях пути от столицы. [XXI-51] Франсиско Камбранес, настоятель кафедрального собора Сантьяго, а после него отец Алонсо де Ламилья, доминиканец, по-видимому, были назначены преемниками Вильяльпандо. Первый умер до того, как получил назначение, а второй отказался от митры. Кафедра оставалась вакантной до назначения в 1574 году епископа Гомеса Фернандеса де Кордовы, который был переведен из епископства Никарагуа. [XXI-52]

Кордова был человеком простым по привычкам, смиренным духом и чистым по жизни. Щегольство беспокоило некоторых представителей духовенства, и прелат, который при необходимости мог быть суровым, воспользовался случаем, чтобы подозвать одного из потенциальных кавалеров-священнослужителей и сурово отчитал его за экстравагантность его одежды. Унизительный урок не прошел даром, и с тех пор он, как и многие другие, старательно избегал подобных проявлений.

СРАЖАЮЩИЕСЯ МОНАХИ.

В 1575 году Кордова отправился с официальными визитами и повсюду сталкивался с жалобами местных жителей **Ошибка! Закладка не определена.** на своих священников, особенно среди

читепиков, которые просили назначить во главе францисканцев. Но те, кто владел мячом, не всегда были готовы изящно уступить, как показал инцидент, произошедший в том же году. Отец Педро Диас, посетивший Гватемалу с целью основания францисканских монастырей, прибыл в маленький городок Замаяке и зашел засвидетельствовать свое почтение священнику. Его ухаживания были встречены прохладно, и падре, стремясь умиротворить его, попросил разрешения отслужить мессу в городе и исповедать некоторых индейцев. От безразличия последний пришел в яростное негодование и выражался совершенно неклерическим языком. Его слова были резкими, а речь такой громкой, что несколько индейцев были привлечены к месту происшествия. После этого Диас принял смиренный вид и почтительно удалился, предварительно извинившись, и направился в кабильдо, где к нему потянулся народ. Импровизировав алтарь под хлопковым деревом неподалеку, он затем настоял на совершении службы, позаботившись о том, чтобы священник был проинформирован, и умоляя его не вмешиваться. Во время освящения последний в сопровождении нескольких вооруженных фаворитов ворвался внутрь и дал волю своему языку, назвав людей собаками, а францисканца сумасшедшим. Это было странное зрелище — разъяренный священник, дико жестикулирующий в своей черной рясе, окруженный вооруженными людьми, которые на мгновение пригрозили нападением, и падре, спокойно читающий свои молитвы, держащий в поднятых руках чашу посреди людей. Священник, выйдя из-под контроля, приказал своим людям атаковать, что они и сделали, ранив немало людей и вызвав всеобщее паническое бегство.

В этот момент между соперниками вмешался энкомендеро Леон Кардена, и францисканец попытался утихомирить возникшую суматоху мирными словами. Священник не успокоился до тех пор, пока индейцы не испробовали свое мастерство в метании камней, когда он позорно повернулся и убежал в свой дом, где ему пришлось **Ошибка! Закладка не определена.** подвергаться осаде, пока он не пообещал отправиться в Гватемалу, взяв с собой все свои принадлежности. [XXI-53] Францисканец оставался хозяином положения и в конечном итоге был назначен хранителем Замаяке, но последствия неприличной ссоры были далеко идущими, и дискуссии, к которым она привела, привели к изменению характера священников, поставленных во главе местных жителей.

Епископ Кордовы трудился в Гватемале двадцать три года, а Фрай Антонио де Инохоса был назначен его коллегой за два года до кончины первого, которая произошла в 1598 году. Во время своего правления король отдал приказ не жалеть средств на поддержку всех религиозных деятелей, которые могут понадобиться для обращения туземцев, и что деньги должны быть предоставлены в распоряжение монахов с целью совершения таинств среди индейцев в местах, удаленных от поселений. Францисканцы особенно размножились в Гватемале, шестьдесят шесть человек прибыли в эту провинцию в период с 1571 по 1573 год. В 1576 году аудиенция получила указание короны выделять ежегодный грант в размере пятидесяти тысяч мараведи на каждую учрежденную ими миссию. В 1578 году Гарсиа де Вальверде, который в том же году был назначен президентом аудиенсии, предпринял перестройку или расширение нескольких францисканских монастырей [XXI-54] и возведение нескольких церквей. Его энтузиазм был таков, что его часто видели таскающим камень и известковый раствор для рабочих, и его пример распространился среди жителей Сантьяго, людей благородного происхождения, подражавших примеру прелата. **Ошибка! Закладка не определена.**

В 1600 году, когда Хуан Рамирес был назначен епископом, в Гватемале насчитывалось двадцать два монастыря францисканцев и четырнадцать доминиканского ордена. [XXI-55] В 1578 году был достроен и заселен женский монастырь, средства на который были предоставлены по завещанию первого епископа Гватемалы. В 1592 году в Сантьяго был открыт колледж, и мы узнаем, что кабильдо, воодушевленные его успехом, пожелали основать там университет, чтобы студенты могли завершить свое образование, не отправляясь в Мексику, как это было тогда принято среди более состоятельного класса испанцев.

ВАЛЬВЕРДЕ И РУЭДА.

Во время правления Вальверде известие об экспедиции Дрейка в Южные моря, о которой будет упомянуто в связи с набегами этого знаменитого авантюриста, вызвало ужас во всех провинциях. В этом случае президент Гватемалы показал себя достойным оказанного ему доверия. Были закуплены корабли и пушки; стрелковое оружие и боеприпасы были получены из Мексики, и была быстро отправлена экспедиция на поиски врага. Однако столкновения не произошло, и командующий флотом был помещен под арест за невыполнение своего приказа, который заключался в продолжении поисков злоумышленников в Калифорнийском заливе, где они должны были быть размещены. В 1586 году, когда пришло известие о захвате Дрейком Санто-Доминго, на площади Сантьяго был проведен смотр, и было установлено, что город может выставить на поле боя пятьсот пеших и сотню конных. [XXI-56]

Кончина Вальверде произошла в сентябре 1589 года, и когда на смертном одре он получил информацию о **Ошибка! Закладка не определена.** его выдвижении на пост президента audiencia Новой Галисии. Его преемником стал Педро Майен де Руэда, человек сильных, но узких взглядов, который своими необдуманными мерами вскоре нажил врагов как ойдорес, так и духовенству, члены муниципалитета, однако, оставались тверды в своей преданности ему. "Руэда, - пишет кабильдо королю в 1592 году, - раздал свободные энкомьенды достойным и строго выполнял королевские предписания. Он украсил столицу множеством прекрасных зданий, так что она стала совсем другой, чем была". Тем не менее, его враги были слишком сильны для него, и в следующем году его место занял доктор Франсиско Санде, который прибыл в провинцию с полномочиями визитатора, но, похоже, не нашел ничего особенно заслуживающего порицания в администрации первого. [XXI-57]

Новый президент навлек на себя враждебность кабильдо, отменив одну из его самых заветных привилегий, [XXI-58] и передав должность альфереса, обладатель которой по должности становился старшим членом кабильдо, за пять тысяч дукадо некоему Франсиско де Месе, главной рекомендацией которого, по-видимому, было то, что он был родственником жены президента. В ноябре 1596 года Санде отбыл в Новую Гранаду, в провинции которой у него была **Ошибка! Закладка не определена.** назначен губернатором. [XXI-59] Его преемником был доктор Алонсо Криадо де Кастилья, вступивший в должность в сентябре 1598 года, причем бразды правления на время перерыва находились в руках старшего оидора Альваро Гомеса де Абаунсы.

ДОБЫЧА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ И ТОРГОВЛЯ.

В последние годы XVI века кабильдо в своих отчетах королю придерживались политики представлять промышленное состояние Гватемалы в как можно более неблагоприятном свете. Тем не менее, имеется достаточно свидетельств того, что торговля была ограничена, добыча

полезных ископаемых практически игнорировалась, а сельскому хозяйству уделялось мало внимания. В разных местах были обнаружены богатые рудники, но невозможно было нанять индейцев для их разработки, и владельцы рудников, становившиеся с каждым днем беднее, угрожали вообще отказаться от добычи, что вынудило кабиљдо ходатайствовать о ввозе рабов с целью их разработки. Сокращение поступлений на плавильных заводах было настолько значительным, что королевские чиновники решили взимать только десятую часть вместо пятой части выручки, которая ранее собиралась в качестве королевских взносов.

Возможность расширения торговли провинции за счет открытия порта Истапа, расположенного в десяти или двенадцати лигах от Сантьяго, и места, где, как мы помним, строились и снаряжались суда Альварадо для его обещанной экспедиции на острова пряностей, была предметом многих петиций королю. Казалось, что он предоставляет множество возможностей для интенсивного судоходства по Южному морю, а его примыкание к Гватемале даст торговцам и спекулянтам возможность торговать продуктами этой страны. Судостроение, в частности, могло бы стать важной отраслью промышленности. В округе можно было бы добыть древесину высочайшего качества в неограниченном количестве. Большие кедровые деревья росли в изобилии; в то время как снасти можно было достать в неисчерпаемом **Ошибка! Закладка не определена.** Лаваш, из которого получался превосходный материал для веревок и канатов, в изобилии рос по всему побережью. Смолу также можно было добыть в долине Инмаис, недалеко от порта. Однако до сих пор различные попытки использовать эти преимущества не увенчались большим успехом, но в последующие годы были предприняты дальнейшие усилия. В 1591 году были также приняты меры по открытию другого порта под названием Эстеро-дель-Сальто, расположенного в семи лигах от Истапы и способного принимать суда водоизмещением в сто тонн. [XXI-60]

Таким образом, борясь за новые пути торговли, члены кабиљдо были настойчивы в отношении тех, которые уже находились в их распоряжении. Ни ввоз рабов, ни снижение королевских пошлин не удовлетворили бы их, в то время как какао, единственный продукт, который действительно приносил прибыль и таким образом сохранял торговый баланс, облагался ненадлежащим налогом. В письме, написанном в 1575 году, они утверждали, что за прошедшие два года эта некогда высокодоходная торговля была почти уничтожена чрезмерными налогами и что в результате процветание Сантьяго значительно сократилось. [XXI-61]

ИЗВЕРЖЕНИЯ ВУЛКАНОВ.

Но коммерческий упадок был не единственным бедствием, от которого страдала провинция. В 1575 году и в два последующих года в Гватемале произошли землетрясения, [XXI-62] сопровождавшиеся большими материальными разрушениями. В декабре 1581 года произошло сильное извержение вулкана к западу от Сантьяго. Земля на мили вокруг была покрыта отложениями; солнце было **Ошибка! Закладка не определена.** потемнело, и зловещее пламя, вырывающееся из конуса, сеяло ужас по всей округе. Жители, веря, что настал судный день, прошли покаянной процессией, громко оплакивая свои грехи. Вскоре резкий северный ветер разогнал мрак и развеял пепел. В этот раз никто не погиб. В 1585 и 1586 годах произошли многочисленные землетрясения, самое сильное из которых произошло незадолго до Рождества последнего года. Вершины холмов были расколоты, в земле образовались широкие пропасти, и большая часть города была разрушена, многие жители были похоронены в руинах. В 1587 году мы слышим о другом сильном землетрясении, в результате которого погибло

пятнадцать человек и обрушилось пятьдесят зданий, в том числе старый францисканский монастырь. [XXI-63] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXII. ДЕЛА В ПАНАМЕ. 1551-1600гг.

Восстание Симарронов—Педро де Урсуа направлен против них—Второе восстание—Байано пойман и отправлен в Испанию—Правила, касающиеся негров—Коммерческий упадок—Ограничения на торговлю—Отечественная промышленность—Промысел жемчуга—Добыча полезных ископаемых—Упадок поселений—Предлагается изменить порт въезда —Его перенос из Номбре—де—Диос в Портобелло—Изменения в резиденции Аудиенсии—Фирме Огненная Земля переходит в подчинение вице-королю Перу-Хищения в королевской казне-Подготовка к обороне от корсаров и иностранных держав.

СИМАРРОНЫ.

Уже говорилось, что Лас Касас был первым, кто призвал заменить индийское рабство африканским, и уже в 1517 году такая мера была санкционирована короной. Туземцам не хватало физической силы, необходимой для удовлетворения требований своих надсмотрщиков, и негры из португальских поселений на побережье Гвинеи были в основном завезены в Испанскую Вест-Индию. Многие из них из-за жестокого обращения были вынуждены укрыться в лесах и горных твердых, где они вели кочевой образ жизни или делали общее дело с туземцами, а при нападении испанцев не давали и не принимали пощады. Примерно в середине шестнадцатого века леса в окрестностях Номбре-де-Диос кишели этими беглецами, которые нападали на поезда с сокровищами, следовавшие через перешеек, разбивали отряды, посланные против них губернатором провинции, и подстерегали пассажиров, осыпая их отравленными стрелами и разрубая на куски тех, кто живым попадался им в руки.

Организованные как мародерские симарроны [XXII -1] или мароны, как их называли на Ямайке и в Голландской Гвиане. [ГИПЕРССЫЛКА \l "Xeb601520ec40d414057c77fd68d7e57dae4cb43" \h](#) . Временами они объединяли свои силы и опустошали обширные территории страны, оставляя повсюду руины. Дома были сожжены, плантации уничтожены, женщины схвачены, товары украдены, а поселенцы убиты. Сопутствующий этому ужас был таков, что хозяева не осмеливались наказывать своих рабов, а торговцы не отваживались путешествовать по дорогам иначе, как группами по двадцать или более человек. [XXII-2] В 1554 году многие сотни из них были объединены таким образом только на Огненной земле.

Примерно в это же время новый вице-король Перу Андрес Уртадо де Мендоса, маркиз де Каньете, своевременно прибывший в Номбре-де-Диос из Испании по пути в свою столицу, решил подчинить себе этих преступников. Незадолго до своего прибытия Педро де Урсуа, храбрый и выдающийся солдат, укрылся от своих врагов в провинции Картахена, где он основал город Памплону и совершил открытия. Вице-король, считая Урсуа несправедливо преследуемым и признавая его выдающуюся пригодность, уполномочил его собрать войска и выступить против обидчиков. Соответственно Урсуа снарядил более двухсот человек и выступил из Номбре-де-Диос. Симарроны собрались под командованием Байано, [XXII-3] человека их собственной расы, отличавшегося исключительной храбростью, который был избран королем

теми, кто занимал горы между Плагоном и Пакорой, и число которых теперь превышало шестьсот. **Ошибка! Закладка не определена.**

Байано отступал медленно и осторожно, устраивая засады в каждом удобном месте и вступая с врагом в частые столкновения, негры сражались с отчаянием, а испанцы наступали с хладнокровием хорошо дисциплинированных солдат. В течение двух лет Урсуа [XXII-4] вел кампанию с неустойчивым терпением и, наконец, окружил остатки симарронов и вынудил их просить мира. Байано был отправлен пленником в Испанию. В 1570 году его последователи основали город Сантьяго-дель-Принсипи. Седула от 21 июня 1574 года провозгласила, что при полном подчинении и условии ведения мирной жизни негры должны стать свободными людьми. Одна из статей договора, заключенного в Панаме, обязывает освобожденных рабов ловить беглецов и возвращать их хозяевам.

После недолгого мира симарроны снова вышли на поле боя, подкрепленные обиженными или недовольными беглецами-неграми с рудников, и совершили такие грабежи, что король решил начать войну на уничтожение против них и их союзников. В седуне от 23 мая 1578 года он назначил своим фактором и видором Педро де Ортегу Валенсию, генерал-капитана войск, привлеченных для этой цели, с инструкциями не отступать до тех пор, пока повстанцы не будут разгромлены. Средства должны были свободно поступать из королевской казны. Панаме и прилегающим провинциям Кито и Картаго было предписано обеспечить себя всем необходимым, а Каса де ла Контратакион де Севилья должна была предоставить четыреста аркебузов и запас боеприпасов. Испанцы добились лишь частичного успеха, и в следующем году король счел необходимым обратиться к президенту и оидорам аудиенции, призывая их к новым усилиям, но тщетно. В 1596 году симарроны совместно с буканьерами открыли дорогу из своего собственного города к реке Чагре, всего в лиге ниже шоссе на Вента-де-лас-Крусес, их целью было красть и прятать сокровища и товары. 25 августа король безапелляционно приказывает разрушить дорогу и казнить зачинщиков, но, тем не менее, симарроны в сговоре с английскими корсарами в течение многих лет вызывали у испанцев неповиновение.

РАБОТОРГОВЛЯ.

Правила, принятые в шестнадцатом веке в отношении негров, как рабов, так и свободных, с предельной точностью предписывали их поведение, их социальные отношения и ограничения, при которых они должны были жить. [XXII-5] В случае с беглецами было предусмотрено, что помилование должно быть предоставлено только один раз и никогда лидерам восстания. Пятая часть расходов, понесенных при их поимке, должна была быть покрыта королевской казной, а остальная часть - владельцами; и все экспедиции должны были проводиться опытными офицерами, поскольку стоимость имущества негра была настолько велика, что его возвращение нельзя было доверить плохим рукам.

Чтобы заниматься импортом рабов, необходимо было сначала получить королевскую лицензию, привилегию, которая ревностно охранялась и редко, если вообще когда-либо предоставлялась давним соперникам Испании, португальцам, но свободно предоставлялась англичанам, которые постепенно монополизировали торговлю. Прибыли были настолько велики, что как португальцы, так и англичане постоянно нарушали закон и бросали вызов королю. [XXII-6] Правила **Ошибка! Закладка не определена.** охватывали также их общение с индейцами, чтобы максимально препятствовать их связям с незаконными бандами, опасными для безопасности Испании и наносящими ущерб миролюбивым туземцам; ибо, с

самонадеянностью, столь распространенной среди низших рас и классов, негр не смог не воспользоваться никакими привилегиями, которые он мог бы получить по сравнению со своим краснокожим соседом. [XXII-7] Однако такие проверки оказались малополезными, поскольку они также частично применялись, по крайней мере, к испанским надсмотрщикам.

Действительно, в королевском указе, изданном в 1593 году, обращается внимание на тот факт, что никто не был привлечен к ответственности ни за какие вымогательства или жестокости, которым подвергались индейцы. [XXII-8] Были изданы и другие строгие законы, но они были приняты слишком поздно или ими пренебрегли, как и остальными. Под гнетом различных угнетателей коренное население Перешейка постепенно исчезло, и к концу столетия их численность стала незначительной.

В делах Панама мы вступаем в эпоху упадка. До сих пор прогресс на перешейке не носил постоянного характера. Какое-то время золото и жемчуг побережья и островов поддерживали дух спекуляции, который разросся до еще больших размеров из-за притока сокровищ из Перу и Чили, а также из множества других мест Южной и Северной Америки. Когда они начали сокращаться, торговля пришла в упадок, и поскольку ей больше не от чего было зависеть, неизбежно последовала реакция.

В Панаме было сравнительно мало местных богатств, и ее процветание в значительной степени зависело от **Ошибка! Закладка не определена.** Колониальная политика Испании. К сожалению, это характеризовалось близорукостью, которая в конечном итоге оказалась катастрофической как для провинции, так и для империи. Большие флотилии, прибывшие из Испании, прибывали в меньшем количестве, с более длительными интервалами и с истощенными припасами. В 1589 году девяносто четыре судна достигли Перешейка, нагруженные товарами; шестнадцать лет спустя флот насчитывал всего семнадцать кораблей. [XXII-9] Такое положение дел отчасти можно отнести к грабежам пиратов, которые будут описаны ниже, но действовали и другие причины. Король Испании уже предстал перед своими подданными в Панаме в качестве королевского нищенствующего; [XXII-10] и теперь он наложил ограничения на их торговлю, которые не могли не оказаться губительными для коммерческих интересов города.

АЗИАТСКАЯ ТОРГОВЛЯ.

До сих пор с Филиппинскими островами осуществлялся крупный и прибыльный товарооборот, который часто приносил удачливому торговцу шестикратный прирост. [XXII-11] Но алчность монарха побуждала к принятию все новых и новых ограничительных мер, пока это не было полностью запрещено Панаме, да и всей Вест-Индии, за исключением Новой Испании, поскольку король был полон решимости монополизировать так называемую азиатскую торговлю кастильскими купцами. [XXII-12] **Ошибка! Закладка не определена.** Китайские товары не должны были ввозиться в Панаму и другие провинции, даже из Новой Испании. Ни один из них не должен был использоваться там, за исключением тех, которые фактически использовались на момент королевского приказа, и все излишки должны были быть перевезены в Испанию в течение четырех лет.

Конечно, американские провинции постепенно развивали домашнюю промышленность и выводили на рынок отечественную продукцию, которая в определенной степени вытеснила товары, от которых Испания до сих пор получала большие прибыли. Так, Перу поставляло вино, кожу и масло; мыло производилось в Гуаякиле и Никарагуа; Кампече производил воск,

Гуаякиль, Риобамба и Пуэрто-Вьехо - корабельные снасти, а Никарагуа - смолу хорошего качества. В Кито и других местах производили ткани, а в Новой Испании - шелковые и шерстяные изделия. Если бы Филипп проводил щедрую колониальную политику, он бы поощрял эти новые отрасли промышленности и извлекал из них выгоду, но все налоговые правила были направлены на развитие испанской торговли без учета развития торговли внутри колоний.

ВИНО И ТАБАК.

За двумя товарами следили и охраняли с особой ревностью — вином и табаком. В Перу производили вино, которое пользовалось популярностью у многих и легко продавалось. В указе Филиппа II от 16 сентября 1586 года на перешейке разрешалось продавать только вино, импортированное из Испании; **Ошибка! Закладка не определена.** его также нельзя было смешивать с вином, полученным в другом месте. За нарушение этого закона полагались крупные штрафы и даже бессрочное изгнание. Причиной этих мер было названо вредное воздействие перуанского вина на здоровье населения, но реальным мотивом было пагубное влияние его продажи на торговлю вином в Испании. [XXII-13] Табак был монополией короны, и она строго охранялась, его продажа, импорт или выращивание были запрещены под страхом суровых наказаний. [XXII-14]

Панама импортировала большую часть своих продуктов питания, и трудности с получением регулярных и дешевых поставок усугублялись монополиями, приобретенными богатыми торговцами, которые получили возможность контролировать рынок. Постоянно принимались новые меры по исправлению этого злоупотребления, от которых так же часто уклонялись или нарушались. [XXII-15] Нехватка провизии иногда вызывала бедствия, близкие к голоду, а в определенные сезоны года могла усугубляться толпами путешественников и искателей приключений, пересекавших Перешеек. [XXII-16] **Ошибка! Закладка не определена.** Перу было крупным источником поставок, и торговля с этой страной была предметом частых распоряжений, адресованных вице-королю. [XXII-17]

ЖЕМЧУГ И ЗОЛОТО.

Жемчуг и золото по-прежнему оставались одними из ведущих источников добычи на Перешейке, а самые ценные промыслы велись на старых Жемчужных островах Васко Нуньеса де Бальбоа. [XXII-18] Нырянием за жемчугом занимались негры, выбранные своими хозяевами из-за их ловкости пловцов и способности задерживать дыхание под водой. Обычно группа состояла из двенадцати-двадцати человек под руководством надсмотрщика. Встав на якорь на глубине от двенадцати до пятнадцати морских саженей, они ныряли по очереди, поднимая столько раковин, сколько могли собрать или унести. Это было трудоемкое занятие, сопряженное с большой опасностью из-за акул, которые кишели вокруг островов и с которыми они вели ожесточенную борьбу, часто теряя при столкновении конечности или жизнь. От ныряльщиков требовалось собрать определенное количество жемчуга, а все излишки они могли свободно продавать, но только своим собственным хозяевам и по установленной ими цене. [XXII-19]

С момента своего первого открытия эти промыслы сохраняли свою славу, и там была добыта самая крупная жемчужина, известная тогда в мире; она стала собственностью Филиппа II и была

описана сэром Ричардом Хокинсом [XXII-20] как "размером с луку лошадиного ярда"; ее вес составлял двести пятьдесят каратов, а стоимость - сто пятьдесят тысяч песо. Он был подарен королем своей дочери Елизавете, жене Альберта, герцога Австрийского.

Количество и разнообразие жемчуга были таковы, что этот промысел стал одним из самых плодотворных источников богатства Панама, только Севилья импортировала его в 1587 году **Ошибка! Закладка не определена.** весом около шестисот фунтов, многие из них соперничают с отборными образцами, найденными на Цейлоне и в Ост-Индии. С этого времени произошло заметное снижение как количества, так и качества, и, как следствие, на отрасль был наложен ряд ограничений. Несмотря на эти меры предосторожности, залежи жемчуга быстро истощались; ныряние оказалось бесполезным трудом, [XXII-21] и только несколько десятилетий спустя эта отрасль была возрождена.

Золото находили и добывали в разных частях Перешейка, особенно в Дариене, месте многих блестящих достижений Бальбоа, где, согласно отчету более позднего губернатора, металла было так много, что его "взвешивали на центнер". [XXII-22] Более определенной является информация за этот период о рудниках Верагуа, провинции неправильной формы, лежащей между двумя океанами и состоящей в основном из скалистых и недоступных сьерр, по склонам которых низвергаются горные потоки, доставляющие большое количество драгоценного металла в пределах легкой досягаемости. Испанцы не замедлили узнать об этом богатстве, отчасти из безделушек, выставленных напоказ индейцами, и вскоре шахты были наводнены рабочими. Когда силы туземцев оказались недостаточными для выполнения этой задачи, испанцы привлекли к себе на службу, как мы видели, более выносливых негров, пока в дни процветания горнодобывающей промышленности, кульминацией которого стал 1570 год, их одновременно не стало две тысячи. Слухи преувеличивали добычу для всегда чутких ушей мореплавателей, и, по словам Дампира, "это были самые богатые золотые прииски, когда-либо найденные". "Из-за своих неисчерпаемых запасов золота, - говорит Огилби, - тамошние испанцы не знали конца своему богатству". [XXII-23] **Ошибка! Закладка не определена.**

Однако добыча, хотя и была богатой, оказалась ненадолго, и число владельцев рудников сократилось, хотя этому способствовало несколько причин, таких как нападения враждебных туземцев или негров, которые часто нападали на испанцев из своих горных крепостей и разоряли их лагерь. Дороги были сложными; шахтерские городки были хилыми и по большей части заброшенными во время сезона дождей, их жители бежали в Панаму. В 1580 году во всей провинции их было всего четыре. Это были Сьюдад-де-ла-Консепсьон, столица, расположенная в сорока лигах к западу от Номбре-де-Диос; Вилья-де-Тринидад, расположенная в шести лигах к востоку от Консепсьона по морю, но недоступная по суше; Сьюдад-де-Санта-Фе, где был основан плавильный завод; и Сьюдад-де-Сан-Карлос, построенный на берегу Южного моря, примерно в сорока или более лигах к западу от Санта-Фе. В этих общинах проживало в общей сложности около ста семидесяти векино; все они были заняты в добыче полезных ископаемых или в делах, связанных с ними.

Однако шахтерские города были не единственными, кто пошел на попятную. Город Акла, который, как все помнят, был основан Педрариасом в 1515 году и перестроен Васко Нуньесом два года спустя, [XXII-24] прекратил свое существование в 1580 году. Так было и с несколькими поселениями, которые в разное время выросли с обнадеживающими перспективами. Либо климат убивал или изгонял жителей, либо возникали города-конкуренты под покровительством

какого-нибудь губернатора и с помощью реальных или воображаемых преимуществ переманивали горожан. Номбре-де-Диос сохранил свои позиции ведущего города и порта **Ошибка! Закладка не определена.** на атлантической стороне, несмотря на возражения, которые раньше обрекли бы на гибель многие другие места. Климат был настолько губительным, что в конце делового сезона это место обычно пустовало, и в нем было всего шестьдесят деревянных домов. Он подвергался наводнениям и все же большую часть года был лишен пресной воды. Его гавань была чрезвычайно плохой, подверженной сильным северным и восточным штормам, которые, несмотря на все меры предосторожности, часто выбрасывали на берег суда больших размеров, и пираты могли легко напасть на нее. Эти и другие недостатки побудили многих торговцев выступить за перенос порта въезда в одну из гаваней на побережье Гондураса. Хотя расстояние от Номбре-де-Диос до Панама составляло всего восемнадцать лиг, в то время как от Пуэрто-де-Кабальос до залива Фонсека - целых пятьдесят, все же стоимость одной поездки на муле по первому маршруту составляла тридцать песо, а по второму - всего девять.

МАРШРУТЫ МЕЖДУ ОКЕАНАМИ.

Хуан Гарсия де Эрмосильо получил поручение короля в 1554 году изучить достоинства соответствующих маршрутов, а два года спустя составил объемистый, но неполный отчет, [\[XXII-25\]](#) показывающий целесообразность изменения курса судов, идущих в Тьерра Фирме, с тем чтобы следовать прямо в порт Трухильо, и рекомендуемый, чтобы корабли из Новой Испании, Вера-Крус, Пануко и Гольфо-Дульче заходили в тот же порт и, таким образом, позволяли перевозить товары по суше в Реалехо или залив Ла-Манша. Фонсека, а оттуда переправлялся в Перу и другие страны. Вслед за этим, в октябре 1556 года, была адресована седула аудитории Испании и ее границ, губернатору Огненной земли и сотрудникам Индийского дома в Севилье, в которой указывалось, что следует учитывать мнения экспертов и получать информацию от всех, кто знаком с **Ошибка! Закладка не определена.** побережье и его гавани. Показания, касающиеся фактов и взглядов, изложенных в отчете Эрмосильо, были получены в 1558 году, и среди тех, кто высказался за передачу в соответствии с рекомендациями, были хронист Овьедо, космограф Луис Гутьеррес и Хуан де Барбоса, тогдашний губернатор Огненной земли. Кабильдо Сантьяго также выступили в поддержку перемен, которые могут улучшить связь с Перу и, как они соблазнительно добавили, вероятно, в значительной степени увеличат королевские доходы. [\[XXII-26\]](#)

Связь между правительством метрополии и ее заокеанскими подданными сопровождалась досадными задержками; такие переговоры всегда проходили медленно, и в это время в совете Индии произошла некоторая временная дезорганизация, что усложнило дело. Казалось бы, на эту тему никто не обращал внимания, пока она не была вновь оживлена выступлением Фелипе де Аниньона, который много лет прожил в Индии, "о полезности и преимуществах, которые будут получены в результате изменения маршрута морского транзита от Номбре-де-Диос и Панама до Пуэрто-де-Кабальос и Фонсеки". [\[XXII-27\]](#) Мемориал, не приводя никаких новых аргументов, со значительной убедительностью повторяет те, которые выдвигались ранее, настаивая на том, что таким образом будет обеспечен иммунитет от набегов корсаров, и что даже если Панама и Номбре-де-Диос будут оставлены, возникнет дюжина городов, которые займут их место в регионе, где так богаты рудники и так плодородна почва. В Номбре-де-Диос даже индейские женщины, столь плодовые в других местах, стали бесплодными; плоды отказывались расти, детей нельзя было растить, а мужчины не доживали до обычного срока

жизни. Их золото и серебро были ничем по сравнению с сокровищами, которые можно было извлечь из рудников Гондураса, ибо, когда эти последние будут обрабатываться **Ошибка! Закладка не определена.** привезенными неграми с помощью ртути, у его Величества будет королевство, втрое более богатое, чем Испания. В заключение автор памятника заявляет, что, несмотря на то, что на открытие дорог было потрачено восемьсот тысяч песо, затраты были оправданы, поскольку они были бы компенсированы дополнительным миллионом к годовому доходу короля. Вопрос о создании порта въезда в другом месте был окончательно решен докладом королевского инспектора Жана Батиста Антонелли, который показал, что, хотя перенос был необходим, поблизости имелось желаемое место.

ПОРТОБЕЛЛО.

В пяти лигах к западу от Номбре-де-Диоса находилась деревня Портобелло, насчитывавшая в 1585 году не более десяти домов, но обладавшая просторной гаванью с хорошей якорной стоянкой, легким доступом и такой, где рабочие могли разгружать суда без необходимости добираться вброд до ям, как это было в Номбре-де-Диосе. Леса и пастбища были в изобилии, почва плодородна, а пресную воду можно было получать круглый год. Более того, его можно было легко укрепить от нападения корсаров и каперов, которые под командованием Дрейка и других уже совершали грабежи на Перешейке, о чем будет рассказано ниже. "Если вашему величеству будет угодно, - сообщает землемер, - было бы хорошо, если бы в этой гавани был перенесен и построен город Номбре-де-Диос". 20 марта 1597 года под руководством управляющего Франсиско де Вальверде-и-Меркадо были произведены изменения, и было основано поселение, которое вскоре стало одним из самых важных городов Центральной Америки. [XXII-28]

В 1529 году Эррера описал Панаму как "город с шестьюстами домовладельцами". В 1581 году Филипп назвал его "очень благородным и очень благородным". Тем не менее, его развитие было сильно замедлено болезнями, вызванными высокой температурой атмосферы, влажностью почвы и распространением инфекционных заболеваний. Оспа, ангина, дизентерия, перемежающиеся лихорадки и другие недуги были широко распространены среди местного населения, и временами город почти обезлюдел. [XXII-29]

В 1564 году резиденция королевской аудитории была перенесена, как мы уже видели, в Панаму [XXII-30] под председательством доктора Барроса де Миллана. Великой, хотя и недолгой, была радость по всей Огненной земле по поводу этой победы. Народ Гватемалы не согласился бы стать простой зависимостью от мексиканской аудиенции; и, как уже говорилось, в 1568 году был издан указ, предписывающий, чтобы аудиенция была снова перенесена в Гватемалу, изменение было внесено два года спустя, хотя, как мы увидим, аудиенция вскоре была снова создана в Панаме.

РАСТРАТА И АЗАРТНЫЕ ИГРЫ.

Седулой от 26 февраля 1571 года Огненная земля была передана в подчинение вице-королю Перу во всех вопросах, касающихся правительства, войны и казначейства, но не в гражданских делах. [XXII-31] Мало прямой информации о работе нового режима в последней части **Ошибка! Закладка не определена.** в настоящее время можно получить шестнадцатый век. Однако седулы, выпущенные в последующие годы, показывают, что это было источником хронического недовольства королевского совета во всех его департаментах. Среди них был один,

датированный 7 января 1588 года, запрещающий президенту и оидорам, проживающим в Панаме, посещать любого частного лица или резидента с какой бы то ни было целью, а другой, датированный 31 декабря 1590 года, запрещающий должностным лицам министерства финансов исполнять обязанности алькальдов ординариос в любое время. Некоторые из последних были оштрафованы и отстранены от должности за незаконные спекуляции с государственными средствами, которые стали настолько распространенными, что в 1594 году убытки казны только по этой причине составили около ста пятидесяти тысяч песо. [XXII-32] В 1579 году коррехидор Панамы, находясь при смерти, признался, что он один присвоил сумму в шесть тысяч двести тридцать шесть песо, которую он собрал и незаконно удержал из казны. [XXII-33] Выдача паспортов была средством, с помощью которого члены аудиенции ухитрялись обманывать короля в части его доходов, его Величество объявил, что за один год две тысячи человек прошли через Огненную землю, не получив королевской лицензии по установленной цене. [XXII-34] Также были распространены азартные игры, любимой игрой были кости, и многие торговцы, привозившие свои товары из Испании, были обобраны профессиональными игроками. [XXII-35]

В то время как положение дел на перешейке было **Ошибка! Закладка не определена.** таким образом, в неудовлетворительном состоянии, власти постоянно опасались вторжения иностранных держав. В начале 1561 года прибыли две каравеллы с разведанными о том, что большой флот отплыл из Англии в Америку, и с приказом подготовиться к надежной обороне. Сокровища, находившиеся на борту кораблей, стоявших в гавани, были быстро вывезены и спрятаны на берегу, и ни одному судну не разрешалось покидать порт до прибытия конвойного флота из Испании под командованием аделантадо Педро Менендеса. Не зафиксировано, чтобы в этом случае англичане предприняли какую-либо попытку высадиться на берегах Огненной Земли, но четыре года спустя, когда монархи Англии и Испании были в то время в дружеских отношениях, некий капитан Паркер причалил к берегам Дариена якобы с целью торговли с местными жителями. Против него была отправлена вооруженная флотилия, но капитан отказался отступать, а при нападении не только отбил нападавших, но и захватил в плен одну из вражеских эскадр. [XXII-36]

СТРАХ ПЕРЕД ПИРАТАМИ.

Хотя, как будет сказано в следующей главе, английские авантюристы несколько раз вторгались на перешеек в период с 1572 по 1596 год, какие-либо действительно эффективные меры по его защите были приняты только ближе к концу столетия. 2 мая 1574 года король написал в аудиенцию Панамы, что у него есть информация о многих каперских экспедициях, которые в то время снаряжались с намерением отправиться в Индию. В 1580 году три военных корабля были размещены на побережье для защиты от корсаров, и было приказано доставлять преступников для работы гребцами на борту этих судов. В 1591 году в Вест-Индию был отправлен более мощный флот, и было приказано возвести укрепления в городе Крусес и других пунктах на перешейке. На сегодняшний день только Панама могла выставить в поле восемьсот человек Испанскую пехоту и пятьдесят всадников. Четыре года спустя было выбрано место для строительства форта в устье реки Чагре. Наконец, в 1597 году, когда известие о последней экспедиции Дрейка заставило короля осознать опасность, из Испании были отправлены механики, чтобы ускорить завершение оборонительных сооружений, и было приказано покрыть расходы из королевской казны. [XXII-37]

На Панаму можно было напасть с трех разных точек: из Номбре-де-Диос, откуда до нее можно было добраться только через горные перевалы Капира, где небольшой отряд решительных людей мог сдержать целую армию; из Аклы, в четырнадцать лигах к востоку от Номбре-де-Диос, где раньше стояли на якоре военные корабли; и через Рио-Чагре, по которому большие суда ходили до Крусеса, дорога оттуда на Панаму не представляла серьезного препятствия для сил вторжения. [XXII-38] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXIII. ЭКСПЕДИЦИИ ДРЕЙКА И ОКСЕНХЭМА. 1572-1596гг.

Атака Дрейка на Номбре—де—Диос —Паника среди жителей—Склады сокровищ—Отступление англичан—Они отплывают в Картахену, А оттуда в залив Ураба—Посещение острова Пинос—Корабли направляются к островам Кабесас—Вторая экспедиция в Картахену—Марш к перешейку—Дрейк впервые увидел Южное море—Засада, выставленная возле Крусеса—Колокола приближающихся поездов с сокровищами—Добыча, упущенная по глупости пьяного солдата—Взятие Крусеса —Тридцать тонн золота и серебра захвачены близ Номбре—де—Диос—Путешествие на плоту—Экспедиция возвращается в Англию—Рейд Оксенхэма—Кругосветное плавание Дрейка-Его второе путешествие в Вест-Индию-Его последняя экспедиция-Его смерть и погребение у берегов Портобелло.

AT NOMBRE DE DIOS.

В городе Оффенбург, в Великом герцогстве Баден, есть статуя человека, стоящего на палубе судна и опирающегося на якорь, его правая рука сжимает карту Америки, а в левой - пучок луковичных корней, значение которых может озадачить наблюдателя, пока он не прочтет на пьедестале надпись: "Сэр Фрэнсис Дрейк, завезший картофель в Европу в год от Рождества Христова 1586". Таким образом, в Оффенбурге прославился великий капитан Армады и кругосветный мореплаватель. Старший из двенадцати сыновей протестантского священника, оказавшегося в стесненных обстоятельствах, он поступил подмастерьем на борт небольшого торгового судна, а после смерти капитана унаследовал командование кораблем. Устав от своих торговых предприятий, он продал свое судно и вскоре после этого служил под командованием сэра Джона Хокинса в экспедиции в Мексику, где потерял все свое имущество и некоторых из своих самых дорогих друзей. Поклявшись отомстить испанцам, он вернулся в Англию и в 1570 году получил каперские грамоты от королевы Елизаветы, разрешающие ему совершить круиз в испанскую Вест-Индию. После двух коротких плаваний, предпринятых скорее с целью разведки, чем получения прибыли, он снарядил два каперских судна и несколько катеров для экспедиции в Номбре-де-Диос и в канун Троицы, 24 мая 1572 года, отплыл из Плимута с отрядом в семьдесят три человека.

Дрейк сначала взял курс на Исла-де-Пинос, где оставил свои корабли под командованием некоего капитана Роуза и, разместив большую часть своих людей на лодках, прибыл с перешейка в то время года, когда сокровища рудников хранились там в готовности к отправке в Испанию. Войдя ночью в порт Номбре-де-Диос, он разбудил дремлющих горожан, пройдя маршем по главной улице под звуки барабана и трубы. Был отправлен отряд для захвата королевской сокровищницы, и каждому человеку было приказано прикрепить к своей пике зажженное клеймо. Перепуганные жители вообразили, что в город вторглись силы, по меньшей

мере вдвое превышающие реальную численность. Тем не менее вскоре они были вооружены и, собравшись возле губернаторского дома, дали резкий залп по англичанам, направив свое оружие так низко, что пули часто задевали землю. Каперы разрядили свои ружья всего один раз, а затем сошлись в рукопашной схватке, атаковав испанцев пикой, мечом и дулом мушкета и оттеснили их с большими потерями на рыночную площадь. Были схвачены два или три пленника, которые сообщили, что серебро, ожидающее отправки в Испанию, хранится в резиденции губернатора и что в сокровищнице, расположенной ближе к воде, находится большое количество золота, драгоценных камней и жемчуга. [XXIII-1]

Дрейк приказал своим людям взяться за оружие, поскольку **Ошибка! Закладка не определена.** было замечено, что роты испанцев готовятся к атаке. Затем по рядам распространился слух, что катера находятся под угрозой захвата. Разразился сильный ливень, и прежде чем британцы смогли укрыться, их порох намок, а тетивы пришли в негодность. Мужчины пали духом и начали думать о том, как спастись, прежде чем их отступление будет отрезано, многие из них были ранены, а сам Дрейк ранен в ногу. Их капитан упрекнул их, воскликнув: "Я привел вас к самому устью сокровища мира, и если вы уйдете без него, вы не сможете винить никого, кроме самих себя". Затем он приказал части своего отряда взломать сокровищницу, в то время как остальные стояли, готовые отразить атаку; но, когда он шагнул вперед, он упал в обмороке от потери крови, и его отнесли обратно на его катер. [XXIII-2]

На рассвете вся компания погрузилась на корабль и, получив приз в виде шестидесятитонного судна, груженного главным образом винами, причалила к порту Бастиментос. [XXIII-3] **Ошибка! Закладка не определена.** Отдохнув там два дня, Дрейк вернулся на свои корабли на Исла-де-Пинос, откуда отправил своего брата исследовать реку Чагре до города Крусес, где, как мы помним, проходили поезда с сокровищами по пути из Панамы в Северное море. Затем он направился в Картахену, где захватил несколько испанских судов, но, обнаружив, что город слишком сильно защищен, чтобы отважиться на атаку, отплыл в залив Ураба. Искатели приключений высадились в месте, удаленном от маршрута путешествия, и, спрятав свои суда в соседнем заливе, оставались там пятнадцать дней, надеясь таким образом создать у испанцев впечатление, что они покинули побережье. Затем была предпринята экспедиция к реке Аtrato с целью перехвата каноэ, которые после прибытия флота в Картахену были отправлены вверх по течению, груженные испанскими товарами, чтобы вернуться с золотом, серебром и другими ценными товарами, собранными в течение года.

СИМАРРОНЫ ПОМОГАЮТ ИМ.

На второй день плавания выяснилось, что флот еще не достиг Картахены; после чего англичане снова посетили остров Пинос, захватив там огромное количество провизии, включая маниоковый хлеб, муку, вино, вяленую говядину, рыбу и обильный запас живности, все это предназначалось для использования в испанских поселениях и для пополнения флота. [XXIII-4] Их хранили для будущего использования на складах, построенных на расстоянии многих лиг друг от друга. Затем под руководством Симарронеса, который рассматривал англичан как союзников против общего врага, Дрейк перевел свои суда в уединенную бухту среди Кабесас, группы поросших густым лесом островов, недалеко от залива Сан-Блас, где **Ошибка! Закладка не определена.** канал был настолько узким и труднопроходимым, что никто не мог войти ночью. [XXIII-5] Здесь он был избавлен от всякой опасности быть застигнутым врасплох. К тому времени начался сезон дождей, и в течение этого времени испанцы не перевозили сокровища по суше.

Перед тем, как можно было предпринять какой-либо масштабный рейд, возникла необходимость в отсрочке, и поэтому людям было приказано возвести форт и здания, подходящие для их размещения, а также доставить свои боеприпасы и провизию.

Неугомонный дух вождя увлекал его дальше, и через четырнадцать дней после прибытия на острова он отправился в новую экспедицию в Картахену, бросив якорь в этой гавани 18 октября 1572 года. Отряд всадников спустился к берегу, держа в руках флаг перемирия, и встретил его честными обещаниями дружбы и помощи. Подозревая предательство, англичане вышли в море на следующее утро, но оставались в течение нескольких дней по соседству, к большому неудовольствию испанцев, которые постоянно пытались, хотя и безуспешно, вынудить их высадиться и таким образом заманить в засаду. В конце концов, оставшись без провизии и не видя никакой перспективы захватить какой-либо ценный приз, они отплыли в залив Сан-Блас. На обратном пути, занявшем двадцать пять дней, они сильно пострадали. Сбитые с толку встречными штормами, на своих маленьких, дырявых суденышках, в неминуемой опасности из-за сильного волнения моря, с истощенными припасами, многие почти погибали от нужды и незащищенности, они так и не дожили до того, чтобы воссоединиться со своими товарищами, но в самом крайнем случае им посчастливилось захватить испанское судно, "которое, - как сообщает нам хронист, - было нагружено припасами, хорошо растертыми в порошок и высушенными, которые они приняли как посланные им милостью небес".

ОНИ ПЕРЕСЕКАЮТ ПЕРЕШЕЕК.

Дрейк несколько недель оставался в своем укрытии среди островов. Наконец появилась долгожданная **Ошибка! Закладка не определена.** пришло известие, что испанский флот достиг Номбре-де-Диос, и искатели приключений немедленно начали свой марш по суше в сторону Панамы. Болезни и пули испанцев сильно проредили их ряды. Никаких сокровищ захвачено не было, и двадцать восемь человек из их числа уже нашли могилу в этой земле обетованной, среди них два брата Дрейка; один умер от болезни, другой возглавил опрометчивую атаку на испанское судно. Несколько человек из группы также заболели "календарной" лихорадкой, [XXIII-6] вызванной нездоровым климатом и нездоровой водой. После того, как на кораблях была оставлена слабая охрана, можно было набрать восемнадцать человек, годных к действительной службе. Тридцать симарронов, сопровождавших экспедицию, везли провизию, не обременяя англичан ничем, кроме оружия. [XXIII-7]

Отряд шел много дней, продираясь сквозь густой подлесок и заросли тростника, пересекая разлившиеся ручьи и с трудом взбираясь на горные кручи. Однако трудностей у них было немного. Высоко над головой навес из листьев укрывал их от лучей почти вертикального солнца. Местность изобиловала дикорастущими фруктами, и с приближением ночи симарроны соорудили непромокаемые навесы, крытые пальмовой веткой и листьями дикого подорожника, под которыми готовили себе еду из мяса дикого кабана или другой лесной дичи, убитой во время дневного перехода. [XXIII-8] **Ошибка! Закладка не определена.**

На третий день своего похода они прибыли в негритянский городок, расположенный на расстоянии сорока живых лиг от Панамы и тридцати пяти от Номбре-де-Диос, в котором проживало около шестидесяти семей и который был хорошо снабжен кукурузой, фруктами и живым скотом. Город был окружен глинобитной стеной и рвом для защиты от испанцев, с которыми симарроны все еще постоянно воевали. Всего за год до этого это место подверглось нападению отряда из ста пятидесяти человек, командир которого пообещал истребить все

население. Нападение было предпринято незадолго до рассвета, после чего мужчины бежали в лес, оставив своих жен и детей на растерзание, но позже, набравшись храбрости, напали на захватчиков и погнали их по очереди в лес, где, когда был убит их проводник, все, кроме тридцати, умерли от нужды. Здесь англичанам было предложено остаться и отдохнуть несколько дней. Им сказали, что неподалеку живет король симарронов, который может вывести на поле боя тысячу семьсот воинов и поможет им подкреплением, когда они узнают, в чем дело. Командир поблагодарил их, но заявил, что "он не стал бы тратить больше сил, если бы у него было в двадцать раз больше", и после короткого привала продолжил свой путь.

Четыре дня спустя экспедиция прибыла на вершину горы, с которой, как им обещали, открывался вид на "Северное море, откуда они пришли, и на Южное море, куда они направлялись". [XXIII-9] С помощью одного из симарронов Дрейк взобрался на высокое дерево, в стволе которого почти до вершины были прорублены ступени и где, опираясь на верхние ветви, была построена беседка, достаточно большая, чтобы вместить дюжину человек. Из этого гнезда он впервые взглянул на великий южный океан, над водами которого английский флаг еще никогда не был развернут. Говорят, что он **Ошибка! Закладка не определена.** здесь задумал проект, который несколько лет спустя был доведен до завершения — кругосветное плавание; и поскольку мечты о славе и огромных достижениях смешивались с видениями золотоносных земель и испанских галеонов, груженных сокровищами, он молил Бога "даровать ему жизнь и позволить плавать на английском корабле в тех морях". К помощи Всемогущего никогда не призывали и не давали его для осуществления более незаконных мер.

Еще сорок восемь часов путь пролегал через лесные массивы, а за ними местность была покрыта такой высокой травой, что в полный рост скот не мог дотянуться до верхней травинки. Трижды в год его сжигали, и почва была такой плодородной, что через несколько дней он прорастал, как зеленая кукуруза. Англичане приближались к концу своего похода, и по пути они часто видели Панаму и испанские суда, стоявшие на якоре на рейде.

ПОЕЗДА С СОКРОВИЩАМИ.

Потребовалась крайняя осторожность, [XXIII-10] и, приблизившись к Панаме, Дрейк, отозвав своих людей с дороги, повел их в рощу в лиге от города, недалеко от шоссе на Номбре-де-Диос. Его прибытие было очень своевременным. Симаррон, посланный в Панаму переодетым рабом, чтобы узнать точную ночь и время суток [XXIII-11], когда должен был пройти драгоценный поезд, вернулся с новостями, которые вызвали трепет в каждой груди. В тот же вечер казначей Лимы должен был отправиться из Панамы в Испанию, а с ним восемь мулов, нагруженных золотом, пять - серебром и один - жемчугом и драгоценными камнями. Два других обоза, каждый по пятьдесят мулов, нагруженных в основном провизией, должны были стать частью экспедиции.

Дрейк немедленно отправил своих людей в движение к реке Чагре и, когда они оказались в двух лигах от **Ошибка! Закладка не определена.** города Крусес [XXIII-12], разместил их двумя группами, по одной с каждой стороны дороги, и в таком положении, чтобы они могли одновременно обрушиться на фургон и хвост поезда. Мужчин было приказано носить белые рубашки поверх униформы, чтобы отличать друг друга. После прибытия флота в Номбре-де-Диос по дороге из Крусеса в Панаму часто ходили поезда, и были даны строжайшие указания, чтобы никто не трогался с места, кроме как по условленному сигналу.

Целый час они пролежали в засаде; казначей находился в полулиге от засады, и звон приближающегося поезда был отчетливо слышен в ночной тишине. Великая награда была уже совсем близко, и каждый мужчина, сжимая свое огнестрельное ружье и ощущая остроту своего палаша, затаил дыхание, скорчившись в траве и прислушиваясь к звукам, все отчетливее разносящимся в неподвижном воздухе. Поезд, груженный товарами, теперь проходил прямо перед ними, но такая добыча не представляла соблазна, когда золото и серебро тоннами были в пределах досягаемости. В этот момент произошел неприятный инцидент. "Некий Роберт Пайк, - как рассказывает нам Бертон, - выпив слишком много *Aqua-Vitae*, забывшись, убедил Саймерона выйти на дорогу и схватить передних мулов, а испанский конюх, проезжавший мимо со своим пажом, бежавшим сбоку от него, Пайк неосмотрительно направился посмотреть, кто он такой, хотя Саймерон благоразумно попытался стащить его с ног и навалиться на него, чтобы предотвратить дальнейшее обнаружение, но, поскольку этот джентльмен обратил внимание на человека во всем белом, они поняли, что это не так. надев их Рубашки поверх Одежды, чтобы не допустить ошибок ночью, он пришпорил свою Лошадь, чтобы обезопасить себя и предупредить других об опасности ". **Ошибка! Закладка не определена.**

РЕДКОЕ БОГАТСТВО.

Дрейк все еще оставался в засаде, не зная, что произошло. Кавалер тем временем поспешил доложить о случившемся казначею, и было сочтено за лучшее отвести мулов, везущих сокровище, в сторону, а остальным позволить пройти дальше, чтобы в случае нападения привлечь внимание противника до тех пор, пока из Панамы не будут вызваны войска. Поезда с провизией были быстро захвачены, и среди тюков было обнаружено несколько сотен фунтов драгоценных металлов [XXIII-13].

Нельзя было терять времени, так как один из погонщиков мулов, дружески настроенный по отношению к своим похитителям, предупредил их, что к рассвету к ним прибудет капитан-генерал во главе всего отряда Панамы. Предводитель симарронов пообещал, что, если они немедленно смело выступят на Крусес, он проведет их к кораблям гораздо более коротким путем, чем тот, которым они пришли. Некоторым этот план показался рискованным, но командир, с его трезвым суждением, видел, что столкнуться с испанцами сразу, пока его люди были еще в хорошей форме, было менее опасно, чем подвергнуться нападению позже, когда они будут измучены путешествием и подавлены неудачей.

Дав им время плотно поужинать, Дрейк отдал приказ выдвигаться. Дорога была всего двенадцати футов шириной, прорубленная через лес и окруженная плотной стеной подлеска. Рота солдат, расквартированная в городе для защиты от мародерских банд симаррона, [XXIII-14] вместе с отрядом монахов выступили против его проезда. Испанский капитан окликнул их и, узнав, что они англичане, призвал перейти по **Ошибка! Закладка не определена.** сдавайтесь, обещая доброе обращение. Дрейк ответил: "Ради чести королевы Англии, моей госпожи, я должен пройти этим путем". Затем он разрядил свой пистолет, и в ответ раздался залп, убивший одного и ранивший нескольких из его отряда. Затем англичане стремительно атаковали и с помощью симарронов загнали испанцев в лес и овладели Крусесом.

Сначала горожане пришли в ужас, особенно некоторые испанские женщины Номбре-де-Диос, все еще страдающие от родов; [XXIII-15] но Дрейк проявил мало той дьявольской жестокости, которую проявляли буканьеры более поздних лет. Отдав приказ, чтобы никто не поднимал руки на женщин или не совершал насилия над безоружными мужчинами, [XXIII-16] он обратился к

больным женщинам и заверил их, что им нечего бояться. В Крусесе было найдено немного ценной добычи, и на рассвете следующего дня после вступления в город отряд двинулся в путь к побережью, благополучно добравшись до своих кораблей, хотя и голодные, босые и с пустыми руками.

После неудачного похода к побережью Верагуа Дрейк снова вернулся в Кабесас и там столкнулся с французским судном, капитан которого предложил присоединиться к нему в другой попытке, которая сейчас планируется, захватить несколько поездов с сокровищами, все еще проходящих через Перешеек. После консультаций было решено, что двадцать человек из французского экипажа отправятся в сопровождении пятнадцати англичан и что первые получат половину доходов от рейда. Экспедиция отправилась в Рио-Франциско, и после небольшого подъема по реке **Ошибка! Закладка не определена.** катера без происшествий прошли по суше до места недалеко от Номбре-де-Диос, недалеко от главной дороги. Флот из Картахены все еще стоял у этого города в ожидании последней партии сокровищ, и у Дрейка были основания полагать, что несколько богато нагруженных поездов были тогда в пути из Панама. Он также не был разочарован. На следующее утро после его прибытия были отчетливо слышны колокола приближающегося поезда, и вскоре в поле зрения появились три отряда, два с семьюдесятью и один с пятьюдесятью мулами, нагруженные почти тридцатью тоннами золота и серебра. Эскорт испанских солдат, насчитывавший сорок пять человек, был отбит после обмена несколькими выстрелами, один из которых тяжело ранил французского капитана, и авантюристы остались с добычей. За два часа они собрали все золото, которое смогли унести, а остальное вместе с примерно пятнадцатью тоннами серебра закопали под поваленными деревьями. Тем временем в Номбре-де-Диос была поднята тревога, и с той стороны к ним приблизился сильный конный и пеший отряд. Все, кроме раненого офицера и двух человек из его команды, отступили в лес и направились обратно к реке.

ОПАСНАЯ СИТУАЦИЯ.

Но что стало с катерами? Им было приказано вернуться в течение четырех дней, и их даже не было видно. Посмотрев в сторону моря, Дрейк заметил семь испанских судов, крейсировавших у побережья. Несомненно, лодки были захвачены, и их экипажи вынуждены были раскрыть тайник кораблей, которые должны были доставить их домой, отягощенных награбленным. Теперь от их золота было мало проку, когда перед ними открывались такие мрачные перспективы. Симарроны посоветовали им идти по суше к тому месту, где стояли их корабли, - трудное путешествие длилось по меньшей мере шестнадцать дней, через леса и ручьи, вздувшиеся от зимних дождей, а между ними и морским берегом лежало множество высоких гор. Дрейк был удовлетворен тем, что задолго до того, как они достигнут побережья, их корабли будут захвачены или сожжены испанцами. Тем не менее, он велел своим **Ошибка! Закладка не определена.** Большой мешок из-под сухарей служил парусом, а вместо руля - грубо обработанное топором и ножом весло.

С тремя товарищами, все опытные пловцы, командир вышел в море, заверив своих последователей, "что если с Божьей помощью он еще раз поднимет на борт свой фрегат, то непременно затащит их всех на борт, несмотря на всех испанцев в Индии". Плот сидел так низко в воде, что каждая волна разбивалась о них, [XXIII-17] беспокоя и натирая их нижние конечности, в то время как их тела от пояса и выше были опалены жгучим жаром тропического солнца. Медленно и томительно пролетели шесть часов, приближалась ночь, в то время как под

усиливающимся штормом волны вздымались все выше и выше, с каждым мгновением угрожая навсегда поглотить четыре съезжившиеся фигуры. В них осталось мало надежды или жизни, ибо никто не мог вынести таких лишений в течение всех долгих дней, которые должны были пройти, прежде чем они могли рассчитывать добраться до своих кораблей. Наконец, когда все казалось потерянным, появился парус, а затем еще один. Принадлежали ли они к их собственным пропавшим лодкам или к военным кораблям противника? Лучше выдержать любую опасность, чем попасть живыми в руки испанцев. Дрейк сразу же подтвердил, что это те самые катера, которые ожидались на "Рио-Франциско", и так оно и оказалось. Через час он был на борту; еще до рассвета следующего дня он вернулся к своей команде, и к восходу солнца все отправились в Кабесас, где нашли свои суда благополучно стоящими на якоре. [XXIII-18] **Ошибка! Закладка не определена.**

ПРИЗЫ ОБЕСПЕЧЕНЫ.

Золото и серебро были теперь разделены по весу в равных долях между французами и англичанами, и последняя экспедиция была отправлена в Номбре-де-Диос за зарытым серебром, а также для спасения или передачи вестей о раненом офицере и двух его товарищах. Едва они ступили на берег Рио-Франсиско, как один из пропавших французов вышел им навстречу. Он заявил, что в течение получаса после того, как Дрейк начал отступление, капитан и его оставшийся товарищ, наполовину одурманенный вином, были схвачены испанцами; что сам он спасся, только бросив свою добычу, и что спрятанное сокровище, вероятно, было найдено, поскольку местность была тщательно обыскана. Тем не менее людям было приказано продвигаться вперед, и им удалось раскопать около тринадцати слитков серебра и несколько клиньев золота, с которыми они без приключений вернулись на побережье.

Испанский флот был теперь готов к отплытию, приняв на борт последний груз своего богатого груза, и ничего не выиграет, оставаясь дольше на побережье. Дрейк расстался в хороших отношениях со своими французскими союзниками и, захватив судно [XXIII-19], груженное провизией, снарядил свои корабли для обратного путешествия. Симарроны были отпущены с подходящими подарками для себя и обилием шелка и льна для своих жен. Затем были подняты паруса, и в субботу утром, 9 августа 1573 года, эскадра бросила якорь в Плимутском проливе. Как сообщают нам хронисты, был час богослужения, когда весть о прибытии распространилась по городу; и во всех церквях мужчины и женщины оставили свои молитвы **Ошибка! Закладка не определена.** и стеклись на берег, чтобы поприветствовать своих храбрых соотечественников, которые таким образом вернулись на родину с таким количеством золота и славы.

ДОРОГОЕ СОКРОВИЩЕ.

Среди тех, кто сопровождал Дрейка в его экспедиции на Огненную землю в 1572 году, был некто Джон Оксенхэм, который три года спустя спланировал дерзкий, но, как показали события, катастрофический рейд на материковую Испанию и отправился на поиски кораблей с сокровищами, часто посещавших ее южное побережье. Высадившись на перешейке всего с семьюдесятью солдатами, он вытащил свое судно на берег, обложил его ветками, закопал пушку в землю и, ведомый дружественными симарронами, прошел двенадцать лиг вглубь страны, к берегам реки, текущей на юг. Здесь был построен катер, достаточно большой, чтобы вместить всю группу, и, незаметно спустившись к устью реки, Оксенхэм отплыл к Жемчужным

островам, которые лежали на пути судов, перевозящих сокровища из Лимы в Панаму. Были вручены призы в виде двух сосудов с золотом и серебром стоимостью почти в триста тысяч песо, и искатели приключений отправились в обратный путь. Но в ту же ночь, когда они ушли, информация о захвате была отправлена в Панаму, и в течение двух дней значительные силы пустились в погоню. Сокровище было возвращено, англичане потерпели поражение, а их корабль захвачен, и оставшиеся в живых, числом около пятидесяти человек, бежали в горы, где некоторое время жили среди симарронов. В конце концов они были преданы испанцам и все преданы смерти, за исключением пяти мальчиков, которые были проданы в рабство. Так закончился первый пиратский поход, предпринятый англичанами в Южных морях. [XXIII-20]

Молитва, которую Дрейк произнес, впервые взглянув на Тихий океан, недолго оставалась без ответа, ибо великий капитан был одним из тех самоотверженных людей, которым Всевышний редко не помогает. По **Ошибка! Закладка не определена.** 15 ноября 1577 года он отправился в знаменитую экспедицию, которая должна была выдвинуть его в первый ряд мореплавателей. 6 сентября следующего года он пересек Магелланов пролив и был первым, кто спустил английский флаг в океан за его пределами. Захватив большое количество сокровищ между побережьем Перу и Панамским заливом, он отплыл на север до сорок третьей параллели, надеясь найти проход на восток, в Атлантику. [XXIII-21] Оттуда, возвращаясь, он прибыл в Плимут через мыс Доброй Надежды после почти трехлетнего путешествия 26 сентября 1580 года. [XXIII-22] Его флагманский корабль "Пеликан" был доставлен в Дептфорд, и на борту барка, на котором он обогнул мир [XXIII-23] этот храбрый моряк, начавший жизнь мальчиком-подмастерьем на небольшом торговом судне, устроил пир своей царственной любовнице и преклонил колена, когда один из величайших английских государей пожаловал ему титул сэра Фрэнсиса Дрейка.

После начала военных действий между Англией и Испанией в 1585 году Елизавета решила нанести удар по испанским владениям в Новом Свете, в то время как Филипп только обдумывал великое предприятие, которое три года спустя закончилось катастрофой, не имеющей аналогов в анналах морских войн. 12 сентября 1585 года флот из двадцати пяти **Ошибка! Закладка не определена.** корабли с несколькими катерами отплыли из Плимута, имея на борту две тысячи триста человек, среди них Фробишер и другие прославленные капитаны армады, а также командира сэра Фрэнсиса Дрейка.

Экспедиция сначала взяла курс на Испанию и, пробыв некоторое время у этого побережья, захватив множество трофеев, но ничего ценного, первого января 1586 года высадилась в Эспаньоле, в нескольких милях от Санто-Доминго. Город был взят после слабого сопротивления, но сокровищ там нашли мало, так как рудники к тому времени были заброшены, коренное население почти истреблено, а медные деньги были в обычном ходу у испанцев. Наконец был выплачен выкуп в двадцать пять тысяч дукатов, и, нагрузив свой флот хорошими запасами пшеницы, масла, вина, тканей и шелка, англичане отплыли в Картахену, захватили этот город почти без потерь и отступили, выплатив сумму, эквивалентную примерно ста сорока пяти тысячам песо. К этому времени болезнь настолько сократила их ряды, что они были вынуждены отказаться от главной цели своего предприятия, а именно от оккупации Номбре-де-Диоса и Панама и захвата сокровищ, хранящихся по обе стороны Перешейка. Поэтому было решено вернуться в Англию. [XXIII-24] После высадки в Сент-Огастине и получения в этом районе сокровищ на сумму в десять тысяч песо и следования оттуда на север к Роаноку, где члены недавно основанной Рейли колонии [XXIII-25] были приняты на борт **Ошибка! Закладка**

не определена. флот Дрейка высадился в Портсмуте 28 июля 1586 года. Добыча составила триста тысяч песо, купленных ценой семисот пятидесяти жизней. Только одна треть этой суммы была разделена между оставшимися в живых, получив в качестве наименьшей доли отдельного человека сумму в тридцать долларов.

ГРАНДИОЗНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.

Девиз "Non sufficit orbis", приписываемый некоторыми хронистами короне Испании, был одним из тех, на которые претендовал Филипп. Какое значение имело завоевание одного полушария, в то время как океаном управлял другой; в то время как королевское знамя Кастилии могло быть осквернено лицензированными бандами флибустьеров, а торговые рынки Нового Света могли быть захвачены ради выкупа? Таково было чувство, которое побудило испанских монархов предпринять амбициозные завоевательные планы, подобные тому, что закончилось уничтожением великой армады, в которой пират Дрейк сыграл отведенную ему роль.

После того как Дрейк разделил с сэром Джоном Моррисом командование экспедицией, направленной против Испании в 1589 году, пять лет спустя его суверен приказал Дрейку подготовить другое вооружение для испанской Вест-Индии. В этом предприятии он сотрудничал с самим сэром Джоном Хокинсом, [XXIII-26] старым другом и когда-то **Ошибка! Закладка не определена.** его покровителем, и среди других офицеров сэром Томасом Баскервилем, [XXIII-27] командующим сухопутными войсками. 28 августа 1595 года эскадра из шести военных кораблей, снаряженных за счет королевы [XXIII-28], отплыла из Плимута в сопровождении двадцати одного судна, снаряженного по частной подписке. Все силы экспедиции насчитывали две с половиной тысячи человек.

Хотя были приняты все меры предосторожности, чтобы скрыть назначение вооружения, Филиппу было известно задолго до отплытия флота, что Дрейк намеревался захватить Номбре-де-Диос и оттуда отправиться в Панаму, зайдя сначала в Пуэрто-Рико, чтобы разграбить стоявший в этой гавани корабль с сокровищами без мачт. Англичане вскоре на собственном опыте убедились, что для решительной обороны были сделаны все необходимые приготовления. Их суда, стоявшие на якоре недалеко от города Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико, подверглись хорошо направленному огню батареи из тридцати орудий. Стул Дрейка был выбит из-под него выстрелом, когда он сидел за ужином в своей каюте, и после потери по меньшей мере пятидесяти человек убитыми [XXIII-29] и стольких же раненых экспедиция отплыла на материк. Города Ранчерия, Рио-де-ла-Хача и Санта-Марта были сожжены в отсутствие выкупа. Номбре-де-Диос был взят почти без сопротивления и сровнен с землей; но Баскервиль, отправленный с семьюстами пятьюдесятью солдатами атаковать Панаму, был разбит испанцами на полпути через перешеек, и его команда вернулась голодной, с больными ногами, [XXIII-30] и в плачевном состоянии. **Ошибка! Закладка не определена.**

СМЕРТЬ ДРЕЙКА.

"Это не имеет значения, парень", - сказал Дрейк одному из своих любимых офицеров. - У Бога много чего припасено для нас, и я знаю много способов сослужить хорошую службу ее Величеству и сделать нас богатыми, потому что мы должны заполучить гулда, прежде чем увидим Англию. Едва эти слова были произнесены, как говорившему стало плохо, и 28 января 1596 года, менее чем через неделю после этого, великий капитан испустил дух, когда английский флот вошел в гавань Портобелло. В лиге от берега он нашел могилу моряка; и когда

свинцовый гроб с его останками был опущен в волны недалеко от того места, где он впервые завоевал известность, артиллерийские залпы возвестили ликующим испанцам на берегу, что к списку тех, чью память Испания никогда не переставала ненавидеть, а Англия чтить, добавилось еще одно имя. [XXIII-31] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXIV. НИКАРАГУА И КОСТА-РИКА. 1551-1600гг.

Восстание Хуана Гайтана—Его поражение от лиценциата Хуана де Кабальона—Экспедиция Кабальона и Хуана де Эстрады Рабаго в Коста—Рику—Основанные поселения—Бедствие испанцев—Хуан Васкес Коронадо приходит им на помощь—Дальнейшие экспедиции—Бегство туземцев—Захват крепости Коту—Администрация Диего де Артиего Черино—Францисканцы в Коста—Рике—Мученическая смерть Хуана Писарро—Духовенство в Никарагуа—Брат Хуан де Торрес—Состояние поселений— Медленный рост торговли.

Восстание братьев Контрерас послужило по крайней мере одной благой цели. Это избавило Никарагуа от толп бродяг и неудовлетворенных искателей приключений, большинство из которых нашли могилу, как мы видели, во время своего рейда на Перешеек. В провинции все еще оставались остатки разгульного хулиганства, охватившего все провинции, и через четыре года после событий, описанных в предыдущей главе, вспыхнули новые волнения. Группа недовольных солдат и беглецов из Никарагуа и Гондураса, присоединив к себе несколько негров, подняла восстание под руководством Хуана Гайтана, преступника, изгнанного из Никарагуа по приказу лиценциата Хуана де Кабальона, который в то время руководил Леоном.

Повстанцы начали с разграбления деревни Сан-Мигель, [XXIV-1] и оттуда, перейдя к рудникам Чулутеки, захватили их после упорного сопротивления [XXIV-2] и разорили соседнюю деревню. Затем они вошли в **Ошибка! Закладка не определена.** Никарагуа и двинулись прямо на столицу, но когда до нее оставалось пять лиг, Гайтан, который твердо верил в астрологию, был втянут в спор со своим маэстро Кампо, Таррагоной, любителем оккультного искусства. Последний предсказал, что они непременно будут повешены, если продолжат свой поход на Леон, и посоветовал им сначала отправиться в Реалехо и захватить стоящие там суда. Но месть взяла верх над суеверием Гайтана, и он продолжил свой путь в столицу, решив лишить жизни лиценциата.

Тем временем весть о вспышке достигла Кабаллона. Помощь была вызвана из Реалехо и Гранады; кораблям в бывшем порту было приказано выйти в море, чтобы избежать захвата; [XXIV-3] и, войдя в Леон в последний день пятидесятницы 1554 года, Гайтан обнаружил, что силы лиценциата выстроились на общественной площади, хорошо подготовленные к обороне. Последовал упорный конфликт; но порох мятежников отсырел от дождей, они сражались в невыгодных условиях и в конце концов были разбиты. Гайтан нашел убежище в монастыре, принадлежащем ордену Мерсед, где его брат был одним из монахов, но это убежище ему ничего не дало. Лиценциат Сотомайор, изгнанник из Новой Испании, который также был заключенным, схватил его и передал властям. На следующий день лидер повстанцев был обезглавлен, и, чтобы сбылось пророчество маэстро де Кампо, Таррагона и другие были повешены, остальные отправлены в изгнание.

КАБАЛЬОН И РАБАГО.

В то время, когда Кабальон был министром финансов Гватемалы, аудиенция попросила Кабальона предпринять меры по умиротворению Коста-Рики совместно с богатым священнослужителем по имени Хуан де Эстрада Рабаго, и именно с этой целью он первоначально отправился в Никарагуа. В 1560 году была организована экспедиция, Рабаго **Ошибка! Залкадка не определена.** предоставила необходимые средства, поскольку у Кабаллона их не было. Каждый должен был основывать свои собственные поселения, но оказывать помощь и советы другому. Первый на четырех судах поднялся вверх по Десагуадеро, в то время как Кабальон отправился по суше и исследовал южное побережье. Сомнительно, встречались ли они когда-либо в соответствии со своим первоначальным планом, и их отсутствие сотрудничества может частично объяснить провал предприятия.

Рабаго с отрядом из шестидесяти испанцев основал "Виллу дель Кастильо де Австрия" в заливе Сан-Херонимо. [XXIV-4] Он также говорит о трех других городах, которые он основал, и о церквях, которые он построил и обставил, но не называет их названия или местонахождение. Кабальон основал Виллу де Ландечо на побережье недалеко от южной границы провинции, а в трех днях пути оттуда - поселение Кастильо-де-Гарсиа-Муньос. Причины, побудившие его выбрать прежнее место, были известны только ему самому и не зафиксированы летописцами. В окрестностях не было индейцев, которых можно было бы обратить в рабство; большая часть земель была болотистой, а возвышенности бесплодными и состояли в основном из голых скал. Вскоре после этого Кабальон был назначен фискалом аудиенсии Мексики, а Рабаго, оставшийся теперь за единоличное руководство, получил приказ императора не отказываться от начинания, хотя испанцы были в тяжелом положении. "Прошло уже два с лишним года, - пишут члены кабиљдо из Картаго в декабре 1562 года, - с тех пор как мы вошли в эту провинцию вместе с лицензиатом Хуаном де Кабальоном, и нам с большим трудом удалось выстоять против мятежных туземцев, которых невозможно было обратить в свою веру и привести к повиновению мирными средствами". [XXIV-5]

После отъезда Кабальона в Мексику местная публика поняла, что для этого случая нужен человек со средствами и способностями, и **Ошибка! Залкадка не определена.** их выбор пал на Хуана Васкеса Коронадо, который был назначен алькальдом-мэром Никарагуа и Коста-Рики. Впоследствии император присвоил ему титул аделантадо и генерал-капитана. Коронадо немедленно отправил корабль с подкреплениями и провизией для помощи нуждающимся колонистам, а по суше отправил обоз со скотом, груженный материалом для одежды, а также одеялами, сапогами, седлами, сбруей, скобяными изделиями и другими припасами. Во главе мощного и хорошо оснащенного отряда он вскоре после этого направился в Никою, индийский город, на который тогда претендовали Никарагуа и Коста-Рика. [XXIV-6] Здесь он ожидал прибытия судна. К этому времени начался сезон дождей, и добраться по суше до Вилья-де-Ландечо, куда он направлялся, было невозможно; но вскоре прибыло судно, алькальд-мэр прибыл в это поселение со своей командой и, удовлетворив нужду колонистов, отправил корабль обратно в Панаму за свежими припасами и проследовал в Картаго, где ему доставили королевский штандарт. Рабаго тем временем отправился в Испанию и больше не появляется в связи с историей Нового Света.

КАСИК ГАРАБИТО.

Коронадо щедро раздавал свои припасы, а когда его собственные средства были исчерпаны [XXIV-7], влез в большие долги, чтобы удовлетворить потребности своих соотечественников. Затем он отправил экспедиции в различных направлениях, чтобы исследовать и подчинить себе эту территорию. Считалось, что главный касик по имени Гарабито имел под своим командованием большие силы, и рота из сорока солдат под командованием Франсиско де Мармолехо была направлена против него в провинцию Лос-Ботос, [XXIV-8] считавшуюся богатым и густонаселенным районом, и предполагалось, что Гарабито удалится. Местность была найдена почти пустынной, за исключением **Ошибка! Залкадка не определена.** двух домов, в которых проживало около девяноста полуголодных индейцев. В провинцию Гарабито был отправлен капитан Хуан де Ильянес де Кастро, но местные жители бежали; и после бесплодных поисков он вернулся всего с несколькими женщинами и мальчиками, от которых стало известно, что число сторонников касика было сильно преувеличено. Однако было установлено, что четверо вождей Гарабито находятся у подножия горы на расстоянии многих лиг отсюда, и Давиле, который стал рассказчиком многих из этих экспедиций, было приказано отправиться на их поиски и мирно доставить в штаб-квартиру. Их нашли в компании примерно двадцати мужчин, тридцати женщин и нескольких детей, все они жили в двух домах, и заявили, что Гарабито отправился в Лос-Ботос, [XXIV-9] и что найти его будет трудно, поскольку он никогда не проводил две ночи в одном и том же месте. Они сказали, что его подданных может быть от пятисот до шестисот человек.

Коронадо послал этих вождей сообщить туземцам о своем прибытии, обещая им доброе обращение; и через несколько дней в его штаб-квартиру прибыли еще десять или двенадцать человек. Один из них, касик провинции Анзарри, [XXIV-10] пообещал провести экспедицию в самую густонаселенную часть страны; но когда его попросили выделить четыреста носильщиков, он ответил, что даже Гарабито не сможет предоставить столько. Затем алькальд-мэр с семьюдесятью солдатами и примерно сотней индейцев отправился в Анзарри, взяв с собой касика. Прибыв туда, вождь собрал нескольких туземцев и сказал, что это все, что у него есть, и что вместе с ним они находятся на службе у испанцев. Коронадо, сильно разгневанный, арестовал его, сказав, что он должен набрать требуемое количество или поплатиться жизнью. На это касик только **Ошибка! Залкадка не определена.** ответил: "Делайте, что вам заблагорассудится; других людей у меня нет". Через день или два были закуплены еще тридцать носителей. Теперь Коронадо решил продолжить свой поход, держа курс на провинцию Кепо, где, как его заверили, находился касик с большим количеством индейцев.

При въезде на территорию он заручился услугами ста тридцати дополнительных носильщиков и был проинформирован, что если он ищет золото, то найдет все, что ему нужно, в крепости Коту, в нескольких днях пути оттуда. После трудного марша до форта добрались, и Мармолехо с тридцатью людьми получил приказ напасть на него ночью и захватить всех расквартированных там касиков. Испанцы, не ожидая сопротивления, неосторожно передали свое оружие сопровождавшим их туземцам и, войдя в это место, сами были застигнуты врасплох: двадцать из них были ранены, прежде чем смогли схватиться за оружие. Вскоре из Коронадо прибыла помощь, после чего индейцы покинули форт и бежали, предварительно подожгв все дома, числом около шестидесяти пяти. Затем к касикам были отправлены гонцы с просьбой присягнуть им на верность и обещанием доброго обращения. Один из них вернулся, принеся золотую патену в знак мира, и на следующий день за ним последовали вожди, которые также принесли с собой несколько небольших золотых подношений. [XXIV-11]

КАК ВЫПОЛНЯЛИСЬ ПРИКАЗЫ КОРОЛЯ.

Затем Коронадо направился к Гарсиа Муньосу, где вскоре после этого организовал вторую экспедицию, во время которой, углубившись далеко вглубь материка, обнаружил большую реку, которую назвал Рио-де-ла-Эстрелья. В этом районе он нашел большое количество золота. Вернувшись оттуда на побережье, он сел на корабль, отплывающий в Испанию, [XXIV-12] и вскоре после его прибытия был издан королевский указ, предписывающий снять показания в Сантьяго **Ошибка! Закладка не определена.** относительно того, действительно ли он добился умиротворения Коста-Рики и имел право на пост губернатора этой провинции. Доказательства были чрезвычайно благоприятными, и в апреле 1565 года он был назначен губернатором Коста-Рики пожизненно с годовым окладом в две тысячи песо, [XXIV-13] а также губернатором Никарагуа сроком на три года.

О последующей карьере Коронадо известно мало, но, похоже, он недолго оставался на своем посту, поскольку в 1573 году Диего де Артьеда Черино [XXIV-14] заключил контракт с короной на умиротворение и дальнейшую колонизацию провинций Коста-Рика, Никарагуа и Никоя и был назначен губернатором и генерал-капитаном этих территорий. Согласно условиям его контракта, туземцев должны были обучать искусству мира, а те, кого следовало обратить в христианство, должны были быть освобождены от уплаты дани на десять лет; торговля с индейцами должна была поощряться; должно было развиваться сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и другие отрасли промышленности; никакие военные действия с туземцами не должны были разрешаться до тех пор, пока трижды не будут отклонены предложения о мире; поселения не должны были основываться в районах, зарезервированных для использования индейцами; главные города должны были вернуться к императору; экспедицию должны были сопровождать четыре священнослужителя, по крайней мере двое из них должны были быть иезуитами. Наконец, полные отчеты обо всех важных разбирательствах должны были время от времени направляться в корону. [XXIV-15]

ПИРАТЫ.

Вскоре Черино собрал отряд в двести человек, но из-за трудностей с приобретением судов, поскольку его Величество обеспечил все доступные корабли для военно-морской экспедиции во Фландрию, он отбыл только 15 апреля 1575 года, установив **Ошибка! Закладка не определена.** отплыть из порта Сан-Лукар. [XXIV-16] Сначала ему было приказано отправиться в плавание вдоль побережья в поисках английских пиратов, которые тогда наводняли те края; но, не обнаружив никаких признаков их присутствия, он высадился на берегу Коста-Рики недалеко от устья реки, которой он дал название Рио-де-Нуэстра-Сеньора-дель-Валье-дель-Гайни. Проплыв вверх по течению две или три лиги, он основал на его берегах два поселения, одному из которых дал название Сьюдад-де-Артьеда-дель-Нуэво-Рейно-де-Наварра. В присутствии большинства своих людей он официально вступил во владение этим участком; на дереве, стоящем на месте, выбранном для площади, он отметил саблей крестное знамение "во имя Отца, Сына и Святого Духа"; затем он обратился к своим последователям, [XXIV-17] сказав им, что все желающие могут выбрать городские участки и получить все привилегии, предоставленные поселенцам императором. Затем губернатор приказал капитану Франсиско Парону провести дальнейшие исследования, и, поднявшись вверх по реке на расстояние девяти лиг, он обнаружил плодородную долину и, найдя туземцев сговорчивыми и доброжелательными, вступил во владение с соблюдением обычных формальностей, назвав ее

Валле-де-лос-Пуфибаис-и-дель-Вальдерронкаль. Черино, похоже, не преуспел в основании каких-либо постоянных поселений в Коста-Рике; поскольку мы узнаем, что в 1586 году Картаго и Эспарса были единственными городами в провинции, населенными испанцами, [XXIV-18] и что они постоянно находились в состоянии войны с индейцами.

Таким образом, усилия испанцев подчинить коренных жителей Коста-Рики были лишь частично успешными; но тем временем был достигнут большой прогресс в **Ошибка! Закладка не определена.** умиротворении провинции усилиями францисканских монахов. Примерно в 1555 году отец Педро Алонсо де Бетансос заложил там основание провинции Сан-Хорхе-де-Никарагуа. [XXIV-19] Бетансос приехал в Новую Испанию в 1542 году, будучи одним из двухсот монахов, сформировавших миссию Якобо де Тестера, и был направлен в Гватемалу. Он трудился там с большим рвением и успехом, переводя катехизис на индийский язык, обратив многих в свою веру и побудив других бросить кочевую жизнь и основать регулярные поселения. Четыре монаха, среди которых были Хуан Писарро из Гватемалы и Лоренцо де Бьенвенида из Гватемалы, последний из которых ранее трудился в компании с Тестерой на Юкатане, [XXIV-20] сопровождали Бетансоса в Коста-Рику. [XXIV-21] Бьенвенида вскоре после этого отбыл в Испанию и, привезя оттуда тридцать священнослужителей, вернулся в Коста-Рику. Епископ Никарагуа предоставил такое же количество, и когда все были собраны, провинция была основана в 1575 году, а четыре года спустя ее создание было подтверждено генеральным капитулом ордена, состоявшимся в Париже в 1579 году, при этом количество назначенных монастырей составило двенадцать. [XXIV-22]

Бетансос был способным человеком и неутомимым трудолюбивым. За короткое время он овладел двенадцатью индийскими диалектами, говоря на них так же бегло, как и сами туземцы. [XXIV-23] "Когда он впервые отправился в Коста-Рику **Ошибка! Закладка не определена.** Рика, - говорит Васкес, - он не позволил солдатам войти на территорию. Он путешествовал босиком и в сопровождении только маленького мальчика. Через два или три месяца он вернулся со многими туземцами, все крещеные и обращенные, привезя большой запас провизии для испанцев. Это он делал много раз, пока одним только словом Божиим не умиротворил великое множество людей. За шестнадцать лет, которые он трудился таким образом, в провинции не осталось ни клочка территории, который он не пересек бы в поисках душ". После тридцатилетних трудов на него напала лихорадка, и он умер недалеко от города Хомез в 1570 году, его останки были погребены в женском монастыре, который он сам основал в Картаго. [XXIV-24]

ЕЩЕ ОДИН МУЧЕНИК.

1586 год запомнился мученической смертью Хуана Писарро, престарелого и почтенного монаха ордена Мерсед, друга и соратника Бетансоса, того, кто первым основал Наемничество в Коста-Рике. В день непорочного зачатия он проповедовал в одном из индийских городов, когда банда туземцев набросилась на него, раздела его, голого привязала к столбу и безжалостно выпорола. Не удовлетворившись этим, они накинули ему на шею веревку, избили до бесчувствия, подвесили избитое и кровоточащее тело к дереву, а когда жизнь покинула его, сбросили труп в соседнюю пропасть.

Разногласия, вызванные новым сводом законов в Никарагуа, еще не закончились. Серрато, который все еще был президентом audiencia, "Границ", [XXIV-25] подвергался преследованиям со всех сторон. Церковники утверждали, что туземцев следует изъять из энкомандерос и

поместить под корону, **Ошибка! Закладка не определена.** что фактически означало церковь, и что их владельцам выплачивается компенсация непосредственно из королевской казны. Завоеватели, однако, не захотели слушать подобные предложения, но упорно держались за свои владения.

Число подвластных короне индейских городов в Никарагуа примерно в 1555 году составляло двадцать семь. [XXIV-26] Никоя, самая большая, насчитывала пятьсот семей; ни в одной другой не было больше ста, и в большинстве из них было всего десять или двадцать семей. Крайняя бедность туземцев привела к необходимости сокращения их дани, [XXIV-27] и, следовательно, жалование гражданским чиновникам и духовенству было сокращено. Совокупная десятина церкви в провинции составляла в 1555 году всего тысячу шестьсот песо и уменьшалась из года в год. Доля епископа составляла триста восемьдесят песо - сумма, недостаточная для его содержания, и он был вынужден обратиться к королю с просьбой увеличить его доход. Священники, работавшие в местных деревнях, получали двести песо, а в одном случае стипендия составляла всего восемьдесят песо.

ЦЕРКОВНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.

После смерти Вальдивьесо монах Алонсо де ла Вера Крус, который в течение многих лет занимал кафедру теологии в Мексиканском университете и в течение четверти века проповедовал местным жителям на их родном языке, был назначен его преемником, но отказался от этого поста. [XXIV-28] Затем престол был предложен лиценциату Карраско, который взял на себя управление епархией, но так и не приступил к освящению. [XXIV-29] В качестве **Ошибка! Закладка не определена.** избранный епископ ознакомился с делами провинции, провел многочисленные расследования и в результате внес различные предложения гражданским властям. Он заявил, что сокращение численности населения и доходов было вызвано поведением алькальдов-мэров, большинство из которых были либо дураками, либо мошенниками. В течение трех лет пять или шесть человек были отправлены в Никарагуа по назначению аудиенции, и каждый раз туземцам приходилось возводить праздничные арки, чтобы приветствовать их, а также откармливать птицу и готовить деликатесы для их развлечения. Чиновники короны не удовлетворили Карраско и даже зашли так далеко, что отказали ему в праве требовать отчета о десятине, полученной на церковные цели, хотя из-за их казнокрадства сумма упала настолько низко, что ее было недостаточно для поддержки епископства. Неудивительно, что вскоре ему надоела столь непривлекательная сфера деятельности.

Карраско сменил Фрая Гомеса Фернандеса де Кордова. Этот высокопоставленный священнослужитель был уроженцем города, название которого он носил, и принадлежал к высшей знати Испании, будучи внуком великого полководца. [XXIV-30] Он был рукоположен в Испании и возглавил епископство в 1553 году. [XXIV-31] Во время его пребывания на этом посту строительство собора было завершено, и произошла миграция доминиканцев.

Строительство собора долгое время тормозилось из-за незаконного присвоения средств, выделенных на эти цели, поскольку казначей в разное время вкладывал крупные суммы в спекуляции и покупку земель в Перу. Аудиенция, наконец, приняла меры и распорядилась завершить его; средства должны быть собраны в равной пропорции из казны, колонистов и **Ошибка! Закладка не определена.** туземцы. Когда все было закончено, остался излишек в размере более двух тысяч песо, который был возвращен в казну.

В этот период дисциплина среди доминиканцев была несколько ослабленной, а их образ жизни таким, что вызывал скандалы по всей провинции. В 1554 году брат Хуан де Торрес, житель Гватемалы, был назначен провинциальным доминиканским викарием Никарагуа с приказом посетить монастыри в Леоне и Гранаде и вернуть духовенство к строгости. Потерпев неудачу в этом, он должен был дать им разрешение уехать в Испанию или куда-либо еще, как им заблагорассудится, и привезти с собой все драгоценности и украшения, принадлежащие ордену. [XXIV-32] Прибыв в Никарагуа, провинциальный викарий сразу же ввел такие суровые постановления, что монахи почувствовали отвращение и решили вернуться в Испанию. Ничто не могло быть более приятным для брата Хуана, который после этого тайком собрал все драгоценности и украшения в соответствии с его инструкциями и вернулся в Гватемалу. [XXIV-33]

Этот поступок был осужден даже начальством викария. Генерал ордена Эстефано Усусмарис не одобрил этого и вместо того, чтобы похвалить его за рвение, обвинил в неосмотрительности. [XXIV-34] Из Перу пришел протест; и президент и оидорес местной аудиенции почувствовали себя оскорбленными тем, что такая важная мера была принята без консультации с ними. Несколько лет спустя падре Торресу было приказано отправиться в Испанию, чтобы король, совет и генерал его ордена были проинформированы о вопросах, относящихся к **Ошибка!** **Закладка не определена.** к избранию отца Ангуло на престол Вера-Крус. Его корабль был захвачен французскими корсарами, когда он находился на виду Кадиса, и все находившиеся на борту были взяты в плен; но священнослужитель был так воодушевлен славой того, что таким образом попал в руки еретиков, что его похитители, расценив его высокое и святое рвение как своего рода безумие, высадили его на берег без выкупа.

После его прибытия ко двору вновь заговорили о том, что он расчленил монастыри Никарагуа, и было решено, что он должен восстановить их лично. Однако, принимая во внимание тот факт, что в этом вопросе он просто действовал в соответствии с приказами своего начальства, он был освобожден от всякой вины и назначен генеральным викарием провинции Никарагуа, которая в то же время была отделена от провинции Сан-Висенте-де-Чьяпас. Затем ему было приказано собрать несколько монахов и вернуться в Леон, при этом король взял на себя расходы по экспедиции и предоставил все необходимое для переоборудования монастырей. Епископ, поселенцы и местные жители сердечно приветствовали его, и он вместе со своими коллегами возобновил свои труды по всей провинции; но тяжелый труд и преклонные годы подорвали его силы, и примерно в 1562 году фрай Хуан де Торрес заболел и умер в индейской деревне на Десагуадеро.

После его кончины доминиканцы впали в уныние и все покинули провинцию: одни уехали в Санто-Доминго, другие - в Перу, а остальные - в Испанию. Украшения и имущество, подаренные королем монастырям, были оставлены на попечение братьев-мирян, но впоследствии доминиканцы Сан-Висенте-де-Чьяпас присвоили их как принадлежащие ордену. Однако по судебному решению они были вынуждены вернуть их, после чего королевским указом они были распределены между другими церквями.

КОММЕРЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

В конце шестнадцатого века главными городами Никарагуа были Леон, столица Реалехо, и Гранада. В 1586 году первый находился в полуразрушенном. В Реалехо было всего тридцать поселенцев, и его основной отраслью промышленности было строительство и ремонт кораблей.

В Гранаде проживало двести векино, а на небольшом расстоянии от нее проживало множество индейцев-данников. Стены зданий были глинобитными, укрепленными несколькими кирпичами и камнями, крыши - черепичными. Среди населения были рекомендеро, торговцы, негоцианты, а также несколько механиков и скотоводов. Суда вели оттуда торговлю с Номбре-де-Диос, проходя вниз по Десагуадеро к Северному морю, хотя и с некоторыми трудностями в сухой сезон. [XXIV-35]

Несмотря на налаженные таким образом торговые отношения с провинцией Панама, в Никарагуа еще не было развито никакой важной торговли. В обращении было мало денег, [XXIV-36] и цены на все импортные товары были чрезвычайно высоки. Бутылка вина стоила двенадцать песо; ткань нельзя было купить меньше чем за десять песо, а полотно - менее чем за пятнадцать реалов за ярд. Другие товары продавались в той же пропорции и были не по средствам всем, кроме самых богатых поселенцев. Такое положение дел может быть частично объяснено кликой торговцев в Севилье, которые уже монополизировали торговлю в Новом Свете, которые отправляли свои товары в таких небольших количествах, как всегда, чтобы сохранить рынок без припасов и обеспечить непомерно высокие цены на свои товары, и которые своей алчной политикой дали толчок, как мы увидим позже, контрабандной торговле.

Ошибка! Закладка не определена.

ГЛАВА XXV.

НИКАРАГУА И КОСТА-РИКА.

1601-1700гг.

Леон покинут—Выбрано другое место—Описание Нового города—Кошунственная мышь—Торговля Гранады—Флибустьеры в Никарагуа—Церковные дела—Иезуиты проникают в провинцию—Их отзывают—Епархия подчиняется архиепископу Лимы—Преемственность прелатов—Извержение Эль—Инфьерно—де—Масайя—Резня испанцев в Коста—Рике—Экспедиция Мальдонадо в Таламанку—Миссия Верделете в Тологальпу—Ее провал—Его дальнейшие попытки обратить местных жителей в христианство—Резня солдат и Церковники.

ЛЕОН, ГРАНАДА И РЕАЛЕХО.

Город Леон был основан, как вы помните, Кордовой в 1523 году, [XXV-1] в нескольких лигах от берега Южного моря. Считалось, что убийство епископа Вальдивьесо, о котором уже упоминалось, [XXV-2], наложило проклятие на это место, и после серии бедствий жители покинули это место в 1610 году. Сначала, соблюдая торжественный пост, они прошли маршем под флагами Испании и муниципалитета и примерно на полпути между океаном и озером Манагуа, в центре густонаселенного индейского района Субтиаба, основали новый город, который вскоре стал известен как один из лучших построенных в Центральной Америке. "Леон, - говорит английский путешественник Томас Гейдж, монах-отступник, проезжавший через город в 1637 году, - очень любопытно построен, ибо главная радость жителей состоит в их домах, и в удовольствии от соседней страны, и в **Ошибка! Закладка не определена.** изобилие всего для жизни человека, больше, чем в каких-либо необычайных богатствах, которыми здесь не столько наслаждаются, сколько наслаждаются. в других частях Америки. Они довольствуются прекрасными садами, множеством певчих птиц и попугаев, обилием дешевой рыбы и мяса, и веселыми домами, и поэтому ведут вкусную, веселую и праздную жизнь; не слишком стремятся к торговле и перевозкам, хотя недалеко от них озеро, которое обычно каждый год отправляет

несколько фрегатов в Гавану Северным морем и Реалехо Южным морем, что, по их мнению, могло бы быть очень удобным для любых сделок и богатой торговли в Перу или в Мишко, если бы их дух увлек их так далеко. Джентльмены этого города почти такие же тщеславные и фантастические, как жители Чьяпы. И особенно от удовольствия от этого города зависит вся та провинция Никарагуа, которую испанцы называют Раем Магометана. Отсюда путь прост и ровен до Гранады, куда я добрался благополучно и радостно". [XXV-3]

"Что мы наблюдали в Гранаде", - продолжает Гейдж, **Ошибка! Закладка не определена.** "было два монастыря наемников и францисканских фрайеров и одна из монахинь, очень богатая; и одна приходская церковь, которая была кафедральным собором, поскольку епископ Леона чаще проживал там, чем в Городе. Дома здесь красивее, чем в Леоне, и в городе больше жителей, среди которых есть несколько купцов с очень большим состоянием, и многие из них очень низкого звания, которые торгуют с Картахеной, Гватемалой, Сан-Сальвадором и Комаягуа, а некоторые - Южным морем в Перу и Панаму.... За один день прибыло шесть рекуа (а это было по меньшей мере триста мулов) только из Сан-Сальвадора и Комаягуа, нагруженных только индиго, кочинилью и шкурами; а два дня спустя из Гватемалы прибыли еще три, один из которых был нагружен серебром, которое было королевской данью из этой страны; другой - сахаром, а третий - индиго ". [XXV-4]

В 1665 году форт Сан-Карлос на Десагуадеро был захвачен флибустьерами под командованием Гальярдилю, и таким образом Гранада оказалась во власти корсаров. Город был захвачен, и захватчики, разочаровавшись в своих надеждах на добычу, подожгли его, обратив в бегство во время отступления трехтысячный отряд испанцев, собранный, чтобы перехватить их, и оттуда распространили свои грабежи на Реалехо. Сан-Карлос был отбит Мартином Карл де Менкосом, президентом Гватемалы, и в октябре 1671 года король приказал возвести новые и более мощные сооружения, причем место было выбрано недалеко от выхода из озера. [XXV-5]

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА.

Церковные записи провинции за семнадцатый век содержат несколько случаев, достойных **Ошибка! Закладка не определена.** запись. В 1616 году гватемальские иезуиты попытались обосноваться в Никарагуа, и по просьбе Конде де ла Гомера, президента аудиенции, Педро де Контрерас был отправлен в Гранаду руководить этой работой. [XXV-6] В епархии Никарагуа его приветствовал епископ Дон Педро Вилья Реаль, [XXV-7] и ему была оказана всяческая помощь, собор был предоставлен в его распоряжение на весь великий пост. Но когда он объявил о главной цели своей миссии — создании иезуитского колледжа в Никарагуа, — жители Гранады, хотя и слушали его с восторгом, отказались откликнуться на его призывы о помощи. Однако средства были предоставлены бывшим генерал-капитаном провинции Висенте Сальдиваром-и-Мендосой, чья покойная жена оставила пятую часть своего имущества для пожертвования колледжу. Завещанная таким образом сумма была увеличена Сальдиваром до двадцати семи тысяч песо и передана Контрерасу. До 1621 года иезуиты оставались в Никарагуа, Контрерас и падре Блас Эрнандес были единственными именами, зарегистрированными в связи с миссией. Затем было объявлено, что настоятели ордена отзывали их, и сразу же широкий интерес к трудам отцов проявился в больших общественных собраниях, на которых принимались петиции против такой меры. [XXV-8] Но приказы провинциала Николаса де Армойи были безапелляционными, поскольку это место, по его

утверждению, считалось слишком отдаленным, чтобы им можно было управлять в соответствии со строгими правилами иезуитов. [XXV-9] **Ошибка! Закладка не определена.**

Тем временем жители Реалехо часто отправляли петиции в Гватемалу и в качестве последнего средства обратились непосредственно к королю с просьбой об учреждении среди них иезуитского колледжа, [XXV-10] тем более, что городской кюре сделал пожертвования, которые принесли бы доход в размере шести тысяч песо. Было выдано королевское разрешение на основание колледжа, сопровождаемое субсидией из королевской казны в размере трех тысяч дукатов, после чего провинциал смягчился и, несмотря на противодействие своих коллег-падре, санкционировал его учреждение. Примерно в конце 1621 года иезуиты вернулись на некоторое время в Гранаду, но согласие провинции на учреждение ордена в этой провинции на самом деле было дано только с расчетом на умножение зависимостей до тех пор, пока Гватемала не сможет претендовать на звание вице-провинции. Когда это не удалось, падре не разрешили остаться в Никарагуа, и отныне иезуиты на время исчезают из истории провинции.

Епархия Никарагуа подчинялась архиепископу Лимы, и удаленность архиепископского двора была частым источником жалоб среди испанцев, поскольку расходы на путешествие часто превышали денежную стоимость соответствующих интересов. В 1621 году Бенито Вальтонадо был прелатом в Гранаде. [XXV-11] Он был человеком, известным своей добротой сердца, и в основном за счет собственных средств, которых было достаточно, он основал больницу Санта-Каталина в Леоне. После его кончины в 1627 году мало что заслуживающее особого внимания упоминается в связи с прелатами Никарагуа до назначения в 1667 году Андреса де лас Наваса-и-Кевады, [XXV-12] который построил епископальную **Ошибка! Закладка не определена.** дворец, церковный колледж и получил по королевскому приказу грант на религиозные книги.

Примерно в середине семнадцатого века доход епархии составлял 3000 песо, из которых декан получал 600 песо, архидьякон 400 и два каноника по 300 песо каждый в год. В то время монастырь Ла Мерсед в Леоне насчитывал двадцать священнослужителей.

Если бы отец Блас дель Кастильо мог отложить до 1670 года путешествие, которое он совершил через Никарагуа в 1537 году, обнаружив, как мы видели, что провидение приберегло для духовенства расплавленные сокровища Эль-Инфьерно-де-Масайя, [XXV-13] у него было бы больше возможностей проверить свою веру. "Некоторые утверждают, - рассказывает Овьедо, который, как следует помнить, был в этом районе в 1529 году, когда произошла сильная вспышка, и прожил три года в Никарагуа, [XXV-14], - что света, вызванного извержением, достаточно, чтобы читать на расстоянии трех лиг". С северного склона горы в 1670 году излился такой огромный объем лавы, что она доходила почти до озера Манагуа или, как предполагают многие, проникала далеко в озеро. [XXV-15] **Ошибка! Закладка не определена.**

Ближе к концу столетия набеги пиратов, описание которых будет дано в своем месте, вкупе с ограничениями на торговлю, введенными правительством метрополии, нанесли серьезный ущерб Никарагуа и Коста-Рике, обе территории которых были богаты природными ресурсами. Губернатор последней провинции в письме королю в начале восемнадцатого века сообщает, что Коста-Рика не получает достаточно средств для поддержки священников и светских чиновников.

НАБЛЮДЕНИЯ ТОМАСА ГЕЙДЖА.

Нет достоверных сведений о состоянии дел в Эспарсе до тех пор, пока, как мы увидим позже, поселение не было несколько раз разграблено пиратами ближе к концу столетия, а в 1688 году его местоположение было изменено. О столице Коста-Рики Гейдж, пробывший там четыре дня во время своего путешествия в Англию, пишет: "Наконец, преодолев тысячи опасностей, мы добрались до города Картаго, который оказался не таким бедным, как в более богатых местах, как, по слухам, Гватемала и Никарагуа. Ибо там у нас была возможность навести справки о некоторых купцах для обмена золота и серебра, и мы обнаружили, что некоторые из них были очень богаты, которые вели торговлю по суше и морю с Панамой и по морю с Портобелло, Картахеной и Гаваной, а оттуда с Испанией. Город может состоять из четырехсот семей и управляется испанским губернатором. Это епископский престол, и в нем три Монастыря, два для Фрайеров и один для монахинь.

Калле, чья работа была опубликована в 1646 году, утверждает, что в Картаго было шестьдесят векино, и что во всей провинции было всего сто двадцать векино и пятнадцать тысяч миролюбивых индейцев. По его словам, в столице было два судьи и среди прочих должностных лиц - старший констебль с жалованьем в тысячу песо в год. [XXV-16]

ТАЛАМАНКА И ТОЛОГАЛЬПА.

Район Таламанка, расположенный на побережье **Ошибка! Закладка не определена.** Северного моря в провинции Коста-Рика, не был полностью исследован до 1601 года, когда на реке Рио-де-ла-Эстрелья был основан город Консепсьон. За основанием этой колонии быстро последовало восстание местных жителей, которые, подстрекаемые алчностью и жестокостью испанцев, массово восстали 10 августа 1610 года и устроили резню жителей этого поселения и Сантьяго-де-Таламанки, построенного на левом берегу реки, убивая без разбора мужчин, женщин, детей и священников.

Больше ничего заслуживающего упоминания в этом районе не происходило до 1660 года, когда Родриго Ариас Мальдонадо, будучи губернатором и генерал-капитаном Коста-Рики, [XXV-17] принял решение о покорении туземцев Таламанки, состоявших тогда примерно из двадцати шести племен. Мальдонадо предлагал нести Евангелие в одной руке и меч в другой; но его честолюбивым намерением было скорее представлять воинствующую церковь, чем следовать примеру предыдущих завоевателей.

С отрядом из ста десяти человек он отправился выполнять возложенную на себя миссию, вложив в это предприятие все свое личное состояние, [XXV-18] перенося огромную усталость и лишения, исследуя все побережье вплоть до Бока-дель-Драго и Бока-дель-Флор и посещая прилегающие острова. Его успех был поразительным. Он собирал индейцев в деревни, наставлял их в вере и возводил церкви; но с его уходом со сцены туземцы вернулись к своей кочевой жизни, деревни опустели, а церкви пришли в упадок. Сведения о его трудах, доведенные до сведения короля, принесли ему титул маркиза де Таламанка, но прежде чем королевский указ дошел до него, он отвернулся от почестей этого мира и зарегистрировался **Ошибка! Закладка не определена.** как смиренный брат из Вифлеема, с тех пор известный как брат Родриго де ла Крус. [XXV-19]

В 1684 году два францисканца, Мельчор Лопес и Антонио Маргил, возобновили работу по христианизации и обнаружили, что пути, ведущие в глубь страны, заросли и скрыты, как будто их никогда не открывали, а люди такие свирепые и неприступные, как будто не

предпринималось никаких усилий по их цивилизованности. И все же эти два священника, без оружия и защиты, продвинулись вглубь страны и сообщили в течение пяти лет о крещении сорока тысяч индейцев и основании четырнадцати деревень. Работа была продолжена с переменным успехом рядом священнослужителей, некоторые из которых приняли мученическую смерть за свое дело, [XXV-20] но конечным результатом всех усилий стал провал, настолько полный, что, используя слова Пелаэса, "казалось, что эти горы были вратами ада, изнутри которых не было спасения".

В связи с попыткой умиротворения Таламанки можно упомянуть некоторые миссионерские экспедиции в Тологальпу, название, данное горной стране, лежащей между Десагуадеро и рекой Нуэва Сеговия, и населенной самбо, ксикаками, ленка и другими племенами [XXV-21] или примесью племен, сильно различающихся по языку, управлению и манерам. Испанское правительство неоднократно направляло запросы относительно них и наилучших средств достижения их примирения; [XXV-22] и в письмах, адресованных президенту аудиенции в начале семнадцатого века, король **Ошибка! Закладка не определена.** призывает приложить усилия для мирного завоевания этой провинции.

Среди других, кто был проникнут страстью к этой конкретной работе, был францисканец по имени Эстеван Верделете, который был назначен местным настоятелем в Комаягуа и которому провинция выдала лицензию, разрешающую принятие любых мер, которые, вероятно, окажутся успешными. Под руководством нескольких индейцев, которые открыто сочувствовали его проектам, он и его друг Хуан де Монтеагудо проникли на эту территорию только для того, чтобы быть покинутыми туземцами посреди обширной дикой местности, без пищи и, по-видимому, отрезанными от всякой человеческой помощи. Ориентируясь по звездам, им удалось пробраться сквозь дебри, и, претерпев чрезмерные трудности, они благополучно прибыли в Комаягуа, откуда сразу же после этого отправились в Сантьяго, чтобы помочь на провинциальном синоде, проходившем там в 1606 году.

Не обескураженный этой неудачей, Верделете попросил разрешения синода отправиться в Испанию, чтобы попросить короля о помощи в обращении и умиротворении местных жителей. Его просьба была удовлетворена, и были назначены восемь помощников, расходы которых должны были оплачиваться из королевской казны. [XXV-23]

В октябре 1609 года Верделете покинул Сантьяго вместе со своей партией священнослужителей и, проезжая через Комаягуа, заручился услугами капитана Даса и трех других испанцев, которые были знакомы с этой страной. После нескольких дней пути они увидели жилища индейцев и были встречены со всеми проявлениями радости. Верделете в приподнятом настроении заявил, что готов жить и умереть среди них. Обращенных было много, [XXV-24] а миссия была настолько многообещающей, что Верделете написал в провинцию с просьбой прислать еще миссионеров. **Ошибка! Закладка не определена.**

ВОЙНА С МИССИОНЕРАМИ.

Но вскоре на сцене произошла перемена, вызванная главным образом глубоким чувством враждебности, возникшим среди необращенных туземцев по отношению к их обращенным в христианство братьям. Безумная ненависть к самому подобию религии овладела ими, и они решили сжечь дотла поселение миссионеров и расправиться с обитателями. Вечером, назначенным для исполнения их замысла, церковники получили предупреждение через

нескольких детей, и пока Верделете призывал их оставаться непоколебимыми в час испытания, отвратительные крики пробудили в них немедленное ощущение опасности. Выйдя вперед, они обнаружили деревню, объятую пламенем, и окруженную индейцами в боевой раскраске, размахивающими копьями и факелами. Верделете тотчас же ворвался в их гущу с распятием в руке и со словами негодования упрекнул их за низость и вероломство и пригрозил мстью оскорбленных небес. Его храбрость вдохновила его товарищей, и при виде такой дерзости туземцы смущенно отпрянули и один за другим поползли прочь. На рассвете не было видно ни одного индейца, и миссионеры вернулись в Гватемалу, где их история только подстрекнула к более решительным усилиям по усмирению племен-нарушителей, и снова была организована еще одна, более крупная экспедиция под руководством Верделете.

Миссионеров сопровождал эскорт из двадцати трех солдат под командованием капитана Дасы, и они достигли границ Тологальпы в апреле 1611 года. Они нашли некоторых из своих старообрядцев, и с их помощью другие были приняты в лоно церкви. Ободренные таким образом, они пожелали проникнуть дальше в глубь страны, но были отговорены Дасой, который вызвался отправиться вперед с несколькими своими людьми и проверить чувства туземцев.

Прождав некоторое время их возвращения, [XXV-25] церковники были заманены **Ошибка!**

Закладка не определена. в горные твердыни и, обогнув вершину холма, обнаружили большой вражеский отряд, размахивающий копьями и уродливый в боевой раскраске. С первого взгляда они увидели голову Даса и нескольких его солдат, насаженную на наконечники копий, и сразу поняли, что их судьба предрешена. Ничуть не обескураженный, Верделете приблизился к ним и начал увещевать. В ответ ему полетели дротики, и он упал, пригвожденный к земле копьем. Из всего отряда спаслись только двое, [XXV-26] и в течение многих лет жители Тологальпы больше не видели христиан.

Однако к концу столетия правление испанцев в провинциях Центральной Америки стало несколько мягче, и в 1674 году два племени тологальпа направили представителей в Гватемалу и умоляли Фернандо де Эспино, провинциала францисканского ордена, прислать инструкторов к их соотечественникам. Вскоре после этого губернатор, посоветовавшись с провинциальными властями, решил послать другого миссионера, и из многих кандидатов для выполнения этой задачи был выбран Педро де Лагарес, культурный молодой человек и энтузиаст своего дела. В Новой Сеговии Лагарес открыл миссионерскую школу, в которую принимали всех, кто был готов работать. Он совершил множество поездок в глубь страны, и число обращенных увеличивалось, пока в 1678 году их число не исчислялось сотнями. Его кончина произошла в следующем году, и его преемники, хотя и встретили некоторое воодушевление, в конце концов покинули поле деятельности, хотя и без какой-либо очевидной причины. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXVI.

ПИРАТЫ И ПИРАТСКИЕ НАБЕГИ.

1518-1664.

Пираты в Санто—Доминго-Тортуга, Штаб—квартира пиратов, Их Образ жизни—Флибустьер Франсуа Л'Олоннуа—Его судно выброшено на берег Кампече—Он сбегает на Тортугу—И снова появляется в Гондурасском заливе—Он захватывает Сан—Педро—Он планирует набег на Гватемалу—Его товарищи покидают Его—Его судно потерпело крушение у мыса Грасиас—а—Диос—Его экспедиция в Десагуадеро—И в Коста—Рику—Его изрубают на куски—Мансвелт захватывает остров Санта-Катарина -И Атаки Картаго-Санта-Катарина отбита испанцами.

Примерно в 1518 году английское торговое судно, заходившее в Санто-Доминго, было обстреляно по приказу губернатора, и оттуда, отплывая в Порто-Рико, оно обменяло кованое железо на провизию. [XXVI-1] Несколько лет спустя о переходе в Индию стало известно народам Западной Европы, и в водах Северного моря часто видели иностранные суда. В 1529 году *guarda costas* были закуплены губернатором Санто-Доминго, и их капитанам было приказано захватывать все суда, плавающие под любым флагом, кроме испанского, и обращать в рабство их команды. Но на этом острове много превосходных гаваней, и испанцы, казалось, были не прочь приобретать у иностранцев товары по меньшей цене, подобные тем, на которых севильские купцы получали огромные прибыли; и суда из нескольких стран, особенно из Англии, Франции и Голландии, продолжали совершать рейсы в Новый Свет, их **Ошибка! Залкада не определена.** капитаны объединялись для взаимной защиты и нередко совершали набеги на испанские поселения.

В 1531 году французских корсаров видели у берегов Огненной Земли; а в 1537 году епископа Маррокена, собиравшегося отправиться в Испанию, как мы уже видели, отговорили от путешествия его друзья в Мексике, [XXVI-2] ибо уже в то время Северное море было кишмя кишит пиратами. Санто-Доминго был излюбленным местом прибежища иностранных мародеров, поскольку дикий скот водился в изобилии во всех частях острова, и там пираты могли вернуть свои корабли без каких-либо затрат.

В конце шестнадцатого века остров, на котором великий первооткрыватель основал свое первое поселение, сильно поредел от своих жителей. Более того, рудники истощились, а огромные богатства Мексики и Перу отвлекли всех самых предприимчивых испанцев, и те немногие, что остались, жили по большей части в маленьких деревнях, где они вялили в своих *буках*, или сушильных установках, мясо крупного рогатого скота и свиней, давая вяленому мясу то же название, что и месту, где оно готовилось. [XXVI-3] Отсюда также происхождение слова *буканьеры*, или *буканьеры*, последний термин используется Дампиром, [XXVI-4] набеги которого будут описаны позже.

ФИЛОСОФИЯ ПИРАТСТВА.

Английские, французские и голландские искатели приключений нашли в Санто-Доминго места, где они могли вести праздную бродячую жизнь, монотонность которой нарушалась случайными стычками с испанцами, которых французы называли *флибустьерами*, [XXVI-5] или, как мы будем называть их флибустьерами, **Ошибка! Залкада не определена.** хотя это слово не использовалось до семнадцатый век, и голландцы называют себя *zee roovers*.

В 1623 году король Англии Джеймс I. пожаловал некоему Томасу Уорнеру остров Сан-Кристобаль, хотя хронисты того периода не сообщают, на основании каких полномочий. Уорнер присоединил к нему еще четырнадцать человек, которые должны были разделить прибыль от экспедиции, и отплыл во главе группы искателей приключений в Индию. Его судно прибыло из Сан-Кристобалья в 1625 году, и в течение того же года группа французов высадилась на острове, который тогда был населен карибами. Испанцы так и не основали там поселения, и англичане и французы разделили территорию между собой. Опасаясь, что карибов могут подстрекнуть к восстанию против них экипажи испанских судов, которые часто заходили туда за провизией, эти лицензированные мародеры напали на дикарей ночью, вырезали вождей, а остальных изгнали с острова. Вскоре после этого Уорнер вернулся в Англию и за этот доблестный подвиг был посвящен в рыцари его ученым величеством, оправдав тем самым титул, который Яков I

получил на страницах истории как величайший глупец христианского мира. По приказу испанского двора в Сан-Кристобаль было отправлено мощное вооружение, и незванные гости были рассеяны; те, кто избежал мечей испанцев, укрылись на соседних островах и вернулись год или два спустя.

Теперь были организованы торговые компании и выданы лицензии на основание колоний. Остров Тортуга, лежащий к северо-западу от Санто-Доминго, был захвачен почти без сопротивления. Там были построены склады, и там какое-то время располагалась штаб-квартира пиратов. Тортуга была отбита испанцами в 1638 году, и флибустьеры не получили пощады; некоторые из них сбежали в леса; другие ушли в пиратские или иные экспедиции; и хотя некоторые из них попали в руки испанцев **Ошибка! Закладка не определена.** и были убиты, последние вскоре покинули остров, и в следующем году флибустьеры на Тортуге собрали троих сотня человек. Впервые пираты избрали лидера, и вскоре их ряды пополнили французские, английские и голландские добровольцы.

Хотя испанцы считали их врагами, другие европейские нации почитали их как союзников и чемпионов, и рост их поселений был настолько быстрым, что в 1641 году мы находим назначенных губернаторов, а в Сан-Кристобале - генерал-губернатора по имени Де Пуанси, возглавлявшего французских флибустьеров в Индии. В течение того года на Тортуге находился гарнизон французских войск, и англичане были изгнаны как с этого острова, так и из Санто-Доминго, обеспечив себе гавань в других частях островов. Тем не менее, корсары обеих наций часто действовали сообща; и в 1654 году большой отряд буканьеров и флибустьеров, поднявшись по реке немного южнее мыса Грасиас-а-Диос, разграбил поселение Нуэва-Сеговия. В том же году Тортуга была снова захвачена испанцами, но в 1660 году снова перешла в руки французов; а при завоевании Ямайки в 1655 году британские войска были подкреплены большим отрядом буканьеров.

ОБЫЧАИ КОРСАРОВ.

Монархи как Англии, так и Франции, но особенно первые, потворствовали и даже поощряли флибустьеров, за услуги которых можно было заручиться во время войны и чьи действия можно было дезавуировать в мирное время. Таким образом, пираты, флибустьеры и морские разбойники по большей части на досуге охотились на дикий скот, а также грабили и убивали испанцев везде, где им представлялась такая возможность. Когда они не участвовали в какой-нибудь мародерской экспедиции, они следовали за погоней, и один день был похож на другой. Отправившись в путь на рассвете, в сопровождении своих собак и слуг, они продолжали поиски до тех пор, пока не было убито столько голов быков, сколько было членов отряда. Таким образом, шкур было предоставлено достаточно для заполнения контрактов с капитаном торгового судна, которое обычно стояло в какой-нибудь соседней бухте, и их доставляли на берег моря поручители, которые под именем подмастерьев были заключены по контракту сроком на несколько лет. Для них не было ни седьмого, ни какого-либо другого дня отдыха. Один из этих несчастных отважился при определенном случае возразить своему хозяину, процитировав божественное предписание с предисловием: "Я говорю тебе и т.д." И "Я говорю тебе, - ответил пират, - шесть дней ты должен убивать быков и сдирать с них шкуры, а на седьмой день ты должен отнести их шкуры на берег моря".

Одежда буканьеров состояла из рубашки, пропитанной кровью забитого животного, кожаных штанов, по возможности более грязных, чем рубашка, башмаков из сыромятной кожи и шляпы

без оправы. Все имущество, за исключением ценных предметов, находилось в общем владении; и поскольку жизнь была ненадежной, а по крайней мере половина из них наверняка погибнет в Индии, каждый выбирал себе товарища, с которым делил имущество любого вида. Хотя без законов или религии у них было мало споров, и они легко разрешались. Они руководствовались грубым кодексом, установленным ими самими, и среди них не было недостатка в тех, кто демонстрировал, хотя обычно и жестоким образом, возможности лучшей натуры. О Равено де Люссане, который фигурирует в истории буканьеров и о действиях которого будет рассказано в своем месте, рассказывают, что он присоединился к ним только потому, что был по уши в долгах, и для того, чтобы получить средства для удовлетворения своих кредиторов. Хронисты рассказывают о Монбаре, французе из Лангедока, что, прочитав историю о зверствах, совершенных испанцами над несчастными туземцами, он воспылал к ним такой ненавистью, что тоже присоединился к корсарам и своими подвигами мести заслужил прозвище Истребитель. О французском капитане флибустьеров по имени Даниэль записано, что он застрелил одного из членов своей команды в церкви за какой-то неприличный поступок. **Ошибка! Закладка не определена.** акт, совершенный во время исполнения мессы. До 1665 года среди этих негодяев было мало женщин. В том году губернатор, отправленный руководить французскими поселениями в Санто-Доминго, привел с собой нескольких женщин распущенных нравов, которых пираты взяли в жены следующим образом: "Твое прошлое для меня ничего не значит, потому что тогда я не знал, и ты тогда не принадлежала мне. Я оправдываю тебя во всем зле, но ты должен дать мне слово на будущее". Таким образом, подлый поступок был совершен, когда муж, ударив рукой по стволу своего пистолета, воскликнул: "Это отомстит за меня, если ты докажешь ложь". [XXVI-6]

Подвиги Пьера Ле Гранде и Бартоломе Португеза, которые фигурируют в рассказах о пиратских набегах времен подвигов Монбара — середины семнадцатого века, — не требуют упоминания на этих страницах. Имя, которое стоит на первом месте среди всех головорезов, наводнивших в тот период Северное море и берега Майна, принадлежит персонажу по имени Франсуа Л'Олоннуа, уроженцу Франции, но чья природная свирепость почти запрещает нам причислять его к человеческой расе. Монбар, хотя его ненависть доходила до исступления, руководствовался только негодованием против угнетателей и сочувствием к страданиям угнетенных и не принимал никакой доли в доходах от своих набегов. [XXVI-7] Но ни такое получеловеческое чувство, ни тень честных намерений никогда не побуждали монстра Л'Олоннуа. Монбар был неразборчивым дьяволом; Л'Олоннуа - архидемоном, у которого не было ослабленных способностей. Перенесенный в юности в Вест-Индию, вскоре он променял жизнь каторжника на более благородные занятия флибустьера, и его первой должностью среди этих скитальцев по морю и суше была должность простого моряка. В этом качестве он совершил несколько плаваний и настолько отличился своей грубой силой и бесстрашием, что губернатор Тортуги [XXVI-8] снабдил его кораблем и оружием, с помощью которых можно было собрать урожай золота.

Успех, которого он добился, был велик, и его операции привлекли внимание близких по духу головорезов, которые охотно обслуживали его палубы и в то же время запечатлели его имя алыми буквами в сердцах расы, которую он считал своей добычей. Даже стихии пытались остановить его разрушительную силу, и во время одного из его круизов его судно выбросило на берег Кампече, где почти все его товарищи были убиты испанцами.

Но дьявол не покинул своего первосвященника. Л'Олоннуа, хотя и был тяжело ранен и считал себя и свой отряд погибшими, незаметно обмазал себя кровью и упал, по-видимому, бездыханный, среди убитых. [XXVI-9] Сняв одежду с мертвого испанца, когда враг ушел, он переполз через ужасные тела своих погибших товарищей и спрятался в лесу; затем он смело вошел в соседний город и, пообещав свободу, уговорил нескольких рабов пойти с ним. Укрыв большое каноэ, они в назначенное время добрались до острова Тортуга.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ БОЙНЯ.

Каким бы ужасным он ни был до этой катастрофы, будущие деяния Л'Олоннуа были еще более жестокими. "Отныне я никогда не дам пощады ни одному испанцу", - пишет он губернатору Кубы после того, как собственноручно обезглавил всех, за исключением одного из выживших на борту захваченного корабля, который был послан против него. И он сдержал свое слово. Он рубил на куски пленника за пленником, утоляя **Ошибка! Закладка не определена.** Он вырывал человеческие сердца и жевал их, наблюдая, как пленники медленно умирают от голода и жажды. Если под самыми мучительными пытками информация, вытянутая из испанца, оказывалась неудовлетворительной, несчастному вырывали язык с корнем. Воистину, жестокость завоевателей обрушилась на их потомков.

Репутация Л'Олоннуа как успешного лидера стала настолько велика, что самые безрассудные и решительные люди всегда были готовы присоединиться к любому задуманному им предприятию. Между 1660 и 1665 годами он планировал экспедицию к северному побережью Центральной Америки и вскоре командовал шестью кораблями и семьями людьми. Взяв курс на мыс Грасиас-а-Диос, он был загнан неблагоприятной погодой в Гондурасский залив, где, испытывая нехватку провизии, его отряд поднялся по реке Джагуа [XXVI-10] на своих каноэ, разграбляя и разрушая индейские деревни на берегах и убивая жителей. Затем пираты курсировали вдоль побережья, совершая аналогичные грабежи. В Пуэрто-де-Кабальос, захватив испанский корабль с двадцатью четырьмя пушками и шестнадцатью вертлюжками, они высадились и разграбили два больших склада. Их вместе с городом они сожгли и, взяв в плен нескольких жителей, подвергли их самым бесчеловечным жестокостям. Затем Л'Олоннуа во главе трехсот человек направился к Сан-Педро, примерно в двенадцати лигах от него, и по пути туда столкнулся с тремя сильными отрядами испанцев, которые устроили ему засаду. Он последовательно разгромил их, но не без потери многих своих людей. Его обращение с пленными и ранеными отличалось обычной жестокостью.

САМЫЙ ДОБЛЕСТНЫЙ СОЛДАТ.

По прибытии в Сан-Педро он обнаружил, что город сильно укреплен у главного входа, остальные части окружены непроходимыми зарослями **Ошибка! Закладка не определена.** колючий кустарник и кактусы, и его единственным планом был штурм баррикад. Испанцы, однако, отчаянно защищались, и пираты были вынуждены отступить после своей первой атаки. Их вторая попытка привела к такой смертности среди защитников, что они подняли флаг перемирия и согласились сдать город при условии, что жителям будет предоставлена четверть на два часа. Эти условия были приняты, и, каким бы странным это ни казалось, пираты неукоснительно соблюдали их. Жители собрали свои пожитки и бежали, но не прошло и двух часов, как Л'Олоннуа отдал приказ о преследовании. Флибустьеры были разочарованы, так как жители Сан-Педро припрятали большую часть своих ценностей и товаров, и пираты нашли только немного индиго, чтобы вознаградить их за труд и опасность. [XXVI-11]

Звезда великого француза теперь клонилась к закату, и, за исключением захвата испанского корабля с сорока двумя [XXVI-12] пушками после отчаянного сражения, его операции у побережья Центральной Америки были неважными. Но даже этот приз, которого флибустьеры так долго ждали в надежде на большую добычу, они обнаружили выгруженным из ее ценного груза, и несколько неважных предметов торговли были всем, что они получили. Товарищи Л'Олоннуа были недовольны его неуспехом, и хотя он опрометчиво предложил совершить набег на город Гватемала, многим это показалось слишком отчаянным предприятием, и большая часть его сторонников покинула его и повернула свои суда домой. [XXVI-13] Несчастья теперь неотступно преследовали его. **Ошибка! Закладка не определена.** Во время движения его плохо управляемого корабля вдоль побережья он налетел на песчаную отмель недалеко от острова Жемчуг у мыса Грасиас-а-Диос. Команда уже наполовину умирала с голоду, и не было никакой надежды спасти судно. Поэтому они разломали судно на части и построили баркас, потратив на эту работу пять или шесть месяцев. Но по окончании он вмещал только половину их числа. Затем было решено, что оставшуюся половину следует выбрать путем жеребьевки. Они должны были отправиться в Десагуадеро в Никарагуа, [XXVI-14] в надежде захватить суда и вернуться за своими товарищами. Л'Олоннуа принял командование экспедицией, но его попытка захватить Десагуадеро потерпела неудачу. Испанцы и индейцы атаковали его в таком подавляющем количестве, что он был вынужден отступить с большими потерями. Но, решив не возвращаться за своими товарищами на Жемчужный остров без судна, на котором можно было бы доставить их обратно на Тортугу, он отплыл в Коста-Рику, и, будучи вынужден высадиться за провизией недалеко от залива Дариен, он и все его люди, за исключением одного, спасшегося бегством, были изрублены индейцами на куски и поджарены. [XXVI-15] Так достойным возмездием завершилась карьера Франсуа Л'Олоннуа, который мог бы преподавать уроки величия военачальникам и дикости индейцам, убившим его.

МАНСВЕЛЬТ И МОРГАН.

Примерно в 1664 году известный пират по имени Мансвельт разработал план нападения на город Ната, спустившись на него по суше со стороны Северного моря. С этой целью он отплыл с Ямайки с флотом из пятнадцати судов и пятисот человек. [XXVI-16] Чтобы раздобыть проводников, он напал и захватил остров Санта-Катарина, или Олд-Провиденс. [XXVI-17] Там он основал пиратское поселение, оставив сотню человек под командованием француза по имени Сен-Симон. Затем он выступил против Наты, но обнаружил, что президент Панамы провел такие приготовления, что был вынужден отказаться от попытки. Однако испанский пленник предложил отвести его в Картаго, столицу Коста-Рики, которую он представлял как богатый и необорудованный город. Это предложение встретило всеобщее одобрение, и флот поплыл обратно вдоль побережья до Порт-Матины, [XXVI-18] где они высадились.

Сначала их путь не был трудным, и в поселениях по дороге они получали в изобилии провизию; но через несколько дней они достигли кордильер, где провизию уже нельзя было достать в достаточном количестве. Команда Мансвельта состояла из англичан и французов, и та дружба, которая могла бы существовать между ними при благоприятных обстоятельствах, теперь была разрушена лишениями и голодом. Не было произведено справедливого распределения той еды, которую удалось раздобыть. Последовали ожесточенные драки. Мансвельт и впоследствии прославившийся Морган, его заместитель, тщетно пытались унять разногласия, которые были настолько сильными, что две фракции были почти так же готовы обрушиться друг на друга, как и на испанцев. Тем временем губернатор Картаго собрал все **Ошибка! Закладка не**

определена. сил, которые он смог собрать, [XXVI-19] и занял сильную позицию на холме, возвышающемся над городом Туриалба, [XXVI-20], в который вошли пираты. На рассвете, еще до того, как захватчики были вооружены, испанцы неожиданно открыли по ним огонь с возвышенности. Отсутствие взаимного доверия привело пиратов в замешательство, и их предводители сочли за лучшее вернуться на флот. Испанцы последовали за ними на небольшом расстоянии и, захватив нескольких отставших, с триумфом вернулись в Картаго.

Но победителям досталась не вся слава. Стремительное бегство такой большой банды головорезов могло быть совершено только божественной силой; и, действительно, испанцы узнали от своих пленников [XXVI-21], что когда позиции захватчиков были разгромлены, они увидели на высоте множество воинов, которыми командовала сияющая женская фигура, [XXVI-22] которые были не кем иным, как святой Девой и армией святых, пришедших на помощь избранной Богом; поэтому благодарный народ Картаго избрал ее своей покровительницей и учредил ежегодную процессию к ней. святилище в Уджарразе, [XXVI-23], церемония которого продолжалась до времен Хуарроса.

СМЕРТЬ ВОЖДЯ.

Когда Мансвелт прибыл в залив Матина, он снова высадился на берег и отплыл в Санта-Катарину. Там он обнаружил процветающую пиратскую колонию. Укрепления были приведены в наилучший вид, отдельные участки острова обработаны и приняты другие меры для постоянного проживания на нем. Поэтому он решил обратиться за помощью для осуществления своего проекта к губернатору Ямайки; но этот чиновник, хотя и был склонен потворствовать действиям буканьеров, не осмелился подвергнуть свое положение опасности таким открытым актом враждебности против Испании, с которой Англия тогда находилась в мире. Мансвелт обратился с такой же безуспешной просьбой к губернатору Тортуги, и вскоре разбойники в Санта-Катарине были предоставлены самим себе. Вскоре после этого президент Панамы отправил войска для возвращения острова, и Сен-Симон, обнаружив, что обещанные подкрепления не прибыли, и посчитав невозможным защищать это место ротой под его командованием, сдался после небольшого сопротивления. [XXVI-24] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXVII.

ПАНАМА, ПОРТОБЕЛЛО И ПИРАТСТВО.

1601-1670гг.

В Панаме снова появилась аудиенция — Ее президенты—Рейд капитана Паркера на Портобелло—Рост Портобелло и упадок Панамы—Злонамеренность чиновников—Межокеанские коммуникации—Контрабандная торговля—Церковные дела в Панаме—Споры между епископами и Ойдорес—Церковники с дурной репутацией—Разрушительный пожар—Администрация Базана—Его падение и его причина—Ежегодная ярмарка в Панаме.

В течение первой половины семнадцатого века провинция Панама находилась под контролем губернатора или президента и реальной аудиенции, которая была восстановлена к концу предыдущего столетия. Архивы содержат скудную информацию о губернаторах, некоторые из них едва упоминаются, а их преемственность не всегда согласовывается властями. В 1601 году Алонсо де Сотомайор был губернатором; 9 июня 1604 года лицензиат Алонсо де Коронадо,

представитель аудиенции Гватемалы, был назначен президентом; а 18 сентября того же года этот пост занял Вальверде де Меркадо, каждый из чиновников получал в качестве жалованья шесть тысяч дукатов в год. [XXVII-1]

У нас также есть сотрудники аюнтамьенто Панама, [XXVII-2] и определенные постановления, принятые этим органом, одно из которых касается продажи вредных спиртных напитков.

Ошибка! Закладка не определена. известный как вино де Альхарафе, [XXVII-3] а другой запрещает торговлю рабами-неграми. [XXVII-4]

АТАКА ПАРКЕРА.

Именно во время правления Меркадо капитан Уильям Паркер атаковал и захватил Портобелло. Он отплыл из Плимута в ноябре 1601 года с двумя кораблями, катером и двумя отмелями и по меньшей мере двумя сотнями человек. [XXVII-5] После бурного плавания, в ходе которого он потерял свою лодку и всю ее команду, за исключением трех человек, он захватил город Сан-Висенте на островах Зеленого Мыса и, разорив его и предав огню, отплыл к побережью Огненной земли. Прибыв на остров Кубагуа, где велся промысел жемчуга, он столкнулся с отрядом солдат, которые мужественно сопротивлялись, но в конце концов были побеждены; было захвачено несколько барк и лодок и несколько пленных, за выкуп которых он получил жемчуг стоимостью в две тысячи пятьсот песо. Оттуда он взял курс на мыс де ла Вела, у которого встретил прекрасное португальское судно водоизмещением в двести пятьдесят тонн, направлявшееся в Картахену и груженное неграми для рудников. Было легко захвачено, и еще две с половиной тысячи песо были получены в качестве выкупа за рабов. Зайдя на острова Кабесас и Бастиментос, на последнем из которых он раздобыл нескольких негров-проводников, он посадил сто пятьдесят своих людей на отмели и в двух небольших лодках, которые он построил во время плавания. Он вошел в устье реки, на которой **Ошибка! Закладка не определена.** Портобелло расположен около двух часов ночи 7 февраля 1602 года. [XXVII-6]

Лунный свет быстро показал лодки часовым, дежурившим в форте Сан-Фелипе, контролирующем вход в гавань. Когда их спросили, откуда они прибыли, они ответили из Картахены, причем ответ был дан по-испански людьми, взятыми на борт в этом городе для этой цели. Затем им было приказано встать на якорь, и они немедленно бросили якорь в шести лигах от Портобелло, "место, куда причаливали мои корабли, - говорит Паркер, - возле скалы, где был выброшен за борт гроб сэра Фрэнсиса Дрейка".

Капитан хорошо знал, что в Сан-Фелипе всегда были наготове тридцать пять больших медных орудий, готовых приветствовать врага, и пятьдесят солдат для управления ими. Тем не менее, как только все стихло, он двинулся вверх по реке с тридцатью людьми и двумя пушками на отмелях, приказав остальным своим силам следовать за ним. Прямо напротив замка находился форт поменьше под названием Сантьяго, оснащенный пятью орудиями и укомплектованный тридцатью солдатами, некоторые из которых, увидев лодки, закричали им, чтобы они остановились, и побежали вдоль берега в погоню. Не обращая внимания на их шум, Паркер направился в пригородный городок Триана, высадился там со своей компанией и в мгновение ока, хотя была немедленно поднята тревога, поджег его. Затем, оставив его гореть, он двинулся на Портобелло, захватив по пути боеприпас и потеряв всего одного человека.

Английский **Ошибка! Закладка не определена.** направился прямо к королевской

сокровищнице, большому и заметному зданию, где находился губернатор города Педро Мелендес с большим отрядом. Пламя и дым Трианы предупредили о приближении захватчиков, и Паркер обнаружил перед казначейством эскадрон солдат, выстроенных в очередь, чтобы встретить его, а также роту обученных гражданских лиц с двумя полевыми орудиями. Последовавший за этим конфликт был острым и кровопролитным. Вскоре все англичане, за исключением восьми или девяти, были убиты или ранены, и губернатор во главе шестидесяти солдат теперь наступал, чтобы сокрушить остатки их маленького отряда. "Но, - говорит благочестивый пират, - Бог, возможно, содействовал нашему Успеху, ибо первые два выстрела, которые ушли от нас, прострелили Малендусу Мишень и обе его Руки, а другой Выстрел ранил капрала Поля Боя, после чего все они удалились в свой Дом, который они приводили в порядок, пока не стало почти темно".

ПОРТОБЕЛЛО ВЗЯТ.

Тем временем подошли остальные силы капитана, и после четырех или пятичасового боя исход поединка был решен в пользу англичан. Среди взятых в плен были губернатор, королевский эскрибано и многие видные горожане, все они впоследствии были освобождены, а Мелендеса [XXVII-7] подняли на борт флота и освободили без выкупа после того, как его раны были перевязаны.

Добыча, захваченная в сокровищнице, составила всего десять тысяч дукатов, [XXVII-8] хотя, если бы англичане прибыли всего семью днями раньше, они получили бы приз в сто двадцать тысяч дукатов, которые незадолго до этого были увезены двумя фрегатами, направлявшимися в Картахену. В другом месте в городе было найдено значительное количество награбленного в виде тарелок, товаров и денег, все это было **Ошибка! Закладка не определена.** разделено между солдатами, командир оставил себе сумму, найденную в казне.

Городу больше не было причинено никакого вреда, за исключением того, что было сожжено несколько негритянских хижин, чтобы запугать жителей. Захватив два судна, которые он нашел в порту, и на одном из которых были установлены три пушки, англичане, спускаясь вниз по реке, открыли огонь по фортам, и получили горячий ответ от испанцев, которые рассчитывали потопить их суда. "Но Бог так устроил для нас, - говорит капитан, - что мы благополучно добрались до места, противоположного ожиданиям наших врагов". Большинство выстрелов, произведенных с берега, прошли высоко над головой, хотя несколько англичан были ранены, в том числе командир, получивший попадание в локоть мушкетной пулей, которая прошла у его запястья. Достигнув соседнего острова, Паркер вскоре присоединился к своим кораблям и на следующий день, 9 февраля, вышел в море. [XXVII-9]

Уже говорилось, что в 1585 году в Портобелло насчитывалось не более десяти жилых домов, и что в марте 1597 года въездной порт был перенесен туда из Номбре-де-Диос. За пять лет, прошедших между этим изменением и рейдом Паркера, город превратился в процветающее поселение, и теперь в нем были две церкви, казначейство, биржа, богатая и большая больница, женский монастырь и несколько улиц, где в течение шести недель в году, когда галеоны стояли в порту, собирались торговцы и ремесленники.

По прибытии галеонов губернатор приказал казначею, контадору или фактору, проследовать туда, взяв с собой заместителей двух других должностных лиц. [XXVII-10] Когда золото и серебро были **Ошибка! Закладка не определена.**, а другие товары - на борт торговых судов,

королевские офицеры посетили все, чтобы убедиться, что король не был обманут — за исключением ценного вознаграждения. Приход и уход ежегодных флотилий был предметом величайшей заботы короны, грузоотправителей и получателей. Многие суда, груженные сокровищами, либо затонули в море, либо стали добычей пиратов, и благополучное прибытие конвоя приветствовалось всеми проявлениями радости, даже члены королевской семьи не сочли неуместным объявить о таком событии. Таким образом, 15 октября 1605 года король в депеше президенту и аудиенции информирует их о прибытии генерала дона Луиса де Кордовы в январе того же года.

После отплытия галеонов Портобелло был почти заброшен испанцами и оставлен в основном неграм и мулатам, жители которых жили в основном за счет сдачи в аренду своих жилищ и магазинов по непомерным расценкам. [XXVII-11] Город был построен в форме полумесяца; его гавань была одной из самых безопасных в Индии, [XXVII-12] а судостроение и заготовка **Ошибка! Закладка не определена.** пиломатериалы из кедра были его ведущими отраслями промышленности. Климат в Портобелло, как и в других городах на перешейке, был нездоровым, как я уже упоминал в другом месте, хотя и в меньшей степени, чем в Номбре-де-Диосе или даже Панаме. Госпиталь был переполнен солдатами-инвалидами, рабочими и рабами, и в 1608 году корона выделила ежегодную субсидию в размере двух тысяч дукатов на его поддержку.

В 1610 году в городе Панама проживало не более трети населения, которым он обладал в 1585 году, [XXVII-13] хотя с момента своего основания и до последней даты его благосостояние и численность населения неуклонно росли. Лучшим показателем упадка касе-де-Крусес как коммерческого центра является тот факт, что доходы касе-де-Крусес, [XXVII-14] которые когда-то сдавались на откуп за десять тысяч песо в год, были сданы в аренду в 1610 году всего за две тысячи песо. Были рудники, но они не разрабатывались; [XXVII-15] промысел жемчуга, но они бездействовали; мера торговли, но она находилась в руках монополистов, которые делились своей прибылью с королем. [XXVII-16]

Расходы правительства Панама покрывались за счет ежегодных ассигнований, разрешенных **Ошибка! Закладка не определена.** совет Индии, и если мы примем во внимание малочисленность населения и сравнительную дешевизну предметов первой необходимости, чиновникам за их услуги платили чрезвычайно хорошо. [XXVII-17] Но хорошее жалованье, по-видимому, не гарантировало верной службы, поскольку 28 марта 1605 года его Величество сообщает президенту, что, как ему стало известно, женатые чиновники, отправляясь на официальные обходы, имели обыкновение брать с собой своих жен, которые всегда были обеспечены в городах, которые они посещали; он предписывает ему запретить им таким образом пользоваться своим положением и настаивать на том, чтобы свита судебных приставов и слуг была сокращена до минимально возможного числа. Губернатор Вальверде в своем отчете от 6 июня следующего года говорит, что многие внутренние города Огненной земли ойдор не посещал в течение многих лет, а провинцию Верагуа вообще никто не посещал. Чтобы исправить такое пренебрежение, губернатор приказывает оидорам поочередно посещать все должным образом отведенные места.

МЕЖОКЕАНСКОЕ СООБЩЕНИЕ.

Вопрос о межокеанском сообщении, о котором уже упоминалось, периодически обсуждался во второй половине шестнадцатого века, а дальнейшие исследования были проведены в начале семнадцатого. "Это правда, - пишет Гомара в 1554 году, - что горы загораживают эти проходы,

но если есть горы, то будут и руки; пусть только будет сформировано решение совершить проход, и это может быть сделано". 31 декабря 1616 года король сообщил Диего Фернандесу де Веласко, который на тот момент был назначен губернатором Кастильи-дель-Оро, что испанский суд одобрил мнение коммерческого суда **Ошибка! Закладка не определена.** мир в этом проекте. Они верили, что сообщение между океанами можно было бы легко установить, построив канал, соединяющий реки Дацил и Дамакиэль, примерно в тридцати лигах от Картахены, и что такая работа позволила бы королю лучше обеспечивать оборону провинций. [XXVII-18]

Губернатору было поручено доложить о осуществимости проекта и направить несколько небольших судов с целью проведения аналогичного расследования в заливе Сан-Мигель и Рио-Дариен. Выводы, к которым пришли офицеры, задействованные в этих исследованиях, не зафиксированы в хрониках того времени, но мы узнаем, что его Величество очень четко дал указания, что все подобные исследования и изыски должны проводиться за счет тех, кто был заинтересован, а не за счет королевской казны. [XXVII-19]

Когда Фелипе IV взошел на трон Испании, он заверил своих подданных в Новом Свете, что во время его правления не потребуется никаких принудительных займов. Он даже возместил с процентами деньги, конфискованные его предшественником, который за год до своей смерти присвоил себе восьмую часть сокровищ, находившихся на борту флота с Перешейка. [XXVII-20] Тем не менее Филипп четвертый часто остро нуждался в средствах. Примерно в это же время Родриго де Виверо был губернатором Кастильи-дель-Оро, назначенный преемником Веласко, [XXVII-21] и те, кто отвечал за флот слитков, взяли в практику **Ошибка! Закладка не определена.** подолгу задерживаться в порту Перико под предлогом получения товаров из Испании. Утверждая, что находятся под юрисдикцией вице-короля Перу, они отказались подчиняться властям Панама. Чтобы предотвратить задержку прибытия кораблей с сокровищами, было приказано, чтобы все офицеры и матросы флотов, заходящих в Огненную землю, были переданы под непосредственную юрисдикцию аудиенции.

КОНТРАБАНДА.

Король постоянно лишался своих доходов обманом из-за контрабандной торговли, которая процветала во всех провинциях, но нигде в такой степени, как в Панаме. В 1624 году количество товаров, зарегистрированных как проходящие через кас-де-Крусес, составило 1 446 346 песо, в то время как фактор Кристоаль де Бальба сообщил, что товары на сумму 7 597 559 песо были провезены контрабандой. За эти махинации не было назначено никакого наказания, хотя его величество таким образом понес убытки в размере 1 370 656 песо, и дело усугубилось выплатой казначейству 200 000 песо, поскольку фактор получил взятку в размере 6000 песо. Контрабанда была распространена до такой степени, что угрожала самому существованию законной торговли. В таком положении дел Испания могла винить только себя. Севильские купцы, которые все еще пользовались монополией на торговлю с провинциями, отправляли лишь небольшую эскадру два раза в год для удовлетворения потребностей колонистов. Они регулировали поставки европейских товаров в Америку в не меньшей степени, чем американских товаров в Европу, и заботились о том, чтобы и то, и другое поставлялось в таких небольших количествах, которые обеспечивали бы огромную прибыль. Торговцы контрабандой, как испанцы, так и иностранцы, прибегали ко всевозможным ухищрениям, [XXVII-22] чтобы сохранить часть **Ошибка! Закладка не определена.** богатый транспортный поток на

перешейке, и правительство, обнаружив, что его доходы постоянно сокращаются, в конце концов объявило контрабанду смертным грехом и привлекло тех, кто ею занимался, к суду инквизиции.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА.

Теперь уместно кратко упомянуть о ходе церковных дел в Панаме, поскольку здесь, как и везде, они играют важную роль в истории провинции. Что касается моральных и духовных вопросов, народ Панамы, как мы видели, был достаточно низок. Реформы были необходимы, но реформаторов было мало. 26 ноября 1572 года Педро Кастро де Ведиес, возмущенный вопиющими злоупотреблениями того времени, обратился к лиценциату Хуану де Овандо, советнику его Величества святой инквизиции и визитадору совета Индии, с речью о реформах, необходимых в церковных делах. Сообщение является подробным и описывает ошибки и проступки испанцев, особенно в их общении с местными жителями. [XXVII-23]

Когда Франсиско де Толедо, новый вице-король, прибыл в Панаму по пути в Перу в 1569 году, он восстановил королевскую прерогативу церковного покровительства, которая в этой епархии и во всем его вице-королевстве из-за неиспользования перешла в руки архиепископа и епископов. Вероятно, в том же году Франсиско Абrego, светский священник, был возведен в сан епископа Панамы и продолжал занимать этот пост до своей кончины в 1574 году. [XXVII-24] Во время его правления глава **Ошибка! Закладка не определена.** рассмотрел и официально ратифицировал постановления Тридентского собора и в соответствии с его распоряжениями назначил *адъютантов*, или низших церковных судей.

С четырехлетним перерывом во главе был назначен брат Мануэль де Меркадо; и в это время в Панаме находились кафедральный собор, францисканский и доминиканский монастыри, а также монастырь, принадлежащий ордену Мерсед. Меркадо сменил, вероятно, в 1583 году, Бартоломе Мартинес, [XXVII-25] который ранее был архидиаконом Санта-Иглесии в Лиме, и после того, как около десяти лет возглавлял Панамский престол, был назначен новым прелатством Гранады, но умер в пути в Картахене. [XXVII-26]

Преемником Мартинеса был Педро Дуке де Рибера, видный иезуит, избранный в 1594 году, который умер, как и его предшественник, достигнув Картахены. Следующим по очереди был Антонио Кальдерон, который был переведен из епископства Порто-Рико, а в 1603 году был назначен на престол Санта-Крус-де-ла-Сьерра. [XXVII-27]

В 1592 году капитул принял решение о создании женского монастыря в Панаме, и обращение в поддержку проекта получило быстрый и щедрый отклик: только один гражданин предоставил необходимые здания и значительные пожертвования. Шесть лет спустя монастырь был посвящен Богородице Зачатия с гарантированным доходом в четыре тысячи песо в год. [XXVII-28] Четыре монахини и двадцать четыре помощницы были **Ошибка! Закладка не определена.** отправлены архиепископом Лимы, чье содействие было сердечно оказано.

Таким образом, духовное благополучие жителей Панамы было полностью обеспечено; но священнослужители ни в коем случае не были единодушны в своих трудах на благо церкви. Не довольствуясь получением содержания, повинностей и десятины, как это предусмотрено законом, они вымогали, при попустительстве своих епископов, жалованье в размере трехсот песо каждому у индейцев, находящихся на их попечении, [XXVII-29] и справедливо вызвали

против них негодование короля, который приказал аудиенции немедленно изгнать из провинции многих монахов-нелегалов, о позорном поведении которых он был наслышан.

ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМЫ.

После повышения епископа Кальдерона престол Панама оставался вакантным до 1605 года, когда брат Агустин де Карабах был назначен настоятелем и генеральным помощником провинций Испании и Америки. [XXVII-30] Тем временем долгая борьба за превосходство между властями государства и церкви, которая теперь переросла в неприличный вопрос о приоритете в различных религиозных церемониях, была прекращена королевским указом, определяющим места мирян и духовных сановников на всех подобных зрелищах. Во всех процессиях епископ возглавлял процессию, за ним следовали исполняющий обязанности пресвитера и духовенство. За ними следовали президент и аудиенция. При окроплении святой водой перед великой мессой сначала должны были быть окроплены священнослужители, а затем президент и **Ошибка! Заложка не определена.** аудиенция. Что касается передачи их библии президенту, король заявил, что этого делать не следует, поскольку это честь, которой удостоиваются только вице-короли. Шлейф епископа должен был быть поднят во время церковной церемонии, несмотря на присутствие президента и аудиенции, но нести его должно было быть разрешено только одному слуге. Когда епископ направлялся в королевский дом, его шлейф должен был быть доведен до дверей президентской комнаты, а затем спущен. Но главными спорными моментами были важные вопросы о том, где епископ должен был поставить свое кресло сбоку от главного алтаря в соборе, когда присутствовали оидоры, и должны ли пребендарии сидеть рядом с ним. Король решил эти вопросы в пользу церкви и 4 июня 1614 года, после консультации с епископом, издал указ, предписывающий соблюдать правила, действующие в кафедральном соборе Кито. [XXVII-31]

В 1611 году Карабах был назначен епископом Гуаманго, основав во время своего правления в Панаме колледж Сан-Агустин и выделив ему шесть стипендий в соответствии с указаниями совета Трента. [XXVII-32] Его преемником был Франсиско де ла Камара-и-Райя, вступивший в должность в 1614 году. Во время его прелатства был созван первый синод, когда-либо проводившийся в епархии Панама. Во время его правления четыре монаха ордена Сан-Хуан-де-Диос [XXVII-33] прибыли в этот город, предлагая служить **Ошибка! Заложка не определена.** в больницах, расположенных там или в других местах на Перешейке. Их допуск был резко воспротивлен аудиенцией и прелатом, который был доминиканцем, и только 26 июня 1620 года, в соответствии с полученным положением, капитан Ордоньо де Салазар, мэр Альгуасиля, разрешил им вступить во владение госпиталем в Панаме. [XXVII-34] Орден был постоянно учрежден в Панаме братом Фабианом Диасом, который приехал из Испании вместе с братом Франсиско Лопесом в 1604 году, прославился как врач, [XXVII-35] и быстро приобрел значение. [XXVII-36]

В 1625 году брат Кристоаль Мартинес, бывший настоятель Сеговии, был назначен епископом Панама. [XXVII-37] Во время его правления произошли серьезные беспорядки среди августинских прихожан монастыря Сан-Хосе, первопроходец, брат Франсиско де ла Воскрешение, и его беспорядочные последователи были арестованы и отправлены в Испанию Энрике де Сотомайором, тогдашним губернатором провинции. [XXVII-38]

Репутация духовенства Панама в этот период, по-видимому, была несколько сомнительной. В 1634 году Фелипе IV. издал указ, предписывающий членам аудиенции следить за тем, чтобы

репутация монахинь-заточенцев была защищена. 14 июля 1636 года монарх пишет епископу, приказывая ему привести в исполнение положения указа, адресованного иерархии Индии в феврале прошлого года, согласно которому ни один метис, незаконнорожденный сын или лицо с моральными или физическими недостатками не должен был быть рукоположен.

Безнравственный или скандальный **Ошибка! Закладка не определена.** священники должны были быть изгнаны из епархии. [XXVII-39] В том же году было приказано, чтобы религиозные процессии, которые до сих пор проводились ночью, впредь, в интересах порядка и благопристойности, проводились при дневном свете. Тем не менее работа по обращению мужественно продолжалась, и в течение четырех лет число зарегистрированных крещений в округе аудиенсия превысило тринадцать тысяч душ.

КОСТРЫ И ЯРМАРКИ.

В 1644 году, во времена прелатства брата Эрнандо Рамиреса, преемника Мартинеса, в Панаме вспыхнул пожар, который поглотил девяносто семь домов, включая епископальную резиденцию, и почти уничтожил собор. Последнее здание было отреставрировано прелатом и освящено в 1655 году его преемником Бернардо де Исагирре, фискалом инквизиции Картахены. Его руины существуют и по сей день. Велико было горе, причиненное горожанам этим бедствием. "В Панаме, - пишет Хуан де Вега Базан, тогдашний губернатор провинции, [XXVII-40] в письме, адресованном Фелипе IV, - сейчас проживает лишь небольшое население, и оно с каждым днем уменьшается все больше и больше, поля и дороги заполняются бродягами". Король, питая несправедливые подозрения в том, что португальцы подожгли город, [XXVII-41] приказал удалить их из Панамы и Портобелло на расстояние двадцати лиг **Ошибка! Закладка не определена.** во внутренние районы страны и поручил Базану вымогать у них как можно больше денег, прежде чем отправить их в изгнание; но к чести этого чиновника сообщается, что он не обратил внимания на это требование. мандат. За это пренебрежение и за кумовство, которое он проявлял во время своего правления, он подвергся суровому порицанию своего государя. [XXVII-42]

В 1647 году Базан снова подвергся порицанию короны за судебное разбирательство, которое после надлежащего расследования фискальной службой аудиенции привело к его падению. Действуя по совету лиценциата Педро Чакона, он изгнал из своих домов восемнадцать монахов ордена Сан-Хосе, назначив на их места других с дурной репутацией. Священнослужители укрылись на холмах Сан-Кристобаль, но вскоре были восстановлены в должности, а в конце следующего года губернатора сменил Хуан Битриан де Биамонте-и-Наварра. [XXVII-43] Последний умер в 1651 году, руководя отправкой флота из Портобелло, и в приходской церкви этого города в его память был установлен мраморный памятник.

Панама, похоже, быстро оправилась от потрясения, вызванного пожаром 1644 года. Ежегодная ярмарка проводилась там до 1671 года, когда город был разрушен во время набега Моргана и его пиратов, о чем мы сейчас расскажем. В 1655 году стоимость товаров, перешедших из рук в руки во время ярмарки, официально оценивается в пять миллионов песо, и эта сумма, вероятно, представляет собой лишь малую часть фактически совершенного бизнеса, поскольку, как мы видели, количество товаров, попадавших в провинции через контрабандную торговлю, часто в три-четыре раза превышало то, с которого была уплачена пошлина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.

Редкой и ценной рукописью, незаменимой для истории округа Дариен, является отчет его губернатора дона Андреса де Арисы от 5 апреля 1774 года, адресованный вице-королю дону Мануэлю Гуириору, озаглавленный *Комментарии Рики и Фертильной провинции эль-Дариен*. Оригинал отчета, сопровождаемый картой, хранится в Национальной библиотеке Боготы, откуда для автора была сделана настоящая копия. Отчет состоит из трех отдельных документов; письмо, описывающее в целом разрушенное состояние провинции, причины и предлагаемые средства правовой защиты; подробное описание городов, военных постов и жителей, а также краткий отчет о фактическом состоянии провинции, ее жителях, ресурсах и истории. В этих документах дается краткий обзор истории провинции за предыдущие шестьдесят два года, более полно описываются последние индийские восстания. Рукопись представляет собой один том in folio из сорока страниц, исписанных мелким почерком. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXVIII. НАБЕГИ МОРГАНА На ПЕРЕШЕЕК. 1664-1671.

Ранняя карьера Моргана—Он решает атаковать Портобелло—Замок Триана взлетает на воздух—Захват города—Зверства, совершенные пиратами—Президент Панамы выступает против Них—Он отброшен—Морган посылает ему образец своего оружия—Выкуп города и возвращение на Ямайку—Пираты готовят другое вооружение и решают атаковать Панаму—Захват форта Сан—Лоренцо—Марш через перешеек—Морган прибывает в поле зрения Панамы—Трусость губернатора—Битва с испанцами —Сожжение города—Пытки пленных—Храбрость плененной Дворянки—Пираты снова пересекают Перешеек-Дележ добычи.

Никто из "береговых братьев", как любили называть друг друга английский пират, французский флибустьер и голландский морской разбойник, не пользуется большей известностью, чем Генри Морган, валлиец, о подвигах которого рассказывали на всех основных языках Европы. Рожденный от респектабельных родителей в небогатых обстоятельствах, он покинул дом еще мальчиком и отправился на Барбадос на службу к хозяину, который, прибыв в порт, продал его в рабство. Вернув себе свободу, он отправился на Ямайку и, не найдя другого занятия, присоединился к пиратской экспедиции, которая в то время собиралась отправиться в круиз по Испанской Вест-Индии. Накопив свою долю доходов от трех или четырех прибыльных рейдов, он смог приобрести судно в партнерстве с несколькими своими более бережливыми товарищами и, будучи избранным капитаном, совершил успешное плавание у берегов Кампече. **Ошибка! Закладка не определена.** По возвращении он был назначен вице-адмиралом флота, который под командованием Мансвелта готовился к нападению на остров Санта-Катарина.

После смерти Мансвелта в 1664 году Морган, чья доблесть завоевала уважение буканьеров, был назначен его преемником и вскоре оказался командующим дюжиной судов и семьями людьми. Был созван совет, и сначала было предложено попытаться захватить город Гавана; но, не осмеливаясь предпринять такое предприятие со столь незначительными силами, флибустьеры решили разграбить Пуэрто-Принсипи, островной город Кубы, разбогатевший на торговле шкурами и еще ни разу не разграбленный морскими разбойниками. Предупрежденные испанским пленником, сбежавшим с корабля, когда тот приближался к берегу, жители успели спрятать большую часть своих ценностей, и добыча этой экспедиции составила всего пятьдесят тысяч песо - сумму, недостаточную для уплаты долгов мародеров по

их возвращении на Ямайку. Он сразу же решил предпринять какое-нибудь новое приключение, и хотя разногласия между французским и английским членами его команды заставили первого уйти со службы Моргану, вскоре после этого он отплыл на материк с флотом из девяти кораблей и отрядом в четыреста шестьдесят бойцов, никому не раскрывая своих замыслов, но обещая своим последователям обильную добычу.

АТАКА На ПОРТО-БЕЛЛО.

В последний день июня 1668 года буканьеры прибыли к берегам Кастилия-дель-Оро. При осмотре местности их вождь раскрыл свое намерение напасть ночью на Портобелло, город, часто посещаемый богатейшими купцами Панама, чьи золотые слитки обменивались там на рабов или товары из Испании, и пункт, в который, как мы помним, в определенные периоды года переправлялось золото и серебро с перуанских и мексиканских рудников. В то время это место считалось одной из сильнейших испанских крепостей в западном мире; в нем находилось триста военнотружущих, содержалось четыреста **Ошибка! Закладка не определена.** граждане, способные носить оружие, и его охраняли сильно укрепленные замки, контролирующие подходы с суши и моря. Многие колебались атаковать такую крепость всего лишь горсткой людей, но их командир произнес слова приветствия, [XXVIII-1] и, воодушевленные обещанием огромной добычи, все, наконец, дали свое согласие.

В сумерках летнего вечера флот бросил якорь в Порто-Понто, в тридцати милях к западу от города. Оставив несколько человек охранять свои корабли, буканьеры поднялись по небольшой реке на лодках или каноэ и, высадившись около полуночи, сразу же двинулись в атаку. Все пути подхода были хорошо известны Моргану, и среди его отряда был англичанин, когда-то находившийся в плену у испанцев, который теперь выступал в роли проводника. В качестве первой точки штурма был выбран замок под названием Триана, расположенный в восточном пригороде. Часовой, выставленный на некотором расстоянии от крепости, был схвачен и связан небольшим отрядом, посланным заранее, прежде чем он успел выстрелить из своего мушкета. Приведенный в присутствие Моргана, он подвергался тщательным допросам, и часто ему угрожали смертью, если его ответы окажутся неправдивыми.

Крадучись под покровом ночи и густых зарослей, тишина, время от времени нарушаемая криками сонного часового, флибустьеры незамеченными окружили замок, и Морган, подойдя вплотную к стенам, приказал своему пленнику призвать гарнизон к капитуляции, пригрозив неминуемой смертью в случае сопротивления. Они ответили беспорядочным залпом из мушкетов и пушечных выстрелов. Прикрепив к стенам штурмовые лестницы, буканьеры перебрались через парапеты, и после упорного сопротивления испанцы сдались. Морган выполнил свою угрозу. Заперев всех своих пленников в большой камере, рядом с пороховым погребом, он поджег его с помощью спичек и **Ошибка! Закладка не определена.** поезд, когда находился на безопасном расстоянии, и жители Портобелло, теперь разбуженные звуком стрельбы, увидели, как замок и все его обитатели взлетели высоко в воздух. Захватчики сразу же набросились на охваченных паникой жителей, с ужасными криками носились по улицам и рубили всех, кого встречали. Многие уже бежали в соседние леса, сначала бросив свои деньги и драгоценности в колодцы и цистерны или спрятав их под землей. Губернатор города собрал небольшой отряд и удалился с ним в самый сильный из оставшихся фортов, откуда по нападавшим был открыт ожесточенный огонь. Приблизившись на расстояние двухсот ярдов, буканьеры прицелились в жерла пушек, убивая испанских артиллеристов, перезаряжавших

свои ружья; но их ряды неоднократно прорезались меткими артиллерийскими залпами. Понеся тяжелые потери без особой цели, они подошли вплотную к замку и попытались сжечь ворота. Испанцы встретили их резкими залпами из мушкетов и, сбрасывая на головы осаждающих всевозможные ручные гранаты и метательные снаряды, отбросили их за пределы досягаемости орудий.

Теперь Морган начал отчаиваться, но собрался с силами после того, как некоторое время пребывал в нерешительности относительно своего следующего шага. Цитируя слова Эксвелелина, "в его голову приходило много слабых и спокойных размышлений; он также не мог определить, в какую сторону ему направиться в этом затруднительном положении". Часть его войск была отправлена для атаки одной из второстепенных крепостей, и, посмотрев в том направлении, он увидел, что его люди уже водрузили английские знамена на зубчатые стены и спешат ему на помощь. Воодушевленный этим успехом, командир сразу же решил возобновить атаку и, будучи человеком, располагающим ресурсами, вскоре прибегнул к новому средству. Он приказал схватить нескольких священников и монахинь и вытащить их из монастырей, а также приказал изготовить штурмовые лестницы, достаточно широкие, чтобы несколько человек могли подняться в ряд, и приказал своим пленникам прикрепить их **Ошибка! Закладка не определена.** к стенам замка, думая таким образом защитить своих людей от оружия испанцев.

ДОБЛЕСТНЫЙ ИСПАНЕЦ.

Гонимые вперед острием меча и пики, пленники подошли вплотную к орудиям форта и, упав на колени, всеми святыми умоляли губернатора сдаться и спасти его собственную жизнь и их собственные; но был отдан приказ не щадить никого, кто приблизится к стенам. Священник и монахиня были раздавлены падающими камнями или безжалостно расстреляны, и многие погибли прежде, чем успели установить лестницы. Когда, наконец, задача была выполнена, буканьеры ринулись на штурм; и хотя многие были сброшены защитниками, другие удержались на парапете и, забросав гарнизон ручными гранатами и горшочками с порохом с зажженными фитилями, прыгнули вниз, вооружившись мечами и пистолетами. Тогда испанцы сложили оружие и взмолились о пощаде; то есть все, кроме губернатора, который в одиночку некоторое время вел безнадежную борьбу, убив нескольких нападавших и ранив нескольких своих собственных солдат-отступников. Напрасно буканьеры предлагали ему пощаду, не желая предавать мечу столь доблестного офицера; напрасно его жена и дочь стояли на коленях и со слезами умоляли его уступить. Его ответ был: "Ни в коем случае; я предпочел бы умереть как доблестный солдат, чем быть повешенным как трус". [XXVIII-2] После нескольких попыток одолеть или захватить его в плен, он, наконец, был отправлен.

В руках испанцев все еще оставалось несколько замков, один из которых был сильно укреплен и господствовал над входом в гавань. Было сочтено необходимым захватить его без промедления, чтобы дать возможность флоту вернуться в Портобелло, поскольку потерифлибустьеров были настолько серьезными, что требовалось время для выздоровления раненых. Повернув против него пушки захваченного форта, Морган заставил своих пленников работать **Ошибка! Закладка не определена.** орудия, и, продвигаясь под прикрытием огня, захватил его эскаладой после острой схватки, в которой все испанские офицеры были убиты.

БЕЗЖАЛОСТНЫЕ ЗАХВАТЧИКИ.

Вскоре после наступления темноты захватчики полностью овладели городом. Они разместили своих раненых в удобных помещениях под присмотром рабынь, а раненых испанцев - в отдельном помещении, без еды, воды и присмотра; и после выставления своей охраны сразу же, как это было у них в обычае после победы, предались пиршествам, пьянству и грязному разврату. Матрона и девственница, которым угрожали острием меча, были вынуждены уступить объятиям этих головорезов, чьи руки все еще были обагрены кровью их мужей и братьев. Не щадили ни возраста, ни состояния. Религиозные затворницы, вырванные из монастыря, и девочки нежного возраста, вырванные из рук своих матерей, одинаково становились жертвами похоти завоевателей. Наконец, одурманенные вином и измученные двадцатичетырехчасовым непрерывным трудом, мародеры улеглись отдыхать. Пятьдесят решительных мужчин могли бы тогда освободить город, но всю ночь не было слышно ни звука, кроме стонов раненых и криков убитых горем женщин.

На рассвете пираты разграбили это место, забрав все ценности, какие смогли найти, разграбив дома горожан, забрав из церквей золотые и серебряные украшения и сервизы из массивной посуды. Тех, кто считался самыми богатыми из заключенных, допрашивали о местонахождении их спрятанных сокровищ; и, не сумев раскрыть их, их растягивали на дыбе, пока многие не умирали под пытками.

В течение пятнадцати дней Морган оставался в Портобелло, хотя и знал, что президент Панама готовит против него экспедицию. Его отступление было открыто для кораблей, и угроза нападения не вызывала у него беспокойства; но многие из его людей умерли от ран, последствий чрезмерного пьянства и атмосферы, отравленной наполовину зарытыми трупами. Более того, **Ошибка! Закладка не определена.** запасов стало не хватать. Они были вынуждены питаться почти исключительно мясом лошадей и мулов. Многие из пленных и большинство раненых испанцев погибли от лишений, им не дали ничего, кроме куска мяса мула и небольшого количества мутной нефilterованной воды. Поэтому были сделаны приготовления к отплытию. Погрузив добычу на борт флота, Морган потребовал от своих пленников выкуп в размере 100 000 песо, угрожая в противном случае сжечь город и взорвать замки. Двое граждан, отправленных в Панаму по его приказу для увеличения суммы, сообщили об истинном положении дел. В распоряжении президента было полторы тысячи человек, и он немедленно выступил на помощь своим соотечественникам и, как он надеялся, отрезал авантюристам путь к отступлению.

Предупрежденный о его приближении, Морган разместил сотню отборных людей в узком ущелье, через которое пролегал путь испанцев. При первом столкновении основная часть испанских войск была разбита; многие сразу бежали в Панаму, унося с собой известие о своем поражении; и на какое-то время экспедиция потерпела неудачу. Ожидая подкреплений, президент решил испытать эффект угроз, хотя и понимал, что он не в состоянии привести их в исполнение. Отправив гонца к Моргану, он приказал ему немедленно убираться из Портобелло или не ожидать пощады ни для себя, ни для своих спутников. Командир буканьеров в ответ удвоил сумму требуемого взноса [XXVIII-3] и заявил, что будет удерживать это место до тех пор, пока не будет выплачен выкуп, или, если он не будет выплачен, сожжет дотла дома, разрушит форты и предаст смерти каждого пленника.

Поскольку дальнейшие усилия оказались бесполезными, президент предоставил жителям города самим решать вопрос о своем спасении; но, удивленный тем, что место, защищенное

сильно укрепленными замками, стало жертвой столь незначительных сил, он отправил гонца запросить у завоевателей образец их оружия. Морган принял его вежливо и с мрачным юмором вручил ему мушкет и несколько пуль, попросив передать своему хозяину, "что ему было очень приятно показать ему изящный образец оружия, которым он захватил Портобелло, и попросил его сохранить их у себя в течение года, после чего он пообещал приехать в Панаму и забрать их". Президент вскоре вернул оружие вместе с подарком в виде кольца с изумрудом и посланием, "что ему не нужно оружие такого рода, но он сожалеет, что люди такой храбрости не были задействованы в какой-нибудь справедливой войне под началом великого князя".

ГОРОД БЫЛ ВЫКУПЛЕН.

Тем временем флибустьеры согласились сдать город, получив выкуп в сто тысяч песо. Сумма была собрана и выплачена. Затем лучшие пушки цитадели были погружены на борт кораблей; остальные были снаряжены, и буканьеры отплыли на Кубу, где разделили добычу, состоявшую из монет, слитков и драгоценных камней, на сумму в двести шестьдесят тысяч песо, считая, что драгоценности стоили менее половины их реальной стоимости, не считая больших запасов шелка, льна, сукна и других товаров. Отправившись оттуда на Ямайку, они растратили в буйстве и беспутстве богатство, которое другие накопили годами терпеливого труда и самоотречения. Несколько дней свиного разгула в винных лавках и борделях Порт-Ройяла оставили большую часть шайки без средств и кредита, и они стали требовать какой-нибудь новой экспедиции. Для некоторых из них не было ничего необычного в том, что они тратили или проигрывали в азартные игры за одну ночь всю свою долю доходов от успешного набега и подвергались риску быть проданными на следующее утро в рабство, чтобы оплатить неоплаченный счет в таверне. Некоторые вытаскивали на улицы бочонок вина, другие - бочонок крепкого эля и, наставив пистолеты на прохожих, заставляли их, будь то мужчин или женщин, пить в их компании. **Ошибка! Закладка не определена.** бегать взад и вперед по улицам, когда опьяненные алкоголем, избивали или поливали грязью всех, кого встречали.

Уровень гуманности среди буканьеров был таким, какого можно было ожидать от людей, лишенных почетного общения с себе подобными. Многие из них были похищены в ранней юности и отправлены из Англии в Британскую Вест-Индию, а там проданы в рабство и подвергнуты такому обращению, которое часто доводило людей слабого телосложения до идиотизма. Их морили голодом, истязали и калечили. Их били до тех пор, пока кровь ручьями не потекла по их спинам, а затем натерли солью, перцем и лимонным соком. Неудивительно, что характер людей, прошедших через такие испытания, навсегда испортился; что их рука была направлена против каждого человека и что впоследствии они подвергали попавших в их власть пленников таким же жестоким пыткам, каким подвергались они сами от рук своих хозяев.

Слава о подвигах Моргана побудила множество французов и англичан присоединиться к знамени флибустьера. К ветеранам, служившим под его началом во время прежних набегов, добавилась толпа новобранцев, жаждущих разделить добычу, если не славу его экспедиций. Вскоре он командовал своей эскадрой из пятнадцати судов и силами в девятьсот шестьдесят бойцов и, назначив местом встречи остров Саона, отдал приказ плыть вдоль южного побережья Испании. Во время плавания встречались сильные штормы, и, когда часть его кораблей была сбита с курса, он обнаружил, что его уменьшившихся сил недостаточно для какого-либо крупного предприятия. По совету французского капитана, служившего под командованием

Л'Олоннуа и Мишеля Ле Баска при взятии Маракайбо и Гибралтара в 1666 году, он решил разграбить эти города и прилегающие к ним окрестности. Доходы от этой вылазки составили, согласно **Ошибка! Залладка не определена.** некоторым источникам, двести пятьдесят тысяч песо. [XXVIII-4] После победы над сильной испанской эскадрой, дислоцированной у входа в озеро Маракайбо, чтобы помешать отступлению своего флота, Морган вернулся на Ямайку, где нашел большую часть своих пропавших судов.

Узнав, что между Испанией и Великобританией ведутся переговоры о заключении договора, который вскоре положит конец дальнейшим набегам, буканьеры загорелись желанием немедленно организовать какую-нибудь новую экспедицию в большем масштабе и с более амбициозными намерениями, чем любая из ранее предпринятых. Морган с готовностью согласился принять командование и, отправив депеши ветеранам-флибустьерам, расквартированным в Санто-Доминго и Тортуге, чтобы ознакомить их со своей целью, назначил местом встречи порт Корильон на острове Ваш, где к концу октября 1670 года собрались все его сторонники.

Первой заботой было запастись провизией, и с этой целью ежедневно отправлялись охотничьи отряды прочесывать леса, в то время как эскадра из четырех судов с четырьмя сотнями человек под командованием капитана Брэдли [XXVIII-5] была отправлена на материк за запасами пшеницы или маиса. Войдя в устье Рио-Хача, примерно в пятидесяти лигах к северо-западу от озера Маракайбо, Брэдли захватил судно, груженное в основном злаками, получил четыре тысячи бушелей кукурузы в качестве выкупа в деревне на берегу реки и с другой добычей и несколькими пленными вернулся после пятидневного отсутствия. [XXVIII-6]

Затем Морган отплыл к мысу Тибурон, где к экспедиции присоединились подкрепления с Ямайки, и **Ошибка! Залладка не определена.** теперь в его распоряжении был флот из тридцати семи кораблей и силы в две тысячи человек. [XXVIII-7]

ДОКУМЕНТЫ О ПИРАТСТВЕ.

Его самое большое судно несло двадцать четыре тяжелых орудия и шесть маленьких медных пушек; [XXVIII-8] многие другие были вооружены шестнадцатью-двадцатью, и ни на одном не было менее четырех единиц боезапаса. Морган принял титул адмирала; королевское знамя Англии было поднято на грот-мачте его флагманского корабля; и офицерам были даны поручения [XXVIII-9], разрешающие захват испанских судов в море или в гавани и любые военные действия против испанской нации, как против объявленных врагов короля Великобритании.

Были подписаны статьи соглашения, предусматривающие, что те, кто был искалечен или отличился в бою, должны получить компенсацию из первых доходов от рейда, а остальная часть должна быть распределена в соответствии с рангом или должностью участников экспедиции. [XXVIII-10]

Тремя самыми заманчивыми призами на испанском **Ошибка! Залладка не определена.** материковой частью были Панама, Вера-Крус и Картахена. На борту адмиральского корабля был созван совет, и было решено, что Морган, выполняя обещание, данное им в Портобелло, должен показать президенту Панамы дону Хуану Пересу де Гусману, как буканьеры используют свое оружие.

Случилось так, что перешеек Дариен был мало известен никому из этих морских разбойников, и, прежде чем отправиться на материк, было решено захватить остров Санта-Катарина, который тогда использовался как исправительное поселение Испанской Вест-Индии, и среди его гарнизона содержались мужчины, отбывающие наказание под запретом въезда в Панаму. Среди этих разбойников, без сомнения, нашлись бы те, кто был хорошо знаком с подступами к этому городу.

Отплыв от мыса Тибурон 16 декабря, флот бросил якорь у Санта-Катарины на пятый день, и в тот же день днем флибустьеры высадились, не встретив сопротивления. Гарнизон и жители удалились на небольшой соседний островок, защищенный десятью замками, которые при решительной обороне были бы неприступны; но губернатор, когда его призвали капитулировать, согласился при условии, что ему будет позволено беспрепятственно уйти после оказания демонстративного сопротивления. Притворный бой продолжался ночью в течение нескольких часов, и пороха не жалели. [XXVIII-11] Буканьеры стреляли холостыми патронами, и испанцам было приказано наставить свои ружья так, чтобы выстрел безвредно просвистел над головой. Затем это место было сдано, пленники собраны и разоружены, и флибустьеры, постившись в течение двадцати четырех часов, всерьез начали войну со скотом, домашней птицей и дичью, которые они находили по соседству. Трое преступников из Панамы, двое из них индейцы и один мулат, все хорошо знакомые с наиболее удобными маршрутами, были предоставлены в качестве проводников. Индейцы, зная, что их собственные соотечественники будут **Ошибка! Закладка не определена.** пострадают от набега вместе с испанцами, притворились невежественными, но были преданы мулатами и подвергнуты пыткам. Один из них умер на дыбе, а оставшийся в живых затем признался, что знал дороги и согласился служить своим похитителям.

ЗАМОК САН-ЛОРЕНЦО.

Прежде чем высадить основные силы буканьеров на перешеек, Морган решил захватить замок Сан-Лоренцо, который охранял устье реки Чагре. Для этой цели он отправил эскадру из пяти судов с четырьмя сотнями человек [XXVIII-12] под командованием капитана Брэдли, а сам остался в Санта-Катарине с остальными своими силами, чтобы замаскировать свой основной замысел. Замок был построен на высокой скале, достаточно крутой, чтобы сделать его недоступным с южной стороны, и был защищен с севера рекой, которая в этом месте расширяется. Четыре артиллерийских бастиона охраняли подходы с суши, а два были обращены к морю. У подножия скалы находились три батареи, которые контролировали устье Чагре. На выходе из реки находится затонувший риф и песчаная коса, по которой почти на всю ширину перекатываются буруны. Только в самую тихую погоду можно обнаружить узкий проход прямо под обрывом, высоту которого все еще венчают руины замка Сан-Лоренцо. Крепость была окружена частоколом, засыпанным землей, и к ее единственному входу можно было подойти только по подъемному мосту, перекинутому через расщелину в скале глубиной тридцать футов. Гарнизон состоял из трехсот четырнадцати хорошо вооруженных и опытных солдат и отряда опытных индийских лучников под командованием самого доблестного офицера, который когда-либо обнажал меч.

ДОБЛЕСТНАЯ ЗАЩИТА.

Брэдли понял, что крепость можно атаковать только со стороны суши, и бросил якорь в небольшой бухте на небольшом расстоянии от устья реки. Флибустьеры сошли на берег вскоре

после полуночи и, срезав путь через лес **Ошибка! Закладка не определена.** запутавшись в подлеске и взобравшись на отвесные скалы, около двух часов дня вышли на открытое пространство в пределах пушечного выстрела от форта и перешли в атаку. Гарнизон немедленно открыл по ним жаркий огонь, крича: "Вперед, проклятые английские собаки, и пусть ваши товарищи, которые стоят позади вас, идут вперед; в этом бою вы не доберетесь до Панамы". Нападавшие серьезно пострадали и были отброшены назад под прикрытие леса; но, вернувшись с наступлением темноты, подошли вплотную к краю расселины и попытались сжечь частокол, окаймлявший противоположный край. Ориентируясь по свету огненных шаров, испанцы беспрестанно обстреливали их из мушкетов и артиллерии, а индейцы выпускали свои стрелы с едва ли меньшим эффектом. Мужчины быстро падали, а Брэдли пулей оторвало обе ноги. Пираты были сильно расстроены и почти отчаялись в успехе, когда удачный ход склонил чашу весов в их пользу. Один из их отряда, пронзенный стрелой, выдернул ее и, обмотав ватой, выстрелил из своего мушкета в сторону крепости, где она попала в дом [XXVIII-13], крытый пальмовыми листьями. Хлопок, вызванный вспышкой пороха, поджег крышу. Пламя оставалось незамеченным, пока не вышло из-под контроля, и, быстро распространяясь, вскоре взорвалась упаковка пороха. Осажденные теперь прилагали все свои усилия, чтобы остановить пожар, и флибустьеры столпились в расщелине и, взобравшись друг другу на плечи, сожгли колья частокола.

К рассвету замок превратился почти в руины, а земля, поддерживавшая частокол, провалилась в расщелины, местами заполнив их до уровня поверхности. По обороняющимся велся убийственный огонь **Ошибка! Закладка не определена.** до полудня, когда нападавшие двинулись на штурм бреши. Многие испанцы бросились вниз с крутого склона скалы, предпочитая смерть капитуляции. Губернатор во главе горстки людей все еще продолжал безнадежную борьбу, но мушкетная пуля, попавшая в голову, вскоре уложила его, и всякому сопротивлению пришел конец. Только тридцать человек из гарнизона были найдены живыми; среди них не было ни одного офицера и едва ли дюжина невредимых солдат. Заключение сообщили, что известие о готовящемся набеге достигло Панамы через Картахену несколькими неделями ранее; что дезертир из экспедиции, находившийся в Рио-Хача, также раскрыл замысел Моргана; что губернатор крепости отправил президенту гонцов с известием о приближении захватчиков; что в нескольких местах на берегах Чагре уже были расставлены засады и что президент с основной частью своих войск ожидал их подхода на равнинах, окружающих Панаму.

Испанцам было приказано сбрасывать своих убитых к подножию замковой скалы и там хоронить их. Соседняя церковь служила госпиталем для раненых и тюрьмой для захваченных женщин, которые, как обычно, подвергались грязному надругательству: дочери подвергались насилию в присутствии своих матерей, а жены - в присутствии своих мужей — пантомимы ада, разыгрываемые в стенах святилища.

УСИЛИВАТЬ РАЗДРАЖЕНИЕ.

Получив известие о захвате Сан-Лоренцо, командир буканьеров отдал приказ сжечь дотла все дома на острове Санта-Катарина и разрушить укрепления на соседнем островке, за исключением одного из самых крепких замков, который он приберег для будущей оккупации. Выбросив орудия крепости в море и поместив своих пленников на борт флота, он отплыл на материк и прибыл в устье Чагре в январе 1671 года. Обрадованные **Ошибка! Закладка не**

определена. увидев развевающиеся над фортом английские знамена, флибустьеры из-за неосторожного плаванья потеряли четыре своих корабля на затонувшей скале у входа в реку, но призами были несколько больших плоскодонных лодок и несколько каноэ, построенных специально для плаванья по течению. Пятьсот человек были оставлены в качестве гарнизона замка и сто пятьдесят в качестве охраны флота; пленным было приказано заделать бреши в крепости; и основная часть авантюристов, по меньшей мере тысяча двести человек, [XXVIII-14] отправилась в свой поход против Панамы. Морган отдал приказ не брать с собой никакой провизии, кроме небольшого запаса кукурузы, которого едва хватало на дневной рацион. Он сказал своим людям, что, поскольку их средства передвижения ограничены, они не должны обременять себя ненужным багажом, поскольку вскоре они пополнят свои припасы за счет складов испанцев, которые устроили засаду вдоль маршрута. Более того, отряд, оставленный в Сан-Лоренцо, насчитывал вместе с пленными более 1000 человек, и всего припасов едва хватало им на пропитание до его возвращения.

Путешествие началось на лодках и каноэ, и, несмотря на быстрое течение и отсутствие умения управлять перегруженными судами, в первый день было пройдено около шести лиг. Флибустьеры так мало знали о препятствиях, с которыми им вскоре предстояло столкнуться при подъеме по реке, что взяли с собой пять больших шаланд, груженных артиллерией и боеприпасами. Ночью несколько человек из отряда отправились на берег в поисках еды, так как их скудный запас маиса вскоре был съеден, но ничего съедобного обнаружено не было, и большинство пиратов улеглись отдыхать без ужина, не имея ничего, кроме трубки табака, чтобы утолить голод. **Ошибка! Закладка не определена.**

На второй вечер они добрались до места, где русло реки обмелело из-за засухи и было завалено поваленными деревьями. Проводники заверили их, что через несколько миль они без труда продолжат свой путь по суше или по воде, и на следующее утро, оставив сильную охрану у своих судов, они попытались пробраться через леса, окаймляющие берега Чагре. Деревья были увиты лианами, а промежутки между ними заполняла плотная стена тропического подлеска, местами непроницаемого для взгляда. Большинству людей было приказано вернуться к реке, и, оставив там шаланды с артиллерией, они сумели перетащить свои каноэ по мелководным местам, причем часть из них погрузилась там, где вода была достаточной глубины. Остальные с большим трудом пробрались через лес, и на следующий день все собрались на берегу ручья, где провели ночь без еды, окоченев от холода и не в силах заснуть.

ГОЛОД И ЛИШЕНИЯ.

Измученные тяжелым трудом и изможденные от голода, в изорванной в лохмотья одежде, буканьеры возобновили свой путь утром четвертого дня, некоторые из них уже шатались от слабости и время от времени останавливались, чтобы погрызть корни и листья или отмочить в воде и пожевать полоски, вырезанные из пустых кожаных мешков, в которых была их порция маиса. Около полудня один из проводников крикнул, что обнаружил признаки засады — приветствие флибустьерам, которые сразу же пошли в атаку, надеясь наконец раздобыть запас провизии. Предупрежденные своими разведчиками, которые своевременно сообщили о приближении врага, испанцы отошли на безопасное расстояние, и не было обнаружено ни одного человека, оказавшего сопротивление, ни каких-либо остатков пищи, за исключением нескольких крошек, разбросанных вокруг того места, где беглецы недавно готовили обед. Все их радужные представления о богатстве теперь поблекли перед мрачным призраком голода, и

их единственной мыслью было заполучить средства облегчить страдания, терзающие их жизненно важные органы. Плохо бы обстояло дело с любым пленником, который мог бы тогда попасть в руки этих изголодавшихся головорезов, потому что его наверняка разделали бы и съели. В некоторых соседних хижинах было найдено несколько связок сухих шкур, таких, какие использовались туземцами для изготовления мешков для хранения кукурузы. Их растирали между камнями, вымачивали в реке, нарезали на мелкие кусочки, растирали вручную, а после того, как волосы были соскоблены, варили и проглатывали кусочек за кусочком, запивая большими глотками воды. Около захода солнца было достигнуто место, где были следы другой засады, но никаких остатков провизии, поскольку был отдан приказ уничтожить или убрать все съедобное за пределы досягаемости захватчиков в надежде, что они будут вынуждены вернуться по своим следам из-за голода. Повезло ему в тот вечер, что он припас несколько обрезков шкуры, чтобы приготовить себе вечернюю трапезу.

В полдень пятого дня путешествия они прибыли в деревню Барбакоас, близ которой после долгих поисков обнаружили в недавно вырубленном в скале гроте два мешка муки, некоторое количество бананов и два кувшина вина. Этот скудный запас был распределен между теми, кто находился в последней крайности, многие из них были настолько слабы, что их пришлось нести на борт каноэ. Большинство пиратов снова улеглись отдыхать без ужина, некоторые шутили над их плачевным положением, но большинство угрожало дезертировать и громко и пронзительно проклинали человека, который, обещая богатую добычу, заманил их в дикую местность, где им, казалось, было суждено вскоре оставить свои трупы на съедение стервятникам.

Тем не менее на следующее утро все продолжили свой путь, и около полудня показалась плантация, к которой они приближались медленным шагом и шатающейся походкой, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы передохнуть из-за крайней слабости. Сначала помощи не последовало, и многие из флибустьеров были готовы выполнить свою угрозу вернуться в Чагре, когда один из них обнаружил **Ошибка! Закладка не определена.** амбар, заполненный кукурузой, который испанцы забыли убрать, думая, что захватчики не смогут пройти так далеко через Перешеек. Более сильные из отряда сразу же забарабанили в двери прикладами своих мушкетов и, насытившись сырым зерном, уступили дорогу своим товарищам и отнесли часть тем, кто лежал в каноэ, настолько ослабев от долгого поста, что не могли ползти дальше. Когда все утолили голод, осталось достаточно еды, чтобы накормить каждого. К ночи они увидели отряд индейцев, расположившийся на противоположном берегу реки. Морган немедленно приказал отряду пуститься в погоню, надеясь захватить кого-нибудь; но, будучи более быстрыми пешими и в лучшей форме, они легко спаслись бегством, выпустив град стрел, которые уложили двух или трех их преследователей, при этом туземцы кричали, размахивая оружием: "Ха, перрос, а ля савана, а ля савана".

В КРУСЕСЕ.

На рассвете седьмого дня флибустьеры пересекли реку и продолжили свой путь на другом берегу, достигнув через несколько часов деревни Крусес, расположенной примерно в восьми лигах от Панамы, и центра навигации на Чагре. Вскоре из труб стал подниматься дым, и буканьеры выбежали вперед, восклицая: "Они разводят хорошие костры, чтобы поджарить то, что мы собираемся съесть". Их ожидало еще одно разочарование: место оказалось заброшенным, а дома объатыми пламенем. Единственными обнаруженными припасами были единственный кожаный мешок с хлебом и несколько кувшинов вина. Несколько собак и кошек,

бродивших по окрестностям, были мгновенно убиты и съедены. Вино, действовавшее на желудки, ослабленные голоданием и расстроенные нездоровой диетой, вызвало сильную болезнь, и какое-то время они считали себя отравленными.

На рассвете следующего дня двести самых вооруженных и сильных были отправлены вперед на поиски **Ошибка! Закладка не определена.** засад и разведки дороги, сам Морган последовал за ними несколько часов спустя с остальными своими силами. После нескольких часов марша передовой отряд прибыл в место, называвшееся тогда Кебрада-Обскура, ущелье, заключенное между скальными стенами и такое узкое, что трое человек с трудом могли идти в ряд. Град стрел, выпущенных невидимым врагом, обрушился на них, как из облаков. На мгновение самые храбрые заколебались. Они были не из тех, кто уклоняется от опасности, но они видели, что горстка решительных солдат может удержать перевал против целой армии. Перед ними лежал лес, из которого артиллерия и мушкетный огонь могли прочесать перевал. Над головой были отвесные пропасти, с которых камни, обрушившиеся им на головы, могли легко уничтожить весь отряд. Буканьеры заметили нескольких индейцев, скользивших между деревьями впереди них, и, после короткой задержки продвинувшись вперед к месту, где проход расширялся, произвели беспорядочный залп по лесу. Индейский вождь, которого узнали по его разноцветным плюмажам, упал раненый и, когда флибустьеры предложили ему пощаду, приподнялся на локте и замахнулся на одного из них своим дротиком. Он был мгновенно убит выстрелом в голову, а его последователи обратились в бегство. В этой стычке пленных взято не было, а потери передового отряда Моргана составили около десяти человек убитыми и столько же ранеными.

[XXVIII-15]

Вскоре прибыли основные силы буканьеров, и после короткой остановки марш возобновился, так как ближе к сумеркам разразился сильный шторм с ветром и дождем, который продолжался далеко за полночь. Это был обычай испанцев, чтобы жечь дома, которые лежат на линии **Ошибка! Закладка не определена.** маршрута, а мужчины прошли в ночь без приюта, сидел скорчившись на земле. Несколько пастушьих хижин обеспечивали слабую защиту раненым и помещение для хранения оружия и боеприпасов. Разбойники выступили в пешем строю при первых проблесках зари и, разрядив свои огнеметы, сразу же построились в шеренгу. Ближе к полудню этого, девятого дня путешествия, они поднялись на высокий холм, который до сих пор носит название Эль-Серро-де-лос-Буканьерос, и с его вершины впервые увидели Тихий океан. Шторм разыгрался, и было замечено несколько белых парусных лодок, скользивших среди группы островов, лежащих в нескольких лигах к югу от Панама; но гораздо более интересным зрелищем для этих измученных трудом и изголодавшихся мародеров была соседняя долина, где спокойно паслись стада быков и табуны лошадей. Враг так и не появился, и часть скота была сразу же перестреляна. Разрубая их на части, они бросали мясо в наспех разведенный костер и, выхватывая его из огня еще наполовину сырым, разрывали пальцами и пожирали с жадностью изголодавшихся волков, кровь текла по их бородам и капала с одежды. Еще до окончания трапезы Морган приказал поднять ложную тревогу, опасаясь, что испанцы могут застать их врасплох. Вскоре стало очевидно, что это не было излишней предосторожностью, ибо час или два спустя сильный отряд испанской кавалерии появился почти на расстоянии мушкетного выстрела. Обнаружив, что враг приготовился встретить их, они быстро отступили, и вскоре звуки барабанов и труб оповестили отступающие эскадры о том, что буканьеры находятся в поле зрения Панамои.

ПЕРЕД ПАНАМОЙ.

Два или три опоры разрушенного моста, фрагмент стены, одинокая башня и несколько остатков общественных зданий, наполовину погребенных под густыми зарослями лиан, все еще отмечают место, где в 1671 году стоял город с прекрасными улицами и прекрасными зданиями, среди которых были величественные церкви, богато украшенные алтарями и редкими картинами, золотыми кадилъницами и кубками, **Ошибка! Закладка не определена.** и высокие канделябры из самородного серебра. Там были резиденции принцев-торговцев Нового Света, некоторые из них были потомками людей, сражавшихся под началом Кортеса, когда он присоединил империю Монтесумов к владениям испанской короны. Здесь были обширные склады с мукой, вином, маслом, специями и товарами из Испании; здесь были виллы из кедра, окруженные прекрасными садами, где красивые женщины наслаждались прохладным вечерним бризом, любясь спокойными водами Тихого океана.

Но что делал дон Хуан Перес де Гусман, когда Морган поднимался вверх по Чагре после захвата расположенного на высоте замка Сан-Лоренцо? Ежедневно служились мессы за успех испанского оружия. Изображения Богородицы чистого и непорочного зачатия несли во всеобщей процессии, в которой участвовало все религиозное братство собора. Всегда пресвятое таинство оставалось непокрытым и выставленным на всеобщее обозрение. Клятвы произносились с большим благочестивым рвением в присутствии священных изображений, и все реликвии и драгоценности президента, включая бриллиантовое кольцо стоимостью сорок тысяч песо, были возложены на алтари пресвятой Девы и святых, которые особо заботились о благополучии Панама. Несомненно, если благосклонность небесных сил можно купить молитвами и деньгами, то они здесь получили свою цену и должны освободить этот город, особенно когда пираты пренебрегают прославлением Бога своей добычей. [XXVIII-16] Лощеные монахи с потупленным взглядом собирали эти пожертвования по обету и забирали золотые и серебряные украшения церквей, призывали Божье благословение на королевские знамена Испании и спешили скрыться от грядущей схватки с сокровищами, которые таким образом были щедро предоставлены им с помощью сатаны. Силы испанцев, состоявшие из 400 всадников и 2400 пеших, с несколькими орудиями, были затем **Ошибка! Закладка не определена.** выстроены на равнине за городом. Еще один способ ведения войны, уникальный для New World adventure, представляет собой 2000 диких быков под руководством индейцев, размещенных на флангах армии, готовых прорваться сквозь ряды врага.

Буканьеры разбили свой лагерь у подножия холма, откуда открывался прекрасный вид на равнину. До рассвета оставалось еще два часа, и испанская артиллерия сразу же открыла по ним огонь, но со слишком большого расстояния, чтобы возыметь действие. Морган без малейших опасений расставил часовых, и его люди, поужинав остатками полуденной трапезы, бросились на землю, чтобы как можно больше отдохнуть.

Как только первый проблеск зари возвестил о приближении последнего дня, который суждено было увидеть обреченному городу после ста пятидесяти лет существования, [XXVIII-17] утренняя пушка из президентского лагеря дала сигнал обеим армиям построиться, и несколько минут спустя флибустьеры двинулись к городу. Предупрежденные своими разведчиками о том, что вдоль главной дороги расставлены засады, они с некоторым трудом срезали путь через соседний лес и вышли на вершину небольшого возвышения, которое до сих пор носит название Эль-Серро-де-Авансе. Испанские батальоны, плохо вооруженные карабинами, охотничьими ружьями и аркебузами, но одетые в разноцветную шелковую форму, с всадниками, гарцующими на резвых скакунах, как будто присутствующими на бое быков, находились перед

ними почти на расстоянии мушкетного выстрела. Морган выстроил основные силы в три колонны и, выслав впереди сильный отряд своих лучших стрелков, спустился на равнину, чтобы дать сражение. Артиллерия противника, размещенная на участке поля, откуда она контролировала основные подходы к городу, находилась далеко за пределами досягаемости, но **Ошибка! Закладка не определена.** конница под командованием Франсиско де Аро сразу двинулась вперед с громкими криками "Да здравствует эль-рей!" держать врага в узде. Почва была болотистой, податливой для пеших прогулок и неблагоприятной для действий кавалерии; более того, ветераны Моргана были не из тех, кого можно было обескуражить боевым кличем и натиском нескольких отделений пехоты. Построившись в сомкнутый строй, опустившись на колени в первой шеренге, и придерживая огонь до тех пор, пока испанцы не подошли почти к мушкетам, они дали залп, который произвел убийственный эффект. Дон Франсиско неоднократно водил своих людей в атаку, но это не производило никакого впечатления, и в конце концов разрозненные шеренги отступили на безопасное расстояние, оставив своего доблестного вождя мертвым на поле боя.

Тем временем капитан-генерал, исповедавшись у священника и повторив "Аве Мария" и молитвы святым, вышел из своей палатки, чтобы посмотреть, как продвигается сражение. Затем испанским пехотинцам было приказано атаковать врага спереди, в то время как упряжки быков были загнаны им во фланг, чтобы прорваться сквозь их батальоны. Ветер и солнце были в пользу буканьеров, и они могли сосредоточить в заданном пункте столько людей, сколько их противник мог выставить против них; ибо в тылу у последних лежало большое болото, которое мешало им развернуть свои основные силы. Пехоту встретили жарким огнем и обошлись с ней так грубо, что она начала отступать. Затем левое крыло Моргана атаковало их с фланга, и их отступление вскоре превратилось в бегство. Дикий скот, обезумевший от шума, запаха крови и от красного флага, которым размахивали у них перед носом, — многие из их погонщиков были застрелены отрядом мушкетеров, специально выделенных для этой цели, — был оттеснен летящими колоннами. Президент предпринял слабую попытку сплотить своих людей, пока посох, который он держал в руке, — по-видимому, единственное оружие, которое он носил в тот день, — не был задет выстрелом, когда, уступив мольбам своего капеллана, он вышел из боя, благодаря благословенную **Ошибка! Закладка не определена.** Пресвятую Деву", которая вывела его невредимым из-под стольких тысяч пуль. [XXVIII-18]

ПАНАМУ ЗАБРАЛИ.

Через два часа битва была выиграна. Шестьсот испанцев лежали мертвыми на равнинах; кавалерия была почти уничтожена, а пехота побросала оружие и разбилась на небольшие отряды, многие из них прятались в кустах на берегу моря, где их позже обнаружили и перебили. Группа монахов-францисканцев, оставшихся с армией, чтобы предложить умирающим последнее религиозное утешение, была схвачена и безжалостно расстреляна. Сначала был отдан приказ не допускать пощады, поскольку буканьеры были слишком искалечены, чтобы обременять себя пленными. Однако было сделано исключение в случае с раненым испанским офицером, которого привели к командующему и сообщили, что в городе находится гарнизон численностью всего в сто человек, но улицы защищены баррикадами и двадцатью восемью пушками, и что президент, вероятно, вновь займет это место, если сможет реорганизовать свои силы. Морган немедленно собрал свои войска и, сказав им, что они не должны терять времени, чтобы захватить трофей, двинул свои колонны по дороге на Портобелло, которая лежала вне досягаемости огня противника, и в течение часа беспрепятственно вошел в Панаму. [XXVIII-19]

Мужчинам было дано предупреждение держаться подальше от пушек, установленных на площади **Ошибка! Закладка не определена.** мэр, но большинство из них бежали взад и вперед, не обращая внимания, в поисках добычи или преследуя беглецов, а испанцы, направив свои орудия на несколько плотно сгруппированных групп противника, дали залп из ружей, заряженных до дула мушкетами. шарики и обломки железа. Это был последний выстрел, произведенный в защиту Панамы; канониры были изрублены на куски прежде, чем успели перезарядить ружья, а флибустьеры промчались по улицам, рубя всех, кто оказывал сопротивление.

Кроме больших запасов шелка и тканей, в павшем городе было обнаружено мало добычи, поскольку большая часть жителей бежала на соседние острова, забрав с собой своих жен и детей и все свое движимое имущество. Первой мерой предосторожности Моргана было запретить своим людям пробовать вино под предлогом того, что все оно было отравлено. Он опасался, что после долгого поста они, как обычно, отпразднуют свою победу пиршеством и пьянством и таким образом дадут испанцам шанс сплотиться и одолеть их, одурманенных алкоголем.

ГОРЯЩИЙ ГОРОД.

Буканьеры едва успели выставить охрану и разместиться в заброшенных домах, когда было видно, как из некоторых самых больших домов вырывается пламя. Президент, получив информацию о том, что среди сторонников Моргана есть молодой англичанин, которого он намеревался короновать королем Огненной Земли, отдал приказ сжечь столичный город, если он попадет в руки пиратов. [XXVIII-20] Пожар быстро распространялся, хотя **Ошибка! Закладка не определена.** Флибустьеры сделали все возможное, чтобы остановить его распространение. Несколько домов были снесены, а другие взорваны порохом, но все усилия оказались напрасными. С Тихого океана подул свежий бриз, и здания, почти полностью деревянные, многие из которых были хорошо обставлены дорогой мебелью и украшены картинами и гобеленами, стали легкой добычей пламени. В течение часа была сожжена целая улица, а к полуночи единственный монастырь, одно или два общественных здания и хижины отдаленного квартала, убого построенные и занятые только погонщиками мулов, были всем, что осталось от семи тысяч домов из кедра, двухсот складов, монастырей и церквей города, который всего несколько дней назад был населен тридцатью тысячами жителей и славился как обитель одной из богатейших общин западного мира.

Морган отправил отряд из ста пятидесяти человек в Чагре, чтобы сообщить новости о своей победе и сообщить о благополучии гарнизона, а остальным приказал разбить лагерь на равнинах, таким образом держа их под контролем и готовыми к действию на случай, если президент соберет свои силы и возобновит борьбу. Отряды испанцев и индейцев были замечены снующими взад и вперед вдоль опушки леса, который окаймлял саванну, но было очевидно, что они не доверяли своему главнокомандующему, ибо, как он сам наивно заметил в своем перехваченном донесении: "Хотя впоследствии он несколько раз пытался сформировать армию, все же у него ничего не вышло, потому что ни одного человека нельзя было убедить последовать за ним". Поэтому буканьеры вскоре вернулись, чтобы занять свои квартиры в нескольких зданиях, в которых была **Ошибка! Закладка не определена.** избежал возгорания. Поскольку никаких ценных трофеев пока найдено не было, за исключением нескольких золотых и серебряных предметов утвари, спрятанных в колодцах и цистернах или зарытых под

развалинами, были отправлены отряды прочесывать окрестные леса и холмы в поисках беглецов, которых могли подвергнуть пыткам.

ЖЕЛАННОЕ СОКРОВИЩЕ.

Барка, груженная товарами для беженцев, бежавших на соседнюю группу островов, была захвачена в тот вечер, когда Морган вступил во владение Панамой. Был отдан приказ, чтобы все морские суда отправились в путь, но капитан задержался до начала прилива, не считая возможным, что на город может обрушиться столь внезапная катастрофа. Судно было немедленно отправлено с отрядом из двадцати пяти человек на поиски сокровищ, которые, как буканьеры узнали от своих пленников, были вывезены за пределы их досягаемости. Мужчины высадились на следующий день на одном из самых маленьких островов и, сумев тайком пронести на борт несколько кувшинов вина, вскоре наполовину одурманились от спиртного. Ближе к вечеру испанский корабль, стоявший у противоположной стороны островка, пристал к берегу за водой, и команда была схвачена некоторыми из тех, у кого еще оставалось достаточно здравого смысла, чтобы прицелиться из мушкета. Теперь в пределах их досягаемости находился приз большей ценности, чем вся добыча, которую авантюристам было суждено получить в результате своего набега. Галеон водоизмещением в четыреста тонн, плохо укомплектованный, плохо вооруженный и не имевший на борту ничего, кроме верхних парусов грот-мачты, настолько нагруженный слитками золота и серебра, посудой и сокровищами богатейших купцов Панамы, а также золотыми сосудами и украшениями церквей и монастырей, что никакого другого балласта не требовалось, [XXVIII-21] находился почти на расстоянии пушечного выстрела. Капитан барка не рискнул атаковать с наступлением темноты со своей слабой и пьяной бандой, более того, чувствуя удовлетворение от того, что у него будет возможность захватить судно на **Ошибка! Закладка не определена.**; но встревоженный тем, что шлюпка не прибыла, командир галеона приказал сняться с якоря задолго до полуночи, и корабль, которому благоприятствовал сильный бриз, вышел из воды. зрелище, когда солнце появилось над горизонтом.

Отряд вернулся из Чагре с известием, что все идет хорошо; поэтому Морган решил продлить свое пребывание в Панаме и вырвать у испанцев хотя бы часть их спрятанных богатств. Были разосланы отряды, чтобы прочесать страну и доставить пленных. Пленниц поместили в монастырь Мерседес, Сан-Хосе, и там подвергли таким изощренным пыткам, которые могли бы убедить даже Великобританию в том, что ее народ не отстал от века в жестокости. Необходимо привести только один пример. Слуга, одетый в одежду своего хозяина, к одной из которых был прикреплен маленький серебряный ключ, был захвачен пиратами. Когда ему было приказано открыть тайник в шкафу, к которому принадлежал ключ, он ответил, что не знает этого и ключ находится у него просто потому, что он осмелился надеть одежду своего хозяина. Другого ответа не последовало, он был растянут на дыбе с вывернутыми руками. Затем вокруг его лба была обмотана веревка до тех пор, пока, по словам Эксквемелина, "его глаза, вылезающие из орбит, не стали большими, как яйца". [XXVIII-22] Затем ему отрезали уши и нос, а раны прижгли горячей соломой. Когда негр потерял дар речи и был нечувствителен к дальнейшим страданиям, ему было приказано покончить с собой, проткнув его тело. [XXVIII-23]

ПЛЕНЕННАЯ БЛАГОРОДНАЯ ДАМА.

Женщины, которым не повезло попасть в руки флибустьеров, могли избежать пыток и голодной смерти только ценой своего целомудрия или уплаты **Ошибка! Закладка не определена.**

крупного выкупа. Среди пленных, захваченных на островах Табогилья и Табога, была молодая и красивая дворянка, жена богатого панамского купца. Подобно многим своим соотечественницам, она научилась относиться к пиратам не как к разумным существам, а как к чудовищам в человеческом обличье. Леди привели в присутствие Моргана, и поначалу к ней относились с уважением, поселили в отдельной комнате, за ней прислуживали женщины-рабыни и снабжали едой с его собственного стола. Удивленная таким обращением и ошибочно приняв частые богохульные ругательства своих похитителей за благочестивые восклицания, она благословила свою судьбу за то, что английские пираты были такими прекрасными образцами христианских джентльменов. Но Морган затеял свою маленькую игру. Его любовные предложения были встречены решительным отказом, но в таких мягких выражениях, чтобы не вызвать его гнева. Некоторое время он пытался добиться ее согласия путем уговоров и не скупился на подарки в виде редких драгоценностей. В противном случае ей угрожали пытками. "Моя жизнь в твоих руках, - сказала она, - но скорее моя душа отделится от тела, чем я подчинюсь твоим объятиям". Придя в ярость, Морган приказал своим слугам удалиться, а затем предпринял попытку насилия. Она вырвалась из его объятий и, предупредив, чтобы он больше не приближался к ней, воскликнула: "Не воображай, что, лишив меня свободы, ты можешь с такой же легкостью лишить меня чести". Поскольку он все еще упорно следовал за ней, она выхватила кинжал и сказала: "Смотри, чтобы я знала, как умереть, если не смогу убить тебя". Затем она прыгнула на него и попыталась вонзить клинок ему в сердце. Командир отшатнулся на несколько шагов, но в конце концов сумел завладеть оружием. Затем он удалился от нее и приказал снять с нее большую часть одежды, бросить полуголой в темную и зловонную камеру и кормить только самой грубой пищей в таких малых количествах, что ее едва хватало для поддержания жизни.

Морган получил несколько призов в виде морских судов, одно из которых было хорошо приспособлено для пиратского похода. Некоторые из них состряпали заговор с целью отправиться в экспедицию к островам Тихого океана, а оттуда, добыв достаточную добычу, отплыть в Европу через Ост-Индию. Пушки, мушкеты, боеприпасы и провизия были тайно приобретены в достаточном количестве не только для оснащения судна, но и для укрепления одного из островов и размещения гарнизона на нем в качестве оперативной базы. Предупрежденный о замысле раскаявшегося заговорщика, Морган приказал сжечь все корабли в гавани и немедленно начал приготовления к возвращению в Чагре. Были собраны вьючные животные, чтобы доставить добычу к месту, где на реке были оставлены каноэ; несколько наиболее состоятельных испанцев были отправлены под охраной, чтобы узнать сумму выкупа; и сильный отряд был отправлен на разведку маршрута, по которому буканьеры должны были вернуться.

24 февраля, после четырехнедельного удержания Панама, вернее, того места, где раньше стояла Панама, мародеры выступили в поход с шестьюстами пленными, мужчинами, женщинами и детьми, и ста семьюдесятью пятью вьючными животными, нагруженными награбленным. Выйдя на равнину, войска построились в походный порядок, а пленников разместили между авангардом и арьергардом. Многих из них, только что сошедших с дыбы, почти умирающих от голода и едва способных тащиться дальше, подстрекали и били, и с грязными клятвами заставляли ускорять шаг, пока они не падали в обморок или замертво. Женщины, среди которых были матери с грудными младенцами, упали на колени и тщетно умоляли разрешить им вернуться и построить себе соломенные хижины среди груды пепла, которая когда-то была их родным городом. Между двумя пиратами была затащена благородная

дама **Ошибка! Закладка не определена.**, которая подверглась иску Моргана и чей выкуп был установлен в размере тридцати тысяч песо. Узнав, что он намеревался перевезти ее на Ямайку, она попросила краткой отсрочки, подтвердив, "что она отдала приказ двум священникам, на которых она полагалась, отправиться в определенное место и получить требуемую сумму; что они честно обещали сделать это, но, раздобыв деньги, использовали их для освобождения некоторых своих друзей". Наконец-то Морган был побежден. Он поинтересовался правдивостью ее утверждения и обнаружил, что оно подтверждается письмом, доставленным госпоже рабом, а затем исповедью священников; после чего он приказал отпустить ее и ее родителей, которые были среди пленников, на свободу.

В середине их перехода через Перешеек были собраны флибустьеры, и всех их заставили поклясться, что они не прятали ничего из добычи, а сдали все в общий фонд. После этой церемонии командир приказал обыскать каждого, подчинившись сначала ему. Одежда и багаж были тщательно осмотрены, и даже мушкеты были разобраны на части, чтобы убедиться, что между стволом и прикладом не спрятано никаких драгоценных камней. Это вызвало большое возмущение, и были высказаны угрозы жизни Моргана, но поисковым офицерам было приказано завершить свою работу как можно тише, не разглашая имен преступников, и вспышки удалось избежать. День или два спустя экспедиция прибыла в замок Сан-Лоренцо, где выяснилось, что большинство из тех, кто был ранен при штурме этой крепости, скончались от полученных травм, и что гарнизон был почти лишен провизии, ограничиваясь небольшим количеством маиса. Затем судно с пленными, захваченными на острове Санта-Катарина, было отправлено в Портобелло, чтобы потребовать выкуп за замок в Чагре, но вернулось с ответом, что никакой выкуп не будет выплачен.

РАЗДЕЛ ДОБЫЧИ.

Следующим по порядку был раздел добычи, и никто не ожидал получить за свою долю меньше двух-трех тысяч песо, поскольку вся стоимость добычи была определена, по самым высоким оценкам, чуть меньше четырех с половиной миллионов. [XXVIII-24] Поэтому громкими были жалобы и яростными угрозы, когда Морган объявил, что после выплаты дополнительных пособий капитанам и офицерам флота, компенсации раненым и наград тем, кто отличился в бою, доля каждого человека составила всего двести песо. Его обвинили, и, без сомнения, справедливо, в том, что он выделил самые ценные украшения и драгоценные камни для своей доли, а остальные оценил намного ниже их реальной стоимости с целью скупить их как можно дешевле. Он знал, что большинство его людей заботятся о деньгах только для того, чтобы промотать их в тавернах Порт-Ройяла, и, используя эту возможность с пользой, сумел припрятать львиную долю для себя и нескольких своих сообщников.

Теперь Морган начал опасаться за свою личную безопасность и сохранность украденных сокровищ и решил больше не оставаться в Чагре. Несомненно, он был лучшей добычей, которую могли найти его товарищи-пираты на данном этапе. Однако он, насколько мог, заглушил протесты своих последователей и поручил им разрушить замок Сан-Лоренцо. Соседние здания были сожжены; окружающая местность опустошена; орудия разобранной крепости были установлены на борту флота, и всем было приказано находиться в готовности к погрузке. **Ошибка! Закладка не определена.** Затем командир ночью прокрался на борт своего корабля и вышел в море в сопровождении всего трех или четырех английских судов, капитаны

которых пользовались его доверием. Остальные члены отряда проснулись на следующее утро как раз вовремя, чтобы увидеть, как самые верхние паруса исчезающей эскадры исчезают за горизонтом, и сразу же решили броситься в погоню; но вскоре они обнаружили, что почти все боеприпасы и провизию беглецы тайно унесли. Семьсот или восемьсот буканьеров, включая всех французов, присоединившихся к экспедиции, теперь оказались в проливе. Они были вынуждены разделиться на небольшие группы и, добыв средства к существованию, разграбив берега Кастилия-дель-Оро, вернулись в Порт-Ройял почти с пустыми руками.

АНГЛИЙСКИЙ РЫЦАРЬ.

Морган благополучно высадился на Ямайке и вскоре начал собирать войска для экспедиции на остров Санта-Катарина, намереваясь сделать его обычным местом встречи морских братьев; но отвратительные зверства, совершенные во время этих пиратских набегов, в конце концов пробудили чувство стыда у английских министров и раскаяние даже в груди английского монарха. На Ямайку был отправлен новый губернатор с приказом о строгом соблюдении договора, недавно ратифицированного между Испанией и Великобританией. Было объявлено о всеобщем помиловании и возмещении убытков за прошлые проступки, и экс-адмирал буканьеров вскоре после этого отправился в Англию, где, разумно распорядившись своим богатством, добился от Карла II. честь рыцарства, как упоминалось ранее. Виселица была бы более подходящим отличием.

Сэр Генри Морган, назначенный комиссаром адмиралтейского суда, а затем заместителем губернатора Ямайки, занимал этот пост до восшествия на престол Якова II. когда суд Испании добился его ареста. Он был отправлен пленником в свою родную страну и брошен в тюрьму, где мы его и оставим. Он был негодяем, чья рожденная в аду порочность сердца была облегчена **Ошибка! Залочка не определена.** без проблеска лучшей натуры, и для кого можно тщетно искать параллель даже среди тех так называемых героев, которые пронесли крестное знамя по крови мириадов невинных жертв, когда они несли на запад радостную весть об искомплении Христа.

ГЛАВА XXIX.

КОРСАРЫ В ЮЖНЫХ МОРЕХ.

1671-1682.

Новый город Панама—Портобелло разграблен пиратами—Флот пиратов собирается в Бока—дель—Торо—Корсары планируют рейд на Панаму—Они захватывают Санта—Марию—И оттуда отплывают на остров Плантейн—Резня их пленников—Отчаянный конфликт в заливе Панама—Часть мародеров возвращается через Перешеек—Остальные отправляются на остров Табога—И там захватывают несколько призов—Их просят предъявить свои полномочия—Ответ—Они плывут к побережью Верагуа—Их отпор в Пуэбло-Нуэво - Их Операциях на побережье Южной Америки - Некоторые из них возвращаются в Англию - Их судят и оправдывают.

НОВАЯ ПАНАМА.

Когда весть о разрушении Панама достигла Испании, суд постановил немедленно построить новый город на месте, которое можно было бы укрепить настолько сильно, чтобы сделать его неприступным. Окончательно выбран был небольшой полуостров, расположенный чуть более чем в двух лье от старого города, у подножия холма Анкон. Фундамент был заложен в 1671 году.

Город был окружен стеной высотой от двадцати до сорока футов и шириной в десять футов, увенчанной фортами и сторожевыми башнями на расстоянии двухсот-трехсот футов друг от друга. Работы были настолько дорогостоящими, что совет Испании при проверке отчетов направил запрос о том, были ли укрепления Панама сделаны из серебра или золота. Глубокий ров отделял город от материка, вход в который осуществлялся через три массивных ворот. Со стороны моря город был защищен коралловыми рифами, вдающимися в залив более чем на полмили. Даже во время прилива суда с большой осадкой едва могли приблизиться на пушечный выстрел, и вторгшиеся **Ошибка! Закладка не определена.** открыты для огня гарнизона. ГИПЕРССЫЛКА \l "Xcd7fe21acba07cfd6407ae46cbd5ba424f34c0b" \h . Таким образом, укрепленное место, хотя и неудачно выбранное с учетом коммерческих интересов города, обеспечивало жителям, как они и предполагали, надежную защиту от набегов пиратов.

Новый город Панама был построен почти в форме квадрата; улицы были правильными, но узкими и настолько нависали над ними выступающими балконами, что по ним можно было пройти во время сильного ливня, не промокнув насквозь. Он особенно отличался своей церковной архитектурой, [XXIX-1] большую часть его площади занимали здания духовенства. Церковь и монастырь Санто-Доминго были одним из лучших и важнейших учреждений не только в Панаме, городе церквей, но и во всем Новом Свете. Главное здание, сто футов в длину и пятьдесят в ширину, с массивными стенами, пронизанными многочисленными арочными окнами, было отделено от крыльца прочной кирпичной аркой высотой около двадцати футов и пролетом в сорок футов; радиус у ключевого камня составлял не более двух футов. Здание и по сей день остается таким же прочным, как всегда, памятником архитектурного мастерства испанцев семнадцатого века.

Купол и колокола для нового собора были изготовлены в Мадриде. Когда колокола были готовы к отливке, королева пригласила присутствовать публику, и в назначенный час купол был окружен более блестящим сборищем, чем любое другое, когда-либо собиравшееся для подобной цели в Испании. Ее Величество, украшенные драгоценностями служанки, разодетые в богатые шелка, придворные и государственные сановники при огромном стечении народа собрались на церемонию освящения колоколов. По мере продвижения вперед, когда один за другим продвигались вперед с монетой или тарелкой, энтузиазм **Ошибка! Закладка не определена.** возрастал. Женщины срывали с себя украшения и швыряли их в разогретую массу; служебные украшения и памятные подарки были с готовностью принесены в жертву, и посвящение завершилось вспышкой религиозного рвения.

ПОРТОБЕЛЛО СНОВА УВОЛЕН.

Но божество ни за какие коврижки не продало бы избавление от корсаров, которые при случае могли быть такими же христианами, как любой из них. В 1679 году Портобелло был разграблен пиратами, добыча составила сто шестьдесят песо на душу населения; и в том же году пиратский флот собрался в Бока-дель-Торо, где стояли два английских капера. [XXIX-2] От них были получены сведения, что индейцы Дариена оказали помощь французскому капитану Бурнано в нападении на город Чепо. Отброшенные перед этим местом, они предложили проводить его до большого и богатого города под названием Токамора, но так как это предприятие требовало более сильного вооружения, чем было в его распоряжении, он отправился на поиски подкреплений, пообещав вернуться через три месяца.

Пираты, разграбившие Портобелло, согласились принять участие в предполагаемом набеге и сразу же приступили к переоборудованию своих судов. Как только необходимые приготовления были завершены, флот отплыл на восток вдоль побережья к Самбалласу, или островам Сан-Блас, где их посетили местные жители. [XXIX-3] Индейцы отговорили лидеров отряда от набега на Токамору, предложив вместо этого спуститься на Панаму, к городу, до которого они могли бы провести их незамеченными в нескольких лигах от этого города. Это предположение, подкрепленное аргументом о том, что **Ошибка! Закладка не определена.** поход в Токамору был трудным, а провизия почти недостижимой, в то время как в Панаме они не могли упустить огромную добычу, склонил большинство последовать совету индейцев. [XXIX-4]

Французский контингент считал столь долгое путешествие по суше слишком опасным и расстался, в то время как остальная часть флота, насчитывающая семь судов, тридцать шесть пушек и триста шестьдесят шесть человек, отплыла под руководством касика Андреса к Золотому острову, самому восточному из Самбаллас, где находилась штаб-квартира этого вождя, [XXIX-5] прибыв туда 3 апреля 1680 года. Индейцы теперь намеревались напасть на город Санта-Мария, расположенный на большой реке с таким названием, впадающей в залив Сан-Мигель. Здесь содержался гарнизон из четырехсот человек, поскольку это был перевалочный пункт, через который проходило золото на пути из соседних рудников в хранилища Панамы. Если у Санта-Марии не будет добычи, они смогут отплыть в Панаму, где успех был несомненен. Этот план был в целом одобрен, и 5 апреля они высадили сильный отряд, разделенный на семь рот, каждая из которых маршировала под своим особым знаменем и возглавлялась своим капитаном, верховное командование было возложено на капитана Бартоломею Шарпа. Союзники-туземцы сопровождали колонну под командованием Андреса, который выступал в качестве проводника.

МАРШ ПО СУШЕ.

Какой бы опасной ни казалась эта экспедиция, среди марсоходов были те, чьи надежды взлетели **Ошибка! Закладка не определена.** выше, чем простой налет на Панаму, и кто мечтал о триумфальном возвращении через Магелланов пролив на флотилии призов, нагруженных не только золотом Панамы, но и богатствами побережья Южной Америки. Обремененные только своим оружием и небольшим запасом провизии, буканьеры начали свой поход на Панаму. Миновав опушку леса, они пересекли болото [XXIX-6] длиной около лиги и попали в густо поросшую лесом долину, по которой поднимались по хорошей тропинке еще две лиги, достигнув берега реки, по большей части пересыхающей в это время года. Здесь они построили хижины и разбили лагерь. Теперь их посетил касик, который порекомендовал им совершить предполагаемый рейд на Санта-Марию и вызвался лично возглавить их, наивно сообщив им, что "он бы немедленно присоединился к ним, но его ребенок был очень болен; однако его заверили, что он умрет на следующий день", когда он догонит их. Затем вождь удалился, предупредив их, чтобы они не лежали в траве из-за змей, которые были ядовитыми и огромных размеров. На разбитых камнях, найденных на дне реки, были видны следы золота - предвестника желтой жатвы, к которой они стремились; но этого было недостаточно, чтобы помешать четверым из компании вернуться на корабли, так рано обескураженным перспективой долгого и утомительного путешествия.

На следующее утро они поднялись на крутой холм, по другую сторону которого протекала река, по словам Андреса, та самая, на которой располагалась Санта-Мария. Затем линия марша

перевалила через другой холм, более крутой, чем первый, где временами тропа пропускала только по одному человеку в ряд, пока к вечеру они не достигли подножия и не разбили лагерь у той же реки, пройдя в тот день шесть лиг. **Ошибка! Закладка не определена.** На следующий день они последовали по течению ручья; течение было чрезвычайно сильным, а глубина колебалась от колена до пояса, короткий, хотя и утомительный дневной переход привел колонну к остановке в индейской деревне. Это была резиденция сына Андреса, Антонио, прозванного Бонете де Оро, или королем Золотой шапки, по той же причудливой буканьерской терминологии, которая присвоила его отцу титул императора. Вперед были отправлены гонцы, чтобы сообщить об их приближении и присутствии Андреса с колонной. Были сделаны приготовления к приему корсаров. Золотая шапка посетил их с официальным визитом в сопровождении своей королевы, своих детей и своей свиты. Монарх носил золотой обруч на голове, золотые кольца в ушах и золотой полумесяц на носу. Он был скромно одет в длинную хлопчатобумажную мантию, доходившую ему до лодыжек, и держал в руках длинное копье. Трое его сыновей, каждый вооруженный копьем и одетый в хлопчатобумажную одежду, стояли перед ним непокрытыми, как и его свита.

Королева была со вкусом облачена в пару красных одеял, одно из которых было обернуто вокруг талии, другое наброшено на плечи. Она несла на руках маленького ребенка, и ее сопровождали две дочери, обе достигшие брачного возраста, их лица были испещрены красной краской, а руки и шеи украшены разноцветными бусами. Его величество не побрезговал обменять свой запас бананов на ножи, булавки и иголки. Однако он был достаточно щедр, чтобы бесплатно подарить каждому по три банана и немного сахарного тростника. [XXIX-7] Отряд простоял в этой деревне весь следующий день, когда был проведен военный совет, чтобы определить, как им лучше всего добраться до Санта-Марии незамеченными. Было решено сесть на каноэ, но обеспечение достаточного количества требовало ресурсов вождя, поскольку теперь их число увеличилось на сто пятьдесят индейцев, все **Ошибка! Закладка не определена.** вооруженные луком, стрелами и копьем и находящиеся под непосредственным командованием своих касиков. На этом совете капитан Соукинс был назначен командовать "несчастной надеждой", состоящей из восьмидесяти отборных человек. Возобновив марш на следующий день, 9 апреля, они продолжали следовать по течению реки, время от времени проходя мимо одинокого дома, и в это время хозяин обычно подходил к своей двери, чтобы посмотреть, как они проходят мимо, и давал каждому либо спелый подорожник, либо немного корня маниоки. В ту ночь они остановились у трех больших индейских хижин, где по приказу Золотой шапки было собрано некоторое количество провизии и несколько каноэ. Рано утром следующего дня, перед тем как сворачивать лагерь, между Коксоном и Харрисом возникла ссора, когда первый навел ружье и выстрелил, но безрезультатно. Харрис собирался открыть ответный огонь, но был остановлен капитаном Шарпом, которому удалось справиться с трудностями, и начался пятый день путешествия.

Капитаны Шарп, Коксон и Кук, насчитывавшие около семидесяти человек, были отделены от основного отряда и сели в четырнадцать каноэ. Андрес и Антонио сопровождали их и с двумя индейцами для управления каждым каноэ отправились вниз по реке Санта-Мария.

Гребля на каноэ, однако, оказалась не более удобной, чем тащиться пешком, поскольку экипажам постоянно приходилось выпрыгивать и тащить лодки по отмелям, камням или поваленным деревьям, а иногда и совершать переправы по самой суше. Эти неприятности сопровождали путешествие в течение трех дней и были изменены только посещением дикого

зверя в одном из их лагерей, по которому они не осмеливались стрелять, чтобы донесение не выдало их присутствия испанцам. [XXIX-8] Поскольку они не присоединились к своим товарищам из основных сил 12 апреля, отряд Шарпа и Коксона начал подозревать предательство со стороны индейцев, которые, возможно, намеревались разделить их силы и предать их в **Ошибка! Закладка не определена.** в руки испанцев. К счастью, эти опасения оказались беспочвенными, ибо на следующий день они достигли места высадки у впадения другого рукава реки, места встречи индейцев в их войне с испанцами, и, остановившись там во второй половине дня, присоединились к своим братьям по оружию, которые накануне получили каноэ и также были обеспокоены судьбой своих товарищей. [XXIX-9] Вся рота, воссоединившись таким образом, разбила свой лагерь на этом месте, чтобы привести в порядок оружие и подготовиться к действиям, которые теперь считались неизбежными. Тем временем не обошли вниманием и комиссариатский отдел, поскольку прибыло несколько каноэ с запасом бананов и пекари из свинины. [XXIX-10]

Очень рано на следующее утро все они погрузились на борт, флотилия насчитывала шестьдесят восемь каноэ. "Император" и "король", по словам капитана Шарпа, продолжили свое плавание, причем первый "Был одет в просторную мантию из чистого золота, которая была необычайно Великолепна и богата. Король был в Белом хлопчатобумажном плаще с бахромой по низу, на шее у него был пояс из зубов тигра, а в Шляпе из чистого золота с золотым кольцом и пластинкой в виде ракушки в носу, которая в Моде в этой Стране у знатных людей".

До сих пор каноэ либо плыли по течению, либо приводились в движение шестами; но были сконструированы новые весла и лопасти, и каждый был напряжен, чтобы **Ошибка! Закладка не определена.** достичь цели как можно скорее. Было уже за полночь, когда высадка была произведена на участке болотистой местности в окрестностях Санта-Марии, и усталые искатели приключений тайком укрылись в лесу, где они намеревались пролежать до рассвета.

БИТВА При САНТА-МАРИИ.

На рассвете 15 апреля корсары были разбужены выстрелами из стрелкового оружия в городе и звуками подъема. Быстро схватив свое оружие, они построились в линию и начали наступление. Выйдя из-под прикрытия леса, они оказались на виду у противника, который был предупрежден об их высадке и был полностью готов принять их, уже перевезя все сокровища в Панаму. Мгновенно укрывшись в форте, своего рода тамбуре, состоящем из частоколов высотой в двенадцать футов, испанцы открыли беспорядочный и необдуманный огонь по нападавшим, прежде чем последние подошли достаточно близко, чтобы стрельба оказалась эффективной.

Ничуть не смутившись теплым приемом, авангард под предводительством Соукинса и Шарпа атаковал с такой силой, что противостоять ей было невозможно, и, разрушив несколько частоколов, продолжил работу штурмом, при этом никто не пострадал, кроме двух человек ранеными. В быстроте операции можно убедиться из того факта, что флибустьеры были хозяевами положения еще до того, как пятьдесят их людей были введены в бой. Потери испанцев составили двадцать шесть убитых и шестнадцать раненых из двухсот шестидесяти сражавшихся. Обычно гарнизон был намного сильнее численно, но в это время двести человек отсутствовали, сопровождая сокровища на пути в Панаму. Губернатор, священник и большинство основных жителей также спаслись бегством.

Причины этого дешево купленного успеха не заставляют себя долго искать. Форт, несомненно, был отличной защитой в битве с индейцами, но никоим образом не был приспособлен для защиты от корсаров, поскольку частоколы были **Ошибка! Закладка не определена.** не укреплены кирпичной кладкой и не защищены рвом. По всей вероятности, банкетки не было, так что, когда колья были вбиты, у обороняющихся не было преимущества перед нападающими, поскольку оба находились на ровном месте.

Испанцы стреляли наугад, вместо того чтобы отложить огонь до тех пор, пока враг не подойдет на близкое расстояние, когда его можно было использовать со смертоносной точностью. Их противники, с другой стороны, не теряли времени даром на бесполезный обстрел. Безоговорочно полагаясь на свое признанное превосходство в рукопашной схватке, вдобавок к вполне обоснованному страху перед их именем, можно сказать, что они, практически говоря, вообще не сожгли пороха, а их блестящий переворот был нанесен только кортиком. Охваченные паникой из-за легкости, с которой была взломана их оборона, испанцы оказали лишь слабое сопротивление безжалостным нападавшим на Портобелло. Окруженные в своей собственной крепости, из которой не было выхода, они сложили оружие и потребовали пощады, и город Санта-Мария оказался в руках ужасных пиратов.

Что касается добычи, то это была бесплодная победа. Золото, поступавшее с рудников, переправлялось в Панаму два или три раза в год, река у Санта-Марии была шириной почти шестьсот ярдов, а во время прилива глубиной пятнадцать футов. Последняя партия — весом в триста фунтов — была отправлена всего за три дня до нападения. Это стало жестоким разочарованием для пиратов. Хуже всего было то, что они нашли достаточно провизии, чтобы прокормиться всего три-четыре дня, вместо того изобилия, на которое они рассчитывали.

В городе была обнаружена старшая дочь Антонио Голденкапа, похищенная одним из солдат гарнизона, от которого она в то время была беременна. [XXIX-11] Это сильно озлобило вождя **Ошибка! Закладка не определена.** ненависть к испанцам, [XXIX-12] и теперь индейцы, которые во время боя избежали шальных пуль, воспользовавшись углублением в земле, схватили многих пленников, отвели их в соседний лес и хладнокровно перебили столько, сколько пало ранее. в бою. [XXIX-13] Такие поступки индейцев европейцы сочли жестокими, хотя и далеко не такими, как у некоторых из них в этом квартале; во всяком случае, пираты положили этому конец, как только это было обнаружено, и заперли испанцев в форте, тщательно охраняя их. [XXIX-14]

В ЧЕСТЬ ГУБЕРНАТОРА.

Как можно скорее после взятия города капитан Соукинс с группой из десяти человек сел в каноэ и отправился вниз по реке, чтобы догнать и схватить губернатора и других сбежавших, чтобы помешать им донести новость о захвате в Панаму. Не сумев заполучить свою добычу, пираты решили не возвращаться по своим следам с пустыми руками, а отправиться в Панаму, где они были уверены, что добыча стоит риска. Это правда, что по крайней мере некоторые из команды роптали по поводу этого проекта и желали вернуться на корабли, особенно капитан Коксон. Поэтому, чтобы обеспечить единодушие в этой аванюре, Коксон был избран главнокомандующим. [XXIX-15] В качестве меры предосторожности несколько пленных вместе с небольшим количеством захваченной добычи были отправлены обратно на корабли под охраной из двенадцати человек.

Индейцы не хотели идти дальше, и большинство из них, получив в подарок ножи, ножницы, **Ошибка! Закладка не определена.** и топоры, вернулись домой. Тем не менее, император Андрес и король Антонио Золотая шапка решили отправиться в Панаму, чтобы увидеть конец этому проявлению европейской дикости и присутствовать при разграблении города. Андрес действительно пообещал, что в случае необходимости соберет пятидесятитысячную армию для оказания помощи в этой работе. Дополнительную поддержку оказал испанец, похитивший дочь вождя и вызвавшийся, желая защититься от справедливой мести индейцев, проводить их не только в Панаму, но и к самой двери комнаты губернатора, где они могли бы схватить его и стать хозяевами города прежде, чем их обнаружат.

Удержав Санта-Марию в течение двух дней, победители ушли 17 апреля, сначала подожгли форт, церковь и город, чтобы удовлетворить злобу индейского вождя. Затем они поднялись на борт тридцати пяти каноэ и пирагуа, [XXIX-16] которая в последний раз была захвачена, когда стояла на якоре в реке, и спустились к заливу Сан-Мигель, откуда могли попасть в залив Панама. Испанцы изо всех сил умоляли позволить им отправиться с ними, а не отдаваться на милость индейцев.

Флибустьерам с большим трудом удалось раздобыть для себя достаточно каноэ, поскольку их союзники-индейцы взяли их с собой при отступлении; однако перепуганным испанцам удалось найти несколько старых лодок и соорудить несколько плотов, и они отважились сопровождать их.

На реке Санта-Мария замечательные приливы и отливы, а ночью навигация чрезвычайно опасна: при низкой воде встречается много отмелей и проток. Тем не менее, имея на борту хороших местных лоцманов, флотилия плыла во время отлива до полуночи, когда была **Ошибка! Закладка не определена.**, и было решено приземлиться и наполнить сосуды водой, поскольку вода в реке соленая, и в течение нескольких дней, вероятно, не будет никакой пригодной для питья. На пристани их ждал капитан Соукинс. Ему не удалось догнать губернатора, который к тому времени благополучно выбрался в открытый залив. Затем каноэ были вытащены на берег на ночь, поскольку продолжать плавание вниз по устью в этот час было слишком рискованно. На следующее утро они снова тронулись в путь и двинулись вниз по реке, обнаружив два устья, через которые они могли добраться до моря, одно из них было глубоким и вытекало с быстрым течением.

Около полудня показалось море, и вскоре после этого пираты высадились на маленьком острове, где губернатор, спасаясь бегством, оставил двух женщин, чтобы облегчить свое каноэ. На этом острове группа осталась ждать следующего отлива, когда они переправились на другой остров в двух лигах от них и высадились незадолго до наступления темноты. Здесь были найдены два каноэ с несколькими луками и стрелами, которые были уничтожены; их владельцев также видели, но им удалось ускользнуть от поимки. Затем был разбит лагерь, и капитан Соукинс снова отправился в погоню за губернатором с приказом ожидать их прибытия на остров Плантайн, независимо от того, удастся им это или нет. На следующий день, когда они продолжили плавание, на них обрушился сильный шквал, ветер с моря посвежел и сменился отливом. Одно каноэ с семью французами на борту перевернулось; экипаж был с трудом спасен, потеряв все оружие. [XXIX-17] Последовал сильный ливень и вынудил их бежать в поисках укрытия в песчаную бухту, где были выброшены на берег каноэ, и усталые бродяги устроились на ночлег.

Между тем, при эвакуации из Санта-Марии одна **Ошибка! Закладка не определена.** каноэ было оставлено далеко за кормой, поскольку оно было тяжелым и управлялось всего пятью мужчинами. Им командовал Бэзил Рингроуз, историк пиратов, который впоследствии подарил миру столь достоверное повествование о подвигах, в которых он принимал участие.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ РИНГРОУЗА.

В каноэ Рингроуза не было индейца, который мог бы управлять им; поэтому, когда закончился прилив и обнажилось много отмелей, он вошел не в тот канал и пробежал две мили внутри отмели, прежде чем обнаружил ошибку. Там ему пришлось пролежать до прилива, после чего он двинулся дальше в надежде обогнать другие лодки. В ту ночь при низкой воде он привязал каноэ к воткнутому в песок веслу, и мужчины по очереди легли спать; на рассвете они проплыли еще две лиги и поравнялись с основными силами, когда те как раз отчаливали от водопоя. Поскольку там было абсолютно необходимо набрать воды, они сошли на берег со своими тыквенными бутылками и, вернувшись на берег реки, обнаружили, что флотилия снова скрылась из виду. Они гребли в погоне изо всех сил, но заплутали среди многочисленных островов близ устья реки и таким образом снова сбились с пути. Наконец они добрались до Бока-Чика, но к тому времени прилив был очень сильным, и, поняв, что они не могут ничего противопоставить ему, они вытащили на берег каноэ и привязали его к дереву, ожидая прилива, который поднимался там на двадцать футов.

Как только стало возможно, они отплыли на остров за пределами устья реки, в заливе Сан-Мигель, чудом избежав затопления, и провели ночь в величайшей нищете, промокшие под дождем и не осмеливающиеся разжечь огонь. На следующее утро, на рассвете, 19 апреля, они снова спустили каноэ на воду и взяли курс на мыс Сан-Лоренцо, но когда лодка приблизилась к одному из многочисленных островов залива, сильное море опрокинуло ее, и им пришлось спасать свои жизни вплавь. К счастью, все благополучно добрались до берега, и сразу же после этого каноэ было выброшено на сушу. Их картузы и пороховницы **Ошибка! Закладка не определена.** поскольку их сделали водонепроницаемыми и привязали руками к каноэ, они сохранились, но вся их провизия и вода были испорчены. Вскоре выяснилось, что они были не одиноки в своем несчастье. Группу из шести испанцев, недавно взятых ими в плен, выбросило на берег из их разбитой лодки, причем в худшем положении, чем группу Рингроуза. Общая судьба объединила потерпевших кораблекрушение, и испанец и англичанин мирно поужинали у одного лагерного костра.

ДОБРЫЙ ПОСТУПОК ВОЗНАГРАЖДЕН.

Во время обсуждения, идти ли дальше или вернуться на свои корабли у Золотого острова, был замечен индеец, и стало очевидно, что еще одна группа разделила их остров-убежище. Пирагуа, пилотируемая восемью их союзниками-дариенцами, по какой-то причине зашла туда, и Рингроуз по знакам узнал, что если вся компания погрузится на индийскую пирагуа, они смогут догнать панамскую экспедицию к следующему утру. Туземцы хотели убить испанцев, и им с большим трудом помешали это сделать, но Рингроузу удалось спасти их жизни, позволив взять одного в рабство и предоставив свое собственное каноэ в распоряжение оставшихся пятерых. Он и его люди вместе с испанским рабом присоединились к индейцам и, отплыв на пирагуа, вскоре обогнули мыс Сан-Лоренцо. В ту ночь по правому борту были замечены два лагерных костра, после чего индейцы проявили большую радость и, выкрикивая имена своих вождей, Антонио и Андреса, направились прямо к берегу. Как только они оказались на отмели,

из окрестных зарослей выскочило около шестидесяти испанцев, схватили судно и вытащили его на берег. Индейцы прыгнули за борт и благополучно скрылись в лесу, но остальные были схвачены и взяты в плен.

Никто из этих испанцев не говорил по-французски или по-английски, но Рингроуз вступил в разговор на латыни с их лидером и выяснил, что они тоже были из Санта-Мари и были высажены в этом месте пиратами, чтобы исключить любую возможность того, что они **Ошибка! Залка не определена**. доставили новости в Панаму. Пока испанский лидер допрашивал Рингроуза, готовясь к убийству отряда, подошел испанец, которого Рингроуз отдал туземцам в рабство. Он рассказал обо всех обстоятельствах крушения своего каноэ на острове и о том, как Рингроуз спас жизни своей компании. Это придало делу новый аспект. Испанский капитан обнял англичанина и, угостив их ужином, разрешил пиратам и индейцам удалиться. После этого Рингроуз и его группа всю ночь шли своим курсом под проливным дождем, а на следующее утро заметили каноэ, быстро гребущее к ним. При ближайшем рассмотрении было обнаружено одно из пиратских судов, которое собиралось атаковать "пирагуа", решив, что это испанское судно. Они были взаимно рады встретиться снова, поскольку Рингроуз и его команда считались потерянными. Затем все присоединились к флотилии, которая вскоре продолжила свой путь.

Выйдя из бухты, буканьеры направились к тому, что казалось возвышенной точкой примерно в семи лигах от них, и там образовался остров Плантайн. Приземлившись во второй половине дня, они взобрались на крутой подъем и застали врасплох часового, старика, который не видел их и не подозревал об их приближении, пока они не окружили его хижину. От него стало известно, что об их приближении в Панаме никто не подозревал; поэтому они думали, что застигнут город врасплох. Капитан Соукинс, который присоединился к ним здесь в соответствии со своими инструкциями, сообщил, что губернатор Санта-Мари отплыл оттуда в Панаму накануне. Соукинса снова послали в погоню, но он вернулся безуспешным.

ГЕНИАЛЬНЫЕ ХУДОЖНИКИ МОРЯ И ПИРАТЫ.

Незадолго до наступления темноты тридцатитонный барк бросил якорь у берегов острова, после чего были спешно снаряжены две каноэ, а судно захвачено. Экипаж заявил, что они находились в восьми днях пути от Панамы, [\[XXIX-18\]](#) и высадили подразделение войск в точке на материке **Ошибка! Залка не определена**. недалеко с целью наказания определенных индейцев и негров. На это судно были немедленно посажены сто тридцать человек под командованием "настоящего Мастера моря и доблестного командира, капитана Бартоломью Шарпа". [\[XXIX-19\]](#)

Бросив якорь у острова в ту ночь, пираты продолжили свое плавание на следующее утро, направляясь к острову Чепилло, недалеко от устья реки Чепо. [\[XXIX-20\]](#) Шарп, однако, расстался с флотом и направился к Королевским, или Жемчужным островам, в поисках воды и, находясь там, захватил новую бригантину, на которую он перевел свою команду после потопления собственного судна. Заполучив воду и провизию, он отплыл на место встречи около четырех часов пополудни, но из-за встречного ветра не смог добраться туда и бросил якорь у острова в пяти лигах от него. На следующий день в полдень он двинулся в путь, но добрался до Чепилло только с наступлением темноты. Отправив каноэ на берег, он убедился, что его люди покинули остров несколькими часами ранее, поскольку их костры все еще горели, и что произошла драка, на что указывало несколько мертвых тел. Шарп теперь стоял в направлении Панамы. [\[XXIX-21\]](#)

После того, как каноэ отделились от барка, капитану Харрису удалось захватить другое судно, на котором немедленно появились тридцать буканьеров. Однако в ходе преследования флот был настолько рассеян, что только на следующий день они воссоединились с отрядом у острова Чепилло. До их прибытия Коксон преследовал барк, но избежал поимки, в результате чего преследователи потеряли одного человека убитым и двоих ранеными. [XXIX-22] Эта неудача вызвала у пиратов большое раздражение, поскольку судно **Ошибка! Закладка не определена.**, которое ускользнуло от них, доставит в Панаму известие об их набеге.

В Чепильо они взяли четырнадцать пленных и нашли пирагуа, на котором работали, и, раздобыв немного бананов и свиней, снова тронулись в путь около четырех часов того же дня, рассчитывая достичь Панамы до рассвета, расстояние до которой составляло всего семь лиг. Но прежде чем покинуть остров, они совершили одно из тех безжалостных деяний, которые так часто встречаются в их преступной карьере. Поскольку брать с собой пленников было неудобно, а оставлять их в живых было бы небезопасно, было решено убить их. Затем пленников передали индейцам, которым было приказано, после того как они позабавятся небольшим гладиаторским представлением, убить их. Морской берег представлял собой подходящую арену, и на глазах у всего флота убийцы начали свою атаку. Но жертвы, хотя и были безоружны, бросились наутек, и, несмотря на копья и стрелы, некоторые из них убежали в соседний лес. [XXIX-23]

Пираты ушли. Они больше не надеялись застать Панаму врасплох, но в бухте стояли богато нагруженные корабли, которые они хотели бы захватить. 23 апреля они увидели город перед восходом солнца, [XXIX-24] и вскоре обнаружили пять крупных военных кораблей и три приличных барка, стоявших на якоре недалеко от острова Перико. Не успели они заметить их приближение, как три военных корабля тронулись с места и устремились на них. Флагманский корабль был **Ошибка! Закладка не определена.**, укомплектованный восьмьюдесятью шестью бискайцами под командованием Хасинто де Бараона, верховного адмирала Южных морей. Вторым кораблем с экипажем из семидесяти семи негров командовал Франсиско де Перальта, андалузец. В третьем были шестьдесят пять мулатов под командованием Диего де Карабахалья.

МОРСКОЙ БОЙ.

Пиратская флотилия была сильно рассеяна, две пираги не могли угнаться за каноэ, на которых было всего тридцать шесть человек. Однако им, по мере того как эскадра приближалась к ним, удалось подобраться с наветренной стороны, и вскоре к ним присоединилась меньшая пирагуа, которая увеличила численность буканьеров до шестидесяти восьми человек. Соукинс и Рингроуз расположились впереди и вскоре вступили в бой с кораблем Карабахалья, который при первом же бортовом залпе ранил четырех членов экипажа Соукинса и одного Рингроуза. Палуба испанского судна, когда оно лавировало, была снесена смертоносным залпом. Затем подошел флагманский корабль, и его встретили пять каноэ. Как только она оказалась в пределах досягаемости, рулевой получил удар, и судно, накренившись, было захвачено врасплох. Этой неудачей немедленно воспользовались пираты и, расположившись за кормой, прочесали палубу корабля вдоль и поперек, убивая каждого, кто пытался встать у руля, и внося хаос в ходовую часть корабля. К этому времени Перальта подошел на помощь флагманскому кораблю, после чего Соукинс, чье каноэ тонуло, поднялся на борт "пирагуа" и, предоставив флагманский корабль заботам четырех каноэ, занялся Перальтой в одиночку. Тем временем первый корабль, задержанный легким ветром, медленно развернулся и снова направился вниз,

чтобы принять участие в сражении. Однако она была встречена двумя каноэ под командованием Спрингера и Рингроуза прежде, чем смогла оказать какую-либо помощь адмиралу, и огонь пиратов был настолько смертоносным, что Карабах был рад отвалить и спастись с теми немногими боееспособными людьми, которые у него остались. Спрингер и Рингроуз поспешили на помощь своим товарищам, которые все еще продолжали конфликт с флагманским кораблем. **Ошибка! Закладка не определена.** Их возвращение было встречено бурными возгласами ликования, на которые откликнулся экипаж "пирагуа". Подобравшись так близко к корме, что "заклинило руль", пираты, теперь уверенные в победе, снова окружили обреченное судно. Адмирал и пилот были застрелены; две трети экипажа были убиты, а большинство выживших ранены, флаг был спущен, и торжествующие головорезы поднялись на борт своей добычи. Их глазам предстало шокирующее зрелище. Из восьмидесяти шести человек только двадцать пять были живы, и только восемь могли носить оружие. "Их кровь стекала по Палубе целыми потоками, и на Корабле не было найдено ни одного места, свободного от крови".

Как только они завладели судном, победители отправили две каноэ на помощь Сокинсу, который тем временем вел отчаянную борьбу с Перальтой. Трижды пират брал на абордаж своего противника, и трижды он получал отпор от доблестного андалузца, чья неукротимая храбрость снискала ему откровенное восхищение его врагов. Как только каноэ подплыли, они отсалютовали Перальте залпом, за которым последовал сильный взрыв на корме испанского судна. Всех людей в этой части корабля подбросило в воздух; однако Перальта и не думал сдаваться и голосом и рукой подбадривал своих людей. Но судьба была против него. Вскоре в кубрике раздался еще один взрыв, и в дыму и неразберихе Соукинс снова поднялся на борт, и корабль был захвачен. Когда легкий ветерок медленно унес дым, на борту открылась сцена, не поддающаяся описанию. "На борту не было ни одного человека, он был либо убит, либо смертельно ранен, либо ужасно обожжен порохом. Настолько, что их Черная Кожа в нескольких местах побелела, потому что Порошок содрал ее с их Плоты и костей". [XXIX-25] **Ошибка! Закладка не определена.**

Об упорстве этого сражения и непоколебимом мужестве, с которым оно велось, свидетельствуют тяжелые потери с обеих сторон и продолжительность сражения. Вскоре после восхода солнца и до полудня продолжался бой, и из шестидесяти восьми сражавшихся пиратов только около десятка вышли невредимыми. [XXIX-26] Репутация храбрых испанских капитанов была высочайшей и вызывала восхищение их врагов. Успех последнего, несомненно, был обусловлен слабым ветром, который позволил им занять позицию, по которой испанцы не могли навести свои пушки; и не похоже, что, за исключением единственного бортового залпа, произведенного Карабахалем, испанские орудия использовались во время боя.

Оказав помощь раненым, пираты направились к острову Перико, где обнаружили брошенными пять судов, стоявших там на якоре, причем самое большое, "*Санти Сима Тринидад*" водоизмещением в четыреста тонн, было подожжено. Мародерам, однако, удалось потушить пламя и превратить судно в больницу. Из остальных два были сожжены; один из ста восьмидесяти тонн был передан капитану Куку, а третий из пятидесяти тонн - капитану Коксону. [XXIX-27]

ПЕРЕД ПАНАМОЙ.

Через два дня после этого действия капитан Шарп присоединился к роте, а чуть позже барк захватил капитан Харрис. [XXIX-28] Пираты оставались около десяти дней до Панамы, в течение которых капитан Коксон отошел от банды. Его обвинили в том, что во время боя он проявил больше осторожности, чем мужества, и, возмущенный обвинением, он решил **Ошибка! Закладка не определена.** вернуться в Северное море. Со своими приверженцами, числом в пятьдесят человек, [XXIX-29] он соответственно снялся с якоря однажды ночью, оставив около двадцати своих раненых, но взяв с собой лучшего хирурга и почти все медикаменты. Вместе с ним вернулись вождь Дариенов и вожди Антонио и Андрес.

Это отступление не обескуражило оставшихся пиратов, и 2 мая, подняв якорь, [XXIX-30] они направились к острову Табога в двух лигах от Перико. Это был отличный наблюдательный пункт, где было хорошо видно каждое судно, входящее в порт Панама или выходящее из него. Было захвачено несколько небольших судов, которые снабжали авантюристов провизией, а на восьмой день они захватили судно с вином, порохом и пятьюдесятью тысячами песо, предназначенными для выплаты жалования панамскому гарнизону. [XXIX-31] Панамским купцам, которые теперь открыли с ними торговлю, они продавали вина, [XXIX-32] и те же самые торговцы дважды передавали послание от губернатора, в котором их просили объяснить свое присутствие в городе и указать, от кого они получали комиссионные. [XXIX-33] Капитан Соукинс ответил на первое сообщение, что они прибыли "на помощь королю Дариена, который был истинным властелином Панамы", и потребовал пятьсот песо за каждого человека и по тысяче за каждого командира в качестве условий, на которых они мирно уйдут. Его ответ на второе сообщение **Ошибка! Закладка не определена.** гласил, "что пока вся его рота не собрана вместе; но когда они подойдут", они навестят его в Панаме и принесут свои "Приказы на дулах своих ружей, после чего он должен прочитать их так ясно, как только может сделать пламя пороха".

СМЕРТЬ СОУКИНСА.

15 мая, вопреки желанию Соукинса, флот отплыл к острову Отоке, [XXIX-34] а оттуда к острову Кибо у побережья Верагуа, [XXIX-35] известному своими жемчужными промыслами. Находясь на этом острове, Соукинс, назначенный главнокомандующим, и Шарп задумали высадиться на Пуэбло-Нуэво, город, расположенный на материке в восьми лигах от него. Взяв с собой около шестидесяти человек, [XXIX-36] они поднялись по реке, на которой было расположено это место, но вскоре обнаружили, что против них уже приняты защитные меры: поперек реки срублены деревья, а город защищен тремя мощными брустверами. [XXIX-37] Не остановленные препятствиями, пираты попытались захватить это место в спешке, как в случае с Санта-Марией; но они получили серьезный отпор, и Соукинс был убит, ведя за собой своих людей, остальные мародеры отступили к своим каноэ. [XXIX-38] **Ошибка! Закладка не определена.**

Соукинс пользовался большим уважением среди своих товарищей, [XXIX-39] и о его смерти очень сожалели. Более того, это вызвало серьезные разногласия. Его люди взбунтовались и были полны решимости вернуться по своим следам через Перешеек. Никакие уговоры, которыми Шарп уговаривал малеконтентов остаться, не могли убедить их, и 31 мая более шестидесяти из них [XXIX-40] отделились от отряда, забрав с собой всех оставшихся индейцев. После ухода мятежников между Куком и его людьми возникли разногласия, в результате которых он сложил с себя командование и перешел на борт судна Шарпа "Тринидад". Его

собственный корабль [XXIX-41] был передан в распоряжение Джона Кокса, который, таким образом, стал вторым в командовании. [XXIX-42]

Теперь было решено плыть на юг, и 6 июня флибустьеры вышли в море. Бросив свои суда у острова Горгона на 1 ° Северной широты, они предприняли серию операций на побережье Южной Америки, разграбив города и захватив множество испанских судов. Добыча, которую они собрали, была огромной. Во время этого похода произошел еще один мятеж, [XXIX-43] **Ошибка! Закладка не определена.** который привел к смещению Шарпа и возвышению некоего Джона Уотлинга на пост командира. Их план состоял в том, чтобы плыть домой через Магелланов пролив, но теперь они изменили свое намерение и снова направили носы на север. При неудачном спуске на Арике Уотлинг погиб, и командование снова было передано Шарпу, [XXIX-44] но не без особых споров. Решить этот вопрос было нелегко, и в конце концов было решено, что вопрос будет поставлен на голосование и что меньшинство возьмет баркас и каноэ и отправится, куда они пожелают. Их голосование состоялось 17 апреля недалеко от острова Ла-Плата и привело к дезертирству сорока семи представителей мужского пола, среди которых был Уильям Дампир, который отплыл к перешейку с намерением вернуться по суше. [XXIX-45]

ЗАХВАТ ЭСПАРСЫ.

Sharp, проходя мимо Панамского залива, теперь нанес визит побережью Коста-Рики и, войдя в залив Никоя, бросил якорь в заливе Кальдера. Здесь он некоторое время занимался креном и переоборудованием своего корабля, для помощи в чем он привлек к себе на службу нескольких плотников, занятых кораблестроением на берегу соседней реки. Затем, после разграбления и сожжения города Эспарса, [XXIX-46] он снова отплыл **Ошибка! Закладка не определена.** на юг и захватил недалеко от линии судно с сокровищами "*Сан-Педро*" с тридцатью семью тысячами песо. Продолжая следовать курсом на юг, эти человеческие бичи наводили ужас на побережье, грабя, сжигая и разрушая на суше и на море. [XXIX-47]

Во второй половине 1681 года Шарп направился к Магелланову проливу, но, потерпев неудачу в своих попытках найти проход, обогнул мыс Горн и, повернув на север, вдали от видимости суши, достиг Барбадосских островов 28 января 1682 года, но не осмелился войти в порт, поскольку британский фрегат стоял на якоре в Бриджтауне. Поэтому он взял курс на Антигуа, куда прибыл 1 февраля. Там эта безбожная команда рассеялась, корабль был передан тем, кто проиграл свои деньги, в то время как более удачливые отправились в Англию.

По просьбе посла Испании в Лондоне Шарпа и некоторых его спутников судили за пиратство. В свою защиту они утверждали, что действовали в соответствии с поручением, предоставленным касиками Дариена, которые были абсолютно независимыми князьями и ни в коем случае не подданными Испании. [XXIX-48] Обоснованность этого заявления была полностью установлена, [XXIX-49] и был вынесен оправдательный вердикт. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXX. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПИРАТСКИЕ НАБЕГИ. 1681-1687гг.

Дампир и его товарищи на реке Санта—Мария —Они встречаются с испанскими военными кораблями—Их поход в Северное море—Они натываются на французский корабль—И плывут вокруг мыса Горн в Южное море—Они нападают на Реалехо—Они плывут к острову Ла—Плата—

Здесь их подкрепляют —Они направляются к побережью Южной Америки—Где они получают сведения о Флотилии Сокровищ—Пираты плывут к Жемчужным островам—Их поражение в Панамском заливе—Набеги на Леон, Реалехо и Гранаду-Набожность флибустьеров-Далее Операции пиратов.

Дампир и его товарищи, [XXX-1] после того, как они расстались с Шарпом, взяли курс на реку Санта-Мария, впадающую в залив Сан-Мигель, и на следующий день захватили небольшой барк, стоящий на якоре с подветренной стороны мыса Пасадо. Это была большая удача, поскольку их лодки были слишком малы для них. 24 апреля они причалили к острову Горгона, где, захватив несколько пленных, узнали, что пирагуа каждые два-три дня заходят с материка на разведку и что три корабля находятся наготове, чтобы перехватить их по возвращении. При попутном бризе они отплыли из Горгоны в тот же вечер, а утром 28-го, выйдя из ливневого шквала, заметили с наветренной стороны на расстоянии примерно полутора лиг два больших корабля. Люди Дампира находились в опасном положении, между испанскими крейсерами и берегом, который находился всего в двух лигах от них. К счастью, **Ошибка! Залка не определена.** снова пошел дождь и позволил им пройти мимо врага незамеченными. На следующее утро они бросили якорь у мыса Гарачина, примерно в семи лигах от залива Сан-Мигель, где оставались весь день, суша боеприпасы и готовя оружие в ожидании противодействия их высадке. Вскоре после рассвета 30-го числа они вошли в залив и бросили якорь у большого острова, расположенного в четырех милях от устья Санта-Марии. Хотя прилив был благоприятным для подъема по реке, они приняли меры предосторожности и отправили каноэ на разведку к берегу, и в устье реки был обнаружен корабль, а на прилегающей земле была разбита большая палатка. Хотя эти новости и обескуражили флибустьеров, они, тем не менее, были полны решимости вернуться по суше. Таким образом, каноэ было снова отправлено к острову, и ему удалось захватить одно из них, которое отплыло с вражеского корабля к острову. От пленных они узнали, что в течение шести месяцев судно, вооруженное двенадцатью пушками, охраняло устье реки и что численность его отряда составляла сто пятьдесят солдат и матросов, причем первые были расквартированы на берегу. Ожидалось, что на следующий день с рудников придут еще триста человек. [XXX-2] Теперь пираты решили высадиться в другом месте, несмотря ни на какой риск, этой ночью или рано утром следующего дня. [XXX-3] С попутным ветром и отливом они достигли мыса Сан-Лоренцо на рассвете и, проплыв еще около лиги, наткнулись на бухту, защищенную двумя небольшими островками. Здесь они высадились и, выбросив свои пожитки на берег, затопили свое судно и сделали все приготовления к походу в глубь страны. [XXX-4]

ПЕРЕСЕКАЮ КОНГО.

Поскольку некоторые из компании оказались не в состоянии предпринять столь долгое путешествие, ранее было принято отчаянное решение расстреливать всех отставших, чтобы они живыми не попали в руки испанцев и не выдали своих товарищей. Однако эта ужасная альтернатива не остановила ни одного человека, и во второй половине дня банда флибустьеров выступила в поход и продвинулась на лигу в северо-восточном направлении. На следующее утро, отправившись по индейской тропе, они достигли нескольких домов туземцев, где, будучи хорошо приняты, закупили провизию, а за топор раздобыли путеводитель по другим индейским поселениям. [XXX-5] На следующий день они достигли Конго в точке, расположенной в трех лигах от места их вчерашнего привала, [XXX-6] и, добравшись до дома старого индейца, с

большим трудом убедили его уговорить их проводника сопровождать их еще два дня за другим топором. [XXX-7]

4 мая они продолжили свой путь, постоянно переходя вброд реки и ручьи, промокшие под проливным дождем, который, когда они останавливались, мешал им добыть достаточно огня, чтобы согреться или приготовить пищу. Усталые и голодные, они были так измучены, что отбросили всякую мысль об испанцах, их единственной заботой было раздобыть еду и проводников. В течение нескольких дней они преодолевали невероятные трудности, питаясь обезьянами и теми овощами, которые удавалось раздобыть в местных поселениях, через которые они проезжали.

К этому времени они раздобыли нового проводника и, перейдя Конго, достигли другой реки, глубина которой доставила им большие неприятности, поскольку они были вынуждены несколько раз переходить ее вброд, [XXX-8] оставив позади **Ошибка! Закладка не определена.** в последнем случае двое из отряда не смогли поспеть за основной частью. Ночь застала их без крова, и вдобавок к их несчастьям над ними разразилась гроза с проливным дождем.

На следующее утро, 8 мая, проводник сообщил им, что реку придется переправлять снова, но теперь она настолько разлилась, что перейти вброд было невозможно. Поэтому было решено послать человека с веревкой. Один из участников группы, Джордж Гейни, соответственно, предпринял попытку, но леска, которую он обвязал вокруг шеи, запуталась, и человек на берегу, который расплачивался, внезапно остановил ее. Это опрокинуло Гейни, который был на полпути, на спину. Затем человек, отвечавший за веревку, бросил ее в реку, надеясь, что Гейни придет в себя, но, поскольку он нес на спине триста песо, стремительное течение унесло его, и он утонул. [XXX-9]

После этой неудачи они срубили высокое дерево за рекой, и все переправились через него в безопасности. Теперь их проводник покинул их, подыскав замену. Переправившись через другую реку, их путь пролегал через красивую долину, украшенную деревьями. Проехав пять миль, они добрались до поселения и были несколько встревожены, увидев несколько деревянных крестов на обочине дороги, думая, что там находятся испанцы. Они приготовились к бою, но не нашли в городе никого, кроме индейцев, где их любезно приняли. [XXX-10]

В течение следующих десяти дней они боролись с несколькими сменами проводников, непрерывно пересекая реки [XXX-11] и пробираясь через непроходимый лес, **Ошибка! Закладка не определена.** в некоторые дни они продвигались не более чем на две-три мили. Измученные и голодные, [XXX-12] с покрытыми волдырями ступнями и натертыми от ходьбы конечностями, они действительно находились в тяжелом положении.

В РИО-ЧЕПО.

20 мая измученные корсары достигли реки Чепо, которую они пересекли, а 22 числа, к своей великой радости, увидели Северное море с высокого горного хребта. Погода стояла прекрасная, и, радуясь в душе, они спустились с холмов и разбили лагерь на берегу реки Консепсьон, первой, которая, как они обнаружили, текла на север. На следующий день они двинулись вниз по течению и вскоре раздобыли каноэ, чтобы добраться до его устья. За время их отсутствия там побывало много английских и французских кораблей, но все они ушли, за исключением французского капера, стоявшего у Ла-Саунд-Ки. [XXX-13] Проведя ночь в устье реки, они переправились на остров и поднялись на борт судна, которым командовал капитан

Тристиан. Купив у команды бусы, ножи, ножницы и зеркала, чтобы вознаградить своих проводников, они отпустили их, дополнительно подарив каждому по полпезо. Индейцы были этим вполне удовлетворены, и их доброе отношение к англичанам проявилось в их добром обращении с доктором Уэйфером и другими, кто остался в своих поселениях.

Путешествие через Перешеек заняло двадцать три дня, за которые они преодолели около тридцати семи лиг по горам, долинам и среди "глубоких и опасных рек". Они прибыли на южное побережье как раз в тот момент, когда начался сезон дождей, и реки вскоре разлились, и **Ошибка! Залкада не определена.** однако погиб только один человек. Они выбрали кружной маршрут, пройдя на семнадцать лиг дальше, чем если бы поднялись по Чепо или Санта-Марии, и по любому из этих маршрутов путешествие от моря до моря можно было совершить за три дня, тогда как индейцы часто преодолевали его за полтора дня.

Трудности, которым Дампир подвергся во время этого путешествия, не помешали ему совершить еще одно приключение в Южном море. Во второй половине 1683 года, присоединившись к кораблю под командованием капитана Кука, он снова плавал в компании с другим судном под командованием капитана Итона у западного побережья Южной Америки. Хотя они обогнули мыс Горн, их действия были неважны на протяжении всего путешествия вдоль этого побережья. Их намерением, действительно, было попробовать новые возможности и совершить набег на Реалехо и Леон в Никарагуа. Когда они прибыли примерно в начале июля на мыс Бланко на побережье Коста-Рики, капитан Кук умер, и на его место был назначен Джон Дэвис. [XXX-14]

Во время похорон своего покойного капитана на берегу залива Кальдерас они захватили в плен трех полукровок, от которых узнали, что жители Панамы предупреждали испанцев остерегаться пиратов. Эти новости, однако, не помешали им 20 июля двинуться в сторону Реалехо, куда они прибыли три дня спустя. Их операции здесь были нерентабельны, поскольку они обнаружили, что испанцы тщательно подготовились к ним. Поэтому они отплыли в залив Фонсека, чтобы привести в движение свои суда. Здесь попытка установить дружеские отношения с индейцами одного из островов была прервана грубыми действиями одного из HYPERLINK\, что вызвало панику среди туземцев, которые бежали в леса. Дэвису, однако, удалось уговорить вождя и полдюжины членов его племени посетить корабли, и, завоевав их расположение подарками, он добыл, пока они оставались в заливе, свежую говядину с острова, к которому они направлялись. Приведя в порядок свои суда, они на время отказались от своих намерений против Реалехо, и 3 сентября Дэвис снова отплыл на юг, расставшись с Итоном, с которым у него были проблемы. [XXX-15]

СВОН И ХАРРИС.

20-го числа он достиг острова Плата, [XXX-16] и, лежа там, 2 октября к нему присоединились капитан Суон с *Cygnets* и капитан Питер Харрис, племянник пирата с таким именем, который был убит в бою при Панаме в 1680 году. Лондонские купцы снабдили Суона грузом товаров для торговли в этих морях, но, столкнувшись с Харрисом и его товарищами, пришедшими по суше, его люди вынудили его присоединиться к флибустьерам. [XXX-17] Встреча роверов была отмечена злобной радостью. Независимо или коллективно они совершили серию круизов у берегов Южной Америки, местом встречи стал остров Плата. После неудачной попытки захватить врасплох город Гуаякиль они захватили пакетбот, перевозивший письма из Панамы в Лиму. Хотя испанцы выбросили письма за борт с прикрепленной веревкой, уловка была

раскрыта, и из пакета, который обнаружили пираты, они узнали радостную новость о том, что армада из Испании прибыла в Портобелло и что президент Панама прислал **Ошибка! Залкадка не определена.** это судно с инструкциями ускорить отправку флота с сокровищами из Перу. Это произошло 1 января 1685 года. Последовало самое дикое волнение, когда носы судов были повернуты к Жемчужным островам, лучшему месту, где можно было захватить корабли с сокровищами. Они прибыли туда 25-го, захватив по пути девяностотонное судно, груженное мукой. Затем они накренили и почистили свои суда, и к 14 февраля все было готово. Затем мародеры направились в Перико и вступили в переписку с президентом Панама об освобождении двух своих людей, попавших в руки испанцев. [XXX-18] Результатом стал обмен пленными, экипаж последнего захваченного судна в количестве около сорока человек был передан в качестве выкупа за двух флибустьеров.

Тем временем испанцы продолжали свои ребяческие попытки избавиться от гадюк. Однажды мнимый торговец, стоя на якоре, под предлогом желания заняться торговлей, подвел к ним судно, груженное горючими материалами. Подожгв свой брандер, он и его команда спаслись на каноэ, в то время как буканьеры были вынуждены со всей поспешностью перерезать свои тросы, чтобы избежать гибели. [XXX-19]

Вскоре после этого к ним присоединились не менее двухсот восьмидесяти французских и английских буканьеров, которые пересекли Перешеек и сообщили, что за ними следуют еще сто восемьдесят англичан под командованием капитана Таунли. [XXX-20] Это присоединение было отрядным; приз в девяносто тонн был немедленно передан французам, которых насчитывалось двести под командованием капитана Гронье, в то время как англичан приняли на борт кораблей Суона и Дэвиса. [XXX-21] **Ошибка! Залкадка не определена.**

3 марта к ним присоединился Таунли, который захватил две барки в устье Санта-Марии, а несколько дней спустя индеец принес известие, что другой отряд, численностью в триста человек, направляется по суше из Северного моря. [XXX-22]

Следующие два месяца они курсировали по Панамскому заливу, бдитительно высматривая флотилию с сокровищами. Тем временем они взяли город Чепо, захватили несколько человек и перехватили письма, из которых узнали, что лоцманы Лимы совещались относительно наилучшего курса, который можно было избрать, чтобы ускользнуть от пиратов, и дали соответствующие указания. Они также узнали, что флот должен был быть укомплектован всеми доступными силами Перу, но имел приказ не вступать в бой с буканьерами, если можно было избежать сражения.

28 мая пиратский флот находился между островом Пачека и материком, капитан Грогниет находился в миле к северу. Он состоял из десяти кораблей, несущих пятьдесят две пушки и девятьсот шестьдесят человек. [XXX-23] Около одиннадцати часов дождливая погода прояснилась, и было замечено приближение испанского флота численностью четырнадцать кораблей [XXX-24] рядом с пирагуасом, на борту которого **Ошибка! Залкадка не определена.** сто семьдесят четыре орудия и более трех тысяч моряков и морских пехотинцев. Численное превосходство, однако, не устрасило буканьеров, и за большую добычу, которая теперь лежала в поле зрения, они вступили бы в бой даже с половиной своих сил. [XXX-25] Находясь с наветренной стороны от испанцев, они снялись с якоря около трех часов пополудни, но ночь опустила на них прежде, чем они смогли добиться большего, чем обмен несколькими выстрелами.

ИСПАНСКАЯ ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ.

Хотя испанское оружие сильно пришло в упадок со времен завоевателей, в нем все еще оставалось что-то от испанской стратагемы, которая в данном случае оказалась не хуже пиратской хитрости. Когда стемнело, адмирал флота сокровищ вывесил фонарь в качестве сигнала своим судам сниматься с якоря. Через полчаса свет погас, но некоторое время спустя пираты увидели его снова, крадучись удаляясь от Панамы. Находясь с наветренной стороны, они держались под парусами всю ночь, ожидая сигнала, но когда забрезжило утро, они обнаружили, что были заманены с подветренной стороны одиноким судном, посланным в том направлении, и что у противника теперь есть флюгер, и он надвигается на них на всех парусах. Так поменялись ролями, и их единственная безопасность заключалась в бегстве. В течение всего дня они вели непрерывный бой и, почти обогнув Панамский залив, снова бросили якорь у острова Пачека. [XXX-26] Утром в трех лигах с подветренной стороны **Ошибка! Закладка не определена.** был замечен испанский флот на якоре, и вскоре поднялся легкий южный бриз, который отплыл в Панаму, не пытаясь далее использовать полученное преимущество. [XXX-27]

В НИКАРАГУА.

Таким образом, после почти шести месяцев планирования и терпеливого ожидания их главный приз ускользнул от них, и разочарованные и раздраженные пираты направились к островам Кибо. Там были проведены консультации, в результате которых было принято решение атаковать город Леон в Никарагуа. Они сразу же начали приготовления и построили несколько каноэ, в которых могли высадиться на берег. [XXX-28] Завершив это, они отплыли в порт Реалехо 20 июля, [XXX-29] и прибыли на побережье примерно в восьми лигах от гавани 9 августа. Теперь они укомплектовали свои каноэ числом тридцать одно, с пятьюстами двадцатью людьми, и направились в гавань, остальные взяли на себя управление кораблями. По пути было два сильных шквала, которые подвергли их крайней опасности, но благодаря усердной гребле мародеры той ночью вошли в порт. На рассвете следующего утра они поплыли вверх по ручью, ведущему к Леону, в начале которого, на берегу реки, они обнаружили бруствер. Их приближение было обнаружено стражами, которые бежали в Леон и сообщили об этом. [XXX-30]

Теперь пираты быстро высадились на берег, и четыреста семьдесят человек были разделены на четыре отряда под командованием Таунли, Суона, Дэвиса и Найта, [XXX-31] в то время как Дампир с остальными остался за каноэ. [XXX-32]

Таунли со своим отрядом вошел в город примерно в двух милях впереди остальных и опрокинул отряд из почти двухсот всадников, атаковавших его на главной улице. Пехота численностью в пятьсот человек была выстроена на площади, но, увидев замешательство кавалерии, бежала, не оказывая сопротивления, и Леон, захваченный восьмьюдесятью солдатами, оказался во власти флибустьеров. [XXX-33]

В полдень следующего дня губернатор прислал флаг перемирия с предложениями выкупа за город, [XXX-34] но **Ошибка! Закладка не определена.** требования мародеров были настолько непомерными [XXX-35], что все, что он мог сделать, это попытаться продлить капитуляцию, пока не соберет силы, достаточно сильные, чтобы выбить захватчиков. Однако через несколько дней им стало известно о его замысле, и 14 числа того же месяца, собрав всю доступную добычу, они подожгли город и отправились обратно к своим каноэ.

ВИЗИТ В РЕАЛЕХО.

Затем пираты обратили свое внимание на Реалехо, в который они вошли без сопротивления. Но и здесь им помешали, не найдя ничего, кроме пустых домов. Итак, в течение недели они опустошали окружающую местность, убивая скот и разграбляя сахарные заводы. Затем они сожгли город и, вернувшись к своим каноэ, вернулись на свой корабль. На следующий день, 25-го, Дэвис и Суон договорились расстаться, поскольку первому не терпелось вернуться на побережье Южной Америки, в то время как Суон желал попытать счастья у берегов Мексики. Однако их расставание было дружественным, и два флибустьера, расставаясь 27-го числа, отдали честь, повернувшись носами в противоположных направлениях. [XXX-36]

Но несчастным городам Никарагуа не суждено было остаться в покое после ухода этой группы. Грогниет с тремя сотнями двадцатью людьми на своем корабле и пятью каноэ, отделившись от Суона, медленно двинулся на север. Однако его первые операции не имели большого значения. Во время своего путешествия вдоль побережья отряд высадился в Реалехо, который они нашли заброшенным, и оттуда двинулся в Леон, но не атаковал город, сочтя его слишком укрепленным **Ошибка! Закладка не определена.** гарнизон. [XXX-37] Затем они двинулись против Пуэбло-Вьехо и, обследовав окрестности, снова направили свой курс на юг и вошли в залив Кальдерас с намерением захватить Эспарсу, для выполнения которого на берег было отправлено пятьдесят человек. Однако их удержало от этой попытки известие о том, что испанцы собрали значительные силы, чтобы противостоять им. Их страдания от голода стали чрезмерными, и они были вынуждены убить и съесть несколько лошадей, которых они захватили, после четырехдневного голодания. [XXX-38]

Их корабль был направлен к острову Сан-Хуан-де-Пуэбло, который был их обычным местом встречи, [XXX-39] и туда каноэ теперь повернули свой курс. Их следующие операции были направлены против Чирикиты, которую им удалось захватить врасплох 9 января 1686 года силами в двести тридцать человек. Захватив несколько пленных, за которых они впоследствии получили выкуп, они сожгли город и отступили. [XXX-40]

По возвращении в Пуэбло появился испанский флот из семи кораблей, двенадцати пирагуас и трех длинных барк, в котором узнали эскадру, посланную против них из Перу. Поскольку их корабль больше не был пригоден к эксплуатации из-за отсутствия парусов, они посадили его на мель и заняли выгодную позицию на берегу реки, где уже начали строить пирагуа больших размеров. Здесь враг не осмелился напасть на них и, подожгв севшее на мель судно, уплыл прочь.

ПОКИНУТЫЕ ГОРОДА.

14 марта, завершив постройку пирагуас, они покинули Пуэбло на двух **Ошибка! Закладка не определена.**, сорокововесельной галере, десяти пирагуас и десяти каноэ, и, проведя сбор своих людей, обнаружили, что их число сократилось на тридцать с тех пор, как они отделились от английских флибустьеров. [XXX-41] В их планы входило осуществить ранее сформированное намерение напасть на Гранаду в Никарагуа, но, будучи полумертвыми от голода, они попытались напасть на Пуэбло Нуэво, и с ними довольно грубо обошелся отряд испанского флота, оставленный в устье реки. [XXX-42] После этого пираты снова посетили залив Кальдерас и город Эспарса, который они нашли заброшенным. Однако они раздобыли кое-что из провизии на плантации в заливе. Теперь они совещались о способе нападения на Гранаду и

выработали между собой определенные правила, которые, по их мнению, обеспечили бы успех их предприятия. [XXX-43]

22-го числа Грогнит встретился с Таунли и ста пятьюдесятью мужчинами на пяти каноэ и в отместку за обращение, которому подверглись его люди со стороны английских буканьеров, взял их в плен. Продержав их в неволе несколько часов, французы дали им понять, что им не причинят никакого вреда, и вернули им каноэ. Это привело к дружбе, и Таунли и его люди горячо просили принять их в качестве партнеров в планируемых операциях против Гранады, предложение, которое было выслушано с удовлетворением.

Объединенные силы 7 апреля 1686 г. [XXX-44] **Ошибка! Закладка не определена.** высадили триста сорок пять человек [XXX-45], которые форсированным маршем продвинулись вглубь страны; но, несмотря на все возможные меры предосторожности, они были обнаружены, и тревога передана в Гранаду, когда они были еще на значительном расстоянии. [XXX-46] Поняв, что внезапность не удастся осуществить, 9-го числа они остановились, чтобы отдохнуть и подкрепиться, ослабев от голода и усталости. На следующий день они двинулись на город, который, как они обнаружили, был хорошо укреплен и защищен четырнадцатью пушками и шестью вертлюжными орудиями, а жители укрепились на большой площади. [XXX-47] Тем не менее, они сразу же бросились в атаку по главной улице с безрассудством, которое изумило их врагов; [XXX-48] и, обратив в бегство сильные силы, с которыми они столкнулись в пригороде, вскоре вступили в активный бой с фортом.

Артиллерийский огонь был сильным и скорострельным, но оказался в значительной степени неэффективным из-за того, что пираты ловко пригибались к земле при каждом выстреле, так что ядра пролетали над ними; видя это, испанцы зажгли ложные заряды и отложили стрельбу из своих ружей до тех пор, пока флибустьеры не приняли вертикальное положение. Затем последние расположились рядом с домами и, заняв небольшую возвышенность на удобном расстоянии, так засыпали обороняющихся пулями и ручными гранатами, что после храброго сопротивления в течение полутора часов они оставили ограду и укрылись в главной церкви. Однако они были быстро вытеснены, и город Гранада оказался во владении пиратов, **Ошибка! Закладка не определена.** у которого было всего четверо убитых и восемь раненых, [XXX-49] в то время как потери испанцев были серьезными.

ГРАНАДА ВЗЯТА.

Французские флибустьеры были не менее преданными слугами Божьими и последователями кроткого Христа, чем английские флибустьеры. [XXX-50] Хотя они были безрассудны по отношению к своим жизням и телам, совсем иначе обстояло дело с их душами. Они, правда, могли сжигать города и отрубать головы пленникам, за которых не был своевременно выплачен выкуп, но они не пренебрегали своим богослужением. Поэтому они благоговейно распевали "Те деум" в великой церкви Гранады; затем охотились за добычей и женщинами, и, не получив ни того, ни другого, начали переговоры с помощью пленного о выкупе города из огня. [XXX-51] Испанцы, однако, были безразличны, полностью полагаясь на утверждение отставшего солдата, которого они взяли в плен, что его товарищи не станут поджигать Гранаду, поскольку они намеревались вернуться через несколько месяцев и пройти через страну у озера к Северному морю, [XXX-52] и что разрушение города было бы неудобным. Но другие думали иначе и, раздраженные своим бездельничанием и утомительным путешествием, сожгли собор и основные здания. [XXX-53]

Теперь пираты сочли благоразумным удалиться и 15-го числа начали свой поход к морю, держа курс на город Масая, расположенный на **Ошибка! Закладка не определена.** одноименное озеро. Их страдания были велики на обратном пути. Измученные жаждой, опаленные вертикальным солнцем и задыхающиеся от удушающей пыли, они тащились вперед, недовольные и несчастные, постоянно подвергаясь нападениям врагов из засады. [XXX-54] В течение дня они отдыхали в Масайе, где индейцы приняли их любезно и умоляли не сжигать их город. 17-го, когда флибустьеры вышли из леса на открытую равнину, им противостоял отряд из пятисот испанцев, которые подняли красный флаг в знак того, что пощады не будет. Но пираты, ничуть не испугавшись, атаковали и опрокинули врага, захватив пятьдесят их лошадей.

После этого, почувствовав себя в большей безопасности, они медленно направились к океану, останавливаясь в удобных местах и отдыхая от утомительного марша. К 26-му они достигли берега моря, где снова сели на корабль. Теперь они снова совершили набег на Реалехо, взяли в плен несколько жителей, [XXX-55] а затем направились к Чинандеге и сожгли город. Во время этих набегов они сильно страдали от голода, поскольку испанцы систематически уничтожали все припасы везде, где появлялись флибустьеры, а также угоняли их скот с побережья.

Это было бесперспективное предприятие, которым занимались эти марсоходы от начала до конца. Их добыча была незначительной, [XXX-56] многие из их раненых умерли от лишений и воздействия климата, и в конце концов проявились разногласия относительно будущих передвижений. На совещании, состоявшемся 9 мая, было принято решение о разделении, а несколько дней спустя был произведен раздел барк, каноэ и провизии. **Ошибка! Закладка не определена.** Сто сорок восемь французов с англичанами под командованием Таунли отплыли в Панаму, в то время как Гронье с остальными своими соотечественниками направился на запад вдоль побережья.

Проект Таунли заключался в нападении на Вилья-де-лос-Сантос [XXX-57] на Рио-Кубита. Ему удалось захватить город врасплох и захватить товаров на сумму, оцениваемую в полтора миллиона песо, не считая пятнадцати тысяч песо деньгами и трехсот пленных обоего пола. Но по возвращении мародеров ждала катастрофа, и их отряды были застигнуты врасплох засадой; многие были убиты, а добыча возвращена испанцами. Затем последовало взаимное возмездие. Тела убитых пиратов были изуродованы, а их головы насажены на шесты, в то время как их товарищи из мести обезглавили нескольких своих пленников и поступили с головами таким же образом. Однако эти забавы не помешали переговорам; остальные пленники были выкуплены, и испанцы приобрели барку, которую у них отобрали любезные посетители.

Таунли, уладив таким образом дела с жителями Лос-Сантоса, направился к Жемчужным островам и в течение следующих двух месяцев курсировал по Панамскому заливу, совершая высадки на сушу и захватывая призы. Резня, нанесенная испанцам в некоторых из этих сражений, была грандиозной. 21 августа буканьеры атаковали фрегат и барк, на первом из которых было восемьдесят убитых и раненых из команды в сто двадцать человек, а из экипажа второго только восемнадцать из семидесяти остались невредимыми. Но теперь карьера Таунли подошла к концу. В течение следующих двух дней они захватили еще три судна, и в одном из столкновений капитан пиратов был смертельно ранен и скончался 8 сентября.

В течение оставшейся части года буканьеры **Ошибка! Закладка не определена.** курсировали между островами и в заливах на побережье Верагуа, часто высаживаясь на мейн, чтобы

раздобыть продовольствие, и их нужда была настолько велика, что иногда они требовали не денег, а провизии в качестве выкупа за своих пленников. [XXX-58]

Коста-Рика.

В начале 1687 года флибустьеры снова появились у побережья Коста-Рики и наводнили залив Никоя, держа испанцев в состоянии постоянной тревоги, вымогая у них выкуп за пленников и подвергая заключенных пыткам, чтобы получить информацию. [XXX-59] 26 января к ним присоединился капитан Гронье, передвижения которого в основном ограничивались заливом Фонсека и побережьем Никарагуа, но возникли разногласия, восемьдесят пять его людей отделились от него, и с оставшимися шестьюдесятью он снова повернул к Панаме. [XXX-60]

И снова этот выводок морских разбойников направился к богатому побережью Южной Америки, где они и их братство приобрели такую дурную репутацию, что женщины, которых они захватывали, боялись быть съеденными ими. [XXX-61] Накопив огромные богатства, они отплыли на север и прошли вдоль берегов Центральной Америки и Мексики до Акапулько, сжигая, разрушая и убивая, как это было в их обычае. **Ошибка! Закладка не определена..** Но, несмотря на свои страдания от тяжелого труда, голода и жажды, пираты накопили много богатства, и теперь они хотели вернуться в Северное море, где их невзгоды закончились бы, и они могли бы разбазаривать и наслаждаться своим нечестным путем нажитым богатством. Посоветовавшись относительно наилучшего курса действий, они решили пройти по суше через провинцию Сеговия к мысу Грасиас-а-Диос. Итак, 2 января 1688 года, после того как они "помолились", они отправились в свое опасное путешествие, числом двести восемьдесят человек. [XXX-62]

Их сухопутный марш через самую дикую часть Центральной Америки был несколько необычным. Путешествия пиратов через перешеек, как и путешествий первооткрывателей и завоевателей, были полны опасностей и страданий; но трудности, преодоленные этими бесстрашными злодеями, в некоторых отношениях превзошли все, что когда-либо было зарегистрировано.

NUEVA SEGOVIA.

Их маршрут лежал от залива Фонсека до реки Ванк, вниз по которой они предполагали спуститься на плотах. Двинувшись первым маршем в Нуэва-Сеговию, они обнаружили, что жители готовы выступить против них. В лесу их путь преграждали поваленные деревья; на открытой местности поджигали траву, так что, чтобы не задохнуться, они часто были вынуждены останавливаться, пока огонь не погаснет сам. Скот был угнан, провизия вывезена или уничтожена, в то время как попавшие в засаду испанцы нападали на них повсюду.

Однако им ничего не оставалось, как тащиться дальше, что они и продолжали делать, пока не добрались до Нуэва-Сеговии 11-го. Город был безлюден. Все, что могло поддерживать жизнь, было тщательно **Ошибка! Закладка не определена..** Пока они, измученные голодом и со стертymi ногами, продвигались к реке, теперь уже в двадцати лигах от нее, их преследовал отряд из трехсот испанских всадников, постоянно угрожая им уничтожением.

На второй день пути из Сеговии было обнаружено, что дорога, ведущая через крутую гору, перегорожена траншеями. Таким образом, окруженные спереди и сзади, между двумя отрядами, каждый из которых значительно превосходил их численностью, что оставалось делать пиратам? Перепачканные кровью и решительные, они были теперь для изнеженных испанцев тем же, чем ранние испанцы были для индейцев. Ясной лунной ночью флибустьеры разбили лагерь перед укреплением. Тем не менее двумстам из них удалось незаметно пробраться в лес. [XXX-63] С невероятным трудом они прокладывали себе путь среди камней и через трясины, пока, руководствуясь голосами испанцев во время утренней молитвы, при свете дня не оказались на дороге наверху и в тылу укрепившихся испанцев. Густой туман, поднявшийся незадолго до рассвета, скрыл их из виду, но, хотя он в какой-то мере помогал им, он делал их операции более опасными из-за особенностей местности. Оказалось, что там было три укрепления, одно за другим, и при обратном расположении защитники заднего не были защищены. На этот незащищенный отряд, насчитывавший пятьсот человек, флибустьеры напали так внезапно, что испанцы в панике обратились в бегство, а победившие нападавшие овладели баррикадой. Это было равносильно победе. Теперь у испанцев не было никакой надежды. Ориентируясь по вспышкам вражеского огня, пираты, хорошо защищенные, поливали испанцев залпом за залпом, которые не знали, куда стрелять и что делать. В течение часа они держались; но когда, **Ошибка! Закладка не определена.** все еще окутанные туманом, пираты атаковали их, никем не замеченные, пока почти не оказались на расстоянии удара мечом, они повернулись и обратились в бегство. То, что последовало за этим, было просто бойней. Испанцы, которым помешала в бегстве их собственная оборона, были перебиты до тех пор, пока свирепые победители, "уставшие гоняться за ними и убивать", не прекратили. [XXX-64]

ВНУТРЕННИЕ РАЗНОГЛАСИЯ.

Головорезы теперь стали хозяевами всего, что было до них, но природа по-прежнему использовала свои силы в меру своих возможностей. Правда, на следующий день они подошли к другому укреплению, но ужас, который они внушили, был так велик, что они беспрепятственно миновали его и 17-го достигли берегов вожденной реки, которая должна была привести их к морю. [XXX-65] Течение было быстрым, и на протяжении многих лиг вода неслась вниз по порогам или низвергалась водопадами через встречные скалы, поднимая водовороты и бурля в своем течении. И все же флибустьеры приветствовали это с восторгом и с диким энтузиазмом построили для себя небольшие плоты, каждый из которых мог вместить двух человек. [XXX-66] Доверившись им, они бросились в воду, многие из них насмерть. Помимо весел, они были снабжены длинными шестами, которые помогали им избегать камней. Это был страшный переход; самые смелые дрожали, и у них кружилась голова, когда их проносило мимо нависающей пропасти или кружило в бушующем потоке. Большинство плотов были настолько перегружены, что мужчины стояли **Ошибка! Закладка не определена.** по пояс в воде. Среди тех, кому удалось спастись, было много тех, кто потерял все свои достижения, нажитые годами лишений и преступлений. [XXX-67] Многочисленные переправы и постройка новых плотов надолго задержали их, и только 20 февраля они добрались до более широкой и менее бурной части реки. Между тем, несмотря на опасности и страдания, порочные страсти человеческой натуры не дремали. Поскольку здесь не было испанцев, чтобы убивать, они убивали друг друга по мере возможности. [XXX-68]

Когда река стала судоходной для лодок, флибустьеры построили каноэ, и 1 марта сто двадцать из них, [XXX-69] на четырех лодках, отправились вниз по реке и прибыли в устье 9 марта. 14-го

числа с Жемчужных островов прибыло английское судно, [XXX-70] на борт которого поднялось около пятидесяти человек, среди которых был Люссан. Эта группа выживших в конце концов добралась до французских поселений в Вест-Индии. О дальнейшей судьбе тех, кто остался позади, известно мало; [XXX-71] но благодарность набожных негодяев, которых сопровождал Люссан, за их освобождение записана таким образом: "Когда нас доставили на берег к Людям, говорящим по-французски, мы не могли удержаться от слез радости, что после **Ошибка!** **Закладка не определена.** мы подверглись стольким опасностям, дарованиям и невзгодам, всемогущему Создателю Земли и Морей было угодно даровать Избавление и вернуть нас к тем, кто принадлежит к нашему собственному Народу". [XXX-72]

БИБЛИОГРАФИЯ ПИРАТОВ.

Своеобразной чертой истории, особенно Испанской Америки, являются буканьеры, возрождение викингов в Новом Свете, чьи приключения были захватывающей темой древних скандинавов, как это сохранилось в сагах, и аналог их преемников, корсаров, которые сохраняли равное влияние в более солнечном климате, сея ужас на целые королевства и взимая дань для поддержания собственного королевского государства. Европейские орды, которые под именем завоевателей всегда были готовы к грабежу под предлогом расширения владений своих божественных и царственных хозяев, свободно разбрасывали семена, из которых взошли флибустьеры, которым соперничество саксонской и латинской рас дало желанную возможность грабить города и торговлю. После путешествий, посвященных ранним открытиям, ничто так не увлекает, как экспедиции этих диких парней, отобранных из представителей всех национальностей, и их рассказы включают не только дерзкие набеги, кровавую вражду и отчаянные побеги по морю и суше, но и охватывают обычные темы исследовательских путешествий. Действительно, их преступления против общества, хотя и прикрывались в большинстве случаев маской патриотизма и справедливой войны или возмездия, часто оправдывались открытиями на благо торговли и науки, расширением географических знаний, естественной истории, этнологии и других отраслей.

Первым специальным рассказом о пиратах, по-видимому, является "Зи Рувер" Клаэса Компена; Амстердам, 1663; но великим оригиналом для многих последующих работ о них является книга, написанная А. О. Эксквемелином, искаженная англичанами в "Эсквемелинг", а французами - в "Эксмелин". Служащий Французской Вест-Индской компании, он в 1666 году отправился на остров Тортуга, но торговля здесь потерпела неудачу, компания распродала свое имущество и перевела своих слуг. Эксквемелин попал в руки вице-губернатора, при котором терпел большие лишения, пока новый и более добрый хозяин не оставил его на свободе. Не найдя ничего лучшего, он присоединился к флибустьерам и плавал с ними до 1672 года, участвуя во многих выдающихся подвигах. Затем он вернулся домой в Голландию и на досуге написал историю пиратских экспедиций на Антильские острова и прилегающие регионы, включая свои собственные приключения. Это было выпущено под названием *De Americaensche Zee-Roovers. Behelsende een Partinent Verhael van alle de Roverye en Onmenselÿcke Vreetheeden die de Engelsche en France Roovers Tegens de Spanjaerden in America Gepleeght Hebben*; t'Amsterdam by Jan Ten Hoorn, 1678, sm. 4°, 186 pp. Немногие книги использовались так широко, полностью или частично, или как основа для романсов и драм; но, как правило, использовались многочисленные иностранные издания, особенно испанские, опубликованные с большими или меньшими вариациями и часто без упоминания автора. Оригинал чрезвычайно редок, Мюллеру известен только один экземпляр, помимо моего собственного. Это написанная черными

буквами **Ошибка! Закладка не определена.** образец на грубой бумаге, иллюстрированный любопытными картами и таблицами, изображающими сцены сражений, горящие города и портреты ведущих капитанов, таких как Морган и Л'Олоннуа. Титульный лист окаймлен восемью сценами войны и жестокости флибустьеров. Начиная со своего путешествия в Вест-Индию, Эксвемелин переходит к описанию географии, политического и социального положения островов, включая убежище скитальцев, а затем рассказывает об их деяниях в целом. Во второй и третьей частях он дает специальные очерки о различных лидерах и их экспедициях; а в приложении приведены некоторые ценные статистические данные по испанским владениям о богатстве, доходах и чиновниках. Информация не только разнообразна, но и признана наиболее надежной. Английское издание было впервые опубликовано в Лондоне издательством Th. Ньюборо в 1699 году под названием "*История буканьеров Америки*". Второе и третье издания этого перевода появились в 1704 году.

Некоторые из пиратов стали известны читателям в специальных трактатах, написанных ими самими или биографами, как *Равено де Люссан, Журнал первого путешествия*, Париж, 1689; "*Новое путешествие Дампира*", Лондон, 1697, и другие, которые также оказались богатыми источниками для составителей. К изданию Exquemelin, выпущенному в 1700 году, Тен Хорн добавил две части, одна из которых представляет собой отчет о плаваниях английских пиратов под командованием Шарпа, Соукинса и других, написанный Бэзилем Рингрозом, который также был членом братства и вел дневник, на основе которого было подготовлено и выпущено первое издание в 1684 году. Во второй части приводится дневник Люссана, за которым следует *Родственник де Монтобана*, капитан флибустьеров, на побережье Гвинеи в 1695 году.

Отчет Рингроуза содержит некоторые подробности, которых нет у других рассказчиков-пиратов о тех же экспедициях. Хотя он не одобрял Шарпа как лидера, его заявления можно считать правдивыми и более полными, чем у других авторов, все из которых подтверждают Рингроуза в основных моментах. Его рассказ также опубликован в вышеупомянутом труде "*История буканьеров Америки*" под названием "*Опасное путешествие и смелые попытки капитана*". *Бартоломью Шарп и другие в Южном море*. Он содержит многочисленные грубые очертания островов, мысов и т.д. На западном побережье Америки. Рингроуз был убит со всем своим отрядом близ небольшого городка в 21 лиге от Компостелы, в штате Халиско, из-за неподчинения его людей. Дампир, *Voу.*, i. 271-2, говорит: "У нас погибло около 50 человек, и среди остальных мой Гениальный друг мистер Рингроуз был одним из них.... В это время он был Кейп-Мерчантом, или сверхгрузоотправителем корабля капитана. Корабль Свона. Он не возражал против этого путешествия, но был вынужден участвовать в нем или умереть с голоду. "Наиболее важными другими авторитетами в истории этого предприятия являются капитан Дж. Дневник Шарпа о его экспедиции, написанный им самим, опубликован Уильямом Хакке в *Сборнике оригинальных путешествий* (Лондон, 1699). Шарп опускает все упоминания о дезертирстве людей, которых Дампир сопровождал через Перешеек.

Путешествия и приключения капитана. Барт. Шарп. Лондон, 1684 год. Автор неизвестен и был убежденным сторонником Шарпа, опуская многое из того, что говорилось против него в других рассказах, и часто одаривая его громкими похвалами. Многие страницы повествования заняты простыми записями в судовом журнале о плавании судна и не содержат никакой другой информации. *Дампир, Новое кругосветное путешествие.* Лондон, 1697-1709, 3 тома. Этот автор в своем введении очень кратко касается экспедиции Шарпа, "потому что у мира есть **Ошибка! Закладка не определена.** отчеты о ней уже есть в сообщениях, которые дали мистер

Рингроуз и другие"; но его отчет о возвращении через Перешеек интересен и подробно описан. Вафер, *Новое путешествие и описание Американского перешейка с описанием пребывания там Автора*. Лондон, 1699 г., также лишь бегло упоминает о путешествии Шарпа, но дает ценное описание перешейка того времени. Ваффер, сопровождавший Дампира по возвращении, был вынужден остаться из-за тяжелого ранения, полученного в результате взрыва пороха, и несколько месяцев оставался с индейцами на перешейке. Его трактат в основном ограничивается описанием физических особенностей страны, ее флоры и фауны, а также занятий и обычаев жителей. Он содержит несколько медных табличек, иллюстрирующих эти последние, а также карту Перешейка и схемы береговых линий.

А *Сборник оригинальных путешествий*, составленный капитаном У. М. Хакке, Лондон, 1699, 12^{часов}, с некоторыми грубыми сокращениями и картой, содержит среди других рассказов "Путешествие Коули вокруг земного шара, затрагивающее Центральную Америку", написанное им самим. В качестве продолжения этих публикаций можно назвать *"Всеобщую историю ограблений и убийств самых отъявленных пиратов" Джонсона*; Лондон, 1724 г., которая была добавлена в качестве четвертого тома к французскому собранию Exquemelin 1744 года и более поздним изданиям. Подобные сочетания, более или менее полные и измененные, существуют в разных языках, от ранних *буканьеров Америки*, Лондон, 1684 г., до *Истории буканьеров Америки*, Бостон, 1853 г., и более поздних изданий. Однако первой обстоятельной книгой на эту тему, в которой рассматриваются причины флибустьерского движения, продолжающего повествование до его подавления в начале восемнадцатого века, является *"История пиратов" адмирала Берни*, Лондон, 1816 г., специальное издание части его *"Хронологической истории открытий"*. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXXI.

PANAMÁ.

1672-1800.

Шотландская колония—Они предлагают основать поселения в Дариене—Подписки на "Энтерпрайз"—Отправление экспедиции—Ее прибытие в Акла—Болезни и голод среди колонистов—Они покидают свое поселение—Отправлена вторая экспедиция—Ее провал—Картахена разграблена каперами—Восстания индейцев—Пожары в Панаме—Промысел жемчуга—Добыча полезных ископаемых—Испанская торговля переходит в руки британцев—Захват британских судов и жестокое обращение с их экипажами—Уши Дженкинса—Объявление войны—Операции Вернона на Перешейке—Кругосветное путешествие Энсона — Вторая экспедиция Вернона —Ее катастрофический результат.

Здесь начинается еще один этап жизни и неустанных человеческих усилий на Панамском перешейке. Великобританией овладела идея, рожденная жадностью и взращенная несправедливостью; и эта концепция распространяется до тех пор, пока не охватит всю землю, и пока добрые люди Англии и Шотландии не станут в воображении хозяевами всего мира, обладание которым приобретает не какими-либо честными средствами, а после слишком частых мерзких обходов дня и ночи; во всем этом люди этих островов отдадут себя и свои деньги сатане.

УИЛЬЯМ ПАТЕРСОН.

В июне 1695 года несколько богатых шотландцев под руководством Уильяма Патерсона [XXXI-1] получили от шотландского парламента статут, а позже патентные письма от Вильгельма III., [XXXI-2] разрешающие им создавать колонии в Азии, Африке или Америке, в необитаемых местах или в других местах с разрешения местных жителей, при условии, что территория не была оккупирована каким-либо европейским князем или государством. Патерсон провел несколько лет в Индии и исследовал провинцию Дариен. Недалеко от старого поселения Акла он нашел порт, безопасный для судоходства. В трех днях пути оттуда, по другую сторону Перешейка, были другие подходящие гавани. Основывая поселения на обоих берегах, он намеревался наладить торговлю, посредством которой Европа снабжалась продуктами Северной и Южной Америки, Китая, Японии и Филиппинских островов, а также европейскими товарами. От перешейка до Японии и некоторых частей Китая было всего несколько недель плавания, и таким образом, товары из Азии могли быть доставлены в Европу за гораздо меньшее время, чем то, которое занимали суда индийских компаний. Более того, на богатой почве Дариена можно было выращивать сахар, индиго, табак и другие ценные товары. "Торговля, - сказал проектор банка Англии, - породит торговлю; деньги породят деньги; коммерческий мир больше не будет нуждаться в работе для своих рук, скорее ему понадобятся руки для своей работы. Эта дверь к морям и ключ ко вселенной позволят ее обладателям стать законодателями обоих миров и арбитрами в торговле. Поселенцы Дариена приобретут более благородную империю, чем Александр или Цезарь, без усталости, затрат и опасностей, а также без вины и кровопролития завоевателей".

Патерсон был либо лжецом, либо дураком; побывав и проповедником, и пиратом, он, возможно, был и дураком, и плутом. Для него было невозможно исследовать Перешеек, как он утверждал, и не знать, что климат там смертельно опасен, и что для дикого горца, **Ошибка! Залкада не определена.** только что с холодного севера, гавани Дариена не могли оказаться ничем иным, как рассадниками вредителей, сеющими быстрое разрушение. Что касается людей, которые слепо бросались в авантюру, они были подобны овцам и мало чем отличались от людей-овец наших дней.

Испания имела, по крайней мере, право открытия и завоевания своих владений в Новом Свете, хотя такое завоевание сопровождалось почти такой же жестокостью, как у англичан в Индостане. На самом деле уроженцы Дариена никогда не были полностью покорены. Тем не менее, даже в соответствии с европейским кодексом разбоя не представляется, что Великобритания имела больше прав создавать колонии на Твердой Земле, чем теперь она имеет право основывать их в тех частях Соединенных Штатов, которые могут быть заражены враждебно настроенными индейцами. Тем не менее в 1699 году, когда, как мы увидим, план был на грани провала, английский монарх в ответ на петицию "Шотландской компании, торгующей с Африкой и Индией и их колонией Дариен", как называлась ассоциация, с просьбой, чтобы "Его Королевской Мудрости было угодно принять такие Меры, которые могли бы эффективно подтвердить несомненные Права и привилегии указанной Компании и поддержать Кредит и проценты по нему", ответил: "Достойные доверия и возлюбленные, мы приветствуем вас наилучшим образом: Ваше прошение было представлено нам нашими Секретарями, и мы очень сожалеем о Потере, которую недавно понесли наше древнее Королевство и Компания". [XXXI-3]

ШОТЛАНДСКАЯ КОЛОНИЯ.

"Чтобы доказать", - говорит писатель того периода, [XXXI-4] "Ложность утверждения о том, что провинция Дариен является частью владений короля Испании: шотландцы категорически отрицают это, бросая вызов испанцам доказать их право на указанную провинцию либо путем наследования, брака, дарения, покупки, возврата, **Ошибка! Закладка не определена.** Капитуляция, Обладание или Завоевание". "А что касается их притязаний на Пожертвование Папы", - пишет другой автор того периода, [XXXI-5] "само упоминание, а тем более оправдание этого, является насмешкой, равно как и подтруниванием над человечеством; учитывая даже предположение, что римских понтификов следует признать преемниками Святого Петра, в что, поскольку ни один протестант не стремится верить или исповедовать, они никогда до сих пор не обнаружили и не думают, что понтифики способны это доказать: все же это лишило бы их права распоряжаться наследием Святого Петра". Царствами Мира, какими им заблагорассудится и кому они пожелают. Ибо, поскольку Петр сам не был облечен такой Властью и никогда не претендовал на осуществление такой Юрисдикционной Власти, на что у некоторых пап хватало Тщеславия и гордыни, как он мог передать ее другим и навязать ее другим, будучи своим Преемником"? Эти и подобные оправдания, какими бы жалкими они ни были, были всем, что могли предложить апологеты шотландской колонии за то, что они таким образом захватили эту территорию. Можно отметить, что притязания Великобритании на свои колонии в немногих случаях основаны на открытиях, и что почти все ее наиболее ценные владения были приобретены острием меча. Сила - это право.

На это предприятие потребовалось шестьсот тысяч фунтов стерлингов, и сумма была быстро распределена в Шотландии, Англии, Гамбурге и Амстердаме. Схема была смелой, но обещанная отдача была огромной, и, как вы помните, это была эпоха гигантских и безумных спекуляций. В одной только Шотландии общая сумма подписок составила триста тысяч фунтов стерлингов, что поглотило почти весь оборотный капитал страны. Все, у кого были свободные деньги, вложили хотя бы часть их в это предприятие. Одни вкладывали все, что у них было, другие - все, что могли одолжить. Девы вкладывали свои доли; вдовы закладывали свое приданое, ожидая, что оно будет возвращено **Ошибка! Закладка не определена.** в пятидесяти или стократном размере. В Англии половина основного капитала была оформлена за девять дней, четверть была оплачена звонкой монетой или банковскими банкнотами, а остальное - векселями, подлежащими оплате по первому требованию. Общая сумма подписок из всех источников составила девятьсот тысяч фунтов стерлингов - сумму, которая в конце семнадцатого века была огромной даже в денежной столице Великобритании. Вскоре успех плана вызвал зависть английских купцов, которые опасались, что мировая торговля может перейти в руки шотландцев. Вильгельм III. в глубине души он был против этой схемы, хотя и выдал ассоциации патентные письма; и частично благодаря его влиянию взносы в Англии, Гамбурге и Амстердаме были отозваны. Тем не менее, в Шотландии было собрано еще сто тысяч фунтов стерлингов, что составило капитал в четыреста тысяч фунтов стерлингов.

Корона разрешила Патерсону и его сподвижникам снаряжать военные силы, основывать колонии, строить города и форты, карать за ущерб, нанесенный на суше или на море, и заключать мирные или торговые договоры с принцами и губернаторами. Им также разрешалось претендовать на полезные ископаемые, ценную древесину и рыбные промыслы в море или реке, и "во имя Бога, в честь и в память об этом самом Древнем и прославленном имени нашего Материнского Королевства" страна должна была называться Новой Каледонией. Предприятие находилось под контролем совета семи, [XXXI-6] которому была доверена вся власть, гражданская и военная. Патерсон, конечно, был одним из членов, но из всех обсуждений он

был исключен, и при принятии окончательных мер для флота с ним **Ошибка! Залладка не определена.** даже не консультировались, его разумная просьба провести инвентаризацию припасов перед отплытием была отклонена.

БЕЗУМНЫЕ ОЖИДАНИЯ.

Экспедиция была спланирована и заказана в соответствии с первыми подписками [XXXI-7] и была самой крупной и дорогостоящей из всех, которые когда-либо были организованы для осуществления планов колонизации в Новом Свете. 26 июля 1698 года тысяча двести человек, среди них триста юношей, принадлежащих к лучшим семьям Шотландии, и множество ветеранов, уволенных из британской армии после Рисвикского мира, собрались в порту Лейт. Дикое безумие охватило все население Эдинбурга, когда они вышли посмотреть на посадку. Стражники были заняты сдерживанием нетерпеливых претендентов, которые, жаждущие смерти, толпами продвигались вперед, протягивая руки к своим отбывающим соотечественникам и требуя, чтобы их взяли на борт. Безбилетники, получившие приказ высадиться на берег, яростно цеплялись за канаты и мачты, тщетно умоляя разрешить им бесплатно служить на борту флота. Женщины рыдали и хватали ртом воздух; мужчины стояли с непокрытыми головами и сдавленно произносили слова, опутив головы, взывая к благословиению Всемогущего. Знамя Святого Андрея было поднято на адмиральской мачте, и когда легкий ветерок подхватил паруса, рев огромной толпы был слышен далеко по водам фрита. Бриз посвежел, и по мере того, как суда уносило в море, радостные возгласы сопровождали горцев, которые теперь прощались, большинство из них, как оказалось, навсегда, со своей родной землей. **Ошибка! Залладка не определена.**

ШОТЛАНДИЯ В ДАРИЕНЕ.

4 ноября, потеряв пятнадцать человек из своего числа во время плавания, они высадились в Акле; основали там поселение, которому дали название Нью-Сент-Эндрю; прорыли канал через перешеек, отделявший одну сторону гавани от океана, и на этом месте воздвигли форт, на котором установили пятьдесят пушек. На горе на противоположной стороне гавани они построили сторожевую будку, из которой открывался такой обширный вид, что не было опасности быть застигнутым врасплох. У индейцев были куплены земли, а губернаторам нескольких испанских провинций разосланы послания о дружбе.

Через неделю после отправления экспедиции шотландский парламент собрался и единогласно принял обращение к королю с просьбой поддержать колонию Дариен, но индийские компании, не теряя времени, использовали все средства для ее разорения; и, несмотря на решение парламента, британский монарх приказал губернаторам Ямайки, Барбадоса и Нью-Йорка не снабжать поселенцев припасами. [XXXI-8] "Ранкор" зашел так далеко, что шотландским командирам, которые осмелились бы зайти в английские порты даже для ремонта после шторма, угрожал арест. [XXXI-9]

На борту флота был размещен запас провизии, которого должно было хватить на восемь месяцев, но запасы закончились через столько же недель, поскольку те, кто был назначен ответственным за **Ошибка! Залладка не определена.** департамент комиссариата присвоил средства. Рыбалка и охота были единственными ресурсами, а поскольку они были ненадежными, колонисты вскоре оказались на грани голода. С приближением лета атмосфера стала удушливой, и испарения от дымящейся почвы в сочетании с другими причинами нанесли

поселенцам смертельный урон. Люди постоянно направлялись в больницу, а оттуда к могиле, и выжившие оставались в живых только благодаря дружеским услугам индейцев. [XXXI-10]

Положение колонистов с каждым днем становилось все хуже. Корабль, отправленный из Шотландии с провизией, затонул у берегов Картахены. Испанцы на перешейке смотрели на их бедственное положение с самодовольством. Не пришло ни помощи, ни каких-либо вестей из Шотландии; и 22 июня 1699 года, менее чем через восемь месяцев после их прибытия, выжившие решили покинуть поселение. Патерсон, первым поднявшийся на борт корабля в Лейте, последним поднялся на борт в Дариене. Больной лихорадкой и сломленный духом, несчастье так тяжело давило на него, что он временно лишился рассудка. [XXXI-11] Из остальных четыреста погибли в море.

Через восемь недель после отъезда Патерсона из Шотландии прибыли два корабля с обильными запасами провизии и тремя сотнями новобранцев. Обнаружив, что колония в Нью-Сент-Эндрю заброшена, они отплыли на Ямайку, оставив шестерых из своего числа, которые предпочли остаться на перешейке, были обласканы туземцами, и после того, как они прожили там достаточно долго, чтобы насытиться, их благополучно увезли.

Только через несколько месяцев после отбытия первой экспедиции испанский двор выразил протест против вторжения на ее территорию. И нельзя было придумать лучшей политики, чем позволить смерти сделать свое дело; но 3 мая 1699 года памятная **Ошибка! Закладка не определена.** была представлена [XXXI-12] Вильгельму III. послом Испании заявлено, что его католическое величество рассматривает происходящее как разрыв союза между двумя странами и как враждебное вторжение и примет такие меры, какие сочтет наилучшими против незваных гостей.

Спровоцированные этим вмешательством и пока еще ничего не знающие о судьбе своей колонии, шотландцы вскоре после этого [XXXI-13] отправили еще одну экспедицию из тысячи трехсот человек на четырех судах. Корабли были спешно снаряжены, и во время плавания один был потерян, а остальные рассеяны. Многие умерли в пути, а остальные прибыли в разное время сломленными здоровьем и духом. Жилища первых поселенцев были сожжены, форт разобран, инструменты и сельскохозяйственные орудия брошены, а территория поселения заросла сорняками. Тем временем в гавань прибыли два шлюпа с небольшим запасом провизии; но запасов было недостаточно, и пятистам членам отряда было немедленно приказано отплыть в Шотландию.

В феврале 1700 года капитан Кэмпбелл прибыл в Нью-Сент-Эндрю с ротой из трехсот человек, которые служили под его началом во время кампании во Фландрии. К этому времени в колонию поступили сведения о том, что тысяча шестьсот испанцев расположились лагерем на Рио-Санта-Мария, ожидая, что вскоре к ним присоединится эскадра из девяти судов, когда было предложено предпринять согласованную атаку на поселение. Кэмпбелл решил опередить врага и, выступив против него во главе двухсот ветеранов, ночью напал на их лагерь и разогнал его с большой резней. Вернувшись, он обнаружил, что испанские корабли вышли из гавани и что с них высадили войска, лишив их всякой возможности прийти на помощь. Тем не менее в течение шести недель шотландцы выдерживали **Ошибка! Закладка не определена.** осаду, а когда у них закончились боеприпасы, они расплавили свою оловянную посуду и сделали из нее пушечные ядра. Наконец провизия закончилась, и испанцы перекрыли подачу воды. Капитуляция стала неизбежной. Кэмпбелл с несколькими товарищами бежал на борту своего судна и добрался до

Нью-Йорка, а оттуда в Шотландию. Остальные капитулировали при условии, что им будет позволено уйти со своим имуществом, [XXXI-14] но выжившие были так слабы и их было так мало, что они не смогли поднять якорь на своем самом большом корабле, пока испанцы великодушно не пришли им на помощь. Все суда, кроме двух, были потеряны; только тридцати матросам удалось добраться домой, и после потери более двух тысяч жизней и нескольких миллионов денег шотландцы отказались от дальнейших попыток колонизации Твердой Земли. [XXXI-15]

КАРТАХЕНА.

В то время как испанцы были таким образом раздражены иностранными вторжениями в Дариен, столица соседней провинции была захвачена флибустьерами. Это было в 1697 году. Как вы помните, в 1532 году Педро де Эредиа получила провинцию в Новой Андалусии; и там была основана колония Картахена, которая к концу шестнадцатого века превратилась в процветающее поселение. Сто лет спустя Картахена заняла второе место после Мексики среди городов западного мира. Расположенный в просторной гавани, считающейся одной из лучших в Индии, он располагал несколькими большими улицами, каждая длиной почти в шестую часть лиги, с хорошо построенными каменными домами, кафедральным собором, несколькими церквями и многочисленными монастырями. Его население, вероятно, немногим превышало двадцать тысяч человек, из которых около трех тысяч были испанцами, а остальные неграми и мулатами. Он был сильно укреплен природой и искусством и в некоторой степени вытеснил города Перешейка как центр торговли между полушариями. Сюда раз в год заходил "жемчужный флот", целая улица была занята лавками ювелиров, и сюда через Десагуадеро привозили сахар, кошениль и индиго, отправляемые из Гватемалы для отправки в Испанию.

Таким образом, Картахена была заманчивой добычей для бандитов, наводнивших воды Северного моря. Об операциях Дрейка у берегов этого города уже рассказывалось. Через несколько лет после кончины этого знаменитого авантюриста он был превращен в пепел французскими каперами; и теперь, в 1697 году, он был захвачен французским флотом, имевшим на борту тысячу двести человек, из которых семьсот были флибустьерами под командованием барона де Пуанти. Награбленное в ходе этого набега было по-разному оценено в сумму от восьми до сорока миллионов ливров; и все же говорят, что перед взятием города сто десять мулов, нагруженных серебром, были отправлены в безопасное место.

LUIS GARCÍA.

В 1726 году губернатор Панама поручил метису Луису Гарсии, человеку, чьи подвиги принесли ему известность, возглавить индейцев в истребительной войне против французских флибустьеров, которые все еще продолжали опустошать Перешеек.

Короткая, но ожесточенная кампания привела к смерти французского лидера, печально известного Петитпьеда, и Гарсия, вернувшись в Панаму, был щедро вознагражден. Шахты Кана оказались слишком большим искушением для Гарсии после его возвращения в свой дом в Дариене, и, обнаружив, что некоторые касики, территория которых простиралась до реки Бальзас, были в состоянии мятежа из-за обид, нанесенных священниками от имени церкви и короля, он заключил с ними соглашение отказаться от присяги испанцам, отвести свои войска в горные крепости и сформировать собственное правительство. Место встречи было назначено в Кордильерах, и Гарсия, становясь все более Кампания началась в пограничном городке на реке

Явиса, где они убили куру, тенъенте де юстиция, нескольких испанцев и всех индейцев, которые не захотели присоединиться к ним; затем они разграбили это место. Окрыленный этой победой, Гарсия продолжил свой марш, пока не достиг Санта-Марии, где применил ту же систему грабежей и резни. Он добился меньшего успеха, так как жители бежали, прихватив большую часть своих ценностей. Люди Гарсия вошли в город, сожгли его и убили всех испанцев, которых смогли захватить в окрестностях.

Тем временем известие о восстании дошло до президента, и на его подавление было направлено семьдесят отборных людей с хорошими офицерами. Эта и другие попытки повергли население Дариена, насчитывающее теперь двадцать тысяч человек, в ужас, и были запланированы согласованные действия с Панамой. За тело Гарсии, живое или мертвое, была предложена большая награда; в конце концов он погиб от рук негра. [XXXI-16]

Хотя Перешеек был центром первого испанского поселения в Америке, как я уже говорил ранее, туземцы Дариена так и не были полностью покорены. Испанцы строили крепости, собирали индейцев в поселения, вводили миссионеров, охраняли побережье военными кораблями, но все было напрасно. В 1745 году форт Сан-Рафаэль-де-Терабле был построен губернатором Дионисио де Альседо на небольшом полуострове, окаймленном рекой и заливом. В 1751 году туземцы, выполняя часто повторяющуюся угрозу, атаковали эту крепость, и из гарнизона спаслись лишь двое или трое раненых. В 1756 году население Явисы, состоявшее в основном из дружественных индейцев, было вырезано чукунаками. В 1760 году на этом месте был возведен форт, а несколько лет спустя он стал столицей провинции и местом жительства **Ошибка!** **Закладка не определена.** губернатора. В 1768 году чукунаки вырезали гарнизон в Порт-Ипелисе, разграбили склад оружия и инструментов и в том же году опустошили берега Конго.

Десять лет спустя произошел еще один масштабный набег; но в 1774 году Андрес де Ариса, будучи назначен губернатором, энергично и умело расправился с враждебными племенами. Он обнаружил множество тайных проходов и хорошо проторенных дорог из их кварталов в различные части провинции; он расшифровал систему тревожных сигналов и обнаружил ряд пещер, где туземцы строили легкие лодки. Его усилиями индейцев держали в страхе или взяли под контроль.

Но вспышки среди туземцев и набеги корсаров были не единственными бедствиями, которым подвергался Перешеек. В течение восемнадцатого века город Панама трижды подвергался опустошению в результате пожаров. 1 и 2 февраля 1737 года произошел пожар, уничтоживший две трети зданий; 30 марта 1756 года второй пожар уничтожил половину города; а 26 апреля 1771 года сгорело пятьдесят пять домов. [XXXI-17]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ.

В то время как народ Огненной Земли, таким образом, претерпел множество бедствий в этот период своей истории и, как мы увидим позже, часто подвергался нападениям со стороны вооруженных сил враждебных держав, они, по-видимому, были удивительно свободны от внутренних разногласий, которые преобладали ранее. Непристойная вражда между церковью и аудиенсией теперь полностью прекратилась, и летописцы мало что упоминают, заслуживающего внимания. Во второй половине семнадцатого века и за первые несколько лет восемнадцатого сведения о смене губернаторов в Панаме скудны. В 1708 году маркиз де Вилья-Роша был у власти; но, вызвав неудовольствие аудиенции, он был свергнут в июне того же года и

заключен в замок Портобелло. **Ошибка! Закладка не определена.** Его преемник Фернандо де Харо Монтеррозо, старший оидор, сыгравший главную роль в свержении маркиза, держал бразды правления около шести месяцев, когда против него было возбуждено уголовное дело за предполагаемые преступления настолько серьезного характера, что он был отправлен под стражу в Испанию для суда. [XXXI-18] Из Альседо мы узнаем, что Хуан Баутиста де Оруэта-и-Ируста, алькальд дель кримен из аудиенсии Лимы, унаследовал губернаторский пост и правил до 1710 года, когда прибыл назначенный королем губернатор, и Оруэта вернулся в Лиму.

В июне 1711 года Вилья Роша, выйдя на свободу и увидев возможность захватить бразды правления, поспешил в столицу и провозгласил себя губернатором. Его карьера была короткой, поскольку в течение двадцати четырех часов Хосе Уртадо де Амедзага, марискаль дель Кампо королевских войск, вынудил его отречься от престола, а сам он занял губернаторское кресло, занимая его до 1716 года, когда он стал настолько несносен народу, что был смещен по приказу короля. Затем правительство было передано в руки епископа епархии, и полномочия аудиенции были приостановлены. Следуя Хайе, мы обнаруживаем, что доктор Фрай Хосе де Лам-и-Ривас, епископ Панамы, руководил правительством с момента низложения Вилья-Роча до января 1719 года. Власти различаются в порядке наследования полномочий разных губернаторов. Я выбрал Хайю как, вероятно, наиболее точную. Этот автор сообщает нам, что губернатор Альдерете начал свое управление Панамой 25 апреля 1725 года, и что он был свергнут и отправлен в Испанию в 1730 году.

Преемником Альдерете стал Хуан Хосе де Андия, маркиз де Вилья Эрмоса, который был повышен с поста губернатора Картахены до поста президента Панамы. В 1735 году, после пяти лет службы, он был **Ошибка! Закладка не определена.** произведен в генералы королевской армии Испании и вернулся туда с почестями.

Несколько лет спустя Дионисио де Альседо-и-Эррера был назначен начальником всех укрепленных городов, которые были целью англичан в войне, объявленной ими в 1739 году.

За день до Рождества 1749 года губернаторство Панамы было передано Хайме Муньосу де Гусману; но в тот же день прибыл назначенный короной человек в лице Мануэля де Монтиано, который занимал этот пост до 11 ноября 1755 года. Монтиано получил повышение на эту должность от губернатора Флориды и был марискалем де Кампо.

Примерно в это же время, занимаясь геодезическими изысканиями на перешейке, Уллоа имел возможность стать свидетелем того, как покупается и продается справедливость. Дело дошло до того, что члены аудиенции выбрали самого ловкого из своего числа и уполномочили его вести переговоры с соперничающими сторонами относительно того, какую сумму премии они были соответственно готовы выплатить в случае благоприятного вердикта.

В 1758 году губернатором Панамы был Антонио Гильом, офицер необычных заслуг, чьи управленческие способности высоко ценились короной. В 1761 году он был произведен в генерал-капитаны Чили. В следующем году Хосе Раон сменил его на этом посту, а два года спустя был назначен президентом Манилы. В 1764 году Хосе Васко-и-Ороско стал губернатором. Он умер в 1767 году, и его сменил в январе 1769 года Висенте Олазиреги, другие временно исполняли обязанности в течение этого промежутка. Временные назначения производились до 1779 года, когда руководство взял на себя Рамон де Карбахаль, вернувшийся в Испанию в 1786 году.

До 1718 года три провинции Перешейка подчинялись вице-королю Перу, но после этого они были включены в состав Новой Гранады, вице-короля **Ошибка! Закладка не определена.**, часть которого проживала в Санта-Фе-де-Богота. Последний был наделен прерогативами королевской семьи, и единственными ограничителями его полномочий были вид на жительство и право обжалования в суде Панамы. Аудиенция пользовалась привилегией прямого общения с сувереном и с советом Индии. Любому благотворному эффекту, который мог бы оказать этот институт, в значительной степени противодействовали огромные полномочия вице-короля и вытекающие из них средства влияния на любого подчиненного.

В 1774 году в Панаме была учреждена новая аудиенция-реаль-и-чансильерия, имеющая своими пределами провинцию Кастилия-дель-Оро до Портобелло, провинцию Верагуа и в направлении Перу до портов Буэнависта и реки Дариен, причем территория, находящаяся под ее контролем, ограничена на востоке и юге территорией, находящейся под юрисдикцией аудиенций Гранады и Кито; на западе территорией Гватемалы; а на севере и юге двумя океанами.

ЖЕМЧУГ И ЗОЛОТО.

Уже говорилось, что примерно к концу шестнадцатого века рыболовство на Жемчужных островах истощилось и что после этого оно было заброшено на несколько десятилетий. В 1697 году итальянский путешественник Джемелли Карери посетил Панаму, и, согласно его отчету, промыслы тогда давали жемчуг, равный тому, что был найден близ Цейлона. Он упоминает один, принадлежавший священнику-иезуиту, который весил шестьдесят зерен и за который владелец отказался от семидесяти тысяч песо. [XXXI-19]

Примерно в то же время на Перешейке была возрождена золотодобывающая промышленность. В Дариене и Верагуа, но особенно в бывшей провинции, были вновь отработаны заброшенные шахты и открыты новые. Оперативниками были рабы, свободные негры, самбо и мулаты, которые получали за свою зарплату **Ошибка! Закладка не определена.** определенное количество взятки и часто ворованного золотого песка, достаточного для того, чтобы сделать их такими же богатыми, как их хозяева. Негры с удовольствием давали своим возлюбленным модные балы, на которых они появлялись с волосами, сверкающими золотыми безделушками, иногда посыпая пол бального зала золотой пылью.

Раб Антонио де Соса обнаружил карман с золотом, который, как говорят, принес шестьдесят тысяч кастельяно; и, сообщив об этом своему хозяину, был вознагражден свободой для себя и своей жены, а также домом и участком в Панаме и умеренным доходом, позволяющим наслаждаться свободой. Об одном бродяге-мулате рассказывают, что он внезапно появился в церкви Санто-Доминго и привлек всеобщее внимание удивительно блестящими четками, сделанными из крупных самородков чистейшего золота. Место находки впоследствии стало известно как рудничный район Росарио. Среди других найденных самородков был один, найденный на рудниках Санта-Мария, весом, по словам Дампира, сто двадцать фунтов. Подобных примеров можно было бы привести множество, но было сказано достаточно, чтобы показать ценность рудников, из которых в то время в Панаму отправлялось больше золота, чем из всех других испанских провинций. Еще в 1720 году они приносили солидный доход испанской короне.

РУДНИКИ И ТОВАРЫ.

Особенно богатыми были рудники Кана в горах Эспириту-Санту, и в начале восемнадцатого века они так часто подвергались набегам грабителей, что на какое-то время были заброшены. В 1702 и 1712 годах, в первом из которых в городе Кана насчитывалось девятьсот домов, это место было разграблено англичанами; в 1724 году французами; и в 1727 году индейцами. В течение этих и более поздних лет другие части перешейка несколько раз подвергались вторжениям корсаров или вооруженных сил Англии якобы в качестве возмездия за ущерб, нанесенный британской торговле.

В 1713 году Великобритания получила *асиенто* за поставку **Ошибка! Закладка не определена.** испанским колониям [XXXI-20], а также привилегию ежегодно отправлять в Портобелло пятисоттонное судно, груженное европейскими товарами. Британские фабрики вскоре были открыты в Картахене и Панаме. И британские торговцы, поспешившие воспользоваться этой лицензией, поставляли товары без ограничений. Вместо судна водоизмещением в пятьсот тонн они обычно отправляли судно почти вдвое большей вместимости в сопровождении двух или трех судов поменьше, которые, пришвартовавшись в какой-нибудь соседней бухте, доставляли свежие тюки товаров, когда запасы на борту более крупного судна истощались. Инспекторы ярмарки и чиновники налоговой службы были подкуплены, и постепенно огромная торговля сеvilских купцов была свернута, а эскадры, которые обычно были гордостью Испании и предметом зависти народов, сократились до незначительных размеров, на галеонах почти не было другого груза, кроме того, который обеспечивался рудниками и королевской данью. В 1719 году была предпринята попытка вернуть утраченные позиции: седула от 1 декабря запретила внешнюю торговлю и расширила возможности для внутренней торговли. [XXXI-21]

После заключения Севильского мирного договора между Испанией и Англией часто поступали жалобы на грабежи, совершенные испанской гвардией костас против британской торговли в Вест-Индии. Англичане, конечно, нанесли ответный удар. После чего испанцы, недовольные разграблением британских торговых судов, жестоко обращались с их экипажами. Эскадра из четырех **Ошибка! Закладка не определена.** Двадцатипушечные корабли и два шлюпа были отправлены в Индию, и суда, прибывающие из Нового Света, постоянно приносили отчеты о зверствах, учиненных или допущенных капитанами испанских судов. В 1738 году палата общин решила расследовать это дело и установить количество судов, захваченных испанцами, стоимость их грузов и характер предполагаемых жестокостей. Случай, о котором рассказали в комиссии по расследованию, назначенной палатой общин, вызвал чувство негодования по всей Великобритании. Некий капитан Дженкинс, капитан торгового брига из Глазго, заявил, что на его судно взял на абордаж гварда костас, что с его командой плохо обращались, а одно из его собственных ушей было отрезано, капитан судна вложил его ему в руку и приказал отнести домой королю, с которым он заявил, что поступил бы точно так же, если бы тот был в его власти. Впоследствии эта история была дискредитирована, но независимо от того, была ли она правдивой или ложной, в то время палата общин и народ Англии в нее поверили. 14 января 1739 года между двумя странами была подписана конвенция, в соответствии с которой Испания согласилась возместить британским торговцам их убытки, но испанцы впоследствии отказались выплачивать оговоренную сумму. Вследствие этого, а также жестокого обращения с британскими подданными, в июле того же года адмиралтейством были выданы каперские свидетельства и карательные меры, но только в октябре следующего года война была официально объявлена.

ДЖЕНТЛЬМЕНСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ КОМАНДИР.

Теперь было решено отправить сильную эскадру в Вест-Индию [XXXI-22] для защиты британской торговли и, в отместку за ущерб, нанесенный испанцами, атаковать Портобелло. Этот город был настолько сильно укреплен, что во время дебатов в палате общин один из ее членов заявил, что его нельзя было захватить менее чем пятьюдесятью или шестьюдесятью **Ошибка! Залкадка не определена.**; после чего капитан Эдвард Вернон, сам член палаты общин, случайно присутствовавший при этом, встал и сказал: "Я поплачусь жизнью, если не смогу взять его шестью кораблями". Предложение было немедленно принято; капитан получил командование экспедицией и, получив звание вице-адмирала, отправился в плавание 20 июля 1739 года. Причалив к Порт-Ройялю, он получил подкрепление в 240 человек и, тцетно ожидая дополнительных сухопутных войск из Англии, вышел в море с семью судами, шесть из которых имели на борту 2735 человек и 370 орудий; одному было приказано крейсировать у Картахены, чтобы командующий мог выполнить свое обещание захватить город только шестью кораблями. При приближении к побережью три испанских военных корабля были замечены и преследовались, но им удалось спастись и они нашли надежное укрытие, как и предполагали их капитаны, под пушками фортов.

На рассвете 21 ноября британская эскадра вошла в гавань в боевом порядке. Из самого сильного форта испанцев, известного как Железный замок, сразу же был открыт интенсивный огонь, и именно против этого пункта Вернон направил свою атаку. *Хэмптон Корт*, судно с 70 пушками и 500 матросами, шло впереди и, бросив якорь почти в кабельтове от форта, в течение нескольких минут принимало на себя всю тяжесть сражения. В течение получаса в бой вступили еще два судна, и вскоре верхняя часть стены замка была разрушена, когда многие испанцы побросали свои пушки и бежали. Заметив это, адмирал приказал лейтенанту с сорока матросами и отрядом морской пехоты высадиться и взять форт штурмом. Затем он бросил якорь на своем собственном корабле "*Берфорд*" на расстоянии полуквартала от вражеской пушки, чтобы прикрыть штурмующий отряд. Он встретил теплый прием, поскольку испанцы открыли огонь в упор по "*Берфорду*", и все орудия сработали. Одна пуля прошла сквозь фок-мачту, другая ударила в двух дюймах от грот-мачты, третья пробила фальшборт шканцев, недалеко от **Ошибка! Залкадка не определена.** к месту, где стоял Вернон, убив двух человек и ранив еще пятерых. Корма адмиральской баржи была отстрелена, и большая карронада на главной палубе была выведена из строя. Но вскоре флагманский корабль дал залп правым бортом по замку и первым же залпом отогнал испанцев от их нижних батарей; затем, развернувшись на тресе, он дал еще один залп из орудий левого борта. Огонь ее стрелкового оружия велся по нижним амбразурам; люди тем временем благополучно высадились из лодок, и вскоре на "Железном замке" был поднят белый флаг. Стрельба продолжалась до темноты из двух других фортов, которые тогда охраняли гавань Портобелло, но на следующее утро город, укрепления и все суда в порту были окончательно сданы англичанам. [XXXI-23]

Вернон не позволил бы своим людям грабить город [XXXI-24] или приставать к жителям; но десять тысяч **Ошибка! Залкадка не определена.** песо, предназначенные для выплаты жалованья гарнизону, были найдены спрятанными и распределены между английскими войсками. [XXXI-25] Самые исправные орудия были размещены на борту флота; остальные были начинены шипами; боеприпасы были надежно закреплены, и после взрыва всех городских укреплений Вернон, подкрепленный теперь несколькими судами, вернулся в Порт-Ройял, откуда после переоборудования своего флота он отплыл 25 февраля 1740 года к устью Чагре с шестью военными кораблями и несколькими брандерами, бомбовыми установками и тендерами.

Замок Сан-Лоренцо, который, как известно, был разрушен Морганом в 1671 году, был перестроен и сильно укреплен. Теперь Вернон решил уничтожить его и таким образом нанести еще один удар по испанским владениям на Твердой Земле; но сначала наказать жителей Картахены, из этого города испанский адмирал Дон Блас прислал ему, находясь в Портобелло, послание, отдававшее дерзостью. Дон обвинил его в страхе и заметил, что "захватывать города и разрушать королевские укрепления было необычным и неожиданным способом совершения репрессий". Это замечание британский командующий счел достаточным оправданием для обстрела города, в ходе которого таможня, иезуитский колледж, церковь и другие здания были превращены в руины, хотя ему не удалось захватить Картахену. Замок Сан-Лоренцо был сдан с незначительным сопротивлением, и после дальнейших грабежей на побережье Вернон отплыл от берегов Огненной земли. **Ошибка! Закладка не определена.**

Примерно через три недели после объявления войны между Англией и Испанией капитан Джордж Энсон прибыл в Спитхед из своего похода у берегов Африки и Вест-Индии. Ему было поручено командовать вооружением, состоящим из шести судов с 1510 людьми и 236 орудиями, и было обещано выделить пехоту, состоящую из нескольких сотен отборных солдат, целью экспедиции было действовать на побережье Перу, а оттуда двигаться на север, атаковать Панаму и захватить флот с сокровищами.

ЭКСПЕДИЦИЯ ВЕРНОНА.

В 1741 году Вернон, который сейчас находился на Ямайке, был назначен командующим самым большим флотом и армией, которые когда-либо были отправлены в Вест-Индию. Двадцать девять линейных кораблей с большим количеством фрегатов, бомбометов и брандеров, укомплектованных 15 000 моряками и имевших на борту около 12 000 военнослужащих, были собраны здесь для высадки на материк. Энсону было поручено сотрудничать с Верноном на пути к перешейку; и если бы эти экспедиции не потерпели ряд неудач, отчасти вызванных нерешительной политикой британского министерства, владычеству Испании в западном мире мог бы сейчас прийти конец.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЭНСОНА.

Но вместо отборных войск на борт кораблей Энсона было размещено несколько необученных рекрутов, единственными ветеранами были инвалиды; и отплытие его эскадры было отложено до 18 сентября 1740 года. Пройдя Магелланов пролив, они столкнулись с яростным штормом, который продолжался пятьдесят восемь дней. Суда были разделены, и 9 июня следующего года адмиральский корабль "*Центурион*" прибыл на остров Хуан-Фернандес с командой, пораженной цингой. Здесь к нему вскоре присоединились еще двое из эскадры, и, пробыв сто четыре дня на острове, он отплыл к берегам Южной Америки, разграбив и подожгв город Пайта и захватив несколько судов, люди на борту одного из которых сообщили ему, что Вернон потерпел поражение при Картахене. Было решено не предпринимать никаких попыток захватить Панаму; и после некоторых дальнейших приключений Энсон отплыл в сторону Манилы и захватил в окрестностях приз, который вознаграждал его и его последователей за весь их труд и страдания. Это был испанский галеон, имевший на борту почти полтора миллиона песо. Затем Энсон направился домой и прибыл в Англию через мыс Доброй Надежды 15 июня 1744 года, совершив кругосветное плавание продолжительностью три года и девять месяцев.

После поражения при Картахене Вернон вернулся на Ямайку, где вскоре был подкреплён четырьмя военными кораблями и тремя тысячами солдат, присланных из Англии. 9 марта 1742 года он отплыл в Портобелло, намереваясь оттуда проследовать в Панаму и захватить этот город. Прибыв на перешеек, он обнаружил, что сезон дождей уже начался; его люди заболели, и после проведения военного совета было решено ещё раз вернуться на Ямайку. Поэтому вскоре после этого ему было приказано возвращаться домой, и остатки его войск составляли теперь лишь десятую часть от того числа, которое было вверено его командованию. Так катастрофой закончилась экспедиция, отправленная на завоевание империи.

Несмотря на поражение экспедиции Вернона, поселения на Северном море так часто подвергались опустошению, что после 1748 года между Испанией и её колониями на Огненной Земле и в Южной Америке почти не было сношений, за исключением мыса Горн. Отправка флотов к перешейку была прекращена. Однако лицензии были предоставлены судам, называемым судами реестра, и в 1764 году была установлена ежемесячная линия пакетов для связи с Портобелло и Картахеной. Несколько лет спустя ограничения на торговлю были сняты международным договором; но задолго до конца восемнадцатого века торговля на перешейке пришла в упадок, и дорогу из Панамы в Портобелло больше нельзя было назвать одной из главных торговых магистралей мира. Сельское хозяйство и мануфактуры были заброшены, рудники истощились, а торговля, которая более двухсот лет была жизненной силой Панамы, больше не существовала.

ГЛАВА XXXII.

МОСКИТИЯ, НИКАРАГУА И КОСТА-РИКА

1701-1800гг.

Самбо Москитии — Их территория — Вождь москитов коронован — Договоры между Испанией и Англией — Британцы оккупируют Москитию — Гальвес захватывает английское поселение на Черной реке — Вооружение отправлено с Ямайки в Москитию — Капитуляция испанцев — Колонистам приказано покинуть побережье — Губернаторы Никарагуа — Британцы потерпели поражение при форте Сан — Карлос — Они захватывают форт Сан — Хуан — Но вынуждены отступить — Церковные дела — Миссионерские экспедиции в Таламанку — Дела в Коста-Рике.

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ.

На восточном побережье Никарагуа и Гондураса в семнадцатом веке жил народ, известный между собой как мисскитос, а испанцы называли его москито, или чаще самбо, отпрыски, вероятно, симарронов и туземных женщин. Ими правил наследственный король, территория которого, когда пираты впервые посетили его владения, была очень ограниченной, хотя язык москито, идентичный тому, на котором говорят люди аналогичного происхождения в Вест-Индии, со временем распространился от мыса Гондурас до Десагуадеро и так далеко вглубь материка, как Блэк-Ривер. Они были воинственной расой и, как мы увидим, могли выстоять против испанцев. Их главным оружием были лук и стрелы, в обращении с которыми, как говорят, женщины были такими же искусными, как и мужчины. Лук был из железного дерева, часто шести футов в длину, с натянутой корой. Стрела была из дерева или тростника, закаленного в огне, с наконечником из рыбьей кости, кремня или **Ошибка! Закладка не определена.** зубы, отравленные соком дерева мансанилья. Они сражались также тростниковыми копьями девяти футов длиной, а также дротиками, дубинками и тяжелыми остроконечными мечами,

сделанными из ядовитого дерева. Их защитные доспехи были сделаны из покрытого пластинами тростника, покрытого тигровыми шкурами и украшенного перьями. К концу столетия москиты могли выставить на поле боя более сорока тысяч воинов; они выбирали в качестве лидера каждой экспедиции самого храброго и опытного из своего числа. [XXXII-1]

"Внутренние районы страны Москетто очень бесплодны, - утверждает англичанин, побывавший в этих краях в конце семнадцатого века и написавший свое описание примерно в 1699 году, - но в лесах по берегам рек и у больших лагун в изобилии произрастает множество видов фруктов, диких зверей и домашней птицы.... Бананы ... они растут в изобилии на небольших плантациях в темных уголках леса, у берегов рек.... Ананасы тоже... у них достаточно и мамоны, которая является очень сладким фруктом ... и растет на средних низких деревьях, как яблоки.

Саффадиллы, на которых растут ягоды величиной с терн, желтоватого цвета, которые очень приятны на вкус и полезны, необычайной силы, ... очень часто встречаются в их лесах; также как и разновидность приятного сливового дерева, которое вырастает очень большим и имеет восхитительный запах.... Крупную индийскую пшеницу, или маис, они сажают понемногу для приготовления напитка; а также несколько деревьев какао ... но их лень не позволяет им сажать большую часть последнего, потому что они могут украсть его в готовом виде у испанцев, у которых есть большие плантации на реке Карпентерс, недалеко от них. Сахарный тростник, который я видел на плантации старого короля Джереми, гораздо больше, чем я когда-либо видел на Ямайке, но индейцы, не знающие, как делать сахар или ром, пренебрегают им....

Папайские деревья, которые приносят сладкие плоды, почти как **Ошибка! Закладка не определена.** мускусная дыня по форме и вкусу... очень многочисленны. Кокосовые орехи, какао-сливы и крупный виноград, растущие на огромных деревьях с большими камнями внутри ... растут вдоль берегов. Деревья монело, плоды которых свисают, как французская фасоль, и имеют очень насыщенный аромат при сушке и лучше всего подходят для приготовления шоколада, в изобилии растут на берегах Черной реки в этой стране. Все мясо, которое едят эти люди ... они добывают охотой.... У них есть небольшая разновидность ланей, как у наших англичан, с более короткими рогами, которые обитают на внутренних опушках лесов, недалеко от Саванны.... Горная корова, которую туземцы называют Тильбу, размером с годовалого английского теленка, с мордой, как у слона, без рогов; они весь день прячутся в илистых зарослях, спасаясь от тигров, а ночью переплывают реку, чтобы добыть пищу.... Уорри и пикари пасутся большими стадами и представляют собой два вида индийских диких свиней, у которых оба пупка расположены на спине. [XXXII-2] ... В некоторых частях этой страны довольно много домашней птицы.... На их тропинках подорожника обитает довольно крупная домашняя птица, которую туземцы называют куамоу и английские корасао; это небольшая разновидность индийской индейки.... Вяхири ... и разновидность жирных голубей, обычно ползающих по земле, достаточно многочисленны.... В лесах водится множество других птиц, наиболее причудливо окрашенных, которые годятся в пищу.... В пресноводных реках у них водится разновидность черепахи, называемая кушвау, ... а на побережье в изобилии водятся крупные морские черепахи.... У них водятся большие косяки кефали, серебристой рыбы, сома, кавальси, акул, нянек, окуней, морских окуней, несколько тюленей, скатов, вьюнков и морских дьяволов.... Их лучшая рыба - ламантин, или морская корова ... Иногда их можно встретить в лагунах ... но они не увеличиваются из-за жадности индейцев, которые не жалеют сил, когда у них есть перспектива их заполучить." [XXXII-3] Здесь, **Ошибка! Закладка не определена.** тогда это была территория, богатая природными ресурсами, которая, хотя и была открыта Колумбом в 1502 году, оставалась нетронутой испанцами в течение примерно двух столетий, причина в том,

что главным образом потому, что там не было обнаружено золота. Западный, или североамериканский, участок побережья Центральной Америки, от мыса Грасиас-а-Диос до залива Ураба, был предоставлен, как мы видели, Диего де Никуэсе, чья катастрофическая экспедиция в Верагуа уже была представлена. [XXXII-4] В 1576 году королевская седула передала побережье Москитии лицензиату Диего Гарсия де Паласиосу, капитан Диего Лопес был назначен лицензиатом-губернатором и генерал-капитаном провинции и предпринял попытку завоевания территории на свой страх и риск. [XXXII-5] Но, похоже, капитан не предпринял никаких действий по этому поводу, и туземцев, симарронеса и Москито, не беспокоили до прибытия пиратов, которые нашли в запутанных бухтах и извилистых реках Москитии множество мест, хорошо приспособленных для укрытия их легких быстроходных судов. Штаб-квартира флибустьеров находилась на мысе Грасиас-а-Диос. Здесь они встречались, чтобы разделить добычу и принять решение о новых экспедициях; и при каждом удобном случае они, как ястребы, набрасывались оттуда на галеоны, груженные богатствами Перу.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ.

Английские поселения, с которыми буканьеры якобы не имели никакого отношения, были основаны на этой территории до 1670 года, и по Мадридскому мирному договору, подписанному в тот день, были признаны права Великобритании. Седьмая статья этого договора предусматривала, что "король Великобритании, его наследники и преемники будут владеть вечно с полным правом суверенного владычества, собственности и **Ошибка! Закладка не определена.** владеть всеми землями, странами, островами, колониями и доминионами, какими бы они ни были, расположенными в Вест-Индии или в любой части Америки, которыми упомянутый король Великобритании и его подданные в настоящее время владеют ". В том же году между Великобританией и Москитией был заключен союз, наступательный и оборонительный. [XXXII-6]

В 1687 году один из вождей москито был отправлен на Ямайку, чтобы передать свою родную землю под защиту Великобритании. "Но, - говорит сэр Ханс Слоун, - он сбежал от своих надзирателей, стянул с себя одежду, которую на него надели друзья, и забрался на вершину дерева". Вскоре обещание доброго обращения побудило его спуститься, после чего он получил треуголку и письменное свидетельство с печатью губернатора, объявляющего его королем Москитии.

По правде говоря, действиям британского правительства в это время мало что можно оправдать, поскольку они касаются испанских владений в Индии. Губернаторы Ямайки потворствовали набегам пиратов, и, как мы видели, сэр Генри Морган, титулованный пират, занимал высокий пост на этом острове; хотя, когда он разбогател, обманув своих товарищей-головорезов, он наказал тех, кто не дал ему взятку, разделив их добычу. Губернаторы часто менялись, чтобы Великобритания могла сохранять дружеские отношения с Испанией, но эта мера не предотвратила бесчинств, которые были описаны в предыдущих главах.

После заключения Рисвикского мира в 1697 году мы больше не слышим о пиратских набегах, и в том же году остров Сан-Кристобаль был возвращен Испании. В 1713, 1715 и 1721 годах между Великобританией и Испанией были подписаны договоры, в последнем из которых оговаривалось, что торговля и мореплавание должны быть предоставлены испанцам в Вест-

Индии и что границы владений Нового Света должны быть свободны **Ошибка! Залкада не определена.** должны оставаться такими, какими они были во времена Карл II. короля Испании.

В 1720 году между сэром Николасом Лоузом, тогдашним губернатором Ямайки, и Джереми, тогдашним королем самбо, был заключен договор, по которому последний согласился помочь английским плантаторам в поимке беглых рабов, при этом "Москито" были обеспечены лодками, оружием и амуницией и получали плату за свои услуги. [XXXII-7] Но туземцы, вооруженные и снаряженные таким образом, воспользовались представившейся возможностью совершать набеги на соседние испанские поселения.

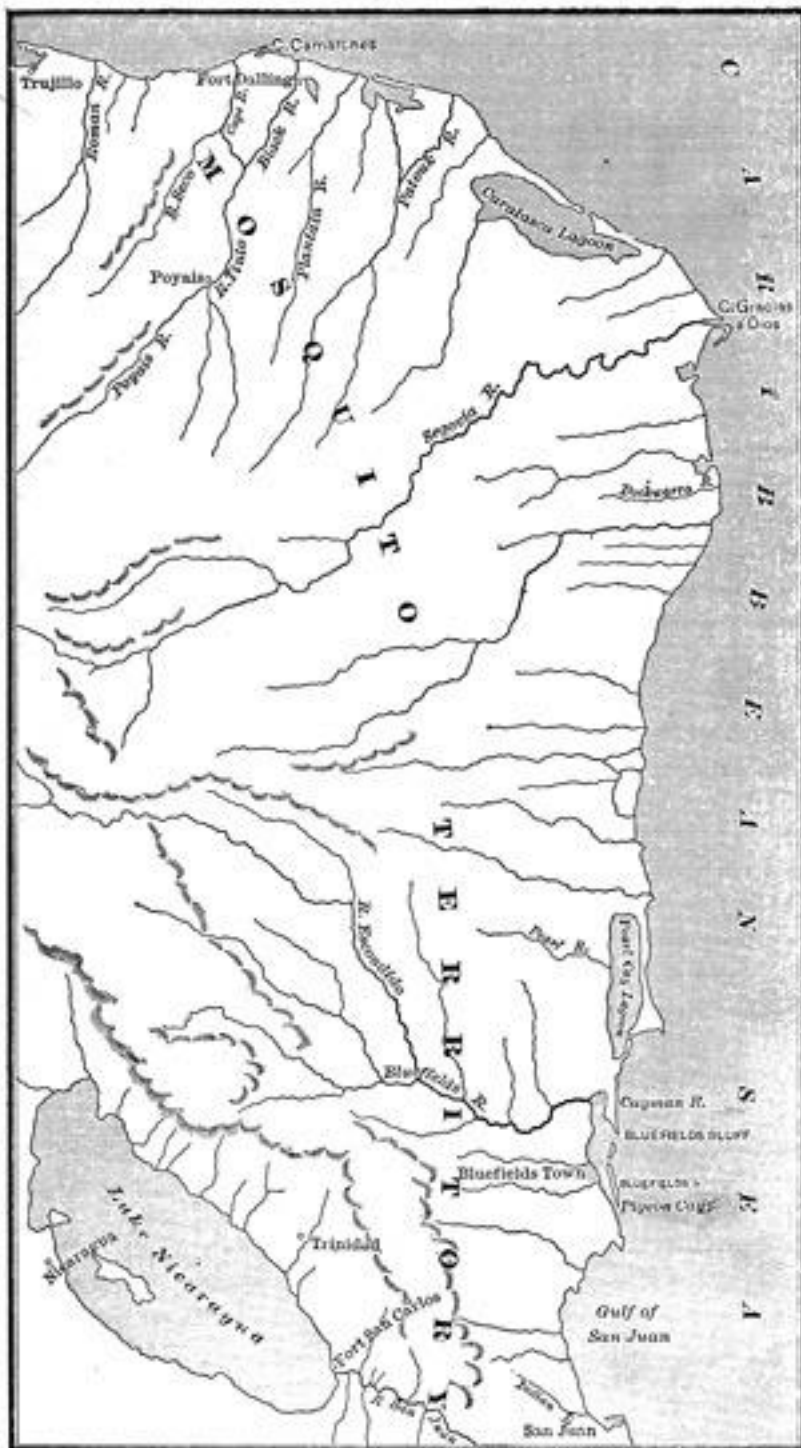
ОТЧЕТ АЛЬКАЛЬДА-МЭРА.

В архивах Гватемалы хранится отчет алькальда-мэра Тегусигальпы, проживавшего в то время в этой провинции, составленный по приказу президента в соответствии с ранее изданным королевским указом. "У самбо, - говорит алькальд, - много судов, провизии, оружия и боеприпасов, поскольку их поставляют англичане с Ямайки, которые подстрекают их к военным действиям против испанцев. Их страна также является убежищем для мулатов, негров и других злодеев, которые скрываются от правосудия в испанских поселениях и которые предоставляют им информацию об испанских планах, а также присоединяются к ним в исполнении их собственных. У них хватило наглости называть своего вождя "Херемиас, Рей дель Москито". Этот человек выдает каперские свидетельства своим так называемым вассалам, которые опустошают побережье от Белиза до Портобелло, держа подданных Испании, осуществляющих торговлю в этих морях, в постоянной тревоге — некоторые из них потеряли свою жизнь, другие - свободу, третьи - имущество. Эти люди населяют регион от юрисдикции Комаягуа до юрисдикции Коста-Рики, всегда недалеко от побережья. Между ними и испанскими поселениями находится кордильера, по этим причинам они совершают свои вторжения, поднимаясь вверх по рекам. Их страна имеет ширину около шести лиг между горами и морем, причем ближайшая к морю половина находится там, где **Ошибка! Залкада не определена.** у них есть свои возделанные земли и свой скот, другая часть бесполезна. Они живут на ранчо или в разбросанных домах — даже на ранчо дома никогда не располагаются рядом друг с другом, — так что, если один дом подвергнется нападению, у жителей других может быть время для защиты или бегства. Их главное поселение находится примерно в центре этой береговой линии. Оно находится в лагуне, и здесь живут их так называемый король и его главные люди. Поселение окружено стеной, ровом, широким и глубоким, и засыпано таким образом, что кажущаяся твердой земля прогибается под ногами неосторожного незнакомца, пытающегося проникнуть в город. В город есть только два входа, и они известны только этим людям, испанцам, побывавшим в плену, и беженцам". [XXXII-8]

В этом отчете упоминаются дальнейшие грабежи туземцев; и рекомендуется направить против них экспедиции по суше и морю для уничтожения виновных. В 1740 году, когда Англия и Испания находились в состоянии войны, губернатор Ямайки в письме герцогу Ньюкаслскому утверждает, что на территории тогда находилось около сотни англичан, и предполагает, что они могли быть использованы для подстрекательства самбо ко всеобщему восстанию против испанцев. Полковник Роберт Ходжсон был отправлен на это побережье в том же году со специальной миссией и, победив короля самбо и его предводителей, добился от них уступки их территории и водрузил английский флаг на берегу Москитии; но провал экспедиций Энсона и Вернона, которые уже были описаны, и непокорный дух большинства местных жителей

предотвратили любое вторжение в испанские провинции. В 1744 году Ходжсон был назначен суперинтендантом Москито-шора, подчиненного губернатору Ямайки, и были переброшены войска, возведены форты, оснащенные артиллерией, и таким образом британцы вступили во владение страной. Испанцы **Ошибка! Закладка не определена.** никогда не прекращали своих протестов против этих посягательств и в 1750 году пригрозили изгнать незваных гостей силой. Затем Ходжсону было поручено заявить, что его присутствие было лишь для того, чтобы удержать местных жителей от совершения грабежей в испанских поселениях. Это объяснение было принято в то время по политическим мотивам, но все же грабежи продолжались, и споры, возникающие в связи с политикой Англии в этом вопросе, помогли привести к разрыву, завершившемуся Парижским мирным договором 1763 года, в котором было оговорено, что Великобритания должна разрушить все форты, которые по ее приказу были возведены в испанских провинциях, включая Мосkitное побережье.

Когда Англия прекратила военную оккупацию Москитии, большинство поселенцев все еще оставались там; и, полагая, что Великобритания вскоре установит временное правительство на побережье, некоторые из них приобрели у местных жителей земли, пригодные для выращивания сахарного тростника, хлопка и какао. В 1771 году восемь человек объединились в покупке большого участка на реке Поллой, который, как говорят, содержит золото и простирается на тридцать миль по обоим берегам. Два года спустя несколько шахтеров были привлечены к работе, но, как утверждается, из-за их ненадлежащего поведения предприятие не увенчалось успехом.

Москитный берег.

Новая система управления британскими поселениями в Москитии была создана лордом Дартмутом в 1775 году и приведена в исполнение сэром Бэзилем Китом, тогдашним губернатором Ямайки. [XXXII-9] Ходжсону было приказано вернуться домой, и в 1776 году его место занял полковник Лоури. Новый суперинтендант обнаружил, что туземцы и поселенцы сильно взволнованы из-за захвата испанцами английского судна на Черной реке, [XXXII-10] **Ошибка! Закладка не определена.** и отношение последних к самбо и их союзникам.

Колонисты оказались перед дилеммой, потому что испанцы ненавидели их, а английское правительство мало поощряло их. [XXXII-11]

В марте 1782 года Матиас де Гальвес, генерал-капитан Гватемалы, покинул Тринидад с флотилией, хорошо укомплектованной и оснащенной, с общепризнанной целью наказать жителей Москитии и изгнать англичан с берега. Гальвес удачно выбрал время. После катастрофы 1780 года, которая будет описана позже, англичане оставили Блэк-Ривер в незащищенном состоянии, а в апреле следующего года отряд из Трухильо рассеял немногих оставшихся колонистов, разграбив и уничтожив их поселения. Вскоре после этого суперинтендант Лоури вернулся в Блэк-Ривер вместе с остатками поселенцев, сильно ослабевшими и с пошатнувшимся здоровьем. Согласно английскому официальному отчету, в этом пункте был расквартирован двадцать один солдат регулярной армии, не считая поселенцев, негров и нескольких сотен туземцев. Они были плохо подготовлены к обороне, испытывая нехватку оружия и провизии.

Испанские войска наступали с юга, численностью 1350 пеших и 100 конных, и с запада, численностью 1000 человек. Линейный корабль и фрегат бросили якорь в реке и под сильным огнем высадили 500 человек. На следующий день после прибытия этих судов капитан Дуглас, командовавший английским ополчением, укрепил свои пушки и при отступлении был взят в плен испанцами. Был проведен военный совет, на котором было решено отступить к мысу Грасиас-а-Диос, куда британцы и их союзники добрались в безопасности, хотя и серьезно страдали от болезней, вызванных нехваткой еды и одежды. **Ошибка! Закладка не определена.**

Вскоре после этого Гальвес вернулся в Гватемалу через Трухильо, оставив гарнизоны в нескольких точках на реке. Вскоре они оказались в критическом положении из-за многочисленных враждебных отрядов, которые бродили по соседним лесам, чтобы перехватить провизию и отрезать пути фуражиров. Ветры и течения затрудняли доставку припасов по морю. Более того, проливные дожди сделали дороги практически непроходимыми. На совете, состоявшемся 10 июля, было принято решение о прекращении строительства, если к концу месяца не придет помощь. Однако до того, как это время наступило, нескольким ветеранам под руководством одного Терри удалось добраться до Черной реки. Гарнизон был еще более воодушевлен известием о том, что вооруженное торговое судно стоит в Трухильо в ожидании приказа президента действовать от их имени.

ПОБЕДА АНГЛИЙСКОГО ФЛОТА.

Решающая морская победа англичан над французами в апреле позволила губернатору и адмиралу Ямайки обратить свое внимание на Москито-шор. Небольшая эскадра с отрядом войск, снабженная оружием, припасами, боеприпасами, провизией и подарками для туземцев, отплыла из Порт-Ройяля и 17 августа прибыла на мыс Грасиас-а-Диос, целью экспедиции было оказать помощь поселенцам и туземцам в изгнании испанцев из окрестностей Черной реки. [XXXII-12] Здесь они нашли суперинтенданта во главе восьмисот поселенцев, москитов и негров, намеревавшихся через несколько дней выступить в атаку на испанцев.

Вооружение отплыло с мыса 26 августа под командованием полковника Деспарда, а 28-го высадилось на реке Плантейн, где к нему присоединились несколько свободных мужчин и негров из этого района, а также капитан Джон Кэмпбелл, который с примерно 150 неграми-

добровольцами атаковал и **Ошибка! Закладка не определена.** захватил форт Даллинг, который защищало такое же количество Испанцы.

29-го весь корпус численностью около тысячи человек продвинулся к утесу в устье Черной реки и на следующий день расположился лагерем на берегу лагуны напротив противника. Затем испанский командующий начал совещание с полковником Деспардом, результатом которого стала капитуляция, и его люди, хотя и насчитывавшие более семисот регулярных войск, сдались в плен.

В 1783 году между Англией и Испанией был заключен договор, по которому первая согласилась отказаться от всех поселений на испанском континенте; но Англия не хотела признавать, что побережье Москито было включено в это определение. [XXXII-13] Отсюда возникли споры; и три года спустя был заключен дополнительный договор, в первой статье которого было четко оговорено, что "Подданные Его Британского Величества и другие колонисты, которые до сих пор пользовались защитой Англии, должны покинуть Страну москитов, а также Континент в целом и прилегающие острова без исключения, расположенные за линией, описанной ниже, как то, что должно быть Границей территории, предоставленной его Католическим Величеством Англичанам".

В статье II определенная территория на Юкатане передается британцам, о чем будет упомянуто в соответствующем месте. [XXXII-14] Вскоре после этого поселенцам был разослан положительный приказ убраться с побережья. Большинство из них подчинились, [XXXII-15] хотя и медленно и неохотно, лишь немногие остались на свой страх и риск и продолжили торговлю с Ямайкой, главным образом рабами.

После мирного договора 1786 года британское правительство больше не поддерживало отношений с аборигенами Москито **Ошибка! Закладка не определена.** побережье до тех пор, пока Испания не потеряла свои владения в Центральной Америке. [XXXII-16] Тем временем губернаторы испанских провинций предприняли несколько попыток создать постоянные представительства в Москитии, но безуспешно. В 1796 году самбо захватили свое последнее поселение на Черной реке и изгнали испанцев со своего берега.

ГУБЕРНАТОРЫ НИКАРАГУА.

О делах в Никарагуа в XVIII веке мало что нужно говорить. Администрация Пабло де Лойалы, первого губернатора, о котором у нас есть какие-либо сведения [XXXII-17] в этот период, и Мигеля де Камарго, не изобиловала событиями. Камарго сменил Хосе Кальво де Лара, а в 1721 году появляется имя Себастьяна де Арансивия-и-Саси, которого в следующем году сменил Антонио Поведа, последний погиб во время восстания индейцев. В 1728 году на этот пост был назначен Томас Дуке де Эстрада, а в 1730 году - Бартоломе Гонсалес Фитория. В 1744 году Хосе А. Лакайо де Брионес [XXXII-18] был у власти, а в 1757 году Мельчор Видадь де Лорка-и-Вильена-Вивас был исполняющим обязанности губернатора. [XXXII-19] В официальном отчете, датированном 1759 годом, фигурирует имя полковника Панталеона Ибаньеса в качестве правителя.

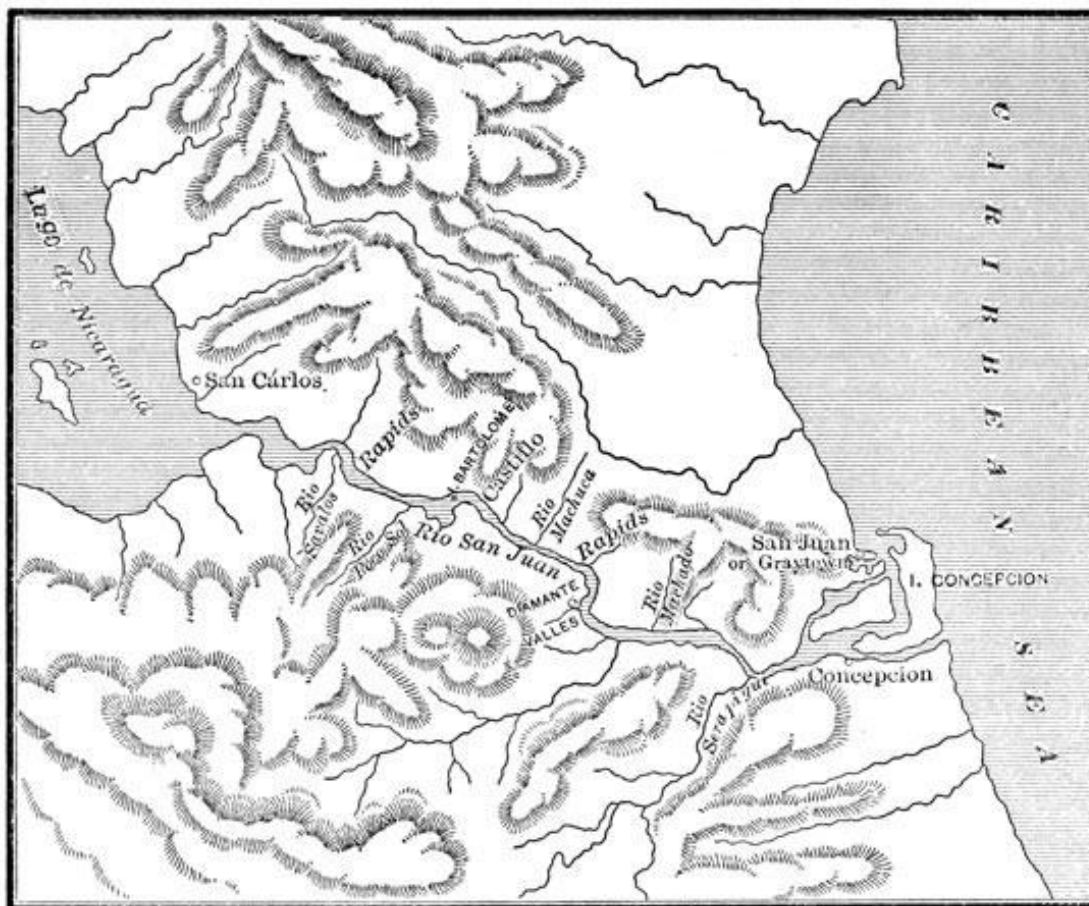
Среди губернаторов Никарагуа в этот период был Алонсо Фернандес де Эредиа, марискаль де Кампо из королевской армии. Относительно точного года власти расходятся. Хуаррос упоминает 1760 год в качестве даты, в то время как Пелаес заявляет, что в отчете the guardian of missionaries **Ошибка! Закладка не определена.** упоминается, что он действовал в 1747 году.

[XXXII-20] Доминго Кабельо был губернатором в 1766 году, как явствует из книги приговоров аудиенции за декабрь следующего года, а Мануэль де Кирога - в 1780 году.

Примерно в это же время произошло извержение вулкана Ниндири, расположенного недалеко от Эль-Инфьерно-де-Масайя. В 1775 году, когда произошла вспышка, поток лавы скатился в озеро Масая, уничтожив рыбу и нагрев прилегающие земли, так что погиб крупный рогатый скот. Бригадир королевской армии по имени Хосе Эстачерия был назначен губернатором Никарагуа в 1783 году и правил до 1789 года, когда он отбыл в Испанию. Позже он был назначен губернатором Памплоны, а затем президентом Гватемалы. Последним губернатором, о котором упоминается в восемнадцатом веке, был Хуан де Айза, вероятно, тот, кто защищал Сан-Хуан [XXXII-21] во время нападения британцев под командованием Полсона и Нельсона, о котором будет упомянуто позже.

В 1727 году Десагуадеро располагал двенадцатью военными станциями вдоль своего извилистого русла протяженностью почти в сто двадцать лиг. Среди них были замок Сан-Хуан и форт Сан-Карлос, которые были захвачены и восстановлены. Форт Сан-Хуан был построен в излучине реки, и им можно было командовать как сверху, так и снизу. Холм, на котором он стоял, был крутым и скалистым, и подойти к нему можно было только с одной стороны по узкой извилистой тропинке. Через этот порт протекала торговля Никарагуа с Европой и Вест-Индией. Он был превращен в порт въезда королевским указом короля в феврале 1796 года, а седuloй следующего месяца были изданы правила для дальнейшего заселения соседней страны. В 1769 году англичане с вооружением в две тысячи человек человек и пятидесяти судов предприняли попытку захвата форта Сан-Карлос, который они хотели использовать в качестве базы для будущих операций. Педро де Эррера, губернатор поста, лежал в предсмертных муках, и капитуляция казалась неизбежной. Но его дочь, шестнадцатилетняя девушка, сразу же отдала приказ из покоев своего отца об обороне, а затем встала во главе испанских войск. Вдохновленный ее бесстрашным видом, гарнизон сражался с мужеством, редко встречающимся среди испанцев того времени, и отразил нападение с потерями, дочь губернатора собственноручно произвела два последних пушечных выстрела по поверженным британцам.

Несколько лет спустя английское правительство решилось на экспедицию против Никарагуа, намереваясь нанести удар по могуществу Испании в самом сердце ее владений и контролировать сообщение между двумя океанами. План операций был окончательно разработан на Ямайке в январе 1780 года. Его целью был захват форта Сан-Хуан, овладение Десагуадеро и озером Никарагуа, оккупация городов Гранада и Леон и, таким образом, разделение испанских провинций Центральной Америки. Другой целью, стоявшей перед нами, был захват и удержание маршрута для строительства межокеанского канала - проекта, который в то время был дорог сердцу английской нации.

Экспедиция Нельсона и Полсона, Сан-Хуан.

НЕЛЬСОН В НИКАРАГУА.

Британские силы насчитывали по меньшей мере тысячу восемьсот человек, [XXXII-22] включая три линейных полка и отряд морской пехоты, последним командовал Горацио Нельсон, в то время бывший капитаном около двадцати трех лет, но уже доказавший свои качества, которые впоследствии подняли его до первого ранга среди военно-морских командиров. Англичане поднялись вверх по Десагуадеро на лодках, столкнувшись со многими трудностями. На небольшом острове под названием Сан-Бартоломе, [XXXII-23] в части ручья **Ошибка! Залладка не определена.** там, где течение было быстрым и мелководным, был размещен небольшой гарнизон и возведены земляные укрепления, оснащенные несколькими поворотными орудиями. Приблизившись к этому месту, Нельсон выпрыгнул из своей лодки, за ним последовали несколько его людей, и, хотя он тонул по щиколотку в грязи и подвергался воздействию жаркого огня, его захватили или, как он выражается, "взяли на бордаж" на острове. Здесь англичане остановились на короткий отдых, и будущий герой Трафальгара чудом избежал укуса ядовитой змеи, а впоследствии жестоко пострадал, выпив воды из источника, в который были брошены ядовитые листья. Теперь к англичанам присоединился "Джордж Кинг", вождь москитов, и большое количество его подданных, а также несколько английских контрабандистов. [XXXII-24] Москиты оказались бесценными союзниками **Ошибка! Залладка**

не определена. действительно, и если бы не их храбрость и верность, вполне вероятно, что британцы погибли бы до единого человека.

НЕУДАЧИ АНГЛИЧАН.

Через два дня после взятия Сан-Бартоломе экспедиция прибыла к форту Сан-Хуан. Нельсон посоветовал немедленно начать штурм, полагая, что его удастся отразить, но его старший офицер, майор Джон Полсон, решил иначе. На следующий день англичане заняли холм в тылу форта, установили батареи и начали осаду. Нельсон был поражен жестоким приступом дизентерии и был вынужден вернуться на Ямайку, [XXXII-25] куда он прибыл в таком слабом состоянии, что его вынесли на берег, и жизнь ему удалось спасти только благодаря умелому уходу.

После десятидневной осады форт был сдан, гарнизону была предоставлена свобода и разрешено выступить с воинскими почестями, а также были предоставлены суда для доставки их в любой порт Испанской Америки, о котором можно было договориться. Положение англичан стало теперь очень критическим, и они сочли невозможным продвигаться дальше. Начался сезон дождей, принесший с собой малярию и смертельные лихорадки. Вскоре их силы были поредели, и их положение было крайне удручающим и беспомощным. Не осталось достаточно сильных мужчин, чтобы построить больницу. Стало невозможно даже хоронить мертвых с соблюдением приличий, и многие были сброшены в реку и съедены птицами-падальщиками. Более длительное пребывание стало невозможным, и всем мужчинам, участвовавшим в этой экспедиции, было приказано отступить. Без учета контингента "Москито" выжило только триста восемьдесят человек; а из двухсот членов экипажа Нельсона до возвращения дожили только десять. [XXXII-26] Так закончилась первая попытка **Ошибка! Закладка не определена.** британцев закрепиться в Никарагуа и овладеть маршрутом межокеанского канала. [XXXII-27]

Записано, что в течение восемнадцатого века епископство Никарагуа занимали пятнадцать прелатов. Диего Морсильо был первым; он вступил во владение в 1704 году, а в 1709 году был переведен в Ла-Пас. [XXXII-28] Епископ Бенито Гаррет возглавил епархию в 1711 году. Он был вовлечен в бурную полемику с аудиенцией Гватемалы и был отстранен от должности 4 июля 1716 года. По пути в Испанию он заболел в Педро Урсуле и умер 7 октября. В 1718 году Андрес Килес Галиндо, выпускник, а затем профессор Мексиканского университета, был накануне отъезда в Европу в качестве *провинциального* проминистра, когда он получил назначение в епископство Никарагуа. Он не дожил до прихода в епархию. [XXXII-29] Уроженец Леона-де-Никарагуа Хосе Хирон де Альварадо был рукоположен в епископа этого престола и приступил к исполнению своих обязанностей в 1721 году, но умер в том же году, его преемником стал Дионисио де Вильявисенсио, чья кончина наступила в 1735 году. В следующем году Доминго Антонио де Затарам, регент Пуэбло-де-лос-Анхелес, был избран епископом Никарагуа и был хиротонисан в Гватемале 5 октября 1738 года. Исидро Марин Баллон-и-Фигероа, почетный капеллан **Ошибка! Закладка не определена.** короля и ректора колледжа ордена Алькантары в Саламанке, был избран епископом в 1743 году и умер в 1749 году. В год его избрания было закончено строительство великого кафедрального собора Леона, на строительство которого ушло тридцать семь лет и обошлось в пять миллионов песо. После смерти Баллона был назначен Педро Агустин Морель де Санта Крус, декан факультета Кубы. В 1751 и 1752 годах он совершил инспекцию своей епархии, уделив семь месяцев изучению каждой части ее

обширных владений, проповедуя, исповедуясь и подтверждая, куда бы он ни поехал. Вскоре после этого он был назначен епископом Кубы.

Хосе Антонио Флорес де Ривера, уроженец Дуранго, Новая Испания, почтенных лет и выдающийся ученый, был избран в епископство Никарагуа в 1753 году. Он был освящен с большой помпой 1 мая 1754 года в городе Мехико и приступил к своим обязанностям в феврале 1755 года среди ликования народа, поскольку его репутация доброго человека и благотворителя опередила его. Но их радость была недолгой; он умер в июле следующего года, [XXXII-30] его сменил Матео де Навиа-и-Боланос, уроженец Лимы, а последнего - Хуан де Вильчес-и-Кабрера, настоятель кафедрального собора Никарагуа, который возглавлял епархию до своей смерти в 1774 году.

В 1775 году Эстебан Лоренцо де Тристан был назначен на престол и оставался на этой должности до 1783 года. Он ревностно трудился в своем деле. Во время его правления и несколькими годами ранее было предпринято несколько попыток умиротворить гуатусо, но безуспешно.

УСМИРЕНИЕ ГУАТУСО.

В 1750 году отец Сепеда покинул Гватемалу с целью изучения этого региона. Он прошел по всей **Ошибка! Закладка не определена.** горная цепь Тиларана, "страна многих водотоков", не говоря уже о многочисленных вулканах, [XXXII-31] и преодолевал всевозможные трудности, пока не добрался до великих равнин за ее пределами, где провел несколько месяцев, и сообщил о существовании более пятисот домов и садов, занятых туземцами. В 1751 году попечитель францисканского монастыря в Эспарсе передал информацию, полученную от падре, правительству Коста-Рики, и, получив указание следить за открытиями, соответственно отправился в путь с несколькими товарищами, но группа сбилась с пути и была близка к голодной смерти. В 1761 году в горах были схвачены несколько туземцев, которых хронисты описывают как представителей смешанной породы и которые, будучи доставлены в Эспарсу, показали некоторое знание христианских доктрин. Многочисленные предположения, вызванные этими обстоятельствами, вскоре были объяснены тем фактом, что уроженец Тенорио, имевший право на получение ордена, попал под немилость епископа и бежал в страну гуатусо. Там он жил и умер, ему не разрешили вернуться.

Затем священник Эспарсы и монах Замакуа вызвались добровольцами на эту работу и взяли захваченных туземцев в качестве своих проводников, которые отвели их в леса и там бросили. Отец Томас Лопес в 1778 году предпринял еще одну попытку проникнуть в страну. Отправившись по воде с острова Ометепек в Никарагуа, он направился к Рио-Фрио, вошел в него и поднялся по течению, пока не достиг возделанных садов и плантаций. Но в тот момент, когда его слуги мельком увидели плот, очевидно, управляемый гуатусо, они развернули лодку и сбежали. Напрасно Лопес угрожал и умолял; он даже не смог убедить их позволить ему приземлиться одному.

В 1782 году Лопес в сопровождении монаха Альварадо из Картаго въехал в страну через Тенорио; но **Ошибка! Закладка не определена.** после семидесяти пяти дней скитаний оказался на берегах озера Никарагуа, намного выше устья Фрио. Президент Гальвес, сочтя необходимым провести обследование этой реки и прилегающей страны, в том же году направил с этой целью капитана Бриццио. Он поднимался по ее берегам, пока не увидел несколько

рыбачьих каноэ и множество больших возделанных полей; но, похоже, у него не было никаких контактов с самими гуатусо.

На РИО-ФРИО.

Епископ Тристан, когда ему сообщили об открытии Бриццио, подал заявку, и ему предоставили два судна для продолжения исследований последнего. 20 февраля 1783 года прелат и его свита вошли во Фрио. На четырнадцатый день они обнаружили в уединенной и тенистой беседке на берегу реки трех рыбаков "хорошего роста и белых", которые при виде их сразу побросали сети, провизию и все, кроме своих луков и стрел, и обратились в бегство. За ними последовал Лопес с криками мира и доброй воли на языке острова Солентанами, но его не слышали, а если и слышали, то проигнорировали.

Епископ, придя к выводу, что город находится недалеко и что несколько человек с меньшей вероятностью вызовут тревогу, чем если бы вся группа показалась в поле зрения, послал вперед небольшую лодку с отцами Лопесом, Мехией, Альварадо и Корралем. Вскоре они увидели признаки многолюдной жизни и увидели спускающийся по реке плот, на котором находился одинокий путешественник с бананами и провизией, на плоту горел костер. Индеец приземлился в роще какао-деревьев, которая, казалось, простиралась настолько далеко, насколько хватало глаз. Лопес последовал за ним в сопровождении слуги и трех уроженцев Солентанами в качестве переводчиков. Как только они сошли на берег, путешественник снова появился на берегу реки и поднял громкие и своеобразные крики, которые вскоре привлекли к нему на помощь множество туземцев, которые без разговоров начали выпускать стрелы в падре и его спутников. **Ошибка! Закладка не определена.** Один из переводчиков был ранен и, охваченный страхом, бросился в реку и поплыл вниз по течению. Миссионер улегся в лодке и подавал мирные сигналы, на которые никто не обратил внимания. Затем падре посоветовал своим помощникам прыгать за борт и спастись бегством, и этому совету они, несмотря ни на что, последовали. Затем Лопес встал с распятием в руке и предстал беззащитным и одиноким перед толпой нападавших. Нападение прекратилось, и, повинувшись его мольбам, несколько человек сели в его лодку и сопровождали его в свою деревню. Товарищи Лопеса, бежавшие в поисках безопасности, наблюдали за происходящим издали, но так как вскоре за ними погнался отряд туземцев, они продолжили свое бегство.

Раненый переводчик тем временем добрался до лодок, оставленных Лопесом чуть ниже по реке, и сообщил, что последний и его спутники подверглись нападению и были убиты множеством туземцев; после чего отряд поспешил вниз по Фрио, чтобы сообщить епископу о катастрофе. За три часа они преодолели расстояние, на которое потребовалось полтора дня, если грести против течения, и епископ со своими помощниками решили немедленно вернуться в Гранаду. На следующее утро после их отступления служители, которые оставили отца Лопеса и были свидетелями его движения к деревне, захватив брошенное каноэ, догнали епископа и несколько успокоили взволнованную группу своими разоблачениями. Однако было решено продолжить отступление, и вскоре форт Сан-Карлос был достигнут. Комендант немедленно обратился к губернатору провинции за помощью, чтобы попытаться спасти Лопеса; но неизвестно, была ли удовлетворена просьба и что стало с падре. Дальнейших экспедиций предпринято не было, и этот вопрос оставался загадкой. Кем были гуатусо и как они жили; какова их религия, язык, обычаи и откуда они произошли, никто не знал, и казалось, что никому не суждено **Ошибка! Закладка не определена.** знать. Они, по-видимому, поклялись, что никто,

не рожденный от них и среди них, не должен ступать на территорию их владений. Вооруженные солдаты преуспели не лучше мирных миссионеров, и римский престол спустя годы счел нужным лишить этот непостижимый регион привилегий духовенства. [XXXII-32]

В 1784 году Хуан Феликс де Вильегас, инквизитор Картахены, был назначен епископом Никарагуа, но получил звание архиепископа Гватемалы в 1794 году, когда Хуан Крус Руис де Кабаньяс-и-Креспо был назначен его преемником, но во время подготовки к отправлению был избран на престол Гвадалахары. Последним епископом столетия в этой епархии был Хосе Антонио де ла Уэрта Касо, который был рукоположен архиепископом Гватемалы 29 мая 1798 года. [XXXII-33]

ТАЛАМАНКЦЫ.

Возвращаясь к повествованию об умиротворении таламанканцев в связи с экспедициями, которые привели к покорению их территории, мы обнаруживаем, что францисканцы были лидерами во всем, что было предпринято, хотя сначала это было поручено колледжу Иисуса в Гватемале. Если у таламанкцев в 1502 году была собственная цивилизация, а в 1602 году - цивилизация, импортированная испанцами, то к 1702 году они вернулись к варварству, которому не хватало жизненности первого и изящества второго, без какого-либо компенсирующего элемента. Конец семнадцатого века стал свидетелем основания францисканского миссионерского колледжа в Гватемале, а оттуда в 1694 году под руководством Лопеса появилась **Ошибка! Закладка не определена.** Франсиско де Сан-Хосе и Пабло де Ребуллида отправились на территорию Чангуэнов. Андраде и Бенавидес вернулись в Гватемалу после краткой инспекционной поездки в 1605 году и через попечителя колледжа неоднократно требовали предоставить им военный эскорт. 31 марта военный совет принял систему, введенную в действие полвека назад в Вера-Пасе при борьбе с чолами и маншами. Пятьдесят солдат во главе с капитаном Ногерой в качестве губернатора сопровождали отцов в Таламанку.

Франсиско Бруно Серрано де Рейна, который был губернатором Коста-Рики в 1704 году, похоже, не проявил особой оперативности в этом вопросе, и газета guardian Arrivillaga с жалобой обратилась в audiencia 4 апреля 1707 года. [XXXII-34]

Многие таламанкцы были собраны в поселения; [XXXII-35] но положение миссионеров от этого не стало менее ненадежным; опасность для них настолько возросла, что Андраде отправился в Гватемалу просить более адекватной защиты, чем остатки эскорта, оставленные с ними. Было уже слишком поздно. Пока этот вопрос обсуждался в Гватемале, таламанкцы подняли восстание, сожгли свои церкви, разрушили свои жилища и убили монахов и солдат, которых было всего десять. Голову Ребуллиды они отрубили 28 сентября 1709 года.

20 мая, предшествовавшего этой катастрофе, королевский седула приказал захватить Таламанку, чтобы улучшить сообщение между Гватемалой и Коста-Рикой с Верагуа. [XXXII-36] Лоренцо Антонио де Гранда-и-Бальбин, губернатор Коста-Рики, сообщил собравшимся о резне в Таламанке, **Ошибка! Закладка не определена.** и в соответствии со своими приказами без промедления отомстил местным жителям. Бальбин собрал большие силы и послал один отряд к пуэбло Туис, сам возглавив отряд в двести человек, который сделал крюк через провинцию Борука. Оба отряда встретились в Сан-Хосе-де-Кабекар, в самом сердце вражеской страны, где они укрепились. Они убили многих таламанкцев и взяли в плен других, приведя с собой более

пятисот пленников всех возрастов и обоих полов. [XXXII-37] Повстанцы были наголову разбиты, а их касик предстал перед судом, был приговорен и казнен как подстрекатель к мятежу.

В 1719 году в отчете о состоянии страны королю Испании губернатор Коста-Рики де ла Хайя [XXXII-38] говорит: "Что касается создания и содержания миссий, которые были главной целью завоевания Таламанки, ничего не было сделано после резни в сентябре 1709 года; в интересах миссионеров не принималось никаких мер предосторожности".

Реколлеты не верили, что такая политика безразличия и пренебрежения соответствует королевскому желанию, и обратились к королю с петицией о размещении подходящего гарнизона и основании испанского поселения. Какими бы ни были побуждавшие их мотивы, в разное время между 1713 и 1716 годами несколько групп пришли с гор Таламанки, чтобы попросить присутствия миссионеров из Картаго.

В ответ на петицию реколлетов король седудой от 1 сентября 1713 года поручил президенту созвать хунту государственных должностных лиц и лиц, знакомых с Таламанкой, разработать и утвердить **Ошибка! Закладка не определена.** большинством голосов планы оккупации этой территории. Хунта, которая не созывалась до 9 сентября 1716 года, состояла из президента Гватемалы, семьи ойдорес, королевских чиновников, двух реколлетов и представителя налогового управления Картаго. Реколлеты выступали за создание миссионерских станций, охраняемых гарнизоном. Остальные члены совета высказались за создание военной охраны из пятидесяти солдат и переезд пятидесяти семей из Картаго в Боруку; это была компромиссная мера, но за нее проголосовали большинство.

Отцы были обескуражены. Выбранный город не располагал миссионерским полем, а названные силы были недостаточны для порабощения и излишне сильны для простого сопровождения. Но приход нового президента Риваса и катастрофическое землетрясение 1717 года в Гватемале отодвинули подобные вопросы на второй план.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ.

В отчете, датированном 14 марта 1723 года, Хайя рассказывает нам, как с 16 февраля по 14 марта под городом Картаго раздавался грохот, как будто от стремительного течения подземных рек, в то время как вулкан Иразу держал раскрытую пасть и изрыгал клубы дыма. Сернистые испарения почти душили людей как на склонах, так и в долинах. Полосы пламени освещали небо по ночам, пока мили горизонта не стали ярче, чем при ярком свете дня. Раскаленная зола и нагар увеличивались в объеме до тех пор, пока воды соседнего ручья, реки и озера не превратились в бурлящую грязь; город был усыпан горячей пылью; и здания были оторваны от дрожащей земли.

Коста-Рика, если верить Хайе, была самой бедной провинцией во всей Америке. Единственной валютой было какао; серебра никогда не видели, и название для всего, что знали его жители, могло быть принято в насмешку. Офицеры были неспособны и глупы; люди сварливы, химеричны и неуправляемы. Во всей провинции не было ни врача, ни аптекаря; ни даже **Ошибка! Закладка не определена.** цирюльника. Внешней торговли практически не было.

В Картаго аюнтамьенто подошло к концу; в Эспарсе, единственном другом городе провинции, его не было уже тридцать девять лет, потому что ни у кого не было достаточно денег, чтобы послать в Испанию за подтверждением назначения. [XXXII-39]

ПИРАТЫ И ВОЕННЫЕ.

Упадок поселений в Коста-Рике мог бы быть непоправимым, если бы не резкая обрезка, разумно проведенная Хайей. [XXXII-40] Его преемник Франсиско де Вальдеррама в 1732 году представил доклад генерал-капитану Гватемалы, содержащий любопытное откровение о состоянии дел. Губернатор описывает себя как выполняющего функции клерка, а не губернатора, поскольку в провинции не было ни одного человека, способного писать. Офисы оставались вакантными, потому что бедность страны не позволяла даже ее главным жителям появляться на площади в пальто. Если бы строительство форта Матина, которое в то время продолжалось, продолжалось, пришлось бы послать мастера, поскольку единственным, кто был знаком с такой работой, был старый индеец, чьим основным занятием был ремонт крыш, и он, к сожалению, только что умер от оспы. [XXXII-41] Дважды в течение 1740 года провинция подвергалась нападениям пиратов, которые, по своему обыкновению, уносили урожай какао и рабов, каких только могли достать.

Вооруженные силы, дислоцированные в Коста-Рике примерно в середине восемнадцатого века, насчитывали немногим менее тысячи человек, и все же магистраты по всей провинции были не в состоянии обеспечить соблюдение своих полномочий. Отправление правосудия прекратилось. **Ошибка! Закладка не определена.** Судьи не решались выносить приговоры преступникам, а губернаторы приводить их в исполнение. [XXXII-42] Исчезли даже формы пресечения. Однако должностных лиц было достаточно много. Губернатор назначил в первый день 1740 года пять генерал-лейтенантов, по одному для Картаго, Эспарсы и Матины и двух для страны долины, наделенных гражданской и уголовной юрисдикцией, помимо четырех алькальдов, генерального прокурора и администратора.

После 1746 года у нас нет достоверных сведений о смене губернаторов в Коста-Рике до 1773 года. В первый год у власти был Франсиско Фернандес де ла Пастора; [XXXII-43] во второй Хоакин де Нава. Ему наследовал в 1779 году Хосе Пери, а затем в порядке их наследования встречаются имена Хуана Фернандеса Бобадиля в 1780 году, Хуана Флореса в 1782 году и Хосе Терси в 1785 году. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXXIII.

БЕЛИЗ.

1650-1800 гг.

Поселения буканьеров на Юкатане—Пираты занимаются вырубкой леса—Губернатор Фигероа приказал изгнать их—Набег лесорубов на залив Вознесения —Губернатор отбрасывает их назад—Их поселение в Белизе разрушено Фигероа—Они возвращаются более сильными силами—Дальнейшие экспедиции против них—Лесорубы под защитой Великобритании—На них нападает губернатор Ривас—Границы Белиза Определены Версальским договором—Положения более позднего договора—Дальнейшие посягательства англичан.

Не менее ценными среди трофеев, добытых буканьерами во время их набегов на испанский мейн, были запасы красильной древесины, которые, как они обнаружили, были сложены в определенных точках побережья Юкатана и Гондураса в ожидании отправки. С упадком их незаконных занятий более трудолюбивые, особенно англичане, обратили свое внимание на рубку и отправку красильной древесины и красного дерева и с этой целью основали поселения на побережьях этих двух провинций. Самыми обширными из их поселений были

поселения в заливе Терминос. Здесь они оставались много лет, разнообразя свои промышленные занятия случайными набегами на окружающую местность или нападениями на испанские суда, курсировавшие между Кампече и Вера-Крус.

Столь опасных соседей нельзя было долго терпеть, и, как только позволили обстоятельства, власти Новой Испании приняли меры по их высылке. Дровосеки успешно сопротивлялись многочисленным экспедициям, посланным против них, нередко нанося ответные удары. **Ошибка! Закладка не определена.** разоряя испанские поселения примерно до 1717 года, когда они были окончательно изгнаны из этой части побережья и их учреждения разрушены.

Во второй половине семнадцатого века эта часть Юкатана, граничащая с Гондурасским заливом, была покинута испанцами из-за разрушения пиратами и индейцами города Бакалар. [XXXIII-1] Отныне его изолированное положение, а также пересеченная местность вокруг и бесчисленные рифы и отмели на его морском побережье сделали его особенно подходящим для прибежища пиратов. Один из них, шотландец Питер Уоллес, высадился примерно с восьмьюдесятью товарищами в устье реки Белиз и построил на ее берегах несколько домов, которые обнес грубым частоколом. Его имя было дано как реке, так и поселению, а впоследствии и всему региону, оккупированному англичанами. Испанцы по-разному называли эту территорию Валисом, Балисом и Валиксом, и в конце концов это слово превратилось в современное название Белис. [XXXIII-2]

Округ был богат красильной и красным деревом, и вскоре рубка леса стала основным занятием флибустьеров, число которых постепенно увеличивалось. С той же целью многие индейцы-москито также поселились в стране. Буканьеры, изгнанные из залива Терминос, также укрывались в Белизе и после тщетных попыток вернуть свои поселения в конце концов обосновались там.

О существовании пиратского предприятия Уоллеса и его спутников испанцы узнали только в начале восемнадцатого века. В 1725 году Антонио де Фигероа-и-Сильва было приказано изгнать англичан с Юкатана, и для **Ошибка! Закладка не определена.** с этой целью был назначен губернатором этой провинции. [XXXIII-3] Вскоре после этого, повинаясь указаниям короны, он посетил разрушенный город Бакалар, или Саламанку, как его еще называли, и воздвиг форт, в котором разместил гарнизон из сорока пяти человек. Эта крепость, расположенная на одноименном озере и соединенная судоходной рекой с заливом Эспириту-Санту, должна была послужить базой будущих операций. Чтобы обеспечить его постоянство, было решено отстроить город заново. Однако нехватка поселенцев на Юкатане вынудила перевезти колонию с Канарских островов, первая часть которых прибыла только несколько лет спустя. [XXXIII-4]

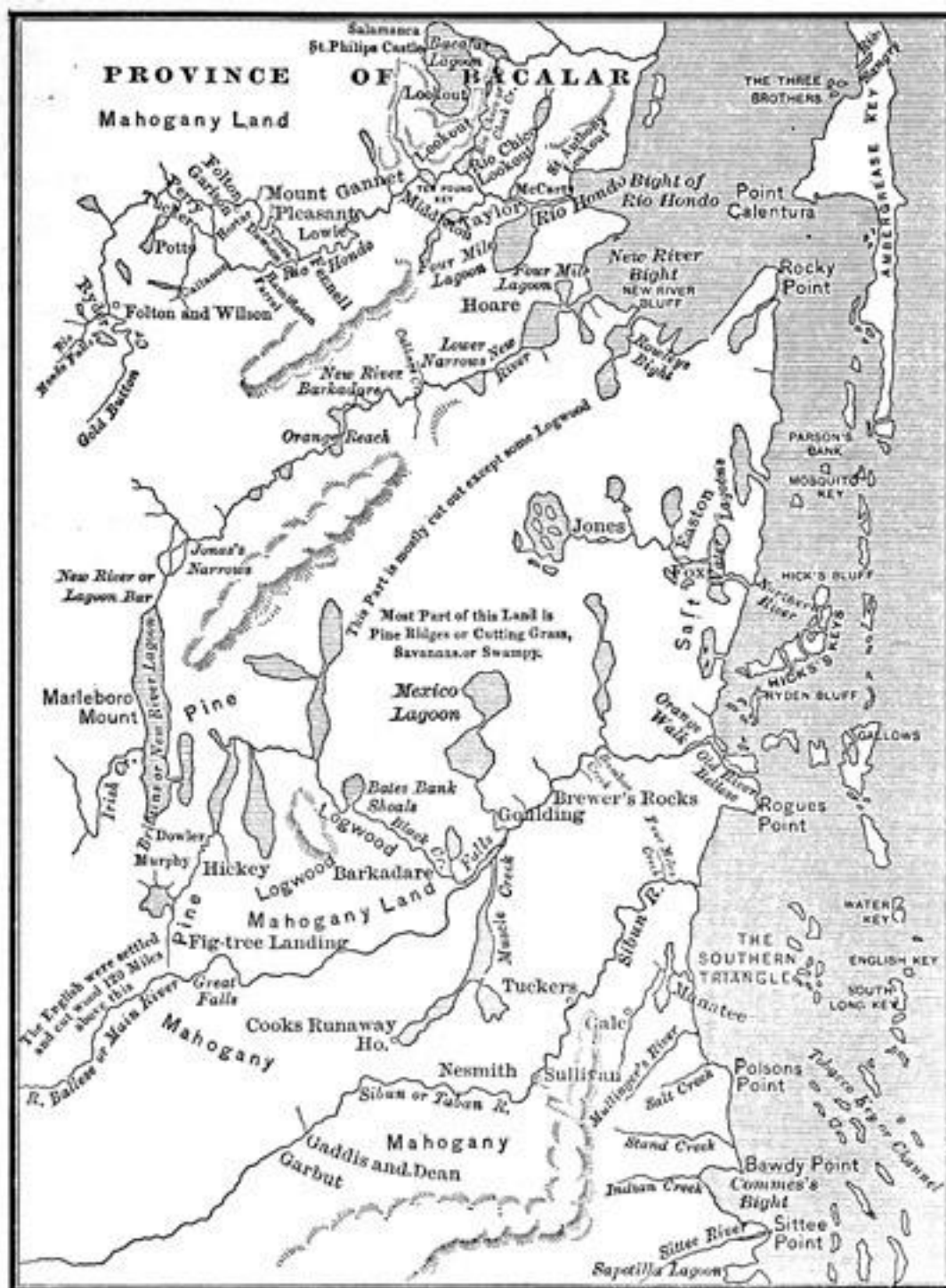
ЭКСПЕДИЦИЯ ФИГЕРОА.

Тем временем губернатор Фигероа начал подготовку к совместной морской и сухопутной экспедиции против английских поселений, которая, как надеялись, приведет к их полному разрушению. Узнав об этом плане, лесорубы Белиза не только приготовились к решительному сопротивлению, но и со свойственной им бесстрашностью решили опередить испанцев, вторгнувшись на их территорию. Из Москитии были собраны большие силы индейцев, и экспедиция, отправленная морем в бухту Вознесения, двинулась маршем на важный город Тихосуко. Первое встреченное поселение, названное Чугуху, было взято и разграблено, но

вскоре прибыл Фигероа с большим войском и отогнал их обратно к их кораблям со значительными потерями. [XXXIII-5]

Это событие побудило Фигероа ускорить свои приготовления, **Ошибка! Закладка не определена.** но только примерно в конце 1732 или начале следующего года, [XXXIII-6] экспедиция отправилась в Бакалар. Сухопутные силы, по-видимому, насчитывали значительно более семисот человек, [XXXIII-7] но о тех, кто отправился морем, ничего не упоминается. Прибыв в Бакалар, войска погрузились на борт, и флот отплыл в направлении Белиза.

Тем временем лесорубы укрепили свои укрепления в устье реки Белиз, собрали все имеющиеся у них силы и, как говорили, получили помощь от губернатора Ямайки. Их количество на данный момент трудно установить. Согласно отчету испанского миссионера 1724 года, в то время насчитывалось около трехсот англичан, не считая индейцев-москито и негров-рабов, которые были завезены незадолго до этого с Ямайки и Бермудских островов. Столь же трудно установить размеры территории, занимаемой лесорубами в этот период, поскольку, хотя до 1718 года их поселения простирались между реками Хондо и Белиз, [XXXIII-8] в 1733 году они, по-видимому, были ограничены течением последней реки. [XXXIII-9]

Белиз.

ПОРАЖЕНИЕ ДРОВОСЕКОВ.

План Фигероа состоял в том, чтобы высадить свои войска на побережье на некотором расстоянии от устья Белиза и, пока флот привлекает внимание противника притворной атакой спереди, сделать крюк сухопутными войсками и ударить в тыл городу. Эта **Ошибка! Закладка не определена.** оказалась успешной, поскольку, пока англичане с нетерпением ожидали подхода

флота, Фигероа внезапно появился у них в тылу и атаковал их с такой стремительностью, что, несмотря на их усилия, их город почти со всеми его защитниками в течение трех часов был в руках испанцев. Разрушив город и укрепления, а также все другие поселения на реке, захватив или уничтожив суда и другое имущество, экспедиция вернулась. [XXXIII-10]

Испанцы очень обрадовались этому успеху, но их радость была недолгой. Вскоре лесорубы вернулись с подкреплениями и сильным флотом, вновь заняли свои прежние поселения, успешно сопротивлялись всем последующим попыткам изгнать их, и, как мы увидим, впоследствии английское правительство распространило на них свою защиту. В 1736 году, после ряда безуспешных попыток лишить их собственности, губернатор Юкатана предложил испанской короне возвести мощный форт в устье реки Белиз, чтобы предотвратить проход судов, но это предложение, похоже, не было выполнено. [XXXIII-11]

В 1739 году между Испанией и Англией снова вспыхнула война, и, вынужденные защищать свои побережья от мощного английского флота, испанцы на некоторое время воздержались от дальнейших операций против Белиза, хотя от решимости вернуть себе захваченную таким образом территорию никто не отказался. Мир был объявлен в 1748 году; но только два года спустя, в последующем договоре, торговые отношения между двумя странами были урегулированы. Ущерб, причиненный Фигероа, тем временем стал предметом дипломатических переговоров, и, хотя определенного понимания достигнуто не было, усилия Англии, по-видимому, ограничивались защитой ее подданных от посягательств в Гондурасском заливе, в то время как испанское правительство продолжало тайно принимать меры по их высылке. [XXXIII-12]

В апреле 1754 года была предпринята грандиозная попытка **Ошибка! Закладка не определена.** изгнать дровосеков. Экспедиция из полутора тысяч человек была организована с этой целью в Петене, Гватемала, но, достигнув побережья после долгого и трудного марша, они были встречены двумястами пятьюдесятью англичанами и полностью разбиты. Похоже, это была последняя экспедиция, направленная против Белиза за несколько лет. [XXXIII-13]

Во время семилетней войны в Европе, начавшейся в 1756 году, Англия, стремясь склонить Испанию присоединиться к ней в борьбе против Франции, предложила, среди прочего, эвакуировать учреждения, построенные ее подданными в Гондурасском заливе с октября 1748 года, включая Москитию, все из которых стали предметом жалобы. Это не обязательно означает, как хотели бы заставить нас поверить некоторые испанские авторы, что Англия тем самым признала незаконность права дровосеков занимать эту территорию. [XXXIII-14]

ДРОВОСЕКИ ВНОВЬ ЗАРАБОТАЛИ.

Действительно, совершенно очевидно, что Англия считала или делала вид, что считает, что ее подданные в Белизе приобрели право рубить и перевозить красильню и красное дерево в этом и других округах без каких-либо посягательств, поскольку в последующем договоре с Испанией в 1763 году, хотя и соглашаясь снести "все укрепления, которые ее подданные могли построить в Гондурасском заливе и других местах на территории Испании в этой части света", Англия настаивала на включении в договор пункта, согласно которому рубщикам бревен гарантировалось право беспрепятственно продолжать рубку леса. вырубка и доставка того же самого, а также возведение необходимых для этой цели зданий в пределах этих районов. [XXXIII-15]

Эта слабость со стороны Испании, приписываемая неспособности ее комиссара, маркиза де **Ошибка! Закладка не определена.** Гримальди, хотя и казалась простым смягчением в пользу англичан закона, который исключал всех иностранцев из испанских колоний, фактически был признанием права англичан на бессрочную оккупацию части ее территории; и хотя это явно не означало отказа от ее суверенитета, никаких ограничений для нее установлено не было. посягательства лесорубов, и они никоим образом не были подчинены испанским властям. Таким образом, был открыт путь к будущим осложнениям. [XXXIII-16]

Вскоре после ратификации этого договора английское правительство поручило сэру Уильяму Бернаби отправиться в Белиз, установить пределы, в которых должна была быть ограничена вырубка леса, и составить свод законов для регулирования колонии. Это он и сделал; и хотя у нас нет информации об установленных пределах, в течение многих лет Кодекс Бернаби, как его называли, был единственным законом, по которому управлялся Белиз. Установление ограничений, однако, мало что дало; ибо, ободренные своим предыдущим успехом в сопротивлении испанцам и ободренные покровительством английского правительства, они постепенно расширили свои лесозаготовительные операции за пределы этих границ и занимались контрабандой к большому ущербу испанской торговле. Вследствие этого губернатор Юкатана запретил всякое сообщение между Белизом и испанскими поселениями; потребовал, чтобы все лица, поселяющиеся в Белизе, предъявляли разрешение на этот счет либо от английского, либо от испанского правительства; изгнал лесорубов из прибрежного района реки Хондо и распорядился, чтобы все лесозаготовки были ограничены регионом, лежащим между реками Белиз и Нью-Риверс, и не далее чем в двадцати лигах от побережья.

В результате этих мер бизнесу лесорубов был нанесен ущерб, как они утверждали, на сумму в сто восемьдесят тысяч песо. Во второй половине 1764 года требование о возмещении этих убытков английским посланником при испанском дворе было предъявлено, который также настаивал на том, чтобы губернатор Юкатана был осужден за его поведение и чтобы лесорубам было разрешено вернуться в район реки Хондо. Английский министр намекнул, что результатом будет война, если эти требования не будут удовлетворены; но после длительной переписки ему удалось добиться лишь разрешения на возвращение лесорубов в районы, из которых они были изгнаны; и претензии были добавлены для будущего урегулирования к длинному списку тех, которые уже рассматривались двумя правительствами. [XXXIII-17]

РИВАС НАПАДАЕТ НА АНГЛИЧАН.

В течение следующих пяти лет нет никаких свидетельств того, что лесорубов беспокоили; но в 1779 году, когда между Испанией и Англией снова вспыхнула война, первая решила воспользоваться случаем и нанести окончательный удар существованию английских поселений на ее территории. В том же году дон Роберто Ривас Ветанкур, недавно назначенный губернатором Юкатана, в соответствии с его инструкциями начал организовывать экспедицию против Белиза, базой операций которого, как и прежде, стал Бакалар. Вскоре лесорубам сообщили об объявлении войны, и они поспешили укрепить устье реки Белиз и Сент-Джордж-Ки, лежащий прямо напротив. Не удовлетворившись этим, они снова решили опередить испанцев, захватив Бакалар, который с момента своего восстановления они рассматривали как постоянную угрозу своей безопасности. Однако их ждало разочарование, поскольку губернатор Ривас, узнав об их замысле, спешно организовал отряд численностью около восьмисот человек и, раздобыв каноэ и пирагуа, поспешил в Бакалар. Оттуда, хотя его люди были плохо

экипированы, он двинулся против англичан; и, вытеснив их из района реки Хондо, и захватив и **Ошибка! Закладка не определена.** вооружив три небольших судна, он направил сильные силы против Сент-Джордж-Ки и захватил форт с его гарнизоном.

Дальнейшим операциям помешало внезапное появление трех английских военных кораблей, посланных губернатором Ямайки. Испанцы едва успели скрыться со своими пленными и трофеями, среди которых было множество небольших судов. Поднявшись вверх по Нью-Ривер, они изгнали англичан из этого региона, разрушив более сорока предприятий и нанеся лесорубам ущерб более чем в пятьсот тысяч песо. В этот момент к лесорубам прибыло подкрепление, и Ривас был вынужден покинуть их территорию; но, принимая во внимание важные результаты, достигнутые столь малыми силами, его поведение было одобрено испанской короной. [XXXIII-18]

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР Между ИСПАНИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ.

Шестая статья Версальского мирного договора, подписанного 3 сентября 1783 года, определяла границы Белиза и права лесорубов. Границами, которые в настоящее время признаны неизменными, были реки Белиз и Хондо, причем северо-западная граница проходила почти по прямой линии между двумя реками так, чтобы проходить через исток Нью-Ривер, а юго-восточная граница проходила по побережью. Судоходство по этим двум рекам должно было быть открыто для обеих наций; определенные места, которые должны были быть согласованы соответствующими комиссарами, должны были быть обозначены там, где лесорубы могли возводить все необходимые постройки; и было предусмотрено, что вышеупомянутые условия не должны "рассматриваться как каким-либо образом умаляющие" права испанского суверенитета. Все английские подданные в испанских колониях, в какой бы части они ни находились, должны были удалиться в пределах этого округа до истечения восемнадцати месяцев, считая с момента ратификации договора; и право на рыболовство на побережье и среди прилегающих **Ошибка! Закладка не определена.** островам было предоставлено, но на таких островах нельзя было создавать никаких предприятий. [XXXIII-19]

Хотя этот договор так четко определял границы, подлежащие британской колонизации, были определенные пункты, которые были опущены, и, соответственно, между Испанией и Англией был заключен другой, окончательный договор, "чтобы предотвратить даже тень недоразумения, которое могло быть вызвано сомнениями".

Этот договор был подписан в Лондоне 14 июля 1786 года. Подтверждая предыдущий закон от 1783 года и прямо заявляя, что "все земли, о которых идет речь", были "бесспорно признаны принадлежащими по праву короне Испании", он содержал следующие дополнительные привилегии и ограничения. Река Сибун, или Джубон, была объявлена западной границей Белиза, которая включала всю территорию между ней и Белизом вплоть до истока Сибуна. В течение шести месяцев, когда испанское правительство предоставило все возможные льготы, английские подданные в любой части испанских колоний должны были удалиться в пределы Белиза; в дополнение к существующей привилегии рубить красильную древесину, была предоставлена привилегия рубить все другие породы дерева, включая красное дерево; все природные или выращенные продукты почвы могли быть использованы и вывезены, но никакие "плантации сахара, кофе, какао или других подобных изделий, или какие-либо ткани, или производство с помощью мельниц или других машин", за исключением лесопилок, не могли быть созданы ни под каким предлогом. Из-за нездоровости прилегающего побережья Сент-

Джордж-Ки был предоставлен для заселения, но его нельзя было ни укрепить, ни разместить там какие-либо вооруженные силы. Определенные небольшие острова у побережья примерно на полпути между устьями рек Сибун и Белиз были предоставлены вместе с прилегающими водами исключительно для переоборудования судов; никакое правительство, либо **Ошибка! Закладка не определена.** военное или гражданское, не могло быть создано, за исключением такого, которое могло быть согласовано двумя державами для поддержания мира и порядка. Чтобы полностью сохранить право испанского суверенитета над предоставленной территорией, будут разрешены только такие поселения, которые будут необходимы для торговли древесиной и фруктами. Наконец, два уполномоченных, по одному от каждого правительства, должны были посещать страну дважды в год, чтобы убедиться в соблюдении этих условий. [XXXIII-20]

Этими договорами были четко определены соответствующие права двух стран на территории Белиза. Испания обладала неоспоримым суверенитетом; право Англии было ограничено бессрочной оккупацией в целях торговли. Но не всегда достаточно заявить о правах; европейские державы соблюдают свои соглашения, когда их вынуждают силой оружия, а этого Испания с ее ослабевающей мощью в конечном итоге оказалась не в состоянии сделать.

Полковник Энрике де Гримарест, испанский комиссар, прибыл в Белиз в начале 1787 года, и вскоре к нему присоединился английский комиссар и суперинтендант колонии полковник Эдвард М. Деспард. Статья тринадцатая мирного договора 1786 года требовала, чтобы все остальные части испанских колоний были эвакуированы англичанами до того, как новые субсидии вступят в силу. Королевство Москитов, по-видимому, было единственной территорией, тогда оккупированной англичанами, кроме Белиза, и почти все его жители прибыли в эту последнюю колонию к середине 1787 года, комиссары приступили к обозначению границ; но официальная передача территории между реками Сибун и Белиз была произведена только 11 августа. В ходе обследования реки Белиз было обнаружено, что лесорубы предвосхитили это новое предоставление территории, расширив свою деятельность за пределы прежних границ страны. **Ошибка! Закладка не определена.** на некотором расстоянии от западного берега реки не только было убрано красное дерево, но и было обнаружено несколько предприятий, активно работающих за пределами недавно отведенных границ. Владельцы были вынуждены бросить их и удалиться в пределы колонии, но вряд ли можно было ожидать, что люди, претендовавшие на независимость и отрицавшие даже право Англии устанавливать свои законы, будут уважать границы после отъезда испанского комиссара. Более того, они открыто заявили о своем намерении создать правительство и разработать собственные законы. Испанский комиссар пожаловался на такое положение дел, но без какого-либо видимого результата. [XXXIII-21]

ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ ИСПАНЦЕВ.

В октябре 1796 года Англия объявила войну Испании, и после получения этих новостей на Юкатане Артуро О'Нил, губернатор этой провинции, начал немедленную подготовку к нападению на Белиз. Однако только 20 мая 1798 года экспедиция, состоявшая из двух-трех тысяч человек и большого флота небольших судов, отправилась в Белиз в сопровождении двух испанских фрегатов. Фрегаты сопровождали их только часть пути, вернувшись, как говорят, из-за нехватки провизии и мелководья у побережья. Остальная часть экспедиции продолжила плавание. Однако ничего не было сделано, поскольку поселенцы были полностью готовы; и,

подкрепленные многими плантаторами, которым было приказано покинуть Москитию, и с помощью английского военного шлюпа *Merlin*, они помешали испанцам осуществить высадку. Пробыв несколько дней у побережья, экспедиция вернулась на Юкатан. [XXXIII-22] Это была последняя попытка испанцев изгнать жителей Белиза. С этого момента положения договоров игнорировались, и территория к югу от Сарстуна постепенно перешла во владение и удерживалась по праву завоевания, последующая революция во всех колониях сделала испанцев бессильными предотвратить эти посягательства. [XXXIII-23] **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXXIV. HONDURAS. 1550-1800.

Пиратские набеги на Трухильо и Пуэрто—де—Кабальос—Состояние поселений—Церковные дела—Миссионерская экспедиция в Тегусигальпу—Мученическая смерть миссионеров—Труды францисканцев в Гондурасе—Вмешательство епископа—Трухильо разрушен голландцами—Возведен форт Сан—Фернандо—де—Омоа - Его захват англичанами-И восстановление президентом Гальвесом Роатана, Несколько раз оккупированного пиратами-Их окончательное изгнание.

Следует помнить, что примерно в середине шестнадцатого века в Гондурасе и Игерасе, как называлась северная часть этой территории, было всего семь испанских колоний; [XXXIV-1] и из них в Трухильо, самой крупной, проживало всего пятьдесят поселенцев. Вероятно, что общее число испанцев в провинции в то время не превышало двухсот; и ресурсы страны были развиты настолько слабо, что те немногие, кто там жил, ни в коем случае не были богаты.

Но какими бы бедными ни были колонисты, их положение не защищало их от набегов флибустьеров, которые во второй половине столетия совершили несколько набегов на побережье Гондураса. В 1576 году Эндрю Баркер, так называемый бристольский купец, решил возместить себе потерю имущества, конфискованного испанцами во время торгового похода на Канарские острова, и отправился в пиратскую экспедицию. Снарядив два судна, он отплыл из Плимута в июне. После прикосновения в различных точках **Ошибка! Закладка не определена.** и захвата небольшого количества сокровищ он прибыл в устье Чагре, куда были отправлены люди на поиски дружелюбных симарронов, которые могли бы выступить в качестве проводников. Поскольку ничего найти не удалось, экспедиция отплыла в Гондурас, захватила по пути корабль с небольшим количеством золота и оружия и бросила якорь у острова Сан-Франциско. Здесь из-за ссоры со своим старшим помощником Баркер был насильно отправлен на берег, где вместе с тридцатью своими людьми он был застигнут врасплох отрядом испанцев, и девять англичан были убиты, в том числе и он сам. Затем отряд с кораблей был отправлен на катере для захвата города Трухильо, где встретили лишь незначительное сопротивление и захватили хороший запас вина и масла, но ни унции сокровищ. Теперь в поле зрения показалась эскадра испанских военных кораблей, и разбойники были рады вернуться на свой катер, оставив на берегу восьмерых из своего числа, о которых впоследствии не было никаких известий. На обратном пути одно из судов перевернулось во время шквала, и четырнадцать человек погибли вместе с большей частью сокровищ. Выжившие добрались до Англии без дальнейших приключений, и выручка от экспедиции составила всего тридцать песо на долю простого солдата. Это была настоящая месть!

В 1592 году, когда Пуэрто-де-Кабальос и Трухильо подверглись нападению пиратов, дела, по-видимому, обстояли более благополучно, поскольку на прежнем месте была найдена значительная добыча. "Мы оставались в городе всю ночь", - говорит один из участников экспедиции, [XXXIV-2] "и на следующий день до ночи: там мы нашли 5 или 6 бочек чистого серебра, 16 бочек старого саке, овец, маленьких детей, большой запас домашней птицы, немного денег и хорошего льна, шелка, хлопчатобумажной ткани и тому подобного; мы также забрали трех красавиц из их церкви и уничтожили их изображения. В городе 200 домов, и он богат; и что там были **Ошибка! Закладка не определена.** четыре богатых корабля, груженных оттуда: но мы пощадили его, потому что нашли другое довольство".

В 1595 году французы попытались совершить набег на Пуэрто-де-Кабальос, но на этот раз корсары потерпели поражение, многие из них были убиты или взяты в плен, а остальные были вынуждены выйти в море, "богохульствуя и утверждая, что ни они, ни англичане не сталкивались с подобным бедствием ни в одной части Индии". [XXXIV-3] В течение следующего года Трухильо и Пуэрто-де-Кабальос снова подверглись нападению англичан под командованием Шерли и Паркера, и последний город был еще раз разграблен; но, как говорит хронист, описывающий экспедицию: "Это было самое бедное и жалкое место во всей Индии". [XXXIV-4]

Несмотря на набеги флибустьеров, колонии Гондураса, по-видимому, были довольно процветающими в конце шестнадцатого века. Земли вокруг Трухильо в то время возделывались, давая большие урожаи кукурузы и фруктов; в изобилии выращивались виноград, апельсины и лимоны. С двух сторон города протекали реки, изобилующие рыбой. Пастбища были в изобилии, а крупный рогатый скот, завезенный из Испании, размножался так быстро, что не представлял особой ценности, если не считать шкур. Стены домов были сложены из переплетенных кустарников, оштукатурены изнутри и снаружи и покрыты листьями пальметты. Кафедральный собор и женский монастырь Сан-Франциско, последний из которых был основан в 1589 году, были самыми выдающимися зданиями.

ЗАМЕЧАНИЯ ТОМАСА ГЕЙДЖА.

"Это лесистая и гористая страна", - пишет Томас Гейдж, который путешествовал по западной части Гондураса по пути из Трухильо в Сантьяго в 1636 году; "очень плохая и неудобная для путешественников, и, кроме того, очень бедная; там продаются шкуры, канна фистула и Зарзапарилья, а хлеба так не хватает, что о Трухильо они используют **Ошибка! Закладка не определена.** то, что они называют маниоком, представляет собой сухой корень, который при употреблении в пищу в сухом виде вызывает кашель, и поэтому его замачивают в бульоне, воде, вине или шоколаде, чтобы он лучше впитался. В стране, и особенно около города Комаягуа (который является резиденцией епископа, хотя и небольшим населенным пунктом с населением не более пятисот человек), больше запасов маиса из-за некоторых *индейцев*, которые собираются в городах, немногочисленных и небольших. Я нашел эту Страну одной из беднейших во всей Америке. Главным местом в нем для здоровья и хорошей жизни является долина, которая называется Грасиас-а-Диос, там есть несколько богатых ферм, разводящих крупный рогатый скот и выращивающих пшеницу; но поскольку она находится так же близко к Гватемале, как и к Комаягуа, и с этой стороны дороги лучше, чем с той, поэтому больше этой Пшеницы доставляется в Гватемалу и в близлежащие города, чем в Комаягуа или Трухильо. От Трухильо до Гватемалы (Сантьяго) от четырех десятков до ста лиг, которые мы прошли по суше, не нуждаясь в бесплодной Местности ни в проводниках, ни в провизии, ибо бедные индейцы не

считали ни их личное присутствие, ни что-либо из того, что им нравилось, слишком хорошим для нас".

Каким бы маленьким ни был Комаягуа — или, как его теперь называют испанцы, Нуэва Вальядолид - по сравнению с другими городами, которые Гейдж посетил во время своих путешествий по Новому Свету, это было самое процветающее поселение в провинции, и оно продолжало процветать до 1774 года, когда было разрушено землетрясением. В 1557 году он был объявлен городом, а в 1561 году его церковь была возведена в ранг кафедрального собора. Вскоре после этого резиденция епископской епархии была переведена туда из Трухильо, в состав капитула вошли декан, архидьякон, ректор и доктор общего права. [XXXIV-5] В 1602 году в Нуэва-Вальядолиде были монастыри орденов Ла Мерсед, Сан-Франциско и Хуан-де **Ошибка! Закладка не определена.** Диос, а также колледж под покровительством короля.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА.

Непристойные споры, которые происходили между церковниками в более ранний период истории Гондураса [XXXIV-6], теперь подошли к концу. После смерти епископа Педразы, чьи своевольные меры сделали его непопулярным среди колонистов и изгнали почти всех верующих из провинции, на престол был назначен иеронимит Херонимо де Корелья. Корелла сменил Алонсо де ла Серда в 1572 году, [XXXIV-7] а в январе 1588 года митра была дарована Гаспару де Андраде, францисканцу, который занимал этот пост до своей кончины в 1612 году. [XXXIV-8]

Доход епископства в то время составлял три тысячи песо в год; существовало пять пребендий; а в пределах епархии было сто сорок пять индийских городов с почти четырьмя тысячами глав семейств. [XXXIV-9] В 1610 году митрополит епархии, архиепископ Санто-Доминго, уполномочил декана капитула в Гондурасе рассматривать апелляции и принимать по ним решения, чтобы избежать расходов и задержек, связанных с поездкой в Санто-Доминго. В октябре 1613 года Алонсо Гальдо был рукоположен в епископа и в течение этого и следующего года посетил все районы провинции, подтвердив причастие более семи тысяч человек, некоторым из которых было больше девяноста лет. За время его правления было проведено два синода, последний из которых состоялся в апреле 1631 года. За три года до этой даты Луис де Каньисарес был назначен коадьютором епархии по просьбе прелата, **Ошибка! Закладка не определена.** который к тому времени состарился и ослабел от непрестанного тяжелого труда. После смерти Гальдо в 1645 году [XXXIV-10] кафедра оставалась вакантной до 1647 года, когда Хуан Мерло де ла Фуэнте принял епископство Гондураса, отказавшись от епископства Новой Сеговии.

Между Гондурасом и Никарагуа лежал район Тегусигальпа, о котором упоминалось ранее в связи с миссионерскими трудами. [XXXIV-11] В главном индийском городе, который был известен под тем же названием, в 1589 году был основан женский монастырь францисканцев, а позже - ордена Мерсед. Тем не менее, большая часть этой территории еще никогда не посещалась духовенством. В 1622 году миссионеры Кристоаль Мартинес де ла Пуэрта и Хуан Вазна в сопровождении пяти местных переводчиков отплыли из Трухильо и, высадившись на мысе Грасиас-а-Диос, направились в этот регион. По пути они несколько раз попадались на глаза бандам туземцев, но все разбегались при их приближении. Переводчики не могли добиться, чтобы их выслушали, и напрасно миссионеры протягивали крест и призывали робких дикарей к миру. Пуэрта и его коллега были уже совсем обескуражены, когда однажды они увидели приближающуюся к ним огромную толпу индейцев и среди них почтенного вождя с

длинными седыми волосами, который выступил вперед, чтобы поприветствовать миссионеров. Он сказал им, что их прихода с нетерпением ожидали, поскольку это было предсказано в видении самым красивым ребенком, которого он когда-либо видел, с тающей нежностью во взгляде и речи, что он не закончит свои дни, не став христианином, и что люди придут с целью учить его. Туземцы немедленно построили для миссионеров жилище и церковь, и вскоре последовало крещение престарелого вождя и всей его семьи. **Ошибка! Закладка не определена.**

Затем Ваэна отправился в Гватемалу, где его известие вызвало большое волнение. Многие добровольно предложили свои услуги, и из них был выбран Бенито Лопес, сопровождавший первого по возвращении в январе 1623 года. Тем временем семьсот взрослых приняли крещение, и разные племена страны основали семь деревень. Главная трудность миссионеров заключалась в преодолении кочевнического инстинкта туземцев, которые уходили в леса или горы, когда их меньше всего ожидали, и без видимой причины.

В течение года трое священнослужителей посетили страну гуабас, где добились замечательного успеха, крестив около пяти тысяч человек. В то время как миссионеры таким образом собирали богатый урожай душ, они и их новообращенные подверглись нападению и были побеждены враждебным племенем альбатумы, и первые были преданы смерти в жестоких пытках. Для наказания туземцев были посланы большие силы, и останки миссионеров были найдены, но их убийцы бежали в горные крепости. Тела погибших мучеников были перевезены в Трухильо, где они оставались до тех пор, пока город не был захвачен пиратами, после чего настоятель монастыря перевез их в Сантьяго, и там они были с большой церемонией преданы земле в церкви Сан-Франциско.

ХИКАКИ.

Примерно в 1661 году ксикаки, территория которых граничила с Тегусигальпой на севере, совершали частые набеги на долину Оланчо. Один из главных жертв этих набегов, капитан Бартоломе де Эскота, решил подавить их и, захватив большое количество, собрал их в поселениях в Гондурасе. Затем в сопровождении трех Ленка он отправился в Гватемалу на поиски священника, который мог бы проинструктировать их. Президент призвал францисканцев взяться за эту задачу, поскольку они были пионерами в этой работе, и теперь, казалось, что сбор урожая будет обильным. **Ошибка! Закладка не определена.** собравшихся ожидает. Фернандо де Эспино, в то время прихожанин монастыря Альмолонга, был уроженцем Новой Сеговии, города, граничащего с землями ксикаков, и был знаком с языком и народом ленка. Он взялся за эту работу и связал ее с самим Педро де Овалле. Они отправились из Гватемалы в мае 1667 года и добились умеренного успеха. В 1668 году Эспино был отозван, и Овалле с дополнительными помощниками продолжал работу, несмотря на возрастающие трудности, в течение многих лет. В 1679 году в семи небольших деревнях проживало более тысячи обращенных в христианство туземцев, и их число постоянно увеличивалось. Лопес посетил этот район в 1695 году и проникся таким энтузиазмом в работе, что провел там остаток своей жизни, умерев в 1698 году в разгар работы, выполненной или запланированной на благо людей.

Францисканцам сильно мешало в их трудах противодействие епископа Гондураса, [\[XXXIV-12\]](#) который разрушил часть их зданий и наложил на них и их новообращенных отлучение от церкви. По словам Васкеса, из-за этих разбирательств он был отстранен от должности.

[XXXIV-13] Прелат дожил до того, чтобы раскаяться в своей ошибке, и во время его последней болезни за ним ухаживали члены ордена, которым он стремился навредить. **Ошибка! Закладка не определена.**

Те немногие сохранившиеся записи, которые дошли до нас, касающиеся истории Гондураса до конца восемнадцатого века, помимо социального, политического и промышленного состояния провинции, которые будут упомянуты в одной из будущих книг, касаются главным образом набегов флибустьеров и военных действий с иностранными державами. [XXXIV-14]

В 1643 году Трухильо снова был захвачен и разграблен, город был почти разрушен голландцами, хотя и защищен фортом с семнадцатью тяжелыми орудиями и рядом более мелких орудий. Испанцы были настолько обескуражены этим бедствием, что это место было заброшено и оставалось в руинах до 1789 года, когда оно было восстановлено и укреплено по приказу короля. В 1797 году он снова подвергся нападению английской эскадры; но после ожесточенного боя нападавшие были отброшены с потерями.

ПОРАЖЕНИЕ АНГЛИЧАН.

В соответствии с королевским указом от 30 августа 1740 года в одноименной гавани, недалеко от Пуэрто-де-Кабальос, был построен форт под названием Сан-Фернандо-де-Омоа, в качестве дополнительной защиты побережья Гондураса и для того, чтобы служить местом захода гвардейцев костас, работающих в этих краях. Работы были начаты в 1752 году Васкесом де Сотомайором, президентом Гватемалы, и завершены три года спустя. Хотя это место было очень нездоровым, там был основан город, который вскоре заселил значительную часть населения и стал центром торговли восточной Гватемалы. 25 сентября 1779 года, когда Испания и Великобритания находились в то время в состоянии войны, форт был атакован четырьмя английскими военными кораблями. Его храбро защищал его комендант Десно с пятью сотнями человек, и британцы, не имея достаточных сил, были вынуждены отступить. [XXXIV-15] **Ошибка! Закладка не определена.**

16 октября англичане вернулись с двенадцатью линейными кораблями, большим количеством войск и ордой индейцев москито. Как и в предыдущем случае, они сразу открыли огонь; но орудия форта отвечали так энергично, что одно из судов было выведено из строя; а другое село на мель, и атака была приостановлена. К этому времени или вскоре после этого вспомогательный отряд из Пуэрто-де-Кабальоса занял высоты напротив города, предварительно подожгв все ранчо, которые мешали осадным работам. Осажденные, будучи окружены и атакованные со всех сторон, вскоре были вынуждены сдаться. Возможно, их постигла бы лучшая участь, если бы несколько негритянских артиллеристов и рота регулярных войск, встревоженные противоборством, не взбунтовались и не выломали своими топорами ворота крепости. [XXXIV-16] Были захвачены четыреста пленных и огромная добыча, которая, как говорят, превысила три миллиона песо, помимо нескольких судов, готовых к отправке в Европу. [XXXIV-17] Завоеватели разрушили город; но не успели они заполучить свою добычу, как разразился сильный шторм, и корабль, на котором были помещены сокровища, затонул, а остальной флот едва спасся.

В то время Гватемалой правил дон Матиас де Гальвес, и, как только он услышал о катастрофе, отправил гонцов губернаторам Кубы и Юкатана, а также вице-королю Мексики Майорге,

призывая выделить людей и материалы. **Ошибка! Закладка не определена.** Вице-король отреагировал немедленно, отправив подкрепления через Оахаку. [XXXIV-18]

Вскоре Гальвес организовал ополчение поселений и, собрав всех регулярных солдат, которых смог собрать, двинулся на Сан-Фернандо-де-Омоа. К 26 ноября он соорудил шесть линий укреплений перед замком. Были проведены бесплодные переговоры, и в последний день месяца в полночь была предпринята атака на англичан, которые, будучи частично застигнутыми врасплох, медленно отступили из форта после установки пушек и преуспели в захвате своих кораблей, унося лучших людей из числа своих пленников вместе со значительной добычей.

ВСТРЕЧА ПИРАТОВ.

Из многочисленных островов, усеивающих Гондурасский залив, три были более или менее густо заселены, когда их открыл Колумб в начале шестнадцатого века, но сто лет спустя они были в какой-то степени заселены. Они, Роатан, Гуанаха и Утила, спокойно оставались под властью Испании до 1642 года, когда были взяты без сопротивления со стороны местных жителей и расквартированы английскими пиратами. Ситуация стала критической для испанских интересов, поскольку разбойники могли вылететь с островов, как ястребы, и наброситься на морскую торговлю или совершить неожиданные набеги на мейн.

Несколько лет спустя губернаторы Гватемалы, Гаваны и Санто-Доминго объединились в экспедиции по возвращению этих островов. Четыре военных корабля под командованием Франсиско де Вильява-и-Толедо стремились застать англичан врасплох и прибыли в Роатан до рассвета. Они были обнаружены часовыми, и штурм успешно отбили. Израсходовав все свои боеприпасы, испанцы вновь погрузились на борт и отплыли в Санто-Томас-де-Кастилия, чтобы получить свежие запасы и дожидаться подкрепления. **Ошибка! Закладка не определена.**

В 1650 году с той же целью была отправлена вторая экспедиция, состоящая из 450 человек, и после ожесточенного сопротивления англичане были вынуждены вернуться на свои корабли. С этой даты британцы не трогали Роатан до 1742 года, когда они снова завладели этим местом и укрепили его материалами, полученными в Трухильо. Там они оставались до 1780 года, когда снова были изгнаны губернатором Гватемалы. В 1796 году англичане вновь овладели островом и разместили там охрану из двух тысяч негров; но в следующем году Хосе Росси-и-Рубиа, получив приказ губернатора Гондураса попытаться отвоевать его, вынудил гарнизон капитулировать без сопротивления. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXXV.

ГВАТЕМАЛА И ЧЬЯПАС.

1601-1700гг.

Президент Кастильи—Основан порт Санто—Томас—Фракции—Президент—азартный игрок—Положение колонистов—Жалобы—Покровительство короны, Аудиенсии и Кабильдо—Споры—Защитные меры—Правление президента Кальдаса—Реорганизация Аудиенсии—Президент Барриос и епископ Навас—Политические разногласия—Беспокойный визитатор—Беррописты и Текели—Линия епископов—Богатство Регулярных орденов—Околдованный прелат—Вифлеемиты—Королевский приказ о викариях—Новый собор и Празднества-Преемственность-Прогресс Чьяпаса.

Хотя гватемальский историк Хуаррос восхваляет президента Кастилью, который, как следует помнить, был назначен губернатором Гватемалы в 1598 году, [XXXV-1] вызывает большие сомнения, что граждане Сантьяго, которыми он правил, безоговорочно одобрили его похвалу. В записях кабильдо появляются частые жалобы, обвиняющие его в посягательстве на прерогативы муниципальных властей, в пренебрежении своими судебными обязанностями и в вмешательстве в привилегии граждан, [XXXV-2] и права на **Ошибка! Закладка не определена.** преимущество в общественных мероприятиях. Но более того, эти ревнивые просители обвиняли его в постепенно увеличивающейся бедности дворян, которые были категорически против равного раздела имущества, о чем свидетельствует их заявление королю о том, что разделение энкомьенд сделало такое имущество почти бесполезным. Также ввиду опасности нападения на их границы они умоляли короля назначить президентом не гражданское лицо, а человека, прошедшего военную подготовку.

Именно во времена правления Кастилии был открыт залив Аматике и основан порт Санто-Томас. Непосредственной причиной основания этого порта стал пиратский набег в 1603 году на Пуэрто-де-Кабальос, город в течение некоторого времени подвергался нападениям корсаров. В том году эскадра из восьми судов под командованием Пье де Пало и мулата по имени Диего, численностью более тысячи двухсот человек, вошла в гавань, и, несмотря на храброе сопротивление капитана Хуана де Монастерио, у которого было всего два корабля, они разгромили его и захватили его суда. [XXXV-3]

Эта катастрофа побудила президента отдать приказ о проведении разведки с целью обнаружения более безопасного места; и в марте следующего года Эстеван де Альварадо с помощью опытного лоцмана Франсиско Наварро обследовал побережье. Их благоприятный отзыв о заливе Аматик [XXXV-4] побудил аудиенсию отдать приказ об основании города, который был назван Санто-Томас-де-Кастилия в честь президента. [XXXV-5] Переселение населения Пуэрто-де-Кабальос было произведено как можно быстрее, и к началу 1605 года торговля Гватемалы **Ошибка! Закладка не определена.** через Атлантику продолжалась через новый порт. [XXXV-6] Хотя преимущества Сан-Томаса были очевидны и король одобрил это изменение, никаких укреплений там не строилось, по крайней мере, в течение нескольких лет. В 1607 году восемь голландских пиратских судов появились в бухте как раз в тот момент, когда Монастерио был готов отплыть в Испанию, но на этот раз пираты были отброшены, потеряв один потопленный корабль, а остальная эскадра получила большие повреждения. [XXXV-7] Испанское правительство настолько бездействовало в принятии мер по защите города, что Монастерио решил сам укрепить его и в 1609 году установил семь артиллерийских орудий на большой скале недалеко от берега.

Хотя новое поселение располагалось в просторной гавани, было легко доступно и хорошо защищено от ветров, оно не процветало, поскольку окружающая местность была настолько бесплодной, что не давала достаточно продовольствия даже для мулов, занятых перевозкой товаров. Впоследствии он был постепенно оставлен в пользу Пуэрто-Дульсе, расположенного к западу.

ГОМЕРА СМЕНЯЕТ КАСТИЛЬЮ.

В августе 1609 года Антонио Пераза Айала Кастилия-и-Рохас, конде де ла Гомера, был назначен королевской седулой преемником президента Кастилии и приступил к исполнению своих обязанностей в 1611 году, в течение которого его предшественник скончался во время

пребывания в резиденции. [XXXV-8] Новый президент принес мало удовлетворения жителям Сантьяго. Он вымогал деньги у поселенцев незаконными средствами, [XXXV-9] и через три года после его установки **Ошибка! Закладка не определена.** вспыхнули жестокие беспорядки. Политическое положение страны привлекло внимание вице-короля Мексики, и в 1614 году для расследования дел аудиенции был направлен визитадор Хуан де Ибарра. Ситуация усложнилась. Гомера был отстранен от должности и удалился в город Патулул. Вся провинция была разделена на фракции, и люди были настолько возмущены, что бунт был неизбежен. Такое положение дел сохранялось до 1617 года, когда Гомера был восстановлен на посту президента, который он занимал до 1626 года, когда удалился на родину, на Канарские острова. [XXXV-10] Ему наследовал человек с совершенно иным характером, некто Хуан де Гусман, [XXXV-11] который, потеряв жену во время путешествия в Гватемалу, потерял вместе с ней всякий интерес к жизни. После пятилетнего правления с мягкостью и благодушием, которые плохо соответствовали жадному нраву его соратников, он был, так сказать, изгнан с поста президента их упорным несогласием с его взглядами.

Следующим занял президентское кресло Альваро де Киньонес-и-Осорио, маркиз де Лоренцана, [XXXV-12] переведенный из Панамы. Его дух алчности резко контрастировал с бескорыстным нравом его предшественника, и вскоре он стал крайне непопулярен. Азартные игры были любимым занятием в столице Гватемалы, и, хотя президент строго запретил все азартные игры в частных домах, его собственный дворец по ночам превращался в обычный **Ошибка! Закладка не определена.** Игорное заведение, прибыль от которого он получал, неодобрительно глядя на богатых людей, которые старались не посещать его столы. [XXXV-13] В 1642 году ему наследовал Диего де Авенданьо, и во время его путешествия в Испанию судно, на котором он плыл, затонуло, и он погиб. Правление Авенданьо отличалось честностью и бескорыстием. Он умер в августе 1649 года, и президентство перешло к лицензиату Антонио де Лара-и-Могребехо, который занимал этот пост до 1654 года.

СОСТОЯНИЕ КОЛОНИСТОВ.

Положение колонистов в первой половине семнадцатого века было процветающим. Город казался богатым и даже величественным. Великолепные частные резиденции и большие торговые дома, наполненные ценными товарами, окружали общественные площади и стояли на главных улицах; в то время как величественные церкви с богато обставленными интерьерами, монастыри различных орденов и общественные учреждения были разбросаны по всей столице. Ежедневные рынки, на которых в большом изобилии продавались всевозможные припасы по низким ценам, провозглашали отсутствие бедности, [XXXV-14] в то время как богатство торговцев было таким, что делало их равными любому в Новом Свете. Процветание страны также не отставало от процветания города. Процветало сельское хозяйство, и огромные участки земли были обработаны. Но наиболее заметной промышленной особенностью были многочисленные и обширные фермы по разведению крупного рогатого скота и овец, которые были созданы в провинции и которые поставляли мясо в окрестные города по цене, доступной самому бедному жителю. [XXXV-15] Коммерция была не менее процветающей, и караваны мулов вели обширную торговлю с Мексикой, Чьяпасом, Никарагуа, **Ошибка! Закладка не определена.** и Коста-Рикой, а также по океанам с Перу и Испанией.

"Этот город, - говорит Томас Гейдж, проживший три года в Сантьяго, - может состоять примерно из пяти тысяч семей, не считая индейского пригорода эль-Баррио-де-Сто-Доминго, где может

быть еще двести семей. Лучшая часть города - это та, что примыкает к Предместью Индейцев и называется также эль-Баррио-де-Санто-Доминго из-за Монастыря Святого Доминика, который находится в нем. Здесь расположены самые богатые и лучшие магазины города, с лучшими зданиями, большинство домов новые и величественные. Здесь также есть ежедневный Тиангуэс (как они его называют), или мелкий рынок, где индейцы целый день торгуют фруктами, зеленью и какао, но в четыре часа дня этот рынок заполняется на час, где индийские женщины собираются, чтобы продать свои деревенские хлопья (которые являются деликатесом для жителей Кριοльты), такие как Атолле, пиноль, бананы "скальде", масло какао, пудинги из индийской кукурузы с небольшим количеством мяса птицы или свежей свинины, приправленные большим количеством красного жгучего перца чили, которые они называют Анатамалесами".

"Климат здесь очень умеренный, намного превосходящий климат Мексики или Гуахаки. Ни в одном из двух названных городов нет лучшего запаса фруктов, зелени для салата, мяса, говядины, баранины, телятины, козлятины, домашней птицы, индюшат, крольчатины, перепелов, хребтов, фазанов, а также индийской и испанской пшеницы, чем в этом городе: от Южного моря (которое лежит в некоторых местах не более чем в двенадцати лигах от него), и от рек побережья Южного моря, и от пресных озер Атитлан и Петапа, и от другого озера, лежащего в трех или четырех лигах от Чимальтенанго, он хорошо и в изобилии обеспечен рыбой. Но говядины там в таком изобилии, что ее больше, чем во всех частях Америки без исключения, о чем можно судить по вспомогательным средствам, которые ежегодно отправляются в Испанию из Гватемалы, где обычно убивают свой скот, больше для наживы своих гайдов в Испании, **Ошибка! Закладка не определена.** чем из-за качества или жирности мяса, которое, хотя и не идет ни в какое сравнение с нашей английской говядиной, все же вкусно. мужское мясо, и такое дешевое, что в мое время его обычно продавали по тринадцать с половиной фунтов за половину риала, там меньше монеты, а здесь - за три пенса". [XXXV-16]

ПРОДАВАЕМЫЕ ОФИСЫ.

Налогообложение было поводом для недовольства, и жалобы, поднятые гражданами Сантьяго, в конечном итоге привели к сокращению числа самозванцев, которые за 1614-1626 годы более чем удвоились, [XXXV-17] и, несомненно, были оскорбительными. Другой причиной недовольства было покровительство, которым пользовались соответственно корона, аудиенция и кабильдо. Короне принадлежало назначение президента и пяти оидоров, [XXXV-18] девяносто двух судебных и военных чиновников, одного фискала с той же зарплатой, что и у оидора, контадора и казначея, [XXXV-19] и различных других мелких чиновников. В распоряжении президента было почти сто оплачиваемых должностей, а именно должности коррехидоров в количестве около пятнадцати человек, включая коррехидоров Никарагуа и Гондураса; [XXXV-20] должность алькальда-мэра Сан-Томас-де-Кастилья и другое покровительство.

Аудиенсия распорядилась офисами мэра альгуасиля, получателя и казначея штрафов и судебных сборов, двух эскрибансов и главных секретарей аудиенции, **Ошибка! Закладка не определена.** налогового инспектора и шести получателей, секретаря суда по имущественным делам, относящегося к межгосударственным, и несколькими другими должностями. Все эти офисы можно было продать. [XXXV-21] Должности всех должностных лиц муниципалитета также были открыты для покупки. [XXXV-22] Что касается покровительства кабильдо, то оно было гораздо более ограниченным и, естественно, ограничивалось назначениями в пределах города.

[XXXV-23] При такой системе покровительства и продажи государственных должностей было вполне естественно, что важные должности часто занимали некомпетентные фавориты или требовательные чиновники. Отсюда неоднократно возникали споры и раздоры между кабильдо и народом, с одной стороны, и аудиенсией и королевскими офицерами - с другой.

Не были освобождены колонисты и от бедствий, вызванных эпидемией и природными явлениями. В 1601 году эпидемия унесла огромное количество людей с поразительной быстротой, а 1607, 1621, 1640 и 1651 годы ознаменовались страшными землетрясениями, которые привели к большим человеческим жертвам. [XXXV-24] В 1686 году эпидемия истребила население. Особенностью этой эпидемии было то, что крепкие и здоровые становились ее жертвами с большей готовностью, чем слабые и болезненные. За этим бедствием последовало в 1687 году сильное землетрясение, которое привело к большим разрушениям церквей и домов и унесло более трехсот жизней. Аналогичная катастрофа, столь же разрушительная, произошла в 1689 году. [XXXV-25] **Ошибка! Закладка не определена.**

АДМИНИСТРАЦИИ ДАЙВЕРОВ.

В мае 1654 года Фернандо Альтамирано, конде Сантьяго де Калимайя, вступил во владение [XXXV-26] президентством Гватемалы. Его правление приобрело печальную известность из-за кровавых распри Меденильясов и Каррас, в которые были вовлечены непримиримые семейные распри большинства знати Гватемалы, и президент, к сожалению, принял в них участие. [XXXV-27] Он умер в 1657 году; и во время правления его преемника Мартина Карл де Менкоса, бывшего командующим галеонами, аудиенция была вовлечена в частые споры относительно привилегий и юрисдикции. [XXXV-28]

В то время аюнтамьенто был гораздо более могущественной корпорацией, чем раньше, благодаря значительно возрослому числу его членов и заметным милостям, оказанным ему различными монархами Испании в течение этого столетия. В долине Гватемалы он обладал гражданской и уголовной юрисдикцией не менее чем над семьюдесятью семью деревнями, и эта прерогатива неоднократно подтверждалась королевскими седулами. [XXXV-29] Вопросы приоритета, однако, на время уступили место вопросам самообороны из-за присутствия флибустьеров на северном побережье. Строительство укреплений Сан-Фелипе на Гольфо-Дульсе было начато в марте 1651 года, и хотя в следующем году оидор Лопес де Солис возражал против дальнейших расходов без прямого разрешения короны, оидор Лара Могробехо, финансовый Эскивель и королевский **Ошибка! Закладка не определена.** Офицеры Сантьяго и Сотомайор доказали свое право использовать определенные суммы, первоначально выделенные на оборона Трухильо и Санто-Томаса, а также укреплений Сан-Фелипе были завершены в 1663 году.

В 1667 году, когда срок полномочий Менкоса истек, он вернулся в Испанию, и в том же году прибыл новый президент Себастьян Альварес Альфонсо Росика де Кальдас. [XXXV-30] Калдас с энтузиазмом выступал за уже запланированное завоевание страны Лакандонов, о котором будет рассказано позже, и в письме королю предложил осуществить ее покорение за свой счет, при условии, что она будет называться его собственным именем. [XXXV-31] Это предложение, по мнению президента, не привело ни к какому результату, но его публикация [XXXV-32] стимулировало расследование и в конечном итоге привело к открытию дороги между Юкатаном и Гватемалой.

Администрация Калдаса была горячо одобрена cabildo, и в важном вопросе, касающемся полномочий, члены поддержали его дело. Фискал Педро де Миранда Сантильян был обвинен в барататстве, и президент не только отстранил его от должности, но и отправил в тюрьму в Сан-Фелипе. [XXXV-33] Король не одобрил эту своевольную меру, касающуюся одного из должностных лиц короны, и, что еще хуже, фискал умер в тюрьме 9 октября 1669 года. До того, как стало известно о кончине Сантильяна, его **Ошибка! Закладка не определена.** Седулой от 6 мая 1670 года его Величество назначил его ординатором аудиенции, а другой седулой от той же даты епископ Хуан де Санта-Мария Саенс Маньоска был назначен визитадором и президентом. Последовало утомительное расследование, но прежде чем оно было завершено, Калдас умер. [XXXV-34]

Новый президент отличался чрезвычайной щепетильностью в вопросах этикета. Однажды, когда он шел пешком, мимо проехал ойдор, не остановив свой экипаж в знак уважения, за что президент оштрафовал его на двести песо. В другой раз некий ойдор нанес оскорбление, устроив грандиозную демонстрацию со своим экипажем и четверкой лошадей, сопровождаемых двумя всадниками. Немедленно был опубликован указ, запрещающий повторение подобной показухи кем бы то ни было, кроме епископа.

Королевским указом, изданным 18 мая 1680 года, конституция аудиенции была реформирована. Должность президента и генерал-капитана была сделана аналогичной должности вице-короля Мексики, его правление было независимым от оидорес, в то время как он никоим образом не мог вмешиваться в их министерство юстиции, его официальная подпись требовалась только для удостоверения подлинности их депеш и утверждения их приговоров. [XXXV-35]

ПРЕЗИДЕНТ БАРРИОС.

26 января 1688 года президент Барриос-и-Леаль вступил в должность. [XXXV-36] Его прибытие не было замечено обычной **Ошибка! Закладка не определена.** на дисплее. По пути из Гольфо-Дульче он столкнулся с такими трудностями, что попросил кабильдо опустить церемонию приветствия и направить выделенные на эти цели средства на улучшение обороны в Гольфо-Дульче. [XXXV-37] Его правление доставляло ему не меньше хлопот, чем его путешествие. Снова возникли разногласия между обычным и светским духовенством. [XXXV-38] Епископ Навас, в то время возглавлявший епархию, был очень взволнован и вскоре после прибытия Барриоса обратился к кабильдо с мемориалом по поводу того, что он считал вопиющими злоупотреблениями, заявив, что ввиду многочисленных бедствий, которые страна пережила за последние шесть лет по различным причинам, налогообложение отнимало жизненную силу у и без того обедневшего народа. Епископ был из тех, кто быстро распознавал зло, с которым он был бессилен справиться; способный составлять планы, ему не хватало настойчивости в исполнении; и он занял позицию приверженца, где прелату особенно пристало быть беспристрастным. Таким образом, он постоянно вмешивался в политические дела, и личные отношения между ним и президентом вскоре стали чрезвычайно неприятными, [XXXV-39] в конце концов став предметом расследования при испанском дворе. 13 марта 1690 года была издана королевская седула с суровым выговором епископу [XXXV-40] за его поведение по отношению к президенту.

25 января 1691 года Фернандо Урсино-и-Орбанеха, **Ошибка! Закладка не определена.** президент Мексики, был назначен визитадором Гватемалы, и он временно отстранил президента Барриоса. В 1694 году Барриос был восстановлен в должности. Основным занятием, которым он ранее занимался, было завоевание страны Лакандонов, в которую он лично возглавил экспедицию, о чем будет рассказано ниже. Теперь он начал подготовку ко второй кампании. Пока он занимался этим, его здоровье пошатнулось, и он умер 12 ноября 1695 года.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВРАЖДА.

За смертью Барриоса последовали разногласия в аудитории по поводу его временного преемника. По закону право наследования принадлежало старшему оидору Франсиско Валенсуэле Венегасу, но лицензиат Хосе де Скаль каким-то образом был назначен президентом. Отсюда возникла жестокая партийная вражда, [XXXV-41] и когда Габриэль Санчес де Берроспе прибыл в марте 1696 года в качестве назначенного президента, правительство находилось в состоянии замешательства, которое никакие его усилия не могли исправить. Фактически политическая буря закрыла историю Гватемалы на столетие. Оппозиция, возглавляемая Скалсом и его союзником ойдором Амескетой, пресекала попытки Берроспе принять закон всеми возможными способами, которые могли вызвать задержку. [XXXV-42]

17 июня 1699 года Диего Антонио де Овьедо-и-Баньос, оидор Санто-Доминго, Грегорио Каррильо-и-Эскудеро и двое других были назначены оидорами Гватемалы на время расследования, касающегося аудиенции, с правом наследования по истечении срока полномочий бывшего оидора. Овьедо был назначен старшим инспектором, но, будучи задержанным в Сантьяго-де-Куба, Каррильо узурпировал должность и отказался **Ошибка! Закладка не определена.** уступить место первому по прибытии. [XXXV-43] Разногласия продолжались до прихода лицензиата Мадриса в качестве visitador в 1699 году, когда дела стали еще более серьезными, и к актам насилия прибегли две ожесточенные группировки, которые немедленно сформировались под названием Berropistas и Tequelies.

Первым актом Мадриса было смещение Берроспе и назначение Амескеты временным президентом. Ойдорес Каррильо и Дуардо были затем лишены полномочий, но они быстро подтвердили, что их смещение было незаконным, и, вернувшись на свои места, распорядились арестовать визитадора, что они и попытались осуществить в Вербное воскресенье 1700 года. Мадрид укрылся в колледже иезуитов, который на следующий день был окружен друзьями Каррильо и Дуардо. Епископ пришел ему на помощь и благополучно отступил в Соконуско, где призвал народ подняться с оружием в руках против Берропистов. Берроспе послал ойдора Педро де Эзгуараса с вооруженными силами подавить беспорядки и, если возможно, осуществить захват Мадриса. Сначала Эзгуарас был отброшен, но в последующем столкновении Мадриз и его сторонники были обращены в бегство, и мир был восстановлен. Берроспе пришлось нелегко. У Мадриса был могущественный союзник в лице епископа, который издал манифесты, призывающие всех людей подчиняться visitador, а не псевдо audiencia. Тем, кто пытался насильно захватить Мадрид, он пригрозил отлучением от церкви. В феврале 1701 года визитадор вернулся с вооруженным отрядом из Оахаки, куда он бежал, и в столкновении между противоборствующими сторонами потерял шестьдесят своих людей, в то время как потери аудиенции составили всего десять. [XXXV-44]

Берроспе сейчас уходит со сцены, либо вернувшись в Испанию, либо умер во время политической борьбы **Ошибка! Закладка не определена.** все еще не определился. [XXXV-45] Другие главные действующие лица продолжали состязание несколько дольше. В 1702 году Хосе Осорио, оидор Мексики, был назначен вместо Мадриса визитадором, а в сентябре того же года последний был арестован в Кампече и отправлен пленником в Мексику как зачинщик беспорядков в Гватемале. Епископ Навас постоянно отождествлял себя с текели, и когда его митрополит, архиепископ Мексики, приказал ему отменить свой запрет на отлучение от церкви некоторых берроспеистов, он отказался это сделать. Он умер в разгар этих разногласий, не без серьезных подозрений, что его отравили.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА.

Что касается церковной истории провинции, мы узнаем, что после кончины епископа Кордовы в 1598 году, [XXXV-46] митра была дарована Хуану Рамиресу де Арельяно, человеку, который, как говорят, происходил из королевского рода. Эта честь была оказана в знак признания его усердия в обращении уроженцев Мизтекапана. Ранее он совершил паломничество из Испании домой пешком, в таком скромном обличье, в каком когда-либо путешествовали апостолы древности, и был принят папой с особым почетом. Прибыв в Гватемалу в 1601 году, он ничем не изменил тот аскетичный образ жизни, которым отличался, когда был простым монахом. Его пыл и решимость в деле церкви навлекли на него вражду кабильдо, [XXXV-47] члены которого молили короля, чтобы епископа перевели в какую-нибудь другую епархию, а в их собственной был установлен период спокойствия. Его смерть, наступившая вскоре после этого, избавила граждан Сантьяго от **Ошибка! Закладка не определена.** дальнейшего беспокойства. Во время правления Рамиреса принято считать, что епископство Вера-Пас было упразднено, а его территория присоединена к территории Гватемалы. [XXXV-48] Епископ Кубы Хуан Кабесас Альтамирано был переведен в Гватемалу в 1610 году и вступил во владение епископской кафедрой в следующем году. В 1613 году он с пышными церемониями посвятил Алонсо Гальдо, избранного епископа Гондураса, и это была первая церемония подобного рода, проведенная в Гватемале. Два года спустя Альтамирано схватил апоплексический удар и умер, когда митра была предложена Педро де Валенсии, который до своего прибытия в Гватемалу был назначен епископом Ла-Паса. Епископство оставалось вакантным до 1621 года, поскольку Франсиско де ла Вега Сармьенто, настоятель Мексики, отказался принять его, а Педро де Вилья Реаль, епископ Никарагуа, следующий назначенный, умер, не добравшись до епархии. Затем он был пожалован Хуану Сапате-и-Сандовалю, епископу Чьяпаса, который происходил из одной из самых знатных семей Мексики. Он был известен своим благотворительным нравом и был первым епископом, присвоившим ученую степень в колледже Санто-Томаса в Гватемале. После девяти лет пребывания на епископской кафедре он умер в январе 1630 года и был похоронен в кафедральном соборе Гватемалы. [XXXV-49]

Следующий резидент, епископ Агустин де Угарте-и-Саравиа, также получил повышение по службе из Чьяпаса и возглавлял епархию в течение девяти лет. Он сделал ценные подарки монастырю Ла Консепсьон, заложил первый камень в основание монастыря Санта-Катарина-Мартыр и основал монастырь Нуэстра-Сеньора-дель-Кармэн. В 1641 году он был переведен в Арекипу в Перу, а затем в Кито, где и умер в 1650 году.

У его преемника, Бартоломе Гонсалеса Сольтеро, была **Ошибка! Закладка не определена.** обладал рядом важных доверенных лиц, трижды был ректором университета в Мексике,

инспектором библиотек, налоговиком, а впоследствии членом инквизиции. Как скоро после перевода Саравиа в Перу Солтеро приступил к своим обязанностям, не совсем точно, но, вероятно, не в ближайшее время. [XXXV-50] Его правление было мирным, и его преданность больным во время эпидемии завоевала уважение кабиљдо. [XXXV-51] Он умер 25 января 1650 года и был похоронен в кафедральном соборе Сантьяго.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРДЕНА.

Доход епархии в 1648 году, как официально сообщалось, составлял восемь тысяч песо в год, и в то время в городе Сантьяго находились монастыри, принадлежащие доминиканцам, францисканцам, августинцам, иезуитам, наемникам и ордену Сан-Хуан-де-Диос. В ведении доминиканцев находился госпиталь Сан-Алехо, а в 1641 году госпиталь Сантьяго был передан на попечение монахов Сан-Хуан-де-Диос. [XXXV-52] Под управлением этого общества находилась также больница Сан-Ласаро. Кроме того, в городе было четыре женских монастыря, два из которых принадлежали доминиканскому ордену, один - ордену Ла Консепсьон и один - ордену Санта-Катарина-Мартыр, причем последний вмещал четыреста насельников, не считая большого количества учениц.

По богатству и роскоши эти ордена уступали только орденам постоянных клиентов в **Ошибка! Закладка не определена.** Мексика и Перу. Доминиканский монастырь, например, получал большие доходы от своих индийских владений, привилегий на водяные мельницы, фермерских хозяйств, сахарных плантаций и серебряного рудника. [XXXV-53] На обширной территории их монастыря были искусственные озера, пруды с рыбой, фруктовые и цветочные сады, а их церковь была богата дорогими украшениями и бижутерией. Доминиканцы, возможно, жили лучше, чем другие ордена, но ни один из них не испытывал недостатка ни в комфорте, ни в достатке. Едва ли менее богатым, чем доминиканцы, был монастырь монахинь Ла Консепсьон, обительниц которого было очень много. Гейдж рассказывает, что одна прекрасная сестра из этого общества, донья Хуана де Мальдонадо, дочь судьи, настолько околдовала епископа своей молодостью и обаянием, что, чтобы доставить ей удовольствие, он попытался назначить ее настоятельницей, несмотря на ее молодость и неопытность. На самом деле поведение прелата было таким, что вызвало скандал, и многие известные горожане, чьи родственники были заключенными, вошли в монастырь, готовые совершить перемену силой. Вмешательство президента Гусмана и отца молодой леди привело к отказу от ее амбициозных планов.

Вифлеемиты появились в Гватемале примерно в середине семнадцатого века, основателем их ордена был брат Педро де Сан Хосе Ветанкур. Их первым жилищем был небольшой дом, который был куплен за сорок песо, полученных в качестве пожертвования. Однако орден недолго пребывал в бедности, и через несколько лет обществу ежегодно преподносились крупные денежные подарки. В 1667 году Ветанкура сменил брат Родриго на посту лидера братства, и вскоре после этого вифлеемцы возвели церковь в Сантьяго за семьдесят тысяч песо, [XXXV-54] а также другие дорогостоящие сооружения. **Ошибка! Закладка не определена.** В 1667 году они приняли кодекс; но францисканский провинциал возражал против его утверждения, поскольку он предусматривал ту же одежду, что и у членов его собственного ордена. Эта трудность была устранена, правила и предписания были утверждены епископом 6 февраля 1668 года. [XXXV-55] Общество было реорганизовано в 1681 году на основе, одобренной папой и королем, но только после того, как брат Родриго провел пятнадцать лет, отстаивая его дело в Мадриде и Риме.

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

После смерти епископа Солтеро епископальный дворец не занимал ни один прелат до 1659 года. Хуан Гарсиласо де ла Вега был впервые назначен его преемником, но умер в Теуантепеке 5 мая 1654 года по пути в Сантьяго. Его останки были перевезены туда и преданы земле в соборе. Следующим на вакантный престол был назначен брат Пайо Энрикес де Рибера, который вступил во владение в феврале 1659 года.

В 1660 году поступил королевский приказ, в котором содержались более обязательные прежние инструкции относительно масштабов и стипендий кураторств. Викарии нанимали светских помощников, которым они частично или полностью передавали свои духовные обязанности. Тем не менее, они собирали все гонорары и взносы. Викарию не разрешалось опекать более четырехсот местных жителей, и когда поступило новое распоряжение, епископ Рибера обязался обеспечить его соблюдение. Налоговый инспектор Педро Фрассо, однако, заявил о своем праве, а также о всех излишках денежных средств, полученных викариями, у которых было больше, чем положено по закону. Спор разгорелся с новой силой и приобрел большую протяженность. [\[XXXV-56\]](#) **Ошибка! Закладка не определена.**

В своем рвении к церкви Рибера объехал вдоль и поперек свою епархию, и благодаря его трудам был основан госпиталь Сан-Педро в Сантьяго. Он был переведен в епископство Мичоакан и покинул Гватемалу в феврале 1668 года.

Его преемник Хуан де Санто Матиас Саенс Маньоска-и-Мурильо прибыл в июне следующего года, ранее заняв Гаванский престол. Самым важным церковным событием за время его правления стало основание нового кафедрального собора, краеугольный камень которого он заложил с торжественными церемониями 30 октября 1669 года. Строительство здания было завершено в 1680 году, и его освящение ознаменовалось блестящими церемониями и празднествами, которые продолжались восемь дней. Утро было посвящено религиозным службам, а вечер - банкетам и балам. Два ансамбля танцоров были тщательно обучены и выступали поочередно в разные дни; один, состоящий из двенадцати молодых людей, выбранных из самых знатных семей и одетых в великолепные костюмы, демонстрировал древние танцы Нового Света; другой, сформированный из такого же количества выдающихся молодых женщин, богато одетых в испанском стиле, представлял сивилл. Полночь была озарена впечатляющим фейерверком, устроенным различными орденами и конгрегациями. Когда программа духовенства была исчерпана, три дополнительных дня были отданы безраздельному веселью. Устраивались театральные представления, бои быков, скачки и другие развлечения, которые посещали толпы людей.

После завершения своих обязанностей президента аудиенсии Маньоска оставался на этом посту до своей кончины в 1675 году, незадолго до этого получив уведомление о своем назначении епископом Ла-Пуэбла-де-лос-Анхелес. [\[XXXV-57\]](#) **Ошибка! Закладка не определена.**

В феврале 1676 года прибыл новый епископ Хуан де Ортега-и-Монтаньес, который занимал этот пост до 1682 года, когда его перевели в Мичоакан, сменив на этом посту Андреса де лас Наваса-и-Кеведо, чьи политико-церковные взгляды и способ управления снискали ему незавидное положение среди гватемальских прелатов семнадцатого века.

ДАТЧИК В ШТАТЕ ЧЬЯПАС.

В этот период провинция Чьяпас достигла наивысшей степени своего процветания. Со времени ее порабощения Мазариегосом местные жители не предпринимали никаких попыток восстановить свою политическую свободу, и в стране царило непрерывное спокойствие. Местные жители спокойно смирились со своей участью, а испанцы наслаждались плодами своих трудов. Это правда, что на территории не было рудников, но продуктивность почвы была такова, что царило изобилие. Какао, кошениль и хлопок производились в большом количестве и представляли большую коммерческую ценность, в то время как сельское хозяйство и скотоводство процветали во всех частях страны. Густонаселенные города [XXXV-58] располагались в плодородных долинах, [XXXV-59] реки которых в изобилии снабжали жителей рыбой, а леса изобиловали дичью. Но в течение этого периода в характере и строении обеих рас постепенно происходили большие изменения. Испанцы стали слабыми и изнеженными из-за лени и бездействия, в то время как индейцы приобретали знания о мужественных упражнениях и видах спорта, которыми их слишком ленивые завоеватели больше не занимались с энергией или мастерством. [XXXV-60] Что касается столицы провинции, Гейдж называет ее "одной из самых подлых" **Ошибка! Закладка не определена.** Города во всей Америке", [XXXV-61] и не более лестно отзываясь о населяющих ее испанцах. Их он описывает как крайне невежественных, напыщенных, высокомерных и трусливых, в то время как женская часть общества, не имевшая высокой репутации добродетели, приобрела ужасную известность как отравительницы, когда их ревность была вызвана пренебрежением или безразличием; но мы не должны забывать, что Гейдж был иностранцем и фанатиком. [XXXV-62]

ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Управление провинцией, как и прежде, осуществлялось алькальдом-мэром, [XXXV-63] власть которого была почти деспотической, хотя и подчинялась в определенной степени президенту и аудиенции Гватемалы. [XXXV-64] За редкими исключениями политические и церковные власти, по-видимому, работали более согласованно, чем в других провинциях, и епископский престол последовательно занимали прелаты, которые ежегодно совершали объезд своей епархии для проведения конфирмации. [XXXV-65] Строились церкви и основывались монастыри, и христианская вера насаждалась настолько успешно, что ее исповедовали по всей длине и ширине страны. Но, как мы увидим позже, это спокойствие было чревато элементами бунта. Взносы, собираемые духовенством для исполнения религиозных церемоний были обременительны для местных жителей, а налоги и поборы губернаторов были еще более деспотичными; также нельзя утверждать, что суровое обращение, которому индейцы подвергались со стороны предыдущих правителей, было в какой-либо степени смягчено их преемниками.

ГЛАВА XXXVI. ИЦЫ И ЛАКАНДОНЫ. 1601-1700гг.

Первые попытки умиротворения —Священники и солдаты принесены в жертву—Резня Миронеса и его партии—Экспедиция Эль Просперо—Безразличие к приказам—Епископ Навас на поле боя—Трехсторонняя кампания, Намеченная—Экспедиция президента Барриоса—Встреча с Мазариегосом—Операции Веласко—Возвращение экспедиций—Дальнейшие экспедиции—Судьба Веласко и его команды—Неудача—Предприятие Урсуа—Прогресс Паредеса—Переговоры с Канек—Оппозиция Собераниса—Урсуа принимает командование—

Коварные приманки—Ица завоеван — Петен в гарнизоне —Ревность к Соберанису—
Неудовлетворительные операции—Сомнительное владение.

Регион, лежавший между Юкатаном и умиротворенными частями Гватемалы, был населен различными непокоренными народами, заметными среди которых были лакандоны, ицы, манчи и чоле. В 1603 году некоторым членам доминиканского ордена во главе с Хуаном де Эсгуэррой удалось проникнуть на значительную часть территории Манша и побудить многих местных жителей принять христианство. В 1608 году не менее восьми деревень [XXXVI-1] регулировались христианскими обычаями и учением, и положение дел было обнадеживающим до 1626 года, когда лакандоны предприняли внезапное и ожесточенное нападение на обращенных в христианство туземцев и испанцев этого района, продвинувшись на расстояние шести лиг от Копана. Многие местные христиане были убиты, и еще большее число уведено в плен. За этим натиском последовала **Ошибка! Залка не определена.** в следующем году началось вторжение в ицу, когда было захвачено более трехсот местных новообращенных, включая главного вождя, Мартина Кука. Эти бедствия плохо сказались на манчах, которые, обнаружив, что испанцы их не защитят, отказались от своей верности, а вместе с ней и от исповедания христианства.

НЕВЕЖЛИВОЕ РВЕНИЕ.

Тем временем францисканцы с Юкатана предпринимали попытки обратить ица в свою веру. Из всех народов, населявших эту дикую страну, ица были самыми могущественными и агрессивными. Трудности проникновения на их территорию и их надежное положение на островах большого озера Петен [XXXVI-2] сделали их, по-видимому, безопасными и независимыми. Попытка мирных отношений была, действительно, смелым поступком; и все же в 1618 году монахи Бартоломе Фуэнсалида и Хуан де Орбита, оба знающие язык майя, покинули Мериду с такой миссией. По прибытии в Типу, после задержек и трудностей, касик Кристоаль На гостеприимно принял их и отправил посольство в Тайасал, столицу ица. [XXXVI-3] Это внимание привлекло внимание царя канека, или Ицы, к приглашению миссионеров посетить его город. Добравшись ночью до озера, они были встречены радушно; флотилия каноэ была послана сопровождать их по воде; город был освещен факелами, и огромная толпа собралась поприветствовать их. После посещения *канека*, или короля, их провели по городу, после чего Фуэнсалида, с разрешения канека, обратился к народу в его присутствии и, объяснив доктрины христианства, коснулся цели их визита. Монаха выслушали с достойным вниманием, но ответ, хотя и выраженный вежливо, не был обнадеживающим. Отцы были желанными гостями, но в стране были распространены определенные пророчества, которые **Ошибка! Залка не определена.** гласило, что со временем ицы станут христианами. Это время, однако, еще не наступило, и незнакомцы, когда их визит завершился, могли вернуться к своему народу и вернуться в более удобное время года.

Каким бы гостеприимным ни был прием миссионеров, акт безрассудства со стороны "Орбиты" превратил дружеские чувства в негодование и поставил под угрозу жизни посетителей. Появление в одной из реплик великого идола Цименчака, [XXXVI-4] изображающего коня сеянта, вызвало гнев монаха, который, схватив камень, разбил его вдребезги и разбросал осколки по полу храма. Протест был яростным, и только благодаря вмешательству дружественного касика Типу монахам было позволено уйти невредимыми. [XXXVI-5]

Настойчивые монахи, тем не менее, снова попытались внедрить веру среди островитян озера Петен, и несколько месяцев спустя, в сопровождении большого эскорта типусов, нанесли им второй визит. Канеки, как и прежде, приняли их с добротой, но жрецы Ицы были настороже, ревниво относясь к своей религии. Если бы они могли убедить канеков смотреть на это так же, как они, все было бы хорошо. С этой целью жрецы Ицы приставали к жене царя, и через нее у царя возникли опасения. Затем было решено, что митоте [XXXVI-6] будет отпразднован с необычайной пышностью; и на этом празднике канеки должны были узнать, что боги Ицы не пожелали, чтобы миссионеры оставались. Приготовления к этой церемонии вызвали тревогу у Типуса, который **Ошибка! Закладка не определена.** предупредил монахов об опасности. И их опасения не были беспочвенными. Утром в день фестиваля вооруженная толпа окружила жилище миссионеров и, ворвавшись в него силой, насильно увела монахов [XXXVI-7] к озеру, где они бросили их в старое каноэ и оставили пробираться обратно, как только могли. Изголодавшиеся и подавленные, они прибыли в Типу и с тех пор отказались от всех попыток обратить ица в свою веру.

Однако в распространении веры, как хорошо известно, неудача обычно побуждает к большей активности. В 1621 году один отец-францисканец, Диего Дельгадо, трудился в провинции Бакалар, основывая новый город Саклун в горах Пимиента. Этот успех побудил капитана Франсиско Миронеса заключить контракт с губернатором Карденасом на покорение ица. Во время ожидания в Саклуно подкреплений, которые прибывали медленно, отношения Миронеса с туземцами были настолько несправедливыми, что вызвали их негодование. Дельгадо тщетно протестовал; Миронес становился все более и более произвольным в своих поборах, пока город не созрел для вспышки.

Тем временем монах получил разрешение своего провинциала отправиться в столицу Ица; и в 1623 году в сопровождении нескольких испанцев и примерно четырех десятков дружественных типов он направился к озеру Петен, где ица приняли его с присущей им добротой.

Привлеченные ложными заверениями, злополучная группа переправилась на остров, где, как только они высадились, их превзошло множество [XXXVI-8] и вскоре они были принесены в жертву на языческом алтарном камне. Дельгадо был оставлен последним. Затем головы жертв были насажены на колья, установленные на склоне холма на виду у всего города. Вскоре после этого Миронес послал двух испанцев узнать, как дела у Дельгадо и его группы, но вскоре их головы были добавлены к ужасающей коллекции. Сопровождавшему их проводнику-туземцу удалось сбежать, чтобы рассказать эту историю, [XXXVI-9] но, не поверив в это, Миронес подверг его пыткам.

ВОССТАНИЕ САКЛУНОВ.

Терпение саклунов было на исходе, и они решили сбросить ярмо. 2 февраля 1624 года, когда Миронес и его спутники безоружные посещали мессу, на них напали в церкви и взяли живыми. Месть индейцев была удовлетворительной и полной. Сердца Миронеса и исполняющего обязанности священника были вырваны из их грудей в священном здании, а их тела брошены в яму, в то время как остальные пленники, претерпевшие такую же смерть, были насажены на колья, вбитые в дорогу, по которой ожидалось подкрепление испанцев. Затем церковь и город были сожжены, а местные жители ушли в горы. [XXXVI-10]

За этим восстанием последовало восстание Типа; и хотя некоторые из тех, кто устроил резню Миронеса и его партии, были схвачены и преданы смерти, страна больше не находилась в

подчинении. И еще больше аборигенам нравилось демонстрировать свое презрение и оскорбление, воздвигая нелепые фигуры испанцев на горных перевалах, которые охранялись изображениями отвратительных идолов. [XXXVI-11]

Правителям Новой Испании, Гватемалы и Юкатана так часто выдавались королевские указы, предписывающие завоевание страны, лежащей между двумя последними территориями, что время от времени отдельные лица **Ошибка! Закладка не определена.** предлагали короне предпринять это предприятие за свой счет. С таким предложением выступил Диего Ордоньес де Вера-и-Вильякиран, военный офицер и рекомандатель Миты. Его предложение было принято советом Индии в 1639 году, и титул аделантадо провинции, который должен был называться Рейно дель Просперо, был пожалован в награду за его ожидаемые заслуги. [XXXVI-12] В 1645 году Вильякиран прибыл на Юкатан, чтобы подготовиться к своей экспедиции, и, не имея необходимых средств, [XXXVI-13] получил помощь от губернатора и религиозной провинции. Затем он опубликовал условия капитуляции короны, распределил должности и начал приготовления к вступлению во владение своей провинцией.

МИССИОНЕРСКОЕ РВЕНИЕ.

Однако рвение монахов-миссионеров заставляло их стремиться к тому, чтобы крест предшествовал мечу в деле умиротворения; поэтому в феврале 1646 года два францисканца, Эрменегильдо Инфанте и Симон де Вилласис, отправились из Кампече в Усумасинту, самое развитое христианское поселение Юкатана. Вскоре после этого к ним присоединился Вильякиран, который, видя, что монахи все еще полны решимости идти вперед, направил письмо командиру Ноххаа, некоему капитану Хуану де Вильвао, метису, и касику Педро XIX, проинструктировав их оказывать миссионерам всяческую помощь. Посланцы из Ноххаа пытались отговорить их от посещения города, но безуспешно; и когда они прибыли в это место, Вильвао предупредил их об опасности и оказал им грубое гостеприимство. Было очевидно, что им здесь не рады, и обращение, которому они вскоре подверглись, вызвало тревогу. Чтобы усугубить сложность их положения, их первые письма Вильякирану, который вернулся в Кампече, так и не были доставлены, и им с трудом удалось **Ошибка! Закладка не определена.** наконец отправить ему посыльного. [XXXVI-14] Продолжающееся отсутствие вестей из Вильякирана заставило брата Симона вернуться в Мериду, но из-за тяжелой болезни и трудностей в дороге его здоровье больше не позволяло ему участвовать в миссии. Брат Бартоломе де Габальда был послан помочь Инфанте в его опасном положении, но едва не погиб по дороге, прежде чем добрался до места назначения.

Аделантадо снова прибыл в Усумасинту примерно в начале 1647 года во главе своих войск. Но он был человеком, совершенно непригодным для командования. Вместо того чтобы отправиться в Ноххаа, истинный центр действия, как настаивал присоединившийся к нему Инфанте, он день за днем оставался в Усумасинте, пока его бездействие не вызвало отвращения у его последователей, которые, не видя надежды на успех под руководством такого лидера, постепенно покинули его. Наконец, с остатками своего прежнего войска [XXXVI-15] он двинулся к Ноххаа, куда прибыл в последний день июля 1647 года. [XXXVI-16] Индейцы, ранее жестоко обращавшиеся с монахами, бежали в горы, но их касик уже заключил мир с Вильякираном, и теперь отец Инфанте был отправлен в Гватемалу за денежной помощью, поскольку у аделантадо не было средств. Однако в Паленке он получил письма от Вильякирана, в которых тот сообщал ему о своей болезни. Инфанте поспешил вернуться, но обнаружил, что в

его отсутствие угрозы принуждения со стороны аделантадо с целью получения провизии от касика настолько разозлили индейцев, что они подожгли город, а аделантадо со своими последователями **Ошибка! Закладка не определена.** едва спаслись в Петенекте. [XXXVI-17] В этой отдаленной индейской деревне Диего Ордоньес де Вера-и-Вильякиран, [XXXVI-18] сломленный душой и телом, прозябал в нужде до апреля 1648 года, когда смерть освободила его от тревог и страданий. Он был похоронен в Петенекте, и вместе с ним закончились все попытки основать провинцию Эль-Просперо - название, не особенно подходящее для места проведения столь плохо проведенного и неудачного предприятия.

За этой экспедицией в течение ряда лет не последовало никаких других. Между 1675 и 1677 годами доминиканцы провели небольшую работу в стране Холес, и миссионерам удалось основать несколько городов. Они, однако, не имели постоянства, и хотя многие туземцы приняли крещение, холы снова впали в идолопоклонство, и монахи покинули поле боя. [XXXVI-19] Жалобы на доминиканцев были поданы алькальдом-мэром Вера-Паса, и королевским указом от 30 ноября 1680 года было приказано возобновить их работу и оказывать всю необходимую помощь из казны. Доминиканцы не замедлили защищаться; но нет никаких сомнений в том, что их разногласия с мирными жителями вызвали некоторое безразличие с их стороны, в то время как грабительские притеснения последних пробудили среди холи ненависть к христианству, которую монахи не могли контролировать.

КОРОЛЕВСКОЕ НЕТЕРПЕНИЕ.

Седула последовала за седулой, изданной испанским монархом, недовольным задержкой с умиротворением холесов, лакандонов и ица; но никаких положительных **Ошибка! Закладка не определена.** меры принимались до 1684 года, когда епископ Гватемалы Навас объявил о своем намерении посетить Вера-Пас с целью настоять на выполнении королевских пожеланий. Это возымело определенный эффект. Президент Гусман созвал совет и пообещал оказать всю возможную помощь предприятию. Он также обратился к губернатору Юкатана с просьбой о его сотрудничестве. Рвение духовенства снова пробудилось, и как доминиканский, так и мерседский ордена предложили свою помощь. В конце концов было решено, что следующей весной попытки должны быть предприняты одновременно через Вера-Пас и Уэуэтенанго. Соответственно, в начале 1685 года епископ в сопровождении провинциального доминиканца Агустина Кано и других монахов направился в Вера-Пас, в то время как Диего де Ривас, провинциал Ла Мерсед, отправился в Уэуэтенанго. Ни одна из попыток не увенчалась успехом. Из Кахабона, [XXXVI-20] по указанию епископа приходской священник направил посольство из пяти индейцев с дружеским приглашением в Холес. На гонцов напали ночью, когда они спали в доме касика, и только один вернулся, чтобы рассказать об этом. [XXXVI-21] Эта неудача настолько охладила рвение епископа, что он вернулся в Сантьяго. Кано был человеком более отважным, и вместе со своими братьями-монахами, проникнув на некоторое расстояние в горы, достиг Сан-Лукаса, одной из деревень, ранее основанных в стране Холес, и убедил многих из них поселиться там. Это был напрасный труд. В 1688 году непостоянные неофиты отступили, подожгли город и церковь и снова вернулись к своей кочевой жизни.

И предприятие, проведенное провинциальным Ривасом во главе монахов Мерседа, не принесло лучшего результата. Он бесстрашно вторгся в страну Лакандонов в сопровождении Мельчора **Ошибка! Закладка не определена.** де Менкос, коррехидор Уэуэтенанго, с десятью солдатами, и достиг одного из верховьев реки Табаско. [XXXVI-22] Были обнаружены

заброшенные кукурузные поля и покинутые жилища, а на вершине холма был найден древний храм, также заброшенный, построенный из камня и извести, в котором находился идол в виде льва сеянта. Они разрушили его и растоптали ногами, воздвигнув на его месте большой крест. Затем было произнесено благословение этому месту, которое было удостоено названия Нуэстра Сеньора де Белен. Но те немногие лакандонцы, которые время от времени появлялись в поле зрения, всегда убегали при их приближении. Считая опасным продвигаться дальше по маршруту, который теперь становился почти непроходимым, они вернулись по своим следам.

Еще раз 24 ноября 1692 года совет Индии передал императивный приказ короля о том, что завоевание Холес и Лакандонес должно быть предпринято одновременно из Вера-Паса, Чьяпаса и Уэуэтенанго; но поскольку президент Барриос был временно отстранен, операции не могли быть начаты немедленно. После его восстановления в должности в 1694 году на этот вопрос обратили его внимание два францисканца, Мельчор Лопес и Антонио Маргил, которые уже имели разнообразный опыт общения с этими туземцами, дважды проникнув по просьбе алькальда-мэра Копана в страну Лакандонов с риском для своей жизни. В июне 1694 года они отправились в Гватемалу, и при составлении плана будущей кампании их взгляды были тщательно учтены.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ УРСУА.

Тем временем Мартин Урсуа, будущий губернатор Юкатана, в 1692 году предложил короне предпринять сокращение численности ица и лакандонов и предположил, что открытие шоссе через их страну между Юкатаном и Гватемалой внесло бы большой вклад в успех **Ошибка! Закладка не определена.** начинания. Эту дорогу он предложил построить за свой счет. Его предложение было принято; были выпущены различные седулы, содержащие инструкции относительно метода ведения кампании, [XXXVI-23] и предписывающие Урсуа действовать в унисон с тремя экспедициями, которым уже было приказано продвигаться вглубь страны.

В начале 1695 года приготовления были завершены, и всеобщий энтузиазм возобладал, поскольку в течение предыдущего года ицы совершили грабительские набеги в разные части страны. Президент Барриос сам принял командование, [XXXVI-24] и договорился, что со своей дивизией он войдет на вражескую территорию из Чьяпаса, в то время как Мельчор Родригес Мазариегос и Хуан Диас де Веласко во главе двух других дивизий должны выступить из Кахабона и Уэуэтенанго соответственно. [XXXVI-25] Каждое повеление сопровождали несколько священнослужителей, среди которых можно упомянуть отцов Риваса, Кано, Маргила и Педро де ла Консепсьон.

БАРРИОС НА ПОЛЕ.

Направляясь в Уэуэтенанго, президент заранее отправил Гусмана с отрядом его войск в Комитан, штат Чьяпас, и лично последовал за ним несколько дней спустя. Здесь он решил совершить вторжение через Окосинго и, назначив 28 февраля для согласованного движения, прибыл на следующий день туда, где, как предполагалось, должен был находиться город Эль-Просперо, выбранный несчастным Вильякираном. Разрушенные жилища были отремонтированы, возведен скит, а место назвали Санта-Крус-дель-Просперо. [XXXVI-26] С этого момента Барриос продвинулся вглубь страны, сталкиваясь с бесчисленными трудностями и опасностями в дикой, бездорожной местности **Ошибка! Закладка не определена.** регион. Несмотря на густые леса, обрывистые ущелья и мефитовые болота, местность день за днем

прочесывали во многих направлениях, но не обнаружили ни одного индейского города или деревни. 12 марта различные отряды воссоединились в просторной ложине под названием Сан-Хуан-де-Диос, расположенной в одной из горных крепостей. Здесь измученные войска отдыхали восемь дней, ожидая отправки провизии из Окоцинго. Затем Барриос продвигался вперед, преодолевая те же трудности, в восточном направлении до конца марта, [XXXVI-27] когда он снова разбил лагерь на пасхальной неделе у подножия горы, которой было дано название Монте-Санто. В течение следующих четырнадцати дней экспедиция медленно и кропотливо продвигалась вперед, пока дальнейшее продвижение не было преграждено широким озером. На его окраине, во время поиска маршрута, отряд солдат захватил в плен индейца, которого наняли в качестве проводника. Под его руководством они достигли 19 апреля быстрого ручья, над которым была перекинута одинокая деревянная балка, [XXXVI-28] и, готовясь пересечь его, Мазариегос и его войска прибыли на место. Радость от этой встречи была велика с обеих сторон. На самом деле Мазариегос добился несколько большего успеха, чем его начальник. В назначенный день он покинул Сан-Матео-де-Истатан, где находился, и, обнаружив остатки древних построек, добрался до деревни Лабконоп. [XXXVI-29]

Продвигаясь оттуда с трудностями, подобными тем, с которыми столкнулся Барриос, он 10 марта прибыл к реке под названием Сан-Рамон, вдоль берегов которой держал курс, хотя часто был вынужден переходить реку вброд. Однако **Ошибка! Закладка не определена.** до 6 апреля, когда какой-либо успех вознаграждал труды захватчиков. В тот день следы были обнаружены братом Педро де ла Консепсьоном, который с четырьмя индейцами шел впереди армии. В конце концов они вывели их на тропу, которая привела их к индейскому городку. Отослав туземцев, монах вошел туда один; но хотя он ясно понимал, что не является желанным гостем, к нему не приставали. Тем временем Мазариегос быстро продвигался к городу и, встретив по дороге брата Педро, узнал от него, что жители готовятся к отъезду, а когда испанцы вошли, не было видно ни души. Испанский лидер пытался убедить народ вернуться; он также объявил в розыск президента, о его встрече с которым уже рассказывалось.

Тем временем Веласко и отец Кано убедили пятьсот семей племени Чоле поселиться в деревнях и исследовали местность до реки Мопан. Повсюду встречая дружеский прием, Веласко рекомендовал основать в этом районе испанское поселение в качестве базы, расположенное к югу от Холеса, к востоку и северу от Ица, а к западу от Лакандоне, что и было сделано. Был возведен деревянный форт, и основанному здесь поселению было присвоено название Лос-Долорес. Был построен забор из частокола, и тридцать испанских солдат с отрядом туземцев были оставлены в качестве гарнизона форта под командованием капитана Солиса, а отец Ривас со своими товарищами остался с ними. Тем временем наступил сезон дождей, и Мазариегос и Барриос с основными силами вернулись в Гватемалу. Веласко продолжал свое продвижение к озеру Петен и 1 апреля был в нескольких лигах от этого места, когда экспедиция была встречена охотничьим отрядом ица, который бросился на них с громкими криками. Мопане попытались вступить в переговоры, но ответом был град стрел. Раздраженные, хотя и невредимые, испанцы разрядили свои аркебузы в туземцев, которые после этого обратились в бегство. Разведывательный отряд отступил и, спасаясь от преследования, поджег траву и отступил в лагерь, разбитый на берегу реки Чаджал, примерно в десяти лигах от озера Петен. Несколько случайных столкновений доказали, что Ица не является презренным противником; и поскольку ни от президента, ни от Мазариегоса ничего не было слышно, Веласко повел свой отряд обратно в Мопан. По возвращении, когда Барриос готовился к очередной экспедиции, он заболел и умер. Скалс, которому было передано правительство, искренне поддержал планы

своего предшественника. Военный совет утвердил уже составленный план кампании, общие черты которой были такими же, как и у предыдущей. Джакобо де Альсайага, регидор Гватемалы, должен был возглавить отряд от Уэуэтенанго до Лос-Долорес и иметь дело главным образом с лакандонами; в то время как ойдор, Бартоломе де Амескета, [XXXVI-30] должен был провести войска через Вера-Пас и выступить против ица через Мопан.

ДВЕ ЭКСПЕДИЦИИ.

Примерно в середине января 1696 года войска покинули Гватемалу; Альзаяга, прибыв со своим подразделением в Лос-Долорес, обнаружил, что деревня процветает, там поселилось более пятисот новообращенных коренных жителей. Затем он продолжил поиски лакандонских городов и в конце концов обнаружил два, Пета и Моп, в каждом из которых проживало более ста семей. Люди с готовностью приняли веру. И Альзаяга, придя к выводу, что он нашел все лакандонские деревни, отправился на поиски ица через реку Лакандон.

Спустившись примерно на тридцать две лиги, экспедиция вышла к другой, более крупной реке, по которой они поднимались много лиг, [XXXVI-31] по возможности наводя справки о дороге в столицу Ицы; но все напрасно; и, наконец, после пятидесяти семи дней поисков **Ошибка!**

Закладка не определена. они вернулись в Лос-Долорес, [XXXVI-32] куда прибыли 29-го от апреля 1696 года. Президенту Берроспе был отправлен отчет, и от него был получен приказ оставить роту солдат с несколькими священниками в Лос-Долорес и возвращаться в Гватемалу, поскольку никакие дальнейшие экспедиции в этом направлении предприниматься не будут, если только на то не будет приказа короля.

Экспедицию под командованием Амескеты постигла более трагическая участь. Достигнув Мопана примерно в последний день февраля и посвятив Веласко в свои тайны, Амескета доверил ему командование ротой из двадцати пяти испанских солдат, которая была увеличена в Сан-Педро за счет такого же числа, присланного заранее, вместе с тридцатью шестью лучниками из Заламы. Веласко должен был отправиться в свой бывший лагерь на Чахале и там или в этом районе установить связь с ица через касика Кихана, который содержался в плену со времени оккупации Лос-Долорес. Пренебрегая этими инструкциями, Веласко, не дожидаясь подхода основных сил, двинулся дальше. Дальнейшая судьба его команды и священников так и не была установлена с уверенностью, поскольку никто из них впоследствии никогда не видел.

Генерал приложил все усилия, чтобы обнаружить заблудившийся отряд, и, следуя по их следам, прибыл с небольшим эскортом к озеру Петен. Хотя он вступил в контакт с ица, он не смог получить никакой информации о Веласко. Ица приложили все усилия, чтобы убедить его и его компанию перейти в их город. Этого он был слишком осторожен, чтобы сделать, и, приказав в последний раз протрубить в горны, отступил. Враждебность туземцев теперь стала очевидной, и толпа каноэ с воинственными криками отчалила от острова. Амескета, однако, успешно осуществил свое отступление и присоединился к основным силам, которые стояли лагерем в Шаджале, где он ожидал приказов от президента. [XXXVI-33] **Ошибка! Закладка не определена.**

Ицы часто нападали на испанцев по ночам, причем в таком большом количестве, что отступление стало необходимым. Поэтому Амескета удалился в саванну Сан-Педро-Мартыр, где укрепился. В этот момент из Альзаяги прибыла депеша с сообщением о провале его

экспедиции, после чего президент приказал вывести войска не только из Сан-Педро, но и из Мопана.

ПОРАЖЕНИЕ КЕХАЧЕЙ.

Тем временем экспедиции, отправленные с севера, продвигались все более успешно. Когда Урсуа услышал, что Барриос отправился в страну индейцев, он поспешил принять участие в работе и отправил передовой отряд для сотрудничества по указанию президента. Алонсо Гарсия де Паредес был назначен командиром роты, которая состояла из пятидесяти испанских солдат и большего числа туземцев. Покинув Кампече, он продвинулся к границе Юкатана, но во время разведки подвергся нападению большого отряда кехачей, и завязалась ожесточенная стычка. Кехачи потерпели поражение, после чего обратились в бегство, и от нескольких пленников, захваченных во время столкновения, Паредес убедился, что горный народ собран в полном составе. Не осмеливаясь продвигаться дальше со своим небольшим отрядом, он вернулся в Кампече. Теперь Урсуа обратился за свежими войсками и припасами. Добровольцев было много, и к июню Паредес располагал гораздо большими силами под своим командованием. "Эта экспедиция, - говорит Виллагутьерре, - достигла границы христианства в этом направлении" 11 июня 1695 года.

К середине июля Паредес прибыл в Зукток, и здесь впервые местные жители посетили лагерь, и **Ошибка! Закладка не определена.** монахи энергично приступили к своей миссионерской работе. Сюда же прибыли подкрепления из Урсуа и депеши с приказом Паредесу выступить на Лос-Долорес и основать там форт.

Экспедиция покинула Цукток 10 августа и, пройдя через несколько заброшенных деревень, пересекла реку Укун или Консепсьон и прибыла на равнины Чунтуки, где они нашли еще одну заброшенную деревню. [XXXVI-34] К этому времени через лес было прорублено восемьдесят шесть лье дороги, и путь лежал открытым почти до озера Петен; но в начале сентября начались дожди, и дальнейшее продвижение стало невозможным. Поэтому Паредес отошел к северу от Зуктока и там стал ждать возвращения сухого сезона.

До сих пор все было хорошо; но теперь работа оказалась под угрозой срыва по политическим причинам. Урсуа был всего лишь исполняющим обязанности губернатора. В течение некоторого времени находился на рассмотрении иск в отношении соответствующих претензий Урсуа и Роке де Собераниса к губернаторству Юкатана. Это было решено в пользу последнего, и Урсуа был назначен его преемником. Закон требовал, чтобы в будущем лицо, носящее титул губернатора, не могло проживать в провинции; но Урсуа утверждал, что новая дорога продвинулась так далеко за пределы населенных пунктов Юкатана, что освобождает его от этого правила, и считал, что будущий контроль над ней принадлежит ему. Поскольку Соберанис все еще находился под стражей в Мексике, он продолжил подготовку к кампании следующего года.

В это время вернувшиеся к своей верности Типу принесли известие о том, что ица стремятся к примирению с испанцами, и гонец Типу, Матео Бичаб, был отправлен с подарками к канеку.

ПОДАЧА КОНСЕРВНОЙ БАНКИ.

Хотя Бичаб обнаружил, что ицы готовятся к войне, канек выразил желание заключить мир **Ошибка! Закладка не определена.** с губернатором Юкатана, поскольку настало время

исполнения пророчеств. Впоследствии Урсуа прислал подарки, [XXXVI-35] и подходящий ответ на языке майя, от руки отца комиссара Андреса де Авенданьо, которого сопровождали два брата-монаха. Не успел Авенданьо уехать, как пришло известие, что из ица уже приближается посольство во главе с Джаном, племянником канека. Прием был устроен настолько впечатляюще, насколько это было возможно, и губернатор и его старшие офицеры встретили Джана за пределами города и проводили его и его коллег в сопровождении военного эскорта в кафедральный собор Мерида, где была отслужена месса. На официальной встрече, которая последовала за этим, Жан подарил Урсуа от имени канек корону из перьев разных цветов в знак подчинения и попросил, чтобы он и его спутники могли креститься. Его просьба была удовлетворена, и послу было присвоено имя Мартина Франсиско Кана, Мартин де Урсуа выступал в качестве крестного отца. Посольство было отпущено с подарками для канеков, и эскорт из тридцати вооруженных людей под командованием капитана Харизы и семи священников был выделен для сопровождения их домой.

Теперь Паредесу было приказано вступить во владение страной Ица от имени короля Испании, и аналогичные инструкции были даны Харисе, если он первым прибудет в столицу великого озера. Тем временем Авенданьо и его спутники встретили недружелюбный прием со стороны ица, которые по прибытии на остров провели их в зал, где был выставлен жертвенный стол и места для двенадцати священнослужителей. Зрелище было не из обнадеживающих, но спокойное поведение отца комиссара обеспечило ему внимание, и ему разрешили зачитать обращение Урсуа к возбужденной толпе, столпившейся вокруг здания. Примирительный тон **Ошибка! Залочка не определена.** сообщения произвел благоприятное впечатление, и к монахам теперь стали относиться лучше. Однако существовала фракция, возглавляемая касиком Кобошем, не желавшая иметь никаких дел с испанцами, и несколько дней ушло на обдумывание ответа, который следовало отправить на Юкатан, в течение которого жизни священников не раз подвергались опасности. В конце концов им позволили уйти с мирным ответом, в котором канеки обещали передать острова озера испанцам. [XXXVI-36] Никаких упоминаний о миссии Мартина Кана сделано не было, и монахи ничего не знали об этом до своего прибытия на Юкатан. Возвращаясь домой, отцы заблудились и в течение нескольких недель блуждали среди гор. Находясь почти на грани смерти от голода, двое сопровождавших их уроженцев Юкатана обнаружили дорогу, которую открывал Урсуа. Была получена помощь от проезжавшего мимо каравана мулов, и измученные монахи были доставлены в лагерь Паредеса, откуда они направились в Мериду.

Вскоре после отъезда Авенданьо из Мерида Паредесу было приказано проследовать к озеру Петен, но, заболев, он передал командование Педро де Зубиауру, который с шестьюдесятью солдатами в сопровождении отца Хуана де Сан-Буэнавентура выступил примерно в то время, когда Авенданьо заблудился в горах. По прибытии на озеро враждебные намерения ица были быстро раскрыты. Буэнавентура в сопровождении Агустина де Соса и брата-мирянина попытался их умиротворить. Все они были схвачены и унесены к каноэ так быстро, что отбиться было невозможно. Испанцы атаковали и убили около сорока ица; но численность была против Зубиаура, [XXXVI-37] который, продолжая бой некоторое время, отступил в хорошем порядке. Франсиско де Хариса услышал в Типу об изменении ситуации в Петене, и Мартин Кан и его **Ошибка! Залочка не определена.** товарищи, находившиеся под присмотром Харисы, также услышав новость, воспользовались первой возможностью совершить побег. Однако позже было доказано, что они действовали добросовестно.

СОКРАЩЕНИЕ ИТЗ.

Теперь между конечной точкой строящейся дороги, ведущей с Юкатана, и Лос-Долоресом было всего восемь лиг неисследованной местности; но этот участок представлял наибольшие трудности, и его нельзя было закончить, пока не будут сокращены расстояния. Сейчас между Урсуа и Соберанисом шло активное соревнование за честь завершить его. В конце концов вице-король Ортега Монтаньес, епископ Мичоакана, решил, что завершение работ по праву принадлежит Урсуа, и Соберанису было предписано оказать всю возможную помощь. Вскоре после этого от короля пришли письма с похвалой трудам Урсуа и заверениями в его защите. Губернатору Соберанису также была адресована седула с приказом [XXXVI-38] оказать всю возможную помощь. Президенту Гватемалы было поручено оказать помощь предприятию, направив отряд солдат против Петена с юга, в то время как вице-король Новой Испании должен был по себестоимости снабдить его провизией и боеприпасами, необходимыми для этого предприятия.

Отправив вперед свою пехоту и артиллерию, Урсуа 24 января 1697 года покинул Кампече вместе с кавалерией. Войска достигли озера Петен, не встретив никаких серьезных препятствий, и сразу же было начато строительство галиота. Индейцы преследовали испанцев, которые обстреливали их ракетами, но Урсуа не позволил своим людям нанести ответный удар и доброжелательно относился к ица, которых он захватил в плен, так что со временем их соотечественники начали посещать лагерь. Одним из первых, кто вошел в лагерь, был Мартин Джан, который объяснил, что причиной его предыдущего бегства был страх перед несправедливым наказанием за нападение его соотечественников на команду Зубиаура. Более того, он сообщил Урсуа, что ицы готовятся к войне. Вскоре после этого приблизилась флотилия каноэ, на самом большом из которых развевался белый флаг, означавший присутствие верховного жреца Квинканека, двоюродного брата немца и следующего по авторитету после канека. Для его приема был выстроен почетный караул, и вождей с подобающими формальностями сопроводили в палатку генерала. Они обменялись взаимными заверениями в дружбе, и Квинканек заявил, что ица готовы открыть дорогу от озера к дороге, ведущей в Гватемалу.

Был назван день, в который сам канек посетит лагерь, но обещание выполнено не было. На его место была послана соблазнительная компания привлекательных женщин, очевидно, призванных пленять и обольщать; но их поведение выдавало цель, с которой они были посланы, и соблюдалась строгая дисциплина. Преобладало почти единодушное мнение, что доброта не успокоит ица. Это было очевидно из мнений капитанов, высказанных на военном совете; но генерал был твердо намерен следовать духу королевских седул, применять только мирные меры до тех пор, пока все ресурсы в этом направлении не будут исчерпаны; и, будучи готовым отплыть на остров Петен, он объявил, что смертная казнь будет применена к любому, кто вступит в военные действия по любой провокации без его прямого приказа. [XXXVI-39]

13 марта 1697 года, после исповеди в своих грехах и совершения торжественных церковных обрядов, [XXXVI-40] сто восемь человек отправились на остров на борту галиота, и каждая душа на борту была охвачена религиозным энтузиазмом. На подходе к Петену **Ошибка! Закладка не определена.** они были окружены бесчисленными каноэ, пассажиры которых непрерывно осыпали испанцев стрелами, пока солдат по имени Бартоломе Дюран, будучи тяжело раненым, не разрядил свою аркебузу. За этим последовал общий залп. Урсуа, который до сих пор пытался

убедить ица в своих мирных намерениях и сдерживал своих людей голосом и примером, больше не мог контролировать их. Галиот приближался к острову, и испанцы в нетерпении подобраться поближе прыгнули в воду и с боем выбрались на сушу. Затем, построившись в сомкнутый строй, они атаковали ица с такой яростью, что те, уже охваченные паникой, тысячами ломались и ныряли в озеро. [XXXVI-41] Множество людей утонуло или было застрелено с преследующего их галиота, на котором оставалось двадцать человек, не считая гребцов. Внушенный ужас был так велик, что находившиеся в каноэ потеряли присутствие духа и, побросав оружие и весла, прыгнули за борт, поверхность озера от острова до берега была густо покрыта головами пловцов. [XXXVI-42]

Урсуа водрузил знамя Кастилии на вершине храма, который после должного благодарения был преобразован в церковь и освящен генеральным викарием по всем канонам. Главный остров получил название Нуэстра-Сеньора-де-лос-Ремедиос и Сан-Пабло. Туземцев постепенно убедили вернуться в свои жилища. В последний день марта приехал Чамаджука, вождь народа ален, и привел с собой беглого канека со всей его семьей, и началась эра доброй воли. Незавершенная дорога в Гватемалу тем временем продвигалась вперед, и капитана Паредеса отправили с депешами в аудиенсию. Оидоры восприняли это известие с радостью, и были выделены ассигнования на содержание гарнизона из пятидесяти солдат в Лос-Ремедиосе, поскольку средства Урсуа были почти исчерпаны.

Услышав об этой дружеской помощи, Урсуа приказал возвести редут и оснастить его артиллерией. Затем, оставив на острове гарнизон из семидесяти пяти человек под командованием капитана Эстеноса, он вернулся с остатками своих сил в Кампече. Энтузиазм, вызванный его успехом, разделяли все, кроме его соперника Собераниса, который, злоупотребляя своими прерогативами на посту губернатора, подверг Урсуа досадным оскорблениям и даже временному аресту. Находясь в Кампече, Урсуа получал письма от Петена, в которых говорилось о необходимости завершить работу по покорению. Большой остров опустел, а меньшие были неподконтрольны, в то время как племена за озером были враждебны. Урсуа находился в проливе. Он чувствовал необходимость немедленных действий, но недружелюбные чувства Собераниса и его собственные ограниченные средства задержали его до 1698 года, когда седулы были снова адресованы вице-королю Мексики и губернатору Гватемалы и Юкатана, [XXXVI-43] приказав им не чинить препятствий на пути Урсуа; в то время как последнему была адресована комплиментарная депеша, [XXXVI-44] назначающая его губернатором и генерал-капитаном всей страны, через которую он открыл шоссе, и делающая его подотчетен только вице-королю Мексики.

Теперь Урсуа снова смог выступить в поход и, заручившись помощью военного коменданта Кампече, начал свой поход на Петен в январе 1699 года. Одновременно с этим из Гватемалы также выступил Мельчор Менкос с отрядом в двести человек.

УРСУА В КАМПЕЧЕ.

По прибытии Урсуа в Лос-Ремедиос 11 февраля следующего года он обнаружил, что у гарнизона почти закончились боеприпасы и не хватает провизии. Соответственно, он отправил гонцов, чтобы ускорить отправку **Ошибка! Закладка не определена.** войска из Гватемалы, которые были хорошо обеспечены всевозможными припасами. Тем временем последний начал кампанию двумя дивизиями, одна из которых, под командованием Мельчора Менкоса, должна была соединиться с Урсуа в Петене через Вера-Пас, а другая, под командованием Эстевана

Медрано-и-Солорсано, должна была проследовать через Лос-Долорес к тому же месту назначения. [XXXVI-45] Менкос прибыл в Петен 14 марта, но Медрано появился только 1 апреля.

Результат этих совместных экспедиций был крайне неудовлетворительным. Комиссариат, следовавший в тылу гватемальских дивизий, не подошел, и Урсуа не мог предпринять кампанию с какой-либо надеждой на успех. Отряды фуражиров мало что дали, и начались болезни. Урсуа созвал военный совет, на котором общее мнение было таково, что в Лос-Ремедиосе следует оставить гарнизон, а остальным войскам вернуться. Это решение было приведено в исполнение 11 мая, когда Урсуа и Менкос начали свой марш на Юкатан и Гватемалу соответственно, каждый в равной степени разочарованный. Франсиско Кортес был оставлен командовать фортом с семьюдесятью солдатами и офицерами, и с ним остался генеральный викарий Ривас, другие миссионеры и несколько частных семей. Почти сразу после возвращения Урсуа умер Соберанис, и первый принял на себя управление провинцией. [XXXVI-46]

О будущих операциях против Петена известно мало; [XXXVI-47] о лакандонах можно отметить, что по сей день они сохранили свою независимость. **Ошибка! Закладка не определена.**

ГЛАВА XXXVII. ГВАТЕМАЛА И ЧЬЯПАС. 1701-1800гг.

Восстание Цендаля—Новое чудо—Зверства—Новая иерархия—Цендалы отбиты—Операции Сеговии—Президент Косио принимает командование—Падение Канкука—Распространение восстания—Его подавление—Упадок Чьяпаса—Землетрясения—Бунты—Продажность духовенства—Учреждение архиепископства—Ересь—Границы провинций—Отмена Коррехимиентос—Еще одно великое землетрясение—Ссоры из—за смещения-Изгнание иезуитов.

Когда буря, поднятая Берропистасом и Текели, улеглась, в Гватемале, по-видимому, на какое-то время воцарилось политическое спокойствие. К сожалению, в других отношениях колонисты были далеки от того, чтобы наслаждаться покоем, и восемнадцатый век был самой катастрофической эпохой в истории страны. Свобода от раздоров между церковью и государством также не была постоянной, поскольку со временем унижительная борьба за власть возобновилась.

Первым важным событием, нарушившим спокойный порядок вещей, было восстание Цендалов [XXXVII-1] в Чьяпасе во время президентства Торибио Хосе де Косио-и-Кампа. [XXXVII-2] В 1712 году цендалы заключили союз с многочисленными родственными народами и, привив своему язычеству некоторые христианские обряды, последовали примеру индийской девушки, которая утверждала, что ее вдохновила Дева Мария. **Ошибка! Закладка не определена.**

ВДОХНОВЕННАЯ ИНДИАНКА.

Первая вспышка произошла в Диасоло, где отец Педро Вильена был избит почти до смерти в церкви при попытке снять определенные украшения, которые епископ должен был передать в соседний город. За этим безобразием последовал арест проживавших там испанцев. Однако через два дня они были освобождены. Несколько позже епископ посетил недовольный город, и индейцы открыто сообщили ему, что они намерены восстать с оружием в руках. [XXXVII-3]

Примерно в середине того же года Симону де Лара, священнику из Канкука, сообщили о чудесном вмешательстве, которое противоречило его ортодоксальности, о чуде сатаны; и что местные жители воздвигли часовню недалеко от этого города вследствие этого события. Он немедленно созвал жителей, которые тут же собрались, приведя с собой индианскую девушку, которой было ниспослано божественное откровение. Стоя среди них, она спокойно рассказала, как ей явилась Пресвятая Дева, и повелела построить часовню в ее прославление на том месте, где она явила свое присутствие. Если бы это божественное проявление было свободно от налета веры аборигенов, отцы церкви могли бы извлечь из него большую выгоду. Падре Лара обратился по этому поводу к индейцам и хотел разрушить часовню, но Цендалы убедили его позволить ей остаться, чтобы она могла служить местом для изготовления кирпичей. Несмотря на запрет епископа, там продолжали совершаться религиозные обряды, и из-за бездействия властей Сюдад-Реаля гидра восстания быстро разрасталась. Соседние города заключили соглашение с жителями Канкука, и лига распространилась повсюду в соседних округах.

Так прошел июль месяц. В начале августа жители Канкука разослали гонцов по всем Цендалям от имени Пресвятой Девы и с письмами, **Ошибка! Закладка не определена.** подписанными ее именем, приказывая им принести в ее часовню в Канкуке все серебро и церковные украшения, а также все деньги и книги, ибо теперь у испанцев не было ни Бога, ни короля. Получив этот вызов, лидеры восстания в каждом городе искусно вызвали фанатизм низших слоев общества, призывая их поспешить на помощь пресвятой Деве, которая, как они утверждали, должна была быть предана смерти. [XXXVII-4] Собралось множество людей, и 10-го числа в часовне Канкука был устроен большой праздник, где состоялся военный совет, чтобы завершить свои планы по истреблению испанцев. Вскоре после этого города Тенанго и Чилун были атакованы двухтысячным отрядом цендалов, которых называли "солдатами пресвятой девы". Тенанго стал легкой добычей; фискал Николаса Переса порол до самой смерти, и многие другие были преданы смерти со всеми изощренными пытками. [XXXVII-5] В Чилуне слабый гарнизон некоторое время оборонялся; но когда их боеприпасы были израсходованы и у них не осталось надежды на бегство или дальнейшую оборону, они сложили оружие под заверениями, что их жизни будут пощажены. Большинство из них были немедленно забиты дубинками или камнями до смерти, а остальные умерли под бичом.

РОСТ НОВОЙ ВЕРЫ.

Повинуясь приказу своей пророчицы, цендалы затем двинулись против Окосинго, но испанцы вовремя отступили к Комитану. Понимая, что ни женщина, ни ребенок в Чилуне не пострадали, они, к сожалению, оставили свои семьи здесь. **Ошибка! Закладка не определена.** Когда цендалы вошли в город, женщины ввели их в заблуждение относительно направления, которое избрали их мужья. Обнаружив обман, индейцы пришли в ярость и, вернувшись в Окочинго, вырвали детей из рук матери и убили их на ее глазах; затем, избив женщин, отправили их в Канчук.

В честь их успеха был проведен грандиозный праздник, и на нем председательствовала их пророчица, чье слово было законом. В часовне в Канкуке она раздавала свои распоряжения. Перед фальшивым алтарем Пресвятой Девы висела ширма из индийских циновок, за которую удалялась жрица; оттуда она произносила повеления святой Марии.

Изобретателем этого обмана был некий Цендейл, который отныне принял имя Себастьян Гомес де ла Глория. Он утверждал, что Святой Петр вознес его на небеса и назначил своим

наместником на земле, наделив властью избирать епископов и священников. И он приступил к полному завершению своей святой миссии. Все фискалы городов были вызваны в Канчук, и избранные были рукоположены. Единственными необходимыми качествами были умение читать и совершать подвиг преклонения на коленях в течение двадцати четырех часов подряд со свечой в руке, перебирая четки; после чего Ла Глория окропила избранного священника святой водой, и посвящение закончилось.

Гибридная вера быстро распространялась. Себастьян отслужил мессу; и на первом представлении был устроен большой праздник, в честь которого устраивались бои быков и игры, а церковь была превращена в танцевальный зал. Жрица также служила мессу и ежедневно проповедовала местным жителям, одетая в священнические одежды; в окрестных городах также новопосвященные священники ревностно выполняли свое призвание, выступая с кафедры и совершая таинства.

Но вскоре начал преобладать ропот. Местных жителей заставили поверить, что Богородица **Ошибка! Закладка не определена.** оракул объявил, что больше не должно быть дани и священников.

С помощью порки новая иерархия какое-то время поддерживала порядок, но по мере роста недовольства Николас Васкес, называвший себя генерал-капитаном от имени Гомеса де ла Глории, посланника Святого Петра, выступил с прокламацией против недовольных. [XXXVII-6]

Следующим действием церковников Канкука было назначение епископа, и выбранному человеку была предложена приятная альтернатива - принять епископство или быть повешенным. Любопытна проверка его способности занимать должность. В течение трех дней и ночей его заставляли поститься в часовне в Канкуке под угрозой немедленной смерти при первом проявлении слабости. Пройдя это испытание, он был посвящен Гомесом де ла Глорией с подобающей торжественностью и нарядением. [XXXVII-7]

Также было сформировано правительство, главой которого стала донья Мария Анхель, жрица. Ей помогали двенадцать главных цендалей, именуемых мажордомами. [XXXVII-8] В часовне проводились заседания, на которых принимались пожертвования на покрытие государственных расходов и умиловление Пресвятой Девы. Туда же были доставлены золото и серебро, взятые из разных церквей. [XXXVII-9] **Ошибка! Закладка не определена.**

Новый режим недолго приносил удовлетворение. Вскоре среди толпы проявилось недовольство, а среди членов правительства - разногласия. Ангел Цендаль обиделась на одного из своих главных сторонников и приказала содрать с него кожу заживо; другие провинившиеся чиновники были публично выпороты, а индеец по имени Хуан Лопес был повешен за то, что при разделе добычи, полученной при разграблении города, присвоил долю девы. Возникли споры, и только разделив между городами конфедерации деньги из казны часовни, жители Канкука избежали войны со своими соседями.

СОРЕВНОВАНИЕ В ЧУДЕСАХ.

На этом этапе Магдалена Диас, тетя доньи Марии Анхель, объявила о чуде противостояния в Яджалоне. Магдалена сочла, что ей не уделили того внимания, на которое она имела право, и, назвав Канкусинское чудо ложным, провозгласила себя богодухновенным посланцем небес. Это отступничество и фальшивая имитация первоначального чуда были слишком преступными,

чтобы остаться безнаказанными. Поэтому жрица Канкука послала сильный отряд солдат пресвятой девы в Яджалон, чтобы привести к ней лжепророчицу. Это было достигнуто с некоторым кровопролитием. Магдалена Диас была повешена, а вместе с ней индеец из Тилы, провозгласивший себя Христом. Так погибли все, кто выступает против истинной веры!

Тем временем испанцы готовились к подавлению восстания. Когда оно впервые вспыхнуло, в провинции насчитывалось не более тысячи трехсот вооруженных человек, и они были разбросаны по разным гарнизонам. Случилось так, что в то время во главе правительства не было никого в качестве главы исполнительной власти, и обычные люди алькальда Сьюдад-Реаля не считали, что у них есть полномочия действовать в такой чрезвычайной ситуации. Однако один из них отправил сообщение Педро Гутьерресу, командиру в Табаско, информируя его о положении дел и прося помощи. Гутьеррес немедленно поспешил в Сьюдад-Реаль и, вскоре получив от президента и аудиенции Гватемалы свое назначение генерал-лейтенантом и верховным судьей штата Чьяпас, призвал охваченных паникой жителей к оружию.

Пока Гутьеррес был на пути в Сьюдад-Реаль, алькальд Фернандо дель Монхе выступил маршем со ста пятьюдесятью новобранцами в Уистлан — ближайший город по направлению к восставшим районам. Здесь он укрепился, но был осажден цендалесами с большими силами, [XXXVII-10] под руководством Николаса Васкеса, [XXXVII-11] который предпринял несколько ожесточенных атак на это место, но был отбит с большими потерями.

Гутьеррес поспешил на помощь Уистлану со ста сорока чьяпанеками и двумя сотнями человек из Сьюдад-Реаля. Пробившись через Цендалы, он объединил свои войска с осажденными испанцами, и после предпринятой вылазки осаждающие были повергнуты в замешательство, а многие убиты. Цендалесы сняли осаду, [XXXVII-12] и Гутьеррес сразу же приготовился преследовать их, но робость жителей Сьюдад-Реаля сковала его передвижения. В столицу дошли вести о том, что Синаконтлан поднял восстание и что цендалес намереваются немедленно напасть на Сьюдад-Реаль. Это известие повергло в ужас малодушных жителей, и Гутьерреса умоляли вернуться.

Тем временем приходской священник Синаконтлана падре Хосе Монрой, который находился в Сьюдад-Реале, когда произошли эти события, отправился к своей недовольной пастве и призвал ее вернуться к верности. Известие о катастрофе, случившейся перед Уистланом, настолько обескуражило синаконтланцев **Ошибка! Закладка не определена.**, что падре без особых трудностей добился своего. [XXXVII-13]

НАПАДЕНИЕ НА ОЧУК.

Таким образом, ситуация оставалась нерешенной в течение нескольких недель, поскольку Гутьеррес был не в состоянии организовать какую-либо экспедицию против повстанцев из-за нехватки средств и отсутствия духа у людей, которых он пришел поддержать. Теперь президент Косио осознал масштабы восстания, и в октябре он назначил Николаса де Сеговию, офицера, имеющего опыт ведения войны с индейцами, главнокомандующим операциями против цендалей и отправил его с войсками в Сьюдад-Реаль. Этот способный офицер вскоре был подготовлен к активной кампании и примерно 20 числа того же месяца выступил в поход во главе четырехсот испанцев, пятидесяти четырех негров и ста пятидесяти воинов-чьяпанеков в сопровождении нескольких доминиканцев, орден которых оказал большую помощь в

снабжении людьми, лошадьми и деньгами. Сеговия двинулась к Окчуку, в то время как Гутьеррес, командовавший крупными силами, [XXXVII-14] направился к Сан-Педро-Чималько.

Последовал ряд встреч. Сеговия, разделивший свои силы, послав два отряда по сто человек в каждом для занятия городов в окрестностях Канкука, был осажден в Очуке шеститысячным войском противника; но каждое нападение на его позицию было отбито с тяжелыми потерями для цендальцев, которые в конце концов обратились в бегство, и их преследовали с большой резней. Это было 22 октября; и вскоре после этого прибыло подкрепление из этих людей под командованием маэстро де Кампо Хуана де Лосады. [XXXVII-15] 26-го числа цендалы, надеясь нанести внезапный удар, [XXXVII-16] снова атаковали Очук, но были **Ошибка! Залкадка не определена..** Затем они попытались вступить в переговоры и попытались побудить испанцев сложить оружие теми же благовидными обещаниями, которые были так фатально соблазнительны при Чилуне. Но эти две позиции не были схожи, и только благодаря усилиям отцов возмущенная Сеговия была удержана от стрельбы по вероломным искателям перемирия. Цендалы были призваны вернуться к своей верности, и было предоставлено прекращение боевых действий на один час. Время перемирия было занято погребением их погибших. Затем они отступили в направлении Канкука.

Президент Косио, сочтя необходимым лично выступить против повстанцев, 10 ноября покинул Сьюдад-Реаль, [XXXVII-17] в сопровождении генерального аудитора Диего де Овьедо во главе сильного отряда, направлявшегося в Очук. Хотя противник воздвиг на марше грозные укрепления, испанцы умелым движением вынудили цендальцев оставить их, и было достигнуто соединение с Сеговией. Затем объединенные силы двинулись против Канкука и разбили лагерь перед городом. Противник был сильно укреплен, и несколько атак, направленных против укреплений, были отбиты зендалями, при этом офицеры плохо поддерживались своими людьми. В одном из таких боев Сеговия был ранен; многие солдаты также получили серьезные ранения от камней, брошенных в них с замечательным мастерством и силой. [XXXVII-18] Успех в конце концов увенчал испанское оружие, и Канчук попал в их руки.

Из-за перерыва в рукописи Гарсии невозможно сказать, каковы были военные передвижения **Ошибка! Залкадка не определена.** с обеих сторон в течение оставшейся части года; но несомненно, что восстание распространилось широко, и что даже коренное население Сьюдад-Реаля подняло восстание. Фактически, за исключением Чамоллы, вся провинция, похоже, поднялась с оружием в руках. [XXXVII-19]

КОНЕЦ ВОССТАНИЯ ЦЕНДАЛЯ.

В начале 1713 года испанская армия была расквартирована в Чамолле, и повстанцы после серии поражений впали в уныние. Себастьян Гомес де ла Глория бежал; в рядах индейцев царили разногласия, и конец борьбы приближался. Выйдя ночью из Чамоллы, президент со своими войсками двинулся на Сьюдад-Реаль. Его наступление проходило с величайшей осторожностью и в тишине, поскольку противник возвел мощные укрепления примерно в трех четвертях лиги от столицы. Их он миновал незамеченным, и примерно через час после полуночи Сьюдад-Реаль был окружен. Алькальд, живший на окраине города, был застигнут врасплох, схвачен и немедленно отправлен предупредить людей, чтобы они не предпринимали попыток сопротивления. Со всех сторон зазвучали горны, чтобы показать жителям, насколько плотно город окружен, и армия молча двинулась к Сан-Пабло, где была схвачена женщина-вождь племени Гуатинпан. С тех пор испанцы повсюду торжествовали победу; индейцы вернулись к

своей верности, и примерно в марте месяце восстанию Цендаля пришел конец. Все попытки схватить Гомеса де ла Глорию и Донью Марию Анхель оказались безуспешными; они сбежали в лес, и больше о них ничего не известно. [\[XXXVII-20\]](#) **Ошибка! Закладка не определена.**

Последствия восстания Цендаля были крайне катастрофическими; а позже в том же столетии другие причины, как правило, ускоряли упадок испанских поселений в Чьяпасе. В августе 1785 года Сьюдад-Реаль и прилегающая местность были затоплены; погибло множество людей; дома были сметены; церкви и монастыри пострадали, а посеы уничтожены. Отчет интенданта Сайаса за 1800 год отражает плачевное состояние дел. Дороги были почти непроходимы, мосты полуразрушены, церкви лежали в руинах; в провинциальных городах не было приличных муниципальных зданий, и даже тюрьмы были настолько ветхими, что заключенные не могли надежно содержаться. Сайас фактически описывает провинцию как находящуюся в состоянии упадка. [\[XXXVII-21\]](#)

СИЛЬНОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ.

Королевским указом от 6 ноября 1714 года срок президентства Косио был продлен еще на два года в знак признания его умелого руководства во время Цендальского восстания. Затем он задумал экспедицию против индейцев москито, но, пока занимался подготовкой к кампании, был выдвинут на пост президента Филиппинских островов, и в 1716 году его сменил Франсиско Родригес де Ривас. Этот президент оставался на своем посту до 1724 года. **Ошибка! Закладка не определена.** Во время его пребывания в должности произошло разрушительное землетрясение. Были также сильные извержения в 1702, 1705 и 1710 годах, которые вызвали большую тревогу и значительный ущерб зданиям, а в 1717 году город Сантьяго был почти полностью разрушен толчками, которые продолжались в течение многих дней. Подробности некоторых событий этого года сохранились в официальном отчете лицензиата Томаса Игнасио де Араны, директора *audiencia* и очевидца многих описанных сцен. С 18 августа по 27 сентября вулкан Фуэго извергал огонь и пепел, в то время как периодические толчки землетрясений держали людей в постоянной тревоге. В ночь на последнюю названную дату произошел толчок, более сильный, чем когда-либо сотрясавший город, и ни одно сколько-нибудь важное здание не осталось невредимым. Последовала сцена ужасного замешательства. Мужчины, женщины и дети выбегали из дверей или выбрасывались из окон на улицу в диком ужасе. Даже узы родства были забыты в ужасной вере в то, что божественный суд близок. Причитания продолжались, когда люди с распятиями и изображениями Пресвятой Богородицы заполнили церкви и общественные площади. Епископ, высоко подняв воинство, торжественно изгнал злых духов из рода человеческого.

На следующий день был праздник Святого Августина, и как гражданские, так и церковные власти призывали народ к молитве и исповеди; но пока они занимались этим, около захода солнца произошло извержение вулкана, и со склонов гор потекли огненные ручейки. Люди снова устремились к святыням, и изображение Христа было пронесено процессией к церкви Нуэстра-Сеньора-де-лас-Мерседес, которая была переполнена охваченной благоговейным страхом толпой, стремившейся оказаться поближе к священной святыне. Епископ в священнических одеждах взмолился о божественной милости, и когда пламя погасло, произошло обычное чудо, приписываемое епископу и священному изображению.

На следующий день, перед восходом солнца, подземные шумы и свежее пламя, вырвавшееся из кратера горы, снова повергло жителей в ужас; [\[XXXVII-22\]](#) а 30-го числа ужасная конвульсия

потрясла землю, [XXXVII-23] небо было скрыто плотной черной тучей, которая нависла над город словно окутан погребальным покровом. Инстинкт самосохранения побуждал к бегству, и дороги были запружены беглецами, даже скромные монахини смешивались с испуганной толпой и спешили прочь пешком из разрушающегося города. [XXXVII-24]

Людские потери были велики, и когда конвульсии прекратились, Сантьяго представлял собой город, сокрушенный рукой всемогущего. Собор лежал в руинах, а церкви и монастыри были более или менее разрушены. Обломки разрушенных домов виднелись во всех направлениях, и на немногих оставшихся людей произвела болезненное впечатление тишина, которая теперь сменилась деловитым гулом многолюдного сообщества. На протяжении всех этих печальных обстоятельств президент и епископ проявляли непоколебимое мужество и стремились облегчить страдания и унять тревогу. [XXXVII-25]

Было проведено множество собраний аудитории для обсуждения вопроса о повторном размещении города. В конце концов это было оставлено на усмотрение короля; но когда наконец поступило разрешение на переезд, жители оправились от паники, вернулись в свои полуразрушенные жилища и отремонтировали большую часть города.

12 апреля 1718 года кабиљдо Сантьяго обратился к королю с мемориалом, [XXXVII-26] в котором говорилось о плачевном состоянии, в котором оказался город, и обнищании его граждан. К его Величеству обратились с просьбой принять либеральные меры для оказания им помощи и восстановить или построить заново церковные и общественные здания. [XXXVII-27] Педро Антонио де Эчеверс-и-Сувиса сменил Риваса на посту президента. [XXXVII-28]

Во время его правления произошли серьезные беспорядки, вызванные убийством пресвитера Лоренцо де Ороско и варварским убийством всех его домочадцев с целью грабежа. Были обнаружены доказательства широко распространенного заговора, и хотя арестов произведено не было, в ходе расследования многие люди были замешаны в этом. Серьезные споры также возникли между президентом и двумя членами аудитории; и когда первый попытался изгнать их, они были спасены толпой и укрылись в соборе. [XXXVII-29]

ПРАВО НА УБЕЖИЩЕ.

Более серьезный вопрос, связанный с правом на убежище и приведший к гражданскому и церковному конфликту, возник из-за поведения некоего Хуана Мануэля Бальестероса, который смертельно ранил мужчину ножом. Убийца укрылся в монастырской церкви, откуда его преследовал отряд, посланный алькальдом Гарсиа **Ошибка! Закладка не определена.** де Хиджас. Он искал убежища за главным алтарем; но святость этого места не была учтена, и, несмотря на его сопротивление, он был арестован. Заключенный был немедленно подвергнут пыткам и умер от их воздействия. Алькальд был немедленно отлучен от церкви, и церковники обратились к королю с петицией о королевской декларации их прав в подобных случаях. Монарх указом от 18 июня 1720 года постановил, что в данном случае прелат имеет право возбудить дело против алькальда, но что все сомнительные случаи, как правило, должны решаться самим королем на совете. [XXXVII-30]

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА.

В течение следующих двадцати лет не произошло ни одного политического события, достойного упоминания. Несколько способных прелатов занимали епископскую кафедру, [XXXVII-31] но их управлению сильно мешали неправильные действия светского и обычного духовенства. Злоупотребления, совершаемые священниками при исполнении своих обязанностей, были настолько вопиющими, что епископы испытывали неловкость во время своих визитов, а местные жители были угнетены продажным поведением своих пасторов. Злоупотребление этой ложной религией было доведено до такой крайности, что продажа таинств, отказ посещать умирающих больных и плата за проведение похоронных церемоний [XXXVII-32] навлекли на духовенство порицание короны.

В 1729 году Хуан Гомес де Парада унаследовал епископство, и реформы, которые он осуществил, были настолько В 1736 году Парада был возведен на кафедру Гвадалахары, а следующий епископ Гватемалы, Педро Пардо де Фигероа, занял епископскую кафедру. [XXXVII-33]

Освящение Фигероа стало незабываемым благодаря действиям кабиљдо, члены которого сочли, что их муниципальное право претендовать на почетные места не было должным образом признано. Аудиенция, религиозные ордена и все видные лица города собрались в соборе в девять часов утра и некоторое время ожидали прибытия муниципальных властей. Они, однако, после нелюбезной задержки прислали сообщение о том, что сегодня не тот день, когда к ним можно обратиться для совершения деловых операций. Аудиенция попыталась провести переговоры и после бесплодной потери времени, не переходя в зал заседаний, назначила в соборе других алькальдов и регидоров и уведомила непокорного кабиљдо, что ее члены должны считать себя арестованными. Из-за этого ревнивого притязания муниципалитета на первенство интронизация епископа состоялась только в два часа дня. [XXXVII-34]

Ошибка! Закладка не определена.

Фигероа украсил собор роскошными алтарями, редкими картинами и изысканными произведениями искусства; восстановил монастырь монахов-кармелитов; расширил епископский дворец и перестроил церковь Эскипулас, в которой сохранилось так называемое чудотворное изображение распятия.

В течение семнадцатого века возведение гватемальского престола в ранг архиепископства часто доводилось до сведения королей Испании; и не без причины; епископство Гондураса было суффраганом Санто-Доминго, в то время как далекое архиепископство Перу было митрополией Никарагуа. В 1742 году папа Бенедикт XIV. по просьбе Фелипе V. издал буллу о присвоении паллия епископу [XXXVII-35] Гватемалы.

Епископствами-суффражистками были епископства Чьяпаса, Никарагуа и Комаягуа. Паллий был доставлен в Вера-Крус Исидро Марином, епископом Никарагуа, а оттуда в Гватемалу Франсиско Молиной, епископом Комаягуа, который прибыл в столицу 28 октября 1745 года. 14 ноября Хосе Каберо, епископ Чьяпаса, возвел архиепископа в сан и официально наделил его знаками отличия. Это событие было отмечено большим ликованием. Архиепископ скончался 2 февраля 1751 года в Эскипуласе и был похоронен у подножия большого алтаря собора, рядом с останками Альварадо и других знаменитостей, прославившихся в истории страны.

ПРОВИНЦИИ.

Епархии суфражисток Гондураса и Чьяпаса представляют мало дополнительного материала для истории за эти полвека, поскольку деятельность церкви и регулярных орденов была одним непрерывным продолжением трудов, которые год от года становились менее тяжелыми и которым уделялось менее пристальное внимание. [XXXVII-36] В последней провинции **Ошибка! Закладка не определена.** регулярные ордена сильно обеднели из-за разрушений, вызванных Восстание Цендаля, и доминиканцы в частности, были настолько ослаблены опустошениями, совершенными на их сахарных и какао-плантациях, что доходов от этих поместий вместе с доходностью их мукомольной мельницы не хватило на ремонт их церкви. [XXXVII-37]

То ли из-за растущей беспечности и лености духовенства, то ли из-за упорной приверженности местных жителей вероучению своих предков, ересь стала настолько распространенной в эту эпоху, что инквизиция Мексики в 1745 году предала ужасной анафеме преступников в Центральной Америке. В этом указе каждое проклятие, чума или несчастье, которые могли обрушиться на величайших грешников человечества, были призваны на голову отступников. [XXXVII-38]

В середине восемнадцатого века генерал-капитан Гватемалы включал территорию, лежащую между 7° 54' и 17° 49' северной широты, [XXXVII-39] протяженностью около шестьсот лиг в длину с северо-запада на юго-восток и шириной от шестидесяти до ста пятидесяти лиг, что составляет приблизительную площадь в шестьдесят четыре тысячи квадратных лиг. [XXXVII-40]

В это время правитель Гватемалы контролировал провинции Коста-Рика, Гондурас, Никарагуа, Соконуско, Сан-Антонио, Сан-Сальвадор, Чьяпас, Сонсонате и Вера-Пас; и районы Уэуэтенанго, Атитлан и Текпанатитлан, Кесальтенанго, Чикимула-де-ла-Сьерра, Эскуинтла и Гуазакапан, Тегусигальпа, Сутьяба, Реалехо, Себако и Никоя. [XXXVII-41] В 1787 году территория, подвластная генерал-капитану, включала тринадцать провинций — Соконуско, Чьяпас, Сучитепек, Вера-Пас, Гондурас, Изалькос, Сан-Сальвадор, Сан-Мигель, Никарагуа, Херес-де-ла-Чолутека, Тегусигальпа, Коста-Рика и Гватемала. [XXXVII-42]

Королевскими указами от 11 марта и 20 июня 1776 года была создана должность регента аудиенций **Ошибка! Закладка не определена.** [XXXVII-43] Хотя мало что говорится об их действиях в Гватемале, они были облечены большими полномочиями, и их авторитет был больше, чем у президента. В январе 1778 года Висенте де Эррера был назначен регентом, и с этой даты до 1800 года этот пост занимали шесть его преемников. [XXXVII-44]

Ни в каком другом отношении, по-видимому, не произошло никаких изменений в составе должностных лиц правительства. [XXXVII-45] Однако в систему управления были внесены важные изменения. С момента ее организации политическое деление претерпевало множество изменений. В семнадцатом веке их было целых тридцать два, из которых четыре были правительствами, девять алькальдias-мэрами и девятнадцать коррегименто. [XXXVII-46]

КОРРЕХИМЕНТОС УПРАЗДНЕН.

Около 1660 года восемь коррегименто были упразднены и объединены с правительствами, [XXXVII-47] и из **Ошибка! Закладка не определена.** с начала восемнадцатого века примерно до 1790 года коррегименто были еще более сокращены, были сформированы новые алькальдias-мэры, а другие упразднены. [XXXVII-48]

Примерно в это же время были учреждены интенденции [XXXVII-49], в результате чего число провинций сократилось до пятнадцати, которые включали четыре интендации, тридцать девять субделегаций, четыре военно-политических округа, три коррехименто и семь алькальдías-мэрорес. [XXXVII-50]

Между 1752 и 1773 годами в Гватемале правили восемь губернаторов, но их правление не было отмечено ни одним событием, заслуживающим особого внимания. С присоединением Мартина де Майорги в последний момент, [XXXVII-51] однако, начался один из самых насыщенных периодов в истории страны.

ВЕЛИКОЛЕПИЕ ГОРОДА.

Несмотря на бедствия, которые пережил город Гватемала, его богатство и значение продолжали расти, пока в это время он не стал известен количеством и элегантностью своих частных и общественных зданий, а также великолепием многочисленных церквей и монастырей. Он по-прежнему сохранял свое звание второго города Северной Америки, уступая только Мексике по своим преимуществам расположения, пейзажам, климату и разнообразным ресурсам. Со всех сторон его хорошо орошаемой и плодородной долины простирались деревни и фермы, где возделанные поля и зеленые пастбища открывали приятную перспективу; в то время как высоко над холмами и горными массивами, которые окружали его с обеих сторон, возвышались в величественном величии три страшных вулкана. **Ошибка! Закладка не определена.**

В центре этой прекрасной долины, почти напротив Вулкан-де-Агуа, стоял город. Более мили в ширину в самой узкой части, его многочисленные улицы были широкими, хорошо вымощенными и, за исключением пригородов, располагались под прямым углом. Каждая часть города была в изобилии снабжена водой, а на главной площади был большой и красивый каменный резервуар, питаемый двумя ручьями. На эту площадь выходили губернаторский и архиепископский дворцы, городская ратуша, монетный двор и кафедральный собор. Правительственные здания отличались солидностью, и в их просторных коридорах, образованных колоннами и арками, были выставлены всевозможные товары. Церкви Гватемалы, которых насчитывалось девятнадцать, славились своей архитектурной красотой, размерами и богатством украшений. Помимо кафедрального собора и церквей, здесь было восемнадцать женских монастырей и одиннадцать часовен. Собор был более трехсот футов в длину, сто двадцать в ширину и шестьдесят шесть футов в высоту. В нем было три нефа с восемью часовнями с каждой стороны. Его интерьер был богато украшен резьбой и позолотой, редкими и дорогими статуями, картинами и табличками, в то время как в нем хранилось множество драгоценных реликвий и многочисленная утварь из золота и серебра. Главный алтарь был изысканного дизайна. [XXXVII-52]

Многие частные дома были необычайной красоты, прочно и удобно построены, богато меблированы, с просторными садами и двориками. Число жителей в то время было немногим меньше двадцати пяти тысяч, [XXXVII-53] а из соседних пуэбло, основным занятием жителей которых было сельское хозяйство и различные промышленные искусства, Гватемала получала все необходимое и многие предметы роскоши для жизни. [XXXVII-54]

Таким в июне 1773 года был прекрасный город Гватемала, которому вскоре было суждено во второй раз пасть от рук завистливых держав. За последние двадцать три года метрополия часто

переживала беспорядки, некоторые из которых носили политический характер, другие были вызваны появлением этого знакомого и страшного посетителя — землетрясения. Два сильных толчка, произошедших 4 марта 1751 года, нанесли значительный ущерб, главным образом церквям; [XXXVII-55] в 1757 году был испытан шок, которому местные жители дали название Сан-Франциско. Еще два землетрясения ощущались в 1765 году; первое, получившее название "Святая троица", имело катастрофические последствия для провинции Чикимула, а второе, получившее название "Сан-Рафаэль", опустошило провинцию Сучилтепеке, но ни одно из них не причинило никакого ущерба городу Гватемала. [XXXVII-56]

Около 1756 года в городе произошел бунт из-за запрета продажи некоторых спиртных напитков, но вскоре был подавлен личным мужеством и оперативными мерами президента Арк.

[XXXVII-57] В 1766 году возникла угроза серьезной вспышки из-за установления табачной монополии, и предотвратить ее удалось только благодаря снижению цен на это изделие.

Тревога и возбуждение, вызванные этой опасностью, были усилены зверским убийством двух монахов. [XXXVII-58]

Похороны королевы Испании на какое-то время отвлекли умы людей от местных проблем.

Официальное уведомление о ее смерти **Ошибка! Закладка не определена.** Смерть была получена в Гватемале 25 марта 1759 года, а 29 июня следующего года были проведены помпезные похоронные церемонии. [XXXVII-59]

ЕЩЕ ОДНО СИЛЬНОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ.

Два года спустя была принесена присяга на верность Карл III. . [XXXVII-60] В октябре 1762 года долина была затоплена, и город Петапа, а также часть города, известная как Баррио-де-лос-Ремедиос, были затоплены. [XXXVII-61] Но главная катастрофа была еще впереди. Несколько незначительных толчков землетрясения во второй половине мая 1773 года не дали повода для опасений и были почти забыты, когда 11 июня они возобновились с такой силой, что повредили несколько домов и церквей, особенно монастыри кармелиток и доминиканцев, а также больницу Сан-Хуан-де-Диос. Толчки продолжались в течение нескольких дней с уменьшающейся силой и частотой, пока почти не прекратились. 25 июля они снова возобновились, но, хотя были частыми и жестокими, серьезных разрушений не было до 29 июля, когда люди частично оправились от охватившей их тревоги. Затем они были поражены внезапным толчком, случившимся около четырех часов пополудни, который, хотя и был сравнительно незначительным, казался предзнаменованием беды. Опасения жителей были настолько велики, что многие немедленно покинули город, а те, кто остался, были готовы при первых признаках его возвращения бежать из своих жилищ. Не прошло и десяти минут после первого толчка, как последовал второй, причем такой силы, что с первой вибрацией началась разрушительная работа. Движения были столь же разнообразны, сколь и внезапны и разрушительны; то горизонтальные, то вертикальные, последние вздымали землю взрывами и заставляли людей и животных оставаться распростертыми ниц. Со всех сторон были слышны грохот рушащихся стен, заунывный звон церковных колоколов, когда их башни раскачивались под воздействием невидимых сил, **Ошибка! Закладка не определена.** и, прежде всего, громкие вопли охваченных ужасом людей, которые, собравшись на площадях и улицах, тщетно молили бога о защите.

РАЗРУШЕНИЕ И СМЕРТЬ.

В течение всей ночи толчки продолжались с короткими интервалами, и ужасы темноты усилились из-за сильного ливня, сопровождавшегося громом и молниями, которым были полностью подвержены плохо одетые жители, и никто не осмеливался искать убежища от его ярости, чтобы их не постигла худшая участь. Когда рассвело, они смогли осознать весь масштаб бедствия. От великолепного собора не осталось ничего, кроме груды руин. Ни один дом в городе не избежал ни разрушения, ни серьезных повреждений. Во многих случаях, когда дома оставались стоять, их фундаменты просели, а стены были разрушены или перекошились. Однако наибольшие разрушения были вызваны в той части, которая называется Баррио дель Канделария. Здесь каждый дом, включая церковь и доминиканский монастырь, был сровнен с землей. Во многих частях города даже тротуары улиц и плиточные полы частных домов были подняты и разрушены. Смертей, как ни странно, было сравнительно немного, не более ста тридцати в черте города и, вероятно, меньшее число в окрестностях. [XXXVII-62]

Ошибка! Закладка не определена.

На следующий день под руководством гражданских и церковных властей были начаты похороны. Опасаясь эпидемии, мертвых хоронили везде, где находили, предварительно освятив землю. Затем по руинам прошлись голод и жажда. Большая часть припасов в городе была уничтожена или погребена под рухнувшими домами, и никто не осмеливался заходить в те, что еще уцелели, поскольку толчки все еще продолжались. Акведуки были разрушены, и можно было получить лишь скудный запас мутной воды. Это бедствие, однако, вскоре было устранено благодаря оперативным мерам президента, который распорядился распределить некоторое количество припасов, предназначенных для крепости Омоа. Были также приняты энергичные меры для пресечения уже начавшегося разграбления разрушенных домов. Кражи на сумму в десять песо и более карались смертной казнью, а за меньшие суммы - взлом любого сундука или приближение после вечерней молитвы к временному жилищу монахинь - предусматривалось наказание в виде двухсот ударов плетью и десяти лет каторжных работ. В доказательство своей решимости осуществить эти меры власти распорядились немедленно установить виселицу на главной площади. Присутствие милиции, вызванной из соседнего города, также помогало держать преступные классы в узде. [XXXVII-63] **Ошибка! Закладка не определена.**

ВОПРОС ОБ УДАЛЕНИИ.

Многие уехали из города в соседние деревни или построили временные убежища на окраинах, но еще больше задержались возле своих домов, страдая от нехватки еды, одежды и крова. В течение нескольких дней, когда потрясения постепенно утихли и встал вопрос о том, следует ли перестраивать город или перенести его на новое место, президент созвал совещание гражданских и церковных властей и видных граждан, и, наконец, было решено перенести его в долину ла Эрмита, была выбрана часть, известная как Родео, и этот выбор утвержден указом от 24 мая 1774 года. Но, наконец, по просьбе нового фискала аудиенсии это место было изменено на равнину Девы, примыкающую к Ла-Эрмита, где было больше преимуществ.

Хотя за смещение выступало большинство видных деятелей, последующие события показали, что это не было свободным волеизъявлением народа. Многие граждане были не в состоянии рассуждать спокойно. Опасения новых бедствий поддерживались продолжающимися потрясениями, которые 7 сентября и 13 декабря были необычайно сильными. По словам некоторых, события, произошедшие в последний день, сравнялись по уровню насилия с

событиями 29 июля и нанесли дополнительный ущерб оставшимся зданиям. Однако со временем опасения по поводу **Ошибка! Закладка не определена.** люди исчезли, и оппозиция удалению стала сильнее среди всех классов; но аудитория все еще возражала. Эта организация вместе с королевскими чиновниками и войсками обосновалась в Эрмите с сентября; но, по-видимому, мало кто из горожан присоединился к ним, и даже петехиальная лихорадка, которая появилась и свирепствовала до мая 1774 года, не смогла заставить их покинуть разрушенный город. [\[XXXVII-64\]](#)

Президент охотно бы вынудил снести здание, но королевский указ, вышедший во второй половине 1774 года, требовал одобрения вице-короля Мексики при выборе места и предписывал, что до получения такого разрешения не следует производить возведение постоянных зданий. Вице-король был должным образом проинформирован о выборе места, но вместо того, чтобы одобрить его, он доложил об этом короне.

Перенос города на равнину Богородицы был подтвержден королевским указом от ноября 1775 года, и сразу после его получения президент Майорга издал указы, приглашающие граждан выбирать свои участки в новом населенном пункте. Но мало кто откликнулся на это приглашение, и никто не начал строительство домов, полагая, что это место в конечном итоге будет заброшено.

Ближе к концу декабря прибыл второй королевский указ с инструкциями относительно способа сноса, но запрещающий полное оставление старого города. Скрывая те части этих инструкций, которые соответствовали его замыслу, президент продолжил свои меры принуждения, но, по-видимому, без особого успеха, поскольку 29 июля 1777 года он счел необходимым издать указ о том, что в течение года старый город должен быть заброшен, а все здания снесены. Аюнтамьенто было приказано переехать на постоянное место жительства в Ла-Эрмита в конце 1775 года, и их протесты, сначала президенту, а затем **Ошибка! Закладка не определена.** короне, похоже, ничего не дали. [\[XXXVII-65\]](#) Однако архиепископ и духовенство все еще оставались в разрушенном городе.

СНОВА ССОРЫ.

Архиепископ с самого начала выступал против смещения и в своих многочисленных обращениях к короне имел случай пожаловаться на министра Гальвеса. Одно из этих писем попало в руки Гальвеса, который решил отомстить. Под его влиянием были изданы секретные и строгие приказы о полном оставлении разрушенного города, а прошлая отставка архиепископа, поданная в 1769 году и отклоненная короной, была пересмотрена и принята. Приказы президента становились все более и более строгими, но поскольку он отказался показать королевские указы архиепископу, тот не обратил на них внимания.

Таким образом, дела продолжались до августа 1778 года, когда дон Матиас Гальвес, брат министра Гальвеса, прибыл в Гватемалу в ранге генерального инспектора и исполняющего обязанности президента аудиенции в отсутствие или по болезни Майорги. В начале 1779 года был запрещен ввоз в разрушенный город всех видов товаров; были запрещены ремонтные работы в домах, на территории или улицах; музыка, бои быков и все другие общественные развлечения были запрещены; временные хижины на улицах и площадях было приказано убрать, а всем ремесленникам, ополченцам и другим представителям этого класса было

приказано перенести свое место жительства на новое место в течение ограниченного периода времени.

5 апреля Гальвес временно вступил в должность президента, а Майорга был назначен вице-королевством Новой Испании, куда он отправился ближе к концу месяца. Назначение Гальвеса состоялось 14 мая, когда он официально вступил в должность. Через своих подчиненных он немедленно отдал всем светским лицам безапелляционный приказ немедленно покинуть старый город под угрозой суровых наказаний. Эта тираническая мера не могла быть реализована в полной мере, и страдания, которые она **Ошибка! Закладка не определена.** Однако главной причиной всех этих неприятностей был архиепископ. Гражданские власти не могли заставить его покинуть старый город, и была надежда, что систематическое раздражение заставит его вернуться в Испанию, и что во время его отсутствия новый архиепископ, который уже был назначен, спокойно вступит во владение. Предполагалось, что он отправился с пастырским визитом 21 августа 1778 года в Испанию; но в сентябре 1779 года он снова был в Гватемале, откуда издал указ, оспаривающий обоснованность притязаний его преемника, этого последнего, Каэтано Франкос-и-Монроя, прибывшего в Гватемалу в предыдущем месяце. С 9-го по 30-е число продолжалась борьба между архиепископом и аудиенцией. На угрозы первого об отлучении от церкви второй ответил требованиями признать нового архиепископа, и это оказалось безрезультатным, ему было приказано отбыть в Испанию, а признание Монроя народом повлекло за собой суровые наказания. Неизвестно, до каких крайностей мог бы дойти президент, если бы в конце месяца архиепископ Кортес тайно не уехал в Испанию. Монрой немедленно вступил во владение и таким образом положил конец этому скандальному делу. [\[XXXVII-66\]](#)

Несмотря на нехватку ресурсов, новый город, которому помогла передача доходов за десять лет королевским указом 1774 года, вскоре был восстановлен, и в 1800 году в нем появились мощные улицы, прекрасные площади, общественные здания и церкви. Собор, меньших размеров, чем в старом городе, и иезуитский колледж, все еще были недостроены.

Тревога и стихийные бедствия все еще преследовали народ Гватемалы. 11 июля 1775 года произошло сильное, хотя и безвредное извержение вулкана Пакайя; в 1776 году произошло извержение вулкана Де **Ошибка! Закладка не определена.** Торментос, недалеко от Атитлана, разрушил деревню Трес-Риос, расположенную в трех лигах от него, и наполнил лавой реки, от которых он получил свое название. [\[XXXVII-67\]](#)

В 1780 году новый город поразила оспа, которая распространилась по всей стране и унесла множество жертв. Использование вакцины впервые было опробовано в Гватемале и оказалось успешным, поскольку лишь немногие из тех, кому сделали прививку, умерли, если вообще кто-либо из них умер. [\[XXXVII-68\]](#)

САЛАЗАР И ГАЛЬВЕС.

Еще до того, как эти события благополучно завершились, объявление войны между Англией и Испанией в 1779 году и почти немедленное вторжение в Гондурас и Никарагуа вынудили к реорганизации вооруженных сил королевства. У нас нет информации о состоянии регулярной армии или ополчения на данный момент, но маловероятно, что со времени доклада президента Салазара в 1778-9 годах произошли какие-либо существенные изменения в их состоянии. Как показано в нем, страна была не в состоянии вести войну. Вся численность регулярных войск в

королевстве состояла из двух рот драгун численностью в шестьдесят человек, которые были расквартированы в столице. В ополчение входили все трудоспособные мужчины королевства, большинство из которых были мулатами; но в редких случаях, когда их призывали на службу, из каждого города забирали только определенную часть, остальное было необходимо для обработки земли. И пехота, и кавалерия были плохо дисциплинированы, и их оружия, обычно оставленного в главных городах, не хватило бы и на половину войск, к тому же оно по большей части вышло из ремонта из-за отсутствия оружейника. У нескольких мулатов было грубое оружие домашнего изготовления, но редко можно было встретить человека, приобретшего хоть какие-то навыки обращения с огнестрельным оружием. Впоследствии регулярные силы были увеличены до двухсот человек, отряд из ста испанских солдат прибыл в августе 1777 года.

[XXXVII-69] На **Ошибка! Закладка не определена.** в это же время президент Салазар попросил офицеров пехоты и кавалерии, артиллеристов и инженеров реорганизовать ополчение и проинструктировать его, а также взять на себя управление артиллерией и укреплениями. Различные крепости и главные города были хорошо обеспечены артиллерией и стрелковым оружием, но многие из них находились в явно непригодном состоянии. [XXXVII-70] При первых тревожных сигналах президент Гальвес занялся организацией армии, и энергия и способности, проявленные им в ходе последующей кампании, были таковы, что он заслужил славу и продвижение по службе для себя и, как мы видели, привел свои войска к победе. [XXXVII-71]

Правление президента Гальвеса закончилось 10 марта 1783 года, когда он был переведен в вице-королевство Новая Испания. Его администрация была чрезвычайно процветающей для Гватемалы, и все классы очень сожалели о его уходе. [XXXVII-72] Его преемником стал Хосе Эстачерия, который вступил в должность 3 апреля того же года. Он был бригадным генералом и бывшим губернатором Никарагуа. Срок его полномочий истек 29 декабря 1789 года. Ему наследовали Бернардо Тронкосо Мартинес дель Ринкон, генерал-лейтенант, бывший королевский наместник Гаваны и экс-губернатор Вера-Крус, который находился у власти до 1794 года, и Хосе Домас-и-Валье, рыцарь Сантьяго, шеф де Эскуадра, который занимал этот пост с последней даты до 28 июля 1801 года. [XXXVII-73]

С 13 мая 1753 года по 24 июня 1765 года архиепископскую кафедру Гватемалы занимал доктор Франсиско Хосе де Фигереди-и-Виктория, который был переведен с кафедры Попаян.

[XXXVII-74] **Ошибка! Закладка не определена.**

МИССИОНЕРСКАЯ РАБОТА.

Единственным важным событием за время его правления была частичная секуляризация миссий. Орден был получен аудиенцией из Мексики через некоторое время после смерти президента Васкеса, но не был обнародован до 1754 года, когда сразу же началась секуляризация миссий в долине Гватемалы. [XXXVII-75]

По прибытии президента Аркос, немногим более месяца спустя, доминиканцы, которые обратились к короне с протестом против этой меры, убедили его отложить, под каким-либо предлогом, передачу их миссий. Это, однако, оказалось лишь временным облегчением; поскольку, хотя провинции Вера-Пас и Киче были оставлены этим монахам, архиепископ Фигереди доложил о поведении президента короне, после чего было приказано продолжить секуляризацию, а Аркос получил порицание. Доминиканцы удвоили свои усилия, но преуспели лишь в том, что получили распоряжение седулы о том, что передача оставшихся миссий должна

быть произведена только после смерти ответственных монахов. Позже даже эта уступка была отменена архиепископом Гватемалы. [XXXVII-76]

В то время миссионерское поле в собственно провинции Гватемала, по-видимому, за исключением территории Лакандон, было исчерпано; поскольку мы находим, что францисканский колледж Кристо сеньора Нуэстро Крусификадо, основанный 27 апреля 1756 года, имел миссии в Верагуа, Коста-Рике, Гондурасе и Москитии, но в Гватемале о них ничего не упоминается. [XXXVII-77] В 1790 году приходской священник Паленке предпринял слабую попытку сократить число лакандонов. Получив денежную помощь от интенданта Чьяпаса, он **Ошибка! Закладка не определена.** основал город, крестил нескольких местных жителей и завоевал их расположение многочисленными подарками; но полученное таким образом преимущество, по-видимому, не улучшилось. [XXXVII-78]

Некоторое волнение вызвало в Гватемале в июле 1772 года беспорядки в монастыре Реколлетс. Из-за ожесточенных разногласий между заключенными аудиенция, по просьбе монаха, привела к аресту и переправке в Испанию двух главарей банды. Население, не знавшее о причине этого вмешательства, было с трудом успокоено. Это действие аудиенции было одобрено короной, и остальные мятежные монахи были отстранены от должности.

ИЗГНАНИЕ ИЕЗУИТОВ.

Ослепнув от старости, когда ему было уже за восемьдесят, архиепископ Фигереди обратился к короне с прошением назначить коадьютора. Соответственно, был выбран доктор Мигель де Силиеса-и-Веласко, уроженец Гватемалы и канцлер кафедрального собора; но архиепископ умер до того, как был посвящен, и он был выдвинут на кафедру Чьяпаса, откуда отбыл в октябре 1767 года. Смерть архиепископа наступила 24 июня 1765 года. В соответствии с его просьбой его останки были переданы на хранение в церковь иезуитского колледжа, к членам которого он был тепло привязан. [XXXVII-79] Архиепископская кафедра оставалась вакантной после смерти Фигереди до 1768 года, когда ее занял доктор дон Педро Кортес-и-Ларрас. [XXXVII-80] До его прибытия в 1767 году в Гватемале был введен в действие знаменитый указ об изгнании иезуитов, но без каких-либо серьезных беспорядков, которыми было отмечено его исполнение в Новой Испании. [XXXVII-81] Соблюдались строжайшая секретность и срочность **Ошибка! Закладка не определена.** В 6 часов утра 26 июня, после того как войска были размещены в определенных местах, президент и аудиенция в сопровождении драгун направились к иезуитскому монастырю. Это был праздник святого сердца, и служба уже началась. Ожидая благоприятной возможности, президент попросил участников церемонии прекратить, и после того, как причастие было накрыто и двери закрыты, в слезах он уведомил монахов о роковом указе. Молча и со склоненными головами они выразили свое подчинение. Монастырь был окружен милицейской охраной, и всякое общение с друзьями было запрещено. 1 июля они были доставлены в Гольфо-Дульче и погружены на испанский фрегат, а месяц спустя к ним присоединились члены их ордена из Чьяпаса. Указ был опубликован 30 июля. Общее число ссыльных составило одиннадцать человек. Остались настоятель и два брата-мирянина: первый - чтобы доставить церковное имущество, а второй - потому что они не могли путешествовать. [XXXVII-82]

Архиепископ Кортес вступил во владение своим офисом в феврале 1768 года. Главным событием за время его правления были его трудности с аудиенцией из-за его несогласия с переносом города, о которых рассказывалось в связи с этим событием. Однако эти различия,

очевидно, относились к более раннему периоду. Кортесу, который был назначен королем вопреки своему совету, дела в Гватемале пришлось не по душе, и, соответственно, в августе 1769 года он подал в отставку. Это было отклонено королем, который выразил удовлетворение своим поведением, и этот отказ был признан окончательным. Однако, выступая против сноса города, он не рассчитывал на влияние президента Майорги, которого защищал главный министр королевского совета; **Ошибка! Закладка не определена.** и каким бы оправданным ни было вначале это противодействие, оно было неразумно затянуто. Министру Гальвесу удалось добиться пересмотра отставки Кортеса, несмотря на протесты этого прелата. Он добился назначения своего брата преемником Майорги, перевел Кортеса в епископство Тортоса и, как мы видели, назначил нового архиепископа в Гватемале. Утверждается, что отказ Кортеса уступить свою кафедру был вызван тем, что он не получил булл, подтверждающих его назначение на епископство Тортоса. Покинув Гватемалу, как рассказывалось ранее, он отправился в свое новое епископство, где оставался до своей смерти, которая произошла в 1786 году. Его интерес к благосостоянию Гватемалы не исчез с его отъездом, поскольку впоследствии он пожертвовал шестьдесят тысяч долларов на основание колледжа для обучения молодежи. [XXXVII-83]

Доктор Каэтано Франкос-и-Монрой, его преемник, был назначен и должным образом признан после ухода Кортеса; [XXXVII-84] но, не удовлетворенный способом своего назначения, он раздобыл подтверждающую **Ошибка! Закладка не определена.** буллу папы Пия VII. в 1779 году. Это нарушение было также признано советом Индии, о чем свидетельствует тот факт, что они заявили, что доходы архиепископства Гватемалы до декабря 1779 года принадлежали Кортесу, назначение которого на Тортосу не было подтверждено до этой даты.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

Таким образом, мы проследили историю испанского завоевания и колонизации Центральной Америки с того времени, когда Родриго де Бастидас впервые коснулся Огненной Земли, до конца восемнадцатого века. Мы видели, как меч и крест бок о бок, без тени права или компенсации, вошли и завладели обширной территорией от Дариена до Новой Испании; затем сели, чтобы повздорить и отдохнуть. В процессе постепенного вымирания туземцы время от времени вспыхивали восстаниями; но по большей части они были послушны и с философской или христианской покорностью подчинялись неизбежному, которое слишком часто было позорным со стороны цивилизации и христианства.

Это был период покоя, два с половиной столетия существования Центральной Америки под властью испанских властей и губернаторов, период апатии и застоя в том, что касается интеллектуального и морального прогресса. Также мало что можно сказать о материальном улучшении. Ни Бог, ни маммона не могли бы правдиво требовать от страны, находящейся под европейским господством, гораздо более высоких или благородных результатов, чем под американским. Были определены провинция и политика правителей, гражданских и церковных, и **Ошибка! Закладка не определена.** были определены обязанности подданных. Хотя люди этого не знали, влияние материнского правительства на страну, каким бы нервным и ревнивым оно ни было, на самом деле было слабым, поскольку само материнское правительство быстро приходило в упадок.

Не за что было бороться и не ради чего работать. Если не считать случайных попыток покорения неупокоренных народов и нашествия пиратов, величайшими проблемами того времени были те,

которые затрагивали приоритет и место. Было легче обойти неприятные законы, чем ссориться с ними. Туземцы считали менее обременительным выполнять небольшую работу, необходимую для поддержания себя и своих хозяев, чем терпеть наказания за противодействие. Между бедными королями Испании и пиратами Англии, Франции и Голландии благосостояние народа было далеко от надежного; не было большого стимула к предприимчивости в каком-либо направлении, а если бы и был, то нет уверенности, что люди стали бы прилагать усилия. Простое существование удовлетворяло их; высокое развитие и безграничное богатство не могли сделать большего.

Появление на их берегах узаконенного грабежа и убийств в виде флибустьеров обычно не рассматривалось как возмездие, хотя их злодеяния были едва ли больше тех, что были совершены испанцами за эту четверть века или два до этого. Буканьеры и шотландские поселенцы были достаточно правы, рассматривая испанцев как незваных гостей, имеющих в стране не больше собственности, чем они, за исключением той, которая предоставляла им приоритет в совершенных преступлениях; эти нарушения никоим образом не исправляли жестокость и несправедливость англичан и французов, причиненных испанцам.

ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

В третьем и заключительном томе *Истории Центральной Америки* будет более полно представлено социальное, промышленное и политическое состояние страны в девятнадцатом веке, особенно в переходную эпоху после достижения независимости **Ошибка! Закладка не определена.** от Испании и сразу после этого. Дважды в шестнадцатом веке Испания чудом избежала потери своих богатейших территорий в результате восстаний. Дважды в восемнадцатом году британское вооружение угрожало свергнуть ее господство в Новом Свете. И теперь, в конце прошлого столетия, испанцы Центральной Америки, подстрекаемые тяжелыми и несправедливыми налогами и досадными ограничениями, наложенными на торговлю колоний, стимулируемые, кроме того, успехом, с которым западная республика сбросила иго Англии, и блестящей карьерой, которой великая европейская республика достигла под блистательным руководством первого Наполеона, уже созрели для революции. Испания тем временем вот-вот пожнет плоды почти трехвекового плохого правления. Из-за ее безразличия торговля западного полушария давно перешла в руки иностранцев, и ее колонии больше не желали поддерживать свои связи с метрополией, от которой они ничего не могли получить и с интересами которой имели мало общего.

Что касается истории колониального периода центральноамериканских провинций, особенно той части, которая последовала сразу за завоеванием, когда испанцы завоевали надежный плацдарм, постепенное освоение и заселение завершили их покорение, то данных, предоставленных более ранними испанскими хронистами и официальными отчетами, предостаточно; но свидетельства из этих источников в некоторых отношениях настолько неполны и противоречивы, что только послеизучения многочисленных ценных коллекций оригинальных документов, обнаруженных в наше время, изучающий может с точностью установить истинный характер и последовательность событий. Стандартные историки XVI века, такие как Берналь Диас, Гомара, Овьедо и Лас Касас, дают нам очень мало информации о Центральной Америке после 1530 года; и, как следствие, специальные отчеты таких личностей, как Гейдж, Бенцони и Андагоя, не говоря уже о трудах пиратов, с редкими особыми усилиями в

определенное время или в определенном месте, такими как Рейнольдс и Фуэнтес-и-Гусман, за которыми следует Хуаррос, и все они дополнены документами, приобретают первостепенное значение и становятся главными источниками исторического материала для этой эпохи.

Основание и последующий прогресс церкви на этой территории в общих чертах прослеживаются ее представителями-хронистами Мотолинией, Мендиетой, Торквемадой и Фернандесом, вплоть до Ремесала и Васкеса, хронистов соответственно **Ошибка! Залка не определена.** доминиканского и францисканского орденов в Центральной Америке, использующих труды первых и добавляющих некоторые оригинальные исследования, сводите историю церкви к концу семнадцатого века. Последние два автора также предпринимают некоторую попытку проследить политическую историю, но лишь отрывочно.

Первой специальной историей, которая была написана, была история Фуэнтеса-и-Гусмана, содержащая много оригинального материала, но в целом не заслуживающая доверия. Рукопись так и не была опубликована, но была использована Хуарросом. Позже появился памфлет Кадены, полностью посвященный описанию разрушения города Гватемала, и примерно в то же время Эскамиллья составил из официальных источников список губернаторов и епископов, а также наиболее важных исторических событий и дал специальный отчет о разрушении города Гватемала.

Без ценных коллекций Сквайера, Пачеко и Карденаса, Картас-де-Индиас, Терно-Компанса, Аревало, Икасбальсеты и Коллекции документов по истории, являющихся результатом современных исследований, история этой территории с 1531 по 1800 год была бы действительно скудной. Эти сборники, специальные примечания почти ко всем из которых я уже приводил, содержат почти бесчисленное количество официальных писем и отчетов, которые были либо неизвестны, либо недоступны ранним авторам. Выдающимся среди них является так называемая коллекция Сквайера, состоящая в основном из рукописей и попавшая в мою коллекцию в результате покупки после смерти мистера Сквайера. Она состоит из выдержек и копий писем и отчетов аудиенций, губернаторов, епископов и различных правительственных чиновников, взятых из испанских архивов в Мадриде и библиотеки Королевской исторической академии Испании, в основном под руководством неугомого коллекционера мистера Бакингема Смита. Многие редкие и ценные документы, относящиеся к Центральной Америке, включая многочисленные письма и отчеты Лас Касаса, также можно найти в обширной коллекции Пачеко и Карденаса и, хотя их меньше, в коллекции Терно-Компанса.

В отсутствие какого-либо раннего местного летописца и по причине пренебрежения теми, кто пришел позже, многие записи были утеряны. Единственные опубликованные фрагменты можно найти в сборниках Аревало, которые необходимы для изучения местной истории Гватемалы, хотя, очевидно, они неполные и содержат некоторые пропуски из-за явной неразборчивости оригиналов. Второй из этих сборников, *Сборник документов антигуманных действий Гватемалы*, опубликованный в Гватемале в 1857 году, содержит, помимо дарования герба и привилегий городу Гватемала, а также памятных знаков и отчетов городского совета с 1537 по 1782 год, несколько писем Альварадо и епископа Маррокина, некоторые без даты, нигде не найденные.

РЕМЕСАЛЬ, ВАСКЕС, ХУАРРОС.

Работа Ремесала, хотя и опубликованная в Мадриде, была первой, написанной в Гватемале. В связи с особой историей доминиканского ордена и общим описанием церкви приводится значительная часть политической истории, хотя и в отрывочной форме. Этот автор был первым, кто воспользовался архивами Гватемалы, но в изложении этого оригинального материала проявлена большая небрежность. Лас Касас, доминиканский орден и туземцы - его любимые темы, и события окрашены соответствующим образом. Столетие спустя, посчитав, что Ремезаль пренебрег его орденом, францисканский хронист Васкес опубликовал свой труд. Многие заимствуя у Ремесала и других авторов более ранней эпохи, он продолжил историю церкви вплоть до конца семнадцатого века, давая также, как и этот автор, политическую историю в несвязной форме. Обладая теми же возможностями в отношении оригинальных источников, Васкес использует их лучше, чем Ремезаль, но, разоблачая ошибки своего соперника, он впадает в другие, не менее великие, демонстрируя узколобое предубеждение против туземцев, в то же время фанатично защищая их угнетателей. Ремесал и Васкес расходятся во мнениях по многим вопросам церковной истории, но не более чем по миссионерским трудам своих соответствующих орденов. Каждый претендует для своего ордена на честь первым вступить на миссионерское поприще в этом квартале, но ни один из них не оправдывает своих притязаний.

Следующей появившейся работой была работа Хуарроса, которая, вобрав в себя работу Фуэнтеса-и-Гусмана, стала первой публикацией того, что можно было бы назвать историей Гватемалы. Несмотря на свой доступ к оригиналам документов, Фуэнтес-и-Гусман допустил множество ошибок, которые были невольно скопированы Хуарросом. Однако с помощью последующих исследований эти ошибки были легко обнаружены, и Хуаррос по-прежнему остается ведущим историком Центральной Америки, хотя из-за большого значения Гватемалы как резиденции правительства большая часть работы посвящена истории этой провинции. Фактически, это единственная дошедшая до нас всеобъемлющая история Гватемалы и прилегающих к ней провинций, в то время как другие части Центральной Америки едва ли являются каким-либо предлогом для обладания историей. Ни из какого другого источника автор не может получить связных отчетов об их завоевании и заселении, описания городов, ранних ресурсов, а также списков должностных лиц и биографий выдающихся людей. Из испанских писателей он также один из самых беспристрастных, даже в вопросах, касающихся церкви, хотя он был одним из ее служителей. Тем не менее, Хуаррос во многих отношениях неполон. Ему в прискорбной степени не удалось представить что-либо похожее на истинное политическое, социальное и моральное состояние народа или развитие страны в этот период; а что касается эпох завоевания и ранних колониальных эпох, то здесь явно не хватает изучения. Отметив эти недостатки, Пелаес в своих *Воспоминаниях* попытался восполнить их, и в какой-то мере преуспел. Упорядоченные в четкой сжатой форме, под соответствующими заголовками и с соответствующими ссылками, учащийся найдет собранные все свидетельства, представленные по различным предметам почти всеми ранними и современными известными авторами; к ним добавлены свидетельства из большого количества оригинальных документов, пропущенных или пренебрегаемых его предшественниками. Но в то время как история Гватемалы последнего колониального периода сравнительно полна, история остальных провинций Центральной Америки, как я уже упоминал, представляет собой лишь скудный набросок, зависящий по большей части от случайных документов. Современные авторитетные источники состоят в основном из английского, французского и немецкого языков, но дается краткий исторический обзор этого периода, простая компиляция из хорошо известных работ, которые служат

введением к рассказам о путешествиях или книгам, описывающим различные провинции и их ресурсы.

Характерной чертой библиографии Центральной Америки является буканьерская литература, поскольку здесь происходили основные пиратские операции шестнадцатого и семнадцатого веков. Полное отсутствие какой-либо испанской работы на эту тему оставило поле деятельности открытым для англичан, французов и голландцев, чьи рассказы о подвигах их соотечественников на испанском континенте не всегда беспристрастны. **Ошибка! Закладка не определена.**

Этому классу литературы предшествуют и тесно связаны с ним благодаря духу приключений и географическим знаниям, которые он распространил, многочисленные отчеты о путешествиях, совершенных с целью торговли, исследований или открытий в этой части света. На некоторые из них я здесь обращаю внимание; хотя, по правде говоря, многие из них имеют такое же отношение к другим разделам моей работы, как и к Центральной Америке, или даже больше.

ГАЛЬВАНО И ХАКЛЮИТ.

Какой бы полной ни была *"Ракколта"* Рамузио и подобные сборники, воспроизводящие основные путешествия того времени, большое количество второстепенных повествований осталось незамеченным, в то время как другие были кратко записаны понаслышке в письменном виде другими. Этот недостаток был замечен Антонио Гальвано в более ранних коллекциях, и его попытка исправить его положила начало первой всеобъемлющей истории путешествий. Гальвано родился в Лиссабоне в 1503 году и в возрасте двадцати четырех лет уехал в Индию, где ему было поручено завоевание Молуккских островов и управление ими. Этим он руководил в течение шести или семи лет, проявив себя и как справедливый и доброжелательный правитель, и как ревностный прозелит. Его бескорыстное поведение лишь навлекло на себя клевету и довело его до такой нищеты, что ему пришлось искать убежища в королевском госпитале в Лиссабоне, где он и умер в 1557 году. Его несомненный талант был развит благодаря обширному чтению, особенно рассказов о путешествиях. Работая таким образом, он вел записи, чтобы составить общее представление о прогрессе мореплавания и открытий, которое должно было послужить вводной частью к сборнику. В последние годы своей жизни, страдая от королевского неудовольствия, он находил достаточно времени для совершенствования этих исследований, и после его смерти документы были доверены другу, Франсиско де Соуза Таваресу. Среди них, по-видимому, была *"История открытия и ресурсов Молуккских островов"*, рукопись в десяти книгах, согласно Фариа, о которой Пинело говорит: *"Por no haverle visto, duda, si permanece"*. *Воплощение*, ii. 636. Де Соуза добился того, что рассматриваемый трактат был опубликован в Лиссабоне в 1563 году под названием *"Сочинения о благородном и знатном капитане Антонио Галуао де тодос о дескобриментосе антигоса и современности в вопросе о сан-фейтосе эпохи миллионов и квинхентов и синкоэнты"*, с посвящением герцогу Авейру, в котором он описывает многочисленные заслуги Гальвано и комментирует их плохое признание. Упоминалось издание дуодецимо 1555 года, но это, должно быть, ошибка, если судить по предисловию Соузы к изданию 1563 года. Известно, что существуют только три копии, одна из которых принадлежит мистеру Джону Картеру Брауну из Провиденса, от которого Общество Хаклюита получило копию, напечатанную в качестве примечания к их переизданию версии Хаклюта под редакцией адмирала Бетьюна. Последняя называется *"Открытия мира" от их первого оригинала до 1555 года, авторства Антони*

Гальвано, Лондини, 1601, ее также можно найти в переиздании "Путешествий" Хаклюта и в "Коллекции Черчилля", в то время как Перчасс приводит ее в сокращенном виде. Португальский экземпляр был переиздан в Лиссабоне в 1731 году. Хаклюит объясняет в посвящении сэру Роберту Сесилу, что его публикация была задумана как введение к его собственной работе и была сделана по старой рукописи, переведенной английским торговцем. Чтобы исправить содержащиеся в нем "многочисленные ошибки", Хаклюит постарался обратиться к Spanish works за исправлениями и дополнениями, которые следует отметить в этой версии. Трактат восходит к **Ошибка! Закладка не определена.** "путешествиям-открытиям", описанным китайскими, греческими и латинскими авторами, и содержит краткие сведения о каждом регионе земного шара в хронологическом порядке вплоть до 1550 года. Путешествия в Ост-Индию частично взяты из его собственных записей, в то время как другие современные экспедиции почерпнуты из хроник. Доколумбовый период занимает немногим более четверти текста и свидетельствует об отсутствии доступа к материалам, выявленным в ходе последующих исследований в разных странах. Более поздний период является довольно продолжительным для испанских и португальских путешествий, учитывая запоздалость, с которой были опубликованы события. Хаклюит, сожалея о том, что английские плаванья "редко упоминаются в "Фауэр таймс"", признает, что в то время "от траулеров наших людей мало что сохранилось". Муньос пренебрежительно отзывается о Гальвано, называя "compendia infelizmente" тем, что другие сделали более полно. Какими бы ни были его недостатки, трактат, безусловно, внес ценнейший вклад в изучение предмета и до сих пор имеет большое значение как одно из первых эссе по истории морских путешествий.

Среди тех, кто последовал примеру Рамузио в сборе и публикации рассказов о путешествиях, выделяется выдающийся Ричард Хаклюит, чья работа была замечательной не только как первая, но и как наиболее ценная на английском языке из-за оригинальности и редкости его повествований, особенно тех, которые касаются Америки. Когда Хаклюит начал свои исследования, "*История путешествий*" Идена, содержащая переводы из "Мученика" и "Овьедо", была единственной дошедшей до нас английской книгой о морских открытиях. Об английских плаваньях за границей тоже было мало известно, отчасти потому, что торговцы предпочитали держать язык за зубами. Однако ознакомление Хаклюта с иностранными коллекциями и его частные исследования показали ему, что англичане совершили поступки, достойные того, чтобы их зафиксировали, и он загорелся желанием предать их огласке.

Хаклюит принадлежал к хорошей херефордширской семье, обосновавшейся в Яттоне, которая на протяжении веков занимала лидирующее положение в графстве. Окончив Вестминстерскую школу в качестве стипендиата королевы, он в 1570 году, в возрасте 17 лет, был избран в колледж Крайст-Черч в Оксфорде и четыре года спустя получил степень бакалавра; степень магистра была получена после трехлетнего дальнейшего обучения. Еще мальчиком двоюродный брат направил его к изучению географии и навигации, что с тех пор стало его любимым занятием. Он так хорошо использовал свои возможности в Оксфорде, где также овладел несколькими языками для учебы, что, по-видимому, был назначен лектором по космографии. В посвящении Уолсингему первого издания своего сборника он говорит: "Я в своих публичных лекциях был первым, кто создал и продемонстрировал как старые, несовершенные составленные, так и новые, недавно реформированные карты, глобусы" и т.д. Между 1584 и 1589 годами он занимал должность капеллана посольства в Париже и, находясь там, активно занимался своими исследованиями, помимо публикации рассказов о путешествиях на французском и английском языках. В 1590 году он получил дом священника в

графстве Саффолк, на основании чего четыре года спустя женился, а в 1605 году сменил доктора Вебстера на посту пребендаря Вестминстерского аббатства. Умерев 23 ноября 1616 года, он был похоронен в соборе Святого Петра этого аббатства, оставив своему сыну изрядное состояние, которое вскоре было растрачено. Хотя он был заинтересован в патенте Роли на совершение открытий и стал одним из главных авантюристов в компании по колонизации Вирджинии, он не принимал никакого другого участия в морских проектах, кроме как продвигал их своими трудами. Его преданность исследованиям была настолько велика, что однажды он проехал две **Ошибка! Закладка не определена.**, чтобы встретиться с единственным выжившим в катастрофическом путешествии Хэйра. Он переписывался с Ортелиусом и Меркатором и получал дружескую поддержку Уолсингема, Сесила, адмирала Говарда, Дрейка и других. Его первой публикацией было *"Путешествия дайверов во время открытия Америки и прилегающих островов"*, Лондон, 1582 год, посвященное Филипу Сиднею. Предполагается, что из оригинала существует только пять копий, с одной из которых Общество Хаклюита выпустило перепечатку в 1850 году под редакцией Джона Уинтера Джонса из Британского музея, который предваряет ее ценным обзором жизни и сочинений Хаклюита. Несколько повествований относятся к северо-восточному и северо-западному проходам, Ост-Индии и восточному побережью Северной Америки. Приведенная здесь любопытная карта в конической проекции показывает Североамериканский континент, простирающийся примерно до 46 ° широты, где полуостров Калифорния соединяется с хребтом под названием *Сьерра-Невада*, протянувшимся в широтном направлении. Выше 46 ° все находится в открытом океане, однако на востоке ограниченном полосой суши, соединенной с Флоридой узким перешейком и простирающейся до мыса Лабрадор. Северная часть Калифорнии носит название Квивири, южная (Капская) Калифорния, а центральная часть - Сан-Кроче (Санта-Крус). На карте мира Огненная земля является частью огромного антарктического континента. Находясь в Париже, Хаклюит добился публикации на французском языке отчета о Флориде из найденной им рукописи, и это было выпущено в следующем, 1587 году, на английском языке как *Примечательная историческая книга, содержащая четыре путешествия во Флориду*, обе версии посвящены Роли, с призывом продолжать колонизацию Вирджинии. В том же году он опубликовал в Париже улучшенное издание *"Нового мира"* Мученика, которое несколько лет спустя было переведено на английский М. Локком. В 1589 году появилась первая часть великого труда *"Основные плаванья и открытия английской нации, совершенные по морю или по суше"*, фолианта, посвященного сэру Фрэнсису Уолсингему. Она разделена на три части, относящиеся соответственно к Азии и Африке, к северу и северо-востоку от Европы и Азии, а также к Америке, включая *"Путешествие Дрейка"*. Девять лет спустя он опубликовал первый том нового издания своего сборника, за которым в 1599 и 1600 годах последовали еще два тома, ни в одном из которых нет ссылки на первый выпуск. Это прекрасные экземпляры, набранные черными буквами, с полями и заглавными буквами, но с предваряющим их текстом на латинице, заголовками и названиями, набранными латинским шрифтом и курсивом. Первый том посвящен лорду Говарду как дань уважения патриотическим заслугам семьи и в знак признания услуг, оказанных Хаклюиту и его брату; остальные - сэру Роберту Сесилу, государственному секретарю. Они представляют собой, по сути, переработанное расширение первого выпуска, тома i, содержащего путешествия на север и северо-восток Англии; тома ii. в Средиземноморье и Африку; и тома iii. в Америку, включая несколько поездок иностранцев в районы, не посещаемые англичанами. Повествования, как правило, составлены на языке рассказчика, и в первых двух томах их порядок хронологический; но в американском разделе они сгруппированы под разными географическими заголовками. Она начинается с сомнительного путешествия

Мэдока в 1170 году и продолжается экспедициями в крайние северные части континента, главным образом в связи с северо-западным проходом. Следующим идет регион между Канадой и Флоридой, за которым следуют исследования в направлении Нью-Мексико и Калифорнии, а также в Мексике; затем Антильские острова и Центральная Америка, за которыми следует серия групп **Ошибка! Залкадка не определена.** для Южной Америки, все завершается кругосветными путешествиями, направленными к Южному морю. В посвящении к третьему тому Хаклюйт говорит: "Теперь, поскольку я уже давно предвидел, что моя профессия юриста, забота о моей семье и другие обстоятельства могут призвать меня отказаться от такого рода ухаживаний, я в течение последних трех лет поощрял и продвигал в этих исследованиях космографию и древнюю историю моего очень честного, трудолюбивого и образованного друга мистера Джона Пори". Воспользовавшись этим обучением, Пори в 1600 году выпустил перевод *"Истории Африки"* Лео. Другие были аналогичным образом направлены на географические исследования, среди них Парк, выпустивший перевод *"Истории Китая"*, и Эрондель, опубликовавший часть *"Истории Новой Франции"* Лескарбо. Сам Хаклюйт продолжал посвящать своему любимому предмету то небольшое, что оставалось свободного времени, и оставил достаточно рукописей, чтобы пополнить свою коллекцию четвертым томом; но, попав в руки Перчеса, они были сокращены для его *"Пилигримов"*. Некоторые из них, очевидно, были подготовлены для руководства Ост-Индской компанией, которая не преминула проконсультироваться с известным космографом, без совета которого в то время предпринимались немногие морские предприятия. В 1601 году он опубликовал перевод *"Открытий мира"* Гальвано, а в 1609 году - свою последнюю книгу *"Перевод Открытий Сото во Флориде"*, главной целью которой было поощрение колонии Вирджиния. Вирджиния в большом долгу перед Хаклютом, и его личному заявлению и трудам во многом способствовали морские предприятия Англии в целом. Робертсон добавляет, что ему "Англия больше обязана своими американскими владениями, чем кому-либо другому в том возрасте". Перепечатка всех произведений Хаклюйта была выпущена в пяти томах кварто в 1809-12 годах Р. Эвансом, было напечатано всего 325 экземпляров. Пятый том, выпущенный увеличенным тиражом, озаглавлен *"Подборка любопытных, редких и ранних путешествий и историй интересных открытий"*, в основном опубликованных Хаклютом, но не включенных в его сборник; Лондон, 1812, 807 стр., и на самом деле является дополнением к Hakluyt and Purchas, предлагающим перепечатки документов, касающихся разных частей земного шара, таких как *"Открытия Гальвано"*, *"История Вест-Индии"* Мученика, из перевода Локка версии Хаклюйта и нескольких других. другие, в основном относящиеся к Азии. Работы Хаклуйта являются непреходящим памятником заслуженной славы, и его дух, оказав влияние на современную предприимчивость, продолжал вдохновлять нацию и воплощаться в обществе Хаклуйта, целью которого является продолжение трудов, так много сделавших для литературы и науки.

ДЕ БРАЙ, ЭНС, ГОТФРИД, ПЕРЧАСС.

Среди иностранных писателей, на которых повлияли увещевания и пример Хаклюйта, можно упомянуть Теодора Де Брай, франкфуртского гравера. Возможность, предоставленная ему в его профессии ознакомиться с работами, касающимися путешествий и завоеваний, и собрать их, не преминула пробудить интерес к этому предмету. Но визит в Хаклюйт, который тогда занимался своей коллекцией, придал решительный импульс его идеям, и, будучи человеком предприимчивым, он немедленно нанял редакторов, а в 1590 году начал издавать одновременно на латыни, немецком и французском языках знаменитый *Сборник Великих и маленьких путешествий*, посвященный соответственно новому и старому свету, причем

большой размер томов для Америки послужил основанием для названия. Под присмотром его сыновей и других членов семьи коллекция продолжалась и после его смерти, в 1598 году, пока не была завершена на сороковом году своего существования. Многочисленные переиздания томов **Ошибка! Закладка не определена.** и наборов за этот промежуток времени, с большими или меньшими изменениями, доставили немало хлопот коллекционерам в поисках полного издания. Составленный без критики, он примечателен скорее как удобный набор и библиографический курьез, в котором гравюры составляют главную достопримечательность, а затем как географическая ценность, поскольку большинство рассказов уже были опубликованы в лучшей форме и были воспроизведены в более поздних работах.

Набор Де Бри оказался плодотворным источником текстов и гравюр для составителей, и среди них Гаспар Л. Энс, автор нескольких индивидуальных путешествий по Европе и один из редакторов, нанятых Де Бри, который выпустил *"Историю Западной Индии"*, Coloniae, 1612. По тому же плану, что и у Энса, но в большем масштабе и частично на нем основано *"Новое мировоззрение и американская история"*, Франкфурт, 1631, переиздано в 1655 году, фолио. Автор, Иоганн Людвиг Готфрид, чье настоящее имя, по-видимому, Жан Филипп Абелен, также был редактором De Bry и написал несколько работ, одной из которых является *"Космическая архонтология, что такое Фарраго различных авторов, отличающий душу от души"*. Пинело, *Эпитама*, том iii. стр. 1288. Это также называется переводом книги Д'Авити *"Lesetats"*. Готфрид, естественно, утверждает, что его *Newe Welt* составлен ведущими авторами, не ссылаясь на Де Бри, который, без сомнения, предоставил материал для текста, а также для табличек. De Bry, says Brunet, *Manuel*, том. ii. p. 1674, "a abrégé des douze premières parties de la collection." Рисунки, которые, пожалуй, являются самой интересной частью тома, были отобраны в основном из изображений обнаженной натуры и любопытных, таких как индейцы, загоняющие китов, играющие с русалками или охотящиеся на получеловеческих зверей. Расположение текста не показывает улучшения по сравнению с Ens, но третий раздел отличается тем, что является скорее дополнением к обеим предыдущим частям.

Неопубликованные документы Хаклюйта, не достигнув намеченной цели, достигли более широкого результата, положив начало более обширной коллекции Сэмюэля Перчаса; ибо именно их обладание дало толчок к столь необходимой работе, как для заполнения пробелов в первой, так и для повествования о многочисленных экспедициях, имевших место с момента ее создания. Предшественником этой работы было *"Паломничество Пврчаса, или Взаимоотношения мира и религий, наблюдаемые во все века и в разных местах"*, Лондон, 1613 год, посвященное архиепископу Кентерберийскому. Она была переиздана в 1614 году и вскоре вышла несколькими изданиями, четвертое, 1626 года, было посвящено королю Карлу, который соизволил поинтересоваться ею и чей царственный отец прочитал ее семь раз, как с гордостью сообщает автор. Этот предмет царственного восхищения претендует на то, что является компиляцией более чем тысячи трехсот авторов, которые определенно хорошо представлены в многочисленных маргиналиях, и в девяти книгах дает обзор социального положения и институтов народов Азии, Африки и Америки, особенно религиозных аспектов, с некоторой ссылкой на политическую историю. Начиная с "сотворения мира Моисеем", она охватывает народы юго-восточной Азии, Ост-Индии и Китая и достигает Африки в шестой книге. Последние два посвящены Новому Свету, физическим и природным особенностям которого посвящены две главы, за которыми следует общее описание региона над Флоридой в пяти главах, в то время как восьмая посвящена стране к западу от этого, а следующие шесть - Новой Испании. Пятнадцать глав девятой книги посвящены Южной Америке и Антильским островам, последняя

из которых посвящена нападкам на испанскую жестокость и обращение в мужскую веру. Было обещано три **Ошибка! Закладка не определена.** части, аналогичные этой книге, вторая будет касаться Европы, а остальные продолжат тему четырех частей света; но необходимая помощь была отложена, на что намекает Закуп в обращении к *паломникам*, и в котором он пытается использовать свое имя в качестве каламбура, намекая, что Европу сейчас купить невозможно. Очевидно, что этот проект должен был уступить место другим, таким как *"Микрокосм, или История человека"*, 1619 год, и огромной коллекции, которая вскоре поглотила все его внимание. Пурчас, как и Хаклюит, был проповедником, но из конкурирующего Кембриджского университета, обучался в колледже Святого Иоанна, как он утверждает в посвящении к тому iii. Он получил степень бакалавра богословия, присвоенную также Оксфордом в 1615 году. В 1604 году он взял на себя управление домом викария в своем родном графстве Эссекс, но вскоре был вызван своими литературными изысканиями в Лондон, где столкнулся с трудностями и обратился к лекциям и друзьям. Наконец епископ Кинг пришел ему на помощь, предоставив средства для судебного преследования публикации его работы и присвоив ему звание приходского священника Святого Мартина. Парчасс выражает свою благодарность за эти милости во вступительном слове к тому i., где он говорит о "моем покойном Покровителе докторе Кинге, ... щедрости Которого, Всевышний, я охотно вверяю свою жизнь, избавленный от больничного жилья, и, следовательно (а также благодаря возможностям лондонского благотворительного фонда), всевозможные дополнения в моих более поздних изданиях *"Моего паломничества"*; эти настоящие *паломники* также". В посвящении *Паломничества* архиепископу он подписывает себя своим капелланом, что может быть образным выражением. Обычно считается, что он умер в бедности и даже в тюрьме; но портрет на титульном листе 1625 года в возрасте сорока восьми лет изображает его холемым, довольного вида проповедником с окладистой, хотя и не большой бородой; и несколько изданий *"Паломничества"* указывают на то, что он процветал по крайней мере до того времени. По словам Вуда, он умер в своем собственном доме около 1628 года. В 1625 году появился *Хакльвитвс Постумус или Пврчасс его Паломники. Рассказываю историю мира в книге "Морские путешествия и Ланде-Трауэллс". Отпечатано в Лондоне для Генри Фетерстона.* Фолио состоит из четырех частей, или томов, каждый из которых посвящен другому персонажу. Первый титульный лист заполнен символическими рисунками и портретами принцев и великих людей, среди которых Перчасс, внизу, между двумя полушариями, с его анаграммой "Pars sva Celvm". Все остальные титульные листы озаглавлены *"Pvrchas his Pilgrimes"*, и это причудливое название автор в какой-то степени поддерживает, открывая посвящение принцу Чарльзу словами: "Пусть бедный паломник поприветствует Ваше высочество словами лучшего Самвела". Однако сразу после этого он берет на себя другую, более высокую роль в "извлечении из Хаоса сбитых с толку разумов, обрамляющих этот Исторический мир, с помощью Нового способа визуального наблюдения"; и тогда он начинает терять себя в попытке использовать высокопарную фразеологию, не обещающую больших успехов в его способности навести порядок из хаоса. Позже он объявляет себя простым чернорабочим, "но и здесь он Мастер-строитель", делающий все своими руками, за исключением тех случаев, когда ему помогает его сын. Рукописи, оставленные Хаклютом, хотя и составляют очень малую часть книги, "побудили меня вложить все свои чувства во все остальное", - с благодарностью замечает он. Печатание этого труда началось в 1621 году, хотя и не с первого тома. Первая из двадцати книг, на которые разделен комплект, посвящена древней навигации, прогрессу открытий и религиозным фазам. Вторая начинается с португальских и колумбийских путешествий и продолжается кругосветными плаваниями, **Ошибка! Закладка не определена.** после чего следуют регулярные описания путешествий, в основном англичан,

перемежаемые выдержками из известных журналов и исторических трудов, с целью охватить темы и периоды, не описанные иным образом. Тома i. и ii. почти полностью относятся к Азии, Африке и Леванту, а также к следующим двум книгам, в то время как книги iii. и iv., следующие ниже, частично посвящены путешествиям на северо-запад, начиная с Зенона. Книга v содержит выдержки из Эрреры, Овьедо, Акосты и Кортеса, которые в основном касаются Мексики, а часть vi касается перешейка, но основная часть этой и следующей книг посвящена Южной Америке. Книга viii. разделена между Мексикой и страной к северу от Вирджинии, которая занимает всю IX. Последняя книга разделена между Новой Англией, Ньюфаундлендом и английскими экспедициями против Испании. В целом расположение столь же запутанное, как и текст, и в обоих отношениях намного уступает Хаклюту; и работа не столь полна, как можно было бы ожидать. В попытке представить зарубежные нарративы были нарушены границы пространства, в ущерб другим рассказам, которые часто были необдуманно сжаты. Пинкертон замечает, как мне кажется, несколько чересчур строго, что Перчес уделял свое предельное внимание "отбору самых бесполезных частей у несчастных авторов". *Полковник Вой.*, том i, стр. iv.

ТЕВЕНО И ХАРРИС.

Труды Перчаса нашли признание за рубежом в хорошо известном *"Отношении к водолазным путешествиям"*, Париж, 1663-96, 5 частей, Мелхиседека Тевено, написанном в основном с целью воспроизведения лучших фрагментов Хаклюта и его преемника, добавив при этом несколько неопубликованных повествований. Тевено, по-видимому, был особенно хорошо приспособлен для подобных начинаний. Ученый и в некотором роде дипломат, он в течение восьми лет заведовал Королевской библиотекой в Париже и умер на своем посту в 1692 году в возрасте 71 года. Отбор его материала свидетельствует о здравом рассудке, однако расположение и другие моменты могут быть подвергнуты сомнению.

Еще одна репродукция и продолжение двух великих английских коллекций была предложена несколькими годами позже Джоном Харрисом, *Navigantium atque Initantium Bibliotheca: или полное собрание путешествий*; Лондон, 1705, 2 тома, фолиант, с медными табличками и картами. Одна из его главных целей состоит в том, чтобы исправить многочисленные упущения, ставшие очевидными в оригинальных произведениях, первый том посвящен тому же периоду, что и коллекция Перчаса, и в то же время представляет ряд дополнительных путешествий. Его пять книг относятся соответственно к кругосветным путешествиям, Азии, Африке, северной и северо-восточной частям земного шара и Америке, причем последняя охватывает на треть больше повествований, чем первая. На карте Анианский пролив расположен над островом Калифорния, но на американской карте он не отмечен. Второй том, посвященный путешествиям после этого времени, в основном англичан, менее четок и скрупулезен в своем расположении. Книги i и ii. охватывают Россию, Азию и Левант; книгу iii - Европу; и книгу IV - Америку. Последнее включает в себя только пиратские экспедиции, путешествие Дампира и исследования в регионах Миссисипи и Канады. Разнообразное приложение завершает книгу. По словам Грина из the Astley collection, Джон Харрис, которого называют А.М. и членом Королевского общества, имел мало или вообще ничего общего с работой, кроме написания введения о происхождении и эмиграции рас и о прогрессе мореплавания. Четыре **Ошибка! Закладка не определена.** утверждается, что в текст были включены сотни авторов в сокращенном или скомпилированном виде. Богатый, *Нагрудник. Амер.*, том i. 9, отмечает, что "похоже, она была составлена в соревновании с Коллекцией Черчилля"; но по своему охвату она гораздо более общая.

Представляющая несомненную ценность, она была переиздана в 1743-4 годах с многочисленными исправлениями и дополнениями и переиздана в 1764 году.

VAN DER BOS, VANDER AA, CHURCHILL.

Типичной для своей национальности книгой является *"Левен в Даадене Дер Доорлухтигсте Зее-Хелден"*, Амстердам, 1676, Ламберта ван дер Боса или Босха, в которой даны биографии героев военно-морского флота, начиная с Зенона, но, конечно, особое внимание уделяется героям Голландии, и прежде всего адмиралу Рюйтеру, сыну которого посвящено. При описании биографий и политических событий, связанных с их жизнью, целью в основном является описание военно-морских экспедиций и столкновений в различных зонах, и с этой целью также используются таблички. Колумб, Веспуччи, Дрейк, Кавендиш и некоторые исследователи северо-западного прохода - это те, кто касается моей области, кому было отведено сравнительно небольшое место. Несмотря на похвальную цель книги - показать людям их главную славу, автор считает необходимым привести ныне избитое оправдание, что публикация того, что побудила его подготовить его собственная склонность, была вызвана просьбами лиц, интересующихся предметом. Немецкий перевод "Нюрнберга", 1681 г., представляет собой необычно толстый томик с приложением Эразма.

Naaukeurige versameling der gedenkwaardigste Reysen naar Oost en West-Indien, Лейден, 1706-7, представляет собой рукописную книгу из 30 томов по 12 миллионов экземпляров, выпущенную Питером Вандером А.А. и охватывающую путешествия во все части земного шара с 1246 по 1693 год. Перемежаются сборники отчетов о второстепенных экспедициях и о политических событиях, очевидно, с целью заполнить некоторые из многих хронологических и географических пробелов в регулярной серии повествований и сформировать полный исторический обзор; но эта попытка носит спазматический характер и скорее разоблачает поспешность редактора, который не консультировался с другими авторитетными источниками или делал это небрежно. В дополнение к неполноте следует отметить отсутствие порядка в главах, а также в разделах, отдельные и несвязные повествования нередко перемешиваются под неподходящими заголовками. Вопросы, касающиеся Америки, в соответствии с первоначальным, хотя и забытым планом, разбросаны по всему набору, по крайней мере, в справедливой пропорции для более ранних периодов. Это особенно относится к северным испанским колониям, для которых период от Колумба до Кортеса описан довольно полно, главным образом у Эрреры. Акоста и Маркетт приведены в сокращенной форме. После 1526 года об этом регионе мало что известно, за исключением нескольких рейсов из Пьюриша, таких как Уллоа, Чилтон, Дрейк и Кавендиш, последняя дата которых - 1595 год. Многочисленные медные таблички и карты являются привлекательной особенностью, о чем можно судить по тому факту, что у Де Бри они были в значительной степени заимствованы. Его текст также был использован в некоторой степени, Мейзель, *Биб. Hist.*, том. ii. pt. i. 336, заходящий так далеко, что говорит, что все принадлежит Де Браю; но это преувеличение, поскольку большую часть текста можно легко проследить до Эрреры, Хаклута, Де Барроса и других. Исправленное издание этого труда было опубликовано в 1727 году как *De Aanmerkenwaardigste en Alomberoemde Zee- and Landreizen*, фолио, 8 томов в 4 переплетах. Тот же шрифт черными буквами и таблички сохранены, но расположение отличается: каждый набор представлен в хронологическом порядке, а каждое повествование - в отдельном разделе, разбитом на страницы. Первые два тома относятся к **Ошибка! Закладка не определена.** Португальские путешествия в регион Ост-Индии; следующие два - к испанским путешествиям до 1540 года в

оба полушария, хотя главным образом в Америку; два следующих - к аналогичным английским путешествиям до 1696 года; а последние два тома - к путешествиям других наций и к рассказам, дополняющим предыдущее. Португальский дивизион в основном состоит из Де Барроса и Де Куто, а следующий испанский - из Эрреры. Том III, на титульном листе которого изображены портреты Колумба, Веспуччи, Магеллана и Понсе де Леона, открывается путешествиями великого адмирала и продолжается рассказом об экспедициях и событиях на Огненной Земле, Антильских островах, Никарагуа и Флориде, завершаясь открытием Грихальвой Новой Испании. Следующий том почти полностью посвящен Кортесу и событиям, связанным с его завоеванием и правлением, чередуясь с разделами о современных экспедициях Магеллана, Нарваэса, Годоя, Лоайсы и Кэбота. В нижеследующем наборе, полученном в основном от Хаклюита, путешествия Фробишера первыми касаются Америки, за ними следуют Дрейковские и другие кругосветные плавания и заселение англо-американских колоний. В томах vii. и viii. мы находим Верразано, Писарро и Сото, рассказы о голландских и французских экспедициях в Южную и Северную Америку, включая П. Маркетта, и выдержки из Бенцони и Акосты. На титульном листе Вандер А.А. сообщает, что коллекция основана на немецких работах И. Л. Готфрида, но в значительной степени дополнена материалами из его оригиналов и более поздних источников. Это притворство можно рассматривать только как рекламу.

Сборник путешествий, некоторые из которых впервые напечатаны по оригинальным рукописям, другие впервые опубликованы на английском языке, широко известен под именем Черчилля, издателя, который в связи с Оуншем выпустил первое издание в 1704 году в четырех томах. В 1733 году она была увеличена на два тома, а при переиздании 1744-17 годов - еще двумя из так называемой Харлеевской коллекции, отобранной из Оксфордской библиотеки и напечатанной Томасом Осборном. Все восемь были переизданы в 1752 году, а также использованы иностранными издателями, вводная речь Калеба Локка "О прогрессе мореплавания" была переведена на французский язык и составила, с дополнениями, два двенадцатитомных тома, известных как *История мореплавания*, Париж, 1722. Хотя она не столь универсальна по своему охвату, как у Хаклюта или Харриса, и не так хорошо переведена и аранжирована, тем не менее, она является одним из самых ценных сборников благодаря своим многочисленным редким повествованиям, таким как "Жизнь Колумба в исполнении его сына" в томе ii.; "Много вопросов, но интересное путешествие" Джемелли Каррери, том iv.; "Рассказ о королевстве москитов", том vi., и "Описание Америки Кастеллом" в Harleian Collection. Ряд других работ относятся к Америке, например, "Трактаты Монсона" и "История Чили" Овалле, но они не касаются моей области.

PRÉVOST, GREEN, DIDOT, ROZET.

Самым известным собранием путешествий, опубликованным в восемнадцатом веке, является "*Генеральная история путешествий*", Париж, 1746 и др., 20 томов, 4 тома, под редакцией аббата Антуана Франсуа Прево д'Эксилеса. Превост был одним из тех ярких, бурлящих гениев, чья жизнь и труды помогли превратить столицу Прекрасной Франции в столицу литературного и модного мира. В роли лихого молодого офицера он в раннем возрасте вкусил от всех легкомыслий этого веселого города, пока неверно направленная колкость Купидона не заставила его в 1719 году, в возрасте двадцати двух лет, сменить сверкающий мундир на простое одеяние бенедиктинца. Его успех в качестве проповедника снова втянул его в водоворот общества, и, устав от обетов, которые связывали его, он сбросил рясу и удалился в Голландию в 1729 году. Уже известный как писатель, он с энтузиазмом взялся за карьеру, к

которой, как он считал, был предназначен, создав ряд романов, историй, биографий и периодических изданий. Покровительство принца де Конти, раздававшим милостыню, которым он стал, позволило ему вернуться во Францию и получить одеяние светского священнослужителя. В ноябре 1763 года, находясь на пике своей славы, с ним случился апоплексический удар, и, когда его сочли мертвым, неумелая рука скальпелем оборвала жизнь, которая только начинала возвращаться. Наиболее важной из его многочисленных работ является *"История путешествий"*, которую действительно можно назвать английской по происхождению. В 1745 году лондонский издатель Эстли начал с большим размахом выпускать еженедельные номера *Нового Общего сборника путешествий* под редакцией И. Грина. Задуманная в большом масштабе, она должна была заменить все другие коллекции в качестве стандартной работы. Должна была быть представлена каждая страна, и каждое первое и ведущее путешествие в любой регион должно было быть подробно описано. Чтобы избежать бесполезных и неинтересных повторений, более поздние и второстепенные экспедиции должны были использоваться только для выдержек и заметок в дополнение к предыдущим. Также было предложено составить скомпилированное описание нескольких стран. Хаклюйт и его преемники должны были подвергнуться капитальному ремонту, а их увечья и упущения были исправлены, в то время как более поздние повествования будут дополнены рассказами о зарубежных путешествиях. К правительству обращались с просьбой оказать помощь столь ценному произведению, но оно не подчинилось; и поскольку затраты оказались слишком велики, сбор прекратился в 1747 году четвертым томом, после того как почти половина предложенной области была покрыта азиатскими и африканскими повествованиями. Единственные плавания, связанные с Америкой, - это плавания капитана Робертса и И. Аткинса в 1721 году, простиравшиеся от Бермудских островов до Бразилии.

Не успел появиться первый том Грина, как французский издатель Дидо решил помочь Франции осуществить столь грандиозный проект, а поскольку мастерство аббата Прево как переводчика с английского было хорошо известно, было решено, что редактором будет он. Прево не следовал английскому изданию безоговорочно, но внес несколько изменений в текст, а также в аранжировку, некоторые из которых были строго осуждены и исправлены в дополнительном томе. Он также, возможно, слишком много обыгрывал стиль письма, которым так восхищались в его романах. Своим седьмым томом английский набор был исчерпан, и Прево теперь продолжил работу над сборником самостоятельно, представив, с помощью французских библиотек и министров иностранных дел, больше иностранных повествований, чем было сделано английским редактором. Он также улучшил порядок, позволив нескольким путешественникам в один и тот же регион сменять друг друга, чтобы сформировать непрерывный аккаунт. Завершением набора, насколько это касается его и Дидо, стал шестнадцатый том, содержащий указатель. Вскоре после этого был добавлен семнадцатый том с дальнейшими материалами и исправлениями, в основном из голландского издания. Среди множества повествований XI тома, составляющих продолжение *"Путешествий по Старому Свету"*, есть *"Кругосветное путешествие"* Джемелли Каррери, которое затрагивает также Новую Испанию. Отдел *"Нового мира"*, охватывающий XII тома. до XV в., начинается с путешествий Колумба, современных и непосредственно последовавших за ними событий в районе Перешейка и вокруг него, за которыми последовало завоевание Мексики, вместе с составленным описанием ее социального и политического состояния при родном **иОшибка!**
Закладка не определена. Испанское правление. После этого следует непропорционально длинная *"История Новой Франции"* Шарлевуа, за которой следуют повествования о завоевании

и состоянии стран Южной Америки. Регион от Флориды на север рассматривается в аналогичной серии, за которым следуют плавания на северо-запад, включая те, которые совершали испанцы на тихоокеанской стороне, особенно под командованием Агилара и Фонте. Описание Антильских островов завершает раздел, хотя несколько дополнительных статей приведены в дополнительном томе о путешествиях Веспуччи, Писарро и Испании по Южным морям. Этот частичный обзор показывает, что были допущены ошибки как в расположении, так и в отборе материала, отчасти из-за спешки, с последующей путаницей и повторениями, а также небрежностью в изложении фактов, что значительно снижает ценность работы. Следует также возразить против единообразия стиля для различных тем и диссертаций по пустякам. После смерти Дидо коллекция перешла в руки Розе, по распоряжению которой Кверлон и де Лейр дополнили ее тремя томами. По словам Ла Харпе, они являются лучшей отредактированной частью набора и являются продолжением "Путешествий на север", начатых в томе xv, с полным описанием северных регионов в трех частях света. Прекрасные гравюры, выполненные в честь Кочина, во многом помогли сделать первое издание in quarto более ценным, чем другие, и разбогатели издатели. Два переиздания, одно из восьмидесяти томов duodécimo, были выпущены, когда публикация еще продолжалась. Голландская версия Hague, 1747-80, в 25 томах, 4to, начатая с английского, но продолженная Прево, содержит части, опущенные Прево в его ранних томах, и несколько дополнительных повествований, главным образом о голландских азиатских владениях. Немецкий перевод в 21 томе 4to был издан в Лейпциге в 1747-74 годах Арксти и Меркусом. Редакторы, Кестнер и Швабен, начинают с оскорблений в адрес некачественной продукции Прево и объявляют, что будут следовать английскому оригиналу, копируя при этом превосходные французские гравюры. С прекращением работ Грина они внезапно обнаруживают превосходство Прево, но, приняв его в качестве своего проводника на оставшуюся часть, они сохраняют прежнее разделение глав и подзаголовков. Последние три тома посвящены дополнениям Розет.

План общей истории путешествий, изложенный Грином, уже был разработан академиком Дю Перье де Монфрезье в его *Всемирной истории путешествий по свершившимся фактам в Мире и на земле древнего и нового света*, Париж, 1707 г., ошибочно приписываемый аббату Беллегарду. Несмотря на то, что книга была посвящена герцогу Бургундскому, отцу короля, покровительство не придало ей популярности, и первый том дуодецимо оказался также и последним. Начиная с вводной части о развитии мореплавания, он открывает повествование Колумбом и завершает его Кортесом, давая в дополнение к промежуточным путешествиям общее описание ресурсов и народов тропической Америки. В целом картина краткая и поверхностная, с особым вниманием к чудесному, на что также указывают гравюры. Англичане поспешили дать свое одобрение, выпустив перевод, но только для того, чтобы его заменили, как сборник Прево. Если эта работа имела какое-то отношение к продвижению плана Грина, то можно сказать, что она не совсем провалилась в достижении своей цели.

DU PERIER, LA HARPE, WALCKENAER, BERNARD.

Объем и стоимость популярной работы Прево побудили известного литератора и академика Ла Гарпа издать *Краткий обзор истории генеральных путешествий*, Париж, 1780-1801, 32 тома, 8 страниц, последние одиннадцать Комейраса. La Harpe **Ошибка! Закладка не определена.** был перенесен на это также из-за многочисленных недостатков оригинала, заключающихся в

пространности, сухости и путанице, как он старается объяснить. Его план, взяв за основу Прево, состоял в том, чтобы дать четкий, привлекательный обзор путешествий во всем, что представляет интерес для большинства читателей, исключив такие не относящиеся к делу вопросы, как навигационные заметки, отчеты, описанные в предыдущих повествованиях, и лишние подробности о физических и других особенностях. Этот план осуществляется путем разделения набора на четыре части, посвященные Африке, Азии, Америке и кругосветным плаваниям, расположенные в хронологическом порядке и перемежающиеся или предваряемые обзорами естественной географии, а также уделением особого внимания приключениям, социальным особенностям и всему тому, что может оказаться привлекательным для обычного читателя, даже с риском обмануть его доверчивость. Вызывает сожаление, что Ла Гарпу следовало так ограничиться коллекцией, объявленной неполной и неточной, вместо того, чтобы потратить немного больше времени и хлопот на создание более ценного произведения. Как бы то ни было, он достиг своей заявленной цели - серии жизнерадостных повествований, полных поразительных инцидентов и наглядных деталей, черт, которым Ирвинг, среди прочих, отдал дань уважения как заемщик. Роль Комейраса демонстрирует гораздо меньшее мастерство. К этому изданию добавлены двенадцать плохо подготовленных томов *Истории путешествий по Европе*. Сборник Ла Гарпа выдержал несколько изданий, одно из которых 1816 года - в 24 томах, 8 томов. Аналогичный сборник 1820 года был переработан Эйриесом и впоследствии расширен до 30 томов. Эйриес в 1822-24 годах выпустил продолжение под названием "*Краткое изложение современных путешествий 1780 года*", 14 томов, 8 частей.

Примерно в это же время К. А. Валькенер, известный писатель об Африке, договорился с издателем Лефевром о подготовке *Генеральной истории путешествий "ou Nouvelle Collection de Relations des Voyages"*, Париж, 1826-31, которая, согласно проспекту, должна была превосходить Прево по полноте и достоверности и состоять не более чем из шестидесяти томов. Но Уолкенер так плохо управлялся со своим материалом, что двадцать один том объемом в октаво был напечатан задолго до того, как первая часть "Африканских путешествий" была исчерпана, и издатель после этого отказался от этой работы.

Среди менее известных коллекций - *Отчет о путешествиях дайверов "Факты в Африке и в Америке"*, Париж, 1674, 4то, в котором представлено несколько избранных произведений, таких как "История островов Барбадос"; рассказ де ла Борде о карибских обычаях и миссионерской работе; и описание Антильских островов, помимо африканских повествований.

"*Путешествие на Север*", Амстердам, 1715-27, 9 томов, 12 страниц, представляет собой сборник полных и сокращенных рассказов о путешествиях в северные страны, включая поиски северо-восточного и северо-западного проходов, с главной целью показать ресурсы этих регионов, указать маршруты подхода, чтобы способствовать развитию торговли. На эту похвальную цель указывает посвящение, в котором книготорговец Бернард передает свое произведение под покровительство российского императора. Более ранние тома содержат ряд ценных материалов об Америке, простирающейся на юг до Луизианы и Калифорнийского залива, среди них мемуары Де Лиля и Пикколо о Нижней Калифорнии. Более поздние тома ограничены Азией и Европой, охватывая соответственно Корею и Скандинавский полуостров. Расположение не совсем удовлетворительное; но оно было несколько улучшено в более позднем издании, увеличенном до десяти томов. В одном из предисловий к разделу редактор выражает протест против пристрастия путешественников к описанию чудесного, **Ошибка!** **Закладка не определена.** и против распространенного фанатизма и предрассудков. Сделаны

также некоторые удачные наблюдения о характере последующего повествования, которые весьма освежают перед лицом бессмысленных замечаний, встречающихся во вступлениях к этому периоду.

В кратком изложении трех томов двенадцатитомника, озаглавленном *Новое универсальное собрание путешествий*, Лондон, 1755 г., предпринята попытка представить краткий обзор всех знаменитых путешествий в разные части света; но результатом является довольно неравномерная смесь отдельных рассказов и скомпилированных обзоров, в основном относящихся к англичанам. Америка более или менее упоминается в серии кругосветных путешествий, описанных в первом томе. Во втором дается история торговли с регионом Ост-Индии, за которой следуют открытие и заселение американских стран, Новая Испания описывается в главе vii. Последний том почти полностью посвящен Европе. На карте Калифорния изображена как остров.

Более широкий охват имеет *"Представленный мир"*, или *"Любопытное собрание путешествий"*, Лондон, 1760-1, 20 томов, 16 м., в котором первые семь томов посвящены Америке и кругосветным плаваниям, а остальные посвящены трем другим континентам. Материал был выбран, по-видимому, из одной из самых крупных коллекций, без попытки критического исследования или полноты, но в основном из-за его интересных особенностей. В первом томе рассказывается о путешествиях Колумба и современных событиях, а во втором - об экспедициях Кортеса. На прилагаемой карте Северной Америки "предполагаемая улица Анниан" все еще сохраняется примерно на 42° северной широты. Том iii. начинается с завоевания Панама и переходит в Южную Америку, в то время как iv. и v. относятся к английским и французским открытиям, включая путешествие Дрейка. Дампир и Роджерс делят том vi., оставляя весь том VII. Кругосветному плаванию Энсона.

Любопытный сборник путешествий, Лондон, 1761, 8 томов, 16 страниц, карты и иллюстрации, рассказывающие о различных частях света, частично в форме путешествий, частично в исторических обзорах стран, включая открытия, исследования и заселение. Из трех томов, посвященных Америке, iv и v относятся к английским, голландским и французским колониям, а vi - к испанским и португальским.

Испытывая отвращение к громоздким коллекциям и их обильному "мусору" о ветрах, течениях и судовых журналах, редактор *Сборника аутентичных и занимательных путешествий*, Лондон, 1766, 7 томов. 12мо, решает представить только полезное и привлекательное, а далее продолжить повествования, начиная с Колумба, в хронологическом порядке, чтобы познакомить своих читателей с анналами мореплавания. Власти, с которыми консультировались, вероятно, представляют собой одну из самых крупных коллекций, из которой отобраны интересные путешествия. Таким образом, в первом томе, единственном, относящемся к моей области, представлены просто работы Колумба, Кортеса, Гамы и Кабрала.

Еще одно убежище от многословных и легковверных коллекционирований представлено публике в *Новом сборнике путешествий*, Лондон, 1767, 7 томов, 8 страниц, с картами и гравюрами, в котором редактор обещает не проявлять недобросовестности и пренебрежения, которые можно встретить в других сборниках, предназначенных только для вульгарных. Какие бы улучшения ни были внесены, они более чем уравниваются неполнотой и отсутствием **Ошибка! Закладка не определена.** пропорции. Например, из трех томов, посвященных Америке, в первом томе говорится главным образом о Колумбе и Кортесе, с небольшими рассказами о Писарро и Уллоа

и регионах, затронутых ими. Том ii. содержит выдержки из Wafer и описания британских и португальских колоний, в то время как iii. охватывает кругосветные плавания Дрейка, Дампира, Роджерса и, главным образом, Энсона; iv. v. и vii. касаются Европы, последнего упоминания о военно-морском флоте и конституции Англии, а в VI главе собраны странные путешествия по Азии, Египту и Леванту.

ДРЕЙК, ПЕЛХЭМ, ГЕНРИ, БЕРЕНДЖЕР.

Новое универсальное собрание аутентичных и занимательных путешествий Эдварда Кавендиша Дрейка, Лондон, 1771, фолиант с сокращениями, состоит из ряда сокращенных повествований, каждое из которых образует отдельный раздел со специальными главами, но без определенного расположения. Цель книги, стремясь охватить все регионы земного шара, состоит в том, чтобы порадовать рядового читателя захватывающими и любопытными рассказами, включая истории о животных-получеловеках, о чем свидетельствуют иллюстрации, выгравированные Гриньоном. Америка, занимающая не менее трети текста, изображена на карте, разделенной на две ветви: северную, соединенную с Гренландией, а другую - с сушей, простирающейся через весь полюс. Начиная с "Колумба", редактор рассказывает о кругосветных плаваниях до Энсона, а затем возвращается к завоеванию перешейка, Мексики и Перу. После этого следуют португальское завоевание, английские поселения, приключения Вафера в Дариене и поиски на северо-западе и северо-востоке. Остальное касается трех старых континентов.

Новые путешествия; Состоящие из оригиналов, переводов и сокращений, 9 томов, 8 глав, очень правильно объясняют их появление и необходимость периодической публикации недавних путешествий, которыми они ограничены. Каждый оригинал, или набор скомпилированных рассказов, образует отдельную страницу, но не следует какому-либо порядку, цель состоит в том, чтобы дать в каждом томе фрагменты, относящиеся к нескольким частям света, и Америка соответственно представлена в каждом из них. "Путешествия Коцебу" и "Рокфейль" в VI и IX главах соответственно - единственные, относящиеся к моей области., соответственно.

Мир; или Текущее состояние Вселенной. Являясь общим и полным собранием современных путешествий, Кавендиш Пелхэм, Лондон, 1808-10, 2 тома, 4 то, имеет целью не только представить самые последние повествования в сокращенной форме, но и дать современный отчет о каждой стране в географическом, политическом и социальном аспектах. Начав с пространного рассказа о путешествии Лаперуза и его поисках, редактор продолжает экскурсией по Камчатке и путешествием Портлока и Диксона, за которым следует череда рассказов об Африке, Азии и особенно Европе. Ближе к концу дается краткий очерк физической и политической географии, из которого Америке отводится семь страниц; и наконец, идет очерк основных путешествий, которые еще не приводились.

Соответствующее подразделение путешествий представлено в *Историческом отчете обо всех кругосветных путешествиях, совершенных английскими мореплавателями*. Лондон, 1773-4, 4 тома, 8 страниц, карты и гравюры. Том i содержит Дрейка, Кавендиша и Дампира с более краткими ссылками на Коули и Роггевейна, в то время как "Путешествия Кука" занимают не только большую часть III, но и часть iv, а также весь пятый и шестой тома, добавленные в 1775 и 1781 годах Дэвидом Генри, редактором первых двух.

Беренджер, Сборник фактов о путешествиях от лица Мира, Париж, 1788-9, Ошибка!

Закладка не определена. в 9 томах охватывает кругосветные плавания всех наций, но по своему расположению оказывается еще более непропорциональным, чем у Генри. Важнейшее путешествие Магеллана описано так поспешно, что создается впечатление, что работа никогда не основывалась на плане; также не было сделано никаких вступительных замечаний, которые помогли бы заинтересованному читателю. Дрейк и Кавендиш не пользуются большим благосклонностью, в то время как "Сомнительное путешествие Каррери" занимает всю вторую часть, а "Три путешествия Кука" занимают последние три тома.

Исторический отчет о кругосветном плавании и о прогрессе открытий в Тихом океане от Магеллана до Кука, Эдинбург, 1837, 12 месяцев назад, имеет своей главной целью изложение путешествий Кука, которым посвящена половина тома. Утверждается, что несколько оригинальных статей и замечаний были получены от семьи великого мореплавателя для совершенствования повествования. Книга открывается кратким обзором прогресса мореплавания до открытия Бальбоа Южного моря, а затем начинается собственно повествование с путешествия Магеллана и с плаваний, которые помогли открыть Тихий океан. Обильно разбросанные примечания указывают на то, что, хотя работа небольшая, к ней приложили немало усилий. Было выпущено продолжение под названием "*Путешествия вокруг света от смерти капитана Кука до настоящего времени*", Эдинбург, 1843 г., в котором уделяется даже больше внимания научным особенностям и обобщениям, чем деталям путешествий; тем не менее представлено достаточное количество любопытных и захватывающих происшествий, чтобы привлечь обычного читателя.

ФОРСТЕР, БЕРНИ, ДАЛРИМПЛ, ДЕЛАПОРТ.

Предыдущая работа о кругосветных путешествиях показывает ценность разделения коллекций и историй путешествий, в которых попытка охватить слишком много, естественно, приводит к поверхностности, к пренебрежению важными моментами, и в которых расположение не позволяет получить исчерпывающий обзор отдельных разделов. Подразделение предоставляет лучшие возможности для надлежащего изучения специальных предметов и регионов в связи с историей и естественными науками. Такие работы, как *Обзор путешествий на Север*, удобны для этой цели, чтобы быть использованными учеными для подготовки более полных и критических работ, таких как *Forster, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden*, Франкфурт, 1785, переведен на английский в 1786 году и на французский в 1789 году. Последняя открывается обзором в книгах i. и ii. о начале экспедиций древних и их прогрессе в средние века, особенно при итальянцах, среди которых были братья Зенон. В книге III. более подробно излагается история путешествий в северные регионы в наше время, причем каждая страна, участвовавшая в них, получает главу, расположенную в хронологическом порядке. Большинство рейсов, конечно, направлено на поиск северо-восточного или северо-западного прохода, но они также включают те, которые были просто направлены на север, как, например, рейсы Уллоа и Аларкона в 1539 и 1540 годах, которые не выходили за пределы Нижней Калифорнии. Последнее встречается в испанской главе, охватывающей несколько американских путешествий из Гомеса в 1524 году в Бодегу в 1775 году, включая путешествия Фуки и Фуэнте. Путешествия завершаются с вторжением России на Аляску. Как и большинство немецких исследовательских работ, он подвергся тщательному изучению и является авторитетом в своей области. Джон Рейнхольд Форстер был одним из тех, чьи таланты и исследования получили признание членов нескольких научных обществ. Он сделал географию

севера своим особым предметом изучения и сопровождал Кука в кругосветном путешествии в 1772-75 годах в качестве **Ошибка! Закладка не определена.** натуралиста и с целью подготовки философской истории путешествия. Он также написал *Наблюдения, сделанные во время кругосветного путешествия*, Лондон, 1778, 4то, посвященные Лондонскому королевскому обществу и относящиеся к географии, этнологии и этике. Дневник, который он вел во время этого путешествия, вместе с отчетами правительству и обществам, был составлен его сыном и спутником по путешествию в "*Мире*", работе, первый импульс которой Гумбольдт с благодарностью приписывает своей любви к природе. Помимо нескольких книг о Египте и Африке, Форстер выпустил *Журнал Reisebeschreibungen*, Берлин, 1790-1802, 24 тома, который подготовлен не с должной тщательностью из-за его известности.

"Хронологическая история открытий в Южном море" Джеймса Берни, Лондон, 1803-17, 5 томов, 4то, обязана своим существованием, как и некоторые работы Форстера, дружескому общению с Куком. Более поздний адмирал Берни плавал в качестве лейтенанта с великим мореплавателем во время двух последних плаваний, и, сделав географические открытия предметом особого изучения, его внимание, естественно, было направлено на Тихий океан. Вдохновленный примером Форстера, он решил написать историю путешествий, чтобы охватить эту область, проект, получивший поддержку сэра Джозефа Бэнкса, который открыл свою библиотеку и оказал свое влияние, получив взамен благодарную преданность работы. После некоторых предварительных замечаний о попытках между 1492 и 1517 годами найти проход в Южное море хронологический отчет о плаваниях по нему начинается с Магелланова. Одними из самых ранних круизов были круизы в поисках маршрута на Филиппины и прохода в Атлантику к северу от Мексики, которые принесли хорошие плоды в расширении географических знаний. С Дрейком возобновляется длинная серия кругосветных путешествий, которым в основном посвящен второй том, перемежающихся небольшими экспедициями и осторожными обзорами сомнительных рассказов Мальдонадо и Фуки. Том iii. значительное внимание уделяется азиатскому побережью и развитию австралийской группы, и ниже следующее дополнено полной историей буканьеров, которая касается главным образом Антильских островов; но после этого тихоокеанские путешествия возобновляются с участием Дампира, Шелвока, Роггевейна, Энсона и небольших местных экспедиций примерно до 1766 года, когда их растущее число потребовало иного обращения, и поэтому они были переведены в другой загон. В целом представляет собой подробный обзор не только морских экспедиций, но и прогресса и состояния поселений вдоль побережья. Автор, возможно, не настолько соответствует своему плану тщательности и всеохватности, как можно ожидать из очень разумного предисловия, и пространный рассказ об Антильских островах не вполне соответствует теме, когда в него можно было бы включить так много интересного. Однако эти возражения более чем уравниваются наглядным исследованием и изучением материала, что проявляется также в обоснованных комментариях и выводах. В качестве дополнительных работ можно рассматривать *Хронологическую историю северо-восточных открытий*; Лондон, 1819; *Мемуары по географии Северо-восточной части Азии*, Лондон, 1818; *Мемуары о путешествии д'Антркасто*, Лондон, 1820. Продолжение работы представлено коллекцией Хоксворта, путешествием Бугенвиля и более поздними публикациями.

Будет видно, что часть *Хронологической истории* северного региона уже была освещена в книге Форстера, в то время как южный регион имел **Ошибка! Закладка не определена.** нашел отражение в книге *Де Броссеса "История навигации по землям Австралии"*, переведенной на английский с дополнениями. Эта работа была довольно поспешной подготовкой, имевшей

своей целью главным образом продемонстрировать преимущества Южной части Тихого океана для колоний; так что оставалось достаточно места для *Исторического сборника нескольких путешествий и открытий в Южной части Тихого океана* Александра Далримпла, Лондон, 1770-1, 2 тома, 4то, в котором рассказывается об испанских и голландских плаваниях между Южной Америкой и Папуа. Французский перевод появился в Париже в 1774 году Фревилем, который в том же году опубликовал в своей *"Гидрографии"* то, что можно рассматривать как продолжение.

"Путешественник Франсуа", "О знатоке старины и нового мира", "Ошибка в журнале" М. л'Аббе Делaporte", Париж, 1767-72, 42 тома, 12 минут, представляет исторический и описательный рассказ о мире вымышленного французского путешественника, который обращается к даме в форме писем, датированных ведущими городами разных стран. Описывая фактическое состояние страны в политическом, экономическом и социальном смысле, он также дает пространные обзоры прошлой истории и древних обычаев народа, как будто рассказанные местным жителем или взятые по памяти. Таким образом, повествование становится максимально интересным и приобретает свежесть и живость стиля, которые в значительной степени оправдывают его поверхностность, неполноту и недостаток критической проницательности при принятии утверждений. Эпистолярная форма, хотя и предназначена для привлечения внимания публики, несомненно, добавляет легкомыслия, в котором Ла Гарп, среди прочих, выражается скорее как ревнивый соперник. Начиная свое путешествие по Средиземноморью, автор проходит через Малую Азию в Индию и Китай, а в томе ix. оказывается в британских американских колониях. В следующих трех томах он посещает Тихоокеанские штаты, посвящая Мексике большую часть x., описывая главным образом завоевание и древние обычаи ацтеков и оставляя почти нетронутыми более позднюю историю и условия; но цель состоит в том, чтобы заинтересовать обычного читателя. Только первые 28 томов. принадлежат перу аббата; остальные демонстрируют более низкий стиль де Тонтенэ и Домайрона. Успех был таков, что послужил основанием для выпуска нового издания в 1792-1795 годах. Немецкое издание duodecimo было выпущено в Лейпциге сразу после завершения работы над оригиналом под названием *Reisen eines Franzosen*. Испанский перевод был начат как *El Viagero Universal ó Noticia del Mundo*, Мадрид, 1795-1801, 43 тома, включая четыре дополнительных. Д. П. Э. П. Редактору вскоре надоели недостатки оригинала, и с 6-м томом. начал самостоятельную работу, в которой приводится много новой информации, так что книга значительно превосходит французскую по ценности своего материала, в то время как отстает по стилю и трактовке. Тома xii. xxvi. и xxvii. относятся к Мексике, Центральной Америке и Калифорнии, а несколько смежных томов посвящены другим частям Америки, включая поиски северо-западного прохода. Редактор настолько добросовестен, что посвящает дополнительные тома дополнению и исправлению первых пяти, в которых он следовал примеру Делaporte.

Д'Юрвиль, ДЕ ЛЮРСИ, ПИНКЕРТОН.

"Путешествие Питторески от мира", Париж, 1834-5, 2 тома, 4то, под руководством Дюмона д'Юрвиля, также является кругосветным путешествием воображаемого человека, который, начав с Тулона, направляется через Рио-де-Жанейро в Южную Африку, проходит вдоль побережья Ост-Индии до Китая, посещает Тихоокеанские группы и Австралию, откуда возвращается во Францию, почти не упоминая Америку. Цель состоит в том, чтобы привлечь внимание приятным повествованием, **Ошибка! Закладка не определена.** при этом сообщается

как можно больше информации по географии, политической и социальной истории, а также любопытные факты, проиллюстрированные множеством аккуратных сокращений.

Работа, охватывающая во многом ту же тему и несколько схожая по характеру, хотя и написанная самим мореплавателем, - это *"Путешествия от мира и науки по Селебрам"*, Париж, 1844, 8 томов из 4, Габриэля Лафона де Люрси, часть которой уже вышла в 1840 году под названием *"Сборник рассказов о путешествиях"*, 2 тома. Повествование начинается с путешествия, совершенного во время испано-американской революции из Манилы в Мексику, этой последней стране и прилегающим зависимым странам посвящен целый том, в котором рассматриваются политические и социальные условия, завоевания, испанское правление и война повстанцев. Во ii. к v. автор рассказывает о нескольких путешествиях вдоль побережья Южной Америки в Китай, Ост-Индию и Тихоокеанские группы, которые послужили основой для аналогичных обзоров, включая путешествия Колумба и завоевание Панама и региона на юге. Последние три тома посвящены известным путешествиям других людей и приключениям потерпевших кораблекрушение экипажей в Африке и тихоокеанских группах. Легкое повествование тяготеет к романтическому стилю, и мало внимания уделяется точности или полноте. Тем не менее, рассказ о революционных событиях заслуживает внимания из-за того факта, что Лафон был фактическим участником. Он также написал *"Этюды об Испанской Америке"*, 1848, и некоторые другие трактаты.

"Любопытные и занимательные путешествия", Лондон, 1790, стр. 4то, состоит из португальской и испанской коллекций со времен принца Генриха до 1520 года, приведенных в хронологическом порядке и без повторения в более поздних рассказах того, что уже касалось темы; но в изложении мало достоинств, и небрежность проявляется даже на титульном листе, где особое внимание уделяется завоеванию Колумбом Мексики! Из четырех книг, составляющих этот раздел, i. и iii. относятся к португальскому языку, а остальные - к испанским путешествиям и экспедициям, от Колумба до Кортеса и Магеллана.

"Общее собрание лучших и интереснейших путешествий во все части света" Джона Пинкертона, Лондон, 1808-14, 17 томов, 4 тома, объявлено как "самое объемистое из когда-либо опубликованных" после *"Истории Прево"*. Указав на многочисленные недостатки этого сборника и его прототипа Грина с еще большими подробностями, чем Ла Гарп, опытный Пинкертон, друг Гиббона, предлагает не только избежать их сухости, неточности и повторений, но и охватить весь материал предыдущих сборников вместе со многими дополнительными повествованиями. Разделив свою тему на пять частей, соответствующих пяти континентам, он посвящает первый том северу и северо-востоку, помимо двух или трех южных путешествий; два следующих посвящены путешествиям по Великобритании, и четвертый. к vi. к другим частям Европы; в то время как vii. к х. относятся к Азии; xi. к Австралии; xii. и xiii. в Северную Америку, начиная с Колумба; xiv. в Южную Америку; и два последующих в Африку. Том xvii. содержит ретроспективу прогресса открытий, каталог книг по каждому региону и подробный указатель. В этих группах он собирает, без особых попыток упорядочить, массу повествований, которые, какими бы превосходными они ни были сами по себе, часто охватывают лишь часть области, уже лучше описанной в других работах несколькими или более подробными повествованиями. О заметном и захватывающем завоевании Мексики и прилегающих регионов не появляется ни слова, и единственное описание этой страны взято из более поздних неполных и сравнительно неважных путешествий де Менонвиля. **Ошибка! Закладка не определена.** северо-западное побережье с Калифорнией лишь незначительно упоминается в разделе "Визиты Дрейка". В

других случаях несколько путешествий в один и тот же регион даются с бесполезными повторениями, как, например, три путешествия Фробишера в поисках северо-западного прохода и пять путешествий в Персию. Помимо других подробных тривиальностей, также представлена масса неинтересных выдержек из судовых журналов. В целом коллекция не оправдывает своих обещаний и явно уступает в выборе, аранжировке, обработке и, прежде всего, в полноте многим менее претенциозным наборам.

КЕРР, ЛАРДНЕР, ДЮМЕНИЛЬ, ГУДРИЧ.

Гораздо более тщательной, хотя и менее известной работой является *"Общая история и собрание путешествий с самых ранних эпох"* Роберта Керра, Эдинбург, 1811-24, 18 томов, 8 об. Это первое произведение подобного рода, изданное в Шотландии, и претендует на звание первой систематизированной истории путешествий на английском языке. Предполагается, что Purchas обладает системой, но она неполна и слишком часто подчеркивает индивидуальность путешественника - ошибки, которых Керр обещает избегать. Он делит работу на пять частей; первая - "Путешествия со времен короля Альфреда до пятнадцатого века", почти все они направлены в Азию, но включены в том i "Путешествия Зенона" и во II. открытия Гальвано: второе, путешествия между 1492 и 1760 годами, составляющие тома iii. - xi. Они начинаются с двух рассказов об открытии Колумба и современных событиях, написанных его сыном и Эррерой. В том же томе есть начало завоевания Кортеса, которое продолжается в IV главе вместе с рассказом Писарро. От завоевания Южной Америки, завершено в V главе, хронологический порядок переносит читателя на северо-восточное побережье Америки, от Флориды на север; и в vi. путешествия сменяются путешествиями в Ост-Индию, чтобы вернуться в X и XI вв. в Америку с кругосветными путешественниками, которые занимают оба тома. Третья часть относится к конкретным путешествиям в каждой из пяти частей земного шара, распределенным по каждой стране и разделу, и начинается с xii. Байроном, Уоллисом, Картеретом и Куком. Несколько путешествий последнего занимают оставшуюся часть работы, с XIII по XVII. , за исключением краткого рассказа о Бугенвиле и кругосветных плаваниях. Это ни в коем случае не завершает ни ту часть, как было обещано, ни четвертую часть, посвященную общим путешествиям во время правления Георга III. Связано ли это с ранним отказом от объявленного плана или со смертью Керра, неясно, но работа, безусловно, оставляет пробелы, завершаясь томом XVIII. с пятой частью, историческим отчетом о прогрессе мореплавания, открытий и торговли, который был написан через несколько лет после тома XVII. У. Стивенсоном. За этим хорошо подготовленным трактатом следует список книг о путешествиях и географических описаниях. Метод, насколько это было осуществлено, заключался в том, чтобы приводить в хронологическом порядке, со значительными подробностями и главным образом в оригинальной форме наиболее ценные путешествия, особенно те, которые позволяют расширить географические знания; и, кроме того, рассматривать в начале или в конце таких повествований все второстепенные сведения, чтобы представить историю путешествий. Во многих случаях могут быть выдвинуты возражения, например, предоставление Columbus двух версий, где одной могло бы быть достаточно, если бы были добавлены примечания от другой или от других авторов. Путешествия Кука, столь хорошо известные к этому времени, несоизмеримы с остальными, особенно когда повествования были так необходимы для освещения прогресса открытий и заселения различных регионов, таких как Северо-Западное побережье, Мексика и другие испанские колонии.

Метод, аналогичный методу Керра, более последовательно применяется в уменьшенной **Ошибка! Закладка не определена.** масштабе, в *"Истории морских и внутренних открытий"*, Лондон, 1830-1, 3 тома, 12то, которая составляет тома ii. xi. и xvi *"Кабинетной циклопедии"* преподобного Дионисия Ларднера. Это, безусловно, самая подробная история для своего размера и ценная как справочник по большим неполным наборам. Том i. заканчивается первым путешествием Колумба, а том ii. повествует о кругосветных плаваниях и пиратах Магеллана и Кортеса и заканчивается открытием Аляски русскими. Том iii. открывается Байроном и Уоллисом и закрывается в 1822 году.

В *Новой библиотеке путешествий древних и современных*, Париж, 12 томов, 8 страниц, с картами и гравюрами, редактор П. Дюмениль представляет подборку наиболее известных и интересных путешествий в полной и сокращенной форме, причем последние представлены в привлекательном стиле. После вступительного эссе Дюпончеля о ходе исследований серия начинается с кругосветных путешествий; Энсон, Байрон и Бугенвиль занимают первый том, а Кук - второй. к v. В VI. приведены рассказы Лаперуза и пяти других французских путешественников между 1800 и 1840 годами. Три следующих тома охватывают путешествия по Африке, в то время как Азия и Египет вместе взятые находят место в x и xi. Том XII. трактаты о Колумбе, Кортесе и Писарро, за которыми следуют второстепенные и сокращенные рассказы о северной и северо-восточной Америке и Леванте.

"История настоящей испанской гавани", Мадрид, 1849 и 1854, 2 тома, 4то, богато иллюстрированные, образуют полезное подразделение "путешествий", поскольку содержат историю всех экспедиций, выполненных не только королевским флотом Испании, но и в интересах правительства. Из двух книг тома i. первая почти полностью посвящена Колумбу, в то время как вторая посвящена экспедициям на Истмийский полуостров, завоеванию Мексики и кругосветному плаванию Магеллана. Том ii. начинается с экспедиции Гарая на Пануко и переходит к плаваниям на Молукки из Испании и Мексики, к завоеванию Писарро и экспедициям Кортеса в Тихий океан. Последние три книги, vii. - ix., охватывают оставшуюся часть шестнадцатого и весь семнадцатый и восемнадцатый века соответственно. Мероприятия, связанные с рейдом Дрейка на испанский мейн, составляют яркую черту седьмой книги, а "Путешествие Вискайно" открывает следующую. В восемнадцатом веке рассказывается о нескольких плаваниях Мексики в северо-западную часть Тихого океана, начиная со времен Переса и заканчивая *Сутиль-и-Мексикана*; а Трафальгурская битва является подходящим финалом истории, призванной запечатлеть славу испанского флота. Хотя работа полезна для области, которую она охватывает, в ней мало исследований или критики. Редакторами были Хосе Террер де Куто, подготовивший первые 600 страниц, и Хосе Марч-и-Лаборес, завершивший работу. Посвящение королю, почти республиканское по своему прямолинейному тону, носит имена владельцев Вила и Манини.

Человек в море, или история морских приключений, исследований и открытий с древнейших времен, Фрэнк Б. Гудрич, Филадельфия, 1858, 8. Хотя эта история представляет собой наиболее полную и полезную, она не претендует на какие-либо конкретные исследования, но популярность ее зависит от внимания, уделяемого любопытным фактам, поразительным происшествиям и заманчивым повествованиям, приятно иллюстрированным вырезками. Начиная с обзора ранних представлений о географии, он рассматривает начало мореплавания, включая развитие кораблестроения, и переходит к регулярной истории путешествий в финикийскую **Ошибка! Закладка не определена.** эпохи, приводя ее к настоящему времени в

хронологическом порядке, насколько позволяет повествование. Раздел iii. охватывает период от Колумба до Магеллана, а следующие два раздела посвящены шестнадцатому и семнадцатому векам, северным путешествиям и кругосветным плаваниям, в то время как VI. в основном посвящен арктическим путешествиям и прокладке атлантического кабеля. Сокращенное издание книги появилось под названием *"Море и его знаменитые моряки"*, Лондон, 1859, 12 месяцев.

Универсальная Энциклопедия Новых путешествий, Мадрид, 1859, 5 томов, 4 тома, отредактированная Н. Фернандесом Куэстой и составляющая часть *Библиотеки Иллюстрада* Гаспара и Ройга, представляет собой сборник последних путешествий, богато иллюстрированный, подобранный и упорядоченный таким образом, чтобы с большей или меньшей полнотой дать описание всех частей света. Тома равномерно распределены по пяти континентам в порядке убывания Африки, Азии, Америки, Европы и Океании. Северная Америка представлена шестью повествованиями, относящимися соответственно к западу Соединенных Штатов, Канаде, Калифорнии, Мексике и Центральной Америке, в то время как пять других описывают Южную Америку. Отчет о Калифорнии взят у Брайанта; о Гватемале и прилегающих регионах - у Мореле; а о Мексике - у Бэзила Холла и Самакуа. Каждое повествование имеет свой собственный раздел и главы.

Возможно, ни один мореплаватель-одиночка не сделал так много для расширения географии побережья Америки в древние времена, как буканьеры, которые, постоянно перемещаясь в поисках испанского золота и постоянно нуждаясь в убежище от суровых преследователей, не оставили незамеченными ни одну доступную гавань или точку на мейне. Они также не стеснялись делиться этой информацией, но свободно публиковали ее в своих рассказах как на благо друзей, так и на благо врагов. Среди специальных работ, составленных на основе этих, а также более секретных испанских документов, была работа Шарпа, которая была специально посвящена тихоокеанскому побережью. Ценным дополнением к этому является *Приложение к книге Шарпа "Вагонер южных морей"*, переведенное с оригинального испанского, рукописный фолиант объемом 145 страниц, в котором даются маршруты плавания от Чили до Калифорнии с подробным описанием побережья, рифов и гаваней, объясненное семьюдесятью двумя грубыми картами приложения. Они особенно интересны тем фактом, что являются остатками коллекции из двухсот-трехсот оригинальных карт, собранных путешественником Ником Витсенем и оцененных им более чем в двадцать тысяч гульденов, отчасти, возможно, потому, что на них указаны места, где затонули испанские суда с их сокровищами. Он продал их королю Испании, но они погибли в кораблекрушении по пути в Мадрид. Так гласит история, рассказанная в автографическом предисловии на голландском языке, подписанном Витсенем в Амстердаме в 1692 году.

Первым важным трудом такого класса, изданным в Соединенных Штатах, был *"Американский береговой лоцман"* Бланта, размер и важность которого увеличивались с каждым последующим изданием с 1796 года, когда он появился в Ньюберипорте в виде небольшого 8-го тома на 122 страницы, подготовленного капитаном Ферлонгом. С 1815 года Бланты, отец и сын, контролировали его, улучшая и дополняя, пока двадцать первое издание не вышло мелким шрифтом royal 8vo объемом 926 страниц. Этот том, после введения о ветрах, течениях и других общих вопросах, начинается с описания береговой линии и гаваней Ньюфаундленда и продолжается до северо-восточного побережья Южной Америки, давая также полный отчет об Антильских островах. Часть, касающаяся Соединенных Штатов, занимает примерно половину

Ошибка! Закладка не определена.. Примером интереса, проявленного испанским правительством к мореплаванию, является *"Обзор островов Антильяс-де-лас-Костас-де-Тьерра-Фирме и мексиканских сеньоров"*, Мадрид, 1810, стр. 4то, подготовленный Мадридским гидрографическим управлением в качестве пособия к их картам. Сначала описываются Антильские острова, затем материк к северу от Флориды, страницы 340-455 посвящены участку между Портобелло и Сан-Бернадо. Несколько улучшенных изданий было опубликовано в Испании, а также в Америке; примечательно издание Мексики 1825 года, переработанное Гваделупе Викторией, первым президентом Мексики. Ценным дополнением к предыдущим путеводителям по побережью можно считать *Справочник по навигации в Тихом океане*, Лондон, 1851, 1 том. в 2, 8во, Александра Г. Финдли. Он столь же тщательный и хорошо структурированный, со многими статистическими фактами, связанными с гаванями. Первая часть относится к западному побережью Америки, вторая - к Азии и австралийским группам.

TERNAUX-COMPANS, BERCHTOLD, CAMUS.

"Путешествия, отношения и оригинальные воспоминания для служения истории развития Америки", Анри Терно-Компанс, Париж, 1837-41, 20 томов, 8 томов, в 2 сериях по 10 томов каждая, является одним из ценных собраний оригинальных документов или перепечаток, которые в последние годы были обнаружены усердными исследователями и опубликованы за их счет или с помощью быстро растущего числа исторических обществ. Из первой серии только последние два тома являются оригинальными публикациями, остальные представляют собой перепечатки редких немецких, португальских и испанских произведений, в основном шестнадцатого века. Некоторые из них относятся к Тихоокеанским штатам, как *Верительные грамоты завоевателей Перу* и др., написанные Хересом в томе iv., который также относится к открытию Панама; *Реляция Кабеса-де-Вака*, том vii., который проходит через северную Мексику; *Ужасные истории мексиканских завоевателей*, автор Икстлильшочитль, том iv. viii.; ценное *отношение к путешествию Сиболы*, том ix., рассказывающее о первом въезде в Нью-Мексико; *Воспоминания о родственниках по завоеванию Мексики*, том x. Вторая серия еще более ценна и интересна, поскольку во всех томах публикуются отрывки из рукописей, собранных Муньосом для его *Истории Нового Мира* и частично изданных Кингсборо в его большом труде. К государствам Тихого океана относятся следующие: *Зурита, Раппорт*, том xi.; *Икстлильшочитль, История чичимеков*, тома xii, xiii.; *Овьедо, История Никарагуа*, том xiv.; *Обзор произведений в Мексике*, том xvi.; *Ид., sur la Floride*, том xx., в котором содержатся письма о Новой Испании. Было отпечатано лишь ограниченное количество экземпляров. В связи с этим была создана *Американская библиотека*, Париж, 1837, ценное дополнение, особенно в отношении испанских и немецких работ. *"Архивы путешествий" Терно-Компанса* и *"Архив документов"*, оба изданные в Париже в 1840 году, 8во, также содержат важные материалы по Америке. В *"Архивах путешествий" Терно-Компанса* есть важные материалы по Америке.

Из предыдущего обзора видно, что даже самые крупные коллекции рейсов не поспевали за расширением морского прогресса и фиксировали самое большее ведущие предприятия нескольких наций, дополненные ссылками на определенное количество второстепенных. Этот пробел был частично восполнен каталогами книготорговцев; но даже их списки долгое время были неполными и во многих случаях превосходили те, которые авторы прилагали к своим произведениям. Берхтольд, например, в своем *Эссе для путешественников*, Лондон, 1789 г., приводит полный список европейских путешествий, организованных по странам. Более обширный список рассказов о путешествиях был у Ройсса, опубликованный во время **Ошибка!**

Закладка не определена. восемнадцатый век, и Стик, опубликованный в Галле в 1784-17 гг. Но это были всего лишь каталоги с небольшим количеством пометок или вообще без них, указывающих на содержание или характер книг; и это несмотря на замечательный пример и помощь, оказанные Гильом. О. де Буре, которому принадлежит заслуга издания первой описательной библиографии, "*Поучительной библиографии*", Париж, 1763-8, 7 томов, 8 страниц, зародыш которой лежит в его несовершенном "*Типографском музее*", Париж, 1755. Эта работа, возможно, излишне богата примечаниями, но, тем не менее, представляет определенную ценность даже сейчас, рядом со многими современными работами этого класса, которым она, можно сказать, дала начало. В нем значительное место отведено путешествиям, и среди других коллекций в нем довольно полно представлены работы Де Бри. Однако интерес, проявленный к этому набору, и путаница, вызванная его многочисленными неполными изданиями, послужили основанием для публикации специальных *Воспоминаний о коллекции великих и маленьких путешествий и о коллекции Тевено*, Париж, 1802, подготовленных А. Г. Камю. Это дает не только удовлетворительное количество Дебри для коллекционера, но и обзор его состава в интересах студентов. Она не превосходит книгу Де Буре в деталях содержания, но превосходит ее в научной трактовке и критическом анализе, представляя собой вполне образцовый анализ. Сначала Камю подготовил более краткие мемуары, которые Национальный институт побудил его доработать и опубликовать за его счет, с аналогичным уведомлением о коллекции Тевено. Камю был автором рассказа о путешествии и известной работы, связанной с его профессией юриста.

В то время как Камю все еще был занят своими мемуарами, более обширная работа того же класса была предпринята Дж. Буше де ла Ришардери, который после десяти лет исследований в различных литературных залежах Парижа с помощью переводчиков и других издал "*Всемирную библиотеку путешествий*", Париж, 1808, 6 томов, 8 страниц. Несмотря на вложенный труд, работа далека от совершенства ни в названиях, ни в примечаниях, и количество упущений становится все более очевидным при сравнении более поздних каталогов. Расположение, однако, демонстрирует значительную взвешенность, начиная с обзора рассказов о путешествиях и путеводителей в целом и заканчивая отчетами о путешествиях в классические и средние века. После этого следуют сборники и общие истории путешествий и кругосветных плаваний, за которыми следует основная тема - отчет об отдельных путешествиях, расположенных в хронологическом порядке в соответствии с частью света, регионом или страной, в которую они направлены. Исключаются работы по географии, естественной истории, древностям и завоеваниям, но не чисто описательные описания страны. В большинстве случаев дается только название работы, на французском языке и в оригинале, с кратким описанием различных изданий, их редкости и характера, но иногда дается более или менее пространственный обзор содержания, чтобы на основе лучших работ составить краткое описание разных стран. Соответственно, книга представляет собой сочетание библиографии и историко-географического описания мира. Ценность описательных выдержек в такой работе сомнительна, и более удовлетворительной трактовкой, соответствующей ее задаче, было бы включение большей доли библиографических примечаний, что повысило бы ее ценность.

УЛЛОА, ВИЛЬЯГУТЬЕРРЕ, ПИНЕЛО.

Область, которой занимается *De Natura*, нашла современного и более глубокого представителя в лице Антонио де Ульоа, одного из самых просвещенных испанцев прошлого века. Его "*Noticias Americanas*", Мадрид, 1772, представляет собой философскую **Ошибка! Закладка не**

определена. трактат о климате, натуральных продуктах и обычаях местных жителей. На первый взгляд неясный стиль и тщеславие, сквозящие во всем предисловии, могут навести на подозрение в педанте; но достоинства работы вскоре становятся очевидными и кажутся достойными того внимания, которому она была удостоена в нескольких изданиях и переводах. Во французских *философских мемуарах* в 1787 году она получила третье издание. Его не следует путать с любопытными *Секретными записями Америки* Хуана и Уллоа, которые представляют собой отчет о политическом управлении испанскими колониями в Южной Америке, хотя применимы также к северным провинциям и в немалой степени помогают объяснить причины, приведшие к войне за независимость. Как секретный отчет, он хранился от общественности и не видел света до тех пор, пока Дэвид Барри не наткнулся на рукопись и не опубликовал ее в Лондоне в 1826 году в виде 4то. Доработке Уллоа в значительной степени обязаны достоинства *"Relacion Histórica del Viage"* Хуана и Уллоа, Мадрид, 1748-9, переведенной так широко. Он также подготовил несколько ценных отчетов о возрождении торговли и мануфактур в Испании.

Villagutierre Soto-Mayor, Historia de la Conquista de la Provincia de el Itza, Redvccion, y Progressos de la de el Lacandon. Мадрид, 1701, фолио, 1 том. 660 стр. Этому автору мы обязаны очень полной историей операций, проведенных против ица и лакандонов в семнадцатом веке. Работа содержит превосходное резюме частичной и временной оккупации испанцами страны, населенной этими племенами, и усилий духовенства по обеспечению мирного въезда в нее в течение первых трех четвертей века. Затем следуйте полной информации о кампаниях, организованных президентом Барриосом, и об окончательном завоевании Ица Урсуа. Авторитеты, у которых Вильягутьерре получил материал для этой части своей работы, были таковы, что сделали его полностью аутентичным, - капитан Николас де Валенсуэла, принимавший участие в экспедиции Барриоса, и президент Урсуа. По словам *Пелаес, Мем. Гуам.*, ii. 267, Валенсуэла, имея к своим услугам официальные документы, написал подробный отчет о кампании, в которой он принимал участие. Его повествование, содержащееся на 402 страницах рукописи, разделенной на 26 глав, так и не было опубликовано, но Урсуа снабдил Вильягутьерре материалом для продолжения истории. Коголлудо, *Hist. Yuc.*, Мадрид, 1688, также снабдил Виллагутьерре некоторыми материалами, кроме того, оба автора имели доступ к некоторым оригинальным документам, поскольку отрывки почти слово в слово повторяются в их соответствующих работах. Виллагутьерре посвятил свою книгу совету Индии. Том содержит фронтиспис, на котором изображен герб Испании, подвешенный между Геркулесовыми столпами, весь обрамленный каймой, состоящей из обнаженных женских бюстов и гроздей фруктов, с херувимом на верхней кайме и головой идола на нижней. Хронист намеревался опубликовать вторую часть своей истории "si el Material de lo que se obrare de diere de si", стр. 660, но она так и не появилась. Библиограф Брюне утверждает, что том содержит "2 части в 1 томе". *Кальдас, Себастьян Альварес Альфонсо Росика, Копия Хартии, Эскрита св. магистра, Впечатление от Гоатемалы, Для Иосифа де Пинеда Ибарра, 1667 год*, является копией предложения, сделанного президентом Кальдасом королю, в котором он обязался осуществить покорение страны Лакандон за свой счет и открыть дорогу между Гватемалой и Кампече, при содействии губернатора последней провинции. Он обращает внимание его Величества **Ошибка! Закладка не определена.** на огромную коммерческую выгоду, которую получают обе провинции в результате такого завершения, и среди прочих условий просит, чтобы король был рад присвоить территории в случае ее завоевания название "Провинция Кальдас, в память о том, как восстановились мир, покой и поблу"! стр. 5. Хотя президенту это обращение к

короне никоим образом не пошло на пользу, поскольку он вскоре был отстранен от должности, его публикация в Гватемале вызвала интерес к такому начинанию и стимулировала будущие инициативы. Печатные копии этого письма редки, поскольку почти все они были утеряны во время землетрясения, разрушившего город в 1773 году. *Пинело, Антонио де Леон, Рассказ о жизни в Индийском совете хизо, Собре ла Пасификацион, и покровительстве Манче и Лакандона, претендующий на престол дон Диего де Вера Ордоньес де Вильякиран, Каваллерио де ла Орден де Калатрава и др., 1638 г., лист 11, представляет собой отчет Антонио де Леона Пинело, знаменитого исторического секретаря совета Индии, о районе, занятом лакандонами, маньчжуры и другие непокоренные коренные народы. Книга чрезвычайно редкая, и, вероятно, существует не более двух-трех экземпляров, поскольку только ограниченное количество было напечатано для личного использования членами совета. Тот, что был в моем распоряжении, принадлежал покойному Э. Г. Сквайру. В нем содержится краткое описание страны манше и Лакандона, за которым следует краткий очерк различных попыток умиротворения и заселения этих районов, начиная со времени завоевания и заканчивая датой составления отчета. Большая часть трактата состоит из тщательного рассмотрения предложения Диего де Вера Ордоньеса де Вильякирана об умиротворении лакандонской территории. К документу прилагается копия королевского патента, выданного Вильякирану, одобряющего его предложение и назначающего его губернатором и генерал-капитаном "Провинции эль-Просперо (псевдоним эль-Лакандон)", составленного в 1638 году и выданного королем 29 марта 1639 года. О трудах Пинело уже упоминалось вт. i, стр. 287, Hist. Cent. Am. Информация преподобного П. приора монастыря Кобан аль Илим и Римо старшего Д. Фрая Андреса де Наваса и Кеведо, Арзобиспо де Гватемала, собрание миссионеров Верапаса и Ахицаеса, эскрита ан Кобан 8 февраля 1685 г., MS., 27 лет, представляет собой интересный отчет, ранее принадлежавший аббату Брассеру де Бурбуру и содержащий отчет о доминиканских миссиях в стране Холь с 1673 года по дату составления документа. Это энергичное опровержение обвинения в неисполнении приказа, выдвинутого Себастьяном де Оливера-и-Ангуло, алькальдом-мэром Вера-Паса. Письмо написано умело и вежливо и, как произведение испанского монаха, не очень многословно.*

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ССЫЛКИ.

Здесь я привожу дополнительные ссылки на некоторые авторитетные источники, к которым обращались при написании предыдущих глав: *Васкес, Chron. де Гват.*, 1-771; *Эскамиллья, Нет. Курс.*, 1-78; *Овьедо*, i. 115, 157-8, 599-602; iii. 123, 131-2, 189-208, 211-20, 222-3, 255, 488-94, 540; iv. 8-10, 19-32, 239-42; *Concilios Prov.*, ср., i. 160, passim; *Id.*, 1555 y 1565, стр. vi.-vii., 283-89, 293-8; *Эррера*, дек. i. lib. vii. глава xii.; дек. x. глава xi.; дек. iii. lib. v. глава xiv.; либр. ix. глава vii. x.; либр. x. глава ix. xi.; dec. iv. lib. i. cap. vi. vii. xi.; lib. ii. cap. i. iii. vi.; lib. iii. cap. ii.; lib. iv. cap. vii.; lib. vi. cap. iii.; lib. vii. cap. v.; lib. x. cap. v. xv.; dec. v. lib. i. cap. ix.; lib. iii. cap. v.; lib. vi. cap. i.; lib. ix. cap. viii. ix.; **Ошибка! Закладка не определена.** дек. vi. библиотека. i. шапка. viii. ix.; lib. iii. cap. xix.; lib. vii. cap. iv. vi.; dec. vii. lib. ii. cap. x. xi. xii.; lib. vi. cap. v. vi.; dec. viii. lib. vi. cap. i. ii. iii. v. vii.; dec. viii. lib. x. cap. xx.; *Торквемада*, i. 322-31, 333-4; iii. 338-40, 384, 468-70, 535-6; *Берналь Диас, История. Verdad.*, 177-83, 205, 219-21, 235-7, 245-6; *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, 45-308, passim; *Cartas de Indias*, 23-5, 414, 451-55, 662, 673-8, 708-10, 735, 745-6, 757-8, 776, 797, 834, 841, 857; *Remesal, Hist. Чьяпа*, 1-771; *Америка, Описание*, ср., 2-4, 130-5, 155, 166, 182-9; *Гомара, История Мексики*, 233; *Id.*, *История Индии*, 64, 243-4, 268-70; *Чьяпас, Doc. Orig.*, CP., 6-8, 55 и

далее; *Давила Падилья, История. Франция. Мексика.*, 50-1, 89-93, 109-15, 179-89, 303-29, 343, 478; *Алегри, История. Комп. Иисус*, i. 183, 254-5, 429-48; ii. 16, passim; iii. 3-6, 18-30, 48-80, 172, 179-80, 295-6; *Центр Америки, Extractos Sueltos*, MS., 1-149; *Пачеко и Карденас, документ полковника*, i. 511, passim; ii. 209 и последующие; iii. 351-62, 386-8, 507-8; iv. 131-5; v. 522-9; vi. 6-17, 304, 342-3; vii. 6, passim; viii. 19-46, 89, 224; ix. 81-115; x. 32 и далее; xi. 91-153; xiii. 136, passim; xiv. 47 и далее; xv. 9, passim; xvi. 324-7; xvii. 489-95; xix. 329-40; xxii. 515-24; xxiii. 171-89; *Давила, Продолжение хроники*, MS., 127-30, 290; *Icazbalceta, Col. Doc.*, i. стр. lvi.-cxv.; ii. стр. xxxvi.-xl. 509-14, 595-600; *Роблес, пров. Чьяпа*, 5-71; *Барсия*, i. 166-79; ii. 29-33, 173; iii. 172-5; *Калле, Память*, 72, passim; *Чимальпейн, История. Конк.*, ii. 181; *Бомон, Крона. Мичиган.*, i. 540-1; ii. 12 и последующие.; iv. 104-6, 252, 489-93; v. 475; *Id.*, MS., 322-4, 435, 638-42, 1083; *Калдас, Хартия собр Лакандона*, 1-13; *Альседо, Dis.*, iii. 325-6; *Икстлильшочитль, Ужасы Круельдадес*, 71; *Флорида, полковник. Документ.*, 138; *Папелес Францисканос*, ср., i. 53-221, 308-13; ii. 321-6; *Бургоа, Геог. Описание. Оај.*, i. 83-7, 387-8; ii. 233-8, 385, 410-11; *Id.*, *Палестра*, 174; *Реалес Седулас*, CP., 12, 192; ii. 159, 194-7; *Кодекс, Телл. прим.*; *Бенцони, Мондо Нуово*, 99, 106-7, 159-60; *Ордена Короны*, CP., i. 96, 158-60; ii. 58; iii. 45-73; iv. 130-1, 150-7; *Ветанкврт, Хроника. Сан-Евангелист.*, 24, 77; *Id.*, *мексиканский тит.*, 24-6, 37, 53; *Id.*, *Менолог.*, 24-8, 44-5, 135-6, 259; *Гарсиласо де ла Вега, Комментарий. Реалес*, ii. 57-81, 369-75, 466-7; *Медина, Хроника С. Диего*, 11-12, 239-41; *Пура, Седуларуо*, 24-7, 75-93, 115, 161-3, 188-201; *Лас Касас, Carta Amonest. 1545*, стр. iv.; *Id.*, *Carta al Gattinara, 1520*, 1-5; *Id.*, *Carta a los PP. de Guat.*, 1554, 1-10; *Id.*, *Hist. Apolog.*, CP., 28-9, 222; *Id.*, *Hist. Ind.*, i. 406, стр. vii.; *Id.*, *Regionvm*, 35-40; *Providencias Reales*, ср., 10-15, 49-77, 158-60, 178-208, 221-54, 270-309; *Эспиноза, Хроника. Apost.*, 308-407, 490-9, 534-90; *Estrada Rávago, Descripcion*, MS., 2-11; *Arévalo, Actas Ayunt. Guat.*, 15-172; *Id.*, *Col. Doc. Антур.*, 1-198; *Аррисивита, Крона. Серафика*, 1-157, 227-35, 588-9, 603-5; *Полковник Док. Инед.*, 1. 122-4, 140-1; lvii. 318, 344, 384-412, 478; *Мендиета, История. Ecles.*, 382-94, 545-8, 619-21, 667-74; *Gavarrete, Copias de Doc.*, MS., 1-55; *Guat.*, *Col. de Cédulas*, MS., 1-130; *Id.*, *Sto Domingo, en 1724*, MS., 1-74; *Наа, Informe al Rey*, MS., 1-23; *Пров. Сант. Евангелие*, CP., 1-7, 160-6, 206-10; *Док. История. Мех.*, серия i. том. i. 103, passim; том. ii. 3-520; том. iii. 238-495; том. iv. 116-237; том. v. 109, 142; серия ii. том. iv. 21-2, 212-88, 349-72, 463; том. vi. 41-8; том. vii. 75-6; *Recop. de Indias*, i. 11, passim; ii. 17, passim; iii. 311, passim; *Juarros, Guat.*, 1, passim; *Id.* (ed. Лондон, 1823), 1-520; *Cogollvdo, Hist. Yuc.*, 93, 234-42, 326, 637, 745-51; *Реалес Орденес*, ii. 305-31; iii. 94-245, 308-12; viii. 188-9, 422-39; *Фернандес, Hist. Ecl.*, 29-32, 115-185; *Пелаес, память. Гуат.*, i. 1-310, passim; ii. 1-311, passim; iii. 1-291; *Грасиас, Эстадистика*, 22-31; *Рукопись Сквайера.*, i.-xxxii.; *Криадо де Кастилия, Дескуб.*, CP., 1-64; *Мальтраатамьенто де Индиос*, CP., 1-4; *Кортес, Резиденция*, я. 51-60, 96-7, 155-6, 232-4, 424; *Пурчасъ, Его "Пилигримы"*, iv. 877, 1146-7, 1569-1603; v. 886-8; *Сереседа, Карта*, CP., 1-62; *Дерротеро пара Навег.*, CP., 17-133, passim; *Кабрера Буэно, Навег. Especvl.*, 313; *Lobo, Relacion*, MS., 1-217, passim; *Gallego y Cadena, Relacion*, MS., 1-18; *Lazcano, Vida del Oviedo*, 17; *Papeles de Jesuitas*, MS., 3; *Apiano, Cosmog.*, 18-19, 75; *Garcia, Sublev. Зендалес*, г-жа, 1-154, passim; *Авила-и-Луго, Описание*, г-жа, 1-8; *Рамузио*, iii. 300-4; *Седуларуо*, г-жа, i. 34-46, 246-8; iii. 0 81-91; *Гарсия де Эрмосилья, Мемориал*, г-жа, 1-65; *Симон, Conq. Tierra Firme*, 401-32; *Fvndacion y Prog. de Prov. Сантьяго*, ср., 2-5; *Дуарте, Relacion*, ср., 1-5; *Каррьедо, центр Ист.*, 1-117, Пассим; *Villagvtierre, Ошибка! Закладка не определена. Ист. Конк. Ица*, 4-17, 76-314, 341-401, 504-11, 542-659; *Фигероа, Вундисуас*, г-жа, 70-104; *Рамон, El Informe*, г-жа, 20-89; *Зурита, Relacion*, г-жа, 65; *Аниньон, Discurso*, г-жа, 1-3; *Ниебла, Мемориал*, г-жа, 1-20; *Альварадо, Картас*, г-жа, 1-42; *Морелли, Фасты Нови Орбис*, 107-15, 140, 181-3, 206, 348, 361-5, 480-9; *Пинело, Родственник*, 2-11; *Веласко, Карта*, г-жа, 1 и последующие; *Миранда, Память*, г-жа, 1-20; *Пьедрахита, история генерала*, 529-30; *Морель, Штаб Крус Висита*, г-жа,

1-104; *Исагурре, родственник*, г-жа, 1 и далее; *Коста-Рика, Кабильдо де Релясион*, ср., 1-18; *Хаклвит, Войс.*, iii. 567-9, 590-7; *Ариса, Дариен*, СР., 2-38; *Панама, полковник Док.*, passim; *Гуат.*, *Const. del. Коллегио*, ср., 1 и последующие; *Верапас и Ахицаес, Миссии*, ср., 1-27; *Андагоя, Карта аль-Рей*, СР., 9-10; *Акоста, сост. История Северной Гранады*, 324; *Сан-Сальвадор, Тратадо-де-ла-Фондасьон*, MS., 1-27; *Дариен, Защита шотландского поселения*, 1 и последующие.; *Удостоверение личности, Запрос*, 1 и последующие.; *Удостоверение личности, Скромный адрес; Удостоверение личности, письмо, касающееся; Удостоверение личности, оригиналы документов*, 1 и след.; *Id.*, *Оправдание*, 1 и далее; *Торон, История. Быт. Ам.*, ст. 193-214, 249-97; vi. 74-124, 307-48; vii. 69-163, 233-48, 269-78; *Сантос, Хроника. Исп.*, ii. 479-85; *Гарсия, История. Beth.*, i. 25-7; ii. 3-12, 28-203; iii. 1-173; iv. 1-39; *Id.*, *Reseña Geog.*, 7; *Coreal, Voy.*, i. 94-5, 101-12; *Id.* (изд. Амстердам), 73-112, 125-47; *Id.* (изд. Париж), 65-100, 251-2; *Пинеда, Описание. Геог.*, 11-14, 45, 85-8, 129-33; *Кадена, Краткое описание*, 5-56; *Ривера, История. Jalapa*, i. 60-3; *Ordenanças para remedio de Navíos*, 1-24; *Lynch, Rel. Пунктуальный*, СР., 1-19; *Готфрид, Новый Вельт*, 82-3, 282-6; *Эксмелин, История. de Flib.*, i. 162-5, 197-228; ii. 3-11, 31-193, 207-46; iii. 30-202, 301-47; *Рамирес, Proceso*, стр. xi.-xxiii., 6-82, 102-3, 124-30, 277-90; *Feuillée, Журнал*, 65-86, 146-60, 311-23; *Ларрейнзар, Соконуско*, 1-3, 17-25; *Заметки Сквайра*, 121 и далее.; *Id.*, *Государства*, 44, passim; *Id.*, *Путешествия*, 82 и далее.; *Лазт, Нови Орбис*, 325, 333-46; *Exquemelin, Am. Zee-Roovers*, 59 и далее.; *Id.*, *Buccaneers of Am.*, 29 и далее.; *Id.* (изд. Бостон, 1857), 76 и далее; *Id.*, *Hist. де Боканье* (изд. Amst. 1700), 12 серий след.; *Хейлин, Cosmog.*, 1080-9; *Дампир, Voy.*, i. 3 и след.; *Уллоа, Noticias*, 345; *Кливленд, Nic. Транзит*, ср., 52-66; *Ларенодьер, Мексика и Гуат.*, 268, 287-90; *Мексиканский Прескотт*, i. 377-86; *Id.* (ред. Мадрид), iv. 228; *Id.*, *Hist. Перу*, ii. 561-72; *Монтанус, Нью-Веерельд*, 268-81; *Сок. мексик. Геог.*, *Болетин*, iii. 87, passim; v. 326-32; *Id.*, 2da ep., i. 222-50, 293, 456, 565-73; iii. 77-80; iv. 699-712; *Id.*, 3da ep. ii. 304-26; *История Архенгольца. Pirates*, 93, passim; *Компания Южных морей, Вид на*, 1 и далее; *Шарп, Вой. и Adv.*, 2, passim; *Люссан, Журнал де Вой.*, 30-110, 129-43, 152-274, 384-436; *История Фанкура. Юк.*, 147, passim; *Кальво, Особенности*, ii. 205-9, 359-81; iii. 249-55; xi. 190-203; *Айон, Рассмотреть. Ограничения*, 9-19; *Лейтс, Введение. Геог.*, 727-9; *А.А., Naaukeurige Versameling*, x. 19-25; *Гумбольдт, Эссе Пол.*, ii. 467-73; *Бустаманте, Медидас*, СР., ii. 11-12; *Замаква, История. Медж.*, i. 715-18; ii. 375; iii. 144; iv. 485-6, 632-84; v. 187, 422-8, 617-34; x. 1123-5; *Монтемайор, Свмариос*, 11, 163-6, 189, 203-4; *Par. Var.*, xlv. pt. i.-x.; cxlix. pt. x. 403-14; *Id.*, clxvii. pt. i. 1 и последующие.; *Id.*, ccxv. pt. xvii. passim; *Рейхардт, Nic.*, 31-2, 71-80, 110-13, 136-8, 140-4, 205-7; *Дэвити, Описание генерала*, 91-4; *Брассер де Бурбур, биб. Мекс. Гуат.*, 36; *Id.*, *Hist. Nat. Civ.*, iv. 574-633, 781-98; *Мореле, Voy.*, ii. 291, 303; *Помогает Кортесу*, ii. 162-3; *Id.*, *Жизнь Лас Касаса*, 182, passim; *Id.*, *Span. Conq.*, iii. 275, passim; iv. 9-14; *Кинтана, Вида*, 129 и далее; *Ривера, Джоб. de Mex.*, i. 31, 248, 254, 258-9; *Открытие Берни. South Sea*, iv. 59, passim; *Nouvelles An. de Voy.*, xxi. 244, 261-2; xxvi. 405-6; xxxv. 127-8; lxxx. 129-69; xcii. 58; xciii. 25-6; xcix. 192; c. 51-4; cli. 1-15; clviii. 200; *Гуат.*, *дополнение. Agric.*, 42, passim; *Вест-Индия, Описание пролета. Settl.*, 1-106; *Lerdo de Tejada, Apunt. История.*, 261-2, 299; *Антунес, Память. История.*, стр. lviii.-lxiii. lxxxiii.-xciii.; *Пираты Америки.*, ii. 1 и последующие.; *Ла Гарп, Абреге*, x. 116-20, 257-314; xi. 237, passim; *История Рассела. Ам.*, i. 388-93, 416-19, 517-43; *иезуиты, генерал-полковник*, i. 1 и последующие.; ii. 1 и последующие.; *Клемент, Хроника Таблас.*, 170-97, 205; *Полковник Керр. Войс.*, v. 175-80; x. 214, passim; *Id.*, *Путешествия*, 229; *Коста-Рика, Границы*, 10-50; *Паласио, С. Сальв.*, 1-70; *Иглесиас и Монастыри Мексики.*, 277-81; *Cortes, Diario*, v. 220; xix. 390-1; *Вест-Индия, Геог. и История.*, 60, passim; *Молина, стоимость Боскехо. R.*, 67 и далее.; *Id.*, *Государственный переворот*, 6 и далее.; *Ист Симанна. из Панама*, 7-53; *Id.*, в *Panamá Star and Herald*, март-май 1868 г.; *Новое исследование Гейджа*, 180-

265, 308-9; *Id.*, *Voy.* (изд. Париж, 1676), ii. pt. **Ошибка! Закладка не определена.** iii. 1-66, 179-297; *Id.* (изд. Amst. 1720), i. 303-76; *История Дугласа. и Пол.*, i. 44-6, 88-9; *Война Дрейка.*, 56-65, 303-15; *Терно-Компанс, Война.*, сери i. том. x. 151-91, 269-85, 415-28; сери ii. том. v. 142-3, 179-81, 202-3, 275-83; *Фричиус, индийская религия.*, 180-4; *Карбахаль, История Мексики*, ii. 654-6; *Дрейк, Кавендиш и Дампир, Жизнеописания*, 179, 182-5, 188-99, 233-40, 263-70; *Джулиан, Преобразование*, 1-286; *География Кука.*, ii. 166-8; *Фернандо*, vii.; *Декретос*, 86-90; *Аросемена, Экзамен*, 20-2; *Архив Мексики.*, i. 113; *Линсхотен, Война.*, 229; *Оригинальные письма честному моряку*, 6-19; *Мексиканский альбом*, i. 417-18; *Марч и Лейборис, особенно Марина*, ii. 583-7, 648, 662-7; *Ник Кьюэн и Уокер, MS.*, 61-4; *Анналы Макферсона*, i. 744-7; ii. 379, 451, 664-9; iii. 354, 548, 589; iv. 4, 159, 179, 460; *Диорама*, 146-75; *Аламан, Дисерт.*, i. 29-37, 172; iii. 338; *Огилби А.М.*, 96 страниц; *Мазариегос, Чьяпа*, 5 и последующие; *Рибера Пайо, Эль Маэстро*, 1-42; *Лопес, Меркурио Инд.*, ср., 42-5; *Война вафель.*, 4-188; *Университет Виаджеро.*, xii. 72, *passim*; xiii. 63-78; xxvii. 159 и далее.; *Наварро, Выдержка. Guat.*, 1-32; *Lettres Edificantes*, iv. 359; *Sammlung aller Reisebesch.*, ix. 69-106, 617; xii. 373-7; xiii. 513, *passim*; xv. 252-62; *Nueva España, Breve Res.*, MS., 349, *passim*; *Batres, Rel. de las Fiestas*, 1-9; *Larrainzar, Biog.*, 1-15; *Id.*, *Discurso*, 12-17; *Spanish Empire in Am.*, 134, *passim*; *Nicaragua, Defensa de Derechos del Pais*, 15-21; *Ocios, Espan.* Эмиград., 222-3; *Анкона, История. Юк.*, 202, *passim*; *Столетие Америки, Reclam. de Intervencion*, 7-10; *Беренджер, Кол. Войны.*, ii. 411; iii. 284, 291; *Юриспруденция*, ст. 39-43; *Астабуруага, Сент. Утра.*, 54, 108-9; *Хефкенс, Сент. Утра.*, 23, 27; *История Воя.*, 164-6, 354-7; *Гастизабаль, За эль-Маэстро*, 2; *Путешествия, Новый кол.*, i. 422-36, 488-504; ii. 43 и далее.; iii. 42, *passim*; *Евангелие Кроу в Сент. утра.*, 18 и далее.; *Восточное побережье Сент. утра.*, 4-8; *Путешествие Кокберна*, 20-264; *Заметки Пуансетта о Мексике.*, 15-21; *Современная история Салмона.*, iii. 63-5, 219-22; *Беккатины, Вида Карлос*, iii. 211-12; *Панама Бидвелла*, 38, *passim*; *Американский преподобный*, июль 1851 г., 3 и последующие.; *Полковник Черчилль*, vi. 298-312; viii. 734, 761-769; *Страница, Новый Вой.*, ii. 403-10; *План Кризи MS.*, 1-47; *Никарагуа, Дискуссия в Нуэве*, 4-5; *Успехи Макгрегора в Америке.*, i. 311, 728, 741-2, 749; *Ник Стаута.*, 101, *passim*; *Американский центр, сост. Бельгия*, пункты ii. 35-6, 92-3; *Никарагуа, Об Ордене директора*, 1-16; *Журнал United Service.*, пункты ii. 208, 315-18, 433-40, пункты iii. 4-9, 289-95; *Ворота Пима в Тихий океан*, 26 и последующие; *Реестр Найлса*, xlv. 358; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, 371-5; *Конде, Гольф-де-Онд.*, 5-6; *Карранса, Описание*, 66-70, 118; *Панама Грисволда*, 8 и последующие.; *"Полковник Вой" Пинкертон*, xiv. 361-87; *Ларраньяга, Проспект Энеиды*, 1-28; *Харлейский полковник Вой.*, ii. 761-5; *Гуат Данна.*, 64, *passim*; *Делапорт, Рейз*, x. 343, 397-416; *Ежеквартальное издание*, xxxv. 326-9; *География Мордена.*, 582-4; *Полинезийский*, vii. 5, 181; *Показанный мир*, vi. 9-17, 44-9; *Демократическое издание*, xxx. 546; *Бастид, Память. сур Новый пассаж*, 21-4, 30-2; *Война Бетага.*, 132-3; *Журнал Харпера.*, xvii. 28-9; xviii. 18-23, 31; xix. 20-37, 434-7, 449-50; *Нар Сиворда.*, ii. 271-99; *Центр Данлопа. Ат.*, 68-70, 77, 93; *Гуат Томпсона.*, 236-7; *Сан-Мигель, Мексика.*, ii. 24; *North Am. Rev.*, xxiv. 278-80; *Young's Mosq. Берег*, 12-15; *Флоренсия, Зодиак Мариано*, 234-55; *Мексиканский предок Гордона*, ii. 247; *Британская кварта. Откр.*, xcix. 238-9; *Мексика и Гуат.*, ii. 155; *Европейская книга Берка. Поселение*, i. 291-2; *Научная миссия Мексики.*, 509; *Точки Пима и Симана*, 85 и далее; *Лондонский геогр. соц., журнал*, i. 85; xi. 81; xxiii. 180-1; xxxviii. 108-9; *Путешествие Кодмана туда и обратно*, 14-15; *Святой Франциск Ассизский*, 563; *Анналы брит. Закон.*, ii. 397; *Христианские миссии Маршалла*, ii. 224-6; *Документы Шепарда о Span. Ат.*, 35-7; *Война Роджерса.*, приложение 13-54; *Географический словарь тезауруса.*, ii. 267-71; *"Анналы Америки" Холмса.*, i. 72; *Современная география Пинкертон.*, iii. 216; *"Исход Бери"*, ii. 58-99, 171-2; *Mosquito Terr.*, *Переписка, касающаяся*, 7 и последующие; *Указатель*, iii. 156-73; *Промежуток*

Кэмпбелла. Амер., 64, *passim*; Эспиноза, Перегрино, сентябрь, 1-456; *Id.*, *Nuevas Empresas*, 1-46; История Индии Мартина, i. 137-9; Дарьен Уорбертона, 169-396; Руководство Индии, 1, *passim*; Путешествия, Новый университет, полковник, i. 188-9; ii. 373-8; Боддам-Уэтхэм, Через Сент-Амур., 109-12; Отзыв Томпсона., 119; Мексика Майера. *Aztec*, i. 253; Отчет Уэзерхеда о экспедиции., 36; *Overland Monthly*, iv. 497; *Strames' Inter*. Комм., 15-18; "Вся война" Приора, 57-70; Воспоминания Гринхоу, 35-8; "Пузырь на Миссисипи" Тьера, 229-57; "Мир Фэншоу в мин.", **Ошибка! Залка не определена.** ii. 23; Прямое плавание Имрея., 12; Холински, *La Cal.*, 66-8; Заявление Кросби, MS., 116-18; Прямое плавание Финдли., i. 213, 242, 258; Арана, *Relacion*, 380-98; Гуэрра, История. *Revol.*, ii. 616-17; Мексика, Заметки о 1822 г., 239-44; Рус. Фроста. История. Мексика., 129; Война Шелвока., 292-3; Заметка индивидуума де лос Дерекос, 1-143; Землетрясения Понтона, 36, 46; Никарагуа и Хонд. Документ., 1-56; Московское побережье Паредеса, 1-62; Линия, Правила торговли Испании, 207-8, 227; Мексика Кондера и Гуат., ii. 153, *passim*; *Hassel, Mex. und Guat.*, 406; Mex. Уилсона, 257; История Ларднера. *Marit.*, ii. 302-4; Панама, Перешеек, 8-9; Коммерция Андерсона, iii. 165; iv. 47, 449; Нар. Робертса. *Voy.*, 37-42; *Harris' Col. Voy.*, i. 748, 754; *Wells' Honduras*, 415, 457-9, 530-1; *Goodrich's Man on Sea*, 34, 337-8; *Correo Merc. Esp.*, iv. 270; *Tomes, Panamá*, 162-3, 208-12; *Oviedo y Baños, Por el Licenciado*, 1-9; *Guat.*, *Instruc. Аппелло*, 1-24; Панамский перешеек Отиса, 127; Университет Пейна. Геог., iv. 461-3; Силицио, Память. Разжигать. Полковник. Инд., 74-8; Суарес, Информация, 33; Путешествия, История. вокруг света, i. 302-9, 325-9, 443-4; Дарьен Каллена, 147-93; История Уинтерботэма в США, iv. 120-8; Пуйдт и Бинкум, Колонизация, 72; Геог. Флинта, ii. 145; Альзате, Гацетас, iii. 326, 442; Кастельон, Док. Ник. Йонд., 51-6; *Mosquitolandes*, 23, *passim*; *Moro, Informe*, 1-127; *Cavo, Tres Siglos*, i. 104; ii. 67-8, 147; iii. 35-43; *Bvla, Confirmationis*, 1-16; Никарагуа, Новая дискуссия, 6-7, 20-5; *Dic. Университет. История.*, i., *passim*; Арансель, Дерекос, 2-6; Лакунза, Исторический дискурс., 461; Москито-Кюсте и Тер., 14-18; Фонсека-и-Уррутия, Настоящая Гасиенда, i. 519-20; Гуат., Аранселес, 1-100; Белли, Ник., i. 28-30, 192, 226, 349-50; ii. 38, 261; Рейналь, История. Фил., iv. 74-5, 200, 205, 221-50; Путешествия Леона, 15-19, 35-40; Пинело, Реляция, 1-11; Москито, Переписка, 27, *passim*; Историческая реляция Января, 1-8; Муро, Утилитарные методы, 1-73; Фабрика и Эстампа Найпа, 1-16; Льоренте, События, 1-409; Фернандо, vii.; Документ., 314-27; Маргил де Хесус, Заметки о жизни, 1-216; *Id.*, Нуэвас Эмпресас, 1-46; Канчелада, Тел. Мексика, 109; Морено, *Reglas Ciertas*, 1-136; Никарагуа, Память., 8-28; Цент. Амер. Брошюры, *passim*; Документ *Mosquito.*, *passim*; Мексиканский музей, i. 193-5, 229, 261; *Итурруага, Эль Долор Рей*, 1-27; *Ilust. Mex.*, iv. 414-16; *Iglesia de Guat.*, *El Dean*, 1-4; *Linage, Norte de la Contratacion*, 1-264; *Navarrete, Col. Viages Descub.*, iii. 452-3; *Guatemala, Autos de Parte*, MS., 1-41.

СНОСКИ

[1-1] Эррера, дек. iii. библиотека. viii. глава. xiii.-xiv., написано 80 человек. Франсиско де Херес, секретарь Писарро, *конк. дель Перу в Барсии*, iii. 179, указывает на 112 испанцев, не считая индейцев; Заратэ, История. в дель Перу, по данным, 114 человек. Для получения незначительных утверждений и расхождений сравните Гомару, *Hist. Ind.*, 141; Гарсиласо де ла Вега, *Сот. Настоящий*, пт. ii. библиотека. i. глава. vii.; Бенцони, История. Мондо Ново, 118; Овьедо, iii. 382-90; Кинтана, Видас, Писарро, 50.

[I-2] Это письмо, описывающее ужасы ситуации и умоляющее губернатора о помощи, было подписано автором и его товарищами; после него шла болтовня, много лет спустя ходившая в Индии, которая гласила следующее:

Pues señor gobernador,

Mirelo bien por entero

Que allá va el recogedor,

Y acá queda el carnicero.

И может быть переведен следующим образом:

На это мы надеемся, ваша честь,

Доброжелательно выслушает;

С тобой пастух,

У нас здесь мясник.

В ", *Бальбоа*, Терно-Компан приводит французскую интерпретацию Бодуэна:

Monsieur le gouverneur, on s'en va vous chercher,

Pour emmener des gens de la ville où vous estes.

Envoyez-nous-en donc, car voicy le boucher

Qui les esgorgera comme de pauvres bestes.

[I-3] Гарсиласо де ла Вега, *ком. Real*, часть ii. lib. i. cap. xi., рассказывает самые экстравагантные истории, касающиеся Тумбеса. 'Avia gran numero de Plateros, que hacian Cantaros de Oro, y Plata, con otras muchas maneras de Joias, asi para el servicio, y ornamento del Templo, que ellos tenian por Sacrosanto, como para servicio del mismo Inga, y para chapar las planchas deste Metal, por las paredes de los Templos, y Palacios.' Смотри также, *Хефес, Conq. del Peru, Barcia*, iii. 169-81; *Zárate, Hist. del Peru, Barcia*, iii. 2, 3; *Gomara, Hist. Ind.*, 143; *Pizarro y Orellana, Varones Ilvstres*, 138; *Benzoni, Hist. Мундо Нвово*, 120; *Эрпера*, дек. iii. lib. viii. глава xii.; *Овьедо*, iii.

[I-4] Некоторые утверждают, что, находясь в Испании, Кортес и Писарро стали большими друзьями; что первый дал последнему много отеческих советов. Говорят, что Кортес, хотя и был моложе, мог многому научить своего брата-завоевателя и предостерег Писарро от допущения кого-либо к участию в верховной власти, в чьем совете, действительно, вряд ли была необходимость.

[I-5] Историки перуанского завоевания с упором указывают на политический переворот как фактор, который отдал страну испанцам. Конечно, мы не можем сказать, какими были бы несчастные случаи этого вторжения при других условиях. Поскольку это произошло, я не могу понять, каким образом гражданская война по необходимости стала причиной успеха или что без разрушения Перу испанцы не смогли бы достичь своей цели. Атауальпа во главе мощной армии в разгар победы мог сокрушить эту горстку испанцев так же легко, как мог бы сокрушить

перуанское войско, в десять раз превосходящее их по численности. Писарро мог бы осуществить свой имперский замысел так же легко, когда царил мир, как и в другое время. Сравните *Naharro, Relacion*, в *Col. Doc. Inéd.*, xxvi. 232-7; *Реальная Седула*, в *Id.*, 256; *Кастанеда, Информация*, в *Id.*, 256-9; *Ярен, Информация в Панаме*, в *Id.*, 259-60; *Кандиа, Информация*, в *Id.*, 261-5; *Педро Писарро*, в документе, 201-10; *Альмагро, Informacion*, в документе, 265-74; *Самано, Relacion*, в документе, v. 193-201; *Полковник Док. Inéd.*, в документе, л. 206-20; *Ovalle, Hist. Чили*, в "Войне" *Пинкертона*, xiv. 154-6, и в "Войне полковника" *Черчилля*, xiv. 154-6; "Путешествиях Леона", *Hakluyt Soc.*; "Гарсиласо де ла Вега", *Ком. Reales*, ii. 13-20; *Pizarro y Orellana, Varones Ilustres*, 127-9; *Xerez, Conq. дель Перу*, 179-81; *Гомара, История Индии*, 141-7; *Овьедо*, iv. 147 и последующие; *Сарате, История. Перу*, 17-23. Последний упомянутый документ принадлежит одному из завоевателей. Согласно некоторым сообщениям, инки не были уверены, какой курс избрать. Сразу после захвата Уаскара некоторые из его советников высказались за то, чтобы послать армию и немедленно уничтожить захватчиков. Другие хотели взять их живыми и, сделав из них рабов, привить свое превосходство к их собственной зарождающейся цивилизации. Другие, более робкие, представляли чужаков чрезвычайно свирепыми и могущественными, победить которых было бы трудно и опасно. 'Vnos querian, que fuesse vn capitan a ello con exercito, otros dezian, que aunque los estrangeros no eran muchos, eran valientes, y que la ferocidad de sus rostros, y personas, la terribilidad de sus armas, la ligereza, y brabura de aquellos sus caualllos pedian mayor fuerça.' *Herrera*, dec. v. lib. ii. cap. ix. По словам Бальбоа, прибытие испанцев вызвало некоторое беспокойство у перуанцев в Куско. 'Cette nouvelle inquiéta tout le monde. Atahualpa essaya de tranquilliser ses sujets en leur disant que ces étrangers étaient probablement des envoyés de Viracocha, et depuis cette époque ce nom est resté aux Espagnols.' *Hist. дю Перу, Терно-Компанс, Вой.*, сери ii. том. iv. 309. Бенцони утверждает, что Атауальпа, находившийся в Кашамалке, отправил гонцов к Писарро, угрожая заставить его покаяться, если он не оставит своих вассалов в покое и не вернется в свою страну. 'In questo tempo Attabaliba Re del Peru si trouaua in Cassiamalca, e inteso com' era entrato nel suo paese gente con la barba, con certi animali terribili e scorreuano i luoghi, ammazzando, e depredando il tutto, mandò vn' ambasciatore à Francesco Pizarro, minacciandolo, che se non lasciava i suoi vassalli, e se ne fosse ito al suo paese, che lo farebbe mal contento.' *Hist. Мондо Нвово*, 121.

[I-6] Эррера говорит 24; другие 20. В рассказах этих ранних авантюристов редко встречаются два совершенно одинаковых рассказа о каком-либо событии. Однако среди всех них мы обычно можем приблизиться к истине.

[I-7] На самом деле, по словам "испанского капитана", в лагере инков было 80 000 воинов, но кавалеры сообщили своим товарищам только о 40 000, чтобы не обескураживать их! 'Li Capitani ritornorno al signor gourenator, e gli disseno quel che era seguito del cacique, e che li pareva che la gente ch'egli haueua portriano esser da quaranta mila huomini da guerra. Et questo dissono per dar animo alla gente, perche erano piu di ottanta mila, e dissono ancora quello che li haueua detto il cacique.' *Relatione d'vn Capitano Spagnuolo*, in *Ramusio*, iii. 373.

[I-8] История рассказывается таким количеством способов, сколько существует историков. Одни говорят, что инки вошли в Кашамалку как завоеватели, другие - что они попали в ловушку испанцев. Все они частично верны. Несомненно, он захватил бы испанцев в плен, если бы мог, в то время как они предотвратили бы это, захватив его в плен, если бы могли. По словам Зарате, увидев всего несколько человек на площади, когда он вошел, он спросил: "Эти люди сдались?" и его люди ответили: "Сдались!" "Я пришел за покосом испанцев, я есос а пирог (свинина

Кабальо, эстабан эскондидос) пенсо, я не осарианец, я не эсперарианец; я левантандоз собре лас андас, дико а су Джентльмен. *Estos rendidos están. Y todos respondieron que si.* 'Zárate, *Hist. del Peru, Barcia*, iii. 21.

[I-9] Одни говорят о кресте и требнике, другие - о кресте и Библии. 'Llego entonces a el Fray Vincente de Valverde, dominico, que lleuaua una Cruz en la mano, y su breuiario, o la biblia, como algunos dizen.' *Gomara, Hist. Ind.*, 149.

[I-10] 'Lui exposa longuement les mystères de notre sainte religion, en citant son discours plusieurs passages des évangiles, comme si Atahualpa avait su ce que c'était que les évangiles, ou eût été obligé de le savoir.' *Balboa, Hist. du Pérou*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii. tom. iv. 315.

[I-11] "Ответ Атабалибы моему энохаду, не спрашивай, кто отдает свободу". *Гомара, История. Ind.*, 149. "Пусть не гли пареуа вернется к свободе дарить трибуту, а ты не будешь хауэуа май в дуто". *Бензони, История. Mondo Nuovo*, 123. 'Soi libre, no debo tributo à nadie, ni pienso pagarlo, que no reconozco por superior à ningun Rei.' *Garcilaso de la Vega, Com. Real*, пт. ii. библиотека. i. глава. xxv.

[I-12] 'Y que Christo murio, y el sol, y la luna nunca morian.' *Gomara, Hist. Ind.*, 150.

[I-13] 'Et che il Pontefice doueua essere vn qualche gran pazzo, poi che daua cosi liberamente quello d'altri.' *Benzoni, Hist. Mondo Nuovo*, 123. 'Que no obedeceria al Papa porque daua lo ageno, y por no dexar aquien nunca vio el reyno, que fue de su padre.' *Gomara, Hist. Ind.*, 149-50.

[I-14] 'Poi gli dimandò, come sapeua, che'l Dio de Cristiani di niente haueua fatto il mondo, e che fosse morto in Croce. Il frate rispose, che quel libro lo diceua, e lo porse ad Attabaliba, ilquale lo prese, e guardatoui sopra, ridendo disse; à me non dice niente questo libro; e gettatolo per terra, il frate lo ripigliò.' *Benzoni, Hist. Mondo Nuovo*, 123. 'Le moine en fut si irrité qu'il réclama à grands cris vengeance pour l'offense faite à Dieu et à sa sainte loi.' *Balboa, Hist. du Pérou*, 315.

[I-15] Писарро-и-Орельяна мягко утверждает, что инка отбросил от него книгу с таким презрением, что монах был вынужден призвать христиан сражаться за их закон. 'Y poniendole la biblia en las manos, la arrojò el Inga con tã gran vituperio, que obligò al Religioso à dar voces à los Cristianos, diziendoles, que bolviessen por su ley, que la ultrajava aquel barbaro gentil, de quien no avia ya que esperar.' *Varones Ilvstres*, 155.

[I-16] 'Et subito ad alta voce cominciò à gridare; vendetta, vendetta Cristiani, che gli Euangelij sono disprezzati, e gettati per terra. Vccidete questi cani, che dispreggiano la legge di Dio.' *Benzoni, Hist. Mondo Nuovo*, 123. Gomara says: 'Los Euāgelios en tierra, Vēgāça Christianos, a ellos, a ellos que no quiere nuestra amistad, ni nuestra ley.' *Hist. Ind.*, 150. While Garcilaso de la Vega renders it thus: 'Ea, ea, destruidlos, que menos precian nuestra lei, y no quieren nuestra amistad.' *Com. Reales*, ii. библиотека. i. глава. xxv.

[I-17] 'De Monick selfs hielt oock niet op den gantschen tydt dat sy doende waren met dit Dolck te vermoorden, vamrasen en tieren, vermanende de spaenjaerden dat sy niet houwen maer steken soudén, om de Lemmets te bewaren, dat sy niet braecken, mits sy de Degens in nacomende moorderyen soudén van noode hebben.' *West-Indische Spieghel*, 362.

[I-18] 'Cargauā todos sobre Atabaliba, que todauia estaua en su litera, por prenderle, desseando cada vno el prez y gloria de su prision.' *Гомара*, 150. 'Ses gardes prirent la fuite detous les côtés, et les

Espagnols, ayant entraîné l'Inga dans leur camp, lvi mirent les fers aux pieds.' *Balboa, Hist. du Pérou*, 316.

[I-19] "Испанский капитан" оценивает их число в более чем семь тысяч, не считая многих, у кого были отрезаны конечности и были искалечены другими способами. 'Rima sero in quel giorno morti da sei ouer sette mila Indiani, oltra molti che haueano tagliate le braccia, e molte altre ferite.' *Relatione d'un Capitano Spagnuolo; Ramusio*, iii. 374. 'Decimos, que pasaron de cinco mil Indios los que murieron aquel dia. Los tres mil y quinientos fueron à hierro, y los demas fueron viejos invtiles, mugeres, muchachos, y niños, porque de ambos sexos, y de todas edades avia venido innumerable gente à oir, y solenniçar la embajada de los que tenian por dioses.' *Garcilaso de la Vega; Com. Реал*, пт. ii. библиотека. i. загл. 25. Писарро-и-Орельяна превозносит эту жестокую резню как одно из самых важных сражений в истории, примечательное тем, что пролилось так мало христианской крови! 'Se vencio una de las mas importantes batallas, y con menos gente de quantas en las historias divinas, y humanas se han visto; no sacandose mas sangre de los Cristianos, que la de una pequeña herida que le dieron en la mano à nuestro valeroso capitan salia.' *Varones Ilvstres*, 156.

[I-20] 'Cosi bauuta la sanguinolente e terribil vittoria di quella misera gente infelice; stettero tutti la notte in balli e feste, lussuriando.' *Benzoni, Hist. Мондо Нво*, 124. 'Als de Spaenjaerden desen bloedighen neerlaghe aengerecht hadden van dit ongheluckighe Volck, hebben sy den naestvolgenden nacht met dansen en springhen, en bancketeren overghebrocht.' *West-Indische Spieghel*, 362.

[I-21] В испано-американской истории не найти более великого памятника слепого преклонения, чем *Варонес Ильвстрес дель Нвево Мвндо*, Мадрид, 1639 год, Писарро-и-Орельяна, потомок одного из великих Писарро. Не только жестокий Франсиско Писарро причислен к лику святых, но и рассказы о восьми героях завоевания, занимающие большую часть фолианта, представляют собой не что иное, как прикрытие недостатков так называемыми славными деяниями, которые, помимо целей прославления, служат особым ходатайством о подтверждении дарований, дарованных завоевателю. Это заявление нашло отражение в более позднем *правовом дискурсе* автора и в некоторой степени стало более весомым благодаря его положению члена королевского совета.

[I-22] 'Y se fue enterando de ellos del discurso de su venida, y de la Fè Catolica, que oia muy buen: como hombre que tenia muy bien entendimiento.' *Pizarro y Orellana, Varones Ilvstres*, 156.

[I-23] 'Hallaron en el baño, y Real, de Atabaliba cinco mil mugeres, que aunque tristes, y desamparadas, holgaron con los Christianos, muchas y buenas tiendas, infinita ropa de vestir.' *Garcilaso de la Vega, Com. Реал*, пт. ii. библиотека. i. глава. xxvii.

[I-24] 'Valiò en fin la bajilla sola de Atabaliba, cien mil ducados.' *Garcilaso de la Vega, Com. Настоящий*, пт. ii. библиотека. i. глава. xxvii. 'Los Soldados no se descuidaron en visitar los cuarteles del exercito del Inga, donde hallaron grandissimas riqueza de oro, y plata.' *Pizarro y Orellana, Varones Ilvstres*, 156.

[I-25] 'Tratò Ataulpa de su rescate, y ofrecio tan gran cantidad de oro, que parecia imposible cumplirlo.' *Pizarro y Orellana, Varones Ilvstres*, 156. 'Prometiò, porque le soltasen, cubrir de vasijas de plata y oro, el suelo de vna gran sala donde estava preso.' *Garcilaso de la Vega, Com. Реал*, пт. ii. библиотека. i. глава. xxviii.

[I-26] 'J'attends avec impatience l'arrivée de votre frère, pour savoir quels sont ses droits, rendre justice à chacun et tâcher de vous mettre d'accord.' *Balboa, Hist. du Pérou*, 317.

[I-27] Бенцони сказали, что Писарро с самого начала намеревался лишить жизни Атауальпу, поскольку ожидал, что таким образом сможет лучше подчинять страну и управлять ею. 'Però io ho inteso, da poi che Pizarro l'hebbe fatto prigionie, l'intento suo fu sempre di leuarselo dinanzi à gli occhi, per meglio potere soggiogare, e dominare il paese.' *Hist. Mondo Nuovo*, lib. iii. fol. 125.

[I-28] 'Il était, dit-on, épris d'une des femmes d'Atahualpa, que la crainte qu'inspirait l'Inga empêchait de se rendre à ses désirs.' *Balboa, Hist. du Pérou*, 322. 'Sobre estas causas se examinaron à algunos Indios, à tiempo q̃ el Interprete Filipillo, zeloso de que una muger de Ataulpa le huviessse desdeñado, interpretò los dichos de los testigos, escribiendolos demanera, que el Padre Fray Vicente de Valverde dixo, que el firmaria la sentencia de muerte.' *Pizarro y Orellana, Varones Ilvstres*, 166.

[I-29] 'En la suma deste rescate, andan diversos, Agustin Çarate, y Francisco Lopez de Gomara, historiadores de aquellos tiempos, creo, que son erratas del molde: pondrè aqui algunas dellas, para que se vean mejor.' *Garcilaso de la Vega, Com. Реалы*, пт. ii. библиотека. i. глава. xxxviii. Я придерживаюсь самой низкой оценки этого сокровища, поскольку она, по всей вероятности, наиболее близка к истине. Указывается много различных сумм, некоторые из них достигают четырех миллионов. 'Hallaron cinquēta y dos mil marcos de buena plata, y vn millon, y trezientos, y veynte y seys mil y quiniētos pesos de oro, suma, y riq̃za, nunca vista en vno.' *Gomara, Hist. Ind.*, 154-5.

[I-30] "Испанский капитан" говорит, что каждый пехотинец получал 4800 дукатов, что равно 7208 кастельянос, в то время как всадники получали вдвое больше. Те, кто остался в Сан-Мигеле, получили по 200 песо каждый. 'Il signor gouernatore fece le parti, e toccò a ciascuno fante a pie, quattro mila e ottocento pesi d'oro, che sono ducati. 7208, e a gli huomini a cauallo il doppio, senza altri vantaggi che gli furon fatti.... A quelli Christiani che erano restati in quel luogo doue haueua fondato il ridotto de San Michele, dette due mila pesi d'oro, acciocche lo partissero, che ne toccò dugento pesi a ciascuno.' *Relatione d'vn Capitano Spagnuolo, Ramusio*, iii. 377. 'Chaque cavalier reçut neuf cents pesos d'or et trois cent soixante marcs d'argent. Chaque fantassin eut la moitié de cette somme.' *Hist. du Pérou*, 327-8.

[I-31] Писарро хорошо знал, что смерть инки была бы неминуемой, если бы дело было оставлено на усмотрение солдат, в то время как, поступив таким образом, он мог бы отчасти избавиться от той ненависти, которая в противном случае нависла бы над ним. Как он и ожидал, большинство высказалось за убийство заключенного. Другие хотели отправить его в Испанию, в то время как некоторые были за предоставление ему свободы. 'Dit also volbracht zynde, door Pizarro, en Almagro vergaderen de Krÿchsraedt, en beraetslaghen met malcanderen, wat men met Attabaliba soude uytrecthen: Eenighe sloeghen voor, datmen hem soude om den hals brenghen, eenige vonden goet datmen hem los laten soude: Veele waren van meeninghe, dat het goet was datmen hem nae den Keyser soude senden. Ten laetsten, de stemmen vergadert synde, prevaleerde die, datmen hem soude ombrenghen.' *West-Indische Spieghel*, 365.

[I-32] Философия, равно как и религия ранних авторов, всегда оказывалась равной чрезвычайной ситуации. 'Y aunque parecia sin causa, y como tal lo pagaron los que intervinieron en ella, no sin culpa; pues tan sin ella avia sido fraticida del Guaxcar, como queda dicho.' *Pizarro y Orellana, Varones Ilvstres*, 166-7.

[I-33] 'Començaron vnos à desentablar las paredes del templo, que de oro, y plata eran: otros à desenterrar las joyas, y Vasos de oro, que con los Muertos estavan: otros à tomar idolos que de lo mesmo eran.' *Garcilaso de la Vega, Com. Peал*, пт. ii. библиотека. ii. глава. vii.

[I-34] 'Acerca de los quinientos hombres, que estos autores dicen, que llevò consigo D. Pedro de Alvarado, se me ofrece decir, que à muchos de los que fueron con el, les oì, que fueron ochocientos Españoles.' *Garcilaso de la Vega, Com. Peал*, пт. ii. библиотека. ii. глава. ii.

[I-35] Его родственник, Писарро и Орельяна, говорит, что ему было в то время почти 80 лет, и что он убил пять человек и ранил других, прежде чем упал без чувств. 'Como eran tãtos los que les ayudavan, aunque avia muerto a cinco, y otros muchos heridos, y como la edad llegava acerca de ochenta años, no pudo defenderse tanto, que no le diessen una estocada en la garganta, con que se desalètò, y desangrò, y vino à arrodillar.' *Varones Ilvstres*, 185-6.

[I-36] Едва ли нужно говорить, что лучшая история перуанского завоевания, фактически единственная, которая может претендовать на справедливость и полноту, принадлежит мистеру Прескотту. Основные исходные источники уже приведены. Писарро является ведущей фигурой в *книге "Кинтана Vidas de Españoles Célebres"*, опубликованной в Мадриде в 1807, 1830, 1833 годах в трех томах, переизданной в Париже в 1845 году. Прославленный как поэт и драматург с 1801 года, Кинтана намеревался написать длинную серию биографий национальных героев, которые уже вошли в его песни; но требования других исследований и его общественные обязанности в качестве цензора, директора эстудии и сенатора помешали его работе, и все, что было записано, - это девять жизней. Заявляя о своем намерении быть беспристрастным и поучительным, он часто руководствуется своим врожденным пристрастием к изображению героев и словесности, смешивая поэтическую фантазию с биографическими фактами. Список может быть значительно расширен такими работами, как *Акоста, История; Веласко, История. Кито; Эрсилла, Араукана; Левинуус Аполлониус, регион Перу; Дис. Берни. Южное море*, i. 120; *Открытие Гальвано.*, 34-9; *История Робертсона. Ат.*, ii. 151; *Ла Гарп, Войс.*, x. 259-458, xi. 5 и последующие.; *Войс.*, *Новая библия. де Вой.*, xii. 131-67; *Полковник Керр. Вой.*, iv. 328-464; *Харрис, полковник Вой.*, i. 788-97, iv. 464-512, v. 1-217; *Молина, История. Чили*, Мадрид, 1788, i-ii.; *Март и Труды, История. Марина*, ii. 123-5; *История Рассела. Ат.*, i. 264-301; Франсиско Писарро, в *Кинтане, Видас*, 71-171; *Андагоя, Carta al Rey*, 22 октября 1536 г.; *Вой. Сур. и Редкий*, 34; *Campbell's Span. Ат.*, 44-9; *S. Ат. и Мех.*, i. 45-9; *Описание. де Ат.*, 38-40; *Помогает' Span. Сонг.*, iii. 419-58; *Ат Сноудена.*, 141-7; *Саммлунг аллер Рейзебеш.*, xv. 36-46; *Войс.*, *Новый полковник*, i. 365-7; *Жизнь Гусмана*, 84-134; *Война Хаклюйта.*, iii. 798-9; *Пьедрахита, История. Генерал.*, 438-40; *Журнал Harper's.*, xix. 434; *Доминго де Эрасо*, в документе. *История. Особенно*, л. 220-31; *Баррионуэво, Информ.*, в *Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, x. 144-52; *Торквемада*, i. 611; и многие королевские седулы и письма Писарро и других.

[II-1] Эррера, дек. iv. библиотека. iv. глава. ix. Хотя обвинения против Педрариаса были выдвинуты лично Овьедо, нет никаких сомнений в том, что они были выдвинуты по наущению Риоса.

[II-2] Он умер в Кордове. *Oviedo*, iii. 123-4.

[II-3] Из его последующей карьеры известно, что он служил под началом Писарро в Перу, а затем удалился в свои поместья в Куско. *Cartas de Indias*, 761-2.

[II-4] Из-за его сходства с гаванью картахены в Испании. *Эррера*, решение по делу против lib. ii. cap. iii.

[II-5] *Эррера*, решение по делу против lib. ii. глава iii. Это испанский перевод фразы, применяемой к нему местными жителями. Слово "бохио" принадлежит к диалекту страны.

[II-6] В *Эррере*, дек. v. lib. ii. глава iv. говорится, что город в то время был очень густонаселенным, имел значительную торговлю и содержал два замка, оснащенных артиллерией, кафедральный собор, таможню, здание правительства и другие общественные здания.

[II-7] Этот инцидент произошел в 1545 году. *Акоста*, *урожд. Инд.*, 206-10.

[II-8] Согласно *Эррере*, дес. v. lib. ii. глава iv., новый город был назван Сан-Себастьян-де-Буэна-Виста.

[II-9] В деле *Эрреры* по делу дес. v. lib. ii. глава iv. у нас есть несколько примечательное утверждение о том, что орехи были такого размера, что два из них часто были достаточной ношей для человека. Однако он, вероятно, придерживается фактов, когда утверждает, что такой пищей испанцы питались много дней при первом открытии страны, возможно, намекая на пятидесятидневное пребывание Писарро в этих окрестностях в ожидании возвращения Охеды.

[II-10] И проложил путь большим бандам авантюристов, которые впоследствии вели прибыльную торговлю с туземцами. *Акоста*, *Сборник. История. Nueva Granada*, 133.

[II-11]

'Es tierra del Guaca que se derrama

Por rico mineral a cada lado.'

Castellanos, Varones Illustres Ind., 394.

[II-12] В *сборнике Акосты*, . *История. Новая Гранада*, 142, утверждается, что во время этой экспедиции Сесар достиг города касиков Дабайба, но нигде не упоминается о том, что он нашел там золото.

[II-13] Назван так из-за скопления надоедливых насекомых по соседству. *Id.*, 252.

[II-14] Пишется также Nore. *Id.*, 254.

[II-15] В 1535 году *Пачеко* и *Карденас*, *полковник Док.*, viii. 25, подтверждено *Клементе*, *Хронологические таблицы*, 204.

[II-16] *Carta al Emperador*, в *Пачеко* и *Карденасе*, *Col. Doc.*, iii. 64-82.

[II-17] В *Herrera*, дес. iv. lib. x. cap. v. утверждается, что Берланга сменил Перазу после смерти последнего в 1531 году или раньше, но это, вероятно, ошибка. Существует много разногласий между властями относительно преемственности епископов по поводу этой даты. В *Альседо*, iv. 33, *Гонсалес Давила*, *Театр Эклз.*, и *Фернандес*, *История. Ecles.*, утверждается, что Висенте де Вальверде был избран в 1533 году и после нескольких месяцев пребывания в должности был переведен на престол Куско, а Берланга занял его место в Панаме в 1534 году, как заявил

Фернандес, который, вероятно, является наиболее точным авторитетом в церковных вопросах, и, согласно *Пачеко* и *Карденасу*, полковнику Док., х. 237, исполняющий обязанности в августе следующего года в качестве "судебного комиссара по делам Величества" при расследовании уголовного дела. поведение Франсиско Писарро и других офицеров.

[II-18] Так говорит Гонсалес Давила, Берланга умер 8 августа 1551 года. *Teatr Эклз.*, ii. 57-8.

[III-1] 'Chripstóbal Colom, declaró á este almirante, su nieto, por duque de Veragua y marqués de la isla de Sanctiago, alias Jamáyca, é almirante perpétuo destas Indias, é le hizo merçed de lo uno y de lo otro por título de mayorazgo, é con ello le conçedió otras merçedes.' *Oviedo*, ii. 498-9. См. также *Шарлевуа*, *История. Сан-Доминго*, i. 447.

[III-2] В Herrera, dec. iv. lib. ii. cap. vi. указано, что вирейна просила разрешения Совета Индии вооружить суда с целью порабощения туземцев, но ее просьба была отклонена, поскольку fisco еще не решила вопрос о привилегиях.

[III-3] 'Felipe Gutierrez obtuvo concesion en 1535, para conquistar la provincia de Veragua.' *Carta*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, iii. 204. В *Биографических заметках*, в *Картах Индии*, 771 г., говорится, что после пребывания на службе у Карла V. ему было предоставлено право совершить завоевание участка территории, простирающегося от Кастилия-дель-Оро до мыса Грасиас-а-Диос.

[III-4] Состоит из четырех кораблей navío и одного галеона.

[III-5] Фелипе Гутьеррес отправился в путь в 1535 году, хотя некоторые источники указывают на 1553 год. Первая дата, вероятно, верна, поскольку в письме, адресованном императору в 1534 году, Андагоя заявляет, что ему сообщили о приказе его Величества губернатору Верагуа набрать людей в Панаме, и умоляет его пересмотреть свое командование. *Андагойя*, *Carta al Rey*, 22 октября 1534 г.

[III-6] Этим потоком была река Концепсьон, примерно в двух лигах к западу от реки Верагуа и в четырех лигах к западу от Белена.

[III-7] 'Á aquella poblacion mandó llamar el gobernador Felipe Gutierrez la cibdad de la *Concepcion*, y tambien la pudiera llamar de la aflicion, porque él y todos tenian trabaxo extremado.' *Oviedo*, ii. 483-4.

[III-8] Экспедиция должна быть снаряжена. Губернатор, будучи больным, передал командование своему лейтенанту Алонсо де Пизе, которого должен был сопровождать священник Хуан де Соса. Этот последний знал, что Пиза не была любимицей мужчин, и клерриго намеревался представлять воинствующую церковь в качестве генерала экспедиции; но губернатор Гутьеррес сурово упрекнул его, заявив, что священнику неприлично носить оружие. Было заменено много нецензурных слов, испанский язык был удивительно богат подобной лексикой. Соса добился своего и получил назначение Диего де Пизы, брата Алонсо, исполняющим обязанности его лейтенанта. *Oviedo*, ii. 484-9.

[III-9] 'Huuo algunos que mataron vn Christano enfermo, y se le comieron.' *Herrera*, dec. v. lib. ix. cap. xi.

[III-10] В деле *Эрреры* по делу dec. v. lib. ix. глава xi. содержится суровая и несколько несправедливая критика поведения Гутьерреса. Он говорит, что, когда страдания отряда стали

невыносимыми, их лидер, будучи слишком трусливым, чтобы рискнуть на последнее и отчаянное усилие, бросил своих людей, тем самым лишившись своего прежнего доброго имени, и тайно отплыл с несколькими друзьями в Номбре-де-Диос; но не похоже, чего бы он добился, предприняв какое-либо дальнейшее предприятие с остатками своего голодающего отряда.

[IV-1] *История. Cent. Am., i. 683* и последующие, эта серия.

[IV-2] На первой из вышеупомянутых сессий состоялся новый набор граждан, и стоит отметить, что Альварадо сам впервые стал одним из них в тот день, поскольку "старший капитан генерал" возглавляет список, который содержит более сорока имен. Ремесал ошибочно указывает 23 августа 1526 года в качестве даты зачисления. *История. Чьяпа, 8.*

[IV-3] Ремезал лукаво намекает на свое тщеславие. "Паресио аль-капитан Педро де Алуарадо болуэр из Сьюдад-де-Мехико, вер и ке ле виссен", и добавляет, что в это время, хотя и не такой быстрый и деятельный, как раньше, у него была приятная внешность и красивое лицо. *История. Чьяпа, 7.*

[IV-4] *История. Cent. Am., i. 581-2*, эта серия.

[IV-5] В обвинениях, впоследствии выдвинутых против Альварадо, утверждалось, что он сместил офицеров кабильдо из-за их сопротивления. На это он ответил, что просто назначил нового кабильдо в начале года, согласно обычаю. *Ramirez, Proceso contra Alvarado, 12, 60, 83.*

[IV-6] *Ramirez, Proceso contra Alvarado, 12.*

[IV-7] *Arévalo, Actas Ayunt. Gyam., 16, 17.* Ремесаль придерживается мнения, что Альварадо сам подал прошение о выделении телохранителя для поездки с ним в Мексику; но более вероятным объяснением этого вопроса является то, что политические беспорядки в Мексике распространились на Гватемалу и что мятежные движения набирали обороты. Проконсультируйтесь с *Рамиресом, Proceso contra Alvarado, 83;* и *Ремесалом, Hist. Чьяпа, 7.*

[IV-8] Альварадо называет этот город "городом Сантьяго", а также "городом Гватемалы", *Аревало, Actas Ayunt. Гватемала, 102*, под выражениями которого следует понимать, что это был Патианамит. Брассер де Бурбур, опираясь на рукопись Чакчикеля, утверждает, что Альварадо собрал свои силы в Хапане и что в момент начала своего похода половина его людей взбунтовалась и бежала в Патианамит; после чего Альварадо погнался за ними, и в последнем месте обе стороны чуть не подрались. Однако он нашел средства усмирить их, но ночью мятежники подожгли город и бежали, это было 9 мая 1526 года. *История. Nat. Civ., iv. 686.*

[IV-9] Нет двух авторитетных источников, которые пришли бы к согласию относительно времени его отъезда. Васкес утверждает, что он уехал в январе 1526 года, *Хроника Гвата., 69*, а Хуаррос в феврале, *Гват. (изд. Лондон, 1823), 433*; в то время как Брассер де Бурбур указывает 10 мая в качестве даты. Ремесаль полностью игнорирует экспедицию Альварадо в Гондурас и заявляет, что он оставался в Сантьяго до тех пор, пока не получил известие о прибытии Кортеса в Вера-Крус, после чего он снова поднял вопрос о своем собственном отъезде в Мексику. *История. Чьяпа, 8.*

[IV-10] *История. Verdad., 220.* Возможно, этот город располагался по соседству с нынешней Тегусигальпой. Здесь находится приток реки Чолутека, которая носит название Малаладжа, и

сходство названий наводит на предположение, что Альварадо достиг окрестностей Тегусигальпы, когда Малаладжа впадает в основной поток чуть выше этого города. Брассер де Бурбур называет город Малакатан.

[IV-11] *История. Cent. Am., i. 571*, эта серия.

[IV-12] И Сандовал, и Кортес написали Марину, но ни одно из писем не дошло до адресата. *Берналь Диас, гистолог. Verdad.*, 219.

[IV-13] 'Y acuerdome que tiramos piedras a la tierra que dexauamos atras, y con el ayuda de Dios iremos a Mexico.' *Bernal Diaz, Hist. Verdad.*, 219.

[IV-14] 'E era de tal gordor, q̃ del se hizo vna canoa, que en estas partes otra mayor no la auia visto.' *Bernal Diaz, Hist. Verdad.*, 220. Сейба - это дикорастущее хлопковое дерево, которое достигает огромных размеров.

[IV-15] Память здесь подвела Берналя Диаса. Он утверждает, что после пересечения Лемпы они вошли в провинцию Чапарристик, называемую им Чапанастикой, и что здесь индейцы убили испанца по имени Никуэса и ранили еще троих из его отряда, которые собирали провизию. Испанцы прошли через провинцию Чапарристик, когда достигли Лемпы, и, следовательно, либо Никуэса был убит в Кускатлане, либо река, которую пересекли люди Альварадо, должна была быть Гоаскораном.

[IV-16] *Фуэнтес-и-Гусман, Рекордасьон Флориды*, MS., 22; *Хуаррос, Гуам.*, ii. 96-7, Id. i. 23, 253. Официальный вестник Сальвадора ошибочно указывает 6 августа 1525 года в качестве даты подчинения и утверждает, что завоевание отмечается ежегодно. *Сальвадор, Гас. Официальный.*, 4 Указа 1877 г., стр. 1123. Следует помнить, что Альварадо в своей первой кампании в Сальвадоре не преуспел в подчинении провинции Кускатлан. Однако он твердо решил вернуться, чтобы завершить ее покорение. Есть свидетельства того, что это было сделано ранее мая 1525 года. Consult *Arévalo, Actas Ayunt. Гуам.*, 12, 13, и *Рамирес, Процесс против Альварадо*, 105-6.

[IV-17] Примерно в десяти милях от реки Пас на территории Гватемалы.

[IV-18] *Fuentes y Guzman, Recordacion Florida*, MS., 22. 'Los Españoles, que estaban en Olinztepeque de Quetzaltenango no havían tenído modo de dar aviso á los de Honduras.' *Vazquez, Chronica de Gvat.*, 71.

[IV-19] Фуэнтес утверждает, что причиной беспорядков был либо Педро де Альварадо, либо обычные алькальды. *Рекордасьон Флориды*, CP., 20. Эскамилья придерживается мнения, что виноват был лейтенант Хорхе де Альварадо, *Sucesion Chronologica.*, 12, в то время как первый автор отмечает, что Хорхе в то время находился в Мексике и его перепутали с Гонсало. Он также утверждает, что последний был обычным алькальдом, но это было не так, поскольку, как можно видеть в деле *Аревало, Действовал Аюнт. Гуам.*, 16, 17, алькальдами были Диего Бесерра и Бальтасар де Мендоса.

[IV-20] Васкес говорит, что 400 девочек и столько же мальчиков. *Chronica de Gvat.*, 69. Фуэнтес и Гусман, 200 мальчиков. *Рекордасьон Флориды*, МИСС, 21. Промывкой золота занимались Шахбал и Пунакил, первое слово, согласно Васкесу, означает "место для стирки", а второе - "платеадо" или "дорадо".

[IV-21] Один каствьяно из текио, по словам Фуэнтеса. 'Vn cañutillo de oro lavado del tamaño del dedo menique,' according to Vazquez, *Id.*

[IV-22] На родном диалекте "Каксток".

[IV-23] Хуаррос, *Гуат.*, ii. 289. Вся земля от Кускатлана до Олинтепека — расстояние более 90 лиг — восстала. *Фуэнтес-и-Гусман, Архив Флориды*, СР., 21. Брассер де Бурбур утверждает, что в состав конфедерации индейцев входили покомамы, покомчи, киче, какчикели, пипилес и синкас, но высказывает некоторые сомнения относительно участия киче в лиге, поскольку такие действия противоречат рукописи Какчикеля и Васкесу. *История. Nat. Civ.*, iv. 690. На совете, созванном вождями восставших племен, присутствовали, среди прочих, касики Текпан-Атитлана (современная Солола), Руялшота, Синакама и аппоксашила, Ксилотепека, Сакатепека, Чимальтенанго и Зумпанго. Фуэнтес предполагает, что Синакам находился в это время в Патианамите, тогда как он бежал в горы Комалапа, заняв там крепость Руяалкшот. Этот автор, очевидно, ничего не знал о восстании Качикеля в 1524 году, поскольку он утверждает, что после двухлетнего сокрытия своего намерения поднять восстание касик теперь воспользовался отсутствием Альварадо.

[IV-24] Хуаррос не согласен с рассказом Васкеса, поскольку он приводит к выводу, что Сантьяго был оставлен, и утверждает, что этого не могло быть, поскольку заседания кабиљдо проводились 23 и 26 августа. *Гуат.*, i. 351-2, примечание и ii. 306. Хуаррос не знал, что так называемый город не имел постоянного местонахождения до 1527 года. Книги кабиљдо были всего лишь записью актов муниципалитета, который постоянно менял свое местоположение. Кроме того, Альварадо до указанных выше дат воссоединился с Гонсало в Олинтепеке, и вышеупомянутые сеансы проводились в этом городе. Отчет, приведенный Фуэнтесом и сопровождаемый Хуарросом, существенно отличается от отчета Васкеса, которому следуют в тексте. Фуэнтес утверждает, что в этот неожиданный кризис все попытки гражданского правления были оставлены, и были приняты энергичные меры для энергичной обороны; что Гонсало с 60 испанскими кавалеристами и 400 мексиканскими и тласкаланскими союзниками занял позицию в Олинтепеке, в то время как Бальтасар де Мендоса с остальной армией остался для защиты города Сантьяго, Гонсало де Овалье со своими товарищами разместился в долине Панчой, а Эрнандо де Чавес - в долине Алотенанго; что войска были расквартированы на открытых равнинах в течение июня, июля и августа и сильно пострадал от проливных дождей; и что отряд под командованием Чавеса выдержал четыре атаки войск Синакама, в то время как Овалле дважды вступал в бой с Секечулем, который укрепил свой лагерь земляными валами и рвами. *Рекордасьон Флориды*, СР., 22; Хуаррос, *Гуат.*, ii. 291. Я не могу принять эту версию Фуэнтеса. Берналь Диас не упоминает о том, что к Альварадо присоединились какие-либо испанцы в серии боев, которые имели место во время его похода на Олинтепек. On the contrary he says 'fuimos por nuestras jornadas largas, sin parar hasta donde Pedro de Alvarado auia dexado su exercito, porque estaua todo de guerra, y estaua en él por Capitan vn hermano que se dezia Gonzalo de Alvarado; llamauase aquella poblacion donde los hallamos, Olintepeque.' *Hist. Verdad.*, 220. Из этого очевидно, что рассказ Васкеса верен и что испанцы были полностью вытеснены из района Какчикель.

[IV-25] Тем временем другая колонна серьезно пострадала. Есть список погибших в *Аревало, Актас-Аюнт. Гуат.*, 54. Отрадно сознавать, что об их духовном благополучии позаботились, кабиљдо 16 сентября 1528 года закрепил за ними их участки и земли и приказал продать их

ради блага их душ. Берналь Диас был среди раненых: "Все, что я знаю о флешазо, я не хочу, чтобы у меня была херида". *История. Verdad.*, 220.

[IV-26] *Fuentes y Guzman, Recordacion Florida*, MS., 23-4; *Juarros, Guat.*, ii. 294-5.

[IV-27] Имя вождя пишется через Фуэнтес Казуалан и Казуалан. Хуаррос утверждает, что это слово означает "Верующие придут", и добавляет: "nombre que parece profetico, каково время для настоящего касического виноделия на полях Христиан, предсказывающих Санто-Евангелио". *Guat.*, ii. 292. Каджуалан был одним из первых, кто присягнул на верность, что оскорбило большую часть его подданных, которые восстали против него, после чего он прибегнул к оружию. Последовал ожесточенный конфликт, закончившийся поражением повстанцев, которые бежали в леса. Повстанцы отказались вернуться к своей верности, Кашуалан посетил Альварадо, который пообещал ему помощь. С тех пор он оставался верным союзником испанцев. *Фуэнтес-и-Гусман, Рекордасьон Флориды*, CP., 19, 20. Согласно Фуэнтесу и Хуарросу Альварадо, вскоре после этого ему на помощь были отправлены войска, и вскоре Петапа была приведена к повиновению и подчинена своему касику. Фуэнтес утверждает, что гусманы из Петапы происходят от Кашуалана. *Рекордасьон Флориды*, CP., 24-5; *Хуаррос, Гуат.*, ii. 296.

[IV-28] Берналь Диас просто, но наглядно упоминает эту великую битву в нескольких словах: "Вы, хизимос, против малой вентуры". Фуэнтес, за которым следует Хуаррос, находят место этой битвы в другом месте. Он утверждает, что, достигнув долины, где находится Гватемала, Альварадо атаковал укрепленный лагерь Секечуль и захватил его, и что в ту же ночь армия прибыла в Гватемалу. *Recordacion Florida*, 24. Vazquez correctly writes: 'En la vltima de las cuales (batallas) entraron la Ciudad de Patinamit, los Españoles, que ... fué hazaña muy memorable esta victoria.' *Chronica de Gvat.*, 73. Эта точка зрения согласуется с рассказом Берналя Диаса.

[iv-29] Эта столица уже была отремонтирована, и здания вызывают восхищение Берналя Диаса, который говорит: "У вас есть апосентос и лас касас, связанные с образованием буэнос-айреса, и рикос, и наконец, касики, как у мандау, так и у провинций комарканас". *История. Verdad.*, 220.

[IV-30] Брассер де Бурбур предполагает, что возведение этих жилищ дало начало нынешнему городу Текпан-Гватемала, который сегодня населен потомками граждан Патинамита. *История. Nat. Civ.*, iv. 693.

[IV-31] Пелаес считает, что это время было занято изгнанием жителей и разрушением города. *Мем. Гуат.*, i. 49. Но Берналь Диас ничего не упоминает о столь поразительном событии.

[IV-32] Двое братьев Педро де Альварадо теперь уходят со сцены как выдающиеся актеры Гватемалы. Гонсало прибыл в Мексику вместе с Кортесом и принял участие в завоевании. По возвращении в столицу этой страны из книг кабиљдо следует, что он был регидором в 1527 и 1528 годах, а в последнем году получил в дар землю под фруктовый сад, и по этому поводу кабиљдо любезно упоминает, что он перечислил 100 песо, ранее одолженных городу. Берналь Диас упоминает о нем как о написавшем отчет о завоевании Гватемалы. Позже он поселился в Гондурасе и стал алькальдом одного из городов, основанных там его братом. Он также переселил город Грасиас-а-Диос. Второй упомянутый брат - Дон Гомес — также приехал в Мексику с Кортесом. Когда он покинул Гватемалу, неизвестно; однако его имя фигурирует в книгах кабиљдо 8 января 1525 года. Он был в Мексике в 1527 году. Когда Альварадо отправился в свою экспедицию в Перу, этот брат сопровождал его, присоединился к фракции Альмагро,

попал в плен в битве при Салинасе, но был освобожден Писарро. Позже он испытал такое отвращение к убийству этого лидера, что встал под знамена вице-короля Вака де Кастро и присутствовал при битве при Чупасе. Он умер от болезни через несколько дней после этого, в 1542 году. *Libro de Cabildo*, MS., 215-16, 224; *Arévalo, Actas Ayunt. Gyam.*, 12; *Берналь Диас, История.*, 176, 240; *Dicc. Univ. Hist. Geog. Ar.*, i. 167.

[IV-33] 'Cortés nos lleuò a sus Palacios, adonde nos tenia aparejada vna muy solene comida.' *Bernal Diaz, Hist. Verdad.*, 220.

[IV-34] "*Летопись Флориды по истории Гватемалы*" дона Франсиско Антонио де Фуэнтеса-и-Гусмана представляет собой рукописный труд в трех томах, два из которых хранятся в архивах муниципалитета города Гватемала. Они состоят из семнадцати книг, первая из которых посвящена истории коренных народов, содержание которой почти полностью заимствовано у Торквемады. В шести следующих книгах последовательно рассказывается о завоевании вплоть до вступления испанцев в Гватемалу; о ее независимости по отношению к Мексике; о разрушении старого Сантьяго и жизни и карьере Альварадо; об основании второго города Сантьяго; о чудесных образах, существующих в Гватемале; и о привилегиях и постановлениях ее столицы. Следующие девять содержат описания такого же количества основных долин провинции, среди которых можно упомянуть долины Лас-Вакас, Мишко, Сакатепек и Ксилотепек. В этих описаниях автор затрагивает все интересующие вопросы, связанные с долинами, включая индейские игры. Семнадцатая книга посвящена историографии духовного управления этими долинами во времена автора. По словам Беристейна, первый том был отправлен в Испанию для печати, но больше о нем ничего не известно. Фуэнтес-и-Гусман родился на Антигуа-Гватемале, его семья происходила от Берналя Диаса. Хуаррос утверждает, что написал в 1695 году. *Guat.* (ред. Лондон, 1823), 309. В его распоряжении было большое количество редких документов, но он не использовал их так, как это сделал бы непредвзятый летописец. Его восхищение завоевателями было слишком велико, чтобы допустить упоминание о жестокостях, которые, должно быть, были раскрыты в этих документах. То же чувство побудило его разразиться бранью в адрес Лас Касаса. Его предубеждения в этом отношении были таковы, что в отношении завоевания он не мог считаться надежным историком, если бы не было других свидетельств его неточностей; но когда я обнаруживаю, что во многих случаях его рассказ расходится с тем, что приводится в собственных письмах Альварадо, необходимость воспринимать его заявления с дополнительной осторожностью становится очевидной. Brasseur de Bourbourg is, perhaps, extreme in saying: 'Le mensonge qui règne continuellement dans les récits de Fuentes,' *Hist. Nat. Civ.*, iv. 690; но этот последний автор был так же готов принять индийские версии событий, как другой был склонен игнорировать их. Стиль Фуэнтеса, хотя и не лишен элегантности и выразительности, часто становится цветистым, а иногда и надутым.

[V-1] В мемориале мексиканцев и тлашкальтеков, обращающихся к королю Испании с петицией об удовлетворении жалоб, говорится: "Венимос конкистар эста пров"^a баджо эль юго песадо дель Ад^o Альварадо, я ум.^h П.^o Пуэртокарперо"; и еще: "Я мало трачу"^{oc} de los Esp^s. q^e. ахоркарон и матарон м^c де нос^c. "*Мемориал*", 15 марта 1547 г.; *Рукопись Сквайра.*, xxii. 41.

[V-2] Фуэнтес говорит, что в этот день они достигли Сантьяго. Он также утверждает, что Диего де Альварадо был капитаном гарнизона; но я думаю, что тогда командовал какой-то другой офицер, поскольку Диего де Альварадо был регидором Сантьяго в том же году. See *Arévalo, Actas Ayunt. Gyam.*, 16-18.

[V-3] 'Que hoy no se encuentra el menor vestigio de èl.' *Juarros, Guat.*, ii. 297.

[V-4] *Fuentes y Guzman, Recordacion Florida*, MS., 4-12; *Juarros, Guat.*, ii. 297-300. Многие семьи происходят от испанцев, отличившихся в этой кампании. Бартоломе Бесерра, один из капитанов, оставил множество потомков, помимо тех, кто носит его фамилию. Его дочь, которая позже приняла видное участие в завоевании Копана, представлена по женской линии семьей Вильякресе Куэба-и-Гусман. От Санчо де Бараоны, занимавшего должности прокурора, синдика и рядового алькальда, произошли Бараона де Лоайса. Кавалерийский офицер Эрнандо де Чавес всегда назначался командующим, когда предстояло предпринять опасные предприятия. Его дочь Донья Катарина де Чавес-и-Варгас вышла замуж за Родриго де Фуэнтеса-и-Гусмана, а вторая была замужем за Педро де Агиляром. *Хуаррос, Гуат.*, i. 349-51.

[V-5] Васкес совершает двойную ошибку, утверждая, что Альварадо не только провел кампанию, о которой пойдет речь, но и по прибытии в Олинтепек объединил свои силы с теми, кто был там расквартирован, и выступил против Патиамита, который он взял после серии сражений, а затем отправился в погоню за сбежавшими касиками. *Chronica de Gvat.*, 72-3. Это совершенно расходится с рассказом Берналя Диаса, принимавшего участие в кампании. Также Альварадо после своего прибытия в Олинтепек не предпринимал никаких дальнейших операций до своего отъезда в Мексику, согласно этому последнему авторитету, который говорит: "y estuvimos descansando ciertos dias" (то есть в Олинтепеке), "y luego fuimos a Soconusco". *История. Verdad.*, 220.

[V-6] Названный Васкесом Ниманче, слово, означающее "великое дерево", происходит от огромных кедров, которые росли в ущельях. Хребет расположен примерно в восьми лигах от Комалапы и в десяти к востоку от Текпана, Гватемала, недалеко от Руюалксота. *Chronica de Gvat.*, 70-71.

[V-7] 'Passa el rio grande, ã se dize *Nimaya*, por sus muchas aguas.' *Id.*

[V-8] Отчет о спуске священника в это ущелье см. у Васкеса. *Id.*

[V-9] Брассер де Бурбур утверждает, что это укрепление было построено ранее, "для наблюдения за единой войной против Киче", и добавляет, что, согласно общественным слухам, подземные ходы соединяли его с Патиамитом. *История. Nat. Civ.*, iv. 693-4. Васкес, напротив, говорит, что киче помогли в его возведении, чтобы обеспечить безопасное отступление в случае поражения от испанцев. Его руины можно было увидеть еще во времена Хуарроса. *Гуат.*, i. 253.

[V-10] По словам Фуэнтеса, он состоял из 215 испанских аркебузирова и арбалетчиков, 108 всадников, 120 тлашкальтеков и 230 мексиканцев с четырьмя артиллерийскими орудиями под командованием Диего де Усагре. *Рекордасьон Флориды*, ii. 586. Брассер де Бурбур говорит, что армия состояла из 200 испанских ветеранов и многочисленных вспомогательных подразделений мексиканцев, тлашкальтеков, зутугилей и киче. Васкес, за которым следует Эскамиллья, утверждает, что число испанцев едва ли составляло 200 человек. *Chronica de Gvat.*, 72.

[V-11] В месте, называемом Чиксо, согласно рукописи Чакчикеля. У Брассера де Бурбура есть примечание о том, что это, должно быть, то же самое, что Руюальхот из Васкеса, поскольку этимология этого последнего названия соответствует этимологии мексиканского слова

Comalapa, которое, по его мнению, впоследствии возникло на этом месте. Васкес говорит, что испанцы расположились так близко к горе, что едва ли были в безопасности от скатившихся на них камней. *Chronica de Gvat.*, 73.

[V-12] Хуаррос утверждает, что эмиссары были преданы смерти. *Guat.*, i. 253.

[V-13] 'Ellos como monos se descolgaban hasta donde querian, subian, como por vna escalera bien ordenada por aquellos riscos ... y dando bastantes cuydados al exercito Español.' *Vazquez, Chronica de Gvat.*, 73.

[V-14] Брассер де Бурбур придерживается такого мнения.

[V-15] Брассер де Бурбур утверждает, что Синакам сбежал по одному из подземных ходов, упомянутых ранее, и, прожив несколько лет жалкой жизнью, скитаясь по горам, сдался Альварадо в 1530 году. *История. Nat. Civ.*, 695-702. Васкес скопировал акт кабильдо от 19 мая 1540 года, в котором Альварадо предлагается либо взять Синакама и Секечула с собой в предполагаемое путешествие на острова Пряностей из-за их мятежных наклонностей, либо казнить их. Альварадо ответил, что поступит так, как ему будет удобнее всего. На самом деле Синакам умер в Халиско перед отплытием флота. Васкес придерживается мнения, что, поскольку они не были казнены сгоряча, Альварадо вряд ли казнил бы их по наущению кабильдо. *Chronica de Gvat.*, 30-2. Автор "Исагоги" утверждает, что они провели в тюрьме 14 лет, что их поместили на борт флота и, вероятно, они погибли во время плавания, поскольку больше о них ничего не известно. *Пелаес, Мэм. Guat.*, i. 77. Рассказ Брассера де Бурбура о судьбе этих принцев гласит, что Синакам умер в 1533 году, в то время как Секечул был взят на борт флота и трагически погиб у берегов Халиско. *История. Nat. Civ.*, iv. 790, 800-1. Фуэнтес дает настолько отличный от Васкеса отчет о взятии крепости, что, как замечает Хуаррос, каждый мог бы предположить, что это повествование о совершенно разных событиях. *Guat.*, ii. 302-5. Взятие Синакама ежегодно отмечалось "фестивалем вулкана", на котором проводилось имитационное представление этого события. На большой площади Гватемалы был насыпан искусственный холм, покрытый ветвями деревьев и камнями в подражание горе, а на вершине был построен миниатюрный замок. Здесь расположился губернатор Джокотенанго вместе с главными жителями своей деревни. Он представлял Синакама, и эта привилегия пользовалась таким большим уважением, что в 1680 году правитель Ицапы предложил 500 песо за право олицетворения персонажа, но получил отказ. Когда губернатор занял свой пост, две роты тлашкальтеков начали имитационную осаду, и после долгой демонстрации доблести с обеих сторон нападавшие взяли высоту штурмом и захватили Синакама, которого заковали в цепи и доставили пленником президенту. *Идентификационный номер*, 301-3, примечание.

[V-16] Ремесаль делает вывод, что он был в Гватемале 26 августа 1526 года, *Hist. Чьяпа*, 8; хотя мы знаем, что в то время он был регидором города Мехико. Обратитесь к *Libro de Cabildo*, MS., 152; *ilcazbalceta, Col. Doc.*, ii. 547.

[V-17] Заседание проходило в долине Альмолонга, и важно, что это первое собрание, упомянутое в книгах кабильдо как проводившееся там. О нестабильности этого так называемого города есть достаточно доказательств. Санчо де Бараона, выступая против уплаты десятины, говорит: "Итак, что же касается пагара, то здесь речь идет о его смерти... habia de haber pueblo

fundado, donde los españoles tuviesen poblacion sentada.' *Arévalo, Actas Ayunt. Gyam.*, 27. Долина Тиангуэсильо или Тиангуэс была такой же, как нынешний Чимальтенанго. *Juarros, Guat.*, ii. 304.

[V-18] Ремесаль утверждает, что в июле 1530 года кабильдо приказал купить одного быка за 25 песо де оро, цену, которая указывает на нехватку крупного рогатого скота на ту дату. В 1543 году было приобретено шесть. *История. Чьяпа*, 27. Этот автор придерживается мнения, что Сантьяго был выбран святым покровителем только из-за преданности испанцев этому апостолу. *Id.*, 4. Фуэнтес приводит причину, по которой испанская армия вошла в столицу Какчикеля в день его годовщины, и заявляет, что он лично взял их город под свою защиту, появившись верхом на лошади с мечом в руке во главе армии, маршируя по долине Панчой. *Juarros, Guat.*, ii. 273. Для получения дополнительных мнений и информации по этому вопросу обратитесь к *Васкесу, Хронике Гвата.*, 74-5; *Ремезалу, Hist. Чьяпа*, 20-1; *Хуаррос, Гуам.*, ii. 275-7; *Эскамилля, Заметки о курьезах Гуам.*, 12; и *Пелаес, Память. Guat.*, ii. 223-7.

[V-19] Первое получило название "госпиталь мизерикордия", а часовня и святилище должны были быть посвящены Нуэстре Сеньоре де лос Ремедиос.

[V-20] В апреле 1528 года Сантьяго стал столицей провинции, *Пуга, Седуларио*, 27; а в 1532 году получил герб, который Хуаррос описывает следующим образом: "Щит, украшенный тремя горами на поле Гула, центральная извергает огонь, и увенчан апостолом Сент-Джеймсом на коне, вооруженным и размахивающим мечом; орел с восемью панцирями; Или, на поле, Лазурь; герб в виде короны". *Guat.* (изд. Лондон, 1823), 105. Для других описаний см. *Васкес, Хроника Гват.*, 37; и *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 5-6. Литография щита помещена на пятой странице этого последнего источника, а его вырезку из дерева, несколько отличающуюся, можно увидеть у *Гонсалеса Давилы, Teat. Эклз.*, i. между стр. 138 и 139.

[V-21] Уже было замечено, что имена одних и тех же лиц часто фигурируют более чем в одном списке зарегистрированных граждан. Это было сделано для того, чтобы получить новые гранты без ущерба для предыдущих. Citizens were enrolled in 1527, 'sin perjuicio de las otras vecindades antes recibidas en esta dicha cibdad.' *Actas Ayunt. Gyam.*, 39. And again in 1528, 'sin perjuicio de las vecindades que se han hecho en esta cibdad, despues de la que se fundó en esta provincia en tiempo de Pedro de Alvarado.' *Id.* 42. Remesal says: 'Muchos estan escritos dos vezes, porque no tuuieron por suficiente para adquirir dererecho a esta segunda vezindad, estar alistados en la primera.' *Hist. Чьяпа*, 33.

[V-22] Кабальерия - это количество земли, предоставленное кавалеристу, а пеония - пехотинцу, которого называли "пеон". Первый получал 600 на 1400 пасо, или около 174 акров, а второй - половину этого количества. *Arévalo, Actas Ayunt. Gyam.*, 48. Ремесаль утверждает, что кабальерия была 600 на 300 футов, и в остальном приводит отчет, который не соответствует книге кабильдо. *История. Чьяпа*, 39. Даже более точный Хуаррос ошибается, утверждая, что пособие кавалеристу составляло 1000 на 600 пасо. *Guat.*, ii. 341.

[V-23] Поскольку эти гранты рассматривались как вознаграждение за услуги, оказанные королю в течение пяти лет, документы были подтверждены позже, когда владелец докажет, что он служил в течение этого периода времени.

[VI-1] Гарсиласо де ла Вега утверждает, что Чарльз в своих королевских садах в Аранхуэсе случайно увидел проходившего мимо Альварадо и, пораженный его видом, спросил, кто он

такой. Когда ему сказали, что это был Альварадо, он сказал: "Нет, ты не видишь, что происходит со мной, когда я умираю", - и приказал снять с него обвинения. *История. Перу*, ii. 58.

[VI-2] Альварадо обратился к королю с петицией от имени правительства Гватемалы и других провинций, которые, как он представлял, были завоеваны и усмирены его собственным ценой. 13 апреля 1529 года аделантадо Монтехо заявил королю, что ни в одной части своего заявления Альварадо не говорил правды, и это утверждение, по его словам, будет подтверждено в отчете президента и ойдорес. *Монтехо, Карта, в Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xiii. 89. Аналогичное заявление было сделано на заседании кабиљдо Мексики, состоявшемся 29 января 1529 г., и Васкес де Тапия и главный прокурор были уполномочены предпринять шаги по этому вопросу для противодействия ложным заявлениям Альварадо. *Libro de Cabildo*, MS., 248.

[VI-3] 'Y que por el poco camino que auia hasta la mar del Norte, seria facil el comercio.' *Herrera*, dec. iv. lib. ii. cap. iii.

[VI-4] Ремесаль говорит, что раньше солдаты иронически называли его комендадором, потому что у него была привычка носить в праздничные дни плащ дяди, носившего этот титул. *История. Чьяпа*, 16. Смотрите также *Историю Мексики.*, i. 74, эту серию.

[VI-5] Кортес был очень недоволен этим соглашением, поскольку считал поиск островов Пряностей и навигацию по Южному морю своим исключительным правом. *Ramirez, Proceso contra Alvarado*, p. xvi.

[VI-6] 'Cortés le embiaba siempre Españoles, Caballos, Hierro, y Ropa, y cosas de Rescate, y le favorecia mucho, porque le avia prometido de Casarse con vna su Prima-Hermana, y asi le hiço su Teniente, en aquella Provincia.' *Torquemada*, i. 322.

[VI-7] Донья Франциска прожила совсем недолго после свадьбы. Ремесаль говорит, что ее смерть наступила через несколько дней после свадьбы; *Самакуа, История медицины*, iv. 485, а Рамирес - что она умерла по прибытии в Вера-Крус. Эррера лишь упоминает, что Альварадо стал ее поклонником. Позже он женился на ее сестре Беатрис, и первый названный автор, страницы 42, 49, предполагает, что этот второй брак состоялся вскоре после первого, тогда как это было по меньшей мере на десять лет позже. Проконсультируйтесь с *Аревалло, доктором. Antig.*, 179, и *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, ii. 245, 252. Брассер де Бурбур совершает ту же ошибку. *История. Nat. Civ.*, iv. 701.

[VI-8] Ремезаль правильно указывает на ошибку в книгах кабиљдо, 1527 год небрежно переписан на 1528 год. *История. Чьяпа*, 39; *Arévalo, Actas Ayunt. Guam.*, 83.

[VI-9] *Остатки, Hist. Чьяпа*, 42.

[VI-10] Насколько нам известно, остались только два из них. За обнаружение и сохранение процесса регистрации контраст Педро де Альварадомы в долгу перед лицензиатом Игнасио Районом, "официальным мэром" мексиканских архивов. Беспорядок в огромной кипе документов в этом офисе стал настолько велик, что в 1846 году правительство решило привести их в некоторый порядок и поручило эту работу директору Мигелю Марии Арриохе, чьим коллегой был Район. В пачке старых бумаг с пометкой "бесполезно" был "*Процесс против Альварадо*", историческая ценность которого была сразу признана. Первым намерением нашедшего было просто скопировать его и добавить к своей коллекции рукописей. Его друзья,

однако, посоветовали ему иначе; и благодаря их помощи — Игнасио Тригеросу, щедро предложившему оплатить расходы, и Хосе Фернандо Рамиресу, получившему разрешение правительства, — он опубликовал его в Мексике в 1847 году. *Proceso* является официальным расследованием действий Альварадо в Мексике и Гватемале и состоит из нескольких обвинений, в основном касающихся его жестокого обращения с местными жителями, его вымогательств и растраты королевских взносов, а также показаний свидетелей с обеих сторон. Хотя существует много противоречивых свидетельств, они представляют большую ценность для установления многочисленных исторических моментов, рассказанных ранними хронистами. Этот том содержит, помимо *Proceso*, биографический очерк карьеры Альварадо Рамиреса; фрагменты *Proceso contra Nuño de Guzman*, которым предшествует рассказ о его жизни того же автора; и примечания, поясняющие четыре копии картин ацтеков, одна из которых изображает смерть Альварадо. Отчет Рамиреса об экспедиции Альварадо в Перу совпадает с отчетом Эрреры и неверен, как и причины, которые он называет для кампании в Гондурасе. Хорошо известно, что Рамирес был государственным министром империи при Максимилиане.

[VI-11] Копия этого документа есть в *Акте Аюнта. Гуат.*, 80-4. Альварадо, его офицеры и лейтенанты должны были подлежать обжалованию в суде аудиенции и реальной канцелярии города Мехико по гражданским и уголовным делам с обвинением Альварадо и его офицеров во лжи президенту и оидорам Мексики, за некоторыми исключениями в гражданских делах. Он имел право назначать и смещать должностных лиц администрации по своему желанию, а также судить и разрешать все дела, гражданские и уголовные, издавать общие законы и частные для каждого пуэбло; устанавливать наказания и приводить их в исполнение; приказывать лицам, которых он, возможно, пожелает выслать из своей провинции, предстать перед их Величествами и, в случае их отказа, навестить их с наказаниями, которые их Величества заранее утвердили. Его годовая зарплата должна была составить 562 500 мараведи.

[VI-12] И несколько презрительно добавил: "Не спрашивай нас, деллос, о том, что ты делаешь, о том, что ты делаешь". *Id.*, 84.

[VI-13] Франсиско де Ордуња был секретарем Кортеса в 1523 году и был послан им на переговоры с Гараем. *Эррера*, дек. iii. lib. v. глава vi. В 1524 году он был избран секретарем мексиканского кабильдо и вскоре после этого вернулся в Испанию. В следующий раз мы находим его прокурором Мексики в 1526 году. *Оканья, Carta, в Icazbalceta*, i. 530, 532, и губернатор Алонсо де Эстрада назначил его регидором в 1528 году. С этого времени его дружеские отношения с Кортесом, по-видимому, были прерваны, поскольку его показания, взятые в феврале 1529 года в суде, возбужденном против этого завоевателя, далеки от благоприятных. В тех же показаниях он также проявляет антипатию к Альварадо.

[VI-14] In the minutes of the cabildo dated 15th September, it is stated 'al presente están los mas de los españoles de guerra sobre el pueblo del Tuerto, é sobre el pueblo de Xumaytepeque à donde han muerto ciertos españoles, y estamos al presente de camino para la provincia de Uxpantlan, é Tesulutlan, é Tequepanpo y Umatlan, que están todas é otras muchas de guerra.' *Arévalo, Actas Ayunt. Гуат.*, 128. Библиотека актов гражданского состояния Сьюдад-де-Сантьяго-де-Гватемала содержит протоколы заседаний кабильдо Сантьяго за первые шесть лет его существования, дословно скопированные Рафаэлем де Аревало, секретарем муниципалитета, с оригинальных записей в городских архивах. Работа была опубликована в Гватемале в 1856 году. Не может быть сомнений в том, что в этой работе отсутствуют записи многих заседаний из-за их

утраты или неразборчивости. Следует сожалеть, что переписчик не указал в своей публикации, где, по его мнению, оригиналы были дефектными, или не сделал замечания по поводу стирания различных частей, единственный пример того, как он это сделал, находится на странице 7. Ремесаль утверждает, что до 1530 года у кабильдо не было переплетенной книги записей, а просто разрозненных листов, многие из которых, должно быть, были утеряны, *Hist. Чьяпа*, 33; и Хуаррос ссылается на протоколы, которых нет в издании Аревало. Поэтому я не могу согласиться с Брассером де Бурбургом, который утверждает, что это "соответствует действиям общественного совета" ... *durant les six premières années. Bib. Мексика. Гуат.*, 15. Хотя многие из постановлений представляют незначительный интерес, работа представляет ценность, поскольку часть из них в значительной степени отражает состояние колонистов, в то время как из других можно получить представление о постоянном состоянии войны, в котором жили испанцы. Значительное число из них содержит информацию о владении имуществом и наследовании его, об ограничениях на его продажу и о количестве земли, которой должен владеть один владелец. Эти и другие нормативные акты для внутреннего управления сообществом содержат много информации о его системе. Книга дополнительно ценна как убедительная в установлении правильных дат во многих важных случаях. Это также проливает много света на многие исторические события и особенно полезно для того, чтобы дать яркое представление о произвольных действиях и жестоком характере Франсиско де Ордуњи.

[VI-15] Уроженцы Шумая, Халпатлауа, Чинакантана и Петапы. Брассер де Бурбур утверждает, что два первых были идентичны хортису. *История. Нац. Civ.*, iv. 698.

[VI-16] Дардон сопровождал Альварадо из Мексики и был назначен им регидором города Сантьяго, основанного в 1524 году. Эту должность или должность алькальда он занимал много лет. Он с отличием служил младшим офицером во многих кампаниях. *Хуаррос, Гуат.*, i. 348-9.

[VI-17] Нынешний город Куахиниквилапа расположен в нескольких милях от правого берега этой реки.

[VI-18] Брассер де Бурбур предполагает, что он был окружен крепостью.

[VI-19] Тональтетль по имени.

[VI-20] *Juarros, Guat.*, ii. 88-90. Этот автор делает довольно сомнительное утверждение, что это место было названо Лос-Эсклавос из-за того факта, что это были первые повстанцы, которых испанцы заклеили. Брассер де Бурбур более обоснованно связывает происхождение названия с большим количеством клейм.

[VI-21] Брассер де Бурбур говорит: "Город с таким названием, расположенный между высокими горами Билабиц и Мьяван, сохранил больше, чем другие места, древние обряды Хунахпу и Экбаланке, и храм этих богов ежегодно принимал определенное количество человеческих жертв". *История. Нац. Civ.*, iv. 699.

[VI-22] Брассер де Бурбур называет число индийских союзников равным трем тысячам. *История. Nat. Civ.*, iv. 700.

[VI-23] Вызван Хуарросом, Гаспаром Ариасом Давилой. *Гуат.*, i. 363. Этот офицер может быть идентичен некоему Гаспару Ариасу де Авиле или Давиле, которого Альварадо, находясь в Гондурасе, отправил посовещаться с Педрариасом в Панаму. Имя Гаспара Ариаса появляется в

протоколах кабильдо от 4 октября 1525 года, и не появлялось до 18 марта 1528 года, когда он был выдвинут на должность алькальда. Отсутствие его имени в течение столь длительного периода может быть объяснено его отсутствием в Панаме.

[VI-24] По словам Берналя Диаса, Гаспар Ариас был твердым сторонником Альварадо и его партии. Отсюда, вероятно, и его увольнение с должности.

[VI-25] Прием, оказанный Ариасу в Сантьяго, является хорошей иллюстрацией характера Ордуны. Явившись к кабильдо и ходатайствуя о возвращении ему служебного жезла, Ордуня в гневе назвал его нарушителем общественного порядка, схватил его за руку и, приказав отвести в тюрьму, ударил по лицу. "Решение проблемы эль-кабильдо, ваше великое решение и защита вашего величества и вашего кабильдо". В январе 1530 года Ариас снова подал прошение о возмещении ущерба, но, хотя голосование было отчасти в его пользу, он, похоже, не получил его, поскольку его имя больше не фигурирует как алькальд. *Arévalo, Actas Ayunt. Gyam.*, 139-42.

[VI-26] 'Plusieurs Espagnols et surtout beaucoup d'alliés, ayant été pris vivants, se virent emmenés dans la place et sacrifiés solennellement à la divinité barbare.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, iv. 700. Имя идола было Эксбаланке.

[VI-27] Согласно Эррере, численность испанцев состояла из 31 конницы и 30 пеших. дек. iv. библиотека. vii. глава v.

[VI-28] В Эррере, дек. i. lib. vii. глава xiv., приводится копия рекерименто, приказанного королем для вручения туземцам при призыве к верности, как указано в другом месте. Похожий бланк существовал в архивах Гватемалы во времена Ремесала. Этот официальный вызов часто пропусклся или уклонялся от него. Священник, который в начале завоевания Гватемалы принимал участие в войне, будучи мирянином, таким образом описывает форму и способ проведения операции. Ночью один из солдат под звуки барабана сказал: "Вы, индейцы этого города! мы сообщаем вам, что есть один Бог, и один папа, и один король Кастилии, которому этот папа отдал вас в рабы; поэтому мы требуем, чтобы вы пришли и выразили свое повиновение ему и нам от его имени под страхом наказания за то, что мы ведем войну против вас огнем и мечом!" Затем священник кратко описывает продолжение: "На утренней страже они напали на них, захватив всех, кого смогли, под предлогом того, что они были мятежниками, и лос демас лос кемауан, и пассауан а Кучильо, и робауалес ла хазиенда, и все остальные". пони фуэго аль Лугар. *Остатки, Хист. Чьяпа*, 413-14.

[VI-29] Хуаррос утверждает, что Ордуня вскоре после этого вернулся в Сантьяго по болезни; но я нахожу, что Кагельянос прибыл туда раньше него. Проконсультируйтесь с *Действующим законодательством*. *Guat.*, 138, 142-3, из которого явствует, что казначей был в Сантьяго 19 января 1530 года, а в Ордуны 12 февраля.

[VI-30] Хуаррос, *Гуат.* (изд. Лондон, 1823), 300-7. *История. Нац. Civ.*, iv. 703-4.

[VI-31] *Остатки, Hist. Чьяпа*, 48. Каво делает это замечание по поводу рассказа Ремесала: "Мне кажется более вероятным, что разногласия были между ойдором и этим завоевателем, поскольку несомненно, что тремя годами ранее император приказал фактору покинуть Мексику", *Tres Siglos*, i. 104-5. Письмо епископа Зумарраги королю, датированное 27 августа 1529 года, опровергает вывод Каво о том, что фактора в то время не было в Мексике. Епископ также излагает другую версию вызова. Он утверждает, что президент Гусман, Салазар,

Альварадо и другие во время прогулки верхом обсуждали недавно полученные новости о том, что король оказал Кортесу большое расположение и он возвращается в Мексику. Гусман заметил, что, по его мнению, он скоро вернется, после чего фактор страстно воскликнул: "Эль король, кто такой Кортес эмбиа, у которого нет Криштиану". В течение нескольких дней ничего не было сделано, чтобы призвать фактора к ответу за такие предательские высказывания, но 18 числа того же месяца Альварадо предстал перед аудиторией и попросил разрешения направить ему официальный вызов. Этот орган, однако, встал на защиту Салазара, и на следующий день их президент Гусман дал ответ на этот счет: "Педро де Альварадо, виновный в том, что я погубил кабальеро, си ло эс, что он не имеет отношения к делу, что он служит нашему Величеству и не имеет права судить палабру", - и Альварадо был закован в кандалы и брошен в тюрьму. Епископ добавляет: "Вы не имеете права", и что у него есть три свидетеля, достойных всякого доверия, и представители ордена Сантьяго, которые слышали, как фактор использовал этот язык. *Зумаррага, Carta, в книге Пачеко и Карденаса, xiii. 176-7. Самакуа приводит почти тот же отчет, что и выше. Hist. Mej. iv. 485-6.*

[VI-32] Это освобождение следует рассматривать только как условное, а не как отказ от обвинений, выдвинутых против Альварадо. Однако от Ремезаля мы узнаем, что в 1531 году вторая аудиенция оправдала его. *История. Чьяпа, 42.*

[VI-33] Епископ Зумаррага заявляет, что президент и ойдорес отняли у Альварадо все ценности, которые он привез из Испании, "что касается танта апарато и коза рикас комо у главного судьи рейноса пудьера траера"; все его столовое серебро, гобелены, лошадей и мулов, "чтобы не оставлять их без присмотра и не приходить". Он также представляет список предметов, подаренных Альварадо президенту и оидорес. Более того, он утверждает, что "Деста манера является фактором, определяющим количество противоположных мнений "... y lo que peor es, que en apellando ó sabiendo que querian apellar, los aprisionavan." *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc., xiii. 136-40. Эррера оставляет за собой право сделать вывод, что Альварадо покинул Мексику по собственному желанию: "Халларон аль Аделантадо, дон Педро де Альварадо, о чем ходят слухи в Мексике, кто является защитником "гернасьон", и ллеуа очента солдадос де пие, и де кауалло". dec. iv. lib. vii. cap. v.*

[VI-34] кабиљдо часто издавал постановления с целью исправления этих злоупотреблений. Неудобства, вызванные закрытием ремесленниками своих мастерских, были настолько серьезными, что 4 июня 1529 года кабиљдо принял закон, предписывающий им выполнять свои обязанности под страхом приостановления службы у индейцев. В 1534 году был принят аналогичный указ, и еще раз в апреле 1536 года. *Actas Ayunt. Гуам., 88, passim; Повторный, Hist. Чьяпа, 171.*

[VI-35] 'Fueron los atrassos grandes, los disgustos continuos, y las dissensiones, de muchas consequẽcias: que á no aplicar efficazes, y oportunos remedios el Adelantado ... pudiera ser, que se huviera despoblado la tierra.' *Vazquez, Chronica de Gvat., 156.*

[VI-36] Васкес утверждает, что в 1531 году лошадей стало так много, что кабиљдо выделил равнины между Эскуинтлой и Масакуа в качестве земель для племенных кобыл и жеребят. Ремесал рассказывает, что увеличение стад сильно замедлилось из-за нашествия диких зверей, которые уничтожали молодняк, а нередко и коров и кобыл. В феврале 1532 года огромные разрушения были причинены огромным львом, чьим логовом были густо поросшие лесом склоны Вулкан де Агуа. Гибель скота была настолько велика, что город предложил

награду в размере 25 песо де оро или 100 бушелей кукурузы любому, кто убьет чудовище. В марте большой отряд во главе с Альварадо отправился на охоту за ним, но их усилия не увенчались успехом. В конце концов он был убит пастухом кобыл. *Переработка, История. Чьяпа*, 173; *Мексиканский альбом*, 417. Несмотря на бесчинства диких животных, поголовье скота увеличивалось так быстро, что в 1540 году говядина продавалась по три цента за фунт, а баранина - по четыре и пять центов. *Пелаэс, Память. Гуат.*, i. 188. Есть два претендента на то, чтобы первым завезти крупный рогатый скот в Гватемалу. По словам Васкеса, аудитор Франсиско де Соррилья импортировал скот за свой счет и в 1530 году выделил ему пастбище для своих стад. Хуаррос приписывает Эктору де Барреде честь быть первым импортером, и ему при распределении земель было выделено откормочное поле в нынешней Валье-де-лас-Вакас, которое получило свое название из-за того, что он там основал животноводческую ферму. *Хроника Гвата.*, 162; *Хуаррос, Гват.*, ii. 354.

[VI-37] В 1529 году население Сантьяго насчитывало всего 150 человек, согласно записям *cabildo, Remesal, Hist. Чьяпа*, 22; но по соседству было много поселенцев, которые не были зарегистрированы в качестве граждан.

[VI-38] Никому не разрешалось держать более двух кабальерий.

[VI-39] Хуаррос в этом не сомневается: во-первых, потому, что его местоположение точно соответствует тому, где Москосо построил свой город; и, во-вторых, потому, что нет никаких свидетельств того, что какой-либо испанский город существовал на другой стороне Лемпы до 1530 года, в то время как согласно книгам кабиљдо города Гватемала, вилья-де-Сан-Мигель существовал в июне 1531 года. *Guat.*, ii. 105. В мае 1535 года Альварадо упоминает об этом в письме Карлу V. *Картасу, РУКОПИСЬ Сквайера.*, xix. 7.

[VI-40] Вызван Хуарросом Сан-Хорхе де Оланчито.

[VII-1] 'Vos damos licencia ... para que por nos ... podais descubrir, conquistar é poblar, cualesquier Islas qué hay en la mar del Sur de la Nueva España, questán en su parage; é todas las que halláredes hácia el Poniente della, no siendo en el parage de las tierras en que hoy hay proveydas gobernadores; é así mismo ... podais descubrir cualquier parte de tierra firme, que halláredes, por la dicha costa del Sur, hácia el Poniente, que no se haya hasta agora descubierto, ni entre en los límites é parage Norte-Sur, de la tierra questá dada en gobernacion á otras personas.' *Capitulacion, in Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, xiv. 538-9.

[VII-2] Эррера, дек. iv. lib. x. глава xv., и Ремезал, *История. Чьяпа*, 112, утверждает, что на эти приготовления император выделил Альварадо значительную сумму средств; но аделантадо в своих официальных письмах ко двору, в *Картасе, РУКОПИСИ Сквайера.*, xix. 1-4, 13-27, подробно останавливаясь на труде и расходах, связанных с этими приготовлениями, не упоминает о внешней помощи. Однако маловероятно, что человек с таким характером, как у Альварадо, снарядил бы эту экспедицию исключительно из лояльных побуждений или имея в виду лишь отдаленную возможность получения компенсации из двенадцатой части прибыли.

[VII-3] Эррера, дек. iv. lib. x. глава xv., и Ремезал, *История. Чьяпа*, 113 лет, утверждает, что аудиенция приказала остановить снаряжение его экспедиции.

[VII-4] Эррера, дек. iv. lib. x. глава xv.; Ремезал, *История. Чьяпа*, 113.

[VII-5] Альварадо, *Картас*, в *РУКОПИСИ Сквайера*, хіх. 13-27; Эррера, дек. v. lib. vi. глава i. Эррера упоминает только один корабль.

[VII-6] Нет никакой информации, или она не представляет ценности, относительно первого поселения испанцев в Реалехо. Эррера, решение по делу против lib. vi. сар. i., утверждает, что Альварадо был вынужден из-за нехватки кораблей оставить там 200 человек. Возможно, так возникло поселение. Пурчасу, 1625, пишется слово "*Реалехо*"; Огилби, 1671, "*Реалехо*"; Дампир, 1699, "*Риалеха*"; Джеффрис, 1776, "*Реалехо*", как залив и город. *Мультфильм. Мир. Побережье*, ср., ii. 204, а.

[VII-7] Равный по покупательной способности более чем полутора миллионам долларов в настоящее время.

[VII-8] Альварадо, *Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайра*, хіх. 1-4, в письме императору из Пуэрто-де-ла-Посесьон, 18 января 1534 г., говорится: "Моя деррота соответствует поведению мерседа против В. М. и до 13-го и 20-го градуса против другой стороны линии, описывающей секреты этой Мары и лас-Ислас, и Твердой Земли, и проведения масонской конференции". конкистаре и побларе". В связи с этим странно, что Заратэ в "*Барсии*", III, и те, кто ему подражает, являются единственными авторитетами, которые признают, что Альварадо имел какое-либо право плыть в южном направлении. Эррера, решение по делу против lib. vi. сар. i., Прескотт, *Conq. Перу*, ii. 11 и другие утверждают, что его капитуляция потребовала от него отплытия на запад, и очевидно, что они не видели письма, упомянутого в *рукописи Сквайера*.

[VII-9] Количество судов указывается по-разному. Эррера отметил 11 очков; Ремесаль, 10; Хуаррос, 8, Овьедо, 11 и Прескотт, 12. Количество и тоннаж, указанные выше, взяты из письма в *рукописи Сквайера*, упомянутого в примечании 18. Это было написано из Пуэрто-де-ла-Позесьон накануне отъезда. Один галеон был водоизмещением 300 тонн, другой - 160, третий - 150, а четвертый, построенный по заказу Педрариаса Давилы в заливе Чира, водоизмещением 100 тонн.

[VII-10] Альварадо обвиняется в захвате в Никарагуа двух судов, на которых силы в 200 человек должны были быть отправлены на помощь Писарро. Однако это, скорее всего, было совершено в форме присвоения с согласия владельцев судов. Аделантадо из *Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайера*, хіх. 13-27, отрицает это обвинение и пересылает ваучеры, чтобы доказать, как он говорит, что они были куплены по просьбе владельцев и оплачены к их полному удовлетворению. Однако он добавляет оговорку о том, что "даже если бы они были изъяты, такой акт был оправдан важностью предприятия". Это письмо, по-видимому, также ускользнуло от внимания Эрреры.

[VII-11] В оценке общей численности испанских войск авторы в основном согласны, но количество кавалерии указывается по-разному, и даже официальные письма Альварадо противоречат друг другу по этому вопросу. Эррера, дес. v. lib. vi. сар. i., называет общее число 500 человек, из которых 227 были кавалеристами. Овьедо, iv. 240, упоминает 600 человек с 240 кавалеристами. Согласно судебному расследованию, проведенному в Гватемале в 1536 году, все его силы составляли 500 человек, а кавалерия - 230, *Информация echa en Santiago Установлена*. 15, 1536; и это принятая здесь оценка. Альварадо, *Carta*, *рукопись Сквайера*, хіх. 1-4, в письме императору за несколько дней до его отъезда из Пуэрто-де-ла-Посесьон утверждает, что у него было 450 человек, включая 260 всадников, а несколько недель спустя в

письме из Пуэрто-Вьехо губернатору Панамы говорится, что он отплыл из Никарагуа с 500 людьми, из которых 220 были кавалеристами.

[VII-12] В *рукописи Скуайера*, хіх. 7-14, приводится полный отчет Альварадо императору от 12 мая 1535 года после его возвращения из Перу.

[VII-13] Глава i. настоящего тома.

[VII-14] *Информация против Альварадо*, в книге Пачеко и Карденаса, документ полковника., х. 152-236. Куско расположен немного южнее тринадцатой параллели и, следовательно, находился на территории, закрепленной за аделантадо; но маловероятно, что он знал об этом факте.

[VII-15] *Альварадо, Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайра*, хіх. 21.

[VII-16] 'Y así él se volvió á la cibdad de Mexico sin hacer cosa ninguna.' *Alvarado, Carta*, in *Squier's MSS.*, хіх. 17. Это расследование сопровождалось некоторыми обстоятельствами, которые трудно объяснить. Официальные действия Мальдонадо были аномальными и строго не были действиями посетителя или законного представителя. Указ короля, упомянутый в тексте, предписывал хранить в тайне мотивы его визита; тем не менее, он заставил публично объявить о цели своего прибытия. Разница между визитом и резиденцией заключается в следующем: визит мог быть осуществлен в любое время специальной комиссией короны, но без отстранения от исполнения служебных обязанностей лица, поведение которого подлежало расследованию. Расследование было строго секретным, и визитатор не имел полномочий выносить приговор. Его обязанностью было передать первоначальные показания Совету Индии, которым было вынесено решение трибунала. Вид на жительство, с другой стороны, отбирался по истечении срока полномочий лица; экзамен был публичным и предоставлял все возможности для защиты. *Icazbalceta, Col. Doc.*, ii. стр. xxviii.-xxx. Однако в рамках visita не всегда соблюдались конфиденциальность показаний свидетелей и невмешательство в полномочия лица, поведение которого расследовалось. В том, чему подвергся вице-король Мендоса в 1547 году, его власть сначала была проигнорирована, а имена свидетелей разглашены. *Солорсано, Политика Индианы*, lib. v. глава x. Можно отметить, что хронисты, похоже, совершенно не знали об этом первом визите Мальдонадо в 1535 году и регистрируют его прибытие в Гватемалу только как juez de residencia в 1536 году. Это, однако, полностью подтверждается процитированным выше письмом Альварадо. Полное объяснение термина "резиденция" см. *Hist. Cent. Am.*, i. 250-1, эта серия.

[VIII-1] См. *Историю. Cent. Am.*, i. 638, эта серия.

[VIII-2] Маррокин был хорошим знатоком латыни и первым применил систему изучения этого языка к индийским диалектам. Он перевел католический катехизис на язык киче. *Васкес, Хроника Гвата.*, 150.

[VIII-3] *Гонсалес Давила, Eccles Teatro.*, i. 142. Торквемада упоминает, что Франсиско Хименес, один из 12 францисканцев, впервые прибывших в Новую Испанию, был назначен первым епископом Гватемалы, но отказался от должности "por quedar en el estado humilde" ... de Fraile Menor, iii. 445. Васкес, цитируя королевскую седулу от 24 мая 1531 года, доказывает, что епископ уже был назначен на ту дату. *Хронология. Гват.*, 36-7. Согласно Ремесалу, император назначил Доминго де Бетансосу первым епископом, и поскольку его не удалось убедить

принять эту честь, митра была передана Маррокину по просьбе Альварадо. *История. Чьяпа*, 58-9. В *Новой Испании, Breve Res.*, MS., ii. 351-76, приводится копия буллы, подтверждающей назначение епископа, напечатанная на испанском и латыни.

[VIII-4] Васкес рассказывает, что Фрай Торибио Мотолония, упомянутый Торквемадой как шестой из первых 12 францисканских миссионеров, проживал в Гватемале в 1528 и 1529 годах; но это крайне сомнительно. Согласно бывшему хронисту, он проповедовал и крестил в Кецальтенанго и Патианамите в течение обоих лет. *Хрон. Gvat.*, 20-1; но есть убедительные доказательства того, что он находился в Мексике некоторое время в 1528 году, участвуя в яростном сопротивлении *audiencia*. *Санта-Мария, письмо, в Терно-Компансе, Вой.*, сери ii. том. v. 92 и последующие., и также был там 15 апреля 1529 года, занятый тем же делом. *Процессуально, в документе*, 104 и далее. Маловероятно, что за это время он успел совершить поездку в Гватемалу и, как утверждает Васкес, даже в Никарагуа. Обратитесь также к Рамиресу, в *Icazbalceta, Col. Doc.*, i. pp. xlv.-cliii. Согласно Торквемаде, Торибио был отправлен в Гватемалу в 1533 году основывать монастыри. iii. 489.

[VIII-5] В 1527 году, по словам Гонсалеса Давилы, который утверждает, что в то же время была основана больница. *Театр, Эклз.*, i. 140. Ремесаль, на которого в этом вопросе больше можно положиться, называет 1529 год датой прибытия Бетансоса в Сантьяго и говорит, что он приехал по просьбе Альварадо по возвращении из Испании. *История. Чьяпа*, 15, 42-5.

[VIII-6] 'Celebrose su consagracion con ostentissimo aparato, assi por ser la primera q̃ en Yndias se hazia, como por la magnificencia del S. Principe, que le consagrô.' *Vazquez, Chron. Гват.*, 39.

[VIII-7] Ремезаль дает копию этой конституции, которая была подписана "Episcopvs Gvatemalaensis".

[VIII-8] *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 182-5; *Marroquin al Emperador*, in *Cartas de Indias*, 413-14. Подпись епископа в его письмах, адресованных императору с 1537 по 1547 год, отличается почти в каждом письме. 10 мая 1537 года он подписывает себя "Episcopus Sancti Jacobi Huatamalensis"; 15 августа 1539 года - "Episcopus Cuahvtemalensis"; 10 августа и 25 ноября 1541 года - "Episcopus Cuacvtemolensis"; а 4 июня 1545 года и 20 сентября 1547 года - "Episcopus Cuachutemallensis". *Карта де Индиас*, 425, 428, 431, 433, 443, 450.

[VIII-9] Десятина, выплачиваемая натурой, имела небольшую ценность, если не доставлялась в удобные места. Поэтому король издал седулу, приказывающую туземцам отвести их в шахты или какое-нибудь другое подходящее место в радиусе 20 лиг вокруг каждого города. *Мендоса, Карта, в Пачеко и Карденасе, документ.*, ii. 209; *Флорида, документ.*, 138.

[VIII-10] Speaking of the provision, he says: 'Recibiré merced la reciban con todo amor y voluntad.' *Arévalo, Col. Doc. Антур.*, 184.

[VIII-11] *Arévalo, Col. Doc. Антур.*, 14.

[VIII-12] Смирение и простительная хвастливость епископа иногда немного поражают. Speaking of the provision for the delivery of the tithes, he says: 'Sino se pierde por mis deméritos, que creo no pierde, pues trabajo mas que los demás perlados, que en estas índias al presente residen.' *Id.*, 184.

[VIII-13] В более ранний период испанских завоеваний в Америке этот орден не принимал активного участия. Однако несколько человек нашли свой путь в новый свет, среди которых был Бартоломе де Ольмедо, сопровождавший Кортеса в Мексику. *Остатки, Hist. Чьяпа.*, 148.

[VIII-14] 17 марта 1538 г., согласно Гонсалесу, Давиле, *Ecles Teatro.*, i. 144. Ремезаль утверждает, что монастырь был официально организован только год или два спустя, и цитирует запись в книгах кабиљдо, датированную 12 августа 1538 года, из которой явствует, что некоторые граждане пожелали помочь в строительстве и меблировке монастыря и церкви для использования орденом. *История. Чьяпа*, 148. Есть некоторые сомнения относительно точной даты.

[VIII-15] Повторный, *История. Чьяпа*, 147-9; Gonzalez Dávila, *Teatro Ecles.*, i. 144-8; Escamilla, *Noticias Curiosas*, MS., 12; *Iglesias y Conventos de Mex.*, 283.

[VIII-16] Хуаррос, *Гуат.*, i. 380.

[IX-1] См. *Историю. Cent. Am.*, i. 606, эта серия.

[IX-2] Сальседо привез с собой в Трухильо 209 рабов; из них 102 были заклеены на лице. *Тестимонио, Пачеко и Карденас, документ полковника.*, xiv. 70-7.

[IX-3] Утверждается, что смерть Сальседо была вызвана раной на одной из его ног и грубым обращением, которому он подвергся во время заключения в тюрьме Леон; но его друзья подозревали, что он был отравлен. Эррера, дек. iv. библиотека. vii. глава. iii.

[IX-4] Единственным документом, который Эррера мог представить в подтверждение своего иска, был меморандум без даты, подписи или свидетелей. С другой стороны, назначение Сереседы было подписано Сальседо и засвидетельствовано 12 свидетелями. *Сереседо, Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, хх. 3-5. См. также *Овьедо*, iii. 192.

[IX-5] Диего Мендес уже был подстерегнут ночью и тяжело ранен у входа в свой дом. Он был бы убит, если бы некоторые из его друзей не пришли ему на помощь. *Сереседо, Carta*, в *Рукописи Сквайера.*, хх. 4, 5; *Овьедо*, iii. 193.

[IX-6] Утверждалось, что часть репартименто, принадлежавшая покойному губернатору, была незаконно присвоена и, следовательно, подлежала конфискации. Вскоре после этого мальчик умер, и все его наследство было разделено между некоторыми чиновниками. *Oviedo*, iii. 193.

[IX-7] Впоследствии Сереседо извинился, сказав, что дал свое согласие ради сохранения мира в провинции. "Согласие на то, чтобы умереть, но не на то, чтобы сражаться с огнем в одиночку, а не в одиночку, как эра разона; остаться в одиночестве, чтобы не изменить ничего, кроме того, что касается огненной земли", чтобы выиграть время, пока король окончательно не определится с новым губернатором. *Сереседо, Carta*, в *Рукописи Сквайера.*, хх. 5, 6.

[IX-8] Эррера, дек. iv. библиотека. vii. глава. iii.

[IX-9] Мораль колонистов, по-видимому, была здесь несколько более распушенной, чем обычно. Комментируя поведение Эрреры и других должностных лиц, Сереседо говорит: "Тениан оцупадас кватро касас де касадос де пуэбло и вопрос о публичном позоре и песаре лос-

маридос-лос-компортаван, син йо сар, часть исправления палабраса и аменазаса, порка ло демас в качестве мэра Даньо се эскусава". *Carta*, в *Рукописи Сквайера*, хх. 7.

[IX-10] Первоначально свидетельство было изъято у Мендеса кабильдо и передано на хранение нотариусу Карраско, которого, будучи врагом Эрреры, было легко убедить вернуть его владельцу. *Сереседа, Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайера*, хх. 15-18. См. также *Овьедо*, iii. 108.

[IX-11] 'É ovo regidor que dixo, ó temiendo al Diego Mendez, ó porque le paresçia ser conviniente á la república, que si no se pudiesse concertar en que fuesse su teniente Diego Mendez, que lo fuesse el Cereceda dél, porque esso era lo que convenia al serviçio de Dios é de Sus Magestades, é al bien é sosiego de aquella universidad é de la tierra. É porque algunos se riyeron desto, replicó assi: "Reysos é parésçeos mal lo que he dicho? Pues asentadlo assi, escribano, que yo lo digo assi.'" *Oviedo*, iii. 203.

[IX-12] *Сереседа, Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайера*, хх. 39. *Овьедо*, iii. 207, говорится, что только семеро были ранены. Эррера, dec. v. lib. i. cap. x., упоминает только четыре.

[IX-13] 'Que eran aquel Pedro Vidal, alguacil, que dió la puñalada al Vasco de Herrera é le echó la sogá al cuello, con la que fué despues ahorcado el malfechor; y el otro Alonso Vazquez, alcalde é capitan de la guarda del tirano.' *Oviedo*, iii. 208.

[IX-14] *Давила, Родственник, у Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, xiv. 114-17. См. также *Овьедо*, iii. 213.

[IX-15] 'Murieron mas de la mitad dellos, assi de los que servian á los chripstianos en sus haçienidas, como de las naborias de casa.' *Oviedo*, iii. 213.

[IX-16] *Сереседа, Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайера*, xxii. 50; *Овьедо*, iii. 212. Смотрите также *Hist. Mex.*, ii., эту серию.

[IX-17] Эррера пытался убедить Авилу сопровождать его и отправиться на поиски новых открытий. Последний, однако, отказался, и по возвращении Сереседы был отправлен со своими людьми морем на Юкатан. *Oviedo*, iii. 212-30.

[IX-18] *Овьедо*, iii. 213, приводит 180 в качестве числа.

[IX-19] Индейцы Кимистана (Квинбистана?), Золута, Зелимонга и Зула вернулись, но не индейцы Нако. Эррера, решение по делу против lib. ix. cap. viii.

[IX-20] Находится на расстоянии 23 лиг от Пуэрто-де-Кабальос, 3-от Квинбистана, 7-от Нако и 15-от Сан-Хиль-де-Буэнависта. Эррера, решение по делу против lib. ix. cap. viii.

[IX-21] Сереседа должен был стать "капитаном всех других капитанов". Эррера, dec. v. lib. ix. cap. ix., оценивает численность объединенных сил в 80 солдат, но это явная ошибка.

[IX-22] Эррера говорит о ней как о уроженке Севильи и как о том, что она была схвачена Чизимбой, "que auia diez anos—tenia por muger", во время резни в Пуэрто-де-Кабальос. dec. v. lib. ix. cap. ix.

[IX-23] 'Los que quedaron en la ciudad de Truxillo ... синификаван аль-Рей, требующий наказания, супликаванте ... que no la olvidasse, pues no era menos provechosa que las otras de las Indias, por las muchas minas que en ella auia: y quanto al sitio de la Ciudad dezian, que era muy sano, enxuto, y

ayroso, y de muy buenas aguas.... Dezian que no auia vezino que no tuuiesse en su casa vn huerto con todas las frutas de Castilla, que se auian podido auer, las quales se dauan muy bien, como naranjos, cidras, limones agrios y dulces, granados y higueras, de las quales a siete meses que se plātan, se cogia fruta: de melones y vbas, y otras tenian abundancia.' *Herrera*, dec. v. lib. ix. cap. ix.

[IX-24] Эррера говорит, что дела в провинции были в плачевном состоянии, поскольку Сереседа, "cuya crueldad excedia a toda humana prudencia", потерял всякий контроль над своими людьми. dec. vi. lib. i. cap. viii. Монтехо, который впоследствии стал губернатором Гондураса, также очень пренебрежительно отзываясь о Сереседе. - За все время, что он был в Зуле и Нако, он не отходил и на две лиги от своего жилища. Из 27 или 28 существовавших городов, когда он достиг страны, он не оставил ни одного. Он уничтожил все, даже крупный рогатый скот и кобыл. Людей он увез в кандалах, оставив некоторые города без единого жителя. Он и его советники, священник по имени Хуан Авила и некий Хуан Руано, опустошили лучшую часть Гондураса". *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, ii. 240-1.

[IX-25] 'Quisiesse socorrer á los pobladores chripstianos, que estaban en Honduras, en paçificar la tierra, é dar órden cómo no se acabassen de perder los españoles que allí estaban.' *Oviedo*, iii. 214.

[IX-26] В Овьедо, iii. 214, говорится, что это произошло в 1533 году. Сам Селис утверждает, что Сереседа отправил его в Гватемалу в конце 1535 или начале 1536 года. *Камино де Гуат.*, в книге *Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, xiv. 540-9; тогда как Эррера утверждает, что Селис ушел по собственному желанию. 'Estas cosas llegaron a termino que el Tesorero como buen ministro sossegô la gente, con prometer de yr a Guatemala á pedir socorro a don Pedro de Aluarado.' dec. vi. lib. i. cap. viii.

[IX-27] *Кава, Гондурас, в деле Пачеко и Карденаса, документ полковника.*, xiv. 280 и последующие, Селис впоследствии подал иск на 800 кастелланос для пропитания своего отряда и на лошадей, использованных при исследовании дороги в Гватемалу. 24 октября 1539 года алькальд-мэр Пуэрто-де-Кабальос провел судебное расследование, чтобы выяснить, действительно ли казначей, как он утверждал, обнаружил дорогу оттуда в Гватемалу. Было допрошено несколько свидетелей, и все они показали, что Алонсо Ортис обнаружил дорогу перед Селисом и пересек ее; что последний, когда направлялся в Гватемалу, не испытывал никаких затрат, поскольку его припасы были предоставлены другими. *Селис, Камино, в документе*, xiv. 540-50. В Гватемале он остановился в доме королевского казначея и, следовательно, не был обременен никакими расходами. *Монтехо, в документе*, ii. 241.

[IX-28] Присутствовали Андрес де Сереседа, алькальд Алонсо Ортис и регидоры Бернардо де Кабранес, Хуан Лопес де Гамбоа и Мигель Гарсия де Линьян. *Мендоса, Карта, в Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xiv. 301-4.

[IX-29] *Мендоса, Карта, в Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xiv. 301-4. Вышеизложенное изложено в официальном отчете Сереседы вице-королю Мексики. Эррера, однако, излагает совершенно иную версию этого вопроса. Он утверждает, что поселенцы, видя, что после четырехмесячного отсутствия казначей Селис не вернулся и не прислал никакого сообщения, согласились покинуть это место. Нагрузив своих слуг-индейцев тем немногим, что у них осталось, они продолжили свой путь, предварительно привязав Сереседу и двух его друзей к деревьям, потому что он запретил им забирать своих рабов на том основании, что это противоречило королевским приказам перевозить их из одной провинции в другую, хотя он сам

сделал это и предоставил своим друзьям такую же привилегию. Но, пройдя несколько лиг, они наткнулись на людей, идущих из Гватемалы, после чего вернулись в поселение и подружился с губернатором, дек. vi. lib. i. cap. viii. В письме Альварадо от 9 мая 1536 года Сереседа ничего не говорит о том, что его привязали к дереву, хотя он жалуется на грубое жестокое обращение со стороны колонистов.

[IX-30] Здесь предполагалось основать крупное поселение. Город был основан 26 июня 1536 года. Различные должностные лица были назначены, приведены к присяге и введены в должность. Места для жилья были отведены алькальдам, регидорам и весино. Название города не могло быть изменено иначе как по приказу императора; и было постановлено, что никто не должен проживать в другом месте до тех пор, пока не станет известно о воле императора. *Гондурас, Фонд в Пачеко и Карденасе, Документ полковника, xvi. 530-8.*

[IX-31] Это поселение находилось на расстоянии 38 лиг от Комаягуа и 106 лиг от Гватемалы. *Хуаррос, Гуат., i. 41; Эррера, дек. vi. lib. i. cap. viii.*

[IX-32] *Альварадо, Carta, в РУКОПИСИ Сквайера., xix. 24-5, 29.* В этом письме он предлагает королю провести большую экспедицию из Испании через Магелланов пролив в Южное море, в котором, по его мнению, было много островов и даже несколько континентов.

[X-1] "Прошу прощения у официального представителя контадора, у заместителя мэра алькальда, за различия в поведении Педрариаса". *Эррера, дек. iv. библиотека. ix. глава. xv. Овьедо, iv. 112,* все еще называет его "алькальд-мэр и контадор", когда он возглавляет правительство.

[X-2] 'Que era de derecho, que quando dos personas que tenian poderes del Rey, moria el vno, el que quedaua sucedia al otro.' *Herrera, dec. iv. lib. ix. cap. xv.*

[X-3] Эррера и Овьедо оба заявляют, что после смерти Педрариаса "quedó en el cargo de la gobernación el licenciado Francisco de Castañeda", тогда как Андагоя, *Нар., 39 лет,* говорит, что "епископ Диего Альварес Осорио сменил Педрариаса на посту губернатора, но умер вскоре после вступления в должность, оставив Кастаньеду своим преемником". Это, несомненно, ошибка. Редакторы *Datos Biog., в Картах Индии, 710,* указывают в качестве даты смерти Осорио 1534 год, что также ошибочно. Его кончина наступила в 1536 году. См. *Las Casas, Informacion, в Pacheco и Cárdenas, Col. Doc., vii. 127.*

[X-4] За несколько дней Кастанеда присвоил восемь из них. *Эррера, дек. iv. библиотека. ix. глава. xv.*

[X-5] 'No podia dexar de auer fraude, pues los auia dado a menosprecio, por contemplaciones, y por cõseguir sus fines.' *Herrera, dec. iv. lib. ix. cap. xv.*

[X-6] 'El qual se dió todo el recabdo qué pudo á enriquesçerse; é púdolo bien hacer, pues no le quedó quien le fuesse á la mano.' *Oviedo, iv. 112.*

[X-7] Среди тех, кто покинул провинцию, были Себастьян де Беналькасар и Хуан Фернандес, которые присоединились к Писарро на Перешейке в марте 1531 года. В их компании были Франсиско Бобадилья, Хуан де лас Варильяс и Херонимо Понтеведра, монахи ордена Милосердия, участвовавшие в завоевании Гватемалы и Никарагуа. *Наварро, родственник, в документе полковника. Инед., xxvi. 238.*

[X-8] Во время краткого правления Сальседо в Никарагуа некий маэстро Рохас, покровитель церкви, заключил в тюрьму бывшего казначея Кастильо по обвинению в ереси, но первый не обладал юрисдикцией в этом деле, и Рохас оставался в заключении до прибытия Педрариаса в сопровождении брата Франсиско де Бобадильи, который был наделен необходимыми полномочиями епископом Панамы. Его власть была передана бачиллеру Педро Браво, а от него Педрариасу, который рассмотрел дело, оправдал Кастильо и восстановил его в должности. *Рукопись Сквайра.*, iv.

[X-9] *История. Чьяпа*, 105. Похоже, что он не был монахом, о нем говорят как о "великом и почтенном сеньоре Д. Диего Альваресе Осорио". *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, vii. 116; см. также *Альседо*, iii. 322, который добавляет, что он был уроженцем Америки, хотя неизвестно, какого места; и *Гонсалес Давила, Театр Эклес.*, i. 235; *Хуаррос, История. Гуат.*, i. 49.

[X-10] Новые десятины должны были взиматься с какао, меда, воска и льна, чтобы обеспечить жалование епископа, которое составляло 500 000 мараведи, и границы новой епархии должны были быть определены "у эставана бьена сервидаса лас иглесиаса". *Рукопись Сквайера.*, xxii. 109.

[X-11] Предыдущее упоминание о Лас Касасе см. в *Истории. Cent. Am.*, i. 277-9, 284, 309.

[X-12] 'En tanto, desde que Rodrigo de Contreras fué á aquella tierra estuvo exerçitando su offiçio, como buen gobernador, é tuvo en paz é buena justiçia aquellas tierras é provinçias, que por Su Majestad le fueron encomendadas, é procurando la conversion é buen tractamiento de los indios para que viniessen á conosçer á Dios.' *Oviedo*, iv. 113.

[X-13] Это положение было ратифицировано императором 20 апреля 1537 года и содержало также разрешение на завоевание островов в озерах Никарагуа и Манагуа. *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, xxii. 515-34.

[X-14] Перед бегством Кастанеды Лас Касас посетил Испанию, куда его вызвали для переговоров о заключении договора с могущественным вождем Энрике. Он снова вернулся в Реалехо и вскоре после этого предпринял вторую попытку отправиться в Перу, но из-за плохой погоды был вынужден вернуться в порт.

[X-15] Смотрите пространные показания, взятые в Леоне по просьбе губернатора перед епископом Осорио и завершенные после смерти прелата перед вице-губернатором и алькальдом-мэром лиценциадо Грегорио де Себальосом и нотариусом Мартином Мимбреньо. Многие свидетели здесь свидетельствуют о упорном сопротивлении Лас Касаса, которого просили сопровождать экспедицию, но он отказался, хотя и предлагал отправиться под командованием 50 солдат, чтобы исследовать и совершить мирное завоевание рассматриваемой территории. *Лас Касас, Информация*, в *Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, vii. 116-46.

[X-16] 'El Gouernador recibia informaciones, para prouar que el padre escandalizaua la gente, y alteraua la Prouincia.' *Herrera*, dec. vi. lib. i. cap. viii.

[X-17] Несмотря на разногласия с Лас Касасом, жители Леона и даже сам Контрерас не желали видеть свой монастырь покинутым. В показаниях, о которых уже упоминалось, свидетели

свидетельствуют 23 августа 1536 года, что "дос месес, покой мас оменос темпо, что за дело до того, как лос-дихос фрейлес доминикос сел за огонь монастыря Сан-Франциско, деста сибдад". Лас Касаса и его спутников попросили остаться регидоры "и другие многочисленные личности деста сибдад", которые обратились с просьбой от имени губернатора. Однако они отказались и уехали в тот же день. *Лас Касас, Информация, в Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, vii. 116-46. Очевидно, что это событие произошло примерно в июне 1536 года. Ремесаль, который, как правило, не слишком точен в датах, говорит, что Лас Касас прибыл в Гватемалу "из дела аль-фин-дель-аньо-де-трейнта и синко". *История. Чьяпа*, 111. Почему Хелпс в своей книге "Жизнь Лас Касаса", 185, не рискуя сам указывать точную дату, смело утверждает: "Эррера заставляет его ехать в Испанию, и хотя он называет неправильную дату (1536 год), все же основное утверждение может быть правдой", - я затрудняюсь объяснить.

[X-18] "В медио десса лагуна - металлический салтан - возрождение борбольонеса - манадерос - величайший металлический континуамент аквеля, син нингун пунто сессар, главная цель металла - ликор алли колорадо-дескубьерто, син эскориас". Однажды лава поднялась до вершины, создавая такой сильный жар, что в радиусе лиги или более от вулкана была уничтожена вся растительность. *Oviedo*, iv. 81-2.

[X-19] Овьедо придерживался мнения, что она, должно быть, была дьяволом; но была ли это супруга его Сатанинского Величества или сам дьявол в женском обличье, он не говорит. 'É segund en sus pinturas usan pintar al diablo, ques tan feo é tan lleno de colas é cuernos é bocas é otras visages, como nuestros pintores lo suelen pintar á los piés del arcángel Sanct Miguel ó del apóstol Sanct Bartolomé.' *Oviedo*, iv. 75.

[X-20] 'É que antes ó despues un dia ó dos que aquesto se hiçiesse, echaban allí en sacrificio un hombre ó dos ó más é algunas mugeres é muchachos é muchachas; é aquellos que assi sacrificaban, yban de grado á tal suplicio.' *Oviedo*, iv. 74.

[X-21] 'Callad, padre: que por ventura Dios no quiere que lo descubran capitanes ni personas ricas, sino pobres é humillados.' *Oviedo*, iv. 77.

[X-22] 'É porque faltaba un cabrestante é no lo mandaban haçer por no ser descubiertos, el frayle lo hiço por su mano en el lugar ques dicho que estaban todos los otros aparejos.' *Oviedo*, iv. 78.

[X-23] До этой даты были предприняты две неудачные попытки, и некоторые из соратников монаха, напуганные первым видом горящего озера, отказались от предприятия. *Oviedo*, iv. 78.

[X-24] В 1529 году, во время своего пребывания в Никарагуа, Овьедо был гостем Мачуки и положительно отзывался о его поведении. В компании со своим хозяином и касиком Лендери хронист исследовал вулкан недалеко от Масайи, в кратере которого находилось тепловодное озеро примерно того же уровня, что и лава, возбудившая алчность Фрай Бласа. Спуск был трудным, но индианкам удавалось подниматься и спускаться за водой. Что касается глубины озера, Овьедо замечает: "Эсте- лаго, ми- парешер (асси ло юзган отрос), эста - эль- пессо - э - хондура, эста - эль- фуэго, эсте - эль - почо - дель - монте- де- Массайя ... нет, халлан суэло, ради мухи хондуры". Мачука с помощью своих друзей собрал средства, необходимые для изучения Десагуадеро.

[X-25] Основные пороги в ручье до сих пор носят название Мачука. "*Никарагуа Сквайра*" (изд. 1856), i. 82.

[X-26] Об этой экспедиции упоминает Эстрада Раваго, чей рассказ о делах провинции, написанный в 1572 году, появляется в *рукописи Сквайера*, xiii. 4.

[X-27] Согласно Овьедо, Гаравито, должно быть, подружился с Контрерасом, поскольку, говоря о первом, он говорит, что однажды, играя в "каньяс" в городе Леон, он внезапно упал замертво со своей лошади. Он был одним из тех, кто принимал участие в предприятии, стоившем жизни Васко Нуньесу де Бальбоа, и предал его Педрариасу, за этот акт предательства его собственная жизнь была сохранена. *Oviedo*, iv. 58-9. По словам Раваго, люди Гаравито после смерти своего командира отплыли в Перу под свою ответственность.

[X-28] Он одиннадцать лет занимал должность казначея, и все это время, как говорят, он ничего не вкладывал в казну. *Рукопись Сквайра*, xxii. 144, 149. С другой стороны, можно отметить, что дела провинции были в таком состоянии, что доходов можно было собирать практически никаких. Нет никаких доказательств того, что Риос был родственником своего тезки, бывшего губернатора Кастильи-дель-Оро.

[X-29] Несколько примечательно, что настоятель церкви мог заключить в тюрьму королевского казначея, но таков факт. 'Le vino a prender ... pidió favor a la Ciudad de Granada donde el estava (Rios), lo prendió i metió en el monasterio de la Merced por ser casa de piedra.' ... *Рукопись Сквайра*, xxii. 144.

[X-30] 20 мая 1545 года он написал из своей тюрьмы императору: "Я виноват в том, что я виноват перед лицом врагов. На 6 meses que me pusieron en esta carcel arzobispal", и попросил, чтобы его немедленно судили и наказали или оправдали, в зависимости от обстоятельств. *Рукопись Сквайра*, xxii. 148.

[X-31] Вполне вероятно, что Риос продолжал править страной до возвращения Контрераса. Вскоре после только что описанных событий он погиб, вероятно, во время какой-то экспедиции в глубь страны, поскольку о нем ничего не говорится до 15 июля 1545 года, когда епископ Вальдивьесо в одном из своих писем королю пишет: "Я хан муэрто П.^о де лос Риос, Луис де Гевара, и отрос де менос куэнта". В последующем отчете этот прелат снова ссылается на "аль диф"^к Tes^о. Р^о- де лос Риос", заявив, что десятина, собранная и все еще причитающаяся ему после смерти, не была возвращена. *Рукопись Сквайра*, xxii. 109-10.

[X-32] Некто Педро Гарсиа в послании императору, датированном Леоном 10 января 1545 г., жалуется, что "ла р^а де Контрерас, Риос и су теньенте Луис де Гевара, хеча в беде. Эррера, ха сидо сепультада и грех фруто". *РУКОПИСЬ Сквайера*, xxii. 145; и когда впоследствии некоторые недовольные мужчины потребовали, чтобы Эрреру отправили обратно в Леон для завершения его расследования, из аудитории пришел ответ: "Почему нет хабии Лугара, как получить лицензию на вольвизо на тьерре". *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, vii. 571.

[X-33] *Давила, Экономический театр*, i. 235. Вальдивьесо был уроженцем Вильяэрмосы и сыном Антонио де Вальдивьесо и Каталины Альварес Кальвенто. Он стал доминиканцем в монастыре Сан-Пабло в Бургосе, заключенным которого он был, когда император призвал его в епископство Никарагуа. *Датос Биог.*, в *Картас де Индиас*, 857, и *полковник Док. Inéd.*, i. 117; *Эррера*, дес. vii. lib. vi. сар. vi., утверждает, что он был назначен епископом "за муэрте дель обиспо Мендауя", имея в виду декана Мендавию, но Риос не осмелился бы отправить его пленником в Испанию, если бы он был епископом. Кого имеет в виду Вальдивьесо, когда, говоря о себе как о втором епископе, сосредоточенном в Никарагуа, он замечает: "Что произошло с^о

предшествующий вопрос о мурио в 40 диасах вопроса о ллого на огненной земле", *Рукопись Сквайера.*, xxii. 125, определить невозможно. Первый епископ, Осорио, был назначен в 1531 году и умер в 1536 году. Нигде не указано, что другой прелат был избран до Вальдивьесо. Вероятно, однако, что он ссылается на фрая Хуана де Артеага, избранного епископа Чьяпаса, который, когда Лас Касас впервые отказался от этого назначения, покинул Испанию 15 февраля 1541 года и умер в Пуэбле в том же году, вскоре после своего прибытия. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 202.

[X-34] 'Inquisicion no se ha de mentar en esta tierra, i en entrando en ella me embiaron a decir que si entendia en cosa de Inquisicion o lo pensava, me darian de puñaladas.' *Squier's MSS.*, xxii. 146. В другой раз, когда президент Мальдонадо и ойдор Рамирес были в Гранаде, готовя экспедицию в Перу, епископ отказался совершать богослужение в церкви, потому что при этом присутствовал человек, которого он отлучил от церкви. После этого Рамирес употребил оскорбительные выражения, в результате чего он был вынужден удалиться из церкви. Поведение Вальдивьесо вызвало такую неприязнь, что впоследствии на улице собралась толпа и пригрозила повесить его.

[X-35] Следующая цитата взята из отчета аудиенции в Грасиас-а-Диос, датированного 30 декабря 1545 года. 'Los Dominicos de Nicaragua tenian un pueblo que se les mando quitar por las Ordenanzas. Representaronnos que sin el no podrian estar, i porque no se ausentasen se lo dejamos. Tendrá el pueblo 20 Indios.' *Squier's MSS.*, xxii. 131.

[X-36] 'Y el Fiscal auia puesto acusacion contra Rodrigo de Contreras, porque siendo gouernador de aquella provincia, salio diuersas vezes de su Gouernacion con gente de pie y de cauallo, y fue a la parte de Costa rica, y al desaguadero, y otras tierras comarcanas, adonde hizo grandes excessos, assi contra Castellanos, como contra Indios.' *Эррера*, дек. vii. lib. vi. cap. vi.

[X-37] Датировано в Грасиас-а-Диос 24 декабря 1545 года. *Рукопись Сквайра.*, xxii. 126.

[X-38] Эррерой руководили исключительно эгоистичные мотивы. Он желал для себя должности правителя, и для провинции было счастьем, что он ее не получил; ибо, когда в 1548 году его резиденцию занял лицензиат Серрато, оказалось, что он был самым жадным из всех своих коллег.

[X-39] Отчет, датированный Гранадой 23 апреля 1547 года. *Рукопись Сквайра.*, xxii. 46.

[X-40] Законы были опубликованы в Никарагуа в 1545 году.

[X-41] Этот отчет датирован Леоном, 10 февраля 1548 года. Основные обвинения, содержащиеся в нем, являются простым повторением уже упомянутых. См. *Рукопись Сквайера.*, xxii. 98-100.

[X-42] Вероятно, он оставался в Испании до 1554 года, поскольку о нем больше ничего не известно до того года, когда мы слышим о его службе в Перу. Наконец, он появляется в акте принесения присяги на верность Филиппу II в Лиме 25 июля 1557 года. *Датос Биог.*, в *Картас-де-Индиас*, 742.

[X-43] Впоследствии этот монастырь был оккупирован доминиканцами, поскольку фламандские монахи покинули его в 1531 году, отправившись в путешествие в компании брата Маркоса де Низы в Коста-Рику, Перу, Огненную землю, Испанию и Мексику. *Васкес, Хроника. Гват.*, 21-2.

Хуан де Гандабо, монах-францисканец, одним из первых приехавший в Никарагуа, в 1536 году все еще находился в Гранаде, где трудился вместе с братом Франсиско де Арагоном. Место и дата его смерти неизвестны. *Notas, Datos Biog., in Cartas de Indias, 762.*

[X-44] Гонсалес Давила, в *Ecles Teatro.*, i. 233.

[X-45] В провинции Оксоморио Бобадилья крестили 85 человек; в Дирии - 5 018; в Момбачо - 3 241; в Масайе - 937; в Малапальте - 154; в Маринальте - 409; в Лендери - 2917; в Манагуа - 1116; в Матиари - 421; в Мавитиатомо - 75; в Награндо, Ариате, Мабитре и Магометомбо - 585; в Марибио, 6 346; в Зекотеаге, 2169. "В качестве примера для примера я задаю вопрос о том, кто является частью создания нового поколения, посвященного иглесии, о том, как менестер де баптисарлос и дексарлос, каков грех крера, как играть в кости с месмой вердадо евангелики, не так ли, сальвар, сино конденар". *Овьедо*, iv. 59-60.

[X-46] Во время своего путешествия они обнаружили реку, которую называли Нуэстра-Сеньора. *Пачеко и Карденас, документ полковника.*, iii. 511-13.

[X-47] Время их прибытия указано как 1550 год. *Биенвенида, Письмо, в Терно-Компанс, Вой.*, серия i. том. x. 308.

[X-48] Назвал Табизгальпу Ариас Гонсало Давила, сопровождавший экспедицию.

[X-49] В этой главе мы обратились к различным документам *Пачеко и Карденаса, Coll. Doc.*, i. 556, 563; iii. 84-8, 511-13; vii. 116-46; *Картас де Индиас*, 710, 762, 775; *Датос Биог.*, в *Картас де Индиас*, 36, 742, 857; *Coll. Doc. Inéd.*, xxvi. 238; xlix. 21-3; л. 116; *Рукопись Сквайера*, xiii. 3, 4; xxii. 34-149; *Овьедо*, iii. 176-9; iv. 76-92, 112-15; *Эррера*, дек. iv. библиотека. i. глава ix.; библиотека. ix. глава xv.; библиотека. x. глава v.; дек. v. библиотека. vii. глава ii.; дек. . vi. библиотека. i. заглавная. viii.; дес. vii. lib. vi. cap. v.; дес. viii. lib. i. cap. ix.; *Переработка, История. Чьяпа*, 105-7, 193-9, 203-6; *Андагоя, Нар.*, 39; *Вега, История. Дескуб. Ат.*, ii. 244-6; *Гонсалес Давила, Театр Эклз.*, i. 234-5; *Когольвдо, История. Юкатан*, 345; *Васкес, Хроника. Гват.*, 252; *Хуаррос, Гват.*, i. 49; *Морелли, Фасты Нови Орбис*, 112; *Бенцони, История. Мондо Ново*, 105; *Пелаес, Мем. Гуат.*, i. 135; *Пинеда, в соц. Мексике. Геог.*, iii. 347; *Полковник Керр. Войс.*, v. 175; *Ник Леви.*, 67-73; *Штаты Сквайера, Сент. Утра.*, i. 82.

[XI-1] Некоторые хронисты утверждают, что во времена Колумба эта часть материка уже была известна под названием Коста-Рика из-за обнаруженных прекрасных образцов золота, главным образом в районе Таламанка, где оно изобиловало ручьями и добывалось без особых усилий. *Молина, Боскехо Коста Р.*, 79; этот автор следует за Наваррете. См. также *Бехарано, Информе*, г-жа Морель де Ста. Крус, *Визита Апост.*, г-жа, 14 лет, с другой стороны, приписывает название богатому промыслу жемчуга, который был найден на побережье, и качеству фруктов, леса и других продуктов территории.

[XI-2] *История. Cent. Am.*, i. 484-5, эта серия.

[XI-3] Я склонен полагать, что первоначальными основателями Картаго были поселенцы из колонии, основанной Франсиско Эрнандесом де Кордобой в Бруселасе, на берегу залива Никоя в 1524 году, и покинутой три года спустя по приказу Сальседо (см. *Hist. Cent. Am.*, i. 512, эта серия); особенно потому, что было известно, что его первое место нахождения находилось недалеко от гавани Кальдеры и, следовательно, недалеко от места высадки в Кордове. Затем

его перенесли на место недалеко от Рио-Тарас, а оттуда на его нынешнее местоположение. Некоторые даже утверждают, что Картаго был первым городом, основанным на территории, которая раньше называлась королевством Гватемала. Хуаррос делает это заявление, основываясь на отчете, сделанном в 1744 году Хосе де Миер-и-Себальосом инженеру Луису Диесу Наварро. Ссылаясь на тот же документ, он продолжает: "Согласно указу, сохранившемуся среди записей, первым губернатором и генерал-капитаном Коста-Рики был Диего де Астьеда Чиринос". *История. Гуат.* (ред. Лондон, 1823), 75, 341-2. Эти утверждения повторяются в *Mosquito, Doc.*, 27, где губернатора называют Остигой. См. также *Salv.*, *Дневник. Ofic.*, 30 марта 1876 г., стр. 168. Molina, the modern historian of Costa Rica, follows Juarros and goes even further when he says: 'Mais il est probable que sa fondation eut lieu pendant le quatrième voyage de Colomb, en 1502 ... en 1522, Cartago, l'ancienne capitale espagnole de la province, était une ville d'assez d'importance pour demander qu'on voulût bien y fixer la résidence d'un gouverneur avec son secrétaire. Diego de Astieda Chirinos paraît avoir été son premier gouverneur.' ... *Государственный переворот Коста Р.* (изд. Париж, 1849), 4. То, что вышеупомянутые авторы ошибаются, доказывается тем фактом, что Диего де Артьегу Черино (как следует правильно писать его имя) был назначен губернатором и генерал-капитаном Коста-Рики, Никарагуа и Никои только 51 год спустя, а именно в 1575 году. *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, xvii. 559-65. Молина в последующей работе также склоняется к мнению, что Картаго был основан теми, кто покинул более ранние поселения, и исправляет свое прежнее утверждение в отношении Колумба, просто говоря: "Бессмертный Колон мисмо ан су кварто виаже ан эль ано де 1502, токо ан вариос пунтос де су коста ан эль Атлантико". *Боскехо Коста Р.*, 10. Удивительно, что Молина в своем трактате о пограничном вопросе между Коста-Рикой и Никарагуа не должен был ссылаться на документ, упомянутый Хуарросом, и что он не должен был использовать его в своей записке. *Коста Р. и Ник.* В *Эррере*, dec. vii. lib. iv. cap. xvii, дата основания Картаго даже перенесена на время Гутьерреса, что может быть правильным, поскольку он первым дал провинции название Нуэва Картаго.

[Си-4] первый границ назначен для провинции упомянутых в Хартии, дарованной Гутьеррес, от Мадрид, 29 ноября, 1540, в котором они описаны как 'простирающейся от моря до моря, и от границы Верагуа, идущая на запад, к великой реке (Рио-Гранде), при условии, что кот смежно указанной реки на стороне Гондурас должны оставаться при правительстве Гондурас, с силой Гутьеррес завоевывать и обживать остров в реке, которая не должна быть ранее расположенная по испанцев; и право на судоходство, рыболовство, и другие преимущества, отметил реки; и при условии, что он (Гутьеррес) не должны подходить к в 15 лигах от озера Никарагуа, потому что эту территорию в 15 лигах будет зарезервирован, а также сказал, озера, должны были оставаться в распоряжении правительства Никарагуа; но мореплавания и рыболовства как в этой части реки предоставленных Гутьеррес и в 15 лигах защищены, и в озере, должен обладать общим, совместно с жителями Никарагуа'. *Молина, Коста-Р., Ник.*, 7. Автор утверждает, что обладают заверенная копия неопубликованные документы, хранящиеся в архивах Испании, в которой он утверждает, условиями хартии, дарованной Гутьеррес. См. также *Овьедо*, iii. 179, и *Ник Леви.*, 67-73.

[XI-5] Некоторые хронисты утверждают, что Контерас обещал предоставить людей и провизию при условии, что ему будет предоставлена доля добычи.

[XI-6] 'A queste parole, rispose Diego Gottieres, che l'Imperatore gli haueua dato quella Gouernatione perche la populasse, e non perche la rubasse, e se à gli altri la fortuna era stata contraria, che haueua

speranza in Dio che à lui gli saria propitia, e che in modo alcuno no voleua lasciare la impresa, né manco voleua compagnia alcuna.' *Benzoni, Hist. Мондо Нвово*, 83.

[XI-7] Пишется также Suere. *Бенцони, Мондо Нвово*, 85.

[XI-8] 'E despues que allí estuvo un año ó más, porque faltaron los bastimentos, se le amotinó la gente é se le tornaron á Nicaragua; é este gobernador se quedó con seys hombres solos.... Pero aunque este gobernador estaba solo é con tan pocos chripstianos ... no dexaban los indios naturales de les dar de comer é oro, sin haçer mal ni daño á ninguno de los nuestros.' *Oviedo*, iii. 180.

[XI-9] 'E cosi fece vintisette soldati, e trouandomi io in questa Città volsi esser vno di que gli, ancora ch'io fussi ripreso da vno Spagnuolo antiano, ilquale era andato nella prouincia di Cartagena, e santa Marta, e altri luoghi, per ispatio di quindici anni, dicendomi, che in modo alcuno, mi lasciassi vincere di andare à tale impresa, e che non volesse dar credito alcuno alle parole del Capitano. *Бенцони, Мондо Нвово*, 84-5.

[XI-10] Oviedo names the two caciques Cama and Coco: 'E cada dia traian oro al gobernador, el qual, como hombre de ninguna espiencia, prendió á uno de aquellos caçiques, que estaban de paz, que se deçia el Cama (el qual era muy rico), porque no le daba tanto oro como este gobernador le pedia.' iii. 180.

[XI-11] 'la Gottierez dreigde Camachiren te verbranden; hoewel nu bereeds verscheiden stukken gouds, met allerlei beesten, tijgers, visschen, vogelen konstig geboetseert, die de prijs van twee tonnen gouds ophaelden, door de selve begiftigt was. Sulk een schenkaedje scheen te gering. Hy bragt den gevangene by een kist: en swoer, hy soude hem langsaem braeden, ten zy binnen vier dagen ses mael meer goud verschaftte als de kist laeden konde.' *Montanus, Nieuwe Weereld*, 87.

[XI-12] 'Et cosi partissimo, e à pena che fussimo saliti dalle case, io indiuiuai quello c'haueua da essere di noi altri, dicendo à vno Spagnuolo, noi andiamo alla beccheria; e rispondendomi lui queste parole disse. Tu sei vno di quegli, che gli vogliamo far guadagnare vn Principato al suo dispetto.' *Benzoni, Mondo Nvovo*, 89.

[XI-13] Это унижение так подействовало на Кокори, что он прослезился и пообещал, если его освободят, принести губернатору некоторое количество золота. 'Et essendo poi tutti noi altri in punto per marciare, e vedendo il Cacique come il Gouvernatore per dispregio lo voleua menare con lui carico, e con altri suoi Indiani, con parte delle sue bagaglie; si attristò in tal maniera, che si messe à piangere, come vn putto; e gli disse, che se voleua dargli libertà, che in termine di quattro giorni, gli darebbe vna buona somma d'oro.' *Benzoni, Mondo Nvovo*, 89. Но его обещание ничего ему не дало.

[XI-14] Бенцони рассказывает, что, будучи не в состоянии съесть свою порцию собачатины, в которой было полно червей, он пошел к губернатору и потребовал еды. Диего велел ему пойти и поесть корней деревьев, после чего испанец, стоявший рядом, воскликнул: "Сеньор губернатор, поскольку вы не хотите делиться с нами ни хорошим, ни плохим, идите и воюйте сами". Затем кусок сыра весом в три фунта был разделен между мужчинами, которые таким образом были умиротворены на ту ночь. Летописец стоял на страже во время ранней утренней вахты и, услышав, как губернатор отдает приказ своему повару сварить кусок свинины на завтрак, расхаживал взад и вперед у костра, пока все не уснули, после чего, заострив кусок дерева на острие, проткнул свинину и спрятал добычу в свой рюкзак, "чувствуя себя более довольным, -

говорит он нам, - чем если бы заполучил сокровище". *История. Новый Свет*, в *Хаклүйте, Divers Voy.*, 132.

[XI-15] Рио-Гранде.

[XI-16] 'Et hauendo combattuto dall' vna parte, e dall' altra per ispatio di mezo quarto d'hora, e hauendo noi altri ammazzato, e ferito molti Indiani, e alla fine fattogli voltare le spalle.' *Benzoni, Hist. Mondo Huovo*, 91. Монтанус утверждает, что вся битва длилась полчаса. 'Na een half uur vechten, deinsden d'aenvallers; doch, met versche benden gestijft, hervatten den torn: braeken tuschen de Spaensche slag-orde in: sloegen met palm-houte swaerden en knodsen harsenen en beenen te pletteren.' *Die Nieuwe Weereld*, 88.

[XI-17] Овьедо говорит, что в то время губернатор был болен подагрой. 'Y el gobernador en essa saçon mandaba mal su persona, porque andaba tullido de gota é quatro negros le traian echado en una hamaca, lo qual le debiera bastar para ser mas paçiente con los indios.' Его заявления существенно отличаются от заявлений Бенцони. Он рассказывает, что испанцы были застигнуты врасплох в своем лагере и что Гутьеррес и 72 его человека были убиты, спаслись бегством только семеро, но маловероятно, что под его командованием были такие большие силы. iii. 181. Раваго в *РУКОПИСИ Сквайра.*, xiii. 3, говорит, что между высадкой Гутьерреса и его смертью прошло всего 44 или 45 дней, но его отчет о ранней истории провинции несколько расплывчат и ненадежен.

[XI-18] Нет никаких сомнений в том, что рассказ Бенцони об экспедиции Гутьерреса несколько приукрашен из-за разрыва между ним и губернатором. "В первый же день, когда мы вошли в порт, - рассказывает он, - губернатор любезно усадил меня за свой столик и с удовольствием побеседовал со мной. Большая часть его разговоров была о золоте и серебре, о войнах и жестокостях, которым подвергалась несчастная Италия, и особенно Милан. Но когда он понял, что подобные темы мне неприятны, он невзлюбил меня и после этого никогда не выносил моего вида.- Однако это единственная полная запись того события, и я могу лишь изложить его версию. Сведения Овьедо о ранней истории Коста-Рики взяты у Хуана де Эспиносы, который сопровождал Алонсо де Пизу в Картаго в одном из его обратных путешествий. iii. 184. He was well acquainted with Gutierrez, and thus tries to palliate his faults: 'Desalmados ó pláticos que por acá han andado, que á los noviços ó nuevamente venidos á gobernar los enseñen á robar;' and in consequence thereof 'por enriquesçer, presto vuelven la hoja, é trocado el intento con que partieron de España, si bueno era, ó afirmado en el cauteloso que en su pecho estaba callado, en poco tiempo manifiestan las obras el contrario de las palabras.' iii. 178.

Другими источниками, цитируемыми в этой главе, являются *Эррера*, дек. vii. lib. iv. глава xvii.; *Бенцони, Мондо Нвово*, lib. ii. 83-92; *Бехарано, Информация*; *Хайя, Информация*; *Рукопись Сквайера.*, xiii. 1-3; *Хуаррос, Гуат.* (изд. Лондон, 1823), 73-6, 341-5; *Молина, Государственный переворот Коста Р.*, 4; *Молина, Боскехо Коста Р.*, 10, 83-92; *Молина, Коста Р. и Ник.*, 6-8, 36-8; *Москито Документ.* 27, в 77-229; *Морель де Ста Крус, Апостольская визита*, СР., 14; *Рейхардт, Сент. Утра.*, 111, 112; *Спаситель, Дневник. Ofic.* 30 марта 1876 г., 618.

Время битвы Диего Гутьерреса с индейцами и его смерти, указанное Овьедо, противоречит дошедшей до нас официальной рукописи, которая датирует это декабрем 1544 года. Это расследование, проведенное в Леоне, Никарагуа, 25 июня 1545 года, и автор уверяет нас, что у него есть его подлинная копия. Записка с автографом Перальты в *Перальте, Рио-Сан-Хуан*, 9.

[XII-1] *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 13. Вскоре закон был изменен указами от 12 февраля 1538 года, а также от 29 июня и 8 ноября 1539 года, которыми прелатам и губернаторам было предписано побудить всех подходящих неженатых мужчин, владеющих энкомьендами, вступить в брак в течение трех лет. Это, однако, должно было быть достигнуто средствами убеждения или путем проведения различий в пользу женатых мужчин при распределении индейцев, а не принудительными мерами, *Recop. de Indias*, ii. 271-2.

[XII-2] 'Y otros que aunque haya mugeres en la tierra, y ellos estén en edad que todavia se sufra casarse, no las querrán por las enfermedades contagiosas que de la tierra se han pegado.' *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 14.

[XII-3] *Commentarios Reales*, ii. 58.

[XII-4] *Васкес, Хроника Гвата.*, 158-9; *Берналь Диас, История. Verdad.*, 235; *Эррера*, дек. vii. lib. ii. cap. x.

[XII-5] 'Y que asimismo descubriese, por la costa de esta Nueva España que llaman de la mar del Sur á la parte del norte, con dos navios.' *Пачеко и Карденас, документ полковника.*, iii. 507. См. также *Овьедо*, iv. 23.

[XII-6] *Васкес, Хроника Гвата.*, 158-9.

[XII-7] Не могло быть большего доказательства высокого расположения, которым Альварадо пользовался при дворе, чем организация этого второго брака. Поскольку дама была сестрой его бывшей жены, для легализации брака потребовалось специальное разрешение папы римского; и благодаря влиянию Кобоса и власти императора была издана булла. Такое разрешение получалось редко. *Oviedo*, iii. 214-15; *Alvarado, Carta*, in *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 179; *Гаваррете, Копии документа.*, CP., 43-4; *Гомара, История. Инд.*, 269; *Торквемада*, i. 323. Ремесал, который ошибается относительно даты этого брака, имеет следующее замечание относительно разрешения. 'Licencia que se dà raras vezes.... Y entonces parecio mayor liberalidad del Sumo Pontifice, por auer sido el primer matrimonio consumado.' *Hist. Чьяпа*, 17. См. Также *Бенцони, История. Mondo Nuovo*, 155.

[XII-8] *Альварадо, Карта*, в *Аревало, полковник Док. Antig.*, 179; *Эррера*, декабрь vi. lib. ii. cap. x. Овьедо говорит, что Альварадо привел 400 человек; что он остановился в Эспаньоле и взял припасы, пробыл там 17 дней и уехал 12 марта. iii. 214-15. В *биографии Датоса*. количество мужчин указано как 250, включая хиджосдалыго и латников. Груз включал 300 аркебуз, 400 пик, 200 баллест, много артиллерии и богатые товары стоимостью более 30 000 дукатов. *Cartas de Indias*, 709. Дата его прибытия взята из его собственного письма кабиљдо Сантьяго, процитированного выше. Ремесаль утверждает, что в архивах Сан-Сальвадора существовало письмо точно такого же содержания, но датированное 3 апреля, и поскольку он цитирует начало, которое совпадает с началом письма, сохраненного Аревало, это был либо дубликат, либо Ремесаль совершает одну из своих неосторожных ошибок. Гаваррете в *Копии документа.*, MS., 43-4, указывает дату как 1 апреля.

[XII-9] Здесь, как будет рассказано далее, Монтехо уступил Альварадо свои притязания на провинции Гондурас и Игерас.

[XII-10] Находясь в Санто-Доминго на обратном пути, Альварадо сказал Овьедо, что у него на побережье Южного моря построено семь или восемь кораблей для предполагаемого путешествия в Китай и на острова Пряностей и Молукки. *Oviedo*, iii. 215.

[XII-11] Его расходы были огромными. Bernal Diaz says, 'fueron tantos los gastos que hizo que no le bastó la riqueza que traxo del Piru, ni el oro que le sacavan de las minas ... ni los tributos de sus pueblos, ni lo que le presentaron sus deudos y amigos, y lo que tomó fiado de mercaderes.' *Hist. Verdad.*, 235. Его завещание, в котором он назначил епископа Маррокена своим душеприказчиком, показывает, что у него были многочисленные кредиторы, которые снабдили его кораблями, провизией, припасами и деньгами. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 185-6. Васкес говорит, что стоимость составила более 200 000 песо де оро.

[XII-12] *Нуза, Дескуб., у Пачеко и Карденаса, документ., iii. 325 и далее.*

[XII-13] Претендентами на это предполагаемое право, помимо Альварадо, были вице-король Мендоса, Кортес, Нуньо де Гусман, Эрнандо де Сото и город Компостела в Новой Галисии. *Id.*, xv. 300 и далее. Для получения дополнительной информации см. *История медицины.*, том ii., эта серия.

[XII-14] Мендоса утверждает, что он снарядил, насколько мог, 12 кораблей. *Carta, в Пачеко и Карденасе, документ полковника*, iii. 507; Эррера, 12 глубоководных судов, включая одну из 13 и одну из 20 скамеек весел. Бомонт, 12 кораблей. *Crón. Mich.*, ii. 252; Телло, *Hist. N. Gal.*, 382, флотилия кораблей; Берналь Диас, 13 кораблей хорошего размера, включая галеру и паташ. *История. Вердад.*, 235; Васкес, 13 кораблей. *Хроника Гвата.*, 159; Остатки, 10 или 12 больших кораблей, галера и фусты с веслами. *Ист. Чьяпа*, 161; также Гомара, *История Индии*, 268-9 и Торквемада, i. 323; Овьедо утверждает, что там было 13 кораблей, включая большие и малые; 3 галеона водоизмещением более 200 тонн каждый, прекрасная галера и два фустаса; остальные корабли водоизмещением 100 тонн и более, iv. 19, 20, 23; Хуаррос, 12 глубоководных судов и 2 меньших. *Gvat.*, i. 255, и Бенцони, *История. Мондо Нвово*, 154 человека, 10 судов и 4 бригантины. Берналь Диас утверждает, что автопарк был укомплектован в Акахутле, а Телло - в Реалехо. Наконец, Овьедо представляет Альварадо плывущим из Истапы, когда было построено 8 кораблей, в Акахутлу. Еще большее расхождение наблюдается в отношении количества его людей. Вице-король Мендоса утверждает, что эти силы состояли из 400 человек и 60 лошадей. *Карта, в Пачеко и Карденасе, документ полковника.*, iii. 507; Овьедо с 1000 человек, некоторых из которых он привез из Испании, а другие видели службу в Индии; Эррера, что там было более 800 солдат и 50 лошадей; Берналь Диас, 650 солдат, не считая офицеров, и много лошадей; Телло, 300 испанцев; Бомонт, 800 человек и 150 лошадей, и Бенцони, 700 солдат.

[XII-15] Эррера утверждает, что Альварадо отправил свою экспедицию к побережью Халиско, чтобы там дожидаться его, и отправился по суше в Мексику, и Овьедо, iv. 26, также придерживается этой точки зрения; но Мендоса и Гомара, *История. Инд.*, 268-9, четко заявляют, что он отплыл со своим флотом, и свидетельство первого является убедительным. Овьедо сообщает дополнительную информацию о том, что Альварадо отправил гонца к императору с отчетом о своей экспедиции и чертежами своего флота. Овьедо побеседовал с гонцом и увидел рисунки. Васкес ошибочно утверждает, что во время своего путешествия "аделантадо" открыл Акахутлу. *Chronica de Gvat.*, 159. Он уже сделал это еще в 1524 году. Смотрите *Историю. Cent. Am.*, i. 670, эта серия. Берналь Диас ошибочно указывает 1538 год в качестве даты своего отплытия. *История. Verdad.*, 236. Время его отъезда было примерно в

середине 1540 года, ибо 19 мая того же года кабиљдо попросил его, когда он собирался уходить со своим флотом, взять с собой заключенных принцев Синакама и Секечула. *Васкес, Хроника Гват.*, 30.

[XII-16] У Пачеко и Карденаса, документ полковника., iii. 351-62, является копией соглашения между Альварадо и вице-королем. Овьедо приводит копию письма, адресованного Мендосой самому себе, в котором вице-король заявляет, что король в своем контракте с Альварадо был рад предоставить ему долю в открытиях без его ведома или просьбы, iii. 540. Мендоса утверждает, что эта доля составляла половину. *Пачеко и Карденас, документ полковника.*, iii. 507. Статья 20 капитуляции Альварадо перед короной уполномочивала его передать Мендосе одну треть своего вооружения. *Васкес, Хроника Гват.*, 159.

[XII-17] 'Acordamos despachar dos armadas; una para descubrir la costa desta Nueva España, é otra que fuesse al Poniente en demanda de los Lequios y Catayo.' *Mendoza, Carta, in Oviedo*, iii. 540.

[XII-18] *История. Мексика.*, ii. 498 и последующие, эта серия.

[XII-19] Когда его спросили, где он страдал, "эчандо сангре за бока деция: "Акви-и-эль-альма";"и когда священник прибыл исповедовать его, он воскликнул: "Сеньор, море бьен льегадо пара ремедио уна альма тан пекадора". *Телло, История. N. Gal.*, 393.

[XII-20] Его предписания относительно захоронения его останков были выполнены с большим опозданием. *Биографические данные*, в *Картах Индии*, 709-10, 745; *Телло, История. N. Gal.*, 395; *Бомон, Крона. Mich.*, iv. 276-7. Берналь Диас ошибочно утверждает, что он был похоронен в Пурификасьоне. *История. Verdad.*, 236. Согласно пункту в завещании епископа Маррокина, составленном в 1563 году, останки Альварадо все еще находились в Тирипитио, "донде эста энтеррадо, в поисках спасения". Первый оставил 200 дукатов монастырю, где был похоронен Альварадо. Он также оставил 1000 песо де оро де минас, чтобы основать капелланство в церкви в Гватемале, чтобы там служили мессы за упокой его души. Через несколько лет после смерти епископа дочь аделантадо перевезла останки своего отца из Тирипитио в Гватемалу, где они были с большой торжественностью преданы земле в кафедральном соборе. *Переработка, История. Чьяпа*, 190. Gonzalez Dávila says, 'En el año 1542 el Obispo comẽçó à executar el testamento del Gobernador D. Pedro de Aluarado,' and erroneously adds ... 'y el Obispo trasladó su cuerpo de Mexico à Santiago.' *Teatro Ecles.*, li. 148.

[XII-21] *Телло, История. N. Gal.*, 394-5; *Бомон, Крон. Mich.*, iv. 274-6; *Remesal, Hist. Чьяпа*, 161-2; этот последний автор, стр. 187, утверждает, что Маррокин, выполняя намерения завещания Альварадо, распорядился произвести оплату за набор священнических облачений, которые монах Бетанзос приказал ему предоставить в качестве епитимьи в 1528 году. Берналь Диас замечает: "Некоторые говорят, что было составлено завещание, но таковое так и не появилось". *Хусм. Verdad.*, 236.

[XII-22] Вице-король заявляет, что долги Альварадо составили 50 000 песо де минас, к которым следует добавить еще 15 000, потраченных им самим на его счет. *Carta*, в *"Картах Индии"*, 253-4, и фактическом сравнении Р. епископа Маррокина, август 1541 г., говорится, что после своей смерти он оставил долги в размере 50 000 песо. *Удостоверение личности*, 429, фактическое обвинение Против

[XII-23] Мендоса, *Карта*, в *Пачеко и Карденасе, документ.*, iii. 507-8.

[XII-24] В долине близ Сантьяго у Альварадо была большая плантация со множеством женатых рабынь, собранных следующим образом: вскоре после завоевания он созвал главных лордов и потребовал от каждого стольких-то семей вместе с их главой, которые без лишних церемоний были заклеены и помещены на его плантацию. Епископ объявил, что отныне они должны быть свободны, владеть землями, которые они ранее обрабатывали, и проживать на них с единственной обязанностью поддерживать две капелланские церкви, основанные этим же документом, с целью проведения ежедневной мессы за упокой душ Альварадо и его жены. Также было приказано заложить алтарь в соборе, посвященный святому Петру, перед которым должны были отслужить вышеупомянутые мессы. Затем было объявлено, что рабы с золотых приисков освобождены и должны проживать на его плантации; однако не раньше, чем будут выплачены долги Альварадо, в течение этого времени их душевным и телесным потребностям должно было уделяться пристальное внимание. Завещание завершается перечислением имущества Альварадо, в котором фигурируют корабли, артиллерия, земли, негры, дома, домашний скот и т.д. Очевидно, это так и не было выполнено, поскольку аудиенция Мексики распорядилась, чтобы энкомьенды Альварадо, которые были лучшими и наиболее многочисленными в провинциях Гватемалы, не передавались никому, но чтобы один или два компетентных человека были назначены для руководства ими, а вырученные средства были направлены на общественные работы в городе и соборе, а также на открытие дорог, строительство мостов и оказание помощи бедным людям в восстановлении их домов. 10 октября 1542 года был издан королевский указ, объявляющий, что все индейцы и города, принадлежащие Альварадо, являются собственностью короны. Однако этот указ был опубликован только 8 января 1544 года. Город подал протест против этого как наносящего ущерб общественным интересам, но, похоже, это не возымело никакого эффекта, поскольку королевскому управлению было поручено собирать дань с указанных городов и взять на себя заботу об индейцах. *Переработка, История. Чьяпа*, 181-90. Епископ Маррокен в письме императору от 15 марта 1545 года рекомендует выплатить его долги, поскольку это принесет пользу многим нуждающимся. *Рукопись Сквайра.*, ххii. 138. И снова в июне того же года он заявляет, что Альварадо не оставил законных наследников, имущество вернулось к короне, и повторяет свою предыдущую рекомендацию о выплате долгов, добавляя, что кредиторы страдали, многие из них сидели в тюрьме за долги. *Cartas de Indias*, 441-2. Обратитесь также к *Testimonio*, в *Pacheco* и *Cárdenas*, *Col. Doc.*, xiii. 268-70.

[XII-25] *Повторный, История. Чьяпа*, 172.

[XII-26] 'Fue mejor soldado, que Gobernador.' *Gomara, Hist. Ind.*, 269.

[XII-27] В письме совету Индии он говорит: "Что делать, если ты устал от покупки, и как действовать, если ты сирба, а не Mar. lo tengo por muy mal gastado." *Carta*, in *Squier's MSS.*, xix. 31.

[XII-28] Он написал императору с просьбой не вносить никаких изменений в его полномочия, поскольку узнал, что Кортес испрашивает разрешения на осуществление задуманного им завоевания. *Эррера*, декабрь vii. библиотека ii. глава x.; *Бомон, Крона. Mich.*, iv. 252-3.

[XII-29] Настоящим я привожу копию эпитафии Альварадо:

'El que Augusto le tuvo merecido

En este angosto monumento yace
Y Fenis de sus glorias hoy renace
Burlando su memoria del olvido
Мексика во время эхо-репетиций
Alabanzas qe. el tiempo las enlace
Qe. si tanto valor se satisface
Lo qe. a Romulo Roma le ha debido
Conquista fundacion y poblaciones
Y haber la idolatria disipado
Deshaciendo las nieblas de opiniones
Obrando bien con ser adelantado
Si hay sujeto capas de estos blazones
Todo cabe en D. Pedro de Alvarado.
Реквиескат в темпе".

Это дословно скопировано с *Gavarrete, Copias de Doc.*, MS., 53. Гонсалес Давила в 1649 году делает это необычное заявление: "Мурио в Мексике, и язэ в монастыре Санто-Доминго". Он также говорит, что Иван Диас де ла Калле, "Официальный мэр Секретариата Новой Испании", посвятил Альварадо следующую эпитафию, которая должна была служить до тех пор, пока не будет написана такая, какой заслуживает память о его подвигах и деяниях:

 'Yaze En Este Angosto Monumento, el que merecia mas Augusto, que fue para la Nobilissima Ciudad de Guatimala, lo que para Roma Romulo; El famoso por la virtud de su valor, y vitorias, *Don Pedro de Alvarado*, del Abito de Santiago, Adelantado, Gouernador, Capitan General, Conquistador, Fundador, y Poblador desta Ilustrissima Ciudad de Guatimala. Que la dio Templos, Leyes, Costumbres, y Ritos. Despues de auer deshecho en muchas batallas el engaño de la Idolotria, poniendo para siempre cessacion en sus Altares, y Aras. Passó a la inmortalidad de que ya goza en el Año 1541.' *Teatro Ecles.*, i. 140.

[XII-30] *Хуаррос, Гуат.*, i. 347.

[XII-31] Донья Леонор вышла замуж за Педро Пуэртокарреро, а затем за Франсиско де ла Куэва, брата жены Альварадо. Педро был узаконен императором. Это было, по словам Бернала Диаса, историческим. *Verdad.*, 237, внебрачный сын, упомянутый также Сааведрой в "*Пачеко*" и "*Карденасе*", полковник Док., vii. 247-50, который обратился в испанский суд за деньгами, причитающимися его отцу, и которого Сааведра срочно рекомендовал Лас Касасу, члену государственного совета. Диего был убит индейцами в 1554 году при поражении при Чукинге. Маррокин сообщает императору, что Альварадо оставил шестерых сыновей и дочерей "*desnudos syn abrigo alguno*". *Картас де Индиас*, 429, 432-3, 709-10; *Гомара, История. Инд.*, 269.

Другой сын по имени Гомес от индианки из Гватемалы упоминается в завещании, составленном впоследствии епископом Маррокином. *Переработка, История. Чьяпа*, 185. Отчет о представлении дочери Ксикотенкатля Альварадо см. в *Hist. Mex.*, i. 227-30, эта серия.

[XIII-1] Первоначально написано Giara, как явствует из нескольких оригинальных седул и других документов, датированных 1579 годом. *Гуат., полковник . de Cédulas Reales*, passim. Значение этого слова объясняется по-разному: чиапан означает "местность чиа" (масличное семя), а также "пресная вода". *Коренные народы*, ii. 126. По словам Мазариегоса, оно происходит от "Тепетчиа", "Боевой холм", названия крепости, где чьяпанеки укрепились против мексиканцев. *Память. Чьяпа*, 12.

[XIII-2] См. *Коренные расы*, v. 231, эта серия.

[XIII-3] *Id.*, i. 681-2; v. 603-4.

[XIII-4] Для ознакомления с историей аборигенов этих народов я бы отсылал читателя к моей книге "*Коренные расы Тихоокеанских штатов*", том v., далее.

[XIII-5] *Мазариегос, Память. Чьяпа*, 5, 6; *Кортес, Диарио*, xix. 390; *Хуаррос, Гуат.*, i. 10; *Id.* (изд. Лондон, 1823), 210; *Larrainzar, Soconusco*, 16; *Remesal, Hist. Чьяпа*, 264.

[XIII-6] Мазариегос утверждает, что жестокое обращение подтолкнуло индейцев к восстанию, приводя в качестве примеров, что юноши 20 лет и младше продавались в рабство по цене не более трех песо фуэрте; что за беглецами охотились с ищейками, и что любой, кого заставляли греющимся у костра после восьми часов вечера, был повешен. *Память. Чьяпа*, 6, 7. В этих заявлениях он виновен в анахронизме. Закон о тушении пожаров был принят 15 августа 1528 года, а о цене на рабов - в октябре того же года, причем первый был почти сразу отменен в отношении наказания в виде повешения; но оба были введены в действие после порабощения индейцев. Проконсультируйтесь с *Remesal, Hist. Чьяпа*, 276, 278-9.

[XIII-7] Называется также Чиапан. Эта река берет начало в горах Чучуматан. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, iv. 574. Он и его притоки образуют верховья Табаско или Грихальвы. Испанцы продвигались вверх по левому берегу, город Чьяпас находился на противоположной стороне, несколько выше.

[XIII-8] Эта сила меньше, чем та, что дана Гомарой и другими. Берналь Диас утверждает, что было еще пятеро всадников, которых, однако, нельзя было считать бойцами. Артиллериста он описывает как "миу собарде" и сообщает нам, что уроженцы Качулы, "Ибрагим бландо де мидо, и пор халагос лос льевамос, носят аюдассен, абрир Камино, и льевар эль-фардахе". Он также утверждает, что набор был проведен в великий пост 1524 года, добавляя "Esto de los anos no me asuerdo bien". Однако его память была верна, что подтверждается отправкой Годоя в Кортеса, который будет часто цитироваться позже.

[XIII-9] Индейцы Чьяпаса и его округа наводили ужас на окрестные города и непрерывно воевали с индейцами Чинакантлана и городов у озера Квиленайас, грабя, убивая, обращая в рабство и принося в жертву пленников. Они даже подстерегали торговые поезда на дорогах между Теуантепекком и другими провинциями. Берналь Диас утверждает, что все без исключения они были величайшими воинами всей Новой Испании, превосходившими даже глашкальтеков и мексиканцев.

[XIII-10] Число убитых туземцев, о котором рассказывает Берналь Диас, настолько непропорционально мало, что в его текст, должно быть, вкралась какая-то ошибка. He says, 'Hallamos quinze dellos muertos, y otros muchos heridos q̃ no se pudierõ ir.' *Hist. Verdad.*, 178.

[XIII-11] Берналь Диас отмечает, что Чьяпас действительно можно было бы назвать городом, поскольку его улицы были хорошо спланированы, а дома прочно построены и в них проживало более 4000 глав семей.

[XIII-12] *Id.*, Годой, Рел., в *Барсии*, i. 167; *Гомара, История Мексики*, 233. Брассер де Бурбур предполагает, что эти фартуки были сделаны из индийской резины. *История. Нац. Civ.*, iv. 574; но Берналь Диас, 178, говорит: "Буэнас армас де альгодо", а Гомара: "внос панесес родадос де альгодон хиладо".

[XIII-13] Презрение Берналя Диаса к этому человеку выражается эпитетом, особенно оскорбительным для испанца: "nuestro negro Artillero que llevavavamos" (так в оригинале) "(q bien negro se podra llamar)". *История. Verdad.*, 179.

[XIII-14] 'Y traian en vn brasero sahumerio, y vnos idolos de piedra.' *Id.*

[XIII-15] 'Y diximos al Fraile q̃ nos encomendase á Dios.' *Id.*

[XIII-16] 'Nos hirierõ cesique á todos los mas, y a algunos á dos, y á tres heridas.' *Id.*, 180.

[XIII-17] В городе были обнаружены три тюрьмы из решетчатых досок. Они были заполнены пленниками, которых схватили на дорогах. Среди них были выходцы из Техуантепека, другие были сапотеками и соконусками. Многие индейцы также были найдены принесенными в жертву, а в храмах стояли отвратительные идолы: "y hallamos muchas cosas malas de sodomias que vsavan". *Id.*, 180.

[XIII-18] Назван Берналем Диасом Гейхуизтаном, также Геквизтаном, Гегиститланом и Гегуститланом, которые, вероятно, являются опечатками. *Хусм. Verdad.*, 180-1. Годой произносит это по-уэгуэйзтийски. *Отн.*, в *Барсии*, i. 168. Первый автор пишет для Чинакантлана, Чинакатан; Годоя, Сенакантан; и Эрреры, канакантан. дек. iii. lib. v. глава ix.

[XIII-19] Годой в своем послании Кортесу заявляет, что Медина был освобожден под залог, но по возвращении в Эспириту-Санту он заключил его в тюрьму и что правосудие над ним свершится. Берналь Диас, однако, утверждает, что Марин приказал отправить его под охраной к Кортесу: "и вы хотите знать, что происходит с Льюассеном в Мексике, чтобы ответить на вопрос Кортеса о кастигассе". *История. Verdad.*, 180. Эррера, за которым следует Брассер де Бурбур, утверждает, что Годой послал его к Кортесу. декабрь iii. lib. против. глава ix. Овьедо не упоминает об этом обстоятельстве. Берналь Диас сообщает нам, что преступник был высокопоставленным солдатом, и воздерживается называть его имя ради своей чести, но с забавной непоследовательностью заявляет, что упомянет его позже, что он и делает на странице 198. Судьба Медины была трагичной, но заслуженной; он был убит индейцами при Ксикаланко, подробности этого события см. в *Истории. Cent. Am.*, i. 543-4, [эта серия](#). Ремезаль и Бомон приводят версию его смерти, несколько отличную от версии Берналя Диаса, который является более надежным авторитетом. Они утверждают, что Медину послали за Кортесом, чтобы сообщить ему о беспорядках, возникших в Мексике во время его отсутствия в гондурасской экспедиции, и что он был схвачен индейцами Ксикаланко, которые, втыкая в его

тело сосновые щепки и поджигая их, заставляли его ходить вокруг ямы в земле, пока он не испустил дух. *История. Чьяпа*, 164; *Крона. Mich.*, MS., 322.

[XIII-20] Позже именно здесь был основан Сьюдад-Реаль, или Чьяпас-де-лос-Эспаньолес. *Id.*, 181; *Годой, рел.*, в *Барсии*, i. 167.

[XIII-21] Чинакантлан лежал между Чьяпасом и Чамулой, примерно в трех лигах от последней. *Ист. Verdad.*, 180.

[XIII-22] Эррерой, а также Гомарой его называют Чамоллой. *Conq. Mex.*, 233; Чамолан Икстлильшочитля. *Ужасы жестокости*, 71.

[XIII-23] Годой утверждает, что всадники были разделены на три отряда, которые были размещены таким образом, чтобы образовать кордон вокруг холма; Берналь Диас утверждает, что кавалерия попыталась взобраться на кручу, но была признана бесполезной, и что поэтому Марин приказал им отступить, так как опасался нападения из городов Киауитлан (Уэуэйзтлан?).

[XIII-24] 'Yno les podiamos hazer daño ninguno con los grandes mamparos que tenian, y ellos à nosotros sí, que siempre herian muchos de los nuestros.' *Берналь Диас, гистолог. Verdad.*, 181. Годой, напротив, говорит, что чамуланцы понесли тяжелые потери от пушек и арбалетов. *Отн.*, в *Барсии*, i. 167-8.

[XIII-25] Годой не упоминает о строительстве этих сараев.

[XIII-26] По словам Берналя Диаса, "Агуа и сангре тода ребуэльта, и муи кальенте" также посыпались на испанцев. *Godoy says 'nos echaban mucha agua caliente, embuelta en ceniza, i cal.'*

[XIII-27] Берналь Диас дает восторженный отчет о ливне золотых украшений: "Вы никогда не забудете, как сияли бриллианты оро фино, как мучились куэнтас вазиадисас, как радовались караколесам и как переживали за оро". *История. Verdad.*, 181. *Godoy on the contrary says: 'echaron vn poco de Oro desde dentro, diciendo, que dos Petacas tenian de aquello.'* *Rel.*, in *Barcia*, i. 168. Эррера и Гомара следуют за Годоем.

[XIII-28] Три часа пополудни. Берналь Диас часто расходится с Годоем в незначительных моментах, и, по его словам, это был либо третий день осады, либо штурм сараев был начат в первый день; ни одно из этих утверждений не согласуется с Годоем. Я считаю последнего более надежным во многих деталях, поскольку он написал почти сразу после этих событий.

[XIII-29] Берналь Диас был слегка ранен ударом копья в поединке, который произошел перед бурей, и его спасла только толщина его хлопчатобумажного корсета. Он утверждает, что разгадал уловку чамуланцев, устанавливающих свои копья на нужных позициях, но в этом пункте его рассказ сомнителен. Годой говорит: "Я халламонос бурладос ... я подчиняюсь эль Альбарраде, не имею права на смерть". *Отн.*, в *Барсии*, i. 168.

[XIII-30] 'Hallamos harto de comer, que bien lo haviamos menester, à causa que los dos Dias no haviamos comido, ni teniamos que ni aun los Caballos.' *Id.* Икстлильшочитль, вопреки словам Берналя Диаса, Годоя, Гомары и Эрреры, утверждает, что они получили много добычи, но мало провизии. *Ужасы жестокости*, 71.

[XIII-31] Годой утверждает, что в первый день осады было убито 200 индейцев; в то время как на второй пало так много, что их не сосчитали. Город был передан Луисом Марином Берналю Диасу в качестве награды за то, что он первым въехал в него, и Кортес утвердил грант сроком на восемь лет. Когда был основан Сьюдад-Реаль, население Чамулы было переведено туда. *История. Verdad.*, 181.

[XIII-32] Годой утверждает, что это мнение было единодушным. В этой части повествования он и Берналь Диас полностью расходятся во мнениях, последний, очевидно, пожелал остаться. Произошли значительные разногласия. Алонсо де Градо, которого Берналь Диас описывает скорее как беспокойного, чем воинственного человека, предъявил подписанный Кортесом указ о выделении ему половины города Чьяпас в качестве энкомьенды. Исходя из этого, он потребовал у Марина половину золота, собранного в этом городе, в чем ему было отказано на том основании, что это было необходимо для оплаты убитых лошадей. Последовал гневный спор, в который был вовлечен Годой, и он был прекращен тем, что лейтенант заковал его и Градо в кандалы и продержал их пленными шесть или семь дней. Затем Градо под охраной отправили в Мексику, где Кортес сделал ему строгий выговор, а Годоя освободили благодаря заступничеству друзей. *История. Verdad.*, 182. Теперь Годой ничего не упоминает об этом деле, но утверждает, что Градо отправился в Чьяпас, а другие испанцы - в города, "где все в порядке с депонированием", и были хорошо приняты. *Отв.*, в *Барсии*, i. 169.

[XIII-33] И Эррера, и Ремесаль утверждают, что эта первая экспедиция в Мазариегос была предпринята в 1524 году, и только в этом утверждении и в количестве сил они согласны. Отчет Эрреры о кампании 1524 года почти слово в слово скопирован Ремезалем в его повествовании о кампании 1526 года; и первый автор так же легкомысленно упоминает вторую экспедицию Мазариегоса, как Ремесаль упоминает свою первую. Однако в данном случае можно положиться на последнее, поскольку он цитирует архивы Мексики. Вступление Педро Пуэртокарреро в Чьяпас из Гватемалы упоминается обоими авторами как эпизод кампании, которую каждый описывает, но невозможно поверить, что Альварадо мог пощадить этого офицера с отрядом войск в богатом событиями 1524 году, когда он был полностью занят завоеванием Гватемалы. Поэтому я принял хронологию Ремесала. Странно, что он, похоже, ничего не знал об экспедиции Марин, о которой рассказал Эррера. Это несколько озадачивает Хуарросу, который отмечает, что повествование Берналя Диаса "по обстоятельствам настолько отличается от рассказа Ремезала, что наводит на мысль, что последний был введен в заблуждение ложной информацией". *Guat.* (изд. Лондон, 1823), 210-11.

[XIII-34] Берналь Диас, *История. Verdad.*, 221-2. Гусман был близким родственником герцога Медина-Сидонии. *ID.*

[XIII-35] Мазариегос был двоюродным братом Алонсо де Эстрады, тогдашнего губернатора Мексики. Ремесаль называет имена более 80 офицеров и солдат, сопровождавших экспедицию. Среди них следует отметить Хуана Энрикеса де Гусмана, который, по-видимому, вернулся в Мексику после вспышки. В том же списке фигурируют имена двух священников, Педро де Кастьяноса и Педро Гонсалеса. *История. Чьяпа*, 265. От Берналя Диаса мы узнаем, что Мазариегосу было поручено захватить резиденцию Гусмана. *Ист. Verdad.*, 222. Возможно, именно выполнение этого долга впоследствии сделало Гусмана таким непримиримым врагом Мазариегоса.

[XIII-36] 'Pelearon, hasta que pudieron leuantar los braços.' *Herrera*, dec. iii. lib. v. cap. xiv.

[XIII-37] 'Se despeñaron mas de quinze mil dellos en dos vezes que fueron conquistados.' *Remesal, Hist. Чьяпа*, 330.

[XIII-38] Он стоит, хотя и в разрушенном состоянии, по сей день. *Мазариегос, Мэм. Чьяпа*, 13. Путешественник Томас Гейдж, писавший в 1677 году, отмечает, что страна Чьяпас "превосходит всю остальную Америку в этом единственном, знаменитом и самом густонаселенном городе индейцев Чьяпа", который, по его словам, "считается одним из крупнейших индейских городов во всей Америке, в котором проживает не менее 4000 семей". *Новое исследование*, 219, 233.

[XIII-39] Целью присутствия Пуэртокарреро, по мнению Ремесаля, было расширение территории под властью правительства Альварадо. *История. Чьяпа*, 265-6. Другой автор утверждает, что в начале восстания испанцы поспешно бежали в Комитлан, откуда они послали весточку Альварадо в Гватемалу. *Мазариегос, Мэм. Чьяпа*, 10. Читателю известно, что Альварадо в это время находился в Испании.

[XIII-40] *История. Чьяпа*, 279. Колонисты Эспириту-Санту также предъявили претензии на территории Чьяпаса и Качулы, как видно из королевской седулы 1538 года, в *Пуга, Седуларио*, 115. Хуаррос говорит, что Пуэртокарреро, узнав о беспорядках в Чьяпасае, счел своим долгом отправиться туда и попытаться восстановить спокойствие. *Гуат.* (изд. Лондон, 1823), 214.

[XIII-41] Эти назначения были продлены Алонсо де Эстрадой в ноябре 1527 года. 6 марта муниципалитет установил размер штрафов, распорядился установить позорный столб и строительные леса и занялся другими делами. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 268-9.

[XIII-42] Гез Гейзакатлан, как написано *Хуарросом, Hist. Гуат.*, 61.

[XIII-43] Герб города был пожалован в 1535 году. Он был следующим: щит с двумя горными хребтами и протекающей между ними рекой; сверху справа - замок или стоящий напротив него лев; слева - пальма, увитая плодами, и еще один стоящий лев, и все это на поле, Гулес. Постановлением конгресса штата от 27 июля 1829 года название этого места снова было изменено на Сьюдад-де-Сан-Кристобаль. *Пинеда, в Soc. Mex. Geog.*, iii. 371-2. Обратитесь также к *Гонсалесу Давиле, Театру искусств*, i. 188-9, где можно найти вырезанный из дерева рисунок герба; *Remesal, Hist. Чьяпа*, 271, 272-3; *Мазариегос, память. Чьяпа*, 18-19; *Хуаррос, Гуат.*, i. 12; *Пинеда, Описание. Geog.*, 48. Значение слова *viciosa* см. *Hist. Mex.*, i. 145.

[XIII-44] Должность мэра альгуасила была, наконец, продана за 4687 песо; должность восьми регидоров — по 400 песо каждому; должность государственного администратора — за 4200 стоунов (тостон стоил половину песо), должность эскрибано публично - за 627 песо, а позже и за 1110 песо. *Пурида, в соц. Мексике. Геог., Болетин*, iii. 370.

[XIII-45] Что касается инцидентов, произошедших перед взятием города Чьяпас, то за основу этого повествования был принят рассказ Берналя Диаса, но версия Диего де Годоя, "эскрибано дель рей", который сопровождал экспедицию, также заслуживает доверия. Последний предоставил Кортесу два отчета о ходе расследования, хотя его первый отчет, написанный из Синаконтлана, еще не появился в печати и, возможно, больше не сохранился. Второе послание было написано из Эспириту-Санту и впервые опубликовано в Толедо Каспой де Авиллой 20 октября 1525 года вместе с четвертым письмом Кортеса королю Испании, а затем снова в Валенсии Джорджем Костильей 12 июля 1526 года. В 1749 году Андрес Гонсалес де Барсия воспроизвел его в Мадриде в своем собрании сочинений хронистов. Рассказ Годоя и Берналя

Диаса, хотя и совпадают в основных чертах кампании, странным образом противоречат друг другу во многих деталях. Оценивая достоверность их заявлений, следует иметь в виду, что первый написал свое донесение сразу после завершения кампании, в то время как второй писал по памяти много лет спустя. Бесспорно, что Марин командовал этой экспедицией, как явствует из его собственного донесения и заявлений Берналя Диаса; однако в *Гомаре, Hist. Mex.*, 233; *Эррера*, дек. iii. lib. против загл. viii., и *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, iv. 573, утверждается, что главным был Годой, а Марин был вторым в команде.

[XIV-1] Бенцони произносит по буквам слово "Ахла" и утверждает, что город был расположен на расстоянии примерно двух выстрелов из лука от берега. *Mondo Nuovo*, 77. Для получения описания его сайта см. *Hist. Cent. Am.*, i. 418, эта серия. Джироламо Бенцони в 1541 году присоединился к испанцам в их набегах за золотом и рабами и пересек центральноамериканские провинции. Несомненно, считавшийся незванным гостем, он, похоже, не добился того успеха, на который рассчитывал, и в 1556 году вернулся в Италию, полный решимости излить свою злобу разоблачением испанской жадности и жестокости. В 1565 году он опубликовал работу под названием *La Historia del Mondo Nuovo*, посвященную Пию IV., и содержащую 18 вырезок из дерева, со своим собственным портретом на фронтисписе. Второе издание, несколько дополненное, появилось в 1572 году, за ним последовало довольно много переизданий и переводов, особенно на немецкий и латинский языки. Хорошо известная версия Шоветона, врача и протестантского проповедника из Женевы, "*Новая история орбиса*", Женева, 1578 год, часто переиздавалась. В посвящении восхваляется Бенцони за точность и беспристрастность, а примечания других авторов добавлены для подтверждения и пояснения текста. Де Брай придал дополнительную ценность этой версии с помощью карт и причудливых табличек. Закуп, среди прочих, отнесся к нему с меньшим уважением, предложив всего лишь "Краткие выдержки, переведенные Иеромонахом Бензо". Это пренебрежение было исправлено в 1857 году, когда адмирал Смит выпустил единственную полную английскую версию под эгидой Общества Хаклюит. Однако передача несколько некорректна, и исправления некультурного стиля Бенцони и неправильно написанных имен не всегда являются улучшением.

Очевидно, Бенцони намеревался написать более впечатляющую общую историю Нового Света, хотя она и свелась к короткому повествованию. Налицо явное стремление к умеренности, особенно по отношению к самому себе, однако склонность к преувеличению или лжи, как намекает Автор, проявляется даже в его сарказмах, и, поддаваясь легковерию, он позволяет большей части повествования о событиях или феноменах стать просто изложением странных слухов, циркулирующих среди сплетников. This he partly admits by saying: 'In molte cose ho trouato che vna parte non conforma con l'altra, à causa che ogn'uno fauorisce il suo capitano, et più dico, che in questi paesi si trattano poche verità.' lib. iii. fol. 128. 'Lo mas de su narracion sacó de los autores precedentes con bastante fidelidad, pero comunmente sin juicio ni examen. En los principios está lleno de errores.' *Muñoz, Hist. Nuevo Mundo*, tom. i. xxi.-ii. Робертсон называет его недовольным недоброжелателем. Он не испытывает теплых чувств к Лас Касасу, несмотря на их общую цель, но называет его тщеславным человеком, неспособным выполнить свои обещания реформ. Что бы ни говорили против этой работы, большая часть материала ценна, поскольку включает факты, замалчиваемые хронистами, и дает личные наблюдения человека, не проникнутого кастильскими пристрастиями. Действительно, Пинело называет его "Автором настоящего испанского языка", *Воплощением*, том ii. 589, и они, вполне естественно, ответили на комплимент пренебрежением к нему.

Современником Бенцони как путешественника и писателя является француз Андре Теве, который утверждает, что 17 лет путешествовал по всему миру, чтобы приобрести надлежащие знания о людях и вещах, и которому приписывают овладение 28 языками. Результат его наблюдений был издан в Париже в 1558 году под названием "*Особенности Антарктической Франции*" под псевдонимом "*Американское имя*", содержащий философские диссертации по естественной и моральной истории Леванта, Африки и Америки, и примечательный главным образом легковерием и отсутствием критики. Она вышла несколькими изданиями, которые сейчас востребованы из-за их редкости, среди них *История Индийской Америки*, ди Андреа Тевет. Венеция, 1561. Он также написал "*Вселенскую космографию*", Париж, 1575, 2 тома. фолиант, который еще более бесполезен и которым восхищаются только за его резьбу по дереву; *Космография Леванта*. Лион, 1556; и "*Московская космография*", опубликованная только в Париже в 1858 году; и он оставил несколько других рукописей. De Thou refers to him rather severely as follows: 'Fuit patriâ engolimensis, professione primô Franciscanus, dein, cum vix litteras scîret, abjecto cucullo ex monacho celeberrimus planus religiosus et aliisperegrinationibus primam ætatem contrivit, ex quibus famâ contractâ, animum ad libros scribendos ineptâ ambitione applicavit, quos alieno calamo plerumque exacatos et ex itinerariis vulgaribus atque hujusmodi de plebe Scripturis consarcinatos miseris librariis pro suis venditabat: nam alioqui litterarum, antiquitatis atque omnis temporum rationis supra omnem fidem fuit imperitus, ut fere incerta pro certis, falsa pro veris et absurda semper sciberet.' *Hist.*, lib. xi.

[XIV-2] Этот эпитет они применяли ко всем христианам.

[XIV-3] О состоянии поселений коренных жителей в Гондурасе см. *Монтехо, Картас, в Пачеко и Карденасе, Документ.*, ii. 223-4, 228, 240-1; и *рукопись Сквайера.*, xxii. 24-6.

[XIV-4] Седулой от 20 июля 1532 г. они были освобождены от уплаты дани в размере двух реалов, кроме номинальной, *Хуаррос, Гуат.*, i. 74; ii. 343; но этот приказ остался без внимания. В 1547 году выжившие составили мемориал императору, представляющий их прошлые заслуги и страдания, а также ходатайствующий о защите их прав. Документ был написан монахом и относился к лиценциату Серрато, которому было поручено проследить за тем, чтобы по отношению к ним восторжествовало правосудие. *Memorial, 1547, MS.*, in *Centro América, Extractos Suelos*, 41-2. Позже была предпринята попытка обложить данью их потомков; но мексиканское правительство подтвердило их права в 1564 году: "Fueron amparados en posesion de su libertad, и se libro en Tenuctitlan 6 ноября 1564 года реальное положение, для сохранения природных ресурсов Альмолонги, и фолос пергамино энкуадернадос в форме весов, эмпастадо кон таблас финас, и форрадо ан терсиопело кармези" и т.д. *Пелаес, Мэм. Гуат.*, i. 167.

[XIV-5] Во времена Альварадо дань какао составляла 1400 ксикипилей, и эта сумма выплачивалась до 1542 года. *Requête d'Atitlan*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série i. tom. x. 420-2. Кикипил стоил 8000 штук, и, следовательно, количество шоколадных зерен составило 11 200 000 штук.

[XIV-6] *Регуо, инд. Devastat.*, 38-40. Насколько густонаселенной была страна, можно представить из того факта, что Альварадо представлял ее как превосходящую Мексику по количеству жителей. 'Et ipsemet tyrannus scripsit majorem esse in hac provincia populi frequentiam, quâm in Regno Mexico, quod & verum est.' *Id.* Лас Касас также утверждает, что, когда испанцы впервые вошли в страну, городов и деревень было так много, они были большими и настолько густонаселенными, что те, кто шел впереди, нередко возвращались к капитану с требованием

награды за открытие другого города, равного по размерам Мексике. *История. Извиняюсь.*, ср., 28.

[XIV-7] Однако следует помнить, что Альварадо закупил несколько индейцев из Гватемалы для перевозки своих материалов и припасов из Трухильо в Истапу. Ремезаль замечает, что их осталось достаточно, чтобы обрушить свою месть, и принцы Какчикель и Киче, которые предстали перед ним, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, стали первыми жертвами. Их упрекали в реформах, проведенных в их пользу во время его отсутствия, как в преступлениях, достойных смертной казни; за то, что они осмелились пожаловаться губернатору, их обвинили в мятеже. Безымянные авантюристы, которые не смогли выманить у них достаточно золота или отнять у них их вассалов для работы на их полях и в домах, притворились, что недоброжелательность этих вождей привела их к разорению, и громко потребовали, чтобы аделантадо предоставил новые репартименты в соответствии с их заслугами. Альварадо, который был задет за живое назначением Мальдонадо, выслушал все эти жалобы и теперь проявил свою обычную жестокость. Принц Кук, ахциб короны Чакчикель, пронзил его мечом. Тепепул, король Гумаркааха, или Утатлана, и Ахпозоцил Кахи Имокс, вместе с большим количеством лордов, были брошены в тюрьму под каким-то надуманным предлогом. Когда Альварадо собирался отплыть из Истапы, муниципальный совет обратился к нему с просьбой определить их судьбу, и он решил этот вопрос, повесив последнего и отправив первого вместе с несколькими ведущими касиками на борт своего флота. Все они трагически погибли на побережье Халиско. Среди других его жертв был сеньор по имени Чуви-Циквину и 17 других принцев-чакчикелей, которых он взял с собой из Сантьяго под предлогом того, что проводит их в Мексику. Когда они были недалеко от города, он приказал задушить их всех. *Remesal, Hist. Чьяпа*, библиотека. iv. глава. iv. v. xx.; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, iv. 797-801; *Пелаэс, Память. Гуат.*, i. 77.

[XIV-8] Настоящая Седула 17 ноября 1526 года, в мексиканской колонии. *Геог., Болетин*, в. 326-31. В преамбуле к этому указу император заявляет, что общеизвестно, что чрезмерный труд в шахтах и на других работах, а также нехватка еды и надлежащей одежды привели к гибели такого количества людей, что некоторые части страны обезлюдели, в то время как целые районы были покинуты местными жителями, которые бежали в горы и леса, спасаясь от жестокого обращения. Этот указ, предназначенный для применения к королевским владениям на западе от Панамы до Флориды, предписывал провести тщательное расследование убийств, грабежей и незаконного клеймения индейцев и передать виновных в руки совета Индии. Другие условия заключались в том, что рабы должны быть возвращены на родину, а если это невозможно, им должна быть предоставлена разумная свобода, а также они не должны подвергаться слишком тяжелой работе или принуждаться к труду в шахтах или где-либо еще против их воли. В будущих экспедициях по открытию и колонизации предводитель должен был брать с собой по крайней мере двух священнослужителей, которые должны были проявлять величайшее усердие в доброжелательном обращении с индейцами. Мирнолюбиво настроенных туземцев нельзя было превращать в рабов; в то же время продвижение морали и добрых обычаев не упускалось из виду, и в случаях, когда священник мог счесть это полезным, они могли быть приставлены к европейцам-христианам в качестве бесплатных слуг; и, наконец, ни один первооткрыватель не должен был брать с собой из своей родной страны в какую-либо из своих экспедиций более одного или двух индейцев в качестве переводчиков. *Хименес, lib. iii. сар. lii.*, утверждает, что туземцы были заклеены как рабы за то, что их просто приписали к *encomendero*, и что маленьких мальчиков и нежных девочек сотнями забирали из городов,

чтобы они мыли золото в ущельях, где они погибали от голода и лишений. *Пелаэс, Память. Гуат.*, i. 67. Примечательным случаем клеймения индейцев, которые мирно подчинились, был случай клеймения уроженцев Кускатлана Альварадо в 1524 году, описанный свидетелями в *Кортесе, Резиденции*, 96, 155.

[XIV-9] Этот приказ повторил мандаты предыдущей седулы и, кроме того, отменил систему энкомьенд, а также клеймение индейцев как рабов. Его величество отказался предоставить их кому бы то ни было в вассалы. Ни одному испанцу не разрешалось использовать их в качестве вьючных животных. Касики не должны были быть полностью лишены руководящей власти, но им была предоставлена определенная юрисдикция по совету и указанию губернаторов провинций. Туземцев следовало поощрять в золотодобыче; но после уплаты королевских взносов золото, которое они добывали, должно было принадлежать им самим; они также не должны были лишаться земель, приобретенных ими по наследству, если они хотели их обрабатывать.

[XIV-10] В 1533 году было постановлено, что груз индейца не должен превышать двух арроб по весу. В 1536 году было приказано, чтобы никто не препятствовал туземцам, привыкшим переезжать с места на место. Другие законы, принятые в том же году, касались того, что ни один испанец любого ранга не мог перевозиться индейцами в гамаке или паланкине. Негры, жестоко обращавшиеся с индейцами, должны были получить 100 ударов плетью, а в случае пролития крови - наказание, соответствующее тяжести раны. Местные деревни и поселки не должны были населяться испанцами, неграми или мулатами. Испанец во время путешествия мог оставаться в индейской деревне только на одну ночь, а испанские торговцы - на три дня. В 1538 году были приняты законы, предписывающие касикам не продавать и не обменивать своих подданных. В этом году также были внесены изменения в предыдущие законодательные акты, ограничивающие использование туземцев в качестве вьючных животных лицами моложе 18 лет. Индейцев всеми возможными способами, кроме принуждения, нужно было заставить жить общинами. В 1541 году вице-королям, аудиенциям и губернаторам было приказано выяснить, продавали ли *encomenderos* своих рабов, и если таковые обнаруживались, они подлежали примерному наказанию, а проданные таким образом рабы возвращались на свободу. *Резюме. de Indias*, ii. 192, 194, 201-2, 212, 277-8, 288-9. Эти законы были общими и применялись ко всей Испанской Америке. Васкес утверждает, что в 1714 году в городских архивах Гватемалы существовали королевские седулы, изданные в 1531, 1533 и 1534 годах, разрешающие клеймение рабов, захваченных на войне или полученных путем *пересъемки*. *Chronica de Gvat.*, 37-8.

[XIV-11] В декабре 1530 года кабиљдо Сантьяго был вынужден принять закон, предписывающий захоронение мертвых. 'Los Indios que mueren en sus casas, no los entierran, è los dexan comer de perros, y aues, è podrir dentro de la dicha ciudad, de que suelen venir è recrecer muchas dolencias á los vezinos y habitâtes.' *Remesal, Hist. Чьяпа*, 30. Обращенные в христианство индейцы, будь то слуги или рабыни, должны были быть похоронены в освященной земле на глубине пояса мужчины хорошего роста. Остальные должны были быть похоронены на *территории* глубоко, вне досягаемости собак, под страхом штрафа в 20 песо де оро. *Удостоверение личности*.

[XIV-12] В 1529 году были приняты законы, запрещающие подобные действия под страхом штрафа в размере 25 песо де оро, владелец слуги лишался права собственности. Если

нарушитель был идалго, штраф составлял 100 песо де оро; в противном случае он должен был получить 100 ударов плетью. *Arévalo, Actas Ayunt. Guam.*, 90-1, 114-15. Рынок, называемый индейцами *тиангуэс*, проходил ежедневно на закате. Чтобы предотвратить совершенные тогда безобразия, в 1532 году был назначен управляющий рынком. В следующем году был признан необходимым другой указ, который был переиздан 9 февраля 1534 года. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 32.

[XIV-13] Павел III. следует помнить, что он известен как понтифик, отлучивший Генриха VIII от церкви. Англии и в борьбе Карла V с Протестантской лигой отправил на помощь императору большие силы.

[XIV-14] Следует помнить, что инквизиция, в то время находившаяся в самом разгаре, была основана доминиканским орденом. В книге Прескотта "*Перу*", ii. 253, утверждается, что аргументы, использованные Лас Касасом перед хунтой, были впервые опубликованы секретарем этого учреждения.

[XIV-15] Их полный текст приведен в книге Лейеса и Орденансаса, *Icazbalceta, Col. Doc.*, ii. 204-27. Выдержки из них есть у Эрреры, Ремесала, Торквемады и других хронистов. Дополнительные сведения о новом кодексе и его работе см. в *Hist. Mex.*, ii. 516 и далее. эта серия. Прескотт говорит: "Положения этого знаменитого кодекса можно найти, с большей или меньшей — как правило, с меньшей- точностью, у различных современных авторов. Эррера приводит их *in extenso*. *Перу*, ii. 255. Сам историк несколько неточен в этом и других пунктах.

[XIV-16] До принятия новых законов индейцы, захваченные на войне или виновные в определенных преступлениях, могли быть законно обращены в рабство.

[XIV-17] Описание системы репартимьенто и энкомьенды см. в *Историю. Cent. Am.*, i. 262-4, и *Hist. Mex.*, ii. 145-52, эта серия.

[XIV-18] Описание организации и юрисдикции *audiencias* см. в *Историю. Cent. Am.*, i. 270-3, эта серия, и о верховном совете Индии, 280-2 того же тома.

[XIV-19] Версия, приведенная в книге Прескотта "*Перу*", ii. 260-1, заключается в том, что вице-король обнаружил корабль, груженный серебром из перуанских рудников, готовый отплыть в Испанию, и что он наложил эмбарго на судно, на котором находились доходы от рабского труда. Однако в новом кодексе нет абсолютного запрета на привлечение индейцев к работе на шахтах, хотя, как упоминается в Эррера, дек. vi. lib. против главы iv., седула, изданная в 1538 году, запрещала привлекать таким образом туземцев и разрешала замену негритянского рабского труда для таких целей.

[XIV-20] Духовенство и гражданские власти увековечили память императора, каждая сторона направила свою петицию без ведома другой, каждая клеветала на своего противника и использовала такую ложь, которая, скорее всего, нанесла бы ущерб противоположному делу. Абрео, в *Сент. утра.*; Доп. Суэлтос, в *РУКОПИСИ Сквайра.*, xxii. 48.

[XV-1] Гаска, *Carta al Consejo*, в документе полковника. *Inéd.*, l. 107; см. также *Herrera*, постановление VI. lib. против главы iii.

[XV-2] В Гарелле, *Панамский перешеек*, 4 говорится, что Андагоя провел свой опрос в соответствии с седулой, изданной 20 февраля 1534 года. Некоторые авторитетные источники

утверждают, что Филипп первым предложил идею объединения двух океанов с помощью канала; но когда было заказано исследование, ему было не более семи лет. В *История. Сент. Ам., i. 360-1*, в этой серии есть описание трудностей, преодоленных при строительстве первой дороги через Перешеек около 1520 года, и отчет о препятствиях, с которыми столкнулись геодезические экспедиции даже в середине девятнадцатого века.

[XV-3] *Альмагро, Informacion, полковник док. Inéd.,* xxvi. 265, и *Эррера*, дек. iv. библиотека. х. глава. vii.

[XV-4] Бенцони из кожи вон лезет, чтобы выставить Панаму в презрительном свете. Он говорит, что в нем проживало около 4000 человек и было около 120 домов, построенных из тростника или дерева и покрытых черепицей, но он не объясняет, как такому населению удавалось утиться в таком количестве жилищ.

[XV-5] В своем описании путешествия из Акла в Панаму через Номбре-де-Диос Бенцони упоминает, что его отряд сопровождали 20 негритянских рабов, в обязанности которых входило срезать подлесок и ветви деревьев, преграждавших им путь. Тот же автор также упоминает об опасности, которой подвергаются путешественники в сезон дождей из-за частого пересечения реки Чагрес по пути через перешеек. Он рассказывает историю об испанце, который, переходя вброд последний рукав реки верхом на муле и имея при себе золота и драгоценностей на сумму 4000 дукатов, был унесен вниз по течению, потерял все и спасся только тем, что привязал себя к ветке дерева и прибыл в Номбре-де-Диос в одном жилете.

[XV-6] Комментируя распространенные в то время заявления о торговле Панамы, Бенцони замечает: "Сомнительные суждения о торговле Венецианцев бастериано против того, чтобы торговля велась на входе в вольту Анно, против истессы Читты". *Mondo Nvovo*, lib. ii. 79.

[XV-7] Писарро отправил Панаме 20 000 золотых кастелланосов и таким образом завербовал к себе на службу такое количество рекрутов, которых он иначе не смог бы заполучить. *Naharro, Descubr. в конце концов.,* CP.

[XV-8] Среди других мародерских экспедиций, запланированных Альмагро, был рейд на Панаму и Номбре-де-Диос с целью разграбления обоих мест и превращения первого в базу для будущих операций против Никарагуа и Гватемалы. Более того, он намеревался уничтожить все корабли на тихоокеанской стороне, которые не могли быть использованы. *Vaca de Castro (Licenciado Cristóbal), Carta al Emperador Don Carlos, dándole cuenta de la sublevacion y castigo de Don Diego de Almagro el mozo y de otros importantes asuntos* (Cuzco, Nov. 24, 1542). *Cartas de Indias*, 478, 483-4.

[XV-9] На том самом месте, где его отца постигла подобная участь. *Эррера*, dec. vi. lib. vi. cap. i.

[XV-10] 'Españoles hai que crian perros carniceros y los avezan á matar Indios, lo qual procuran á las veces por pasatiempo, i ver si lo hacen bien los perros.' *Morales, Relacion*, MS.

[XV-11] В *Эррере*, декабрь vii. библиотека vii. глава xxii. указано, что Гонсало был избран капитаном, генеральным прокурором и главным судьей.

[XV-12] Это был поистине триумфальный въезд. Сам Писарро был облачен в полную кольчугу и богато расшитый плащ, а перед ним несли королевский штандарт Кастилии. *Zárate, Hist. Перу*, lib. v. глава xii.

[XV-13] Он собрал большие силы благодаря поддержке Диего Сентено, храброго офицера, который был раздражен жестокостью и притеснениями вице-губернатора Писарро в Чаркасе и поэтому выступил в поддержку вице-короля. *История Робертсона. Ат.*, ii. 240.

[XV-14] Васко Нуньес был обезглавлен негром на поле битвы, и его голова была насажена на пику. Некоторые солдаты были настолько жестоки, что вырывали седые волосы из бороды и носили их в шлемах в качестве трофеев победы. *Эррера, дек. viii. библиотека. i. глава. iii.* Смотри также, *Фернандес, История. Перу, pt. i. lib. i. cap. liv.*

[XV-15] Он приказал построить в Арекипе галеры, которые с уже имеющимися в его распоряжении судами сделали бы его хозяином моря от Чили до Никарагуа. *Zárate, Hist. Перу, lib. v. глава xv.*

[XV-16] Назван некоторыми авторами Мачикао, а у Бенцони, *Мондо Нувово*, Мачикано. Когда Гонсало Писарро въехал в Лиму, Бачикао приказал нести артиллерию, боеприпасы и снаряжение на спинах индейцев, демонстрируя таким образом свое презрение к новому своду законов. *Benzoni, Mondo Nuovo, 210 (Hak. Soc. ed.)* Смотрите также, *Гомара, История Индии, 214*, и *Биографические данные*, в *Картах Индии, 718-20*. Gomara says of him: 'Lo escojeran entre mil para qualquiera afrenta, pero couarde como liebre, y asi solia el dezir: ladrar, pese á tal, y no morder. Era hombre baxo mal acostumbrado, rufian, presumptuoso, renegador, q̃ se auia encomenado al Diablo, ... buen ladron ... asi de amigos como de enemigos.'

[XV-17] На борту флота находились Мальдонадо и доктор Трехада, направлявшиеся в Испанию, чтобы представить императору Гонсало Писарро отчет по этому делу и ожидать дальнейших указаний его Величества. *Писарро, Carta al Rey, в документе полковника Док. Инед.*, л. 195 passim.

[XV-18] *Гомара, История. Инд.*, ii. 14. Бенцони утверждает, что капитан был повешен в гавани Векьо в Табоге. 'Fece alcuni soldati in porto Vecchio, e vicino Taboga pigliò una naue, e perche il patrone non abassò le velle così presto, lo mandò à impiccare, e così giunto à Panama, e non volendo Giouanni di Gusman che intrasse nella città, ilquale faceua gente per lo Vicerè.' *Hist. Мондо Нувово, 143.*

[XV-19] Бенцони, *История. Мондо Нувово, 211*. См. также *Овьедо, iv. 400*. В *Зарате, Hist. Перу, lib. v.*, глава xvi., указано, что приказ о казни был отдан словами "Манда хасер эль капитан Эрнандо Бачикао".

[XV-20] Из последующей истории Бачикао мы узнаем, что он был схвачен при попытке перейти на сторону роялистов и казнен Франсиско Карбахалем, одним из офицеров Гонсало. *Datos Biograficos, in Cartas de Indias, 718-20.*

[XV-21] В дополнение к другим мерам предосторожности Педро де Касаос, коррехидор, или мэр, Панамы, пересек перешеек в Номбре-де-Диос и призвал всех лояльных граждан сплотиться для защиты Панамы. Собрав все аркебузы и другое оружие, какое только смог найти, он вернулся в город и призвал военачальников вице-короля встать под его знамена. Этого они упрямо отказывались делать, тем самым сея раздор, который должен был во многом свидетельствовать в пользу повстанцев. *Zárate, Hist. Перу, дело против главы XXX.*

[XV-22] Двадцать тысяч дукатов, согласно Бенцони, *Мондо Нувово, 144.*

[XV-23] Восемь кораблей и три бригантины. *Benzoni, Mondo Nuovo*.

[XV-24] Хуан де Ильянес, как только он увидел корабли, громким голосом крикнул горожанам: "Выходите из своих домов, предатели, приходите и защищайте владения короля от этих тиранов!" Когда Педро де Касаос послал весточку Инохосе, чтобы узнать причину его прихода, тот ответил, что "он пришел заплатить долги Мачикано". *Бенцони, Мондо Нвово*, 144-5.

[XV-25] *Эррера*, дек. vii. библиотека. x. глава. ix. *Гарсиласо де ла Вега*, в *истории. Перу*, ii. 244, упоминает губернатора Инохосу и Зарате, *История. Перу*, lib. v. cap. xxx., says: 'Y el governador de aquella Provincia llamado Pedro de Casaos, Natural de Sevilla, fue con gran diligencia à la Ciudad de Nombre de Dios, i mandò apercebir toda la Gente que en ella estaba, i juntando todas las Armas, i Arcabuces que pudo haver, los llevò consigo à Panamá.' The corregidor of a town was often styled 'governador' by courtesy. Отсюда, возможно, и ошибка.

[XV-26] *Эррера*, дек. vii. библиотека. x. глава. ix.

[XV-27] Говорят, что битва, которая теперь казалась неизбежной, офицеру, командовавшему Вела Нуньесом, было приказано повесить его и других заключенных на рее. *Zárate, Hist. Перу*, lib. v. cap. xxxi. Это утверждение крайне маловероятно.

[XV-28] Он сообщил жителям Панама, что, если они приняли такого негодяя, как Мачикао, они, безусловно, должны принять его. *Эррера*, дек. vii. библиотека. x. глава. ix.

[XV-29] Они не верили обещаниям Инохосы. 'Aunque Gonzalo Pizarro governase juridicamente, como ellos decian; y que no tenian color ninguno para entremeterse en distrito ageno; y que las mismas promesas avia hecho Bachicao.' *Garcilaso de la Vega, Hist. Перу*, ii. 244.

[XV-30] *Эррера*, дек. vii. lib. x. cap. x., и *Бенцони, Мондо Нвово*, 145. В *Гомаре, Hist. Ind.*, 218 говорится, что 40 мужчинам было разрешено высадиться. Другие власти указывают 50 человек в качестве числа охранников и 30 дней в качестве срока.

[XV-31] 'Con este concierto Hinojosa mandò recoger la gente a las naos, y los de Panamá le hablaron y trataron con mucha cortesia, y le aposentaron en la ciudad y diziendole, que se trataua de prenderle, ô matarle; aunque no lo creyô, todauia se hizo fuerte en la casa adôde posaua, y poco despues, como buen Capitan, por quitar ocasiones de tumultos se fue a sus naos, y presto se entendió q̃ aquel rumor no fue palabras.' *Herrera*, dec. vii. lib. x. cap. 10.

[XV-32] Именно в этот год стало известно о богатстве Потоси.

[XV-33] В книге "Эррера", декабрь viii. lib. i. глава ix. говорится, что офицеры Инохосы совершили множество грабежей, стараясь скрыть их от своего командира, который строго запретил что-либо подобное и отдал приказ о том, что все подобные правонарушители должны быть переданы гражданским властям. Гаска в "Карте аль-Консехо", 1. 108-9, говорит, что Инохоса заставлял жителей Панама и Номбре-де-Диос кормить и четвертовать его людей.

[XV-34] Уроженец Алавы и земляк вице-короля. *Zárate, Hist. Перу*, lib. v. глава xxxiii. См. также *Гарсиласо де ла Вега, История. Перу*, ii. 244.

[XV-35] 'Et non molto dopo Melchior Verdugo calato per lo Scolatio di Nicaragua con duecento soldati con animo di offendere la gente di Pizzarro.' *Benzoni, Mondo Nvovo*, 146. В *Запаче, Hist. Перу*, lib. v. cap. xxxiii., номер указан равным 100.

[XV-36] Ночная тьма благоприятствовала им, но люди Вердуго могли бы осуществить их поимку, если бы не были слишком усердны в разграблении дома. *Гарсиласо де ла Вега, Hist. Перу*, ii. 245.

[XV-37] Эррера говорит, что Инохоса, ожидавший нападения, привел город Панаму в состояние тщательной обороны и сказал своим офицерам, что Вердуго удерживал только власть, предоставленную ему аудиенсией лос-Карантинс, и не знал даже, жив ли вице-король. декабрь. viii. библиотека. ii. глава. iv.

[XV-38] Сто пятьдесят аркебузирова. *Бенцони, Ист. Мондо Нвово*, 145-46, 140; *Гомара, История. Инд.*, 219.

[XV-39] 'Verdugo fu il primo à saltare in vn Brigantino, et solo vn soldato resto ferito, e questo fu el fine delle brauate di Verdugo.' *Benzoni, Mondo Nvovo*, 146.

[XV-40] 'La dificultad de tanto aparato, ... Armas, y Cavallos, Municion y Bastimento, y la Navegacion tan larga, yaver de pasar dos Mares les forçava á no tomar este Consejo.' *Garcilaso de la Vega, Hist. Перу*, ii. 268.

[XV-41] Гаска родился в 1494 году в Кабальерия-де-Наваррегадилья, небольшом городке недалеко от Барка-де-Авила. Он получил гуманитарное образование, будучи помещен своим дядей в знаменитую семинарию Алькала-де-Энарес, а затем переведен в университет Саламанки. В 1531 году он был рукоположен в сан священника, а в 1541 году был назначен советником инквизиции. Он приобрел большую известность благодаря своей доблестной защите города Валенсия в то время, когда его жители были охвачены паникой при приближении чужеземного врага. 'Vinieron á tierra de Avila la familia de Gasca mudándose ... las dos letras consonantes C y G el nombre de Casca en Gasca.' *Hist. де Дон Педро Гаска*, ср. Еще будучи студентом, он проявил силу своей воли и решительность характера при подавлении политических беспорядков. *Datos Biograficos*, in *Cartas de Indias*, 763-7.

[XV-42] 'El Titulo que llevó, fue de Presidente de la Audiencia Real del Perú.' *Zárate, Hist. Перу*, в *Барсуу*, lib. vi. cap. vi.

[XV-43] 'Llevó las Cédulas, y Recaudos necesarios, en caso, que conviniese hacer Gente de Guerra, aunque estos fueron secretos, porque no publicaba, ni trataba, sino de los perdones, i de los otros medios pacíficos.' *Zárate, Hist. Перу*, в *Барсуу*, lib. vi. cap. vi. *Гарсиласо де ла Вега, История. Перу*, ii. 269, says: 'Le diesen absoluto Poder en todo, y por todo, tan cumplido y bastante, como su Magestad lo tenia en las Indias.' See, also, *Prescott's Peru*, ii. 344.

[XV-44] 'Alvarado habló á Hernan Mexia, i le dió noticia de la venida del Presidente, diciendole quien era, i á lo que venia, i despues de largas platicas se despidieron, sin haverse declarado el vno al otro sus animos, porque ambos estaban sospechosos.' *Zárate, Hist. Перу*, в *Барсуу*, lib. vi. cap. vi.

[XV-45] *Фернандес, История. Перу*, пт. i. библиотека. ii. глава. xxi. Гаска узнал о смерти вице-короля только после его высадки в Номбре-де-Диос, но подавил свое негодование и даже заявил, что, если Писарро не примет его, он вернется к императору. *Гарсиласо де ла Вега, Hist.*

Перу, ii. 170. Смотри также, *Гомара, История. Инд.*, 228. Письмо Гаски Вердуго, в то время ожидавшему приказаний императора в Картагене, также характерно для утонченного церковника: "Эмбиоский декир Мельхор Вердуго, как веня, кончивший товарищей на службе, не виньезе, а китай, как эстувьезе мира". *Гарсиласо де ла Вега, История. Перу*, ii. 269. Смотрите также, *Эррера*, дек. viii. библиотека. ii. глава. v.

[XV-46] 'Mexia le repondio, que la vandra que alli estaba, la tenia por el Rey, y no por Pizarro, y ã haria en su seruicio quanto le mādasse.' *Herrera*, dec. viii. lib. ii. cap. v. 'I que si queria, que llanamente se alçase Vandra por su Magestad, lo haria, i podian ir à Panamà, i tomar la Armada, lo qual seria facil de hacer.' *Zárate, Hist. Перу*, библиотека iii. 133. Смотри также, *Гарсиласо де ла Вега, История. Перу*, ii. 270.

[XV-47] *Фернандес, Hist. Перу*, пт. i. библиотека. ii. глава. xxviii. См. также *Эрреру*, дек. viii. lib. ii. cap. vi., и *Гомару, Hist. Инд.*, 228.

[XV-48] Когда Паниагуа, эмиссар Гаски, впервые зашел к Гонсало, с ним обошлись невежливо, губернатор даже не попросил его сесть.

[XV-49] Принесшие такую присягу капитаны расписались перед нотариусом Хуаном де Барутиу. *Панама, Дом Плеито, в документе полковника. Инед.*, xlix.

[XV-50] В "*Карте Мигеля Диеса Армендариса*", в *Кармас-де-Индиас*, Гаска заявляет, что с 1 декабря 1546 года 1000 солдат, включая нескольких высокопоставленных лиц, были собраны для службы королю; что в его распоряжении был флот из 23-25 кораблей, два из которых были построены в Панаме; и что еще не было времени для прибытия подкреплений из Гватемалы, Гондураса, Мексики, Испании или Никарагуа, на которых он находился. в последней провинции было 250 всадников, готовых отправиться в путь.

[XV-51] Увидев виртуозное расположение сил роялистов, Карбахаль, лейтенант Гонсало, заметил: "Вальдивия ридж эль кампо о эль диабло".

[XV-52] Среди присутствующих на похоронах Гонсало был Инохоса, который, продолжая служить королевскому делу, был убит в 1552 году.

[XV-53] Наиболее пристрастным биографом Писарро является Фернандо Писарро-и-Орельяна, автор книги "*Варонес Ильвстрес дель Нвево Мвндо*", Мадрид, 1639, фолио. Книга содержит жизнеописания Колумба, Охеды, Кортеса, четырех Писарро, Альмагро и Гарсиа де Паредеса, но большая часть посвящена тезкам и родственникам автора, рядом с которыми другие герои предстают в сравнительно расплывчатых очертаниях. Каждый инцидент, который каким-либо образом может сделать им честь, сияет блеском, непревзойденным даже для жемчуга и золота, за которые они так безрассудно рисковали своими жизнями. Блеск действительно настолько силен, что сливает в полную неизвестность кровавые деяния и позорные черты, характеризующие это имя. Это сделано намеренно со стороны автора, который не только умалчивает наиболее печально известные факты, но, замалчивая более позднее восстание Гонсало, даже пытается оправдать его. Его цель - отстаивать интересы наследников Эрнандо Писарро, восстановление его поместий и титулов маркиза, как более полно изложено в "*Правовом и политическом дискурсе*", опубликованном в том же году, сразу после "*Варонес*".

Вкратце, эта работа представляет собой мольбу ученого юриста, как доказывает сам автор, дополненную причудливыми и заумными заметками и обильными цитатами на полях, в основном из классических авторов.

[XVI-1] У Педрариаса никогда не было и тени права на провинцию Перу; но Эрнандо, вероятно, было легко убедить в этом свою аудиторию.

[XVI-2] 'Y porque algunos querian yr á armarse, y otras de mala gana le seguian, los reprehendia, y amenazaua, diciendo, que los haria castigar como a delinquentes, diziendoles; que no auian menester otras armas, i mandó a Iuan Barmejo, que matasse al que no le siguiese.' *Herrera*, dec. viii. lib. vi. cap. v.; see, also, *Remesal, Hist. Чьяпа*, 491.

[XVI-3] 'Hecho esto embiò a Granada á dar auiso á Pedro de Contreras su hermano, embiandole la daga con que auia muerto al Obispo, sin punta, que so le auia despuntado al tiempo que le matò.' *Remesal, Hist. Чьяпа*, 492; см. также *Эррера*, дек. viii. lib. vi. глава v., и *Гаска, Хартия в документе Cold . Doc. Inéd.*, 1.; но *Зарате, Hist. Перу*, lib. vii. cap. xii., не приписывает убийство епископа самому Эрнандо, говоря: "Я вн Диа энтарон съертус Солдадос де су Компанья, адонде эстаба эль Обиспо югандо аль Акседрез, я ле матарон". Это, однако, маловероятно, поскольку Эрнандо жаждал личной мести прелату, а у монаха-отступника, вероятно, отлученного от церкви, также могли быть свои тайные мотивы для участия в убийстве.

[XVI-4] *Гаска, Carta al Rey*, в документе полковника. *Inéd.*, l. 117-23. Смотри также, *Remesal, Hist. Чьяпа*, 493; *Гарсиласо де ла Вега, История. Перу*, ii. 371, и *Эррера*, дек. viii. lib. vi. cap. v.

[XVI-5] На борт этих судов были помещены все бродяги и те, кто прибыл из Испании без лицензии, вместе с некоторыми женатыми мужчинами, которые оставили своих жен в Испании. "Para boluerlas a Castilla por casados, ольгазанес, и дворянин, который хочет помочь делу десасосиего в поисках пружчо". *Эррера*, дек. viii. lib. vi. глава i. Губернатор был полон решимости не оставлять на перешейке никого, кто не был бы поселенцами или торговцами, или о ком известно, что они живут по средствам или своим трудом. *Гаска, Картас, в документе полковника. Inéd.*, l. 111.

[XVI-6] Они были настолько уверены в успехе, что вместо того, чтобы перевезти сокровище на свои корабли, они передали его торговцам и другим лицам, которые обязались перед нотариусом доставить его, когда потребуется, либо Бермехо, либо братьям Контрерас. 'Proveieron estos disparates, imaginandose, que sin tener contraste alguno, eran yá Señores de toda el Nuevo Mundo.' *Garcilaso de la Vega, Hist. Перу*, ii. 373.

[XVI-7] *Повторный, История. Чьяпа*, 493. Вега, *История. Перу*, ii. 372, говорится, что они нашли так много испанских товаров, что "я не давал им поспешности, потому что не подарил льевар тодас".

[XVI-8] Это число приведено в *Herrera*, dec. viii. lib. vi. cap. v., в то время как в *Gasca, Carta*, in *B изд.*, л., упоминаются только 18 или 20. Гаска, должно быть, ошибся, потому что Контрерас впоследствии оставил 25 человек в Капире, когда вернулся помогать Бермехо.

[XVI-9] Когда Сальгеро получил сообщение от Бермехо, возникла некоторая неразбериха, и большая часть захваченных им серебряных слитков была утеряна: их выбросили в реку или украли негры, которые спрятали их в скалах и болотах. Сальгеро захватил не только королевское

серебро, но и большое количество сокровищ, принадлежащих частным лицам. Он приказал погрузить его на мулов, взятых у поселенцев в Крусесе; но когда он приблизился к городу и увидел выступающие войска, он бросил свой обоз и поспешил присоединиться к Бермехо. Гаска, *Конституция*, в документе полковника. *Inéd.*, л. 149; и Эррера, дек. viii. lib. vi. cap. vi. Ремезал, *История*. Чьяпа, 497, утверждает, что, когда серебро было потеряно, только часть людей Сальгера отправилась с ним в Панаму, остальные направились к морскому берегу, где их взяли на борт кораблей Педро де Контрераса. Подсчитано, что все сокровища, захваченные повстанцами, на сегодняшний день стоят около 12 000 000 долларов.

[XVI-10] Гаска, *Хартия*, в документе полковника. *Inéd.*, л. 149-50. Смотрите также, Эррера, дек. viii. библиотека. vii. глава. vii. Ремесал дает 82 как число убитых на поле. Гаска сообщает в своем донесении, что только трое граждан Панамы были убиты, хотя многие были ранены, но ни один смертельно; довольно невероятное заявление, учитывая, что повстанцы знали, что им не нужно ожидать пощады.

[XVI-11] Вскоре после подавления восстания Контрераса Гаска, вернув большую часть украденных сокровищ, отправился в Испанию, где был назначен епископом Сигуэнсы, а затем Паленсии. Он умер 10 ноября 1565 года, оставив "историю Перу", которая была опубликована в Севилье через два года после его смерти. Его *Carta al Consejo*, в документе. *Inéd.*, л. 106-63, вероятно, является наиболее надежным источником информации о событиях, описанных в этой главе. Эррера согласен с ним во всех основных инцидентах, отличаясь лишь порядком их изложения и некоторыми незначительными деталями. Ремесал очень откровенен в своем повествовании и по большей части согласен с Гаской и Эррерой. Гомара и Сарате дают лишь сжатое изложение вопроса и в основном ссылаются на предыдущие авторитетные источники. Рассказ, приведенный в "Хуарросе", взят у Ремесала, а рассказ Бенцони заимствован из различных источников, в то время как Гонсалес Давила рассказывает только об убийстве епископа Вальдивьесо.

[XVII-1] В письме королю, датированном Сьюдад-Реалем 10 августа 1541 года, епископ Маррокин очень благосклонно отзываясь о Чавесе и заявляет, что он был хорошо приспособлен к правлению. *Carta al Emperador*, in *Cartas de Indias*, 430.

[XVII-2] 'Como su necesidad no era poca, tomô la mejor parte para si, y lo demas dio a sus amigos.' Herrera, dec. vi. lib. i. cap. ix. See, also, Juarros, *Guat.*, i. 42, and Gomara, *Hist. Ind.*, 64. Эррера также подразумевает, что он присвоил то, что осталось от скота и припасов, привезенных Альварадо из Гватемалы для оказания помощи колонистам. dec. vi. lib. iii. cap. xix.

[XVII-3] В книге Сквайера "Гондурас", 88 говорится, что эта крепость находилась в нынешнем департаменте Грасиас, который граничит с Гватемалой и Сан-Сальвадором. Древняя территория Лемпиры до сих пор известна под названием Коркин, это слово применяется к району и городу Грасиас. Долина Сенсенти, окруженная горами Селаке, Пекайя и Мерендон, входила в состав владений касика. См. [стр. 81](#) этого тома. карту см.

[XVII-4] Эррера, декабрь vi. библиотека iii. глава xix. Историк придерживается мнения, что испанцы были бы вынуждены прекратить осаду, если бы не прибегли к этому или какому-то подобному ухищрению, и в этом случае не исключено, что Лемпира оказался бы достаточно могущественным, чтобы изгнать их из провинции или, возможно, истребить.

[XVII-5] 10 декабря 1537 года вице-король Новой Испании сообщает королю, что он получил советы от аделантадо Монтехо и лиценциата Мальдонадо, в которых говорится, что в провинции царит мир и наблюдается значительный прогресс.

[XVII-6] *История. Цент. Амер.*, i. 570, эта серия.

[XVII-7] Монтехо в письме из Грасиас-а-Диос от 1 июня 1539 года сообщает императору о поселении в Комаягуа и назначении алькальдов и регидорес. В то время в городе насчитывалось 35 векино, большинство из которых владели лишь несколькими индейцами. Хуаррос, *Guat.*, i. 41-2, называет 1540 годом своего основания, как и Кондер и Сквайер, в то время как Ремесал говорит, что город был основан в 1542 году. Однако несомненно, что он был построен до возвращения Альварадо в Гондурас, в 1539 году. Эррера, дек. vi. библиотека. vii. глава. iv.; *"Мексика и Гватемала"* Кондера, ii. 296: *Заметки Сквайера, цент. Амер.*, 129.

[XVII-8] В декабре 1557 года.

[XVII-9] These were Trujillo, Gracias á Dios, Comayagua, San Pedro del Puerto de Caballos, San Jorge de Olancho, Buena Esperanza, and San Juan del Puerto de Caballos. Педраза в депеше аудиенсии от 30 декабря 1545 г., цитируемой в *рукописи Сквайера.*, xxii. 133, утверждает, что один из капитанов Монтехо, посланный для обследования территории, лежащей между Трухильо и долиной Оланчо, расширил свои исследования до устья Десагуадеро и основал в этом районе город Нуэва-Саламанка, но представления прелата о географических границах провинции, очевидно, были несколько расплывчатыми. Возможно, он имел в виду поселение с таким названием, ранее основанное на Юкатане.

[XVII-10] Педраса, описывая трудности путешествия и состояние дорог, утверждает, что от Трухильо до Пуэрто-де-Кабальос расстояние по морю составляло 40 лиг, причем путешествие было очень опасным. Оттуда до Сан-Педро было 14 лиг по трудной дороге — особенно плохой в сезон дождей — то по грязи (хаста-ла-баррига), то взбираясь на крутые скалы; оттуда до Грасиас-а-Диос 25 лиг, с тремя или четырьмя туземными поселениями на пути; от Грасиас-а-Диос до Комаягуа еще 25 лиг, с тремя поселениями между ними; оттуда до Сан-Хорхе в долине Оланчо от 20 до 30 лиг, без поселений между ними; оттуда до Нуэва-Саламанки 30 лиг, без каких-либо поселений на пути. Of the plague of mosquitoes on this portion of the route he remarks: 'Que nos comian vivos de noche i de dia, i nos sacaban los ojos que no havia tiempo que pudiese dormir.' From Nueva Salamanca to Trujillo, he says: 'Hai cerca de 40 leguas infernales, que ni á pie ni á caballo se pueden andar, sino la mas parte rodando con el lodo á los medios muslos i descalzos, i muchas veces subiendo hasta el cielo, i otras veces bajando hasta los abismos.' *Id.*, 17.

[XVII-11] Овьедо тогда писал о том, что произошло в 1538 году; но вполне вероятно, что 100 000 песо де оро, о которых он говорит, включали сумму, полученную за несколько предыдущих лет. В 1539 году Монтехо сообщает, что в Комаягуа есть очень богатые рудники, как золотые, так и серебряные, но поскольку он не позволял нанимать на них туземцев против их воли, они разрабатывались лишь в небольших масштабах. *Монтехо, Карта, Пачеко и Карденас, документ полковника.*, ii. 221-22, 233, 251. Это соображение о благополучии индейцев, без сомнения, ускорило его падение.

[XVII-12] Смотри *Историю. Цент. Амер.*, ii., и *История Мексики.*, ii. passim, эта серия.

[XVII-13] Королевской седулой от 25 мая 1538 года вице-королю Мексики было поручено разрешить Франсиско де Монтехо и Альварадо Гватемальским обменять части своих соответствующих провинций, при этом особо упоминаются Пуэрто-де-Кабальос и Сьюдад-Реаль-де-Чьяпас. *Пуга, Седуларио*, 116. Похоже, что Монтехо не давал своего согласия на это предложение.

[XVII-14] *Монтехо, Carta, у Пачеко и Карденаса, Col. Doc.*, ii. 231-2, 245; *Альварадо, у Id.*, 255. В письме королю Монтехо говорит, что он слышал, что его величеству сообщили, что Альварадо по возвращении в Гондурас обнаружит, что королевская пятая часть составит 100 000 каstellаньо, но что это заявление было необоснованным, поскольку сумма составляла всего 12 000 каstellаньо. Причиной дефицита была названа остановка некоторых горных работ, которыми занимались банды индейцев из Сальвадора и Гватемалы, из-за высокой смертности среди них. Приказ о прекращении работ исходил от Мальдонадо, исполняющего обязанности губернатора Гватемалы, и, предположительно, был отдан до прихода Монтехо к власти.

[XVII-15] Монтехо был в плохих отношениях с Педразой, но добился его заступничества, обратившись к нему, когда тот был в дружелюбном настроении. Он обвиняет его в том, что он хвастался, что его власть выше, чем у губернатора, и что его письмо императору немедленно обеспечило бы его увольнение. Он также утверждает, что однажды он был вынужден вернуться из экспедиции, в которую он отправился, поскольку до него дошли известия о том, что Педраза тревожит страну своим жестоким обращением с индейцами и что у него возникли некоторые трудности с восстановлением спокойствия. *Монтехо, в удостоверении личности*, 248-51, 258-9. Не исключено, что это могло быть так, поскольку в письме, цитируемом в *Рукописи Сквайера*, ххii. 26, 27, Педраза утверждает, что в 1547 году он подал прошение о разрешении основать поселение в индийской деревне Джутикал в Комаягуа и предоставить репартиментос тем, кто предоставит ему средства, утверждая, что святой дух особо вдохновил его на умиротворение местных жителей молитвой и убеждением. Священнослужитель был молодым человеком; тщеславным, честолюбивым, алчным и из тех, кто без колебаний продал бы свою профессию, если бы это служило его собственным интересам.

[XVII-16] Согласно *Овьедо*, iv. 23, сумма составляла 17 000 песо.

[XVII-17] В письме императору, датированном Трухильо 1 мая 1547 года, Педраса заявляет, что он с радостью лично отправился бы помогать Гаске в Перу, если бы его путешествие в Португалию пять лет назад и время, которое он потерял в Испании в ожидании папской буллы, не поглотили большую часть его состояния. *Педраза, Carta, в РУКОПИСИ Сквайра*, ххii. 18. Однако маловероятно, что ему грозила сколь-нибудь большая бедность, поскольку он заработал большие суммы денег на торговле рабами.

[XVII-18] Во время этого отсутствия Педразы епископ Гватемалы Маррокин руководил епархией и совершал различные пастырские визиты по провинции, во время которых последний впоследствии обвинял его в том, что он потратил более 12 000 песо из епископских доходов. Опровергая это обвинение, Маррокин ссылается на Алонсо Мальдонадо, президента *audiencia*, и утверждает, что, хотя он потратил более 1000 каstellаньо во время своих поездок туда и обратно, он никогда не получал взамен ни одного песо де оро. *Маррокен, Карта аль Принципи Дона Фелипе, в Картас-де-Индиас*, 449.

[XVII-19] Этот собор был посвящен "Зачатию Пресвятой Богородицы", и в нем служили пять высокопоставленных лиц с жалованьем от 150 до 40 песо в год. *Гонсалес Давила, Ecles Teatro.*, i. 304 и далее.

[XVII-20] См. *Историю. Цент. Амер.*, ii., и *История Мексики.*, ii., продолжение этой серии.

[XVII-21] До своего назначения он был депутатом мексиканской аудиенции и исполняющим обязанности губернатора Гватемалы.

[XVII-22] In *Remesal, Hist. Чьяпа*, 206, и *Кармас-де-Индиас*, 776, аудиенция, как говорят, провела свое первое заседание 16 мая 1544 года, тогда как в письме императору от 30 декабря 1545 года, подписанном президентом Мальдонадо и всеми оидорес, четко указано: "En 15 Marzo desembarcaron los Licc. Эррепа и Порель. En 13 Mayo nos juntamos en Aud^a i luego se pregonaron las Nuevas Ordenanzas." *Audiencia, Carta*, in *Squier's MSS.*, xxii. 130.

[XVII-23] Педразу вызвали из Сан-Педро-дель-Пуэрто-де-Кабальос, откуда он прибыл только после неоднократных просьб. Если бы он настаивал, Лас Касасу и Вальдивьесо пришлось бы отправиться в этот город вместе с Маррокенем, поскольку требовалось, чтобы три прелата присутствовали на церемонии освящения. Педраза был в плохих отношениях с двумя первыми, которые утверждают, что слышали о нем кое-что. 'Que parecen no buenas, y muchos escandalos.' *Las Casas and Valdivieso, Relacion in Cartas de Indias*, 19-23.

[XVII-24] *Ид.*

[XVII-25] Вышесказанное является ведущими моментами, содержащимися в меморандуме, который представлял собой несколько объемистый документ, содержащий семь различных положений, согласно *Лас Касасу, Хартии Амонес.*, и *Relacion в РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 140-42; и девять согласно *Remesal, Hist. Чьяпа*, 374-76, и *Иказбалсета, полковник Док.*, i., lxxvii.-viii. Ремесаль утверждает, что каждый епископ представил мемориал, причем Лас Касас нанес меньше оскорблений, чем другие.

[XVII-26] *Лас Касас и Вальдивьесо, Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 118-20.

[XVII-27] Marroquin states that the memorial was 'mucho desacato i mayor desatino: i él, como mas atrevido i favorito (por haverle dado credito á sus proposiciones i fundamentos sacados de su pecho lleno de hipocresias, sobervia, invidia, i avaricia), lo presentó, requirió, i amonestó.' *Marroquin, Carta*, in *Squier's MSS.*, xxii. 139-40. Он довольно благосклонно отзывается о Мальдонадо, но жалуется на его небрежность, недостаточную бдительность и некоторую беспечность в отношении благополучия колонистов. Он заявляет, что между членами аудитории есть разногласия, и говорит: "Я не удовлетворен многим из того, что происходит, ни из того, что происходит, ни из того, что происходит". *Маррокин, Carta*, в *Carta de Indias*, 440-1.

[XVII-28] Мальдонадо воскликнул, когда Лас Касас протестовал против того, чтобы его выгнали из зала аудиенции: "Это коцинерильос и сакандальос дель конуэнта, а не то, что пуэда ауэригуар против элос". *Remesal, Hist. Чьяпа*, 376.

[XVII-29] Когда аудиенция отказалась признать епископов защитниками индейцев, Маррокин направил письмо императору, в котором, прокомментировав беспорядки, вызванные новым кодексом, он заключает: "Mas, no son tan largas los poderes de los obispos destas partes como el ruido i sonido. La Audiencia lo manda todo i dá á entender que no hai para que el Obispo sea Protetor i

Visitador: asi han proveido Visitadores a deudos suyos, quando V. M. solo quiere fiarlo a los Obispos.' *Marroquin, Carta, in Squier's MSS.*, xxii. 135-6.

[XVII-30] По приказу аудиенции Рогель посетил Чьяпас якобы с целью оказания помощи Лас Касасу в освобождении местных жителей и установлении размера их дани.

[XVII-31] *Переработка, Hist. Чьяпа*, 480. Черрато, однако, не колеблясь, сурово порицал епископов, когда считал это необходимым. Он жаловался на то, что они содержат альгвасилы, подобные тем, что были у императора, и на несправедливый арест лиц, "имеющих дело с инквизицией". Говоря об отлучении епископом Никарагуа некоторых королевских чиновников за то, что они не могли выплачивать ему жалованье, он говорит, что его и Педразы "было достаточно, чтобы вскружить головы тысяче судей". *Серрато, Картас, в Рукописи Сквайера.*, xxii. 83, 7.

[XVII-32] *Серрато, Carta de Setiembre 28, 1548, в РУКОПИСИ Сквайра.*, xxii. 80-1.

[XVII-33] Даже если бы он был признан невиновным, он не смог бы быть восстановлен в должности, поскольку корона назначила Серрато его преемником. Он погиб в море примерно два года спустя. *Переработка, Hist. Чьяпа*, 179.

[XVII-34] Он был оштрафован за присвоение рудника и за захват нескольких негров, принадлежащих одному из священников. *Серрато, Картас в РУКОПИСИ Сквайра*. Маррокен замечает в "*Карте аль-Принсипи*" Дона Фелипе, в "*Карте Индии*", 448: "Очень немногие из тех, кто приезжал в Индию, так хорошо обустроили свои гнезда за столь короткое время, как Эррера и Рогель". "Quieren para si un dios y un principe, y para los demas confusion y perdiçion". Педраза поддерживает заявление Маррокина в отношении Эрреры и обвиняет его в торговле шелками, бархатом и тканями, как обычного торговца. *Carta, в РУКОПИСИ Сквайра.*, xxii. 123. Заявление Лас Касаса и Вальдивьесо в *документе*, xxii., несомненно, заслуживает большего доверия.

[XVII-35] Берналь Диас неблагоприятно отзываясь о Серрато. Он говорит, что сначала он хорошо обещал, но впоследствии действовал всячески вопреки своим инструкциям, как будто это был "мир, который должен был спасти жизнь и оберегать провинцию, чтобы спасти жизнь всем желающим". Он обвиняет его в том, что он предоставил лучшие репартименты своим двум братьям, внучке, зятю, а также его последователям и друзьям, и замечает, что люди боялись прибытия еще одной лодки с Серратосом. *Carta al Emperador, in Cartas de Indias*, 38-42.

[XVIII-1] Вице-король Мендоса направил письма епископу Гватемалы Франсиско де ла Куэва и кабильдо соответственно. В том, что отправлено в муниципалитет, он говорит: "Вы узнаете, что Богу было угодно взять во славу свою аделантадо Альварадо". *Аревало, полковник Док. Antig.*, 179-80. Телло утверждает, что губернатор Оньяте также отправил сообщение о смерти Альварадо в Гватемалу. *История. Н. Гал.*, 390-7. По словам Ремесала, первые сообщения были в целом опровергнуты, и только после получения писем вице-короля были проявлены какие-либо проявления скорби. *Hist. Чьяпа*, 165 и далее. 29 августа состоялось кабильдо.

[XVIII-2] Там же.; *Carta al Emperador, в Картах Индии*, 432-3; Берналь Диас, *История. Verdad.*, 236.

[XVIII-3] Неизвестный автор, написавший позже в том же году, утверждает, что донья Беатрис "dixo muchas veces que ya no tenia Dios mas mal que le hacer". *Relacion, в кнуре Пачеко* и

Карденаса, Col. Doc., iii. 385. Гомара, *Hist. Ind.*, 269-70, и Торквемада, i. 324 и последующие, делают аналогичные заявления. Утверждение Гомары оспаривается Берналем Диасом, *Hist. Verdad.*, 226-7. Смотрите также рассказы о горе доньи Беатрис, *Carta del Obispo* в *Пачеко* и *Карденасе, Coll. Doc.*, iii. 388; Бензони, *Мондо Нвово*, 156; *Берналь Диас* (изд. Париж, 1837), iv. 466-7; *Переработка, Hist. Чьяпа*, 166.

[XVIII-4] В своем письме кабиљдо, о котором говорилось выше, датированном 15 июля 1541 года. *Arévalo, Col. Doc. Антуг.*, 179-80. Ремесаль указывает в качестве даты 5 июля, через день после смерти Альварадо, о которой вице-король в то время ничего не мог знать. Монах, однако, пытается объяснить несоответствие, к которому привела его ошибка. *История. Чьяпа*, 165-6.

[XVIII-5] Епископ Маррокин придерживался мнения, что Куэва не был подходящим человеком для того, чтобы Альварадо оставил его во главе правительства. В письме королю от 10 августа 1541 года он описывает его как слишком молодого и неопытного, лишённого рвения в пользу туземцев, беспечного в вопросах правосудия, равнодушного к обществу хороших людей и подающего плохой пример другим. *Carta al Emperador*, in *Cartas de Indias*, 430. Я почти не сомневаюсь, что назначение доньи Беатрис было произведено под влиянием епископа. Он, безусловно, поддержал это. Его контроль над леди-губернатором дал бы ему огромную власть в деле защиты туземцев.

[XVIII-6] Чрезвычайное назначение доньи Беатрис в правительство Гватемалы, таким образом, осуждается Гомарой, который делает вывод, что она сама стала причиной своего избрания: "И се хизо хурар для Гуэрнадоры: десуарио, и пресунсьон де мугер, и коза новая для испанцев Индии". *История. Инд.*, 270. Эскамиллья, *Noticias Curiosas de Guat.*, i., заявляет, что она подала в отставку в тот же день, несомненно, имея в виду назначение Куэвы. Ремесаль, которая дает подробный отчет об этих процедурах, также объясняет назначение своим собственным желанием этого, невежливо замечая: "И с учетом того, что это экстремальные условия, связанные с ситуацией в лагримасе, и с защитой Мадара от фальды монгола и плиегуес де ла тока". Единственным несогласным с ее назначением был алькальд Гонсало Ортис, который, вероятно, возражал против этого на основании ее очевидного отсутствия здравомыслия. Хотя половина страницы была оставлена пустой для записи его мнения, она так и не была заполнена. Эта пустая половина страницы все еще существовала в 1615 году. Подпись несчастной дамы по этому поводу была написана так: *La sin ventura* Донья Беатрис. В оригинале через слова Донья Беатрис проведена черта, которая, вероятно, была сделана ею самой во время подписания с целью дать понять, что в будущем она хотела бы, чтобы ее звали Ла Син Вентура. *История. Чьяпа*, 166-8. Этот же автор утверждает на странице 367, что назначение Куэвы вице-королем не было признано городом, поскольку оно не сопровождалось его назначением губернатором. Я не могу согласиться с вышеупомянутыми властями, которые приписывают донье Беатрис такие честолюбивые чувства, находясь в состоянии отчаяния, которому она себя предала, но рассматриваю ее назначение как чисто дипломатическую процедуру.

[XVIII-7] Нижеследующий отчет о разрушении города Сантьяго взят из повествования епископа Маррокина в книге *Пачеко* и *Карденаса, документ.*, iii. 386-8, и из другого, более полного повествования без подписи в *документе.*, 378-86. Овьедо, iv. 27-32, приводит почти дословную копию этого и заявляет: "Estas nuevas truxo á la isla ... Cuba, Johan de Alvarado, sobrino del mesmo adelantado don Pedro, que aportó al puerto de la Habana, desde donde el capitan Johan de Lobera, su amigo é uno de los milites que un tiempo anduvieron con el mesmo adelantado, me escribió todo

lo ques dicho por su carta fecha á quatro de enero de mill é quinientos é quarenta y dos años.' It must, however, be remarked that the letter in *Pacheco* and *Cárdenas* bears unquestionable evidence of having been written in Guatemala. Хуан де Альварадо, который был рекомендован Маррокеном императору на пост губернатора — *Пачеко* и *Карденас*, *полковник Док.*, xiii. 271 — направлялся в Испанию. Я предполагаю, что он был автором этого анонимного отчета о бедствии и позволил Лобере переписать его, который просто заменил первое лицо на третье и переслал его в Овьедо в Санто-Доминго.

[XVIII-8] К сожалению, город занимал место в естественной ложине, спускающейся по склону горы.

[XVIII-9] Берналь Диас (изд. Париж, 1837), iv. 463-4; Эррера, дек. vii. lib. ii. cap. xiii.; Гомара, *История инд.*, 270, записи кабиљдо согласно *Ремесалу*, *История. Чьяпа*, 559, и Васкес, *Хроника. de Gvat.*, 164-5, в качестве даты укажите 11 сентября. Но Маррокин и анонимный автор оба утверждают, что катастрофа произошла в субботу вечером, причем первый источник упомянул, что предыдущий четверг был 8-го.

[XVIII-10] 'Porque las piedras, como diez bueyes juntos, las llevaba como corcha sobre el agua.' *Rel.*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, iii. 383. Огромные камни, принесенные этим потоком, все еще можно было увидеть в городе, когда Берналь Диас писал. (ред. Париж, 1837), iv. 463.

[XVIII-11] 'Y muchos, quebrados brazos y piernas, de que algunos despues han muerto.' *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, iii. 383.

[XVIII-12] Епископ говорит, что вместе с ней погибли восемь "дончеллас", "энтреллас донья Аника, естественная хижина Аделантадо, 5 веков". *Id.*, 387. Обратитесь также к *Гомаре*, *Истории Индии*, *Васкесу*, *Хронике. de Gvat.*, 91, и *Remesal, Hist. Чьяпа*, 175-80. Этот последний автор дает яркий отчет об этой катастрофе, но, по-видимому, в значительной степени опирается на свое воображение. Он утверждает, что имели место неоднократные сильные толчки землетрясения; что высота вулкана Агуа уменьшилась на целую лигу — "Паресио эль-тамэ дескабесадо вна легуа менос де субида" — и допускает общее преувеличение. Что касается землетрясений, то можно сказать, что Ремесал, стр. 559, а также Васкес, *Chron. de Gvat.*, 164-6, приводятся цитаты из книг кабиљдо, датированные 9 сентября 1542 года, следующего содержания: "Вопрос о порке в ано для нуэстрос пекадос, вино эль terremoto и буря в Эсте Сюдад"; и снова на странице 365, из того же протокола, датированного 16 сентября 1541 года: "Вопрос о кванто Диос нуэстро сеньор фу серуйдо "... de embiar tempestad é torro molto a esta Ciudad." Но поскольку ни епископ Маррокен, ни Анонимный автор не упоминают ни о каком землетрясении, я могу лишь заключить, что никакого землетрясения не было, несмотря на запись в книгах кабиљдо через год после события, утверждающую обратное.

[XVIII-13] Погибли один испанец и 60 индейцев, находившихся снаружи. Таков отчет, приведенный епископом. Версия анонимного автора отличается от этой. Он утверждает, что Куэва сбежал из дома и спас себя, забравшись на стену, которая осталась стоять.

[XVIII-14] Анонимный автор, стр. 381-2, называет имена восьми человек и говорит, что погибло более 40 испанцев обоего пола. Епископ, страница 388, упоминает имена двенадцати поселенцев, чьи дома были полностью разрушены или смыты водой, добавляя: "Si bien algunos destos se salvaron"; и далее сообщает нам, что "Murieron, sin los españoles dichos, mas de 600

indios". Васкес утверждает, что около 100 испанцев и более 200 мексиканских и тлашкальских союзников спаслись невредимыми. *Хронология. де Гват.*, 98.

[XVIII-15] 'É gran suma de ganado, que tomó en el monte y otra que tomó en la cibdad, que se vinieron á ella huyendo.' *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, iii. 388. Грязь на улицах доходила почти до самых высоких окон. *Id.*, 383-4.

[XVIII-16] Нет никаких упоминаний о том, что церковь получила повреждения. Часть резиденции епископа была разрушена, что привело к смерти "un bachiller Contreras". *Id.*, 388. По словам Ремесала, останки доньи Беатрис впоследствии были перенесены в кафедральный собор нового города. Со дня ее кончины епископ приказал еженедельно отслужать три мессы за упокой ее души. *Hist. Чьяпа*, 181. Бенцони описывает эту даму как "женщину по-настоящему гордую, тщеславную и надменную", в то время как Альварадо в письме кабиљдо, датированном Пуэрто-де-Кабальос 4 апреля 1539 года, заверяет, что "донья Беатрис эста муйбуэна". *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 179.

[XVIII-17] Их останки были перевезены в 1580 году во францисканский монастырь в Альмолонге. Надпись 1615-17 годов гласила, что здесь были похоронены Хуан де Артиага и двенадцать спутниц жизни, все они погибли вместе с доньей Беатрис в 1541 году. *Переработка, История. Чьяпа*, 181. Эта надпись подтверждается Васкесом. *Хронология. де Гват.*, 96.

[XVIII-18] Епископ, однако, думал иначе. В обращении к народу с целью подбодрить их он сказал: "К вопросу о жизни в буэнос-Айресе, о том, что такое gloria, и о том, что такое смерть в хабии, о том, что такое ависадо в качестве рассказов о фуэземос". *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, iii. 385. Ремесаль бескомпромиссно приписывает катастрофу богохульному языку доньи Беатрис и добавляет, что жители были настолько разгневаны, что хотели бросить ее тело собакам, как тело другой Иезавели. *История. Чьяпа*, 179-80. Васкес рассматривает это обвинение как абсурдное и намекает, что это выдумка Ремесала, который, по его словам, был первым, опубликовавшим подобную историю. *Хронология. де Гват.*, 91. Но этот последний автор также ошибается, поскольку вера, несомненно, преобладала, что доказано анонимным автором на цитированной выше странице *Пачеко и Карденаса*. Мендьета, хотя и склонен оправдывать формулировки, приписываемые донье Беатрис, подразумевает, что это было наказание от Бога, который был недоволен незаконным вторым браком Альварадо. *История. Эклз.*, 390.

[XVIII-19] Берналь Диас, *историк. Verdad.* (ed. Париж, 1837), iv. 467.

[XVIII-20] Никто не осмелился занять несколько оставшихся домов, и на окраине города был построен большой барак как обычное жилище. *Пачеко и Карденас, документ полковника.*, iii. 386.

[XVIII-21] *Переработка, Hist. Чьяпа*, 366.

[XVIII-22] Торквемада присутствовал на одной из таких процессий. He writes: 'iban cada Año, en el mismo Dia, que le corresponde al de el anegamiento (y Yo me hallé én ella vn Año ...) pidiendo á Dios seguridad en la segunda Poblacion, y perdon de averle ofendido.' i. 327.

[XVIII-23] Вскоре после смерти епископа Маррокина этот обычай был прекращен, хотя он оставил фонд для поддержки его соблюдения. *Берналь Диас, историк. Verdad.*, (ed. Париж,

1837), iv. 468-9. Он был учрежден на собрании кабильдо 9 сентября 1542 года.

Остатки, История. Чьяпа, 559. После того, как старая церковь была снесена, процессия направилась к францисканскому монастырю в старом городе. *Васкес, Хроника. де Гват.*, 164-6.

[XVIII-24] *Id.*, 366; *Эскамилля, Заметки о курьезах Гуат.*, ср., 1.

[XVIII-25] Это были ойдор Мальдонадо, Хуан де Альварадо, племянник покойного аделантадо, и Хуан Чавес, житель Сантьяго. *Маррокен, у Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, xiii. 271. Хуан де Альварадо был племянником аделантадо и, по словам Берналя Диаса, отправился в Испанию вместе с Педро, побочным сыном завоевателя, и после этого о них ничего не было слышно. *Ист. Verdad.*, 237.

[XVIII-26] Он рекомендует в качестве достойных джентльменов Санчо де Бараону, конкистадора Эрнана Мендеса и доктора Бласа Кота. *Идентификационный номер*, 376-7. Проконсультируйтесь также с *Remesal, Hist. Чьяпа*, 58-9, 365.

[XVIII-27] 'Hizo mucho daño en las tiendas y mercaderias.' *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, iii. 388. Кабильдо в письме королю, датированном 10 сентября 1543 года, говорит: "perdimos casi todos lo que teníamos". *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 20.

[XVIII-28] Следует помнить, что Альварадо назначил Маррокена своим душеприказчиком. Епископ оправдывает этот поступок необходимостью данного случая. Если бы распределение не было произведено, он уверяет короля, что две трети испанцев уехали бы, но добавляет, что, тем не менее, большая часть индейцев Альварадо была оставлена его детям. *Id.*, xiii. 268-9.

[XVIII-29] На специальном собрании, состоявшемся 27 сентября, присутствовали 43 гражданина, что вместе с властями составило всего 55 человек. Из них 43 проголосовали за удаление, пятеро - против, а у семерых не было выбора. *Juarros, Guat.*, ii. 263.

[XVIII-30] *Переработка, Hist. Чьяпа*, 366. Епископ Маррокен сначала был за то, чтобы переселиться на какие-нибудь высокогорные равнины в двух лигах отсюда, но по причинам, изложенным выше, а также для того, чтобы уменьшить труд индейцев, он изменил свое мнение. *Пачеко и Карденас, документ полковника.*, xiii. 370-1.

[XVIII-31] На открытом собрании, состоявшемся 2 октября, на котором 78 человек были приведены к присяге голосовать без страха и корысти, 49 проголосовали за переезд в Чимальтенанго и 29 - в долину Алотенанго, и прежнее место было официально объявлено будущим местом расположения города. В этот момент прибыл Хуан Баутиста Антонелли, королевский инженер, с инструкциями руководить закладкой городов. Он провел обследование различных населенных пунктов и представил полный отчет о долинах Лас-Вакас, Чимальтенанго, Алотенанго, Мельпас-де-Луис-де-Альварадо и долине Туэрто, или Панчой, и настоятельно рекомендовал выбрать последнюю. *Juarros, Guat.*, ii. 263-6. Helps подозревает, что отчет Антонелли имел отношение к какому-то другому случаю, и дискредитирует его. *Sp. Conq.*, iii. 390. Общую карту Гватемалы смотрите [на стр. 110](#) этого тома.

[XVIII-32] *Хуаррос*, супруг уби. Берналь Диас считал, что либо в долине Петапа, либо в Чимальтенанго была бы более благоприятная ситуация из-за частого разлива реки и землетрясений, произошедших в Панчое. *История. Вердад.*, iv. (изд. Париж, 1837), 467.

[XVIII-33] Кабильдо не раз считали своим долгом принять законы, предотвращающие перегрузку индейцев. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 367-8. Каждый месяц какчикели, находившиеся на иждивении ахпозоциля, были вынуждены предоставлять 1000 рабочих обоего пола для помощи военнопленным на строительстве города. *Какчикель, СР., Брассер де Бурбург, Хист. Нац. Civ.*, iv. 790. Аудиенция и вице-король Мексики приказали нанять индейцев из поместья Альварадо для возведения нового города. Епископ обжаловал этот приказ на основании уже произведенного им распределения, отмена которого вызвала бы большое недовольство. *Carta, у Пачеко и Карденаса, документ.*, xiii. 276.

[XVIII-34] 18 ноября 1541 года кабильдо издал указ, предписывающий обносить участки глинобитными стенами до дня Святого Иоанна, июнь 1542 года, под страхом конфискации. Поскольку указанный срок оказался слишком коротким, он был продлен 21 мая 1542 года до пасхи следующего года. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 365-7.

[XVIII-35] Хелпс, склонный к вольности в своих заявлениях, не цитируя в данном случае никаких авторитетных источников, смело заявляет, что "4 декабря 1543 года испанцы вступили во владение своими новыми квартирами". *Sp. Conq.*, iii. 390.

[XVIII-36] Ремесаль утверждает, что запись в книгах кабильдо на эту дату является первой, указывающей на сессию, проведенную в новом городе; "это пример того, что нужно сделать в установленной форме. *En la ciudad de Santiago de Guatemala, en el asiento nuevo della,* etc. *Исм. Чьяпа*, 368.

[XVIII-37] Отныне называется Сьюдад-Вьеха.

[XVIII-38] *Переработка, Hist. Чьяпа*, 368. Этому автору была подарена картина с изображением города, выполненная капитаном Мигелем де Ортегой по просьбе властей. Он описывает это как изображение поистине прекрасной сцены.

[XVIII-39] *Переработка, Hist. Чьяпа*, 200, 367.

[XVIII-40] Общим желанием было, чтобы был избран губернатор Мальдонадо, но это стало невозможным из-за его назначения президентом новой аудиенции. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 393.

[XVIII-41] Членами были епископ Кристобаль де ла Куэва, Габриэль де Кабрера, Санчо Бараона и Эрнан Мендес де Сотомайор.

[XVIII-42] В этом документе заявители особо указали как на несправедливость ранее принятое постановление, согласно которому только женатые поселенцы могли владеть репартименто. *ID.* Кабильдо еще в феврале 1538 года сделали представление короне по этому вопросу, в котором объяснили трудности и расходы, связанные с приобретением жен из Испании. *Arévalo, Col. Doc. Антиг.*, 13-14. Очевидно также, что в 1543 году кабильдо снова обратились к его величеству по поводу своих претензий, поскольку вице-король Мендоса подтверждает получение "el pliego que venia con ellas para S.M." и добавляет: "yo escribo à S. M. ... haciéndole relacion, como conviene al servicio de S. M. alargar las mercedes y no acortallas". *Id.*, 180.

[XVIII-43] Ремесаль утверждает, что Мендес под различными предлогами откладывал свою поездку и что 8 июня кабильдо отозвал его назначение. По-видимому, ни один другой прокурор не был назначен до 10 сентября 1546 года, когда получение уведомления об отмене новых законов о репартименто сделало такое назначение более ненужным. Позднее кабильдо решил

направить в аудиенсию комиссию для обеспечения его исполнения. *История. Чьяпа*, 394-5. Но я нахожу, что 7 мая 1545 года власти Гватемалы написали королю письмо с просьбой о том, чтобы их прокуратор, посланный протестовать против нового кодекса, был заслушан. *Рукопись Сквайра.*, ххii. 138. А епископ Маррокин в письме от 20 сентября 1547 года упоминает, что вместе с Эрнаном Мендесом в совет Индии было отправлено множество писем относительно его действий с аудиенсией в 1545 году. *Carta al Principe*, in *Cartas de Indias*, 446. Он также утверждает, что Мендес был настроен предвзято против воли общества и равнодушен к Эррере и епископам Никарагуа и Чьяпаса, и что в то время в Испании был еще один прокурор по имени Оливеро. *Рукопись Сквайера.*, ххii. 44-5.

[XVIII-44] Они также рекомендовали, чтобы Дону Хуану, касику Атитлана, и другим, кто помогал в умиротворении страны, было позволено сохранить своих индейцев. Более того, было предложено назначить алькальдов-мэров в Гватемале, Никарагуа и Чьяпасе. *Id.*, 132-3.

[XVIII-45] Кабильдо 30 марта 1548 года поблагодарили императора за эту уступку, о которой был уведомлен их прокурор Ал.^о де Оливерос. *Id.*, 91-2. Однако эта привилегия просуществовала недолго. В 1564 году придворный прокурор попытался добиться принятия закона, устанавливающего бессрочные энкомьенды, но из-за предубеждения существующего совета против колонистов он не осмелился даже затронуть этот вопрос. В 1565 году в Гватемале насчитывалось 72 энкомьенды, которые ежегодно производили 80 000 дукадо. Королевским указом от 28 ноября 1568 года энкомьенды предоставлялись исключительно по заслугам, при этом особое внимание уделялось потомкам первооткрывателей и завоевателей. Но в 1572 году кабильдо пожаловался на непрекращающееся прибытие лиц, обеспеченных королевскими седулами, предоставляющими им энкомьенды по мере того, как они становились вакантными, в ущерб достойным жителям, которые долгое время находились в стране. Попытка получить энкомьенды в бессрочное пользование была прекращена в 1585 году, и было подано ходатайство о продлении их срока на третий срок. Это также было отклонено в 1595 году. *Пелаес, Мэм. Гуат.*, ii. 2, 3. Берналь Диас в последние годы своей жизни представляет себя, как и еще четверых, единственных выживших из солдат Кортеса, пожилым, немощным, очень бедным человеком с большой семьей и небольшим доходом. *Xucm. Verdad.*, 250.

[XVIII-46] Падре Рак в письме епископу Чьяпаса от 20 октября 1545 года упоминает, что касики Тезулутлана и другие индейцы собирались представить ему петицию против огромных податей, которые были наложены на их народ. *Carta*, в *Пачеко и Карденасе, Col. Doc.*, vii. 233-5.

[XVIII-47] *Рукопись Сквайера.*, ххii. 137. В сентябре 1547 года Маррокен услышал, что ойдор Рогель сказал: "Это номбрадо для возвращения", и добавил: "Охала без моря, аора комо-ло-пасадо". *Id.*, 45.

[XVIII-48] Корона отреагировала на это предложение и издала два связанных с ним указа. Маррокен от 4 февраля 1548 года сообщает, что объединение туземных городов уже шло полным ходом и что это было крайне необходимой мерой. *Идентификационный номер*, 89, 92.

[XVIII-49] Президент Серрато описывает Грасиас-а-Диос как населенный пункт, в котором проживало всего 18 жителей, без врача, хирурга или аптекаря, в то время как преобладал большой дефицит как мяса, так и рыбы. Он добавляет, что большинство высказалось за переезд в город Сантьяго. *Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайра.*, ххii. 87-8. Маррокен настойчиво выступал за этот город как за будущую резиденцию *audiencia*. *Id.*, 45, 89, 94.

[XVIII-50] Удаление, несомненно, имело место в 1549 году. Процитированные выше письма Серрато и Маррокена датированы 5 октября 1548 года и 20 сентября 1547 года, 8 февраля 1548 года и 1 августа 1548 года соответственно. Ремезаль называет дату седулы 1 мая 1549 года. *История. Чьяпа*, 503. *Васкес, Хроника. де Гват.*, 222, 16 июня 1548 г.

[XVIII-51] Король королевской седулой от 7 июля 1550 года одобрил покупку епископского дворца для использования аудиенцией. *История. Чьяпа*, 503.

[XVIII-52] Документ, найденный в *Аревало*, *полковник Док. Antig.*, 21-4, имеет дефект и не имеет даты, но, вероятно, был написан вскоре после основания *audiencia de los Congrines* в Сантьяго.

[XVIII-53] 'Formó gran enemistad, y estuvo muchos dias que no quiso ir à misa à la Iglesia mayor.' *Id.*, 22. Разногласия между Маррокином и Серрато назревали уже в 1548 году, поскольку 3 ноября того же года последний сообщил короне, что он и лицензиат Рамирес были в Сан-Сальвадоре, где занимались освобождением рабов и реформированием системы податей, "что касается несравненных людей, то они являются гавийскими хечо эль Опо и эль Лик". Мальдонадо"; и добавляет: "Я луего ... нет ничего особенного в Гватемале, и я вижу, что происходит неправильно". *Al Empr*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 97.

[XVIII-54] Президент Серрато доложил императору 28 сентября 1548 года, что первая аудиенция не соблюдала ни новых, ни старых законов, что с индейцами обращались так же, как раньше, и никаких шагов по их освобождению не предпринималось. *Carta*, в *рукописи Сквайера.*, 80.

[XVIII-55] Он заявил королю, что взимаемая дань была невыносимой и не могла быть выплачена, даже если бы индейцев было вдвое больше, отметив: "ni los Encomenderos guardan lei ni tasacion i los" — индейцы — "разрушители син пьедад". *Id.*, 80, 82.

[XVIII-56] Наказание Серрато некоторых испанцев из Комаягуа за погрузку индейцев вызвало всеобщую бурю оскорблений и осуждений со стороны поселенцев. *Id.*, 82. В то время епископ Маррокин был единственным, кто обладал патентом и, следовательно, юрисдикцией в качестве защитника индейцев; другим епископам пришлось обратиться в аудиенсию, чтобы получить такие полномочия. *Id.*, 83-4. Маррокен в феврале 1548 года обратился к королю с просьбой разрешить ему иметь альгвасил для службы в связи с его протекторством. *Id.*, 90.

[XIX-1] Уже 28 мая 1528 года на строительство церкви были наложены штрафы. *Осмамки, Hist. Чьяпа*, 277; *Хуаррос, История. Гуат.*, 63. Он был посвящен Нуэстра Сеньора де ла Аннунсиасьон, но позже, когда название города было изменено, святым покровителем был выбран Сан-Кристобаль, и это название было сохранено после того, как он был возведен в качестве кафедрального собора. *Осмамки, Hist. Чьяпа*, 274; *Nueva España, Breve Res.*, MS., ii. 390; *Calle, Mem. y Not.*, 122.

[XIX-2] Оба этих священника были армейскими капелланами, последний получил свое назначение от Педро де Альварадо от имени его Величества. Религиозный пыл испанцев в Сюдад-Реале был, мягко говоря, вялым. В 1528 году Педро Гонсалесу было приказано ежедневно служить мессу под страхом потери жалованья. Другое постановление заключалось в том, что граждане должны были посещать церковь в надлежащее время; "Испанский вопрос о том, где находится Эуанджелио аделанте эстуэйер фуэра де ла Иглесия, тене пенья де трес песос"; в то время как третье постановление касалось того, что ни один гражданин не должен был отсутствовать в городе во время рождества, пасхи и троицы под строгим наказанием,

которое было применено к отсутствующим на Рождество в 1535 году. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 275-6; *Мазариегос, Память. Чьяпа*, 44; *Пинеда, Описание. Геогр.*, 128.

[XIX-3] Брат Педро де Баррьентос был назначен настоятелем, и, согласно Пинеде, 129 лет, епископом Маррокином. Кабильдо предоставил монахам право выбора участка, и они выбрали один из них недалеко от Серро-де-ла-Крус по дороге в Чапультепек. Дополнительный участок земли, площадью 130 квадратных шагов, также был выделен им под церковь и женский монастырь. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 436-7; *Хуаррос, История. Гуат.*, 63-4; *Пинеда, Описание. Геогр.*, 129.

[XIX-4] В 1546 году Фраю Маркос наследовал монах Эрнандо де Арболанча. Первый основал скотоводческую ферму недалеко от Копанабастлы, где также построил загородный дом и сахарный завод.

[XIX-5] Согласно Ремезалу, *Hist. Чьяпа*, 202; Гонсалес Давила, *Экономический театр*, i. 189, 14 апреля; Калле, *Память*, 122, 19 мая; Ларрайнзар, *История. Соконуско*, 20, 14 апреля; Пачеко и Карденас, *полковник Док.*, viii. 26, 15 мая. Все эти даты неверны, как видно из копии буллы в *Новой Испании, Breve Res.*, MS., ii. 392.

[XIX-6] *Nueva España, Breve Res.*, MS., ii. 389-92.

[XIX-7] В *Новой Испании, Кратком изложении*, CP., отмечается, что копии этого документа нигде нет, но Ремесаль упоминает его как идентичный документу гватемальского епископства, за исключением exordium. В кафедральном соборе Чьяпаса об этом не сохранилось никаких сведений. См. *Remesal, Hist. Чьяпа*, 202. Персонал собора должен был состоять из декана, архидиана, регента, канцлера и казначея, а также двух каноников и других священнослужителей. *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, i. 189.

[XIX-8] Ремезаль утверждает, что непосредственной причиной его смерти стало принятие ночью яда по ошибке вместо воды. Мазариегос склоняется к мнению, что смертельный укус был сделан, когда Артеага бредил от лихорадки. *Память. Чьяпа*, 45 лет. Согласно *Calle, Memm. y Not.*, 122, Авенданьо был уроженцем Эстепы. Некоторые члены его ордена отправились в Сантьяго, а другие остались в Сьюдад-Реале в нищете, но были обеспечены Маррокином. Они попросили, чтобы им выделяли пособие из доходов этой церкви, но Маррокен отказался это сделать до тех пор, пока не станет известно о решении императора. *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, xiii. 278-9.

[XIX-9] В своем памятнике аудиенции от 22 октября 1545 г., *рукопись Сквайера.*, xxii. 176, Лас Касас претендует на Юкатан и Тезулутлан. 4 Июня 1545 года епископ Маррокен подтверждает получение письма принца, в котором Соконуско назначается Лас Касасу. *Id.*, 121.

[XIX-10] Переработка, *История. Чьяпа*, 223, говорит 9-е; Лас Касас в *Кинтане, Видас*, 184, 10-е; Помогает, *Спан. Конк.*, iv. 302, 4-й.

[XIX-11] *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, vii. 211-14.

[XIX-12] *Лас Касас, Связь с энтрадой*, в *Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, vii. 157.

[XIX-13] 'Donde más excesos y desórden ha habido en hacer injusta é inicua y malvadamente los indios esclavos, ha sido en Guatemala y Chiapa.' *Las Casas, Representacion*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, vii. 168-9.

[XIX-14] Диего Рамирес, бывший посол штата Чьяпас в 1548 году, пишет Лас Касасу под датой 20 апреля 1549 года, что дань, наложенная поселенцами, была настолько чрезмерной, что у многих туземцев не осталось ничего, даже мантии, и их положение было рабским или даже хуже. *Пачеко и Карденас, документ полковника*, vii. 204. Серрато в письме императору от 28 сентября 1548 года сообщает, что в Гватемале и Чьяпасе энкомандерос не соблюдали ни закон, ни установленную дань, но безжалостно уничтожали туземцев. *Рукопись Сквайера.*, xxii. 82.

[XIX-15] Оппоненты Лас Касаса утверждали, что это включало всех рабов, какими бы способами они ни были приобретены. *Лас Касас, отн.*, в *Пачеко и Карденасе, полковом документе.*, vii. 158; *Carta, Аудиенсия, 20 июля 1545 г.*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 111-12. Лас Касас, что это касалось только тех, кто был незаконно поработщен. *Carta, 25 октября 1545 г.*, в *Id.*, 122-3. Но практически это касалось всех рабов, поскольку их законное порабощение было трудно доказать. *Carta, Аудиенсия, 30 декабря 1545 г.*, в *Id.*, 130-1.

[XIX-16] *Лас Касас, отн.*, лат. cit.

[XIX-17] *Лас Касас и Вальдивьесо, Carta, 25 октября 1545 г.*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 122-3.

[XIX-18] *Лас Касас, отн.*, лат. cit.

[XIX-19] В письме от 20 июля 1545 года аудиенция проинформировала императора о действиях Лас Касаса в Сьюдад-Реале и обвинила его в узурпации юрисдикции короны. *Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 111-12.

[XIX-20] *Лас Касас, Carta, 25 октября 1545 г.*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 121; *Id.*, 9 ноября 1545 г., в *Cartas de Indias*, 36.

[XIX-21] Враждебный прием Лас Касаса и его последующее примирение с поселенцами, описанные Ремесалом, *Hist. Чьяпа*, 379-87, я склонен дискредитировать из-за хорошо известных наклонностей этого автора и того факта, что письмо отца Касильяса, *Пачеко и Карденаса, полковника Док.*, vii. 181-2, написанное, когда Лас Касас возвращался из Грасиас-а-Диос, не указывает на такую враждебность.

[XIX-22] Копию письма см. *Пачеко и Карденас, Cold. Doc.*, vii. 290, 338; также *Лас Касас, Произведения*, ii. 120-180; эта последняя версия неисправна.

[XIX-23] *Роблес, Чьяпа*, 27-8.

[XIX-24] *История. Мексика.*, ii. 570 и последующие, эта серия.

[XIX-25] *Рамирес, Картас, 26 апреля 1548 г., 20 апреля 1549 г.*, у *Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, vii. 201-4; *отец Торре, Карта, 3 августа 1548 г.*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 94-6.

[XIX-26] *Хартия, 28 сентября 1548 г.*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 81-2.

[XIX-27] Фрай Антонио де Ремесаль начал историю доминиканской провинции Сан-Висенте-де-Чьяпас-и-Гватемала примерно в середине апреля 1615 года и закончил ее в Оахаке 29 сентября 1617 года. Кроме того, светская история Гватемалы и других провинций, находящихся под юрисдикцией *audiencia de los Congrines*, приводится случайно, но без подробностей. Усердие и настойчивость автора, завершившего за столь короткое время работу над фолиантом объемом в 784 страницы, содержащим большое исследование, замечательны и тем более достойны похвалы по той причине, что это было сделано в условиях яростного сопротивления и множества трудностей. Следует сожалеть, что, вложив столько труда в исследование, он не предоставил библиографический список своих авторитетов. Он сообщает нам, что они состояли из архивов, книг, рукописей, мемориалов, повествований, завещаний и заявлений, которые, как он утверждает, были документами, заслуживающими доверия и подлинными, но опускает их перечисление, "чтобы избежать очень длинного списка". Он был обязан Конде де ла Гомере, президенту аудиенции Гватемалы, за доступ к архивам и официальным документам разных городов. Ему он посвящает свою книгу. Преимущества, которыми обладает Ремесаль в этом отношении, делают эту работу чрезвычайно ценным вкладом в историю Центральной Америки. Его ценность, однако, снижается из-за большого количества типографских и других ошибок, которые он содержит. Это очень важно, особенно когда речь идет о датах. Хотя большое количество из них совершенно очевидно, очень многие инциденты большой важности должны быть проверены относительно времени их возникновения со ссылкой на других авторов. В той части его работы, которая относится к завоеванию Гватемалы, наблюдается много неточностей. Фактически, Ремесаль действовал поспешно и часто предвзято. Его стиль ясен и приятен; свободен от избыточной и раздутой формы, столь распространенной столетие спустя. Он передал свою рукопись Торквемаде, который высоко оценил ее и посоветовал опубликовать. Это произошло в городе Мехико. Но тем временем в другом месте назревала буря. Эта работа никоим образом не пришлась по вкусу определенным партиям в Гватемале. Посредством писем, адресованных в разные части Мексики, но в особенности специальным посланником, который проповедовал крестовый поход против новой истории, эти враги подняли бурю негодования против Ремесала и его книги, особенно в Оахаке. Однако под влиянием разумных и могущественных друзей в Мексике и Гватемале всякое сопротивление было преодолено. См. страницы 747-51 его работы. Автор родился в городе Алларис в Галисии и 9 октября 1613 года, почти через пять месяцев после того, как он покинул Испанию, прибыл в Гватемалу, где был весьма любезно принят доминиканским орденом. За то время, что он оставался в их монастыре, он не смог не понаблюдать за превосходной системой управления, в рамках которой работало общество, и проводил свое время за изучением актов капитулов, проводимых в монастыре. Он был настолько впечатлен совершенством этих законов и постановлений, что приступил к их своего рода обобщению. Во время такой работы ему в руки попал труд о происхождении провинции, написанный монахом Томасом де ла Торре. Это натолкнуло его на мысль заняться историей, которая охватывала бы как светские, так и церковные вопросы. С непобедимым усердием и рвением он довел до конца задуманную таким образом работу. Однажды, страдая от фиброзного абсцесса на лице, он внимательно прочитал за один день всю первую книгу из архива города Гватемала, после того как перенес тяжелую хирургическую операцию на правой щеке. Дважды он объехал всю Новую Испанию, собирая информацию и, в частности, изучая книги кабильдо разных городов. Полученные им таким образом свидетельства во многих случаях, по его словам, расходились с печатными книгами и историями его собственной религии. Авторы этих работ, имена которых он не называет, он, однако, не осуждает, а оправдывает на том основании, что последующие исследования

обязательно приведут к другим описаниям событий. Смотрите его предисловие. Ремесал был бесстрашным писателем. Возможно, у него была некоторая склонность к потомкам завоевателей, но он, не колеблясь, осудил действия первых колонистов, обошелся с Альварадо сурово, осудив его, и поддержал Лас Касаса в отношении жестокого угнетения индейцев. Но к его заявлениям следует относиться с осторожностью, особенно в том, что касается Лас Касаса или доминиканского ордена. Не жалеют усилий, чтобы выставить их на обозрение восхищенных потомков и разоблачить ошибки и порочность их врагов. С этой целью описываются всевозможные вероятные и невероятные ситуации и приключения, в которых религия в конечном итоге торжествует. Многие важные факты замалчиваются или опускаются, истинные версии которых, очевидно, должны были попасть в поле его зрения. Многочисленные речи, проповеди, беседы, даже мысли и чувства ведущих актеров описаны с мельчайшей детализацией, которая поражает, учитывая давность — более 75 лет. Рассказ Бальтасара Гуэрры о судебном преследовании религиозных деятелей можно рассматривать как вымысел, в то время как изобретательность автора имела много общего с изобретательностью оппозиции Лас Касасу в Сьюдад-Реале. Его версия действий Лас Касаса в Грасиас-а-Диос также кажется сильно преувеличенной.

[XX-1] Старая церковь стоила более 10 000 песо, и епископ не только потратил на нее свои собственные средства, но и занял еще 5 000 или 6 000. Он просит короля 20 февраля 1542 года обеспечить своевременную и полную уплату десятины и помочь ему 3000 или 4000 песо на строительство новой церкви, которая уже строится. *Carta*, в *Пачеко и Карденасе, Col. Doc.*, xiii. 272-3.

[XX-2] Васкес, *Хроника. де Гват.*, 153.

[XX-3] Хотя Маррокен выразил согласие с пожеланиями кабильдо, он не одобрял снос церкви и приказал восстановить крышу за свой счет. *Arévalo, Col. Doc. Antigr.*, 190-1. Васкес утверждает, что старый собор был снесен, а материалы использованы при строительстве нового. *Хронология. де Гват.*, 165.

[XX-4] В марте 1545 года Маррокен обратился к королю с петицией о продолжении выделения субсидий новеносам на возведение церкви. Грант был продлен еще на четыре года. В соответствии со вторым запросом, поданным в сентябре 1547 года, грант на два новиноса был продлен на шесть лет. Снова в марте 1548 года епископ попросил помощи в дополнение к уже предоставленным новеносам. *Рукопись Сквайера.*, xii. 45, 91, 138. Васкес утверждает, что строительство церкви продолжалось всего три года. *Хронология. де Гват.*, 153.

[XX-5] Он также жалуется на правительственных чиновников, которые утверждали, что он не имел права на десятину во время своего отсутствия в Мексике с Альварадо в 1540-1521 годах. *Carta*, в *Пачеко и Карденасе, Col. Doc.*, xiii. 274-5.

[XX-6] *Id.*, 273-4. В мае 1547 года епископ Педраса попросил короля увеличить жалованье с 500 000 мараведи до 2000 дукадо, стипендию, предоставляемую епископу Гватемалы и другим. *Рукопись Сквайера.*, xii. 29. В 1540 году королевским чиновникам было приказано изучить вопрос о заработной плате и размере десятины, ежегодно получаемой в каждом епископстве. Если у них не хватало 500 000 мараведи, дефицит должен был быть восполнен из королевской казны. *Повторная версия. de Ind.*, i. 63-4.

[XX-7] Какао составляло главную и самую ценную десятину в епархии. *Id.*, 94. Вопрос о выплате десятины с питы — волокна агавы, из которого изготавливают одежду и т.д., — и бальзама, а также о передаче десятины церквям рассматривался аудиенцией 20 декабря 1545 г. *Id.*, 132.

[XX-8] *Рукопись Сквайера.*, ххii. 92, 4. В декабре 1551 года вице-король Мексики обратился к кабильдо по этому вопросу и выразил свое удивление протестами против уплаты десятины: "что касается божественного и человеческого сына, обязанного платить десятину". *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 181-2.

[XX-9] *Рукопись Сквайера.*, ххii. 44-5, 120-1, 123, 139; *Картас де Индиас*, 19-23, 442.

[XX-10] В 1546 году, согласно *Гонсалесу Давиле, Hist. Ecles.*, i. 149. Васкес утверждает, что монастырь Ла Консепсьон был основан только в 1577 году. *Хронология. де Гват.*, 153.

[XX-11] *Переработка, История. Чьяпа*, 441. Однако Васкес, как цитировалось ранее, утверждает, что первую леди-настоятельницу звали Хуана де Сан-Франциско, подразумевая, что она была францисканкой, а не доминиканкой. Весь рассказ этого автора противоречит версии Ремесала.

[XX-12] Император пожертвовал 2000 дукадо на его основание. *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, i. 152.

[XX-13] *Остатки, История. Чьяпа*, 585. Gonzalez Dávila says that Marroquin 'Dio principio al Hospital de S. Alexo, donde se curã Indios y Españoles, que oy es Hospital Real, en año 1647'—a misprint for 1547—*Teatro Ecles.*, i. 150. Этот госпиталь был основан в пользу индейцев, которые больше не могли служить и которых испанцы имели обыкновение выгонять на улицы умирать, как собак. *Guat., Santo Domingo en 1724*, 55.

[XX-14] *Васкес, Хроника. де Гват.*, 152. Обратитесь также к *Remesal, Hist. Chyapa*, 584-6, где приводится несколько иной отчет. Заявляя о заслугах за свой орден, этот автор представляет индейцев как нежелающих обращаться в больницу Сантьяго, предпочитающих больницу Сан-Алехо. Обе больницы получили щедрую поддержку от короны.

[XX-15] Второе открытие доминиканского монастыря состоялось примерно в июле 1536 года. Хотя Ремесаль на страницах 111, 115 утверждает, что Лас Касас прибыл в Сантьяго в 1535 году, есть положительные свидетельства того, что 1536 год - правильный. В показаниях, сделанных в Леоне 23 августа 1536 года в связи с разбирательством дела Лас Касаса в Никарагуа, свидетель Мартинес де Исагре в своих показаниях упоминает, что падре покинул Леон примерно за два месяца до этой даты. *Informaciones, у Пачеко и Карденаса, полковник. Документ.*, vii. 141, 143. Гонсалес Давила совершает ту же ошибку, что и Ремесал. *Театр Эклз.*, i. 143. Хуаррос прав. *Гуат.*, 264. В Торквемаде, iii. 338, говорится, что монахи Педро де Ангуло, Хуан де Торрес и Матиас де Пас были отправлены из Мексики в 1538 году, чтобы основать провинцию ордена в Гватемале.

[XX-16] Между кабильдо и монахами произошло недоразумение по поводу территории последнего в старом городе. Доминиканцы продали их, но кабильдо, которое объявило участок старого эджидо, посчитало новый грант равноценным обменом на прежние участки, заявило, что монахи не имели права производить такую продажу, и приказало снести построенные ограждения. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 369-70.

[XX-17] Ремесал приводит имена и ранги этих участников. *Идентификационный номер*, 457, 525.

[XX-18] *Торквемада*, iii. 489. 18 января 1533 года я узнал, что Мотилиния был в Теуантепеке вместе с братом Мартином де Валенсией и другими членами ордена, которые подписали там письмо императору. *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii. tom. v. 228.

[XX-19] Именами этих монахов были Алонсо де Касасека, также называемый де лас Эрас, Диего Ордоньес, Гонсало Мендес, Франсиско де Бустильо, Диего де Альва и брат-мирянин Франсиско Вальдерас. *Торквемада*, iii. 338; *Васкес, Хроника. де Гват.*, 42-3, 154, 518-19; *Гонсалес Давила, Ecles Teatro.*, i. 145.

[XX-20] Расходы каждого монаха от севильи до Вера-Крус составили 70 дукадо. *Id.*; *Мендиета, Hist. Эклз.*, 384.

[XX-21] Его преемником был выбран Диего Ордоньес. *Васкес, Хроника. де Гват.*, 51-5.

[XX-22] Васкес утверждает, что они заняли небольшой монастырь, сильно пострадавший от ремонта, построенный францисканцами ранее в стране. "Севентико, что за история с тенью в лиенцо де Хорсоне". *Id.*, 59.

[XX-23] Васкес дает копию распоряжения о выделении, подписанного совместными губернаторами Маррокенон и Куэвой. На нем нет даты, но Васкес предполагает, что оно было вручено в октябре 1541 года, когда распределялись жребии. *Id.*, 167.

[XX-24] Они были заняты трудной задачей сбора индейцев в города. Брат Ордоньес остался руководить монастырем; Гонсало был отправлен к зутугилам; Бустильо и Альва - к Кичесу и Какчикелю соответственно. *Идентификатор.*, 60-7, 77-82, 106-11, 129.

[XX-25] *Мендьета, История. Эклз.*, 384-5; *Торквемада*, iii. 338-9.

[XX-26] Как дата, так и количество монахов являются предметом спора. Торквемада утверждает, что Мотилиния был отправлен в 1542 году в Гватемалу Джакобо де Тестера, генеральным комиссаром ордена, с двенадцатью из 150 монахов, которых он привез в Мексику в том году. *Torquemada*, iii. 337, 339. Он следует за *Мендиетой, Ист. Эклз.*, 385. Фигероа, в *Пап. Францисканцы*, ср., i. № 1, 37 и последующие, поддерживают Торквемаду на сегодняшний день, но утверждают, что число монахов составляло 24. Васкес, от имени *Фонда. de la Prov. de S. Fran^{co} de Guat.*, MS., 1583, *Лизана, История. Юк.*, письмо Мотилинии от 21 октября 1545 г. и протоколы кабиљдо позволяют сделать вывод, что Мотилиния прибыл в Гватемалу в 1544 году с 20 или 24 монахами. *Хроника. де Гват.*, 42-3, 102, 105-6, 440.

[XX-27] Следующим женским монастырем, основанным после этого в Сантьяго, был монастырь в Атитлане Фраем Гонсало в 1541 году; затем последовали другие в Текпанатитлане и Комалапе. *Id.*, 84-5, 340. Существуют некоторые сомнения относительно даты основания францисканской кастодии в Гватемале. Торквемада утверждает, что он был основан в 1551 году, после Мендьеты. Васкес противоречив, указывая в качестве дат 1544 и 1549 годы. *Хроника. де Гват.*, 102, 123, и, кроме того, цитаты на стр. 144-6, *Фонд. Пров. Сан-Франциско*, рукопись 1583 года, следующего содержания: "Диего, что за вопрос в деле: что за провинция Огненная, действующая в качестве Кастодии провинции Санто-Евангелио Мексики". Поскольку это относится к выделению ордена

в провинцию в 1529 году, похоже, что в 1539 году в Гватемале существовала францисканская кастодия. Фигероа, в *Пап. Францисканцы*, ср. i. № 1, 37, в качестве даты указан 1542 год.

[XX-28] Число монахов, отправленных на Юкатан, по разным данным уже цитировавшихся властей, составляло четыре или шесть. Но Маррокен в письме императору от 1 декабря 1545 года утверждает, что Фрай Виллапандо находился на Юкатане с восемью членами ордена, которых он вывез из Гватемалы. *Рукопись Сквайра.*, ххii. 140. Упоминание о трудах Виллапандо на Юкатане см. в *Hist. Mex.*, ii. 452 и далее, в этой серии.

[XX-29] Торквемада, iii. 339. Кабильдо Сантьяго в декабре 1545 года подал прошение о том, чтобы Мотoliniю отправили обратно. Генеральный комиссар в Мексике ответил в феврале 1545 года, что будет отправлено больше монахов, но что услуги Мотолинии более необходимы в Мексике. *Васкес, Хроника. де Гват.*, 105-6.

[XX-30] Там же.; Аудиенция императора, в *РУКОПИСИ Сквайра.*, ххii. 132.

[XX-31] Торквемада, iii. 339, 374-5; Мендиета, *История. Эклз.*, 385.

[XX-32] Многие уехали из-за неспособности справиться с трудностями языков. *Рукопись Сквайра.*, ххii. 39-40.

[XX-33] Сапата, *Хартия*, "Разрушитель и не наставник". *Id.*, 40.

[XX-34] Лас Касас, в *Кинтане, Видас*, 207-8.

[XX-35] Согласно Мотолинии, *Hist. Эклз.*, 259, 268, Фрай Бетансос написал письмо Лас Касасу, приписывая много зла и скандала его поведению.

[XX-36] Означает "земля войны"; название Вера Пас, означающее "истинный мир", было дано ему доминиканцами, потому что они мирными мерами добились того, чего не смогли добиться силой оружия. *Миранда*, в *РУКОПИСИ Сквайра.*, хv. 2; *Хуаррос, Гуат.*, ii. 320-1. Этот последний автор, цитируя Лас Касаса, утверждает, что это имя было присвоено Карлом V. i. 153. Проконсультируйтесь также с *Remesal, Hist. Чьяпа*, 118-24. Местное название написано разными авторами Тузулутлан и Тезулутан.

[XX-37] Теперь называется Дульче.

[XX-38] *Рукопись Сквайера.*, xiv. 1-2. Миранда в 1575 году сообщил ойдору Паласио гватемальской аудиенции, что река Сакапулас отделяет Вера-Пас от провинции Гватемала и что расстояние оттуда до залива Дульсе составляет около 48 лиг, а его наибольшая ширина составляет 27 лиг. Населенная часть составляла лишь треть или четвертую часть его поверхности, поскольку монахи собрали индейцев в города и установили систему торговли. *Рукопись Сквайра.*, хv. 3. На момент написания этих сообщений северная часть, дикая и густо поросшая лесом страна, была — и остается — населена дикими племенами, служившими тогда убежищем для беглых индейцев с Юкатана.

[XX-39] Кинтана предполагает, что нехватка шахт и других ценных ресурсов предотвратила их порабощение. *Vidas, 2ª parte*, 173.

[XX-40] Озаглавлен "*Об уникальном призвании*" и изобилует многочисленными юридическими и теологическими аргументами в пользу его системы мирного завоевания. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 118-21; *Las Casas*, in *Quintana, Vidas*, 2ª parte, 172-3.

[XX-41] Лас Касас, в *Кинтане, Видас*, 238-9. Эти условия были гарантированы Мальдонадо в мае 1537 года согласно Ремесалу. *История. Чьяпа*, 122-3. Они были одобрены аудиенцией Мексики в феврале 1539 года и императором в ноябре 1540 года. *Настоящая Седула, в Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, vii. 146-56.

[XX-42] *Пелаэс, Память Гуата.*, i. 153.

[XX-43] Ремесал дает интересный и романтический отчет о методе, впервые примененном Лас Касасом, но, как я понимаю, это скорее выдумка, чем правдивое изложение фактов. Он представляет Лас Касаса и его коллег как сочиняющих стихи на языке киче, повествующие об основных тайнах католической веры. Они были положены на музыку и разучены четырьмя индийскими купцами, которые имели обыкновение бывать в Тузулутлане. Повелитель Сакапуласа был грозным и могущественным вождем, которого Ремесал называл Доном Хуаном. К нему четверо торговцев обратились с просьбой пойти и спеть свои песнопения, снабдив их различными товарами из Испании, которые могли бы возбудить любопытство. Их приняли благосклонно, а интерес, пробужденный их песнями, новыми подарками, которые они принесли, и их описанием миролюбивых людей, вызвал у надменного вождя желание, чтобы его навестили сами монахи. Соответственно, была запланирована вторая экспедиция, и Фрай Луис Рак был выбран для сопровождения индийских торговцев. Его миссия увенчалась успехом. Касика убедили принять христианство, уничтожить своих идолов и креститься. По возвращении брата Луиса Лас Касас решил еще больше расширить работу лично и в декабре 1537 года посетил дону Хуана в сопровождении брата Ангуло. Затем они продолжили свое путешествие в более отдаленные районы Тузулутлана и Кобана, получив сопровождение от касика, который тщетно пытался отговорить их от этого опасного предприятия. Обращение, с которым они столкнулись, было, однако, в целом благоприятным, и хотя они столкнулись с некоторым противодействием как среди подданных Дона Хуана, так и лорда Кобана, они завершили свое путешествие и вернулись в начале 1538 года. *История. Чьяпа*, 122-4, 135-40.

Проконсультируйтесь также с *Фернандесом, Hist. Eccles.*, passim; Лас Касас, в *Кинтане, Видас*, 174-6; и *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, iv. 793-6. Теперь этот отчет отдает по меньшей мере неточностью. Усилия Лас Касаса и его спутников, предшествовавшие его отъезду в Испанию в 1539-40 годах, были ограничены границами, которые были в определенной степени покорены. В феврале 1542 года епископ Маррокен в письме императору, упомянув о прибытии нескольких доминиканцев, которые привезли с собой "дос сеньорес де ла райя тьерра де герра, в поисках сальерона аль камино", и описав волнение, вызванное чтением королевского указа "эшвида о созерцании брата Бартоломе де лас Касаса и о его связи", использует следующие слова: "Esto confiado, que este pedazo de tierra, que esta la mar del Norte, куйя кабесера из Текулутлана, ха-де-венир и коносименто нуэстра санта-фе, грех ризго ни сангре ни муэртес, и куандо нет, анте ганара к пердере". *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, xiii. 278-9. Это ясно доказывает, что до появления письма Маррокена в духовном завоевании Веры Пас был достигнут лишь незначительный прогресс. Упоминание о двух лордах Огненной Земли и обычае отца Доминго де Вико сочинять стихи о жизни Христа и сюжеты из Священных Писаний для исполнения обращенными индейцами на пирах, как упоминает Ремесал на страницах 611-12, возможно, навело этого автора на мысль о купцах, доне Хуане и лорде Кобана. Более того, в

декабре 1545 года аудиенция проинформировала императора о том, что два доминиканца до мая прошлого года покинули Гватемалу и направились в провинции Тузулутлан и Лакандон, и что, поскольку сообщалось, что их жизни в опасности, Фрай Ангуло отправился им на помощь. Ойдоры также выразили свое неодобрение предложению освободить дона Хуана, касика Атитлана, и других от системы энкомьенды в качестве награды за помощь, оказанную ими в умиротворении этих районов. *Рукопись Сквайра.*, xxii. 131.

[XX-44] В обращении к императору из Мадрида 15 декабря 1540 года Лас Касас сообщает о начале работ и о том, что правители провинций уже тайно договорились с доминиканцами. Он выражает убежденность в том, что страна будет вынуждена признать суверенитет Испании "через Пас, любовь и буэнас обрас". *Полковник Док. Inéd.*, viii. 555-6.

[XX-45] Дата его отъезда из Новой Испании и прибытия на полуостров одинаково неопределенны. Ремесаль утверждает, что он присутствовал на провинциальном собрании своего ордена, состоявшемся в Мексике 24 августа 1538 года, на котором обсуждался вопрос о его миссии в Испанию и было дано разрешение ему, Ладраде и Раку отправиться туда. На той же встрече титул викария доминиканского монастыря в Гватемале был присвоен фраю Ангуло. *История. Чьяпа*, 147, 150. Лас Касас в *Кинтана, Видас*, 178, приходит к выводу, что он прибыл в Испанию в 1539 году. Помогает, *Охват. Сонг.*, iii. 304-7, и *Жизнь Лас Касаса*, 178, утверждают, что он вернулся из Тузулутлана в Сантьяго в мае 1539 года и отправился в Мексику, чтобы посетить капитул, состоявшийся 24 августа 1539 года. Согласно Icazbalceta, *полковник Док.*, i. pp. iv. lxii. 258, Лас Касас находился в Тлашкале в начале 1539 года. Для получения подробной информации о плавании флотов в Испанию и из Испании см. *Id.*, стр. xiv-v. 15 февраля был день отъезда из Вера-Крус в соответствии с указом 1564 года. Ремесаль утверждает, что перед своим отъездом Лас Касас основал компанию Rabinal после зрелых размышлений относительно выбора места, подходящего для его дизайна. Предприятие было чрезвычайно трудным, но благодаря любопытству кочующих туземцев и дружеским приглашениям первых поселенцев число жителей вскоре увеличилось до 500, включая неопитов и других индейцев. В этой работе Лас Касасу помогал брат Луис Рак, который воспользовался возможностью посетить внутренние районы вплоть до городов Кобан. *История. Чьяпа*, 143-4.

[XX-46] Они были соответственно датированы 17 ноября 1539 года и 20 апреля 1540 года. В первом из них он обвиняется в том, что настаивал на освобождении некоторых рабов под страхом наказания за то, что их владельцы были лишены причастия. *Гаваррете, Коп. Документ.*, 41-2. Во втором утверждается, что он путешествовал, а не присматривал за индейцами "que están de guerra" и "nunca los vió". Ni creemos que tuvo inteligencia ninguna con ellos. *Arévalo, Col. Doc. Antur.*, 15-16.

[XX-47] Копию этого указа, датированную 9 января 1540 г., можно найти в *книге Гонсалеса Давилы, Ecles Teatro.*, i. 146-7; и *Remesal, Hist. Чьяпа*, 152.

[XX-48] Этот указ был издан 17 октября 1540 года. Он также предусматривал, что в случае принятия решения о сборе дани Лас Касасом губернатор или епископ должны назначить соответствующее лицо. *Id.*, 153 и далее; *Настоящая Седула, у Пачеко и Карденаса, документ.*, vii. 146-9.

[XX-49] Однако этот указ был издан только 28 января 1541 года. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 155-6.

[XX-50] Основанием для указания этой даты является отрывок из письма, адресованного Раком из Севильи Лас Касасу при испанском дворе. It is as follows: 'Contéles luego el fundamento, que fue todo el suceso de las provincias de la Verapaz, y como S. M., á instancia de vuestra Señoría, me envió allá agora siete años y lo que se hizo con solo dos religiosos.' *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, vii. 185. Это письмо, несомненно, было написано в 1548 году, незадолго до отъезда Рака в его злополучную экспедицию во Флориду, о которой сейчас будет рассказано. Смотрите копию королевского приказа от 28 декабря 1547 года, предоставляющего разрешение, а также помощь экспедиции. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 114-15.

[XX-51] Епископ Маррокин утверждает, что почти весь этот регион до северного моря был завоеван Диего де Альварадо и что там поселилось сто испанцев. Впоследствии они покинули ее, чтобы отправиться в Перу, и в более важных делах, которыми были заняты колонисты, эта суровая провинция была забыта. *Las Casas, in Quintana, Vidas*, 238.

[XX-52] Среди посещенных мест можно упомянуть Сакапулу, "единую страну пуэблос-де-пас, где живут испанцы в сюадад-де-Гватемала", где четыре касика Тезулутлана встретились с епископом. Затем он направился в Патал и Джатик, Кобан и Тезулутлан. *Informacion, у Пачеко и Карденаса, полковник. Документ.*, vii. 216. Из того же документа можно сделать вывод, что на момент визита монахами в стране были: Педро де Ангуло, Луис Рак, Хуан де Сан-Лукас, Фрей Габриэль, Доминго де Вико, Доминго де Аскона и двое других, имена которых не упоминаются.

[XX-53] Маррокин, сообщая об этом визите, позволяет себе недружелюбные замечания в адрес Лас Касаса: "Вы говорите о том, что скрывает изобретения и фантазии, о том, что является сутью и смыслом для меня на самом деле: дело в том, что сегодня учение и фундамент в фабрикадо собре бедокресия и авария, а также о том, как большинство людей относится к делу отца митры". Но я не нахожу, что епископ история Гватемалы ни в одном существенном пункте не отличается от истории епископа Чьяпаса в его изложении. He says, 'y media legua ántes que llegase salió todo el pueblo hombres y mugeres á me recibir con muchas danzas y bailes ... вы страдаете по своей воле и по своему принципу', - и далее признает, что дружеский прием был оказан благодаря методу, принятому монахами. He describes the land as 'la mas fragosa que hay acá, no es para que pueblen españoles en ella por ser tan fragosa y pobre.' *Las Casas, in Quintana, Vidas*, 238-9. См. также *Маррокен, Хартию, в РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 139-40. Мотилиния также утверждает, что Лас Касас представлял Веру Пас как обширную и густонаселенную страну, но что она была и на десятую часть меньше, чем он представлял. *Las Casas, in Quintana, Vidas*, 243.

[XX-54] "El tributo в том, что агора невыносима, када очента диас досьентас и цинкуента мانتас, куарента и зикипилес какао, и ло де ла сементера, и крео в том, что это за люди в лас-минас-лос-официалес". Он также утверждает, что с помощью воинов, взятых из тузулутлана, недалеко от Гватемалы был основан город вдвое большего размера. Что касается дани, то он выразил надежду, что она, во всяком случае, будет сокращена до двух выплат в год: одной в день святого Иоанна, а другой на Рождество. *Пачеко и Карденас, документ полковника.*, vii. 231-6. Тем не менее, на неумеренную дань жаловались много лет спустя. В 1551 году был издан королевский указ с целью уменьшения бремени. В 1568 году аудиенции Гватемалы было приказано уменьшить дань, выплачиваемую индейцами Вера-Паса, поскольку касики направили петицию короне; а в 1577 году аудиенции снова было приказано уменьшить дань. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 702-3.

[XX-55] Корона снабдила Рака 800 дукадо, на которые было закуплено десять тонн товаров для торговли с индейцами. Перед своим отъездом монах отправил Лас Касасу три письма, первое из которых было датировано 9 февраля, а второе - 14 февраля. Ни в одном из них не указан год, но нет никаких сомнений в том, что они были написаны в 1548 году. Копии этих писем можно найти у *Пачеко и Карденаса, полковник. Документ.*, vii. 184-201.

[XX-56] Тамже. Ремесал утверждает, что Рак не взял с собой спутников из Испании, но что он выбрал из доминиканского монастыря в Мексике трех монахов и брата-мирянина. *История. Чьяпа*, 515. Однако не может быть сомнений, что двое из них сопровождали его из Испании. См. *Пачеко и Карденас, документальный документ*, vii. 199.

[XX-57] Оба Фернандеса, *Hist. Ecles.*, 150-1, и Remesal, *Hist. Чьяпа*, 515-16, приписывают последовавшую катастрофу действиям капитана, который, как они утверждают, был хорошо осведомлен о том, что он не выполнял желания Рака. Лас Касас также утверждает, что капитан знал об опасности, но отказался высаживаться дальше под предлогом того, что четыре испанские армии высадились в этом месте, не встретив сопротивления. *Oeuvres*, i. 405.

[XX-58] Ремезаль расширяет тему трагедии. Он утверждает, что касик из соседней деревни был опечален тем, что убитых монахов не взяли живыми, чтобы он мог поговорить с ними, и что он приказал содрать с жертв шкуры и растянуть их на стенах своего дома, в то время как их головы были набиты ватой и подвешены к дереву. He then adds 'y comieronse la carne en vn gran combite, despues de muchos bayles y fiestas.' *Hist. Чьяпа*, 516. Согласно тому же автору, между 1566 и 1600 годами иезуитами, доминиканцами и францисканцами были предприняты четыре безуспешные попытки обратить Флориду в христианство. В ходе этих усилий погибли почти все миссионеры. Во второй попытке францисканцев они закрепились в стране, и в 1612 году генеральный капитул в Риме основал провинцию под названием Санта-Елена. *Идентификационный номер*, 518-19. Давила Падилья, 179-89, утверждает, что брат Луис Рак был уроженцем Сарагосы в Испании. Он происходил из знатной семьи и был сведущ в различных областях науки. Сначала он отправился в Эспаньолу, оттуда в Пуэрто-Рико, где основал монастырь, а несколько лет спустя отправился в Гватемалу. И этот автор, и Фернандес, *Hist. Ecles.*, 150, утверждает, что во время путешествия из Мексики в Испанию он был захвачен турецкими пиратами, но получил выкуп. Судя по его письмам, Рак был целеустремленным и набожным миссионером, преисполненным религиозного пыла и настроенным на успех.

[XX-59] Лас Касас, *Произведения*, i. 405-6. Его ярый противник Мотилиния в своем письме королю от 2 января 1555 г., настаивая на необходимости нести Евангелие во Флориду, замечает: "но не так, как Лас Касас". *Icazbalceta, Col. Doc.*, i. 255.

[XXI-1] 14 января, согласно *Vasquesy, Chron. Gvat.*, 222; очевидно, до начала марта. См. *Кесаду, Carta*, 25 мая 1855 г., в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 1-3.

[XXI-2] Кесада в своем письме, процитированном выше, сообщает, что работа завершена.

[XXI-3] жалование различных должностей должно было быть фиксированным; в каждом городе должен был быть общественный дом, сейф для хранения их избыточных заработков, тюрьма, тариф, записи и счета имущества несовершеннолетних и умерших; им должны были быть выделены земли; должен был регулироваться способ выплаты дани; и, прежде всего, они должны были быть проинструктированы. *Кесада, Carta*, округ Колумбия.

[XXI-4] *Торрес, Carta*, 17 ноября 1555 г., в *РУКОПИСИ Сквайра.*, ххii. 6.

[XXI-5] *Каваллон, Carta*, 27 февраля 1555 г., в *РУКОПИСИ Сквайра.*, ххii. 7.

[XXI-6] *Торрес, Carta*, 8 ноября 1555 г.; *Торрес, Carta*, 17 ноября 1555 г.; *Карденас, Carta*, 6 декабря 1555 г., в рукописи *Сквайра.*, ххii., 5-7.

[XXI-7] Его главной особенностью было кровотечение из носа, от которого не было найдено никакого средства. Страна почти обезлюдела. *Васкес, Хроника. Гват.*, 157. *Хуаррос, Гуат.* (изд. Лонд. 1823), 148.

[XXI-8] Они убили четырех человек, не считая священника, который пытался предотвратить захват войска, оставались там почти две недели и взяли много пленных. Вице-король Новой Испании был немедленно уведомлен. *Веласко, Carta*, 30 сентября 1558 г., в *РУКОПИСИ Сквайра.*, х. 1, 2.

[XXI-9] *Хартия*, 18 февраля 1555 г., в *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 25.

[XXI-10] 'Que no solo le era licito al Rey hazerles guerra, sino q̃ en conciencia estaua a ello obligado, y para a defender a sus subditos totalmente destruyra los de Lacandon.' *Remesal, Hist. Чьяпа*, 616.

[XXI-11] *Переработка, История. Чьяпа*, 621 год, говорит, что многие бежали в направлении Юкатана через большую реку, соединенную с озером, которое Пелаес, *Мем. Guat.*, i. 161-2, предполагает, что это были Сакапулы.

[XXI-12] В 1638 году Пинело говорит, что неизвестно, был ли Пучутлас в озере Лакандон или в другом озере. *Родственник И. Фэнкур* на своей карте, прилагаемой к *истории*, помещает город к северу от Л. Лакандона. Другие карты этого региона не пытаются передать его местоположение. При составлении моей карты этого региона я опирался на этот и другие источники. Давила говорит, что экспедиция отправилась в путь с целью посетить провинции Лакандон, Почультра, Катану и Тофилте-пекена. *Relacion, у Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, хvi. 327.

[XXI-13] Это согласно Хуарросу, хотя он и не дает нам своих полномочий для такого утверждения. *Гуат.*, i. 259.

[XXI-14] *Переработка, История. Чьяпа*, 622, благочестиво отмечает, что экспедиция была предопределена Богом для спасения одной-единственной души, души младенца, "Все в порядке соло, сеньор нуэстро во время салюара, альма предопределинада, ниньо в одиночестве, квинце диас, халладоле, испанский атташе, кон внаэта ле баутиз антес, эспирасе". *Pelaez, Мет. История. Guat.*, i. 159-64, придерживается более практического взгляда, принятого в тексте.

[XXI-15] *Переработка, История. Чьяпа*, 523-645, является главным и первоначальным авторитетом в описании вышеупомянутых событий, и мы очень сожалеем, что у нас нет другого источника, с которым можно было бы сравнить его заявления. Во всех последующих описаниях этой экспедиции их авторы прямо или косвенно следовали за Ремесалом. Виллагутьерре, *История. Конк. Ица.*, 51-80 лет, буквально копирует его. *Pinelo, Relacion*, 2-4; *Juarros, Guat.*, 258-9; *Pelaez, Мет. Хист. Гуат.*, i. 159-64, все следуют за ним. *Сквайр, Цент. Амер.*, 554-61, следует за Вильягутьерре и Пинело.

[XXI-16] *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 26. Васкес, *Хроника Гват.*, 222, говорит, что он был назначен 28 ноября 1558 года.

[XXI-17] Девушки без приданого были обеспечены, провизия стала обильной и дешевой, и как испанцы, так и индейцы были довольны. *Кармас, в Аревало, полковник Док. Антиг.*, 28, 30.

[XXI-18] 'Mandó que diesen los indios cierta cantidad de pescado cada semana, no habiendo rios ni mar dentro de diez y doce leguas. Mandó con pena ... que no vendiesen las gallinas por más de un real, valiendo á dos reales, y sino quisiesen venderla á real, dió licencia que los españoles se la tomasen por fuerza.' *Las Casas, Representacion in Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, vii. 163.

[XXI-19] *Las Casas, Representacion*, loc. cit.; *Remesal, Hist. Чьяпа*, 624-6; *Кабиљдо, Carta*, 12 февраля 1563 г., в *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 36.

[XXI-20] *История. Чьяпа*, 639.

[XXI-21] *Переработка, История. Чьяпа*, 646.

[XXI-22] 'Que se le envie à mandar tenga especial cuidado del bien é aumento de los que en esta cibdad é provincias viven.' *Carta, Jan. 26, 1562, in Arévalo, Col. Doc. Антиг.*, 32. В другом письме они просили короля, чтобы при назначении губернаторов предпочтение отдавалось тем, кто имеет опыт работы в Индии, поскольку с новым губернатором всегда приходило много слуг, иждивенцев и родственников, которых нужно было обеспечивать, в ущерб более достойным завоевателям и поселенцам. *Хартия, 12 февраля 1563 г., в документе*, 36.

[XXI-23] Пишется Брисеньо через *Remesal, Hist. Чьяпа*, 646; Брисеньо де Кока, также Брисеньо, *Хуарроса, Гуат.*, i. 354; ii. 49; принятая здесь орфография взята из писем кабиљдо в *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 39, 45.

[XXI-24] Пресвитер ... и визитатор провинций Попаян и Гватемала. *Эскамилья, Нет. Кн.*, ср., 2.

[XXI-25] В конце июля, по словам Ремесала, *Hist. Чьяпа*, 646; 12 февраля 1565 г., согласно Хуарросу, *Guat.*, ii. 49. В январе 1564 г. кабиљдо ожидали его прибытия. В декабре следующего года они говорят, что он прибыл 2 августа предыдущего года, "дель аньо пасадо", что, очевидно, ошибка, поскольку имеется в виду тот же год.

[XXI-26] *Кабиљдо, Carta*, 20 декабря 1564 г., в *Аревало, полковник Док.*, 39. Ремезал, *История. Чьяпа*, представляет правление Ландечо как очень коррумпированное; что Бризеньо поместил его под арест в его собственном доме и что, чтобы избежать штрафа в 30 000 песо, он тайно бежал к побережью, сел на корабль и погиб в море. Ремесал также заявляет, что все оидорес были отстранены от работы, за исключением одного, имя которого он не называет, и все оштрафованы на суммы от 3000 до 9000 песо. Хуаррос вкратце излагает рассказ Ремесала о коррумпированном правлении, аресте, штрафе, побеге и смерти Ландечо, а также о наложении штрафов на других оидорес, включая Лоаису, который, по его словам, был оставлен на службе. Однако в отчете о прибытии Бризеньо он приводит популярное предание о том, что визитатор сначала пришел переодетым и представился только настоятелю монастыря Милосердия, у которого он поселился. Узнав из личных наблюдений и бесед об истинном положении дел, он направился в город Петапа, откуда объявил о своем прибытии аудиенции и кабиљдо. Процитированное выше письмо кабиљдо не подтверждает ни одну из этих версий. It says: 'De la

visita resultó quedar suspendido el Presidente y Gobernador que en ella estaba, juntamente con el Lic. Jufre de Loaisa Oidor.'

[XXI-27] Кукуруза продавалась по непомерной цене в четыре стоуна за фанегу, и группы мужчин и женщин разъезжались по стране в поисках работы, достаточной для того, чтобы добыть пропитание. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 641, 645.

[XXI-28] Частные дома, церкви и монастыри были сильно повреждены; многие индейцы были погребены под развалинами своих домов, а жители были вынуждены жить во временных убежищах или под открытым небом, в то время как возносились постоянные молитвы, чтобы умиловить божественный гнев. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 647; *Хуаррос, Гуат.*, i. 88; ii. 353.

[XXI-29] Протокол заседания Кабильдо, 29 января 1580 г., цитируется Ремезалом, *Hist. Чьяпа*, 559-60.

[XXI-30] В это время Франсиско дель Валье Маррокин исполнял обязанности прокурора в суде города Гватемала. В письме от 20 февраля 1564 года он сообщил кабильдо, что вопрос о передаче аудиенции уже решен, и примерно месяц спустя написал, что из-за недовольства, с которым прокурор Перу покинул суд, совет счел это благоприятной возможностью для передачи аудиенции. *Маррокен, Кармас*, цитируемый в записке Пелаэса. *История. Гуат.*, i. 164-6. В 1563 году была основана аудиенция Кито. *Декадас, у Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, viii. 35. Вышеизложенные факты, по-видимому, подразумевают, что перенос аудиенции имел некоторую связь с политическими изменениями в Перу. Какими бы ни были мотивы короны для принятия этой меры, они были слишком срочными, чтобы на них повлияло мощное влияние, оказанное против этого изменения, на что указывают письма Маррокена.

[XXI-31] Переработка, *История. Чьяпа*, 646, указывает 17 мая 1564 года в качестве даты первого указа, а Хуаррос, *Guat.*, ii. 49, 17 сентября 1563 года. Даты, принятые здесь, приведены в *Panamá, Reales Cédulas*, в *Pacheco и Cárdenas, Cold. Doc.*, xvii. 531-2.

[XXI-32] *Маррокен, Carta*, 20 февраля, США, и *Панама, Реалес Седулас*, США,

[XXI-33] *Кабильдо, Кармас*, в *Аревало, полковник Док. Antig.*, 37-40; *Panamá, Cédulas Reales*. loc. cit.; *Remesal, Hist. Чьяпа*, 646-7. Хуаррос, *Гуат.*, i. 259-60, говорит, что печать передал Ойдор Лоайса.

[XXI-34] *Кабильдо, Карта*, 12 марта 1570 г., в *Аревало, полковник Док. Antig.*, 43-4, упоминает аудиенсию как уже находящуюся в Сантьяго. *Ремесал, История. Чьяпа*, 657-8 бис, говорит, что Гонсалес был назначен 28 июня 1568 года, но что он нашел указы от 27 сентября 1567 года и 3 марта 1568 года, адресованные аудиенции Гватемалы. Согласно этому же автору, аудиенция прибыла 5 января 1570 года. Хуаррос, *Guat.*, i. 260; ii. 50, указывает 28 июня 1568 г. и 25 января 1569 г. в качестве дат указов о смещении аудиенции, а в датах назначения Гонсалеса и прибытия аудиенции в Сантьяго следует Ремесаль.

[XXI-35] *Память. История. Гуат.*, i. 169. См. также *Juarros, Guat.*, ii. 50; *Remesal, Hist. Чьяпа*, 658-бис. Одорами, составлявшими аудиенцию, были лиценциаты Юфре де Лоайса, Вальдес де Каркамо и Кристоаль Аскета. Смотрите последние два цитируемых источника.

[XXI-36] *Carta*, in *Arévalo, Col. Doc. Антур.*, 44-5. Переработка, *Hist. Чьяпа*, 659 лет, говорит, что он был с честью оправдан и вернулся в Испанию, где за ним следует Хуаррос, *Гуат.*, i. 260.

Эскамиллья, *Нет. Кур.*, мисс, говорит, что Бризеньо отправился в Санта-Фе-де-Богота в качестве президента этой аудитории.

[XXI-37] Ремесал иногда называет его Доминго де Ара. Давила говорит, что он составил словарь языка Чьяпас.

[XXI-38] 1590 год, говорит Фернандес, *Hist. Ecles.*, 114, но приведенная выше дата подтверждается Давилой, *Театром Эклес.*, 197; *Concilios Prov.*, i. 325, и Ремезалом, *Hist. Чьяпа*, 653.

[XXI-39] Согласно Calle, *Mem. y Not.*, 125, епископство было основано в 1556 году. Гонсалес Давила, *Ecles Teatro.*, i. 171-2, говорит, что Ангуло был назначен 21 апреля 1560 года и умер в Заламе, Вера-Пас, по пути в Гватемалу для посвящения. Ремесаль говорит, что он получил свое назначение в Гватемале в начале 1560 года; принял его 21 апреля; отправился оттуда в Мексику; в следующем году получил приказ своей епархии ожидать прибытия быков для его посвящения; и что в марте или апреле 1562 года умер в Заламе, Вера-Пас, по пути в Гватемалу. Королевским указом от сентября 1560 года аудиенции было приказано выплачивать ему обычные 500 000 мараведи до тех пор, пока у него не будет достаточной десятины для содержания. Я считаю этого автора более надежным, чем другие, поскольку он писал ранее, был доминиканцем и имел больше возможностей для получения информации.

[XXI-40] Кабиљдо, *Carta*, 26 января 1564 г., в *Аревало*, полковник Док. Антиг., 38-9.

[XXI-41] Фернандес, *История. Ecles.*, 116, говорит, что отец Педро де ла Пенья последовал за Ангуло, затем Карденасом, и что отец Антонио де Эрвиас, доминиканец, был епископом в 1570 году. Calle, *Memm. y Not.*, 125, ставит Пенью на второе место и говорит, что он был отправлен в Перу в 1580 году; что Эрвиас правил в 1583-90 годах, а Карденас был назначен в 1595 году. Остатки, *Хист. Чьяпа.*, 702-4, называет Хервиаса преемником Карденаса в 1583 или 1584 году, затем Кастро и, наконец, Росильо. Это был последний названный епископ, по словам Ремесала, который добавляет, что, находясь в Гватемале в 1614 году, епископ Кабесас сказал ему, что тогда обсуждалось объединение епископства Вера-Пас с епископством Гватемалы. Порядок наследования, приведенный Ремесалом в отношении Эрвиаса, подтверждается Мендиетой, *историком. Ecles.*, 548, самый надежный автор и житель Новой Испании, где он писал в 1575-96 годах.

[XXI-42] 18 апреля, согласно Хуарросу, *Guat.*, i. 276, и после продолжительной болезни, согласно Васкесу, *Chron. Гват.*, 149-50. См. также Кесаду, *Хартию*, 25 мая 1555 г., в *РУКОПИСИ Сквайра.*, xxii. 5.

[XXI-43] Васкес, *Хроника. Гват.*, 149-50; Гонсалес Давила, *Театр Эклес.*, i. 150; *Concilios Prov.*, 1555, 1565, 285.

[XXI-44] Переработка, *Hist. Чьяпа*, 654; Хуаррос, *Гуат.*, i. 276; Васкес, *Хроника. Гват.*, 190.

[XXI-45] Переработка, *История. Чьяпа*, 587-600; Васкес, *Хроника. Гват.*, 133-7; Кесада, *Carta*, 25 мая 1555 г., в *РУКОПИСИ Сквайера.*, xxii. 3-4.

[XXI-46] Переработка, *Hist. Чьяпа*, 532-7, 560-3; Фернандес, *История. Ecles.*, 142; *Dávila Padilla*, *Hist. Франция. Мексика.*, 110-11.

[XXI-47] *Переработка, Hist. Чьяпа*, 500, 520-3, 578-84, 596-601, 613-14, 626-7, 636-9, 642-7; *Хуаррос, Гуат.*, ii. 98-9.

[XXI-48] *Мендиета, История. Эклз.*, 382-5; *Васкес, Хроника. Гват.*, 144-9, 179, 223; *Коголвдо, Hist. Юкатан*, 326.

[XXI-49] *Мендиета, История. Ecles.*, 386; *Relacion*, в *Пров. Сто Евангелио*, ср., 1; *Васкес, Хроника. Гват.*, 129-37, 147, 182-4, 224-6; *Хуаррос, Гват.*, ii. 99-100, 106.

[XXI-50] Основными обвинениями, по-видимому, были пренебрежение наказанием за печально известные злоупотребления духовенства, "наличие в его доме определенных женщин, которые не были ни его сестрами, ни кузинами; и получение взяток через своего племянника и одну из женщин, молодую и с сомнительной репутацией". *Остатки, Hist. Чьяпа*, 656.

[XXI-51] В августе 1569 г., согласно *Хуарросу, Гуат.*, стр. 277; в *Санта-Ане, Сан-Сальвадор*, согласно *Гонсалесу Давиле, Ecles Teatro.*, стр. 153. См. также *Кабильдо, Carta*, 9 июля 1567 г., в *Аревало, полковник Док. Antig.*, 41-2; *Остатки, Hist. Чьяпа*, 654-65; *Васкес, Хроника. Гват.*, 194-200; *Хуаррос, Гват.*, i. 276-8.

[XXI-52] *Переработка, Hist. Чьяпа*, 706; *Хуаррос, Гуат.*, i. 277-8.

[XXI-53] В Гватемале он предстал перед аудиенцией и потребовал возмещения ущерба. Для расследования был послан судья, и он сообщил о злоупотреблениях, свидетелями которых был сам епископ Гомес; о полном незнании местной речи, так что они с радостью признавались в этом любому приезжему священнику, и о категорическом отказе местных жителей назначить эль-сеньора кура своим опекуном. *Васкес, Хроника. де Гват.*, 243.

[XXI-54] Жители Сан-Хуан-де-Комалапа, Сан-Франциско-де-Текпан, Гватемала, Ла-Ассумпсион-де-Текпанатитлан, Сан-Мигель-де-Тотоникапан и Эспириту-Санто-де-Кесальтенанго. *Васкес, Хроника. де Гват.*, 261.

[XXI-55] Также существовало шесть доктрин, принадлежащих ордену Мерсед, и 22 - падре клеригосу. *Мендьета, Ист. Эклз.*, 386.

[XXI-56] Кабильдо просил короля о 200 прочных нагрудниках (petos); 500 шлемах (celedas ó morriones); 400 кольчугах (cotas); 400 аркебузах и т.д. Многие из них будут куплены гражданами, а остальные останутся на попечении аудитории. Порох нельзя было производить в Гватемале из-за нехватки селитры и т.д., и они попросили у Мексики ежегодную субсидию в размере двенадцати центов. *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 69-70.

[XXI-57] "Лиценциадо Руэда, покойный президент audiencia, собирается уехать в Испанию. Он тщательно исполнял свои обязанности и обеспечивал хорошее христианское правление, о чем свидетельствуют документы, связанные с перспективой его поведения, присланные доктором Санде". *Сантьяго Кабильдо* (16 февраля 1595 г.), в *Аревало, полковник Док. Antig.*, 80. Сравните это с *Juarros, Guat.*, 261. "Президент де ла Руэда был наказан за то, что так плохо обращался с религиозными людьми во время своего правления. Он впал в состояние идиотизма, выбежав из дома без одежды в деревню, где ел траву, как быки, и оставался в таком состоянии до самой смерти." Во время правления Руэды через Лос-Эсклавос был построен мост. Он был 128 ярдов в длину, 18 в ширину и имел одиннадцать арок. В том месте, где он был построен, река была большой глубины, и сообщение между столицей и восточными провинциями часто

прерывалось из-за разлива. *Хуаррос, Гуат.*, 239-41 (изд. Лондон., 1823). *Мекс. и Гуат. Кондера*, 201.

[XXI-58] То, благодаря чему назначение "выбывшего с поля" было возложено на кабиљдо. Офис приносил большую прибыль, и его обязанности выполнялись каждым членом по очереди. Кабиљдо пользовался этой привилегией по королевскому разрешению в течение многих лет, его концессия была предоставлена седулой от 9 июля 1564 года и подтверждена одним из них от 21 апреля 1587 года. *Juarros, Guat.*, 129. (Лондонское изд-во, 1823.)

[XXI-59] Санде приехал в Мексику в качестве алькальда аудиенсии. В 1575 году он был назначен губернатором Филиппинских островов и занимал эту должность до 1580 года, после чего стал оидором Мексики. *Датос, биограф.*, в *Картас-де-Индиас*, 840-1.

[XXI-60] Предоставление королем половины годовой дани с энкомьенд, которые пустовали в течение десяти лет, оказало большую помощь в открытии этих портов. Президент присылает карту порта и страны на расстояние более 15 лиг вокруг него. *Сантьяго Кабиљдо, Карта аль-Рей* (20 апреля 1591 г.), в *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 77-8.

[XXI-61] В качестве примера масштабов, до которых могла бы вырасти торговля какао, можно упомянуть, что в Сальвадоре на площади в две квадратные лиги было собрано 50 000 партий какао на сумму 500 000 песо. *Дворец, Реликвия в Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, vi. 15.

[XXI-62] Паласио упоминает сильное потрясение, произошедшее в 1576 году, в результате которого были разрушены дома и погибло несколько человек. В письме королю он рассказывает, что видел большой фрагмент церковного фасада, который отлетел на значительное расстояние. *Связь с Пачеко и Карденасом, полковник Док.*, vi. 23-4, 59.

[XXI-63] *Понсе, рел. де Лас Касас в полковом документе. Инед.*, lviii. 140.

[XXII-1] Испанское слово *Cimarron* в первую очередь означает "дикий" применительно к растениям и "неукротимый" применительно к животным; отсюда уместность эпитета. Симарроны сыграли несколько заметную роль в последующих бедах страны, и их не следует путать с племенем индейцев с похожим названием, Симеронами, упоминаемыми в *Native Races*, iii. 794 этой серии. Ошибка, однако, допущена автором книги *Дрейк, Кавендиш и Дампир*, 60, а также Бидвеллом, *Панама*, 53. Гарсиласо де Вега, *История. Перу*, ii. 466, говорится, что эпитет возник на Наветренных островах — "вокабло языка островов Барловенто".

[XXII-2] Гарсиа де Эрмосильо сам был очевидцем одного из многочисленных злодеяний симаррона в 1554 году, когда были убиты восемь человек, включая сына одного из судей Индийского суда в Севилье. *Эрмосильо, Мемориал аль-Рей, Рукопись Сквайера.*, xxi. 15.

[XXII-3] Гарсиласо де ла Вега, *История. Перу*, ii. 466, называет его Баллано.

[XXII-4] Урсуа был уроженцем одноименного города в Наварре. Он отправился в Новую Гранаду со своим дядей, лицензиатом Майклом Диасом де Армендарисом. *Пьедрахита, История бытия*, 530. Из его карьеры после этой войны мы узнаем, что он отправился в Лиму, откуда после различных служб в 1561 году был отправлен исследовать богатые бразильские леса в окрестностях Рио-Мараньон, где встретил свою смерть от рук своих соотечественников.

[XXII-5] В качестве иллюстрации, закон 1540 года, касающийся правонарушений и наказания за них, гласит: "Мандамуос, кто виноват в изгнании негров, симарронес ла пенья де кортарлес лас партес, кто честен, но не виноват номбрар". В городах неграм не разрешалось выходить на улицу после наступления темноты; нельзя было носить оружие, и любой, кто поднимал оружие против испанца, даже если не было нанесено ран, мог получить травму. сто ударов плетью и гвоздь, вогнанный в руку. За повторное преступление преступнице отрубали руку. Негритянкам не разрешалось носить украшения, жемчуг или шелк, если они не были замужем за испанцем. Свободные негры должны были платить дань в соответствии с имуществом. *Замора, Нагрудник. Лег. Конеч., iv. 461-7.*

[XXII-6] Под датой 31 июля 1561 года король написал аудиенции по этому поводу, заявив, что его посол в Лондоне сообщил ему, что португалец по имени Бартоломе Байон снаряжает судно для перевозки африканских рабов в Вест-Индию, и приказал его арестовать. *Реалес Седулас, в "Пачеко и Карденасе, полковник Док., xvii. 540-1.*

[XXII-7] Неграм и мулатам было запрещено находиться среди индейцев в 1578 году. *Реалес Седулас в книге "Пачеко и Карденас, полковник Док., xvii. 501-2.* В 1589 году было приказано, чтобы ни один негр не нанимал индейца или каким-либо образом плохо с ним обращался. Нарушение этого закона каралось 100 ударами плетью. Если преступление повторялось, виновному отрезали уши. В случае свободного негра наказанием было 100 ударов плетью и вечное изгнание. Осведомителям выплачивалось вознаграждение в размере 10 песо, а хозяева, пренебрегающие соблюдением закона, подлежали штрафу в размере 100 песо. *Замора, Нагрудник. Лег. Конеч., iv. 462.*

[XXII-8] *Реалес Седулас, в "Пачеко и Карденасе, полковник Док., xvii. 4-7.*

[XXII-9] В 1585 году количество кораблей составляло 71; в 1587 году 85; в 1589 году 94; в 1592 году 72; в 1594 году 56; в 1596 году 69; в 1599 году 56; в 1601 году 32; в 1603 году 34; в 1605 году 17. *Панама, Дес., в Пачеко и Карденасе, полковник Док., ix. 103.*

[XXII-10] 4 августа 1574 года король пишет президенту и руководителям аудиенции в Панаме, что он хочет, чтобы жители провинции сделали ему подарок или ссуду для удовлетворения его неотложных потребностей. Зрители, однако, должны обсуждать эту тему так, как если бы она исходила от них самих, даже не намекая на то, что король сам напросился на это. "Тратареис делло комо из высшего офиса, син дар а-предприниматель, который является главным для ордена и мандадо Нуэстро". Влияние епископа должно быть задействовано, если люди, по-видимому, не желают что-либо предпринимать до дальнейшего сообщения от короля. *Реалес Седулас, в "Пачеко и Карденасе, полковник Док., xvii. 510.*

[XXII-11] Испанский торговец в письме от 28 августа 1590 года пишет: "Здесь я оставался эти 20 дней, пока корабли не отправились на Филиппины. Мое намерение состоит в том, чтобы перевезти туда свои товары, ибо постоянно сообщается, что за каждые сто дукатов человек без промедления получит 600 дукатов. Мы должны остаться здесь, в Панаме, с августа до Рождества. Ибо в августе, сентябре, октябре и ноябрьских числах здесь зима, и на этом побережье Перу крайне скверная погода, и невозможно добраться ни до Филиппинских островов, ни до какого-либо другого места в Южном море. Так что на Рождество корабли начинают отправляться в свое путешествие по этим местам. *Война Хаклюта., iii. 564.*

[XXII-12] Королевская седула от 11 ноября 1578 года запретила перевозку манильских галантерейных товаров. Это подтверждается седулами от 12 января 1593 года, 5 июля 1595 года, а также 13 февраля и 13 июня 1599 года. Цель состояла в том, чтобы полностью прекратить всю торговлю между Филиппинами и Огненной землей. *Мемориал в Маниле, в Пачеко и Карденасе, документ полковника*, vi. 444. Седула 1593 года полна и недвусмысленна: "Терпимость и злоупотребления привели к неоправданному увеличению торговли между Вест-Индией и Китаем и, как следствие, к сокращению торговли Кастильского королевства. Чтобы исправить это, снова приказано, чтобы ни с Огненной Земли, Перу, ни где-либо еще, за исключением Новой Испании, ни одно судно не направлялось в Китай или на Филиппинские острова для торговли". *Реалес Седулас, в Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xvii. 420. См. также *Decadas, Id.*, viii. 114. Еще одна седула с тем же эффектом была выдана 25 июля 1609 года; лицензия все еще действовала в отношении Новой Испании по просьбе севильских купцов, чьи интересы были поставлены под угрозу. Португальцы основали фабрики в Китае и, хотя продавали свои товары по более высоким ценам, чем китайские, могли недооценивать испанских купцов, которые сами желали завести китайские товары и продавать их в колониях по своим собственным ценам. *Бабушка. Манила, в Пачеко и Карденасе, документ полковника*, vi. 405-6.

[XXII-13] На встрече, проведенной чиновниками казначейства и городского совета Панамы 29 января 1600 года, было решено, что, поскольку в прошлые годы ввоз и продажа перуанского вина были запрещены, следует издать указ, вводящий в действие это правило и назначающий штрафы для тех, кто его нарушал или смешивал такое вино с вином, импортируемым из Испании. Предполагаемая причина - вредное качество вина. Этот указ также должен был быть опубликован в Лиме, Трухильо, Кито и Гуаякиле. *Реалес Седулас, в "Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xvii. 216-18. На последующем заседании, состоявшемся 12 апреля 1600 года, торговля перуанским вином была осуждена из-за того, что она является источником убытков для королевской казны. *Id.*, xvii. 221.

[XXII-14] Наказаниями за нарушение этого закона были большие штрафы и изгнание; а в случае негритянских правонарушителей, связанных или свободных, штрафы должны были быть удвоены, и вдобавок 200 ударов плетью должны были быть нанесены публично нарушителю, будь то мужчина или женщина. Аптекарям разрешалось держать под рукой два фунта этого товара и не более. *Повторное описание. Ind.*, ii. 66.

[XXII-15] Городской совет принял постановление, согласно которому в будущем торговцы не должны приобретать определенные товары в большем количестве за один раз, чем предусмотрено в нем. Вино, масло, ветчина, сахар, горох, фасоль, свиное сало, Никарагуа патока, сыр, изюм, инжир и посуда входят в число указанных товаров. Покупатели должны были предъявить свои товары перед судом. Постановление было передано в аудиенцию и было полностью одобрено и приведено в исполнение 11 декабря 1592 года. *Реалес Седулас, в "Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xvii. 233-7.

[XXII-16] "Здесь большая нужда ... в провизии, потому что здесь почти ничего нельзя достать ни за какие деньги, по той причине, что из Лимы нет доставки с маисом.... Но я могу подтвердить, ваше преосвященство, что здесь все очень бедственно и что мы находимся в крайней нужде из-за нехватки продовольствия". Письмо из Панамы, 12 августа 1590 года. *Война Хаклута.*, iii. 563.

[XXII-17] 18 февраля 1595 г. вице-королю приказано не препятствовать доставке провизии из долин Трухильо и Санья в город Панама и следить за тем, чтобы Панама была хорошо снабжена.

Обзор. de Indias, ii. 64. Аналогичный приказ был издан 18 февраля 1597 года. *Реалес Седулас*, в "Пачеко и Карденасе, полковник Док.", xvii. 339-60.

[XXII-18] См. *Историю. Цент. Амер.*, i. 377, 409-11, эта серия.

[XXII-19] 'Il peut le vendre à qui bon lui semble; mais pour l'ordinaire il le cède à son maître pour un prix modique.' *Raynal, Hist. Фил.*, iv. 200.

[XXII-20] Он посетил острова в 1594 году и обнаружил, что они населены испанцами и неграми-рабами, "которых держали только для ловли жемчуга". *Харрис, полковник Вой.*, i. 746.

[XXII-21] Расходы фактически превысили поступления — "у пескерии лас-порласа, сэр лас-Коста, что касается эль-провечо". *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, iv. 81. В благополучные дни в движении было задействовано около 30 бригад. *Id.*, ix. 81.

[XXII-22] *Ариза, Дариен*, CP., 33.

[XXII-23] *Дампир, Вой.*, i. 158; *Огилби А.М.*, 235; *Харрис, полковник Вой.*, i. 748. "Город Панама ежегодно получал несколько тысяч фунтов золота.... В рудниках Санта—Мари — неподалеку — больше золота, чем в пределах того же Пространства в любой другой части Новой Испании, а возможно, и во всем Мире. *Span. Етр. в Америке.*, 210-13. Мы имеем представление о работе рудников в отчете о расходах в связи с тем, что около пятнадцати из них работали в интересах короля. На них были заняты, помимо надсмотрщика, кузнеца и его помощника, сто негров, из которых семьдесят были недавно привезенными африканцами, и треть от общего числа составляли женщины.' Общие расходы за год составили чуть меньше 20 000 долларов. Несколько статей расходов приведены в документе Верагуа,, *Relac. de лас Минас*, в документе полковника. *Inéd.*, xxxi. 365-72.

[XXII-24] *История. Cent. Am.*, i. 418, 441, эта серия.

[XXII-25] Одна выдержка покажет пристрастность этого отчета. 'Que del dicho Nombre de Dios al dicho de Panamá van 18 leguas por tierra por un camino muy trabajoso de muy grandes lodos y calores, y pasan un rio, y la primera jornada 112 veces ó mas en un dia.' *García Hermosillo, Mem. in Extr. Suelos*, xxi. 28-9.

[XXII-26] Мемориалы были представлены кабильдо 22 декабря 1559 г., 17 мая 1561 г. и снова 26 января 1562 г., когда они осудили Номбре-де-Диос как "la Sepultura de Españoles". *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 27-33.

[XXII-27] Этот мемориал не датирован, но Сквайер говорит, что он был написан в 1565 году. *Анион, Дискурс*, в *РУКОПИСИ Сквайра.*, v.

[XXII-28] *Пан. Описание.*, у Пачеко и Карденаса, полковник Док., iv. 108-9. Его первоначальное название было Сан-Фелипе-де-Пуэртовело. *Purchas, Pilgrimes*, v. 889, ошибочно указывает 1584 год в качестве даты удаления.

[XXII-29] Некоторые врачи приписывали эти заболевания употреблению перуанского вина, несмотря на уже упомянутые запреты. To a statement made by the councillor of the corporation to the city council of Panamá a medical report is appended which reads thus: 'Muchas calenturas ardientes y podridas, muchos dolores de costado, cámaras de sangre, romadizo y otras

indisposiciones de calor y humedad, por ser esta tierra mui caliente y húmeda por cuya razon hierva dentro de las venas, y humedeciendo el cerebro causa vahidos, y las dichas enfermedades arriba referidas, y granos, y virùelas, y sarampion y ronchas. Fecho en Panamá en onze de Abril de mil y seiscientos.'*Reales Cédulas*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, xvii. 219-22.

[XXII-30] *Реалес Седулас*, в книге *Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, xvii. 531-2; подтверждено *Васкесом, Chron. де Гват.*, 222-3, и *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, ix. 89-90. *Хуаррос, Гуат.*, утверждает, что он не получал королевского одобрения до 7 июля 1565 года. В начале 1560 года была издана королевская седула, наделяющая правительство Огненной земли полномочиями президента аудиенции, проживающего в Панаме. Народ Гватемалы сопротивлялся этим изменениям так долго, как только мог, и для придания этой мере полной силы были необходимы другие мандаты. См.*Reales Ced.*, в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, xviii. 531-2, и *Decadas*, в *Id.*, xiii. 36-38.

[XXII-31] Специальная седула от 30 июля 1588 года о назначении Гарсии де Мендосы вице-королем уполномочивает его принимать участие в заседаниях аудиенции и председательствовать на них, но не вмешиваться в вопросы, связанные с отправлением правосудия. *Пачеко и Карденас, документ полковника.*, xvii. 467. Другие седулы, выпущенные в 1614, 1620 и 1628 годах, подтвердили ту, что была выпущена в 1571 году. Первый из этих трех указов также сделал провинции Чаркас и Кито подчиненными вице-королю Перу.*Резюме. de Ind.*, ii. 109-10; *Замора, Биб. Leg. Ult.*, iii. 357; *Монтекларос, Relacion*, у *Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, vi. 191.

[XXII-32] Король упоминает об этом факте и поручает президенту аудиенции периодически проверять счета чиновников казначейства, составленные одним из оидоров. *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, xvii. 410.

[XXII-33] Президент аудиенции заявил королю, что семья находится в нужде и что деньги с них взыскать невозможно, после чего его величество приказал взыскать их с поручителей. Этот документ датирован 8 июля 1580 года. *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, xvii. 487-8.

[XXII-34] В 1595 году путешественники без паспортов посетили Перешеек в таком количестве, что вызвали нехватку провизии, и часто среди них были мужчины, чьи услуги были необходимы в армии. Ойдорам пригрозили штрафными санкциями, если не будет проведена реформа в этом вопросе. *Реалес Седулас*, в " *Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xvii. 410.

[XXII-35] *Эррера*, дек. iii. библиотека. х. глава. ix. Еще в 1526 году этот вопрос получил специальное уведомление от императора, и в последующие годы было принято множество постановлений, но, по-видимому, без особой цели.

[XXII-36] Испанский посланник в Лондоне в резких выражениях выразил протест против поведения Паркера, но безрезультатно. Королева Елизавета не только оправдала его поступок, но и тепло похвалила его. *Дариен, Шотландская колония*, 56 (1699).

[XXII-37] *Реалес Седулас*, в " *Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xvii. 395-7, 432-3, 490, 522-3.

[XXII-38] См. [стр. 49](#) этого тома. для получения карты территории.

[XXIII-1] В " *Жизни Дрейка*" Кларка, 7 и " *Английском герое*" Бертоне, 11 говорится, что в квартире губернаторского дома была стопка серебряных слитков длиной 70 футов, шириной 10 и высотой

12 футов, и что пленники сообщили, что в сокровищнице было больше золота, драгоценных камней и жемчуга, чем могли унести их башенки; но следует отдать должное живому воображению этих хронистов.

[XXIII-2] Отчет, приведенный в книге Хаклюта *"Война"*, iii. 778-9, существенно отличается от отчетов других авторитетных источников. История рассказана португальцем, неким Лопесом Вазом, чье повествование, как сообщают нам хроники, "было перехвачено вместе с автором на реке Плейт капитаном Уизрингтоном и капитаном Кристофером Листером во флоте, отправленном почтенным эрлом Камберлендским в Южное море в 1586 году". Он утверждает, что Дрейк высадился со 150 людьми и разместил 70 из них в форте близ Номбре-де-Диос, а с остальными вошел в город; что жители бежали в горы, но они не смогли захватить город. что отряд из 14 или 15 испанских аркебузирова дал залп по англичанам, убив их трубача и ранив Дрейка в ногу. После этого, по его словам, англичане отступили к форту, но обнаружили, что он брошен; после того, как стрельба прекратилась и сигнал остался без ответа, люди, оставшиеся на посту, отступили к своим лодкам, думая, что их товарищи либо убиты, либо взяты в плен. Затем Дрейк и его последователи побросали оружие и вплавь добрались до башен. Крайне маловероятно, что 80 английских каперов под командованием такого капитана, как Дрейк, вот так покорно отступили бы перед горсткой испанцев.

[XXIII-3] Острова и Порт Бастиментос, согласно Хуану Лопесу, сыну Томаса Лопеса де Варгаса, знаменитого испанского космографа, на карте, подготовленной первым в 1789 году для использования послом Испании в Великобритании. На карте, следующей за введением к книге Дампира *"Вой."*, опубликованной в 1699 году, это слово пишется аналогично и применяется к группе островов у Номбре-де-диос. Беллин, *Карта фон дер Эрдэнге*, Панама, 1754 г., согласен с Дрейком, но, как и Лопес, помещает группу примерно на полпути между Номбре-де-Диос и Портобелло. Автор книги *"Жизнь и опасная война". о Дрейке*, 16, говорится "Остров Бастимиенсис или Остров провиантов". См. *Картографию Тихоокеанских штатов*, ср., и *Историю. Цент. Ам.*, я. пассим, эта серия.

[XXIII-4] Этот визит на остров Пинос не упоминается в книге Кларка *"Жизнь Дрейка"*, но подробно описан в книге Бертон *"Английский герой"*, 26. В последней работе утверждается, что захваченных припасов было достаточно, чтобы прокормить силы численностью в 3000 человек, и не исключено, что так оно и было, поскольку галеоны сейчас находились у побережья, а Исла-де-Пинос был обычным местом хранения провизии.

[XXIII-5] На карте, подготовленной Хуаном Лопесом, эти острова расположены в нескольких милях к востоку от мыса Сан-Блас и названы "Острова Кабесас-Каутивас". Бертон также называет их Кабесас, а Кларк - Катива.

[XXIII-6] В книге Бертон *"Английский герой"*, 41 год, утверждается, что было проведено посмертное исследование тела Джозефа Дрейка, который умер от этого несчастного случая, и что "печень была раздута, а сердце как у мальчика".

[XXIII-7] В отчете Лопеса Ваза, в книге Хаклюта *"Война"*, iii. 179, утверждается, что с Дрейком, помимо негров, было 100 англичан. Это явная ошибка, поскольку имеются неопровержимые доказательства того, что он покинул Плимут всего с 73 людьми, и у него могло быть мало шансов набрать свои силы, кроме как у симарронов; хотя, как отмечает автор книги *Дрейк, Кавендиш и Дампир*, 59, он, возможно, получил подкрепление с судов, с которыми встретился у побережья.

[XXIII-8] Симарроны носили два разных вида оружия: одно представляло собой стрелу, заостренную железом, рыбьей костью или твердым деревом для использования против испанцев, другое - дротик с железным наконечником весом от полутора фунтов до одной унции, предназначенный для охоты на дичь, металл был хорошо закален и достаточно остер, чтобы глубоко вонзиться в плоть оленя или дикого кабана. *Английский герой Бертон*, 43-4. Смотри также *Жизнь и война. о Дрейке*, 37-8.

[XXIII-9] Автор книги "*Избранные любопытные войны.*", iv. 15, утверждает, что Дрейк прибыл на вершину этой горы через десять дней после того, как покинул город симарронов. По данным других источников, этот срок составлял семь дней.

[XXIII-10] "Панамские дамы обычно уговаривали охотников и птицеловов ловить любопытных птиц в этой стране, чтобы те могли их обнаружить". *Английский герой Бертон*, 49.

[XXIII-11] Сокровище было переправлено из Панамы в Крусес ночью, чтобы избежать дневной жары на открытой местности, лежащей между ними.

[XXIII-12] Вента-Круз по данным *Бертон* *жизнь Дрейка*, 18, *Бертон* *английский героя, и жизни и вой. Дрейка*, 42 года, и Венты де Крузес на карте, изображенной на стр. 1 в книге *Дампира "Война"*. Вероятно, оба они идентичны Cruces, или Крузесам, как это написано на карте на стр. 137 из *Esquemelin, Hist. Буканьерс*, в котором не упоминается такое место, как Вента-Крус. Хуан Лопес на упомянутой выше карте называет это место Сан-Франциско-де-Крусес.

[XXIII-13] Согласно Кларку и Бертону, две лошадиные силы серебра; но, скорее всего, это был неблагородный металл, содержащий примерно столько серебра, чтобы он стоил перевозки.

[XXIII-14] Симарроны часто нападали на поезда. "От *Вента-Крус* до *Номбре-де-Диос* они всегда идут со своим Сокровищем днем по свежим прохладным Лесам, если только *Симероны* не заставляют их потеть от страха, что часто случается, и поэтому их Рекоши (так называют мулов и погонщиков мулов, путешествующих в компании) охраняются душегубами". *Английский герой Бертон*, 49. Смотри также *Жизнь и война. Дрейка*, 42.

[XXIII-15] В книге *Бертон "Английский герой"*, 56, 57 говорится, что в Номбре-де-Диос за родами обычно через несколько дней следовала смерть младенца, но что дети, родившиеся в Крусесе, воспитанные там до шестилетнего возраста, а затем доставленные в Номбре-де-Диос, обычно отличались хорошим здоровьем. Смотри также *Жизнь и война. Дрейка*, 47.

[XXIII-16] Лопес Ваз в *Хаклюте, Вой.*, iii. 770, утверждает, что были убиты пять или семь купцов и что город был подожжен, при этом было уничтожено имущество стоимостью более 200 000 дукатов. Если это действительно произошло, то, несомненно, дело рук чимарронов, но в других источниках об этом нет упоминаний.

[XXIII-17] В "*Английском герое*" *Бертон*, 70 лет, и в "*Жизни и войне*". о 57-летнем *Дрейке* говорится, что они сидели по пояс в воде и что каждая волна заливала их до подмышек. Управлять плотом и управлять им при таких обстоятельствах, даже если они избежали того, что их смыло за борт, было, безусловно, замечательным достижением мореплавания.

[XXIII-18] В повествовании старых хронистов на этом этапе присутствует некоторая путаница. В книге *Кларка "Жизнь Дрейка"*, 20, рассказывается, что "фрегату", который плыл с экспедицией в Рио-Франциско, было приказано остановиться в устье реки, в то время как из-за мелководья

люди поднимались по течению на лодках; но с какой целью совершалось путешествие на плоту, если это было так, и зачем оставлять судно в таком незащищенном месте? В книге *Бертон* "Английский герой", 66, утверждается, что корабль был оставлен (отправлен обратно) в Кабесас, и, стр. 71, что, когда Дрейк приблизился со своими катерами, его люди "вернулись на свой фрегат, а оттуда прямо на свои корабли"; но согласно этому источнику, оба корабля и "фрегат" уже были в Кабесасе, где они были в безопасности от испанских крейсеров.

[XXIII-19] Дрейк сделал много других снимков, перечисление которых было бы утомительным для читателя. По словам *Бертон*, в то время между Картахеной и Номбре-де-Диосом торговали более 200 судов водоизмещением от 10 до 120 тонн. Большинство из них, по его словам, захватили англичане, а некоторых - дважды или трижды. Кларк об этом не упоминает; но автор *Воу. История. "вокруг света"*, глава 44, утверждает, что англичане захватили более 100 судов всех размеров.

[XXIII-20] *Война Хаклюта.*, iii. 526-28.

[XXIII-21] Во время путешествия Дрейк зашел в бухту Пунта-де-лос-Рейес на побережье Калифорнии, которая до сих пор носит его имя. Здесь он провел пять недель, курил местный табак с индейцами и вступил во владение страной, назвав ее Новым Альбионом.

[XXIII-22] "Который был понедельником по справедливому и обычному счету тех, кто остался дома в одном месте или стране, но по нашим расчетам был днем Лордов или Сондей". *Мир Дрейка охватывал*, 162.

[XXIII-23] Впоследствии сосуд был разобран, а стул, сделанный из дерева, был подарен Карлом II библиотеке Оксфордского университета. Здесь поэт Коули восседал на троне и пил вино, пользуясь случаем, чтобы произнести по этому поводу какой-нибудь мерзкий стишок, завершающийся строками (адресованными председателю):

"Полосы Времени слишком узки для тебя,

Отправляйся в неизведанное море,

И направляйся бесконечным курсом бескрайней Вечности,

Возьми в качестве своего Паруса этот Стих, а в качестве Лоцмана - меня".

Можно почти пожалеть, что председатель не поймал его на слове, ибо хороший корабль заслуживал лучшей участи.

[XXIII-24] Хотя Дрейк потерял почти треть своих сил, вероятно, была какая-то дополнительная причина, по которой он отказался от экспедиции после таких слабых усилий. Его поведение странным образом контрастирует с неутомимой настойчивостью, которую он проявлял в других предприятиях. Возможно, он получил приказ возвращаться в Англию, поскольку следует помнить, что в 1587 году испанская армада была готова к отплытию и что ее отплытие было отложено до следующего года из-за смелого нападения Дрейка на гавань Кадиса, во время которого он уничтожил около сотни судов.

[XXIII-25] В 1585 году, через несколько дней после того, как Роберт Лейн, оставленный во главе колонии, по малодушию заставил ее покинуть ее, к заброшенному поселению прибыло судно,

отправленное Рэли, нагруженное припасами. *Соединенные Штаты Бэнкрофта*, i. 102, 103. "Эти люди, которых таким образом вернули обратно, - говорит Уильям Кэмден, - были первыми, насколько я знаю, кто привез в Англию то индийское растение, которое они называют tabacca и nicotia, или табак, который они использовали против грубости, научившись этому у индейцев. Конечно, с того времени он стал пользоваться большим спросом и продаваться по высокой цене, и за короткое время многие мужчины повсюду, кто ради распутства, кто ради здоровья, с ненасытным желанием и жадностью втягивали его вонючий дым через глиняную трубку, которую вскоре они снова выдували через ноздри; так что табачные лавки теперь стали таким же обычным явлением в большинстве городов, как пивные и таверны." *"Жизнь Дрейка" Барроу*, 207, 208.

[XXIII-26] Хокинс, которому сейчас от 75 до 80 лет, был богатым торговцем и судовладельцем, проработал 48 лет тяжелой службы, в основном на море, и носил звание вице-адмирала. Следовательно, непонятно, чего он должен был добиться, приняв участие в такой экспедиции. Его продвижение по службе, по-видимому, скорее связано с влиянием, полученным в результате унаследованного богатства, чем с какими-либо замечательными качествами командира. Назначенный королевой для плавания у берегов Испании вместе с Фробишером во главе сильной и хорошо укомплектованной эскадры, он вернулся, не взяв ни единого приза. После этого он написал письмо с извинениями своему государю, в котором извинился, используя цитату: "Павел сажает, Аполлос поливает, но Бог дает приумножение". Прочитав его, Елизавета воскликнула: "Божья смерть! Этот дурак ушел солдатом, а вернулся домой богословом".

[XXIII-27] Назван Баскерфилдом в *"английском герое" Бертоне*, 199.

[XXIII-28] Следует помнить, что Елизавета Английская взимала налоги, не особо прислушиваясь к голосу своего парламента.

[XXIII-29] Выстрелом, унесшим стул Дрейка, были ранены трое его офицеров, сидевших за его столом. Хокинс умер от болезни, когда флот покинул Пуэрто-Рико.

[XXIII-30] "Второго января мы вернулись в Номбре-де-Диос; наши люди так устали от трудностей пути, измучились из-за отсутствия обуви и изнемогли от своего рациона, что мы оказали бы врагу плохую услугу, окажи он нам сопротивление". *Война Дрейка.*, в *Хаклюте, соц. полковник*, 16. "В этом марше пара шу продавались за тридцать шиллингов, а Бисквитный пирог - за десять шиллингов, настолько велика была их нужда как в одежде, так и в съестных припасах". *"Английский герой Бертоне"*, 205.

[XXIII-31] В стихотворении Лопе де Веги "Dragontea" встречаются такие строки:

'Mirad la disventura y la ruina

De aquel hombre atrevido y indomable:

Mirad que triste genero de muerte

Del cuerpo el alma a los infiernos vierte.'

Вега заявляет, что Дрейк был отравлен его собственными людьми. Душа великого мореплавателя, возможно, была менее сильно уязвлена такой клеветой, чем глупыми стихами,

написанными в его честь его собственными соотечественниками. В *"Достойных" Фуллера* встречается следующее:

'Religio quamvis Romana resurgeret olim,
Effoderet tumulum non pute, Drace, tuum,
Non est quod metuas nec te combusserit ulla
Posteritas, in aquâ tutus ab igne manes.'

Но самая прискорбная болтовня из всех содержится в *"Жизни Дрейка" Кларка*, 71 год:

Великий Бог Доблести, Гром Войны:

Любимец Беллоны: Марс рыцарства:

Кровавый чемпион Энио, Которого боятся враги:

Величественный Фарос Славы, Воплощение Достоинства:

Жемчужина Юпитера, Гордость жемчуга, Гордость врага, Недруги врага:

Испанию Сотрясает Лихорадка, Регент Wars Thunder:

Неустршимый Дрейк, имя, вызывающее удивление:"

Работы, опубликованные Обществом Хаклюит, и *"Повторные английские и гиберникарианские летописи"*, *"царствующая Елизавета"*, Уильяма Камдена, Лондон, 1589 г., вероятно, содержат наиболее достоверную информацию о нескольких экспедициях Дрейка в Вест-Индию, хотя ни то, ни другое не свободно от ошибок. *"Жизнь и смерть сэра Фрэнсиса Дрейка" Кларка*, Лондон, 1671 г., и *"Английский герой"* Бертон, Лондон, 1687 г., представляют собой в основном компиляции, хотя и представляющие значительную ценность, поскольку оба автора имели доступ к источникам информации, недоступным в настоящее время широкой публике. Последняя работа выдержала не менее 23 изданий, и все же мы находим, что начальные строки предисловия беззастенчиво скопированы из книги Дрейка *"Окруженный мир"*, в *Hakluyt Soc.*, 5 (первоначально опубликованной в 1628 году). *Жизнь и опасные путешествия Дрейка* позаимствованы в основном у Бертон. *"Жизнь Дрейка" Барроу*, Лондон, 1843 г., хотя и является недавней публикацией, содержит несколько копий писем, написанных Дрейком, и частично была составлена по рукописям, хранящимся в Британском музее, государственном бумажном бюро и архивах Мадрида.

[XXIV-1] В шести милях от провинции Никарагуа.

[XXIV-2] Эти рудники, принадлежавшие Хуану де Авиле, находились в деревне Херес, или Чулутека. *Кабаллон, Carta*, в *РУКОПИСИ Сквайра.*, ххii. 7-8.

[XXIV-3] Повстанцы намеревались захватить корабли в Реалехо и оттуда проследовать в Панаму и Перу, следуя программе, изложенной братьями Контрерас. *Эррера*, дек. viii. библиотека. х. глава. хх.

[XXIV-4] *Молина, Коста-Рика*, 39-43. Он черпает свою информацию из трех королевских седул, датированных августом 1561 года.

[XXIV-5] *Коста-Рика, Carta del Cabildo*, в *РУКОПИСИ Сквайера.*, vi.

[XXIV-6] Никоя была присоединена к Коста-Рике в 1573 году, хотя вопрос о праве на ее владение был окончательно решен только в нынешнем столетии.

[XXIV-7] Он потратил 10 000 песо, как впоследствии было доказано перед juez visitador в Сантьяго в 1565 году. *Coronado Probanza*, в *Пачеко и Карденасе, документ полковника.*, xiv. 485-503.

[XXIV-8] К западу от нынешнего Картаго и к северу от Алахуэлы.

[XXIV-9] Теперь написано Votos. К северу от Алахуэлы и к западу от вулкана де Барба находится вулкан с таким названием. Посмотреть на карте *Молина, Боскехо-де-Коста-Рика*.

[XXIV-10] Теперь, вероятно, *Асерри*. Есть две деревни с таким названием: одна к югу от Сан-Хосе, а другая примерно на таком же расстоянии к юго-западу от Картаго. Посмотреть на карте в *Молине*.

[XXIV-11] Стоимость всего полученного к настоящему времени количества не превышала 300 песо. *Давила, Родственник*, в *Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xvi. 328-41.

[XXIV-12] Перед своим отъездом он оценил местное население в 30 000 или более человек. *Давила* называет это число всего 5000.

[XXIV-13] *Газтела, Настоящий титул*, у *Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, xi. 124.

[XXIV-14] *Молина, Боскехо-де-Коста-Рика*, даже не упоминает Коронадо, но переходит от администрации Кабальона в 1560 году к администрации Черино. Тем не менее, назначение Коронадо подтверждается многочисленными официальными документами того периода и рассказом *Давилы*.

[XXIV-15] Подробное изложение этих инструкций приведено в *Коста-Рика, Настоящая инструкция*, в *Пачеко и Карденасе, Документ.*, xvii. 559-65.

[XXIV-16] Личный состав этой экспедиции описан в *Артьеде, Коста-Рика*, в *книге Пачеко и Карденаса, полковник. Документ.*, xv. 261-300.

[XXIV-17] Among those present were Fray Diego de Molina, vicar; Francisco Pavon, captain; Juan Gonzalez Delgada, 'Escribano de la Gobernacion dicha Ciudad, é publico del Cabildo de ella' (meaning of the city of Artieda); Pedro de Avendano, sargento mayor; Tomás de Barahona, maestre de campo; and Diego de Zárate, alcalde ordinario. *Коста-Рика, Аконтесимьенто*, в *Пачеко и Карденасе, документ.*, xvii. 570.

[XXIV-18] *Ponce, Relacion de Las Casas*, in *Col. Doc. Инед.*, lvii. 350.

[XXIV-19] *Хуаррос, Гуат.*, i. 326. Мендьета, *Привет. Ecles.*, 393-4, подтверждает Хуарроса, за исключением даты, которую он относит к 1550 году, в то время как Васкес, *Хроника. де Гват.*, 252, дает 1560. 'Segun ... el Informe manuscrito de la fundacion de esta Provincia.'

[XXIV-20] См. *Hist. Mex.*, ii. 451, эта серия.

[XXIV-21] Мендиета, *История. Эклз.*, 393-4. Васкес, *Хроника. де Гват.*, 254, составляет число шесть.

[XXIV-22] Мендиета, *История. Эклз.*, 393-4. Торквемада называет 17 числом монастырей, а 1565 годом - датой основания провинции, iii. 130. Васкес утверждает, что до отъезда Бьенвениды в Испанию было основано несколько монастырей, в том числе Сан-Франциско в Картаго и Сан-Лоренцо в Эспарсе. *Хронология. де Гват.*, 254.

[XXIV-23] Его мотивом для приезда в Коста-Рику и Никарагуа было, как указано в словах илл. епископа Мантуанского: "Primus huius Provinciae (Святые Георгии Никарагуа), Fundator extitit Religiosissimus Pater Frater Альфонса (Петра) Betanzos plurium linguarum, præsertim vero Indiarum gnarus, qui molestias sibi, atque vexationes iniustè illatas ad tempus declinaturus, Goactemalicia ex Custodia cuius Alumnus erat, ad has partes, traiecit:" *Vazquez, Chron. де Гват.*, 545.

[XXIV-24] Огилби, 1671, *Картаго*; Лэм, *Novvs Orbis*, 1633, *Картаго*; Джеффриз, 1776, *Картаго*; Киперт, 1858, *Картаго. Картография Тихоокеанского побережья*, ср., i. 142.

[XXIV-25] Алонсо Лопес де Серрато, который, как следует помнить, занял резиденцию Родриго де Контрераса. См. [стр. 183](#), этот том.

[XXIV-26] В состав Никарагуа в то время входила Коста-Рика, поскольку раздела еще не произошло.

[XXIV-27] Дань туземцев состоит из кукурузы, воска, меда, домашней птицы и т.д. Годовой стоимостью около 3000 песо. *Рукопись Сквайра.*, xxii. 9.

[XXIV-28] Конфликт властей относительно порядка наследования. В Альседо имя Вера Крус не встречается. Калле ссылается на факт, не указывая никакой даты вообще. Мендьета, *История. Ecles.*, 548, утверждает, что назначение было произведено в 1551 году.

[XXIV-29] Альседо, Давила, Хуаррос и другие авторы того периода не упоминают Карраско в своем перечислении епископов Никарагуа. Мы находим его имя только в *Calle, Memory. y Not.*, 129, и *Mendieta, Hist. Эклз.*, 548. Иказбалсета в примечании к *Истории. Эклз.* назначает Вальдивьесо первым епископом епархии вместо Осорио.

[XXIV-30] Гонсало Фернандес де Кордова, "Великий капитан", родился в Монтилье в 1453 году. *El Gran Capitan, Quintana, Vidas*, 102-3.

[XXIV-31] Хуаррос, *История. Гуат.*, i. 278, указывает 1551 год в качестве даты назначения, а 1553 год - как год, когда он приступил к своим обязанностям. Гонсалес Давила, *Ecles Teatro.*, i. 154, одобряет Хуарроса, но не указывает никакой даты, за исключением того, что он был переведен в 1574 году. Калле, *Memem. y Not.*, 129, просто упоминает Кордобу как того, кто последовал за Вальдивьесо, игнорируя Веру Крус и Карраско. Назначение Кордовы упоминается, но без даты, Мендиетой, *Hist. Эклз.*, 548.

[XXIV-32] Монастырь Сан-Пабло в Леоне, основанный Осорио, Лас Касасом и их единомышленниками в 1532 году (см. [стр. 169](#), этот том), принадлежал провинции Перу и теперь стал очень богатым. *Остатки, Hist. Чьяпа*, 598.

[XXIV-33] 'Los vezinos de la ciudad de Leon, hizieron grandes extremos por la ausencia de los Religiosos. Y para sacar el Padre fray Iuan de Torres la hazienda y alhajas del Conuento, tuuo necesidad de mucha maña y secreto.' *Id.*, 599.

[XXIV-34] *Id.*, 599. Ремезаль подробно описывает пагубные последствия этого второго бегства доминиканцев из провинции и заявляет (стр. 620), что седула от 1 августа 1558 года запрещала любому светскому священнику назначаться в места, где в епархиях Гватемалы, Чьяпаса, Гондураса и Никарагуа находились монахи францисканского или доминиканского орденов.

[XXIV-35] Упоминаются также Нуэва Сеговия, где, как говорят, было вывезено много золота, и Нуэва Хаэн в устье озера Никарагуа, откуда товары из Номбре-де-Диос отправлялись в Гранаду на каноэ. *Гватемала, Информация, в Пачеко и Карденасе, документ полковника.*, xv. 470-2.

[XXIV-36] Торговле сильно повредило неправильное использование знака леонсильо (маленький лев), который был введен в Никарагуа с королевского согласия. В 1551 году было приказано, чтобы знак наносился только на 15 или 17-каратное золото. Примерно в то же время короля попросили продлить истекающую лицензию на выплавку металла, которую "Фонд оро-де-ла-плата, море аль-диезимо". *Карраско, Carta, в деле Пачеко и Карденаса, Col. Doc.*, v. 526-8.

[XXV-1] *История. Cent. Am.*, i. 513, эта серия.

[XXV-2] Страница 276 настоящего тома.

[XXV-3] *Новое исследование W. Индия* (3-е изд., Лондон, 1677), 419. Автор жил в Индии с 1625 по 1637 год и заработал, по его словам, за эти 12 лет 9000 песо. Он был проницательным наблюдателем и придирчив в вопросах доктрины, как покажет следующий отрывок: "Пока происходила эта торговля (в Портобелло), со мной случилось то, о чем я ранее свидетельствовал в своей проповеди об отречении в Церкви Павла, и если таким образом это не стало известно многим, я хочу снова зафиксировать это в этой моей Истории, чтобы она была опубликована по всей Англии; а именно, что однажды, читая мессу в главной церкви после Освящения хлеба, я с закрытыми глазами читал молитву, которую Церковь произнесла. в Риме, называющем Память о своих умерших, из-за Алтаря вылетела Мышь, которая, бегая вокруг, подошла к самому хлебному божку папистов и, взяв его в рот, убежала с ним, не будучи замеченной никем из людей, присутствовавших на Мессе, так как Алтарь был высоким из-за ступеней, ведущих к нему, и людей далеко внизу. Но как только я открыл глаза, чтобы продолжить свою Мессу, и увидел, что моего Бога украли, я оглядел Алтарь и увидел убегающую с ним мышью.... После чего, не зная, что видели люди, я повернулся к ним, позвал их к Алтарю и прямо сказал им, что, пока я молился на Память и размышлял, Мышь унесла Причастие, и что я не знаю, что делать, если они не помогут мне найти его снова.... После долгих поисков и расспросов о святотатственном звере они, наконец, нашли в дыре в стене наполовину съеденное Причастие, которое с великой радостью вынули, и как будто Ковчег снова был передан от филистимлян израильтянам, так они радовались за своего новообретенного Бога.... Я заметил на нем отметины и приметы зубов Мыши, как их можно увидеть на кусочке Сыра, который она разгрызла и съела.... И таким образом, Пресуществление здесь, по моему мнению, было опровергнуто Мышью". *Новое исследование*, 446-8.

[XXV-4] *Id.*, 420-21.

[XXV-5] На небольшом скалистом возвышении был возведен замок с четырьмя бастиями. Он был защищен рвом и обычно насчитывал гарнизон в 100 человек. *Хуаррос, Гуат.*, i. 52. Пелаэс, *история. Гуат.*, ii. 176, говорится, что строительство было начато в 1667 году, а Белли, *Никарагуа*, ii. 261, что первый замок был построен только в 1666 году, и (в сноске) "Строительство форта, не требующего ремонта, во вторую очередь в 1670 году и после достижения успеха". C'est alors qu'un ordre royal décida la construction du fort Castillo, à douze lieues en aval du fleuve, qui fut terminé en 1675.'

[XXV-6] 'El padre Pedro de Contreras, sugeto de grandes talentos y nacido, digámoslo así, para esta especie de ministerios.' *Alegre, Hist. Cost. Иисус*, ii. 80-1.

[XXV-7] Реал был назначен епископом в 1603 году как преемник Грегорио де Монтальво. Он служил капелланом при Филиппе IV. *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, i. 239.

[XXV-8] На собрании, состоявшемся 10 января 1621 года, прокуратор Лопес де Кастро представил петицию, которая была единогласно принята, в которой излагались услуги, уже оказанные отцами церкви во имя религии и человечества, и искренне молились против их отстранения. *Алегри, История. Сост. Иисус*, 130.

[XXV-9] В 1618 году падре Флориан де Айерв был послан посетить это место, и о нем поступили неблагоприятные отзывы. Падре Рабарджал, ректор колледжа Гватемалы, согласился с ним. Когда отзыв был признан неизбежным, на втором публичном собрании помолились о том, чтобы церковные украшения и утварь остались на некоторое время, и это прошение было удовлетворено. *Id.*, 130-32.

[XXV-10] Петиция королю датирована 13 февраля 1621 года. К нему прилагалось письмо, подписанное всеми членами администрации. *Id.*, 134.

[XXV-11] Смерть Реала наступила в 1619 году. *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, i. 239.

[XXV-12] После смерти епископа Вальтонадо больница была заброшена до 1650 года, когда из Мексики прибыла группа священников и взяла ее на себя. *Сантос, Хроника*, 481-82. Преемником Вальтонадо был Эрнандо Нуньес Сагредо, который, по словам Гонсалеса Давилы, был "Пятым калификатором инквизиции Куэнки и Верховного совета". Он выполнял обязанности своего офиса "сото buen pastor" и умер в 1639 году. Ранее на должность Сагредо были назначены Агустин де Инохоса и Фрай Хуан Бараона Сапата; но оба умерли, не добравшись до своей епархии. Следующим появляется имя Альфонсо Брисеньо, ревностного и образованного человека, написавшего "Томос об эсколастической теологии". Он возглавил епископство в 1646 году и умер в 1649 году. *История. Эклз.*, i. 240-244. В 1651 году Алонсо де Куэвас Давалос, настоятель кафедрального собора Мексики, отказался от прелатства Никарагуа, и, согласно *Фигероа, Виндисуас*, МИСС, 75 лет, Алонсо Браво де Лагуна получил митру, хотя его имя не упоминается Альседо или Гонсалесом Давилой. В 1655 году Фрай Томас Манса был назначен епископом. *Vetancvrt, Menolog.*, 135 (Мексика, 1697), подтверждено в *Guijo, Diario*, в *Doc. Hist. Mex.*, serie i. tom. i. 323, но, обнаружив, что Давалос все еще находится на своем посту, отказался взять на себя управление епархией. *Id.*, 387. Вскоре после своего прибытия он умер, съев слишком много рыбы. *ID.* Кончина Давалоса произошла в 1659 году. *Медина, Хроника. Сан-Диего, Мексика.*, 240. Хуан де ла Торре-и-Кастро был назначен епископом в 1562 году и скоропостижно скончался в семи лигах от Гранады 27 июня 1663 года. Фрай Алонсо Браво, красноречивый проповедник и выдающийся ученый, был избран прелатом в 1665

году. *Vetancvrt, Menolog.*, 136; и *Роблес, Diario*, в документе. *История. Мексика.*, серия i. том. ii. 3.

[XXV-13] Этот том. 172 и последующие.

[XXV-14] *История. Cent. Am.*, i. 310.

[XXV-15] "В старину предполагалось, что озера Манагуа и Никарагуа были одним целым, поскольку Рио Типитапа, как предполагается, является всеми оставшимися озерами в их прежнем единстве". *Ник Стаута.*, 101.

[XXV-16] *Воспоминание. у Not.*, 131. Гейдж, вероятно, включает в свою оценку численности населения миролюбивых индейцев, поселившихся по соседству.

[XXV-17] Первым губернатором Коста-Рики в семнадцатом веке был капитан Алонсо Лара де Кордоба, который был назначен в 1603 году. Другие приведены в порядке их следования в *Pelaez, памятке. История. Guat.*, ii. 170-4.

[XXV-18] Он израсходовал свыше 60 000 песо из своих личных средств. *Хуаррос, Гуат.*, i. 374. Молина, *Коста-Рика*, 11 лет, делает то же заявление.

[XXV-19] Он стал настоятелем ордена, основал множество больниц и совершил обширные путешествия на благо церкви. В 1687 году папа назначил его первым верховным генералом и, проработав 50 лет в ордене, умер 23 сентября 1769 года в возрасте 79 лет. *Хуаррос, Гуат.*, i. 330-2.

[XXV-20] 28 сентября 1709 года индейцы Таламанки восстали и убили отцов Пабло де Ребуллидаса и Антонио де Самору. *Наяа, Informe al Reg.*, 14.

[XXV-21] Фантазмы, Молуккские острова, Москас, Пайас, Джарас и многие другие, частично также Гватемалу и Гондурас. Посмотрите на *местные расы*, passim.

[XXV-22] Среди других седул есть три, на которых указаны даты 30 октября 1547 года; 31 августа 1560 года; и 2 июля 1594 года. *Хуаррос, Гуат.*, i. 346.

[XXV-23] Он мог бы основать шесть женских монастырей, подчиняющихся провинции Гватемала. *Juarros, Guat.*, 349.

[XXV-24] Они начали свои труды во второй половине января 1610 года. В следующую пепельную среду несколько человек были крещены, и 130 новообращенных были приняты во время великого поста. *Juarros, Guat.*, 351.

[XXV-25] Пелаэс, *Мем. Guat.*, i. 291, упоминает обстоятельство, которое может частично объяснить то, что следует далее. Солдат, который ранее убил двух индейцев, был ранен одним из туземцев, после чего он схватил его и с помощью товарища привязал его левую руку к телу, а правую прибил к дереву подковой с восемью гвоздями, оставив его в таком положении. Труп был найден его соплеменниками, и, конечно же, последовало возмездие.

[XXV-26] Этот инцидент произошел в январе 1612 года. Рассказы Пелаэса и Хуарроса об экспедиции в значительной степени совпадают.

[XXVI-1] *Основная навигация Хаклуйта ... и открытия английской нации*, iii. 499 (Лондон, 1598-1600).

[XXVI-2] См. [стр. 138](#) этого тома.

[XXVI-3] Говорят, что карибцы готовили мясо своих пленников таким же образом. 'Ils les mangent après les avoir bien boucannée, c'est à dire, rotis bien sec.' *Du Tertre, Hist. des Antilles*, i. 415.

[XXVI-4] *Вой. вокруг света*, переходим. Ни то, ни другое слово не использовалось в то время, когда Дрейк совершал набеги на Перешеек.

[XXVI-5] "Слово *флибустьер* - это просто способ французского моряка произносить английское слово " флибустьер", название, которое задолго предшествовало *буканьеру*". *История Берни. Букк.*, 43. Некоторые авторитетные источники выводят этот термин из голландского слова *fluyts*, то есть летающие лодки; но, как замечает Берни, никому не пришло бы в голову покупать такие суда для корсаров. Любопытно отметить, что французский переводчик "Эсквемелина" по-прежнему придерживался неправильного произношения этого слова: "Первоначально он носил псевдоним *флибустьера*, англоязычного *флибустьера*". *Exquemelin, Hist. Флиб.*, i. 20.

[XXVI-6] *История Рассела. Амер.*, i. 528. Этот автор дает очерк происхождения пиратов и их обычаев, демонстрирующий значительные исследования, и в большинстве существенных моментов подтверждается *Историей Берни. Букк.*, 38 и далее. Оба автора в значительной степени опираются на книгу "Дю Тертр", *Hist. с Антильских островов*, а первое - от Рейналя, *Историко-философской*.

[XXVI-7] Пока его товарищи делили добычу, он злорадствовал над изуродованными телами объектов своей ненависти. *Жизни Дрейка, Кавендиша и Дампира*, 179-80; *История Берни. Букк.*, 55.

[XXVI-8] В английском переводе "Эсквемелина" есть следующая вставка: "*Тортуга*, обычное Прибежище всякого рода Злодеяний и, так сказать, Семинария пиратов и воров". *Буканьеры из Америки.*, i. 53.

[XXVI-9] 'Siende dat 'er oock geen quartier voor hem over was, alsoo hy 't niet ontloopen konde, door dien hy alreede gequetst was, bemorste hy hem met bloedt, en kroop onder de dooden die daer lagen.' *Exquemelin, Americaensche Zee-Roovers*, 48.

[XXVI-10] Или река Сарс. *Рио-де-Хагуа*, река, впадающая в Гондурасский залив. *И. де Лаэт*, 1633, *р. Хагуа*; *Вест-Инд. Шпигель* находится на северном побережье Юкатана, в *Ксагуа*. *Мультфильм. Пак. Берег*, ср., i. 308.

[XXVI-11] "Олонуа и природа окружают человека и приносят ему благословение". *Exquemelin* (или *Oexmelin*, как во французской версии величают автора), *Hist. des Flib.*, i. 207. Пираты не стали бы обременять себя надписью цвета индиго: "L'Olonois " ... en auroit en pour plus de 40,000 écus; mais il ne cherchoit que de l'argent.' *Id.*, 208.

[XXVI-12] Французский переводчик говорит: "Один канон для батареи в номинации "чинкванте" - шесть пьес". *Id.*, 219. В оригинальной работе Эсквемелина приводится тот же номер, что и в тексте. *De Americaensche Zee-Roovers*, 70.

[XXVI-13] Эта банда двинулась вдоль побережья к городу Верагуа, который они захватили и разграбили. *Эсквемелин, История. Флиб.*, i. 223.

[XXVI-14] Во французской версии, вопреки рассказу Эсквемелина, говорится, что все мужчины ушли, большая часть в баркасе, а остальные в каноэ. *Id.*, i. 228.

[XXVI-15] Exquemelin, *Americaensche Zee-Roovers*, 1678, 73, thus describes the death of L'Olonnois: 'Maer het scheen dat Godt niet langer de godtloosheden van desen mensch konde toelaten, maer hem door een wreede dootd straffen wilde voor alle de wreedtheden, die hy aen soo veel onnoosele menschen hadde gepleeght; want in de Golfe van Darien Komende, is hy met sijn volck vervallen in de handen der Wilden, by de Spanjaerden Indios Bravos genaemt. Сай хеббен, он же штуken гекaпт в гебраэдене, наер хет верхаэль ван иен сийнер мидемакерс, "умри сам за себя", "гелиден хеббен, хадде хи сийн левен ниет встретил де влахта гесальвеерта". Его английский переводчик говорит: "Индейцы ... живьем разорвали его на куски, бросая его тело, часть за частью, в Огонь, а Пепел в воздух, чтобы не осталось ни следа, ни памяти о таком печально известном бесчеловечном Существо. *Буканьеры из Америки*, i. 77. Французское издание добавляет, что Л'Олонуа был съеден индейцами. *Эсквемелин, История. des Flib.*, i. 230.

[XXVI-16] *Эксвемелин, Буканьеры из Америки.*, i. 79. Согласно французскому переводчику Эсквемелина, у Мансвельта было 600 человек. *Ист. des Flib.*, ii. 3.

[XXVI-17] Этот остров использовался испанцами в качестве каторжного поселения, которые нанимали заключенных на строительство укреплений. Здесь Мансвельт ожидал встретить кого-нибудь, знакомого с дорогой в Ната. *Id.*, 4-5.

[XXVI-18] Или Мойн, где они высадили 1200 человек в 1666 году. *Juarros, Guat.* (Лондон, изд. 1823), 344. Согласно Эсквемелину, они плыли вдоль побережья до реки Зуэр. *История. флиб.*, ii. 7. Согласно информации Хайи, 11, корсар Манфлас высадил 800 человек. Обратитесь к мультфильму. *Рас. Coast*, ср., i. 142.

[XXVI-19] В *Науа, Informe*, MS., 11, встречается следующее странное утверждение: Маэстро де Кампо Хуан Лопес де ла Флор, губернатор, послал майора Алонсо де Бонилью с восемью людьми, поскольку для большего числа не было ни оружия, ни провизии, что вынудило корсаров уйти из провинции.

[XXVI-20] Примерно в десяти лигах от Картаго.

[XXVI-21] *Хуаррос, Гуат.* (Лондон, изд. 1823), 344-5. Бонилла забрал двух мужчин, у которых болели ноги. Когда их спросили о причине поспешного бегства столь небольшого числа людей, они заявили, что видели многочисленную армию, идущую против них. *Науа, Informe*, MS., 11-12.

[XXVI-22] По словам Хуарроса, заключенные сделали это признание под пытками. Хайя не упоминает об этом.

[XXVI-23] 'Ujarraz, pueblo en otro tiempo considerable, pero en el dia mui desdichado.' *Juarros, Guat.*, i. 58-9. Это в двух лье от Картаго. *ID.*

[XXVI-24] Согласно отчету испанского инженера о возвращении Санта-Катарины, это произошло в августе 1665 года. Перевод испанской версии "Дела" можно найти в *Exquemelin, De Americaensche Zee-Roovers*, 76-80, и в английском переводе последней работы в *Bucaniers of America*, i. 82-5. In the French edition of Exquemelin the Spanish narrative is thus dismissed: 'J'aurois pu la traduire, & en gaossir ce Volume, mais comme elle n'est remplie que de bagatelles & de rodомontades Espagnoles, je ne m'en fuis pas donné la peine, ne voulant rien raconter ici que de véritable.' *Hist. des Flib.*, ii. 10.

[XXVII-1] *Панама, Реалес Седулас, в Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xvii. 349-50.

[XXVII-2] В 1604 году Андрес Кортес был ординарным алькальдом, мэром Франсиско Тери и альгуасиля и капитаном . Дамиан Мендес и другие регидорес. Также упоминаются имена участников на 1605 год. *Id.*, 228-32.

[XXVII-3] "Особый сорт вина, очень популярный в Севилье", - говорит Сальва в *Dis. Лен Каст.*, 54, 784; *Панама, Реалес Седулас, в Пачеко и Карденасе, полковник Док.*, xvii. 228-30.

[XXVII-4] За первое нарушение было назначено наказание в размере 50 песо, за второе - 100, а за третье - вечное изгнание. Закон был принят 23 сентября 1605 года и был одобрен аудиторией. *Id.*, 230-3. Зло росло, и в декабре 1614 года был принят закон, согласно которому правонарушители наказывались штрафом в размере 50 песо за первое преступление и 100 песо и изгнанием за второе. *Откр. de Indias*, ii. 362.

[XXVII-5] В *Вест-Индии, География. и история. В описании.* количество людей на борту указано равным 300. В приложении к Карранса, *Описание. Побережье W. Indias*, 118, содержащий собственный отчет Паркера о взятии Портобелло, последний упоминает, что он высадился со 150 людьми, и можно предположить, что он оставил по крайней мере 50 человек во главе своих кораблей.

[XXVII-6] В приложении к только что процитированному Каррансе Паркер приводит "Таблицу, составленную в виде алфавита. для облегчения нахождения Улиц и главнейших мест, изображенных на чертеже Портабелла, находящихся в Вест-Индии, расположенных в десяти Градусах, которые были взяты капитаном Уильямом Паркером из Плимута, джентльменом, в морской день седьмого февраля 1601 года" и т. Д. В *Rapartá, Описании, Пачеко и Карденасе, док. х.*, 1602 год указан на стр. 105, а 1601 - на стр. 108. 1601 год также указан в *книге Касттелла Ат.*, в *книге Черчилля "Полковник Вой"*, viii. 762. Город "был разграблен англичанами под командованием капитана Паркера в 1601 году", - говорит Хейлин, *Costog.*, 1086. Дата отплытия из Плимута, ноябрь 1601 года, приведена в *книге Харриса "Полковник Воев"*, i. 747; в *Вест-Индии, Геог. и История.*, 79; в *книге Перчаса*, iv. 1243, и в *"Анналах Ат"* Холмса, i. 117. Высадка в Портобелло датируется 7 февраля 1602 года. Автор книги *"Вест-Индия"*, *геог. и Hist.*, 79-80, приводят обе даты, но, говоря в целом об экспедиции, относят ее к 1601 году, как на стр. 67, 78 и в других местах.

[XXVII-7] Он был внучатым племянником Педро Мелендеса, который варварски убил Рибо, Ландуйера и других французов, попавших к нему в руки во Флориде. *Вест-Индия, География. и история.*, 82-3.

[XXVII-8] *Вест-Индия, Геог. и История.*, 82; *Полковник Вой Харриса.*, i. 747; А.М.Касттелла. в *книге Черчилля "Полковник Вой"*, viii. 762.

[XXVII-9] Услышав о захвате Портобелло, губернатор Картахены, как говорят, поклялся дать "груз серебра на мулах за то, чтобы дать бой капитану Паркеру и его роте", и, как замечает Харрис: "Если бы они были уверены, что он расстался бы с тем, что у него было, на таких же легких условиях, как они это сделали в Порто-Белу", весьма вероятно, они могли бы продать ему эту услугу, но, поскольку его сила была неопределенной, как и его жалование, они не сочли нужным покушаться на него". *Полковник Вой.*, i. 747.

[XXVII-10] Депутаты должны были получать 400 дукатов ежегодно. В 1608 году облигации чиновников казначейства были сокращены с 20 000 дукатов до половины этой суммы. Указом от 11 сентября 1610 года фискалу предписывается отправиться в Портобелло по прибытии галеонов и оставаться там в течение сезона; всем остальным должностным лицам выполнять свои обычные обязанности и составлять необходимые отчеты. Среди прочих обязанностей фискалу было поручено предотвращать высадку ненадлежащих лиц на берег. 'Estorbando que los cassados y pasajeros que fueron con licencia, y mulatas moriscas y estrangeras y otras personas prohibidas á pasar á estas partes, no lo hagan, executando en ellos y en los que los lleban, las penas que estan impuestas.' *Panamá, Reales Cédulas*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, xvii. 311-12.

[XXVII-11] "Когда я вошел в Гавань, - говорит Томас Гейдж, который был в Портобелло в 1537 году, - я с сожалением увидел, что Галеоны еще не прибыли из Испании, зная, что чем дольше я останусь в этом месте, тем больше будут мои расходы.... Один добрый джентльмен, который был королевским казначеем, разговорившись со мной, пообещал помочь мне, чтобы я мог получить дешевое жилье даже когда придут корабли, а жилье было по самой высокой цене. Он, пользуясь своими полномочиями, отправился со мной на поиски корабля, который во время нахождения там Флотов мог бы оставаться моим. Она была не больше, чем вмещала кровать, Стол и пару табуретов, и, кроме того, в ней было достаточно места, чтобы открывать и закрывать дверь, и они потребовали с меня за это, в течение указанного времени пребывания на Флоте, шесть десятков крон, что обычно составляет две недели.... Я знал Купца, который отдал тысячу крон за лавку разумных размеров, чтобы продать свои товары в тот год, когда я пробыл там всего пятнадцать дней, в течение которых Флот продолжал находиться в этой Гавани. Я подумал, что для меня было бы слишком дорого отдать шесть десятков крон, которые с меня потребовали за комнату, которая была всего лишь Мышиной норой". *Новое обозрение*, 444-5.

[XXVII-12] Длина якорной стоянки составляет около 3000 геометрических шагов; ширина от 1500 до 1800 шагов, а средняя глубина 17 морских сажений. Большие корабли стоят на якоре напротив замка Сантьяго, в то время как фрегаты могут подходить ближе к молу. Внутри есть место для 300 галеонов и 1000 судов поменьше, в то время как 2000 кораблей могут сносно безопасно встать на якорь без фортов. *Panamá, Описание*, у Пачеко и Карденаса, полковник Док., ix. 118-19.

[XXVII-13] В 1610 году в Панаме было одиннадцать улиц, три площади, кафедральный собор, пять женских монастырей, больница, семь королевских домов, дом кабиљдо, два скита отшельников, здание суда с тюрьмой, 332 дома, крытых черепицей, 40 небольших домиков, 112 индейских хижин, мясной рынок и бойня. Все дома, кроме восьми, были построены из камня. *Panamá, Описание*, у Пачеко и Карденаса, полковник Док., ix. 86. Утверждение о том, что все, кроме восьми, были сделаны из камня, кажется невероятным. Несомненно, что почти все они были деревянными примерно в середине 16 века, и что большинство из них были сделаны из кедра, когда Панама-вьеха была разрушена во время набега Моргана в 1671 году.

[XXVII-14] Следует помнить, что Крусес был городом, в котором сокровища из Панама были отправлены на баржах в устье реки Чагре. Каса-де-Крусес был основан в 1536 году.

[XXVII-15] В ответ на частые обращения король 14 августа 1610 года поручил губернатору Мерседо всеми доступными ему средствами развивать добычу полезных ископаемых в Панаме и Верагуа. 'Para que los que tienen quadrillas de negros las refuerzen y acrecienten, y los que no las tienen las procuran.' *Panamá, Reales Cédulas*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, xvii. 211-12.

[XXVII-16] Офис корредора де лонха был сдан в аренду за 1000 песо, офис корредора девиноса и аукциониста - по 75 песо каждому в год. *Panamá, Описание*, у Пачеко и Карденаса, полковник Док., ix. 90. Фактически король запретил монополии, в которых он не участвовал. 29 марта 1621 года Фелипе III. постановил, что, поскольку мука должна ввозиться из Перу, а коррехидоры обладали монополией на торговлю, вице-короли должны отменить эту систему, чтобы торговцы могли беспрепятственно закупать ее на рынке Панама. *Резюме. de Ind.*, ii. 64.

[XXVII-17] В 1605 году ассигнования включают 6000 дукатов для губернатора, по 2000 песо каждому для четырех ойдоров и фискала и по 400 000 мараведи каждому для тесореро, контадора и фактора. Другие были пропорциональны. См. *Panamá, Описание*, в *Pacheco и Cárdenas, Col. Doc.*, ix. 105-7.

[XXVII-18] 'Por este camino se podrá poner freno á la entrada de los enemigos.' *Panamá, Reales Cédulas*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, xvii. 214.

[XXVII-19] 'Advirtiendo que todo este se a de hacer sin que dello se siga ninguna costa a mi hacienda.' *Id.*, xvii. 213-14.

[XXVII-20] Фелипе III часто вымогал принудительные займы, и торговцы прибегали ко всевозможным уловкам, чтобы скрыть свои деньги. Торговля переживала великую депрессию, и 10 апреля 1643 года Фелипе IV в письме губернатору заявил, что ни при каких обстоятельствах не будет взиматься никаких дальнейших сборов, но что он будет удовлетворен оговоренными сборами. *Panamá, Reales Cédulas*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, xvii. 249-52.

[XXVII-21] *Id.*, xvii. 249-52. Альседо, который ни в коем случае не может доверять ни именам, ни датам, говорит, что дон Родриго де Виверо-и-Веласко, уроженец Лимы, сменил дона Диего де Ороско. Он добавляет, что во время правления Веласко было осуществлено порабощение и духовное завоевание индейцев гуайми в Верагуа, и что его правление закончилось в 1624 году. *Диктант.*, iv. 41. Диего де Хайя в своих *Материалах по истории истмо* не упоминает ни одного из веласкосов.

[XXVII-22] В 1651 году было обычным делом отправлять слитки из Перу так, как будто они предназначались для Панама, а оттуда контрабандой переправлять их в Испанию. Это привело к принятию нескольких указов. *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, xvii. 194-5. Другим способом была перевозка серебра в тюках. *Война Дампира.*, i. 185. Распространенный метод сговора между испанскими и английскими контрабандистами заключался в том, что английское судно стояло у берегов Портобелло до тех пор, пока его не посетили с берега те, кто был готов торговать. Отметив выбранные товары, последние возвращались со своими деньгами, когда были готовы к покупке, часто под видом крестьян. *Университет полковника Вой.*, ii. 373-4. Король от 23 сентября 1652 года сообщает, что в 1651 году были совершены мошенничества при вычете из списка Кальяо партий и посылок под предлогом, что они предназначались для

жителей Панама и Портобелло; и что купцам в "эль-меро, как хауиан-де-хазер, было предоставлено разрешение на воображаемую регистрацию 600 000 песо в качестве обязательства перед ми Виррей-дель-Перу". Он также требует отчета о причинах, по которым "нет *hicesteis enterar* вопрос о консульстве и коммерческой деятельности в Лиме, которая обязана оказать поддержку в отношении Максима, и о том, как эффективно управлять аэропортом Сьюдад-Акуэлы". *Панама, Настоящая Седула, в Пачеко и Карденасе, Документ полковника.*, xvii. 194-5.

[XXVII-23] *Provincia del Sto Evangelio MS.*, № 16. См. также *Торквемаду*, iii. 280; и *Мендиету*, *Hist. Эклз.*, iv. 32.

[XXVII-24] Гонсалес Давила, *"Театр Эклз"*, ii. 58, утверждает, что он занимал этот пост 15 лет, а Альседо, *Диктатура.*, iv. 34, повторяет это утверждение; и все же оба явно ошибаются. Хронисты семнадцатого века ставят под сомнение порядок наследования престола Панама, хотя они согласны относительно даты смерти Абrego. Давила упоминает о возвышении брата Пабло де Торреса седьмым епископом, вероятно, в 1559 году, и что он, безусловно, приступил к исполнению обязанностей в следующем году. С этим Алседо согласен. В обоих говорится о его преемнике Фрае Хуане Ваке, но без указания даты кончины первого или назначения более позднего. Вака умер во время путешествия, и вакантный престол не был заполнен до назначения Абrego.

[XXVII-25] Альседо говорит, что его полное имя было Бартоломе Мартинес Меначо. До его назначения епископство предлагал и отклонил отец Педро де Правия, выдающийся теолог. *Давила Падилья, Старший лейтенант. Сантьяго-де-Мексика.*, 595.

[XXVII-26] Согласно Альседо, это произошло в 1593 году. *Id.*

[XXVII-27] Этот престол был создан в 1602 году. Епископ Кальдерон умер в Салинасе, когда ему было более 100 лет, и был похоронен в монастыре Сан-Агустин, большим благотворителем которого он был. *Dávila, Teatro Ecles.*, ii. 58, 118.

[XXVII-28] После того, как была подписана сумма в 3770 песо, лицензиат Террин из Панама предложил возвести здания, если будет предоставлено подходящее место, и израсходовал на эти цели около 24 000 песо. Кроме того, он добавил ежегодный взнос в размере 2000 песо, сохранив за собой права учредителя (*patronazgo*). *Панама, Описание, Пачеко и Карденас, документ полковника*, ix. 107; *Фигероа, Виндисисас, CP.*, 74.

[XXVII-29] Седула от 1 июля 1580 г. клеймит это поведение как "злоупотребление, которое должно быть прекращено". *Пачеко и Карденас, полковник Док.*, xvii. 488.

[XXVII-30] Еще будучи монахом, Карабах отправился в Испанию и стал настоятелем королевского монастыря Вальядолид, а во время пребывания при дворе он был избран генеральным помощником всех провинций Испании и Индии и реформатором провинций Болонья и Румыния по указанию папы Климента VIII. *Disc. Университет.*, *История. Геог.*, viii. 522. Согласно этому источнику, он был уроженцем города Мехико, но Давила в *Teatro Ecles.*, ii. 59, говорит, что он был уроженцем Касереса в Эстремадуре.

[XXVII-31] *Panamá, Reales Cédulas, in Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, xvii. 237-9.

[XXVII-32] В это время в Панаме были монастыри, принадлежащие доминиканцам, францисканцам, наемникам и иезуитам, процветающий женский монастырь и ряд светских священнослужителей. Его соборная десятина составила 7 632 песо, из которых прелат получил 2331. В первом названном женском монастыре было 10, во втором - 11 религиозных; в то время как наемников было 13, а иезуитов 11. В женском монастыре было 24 монахини и 32 негра обоего пола. В соборе было две часовни - Санта-Анна и Сан-Кристобаль. *Panamá, Описание, у Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, ix. 108. Несколько лет спустя, с 1625 по 27 год, Гейдж говорит, что существовало 8 женских монастырей для монахов и монахинь. *Путешествие*, ii. 78-91.

[XXVII-33] Учрежден в Гранаде в 1538 году за особые заслуги в работе больницы. Они следовали правилам Сан-Агустина. В 1572 году папа Климент V. утвердил орден, и с тех пор братство работало по своей специальности.

[XXVII-34] Камара учредил стипендии в колледже Сан-Агустин и оставил иезуитскому колледжу ежегодное пособие в размере трехсот песо, сумму на содержание двух капелланов в хоре и 4000 песо в фонд строительства церкви. *Гонсалес Давила, Театр Эклз.*, ii. 59, и *Альседо, Диктатура.*, iv. 35.

[XXVII-35] Первый дожил до преклонного возраста, скончавшись в 1649 году. Он был великим аскетом и отказался от епископства. На его похоронах присутствовали аудиенция и все знатные семьи провинции. *Сантос, Хроника. История.*, i. 303.

[XXVII-36] В 1636 году они отказались доставить тела некоторых людей, умерших в больнице, и воспрепятствовали их погребению в часовне Ла Консепсьон. *Реалес Седулас*, в "Пачеко и Карденасе, полковник Док.", xvii. 243.

[XXVII-37] 17 января 1626 года он был рукоположен в Вальядолиде в доминиканском монастыре Сан-Пабло. *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, ii. 59-60; *Alcedo, Dic.*, iv. 35-6.

[XXVII-38] В письме от 26 марта 1638 года Фелипе IV. одобряет эту меру. *Panamá, Reales Cédulas*, in *Pacheco and Cárdenas, Col. Doc.*, xvii. 241.

[XXVII-39] 'Mandamos á los Presidentes y Oidores, y á todos los demas Ministros de nuestras Reales Audiencias, que ninguno de los susodichos, ni sus mujeres entren en la clausura de los Monasterios de Monjas á ninguna hora del día, ni la noche: y asimismo, que no vayan á hablar por los locutorios, y puertas Reglares á horas extraordinarias, y esto se guarde con la precision necesaria y conveniente á la decencia de los Monasterios.' *Recop. de Indias*, i. 393.

[XXVII-40] В 1624 году Альваро де Киньонес Осорио, маркиз де Лоренцана и кавалер ордена Сантьяго, был назначен губернатором, а в 1632 году получил звание губернатора Гватемалы. Его преемником был Себастьян Уртадо де Коркуэра, который занимал свой пост всего два года, *Альседо, Disc.*, iv. 41, и его сменил Сотомайор, который умер в 1639 году, следующим по очереди был Иниго де ла Мота Сармьенто, кавалер ордена Сантьяго и член верховного совета. Сармьенто умер в 1642 году. Нет никаких заслуживающих внимания инцидентов, связанных с кем-либо из них, кроме Сотомайора, и ни в коем случае нельзя быть уверенным, что Альседо прав относительно даты или порядка наследования, но других авторитетных источников по этому вопросу нет. Базан сменил Сармьенто.

[XXVII-41] Датой пожара было 21 февраля 1644 года. Два дня спустя вспыхнул еще один, но его быстро взяли под контроль. Оба рассматривались как дело рук поджигателей, но если это и так, то они избежали обнаружения. *Panamá, Reales Cédulas* (опубликовано 14 мая 1645 г.), в *Pacheco* и *Cárdenas, Col. Doc.*, xvii. 273.

[XXVII-42] 13 мая 1645 года король сообщает, что в соответствии с королевским приказом Базан назначил Эстевана Гальехоса, племянника своей жены, смотрителем замка Сан-Фелипе в Портобелло; а 5 августа 1647 года другие родственники и иждивенцы были назначены на прибыльные места. Один племянник был алькальдом-мэром Наса; другой - смотрителем замка Чагре; один слуга был капитаном рот гарнизона, а другой был фактором. Его осудили и снова приказали повиноваться: "Порк демас, как бос, за демонстрацию конбенги, серейс кастигадо и сегодняшнюю себеридад". *Панама, Реал Седулас*, в деле *Пачеко* и *Карденаса*, полковник Док., xvii. 275-81.

[XXVII-43] *Id.*, 269-71. Альседо называет его доном Хуаном де Битрибанте-и-Наварра, рыцарем ордена Калатравы. *Диктатура.*, iv. 42.

[XXVIII-1] Капитан Морган сказал: "Если нас мало, наши сердца велики; и чем меньше нас, тем больше сплоченности и лучшей доли мы получим в Добыче". *Эксквемелин, История. Буканьерс*, 93.

[XXVIII-2] *Эксквемелин, История. Буканьерс*, 96.

[XXVIII-3] *Эксквемелин, История. Флиб.*, ii. 44 и *История. Буканьерс*, 98.

[XXVIII-4] "Американские пираты" Берни, 62 года, и "История" Архенхольца. *Пираты*, 116, отдают добычу в 250 000 песо, не считая рабов и товаров, но *Эксквемелин, Хист. Буканьеры*, 119, вероятно, из-за типографской ошибки, стоимостью 25 000 песо, не считая рабов и товаров.

[XXVIII-5] Шесть судов с 350 людьми под командованием вице-адмирала Коллиера, согласно "Путешествиям Шарпа", 124.

[XXVIII-6] В "Путешествиях Шарпа", 125-126, говорится, что экспедиция отсутствовала 52 дня и захватила два испанских судна, и что Морган выяснил у пленных, что президент Панама предоставил рядом испанских каперов поручения против англичан.

[XXVIII-7] Две тысячи двести. *Эксквемелин, История. Флиб.*, ii. 105. В перехваченной депеше президента Панама, переведенной в "Путешествиях Шарпа", 145, указано количество людей в 3000 человек.

[XXVIII-8] Двадцать четыре тяжелых орудия и восемь медных орудий. *Эксквемелин, История. Флиб.*, ii. 105.

[XXVIII-9] Одобрено губернатором Ямайки. *Эксквемелин, История. Флиб.*, ii. 110. Но это утверждение не подтверждается в других местах. В *Истории. Буканьерс*, 126, подразумевает, что Морган не имел права предоставлять такие комиссионные. См. также "Путешествия Шарпа", предисловие. Губернатор, должно быть, знал о готовящемся договоре между Англией и Испанией.

[XXVIII-10] Было решено, что сотая часть всей добычи должна быть отведена командиру; что каждый капитан должен получать, помимо своей собственной, доли 8, 10 или 12 человек, в зависимости от размера его судна, и что хирург должен получать 200 песо, а каждый плотник по 100 песо, в дополнение к их обычному жалованью. Таким образом, для тех, кто должен был получить увечья в бою, была предусмотрена компенсация: за потерю обоих глаз - 2000 песо; одного глаза - 100; обеих рук - 1800; обеих ног - 1500; одной руки или ноги - 500; и пальца - 100 песо; или эквивалент в рабском эквиваленте - из расчета по одному рабу на каждые сто песо. Тот, кто первым ворвется в испанский замок или сдерет испанские знамена и водрузит английский штандарт на стенах, должен был получить 50 песо; тот, кто возьмет в плен человека, от которого можно было получить полезные известия, - 100 песо; тот, кто бросит во врага ручные гранаты, - 5 песо за каждую брошенную; и тот, кто в бою захватит высокопоставленного офицера, рискуя при этом своей жизнью, должен был быть вознагражден в соответствии со степенью его доблести. Все награды и дополнительные пособия должны были быть выплачены до общего раздела добычи. Я не нахожу ничего отложенного для Христа или церкви. *Экскемелин, История. Флиб., ii. 108-110; История. Буканьеры, 126.*

[XXVIII-11] *Экскемелин, История. Флибустьеры, ii. 117, и История. Буканьеры, 129, 130.*

[XXVIII-12] Три корабля и 470 человек, согласно "*Путешествиям Шарпа*", 130.

[XXVIII-13] Отчет, приведенный в "*Путешествиях Шарпа*", 130, гласит, что пираты, пустив в ход ручные гранаты, подожгли караульное помещение, стоявшее на стене замка. Это кажется невероятным, поскольку они были отделены от форта расщелиной, частоколом за ней и пространством между частоколом и стенами замка, которое, должно быть, было вне досягаемости таких снарядов.

[XXVIII-14] В "*Путешествиях Шарпа*", 133, утверждается, что Морган оставил для охраны замка всего 300 человек и отправился в Панаму с 1400 пиратами, 7 небольшими кораблями и 36 лодками. В перехваченной депеше президента Панамы, переведенной в том же труде, говорится (стр. 153), что Морган прибыл в Панаму с 2300 людьми. В "*Экскемелине*", *История. Флиб., i. 137*, номер указан в 1300.

[XXVIII-15] Официальные лица существенно расходятся в своих оценках этой стычки. *Экскемелин, История. Буканье, 141, и Архенхольц, История. В "Пиратах", 135* говорится о полете 3000 или 4000 стрел; но нет никаких свидетельств того, что отряд из нескольких тысяч индейцев когда-либо собирался в определенном месте, а если бы это было так, непонятно, как им удалось выпустить такое количество стрел в узкое ущелье. *История. Флибустьер, i. 153*, говорит, что проход был прорублен в скале, чтобы сократить и сделать менее трудным маршрут между Панамой и Чагре; в этом случае он не мог быть сколь-нибудь длинным. В "*Путешествиях Шарпа*", 134, утверждается, что ни один из пиратов не был убит, и только трое получили легкие ранения.

[XXVIII-16] Смотрите перехваченное письмо президента Панамы, переведенное в "*Путешествиях Шарпа*", 151-52.

[XXVIII-17] Старый город Панама был разрушен Морганом в январе 1671 года. *История Экскемелина. Буканьеры, 148. В "Путешествиях Шарпа", 142*, в качестве даты указан январь 1670 года.

[XXVIII-18] Перевод письма президента в "*Путешествия Шарпа*", 155. Существуют значительные расхождения в различных отчетах о действиях в Панаме; но нет никаких доказательств того, что Гусман вел себя хотя бы как солдат. Эксквемелин, *История. Флиб.*, ii. 160, и *История. Пираты*, 140, Шарп, *Вояджеры*, 138 (в собственном отчете автора о битве) и Архенхольц, *история. Пираты*, 140 человек, все согласны с тем, что кавалерия приняла на себя основную тяжесть боя, и ни у одного из этих авторитетов нет ни слова, чтобы сказать в пользу малодушного капитан-генерала.

[XXVIII-19] И здесь авторы существенно расходятся в своем повествовании. Эксквемелин, *История. Буканьерс*, 147, утверждает, что флибустьеры серьезно пострадали от испанской артиллерии, когда приближались к городу. Archenholtz, *Hist. Pirates*, 141, делает то же самое утверждение; но *Hist. Флиб.*, ii. 164, говорится, что они не встретили сопротивления; и эта версия, вероятно, верна, поскольку, как отмечено в книге Берни "*Американские пираты*", 67, Панама не имела регулярных укреплений, а местами лежала открытой, и ее можно было завоевать или защитить простым огнем. Шарп, "*Путешествия*", 141, подтверждает *Историю. Флиб.*

[XXVIII-20] В условиях конфликта властей трудно решить, произошло ли сожжение Панамы по вине испанцев или по приказу Моргана. В "*Эксвемелине*", *История. Буканьерс*, 148, подразумевается, что Морган отдал такой приказ тайно и по частным причинам. В *Истории. Флиб.*, ii. 169, положительно утверждается, что Морган, опасаясь, что испанцы могут застать его врасплох ночью, приказал обстрелять город. В *Истории Архенхольца. Пираты*, 143, вина также возлагается на обвинение Моргана. С другой стороны, в депеше президента, переведенной в "*Путешествия Шарпа*", 156, признается, что город был обстрелян рабами и некоторыми жителями. Все эти авторы признают, что флибустьеры пытались остановить пожар. Кажется, нет веской причины, по которой Морган, имевший теперь в своем распоряжении 28 артиллерийских орудий, должен был опасаться нападения испанцев или почему он должен был совершить поступок, который лишил его шансов на получение выкупа. В книге *Роблеса, Документе по истории Медицины*, серия i. том. ii. 117, упоминается, что письмо от президента Панамы, датированное 3 апреля 1671 года, почти через шесть недель после отъезда Моргана, было получено в Мексике в декабре того же года. Письмо подтверждает перехваченную депешу во многих деталях и добавляет, что, когда город был сожжен, буканьеры "оказались без провизии и припасов и по этой причине не выполнили своего главного намерения, которое состояло в том, чтобы пройти к Портобелло по суше, осадить его с помощью кораблей по морю и захватить блокадой, и что они заранее привезли с собой мальчика, которого называли принцем и намеревались короновать королем Огненной Земли".

[XXVIII-21] Эксквемелин, *История. Флиб.*, ii. 171. Слитки золота и серебра, разумеется, направлялись транзитом в Испанию и были помещены на борт галеона для сохранности.

[XXVIII-22] В *Истории. Буканьерс*, 152, утверждается, что затем его подвесили за интимные части тела и выпороли в таком положении.

[XXVIII-23] Все ведущие авторитетные источники согласны с тем, что заключенные подвергались мучительным пыткам. Автор книги "*Путешествия Шарпа*" делает попытку обелить характер Моргана и высмеять историю этих зверств. Эта работа была опубликована в Лондоне в 1684 году, через несколько лет после того, как Карл II посвятил Моргана в рыцари. Автор частично собрал свои материалы, расспрашивая самих пиратов, и поэтому, возможно,

заслуживает доверия в некоторых деталях; но тот факт, что 16 из 20 страниц предисловия посвящены жалким попыткам "спасти честь этого несравненного храбреца и моряка", в то время как повествование о набеге на Панаму занимает всего 20 из 170 страниц, кажется, показывает цель, с которой оно было написано.

[XXVIII-24] 'Quatre cent quarante-trois mille deux cents livres, comptant l'argent rompu à dix piastres la livre.' *Exquemelin*, in *Hist. Flib.*, ii. 191. На страницах 197-8 того же тома есть объяснение способа, которым Морган ухитрился спрятать большое количество драгоценных камней. Пираты, возможно, верили, что было добыто такое количество награбленного, хотя его реальная стоимость, вероятно, составляла менее трети от того, что они предполагали. В "*Путешествиях Шарпа*", 143, стоимость добычи указана в 30 000 фунтов стерлингов - сумма, почти недостаточная для покрытия расходов, которые Морган, должно быть, понес при получении своего титула от Карла II. Достоверных данных на этот счет нет.

[XXIX-1] "Он украшен множеством прекрасных церквей и религиозных домов". "*Война Дампира*", i. 178-9. Так в книге Дрейка "*Университет полковника Вой*", 63, и *Coreal, Voy.*, i. 92.

[XXIX-2] Под командованием капитанов Харриса и Соукинса. *Путешествие Рингроуза*, 2.

[XXIX-3] Фундамент дружбы между уроженцами Дариена и буканьерами был заложен капитаном Райтом во время плавания у берегов Самбалласа около 1665 года. В том году Райт взял в плен парня, который в 1679 году, когда капитан снова был в тех краях, убедил своих людей, что англичане ненавидят испанцев и поэтому окажутся полезными союзниками. В доказательство их дружеского расположения к индейцам он привел в пример доброе обращение, которому подвергся. Затем туземцы поднялись на борт капера, и после разумного обращения было заключено соглашение, разрешающее англичанам пересечь эту территорию и выйти к Южному морю. *Путешествие Дампира*, i. 181-3.

[XXIX-4] Пираты только что захватили пакет с письмами в Портобелло, некоторые из которых были адресованы панамским торговцам от их корреспондентов в Испании. В этих письмах содержался намек на пророчество, распространенное в то время: "Что в том году в Вест-Индии появятся английские каперы, которые совершат такие великие открытия, что откроют дверь в Южные моря". Похитители истолковали это как проход по суше через территорию индейцев, и это толкование, совпадающее с приглашением туземцев, побудило их предпринять поход на Панаму. *Путешествие Дампира*, i. 180-1.

[XXIX-5] Андреса называли "императором Дариена", магнатом, на службе у которого теперь числились флибустьеры. Эти вожди одно время правили обширной территорией вокруг Дарьенского залива, но были ограничены в своих границах испанцами, с которыми они вели постоянную войну. *Путешествие Шарпа*, 2.

[XXIX-6] "Над заливом". *Война Рингроуза*, 4. "На берегу залива". *Открытые Берни. South Sea*, iv. 91. 'En doen over een Inham van byna een Mijl in de lengte.' *Exquemelin, Hist.* Беканье, 148.

[XXIX-7] Рингроуз говорит об этом монархе с подчеркнутой серьезностью, без тени иронии. Вероятно, это была первая коронованная особа, с которой он был в близких отношениях.

[XXIX-8] Рингроуз называет зверя "Тигром", *Voy.*, 8; но, скорее всего, это был ягуар или тигровая кошка. Это правда, что использование огнестрельного оружия могло быть сопряжено с риском, но почему индейцы не могли убить его своими стрелами?

[XXIX-9] Анонимный источник утверждает, что меньшая группа прибыла на место встречи 12 апреля и, увидев, что их друзья не прибыли, шепотом посоветовались между собой. Андрес, заметив это, отправил каноэ вверх по меньшему рукаву реки, которое вскоре вернулось с двумя каноэ большего размера, которые прибыли на следующий день. *Победа Шарпа.*, 7-8.

[XXIX-10] Шарп говорит о пекари как о "Варре" и описывает его как дикое животное, чем-то напоминающее свинью по внешнему виду и вкусу, но "пупки у этих животных росли на спине". *Sharp's Voy.*, 4, в *Hacke, Coll.* Однако нет никаких сомнений в том, что это был пекари. Паскуаль де Андагойя упоминает об этом, впадая в ошибку, обычную для старых авторов, относительно "пупка" на спине. *Андагойя, Рассказ*, 17. Это также замечено Акостой, *Hist. Ind.*, lib. iv. cap. xxxviii., и Эррерой, *dec. ii. lib. ii. cap. iv.* Де Рошфор говорит об этом под именем "Javaris". *Hist. Nat. Антильские острова*, 138 (изд. 1665). В Коста-Рике это животное до сих пор в просторечии известно как "варре", хотя это название не встречается в печати, и поэтому я принял фонетическое английское написание, которое согласуется с написанием капитана Шарпа.

[XXIX-11] Exquemelin thus relates the incident referred to: 'Hier vonden en verlost en we d'oudste Dogter van de Konink van Darien (van wien hier boven is gewag gemaakt), die zo 't scheen door een van de Soldaten van 't Guarnizoen met geweld uyt haar Vaders Huys was weg genomen; en zwanger by hem was.' *Hist. Беканье*, 153.

[XXIX-12] Шарп не замечает этого происшествия. Представляется вероятным, что жажда мести могла побудить отца и деда, Антонио и Андреса, преувеличить богатство Санта-Марии.

[XXIX-13] Шарп не упоминает об этой резне, но он оценивает потери испанцев примерно в 70 человек убитыми и ранеными, что, возможно, включает тех, кто был убит индейцами. *Журнал*, 6; в коллекции Хакке.

[XXIX-14] Утверждается, что разочарование от своей добычи сделало разбойников более кровожадными, чем обычно, "ибо, хотя они оказали слабое сопротивление и не потеряли ни одного человека, 26 испанцев были убиты и 16 ранены во время нападения, а многие другие были намеренно убиты в лесу после капитуляции индейцев". *Журнал объединенной службы*, 1837 г., стр. ii. 316.

[XXIX-15] *Война Рингроуза*, 11; *Шарп, Журнал*, 7, в коллекции Хакке; *Открытие Берни. Южное море*, iv. 96.

[XXIX-16] Термин *пирагуа* здесь применяется к большому каноэ, часто имеющему мачту и паруса и сильно отличающемуся от обычной "землянки". Буканьеры часто называли это судно барком.

[XXIX-17] "Богу было угодно, чтобы, несмотря на крайнюю опасность даже для тех, кто их спас, все они были спасены. Непреложная истина заключается в том, что те, кто рожден для повешения, никогда не утонут, и это доказывает то же самое с нами, когда одного из нашей компании повесили на Ямайке в Порт-Рояле; И мы были очень близки к этому здесь, в Лондоне." *Путешествие Шарпа*, 11.

[XXIX-18] Шарп говорит о 14 днях. *Дневник*, 10, в коллекции *Хакке*.

[XXIX-19] *Буканьеры из Америки.*, ii.; *Война Рингроуза.*, 20-1. Последний названный автор указывает номер экипажа как 137. *Хакке, полковник Вой.*, ii. 10, и Шарп, *Вояж*, 12, говорят, 130 человек.

[XXIX-20] См. *Открытие Берни. Южное море*, iv. 98.

[XXIX-21] *Полковник Хакке. Вой.* Шарп достиг острова Чепилло 23 апреля, но один авторитетный источник утверждает, что в этот день флот и барк расстались.

[XXIX-22] *Буканьеры из Америки.*, ii.; *Война Рингроуза.*, 21-2. Один человек убит и пятеро ранены, согласно *полковнику Хакке Войю.*, ii. 10.

[XXIX-23] Согласно *Буканирсу из Америки.*, ii.; *Война Рингроуза.*, 22, все заключенные сбежали, кроме одного. Но заявление Шарпа о том, что его люди доложили ему, "что на земле лежали мертвые люди, что заставило их предположить, что наши люди подрались с испанцами", "*Полковник Хакке. Вой.*", ii. 12; "*Вой. Шарпа*", 12, опровергает версию Рингроуза, которая умалчивает об этом зверстве.

[XXIX-24] В городе Панама обычно находился гарнизон из 300 регулярных войск и 1100 ополченцев, но когда *буканьеры* прибыли в залив, большинства их солдат в городе не было, и жители были в крайнем ужасе, поскольку получили уведомление о готовящемся нападении всего за двенадцать часов. Лучшие из оставшихся солдат были размещены на борту эскадры, так что представляется весьма вероятным, что если бы пираты высадились на берег вместо того, чтобы вступать в бой с военными кораблями, они могли бы завладеть этим местом. *Буканьеры из Америки.*, ii.; *Война Рингроуза.*, 28-9.

[XXIX-25] *Id.*, 25-6. Другой отчет об этой битве несколько отличается от приведенного выше: "Мы взяли на abordage одно из них и унесли его; таким образом, вместе с ним мы захватили второе; и третье, несомненно, постигла бы та же участь, если бы оно вовремя не скрылось". *Путешествие Шарпа*, 13-14.

[XXIX-26] "Сразу у нас было одиннадцать человек убитыми и еще тридцать четыре опасно ранеными". *Id.*, 14. Шарп также приводит те же цифры, *полковник Хакке. Вой.*, ii. 12. Рингроуз говорит, что их потери составили 18 убитых и 22 раненых, двое из последних умерли позже, одним из которых был "капитан Питер Харрис, храбрый и стойкий солдат ... родившийся в графстве Кент". *Буканирс из Америки.*, ii. 27. Берни говорит: "18 были убиты, и более 30 раненых", *Хист. Букк.*, 99; а также *Журнал United Service*, 1837, стр. ii. 316.

[XXIX-27] Корабли, захваченные в ходе боевых действий, позже также были сожжены.

[XXIX-28] Команда этого судна захватила другой барк, и, разобрав старый и поместив своих пленников на его борт без мачт и парусов, пустила их по течению. *Буканьеры из Америки.*, ii.; *Война Рингроуза.*, 30.

[XXIX-29] Согласно Шарпу в *Id.*, 14 и анонимному рассказчику в "*Войне Шарпа*", 15. Рингроуз говорит: "Он увел с собой до трех десятков десяти наших людей". *Буканьеры из Америки.*, ii. 30.

[XXIX-30] Sharp фиксирует эту дату на 29 апреля. *Полковник Хакке. Вой.*, 16.

[XXIX-31] По словам Рингроуза, в ней было 2000 кувшинов вина, 50 кувшинов пороха и 51 000 песо. *Буканьерс из Америки.*, ii. 31. Шарп, который произвел захват, говорит, что судно было захвачено 26 апреля с 1400 банками вина и бренди, некоторыми боеприпасами и 50 000 песо, *полковник Хакке. Вой.*, ii. 15.

[XXIX-32] За 3000 песо. *Id.*, 16.

[XXIX-33] Блокада города была настолько плотной, и настолько велик был ужас, внушаемый пиратами, что первые новости, полученные в Мехико, подтверждали, что Панама захвачена, многие испанцы убиты, а монахи и многие другие люди бежали в горы. Эти разведанные были переданы президентом Гватемалы и достигли Мексики только 8 августа 1680 года. *Robles, Diario*, ii. 310.

[XXIX-34] Находясь там, Рингроуз составил карту Панамского залива и части побережья, которая была более точной, чем любая из имевшихся в распоряжении испанцев. *Буканьеры из Америки.*, ii. 32-3. Власти снова расходятся во мнениях относительно даты.

[XXIX-35] "Остров Кибо или Кабайя, находится в 7 д.ш. 14 м. к северу от экватора". *"Война Дампира"*, i. 212. Он назван Рингрозом Кайбоа. *Буканьеры из Америки.*, ii. 33. Его современное название - Кокимбо. При переходе туда разразился шторм, и затонули две барки, на одной из которых находилось 15 человек, а на другой - семь. Этот шторм и крушение не упоминаются анонимным автором *"Войны Шарпа"*, хотя сам Шарп упоминает об этом в *"войне полковника Хакке"*, ii. 34.

[XXIX-36] "Они вошли в реку с 50 Мужчинами ... и по пути наверх обнаружили два судна, которые они бросили". *Компания Южных морей: вид на побережье*, 162.

[XXIX-37] Перед тем, как покинуть Табогу, где они пробыли около 14 дней, один из буканьеров, француз, перебежал к врагу и выдал планы всех своих товарищей. Частоколы были построены испанцами по совету беглого француза, *полковника Хакке. Вой.*, ii. 33-4.

[XXIX-38] По словам Рингроуза, помимо Соукинса были убиты еще двое мужчин и еще трое ранены. Анонимный автор в *книге Шарпа "Война"*, 16-17, говорит, что провал предприятия произошел из-за "Опрометчивости и бездарности" Соукинса, который бросился в атаку до того, как высадилась четвертая часть людей, будучи человеком, которого ничто на Земле не могло утешить.

[XXIX-39] Как "Человек, который был настолько Доблестен и отважен, насколько это вообще возможно, а также следующий за капитаном. Шарп, самый любимый из всей нашей Компании или большей ее Части". *Буканьеры из Америки.*, ii. 33-4. Шарп не был всеобщим фаворитом среди пиратов. Берни говорит, что "Рингроуза не было в Англии, когда был опубликован его рассказ; и воспользовались его отсутствием, чтобы вставить в него несколько дерзких пассажей в похвалу доблести Шарпа". Далее он говорит, что в рукописи дневника Рингроуза, хранящейся в коллекции Слоуна, Британский музей, цитируемый отрывок, касающийся характера Соукинса, гласит: "Капитан Соукинс был доблестным и великодушным человеком, которого любили больше всех, кто когда-либо был среди нас, чего он вполне заслуживал". *Открытие Берни. Южное море*, iv. 104-5. Следовательно, вывод, предложенный Берни, заключается в том, что Шарп или кто-то в его интересах использовал отрывки, охарактеризованные как "дерзкие".

[XXIX-40] Согласно Рингрозу, стр. 35, которые присоединились бы к ним, если бы не опасности путешествия, 63 человека ушли. loc. cit. Ушедших было около 70, в то время как 146 остались с капитаном. Шарп. *Война полковника Хакке.*, ii. 35. "В этом мятеже еще 75 наших людей покинули нас и вернулись по Суше, как пришли, выполнив свои поручения нашему Императору". *Война Шарпа.*, 17.

[XXIX-41] Некто Джон Кокс принял командование кораблем Кука "Мэйфлауэр" с ротой из 40 человек. *Война Шарпа.*, 17-18. Шарп на данный момент не упоминает Кокса.

[XXIX-42] Корабль Рингроуза был сожжен из-за железа.

[XXIX-43] Причиной мятежа было то, что у капитана Шарпа теперь было около 3000 песо, и он хотел немедленно вернуться домой. У двух третей команды, однако, не осталось денег, так как они все проиграли в азартные игры, и они не собирались возвращаться; поэтому они поддержали претензии Уотлинга к Sharp. *Победа Шарпа.*, 49. "Пока мы стояли у острова Джон-Фернандо, капитан Шарп был по общему согласию смещен с поста командира; рота не была удовлетворена ни его храбростью, ни поведением". *"Путешествие Дампира"*, вступление., стр.v. Рассказ о мятеже без каких-либо подробностей содержится в *"Дрейка, полковника Вой.*, 56. Шарп говорит, что заговор против него был в основном делом рук Джона Кокса, которого он назначил в отдельное командование под своим началом по старому знакомству. *Полковник Хакке. Вой.*, ii. 45-46.

[XXIX-44] После смерти Уотлинга "огромное количество самых подлых людей" желали, чтобы Шарпа еще раз избрали командиром, но более опытные и способные люди не были удовлетворены и не давали согласия. Расхождение во мнениях стало настолько велико, что было решено поставить этот вопрос на голосование; большинство оставило себе корабль, а меньшинство взяло баркас и каноэ и поплыло, куда пожелают. Поскольку отряд капитана Шарпа был в большинстве, Дампир присоединился к меньшему отряду, и, взяв свою долю провизии и т. Д., Они отплыли к Перешейку. *Путешествие Дампира*, вступление, стр. v.-vi.

[XXIX-45] Шарп утверждает, что он был единогласно восстановлен в должности после смерти Уотлинга, и не упоминает о мятеже. *Полковник Хакке. Вой.*, 48.

[XXIX-46] Он также похитил несколько человек обоего пола, за которых впоследствии был получен выкуп в 1000 песо. *Хайя, Сообщн. аль-Рей*, ср., 12; *Новая Зеландия, Краткое резюме*, ср., ii. 385. Хуаррос, *Guat.*, i. 58, упоминает, что Эспарса ранее был разграблен французским корсаром в 1670 году. Он снова подвергся нападению пиратов в 1686 или 1688 году, когда был покинут своими жителями, которые удалились в долины Багасес и Ландечо. *Хайя и Нуэва*, особенно, см. выше.

[XXIX-47] Их название внушало такой ужас, что новый вице-король Перу не осмелился отплыть из Панама к своему правительству на 25-пушечном корабле, а дождался прибытия армады с юга. *Буканьеры из Америки.*, ii. 136.

[XXIX-48] Лас Касас в своем *Рассказе об испанских походах и жестокостях в Вест-Индии*, 217, четко излагает принцип, согласно которому "испанцы не имели никаких прав на американцев, как на своих подданных, по праву наследования, покупки или завоевания". *Дариен, Защита шотландского поселения*, 5.

[XXIX-49] Рингроуз прямо заявил, что они действовали повсюду без каких-либо комиссионных. *Буканьеры из Америки.*, ii.; *Война Рингроуза.*, 178, и *Открытие Берни. Южное море*, iv. 123. Берни говорит: "Из-за несовершенства представленных доказательств они избежали осуждения". *Id.*, iv. 123. Трех людей Шарпа судили на Ямайке, и один был повешен. Рассказчик сказал, что этого человека "вынудили к открытому признанию: двое других настаивали на этом и скрылись из-за отсутствия свидетелей, которые могли бы доказать против них этот факт". *Id.*, iv. 124. Смотрите также о казни этого человека, *Война Шарпа.*, ii. Одним из главных обвинений был захват "*Росарио*" и убийство ее капитана и еще одного человека: "но было доказано, - говорит автор анонимного рассказа, который был одним из лиц, привлеченных к суду, - что испанцы первыми открыли по нам огонь, и было решено, что мы должны защищаться". *Id.*, iv. 123-124.

[XXX-1] Их было 44 европейца, один испанский индеец и два индейца-москито.

[XXX-2] Кроме того, два корабля, один с 20 пушками и 200 людьми на борту, а другой с десятью пушками и 150 людьми на борту, крейсировали в бухте между Финским заливом и Горгоной. *Война Дампира.*, i. 6.

[XXX-3] Дампир настойчиво убеждал своих товарищей бежать к реке Конго, расположенной в трех лигах отсюда, и подняться по ней до уровня прилива, но не смог убедить их в существовании большой реки так близко, "но они где-нибудь высадутся, они не знали, как, где и когда". *Id.*, 7.

[XXX-4] Эта высадка была произведена 1 мая 1681 года. *Id.*

[XXX-5] Здесь они узнали, что находятся не более чем в трех милях от Конго. *Id.*, 12.

[XXX-6] "Один из наших людей, устав, ускользнул от нас". *Удостоверение личности.*

[XXX-7] Только благодаря женскому влиянию они заручились поддержкой индейца. Его жене подарили "Нижнюю юбку Небесного цвета", и вскоре она преодолела его упрямство. *Id.*, 13.

[XXX-8] Когда они переходили реку вброд в последний раз, самые высокие мужчины стояли в самом глубоком месте и помогали перебираться больным и тем, кто был поменьше ростом, так что перебрались все, за исключением двоих, которые отстали. Дампир носил свой дневник и другие записи в большом бамбуковом мешке, концы которого были закрыты воском. *Id.*, 15-16.

[XXX-9] Двое мужчин, оставшихся позади, позже, когда они присоединились к своим товарищам, заявили, что нашли его лежащим мертвым в ручье с деньгами, которые все еще были у него на спине, но они не взяли их, намереваясь выбраться из страны. *Id.*, 17.

[XXX-10] Здесь доктор Ваффер и еще четверо, включая двух отставших, остались. Однако несколько месяцев спустя они присоединились к своим товарищам. *Id.*, 19, 24; *Война вафель*, 4-43.

[XXX-11] Однажды они пересекли один и тот же ручей 22 раза, совершив девятимильный марш. *Война Дампира.*, i. 19.

[XXX-12] Два дня они были совсем без еды. На третий день мы добыли ягоды ара... чем мы, впрочем, и удовлетворились в этот день". *Id.*, 20. Эти ягоды, вероятно, были плодами большого дерева ара, *acrosomia sclerocarpa*.

[XXX-13] Один из островов группы Самбаллас, который простирается примерно на 20 лиг от мыса Самбаллас до Золотого острова. Эти острова с 1679 года были излюбленным местом прогулок и поэтому стали местом встречи каперов, многие из них были названы в честь капитанов судов, как в случае с Ла-Саунд-Ки. *Id.*, 22-3.

[XXX-14] Дэвис, по словам Эксвемелина, родился на Ямайке. *Буканьерс из Америки.*, 49. Люссан в *удостоверении личности*, 26 лет, утверждает, что он был фламандцем. Первый автор приводит краткое повествование без даты о смелом рейде, совершенном этим пиратом в Никарагуа со стороны Атлантики. В этом предприятии он, должно быть, прошел вверх по реке Сан-Хуан, на берегах которой пираты числом 80 человек прятались днем, а ночью гребли. На какой именно город они напали, неясно, но добычей было более 50 000 песо.

[XXX-15] Дэвис оставил касику кору, наполовину наполненную мукой, в награду за его услуги. Итон вылетел 2 сентября, взяв на борт 400 мешков муки. *Id.*, 129; *Полковник Дрейк Вой.*, 59.

[XXX-16] Назван так, согласно сообщению испанцев, из-за того факта, что Дрейк разделил там между своими людьми серебро, которым был нагружен один из его призов. *Dampier's Voy.*, 132. Он также назывался островом Дрейка.

[XXX-17] Люссан приводит отчет, отличный от отчета Дампира. Он утверждает, что инженер на борту корабля Суона сказал ему, что он принадлежал герцогу Йоркскому и был послан, чтобы составить план этих частей, и что Суон, встретившийся с Дэвисом, был вынужден присоединиться к нему, потому что "цель моя - быть свидетелем того, что ты делаешь". *Журнал войны.*, 64-5.

[XXX-18] Один был захвачен во время охоты, а другой был одним из людей капитана Харриса, которых оставили на реке Санта-Мария годом ранее. *Dampier's Voy.*, 177-8, 186-7.

[XXX-19] Дампир утверждает, что капитан Бонд спланировал эту стратегию. Итон и его собственный пилот Мортон бросили Бонда и убедили его людей перейти на сторону испанцев. *Id.*, 189-90.

[XXX-20] Отчет об их путешествии см. в *Lussan, Journal du Voy.*, 37 и далее.

[XXX-21] Французский капитан, вызванный Дампиром Гронетом, предложил Дэвису и Суону каждому новое поручение, предоставленное губернатором Пти-Гуавре, который привык снабжать своих капитанов незаполненными бланками. Капитан Харрис взял один из них. Дампир говорит: "Я никогда не читал ни одного из этих французских приказов, пока был в этих морях, и тогда я не понимал их значения; но с тех пор я узнал, что их смысл заключается в том, чтобы дать свободу ловить рыбу, дичь и охотиться". *"Война Дампира"*, 192.

[XXX-22] Эти люди так и не появились, хотя Харриса послали на "Санта-Марию" на их поиски. 15 марта они наткнулись на барк с пятью или шестью англичанами на борту под командованием Генри Мора. Это судно принадлежало капитану Найту, который совершал плавание у берегов Мексики и, как сказали матросы, однажды ночью расстался со своим кораблем. Суон, чтобы

продвинуть Харриса, заявил, что верит в дезертирство мужчин, и, допросив еще нескольких, передал командование Харрису. *Id.*, 197.

[XXX-23] Распределились следующим образом: корабль капитана Дэвиса с 36 орудиями и 156 людьми; капитан Свон с 16 орудиями и 140 людьми; это были единственные суда, имевшие артиллерию. Таунли со 110 мужчинами; Харрис со 100 мужчинами. Почти все они были англичанами. Капитан Грогниет с 308 людьми; капитан Бранли с 36 людьми; барк Таунли с 80 людьми; и два тендера с экипажем по восемь человек в каждом. У них также был 30-тонный барк, переделанный в брандер. *Id.*, 208. Люссан, *Journal du Voy.*, 60-1, приводит такое же количество судов; относительно мужчин он говорит: "Я вижу надежного монстра в окружении цензуры".

[XXX-24] "Сначала адмирал, 48 орудий, 450 человек; вице-адмирал, 40 орудий, 400 человек; контр-адмирал, 36 орудий, 360 человек; корабль из 24 орудий, 300 человек; одно из 18 орудий, 250 человек; и одно из 8 орудий, 200 человек; 2 больших брандера, 6 кораблей только со стрелковым вооружением, всего по 800 человек на борту; не считая 2-3 сотен человек в переправах". Этот отчет был получен позже от капитана Найта, который, находясь у берегов Перу, собрал информацию у нескольких пленных. *Dampier's Voy.*, 207-8.

[XXX-25] Грогниет отплыл, когда в поле зрения показались испанцы. Позже он в качестве оправдания заявил, что его люди не позволят ему присоединиться к битве. Он был уволен, но в конечном итоге ему разрешили улететь со своим кораблем и людьми. *Id.*, 208-9. Таков английский отчет. Люссан, однако, утверждает, что из-за того, что на корабле Грогнье не было пушек и он был перехвачен судном с 28 пушками, он не смог присоединиться к сражению. *Journal du Voy.*, 85-6.

[XXX-26] Потери испанцев в этом бою неизвестны, но Дампир делает сомнительное заявление, что пираты потеряли только одного человека. *Voy.*, 209. Отчет, приведенный Люссаном, который был на корабле Харриса, существенно отличается от отчета Дампира. Он утверждает, что флотилии с сокровищами удалось добраться до Панама незамеченной буканьерами, и что затем семь судов отплыли и вступили с ними в бой, почти с теми же результатами, что описаны Дампиром. Корабль Харриса получил более 120 обычных попаданий, а корабли Дэвиса и Суона серьезно пострадали. *Journal du Voy.*, 79-88. Разница в датах между Дампье и Люссаном объясняется тем фактом, что французы тремя годами ранее внесли изменения в свой календарь на десять дней, чего не сделало английское правительство. *Открытие Берни. Южное море*, iv. 177.

[XXX-27] "Мы были рады ускользнуть от них; и этим мы также, в значительной степени, были обязаны их недостатку мужества преследовать свое преимущество". *Война Дампира.*, 209.

[XXX-28] Находясь таким образом в оккупации, они послали отряд против Пуэбло Нуэво, где Соукинс был убит в 1580 году. Город был легко взят, но добычи было добыто мало. 5 июля к ним присоединился капитан Найт, чей круиз не принес прибыли. *Идентификационный номер*, 213-4. Нападение на Пуэбло-Нуэво стало причиной дезертирства французов, которых все еще оставалось 130 человек. Французы думали, что англичане воспользовались их малочисленностью и отказались мириться с их властолюбием: "в затруднительном положении мы находимся постоянно", находясь под покровительством высокомерных людей, мы не уступаем французскому тренту". *Люссан, Журнал войны.*, 93-4.

[XXX-29] Их силы теперь состояли из 640 человек и восьми кораблей под командованием капитанов Дэвиса, Суона, Таунли и Найта. Капитан Харрис потерял свое судно, которое, "будучи старым и прогнившим, развалилось на куски", когда он вел его креном. *Dampier's Voy.*, 215.

[XXX-30] Согласно одному авторитетному источнику, на страже находились только двое мужчин. Один из них заметил пиратов и поспешил в город, чтобы предупредить. Его рассказу не поверили; он был арестован, и его намеревались публично выпороть. Это произошло 21 августа 1685 года. *Морель, Висита*, ср., 47-8.

[XXX-31] "Таунли с 80 самыми бойкими людьми шел впереди, капитан Суон со 100 людьми шел следующим, капитан Дэвис со 170 людьми шел следующим, а капитан Найт замыкал тыл". *Война Дампира.*, 219.

[XXX-32] В отчете Дампира, который утверждает, что с ним осталось 59 человек, есть расхождение, что увеличивает число тех, кто покинул флот, до 530, не считая четырех капитанов.

[XXX-33] Таунли занял город в 3 часа дня, Суон прибыл в 4 часа, а Дэвис - в 5 часов. Найт появился только через час, оставив многих уставшими, которые потом пришли с трудом. Испанцы убили "полного седовласого мужчину в возрасте около 84 лет, который служил под началом Оливера во время Ирландского восстания". Он отказался остаться с каноэ и, когда его окружили испанцы, не принял пощады, а выстрелил в них из своего ружья ", так что они застрелили его на расстоянии. Его звали Суон; он был очень веселым, сердечным стариком и всегда заявлял, что никогда не потерпит пощады". *Id.*, 219-20. По словам Морель де Ста Крус, *Виситы*, 48-летней мисс, пираты вошли в город в 11 часов утра, им противостояли всего 50 человек, 49 из которых бежали, оставшийся сражался до тех пор, пока не стал инвалидом из-за многочисленных ран.

[XXX-34] Один Смит, отставший и попавший в плен, настолько преувеличил численность флибустьеров, что губернатор побоялся нападать на них, хотя Смит оценивал свои силы более чем в 1000 человек. Впоследствии Смита обменяли на даму с высоким положением. *Dampier's Voy.*, 220. Люссан утверждает, что французы, прибыв в порт Реалехо несколько месяцев спустя, узнали, что помощь была отправлена из городов Никарагуа и Сальвадора и что английские флибустьеры "уклончиво послали подкрепление против генералов безопасности, сражались в саване, избегали тужуров, отказывались выходить на бис с Рамассесом". *Журнал войны.*, 112-3.

[XXX-35] "Наши капитаны потребовали 300 000 монет Восьмерки в качестве выкупа и столько провизии, сколько хватило бы 1000 человек на 4 месяца". *Война Дампира. Согласно Войску.*, *Новый кол.*, iii. 78, 30 000 штук по восемь штук.

[XXX-36] Суона сопровождал Таунли со своими двумя лаями. Найт и Харрис последовали за Дэвисом. Дампир связал свою судьбу со Своном, "чтобы получить некоторые знания о северных частях этого Мексиканского континента". *Война Дампира.*, 223-4. Суон после насыщенного событиями круиза по мексиканскому побережью направился через Тихий океан домой, расставшись с Таунли. Претерпев большие лишения, он добрался до островов Ладроне, а оттуда направился на Филиппины, где его люди подняли мятеж и оставили его с более чем 40 другими людьми на острове Минданао. Впоследствии он был убит туземцами. *Id.*, 375, 445-6.

[XXX-37] 'À cause de l'excommunication qu'ils avoient eux-mêmes fulminée contre elle.' *Lussan, Journal du Voy.*, 119.

[XXX-38] 'Après quatre jour d'une abstinence fort étroite.' *Id.*, 126.

[XXX-39] Примерно в 20 лигах от Чирикиты и примерно в 24 лигах к западу от Панамы. *Id.*, 88, 131.

[XXX-40] Люссан чуть не лишился жизни, попав вместе с четырьмя другими в засаду. Но он сбежал невредимым, хотя двое из отряда были убиты, а третий вышел из боя. Вера этого флибустьера в защиту провидения освежает: "Я не гарантирую резню, - говорит он, - без благословения, как часть защиты Человека, который проявляет себя". *Id.*, 135.

[XXX-41] В течение месяца 14 февраля скончался. *Id.*, 143.

[XXX-42] Пираты потеряли в этом столкновении 4 человек убитыми и 33 ранеными. *Id.*, 146.

[XXX-43] 'Nous fîmes en suite des Ordonnances par lesquelles nous condamnions à perdre leur part de ce qui se prendroit en ce lieu, ceux d'entre nous qui seroient convaincus de lâcheté, de viol, d'yvroynerie, de desobeïssance, de larcin & d'être sortis du gros sans être commandez.' *Id.*, 151.

[XXX-44] Согласно Морелю, *Vucume*, МИСС, 32 года, и Роблесу, док. *История Мексики.*, ii. 435, разграбление Гранады произошло в 1685 году. Но дата Люссана подтверждается его упоминанием того факта, что Леон и Реалехо были разграблены английскими пиратами до прибытия французов на побережье, *Журнал войны.*, 112; и Дампир утверждает, что эти города были захвачены в августе 1685 года. *Voy.*, 216-21.

[XXX-45] *Lussan, Journal du Voy.*, 154. Роблес говорит, что 900 человек вошли в Леон и Гранаду. *Диарио*, ii. 435.

[XXX-46] Луссан заявляет, что жители Гранады были предупреждены властями Эспарсы тремя неделями ранее. *Journal du Voy.*, 154-5.

[XXX-47] Берни утверждает, что Гранада не была регулярно укреплена, но имела оружейный склад, окруженный стеной. *Открытие. Южное море*, iv. 267. Люссан говорит, что оно могло вместить 6000 человек. *Journal du Voy.*, 160.

[XXX-48] 'Ils foncerent dans la ville les yeux fermez, chantans dançans comme des gens qui vont à un festin.' *Lettre du Gouv.*, in *Lussan, Journal du Voy.*, 256.

[XXX-49] Морель, *Vucumai* др., 33-летняя мисс, говорит, что потерь не больше 13 человек.

[XXX-50] абсурдность практической религии становится очевидной, когда мы находим авторитетное утверждение о том, что одной из главных причин разрыва между французскими и английскими пиратами было нечестие последних, "не знающих правил щепетильности, лорскильских захватчиков, совершающих перевороты на саблях, распятиях, а также совершающих перевороты на фузиле и пистолетах, бризантных и мутильных против мемов". оружие, "Изображение святых в насмешку над культом, требующим встречи автора Франсуа Лера". Люссан, *Журнал войны.*, 94.

[XXX-51] Все богатство города было погружено на борт двух кораблей и перевезено на остров в озере, но пираты, не имевшие каноэ, не смогли его захватить. *Id.*, 163-4.

[XXX-52] *Id.*, 162. Испанцы сочли послание пиратов простой угрозой и не пытались освободить город. *Морель, Висита*, ср., 33.

[XXX-53] Ветанкурт утверждает, что в этом, 1686 году, англичане вошли в Гранаду и разграбили могилу епископа Алонсо Браво де Лагуна, и что, сняв украшения с тела, которые они нашли прекрасно сохранившимися, подожгли собор, вместе с которым были сожжены останки прелата. *Menolog.*, 136.

[XXX-54] Они увезли из Гранады пушку, но были вынуждены бросить ее в первый же день из-за того, что волю умирали от жажды. *Lussan, Journal du Voy.*

[XXX-55] "Они неожиданно напали на Риа Лекса и взяли в плен 100 жителей". *Открытие Берни. Южное море*, iv. 269.

[XXX-56] Всего только 7600 песо, и эта сумма была разделена между калеками и ранеными. *Lussan, Journal du Voy.*, 177.

[XXX-57] 'Qui est à trente lieües sous le vent de Panama.' *Id.*, 179-80.

[XXX-58] At San Lorenzo, near Pueblo Nuevo, 'le Commandant du lieu vint nous offrir une somme d'argent pour la rançon des prisonniers; ce que nous refusâmes, parce que nous avons beaucoup plus besoin de vivres: Nous luy dîmes que s'il ne nous en apportoit, ... qu'il n'avoit qu'à envoyer sur l'Isle y chercher leurs têtes.' *Id.*, 244-5.

[XXX-59] Однажды конный испанец продемонстрировал свою ненависть к пиратам, оскорбляя их и корча им гримасы с безопасного расстояния. Незванные гости устроили засаду из пяти человек и продолжили свой марш. Несчастный испанец попал в руки скрывшегося отряда. Люссан, со своим обычным легкомыслием, когда речь заходит о варварстве, так описывает то, что последовало за этим: "Я люблю справедливую гримасу за то, что ты хороший. On l'interrogea avec les ceremonies ordinaires, c'est à dire en luy donnant la gêne, pour sçavoir où nous étions." *Id.*, 264-5.

[XXX-60] Грогниет скончался 2 мая от раны, полученной им в Гуаякиле, где пираты захватили большое количество трофеев в виде товаров, жемчуга, драгоценных камней и серебряных изделий. *Идентификационный номер.*, 302, 308.

[XXX-61] Падре убедили их, что флибустьеры даже не имели человеческого облика и что они съедят их и их детей. Однажды испанская леди попала в руки Люссана и со слезами на глазах воскликнула: "Сеньор, за любовь ко мне" (так в оригинале). *Id.*, 304-5.

[XXX-62] Они привезли с собой добычу в виде золота, серебра и ювелирных изделий стоимостью 200 000 фунтов стерлингов. Серебро не пользовалось большим уважением из-за его веса, и за унцию золота давали 80 и 100 пиастров серебром. Многие из этих людей потеряли свою долю добычи, играя в азартные игры, и они составили заговор с целью убийства своих богатых компаньонов. Однако Люссан, у которого было накоплено в золоте и драгоценных камнях около 7000 фунтов стерлингов, разделил свое состояние среди самых нуждающихся с

условием, что они вернут ему определенную долю по прибытии в пункт назначения. *Архенхольц, История. Пир.*, 218-21; *Люссан, Журнал войны.*, 385-6.

[XXX-63] Больных и раненых вместе с поклажей и лошадьми оставили под охраной в лагере с приказом часто стрелять из мушкетов в течение ночи, чтобы враг думал, что они все там. Люссан говорит, что таким образом в лагере осталось 80 человек, но поскольку изначально их было всего 280, и некоторые умерли, должно быть, произошла ошибка. *Экскемелин, История. Флиб.*, iii. 312-4.

[XXX-64] Люссан, *Журнал путешествий*, 411. Тем не менее, этот автор довольно непоследовательно добавляет: "Независимое прикосновение к состраданию в качестве количественного определения того, кто знает, что происходит в ущелье, где мы остаемся". Этот же авторитет, который был одним из нападавших, утверждает, что у пиратов был только один убитый и двое раненых, что заявление Архенхольца, *Hist. Pir.*, 226, вызывает серьезные сомнения.

[XXX-65] Этот ручей известен или был известен под разными названиями. На разных картах я нахожу, что она называется Рио-Гранде-дель-Коко, Рио-де-Оро, Рио-Хербиас, Рио-Сеговия, река Ванк, река Яре и река Кейп. Архенхольц замечает: "Эта река, название которой не встречается ни в одном из исторических материалов, с которыми мы ознакомились, но которая, по-видимому, является рекой Магдалина, берет свое начало в горах Новой Сеговии". *История. Пир.*, 230. Берни, *Открытие. Южное море*, iv. 292, говорит: "согласно карте Д'Анвиля... она называется Рио-де-Яре. Дампир ... называет ее Кейп-Ривер."

[XXX-66] Люссан называет их пирожными. Они были построены из четырех или пяти кусков легкого бруса, соединенных вместе веревками завода *bejuso*. *Journal du Voy.*, 422.

[XXX-67] Люссан говорит, что там было по меньшей мере сто водопадов, самые большие из них с огромными водоворотами. Эти водопады можно было миновать только волочением. "Короче говоря, все это настолько грандиозно, что никто, кроме тех, кто имеет некоторый опыт, не может иметь о нем правильного представления. Но для меня ... кто, пока я жив, будет думать о тех рискованных предприятиях, которым я подвергался, невозможно, чтобы я дал такое представление об этом, но это будет далеко от того, что я действительно знал о них". *Буканьеры Америки*, i. 171.

[XXX-68] Шесть французов спрятались за скалами и напали на пятерых англичан, которые, как было известно, были хорошо снабжены добычей, и перебили их. '*Nous trouvâmes mon compagnon & moi, leurs corps étendus sur le rivage.*' *Lussan, Journal du Voy.*, 430-1. Убийцы сбежали, и их товарищи больше никогда их не видели.

[XXX-69] Люссан утверждает, что они оставили 140 человек заканчивать свои каноэ.

[XXX-70] В двенадцати лигах отсюда, к востоку от мыса Грасиас-а-Диос.

[XXX-71] Английские буканьеры некоторое время оставались у индейцев москито близ мыса Грасиас-а-Диос. Большая часть французов добралась до поселений, но 75 из них, отправившихся на Ямайку, были заключены в тюрьму герцогом Албемарлем, губернатором. После его смерти в следующем году они были освобождены; но ни оружие, ни награбленное им возвращено не было. *Открытие Берни. Южное море*, iv. 293-4.

[XXX-72] Люссан, в *Буканьерах Америки.*, iii. 180; и *Журнал войны.*, 448.

[XXXI-1] Патерсон, сын фермера из Дамфришира, родился в 1658 году. Достоверных записей о начале его карьеры нет. В *Истории Фрэнсиса. Банк Англии, и Интер. Ком.*, 15, утверждается, что он отправился миссионером в Вест-Индию, а затем присоединился к буканьерам. Это утверждение не так уж невероятно, как может показаться, поскольку флибустьеры, грабя и убивая испанца-католика, воображали, что служат Богу, как и испанец, когда он грабил и убивал туземцев. Уилкс, *История. 48-летний Орегон* говорит, что изначально предполагалось, что он был южноамериканским пиратом.

[XXXI-2] См. *Оригинал. Документы и письма, относящиеся к Шотландской компании*, 50.

[XXXI-3] *Id.*, 53. Следует отметить, что министры его Величества тогда, как и сегодня, не всегда были очень сведущи в английской грамматике.

[XXXI-4] Анонимный автор книги "*Защита шотландского поселения в Дариене*", Эдинбург, 1699, 3. Его псевдоним - Фило Каледон.

[XXXI-5] Автор книги "*Справедливое и скромное оправдание замысла шотландцев основать колонию в Дариене*", 1699, аноним.

[XXXI-6] В декабре 1698 года компания предоставила совету, состоящему из ее членов, определенные права, предоставленные им шотландским парламентом и подтвержденные Вильгельмом IV. В *Расследовании причин выкидыша в Шотландской колонии*, Глазго, 1700 г., анонсировано, 67, приводится полный текст заявления совета. Эта работа была опубликована в ответ на обвинение в том, что в провале компании виноваты исключительно сами шотландцы, и особенно офицеры компании. Палата общин Англии объявила ее "ложной, предательской и скандальной" и приказала обычному палачу сжечь ее, а автора заключить в тюрьму. Шотландцы были не менее разгневаны и столь же требовали наказания преступника.

[XXXI-7] Соппротивление англичан и высокие цены вынудили их отправиться в Амстердам и Гамбург, где они заказали шесть кораблей с 50 пушками на каждом. *Дариен, Запрос*, 82. Всего четыре корабля, один из которых был продан до начала первой экспедиции. *Открытие Берни. Южное море*, iv. 362. 17 июля 1698 года первая экспедиция, состоящая из трех кораблей: "Каледония", "Святой Андрей" и "Единорог", а также двух тендеров, на борту которых находилось около 1200 человек, покинула Эдинбургский залив. *Id.*, 363. 26 июля 1698 г. и столько же судов. Экспедиция отплыла из Лейта. *История Уинтерботэма. США*, iv. 124; *Взаимодействие Штамма.*, 16. В начале сентября 1699 года, *История Симанна. Истина*. 46. Последний, очевидно, ошибается и противоречит сам себе в более поздних цитатах. Уинтерботэм, вероятно, прав в отношении даты и пункта отправления.

[XXXI-8] Сэр Уильям Бистон, губернатор Ямайки, издал прокламацию в соответствии с этими инструкциями 8 апреля 1699 года, и аналогичные приказы были изданы губернаторами Барбадоса и Нью-Йорка. *Дариен, Оригинал. Документы*, 42-6.

[XXXI-9] До этого времени король частично скрывал свою политику. 28 июня 1697 года совет компании пожаловался королю на действия его резидента в Гамбурге. 2 августа государственный секретарь отвечает, что резиденту было приказано не препятствовать переговорам компании. 28 сентября 1697 года директора компании жалуются, что резидент не

получал такого приказа. 22 июля 1698 года к парламенту была обращена просьба оказать содействие королю в принятии таких мер, которые удержали бы его резидента в Гамбурге. На запрос совета от 13 января 1699 года государственный секретарь получил ответ от 7 февраля 1699 года с запросом информации о поселении. *Дариен, ориг. Документы*, 10, 20, 34; подтверждено в *Дариене, Расследовании*, 26-33; и частично в *Анналах Макферсона*, ii. 666.

[XXXI-10] Для получения полного описания этих людей см. *Коренные расы, том i.*, эта серия.

[XXXI-11] Его рассудок восстановился после того, как он вернулся домой, и он прожил до 1719 года. За четыре года до своей смерти ему была присуждена сумма в размере 18 241 фунта стерлингов в качестве компенсации за его потери в Дариенской экспедиции.

[XXXI-12] Уинтерботэм, *История США*, 125, указывает 1698 год в качестве даты этого мемориала. Существует копия оригинала в *Defence, Scots Settlement*, 2, где дата указана как в тексте.

[XXXI-13] В августе 1699 г.

[XXXI-14] Капитуляция была подписана 31 марта 1700 года.

[XXXI-15] Когда в Мексику пришло известие о капитуляции шотландцев, зазвонили церковные колокола и отслужили торжественный день благодарения. *Robles, Diario*, iii. 254.

[XXXI-16] *Ариза, Дариен*, СР., 18-21. В этом произведении рассказывается о карьере и судьбе Гарсии.

[XXXI-17] Эта информация была предоставлена настоятелем кафедрального собора Панамы.

[XXXI-18] Он умер в тюрьме в Мадриде. *Альседо, Диктатура.*, iv. 45; и *Хайя, в данных по истории Истмоа*.

[XXXI-19] *Giro del Mondo*, 240. Капитан Симан упоминает, что самая крупная и красивая жемчужина, когда-либо найденная на побережье Панамы, имела три четверти дюйма в диаметре и была идеально круглой. Ее добыли на островах Пуэр-Дес-Вой., i. 268.

[XXXI-20] асиенто должен был продлиться 30 лет, до 1 мая 1743 года. Подрядчики должны были ежегодно вывозить 4800 негров и выплачивать короне Испании по 33½ эскудо за каждого; а также авансировать его католическому величеству 200 000 эскудо, подлежащие выплате через 20 лет. Если потребуются больше негров, можно было бы вывезти дополнительно 4800 человек, за каждого из которых следовало заплатить по 16½ песо. Негры, доставленные на наветренное побережье, не должны были продаваться дороже 300 песо за штуку, но на Огненной земле или в Новой Испании цена не ограничивалась. Никакой другой компании не разрешалось участвовать в этих перевозках, и никакие товары не могли перевозиться под страхом конфискации. Корабли подрядчиков могли отплывать либо из британских, либо из испанских портов. *Мода лосося. История.*, iii. 219-22.

[XXXI-21] *Реалес Седулас*, ср., i. 192; *Хайя, Информация всего мира*, 4; *История Робертсона. Амер.*, ii. 394-9.

[XXXI-22] Каперские свидетельства были выданы 21 июля, а эскадра Вернона отплыла 20-го, возможно, зайдя в Портсмут за приказами.

[XXXI-23] Губернатор города Франсиско Мартинес де Рецес подвергся горькому унижению, если мы можем верить сэру Эдварду Сиворду, который в то время был заключенным в Портобелло. Сивард и его друг капитан Найт были арестованы из-за ссоры с губернатором и за отказ извиниться перед королем Испании за то, что в прошлом году освободили некоторых пленников, заключенных в Портобелло. С обоими плохо обращались, и когда они доложили о случившемся Вернону, адмирал приказал губернатору и им самим предстать перед ним. "Я не ссорюсь с доном Франсиско Мартинесом де Рецезом из-за себя лично, - сказал Сивард, - но я ссорился и когда-нибудь буду ссориться с ним из-за короля, моего господина, которого он самым грубым образом оскорбил неуважительными словами в присутствии капитана Найта и меня". "Что он сказал?" - спросил Вернон. "Сначала он оскорбил сэра Эдварда Сиворда самым дерзким и презрительным поведением, - ответил капитан, - и когда я возразил ему, сказав, чтобы он помнил, что сэр Эдвард Сиворд равен ему по званию и занимает почетные должности при короле Англии, он ответил: "Я не считаю самого короля Англии равным мне по званию, потому что он немногим лучше голландца". - Ты, проклятый трус! - взревел адмирал. - Со всей твоей длинной чередой неприятных имен, как мне тебя называть? Падай до мозга костей, негодяй, и проси прощения у короля, нашего повелителя, или я вышвырну тебя из ада в Карцер! Дон попросил прощения у своих бывших пленников, но больше ничего не хотел делать. Это не удовлетворило Вернона, и, бросив гинее, он схватил его за шею и заставил наклониться, крича: "Вот портрет короля! встань на колени, негодяй, и проси прощения. - Губернатор взял монету и, тихо воскликнув: "Йо он офендидо", положил ее обратно. Это было сочтено достаточным извинением. *Рассказ Сиворда.*, под редакцией Джейн Портер, 3-е изд., Лондон, 1841, ii. 280-1, 290-2. Это произведение, без сомнения, в основном художественное, предположительно составлено по рукописи из дневника Сиворда.

[XXXI-24] экипажи *guardas costas* и других испанских судов в гавани разграбили портобелло в ночь его захвата, и жители умоляли адмирала о защите. *География. и история. Описание. W. Ind.*, 109, Лондон, 1741. В этой работе дается краткий очерк истории Картахены, Портобелло, Вера-Крус, Гаваны и Сан-Агустина вплоть до начала 1740 года с описанием каждого из этих городов. Утверждается, что книга была составлена на основе подлинных мемуаров, и поскольку она была опубликована менее чем через два года после захвата Портобелло, она, вероятно, заслуживает некоторого доверия, особенно в деталях, хотя и предвзята в основном.

[XXXI-25] *Id.*, 108. В *Краткой истории Дугласа. и Пол.* (Лондон, 1755), 46, утверждается, что Вернон захватил испанскую фабрику и вывез товаров на сумму 70 000 фунтов стерлингов. Март и Роды, в *Истории. Marina Española*, ii. 662, says; 'No encontró allí el vencedor la riqueza que se prometia.'

[XXXI-26] Вскоре после того, как Энсон покинул Англию, испанское правительство отправило под командованием адмирала Писарро эскадру из шести судов, чтобы помешать замыслу Энсона. Два корабля заметили друг друга недалеко от Магелланова пролива, но во время шторма, упомянутого в тексте, три испанских судна потерпели крушение, два других достигли устья Ла-Платы с потерей половины экипажа, а оставшийся корабль прибыл туда с потерей 300 из 450 человек.

[XXXII-1] Для физического, социального и морального описания комаров см. *Native Races*, i. 711, эта серия; и об их языке, *Id.*, iii. 571-2, 782-90.

[XXXII-2] Используя слово "пупок" в некотором смысле, оно применяется к части щита, то есть выступающей части.

[XXXII-3] *Королевство Москетто*, написанное около 1699 г. М. У. в *Сборнике Черчилля "Война"*, vi. 309 и далее., Лондон, 1757. Не исключено, что М. У. был пиратом, одним из тех, кто пересекал границу Гондураса.

[XXXII-4] *История. Cent. Am.*, i. 294 и последующие, эта серия.

[XXXII-5] Имеется копия этого постановления и другого, датированного тем же годом, уполномочивающего аудиенцию Гватемалы разрешить заключение такого контракта. *Calvo, Traités*, xi. 196-203.

[XXXII-6] *Москитоланды*, 25. "С 1670 года комары просят защиты и суверенитета Великобритании". *Мексиканский музей*, 2da, стр. 194.

[XXXII-7] *Москва. Терр., Оффик. Корр.*, в *Mosq. Doc.*, 60-3. Этот договор был ратифицирован законодательной ассамблеей Ямайки.

[XXXII-8] *Aranz, Informe sobre los Mosquitos*, MS. Отчет скопирован из архива генерал-капитана Гватемалы.

[XXXII-9] Был назначен совет, председателем которого был суперинтендант, суд общей юрисдикции и мировые судьи. *Mosq. Терр., выключен. Корр.*, приложение iv.

[XXXII-10] В январе 1775 года в Англию прибыло посольство, состоящее из юного Джорджа, сына короля москитов, его брата Исаака и двух вождей москитов. Их главной целью было добиться возмещения ущерба, причиненного местным жителям во внутренних районах страны, откуда свободных людей постоянно увозили на невольничьи рынки. На обратном пути они чудом избежали захвата испанскими крейсерами. После высадки пассажиров на мысе Грасиас-а-Диос судно проследовало к месту назначения в Блэк-Ривер и было захвачено, когда стояло на якоре на рейде. *ID*.

[XXXII-11] В 1777 году некоторые из основных поселенцев отправили в Англию два различных груза сахара, рома, индиго, коры, сарсапариллы, панциря черепахи и других предметов. Таможня отказала во ввозе сахара на борт каждого судна. *Удостоверение личности*.

[XXXII-12] Английский флот состоял из двух линейных кораблей, шести военных фрегатов, шхуны и двух бригов. *Пелаес, Мэм. Guat.*, iii. 127.

[XXXII-13] Во время обсуждения договора возникал острый вопрос о том, следует ли использовать термин "испанский" или "американский континент". Следует помнить, что капитуляция Корнуоллиса произошла в предыдущем году.

[XXXII-14] Полный текст этого договора приведен в *Кастельоне, Москва. Вопрос*, 52-6.

[XXXII-15] Число английских поселенцев со своими рабами, покинувших побережье Москито, составило 3550 человек. *Сок. мексиканский. Геог., Бол.*, 2da ep., i. 393-400.

[XXXII-16] Вскоре после ухода англичан король самбо и некоторые из его вождей отправились в картахену и заявили о своем желании креститься. Их просьба была удовлетворена, и церемония

была проведена в соборе архиепископом Новой Гранады 8 июля 1788 года. По их просьбе в Москитию также были направлены миссионеры, но их труды оказались бесплодными. *Пелаес, Мэм. Guat.*, iii. 151.

[XXXII-17] По истечении срока его полномочий Лойала отправился в Мексику и стал иезуитом. *Дисс. Университет. История. География.*, iv. 800.

[XXXII-18] *Нук.*, *Дискуссия в Нуэве*, 6-7. Он также находится в Пелаэсе, *Мэм. Guat.*, ii. 177.

[XXXII-19] *Relacion Punctual*, ср., 18. Пелаес говорит, что это же имя фигурирует в книге приговоров *audiencia* от 18 июня 1765 года, но его собственные намеки на двух следующих названных лиц делают его дату неприемлемой, если только не было повторного назначения или Линч ошибся.

[XXXII-20] Ранее он управлял Комаягуа, Флоридой и Юкатаном, и был повышен с поста губернатора Никарагуа до поста президента Гватемалы. *Хуаррос, Сост.*, 269.

[XXXII-21] Его имя встречается как командующего офицера в *Барроэте, Relacion sobre Mosquitos*, 5, № 34.

[XXXII-22] Число, указанное в дневнике за 1780 год, перепечатано в *Нук.*, *бол. Ofic.*, 27 апреля 1857 г., стр. 7, 2500.

[XXXII-23] Теперь Бартола.

[XXXII-24] Четыреста москитов, и контрабандисты привезли с собой несколько пушек. *Нук.*, *Бол. Ofic.*, 29 апреля 1857 г., стр. 7.

[XXXII-25] Нельсон в своей автобиографии таким образом скромно сообщает о своем участии в экспедиции: "В январе 1780 года было решено предпринять экспедицию против Сан-Хуана. Я был избран командовать его морской частью. Майор Польшон, который командовал, расскажет вам о моих усилиях; как я покинул свой корабль, перевез войска на лодках на 100 миль вверх по реке, по которой со времен буканьеров никогда не поднимался никто, кроме испанцев. Затем будет рассказано, как я взял на бордаж (если мне будет позволено это выражение) аванпост противника, расположенный на острове на реке; что я построил батареи и впоследствии сражался с ними, и что я был главной причиной нашего успеха".

[XXXII-26] В 1803 году Нельсон пишет: "Лихорадка, уничтожившая армию и флот, участвовавшие в этой экспедиции, неизменно начиналась за тридцать-сорок дней до того, как она атаковала вновь прибывших, и я не могу привести более сильного примера, чем тот, что произошел на "Хинчинбруке" [корабле Нельсона], на котором находилось 200 человек, 87 человек слегли в постель за одну ночь".

[XXXII-27] Заявления относительно потерь британцев расходятся. "Эта экспедиция стоила англичанам 5000 жизней и 1 000 000 фунтов стерлингов". *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 174. Три миллиона долларов и 4000 человек. *Нук. Гас. Суп. Гоб.*, 92, 'Les Anglais furent obligés de se retirer honteusement après avoir perdu 4,000 hommes et dépensé plus de trois millions de piastres, selon le témoignage du colonel Hodgson.' *Belly, Nic.*, i. 30.

[XXXII-28] Нук., *Kop. Ist.*, in *Cent. Am. Pap.*, iii. 322. Известие о его назначении было получено в Мексике 2 ноября 1701 года. *Robles, Diario*, iii. 332, 495. Добавляется, что он подал в отставку и никаких намеков на какое-либо повышение не делается.

[XXXII-29] *Alcedo, Dic.*, iii. 325. Просто сказано: "Он не поехал в свою епархию", в *N. Esp., Breve Resumen*, ii. 387; но в *Nic.* "Он был избран в 1727 году и умер в Севилье, готовясь к отплытию". *Коррео дель Истмо*, в *Cent. Am. Papers*, iii. 322.

[XXXII-30] *Castro, Diario*, in *Doc. История. Мексика.*, серия i. том. iv. 235-7, 239-41, 253; v. 6-7, 12-13, 39-40, 109; vi. 27. Альседо, *Dic.*, iii. 326, со своей обычной небрежностью сообщает, что он умер в 1757 году. У *Флореса и Риверы, Элегий*, в *пап. Вар.*, 75 сказано: "29 октября 1756 года в Мексиканском университете покойному были произнесены очень теплые панегирики".

[XXXII-31] Не говоря уже о меньших, 10 крупных вулканов располагались в следующем порядке: Тортуга, Ринкон-де-ла-Вьеха, Эриденда, Мираваллес, Куэкуалапа, Тенорио, Пеладо, Буэнависта, Хомес и Агуакате. *Nouv. Annales de Voy.*, cli. 9.

[XXXII-32] Мистер Сквайер склоняется к мнению, что гуатусо принадлежат к ацтекскому племени, но сегодня об их происхождении известно немногим больше, чем столетие назад, поскольку они остались почти нетронутыми. В *Хронике Коста-Рики* от 9 декабря 1857 г. появляется следующее сообщение офицера службы Коста-Рики: "Утверждается, что гуатусо происходят от колонистов, бежавших из Эспарсы, когда этот город был взят ранними флибустьерами. Те, кому довелось их видеть, утверждают, что они белые, бородатые и придерживаются системы военной дисциплины.... Дважды мы сопровождали генерала Рио-Фрио с намерением осмотреть территорию, но так и не нашли места для высадки.

[XXXII-33] Он присутствовал на заседании Королевского патриотического общества Гватемалы, состоявшемся 15 июня 1798 года, и был принят в почетные члены. *Soc. Каталонский*, в *пап. вар.*, № 45, стр. 1.

[XXXII-34] 4 февраля 1704 года его обвинили в ведении торговли с иностранцами. Впоследствии он был лейтенантом королевских офицеров провинции, а затем маэстро де кампо по указу от 31 августа 1716 года. *Пелаэс, Память. История. Guat.*, ii. 172-3.

[XXXII-35] Отец Андраде в письме от 16 ноября 1706 года сообщает, что они собрались из Уринамы 41, из Пещерного Кара свыше 700, из Сан-Хосе 336 и 150 других. *Пелаэс, Память. История. Guat.*, iii. 30-1.

[XXXII-36] Аналогичные указы были изданы 1 сентября 1713 г.; 16 июня 1714 г.; 6 августа 1717 г.; 20 декабря 1737 г.; 21 мая 1738 г. и позже, что показывает важность, придаваемую этому вопросу. *Bejarano, Informe sobre la Talamasca.*

[XXXII-37] Многие из них бежали, другие погибли, а остальные остались на службе у испанцев в Картаго и близ него. *Наяа, Informe al Rey*, 15.

[XXXII-38] Диего де ла Хайя Фернандес упоминается в качестве губернатора Коста-Рики 10 ноября 1718 года и снова 7 июля 1722 года, когда названы его предшественники. Неточность есть даже в отчете самого Хайи — в начале полностью написано, что он вступил во владение правительством в Картаго в 1718 году: "El año pasado de mil setecientos diez y ocho tomé posesion".

[XXXII-39] Итак, губернатор назначает генерал-лейтенантов в двух городах, четырех судей в соседних долинах и тенъенте в Матине, Боруке и Барбе. Во всей провинции нет ни одного эскрибано. *Науа, Informe al Rey*, 9.

[XXXII-40] Отчеты этого губернатора и его поощрение торговли и сельского хозяйства позволили предотвратить наихудшие последствия. *Астабуруага, Сент. Утра.*, 54.

[XXXII-41] Даже эта пораженная нищетой страна не была настолько бедна, чтобы избежать разграбления самбо и корсарами.

[XXXII-42] "Во время моего пребывания в 1752 году двое печально известных заключенных, послав угрозы наказания своим похитителям, освободились и исчезли. Не было предпринято никаких шагов для их поимки, даже губернатор выразил облегчение, когда больше не было причинено вреда". *Морель де Ста. Крус*. См. также *Ник. и Коста-Рика*, ср., 3-4.

[XXXII-43] Он упоминается в "*Куадерно Хисториал де Мисьонес*". *Пелаэс, Память. История. Гуат.*, ii. 173. Согласно тому же источнику, Наварро был губернатором в 1748 году, но, согласно Линчу, *Relacion Punctual* (1757), MS., 3, Пастора был губернатором, пока не расстался с жизнью в 1756 году, будучи убитым индейцами москито в устье реки Майя. В отчетах о миссиях в Таламанке бригадир Луис Диес Наварро упоминается как губернатор Коста-Рики в 1748 году и Мануэль Солер в 1759 году.

[XXXIII-1] Отчет об оставлении этого города был дан в *Истории Мексики.*, эта серия.

[XXXIII-2] *Пенише, Белице, в мексиканском обществе. Геогр., Болетин*, 2-я редакция, с. 217-9; *Пелаэс, Память. История. Гуат.*, iii. 136, 140; *Ник Стаута.*, 258. Сквайр, *Статистика. Сент. Ам.*, 575-6, утверждает, что название, как также говорили, произошло "от французского *balise*, маяк". Это он склонен признать правильным, "поскольку, без сомнения, здесь был поднят какой-то сигнал или маяк, чтобы направить флибустьеров к месту обычного randevu".

[XXXIII-3] *Пенише, Белице, в мексиканском обществе. Геогр., Болетин*, 2-я редакция, стр. 220-2. Согласно Мартину, *История. Вест-Индия*, i. 138, и *Пелаэсу, Память. Хист. Гуат.*, ii. 140, крупные силы из Петена попытались изгнать лесорубов с реки Белиз, но, напуганные смелым натиском англичан, они ограничились строительством форта на ее северо-западном рукаве, который, однако, был заброшен после четырехлетнего владения.

[XXXIII-4] Часть колонии прибыла сюда уже в 1736 году. *Сальседо, Испания, в Мексиканской республике. Геогр., Болетин*, 2-я редакция, стр. 225.

[XXXIII-5] Дата этой экспедиции неизвестна. Сьерра, *Ojeada sobre Belice*, относит это к 1727 году, но не приводит никаких документов в поддержку своего утверждения. Анкона, *Hist. Yuc.*, ii. 416, который внимательно следит за ним, сомневается в его правильности, хотя мнение этого последнего о том, что это произошло до визита Фигероа в Бакалар и стало причиной заселения этого места, по-видимому, основано на догадках.

[XXXIII-6] Сьерра, *Эфемеридес*, утверждает, что Белиз подвергся нападению 22 февраля 1733 года, а в своей книге "*Охеада Беличе*" тот же автор утверждает, что экспедиция была сформирована и проведена между 1726 и 1730 годами. Лара, *Исторические сведения*, не указывает даты. *Пенише, в соц. Мексике. Геогр., Болетин*, 2da ep., i. 223-5, следует за Сьеррой, но приводит копию письма губернатора Сальседо королю от 7 августа 1736 года, в котором 1733

год указан как дата экспедиции Фигероа. Анкона, *Hist. Yuc.*, приняла дату, указанную в этом письме.

[XXXIII-7] Сьерра, *Охеада Собре Беличе*; Лара, *Исторические источники* Пениче, упомянутые выше, говорят, что по пути в Бакалар к Фигероа присоединились колонисты с Канарских островов; в этом утверждении за ними следует Анкона, *История. Юк.*, ii. 415-17. Это, очевидно, ошибка, поскольку уже цитированное письмо Сальседо показывает, что даже в 1736 году прибыла лишь часть из них.

[XXXIII-8] Пелаэс, *Мем. Хист. Guat.*, ii. 140-1.

[XXXIII-9] Сальседо, *Carta*, в мексиканском обществе. *Геог., Болетин*, 2-я редакция, стр. 225-6. Я привожу здесь "*Карту части Юкатана или той части Восточного побережья Гондурасского залива, которая была отведена Великобритании для заготовки бревен в соответствии с Конвенцией*". Подписано с Испанией 14 июля 1786 года. Человеком из залива.'

[XXXIII-10] По пути в Мериду из Бакалара Фигероа заболел и умер. 10 августа 1733 года Лара, *Апунт. Hist.*, утверждает, что по требованию английского правительства Фигероа был осужден короной за это нападение, которое настолько унизило его, что привело к смерти. Эта версия принята Сьеррой в его сборнике "*Охеада*", а также Пенишем в мексиканском издании. *Геог., Boletin*, 2da ep., i. 226-7, но поскольку эти утверждения не упоминаются никакими другими авторитетами и дискредитированы Анконой, *Hist. Yuc.*, ii. 419-21, я склонен их отвергнуть.

[XXXIII-11] Пенише, в мексиканском обществе. *Геог., Болетин*, 2da ep., i. 222-7; Сальседо, *Carta*, в *Id.*, 225-6; Анкона, *История. Юк.*, ii. 413-22.

[XXXIII-12] Пенише в мексиканском обществе. *Геог., Болетин*, 2-я редакция, стр. 228-31.

[XXXIII-13] *Столетие штатов Сквайера.*, 576-7.

[XXXIII-14] Пенише в мексиканском обществе. *Геог., Болетин*, 2-я редакция, i. 231-4.

[XXXIII-15] 'Y Su Magestad Católica no permitirá que los vasallos de Su Magestad Británica ó sus trabajadores sean inquietados ó molestados con cualquiera pretexto que sea en dichos parajes, en su ocupacion de cortar, cargar y trasportar el palo de tinte ó de campeche; y para este efecto podrán fabricar sin impedimento y ocupar sin interrupcion las casas y almacenes que necesitaren para sí y para sus familias y efectos.' *Calvo, Recueil Traités*, ii. 371.

[XXXIII-16] Пенише, в мексиканском обществе. *Геог., Болетин*, 2-я редакция, i. 235-6.

[XXXIII-17] Андерсон, *История. Commerce*, iv. 47, цитирует лондонскую газету от этой даты, в которой говорится, что английское правительство получило дубликат приказа, осуждающего правительство Юкатана.

[XXXIII-18] Пенише, в мексиканском обществе. *Геог., Болетин*, 2-я эпоха, i. 240-3; Анкона, *История. Юк.*, ii. 269-73. Сквайер, *States Cent. Am.*, 577-8, ошибочно приписывает это нападение распространенности "контрабанды и других незаконных действий" среди лесорубов, не упоминая тот факт, что Англия и Испания в то время находились в состоянии войны.

[XXXIII-19] *Кастельон, Док. Ник. Хонд.*, 51-2; *Пенише*, в соч. *Мексике. Геог., Болетин*, 2da ep., i. 243-50; *Штаты Сквайера, Сент. Ат.*, 578-80; *Анкона, История. Юк.*, ii. 472-77.

[XXXIII-20] Полный текст договора можно найти в книге "*Кастельон*", *Док. Ник. Привет.*, 52-6. Смотрите также *Peniche* в мексиканском языке. *Геог., Болетин*, 2da ep., i. 251-6; *Анкона, История. Юк.*, 477-82.

[XXXIII-21] *Grimarest, Informe*, на мексиканском языке. *Геог., Болетин*, 2-я редакция, стр. 394-402.

[XXXIII-22] *Хендерсонс Хонд.*, 9; *Анкона, История. Юк.*, ii. 503-8; *Пенише*, в *Соч. Мексике. Геогр., Болетин*, 2da ep., i. 380; *Штаты Сквайера, Сент. утра.*, 581; *Лондонский Соч. Геог.*, xi. 81.

[XXXIII-23] *Штаты Сквайера, Сент. Ат.*, 581; *Лондонский соч. Геог.*, xi. 81.

[XXXIV-1] Страница 294 настоящего тома.

[XXXIV-2] Джон Твитт, в "*Войне*" *Хаклюта.*, iii. 568-9.

[XXXIV-3] *Arévalo, Col. Doc. Антил.*, 194-6.

[XXXIV-4] *Война Хаклюта.*, iii. 601. В книге *Огилби "Амер."*, 231, в качестве даты этой экспедиции указан 1576 год; и там указано, что вскоре после этого Трухильо был взят в плен голландцем Ван Хорном, а две трети города уничтожены случайным пожаром, причем добыча в результате набега была незначительной.

[XXXIV-5] Дата этого перевода по-разному указывается как 1558 год в книге *Пачеко и Карденаса, полковник Док.*, xv. 468; 1561 год, *Хуаррос, История. Гуат.*, 333, и *Calle, Memory. y Not.*, 127; 1562, в книге *Гонсалеса Давилы, Ecles Teatro.*, i. 306; и 1588 в книге *Огилби "Америка"*, 230.

[XXXIV-6] См. [стр. 303](#) и далее. этот том.

[XXXIV-7] Серда был переведен в Лас-Чаркас в 1577 году. *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, i. 306.

[XXXIV-8] Его управление принесло большую пользу епархии. Вскоре после своего прибытия он написал королю о его неотложных потребностях, и его величество прислал ему 50 картин и 50 молитвенников и поручил ему основать профессорскую должность, что и было сделано 29 сентября 1602 года. Епископ сделал много подарков главной часовне монастыря Мерсед и был похоронен там. *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, i. 307.

[XXXIV-9] *Id.*, 305. Общее число этих индейцев указано в 8000 человек на улице, *Memory. y Not.*, 126.

[XXXIV-10] В 1629 году Гальдо обратился к генеральному падре иезуитов с просьбой отправить нескольких членов его ордена в Гондурас; но опыт иезуитов в Гранаде и Реалехо несколькими годами ранее привел к отказу. *Алегри, История. Сост. Иисус*, ii. 176.

[XXXIV-11] См. [стр. 446](#) и последующие, этот том.

[XXXIV-12] Имя прелата, который был ответственным в то время, вызывает сомнения. В 1651 году доктор Хуан де Мерло был рукоположен в епископа Гондураса в Мексике, но не приступал к

работе в своей епархии до декабря следующего года. *Гийо, Дневник, в документе. История. Мексика.*, сери i. том. i. 190, 228. Как долго он занимал этот пост, неизвестно. В 1671 году престол был предложен Педро де Ангуло, который отказался от митры. *Роблес, Дневник, в удостоверении личности*, серия i. том. ii. 114. Следующее упомянутое назначение относится к Мартину де Эспинозе, который скоропостижно скончался в 1675 году, раздавая милостыню после мессы. Он был столетним стариком, но, по-видимому, обладал хорошим здоровьем. *Идентификационный номер*, 210. Согласно Васкесу, он предсказал свою смерть за восемь дней до этого; ее приближение было открыто ему в видении. *Хронология. де Гват.*, 215-16. Никаких других упоминаний о епископате Гондураса не делается до конца столетия, когда утверждается, что Анхель Мальдонадо, получивший митру, был переведен в Оахаку. *Роблес, Дневник, в документе. История. Мексика.*, серия i. том. iii. 256-7.

[XXXIV-13] 'Y aunque se libraron despachos, para que remitiesse lo actuado el Señor Obispo, ... no los remitió, porque quizás podían reconocerse falidos ... y *post tot discrimina rerum*, fué declarado el Señor Obispo por extraño.' *Chron. де Гват.*, 215.

[XXXIV-14] Имена губернаторов Гондураса в порядке их наследования с 1561 по 1781 год приведены в *Pelaez, памятке. Хист. Guat.*, ii. 177-80.

[XXXIV-15] Ни Пелаес, ни Самакуа ничего не упоминают об этой первой атаке, но Д. Гальвес в *Сос. Мех. Геог., Бол.*, ii. стр. 243-5, настолько ясен и конкретен в своем повествовании, что мы должны считать это упущением с их стороны.

[XXXIV-16] *Carta de Galvez, в мексиканском обществе. Геог., Бол.*, 2да эп. Очень разные описания этого дела даны Пелаэсом и Каво. Первое в *воспоминаниях. История. В Guat.*, iii. 107, говорится, что командир и остальные его офицеры не оказали сопротивления, но оставили в качестве заложников заместителя командира и двух капелланов; солдаты и многие жители были изгнаны. Каво, *Tres Siglos*, iii. 35-6, говорит, что в последний день обороны, когда барабаны в замке собирались отбивать по четвертям, британцы взобрались на стены, и прежде чем стражники оправились от неожиданности, более 100 англичан уже взобрались на зубчатые стены; при виде этого негры бежали, оставив английских хозяев крепости. Он добавляет, что кастелян, предвидя такую катастрофу, унес 40 000 песо и другие ценности неизвестной врагу дорогой и спас бы все остальное, если бы ему позволили это сделать.

[XXXIV-17] На борту трех захваченных торговых судов находилось 3 000 000 песо, принадлежащих купцам Гватемалы. *Самакуа, Ист. Méjico*, v. 628.

[XXXIV-18] В деле Самакуа, *Hist. Mej.*, v. 631-4, утверждается, что 500 000 песо были отправлены из Мексики для военных целей. Каво в книге *"Трес Сиглос"*, iii. 37, говорит, что вице-король прислал 200 000 песо, хотя просили 1 000 000, но что совсем недавно он потратил 600 000 песо на другие провинции.

[XXXV-1] [Страница 383](#) настоящего тома. Juarros says, 'Gobernó con toda equidad.' *Guat.*, i. 262.

[XXXV-2] Они заявили о праве прямого обращения и петиции к королю, которое было всячески ограничено аудиенцией; и 19 апреля 1601 года обратились к его величеству с просьбой издать седулу о том, что они могут направлять прокурора ко двору без необходимости одобрения аудиенции. Более того, они жаловались на то, что ординарные алькальды постоянно сталкивались с противодействием в вопросах юрисдикции со стороны коррехидора дель Валье,

который всегда был родственником или другом президента. *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 90, 100-3. Этот офис коррехидора дель Валье-де-Гватемала ранее был закрыт. Королевским указом от 7 июля 1607 года его обязанности были поочередно возложены на ординариос-алькальдов Гватемалы. *Улица, Память. и Нет.*, 118. У знатных горожан всегда была привычка брать с собой подушки, чтобы преклонять на них колени в церкви, независимо от того, присутствовали оидоры или нет. Аудиенция это запретила. *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 93. Президента также обвинили в том, что он присвоил главные апартаменты карсель-де-Корте и днем и ночью развлекал там ойдоров. *Id.*, 95.

[XXXV-3] *Повторный, История. Чьяпа, 728; Хуаррос, Гуат.*, 316.

[XXXV-4] Назван так по одноименной индийской деревне. Жители принадлежали к народу токепа. *Id.*, 314.

[XXXV-5] *Повторный, История. Чьяпа, 728; Рукопись Сквайера.*, xvii. 1-11; *Калле, Воспоминания*, 119.

[XXXV-6] *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 100-1.

[XXXV-7] Ремесал, представитель ubi, называет количество судов равным 12 и утверждает, что военные действия продолжались 11 дней. Хуаррос говорит, 9 дней. Но более достоверную версию событий можно найти в письме кабильдо королю: "В этом году в новом порту Санто-Томас две или три небольшие фрегаты, укомплектованные 35-40 людьми и с очень небольшим количеством артиллерии, защищались от восьми голландских кораблей типа "Конде Маурисио", большинство из которых были судами водоизмещением от 400 до 500 тонн, хорошо оснащенными артиллерией и насчитывающими более 1000 человек. Наши люди нанесли врагу большой урон, потопив один из его кораблей и отогнав его прочь, сами почти не пострадали, так как были защищены большой скалой у берега, на которой была размещена часть артиллерии". *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 106-7.

[XXXV-8] 'Fué sepultado en la Iglesia Catedral.' *Juarros, Guat.*, i. 262.

[XXXV-9] Томас Гейдж утверждает, что, когда он ушел в отставку, он "стоил миллионы долларов". *Новое исследование*, 282.

[XXXV-10] Он настолько расширил и украсил площадь Пласа-де-ла-Канделария, что она получила название пласа-дель-Конде. Этот президент был первым, кому был присвоен титул "Muy Ilustre Señor" вместо "Magnífico Señor". *Хуаррос, Гуат.*, i. 262-3. По словам Эскамиллы, *нет. де Гуат.*, 3, он занимал этот пост до 1627 года, когда вернулся в Испанию.

[XXXV-11] Гейдж, который в то время находился в Гватемале, в *Новом обзоре*, 267-8, 282-4 конкретен в своем заявлении относительно Гусмана как непосредственного преемника Гомеры и скрупулезен в других упоминаниях о его поведении. Хуаррос не упоминает имя Гусмана, но "Диего де Акунья, бывший президент Сан-Доминго" назван преемником Гомары, *Guat.*, 263; а также в *Escamilla, нет. Guat.*, 3, однако, без каких-либо дополнительных подробностей. Эти авторы, очевидно, ссылаются на одного и того же человека.

[XXXV-12] Названный Гейджем, супруг ubi, "Гонсало де Пас и Лоренсана". По словам Хуарроса, он вступил в должность в 1634 году, через год после ухода на пенсию Гусмана, который, по словам Хуарроса, был президентом в течение семи лет. *loc. cit.*

[XXXV-13] Датчик, Новая съемка, 282. Эпизодом его правления стало основание Сан-Висенте-де-Аустрия. Хуаррос, Гуат., i. 263.

[XXXV-14] Гейдж отмечает, что "город Гватемала был так хорошо снабжен провизией, и она была такой дешевой, что нищенствующего было нелегко найти".

[XXXV-15] Гейдж утверждает, что в его время был "Скотовод, который подсчитал, что на его собственной территории погибло сорок тысяч голов скота". Новое исследование, 278-9.

[XXXV-16] Новое исследование, 278, 280-81.

[XXXV-17] В 1604 году в городе проживало 890 основных семей, в том числе рекомандеро, купцы, коммерсанты, машинисты, земледельцы и другие. Налоговый список насчитывал 4500 стоунов. В период с 1607 по 1612 год включительно это количество сократилось менее чем на 2000 стоунов; и увеличилось до 5195 в 1613 году. В 1614 году эта сумма составляла 7 180 стоунов, а в 1626 году достигла 15 980 стоунов. Способ оценки людей был настолько оскорбительным, что в 1625 году раздоры стали повсеместными, а жалобы на заседателей были настолько ожесточенными, что один из них, Маркос Эстопиньян, алькальд ординарио, был брошен в тюрьму. Вскоре после этого чрезмерное налогообложение прекратилось, поскольку в седule от 3 августа 1629 года алькабалы были сданы в аренду кабильдо на восемь лет за 10 000 стоунов ежегодно. Пелаес, Мэм. Гуат., i. 226-9.

[XXXV-18] жалование президента составляло 5000 дукатов в год; каждого из ойдоров - 2000 дукатов. Улица, Память. и Нет., 117. Гейдж говорит, что зарплата президента составляла 12 000 дукатов. Новое исследование, 282.

[XXXV-19] Жалование каждого из этих офицеров составляло 300 000 мараведи. Calle, Memory. y Not., 118.

[XXXV-20] Каждый коррехидор получал 200 песо де мина в год. ID.

[XXXV-21] В 1617 году должность мэра альгуасила была продана за 18 000 стоунов, а в 1643 году - за 49 000 реалов. В 1645 году управление штрафами и судебными сборами было продано за 6000 песо, в то время как офисы escribanos de camara регулярно продавались по 20 000 песо каждый. Другие офисы предлагали соответствующие цены. Id., 119.

[XXXV-22] Выбрав несколько примеров для иллюстрации этих продаж, я обнаружил, что в 1636 году офис альфереса реала был продан за 3 998 дукатов; офис эскрибано публично был продан в том же году за 11 000 песо; генерального распорядителя штрафов и сборов в 1616 году за 28 500 стоунов, а в 1642 году за 6000 песо. ID.

[XXXV-23] Они были следующими: "Прокуратор Синдико ... Mayordomo, Fiel Executor, Correduria, Portero, con 30,000 maravedis de salario. Моджонерия, Прегонерия". Id.

[XXXV-24] Алегри, Ист. Комп. Хесус, 136, 448; Хуаррос, Гуат., 150.

[XXXV-25] "Провинциал доминиканцев", написанный в 1724 году, сообщает, что восстановление ущерба, нанесенного их монастырю и церкви в Гватемале в результате последнего землетрясения, обошлось ордену более чем в 25 000 песо; что потеря годового дохода составила по меньшей мере 9 000 песо; и что потребовалась значительная сумма на

ремонт мельниц и приведение в порядок имущества, принадлежащего ордену. *Гуат., Сто Доминго, en 1724*, 10

[XXXV-26] Эскамилля, *Заметки о курьезах Гуат.*, 4. Его назначение было произведено в 1653 году на восемь лет; он прибыл в Вера-Крус 30 сентября; а 15 января 1654 года отбыл в Гватемалу. *Гийо, Дневник, в документе. История Мексики.*, серия i. том i. 261, 274.

[XXXV-27] "Он поддерживал партию "Мазариегос"", - говорит Хуаррос, *Guat.*, i. 264, имея в виду, вероятно, одного из активных участников.

[XXXV-28] Право нести городской флаг на публичных мероприятиях принадлежало офицерам кабиљдо, но аудиенция узурпировала важную прерогативу и передала ее мэру альгуасиля. Королю было предложено вмешаться. *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 126-7.

[XXXV-29] Эти седулы датированы 6 ноября 1604 г.; 6 ноября 1606 г.; 7 июля 1607 г.; 23 мая 1673 г.; и 10 декабря 1687 г. Филипп II. назвал город "самым благородным и самым лояльным" и назвал корпорацию "Мой благородный Аюнтамьенто", а Фелипе III даровал городу привилегию иметь булавоносцев на всех общественных церемониях. *Juarros, Guat.* (Лондон, 1823), 129-30.

[XXXV-30] В письме из Гватемалы, датированном 30 января 1667 года, говорится, что Калдас прибыл и вступил во владение офисом 18 января того же года. *Caldas, Carta sobre el Lacandon*, 1. В *Escamilla, Noticias Curiosas de Guat.*, 4, 1668 год указан как год, когда он стал президентом.

[XXXV-31] Калдас в своем письме королю предлагает, чтобы его Величество приказал вице-королю Мексики и губернатору Кампече собрать всех бродяг и злодеев и отправить их в Калдас, а также мелких преступников, чтобы они могли участвовать в завоевании; более того, будут зачислены негритянские рабы и мулаты, чьи владельцы пожелают этого. Он также заявляет, что Гватемала и Кампече наиболее непосредственно заинтересованы в этом, поскольку их торговля могла бы осуществляться по прямой дороге протяженностью 80 лиг вместо 600, как это предусмотрено в существующем маршруте. *Caldas, Carta sobre el Lacandon*, 5-6. Вкратце подтверждено *Пелаез, Mem. Guat.*, i. 297; *Хименес, lib. v.* глава xx.

[XXXV-32] Это был первый официальный документ, напечатанный в Гватемале. *Пелаес, Мэм. Guat.*, ii. 261.

[XXXV-33] Кабиљдо в письме королю от 1 апреля 1669 г. говорят о Кальдасе как о "гобернадоре тан атенто и кристиано". О Сантильяне они замечают: "semejante Ministro como el suspenso, nunca será conveniència, сеньор, на море в эсте Сьюдад". *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 128.

[XXXV-34] Он умер в 1673 году и был похоронен в соборе. *Эскамилля, Mem. Cur. de Guat.*, 4.

[XXXV-35] Теперь правительство состояло из следующих должностных лиц: президента, губернатора, генерал-капитана и пяти ойдоров, которые одновременно были судьями по уголовным делам, казначеем, мэром альгуасиля и другими необходимыми министрами и должностными лицами. К юрисдикции аудиенсии относились Гватемала, Никарагуа, Чьяпа, Игерас, мыс Гондурас, Вера-Пас, Соконуско и острова на побережье. Границами на востоке была Огненная земля; на западе - Новая Галисия; на севере и юге - океаны. *Резюме. de Ind.*, i. 325-6.

[XXXV-36] В промежутке между смертью Кальдаса и вступлением на престол Барриоса президентство занимали епископ Гватемалы Фрай Фернандо Франсиско де Эскобедо и Энрике де Гусман. Администрация Эскобедо вызвала большое недовольство, и он получил ординатуру; но прежде чем она была завершена, он был вызван в Испанию в качестве великого приора Кастилии. Позже Эскобедо стал членом совета Индии и как таковой поддержал петицию Гватемалы о свободной торговле с Перу и аналогичные меры. *Пелаес, Мэм. Guat.*, ii. 209. В *Роблесе, Дневнике, в документе. История Мексики.*, серия i. том. ii. 416, говорится, что Эскобедо был назначен великим приором Сан-Хуана и получил вознаграждение в размере 32 000 песо за проживание.

[XXXV-37] *Гаваретт, Кол. док., CP.*, 46; *Пелаес, Память. Guat.*, ii. 259.

[XXXV-38] Особенно в том, что касается исполнения обрядов в новых районах Окотенанго и Чимальтенанго. У наемников и доминиканцев было отобрано несколько приходов, поскольку утверждалось, что среди них не было ни одного, знакомого с родной речью. *Айетта, Информатор, в переводе с английского, CP.*

[XXXV-39] 28 мая 1688 года в ойдора Педро де Сельва был произведен выстрел, и пока аудиенция обсуждала этот вопрос, епископ позвонил президенту и сообщил ему, что под печатью признания ему было открыто, что карабин был заряжен только холостым патроном. Выстрел был задуман как предупреждение оидору изменить свои взгляды относительно находящегося на рассмотрении дела, в котором были заинтересованы многие невинные люди. Когда президент попытался показать, что оидор во всем действовал справедливо, епископ дал волю гневу и покинул дворец, громко воскликнув: "Страна разрушается из-за беззакония ее правителей!" *Гаваретт, Cop. Doc.*, 55.

[XXXV-40] В *Гаваретте* говорится, что епископ был смещен, но все другие источники описывают его деятельность в качестве епископа Гватемалы до его смерти в 1701 или 1702 году.

[XXXV-41] Скалс потребовал издать приказ о том, чтобы Венегас "под присягой у эскритов соблюдал приличия сеньора президента", и заявляет, что Венегас неоднократно утверждал, что он, Скалс, узурпировал президентский пост. *Пелаес, Мэм. Guat.*, ii. 209-10.

[XXXV-42] Одним из способов было сослаться на незнание обсуждаемых вопросов и, следовательно, отказаться от голосования. На это президент ответил приказом уведомить оидоров о готовящихся к внесению ходатайствах. Другим был предлог болезни и, как следствие, невозможности присутствовать; чтобы избежать этого, он распорядился, чтобы голосование принималось в письменной форме. *Пелаес, Мэм. Guat.*, ii. 269-70.

[XXXV-43] Овьедо подал свои иски в совет, но, несмотря на то, что его назначение было датировано первым по порядку времени, они приняли решение против него. *Diego Oviedo y Baños, sobre Presidencia.* Эта брошюра, дата которой не указана, вероятно, была опубликована в 1705 году или около того и, по-видимому, является частью более крупного труда, содержащего полный случай Овьедо, отредактированного лицензиатом Бальтазаром де Асередо.

[XXXV-44] *Роблес, Дневник*, iii. 252.

[XXXV-45] Согласно Эскамиллье, *нет. Кур. де Гуат.*, ср., 5 лет, он был восстановлен в должности в 1700 году и вернулся в Испанию в 1701 году. Juarros, *Guat.*, i. 268, says 'el Señor Berrospe murió, antes que se serenase la borrasca.'

[XXXV-46] См. [стр. 380](#), этот том.

[XXXV-47] На заседании кабиљдо в 1607 году его величеству сообщили, что епископ Рамирес в течение некоторого времени держал капитул в большом волнении своими беседами и проповедями, в которых он использует грубые и ужасные выражения. *Arévalo, Col. Doc. Антиг.*, 112. Сравните Juarros, *Guat.*, i. 279-80; *Calle, Memory. y Not.*, 116.

[XXXV-48] Дата, указанная Пелаэсом, - 1607. *Mem.*, i. 295; *Морелли, Fast. Nov. Orb.*, 348; и *Калле, Mem. y Not.*, 116. У Пачеко и Карденаса, *полковника Док.*, viii. 46, назван 1608 год; а Сквайер в *Cent. Am.*, 561, указывает 1609. Ремезал предполагает более поздний срок.

[XXXV-49] Гонсалес Давила, *Ист. Эклз.*, 164.

[XXXV-50] Гонсалес Давила, *Театр Эклз.*, 168 лет, говорит, что он был назначен 5 июля 1645 года и прибыл в Гватемалу 16 сентября того же года. В Juarros, *Guat.*, i. 283, датой назначения короля указан 1641 год, который Давила называет для передачи Саравии. Согласно Эскамиллье, *Noticias Curiosas de Guat.*, 9, епископ Солтеро прибыл в Гватемалу в конце 1644 или начале 1645 года. Он согласен с Давилой в утверждении, что вступил во владение офисом 16 сентября 1645 года. Мы можем заключить, что интервал между администрациями Саравии и Солтеро составлял около трех-четырёх лет.

[XXXV-51] 31 мая 1647 года Сантьяго кабиљдо в письме королю заявил, что во время недавнего мора он поднялся с постели больного, чтобы посетить все части провинции и заботиться о людях, раздавая милостыню и своим примером побуждая других к добрым делам. *Arévalo, Col. Doc. Антиг.*, 119-120.

[XXXV-52] В 1608 году король освободил эту больницу от задолженности в размере 17 411 стоунов, которые были предоставлены ей короной. *Gonzalez Dávila, Teatro Ecles.*, i. 152.

[XXXV-53] В 1633 году ему был передан серебряный рудник; в то время его доход составлял не менее 30 000 дукатов в год. *Датчик, Новая съемка*, 283.

[XXXV-54] Получено полностью из статьи contribution. Президент Эскобедо был особенно либеральен и пожертвовал более 55 000 песо на строительство новых зданий. Он также обеспечил заказу доход в размере 300 долларов: "какова ситуация с арендой сегуры в мас-де-фресентос песо". *Гарсия, История. Бет.*, ii. 28-31; также *Медина, Хроника. Сан-Диего, Мексика.*, 37.

[XXXV-55] Епископ Саенс Маньоска попытался смягчить суровые правила ордена вопреки желанию отца Родриго, последний решил предотвратить любые изменения, получив ратификацию правил папой римским. Одному из братьев-вифлеемцев, находившемуся в то время в Испании, было приказано отправиться с этой целью в Рим, где ему это удалось, согласно булле, подписанной папой Климентом X. 2 мая 1672 года." *Гарсия, Hist. Бет.*, ii. 60-70.

[XXXV-56] Ответ епископа очень объемный и противоречит большинству заявлений, сделанных его оппонентом. *Рибера, Эль Маэстро*, № i. 1-42; № ii. 28; № iii. 1-56.

[XXXV-57] В *Медине, Chron. S. Diego Mex.*, 241 говорится, что он умер в Гватемале в дату, указанную в тексте, а Хуаррос, *Guat.*, i. 285, добавляет, что он был похоронен в тамошнем соборе. Эскамилля, *Hem. Cur. de Guat.*, 4, утверждает, что он уехал в Ла-Пуэблу перед своей кончиной. Последний цитируемый автор называет себя Мальорка-и-Мурильо, а Хуаррос - Маньоска-и-Мурильо.

[XXXV-58] "Я могу сказать это, "Чьяпас" превосходит большинство провинций величием и красотой прекрасных городов и не уступает никому, кроме Гватемалы". *Новое исследование Гейджа*, 219.

[XXXV-59] Согласно официальной переписи, проведенной в 1611 году, население Чьяпаса составляло немногим более 100 000 человек. *Пинеда, в Мексике. Геог., Бол.*, iii. 400-35.

[XXXV-60] Говоря о жителях города Чьяпас, Гейдж говорит: "они так же искусны в травле быков, в джуэго де Каннас, на скачках, в вооружении лагеря, во всевозможных испанских танцах, игре на музыкальных инструментах и музицировании, как лучшие испанцы". *Новое исследование*, 234.

[XXXV-61] Состоящий не более чем из 400 испанских домовладельцев и около 100 индейских домов. *Id.*, 221.

[XXXV-62] Яд был подмешан в чашку шоколада или какую-нибудь сладость; отсюда возникла пословица "Остерегайтесь шоколада из Чьяпы". Пока Гейдж находился в Сьюдад-Реале, который он называл Чьяпа—Реал, епископ Бернардино де Салазар умер со всеми признаками отравления. Столичные дамы привыкли, чтобы им подавали шоколад в соборе во время мессы. Епископ пытался подавить эту привычку и даже отлучил от церкви, но безуспешно. Затем в соборе произошла позорная суматоха, и вскоре после этого епископ заболел, и врачи согласились, что его отравили, и в это мнение он полностью верил после своей смерти. Гейдж называет Сьюдад-Реаль "этим отравляющим и порочным городом". *Id.*, 229-33.

[XXXV-63] Список губернаторов Чьяпаса, правивших с 1590 по 1713 год, см. *Pelaez, Mem. Guat.*, ii. 183.

[XXXV-64] "Он, губернатор, "много торгует какао и кочинилью и властвует как над испанцами и индейцами по своей воле и удовольствию". *Новое исследование Гейджа*, 228.

[XXXV-65] Гейдж оценил стипендию епископа, получаемую главным образом за счет пожертвований, поступающих из крупных индийских городов, в 8000 дукатов в год. Счет пожертвований за один месяц вел Гейдж; они составили 1000 дукатов, не считая сборов, причитающихся от братств. *Id.*, 229.

[XXXVI-1] В Сан-Мигель-Манче насчитывалось около 100 домов; в Асунсьоне-Чокахаоке столько же; в других деревнях меньше. *Juarros, Guat.*, 270.

[XXXVI-2] Значение слова Петен - остров. "La palabra *Петены*, что значит быть виноватым перед островами". В озере было пять петен, одна большая и четыре поменьше. Когда они были окончательно покорены, население этих островов оценивалось в 24 000 или 25 000 человек. *Вильягьерре, История. Конк. Ица*, 279, 401-2.

[XXXVI-3] Расположен на большом острове.

[XXXVI-4] "Циминчак, кир дезир, *Кавальо дель Труэно, "Райо". Вильягвьерре*", *История. Конк. Ица*, 100. Рассказ о происхождении этого идола см. в *Историю. Cent. Am.*, i. 561, эта серия.

[XXXVI-5] Канек, похоже, не отнесся к действиям Орбиты с гневом, просто сказав им, что время для их работы еще не пришло, позволив им тем временем уйти с миром. Вождь ица, однако, преследовал их, и они были бы убиты, если бы не заступничество касика Типу, которому лидер ица ответил: "con grande enojo: Никто не предаст тебя, потому что ты - этос Холопес, ты - ламан, а не испанец, ты - виерон, а не пример, пришедший анонимно". *Villagvtierre, История. Конк. Ица*, 107.

[XXXVI-6] "Митоты, *Id.*, 121. Обратитесь также к моим *коренным расам*, ii. 289.

[XXXVI-7] *Когольвдо, История. Юк.*, 505-6, Льеваронлос ... комо аппастрандо... al Embarcadero: Embarcaron el primero al Padre Orbita tirandole en la Canoa por muerto.' *Villagvtierre, Hist. Конк. Ица*, 123.

[XXXVI-8] Вильягутьерре говорит: "Суть истории в сериях, история эстара син Армаса"; но он не считает правдоподобным, чтобы испанские солдаты ходили без оружия. *Id.*, 136. Сравните *Cogollvdo, Hist. Yuc.*, 544.

[XXXVI-9] Отчет Сквайра об этой экспедиции сильно расходится с отчетом Виллагутьерре. Он говорит, что священники, сопровождавшие его, в одиночку переправились на остров. Затем Миронес отступил; и, преследуемый, весь испанский отряд был уничтожен. Более того, он называет дату 1662 года. *Cent. Am.*, 548. Проконсультируйтесь с *Cogollvdo, Hist. Yuc.*, 544.

[XXXVI-10] *Когольвдо, История. Юк.*, 547.

[XXXVI-11] 'Cerrando los Caminos, poniendo en ellos Estatuas, à traza de Españoles ridiculos, y delante de ellas otras de Idolos formidables, diciendo, eran los Dioses de los Caminos, y que se los estorvavan à los Españoles, para que no passassen à sus Tierras.' *Villagvtierre, Hist. Конк. Ица*, 144-5. Пинело, *Рел.*, 4-5, дает краткий, хотя и неверный отчет об экспедиции Миронеса.

[XXXVI-12] 'Otras mercedes para despues de conseguida la pacificacion de aquellos naturales.' *Cogollvdo, Hist. Yuc.*, 684.

[XXXVI-13] Доходы от его энкомьенды были депонированы в королевскую казну Гватемалы, "como en deposito, para el gasto que se auia de hazer en ella", то есть на экспедицию. *Идентификационный номер*, 685.

[XXXVI-14] Этим посыльным был испанец, которого Вильвао почти удалось отравить: "teniendo modo como echar veneno en el pinole, что касается бебера в эль-камино, то он разочаровал меня смертью". *Id.*, 689.

[XXXVI-15] 'Y viêdo los Soldados que tenia, quan remiso estaba, se le huyeron en aquel tiempo, que solos cinco quedaron en su compaïia.' *Id.*, 696.

[XXXVI-16] Некоторое время назад Инфанте и Габальда подверглись жестокому обращению со стороны индейцев Ноххаа, которые после идолопоклоннического разгула вынудили их покинуть город и удалиться в лес, куда местные жители вскоре принесли им их одежды и церковные

украшения. *Id.* Fancourt, *Hist. Yuc.*, 232, ошибочно утверждает, что у отца отобрали его имущество.

[XXXVI-17] 'Que es tambien del Beneficio de Vçumaçintla, y distante de èl veinte y dos leguas.' *Cogollvdo, Hist. Yuc.*, 698.

[XXXVI-18] 'Natural de la Imperial Ciudad de Toledo, y Cauallero de la Orden de Calatraua.' *Id.*, 684.

[XXXVI-19] Виллагутьерре утверждает, что одной из главных трудностей, с которыми приходилось бороться миссионерам, было противодействие местных псевдохристиан, монополизировавших прибыльную торговлю с более отдаленными народами, которых они настроили против испанцев, чтобы не повредить их успехам. *История. Конк. Ица*, 161-2. Чико утверждает, что из-за поборов, которым подвергались обращенные в христианство туземцы, они покинули свои поселения и вновь впали в идолопоклонство. *Реститусион-де-лос-Хамелькос*, в документе. *Ориг. Чьяп.*, 7.

[XXXVI-20] Самый отдаленный город Вера-Пас.

[XXXVI-21] 'Y estando dormidos, bolvieron los Choles, y les dieron de palos, y aun debieron de matar al Indio Christoval, su Amigo, que nunca mas pareciò; y entonces, solo vno bolvió.' *Id.*, 171. Хуаррос утверждает, что посыльных жестоко избили дубинками и отпустили без ответа. *Гуат.*, 278.

[XXXVI-22] Фэнкорт предполагает, что это "скорее всего, была река Селегуа, известная ближе к ее впадению в море ... как река Грихальва или Табаско". *Hist. Yuc.*, 243. Карту территории Лакандона см. [стр. 362](#), этот том.

[XXXVI-23] Для получения копий этих распоряжений и подробной информации см. *Id.*, 192-9. Обратитесь также к *Элорзе и Раде, Нобил.*, 216.

[XXXVI-24] Все силы были разделены на 9 рот — 5 испанских и 4 индийских; 3 испанские и 2 индийские роты находились под командованием президента и по одной от каждой из других дивизий. *Juarros, Guat.*, 280.

[XXXVI-25] Согласно Вильягутьерре, командование дивизией Уэуэтенанго сначала было передано капитану Томасу де Мендоса-и-Гусману, но позже Гусман был назначен командиром одной из президентских рот, а Мазариегос, который вызвался служить бесплатно, был назначен командующим вышеупомянутыми силами. *История. Конк. Ица*, 229, 234, 245.

[XXXVI-26] *Id.*, 268. Фэнкорт утверждает, что "не было ничего, что могло бы установить его личность, даже хижины". *Hist. Yuc.*, 253.

[XXXVI-27] 'Dexando doze Soldados, con algunos Indios de Guerra, en el Sitio de San Juan de Dios.' *Villagvtierre, Hist. Конк. Ица*, 270.

[XXXVI-28] "Con solo в великой Виге, Мадеро для Пуэнте". *Id.*, 272. Фанкур так расценивает это предложение: "там, где раньше был деревянный мост, по всей вероятности, один из построенных Кортесом, но от которого осталась только одна балка или доска". *Hist. Yuc.*, 254.

[XXXVI-29] Эта деревня была названа братом Диего де Ривасом из Сан-Педро-Ноласко.

[XXXVI-30] Финансовый комитет решительно выступил против назначения Амескеты, но оно было одобрено советом после всестороннего обсуждения. *Пелаес, Мэм. Guat.*, i. 301, очевидно, из дела Хименеса "Сери против Тома". lxxvi.

[XXXVI-31] Вильягутьерре, *История. Конк. Ица*, 361, говорит о 140 лигах.

[XXXVI-32] Люди начали заболевать, а провизия подходила к концу, и, когда началась дождливая погода, они вернулись. *Пелаес, Мэм. Guat.*, ii. 301.

[XXXVI-33] Предполагается, что Веласко и его компания были побужены дружескими предложениями переправиться на остров на небольших каноэ. Затем они были либо утоплены в озере, либо убиты при высадке на берег. *Вильягвьерре, История. Конк. Ица*, 370-1. В другом сообщении говорится, что, услышав сигнальные выстрелы, произведенные кем-то из их отряда, 15 испанцев бросились к оружию, полагая, что завязалась перестрелка. На них напали и убили. *Id.*, 433. Фэнкорт принимает эту историю как вероятную. Еще одно утверждение состоит в том, что ица, "птичий муэрто", ... à los de Guatemala, cogidos durmiendo en la Sabana, y que se los comieron, y las Cavalgadas.' *Id.*, 456. Их кости были впоследствии найдены и захоронены. *Id.*, 485-6.

[XXXVI-34] 'Y à aquel Parage de Chuntùqui, se le puso por Nombre, y por Patrona à Santa Clara.' *Id.*, 319.

[XXXVI-35] 'Y aora te remito vn Machete, muy lindo, con su Bayna, y su Cuchillo, y su Cinta ancha, y tres varas de Tafetàn encarnado, para que te pōgas en mi Nombre.' *Id.*, 336.

[XXXVI-36] 'En cuya señal diò el Rey Canek dos Coronas, y vn Abanico.' *Id.*, 394.

[XXXVI-37] 'Se hallaron con mas diez mil Indios Infieles, que salian flechandolos; de las Canoas que estaban escondidas en los Manglares de la Laguna.' *Id.*; 405.

[XXXVI-38] Частное письмо графа Аданеро, тогдашнего президента совета, адресованное Урсуа, чрезвычайно вежливо и комплиментарно. *Элорза и Рада, Нобилитет*, 243-7. Копии седул приведены в журнале *Villagvtierre, Hist. Conq. Ица*, 438-9.

[XXXVI-39] 'Que ningun Cabo ... ni otra Persona alguna, de qualquiera Calidad que fuesse, pena de la Vida, ... fuesse ossado à romper la Guerra contra Indio alguno, aunque le diesse motivo para ello, hasta tener nueva orden de su General.' *Id.*, 473.

[XXXVI-40] Изображение святого Павла также чудесным образом плыло по волнам, обрушиваясь на галиот. 'Y por este Prodigio, se le puso à la Galeota el Nombre de San Pablo.' *Id.*, 474.

[XXXVI-41] 'Desde el Rey, hasta la mas pequeña Criatura, que era capàz de executarlo, para ir à ganar la Tierra firme.' *Id.*, 479.

[XXXVI-42] 'Y se echavan al Agua; de tal suerte, que no se veìa otra cosa por la Laguna, desde la Isla, à Tierra firme, que no fuesse cabeças de Indios, Varones, Mugerres, y Muchachos, que iban nadando, como à porfia.' *Id.*

[XXXVI-43] Копии можно найти в *Villagvtierre, Hist. Конк. Ица*, 532-63.

[XXXVI-44] The king says: 'Hè resuelto daros muy particulares gracias, por el desvelo, aplicacion, y cuidado con que vuestro valor, y constancia se dedica à conseguir Obra tan del servicio de Dios.' Villagvtierre, 556.

[XXXVI-45] Экспедицию сопровождали восемь миссионеров и 25 индейских семей, которые должны были поселиться на островах, с более чем 1200 головами крупного рогатого скота и лошадей. Также было отправлено большое количество инструментов, семян и крупы, а также жалование солдатам. *Id.*, 592.

[XXXVI-46] *Id.*, 591-658. Мартин де Урсуа-и-Аризменди, конде де Лизаррага-Венгоа, был членом одного из самых благородных домов Наварры и уроженцем Олариса в округе Валле-де-ла-Вальдорба. Он был кавалером ордена Сантьяго, конкистадором Ицы и бессменным губернатором и генерал-капитаном ее провинций. *Elorza y Roda, Nobiliario de el Valle de la Valdorba*, 210-11.

[XXXVI-47] После завоевания Ица в 1697 году испанское поселение в Петене в течение полувека было всего лишь военным форпостом с небольшим гарнизоном из Гватемалы. Впоследствии он стал колонией преступников. Берендт в *отчете Смитсоновского института*, 1867, 424. Однако завоевание, по-видимому, было завершено, поскольку в 1759 году в округе Петен насчитывалось 7 деревень, помимо основного поселения. *Juarros, Guat.* (Последнее изд.), 299.

[XXXVII-1] См. *Коренные расы*, i. 645; v. 603-4.

[XXXVII-2] Косио вступил в должность президента в 1706 году, ему предшествовали Алонсо де Себальос-и-Вильягутьерре, который был президентом после Берроспе с 1702 по 1703 год, и Хосе Осорио Эспиноса де лос Монтерос. *Хуаррос, Гуат.*, i. 268.

[XXXVII-3] *Гарсия, Подъязычный. Зенд.*, 47-8.

[XXXVII-4] 'Que fueron al pueblo de Cancuc á remover á la Virgen Sma en la cruz en que habia muerto su hijo Jesus porque ya los Indios salian de Ciudad Real á matarla, y que fuesen á defenderla, y que supiesen que ya no habia tributo ni ley, ni Padres ni Obispo que alla los tomara á cargo para defenderlos.' *Id.*, 61-3.

[XXXVII-5] В Канкуке они соорудили 34 столба для порки, и испанцы получали по 50 ударов за каждый столб, при условии, что они продержатся так долго против смерти. Некоторых пленников со связанными за спиной руками подвешивали за шею к развилке столба для порки и забивали до смерти. Других снова просто вешали. Тех, кто был дружелюбен к испанцам, подвешивали над медленным огнем, пока их ноги не поджаривались. Фискал из Окшука и монахи Хорхе и Маркос вместе с другими испанцами были брошены индейцами в ямы и забиты камнями до смерти. *Id.*, 65-7.

[XXXVII-6] В воззвании говорилось: Бог разгневался на мир за то, что его не почитали и не боялись так, как следовало бы, за то, что были отброшены старые обычаи и введены новые. Поскольку был слышен ропот из-за того, что дань уважения, орден короля Сто Доминго и господство евреев не были отменены, Сан-Педро приказал рукоположить священников во всех пуэбло, которые должны были нести ответственность перед Богом за свои приходы. Если бы не мессы, отслуженные этими священниками, миру пришел бы конец, и только через них был бы удален Божий гнев. Детей необходимо отправлять в церковь для обучения закону Божьему.

Генеральный викарий вскоре посетит каждое пуэбло, чтобы проверить, выполняется ли этот приказ. Тот, кто откажется от повиновения, должен быть доставлен в Канчук и подвергнут 200 ударам, после чего его следует повесить. *Гарсия, суб. Зенд., 74-5.*

[XXXVII-7] Также были присвоены светские отличия. Были даны титулы "Дона", патенты были подписаны жрицей следующим образом: "Донья Мария Анхель, прокуратура Вирджинии Сантисимы". *Id., 77.*

[XXXVII-8] Позже мятежник Цендалес счел необходимым сформировать свое правительство по плану испанцев. Они решили организовать аудиенцию с президентом и ойдоресом в местечке под названием Уэитеупан, которому они дали название Гватемала. *Id., 82-3.*

[XXXVII-9] Цендалы закопали серебро, принадлежащее церквям, и оно так и не было найдено. *Пинеда, в Мексике. Геог., Бол., iii. 350.*

[XXXVII-10] "Цендалы численностью 15 000 человек расположились лагерем в Уистлане с дальнейшим намерением выступить маршем на Сьюдад-Реаль". *Пинеда, в Мексиканской республике. Геог., Бол., iii. 349.* Эта оценка, вероятно, включает в себя другие силы, которые должны были одновременно выступить против Сьюдад-Реаля, как упоминалось ниже.

[XXXVII-11] У них было взято около 30 эскопет в Чилуне. Другим их оружием были длинные копья, наконечники которых были сделаны из инструментов, взятых в Окоцинго, и другое оружие древнего обихода. Кроме того, каждый цендале нес корзину с камнями. *Гарсия, Подселение. Зенд., ср., 85-6.*

[XXXVII-12] Испанцы потеряли девять человек убитыми и примерно столько же ранеными. *Id., 91-3.*

[XXXVII-13] Впоследствии Гутьеррес повесил четверых главарей "Синаконтлана". *Id., 95-6.*

[XXXVII-14] Когда его отряд достиг Сан-Педро-Чималько, он состоял из 400 человек; 150 из которых были аркебузирами, а остальные чьяпанеки и мексиканские индейские уланы, жители города Гватемала. *Идентификатор., 100-3.*

[XXXVII-15] Эти силы были посланы Гутьерресом, который после того, как небольшая часть его войск была отброшена врагом, созвал военный совет, на котором было решено вернуться в Сьюдад-Реаль и отправить помощь Сеговии.

[XXXVII-16] Доминиканский приор Текпатлана, Фрай Фран^{ко} Монтойя, случайно оказался в Сьюдад-Реале во время подготовки Сеговии к кампании. Он никогда не видел артиллерии, кроме той, что была на корабле, доставившем его из Испании, но предложил сконструировать либо мортиру, либо пушку. Он сделал ступу, которая сослужила большую службу, главным образом из-за ужаса, который она вызывала у индейцев, которые называли ее *madre de escopetas*. *Id., 99.*

[XXXVII-17] Президент, который вместе с аудитором де Герра, Диего де Овьедо, прибыл в Сьюдад-Реаль, послал поблагодарить Сеговию и его силы в Окчуке, а также доминиканских падре с ним за их успех там. Он также попросил Сеговию и падре приехать в Сьюдад-Реаль, поскольку он хотел проконсультироваться с ними.

[XXXVII-18] Эта часть рукописи Гарсии здесь резко обрывается.

[XXXVII-19] Во время восстания Цендалов город Чамолла был самым лояльным из всех в провинции, хотя он больше всего пострадал от города. Сначала некоторые из чамольтеков были склонны восстать, но это частичное дезертирство вскоре прекратилось, и люди дали много доказательств своей лояльности. *Id.*, 111. В этот период в Гуатинпане появилась женщина-лидер, которая оказала большую помощь жрице Канкука в распространении религиозного фанатизма среди повстанцев. *Id.*, 109.

[XXXVII-20] Работа, из которой я в основном собрал материал для этого очерка, цитируемая как "Гарсия, Подворотня лос-Зендалес", имеет своим полным названием *Справочное собрание Подворотни лос-Зендалес, посвященное падре У. Педро Марселино Гарсия де ла орден де Предикадорес, Предор. General, Calificador del Santo Oficio y Vicario Provincial de San Vicente de Chiapa, dirigida al Ilmo. Señor Obispo desta diocesis y fecho en 5 de Junio de 1716*, MS., 1 vol. в imperial 8vo, стр. 154. В нем содержится копия показаний, взятых П.П. Братья Макселина, Гарсия и Диего де Куэнка по указанию епископа сообщают о смерти нескольких монахов-доминиканцев от рук взбунтовавшихся Цендалесов; приводятся подробности этих убийств. Рукопись также содержит копии писем и дневников падре Гарсии, написанных в то время, которые содержат очень полный отчет о происхождении восстания Цендала, своеобразном религиозном расколе, который они пытались установить, и различных судебных процессах, гражданских, военных и церковных, которые привели к окончательному подавлению восстания. Проследить последовательность описываемых событий нелегко, поскольку рукопись была небрежно оформлена для переплета. Более того, местами в ней отсутствуют элементы и она несколько изъедена червями. Поэтому во все времена бывает трудно расшифровать факты, которые, к тому же, скрыты за многословием, обычным для церковных писателей того времени.

[XXXVII-21] Чьяпас, Информация о намерениях, в Мексиканском обществе. *Geog., Bol.*, 3d ér., ii. 326-7. В 1800 году офис алькальда-мэра в Сьюдад-Реале был продан за 4687 песо, офис восьми регидоров - за 400 песо каждый. Должность государственного нотариуса и секретаря кабиљдо была продана за 627 песо, а позже - за 1110 песо. *Пинеда, Описание. Геогр.*, 45.

[XXXVII-22] 'No se descubria otra cosa que pesadas Cruces, agudas espinas, abroxos, crueles imbenziones de diziplinas, arrastrados por los suelos los Hombres, lagrimas, y humildad.' *Arana, Relacion Estragos Guat.*, 383.

[XXXVII-23] Теперь миссии были закрыты "прозесией сангре". Большинство потрясений длилось в течение "Аве Мария". *Arana, Rel. Estragos Guat.*, 380-98. Вулкан выбрасывал камни, пепел и другие вещества. Глубокой ночью можно было отчетливо прочесть буквы, хотя вулкан находился по меньшей мере в двух лигах от города. *Алегри, История. Сост. Иисус*, iii. 179.

[XXXVII-24] Из 40 000 жителей, проживавших в городе до этих землетрясений, едва ли можно было насчитать 1500 человек, когда они прекратились. На пласа-майор 5 октября собрались президент и пять или шесть семей. На площади Сан-Педро были Диего де Овьедо и Томас де Арана, ойдоры, монахини Санта-Клары, и две другие семьи. На площади иезуитов остались члены этого ордена и некоторые другие лица. Под папертью Санто-Доминго находились несколько монахов и несколько светских. В потреро апостольских миссионеров было шесть

монахов и несколько других. В Джокотенанго было еще несколько человек. *Arana, Relacion Estragos Guat.*, 380-98.

[XXXVII-25] Однажды епископ, испытывавший необычную тревогу, будучи больным в постели, был доставлен в центр пласа майор на руках самого президента, который непоколебимо оставался в городе и вместе с другими оказывал любую помощь, которая была в его силах. *Id.*, 398.

[XXXVII-26] *Аревало, полковник Док. Antig.*, 146-8, содержит обширный документ in extenso, в дополнение к описанию ужасных последствий посещений. Отчет Араны по этому вопросу кратко упоминается в *Alegre, Hist. Socm. Иусус*, iii. 179. См. также *Juarros, Guat.*, i. 208-9; и ii. 208; *Alzate, Gaceta Literatura*, iii. 442; *Album Mexicano*, i. 418.

[XXXVII-27] Особенно молились о том, чтобы индейцам разрешили работать на плантациях индиго, которые были главной опорой провинций Гватемалы. *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 148, 151-2.

[XXXVII-28] В Эскамиле, *нет. Кур. де Гуат.*, 6, его зовут Д. Эчеверс-и-Субия. Он был камергером его величества и рыцарем Калатравы.

[XXXVII-29] Ссылаясь на эти беспорядки, мы находим в *Гас. Мексика.*, январь 1728 г., и в *Аревало, Сборник.*, 5-6, что эти беспорядки были подавлены благоразумной решимостью и достойными, но твердыми мерами маркиза де Каса Фуэрте, вице-короля Новой Испании.

[XXXVII-30] В этом случае король лишил алькальдов их должностей и заставил заплатить штраф в размере тысячи реалов де очо. *Провиденсиас Реалес*, СР., 300-9.

[XXXVII-31] В 1723 году епископа Хуана Баутисту Альвареса де Толедо сменил Николас Карлос Гомес де Сервантес. Во время правления первого король считал необходимым издать седулу от 15 ноября 1717 года, предписывающую не основывать никаких новых церквей, монастырей или больниц без его разрешения, поскольку их уже было так много, что они мешали работе друг друга. *Провиденсиас Реалес*, СР., 207-8.

[XXXVII-32] Среди других обвинений, выдвинутых против духовенства того периода, можно упомянуть следующее: больных заставляли ходить в церковь для получения чрезвычайного помазания, многие умирали по дороге туда; индейцев заставляли вступать в брак в нежном возрасте, чтобы увеличить свои взносы; были организованы братства, членам которых был нанесен большой материальный ущерб; викарии отсутствовали без разрешения, и должность священника была продана тому, кто больше заплатит. *Ordenes de la Corona*, MS., iv. 155-7.

[XXXVII-33] До 1730 года десятина, собираемая в епископстве, никогда не превышала 3000 песо; но с того времени она увеличивалась, пока в 1750 году не достигла 30 000, а через десять лет ее стоимость не была оценена в 60 000 песо. *Эскамиле, Нет. Кур. де Гуат.*, 78. Педро Пардо де Фигероа, семнадцатый епископ и первый архиепископ Гватемалы, родился в Лиме в семье знатных родителей. Он принял религиозный облик францисканцев в возрасте шестнадцати лет. Заняв кафедры философии и теологии, он был направлен по его приказу ко дворам Мадрида и Рима, заняв должность генерального секретаря своего ордена. Он был избран епископом Гватемалы в 1735 году, а 13 сентября того же года был рукоположен архиепископским вице-королем Новой Испании Хуаном Антонио де Визаррон-и-Эгиаррета. В эти даты *Консилиум. Притч.*, 1-2, 297, следует согласно *Хуарросу, Guat.*, i. 291. Фигероа был освящен 8 сентября 1736

года, а 18 ноября Мануэль Фалья, регент собора, вступил во владение им от своего имени. 22 сентября 1737 года епископ совершил свой публичный вход в собор. Эскамилья, *Нет. Кур де Гуат.*, 16 лет, подтверждает Хуаррос.

[XXXVII-34] 17 декабря 1740 года король постановил, что на всех приемах епископов два алькальда должны занимать кресла декана и архидьякона в хоре. *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 9-13.

[XXXVII-35] *Консилиум. Притчи*, 1-2, 297-8. Хуаррос, *Guat.*, i. 292, утверждает, что булла была издана в декабре 1743 года. Копия его приведена в *Новой Испании, Краткие рекомендации*, 370-5.

[XXXVII-36] Возможно, упоминаются два выдающихся епископа Гондураса: Антонио Гваделупе Лопес Портильо, уроженец Гвадалахары и делегат генерального совета, состоявшегося в Риме в 1723 году, *Фигероа, Виндисуас*, мисс, 75 лет, и Франсиско Молина, избранный в 1743 году; но о событиях их правления записей не существует.

[XXXVII-37] *Гуат.*, С* *Доминго в 1724 году*, 22-4.

[XXXVII-38] The following is a copy of this curious edict: 'Vengan sobre ellos, y á cada vna de ellos, la ira, y maldicion de Dios todo poderoso, y de la Gloriosa Virgen Santa María su Madre, y de los Bienaventurados Apostoles San Pedro, y San Pablo, y de todos los Santos del Cielo. Y vengan sobre ellos todas las plagas de Egipto, y las maldiciones que vinieron sobre el Rey Pharaon, y sus gentes por que no obedecieron, y cumplieron las Mandamientos divinales; y sobre aquellas cinco Ciudades de Sodoma, y Gomarra, y sobre Datàn, y Abiròn, que vivos los tragó la tierra, por el pecado de la inobediencia, que contra Dios Nuestro Señor cometieron; y sean malditos en su comer, y beber, y en su velar, y dormir, en su levantar, y andar; en su vivir y morir, y siempre estèn endurecidos en su pecado; el diablo esté á su mano derecha; quando fueren en juicio siempre sean condenados; sus dias sean pocos, y malos; sus bienes, y hazienda sean traspassados en los estraños; sus hijos sean huerfanos, y siempre estèn en necesidad.' *Ordenes de la Corona*, MS., vi. 143-4.

[XXXVII-39] Северная граница правительства Гватемалы была установлена еще в 1549 году. В это время лицензиат Гаска по поручению вице-короля Новой Испании и при содействии президента Гватемалы Серрато установил в качестве границы между Новой Испанией и провинциями, подпадающими под действие закона о границах, "линию, начинающуюся у бара Тонала на 16 ° северной широты и идущую оттуда в направлении Мексиканского залива, между городами Тапана и Макилапа, оставляя первый слева, а второй справа, до точки напротив Сан-Мигель-Чималапы; оттуда поворачивающую и идущую до самого побережья Мексиканского залива". Гора Михес, расположенная на 17 ° 21' той же широты; оттуда к городу Сумазинтла (современное написание Усумасинта), расположенному на реке с тем же названием; оттуда вверх по этой реке до точки напротив Уэуэтлана, на 15 ° 30' той же широты, и оттуда к мысу Три Пойнта в Гондурасском заливе." В 1599 году линия снова была изменена, оставив Гватемале территорию, лежащую между 8 ° и 18 ° более или менее северной широты. В 1678 году вице-король Новой Испании внес еще одно изменение, которое отняло у генерал-капитана Гватемалы многие города на побережье, вплоть до реки Уэуэтлан, а также расширило границу Юкатана. Наконец, после учреждения интенданций в 1787 году линия границы была снова установлена, и генерал-капитан Гватемалы добился включения территории в пределах 7 ° 54' и 17 ° 49' северной широты. Эти границы были подтверждены последующими комиссиями в 1792,

1794 и 1797 годах и приняты правительством Испании на его карте 1802 года. *Soc. Mex. Geog., Болетин*, 3-я редакция, iii. 78-9. Хотя эти границы были утверждены короной, точное расположение разделительной линии между Чьяпасом и Новой Испанией, по-видимому, является предметом споров между многими властями. *Пинеда, Геогр. Описание*, 17; *Ларрайнзар, История. Соконуско*, 1-2.

[XXXVII-40] *Гуат., Дополнение.*, 8. В "*Новой Испании*", "*Краткие рекомендации*", ср., ii. 349, говорится: "она простирается более чем на 300 лиг вдоль побережья Южного моря, но по прямой линии с востока на запад она составляет всего 240, а наибольшая ширина - 180"; и еще: "от пределов Теуантепека, последней из провинций Новой Испании, до Эскудо-де-Верагуас, границ королевства Огненная Земля (через города Сантьяго, Леон, Никоя, Картаго, Борука), она составляет 650 лиги".

[XXXVII-41] *Nueva España, Breve Resumen*, MS., ii. 349.

[XXXVII-42] *Мексиканский язык. Геог., Болетин*, 3-я редакция, iii. 78-9. В перечне провинций упомянуты только двенадцать, при этом Гватемала также опущена. *Eco de España*, Aug. 27, 1853; *García, Reseña Geog.*, 7.

[XXXVII-43] Король назначал хунту министров, в обязанности которых входило наблюдать за действиями различных вице-королей, президентов и т.д. Эта хунта давала инструкции регентам. *Седуларуо*, ср., i. 34-6; iii. 81-91. Функции регентов описаны в "*Реалах Седуласа*", рукопись, ii. 159. Прежде чем прибыть к месту исполнения своих обязанностей, регент должен был уведомить правящую власть, президента, вице-короля и т.д., и они должны были встретиться с ним в одной лиге от столицы. Архиепископ и духовенство должны были обращаться к нему. Перечень их обязанностей охватывает 78 статей.

[XXXVII-44] После Эрреры пришли Хуан Антонио де Урунуэла, кавалер ордена Карлос III.; Хуан Хосе де Вильяленгуа-и-Марфиль, министр верховного совета Индии; Амбросио Сердан, кавалер королевского ордена Непорочной Концепсьон; Мануэль Кастильо Негрете и Хосе Бернардо Астегьета-и-Сарральде. *Juarros, Compendio*, 356. Согласно Гомесу, 151-летнему Диарио, вторым регентом была Ориуэла, фактический ойдор аудиенсии Мексики, когда ее назначили на этот пост.....

[XXXVII-45] В 1767 году жалование различных должностных лиц составляло: губернатора, генерал-капитана и президента аудиенции - 5000 дукатов; четырех ойдоров и фискала аудиенции - по 750 000 мараведи каждого; королевского бухгалтера и казначея - по 300 000 мараведи каждого.

[XXXVII-46] Эстас, четвертый десятый титул Гобьерно, провинция: Комаягуа, Никарагуа, Коста-Рика и Соконуско; Алькальдиас-Майорес, Сан-Сальвадор, Сьюдад-Реаль, Тегусигальпа, Зонзонате, Верапас, Сучилтепекес, Никоя, Аматики, лас-Минас-де-Сан-Андрес-де-Сарагоса; Коррегиментос, Тотоникапан, Кесальтенанго; Атитан, Текпанатитан-о-Солола, Эскуинтла, Гуасакапан, Чикимула, Акасагуастлан, эль-Реалехо, Матагальпа, Монинбо, Чонталес, Кесальгуак, Тенкоа, Кепо, Чиррипо, Пакака-и-Уджаррас и эль-Валье-де-Гватемала. Губернаторы и алькальды первых шести названных алькальдиас-мэров были назначены короной; президент аудиенции назначал в течение двух лет остальным округам, за исключением долины Гватемалы, которая была передана Аюнтамьенто Сантьяго их общим алькальдам, которые с титулом

коррехидоров исполняли эту должность поочередно в течение шести месяцев каждый. *Juarros, Guat.*, ii. 37-8.

[XXXVII-47] Коррегименто Кепо, Чиррипо, Уджарраз и Пакака из-за сокращения населения Коста-Рики были включены в состав этого правительства; коррегименто Тенкоа был поглощен правительством Комаягуа; а к правительству Никарагуа были присоединены коррегименто Монинбо, Чонталес и Кесальгуаке. *Juarros, Guat.*, ii. 38.

[XXXVII-48] В начале века были упразднены алькальдias-мэры Аматики и Сан-Андрес-де-ла-Нуэва-Сарагоса; несколько лет спустя коррегименто Эскуинтлы и Гуазакапана были объединены в алькальдия-мэра Эскуинтлы; а Солола была образована из коррегименто Атитлана и Текпанатитлана; в 1753 году алькальдias-мэры Чимальтенанго и Гуазакапана. Сакатебеки были образованы из коррегимиенто долины Мехико; в 1760 году коррегимиенто Акасагуастлана было присоединено к коррегимиенто Чикимулы; а в 1764 году провинции Чьяпа и Сокек были отделены от алькальдия-мэра Сьюдад-Реаля и преобразованы в провинции Тустла. *Хуаррос, Гуат.*, ii. 38. Примерно в середине века, согласно *Новой Испании, Краткие рекомендации*, ср., ii. 349, в девяти провинциях и десяти округах было девятнадцать правительств; а Кадена, *Краткое описание*, 9, написанное в 1774 году, говорит, что было двадцать четыре правительства и алькальдias мэрорес.

[XXXVII-49] Поскольку интендантства были впервые созданы в Мексике, их функции описаны в истории этой страны.

[XXXVII-50] *Гуат.*, *Апунт.*, 106. Согласно Хуарросу, *Guat.*, ii. 38-9, районы Реалехо, Матагальпа и Никоя были объединены с правительством Никарагуа для формирования одноименной интенденсии; мэр Тегусигальпы Алькальдиа был объединен с правительством Комаягуа для формирования интенденсии Гондураса; а к правительству Соконуско были объединены мэры Сьюдад-Реаля и Тустлы для формирования интенденсии Чьяпаса. Четвертой интенданцией был Сан-Сальвадор. Сорок субделегаций этим автором распределены по четырём интенденциям следующим образом: интенденсии Никарагуа - шесть: Гранада, Реалехо, Субтиава, Сеговия, Матагальпа, Никарагуа; интенденции Чьяпаса - одиннадцать: Окозинго, Симоховель, Паленке, Тонала, Соконуско, Тила, Истакомитан, Тустла, Гиста, Комитан и Сан-Андрес; интенденсии Гондураса - девять: Грасиас-а-Диос, Оланчо, Оланчито, Сан-Педро-Сула, Йоро, Санта-Барбара, Трухильо, Тегусигальпа, Чолутека; и четырнадцати интенданциям Сан-Сальвадора: Сан-Мигелю, Сан-Висенте, Санта-Ана-Гранде, Чалатенанго, Олокуилте, Кожутепеке, Тексутле, Опико, Метапасу, Усулутану, Готере, Сан-Алеко, Сакатеколук, Сенсунтепеке. При этой прежней системе в более поздние времена все назначения производились короной, президент аудиенции имел право назначать только временных. Однако обычно президенты были уполномочены занимать все должности в правительстве и в городе, некоторые временно, другие постоянно. После учреждения интенденций президент имел привилегию назначать субделегато, одного из трех человек, предложенных ему интендантом, всякий раз, когда субделегация становилась вакантной.

[XXXVII-51] Хосе Васкес Прего Монтадос-и-Сотомайор, кавалер ордена Сантьяго, генерал-лейтенант королевских войск и главнокомандующий войсками перед Гибралтаром, вступил в должность 17 января 1752 года. Он умер в Гватемале 24 июня 1753 года от последствий простуды, подхваченной во время официального визита в Омоа, крепость которого он приказал построить. Со дня своей смерти старший ойдор, Хуан де Веларде-и-Сьенфуэгос, правил до 17

октября следующего года, когда прибыл его преемник, Алонсо де Аркос-и-Морено. Он был кавалером ордена Сантьяго, марискаль де Кампо, а впоследствии генерал-лейтенантом королевских войск. Это последнее назначение, однако, произошло только после его смерти, которая произошла 27 октября 1760 года. Ойдор Веларде снова взял на себя обязанности президента, а после освобождения в следующем году был переведен в аудиенсию Мексики, впоследствии в аудиенцию Гранады, и в конечном итоге стал членом совета Индии. 14 июня 1761 года Алонсо Фернандес де Эредиа, марискаль де Кампо, вступил в должность президента. Он уже занимал посты губернаторов в провинциях Никарагуа, Гондурас, Флорида и Юкатан. Его преемником был назначен Хоакин де Агирре-и-Окендо, но последний умер в Гватемале 9 апреля 1764 года, когда собирался вступить в должность, и Эредиа оставался у власти до 3 декабря 1765 года, когда его сменил Педро де Салазар-и-Эррера, Натера-и-Мендоса. Он остался в Гватемале, где и умер 19 марта 1772 года во время прохождения стажировки. Президент Салазар был кавалером ордена Монте-сы, командующим Винаросом и Беникарло, капитаном гренадеров королевской испанской гвардии и марискалем де Кампо королевских войск. Как и президент Сотомайор, он тоже испытал на себе пагубные последствия климата Омоа, поскольку умер 10 мая 1771 года от болезни, подхваченной во время посещения этого порта. Его преемник, президент Майорга, прибыл только в июне 1773 года, а временно правительством управлял старший ойдор Хуан Гонсалес Бустильо-и-Вильясеньор. Впоследствии этот офицер был переведен в аудиенсию Мексики, оттуда в Дом Индии в Кадисе и, наконец, в верховный совет Индии. *Juarros, Guat.*, i. 270-1; *Arévalo, Col. Doc. Antig.*, 157-9; *Эскамилля, Нет. Cur.*, 7; *Cadena, Breve Descrip.*, 26.

[XXXVII-52] "Он стоял под куполом, поддерживаемым 16 колоннами, облицованный панцирем черепахи и украшенный бронзовыми медальонами тонкой работы; на карнизах стояли статуи Богородицы и 12 апостолов". *Хуаррос, Гуат.*, i. 86.

[XXXVII-53] В 1795 году их было 23 434. *Хуаррос, Гуат.* (изд. Лондон., 1823), 497.

[XXXVII-54] *Кадена, Краткое описание*, 4-9; *Хуаррос, Гуат.*, i. 85-7. **Ошибка! Закладка не определена.**

[XXXVII-55] Больше всего пострадала иезуитская церковь. *Алегри, История. Сост. Иисус*, iii. 295-6. См. также *Хуаррос, Гуат.* (изд. Лондон., 1823), 154; *Эскамилля, Нет. Cur.*, 17; *Cadena, Breve Descrip.*, 7, 11.

[XXXVII-56] *Хуаррос, Гуат.* (изд. Лондон., 1823), 154. Согласно Кадене, *Краткое описание*, 11, два потрясения в 1765 году произошли 21 июня и 24 октября соответственно.

[XXXVII-57] *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 157-9.

[XXXVII-58] Во время тревоги, вызванной угрозой вспышки, власти Сантьяго собрали войска, а королевские чиновники перевезли свои ценности в одну из церквей для сохранности. Прежде чем это волнение улеглось, священник-иезуит был жестоко убит в тюрьме тремя негритянскими преступниками, которым он давал признательные показания. Тюремщик поднял тревогу, позвонив в тюремный колокол, и вслед за этим люди, решив, что вспыхнул бунт, схватились за оружие и поспешили на главную площадь, даже женщины устремились туда с камнями. Трое негров были схвачены после решительного сопротивления, и один из них был убит в потасовке, двое других были повешены в тот же день. Несколько дней спустя доминиканец был найден убитым в своей камере. *Эскамилля, Нет. Cur. Гуат.*, ср., 18-19.

[XXXVII-59] *Iturriaga, El Dolor del Rey.*

[XXXVII-60] *Batres, Relacion de las Fiestas.*

[XXXVII-61] *Хуаррос, Гуат.* (изд. Лондон., 1823), 153-4.

[XXXVII-62] На основании происшествий, рассказанных старожилками, очевидцами события и внешнего вида города в его время, Хуаррос, *Guat.*, ii. 266-8, приходит к выводу, что даже официальные сообщения о последствиях этого землетрясения были сильно преувеличены, вероятно, из-за заинтересованных сообщений инженеров, архитекторов и нотариусов. Он цитирует две брошюры, опубликованные в Мексике в 1574 году, чтобы показать примеры преувеличения деталей этого бедствия. В одном из них, опубликованном в Cadena, *Краткое описание.*, 40, утверждается, что заслуживающие доверия люди подтвердили, что во время землетрясения они видели, как могучий вулкан Агуа открылся от конуса до основания в результате первых толчков и снова объединился после последующих. Этот и другие столь же абсурдные причуды, порожденные лишь испуганным воображением, являются частью каждого описания этой катастрофы, но не обязательно снижают правдивость рассказа в целом. Цитируемая здесь работа Кадены была использована в качестве основы для настоящего отчета, и из того факта, что ее автор был видным церковным деятелем, очевидцем описываемых событий, и что его книга, получившая санкцию высших властей, была опубликована в течение года после происшествия, в ее достоверности вряд ли можно сомневаться. Работа, представляющая собой перепечатку оригинала, сделанного в Гватемале в 1858 году, представляет собой небольшой 12-миллиметровый документ на 56 страницах и описывает события периода с 11 июня 1773 года по 10 марта 1774 года, включая подробное описание города Гватемала, его разрушения и мер по его удалению вплоть до последней даты. Она написана в обычном преувеличенно религиозном стиле. Автор, брат Фелипе Кадена, был доминиканцем, профессором богословия в университете Сан-Карлос, синодальным экзаменатором архиепископства и секретарем своего ордена в Гватемале. Однако существуют и другие свидетельства, чьи преувеличения являются грубыми, и чей рассказ не мог быть получен ни из какого надежного источника. Согласно *Истории Рассела. Амер.*, i. 390, город Гватемала с населением от 40 000 до 50 000 человек и почти 15 000 000 песо сокровищ и товаров был настолько полностью поглощен в апреле 1773 года, что от него не осталось и следа. *История Флинта. и география.* называет дату землетрясения 1779 годом и говорит, что оно сопровождалось ужасающими и разрушительными явлениями; море поднялось со дна; один вулкан выбросил кипящую воду, другой - волны пылающей лавы; и 8000 семей были поглощены в одно мгновение.

[XXXVII-63] По словам Эскамиллы, *нет. Кур.*, ср., 25-7, солдаты были виновны в разграблении монастырей. *Succesion chronologica de los Presidentes que han governado este Reyno de Goath^a Obispos de Goathemala y Noticias Curiosas Cronologicas destas Indias* - название рукописного тома in folio объемом 78 страниц, обычно приписываемого Хосе Марии Эскамилле. Он был начат в 1777 году. Он начинается со списка губернаторов на тот момент, взятого из архивов кабильдо города Гватемала. Далее следует список епископов и архиепископий, хотя из какого источника, не указано. Начиная с дат открытий Америки и Южного моря и с завоеваний Мексики, Гватемалы и Перу, дается краткий хронологический список наиболее важных событий в Гватемале и зависимых от нее провинциях с 1525 по 1762 год. С последней даты до 1779 года события описаны с большей полнотой, особенно отчет о разрушительном землетрясении 1773

года, последующем сносе города и ожесточенных спорах, которые это вызвало. Неясно, был ли автор в Гватемале до 1777 года, поскольку детальность, с которой он описывает события предыдущих четырех лет, возможно, была результатом информации, полученной от жителей города. Также нет ничего, что указывало бы на имя компилятора. Рукопись была подарена Эскамилей аббату Брассеру де Бурбуру в 1856 году, согласно примечаниям, сделанным рукой аббата на титульном листе и в конце тома, а также в его *библиотеке Мексики и Гватемалы*, стр. 60. Его главная ценность - рассказ о разрушении и восстановлении города Гватемала.

[XXXVII-64] *Хуаррос, Гуат.* (изд. Лондон., 1823), 157.

[XXXVII-65] *Аревало, полковник Док. Антиг.*, 160-71.

[XXXVII-66] *Эскамилля, Нет. Кур.*, ср., 24-65; *Хуаррос, Гуат.*, i. 85-9; ii. 266-72; *Кадена, Краткое описание*, 10-53.

[XXXVII-67] *Хуаррос, Гуат.*, ii. 353-4; *Штаты Сквайера, Сент. Утра.*, 493-4.

[XXXVII-68] *Хуаррос, Гуат.* (изд. Лондон., 1823), 157-8.

[XXXVII-69] *Эскамилля, Нет. Кн.*, ср., 4.

[XXXVII-70] *Пелаэс, Мем. Хист. Гуат.*, iii. 86-94.

[XXXVII-71] *Пелаэс, Мем. Хист. Гуат.*, iii. 106-29.

[XXXVII-72] *Arévalo, Col. Doc. Антиг.*, 171-6.

[XXXVII-73] *Хуаррос, Гуат.*, i. 272-3.

[XXXVII-74] Он был уроженцем Гранады, регентом и епископом Попаяна, в которого был возведен в 1740 году. Его назначение на архиепископство Гватемалы было датировано 1751 годом; его буллы были изданы 23 января 1752 года. 10 мая 1753 года доктор Агустин де ла Кашига, канцлер кафедрального собора, вступил во владение от его имени, а 13 мая следующего года ввел его в должность. *Хуаррос, Гуат.*, i. 292-3.

[XXXVII-75] Порядок рассмотрения дела был несколько кратким. Священник, который был назначен викарием без предварительного уведомления, внезапно появился в сопровождении алькальда-мэра округа, который передал ему владение, и ответственный монах был вынужден передать все своим преемникам по описи. *Эскамилля, Нет. Кур.*, ср., 20.

[XXXVII-76] *Эскамилля, Нет. Кур.*, ср., 20; *Хуаррос, Гуат.*, i. 293.

[XXXVII-77] *Гуат., Состав. Коллегия. Хрто*, i. 292.

[XXXVII-78] *Пинедда, в соц. Мексике. Геог., Болетин*, iii. 348-9.

[XXXVII-79] *Хуаррос, Гуат.*, i. 292-3; 1776 год указан в качестве даты его смерти в *Concilios Prov.*, 1555, 1565, 298; и *Альседо, Дис.*, ii. 315.

[XXXVII-80] Уроженец Бельчите в королевстве Арагон, профессор естественных наук в университете, а впоследствии каноник кафедрального собора города Сарагоса. Он был назначен архиепископом Гватемалы в 1767 году. *Хуаррос, Гуат.*, i. 294.

[XXXVII-81] Мотивы и природа этой меры полностью описаны в моей *Истории Мексики*, этой серии.

[XXXVII-82] Эскамиллья, *Нет. Кур.*, ср., 19-20; иезуиты, кол. генералов, 24 года, и Пелаэс, мэм. В *Guat.*, iii. 66-8 приводится несколько иная версия. Согласно этим властям, указ был передан алькальду-мэру, который уведомил монахов в два часа ночи. Следует отдать предпочтение заявлениям Эскамиллья, который в то время находился в Гватемале.

[XXXVII-83] Эскамиллья, *Нет. Курс.*, СР., 65-74; Хуаррос, *Гуат.*, i. 294-5; Ид., *Компенд.*, 292-4.

[XXXVII-84] Франкос был уроженцем виллы Вильявисенсио-де-лос-Кабальерос и был каноником кафедрального собора Пласенсии, когда был назначен архиепископом Гватемалы. Он умер 17 июля 1792 года. Его преемниками были дон Хуан Феликс де Вильегас, правивший с 8 мая 1794 года по 3 февраля 1800 года; и дон Луис Пеньяльвер-и-Карденас, вступивший в должность 3 июня 1802 года. Хуаррос, *Гуат.*, i. 295-7. Хотя Хуаррос по праву считается главным историком центральноамериканских провинций периода завоеваний и колониализма, ему не удалось в связной форме описать политическое, социальное и моральное развитие этих стран в тот период. Это упущение было частично восполнено усердными трудами пресвитера Франсиско де Паула Гарсиа Пелаэса. Проживая в течение многих лет в качестве приходского священника в старом городе Гватемалы, известном как Антигуа, с 1833 по 1841 год он посвящал свой досуг изучению, по мере возможности, государственных и частных архивов провинции, а также изучению основных древних и современных авторов на этой территории. Результатом этого исследования стал труд в трех томах небольшим тиражом кварто, озаглавленный "*Воспоминания об истории Антигуо Рейно де Гватемала*", который был опубликован в Гватемале в 1851 году. Она делится на аборигенную и колониальную эпохи. В первом рассказывается о происхождении туземцев и степени цивилизации, которой они достигли ко времени завоевания, и состоит из краткой и систематизированной подборки фактов с соответствующими ссылками на авторитетные источники, от которых они были получены, причем каждая глава посвящена отдельной теме. Это занимает всего 32 страницы первого тома, остальная часть работы посвящена политической истории страны до начала девятнадцатого века, а также общему состоянию и прогрессу народа и его институтов с момента завоевания до 1821 года. Манера изложения, хотя и более связная, аналогична манере первой эпохи. Стиль лаконичен и ясен, хотя и несколько сух, поскольку сделано мало комментариев, причем беспристрастного характера. В нем содержится множество ценных фактов, не найденных нигде; и все же Пелаэс сожалеет о неполноте своей работы; ибо, хотя он изучил многие оригиналы документов в государственных архивах Гватемалы, отсутствие помощника, который помог бы ему извлекать заметки, вынудило его оставить большую их часть нетронутой. Впоследствии автор стал архиепископом Гватемалы.